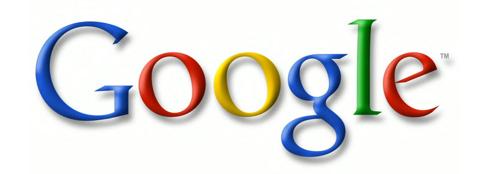

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE
RI
TS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXVII. — ТОМЪ CCCXCVII. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1903.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

3270

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-я.

СЕНТЯБРЬ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1903.

Стр.

ШЕРБЕКСКІЕ ВЫБОРЫ

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ФЛАМАНДСКИХЪ НРАВОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVI *).

Церковь св. Маріи была угрюмое, нестройное зданіе, точно расплывшееся по небольшой мощеной площади, пороставшей лѣтомъ яркою, щетинистою травкой, а зимою превращавшейся въ обледенѣлое, не всегда чисто выметенное пространство. Когда-то типичный образчикъ древняго германскаго стиля, она не мало потерпѣла отъ иконоборцевъ XVI в., отъ санкюлотовъ въ 1793 г., а затѣмъ отъ усердія окружныхъ радѣтелей изъ числа начавшей господствовать буржуазіи,—обновлявшихъ ее каждый сообразно съ пыломъ своего усердія и степенью вкуса... Въ результатѣ получилась смѣсь чего-то византійскаго, романскаго, стрѣльчатой готики XV в., осложненная приткнувшеюся сбоку пресвитеріей совсѣмъ новѣйшаго казарменнаго стиля. На колокольнѣ старинные часы съ курантами даже пріобщились къ модѣ, въ подра- принятому въ Брюсселѣ, и вызванивали *двадцать-четыре*

ь истинно-готическаго остались только круглые столбы да . сводъ портика. Подъ этимъ портикомъ, послѣ каждой

*) См. выше: авг., стр. 449.

обѣдни, развертывалась жанровая фламандская картинка, достойная кисти Теньера младшаго... Выходившую публику встрѣчали располагавшіеся рядами патентованные калѣки-папертники, торговки вафлями, пряниками, свинымъ саломъ, имбирнымъ пивомъ въ сѣрыхъ фасонистыхъ кувшинахъ съ синими разводами, монашенки-сборщицы... Въ публикѣ, живописные національные наряды степенныхъ фламандокъ въ большихъ бѣлыхъ чепцахъ мѣшались съ выписными туалетами модницъ... Мгновенно закипала цѣлая ярмарка... Каждый, сообразно съ надобностями и положеніемъ, спѣшилъ воспользоваться минутой: кумушки сыпали новости, судачили разомъ за всю недѣлю, франты липли къ дѣвицамъ, трещали торговки, распѣвали монашенки...

Ожидавшіе товарищи чокнулись кружками и хотѣли отпить, но вдругъ, точно по командѣ, повернулись къ окну: смѣшанная воскресная публика уже наполняла портикъ; малыши вертѣлись предъ нею и звонко, точно гончія по слѣду, заливались въ три голоса: — „Geen Gazetje? Eene cent!. eene cent!.. Geen Gazetje“?..

— Потѣха! — мотнулъ головой Арну, и щеки у него раздулись отъ сдержаннаго смѣха.

Озадаченная новизною, публика только переглядывалась. Георгъ подскочилъ къ спускавшемуся со ступенекъ толстому мужчинѣ въ длинномъ модномъ пальто. Мужчина пріостановился и щелкнулъ разносчика пальцемъ въ самый красный ярлыкъ...

— Началось!—прохрипѣлъ Арну и совсѣмъ сползъ со стула, корчась отъ смѣха.

Въ публикѣ, между тѣмъ, чувства успѣли уже перебродить, уступивъ мѣсто главнѣйшему—любопытству... Нѣкоторые брали газету съ напускною шутливостью и прятали ее въ карманъ, не развертывая; иные, не отваживаясь сами на подвигъ, подсылали дѣтей или улучали минуту, чтобы купить незамѣтно...

Когда портикъ началъ пустѣть, Арну выбѣжалъ и позвалъ малышей. Они явились взволнованные, запыхавшіеся, и выложили изъ кармановъ синими отъ холода руками выручку въ пятьдесятъ центовъ...

Пикаръ призналъ начало блистательнымъ: даже опытные кооперативные разносчики начинали въ новыхъ мѣстахъ обыкновенно лишь съ нѣсколькихъ нумеровъ, а тутъ еще былъ впереди цѣлый день.

Арну заботливо устроилъ малышей за столомъ, потребовавъ имъ на обѣдъ по кружкѣ пива съ блюдомъ макаронъ. Пока справлялись они съ этой задачей, поспѣлъ и маршрутъ, заклю-

чавшій въ себѣ болѣе извѣстныя народныя кафé, эстаминэ, мѣста воскресной игры въ кегли.

XVII.

Дòма товарищи нашли обѣдъ уже на столѣ.

Анна, прислонившись къ косяку, смотрѣла безцѣльно въ окно и только покосилась на вошедшихъ.

— Иди же, садись!—крикнулъ ей Арну, принимаясь за ѣду.

— Я не хочу...—проговорила она, отходя отъ окна.

Лицо у нея было печально, глаза красны—видимо отъ слезъ.

— Что съ тобою?—Арну вскинулъ безпокойно голову.

Она не отвѣтила ничего, собрала полученныя въ церкви воскресные листки, брошюрки и прошла въ слѣдующую комнату, притворивъ за собою дверь.

Арну насупился и сталъ ожесточенно дѣйствовать ножемъ, разрѣзывая совсѣмъ окаменѣвшую деревенскую колбасу, приготовленную съ картофелемъ.

Обѣдъ прошелъ молча.

Вчужѣ опечаленный появившеюся между супругами какою-то „черною кошкой“, Пикаръ отказался отъ кофе и поспѣшилъ подняться къ себѣ наверхъ.

Пробѣгая газету, онъ услышалъ начавшуюся внизу перебранку супруговъ...—„Дура!“—прогремѣлъ голосъ Арну.—„Ты уменъ!“—взвизгнула Анна...

Вслѣдъ затѣмъ заскрипѣли ступеньки лѣстницы, и въ комнату вошелъ Арну. Онъ былъ мраченъ, разстроенъ и подергивался нервно.

— Бабы!.. Хоть въ петлю лѣзь отъ бабъ!..—заворчалъ онъ, опустившись на стульчикъ и сердито ткнувъ трубку въ кисетъ, точно она была самая ненавистная баба на свѣтѣ.—Не женитесь, товарищъ! А женитесь, то поставьте въ брачномъ контрактѣ первымъ пунктомъ условіе вашей бабѣ—подъ страхомъ развода, не совать носа въ политику!..—Онъ шаркнулъ спичкой по панталонамъ, вскинувъ нервно ногу, закурилъ трубку и продолжалъ:—Изъ какого-нибудь ребра оно, пожалуй, и не легко сотворить цѣльнаго, годнаго человѣка, да все-таки... А тутъ совсѣмъ несообразное вышло... какой-то тормазъ человѣчеству!..

— Что вы такъ на бабъ напали!—засмѣялся Пикаръ.

— Онѣ всѣхъ клерикаловъ родили!

— И соціалистовъ тоже...

— Неудачно только!

Онъ затянулся такъ, что трубка захрипѣла, откинулъ волосы со лба на макушку полу-облысѣвшей головы и воскликнулъ со взявшеюся откуда-то, несомнѣнною злостью:

— Для бабы родныхъ дѣтей убить—тоже, что плюнуть!

Пикаръ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Недоразумѣніе какое-нибудь вышло у васъ?—сказалъ онъ.

— Да нѣтъ же!—притопнулъ Арну ногой по полу.—Недоразумѣніе—вздоръ! Трагедія, рокъ злосчастный... какъ на королевскомъ театрѣ изображаютъ... И это уже второй разъ устроиваетъ Анна гибель собственныхъ дѣтей!.. Не преувеличиваю, товарищъ, и съ ума не схожу!—увѣрилъ онъ, встрѣтивъ удивленный взглядъ Пикара.—Что̀ такое монашескія благотворительныя школы кружевницъ—извѣстно всѣмъ! Вмѣсто обѣщанныхъ: обученія, содержанія, воспитанія, тамъ лишь морятъ голодомъ да трудомъ, оставляютъ въ невѣжествѣ, между тѣмъ какъ поставкой ученическихъ работъ купцамъ выручаются ежегодно милліоны франковъ!.. Знаетъ это и Анна, даже лучше, чѣмъ кто-либо, и все-таки отдала дѣвочекъ въ кружевницы... Я понимаю! —стукнулъ онъ себя въ плоскую грудь.—Нужда заставляла избавиться отъ лишнихъ ртовъ, пристроить дѣвочекъ, но баба—Анна, и потому изъ всѣхъ золъ на свѣтѣ выбрала худшее—монашенокъ!.. Теперь съ мальчиками тоже! Увидѣли ихъ монашенки съ соціалистическими газетами... о жупелѣ, о смертномъ грѣхѣ Аннѣ въ уши надули... Ну, вотъ она руками и ногами противъ газетъ!.. Оказывается, и планъ уже давно готовъ: изъ Георга отцы-бернардинцы чудо-миссіонера сдѣлаютъ; Гендрика и Кареля клерикалы-купцы „въ люди выведутъ"—то-есть, голодомъ заморятъ, превратятъ въ послушныхъ плутовъ, автоматически обирающихъ каждаго на пользу хозяина!.. Да нѣтъ! теперь не то!.. Довольно... Я сказалъ: тебѣ дѣвочки, мальчики—мнѣ! Не такъ ли, товарищъ?

— У матери тоже права...—промолвилъ Пикаръ.

Арну взглянулъ на него искоса и прищуривъ одинъ глазъ.

— Вы, молодежь, за бабъ стоите! Политическую равноправность, выборное право голоса хлопочете предоставить имъ!—заговорилъ онъ.—И... въ теоріи отъ жизни уходите! Я—старый соціалистъ, но и воробей не молодой — на мякину не попадусь!.. Для меня всѣ люди—люди, баба—человѣкъ, а правда—правда!.. Попытайте-ка жизнь-то, присмотритесь, что̀ значитъ въ ней баба?.. Не знаю хорошо, какъ въ прочихъ странахъ, а у насъ все губятъ, все мертвятъ, все мракомъ кутаютъ именно

бабы... да кюрэ... Кюрэ даже можно не считать: они изъ-за выгодъ хлопочутъ, успѣхомъ черезъ бабъ пользуются... Не гарантируй имъ бабы выгодъ и положенія, не способствуй имъ—кюрэ безъ рукъ останутся, всякую отвагу утратятъ... Вся суть въ бабѣ, изъ мистицизма сотканной, жертвующей всѣмъ слѣпо и безвыгодно... Черезъ бабъ вползаютъ всюду смутьянки-монашенки... Бабы неустанно готовятъ изъ своихъ дочерей новыхъ бабъ и монашенокъ... Церкви всегда набиты бабами и держатся ими... Черезъ бабъ, какъ чрезъ телеграфную проволоку, вѣщаетъ все Римъ...

— Эжень, я ухожу!—донесся снизу голосъ Анны.

— Вотъ!—воскликнулъ, вскакивая, Арну и прибавилъ въ полголоса, наклонившись къ Пикару: — Къ монашенкамъ идетъ— отчетъ дать, какъ отнесся я, и наставленія получить... Напередъ знаю!

Онъ шагнулъ къ двери, но Пикаръ остановилъ его.

— Намъ объясниться надо, товарищъ...

— Насчетъ чего?

— Мнѣ кажется, причиною тутъ моя миссія, а правило рабочей партіи...

— Знаю,—сурово перебилъ Арну:—„стараться при политической агитаціи не тревожить чужіе, особенно семейные интересы и имѣть дѣло лишь съ добровольно дѣйствующими“... Но какъ можетъ относиться это къ выборамъ, совершающимся по предписанію закона?

— Возьмемъ газетную пропаганду...

— Это—натяжка!

— Во всякомъ случаѣ...

— Гражданинъ Пикаръ! — перебилъ Арну торжественнымъ голосомъ и взявъ товарища за пуговицу:—Я — полноправный избиратель и глава семьи! Я дѣйствую самъ, добровольно, и буду дѣйствовать!..

XVIII.

Въ пресвитерію церкви св. Маріи вела низенькая массивная дверь рѣзного дуба, имѣвшая по срединѣ старинную тяжелую скобу-молотокъ, а сбоку—пуговку современнаго электрическаго звонка. Посѣтитель вступалъ въ обширную, полутемную переднюю, гдѣ единственнымъ убранствомъ были деревянная, когда-то полированная скамья, а надъ нею—тусклое дешевое зеркальце. На американскомъ крючкѣ съ фарфоровою головкой висѣла по-

рыжѣвшая священническая шляпа; въ углу стояли зонтикъ и резиновыя галоши.

Слѣдующая комната — непропорціонально длинная, въ три окна и съ окрашенными сѣрою масляною краской стѣнами— составляла залу—пріемную. Въ ней всегда царило что-то скучно-оффиціальное, подавляющее... Сиротливо жался въ углу черный крестъ распятія съ литою посеребренною фигурой... странно терялись на голой стѣнѣ подвижныя святцы, четки, походившія на вереницу насѣвшихъ мухъ... Точно въ прятки играли вѣнскіе стульчики, разбѣжавшись по оконнымъ нишамъ, прижавшись одиноко у стѣнъ... На большомъ, въ родѣ письменнаго, столѣ, обитомъ зеленою клеенкой, виднѣлись стеклянная чернильница, молитвенникъ и прессъ-папье съ видомъ броссельскаго собора св. Гудулы.

Залой оканчивалась область, доступная для заурядныхъ прихожанъ. Дальше—за непримѣтною, одинаково окрашенною дверкой въ сѣрой стѣнѣ, находились свѣтлые, просторные собственные покои о. Гіацинта, обставленные стильною мебелью и съ фарфоровою посудой въ столовой. За ними, соединяясь темнымъ корридорчикомъ, были: сіявшая отчищенными мѣдными кастрюлями кухня, ароматный, набитый добрыми старыми винами подвалъ и двѣ уютныя комнатки для поварихи Берты—теперь уже пожилой и расплывшейся, одѣвавшейся въ черное и носившей бѣлый монашескій чепецъ.

Была среда—базарный день, составлявшій недѣльное событіе въ Шербекѣ. На Фонтанной площади, позади церкви, и въ прилегающихъ улицахъ стоялъ съ самаго разсвѣта немолчный говоръ хозяекъ, мѣшавшійся съ звонкими выкриками торговокъ, раздавался густой, отрывистый лай упряжныхъ собакъ. На площади и вдоль тротуаровъ располагались правильными рядами тележки, палатки подъ огромными цвѣтными зонтиками, высились горки отлично выращенной ранней зелени, разнообразныхъ сыровъ, окороковъ, колбасъ, висѣли ожерельями тушки кроликовъ, козлятъ... Въ набитыхъ биткомъ эстаминэ раздавались пѣсни, звуки гармоникъ...

Для о. Гіацинта этотъ день былъ всегда самымъ непріятнымъ въ недѣлѣ. Съѣзжавшіеся окрестные прихожане поминутно стучали скобой, давили пуговку звонка, пользуясь случаемъ толкнуться къ г. кюрэ за дѣломъ и безъ дѣла... Это обязывало быть наготовѣ, сидѣть въ залѣ за столомъ и хвататься то-и-дѣло за молитвенникъ... Вѣрный своей методѣ, о. Гіацинтъ отсылалъ обыкновенно такихъ прихожанъ къ викарію, но прежде, чѣмъ

сдѣлать это, требовалось соблюсти декорумъ—выслушать, принять участливый видъ, подумать... Теперь не было и этой возможности: вызванный для объясненій, викарій Филиберъ находился въ залѣ и сидѣлъ въ амбразурѣ окна, держа чинно молитвенникъ передъ глазами. Поэтому прихожане, занимавшіе скамью въ передней и пропускавшіеся Бертой по очереди, доводили каждый свое дѣло до конца... Одинъ, проторяя, видимо, путь къ чему-то будущему, справлялся о „драгоцѣнномъ здоровьѣ г. кюрэ"; другой забрасывалъ вопросами о дорогѣ въ Лурдъ, о порядкѣ службы тамъ, о цѣнахъ въ гостинницахъ—потому, что „жена думаетъ собраться туда какъ-нибудь"; третій, готовившій женить сына, допытывался, почему церковная такса обкладываетъ вѣнчанье въ праздникъ дороже, чѣмъ въ будни?..

Башенные церковные часы прогудѣли надъ крышей пресвитеріи одиннадцать—конецъ всякимъ утреннимъ дѣламъ въ Бельгіи. Викарій Филиберъ, проводивъ глазами послѣдняго удалявшагося прихожанина, вышелъ изъ оконной амбразуры и присѣлъ на стульчикъ передъ столомъ.

О. Гіацинтъ глянулъ на него, пожевалъ задумчиво губами и развернулъ лежавшую передъ нимъ записную книжечку. Не довѣряя слабѣвшей памяти, онъ вносилъ въ книжечку все надобное на каждый день. Но и при этомъ краткія, порою спѣшныя замѣтки заставляли его нерѣдко задумываться, чтобы уяснить записанное.

— Да! проповѣдь ваша...—началъ онъ послѣ такого раздумья.—Гдѣ она?.. Вотъ! возьмите...—подалъ онъ исчерченную краснымъ карандашомъ тетрадку.—Я не могу разрѣшить ее...

— По какой причинѣ? — спросилъ Филиберъ, остановивъ выжидательно на начальникѣ свои круглые глаза.

— Тамъ отмѣчено... Вы соціализма касаетесь... въ смыслѣ благопріятномъ ему... Церковь не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ...

— Его святѣйшество, въ энцикликѣ „Rerum novarum"...

— Да, да!—оживился, вспомнивъ, о. Гіацинтъ.—Вы ссылаетесь на нее въ проповѣди... Энциклика, правда, признаетъ соціальныя реформы, соціализмъ... дозволяетъ церкви сближеніе... Но примѣняется это только во Франціи... не у насъ... Я отмѣтилъ тамъ: „обратиться къ бургомистру"...

— Бургомистръ—администрація, а проповѣдь—дѣло церкви,—возразилъ Филиберъ.

— Церковь находится въ соглашеніи съ администраціей!—

наставительно и сдвинувъ строго брови, отвѣтилъ о. Гіацинтъ.— Вы должны знать это, викарій!

— Я знаю... Но нельзя было предвидѣть столь широкаго примѣненія соглашенія...

— Такъ всегда дѣлалось,—сухо проговорилъ о. Гіацинтъ и углубился въ книжечку.

Филиберъ опустилъ проповѣдь въ карманъ сутаны и хотѣлъ встать. Кюрэ остановилъ его жестомъ руки.

— Вы...—началъ онъ, вдумываясь въ записанное и хмурясь все больше и больше.—Вы... при различныхъ случаяхъ... высказываете мнѣніе, что крайняя необходимость дѣлаетъ достояніе каждаго общимъ... что впавшій въ такую необходимость можетъ *взять* чужое... если не встрѣчаетъ дающаго...

— Это подлинныя слова св. Θомы!—встрепенулся, вспыхнувъ, викарій. — Мнѣ случалось приводить ихъ, но лишь текстуально, а не какъ собственное мнѣніе...

— Св. Θомы...,—буркнулъ озадаченный о. Гіацинтъ.—Возможно... я припоминаю... Но, при современномъ господствующемъ настроеніи массъ... при неизбѣжности строгаго огражденія правъ собственности... при усиліяхъ юстиціи... и текстуальное оглашеніе подобнаго приведенному требуетъ обдуманности... строгой обдуманности...

— Мнѣ казалось, что ученіе Христа и слова святыхъ могутъ, по самой неисповѣдимой сущности ихъ, дѣйствовать только просвѣтительно... что чѣмъ шире распространеніе ихъ и глубже усвоеніе массой, тѣмъ меньше опасеній за ложное пониманіе...— отвѣтилъ съ достоинствомъ Филиберъ.

— Это—философія, викарій...,—насупился о. Гіацинтъ:— даже, быть можетъ, очень хорошая философія, но общаго съ дѣлами службы она не можетъ имѣть ничего... Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній и существуетъ соглашеніе съ администраціей... Чтеніе же св. писанія возлагается церковью на служителей ея и не дозволяется толпѣ именно въ тѣхъ видахъ, чтобы было согласное, однообразное его оглашеніе и примѣненіе... служащее и къ поддержанію порядка... И вотъ еще...— онъ заглянулъ въ книжечку:—Какъ отнеслись вы къ желанію одной прихожанки принести въ даръ Богородицѣ платье?

— На меня жалобы?—не вытерпѣлъ Филиберъ.—Я прошу предъявленія ихъ мнѣ!

— Ну, ну! Зачѣмъ жалобы?..—успокоительно прошамкалъ о. Гіацинтъ.—Кое-какія недоразумѣнія всегда возможны... Отчего не объясниться?..

— Прихожанкѣ я сказалъ, что въ подобномъ дарѣ настоятельной необходимости не видится... что можно сдѣлать одинаково-угодное Богу, усиливъ, напримѣръ, скудныя средства больницы для рабочихъ... Полагаю, что сказалъ должное, поступилъ согласно сану и долгу моему.

О. Гіацинтъ, опустивъ на воротникъ сутаны свой мягкій двойной подбородокъ, смотрѣлъ пристально исподлобья на викарія.—„Точно соціалистъ говоритъ.... Десятки лѣтъ надо держать въ викаріяхъ нынѣшнихъ выпущенниковъ!..“—мелькало у него въ головѣ.

— Да, вы по долгу и сану поступили, викарій! — сказалъ онъ.—Но во всякомъ поступкѣ бываютъ степени... Вы не достигли высшей... Заботьтесь о вѣрѣ, но не забывайте о *церкви*... Нѣтъ, даже не такъ... Заботьтесь больше о церкви: она—насадительница вѣры...

Онъ поднялся, подставилъ викарію для поцѣлуя свое плечо и чмокнулъ въ воздухѣ губами надъ его плечомъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе прощаться такъ, когда хотѣлъ выказать оффиціальность.

Филиберъ поклонился почтительно.

Ему было ясно, что сдѣланный имъ шагъ къ христіанскому демократизму, выказанная предъ „знатными“ прихожанами свободная самостоятельность—замѣчены; что удивленные новизною даютъ отпоръ, не гнушаясь даже навѣтами. Онъ видѣлъ намѣреніе о. Гіацинта выказать настоятельно власть, не выпустить подчиненнаго изъ указанныхъ границъ, и рѣшилъ дать отпоръ въ свою очередь.

— Энциклику святѣйшаго отца я не могу не считать закономъ для духовенства, стоящимъ выше частныхъ соглашеній съ администраціей, — заговорилъ онъ сохраняя почтительность, но твердо.—Проповѣдь мою я пересмотрю и обдумаю еще разъ, а потомъ буду просить ваше преподобіе дозволить ее, если не укажутъ противнаго духовныя постановленія.

Онъ вышелъ. А о. Гіацинтъ, уставивъ глаза на затворившуюся дверь, прошамкалъ, выставляя и пряча свои желтые, шатавшіеся клыки:—„Совсѣмъ въ руку соціалистамъ играетъ!“

XIX.

Базаръ, кончавшійся обыкновенно къ полудню, былъ въ самомъ разгарѣ. Съ окраины, поднимаясь въ гору, тянулась съ

телѣжкой на Фонтанную площадь Марія Вестъ, едва передвигая ноги отъ усталости и подгоняя измучившихся, проголодавшихся собакъ, съ безсильно повисшими красными языками.

За утро ей было не мало дѣла. Слѣдовало развезти молоко по лавочкамъ и домамъ, собрать по обычаю у хозяекъ картофельную кожу и всякіе отбросы на похлебку для собакъ, получить къ базару что̀ можно съ забирающихъ по книжкамъ, уплатить проценты по векселю ростовщику и взять отсрочку. Теперь она спѣшила встрѣтить свекровь на базарѣ и передать ей деньги на покупки.

На площади Марія замѣтила вдалекѣ, близь дороги, плотную, приземистую фигуру монашенки въ сѣро-голубой рясѣ и бѣломъ, туго-накрахмаленномъ чепцѣ съ огромными, колыхавшимися отъ вѣтерка лопастями — „ангельскими крыльями, отвѣвающими соблазны". Нырявшее между тучками солнце освѣщало на монашенкѣ отчищенный мѣдный наперсный крестъ, длинныя хрустальныя четки у пояса. Завидѣвъ Марію, монашенка двинулась на встрѣчу. Марія вглядѣлась въ бѣлое, точно тѣстяное лицо и узнала одну изъ своихъ знакомокъ по церкви, сестру Серафиму.

— Іезусъ, Марія! Неужели m-me Вестъ вижу я?! — воскликнула та сладкимъ, пѣвучимъ голосомъ. — Здоровы ли вы, спаси васъ Господь?.. Никогда и на базаръ не хожу, а тутъ точно толкнулъ кто, ради такой встрѣчи!.. Истинно — перстъ божій!.. А и холодъ же сегодня!—она повела пышными, широкими плечами.

Холодъ былъ совсѣмъ незначительный, уже весенній, а сестра Серафима, въ ея гарусныхъ вязаныхъ юбкахъ, въ первосортныхъ мериносовыхъ фуфайкахъ подъ рясой, могла выдержать и серьезный морозъ. Но по плану разговора требовался большой холодъ, и она продолжала, облобызавшись съ Маріей:

— Совсѣмъ холодно! Такъ вотъ и согрѣшила бы—выпила-бы „капельку"... Этакое искушеніе, оборони насъ Создатель!

— Что̀ жъ въ этомъ грѣшнаго?.. — конфузливо промолвила Марія, думавшая именно выпить „капельку" на базарѣ.

— Міранамъ-то ничего... ну, а нашей сестрѣ... Да и то, правду сказать, что̀ за грѣхъ, если во благовременіи... Въ самомъ писаніи объясняется, что „не грѣшитъ въ уста"... и „*не упивайтеся*", молъ, виномъ, не излишествуйте... А ужъ съ вами какъ пріятно было бы провести минутку!

Польщенная Марія поправила растрепавшійся платокъ на головѣ и глянула вокругъ слезившимися отъ вѣтра глазами.

— На томъ концѣ есть комнаты въ эстаминэ...—проговорила она.

— Ахъ, что вы! что вы!—замахала руками сестра Серафима.—Завернешь въ этакое мѣсто книжки раздавать, такъ и то не знаешь, куда глаза дѣть... а ужъ не то что... Спаси, Мать Пресвятая Богородица!.. Зайдемте къ сестрѣ Альбертинѣ—сейчасъ вотъ въ улицѣ Св. Духа! И рада будетъ, она и угоститъ, по любвеобильности своей... Да оно и есть чѣмъ: прямо изъ Гассельта присылаютъ ей знакомыя! Пригубишь рюмку—такъ просто искушеніе одно!.. Случается пробовать—у m-me Жозефины въ замкѣ, у о. Гіацинта даже... но нѣтъ, не тотъ вкусъ!

Марія, только слышавшая отъ свекрови о сестрѣ Альбертинѣ, — при томъ какъ объ особѣ важной и чуть не святой,— стала совсѣмъ въ тупикъ: ей и хотѣлось, казалось заманчивымъ приблизиться къ такой особѣ, и какъ бы робость чувствовалась...

Она двинулась задумчиво, но тутъ же остановилась и сказала:

— Свекровь ждетъ меня на базарѣ...

— Святители мои!—хлопнула себя по бокамъ сестра Серафима.—Заговорилась я съ вами, и все изъ ума вонъ! У сестры Альбертины она: сейчасъ я оттуда. Вотъ и кстати!

На дѣлѣ было нѣсколько иначе: нуждаясь въ бесѣдѣ съ Гертрудой Вестъ, сестра Альбертина подстерегла ее на базарѣ и пригласила къ себѣ на „капельку"; а узнавъ, что старуха спѣшитъ встрѣтиться съ Маріей, командировала конфиденціально сестру Серафиму разыскать и зазвать Марію.

— И собакъ надо покормить, — указала Марія на собакъ, взглядывавшихъ на нее съ тихимъ, тоскливымъ визгомъ и порывисто лизавшихъ уцѣлѣвшую на краю дороги кучку оледенѣлаго снѣга.

— Эстаминэ рядомъ тамъ! Хлѣбъ для собакъ держатъ, а въ базарные дни и похлебка бываетъ!

Этимъ улаживалось все. Знакомки двинулись чрезъ площадь въ сосѣднюю узенькую и кривую клерикальную улицу Св. Духа, сплошь занятую монашескими квартирами, училищами, пансіонами. Въ окнѣ грязненькаго эстаминэ виднѣлся рядъ небольшихъ ковригъ чернаго хлѣба—обычнаго корма для собакъ. Марія завернула въ эстаминэ, а сестра Серафима юркнула по сосѣдству—въ калитку, продѣланную въ высокой старинной стѣнѣ, окрашенной въ бурый цвѣтъ и защищенной на верху кучками битаго стекла въ цементѣ.

За стѣною было подобіе сада, состоявшаго изъ нѣсколькихъ,

рѣдко разбросанныхъ яблонь да кустовъ крыжовника, и высился трехъ-этажный флигель, населенный исключительно монахинями, прикосновенными къ гнѣздившимся въ улицѣ клерикальнымъ учрежденіямъ. Сестра Альбертина занимала отдѣленіе внизу. Въ комнаткахъ было тепло, сухо, пахло мятой и туалетнымъ уксусомъ. Хозяйка сидѣла въ мягкомъ креслѣ передъ столомъ. Это была худощавая, холерическаго темперамента особа, съ необыкновенно-пронзительнымъ взглядомъ карихъ глазъ и съ чуть примѣтными очертаніями стиснутыхъ губъ подъ сухощавымъ горбатымъ носомъ. Черная ряса и черный чепецъ съ широкою оборкою вмѣсто лопастей придавали ея почти старческому испитому лицу съ смуглою пергаментною кожей замѣтную моложавость. Какъ-то странно выдавалась на этомъ темномъ фонѣ голубая лента наперснаго креста... По другую сторону стола сидѣла на стулѣ старуха Весть, съ пылавшимъ кончикомъ носа и достаточно посоловѣвшими глазами.

— Сдѣлали всѣ дѣла? — обратилась хозяйка къ вошедшей сестрѣ Серафимѣ, остановивъ на ней свой пронзительный взглядъ.

— Покончила!—махнула та добродушно рукой. — И представьте... должно быть, уже день такой счастливый сегодня: иду по площади и встрѣчаю невѣстку вотъ ихъ, жену Эдмондову...

— Ахъ, надо мнѣ къ ней!—сказала Гертруда.

— Она сюда придетъ! — успокоила ее сестра Серафима — Покормитъ собакъ въ эстаминэ, рядомъ тутъ, и придетъ.

— А вы хорошо сдѣлали, что пригласили! — одобрила хозяйка.—Я рада, отъ сердца рада... Устали вы?

Она нагнулась, достала изъ-подъ столика пузатенькій граненый графинчикъ и налила рюмку. Сестра Серафима выпила безпрекословно и сѣла на стулъ противъ хозяйки, но немного позади Гертруды, а около себя приготовила стулъ для Маріи.

Хозяйка между тѣмъ снова наполнила рюмку и поставила ее передъ Гертрудой.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — отказалась та, зажавъ ротъ лѣвою рукой и отмахиваясь правой.—Благодарствуйте!

— Ну, во здравіе св. Гудулы!—сказала хозяйка.

Оказать неуваженіе столь чтимой всѣми святой Гертруда не рѣшилась. Она приставила рюмку къ почти безгубому рту и выцѣдила ее тѣмъ характернымъ медлительнымъ пріемомъ, по которому узнаются пьяницы.

XX.

Марія явилась вскорѣ.

Графинчикъ снова появился изъ-подъ стола, и гостьѣ пришлось выпить сразу двѣ „капельки“: одну—ради „сладостнаго“ для хозяйки знакомства, другую — съ сестрой Серафимой. На Гертруду легла повинность составить компанію хозяйкѣ...

Отъ тепла и сразу выпитой крѣпкой, выдержанной водки усталые члены Маріи заныли пріятно и онѣмѣли. Ее стало клонить ко сну. Она сдѣлала усиліе держаться прямѣе на стулѣ.

— Да... на чемъ это остановилась я?.. — раздался голосъ сестры Альбертины — ни рѣзкій, ни громкій, такъ называемый „елейный“. Она приставила тонкій, крючковатый палецъ ко лбу, сдѣлавъ видъ, что припоминаетъ бывшій раньше разговоръ.— Совсѣмъ памяти нѣтъ! Какъ, впрочемъ, и помнить о постороннемъ, когда своихъ дѣлъ не оберешься!.. Да непріятно и мѣшаться въ чужія дѣла... Не люблю я этого! Чужое въ одно ухо входитъ у меня, а изъ другого — вылетаетъ!.. Ахъ, Господи Іисусе! Вотъ искушеніе!.. На чемъ же это остановилась я?

Проницательный взглядъ ея уставился вопросительно на Гертруду.

— Въ Эйндеке попали вы... — подсказала та, уловивъ, не безъ усилій, въ памяти говорившееся до возвращенія сестры Серафимы.

— Да, да, да! въ Эйндеке... Больныхъ навѣщала, у о. Гіацинта была и потомъ въ Эйндеке попала—къ сестрѣ Полинѣ... Такъ, такъ! Сестра Полина школу держитъ тамъ... Правду сказать, какое это мѣсто для школы? Народъ Эйндеке—самый пустой, еретическій... всякій дѣлаетъ, что захочетъ, о дѣтяхъ родители не заботятся совсѣмъ... Христіанское человѣколюбіе только заставляетъ... Ну, сестра Полина трудится, несетъ крестъ, спаси ее Владычица... пріохочиваетъ дѣтей—кого нынче, кого завтра... потерянныхъ исправлять многотерпѣніемъ своимъ старается... Прихожу я къ ней. Сѣли мы чай пить... а у нея слезы на глазахъ...—„О чемъ?“—Молчитъ. — „Сестра по духу, страдалица, о чемъ?“—„Трехъ мальчиковъ родной отецъ погубилъ!“—отвѣчаетъ.—„Какъ? кто?“—„Эженъ Арну“...

— Арну?—удивилась сестра Серафима.—Тотъ, котораго на мѣста нигдѣ не принимали?

— Онъ самый!

— Вѣдь онъ ушелъ изъ Шербека!

— Опять явился! Эстаминэ въ Эйндеке держитъ!

Сестра Серафима поникла, какъ подкошенный цвѣтокъ. Спустя немного, она промолвила:

— Не въ осужденіе сказать, отъ него все станется... Какъ же онъ погубилъ дѣтей?

— Въ соціалисты записалъ, на паперть съ богопротивными газетами посылаетъ...

— Ахъ, душерастлитель! Такъ это его мальчишки?

— Его... Сестра Полина, ради жены его, Анны, хлопотала по любвеобильности своей... обучить, пристроить хотѣла мальчиковъ, и ея сердцу прискорбно, разумѣется... Но послушайте дальше! Стала я утѣшать сестру Полину, разспрашивать, и чтò же оказалось? Въ эстаминэ, у Арну этого, всѣ самые потерянные Эйндеке собираются... Изъ Нельдека соціалистъ какой-то пріѣзжаетъ... Все самое скверное, богопротивное въ устахъ у нихъ!..—„Съ ними же,—говоритъ мнѣ сестра Полина, - за-одно и Эдмондъ"... Я такъ и ахнула!

— Какой Эдмондъ? — встрепенулась Гертруда, раскрывая слипавшіяся вѣки.

Вслѣдъ за нею выпрямилась на стулѣ и Марія.

Пронзительный взглядъ сестры Альбертины устремился поочередно на нихъ, выражая удивленіе.

— Точно вы не знаете!—отвѣтила она.

И въ ея елейномъ голосѣ прозвучали упрекъ, негодованіе...

Гертруда и Марія, точно свѣтомъ озаренныя, вспомнили о вечернихъ отлучкахъ Эдмонда и опустили виновато головы.

Наступило тягостное молчаніе. Откуда-то глухо доносился женскій голосъ, пѣвшій канты.

— Въ своемъ семейномъ дѣлѣ каждый пусть самъ судитъ... —примирительно начала сестра Серафима, поймавъ себѣ реплику во взглядѣ хозяйки. — Но объ одномъ нельзя не сказать... Всѣ Эйндеке—овцы безъ пастыря! У нихъ каждый только самъ предъ собой отвѣчаетъ... А фермеры — люди правильные, богобоязненные; чтò дѣлаютъ фермеры, то все на графа ложится... Если объ Эдмондѣ до графа дойдетъ?..

— Ахъ, не говорите этого!—простонала сестра Альбертина.

— Почему же? Лучше подумать теперь, когда мы всѣ въ своей семьѣ, нежели допустить, чтобы потомъ... Вы какъ сами добры, такъ и о другихъ судите... Вы въ чужія дѣла не мѣшаетесь, и думаете, что всѣ такъ... А есть и прочіе люди... И можно ли покрывать, если человѣкъ самъ, не страшась, въ преступность стремится?.. M-me Жозефина курицы не обидитъ...

Въ сердцѣ у нея только и есть, чтобы уважить, обласкать каждаго... А на ней обязанность, она должна все видѣть, все знать... И если узнаетъ—ей долгъ повелитъ взыскать, обнаружить...

— Сестра Серафима!—торжественно и какъ бы выходя изъ забытья, прервала сестра Альбертина. — Этого не будетъ... не должно быть! На m-me Жозефинѣ лежитъ долгъ взыскать за вину... Но мать и жена имѣютъ свой долгъ—образумить совратившагося, не допустить до вины... Оставимъ это чужое семейное дѣло!

Ея испитое лицо исполнилось благоговѣніемъ, пронзительные глаза увлажились. Она снова вернулась въ Эйндеке и стала разсказывать со словъ сестры Полины, получавшей непосредственно столичныя новости, какъ блестяще прошла въ Брюсселѣ послѣдняя „kermesse" въ честь св. Гудулы... какъ роскошно было убрано все на „Большой площади"... сколько было вѣнковъ, цвѣтовъ, сколько присутствовало духовенства, полковъ гвардіи, пѣхоты, кавалеріи...

XXI.

Когда Эдмондъ вернулся съ фабрики къ обѣду, Гертруда и Марія только-что пришли съ базара. Старикъ Вестъ, имѣвшій обыкновеніе калякать по базарнымъ днямъ въ эстаминэ съ наѣзжавшими окрестными фермерами, отсутствовалъ.

Порядочно подвыпившія и съ какими-то неподвижными, мертвенными лицами, хозяйки принялись растапливать печь, жарить картофель, разогрѣвать вчерашнюю похлебку. Гертруда старалась бодриться и усиленно суетилась, роняя все изъ рукъ, проливала сало на плиту, наполняя комнату чадомъ. Марія чувствовала головную боль и то приваливалась между дѣломъ на кровать, то присаживалась на стулъ. Эдмондъ терпѣливо ждалъ, поздравляя ихъ съ удачнымъ базарнымъ днемъ, подшучивая добродушно надъ ними, и уничтожалъ мало-по-малу лежавшій предъ нимъ на столѣ ломоть хлѣба.

Послѣ обѣда, совсѣмъ даже не къ слову, Гертруда сказала сыну:

— Ты долженъ бояться матери!

— Что ты, домовой что-ли!—разсмѣялся Эдмондъ.

— Долженъ уважать ее!—прибавила Гертруда.

— Что съ тобою, мать?—изумился Эдмондъ.—Развѣ я когданибудь не уважалъ тебя?

Вмѣсто отвѣта, Гертруда приняла важный видъ и пустилась въ запутанное, кудреватое нравственно-религіозное наставленіе, не понимая въ немъ, видимо, и сама ничего... Роль, однако, не удалось ей выдержать: она скоро перешла къ плаксивости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ ясности.

— Брось ты этихъ эйндеке, не ходи ты къ нимъ!—воскликнула она жалобно и утирая капавшія изъ глазъ слезы. — Они овцы безъ пастыря... Отъ нихъ все это!

— Гдѣ это ты наслушалась, мать?—проговорилъ Эдмондъ, вскинувъ голову.

— Всѣ знаютъ... всѣмъ извѣстно, что ты по ночамъ на сборища къ Арну ходишь... врагомъ церкви сдѣлался!..—отвѣтила Гертруда, заливаясь самыми горькими слезами.

Эдмондъ нахмурился.

Ему жаль было матери, и начинавшая шипѣть сплетня-змѣя тревожила его...

— Полно, мать! — сказалъ онъ серьезно.—Всего, что болтаютъ на базарѣ, не переслушаешь! Теперь время выборовъ, и собираться, обсуждать, что̀ надо —самъ законъ велитъ... А ты толку въ дѣлахъ не знаешь, наговоришь отцу, разстроишь его...

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно перебила Гертруда.—Я ничего не скажу отцу, Эдмондъ... ни словечка не скажу... только ты не ходи къ эйндеке, не знайся съ ними...

— Они всѣ потерянные... соціалисты... безбожники! — поддержала ее Марія, приподнимаясь на кровати.

— И ты туда же!—разсердился Эдмондъ.—Кто это васъ настроилъ,—чтобы пропасть ему пропадомъ!..

Онъ схватилъ шапку и выбѣжалъ.

Гертруда дотащилась до кровати и улеглась, продолжая всхлипывать. Но всхлипыванія вскорѣ перешли въ мѣрный, спокойный храпъ...

XXII.

Неожиданная вспышка Арну произвела на Пикара сложное впечатлѣніе. Съ одной стороны, она убѣдила его, что самые покладистые, уступчивые люди бываютъ самыми стойкими, рѣшительными въ критическія минуты; съ другой—обрадовала, показавъ въ товарищѣ вѣрнаго, убѣжденнаго сотрудника.

Супружеской размолвки не оказалось уже и тѣни, когда Пикаръ явился слѣдующимъ воскресеньемъ въ Шербекъ. Анна попрежнему весело и спокойно хозяйничала въ эстаминэ, была

ласкова съ мужемъ. Пикара встрѣтила она съ замѣтною конфузливостью,—зная, что случившееся не скрылось отъ него,—и старалась выказывать ему особенную внимательность, какъ бы извиняясь молча передъ нимъ.

Выросшая и воспитавшаяся подъ вліяніемъ монашенокъ, она безотчетно связывала благополучіе съ исполненіемъ церковныхъ обрядовъ, чувствовала необходимость духовнаго авторитета надъ собой... Со времени водворенія въ эстаминэ, авторитетомъ этимъ сдѣлалась сестра Полина — монахиня-кармелитка, отряженная орденомъ миссіонерствовать въ еретическомъ Эйндеке и вербовавшая въ свою школу всякими способами дѣтей среди мѣстной бѣдноты. Анна бывала у нея съ своими малышами на духовно-нравственныхъ бесѣдахъ, которыя велъ появлявшійся временами бернардинецъ-монахъ. Поручить мальчиковъ клерикальному покровительству было дѣломъ рѣшеннымъ, но событія ускорили развязку и поставили поперекъ дороги упорство Арну. Къ этому вышло еще, что similia similibus curantur... Слишкомъ понадѣявшаяся на свое вліяніе, сестра Полина потребовала рѣшительности отъ Анны, кольнувъ, что ею „вертитъ мужъ". Это уязвило въ Аннѣ женское самолюбіе, и отношенія охладѣли.

Послѣ обѣда явились малыши, успѣвшіе распродать всѣ нумера газеты, и принялись шумно дѣлить на столѣ свои коммиссіонные центы „поровну". Пришелъ Ширакъ.

Пикаръ хотѣлъ воспользоваться воскреснымъ вечеромъ, чтобы дать конференцію о кооперативной хлѣбопекарнѣ, но у здраворазсудительнаго Ширака оказалась болѣе практическая комбинація.

— Видите ли что̀, m-r Пикаръ...,—заговорилъ онъ, поглаживая свою окладистую бороду.—Въ успѣхѣ конференціи я увѣренъ, но денегъ сейчасъ она не дастъ: ихъ придется собирать долго и по мелочамъ... Между тѣмъ, нѣкоторые изъ состоятельныхъ старожиловъ здѣшнихъ не прочь ссудить подъ будущія поступленія, чтобы можно было начать дѣло немедленно... Не будете ли вы добры пожаловать сегодня ко мнѣ, объяснить собственно имъ?

— Съ великимъ удовольствіемъ! Въ которомъ часу?

— Въ восьмомъ—послѣ ужина, какъ водится.

XXIII.

У Ширака Пикаръ засталъ четырехъ пожилыхъ слобожанъ, почтеннаго вида, съ которыми хозяинъ сейчасъ же и познакомилъ его. Всѣ они имѣли длинныя фламандскія фамиліи, начинавшіяся неизбѣжнымъ „Ван-деръ" и тутъ же ускользнувшія у Пикара изъ памяти.

M-me Ширакъ, рисовавшаяся почему-то въ его воображеніи видною, благообразною особой — подъ стать мужу, оказалась худенькою и сутулою, съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами, причесанными по старинному, на уши. Она приняла гостя съ суетливою подобострастностью,—наслышанная, видимо, о немъ отъ мужа. Пикаръ выразилъ сожалѣніе, что лишенъ былъ удовольствія познакомиться съ хозяйкою въ свой первый визитъ. Она только глянула на него какъ бы недоумѣвавшими подслѣповатыми глазками, а Ширакъ сказалъ, засмѣявшись:

— Вѣдь фабричный человѣкъ—ночное животное... только съ тою разницей, что и днемъ не знаетъ покоя!

Матильды не было видно. Она вскорѣ явилась—раскраснѣвшаяся, съ пушинками снѣга въ золотистыхъ волосахъ, и поставила на столикъ большой расписной кувшинъ брабантскаго пива „фаро".

Всѣ разсѣлись вокругъ столика, на которомъ прикрытая полу-обгорѣвшимъ абажуромъ лампочка освѣщала рядъ разнокалиберныхъ стаканчиковъ. Когда разговоръ коснулся дѣла, старшій изъ слобожанъ, Вандергусъ, сказалъ, обращаясь къ Пикару:

— Въ клерикальныхъ газетахъ мы не мало читали о рабочихъ коопераціяхъ...

— Тогда, боюсь, что вы читали все... кромѣ истиннаго!— засмѣялся Пикаръ.

— Вотъ то-то и есть!—Вандергусъ взглянулъ на него, сощуривъ свои свѣтившіеся умомъ сѣренькіе глазки.—Ругать и ругать что-нибудь—не значитъ еще показать его, объяснить... Много этихъ кооперацій теперь?

— Вѣроятно, не мало...—отвѣтилъ Пикаръ.—Рабочія группы и даже кружки пользуются всякою возможностью устроить у себя что-либо на кооперативныхъ началахъ... Но собственно у бельгійской рабочей партіи четыре коопераціи: въ Жолимонѣ, Брюсселѣ, Льежѣ и Гентѣ. Эта послѣдняя, „Vooruit",—самая давняя, насколько, впрочемъ, можетъ быть давнее въ нашей юной Бельгіи: она открылась въ 1881 году...

— На чьи же деньги?

— На товарищескія... Кучка рабочихъ-ткачей учредила ее. Все помѣщеніе было — темный подвалъ, капиталъ — тысяча франковъ...

— А теперь какъ?

— Теперь она имѣетъ годовой оборотъ въ *два милліона* франковъ...

Вандергусъ откинулся на спинку стула, Ширакъ крякнулъ и сталъ сосредоточенно гладить бороду.

— Судите сами!—поспѣшилъ Пикаръ разсѣять недоумѣніе.— У коопераціи шесть тысячъ человѣкъ членовъ—главъ семействъ; она имѣетъ образцовую хлѣбопекарню, съ электрическимъ освѣщеніемъ и механическимъ приготовленіемъ тѣста; у нея огромная собственная недвижимость, магазины матерій и готовыхъ вещей, сапожная мастерская, мебельная фабрика, складъ каменнаго угля съ ежегоднымъ отпускомъ въ 9.000 тоннъ, четыре аптеки съ докторами при нихъ для даровой помощи членамъ... Удивителенъ ли при этомъ двухмилліонный оборотъ?

Вандергусъ, все больше и больше отдѣлявшійся отъ спинки стула, по мѣрѣ того, какъ Пикаръ забрасывалъ его фактами, проговорилъ:

— Но... какимъ же манеромъ ведетъ рабочая партія такое дѣло?

— Чрезъ уполномоченныхъ. Непосредственно завѣдуютъ всѣмъ выборные администраторы; потомъ есть комитетъ съ делегатами отъ работающихъ въ коопераціи, рѣшающій вопросы о постановкѣ труда и заработной платѣ; есть общее собраніе членовъ, совѣтъ гентской рабочей федераціи...

— Начальства не мало!—промолвилъ Ширакъ.

— Да... Только обходится оно не такъ дорого, какъ въ разныхъ акціонерныхъ компаніяхъ, да и работаетъ поусерднѣе... Такъ, напримѣръ, администраторъ, парламентскій депутатъ, получаетъ въ годъ 2.080 франковъ, а изъ нихъ отдаетъ 1000 фр. въ кассу рабочей партіи...

Ширакъ пыхнулъ задумчиво трубкой. Слобожане переглянулись. Одинъ изъ нихъ—старикъ съ сѣдыми, совсѣмъ желтыми отъ куренья усами—спросилъ:

— Собственно на хлѣбѣ какія выгоды имѣютъ члены?

— Это могу сообщить вамъ точно, по отчету, — отвѣтилъ Пикаръ:—гентская кооперація понижаетъ цѣну на хлѣбъ отъ 30 до 40 процентовъ!

— А?!—Ширакъ вскинулъ голову, обводя слобожанъ торжествующимъ взглядомъ.

Тѣ переглянулись, и Вандергусъ сказалъ просто:

— Въ такомъ случаѣ, m-r Ширакъ, начинайте...

Дѣло было сдѣлано. Всѣ оживились и чокнулись стаканчиками пива. Кувшинъ высохъ скоро... Ширакъ подмигнулъ Матильдѣ, но отъ смѣтливаго Вандергуса не укрылось это, и онъ сказалъ, вставая:

— Нѣтъ, дружище Ширакъ: хозяйскаго пили мы достаточно, —надо, чтобъ и хозяева нашего попробовали; да и день, кстати, праздничный! Идемъ въ компанейскую пивную, пекарню спрыскивать!

Съ прочищавшагося неба падали одинокія, хрупкія снѣжинки. Надъ далекими зубцами лѣсовъ показалась луна, оттѣнняя ихъ рельефно. Подъ ея неяснымъ трепетнымъ отсвѣтомъ слободскія руины превращались въ какія-то чудныя, воздушныя пагоды...

— Мнѣ говорили, что вы поете...—сказалъ Пикаръ, шедшій рядомъ съ Матильдой.

— Я не училась пѣть... Иногда такъ, по слуху...—отвѣтила она.

Знавшій только свою фабрику да дѣловыя рабочія сходки, неловкій съ женщинами вообще, Пикаръ взглядывалъ на ея стройную, красивую фигуру, чувствуя почти робость. Матильда, косясь уголкомъ глаза, старалась разглядѣть его рѣзкій, правильный профиль, уловить выраженіе лица... Страннымъ, недоступнымъ казался ей этотъ рабочій, пріѣзжающій дѣлать какое-то непонятное дѣло, знающій много, интересующій всѣхъ...

XXIV.

Городокъ Нельдекъ былъ однимъ изъ тѣхъ передовыхъ уголковъ лихорадочно формирующейся Бельгіи, которые пробуждаются какъ-то вдругъ, неожиданно даже для самихъ себя, а пробудившись, начинаютъ рости неудержимо и стремиться со всѣхъ ногъ къ прогрессу...

Картинно раскинувшійся по гористому берегу Шельды, состоявшій всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишь изъ десятка улицъ, бывшій тихимъ, патріархальнымъ, онъ кипѣлъ теперь движеніемъ, имѣлъ протянувшіяся во всѣ стороны ново-выстроенныя предмѣстья, освѣщался электричествомъ, опутывался сѣтью трамваевъ, телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ...

Постигавшіе земледѣльческую Фландрію соціальные, экономическіе факторы роняли цѣну рабочихъ рукъ. Крестьянство искало отхожихъ промысловъ, отправлялось сотнями въ Брюссель, въ каменноугольныя копи Шарльруа, въ фабричные города сѣверной Франціи, въ копи Па-де-Кале... Тамъ и сямъ, среди прежней деревенской глуши, стягивая къ себѣ пролетаріатъ и плодя его, выростали фабричные корпуса-казармы, водворяя новый строй жизни...

Нельдекъ быстро превратился въ центръ. Притянутыя выросшими фабричными корпусами, тысячи рабочихъ населили пустовавшіе подвалы и чердаки, стали козломъ отпущенія во вздорожаніи квартиръ, продуктовъ... Но потребовали и своего... Видѣвшій до этого на своихъ улицахъ только церковныя католическія „процессіи“ со статуями святыхъ и хоругвями, Нельдекъ сталъ видѣть „кортежи“ рабочихъ съ ихъ краснымъ знаменемъ. Трудящееся населеніе, надѣвавшее свое лучшее платье только въ дни церковныхъ праздниковъ, стало надѣвать его и въ дни гражданскихъ торжествъ. Къ извѣстнымъ раньше только правительственнымъ учрежденіямъ прибавились: правильно-организованная рабочая группа, профессіональные синдикаты, кооперативный магазинъ, кружокъ самообразованія и пропаганды, общества: взаимопомощи рабочихъ, музыкальное, пѣвческое, турнклубъ, „молодая гвардія“—кружокъ стоящихъ на военной очереди и изучающихъ циклъ истинныхъ обязанностей солдата... Все это слилось въ мѣстную федерацію, зависѣвшую въ общихъ вопросахъ отъ бельгійской рабочей партіи и посылавшую въ Брюссель своихъ делегатовъ на рабочіе конгрессы.

Медленно надвигавшаяся весна вступала въ свои права. Еще достаточно богатый уцѣлѣвшими при строительной горячкѣ патріархальными садиками, огородами, променадами, Нельдекъ подернулся, точно пухомъ, молодою, блѣдною зеленью. Рыбаки на Шельдѣ стали развѣшивать и снаряжать свои сѣти. На вершинахъ пригорковъ и на прибрежныхъ отмеляхъ появились выроставшія стаи перелетныхъ птицъ...

Было первое мая — традиціонный праздникъ рабочихъ. По главной, Антверпенской улицѣ тянулся кортежъ... Шествіе открывалъ духовой оркестръ, исполнявшій пѣсню-маршъ „Chant du Premier Mai“. Затѣмъ слѣдовали: „знаменщикъ“ съ краснымъ флагомъ, составъ комитета федераціи, представители обществъ, синдикатовъ и кружковъ. Дальше шли женщины и дѣти, за ними—рабочіе - мужчины. Пройдя по центральнымъ улицамъ, кортежъ направился въ извѣстную уже въ началѣ разсказа

окраину и остановился предъ извѣстнымъ же простонароднымъ кафé, убраннымъ по сѣренькимъ облупившимся стѣнамъ фасада гирляндами изъ сосновыхъ вѣтокъ и бумажныхъ розъ, флагами, фонариками и съ золоченымъ бельгійскимъ львомъ надъ дверью. Оркестръ заигралъ написанное для праздника скерцо. Дирижировалъ самъ авторъ—молодой начинающій музыкантъ, принадлежавшій къ рабочей партіи какъ сочувствующее частное лицо, съ установленнымъ годичнымъ взносомъ въ одинъ франкъ.

Этимъ заканчивалась оффиціальная часть и началось празднество, съ баломъ въ перспективѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ верхней комнатѣ кафé, комитетъ синдиката рабочихъ открылъ свое торжественное годичное засѣданіе. Всѣ были въ черныхъ сюртукахъ и въ бѣлыхъ галстухахъ. „Гражданинъ" Пикаръ приступилъ къ докладу „О ходѣ пропаганды, въ связи съ шербекскими выборами"... Докладъ составлялъ объемистую тетрадку, написанную оффиціальнымъ языкомъ, какъ-то фатально втиснувшимся въ обиходъ расширившейся и централизовавшейся въ Брюсселѣ организаціи рабочей партіи. Въ общемъ отдѣлѣ отмѣчалось прибавившееся къ кружкамъ самообразованія „Общество распространенія высшихъ знаній", уже давшее больше чѣмъ сотнѣ рабочихъ возможность проходить университетскій курсъ. Въ частности, относительно Фландріи, приводились данныя, свидѣтельствовавшія объ успѣшной дѣятельности „комитета печати" при гентской федераціи рабочихъ.

— Въ Шербекѣ,—продолжалъ Пикаръ,—трудами гражданъ Эдмонда Веста и Мартина Ширака образована правильная рабочая группа съ будущею кооперативною хлѣбопекарней при ней. Распространеніе газеты „Заря", въ которой веденіе отдѣла о шербекскихъ выборахъ принялъ на себя кандидатъ профессоръ Бертранъ, достигло чрезвычайныхъ размѣровъ. Выборная агитація начнется въ концѣ мая, съ пріѣздомъ графа Ниссена. Трудностей предстоитъ много, и мы должны заранѣе обречь себя на неустанную борьбу съ ними. Судя по всему, Шербекъ сдѣлаетъ ненадобнымъ при выборахъ все политическое, перенесетъ борьбу на почву соціальнаго вопроса. Резюмé избирательной платформы будетъ: „*за или противъ соціализма*"!

———

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Шербекская равнина обсыхала послѣ схлынувшихъ весеннихъ водъ.

Рѣзкіе зубцы окружныхъ лѣсовъ опушились листвой, превратились въ мягкіе, воздушные и окутались прозрачною дымкой. Равнина утратила свой скучный видъ, ожила, зазеленѣла. Сочныя луговины, изрѣзанныя свѣтлыми извивами ручейковъ въ перемежку съ черными полосками свѣже-поднятой земли, засверкали золотистымъ ковромъ распускавшихся одуванчиковъ... Весело глядѣла фермерская слобода съ подбѣленными домиками, съ правильно вытянутыми грядками на огородахъ, съ разбросанными тамъ и сямъ расцвѣтавшими плодовыми деревьями. Пріукрасилось и Эйндеке. Лачужки помазаны были охрой или сурикомъ, окна и балкончики убраны горшками прошлогоднихъ оживавшихъ цвѣтовъ; чивая къ росту ольха въ болотѣ выкинула цѣлый лѣсъ свѣжихъ густыхъ побѣговъ, а это создало рай для дичи и адъ для полевыхъ сторожей графа Ниссена, открывшихъ ожесточенную, обыкновенно мало-успѣшную войну съ слободскими и окрестными браконьерами...

Было раннее утро.

Косые лучи поднимавшагося солнца гнали передъ собою волнистый туманъ, озаряли равнину тусклымъ свѣтомъ, пригрѣвая и поднимая тонкій струившійся паръ, зажигали росистыя полянки миріадами радужныхъ искръ... Школьный директоръ Камиллъ Дестрэ, увѣшанный съ головы до ногъ самыми усовершенствованными натуралистическими доспѣхами, пробирался съ кучкою старшихъ учениковъ чрезъ непросохшій еще мѣстами фермерскій выгонъ, совершая ботанико-зоологическую экскурсію.

Онъ былъ мраченъ и задумчивъ. Начала набѣгать на него мрачность уже давно—лѣтъ пятнадцать тому назадъ, послѣ паденія либеральнаго министерства. Самъ либералъ,—и въ лучшемъ, не-партійномъ смыслѣ слова,—онъ былъ отличенъ министерствомъ и назначенъ въ директоры шербекской школы. Министерство не стояло на должной высотѣ призванія, не отвѣчало возлагавшимся на него надеждамъ, но оно заботилось о распространеніи хотя и не широкаго свѣтскаго образованія, давало мѣсто честнымъ педагогическимъ порывамъ, окрылявшимъ Дестрэ

въ его дѣятельности. Съ паденіемъ министерства либераловъ наступило владычество клерикализма, началось гоненіе на свѣтскія школы, сокращеніе ихъ числа... появились учителя и учительницы безъ всякаго научнаго ценза, учредился институтъ епархіальныхъ инспекторовъ... Не мѣшавшійся въ политику, не принадлежавшій ни къ какой партіи, Дестрэ думалъ укрыться въ свои служебные труды, но клерикализмъ объявилъ лозунгомъ: „кто не за насъ, тотъ противъ насъ!..“ Дестрэ очутился въ положеніи гонимаго, и оводомъ-мучителемъ, какъ къ несчастной Іо, былъ приставленъ къ нему викарій Филиберъ... Близившіеся исключительные выборы зарождали надежду въ душѣ Дестрэ, но—какъ всякая рискованная ставка—повергали также въ волненіе, въ раздумье...

Спустившись въ поросшую мелкимъ орѣшникомъ лощинку, Дестрэ увидѣлъ старика Веста, пахавшаго взятымъ напрокатъ въ сосѣднемъ поселкѣ пàрнымъ брабантскимъ плугомъ свой полугектарный клочокъ. Обыкновенно клочокъ вскапывали мотыгами странствующіе рабочіе-поденщики. Это обходилось дешевле, но требовало больше времени, а обильные снѣга задержали съ посѣвомъ, и надо было спѣшить. Мѣрно валившіяся по сторонамъ сошника глыбы черной потной земли дымились; волнистый паръ поднимался отъ спинъ лошадей...

— Добрый день, m-r Вестъ! — сказалъ поровнявшійся директоръ, приподнявъ надъ лысиной широкополую соломенную шляпу.

— Добрый день, m-r Дестрэ!—отвѣтилъ Вестъ, остановивъ въ концѣ борозды плугъ и давая вздохнуть лошадямъ.—На охоту вашу собрались?—глянулъ онъ на директорскіе доспѣхи.

— Да... пока не запретили и этого владѣльцы!

— Этого не запретятъ! — увѣренно, точно экспертъ, произнесъ Вестъ, утирая клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ потное лицо.

— Какъ знать? У всякаго барона своя фантазія...—усомнился Дестрэ, и замѣтилъ затѣмъ, тономъ знатока:—А вы совсѣмъ мокрую землю пашете...

— Надо спѣшить овесъ снять!

— Почему спѣшить?

— Да, вонъ, ужъ береза распустилась!

— Береза?.. Это значитъ что-нибудь?

— Послѣдній срокъ для овса; потомъ поздно будетъ.

Дестрэ натянулъ пенснэ на носъ и окинулъ Веста внимательнымъ взглядомъ, усвоивая мысленно еще одно знаніе, но

оттѣсняя его въ то же время къ области эмпиризма, не освѣщеннаго научнымъ отвлеченіемъ...

— Желаю вамъ успѣха!—сказалъ онъ.

— И вамъ также!

— О, у меня будетъ успѣхъ! Слабыхъ, беззащитныхъ созданій всегда достаточно въ шербекской равнинѣ!..

— И то правда: головастиковъ эту весну видимо - невидимо въ болотахъ!—согласился простодушно Вестъ.

— Такъ оно и быть должно! — продолжалъ директоръ.— Надо же питаться чѣмъ нибудь сильнымъ, крупнымъ организмамъ...

И онъ указалъ на виднѣвшуюся вдалекѣ островерхую крышу зàмка, поясняя аллегорію.

— Ужъ вы придумаете!—воскликнулъ неопредѣленно Вестъ, всплеснувъ руками.—Я всѣмъ говорю: вѣкъ цѣлый учись... въ Гентъ, въ Брюссель поѣзжай, а все не доучишься до того, чтò знаетъ m-r Дестрэ! Для васъ всякая наука—все равно... что, вотъ, земля для насъ: насквозь видишь и понимаешь ее!

— И знаете, чтò по наукѣ выходитъ? — устремилъ директоръ на Веста сверкавшее при солнцѣ пенснэ.

— Гдѣ намъ знать!—отмахнулся Вестъ.

Это вызывало на разговорчивость.

Дестрэ поправилъ пенснэ на носу и началъ:

— По наукѣ выходитъ, что обитатели водъ или суши стараются, также какъ и люди, добыть каждый себѣ свое пропитаніе, борются... При этомъ обитатель большой и сильный непремѣнно, такъ или иначе, проглатываетъ маленькаго и слабаго... Это называется: борьба за существованіе... Большіе обитатели, разумѣется, очень прожорливы, и маленькимъ приходится плохо... Чтобъ избавиться, насколько можно, отъ опасности, одни изъ нихъ пускаются на хитрости—притворяются мертвыми, когда нападаетъ пожиратель, приспособляются цвѣтомъ, формами такъ, чтобъ ихъ трудно было отличить и разыскать среди листьевъ, цвѣтовъ... просто на землѣ даже!.. пріобрѣтаютъ способность бѣгать быстро, прятаться ловко... Словомъ, каждый на свой манеръ! Другіе сообразили, что пожиратель хотя и силенъ, но нападать сразу на многихъ не можетъ, боится... и стали соединяться въ группы... въ синдикаты, такъ сказать... Ха-ха-ха! Именно, въ синдикаты: пасутся и дѣйствуютъ сообща—стаями, стадами, — стоятъ при оборонѣ одинъ за всѣхъ и всѣ за одного... чтò нашли для корма, то—общее... при ночлегахъ, переходахъ, перелетахъ имѣютъ изъ себя сторожей, вожаковъ,

и выбираютъ на это не интригановъ или глупцовъ какихъ-нибудь, а самыхъ способныхъ и достойныхъ... Да-съ, m-r Вестъ! И вы только представьте: не человѣкъ—высшее, разумное существо,—а какой - нибудь... ну, хоть гусь дикій, что-ли... разъ ужъ онъ гусь, то непремѣнно въ своемъ синдикатѣ профессіональномъ состоитъ, заботится о всѣхъ, какъ и всѣ о немъ...

— Это точно,—перебилъ Вестъ:—куда дружны и сторожки гуси! Даже нашихъ, домашнихъ взять: пойдутъ они стаей, вернутся стаей; впереди—гусь старый, опытный...

— То-то и есть!

Дестрэ взглянулъ значительно на Веста. Вестъ взглянулъ на небо,—соображая, видимо, который, приблизительно, часъ, и приподнялъ плугъ изъ земли.

— Готовитесь вы къ выборамъ?—проговорилъ, уже напрямикъ, Дестрэ.

— Чего же готовиться къ нимъ? Развѣ это первый годъ?

— Такого года не бывало еще...

— Да вѣдь и всякаго года не бываетъ, пока не придетъ онъ...

— Э, да вы остроумецъ!—взглянулъ на него Дестрэ, поднявъ порывисто очки на носу.—Я хотѣлъ сказать, что въ этомъ году не одинъ Странгеръ стоитъ на „menu", — есть и болѣе вкусное...

— Да ужъ вы скажете! — хихикнулъ Вестъ и прибавилъ, обращаясь уже къ лошадямъ:—Ну!

— Ого! Армія моя уже за дѣломъ! — воскликнулъ Дестрэ, видя, что ученики разсыпались невдалекѣ по ручью.—Прощайте, m-r Вестъ!

— Прощайте, m-r Дестрэ!

Директоръ махнулъ шляпой и поспѣшно направился чрезъ межи и кусты къ ручью.—„Тупы!.. Хитры и тупы!.. Таковы и должны быть результаты всесторонней зависимости!..—бормоталъ онъ, перепрыгивая несовсѣмъ умѣло через встрѣчныя кочки.—Далеко еще имъ до организаціи даже—и дикихъ гусей"!..

II.

Но Вестъ не былъ тупъ, хотя въ хитрости и оказывался повиннымъ... Простоватое выраженіе лица его, какъ только скрылся Дестрэ, смѣнилось осмысленнымъ, серьезнымъ, брови сдвинулись озабоченно... Ходя за плугомъ и поворачивая маши-

нально лошадей, онъ глядѣлъ безцѣльно на сошникъ и точно отгонялъ какія-то неотвязныя мысли, потряхивая головой...

Допахавъ клочокъ, Вестъ разнуздалъ лошадей, навязалъ имъ на морды торбочки съ аккуратно разсчитанными порціями овса, и присѣлъ на заднюю, деревянную часть плуга, отдыхая и попыхивая трубкой. По привычкѣ обращать вниманіе на обиходное, онъ соображалъ, замѣтивъ вдалекѣ вертѣвшагося и прыгавшаго теленка,—чей это теленокъ, почему онъ не на выгонѣ, со стадомъ, но голова занята была не этимъ. — „Есть что-то... О синдикатахъ этихъ не даромъ толкуютъ...—думалъ Вестъ.— Сынъ — тотъ, по горячности, могъ говорить, а директоръ — онъ понимаетъ... Безъ пользы хозяева не позавели бы синдикатовъ и не стали бы запрещать ихъ нашему брату... И оно понятно: одинъ въ полѣ не воинъ, а сообща всякое дѣло легко... Да какъ устроить синдикатъ этотъ, если тебя сейчасъ проглотить могутъ!.. Какъ не согнешься, когда на шею контрактъ, налоги да нужды всякія навалены!..“ Прочія тягости—обязанность быть ревностнымъ католикомъ и клерикаломъ, подчиняться во всемъ кюрэ и нотаріусу, вотировать неуклонно за Странгера — Вестъ принималъ все это въ разсчетъ лишь постольку, поскольку отнималось ими время да обезсиливала денежно-церковная такса.

Онъ уныло опустилъ голову.

Давно, еще румянымъ тридцатилѣтнимъ здоровякомъ, покинувъ бѣднѣвшій родной поселокъ на берегу Лисы, близъ Гента, Вестъ отправился съ семьею искать счастья на сторонѣ и подъ конецъ осѣлся на фермѣ графа Ниссена. Доходъ съ огорода, поденный трудъ по расчисткѣ графскихъ лѣсовъ давали возможность существовать, но арендная плата, возроставшіе налоги, расходы по нотаріальнымъ формальностямъ сводили все въ нулю, а жизнь дорожала. Слѣдовало заарендовать подъ распашку гектара два-три земли да купить въ разсрочку черезъ ростовщика пару лошадей; но съ припасенными на черный день копѣйками нечего было и думать о такой операціи. Гертруда подала мысль купить коровъ и собакъ. Чтобъ имѣть въ барышахъ хотя солому, заарендованъ былъ полугектарный клочокъ земли. И потянулись годы трудовъ, заботъ, лишеній... Образцовый фермеръ, человѣкъ съ самымъ безукоризненнымъ прошлымъ и безъ малѣйшаго помышленія о чемъ-либо недозволительномъ, Вестъ сталъ носить въ груди безпричинное, мучительное ожиданіе какой-то бѣды, сталъ ощущать нервную дрожь при одномъ видѣ клерка отъ нотаріуса или полицейскаго... Простой, открытый характеръ его смѣнила льстивая осторожность во всемъ...

III.

Солнце всплыло высоко и разгорѣлось, освѣтило длинную подъѣздную аллею, за которою виднѣлся на возвышеніи зàмокъ, стало поднимать паръ подъ корнями могучихъ столѣтнихъ дубовъ, осушать высокую цвѣтистую траву, оживляя стайки кузнечиковъ...

Аллея, съ широкими, убитыми глиной проѣздами по сторонамъ для всадниковъ, была вычищена, выметена въ ожиданіи графскаго пріѣзда. Оставалось только снять чернѣвшія кое-гдѣ на виду давнія гнѣзда грачей, и этимъ занимался сторожъ, дѣйствуя длиннымъ, тонкимъ шестомъ. Когда шестъ не дохватывалъ до гнѣзда, сторожъ принимался раскуривать свою трубку и произносилъ, обращаясь къ кучкѣ глазѣвшихъ слободскихъ мальчишекъ:—„А ну-ка!"—Этимъ давалось охотнику дозволеніе побывать безнаказанно на верхушкѣ графскаго дерева. Охотникъ—испитой, гладко остриженный, въ короткихъ заплатанныхъ штанишкахъ, пристегнутыхъ къ единственной холщевой помочи,—бросался со всѣхъ своихъ босыхъ ногъ и проворно, точно бѣлка, исчезалъ въ молодой, лоснившейся листвѣ...

Отъ этой аллеи расходились вѣеромъ еще три, не такія длинныя, сосновыя аллеи. Средняя упиралась въ колоннаду замковаго подъѣзда. Лѣвая сообщалась съ круглою трехъ-этажною башней у въѣзда въ паркъ, гдѣ, судя по сохранившемуся глубокому рву, когда-то былъ подъемный мостъ. Правая направлялась къ обширному боковому флигелю, соединенному съ зàмкомъ стеклянною галереей. Отъ истиннаго средневѣковаго зàмка уже давно осталось всюду одно воспоминаніе. Его германскія руины понятны только ученымъ. Въ Швейцаріи—подновленный неумѣлыми архитекторами, подмалеванный сомнительными художниками—онъ сталъ торговою приманкою туристовъ. Англія отвела ему почетное мѣсто и слила старину съ новѣйшими подражаніями. Только Фландрія, фатально задержанная исторіей въ феодальныхъ путахъ, хранитъ еще мѣстами его суровые, цѣльные образцы... Зàмокъ графа Ниссена — Вандернеэръ, несмотря на многія уступки требованіямъ времени, на исчезнувшіе pont-levis, подъемные мосты, кордегардію, голубятню, на полускрытую выросшими деревьями башню-тюрьму, производилъ въ общемъ полное впечатлѣніе грозной феодальной твердыни. Въ его большихъ, сводчатыхъ залахъ, увѣшанныхъ теперь по стѣнамъ картинами и зеркалами, вмѣсто рыцарскихъ доспѣховъ и кубковъ,

съ художественными мраморными каминами, вмѣсто примитивныхъ очаговъ,—казалось, все еще витали тѣни полнокровныхъ, своевольныхъ предковъ, неуклонно утверждавшихъ свою власть въ смерти и животѣ „serfs“ и „villains“... Въ таинственной тишинѣ ночи невольно охватывало ожиданіе, что вотъ-вотъ ударитъ колоколъ тревогу, засверкаютъ вокругъ при свѣтѣ факеловъ латы и пищали, загремятъ опускныя рѣшетки у входовъ, гарнизонъ кинется къ зубцамъ стѣнъ, къ башеннымъ бойницамъ, чтобъ отразить невызванное ничѣмъ нападеніе такого же полнокровнаго, своевольнаго сосѣда...

Вытянувшійся сбоку мощенаго двора флигель новѣйшаго казарменнаго стиля какъ бы знаменовалъ собою переходную ступень отъ грозныхъ, смутныхъ феодальныхъ временъ къ эпохѣ спокойнаго процвѣтанія... къ феодализму мирному, буржуазному —когда сеньоръ и духовенство хотя господствуютъ по прежнему, но serfs и villains зовутся уже фермерами, испытываютъ на себѣ дѣйствіе не оружія, а контрактовъ, при ослушаніи не заточаются въ подземныя башенныя oubliettes, а лишь выселяются нотаріусомъ... когда alter ego владыки воплощается не въ какомъ-нибудь отчаянномъ, вѣчно-хмельномъ средневѣковомъ интендантѣ, а даже въ особѣ нѣжнаго пола, въ родѣ mère Жозефины...

IV.

Лучи солнца ударили въ зеркальныя окна зàмка. Убиравшій комнаты дворецкій, въ черной курткѣ и съ метелкой въ рукѣ, сталъ опускать полосатыя маркизы.

— Сколько еще нужно ждать васъ! — раздался снизу, изъ подъ деревьевъ, сладенькій теноровъ лакея.

— Да вотъ и все! — отвѣтилъ дворецкій, склонивъ, какъ тетеревъ, набокъ сѣдую голову и взглянувъ внизъ.—Готовьте пріемъ!

Онъ вскорѣ вышелъ изъ подъѣзда зàмка и направился за уголъ, подъ ясени, гдѣ бесѣдовали на садовой скамьѣ: кучеръ въ полосатомъ жилетѣ съ черными коленкоровыми рукавами и выписанные изъ Гента на время графскаго пребыванія поваръ и лакей Алексисъ — франтоватый брюнетъ съ чиновничьими „котлетками“ на бритыхъ синихъ щекахъ, угощавшій своихъ новыхъ товарищей „капелькой“.

Завидѣвъ дворецкаго, Алексисъ вскочилъ, расшаркиваясь шутовски, и наполнилъ изъ дорожной фляжки стаканчикъ.

— А вы поосторожнѣе!..—внушилъ дворецкій, оглядываясь. —Гдѣ *она*?

— У себя, во флигелѣ. Кюрэ, который пріѣхалъ вчера, сидитъ у нея...

— Тогда ничего...

— Въ иномъ случаѣ развѣ могъ бы я, безъ осторожности! —оправдывался лакей.

— Вновѣ вы; потому я и говорю! — пояснилъ дворецкій, принимая стаканчикъ.—Она вонъ въ башню, будто бѣлье развѣшивать, ходитъ, а между тѣмъ въ окошечко наблюденія дѣлаетъ: какъ на ладонкѣ оттуда все передъ ней!.. Или, къ примѣру, отдыхать ляжетъ и вдругъ — шасть въ людскую!.. Вотъ я къ чему! Но если, какъ вы объясняете, о. Дюбуа у нея, то конечно... Тутъ безпокойства не можетъ быть: до самаго обѣда не разойдутся они!

— Онъ духовникъ ея?

— Онъ для всѣхъ духовникъ! Онъ больше епископа значитъ, даромъ что кюрэ безъ прихода...

Больше епископа! По какой же причинѣ?

Дворецкій развелъ руками, стараясь не расплескать стаканчика.

— Все тутъ!—началъ онъ, подумавъ.—Умъ у него—необыкновенный! У знати — взять графа нашего или прочихъ— пріемъ ему, можно сказать, на равной ногѣ! Для всякаго, какъ вы знаете, бываетъ: „больны“, „выѣхали“, а для о. Дюбуа только и есть: „просите“... Ну, на этотъ разъ отстранимся отъ господъ... За ваше недолгое здоровье!

Алексисъ сдѣлалъ огромные глаза, откинулъ шляпу на затылокъ и воскликнулъ съ напускнымъ изумленіемъ:

— Недолгое?!

— А то какъ же? — отвѣтилъ довольный своею остротой дворецкій, вытянувъ стаканчикъ и морщась. — Графъ со двора, и вы—изъ глазъ нашихъ!

— Ахъ, въ этомъ смыслѣ!

Онъ вытянулся, выгнулъ шею и отдалъ поклонъ головой— какъ дѣлаютъ господа.

Фляжка была спрятана въ кусты и всѣ усѣлись на скамьѣ.

— Почему такъ: зáмокъ—и безъ слѣдующаго штата? оффиціантъ—при случайности только!—спросилъ Алексисъ.

— Разсчетъ и сберегательность во всемъ..., — промолвилъ медлительный, философски-молчаливый кучеръ.

— И времена не тѣ...,—добавилъ дворецкій.—Отъ стараго

графа достались нынѣшнему только вотъ эти лѣса, — указалъ онъ на далекіе зубцы: — а раньше, что и за ними, на десять льё кругомъ, все къ зáмку относилось.

— Того?..—подмигнулъ Алексисъ и показалъ руками, какъ сдаютъ карты.

— И это, и пиры да балы, а особенно полъ прекрасный... Этотъ грѣхъ, надо полагать, не дешево обходится старому графу Гуго на томъ свѣтѣ... Но что намъ до господъ! Будемъ сами по себѣ!

Догадливый Алексисъ выхватилъ изъ кустовъ фляжку, и началась круговая, при чемъ каждый, увѣренный, что его отъ него не уйдетъ, лѣзъ изъ кожи, уступая первенство другому...

Молодой поваръ, со спущенными на лобъ кудряшками и въ державшемся какимъ-то чудомъ на затылкѣ бѣломъ накрахмаленномъ колпакѣ, сказалъ:

— Когда мы ѣхали сюда, то въ вагонѣ одинъ здѣшній передавалъ, что будто старый графъ дочь свою заморилъ въ монастырѣ...

— И вовсе сама она въ монастырь поступила—отъ любви несчастной!—опровергъ дворецкій.

— И что будто,—не унимался поваръ:—mère-Phine въ метресахъ при немъ была, почему и сослали мужа ея въ Конго...

— Эва!—махнулъ рукою дворецкій.—Конго-то уже при нынѣшнемъ графѣ открылось, и онъ мѣсто мужу mère-Phine доставилъ тамъ! При старомъ графѣ она точно... какъ будто... Ха-ха-ха!.. Ну, да что о господахъ!..

Круговая началась снова.

V.

Графъ Гуго Ниссенъ-Вандернеэръ — первый вельможа во времена перваго бельгійскаго короля Леопольда Перваго, игрокъ, кутила и неисправимый ловеласъ, кипѣвшій страстью къ Рубенсовскимъ женщинамъ въ натурѣ, — жилъ на самую широкую ногу. Истый фламандецъ стараго времени, съ крутымъ отечественнымъ нравомъ и поверхностнымъ лоскомъ французскаго салона, рабъ привычекъ и излишествъ, обратившихся въ потребность, онъ не умѣлъ ни мыслить, ни сдерживаться. Этому способствовалъ и порядокъ вещей, не смутившійся самымъ коренным переворотомъ, остававшійся властвовать въ обновившейся свободной Бельгіи и какъ бы подчеркивавшій, что самыя лучшія учрежденія—ничто безъ соотвѣтствующихъ нравовъ...

Его дочь, графиня Леокадія, одаренная способностями, впечатлительная и мечтательная, нѣжная какъ распускающійся цвѣтокъ, росла въ эпоху двухъ различныхъ теченій, составлявшихъ тогдашнюю брюссельскую жизнь. Съ одной стороны, все проникалъ мрачный, продолжавшій вліять, клерикализмъ; съ другой —вторгалась свѣжая, народившаяся сила, создавшая королевство, клавшая въ основу грядущаго право, свободу, прогрессъ... Дѣленія на лагери не существовало еще—обскурантизмъ не высказывалъ присущей ему нетерпимости, не объявлялъ войны новому; новое видѣло въ немъ историческую необходимость, назначенную отжить постепенно. Знать и дворъ, блиставшіе на клерикальныхъ торжественныхъ процессіяхъ, на церковныхъ кермессахъ, не чуждались и демократическихъ торжествъ, кортежей въ честь нарожденія свободы—совѣсти, печати, образованія. На паркетѣ сходились золотая молодежь, щеголявшая новенькими мундирами ново-сформировавшагося королевскаго воинства, и продолжатели великаго дѣла конгрессистовъ — писатели, ораторы, публицисты, нарождавшіеся въ получившей значеніе демократіи.

Графиня Леокадія, при ея отзывчивой, впечатлительной натурѣ, не избѣгла этой двойственности вліяній: воспитанная по клерикальнымъ традиціямъ монахинями, она искренно прониклась мистицизмомъ; появившись въ свѣтѣ и ставъ замѣченною, она также искренно отдалась обаянію живыхъ, новыхъ вѣяній, отличила среди своихъ поклонниковъ человѣка безъ имени, безъ средствъ — выдававшагося парламентскаго оратора изъ числа провинціальныхъ демократическихъ депутатовъ.

Порожденная притягательною новизной, вспышка чувствъ дочери привела только въ ярость тщеславнаго графа Гуго. Графиня Леокадія покорилась семейному запрету, какъ „долгу", но первой печали своей не вынесла. Она „отцвѣла, не успѣвши разцвѣсть", ушла окончательно въ мистицизмъ и схоронила себя навсегда въ одномъ изъ монастырей въ Намюрѣ. Ея трогательный романъ, полный чувства, высокихъ порывовъ, первыхъ, искреннихъ мукъ души, остался непонятымъ семьею и свѣтомъ, и скоро самая память о ней затерялась среди быстро мѣнявшихся событій переходной эпохи.

Ставши вскорѣ вдовцомъ, графъ Гуго поселился безвыѣздно въ шербекскомъ зàмкѣ, оправдывая поговорку: „le diable s'était fait ermite"... Тучный и обрюзглый, пригнетаемый дрянною, искусственно-осложненною старостью, терзаемый скукой въ непривычномъ уединеніи, онъ тѣшилъ себя, блюдя въ зàмкѣ педан-

тично-тягостный, ненадобный ни на что этикетъ, рядя прислугу въ полную ливрейную форму, требуя отъ повара брюссельскихъ ресторанныхъ блюдъ, устроивая изъ своихъ выѣздовъ въ церковь или на прогулку чуть не придворную церемонію...

Въ это время и выдвинулась жена буфетчика Жозефина Бартъ, отличавшаяся исключительною природною способностью— не служить, а „прислуживаться"...

VI.

Жозефина подмѣтила въ графѣ Гуго тотъ фатальный старческій переломъ, когда мужчина теряетъ волю, бываетъ готовъ подпасть подъ вліяніе всякой настойчивой женщины, и осмѣлилась, какъ игрокъ навѣрняка...

Она упразднила безцѣльную, безпокойную пышность, стала командовать, исполняя графскіе приказы по своему, стала отчитываться предъ нимъ сама во всемъ, принимать вины на себя. Графскую скуку она стала разгонять слухами, пересудами... Проводившій обыкновенно время до завтрака у себя въ спальнѣ, графъ измѣнилъ привычкѣ—сталъ пить утренній кофе въ кабинетѣ, причемъ хозяйничать должна была неизмѣнно Жозефина.

Выбритый, въ завитомъ каштановомъ парикѣ и голубомъ плюшевомъ шлафрокѣ съ бранденбурами, графъ Гюго входилъ, шаркая по паркету не слушавшими его ногами, и опускался въ ожидавшее его кресло.

— Іисусъ-Марія! — восклицала Жозефина, отскакивая отъ кофейника.—Вы ли это, ваше сіятельство? Можно ли такъ молодѣть съ каждымъ днемъ! Мнѣ представилось, что это графъ Бенуа входитъ!

— Бенуа? Можетъ ли быть? — самодовольно растягивалъ графъ толстыя безкровныя губы по бѣлымъ вставнымъ зубамъ.— Развѣ я такъ еще молодъ?

— Почему же нѣтъ? Годы вѣдь ничего не значатъ...

— Ну, вотъ! Что же значитъ, если не годы?

— Этого я не умѣю объяснить... а примѣры бываютъ... Вонъ баронъ Кооманъ, при сорока годахъ его, вдвое старше васъ смотритъ...

— Какой Кооманъ?

— У котораго помѣстье подъ Нельдекомъ... еще дочь его, вы слышали, вѣроятно, за клерка въ Брюсселѣ вышла...

— Ахъ, полноте, Жозефина! Вы смѣшиваете, должно быть: за *корнета*, развѣ... Какъ можно за *клерка*!

— Истинную правду говорю! Мать Розалія, кармелитка, лично знаетъ ихъ... Онъ, правда, въ адвокаты поступилъ потомъ, но вѣдь что клеркъ, что адвокатъ—все равно?

— Разумѣется, все равно! Какъ же позволилъ этотъ Кооманъ?

— Да случилось такъ, что въ главномъ-то безъ позволенія обошлись... Ну, а потомъ, хочешь—не хочешь, надо было дать позволеніе на вѣнчанье...

— Ха-ха-ха! — пускалъ плавно ноту за нотой веселѣвшій графъ.—Ахъ, онъ, плутъ... клеркъ! Баронессу... А? Скажите!...

Дальше слѣдовало въ томъ же родѣ.

Графъ слушалъ, отхлебывая кофе изъ севрской фарфоровой чашки. Кофе, именовавшійся въ счетахъ чистѣйшимъ „мокка", смахивалъ сильно на цикорій... Графъ старался увѣрить себя, что это только такъ кажется, и милостиво поощрялъ Жозефину къ разсказамъ...

Все это длилось очень недолго. Однимъ утромъ камердинеръ, напрасно ждавшій обычнаго графскаго звонка, осмѣлился постучать въ дверь спальни, а не получивъ отвѣта, пріотворилъ ее: графъ лежалъ ничкомъ на полу, среди поваленной мебели, и былъ бездыханенъ... Страдавшій удушьемъ, онъ, видимо, вскочилъ съ постели во время припадка, но тутъ же повалился, опрокинувъ ночной столикъ, молитвенный стулъ, разбивъ своимъ грузнымъ тѣломъ японскую этажерку съ парижскими фарфоровыми бездѣлушками на пикантные сюжеты...

Единственнымъ наслѣдникомъ остался графъ Бенуа Ниссенъ, командовавшій гвардейскимъ полкомъ въ Брюсселѣ. Человѣкъ уже новаго поколѣнія, пріобщившагося къ получившей силу клерикальной партіи и связавшаго съ политикой свои экономическія выгоды, онъ обратилъ оставшіяся за уплатой долговъ владѣнія въ доходныя статьи, создалъ фермерскую слободу, долженствовавшую обратить безплодныя земли въ доходное культурное пространство... Ставъ, такимъ образомъ, частью шербекской клерикальной системы, онъ сталъ и главою партіи, продолжая жить въ Брюсселѣ.

Хозяевами въ замкѣ оставались супруги Бартъ. Но вскорѣ берлинская конференція вручила Бельгіи главенство въ центральной Африкѣ надъ Конго. Брюссельскія клерикальныя газеты затрубили о неисчерпаемыхъ богатствахъ новой страны... Англичанинъ Стэнли, совершившій туда путешествіе на средства бельгійскаго короля, открылъ въ Брюсселѣ рядъ лекцій о сказочной

странѣ чернокожихъ... Бывшій буфетчикъ Бартъ, воспылавшій алчностью къ наживѣ, выхлопоталъ себѣ черезъ графа Бенуа мѣсто маркитанта при отрядѣ волонтеровъ и отправился въ Конго, гдѣ и не замедлилъ сложить голову отъ желтой лихорадки.

Жозефина пролила самыя горькія вдовьи слезы, заказала о. Гіацинту заупокойную обѣдню, повѣсила въ часовнѣ восковое изображеніе сердца съ молитвой объ утоленіи печали и облеклась въ темное платье, въ бѣлый чепецъ... Замковый флигель, гдѣ помѣщалась она, сталъ средоточіемъ всякихъ новостей и слуховъ, фокусомъ мѣстнаго всевѣдѣнія, излюбленнымъ пріютомъ монахинь всѣхъ орденовъ...

VII.

Въ комнатѣ, убранной по-монашески—съ распятіемъ въ углу, съ духовными литографіями на стѣнахъ, съ молитвеннымъ стуломъ предъ алебастровой раскрашенной фигурой Богородицы—было душно, пахло лампадкой и какимъ-то приторнымъ благовоніемъ. На предднванномъ столѣ, прикрывая дномъ лицо ярко намалеваннаго на желѣзномъ кустарномъ подносѣ святого съ бритою маковкой, стояла мшистая бутылка чудной „индійской“ мадеры изъ графскаго погреба.

Жозефина сидѣла на диванѣ. Отяжелѣвшая отъ нездоровой полноты, съ большими подтеками подъ выпученными карими глазами, она говорила непрерывно и монотонно, часто переводя духъ и сохраняя привычное выраженіе благочестія на кругломъ поблекшемъ лицѣ.

О. Дюбуа, помѣщавшійся въ креслѣ, слушалъ ее внимательно, то повертывая на столѣ, какъ бы въ тактъ, свою наполненную рюмку, то поднося ее къ тонкимъ, рѣзко очерченнымъ губамъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, худощавый, съ бритымъ актерскимъ лицомъ, съ тонкимъ горбатымъ носомъ и холодными, проницательными глазами, въ сѣрой глубинѣ которыхъ искрилось что-то, напоминавшее блескъ глазъ хищной птицы. Элегантный покрой его священнической сутаны и мягкій матовый отливъ чистѣйшаго шолка показывали, что онъ имѣетъ вкусъ и не чуждъ свѣтскаго лоска. Это подтверждалось и замѣтною изысканностью манеръ. Вообще о немъ знали только, что онъ—іезуитъ, кюрэ безъ прихода. По слухамъ, видѣли въ немъ полномочнаго, не-

оффиціальнаго агента римской куріи..., на что̀ какъ бы намекало и особенное вниманіе къ нему со стороны даже епископовъ. Онъ не занималъ никакой должности, не принадлежалъ ни къ какой епархіи, но стоило возникнуть, хотя бы даже въ самомъ Брюсселѣ, какому-нибудь важному клерикальному затрудненію, и о. Дюбуа появлялся какъ Deus ex machina, пользовался пріемомъ въ высшихъ гостиныхъ, доступомъ къ высшимъ сановникамъ... По секрету передавали даже, что карманъ его элегантной сутаны всегда набитъ документами высокой важности... чуть не королевскими указами на всякій потребный случай...

Въ за̀мкѣ появлялся онъ при каждомъ графскомъ пріѣздѣ.

— Такъ вотъ что̀!—проговорилъ о. Дюбуа, поглядѣвъ рюмку на свѣтъ и сдѣлавъ неторопливо глотокъ изъ нея.—Соціалистъ Бертранъ—сынъ столь почтеннаго человѣка...

— И первый врагъ церкви!—добавила Жозефина, продолжая свой разсказъ.

— Гм.... Ну, а этотъ... Дрозъ? Откуда онъ взялся?

— Здѣшній онъ! Отецъ его былъ сидѣльцемъ въ эстаминэ...

— Сидѣльцемъ...

— У всѣхъ на памяти это! Потомъ онъ женился, деньжонки взялъ... сталъ самъ пиво варить... Въ то время не было этихъ фабрикъ, капитала большого не требовалось, пиво по домашнему варили... Ну, съ этого началъ онъ, а тамъ, дальше-больше, въ гору пошелъ... Дрозовское пиво по всей Фландріи извѣстно стало... Умеръ—сыну капиталъ и дѣло хорошее оставилъ... Ну, а этотъ — онъ химіи и всему обученъ, въ Амстердамъ отецъ отправлялъ его, захотѣлъ по новому наживаться... акціи выпустилъ, фабрику въ три этажа выстроилъ, пивную не хуже брюссельской открылъ... Всѣ поддержали его тогда... однѣхъ графскихъ денегъ больше пятидесяти тысячъ франковъ нотаріусъ въ акціи положилъ... А онъ теперь вонъ чѣмъ отплачиваетъ!..

— Странный человѣкъ...,—промолвилъ о. Дюбуа, какъ бы отмѣчая что-то въ своихъ мысляхъ.

— А все потому, что въ Брюсселѣ женился...

О. Дюбуа приподнялъ голову, остановилъ на хозяйкѣ свой холодный взглядъ и спросилъ:

— Въ Брюсселѣ женился, говорите вы? Что̀ же въ этомъ особеннаго?

— Модницу взялъ... Все не по ней въ Шербекѣ... лучше ея нѣтъ никого, выше ея мужа никто быть не долженъ!.. Въ церковь придетъ — первое мѣсто ей дайте, всякій первымъ поклонись ей... У себя принимаетъ только въ извѣстный день—

разодѣтая и въ перчаткахъ... M-me Странгеръ—бѣльмо на глазу у нея!

— Это почему?

— Хочется самой первой дамой быть, депутатшей сдѣлаться!

— Вы думаете?

— Кого хотите, спросите! Она все это и затѣяла... сбила мужа съ толку, отвратила отъ прежняго..., зависти, гордыни влила въ него!

— Дѣло возможное...,—согласился о. Дюбуа, заключая въ то же время мысленно, что въ такомъ случаѣ либералы—врагъ не особенно серьезный...

Онъ досталъ изъ-подъ борта сутаны плоскіе золотые часики и справился съ временемъ: шелъ десятый часъ.

— Надо о. Гіацинта навѣстить...,—проговорилъ онъ задумчиво.—Какъ поживаетъ онъ?

— Старѣетъ...

— Очень?

— Недавно зашла я къ нему... Онъ такимъ бодрымъ, веселымъ показался мнѣ, а потомъ вдругъ и заснулъ въ креслѣ... Берта говоритъ, что это часто случается съ нимъ...

— Что это за Берта?

— Да повариха его.

— А!..

— Тридцать лѣтъ живетъ она у него...

— Тридцать лѣтъ... Викарій вѣдь человѣкъ обстоятельный? Все тотъ же... прежній?

— Да, о. Филиберъ... Что-то вышло, кажется, у него съ о. Гіацинтомъ...

— Что̀ вышло?

Жозефина почувствовала себя на скользкой почвѣ.

— Знакомыя мои... отъ о. Гіацинта о какомъ-то неудовольствіи слышали...,—начала она осторожно.—А къ нему, какъ говорятъ, прихожане нѣкоторые относились... а въ чемъ, собственно, дѣло тутъ... я не знаю...

О. Дюбуа отмѣтилъ про себя, что Жозефина знаетъ больше, чѣмъ говоритъ, и что суть дѣла требуетъ выясненія.

— Приходскія недоразумѣнія какія-нибудь...,—проговорилъ онъ съ равнодушнымъ видомъ и перевелъ рѣчь на погоду, а потомъ—на нѣкоторыя фамиліи изъ окружныхъ владѣльцевъ.

Для Жозефины это былъ самый твердый, безопасный грунтъ. Она смѣло ступила на него и принялась выгружать запасъ былей и небылицъ, выводя о каждомъ на свѣтъ всю подногот-

ную, — казалось, совсѣмъ недоступную постороннему глазу и уху...

Бесѣду прервалъ явившійся телеграфный сторожъ—согбенный, полуслѣпой старецъ въ синей курткѣ съ отчищенными мѣдными пуговицами и съ такимъ же сіявшимъ бельгійскимъ львомъ на фуражкѣ.

Онъ принесъ телеграмму. Графъ Ниссенъ извѣщалъ, что прибудетъ въ Шербекъ вечеромъ слѣдующаго дня.

VIII.

Только-что миновала первая весенняя гроза съ первыми оглушительными при непривычкѣ раскатами грома. Въ зенитѣ уже прорывались сквозь влажную черноту яркіе лучи солнца. Къ зубцамъ лѣсовъ на сѣверѣ сползали темные обрывки тучъ.

Викарій Филиберъ отворилъ окно, выходившее на кочковатую зеленую равнину, поросшую поднявшимися уже высоко лопухами и куртинками конскаго щавеля. Накоплявшуюся съ самаго утра тягостную духоту смѣнила пріятная свѣжесть; ласточки носились надъ самой землей, распластывая тонкія острыя крылья, и точно купались въ поднимавшемся отъ травы смѣшанномъ ароматѣ.

Филиберъ особенно былъ озабоченъ въ этотъ день. Начавшееся съ прибытіемъ графа Ниссена оживленіе въ Шербекѣ, вспыхнувшая въ о. Гіацинтѣ хлопотливость, манёвры гарнизона на выгонѣ — все говорило о надвигавшейся выборной горячкѣ, торопило приступать къ дѣлу. Дозволенія проповѣди Филиберъ не добился, а пораздумавъ — не очень и сожалѣлъ объ этомъ: мистическій туманъ, въ которомъ будущій христіанскій демократъ старался сблизить вѣру и разумъ, ученіе Христа и свѣтскія экономическія теоріи, окутывалъ собою все; обычнаго клерикальнаго veto проповѣдь хотя и не клала на здравый смыслъ, оставляя „имѣющему уши слышать“ достаточный просторъ для выводовъ и умозаключеній, но искать среди посѣтителей ранней обѣдни охотниковъ на такую работу было болѣе чѣмъ наивно. Филиберъ рѣшилъ спуститься отъ отвлеченности къ реальному, отъ риторики къ простотѣ, взять для сближенія съ евангеліемъ родную дѣйствительность, а въ ней—экономическіе и прочіе подходящіе факты. Это, въ свою очередь, являлось не легкой задачей для Филибера, связаннаго по рукамъ и по ногамъ цѣпкими семинарскими путами. Навѣстившій его Пикаръ помогъ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, доставилъ для остального цѣлую кипу

брошюръ, парламентскихъ отчетовъ, манифестовъ рабочей партіи. Но это былъ только матеріалъ и его слѣдовало усвоить, а потомъ извлечь изъ него тему для новой проповѣди.

Надъ этимъ и трудился теперь Филиберъ.

Онъ придвинулъ столикъ къ раскрытому окну, усѣлся въ кресло и сталъ методично просматривать страницу за страницей, слѣдя карандашомъ строчки и тутъ же отмѣчая надобное, — какъ дѣлывалъ когда-то въ семинаріи.

Въ дверь постучали.

Филиберъ поспѣшилъ отворить, но тутъ же отступилъ въ недоумѣніи: предъ нимъ стоялъ совершенно незнакомый священникъ высокаго роста, съ важною, какъ бы повелительною осанкой и въ превосходной шолковой сутанѣ.

— Дюбуа...—коротко проговорилъ гость, подавая руку.

Это мало объяснило Филиберу. Заключенный въ своемъ шербекскомъ волшебномъ кругу, онъ не только былъ чуждъ всего совершавшагося въ высшей іерархической сферѣ, но и давно уже какъ бы отвыкъ думать, что за окружными зубцами лѣсовъ есть какой-либо другой міръ, что тамъ существуетъ кто-либо, кромѣ мѣстнаго благочиннаго...

Онъ молча погладилъ ладонью свою щетинистую голову, чувствуя обычный приступъ смущенія, и подвинулъ кресло гостю, а себѣ взялъ стулъ.

— Попавъ въ Шербекъ, счелъ долгомъ навѣстить васъ, какъ духовнаго собрата, дорогой викарій...,—заговорилъ о. Дюбуа, опустившись въ кресло и окинувъ сперва комнату, а потомъ хозяина своимъ холоднымъ, проницательнымъ взглядомъ. — Не обезпокоилъ я васъ?

— О, нѣтъ!—отвѣтилъ викарій, складывая и отодвигая въ сторону соціалистическія брошюрки, красныя традиціонныя обложки которыхъ, казалось, привлекали вниманіе гостя. — Вы въ Шербекъ... надолго?

Онъ хотѣлъ сказать: „по какимъ дѣламъ?"—но воздержался, боясь показаться нескромнымъ.

Гость, повидимому, не разслышалъ вопроса и заговорилъ, придавая ласковость своему, нѣсколько рѣзкому, звучному голосу:

— Весьма радъ знакомству съ вами, дорогой собратъ! Отъ почтеннѣйшаго о. Гіацинта слышалъ много лестнаго о васъ...

О. Дюбуа крѣпко пожалъ руку викарію, перегнувшись черезъ столъ, и прибавилъ шутливо:

— Надѣюсь, что и обо мнѣ онъ не сказалъ вамъ дурного...

— Эти дни я не имѣлъ случая видѣться съ нимъ,—сказалъ Филиберъ.

На актерскомъ лицѣ о. Дюбуа явилось и застыло выраженіе скорби.

— Не надо придавать значенія подобнымъ мелочамъ...— произнесъ онъ жалобнымъ тономъ.

— Какимъ мелочамъ?—остановилъ Филиберъ вопросительно на гостѣ свои круглые глаза.

— Да разумѣется!—продолжалъ, вмѣсто отвѣта, о. Дюбуа. —Чѣмъ ближе отношенія, тѣмъ больше случаевъ ко всякимъ quiproquo... Но онѣ не больше какъ мелочи—неизбѣжныя, скоропреходящія и... только способствующія отношеніямъ выясняться, крѣпнуть... При томъ, онъ такъ огорченъ...

— Кто?

— Ну... О. Гіацинтъ, кто же иначе?

— Чѣмъ?!—воскликнулъ Филиберъ, откинувшись на спинку стула и совсѣмъ таращa глаза.

Лицо о. Дюбуа мучительно исказилось, и онъ тоже откинулся на спинку кресла.

Наступило молчаніе.

— Простите..., — промолвилъ убитымъ голосомъ о. Дюбуа, отдѣляясь отъ спинки кресла и протягивая черезъ столъ руку викарію.

Филиберъ пожалъ руку, думая безотчетно о томъ, что она— потная и холодная. О. Дюбуа продолжалъ:

— Я понимаю неосторожность мою... пожалуй—неделикатность, съ которою коснулся... Словомъ, съ точки зрѣнія общепринятыхъ приличій, я виноватъ... Но если взять во вниманіе, что мы, служители церкви — братья..., что всякіе личные наши интересы,... чувства,... какъ бы ни были они дороги для насъ— ничто, въ сравненіи съ нашимъ долгомъ,... то, мнѣ кажется... я думаю, надѣюсь...

Филиберъ, усиленно, въ тактъ каждой фразѣ, гладившій свою голову, въ ожиданіи услышать разгадку, не вытерпѣлъ и проговорилъ:

— О чемъ собственно рѣчь ваша?

— Какъ о чемъ?—уже обидчиво и съ помрачившимся лицомъ переспросилъ о. Дюбуа. — О вашемъ столкновеніи съ о. Гіацинтомъ!

— О столкновеніи... Ахъ, да!—вспомнилъ Филиберъ. — Но я все-таки не понимаю... То, что̀ называете вы столкновеніемъ,

было простое служебное объясненіе... и оно исчерпано, забыто... Почему о. Гіацинтъ...

— Теперь я узнаю васъ!—не далъ договорить ему о. Дюбуа, превращаясь весь въ олицетворенное благодушіе. — Да, я васъ узнаю и понимаю случившееся наше недоразумѣніе... Мнѣ представилось, что вы въ претензіи на о. Гіацинта и потому не хотите видѣться съ нимъ... Радуюсь, что ошибся! Позвольте еще разъ пожать вашу руку!

Онъ схватилъ своими холодными, длинными пальцами грубую, широкую руку Филибера и не пожалъ ее, а сцѣпилъ, точно ястребъ когтями.

Глаза его увлажились, и онъ продолжалъ:

— Вы забыли обо всемъ, поступили по внушенію вашихъ юныхъ, высокихъ чувствъ... Такъ и должно! Но... будьте великодушны до конца, войдите и въ положеніе о. Гіацинта... Онъ старъ, немощенъ и потому раздражителенъ, брюзгливъ—причина физіологическая... Онъ печется о своемъ приходѣ, думаетъ о его будущемъ... о преемникѣ, имѣющемъ укрѣплять, продолжать насаждаемое... и потому строгъ, какъ къ самому себѣ, ревнивъ, мнителенъ—причина нравственная... Весьма понятно, что подъ вліяніемъ такихъ причинъ онъ бываетъ склоненъ скорѣе преувеличивать, чѣмъ уменьшать значеніе всякаго недоразумѣнія, и въ то же время терзается этимъ самъ... Такъ и теперь: онъ огорченъ, терзается неизбѣжностью объясненія съ епископомъ...

— По какому случаю?—вскинулъ голову Филиберъ.

— По случаю вашего несчастнаго недоразумѣнія... О. Гіацинтъ—онъ, конечно, не высказывалъ мнѣ этого, но я понимаю, —и обезоруженъ своимъ расположеніемъ къ вамъ, и угнетенъ мыслью, что отъ епископа не должно быть скрыто ничто...

— Я не придавалъ такой важности недоразумѣнію...,—пробормоталъ Филиберъ, шмыгая отчаянно ладонью по головѣ.

— И не слѣдуетъ придавать! — отвѣтилъ успокоительно о. Дюбуа. — Епископу не до подобныхъ мелочей! Конечно, можетъ случиться, что онъ обратитъ вниманіе... въ виду именно будущности прихода...

Хищный блескъ въ остановившихся на викаріѣ глазахъ о. Дюбуа обозначился ярко, хотя выраженіе благодушія не сходило съ лица.

— Но вѣроятнѣе всего,—заключилъ онъ,—что о. Гіацинтъ, подобно всѣмъ престарѣлымъ людямъ, только стремится создавать самъ себѣ огорченія и дальше этого не пойдетъ... Скажите,

Шербекъ по прежнему образцовый слуга церкви?.. религіозность ростетъ въ немъ?

— Напротивъ: падаетъ, какъ и вездѣ! — отвѣтилъ викарій.

О. Дюбуа печально опустилъ голову. Побывъ съ минуту какъ бы въ благоговѣйномъ размышленіи, онъ поднялъ глаза на викарія и сказалъ:

— Принимаются мѣры къ поддержанію благочестія?

— По возможности...

— Надо вооружаться всѣмъ... бороться неустанно... Практикуете вы организацію поѣздокъ на богомолье... процессіи въ честь святыхъ?

— Это было когда-то, а теперь...

— Что̀ же?

— Театральность все это, въ сущности...,—отвѣтилъ, подумавъ, Филиберъ. — На прежнюю, совсѣмъ темную массу она могла еще дѣйствовать...

— Театральность!—перебилъ о. Дюбуа, пропуская остальное мимо ушей.—Что̀ же необыкновеннаго въ этомъ? Подобныя невинныя mises en scène не противны правиламъ церкви!

— Но и мало сообразны съ ея достоинствомъ...

— На какомъ основаніи?

— Все театральное—суетность, а церковь противъ суетности.

— Все зависитъ отъ цѣли! — возразилъ о. Дюбуа. — Этою „суетностью",—подчеркнулъ онъ, — поддерживается авторитетъ церкви, необходимый для борьбы съ истинно-суетнымъ... На бывшей въ Брюсселѣ la procession du Saint-Sacrement du Miracle присутствовало больше тридцати архіепископовъ и епископовъ съ представителемъ его святѣйшества...

Филиберъ двинулся нервно.

Процессія имѣла предметомъ чествованіе памяти ауто-да-фе 1370 г., когда сожжено было нѣсколько евреевъ. Читая о ней въ газетахъ, Филиберъ, при всей своей преданности церкви, тогда же смутился этимъ „чествованіемъ мрака жестокихъ временъ", по сложившейся у него фразѣ. Притомъ, самое „чудо" извѣстно было лишь по *легендѣ*, говорящей, что евреи просверлили церковную чашу, чтобы вылилось причастіе, но оно все-таки осталось въ чашѣ.

— Да... пожалуй...,—согласился онъ изъ приличія.

— Ваши взгляды совсѣмъ расходятся со взглядами епископа...,—проговорилъ о. Дюбуа.

— Я не знаю, держится ли онъ такихъ взглядовъ,—отвѣтилъ угрюмо Филиберъ.

— Онъ держится ихъ! — произнесъ значительно о. Дюбуа, постукивая по столу кончиками длинныхъ, костлявыхъ пальцевъ. —Процессіи, проповѣди о дѣяніяхъ святыхъ, массовыя путешествія на богомолье онъ считаетъ лучшими средствами водворенія благочестія... На пути сюда я провелъ у него нѣсколько дней, и онъ много говорилъ мнѣ объ этомъ...

Филиберъ невольно выпрямился на стулѣ. Круглые глаза его растерянно уставились на загадочнаго гостя.

Тотъ какъ бы не замѣтилъ этого и продолжалъ говорить о епископѣ, о его прочихъ взглядахъ на задачи церкви, о вкусахъ, привычкахъ, налегая на слово: „monseigneur“ и точно стараясь, чтобы оно застряло въ ушахъ викарія...

Прощаясь, о. Дюбуа ухватилъ легонько, двумя пальцами, бортъ сутаны хозяина и заговорилъ съ ласковою наставительностью:

— Вы слишкомъ скромны, дорогой викарій, насколько могу я судить... излишне стушевываетесь, если можно такъ выразиться... Въ вашемъ положеніи фактическаго кюрэ вы можете имѣть болѣе сильное вліяніе на дѣла прихода... Теперь, во время выборовъ, это особенно необходимо... Чтò ни говорили бы противники вмѣшательства церкви въ политику, оно должно быть и будетъ всегда... Депутатъ или бургомистръ, правда, не служатъ обѣдни, не поучаютъ народъ съ церковной каѳедры, но они— правительство, также направляющее умы... А интересы правительства и церкви всегда тожественны, почему и дѣятельность должна быть совмѣстна...

— Гдѣ вы остановились?—спросилъ Филиберъ, соображая, что слѣдуетъ отдать визитъ.

— Въ зàмкѣ остановился я,—просто отвѣтилъ о. Дюбуа и скрылся за дверью.

Филиберъ остался точно прикованный къ мѣсту.

„Приближенный, если не другъ, самого епископа, гость графа Ниссена, остановившійся въ зàмкѣ, сдѣлалъ визитъ ничтожному шербекскому викарію, помѣщенному изъ милости въ графской лачужкѣ!..“—сталъ разбираться онъ въ нахлынувшихъ мысляхъ.—„Какой смыслъ, какая цѣль этого визита? Чтò можетъ крыться подъ нимъ?..“—Онъ задумался, оцѣнивая каждое слово бесѣды, каждый жестъ, взглядъ о. Дюбуа... Практическій смыслъ говорилъ ему, что въ немъ, Филиберѣ, нуждаются, заискиваютъ... Но по тому же практическому смыслу слѣдовало, что клерикалы требуютъ своего, обязываютъ къ слѣпымъ, безотвѣтнымъ услугамъ... запугиваютъ раздуваемымъ столкновеніемъ съ о. Гіацинтомъ.

Это озлобило Филибера и нагнало на него какъ бы ипохондрію. Онъ счелъ даже неумѣстнымъ отдавать визитъ о. Дюбуа въ замкѣ—въ чужомъ домѣ, хотя и руководился въ этомъ больше застѣнчивостью, чѣмъ дѣйствительною причиной.—„Епископъ—власть, но и христіанско-демократическая группа тоже не безъ власти, не безъ вліянія!"—ободрилъ онъ себя, принимаясь снова за брошюрки...

Передъ вечеромъ зашелъ Пикаръ.

— Вы не слыхали... не знаете, что̀ это за личность о. Дюбуа?—обратился къ нему Филиберъ.

— Какой о. Дюбуа?

— Который пріѣхалъ недавно, въ замкѣ остановился...

— Понятія не имѣю!

Филиберъ не распространился, и началась обычная дѣловая бесѣда.

IX.

Все нетерпѣливо ожидаемое приходитъ обыкновенно внезапно. Такъ случилось и съ Шербекомъ: выборная горячка вспыхнула вдругъ и охватила все разомъ.

Въ воскресенье, послѣ ранней обѣдни, Филиберъ произнесъ вступительную выборную проповѣдь на тему: „Кесарево кесарю, божіе Богу". Просто и ясно, отбросивъ всякіе семинарскіе правила и пріемы, онъ развилъ мысль, что изреченіемъ своимъ Христосъ устанавливаетъ *справедливость*, не отличая предъ нею небесное отъ земного, признавая за каждымъ равную важность, повелѣвая воздавать тому и другому *должное*; что кесарь есть образъ власти вообще, въ какомъ бы видѣ она ни существовала, образъ того земного, служить которому человѣкъ обязывается такъ же справедливо, по долгу и совѣсти, какъ и небесному; что предстоящіе выборы есть одна изъ службъ этому земному, и каждый, призванный закономъ къ отправленію ея, обязанъ исполнить свой долгъ, по слову Христа, такъ же справедливо, какъ долгъ небесному,—убѣгая соблазна, не страшась никого и ничего, слушаясь только своей совѣсти.

Въ то же утро выступилъ на сцену, таившійся гдѣ-то съ самыхъ прошлыхъ выборовъ, муниципальный расклейщикъ объявленій, дядя Пьеръ, — сѣдой, круглый какъ шаръ и въ круглыхъ старинныхъ очкахъ въ мѣдной оправѣ, вооруженный буковою лѣсенкой съ привѣшеннымъ къ ней ведеркомъ клейстера.

Командуя кучкою набранныхъ подручныхъ, онъ украсилъ фасадъ ратуши, древнюю башню, пресвитерію и прочія подходящія мѣста громадными выборными афишами всѣхъ трехъ партій, съ бросавшимися въ глаза чуть не за версту именами кандидатовъ, набранными жирнымъ вершковымъ шрифтомъ; а это собрало на улицахъ въ кучки публику и весь вышедшій изъ церкви народъ...

Вступавшіе впервые въ бой соціалисты считали долгомъ объясниться. Они говорили въ афишѣ, что бельгійскій соціализмъ— ребенокъ, родившійся въ 1880 г., но уже держащійся на своихъ ногахъ; что, освободившись отъ теоретическихъ пеленокъ интернаціонализма, онъ сталъ на экономическую почву, пріобщился къ политикѣ, парламентаризму и имѣетъ цѣлью—объединить тружениковъ изъ народа и мелкой буржуазіи въ одну общую „Бельгійскую рабочую партію", улучшить экономическое положеніе ихъ при помощи синдикатовъ, взаимопомощи, коопераціи, способствовать повышенію нравственнаго и умственнаго уровня среди нихъ, достигнуть мирнымъ и законнымъ путемъ предоставленія народу права всеобщей подачи голосовъ. Въ концѣ афиши стояло: „Послѣдніе выборы въ Гентѣ обошлись клерикаламъ больше, чѣмъ въ три милліона франковъ! Мы не покупаемъ голосовъ: мы просимъ ихъ у васъ по праву, и надѣемся, что вы дадите ихъ по долгу вашей совѣсти профессору *Бертрану*"!

Либералы открывали съ первыхъ же строкъ безпощадный огонь... Они забрасывали клерикализмъ фактами, разоблаченіями, характеризовали эпитетами: „criminel", „parasite", „trompeur"... и вдругъ, когда читавшій уже погружался нарисованною картиной въ самую бездну отчаянія, восклицали съ новой строчки: „Но не все еще погибло! Есть либеральная партія, а въ ней— свѣжій, отважный борецъ Этьенъ *Дрозъ*"!

Клерикалы, какъ бойцы давно уже обстрѣлянные, искусные въ тактикѣ и стратегіи, начинали бой спокойно, съ сознаніемъ своей силы и съ вѣрой въ побѣду. Ихъ, обведенная символической виньеткой, афиша гласила кратко и сильно: „Избиратели! Уже много лѣтъ, вѣрные своему долгу, вы вручаете довѣріе ваше глубокоуважаемому m-r Каспару *Странгеру*! Вы процвѣтаете подъ кровомъ законности и порядка, а о нихъ печется за васъ и для васъ глубокопочтенный m-r Каспаръ *Странгеръ*! Мы видимъ, что и теперь, среди смуты, направленной къ захвату власти, вы предпочтете всякимъ другимъ именамъ имя досточтимаго m-r Каспара *Странгера*! Избиратели! Идя объ руку съ правительствомъ, прилагая усилія способствовать ему въ его

благихъ стремленіяхъ къ прогрессу, миру и экономіи, мы будемъ рады облегчить каждому изъ васъ путь къ занятію мѣста или достиженію успѣховъ на поприщѣ государственной службы. Считаемъ за лишнее говорить, что довѣріе ваше будетъ оправдано такъ же усердно и добросовѣстно, какъ всегда"!

Афишу либераловъ публика только просматривала наскоро. Предъ клерикальною обособлялись кучки мелкихъ торговцевъ, приказчиковъ, писцовъ изъ купеческихъ конторъ, читавшихъ ее вдумчиво, отъ строчки до строчки. Афиша соціалистовъ привлекала несмѣлыя, какъ-то неожиданно собиравшіяся и такъ же неожиданно таявшія, кучки рабочихъ, мастеровыхъ и разнаго плохо одѣтаго люда.

X.

Начавшійся въ центрѣ переполохъ не замедлилъ перекинуться и въ Эйндеке.

Тамъ предъ соціалистическою афишей шла повсюду давка, слышались разсужденія, споры... Иногда къ оживленно толковавшей кучкѣ присоединялся какой-нибудь незнакомецъ и пускался въ политику, выказывая себя ярымъ демагогомъ... Его слушали, потомъ вдругъ разражались хохотомъ. Раздавался возгласъ: „agent provocateur"! Ораторъ, вздернувъ воротникъ пальто до самыхъ ушей, спѣшилъ исчезнуть, провожаемый гамомъ и свистомъ толпы, визжавшими и скакавшими уличными мальчишками...

Между тѣмъ ближайшій виновникъ всего этого—дядя Пьеръ, получившій отъ Пикара въ благодарность за труды цѣлый пятифранковикъ, давалъ себѣ отдыхъ въ эстаминэ Арну. Буковая лѣсенка его стояла у стѣны. Самъ онъ, сдвинувъ очки на пунцовый кончикъ носа и попыхивая нестерпимою антверпенскою „гаванной", вытягивалъ „капельку" за „капелькой", чувствуя себя героемъ дня. Къ нему подсѣли: охранявшій болото графскій полевой сторожъ — какъ-бы протестовавшій своими аллюрами и чудовищно-багровымъ носомъ, что оперетка недостаточно шаржируетъ такіе типы, и слободскій портной—сумрачный мыслитель, отчаянный спорщикъ, съ огромною шишкой надъ правымъ глазомъ.

Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, шелъ о выборахъ.

— Этотъ разъ непремѣнно обѣды будутъ!—изрекъ портной.

— Э, нѣтъ-съ!—возразилъ скептически сторожъ, вздернувъ

свой багровый носъ и окруживъ его, точно ореоломъ, облаками дыма изъ коротенькой трубки.

— Гдѣ ужъ!—отозвался уныло дядя Пьеръ.

— Будутъ!—подтвердилъ портной.

Обѣды мелкимъ избирателямъ составляли повсюду одно изъ безчисленныхъ золъ при выборахъ, освященное обычаемъ. Вслѣдствіе партійной „конкурренціи", цѣна ихъ, не превышавшая прежде двухъ франковъ на человѣка, почти утроилась. Не знавшіе конкурренціи, шербекскіе клерикалы не практиковали у себя этой расходной статьи.

Сторожъ подумалъ, окружилъ снова облаками свой носъ и спросилъ:

— Почему же вы обѣды предполагаете?

— Да помилуйте!—воскликнулъ портной, удивляясь политической тупости слушателей.—Прежде только клерикалы дѣлали выборы, а теперь либералы прибавились!

— И соціалисты...

— Ну, соціалисты—какъ бы самъ народъ! Кассы на обѣды не имѣютъ они... Когда въ Монсѣ жилъ я у хозяина—точно такъ же происходило! Ни обѣдовъ, ничего не получалось отъ выборовъ... въ городѣ тишина... пивныя пусты... Обозначились либералы—сейчасъ и отъ клерикаловъ обѣды, по улицамъ—кортежи, въ пивныхъ—собранія всякія... Непремѣнно должно это и въ Шербекѣ быть!

Примѣръ былъ убѣдителенъ. Но сторожъ обратилъ пораженіе въ побѣду и воскликнулъ торжествующе:

— Тогда клерикалы съумѣютъ задать пиръ!

— Куда имъ до либераловъ!—отмахнулся портной.

— Этого вы не можете знать!—рѣшительно и съ достоинствомъ возсталъ сторожъ, и прибавилъ въ полголоса, какъ бы выдавая тайну первѣйшей важности:—Графъ не пожелаетъ, чтобъ какъ-нибудь...

— А компанейская-то пивная у Дроза!—отпарировалъ задорно портной.—Что̀ ему стоитъ хоть какое угощеніе!

Этотъ доводъ сразилъ окончательно противника. Слушавшій внимательно дядя Пьеръ проникся уваженіемъ къ глубокому политику и спросилъ:

— А какъ вы думаете: кто побѣдитъ теперь на выборахъ?

Польщенный портной нахмурился, такъ, что шишка совсѣмъ закрыла ему глазъ, прикинулъ мгновенно въ умѣ шансы всѣхъ трехъ партій и воскликнулъ, пристукнувъ кулакомъ по столику:

— Соціалисты!

Явился Пикаръ изъ типографіи, гдѣ сводилъ счеты за афишу.

Арну, артистически положившій за стойкой стаканы и вѣшавшій ихъ на деревянные колышки въ стѣнѣ, спросилъ:

— Ну, что̀?

— Все какъ слѣдуетъ,—отвѣтилъ Пикаръ.

— Типографщикъ двойныя цѣны поставилъ?

— Нѣтъ.

— Удивляюсь!

— Пессимистъ вы большой!

Арну опустилъ въ воду стаканы и побрянчалъ ими тамъ, потомъ началъ, подсучивая спустившіеся рукава рубашки:

— У насъ, въ технической школѣ, учитель черченія умница былъ... такъ онъ, при случаѣ, говаривалъ намъ: „Пессимизмъ—большое несчастіе, а оптимизмъ—большая глупость"!.. Ха-ха-ха!

— Ну?—уставился Пикаръ на товарища.

— Ну, и только! Лучше всего середина...

— Въ чемъ же она?

— Въ смекалкѣ да въ опытности! Съ клерикалами надо ухо держать востро̀!

— Это-то знаю я! Но вы ужъ черезчуръ...

Онъ надѣлъ шляпу и повернулся къ двери.

— Куда вы?

— Къ Шираку...

Хлопотавшая за стойкою Анна погрозила ему знаменательно пальцемъ. Пикаръ вспыхнулъ и проговорилъ, какъ бы оправдываясь:

— Собраніе у него насчетъ коопераціи...

— Подвигается дѣло?—спросилъ Арну.

— Матеріалъ уже для постройки купленъ! Сегодня годичную смѣту обсудятъ!

XI.

Несмотря на ранній часъ утра, за̀мокъ былъ уже въ движеніи.

На дворѣ кучеръ мылъ губкой элегантную, брюссельской работы, каретку съ никкелированнымъ бубенчикомъ на концѣ дышла —по оригинальной бельгійской модѣ. Мѐге-Жозефина, стоя въ подъѣздѣ флигеля, ревизовала доставленную провизію и отдавала приказанія повару. Дворецкій обходилъ парадныя комнаты въ за̀мкѣ, дѣйствуя метелкой и устанавливая мебель съ такимъ тщаніемъ, какъ будто требовалась математическая точность. Лакей Алексисъ, въ форменномъ, не совсѣмъ складно сидѣвшемъ на

немъ замковомъ синемъ камзолѣ съ красными отворотами, въ полинялыхъ розовыхъ чулкахъ, приготовлялъ все надобное въ кабинетѣ и распредѣлялъ въ установленномъ порядкѣ на столѣ курительный приборъ съ сигарами, пенснэ, доставленныя съ почты письма, газеты.

Кабинетъ, въ rez-de-chaussée,—обширный и мрачный, служившій, по всему вѣроятію, когда-то кордегардіей замка,—былъ какъ бы живою лѣтописью протекшаго и нравовъ обитателей: саженная толщина стѣнъ въ оконныхъ нишахъ переносила прямо въ средніе вѣка; покрывавшая стрѣльчатый сводъ старинная живопись на религіозные сюжеты обличала въ одномъ изъ предковъ любителя искусства той знаменательной эпохи, когда фламандская школа, выдѣлившись, при религіозной войнѣ, изъ голландской и достигнувъ своего апогея, продолжала сохранять свой реализмъ, держась даже и въ религіозномъ больше дѣйствительной жизни, чѣмъ идеала; отъ графа Гуго остались французскіе гобелены на стѣнахъ да превосходной кисти портреты знаменитыхъ пѣвицъ и танцовщицъ; о взглядахъ и направленіи графа Бенуа Ниссена говорили развѣшенныя на стѣнѣ предъ письменнымъ столомъ фотографическія карточки генераловъ и клерикальныхъ министровъ-вожаковъ...

Съ дѣтства втиснутый въ колею военнаго, хотя и назначеннаго испытывать тягости походовъ и стычекъ лишь на брюссельскихъ улицахъ, графъ Бенуа привыкъ вставать рано, обходиться безъ услугъ камердинера. Теперь онъ одѣвался въ сообщавшейся съ кабинетомъ спальнѣ, обставленной по походному.

Военная карьера, впрочемъ, не слишкомъ привлекала графа Бенуа, и онъ уже давно былъ въ отставкѣ. На первыхъ порахъ прельщалъ его мундиръ, какъ бы сросшійся съ свѣтскою бельгійскою молодежью. Затѣмъ, когда возбудился вопросъ—чтобы всеобщая воинская повинность была именно *всеобщею*, отправлялась каждымъ лично, безъ наемщиковъ, правительство „возложило надежды“ на графа Бенуа и вручило ему экстренно командованіе однимъ изъ гвардейскихъ полковъ. Но вопросъ такъ и остался вопросомъ. Графъ Бенуа, ожидавшій обновленія полка аристократическимъ и высше-буржуазнымъ юношествомъ, принужденъ былъ удовольствоваться не легкимъ трудомъ водворенія дисциплины среди солдатства изъ крестьянъ, мастеровыхъ и всякаго званія наемщиковъ. Да и дисциплина возможна была только призрачная, опредѣляемая во всемъ законами и необходимостью: нечего было и думать о водвореніи магическаго „приказанія“, о превращеніи солдата въ машинку, полка—въ касту; нельзя

было поручиться даже за офицеровъ, что они не откажутся когда-нибудь принять патроны. Къ клерикальному „идеалу“ надо было идти окольнымъ, хлопотливымъ путемъ—держать полкъ безотлучно въ казармѣ, не допуская общенія съ „улицей“, занимать его маршировками, доводя ихъ до степени танцовальныхъ пріемовъ, выводить возможно чаще для встрѣчи епископовъ и на церковныя церемоніи, имѣть въ казармахъ, вопреки закону, духовниковъ-кюрэ... Это послѣднее въ особенности расхолаживало графа Бенуа. Знавшіе только іерархическую зависимость, имѣвшіе свои конфиденціальныя инструкціи, духовники держали себя властно, мѣшались во все, имѣли всѣ свойства камня преткновенія для самихъ командировъ... Поразмысливъ, графъ Бенуа оставилъ службу и отдался своимъ собственнымъ дѣламъ да пользованію жизнью по курортамъ, пріобщившись къ типу тѣхъ крупныхъ бельгійскихъ собственниковъ, которые—какъ выразился въ рапортѣ самъ фландрскій губернаторъ—„только и знаютъ, что dolce far niente да аккуратное полученіе арендной платы“.

Когда графъ Бенуа показался изъ спальни, встрепенувшійся Алексисъ вытянулся и изобразилъ на лицѣ заученное выраженіе почтительной серьезности.

Высокаго роста, умѣренно-полный, съ овальнымъ лицомъ и длинною сѣдою бородой, одѣтый въ бѣлую фланелевую пару, графъ Бенуа смотрѣлъ совсѣмъ молодцомъ, хотя и скрывалъ подъ элегантными движеніями дававшій чувствовать себя изъянъ поясницы. Въ свѣтѣ находили его похожимъ на короля, и онъ всячески старался поддерживать это сходство,—пожертвовавъ даже моложавостью ради сѣдой бороды, отвергнувъ „послѣднее слово химіи, моментально возвращающее волосамъ ихъ цвѣтъ и блескъ“...

Опустившись въ кресло передъ письменнымъ столомъ, онъ проговорилъ коротко:

— Кофе...

Алексисъ исчезъ, заключивъ съ присущею его породѣ проницательностью, что графъ не въ духѣ.

Это было дѣйствительно такъ, и причина крылась въ шербекскихъ выборахъ... Еще въ Брюсселѣ, рѣшивъ, по совѣту друзей-политиковъ, отправиться въ Шербекъ, онъ повидался съ однимъ изъ министровъ, надѣясь заручиться хотя какою-либо удобопонятною программою дѣйствій. Но министръ отвѣтилъ:—„Программа выяснится на мѣстѣ, и вамъ нечего безпокоиться: въ Шербекѣ вы найдете о. Дюбуа“.—Это было, пожалуй, тоже

програмой. Графъ рѣшилъ слѣдовалъ ей. По совѣту о. Дюбуа, онъ сдѣлалъ бургомистру косвенный выговоръ, удивившись, что въ Шербекѣ допущена продажа соціалистическихъ газетъ, между тѣмъ какъ законъ запрещаетъ распространеніе „безнравственныхъ изданій"; появился въ первое же воскресенье въ церкви и выказалъ случившемуся тамъ отступнику Дрозу изысканную холодную вѣжливость; далъ обычный парадный обѣдъ цвѣту шербекскаго клерикализма. Предстояло сдѣлать еще что-то и когда-то, но графъ Бенуа чувствовалъ уже скуку... Онъ не былъ политикомъ, какъ не былъ, собственно говоря, и клерикаломъ. Онъ держался извѣстнаго, благопріятнаго ему порядка вещей, мало думая о его кличкѣ. Онъ даже не могъ представить себѣ съ ясностью—чѣмъ именно разнятся либералы отъ клерикаловъ? При господствѣ тѣхъ или другихъ основная сущность порядковъ остается одинаковою и—вспоминались ему слова одного клубнаго остряка—„одинаково пустѣетъ государственная касса"... Терять при переворотахъ могли лишь имѣющіе въ рукахъ власть. Но онъ никогда не добивался власти, и теперь ему было рѣшительно все равно, кто станетъ тянуть обычную канитель въ парламентѣ—Дрозъ или Странгеръ... Иное дѣло—соціалисты. Съ ними, какъ съ общепризнаннымъ пугаломъ, слѣдовало бороться. Но эта борьба не соотвѣтствовала ни положенію, ни достоинству графа Ниссена и требовала спеціальнаго оружія, изъ котораго во всемъ наличномъ арсеналѣ только и отыскивался сомнительный ходячій аргументъ, что „соціалисты—враги церкви"...

Графъ Бенуа развернулъ получавшуюся обязательно въ замкѣ гентскую клерикальную газету. Корреспондентъ писалъ изъ Брюсселя: „Бельгійское правительство, чуткое къ нуждамъ бѣднѣйшаго класса, охотно откликнулось на призывъ частныхъ иниціаторовъ, чтобы доставить рабочимъ, за сравнительно небольшую сумму, возможность жить въ веселыхъ, чистенькихъ домикахъ, гдѣ усталые отъ дневной работы труженики и труженицы могли бы находить чистый, свѣтлый, уютный уголъ"...

Чѣмъ-то грустнымъ и смѣшнымъ пахнуло теперь на графа Бенуа отъ этого фарисейскаго лиризма; какими-то особенно жалкими въ ихъ нравственной неопрятности представились ему и благонамѣренный редакторъ газеты, и угодливый сотрудникъ. Знакомый съ закулисною стороной всякихъ клерикальныхъ махинацій, графъ зналъ, какія дѣла обдѣлываютъ эти „частные иниціаторы" при помощи попечительнаго правительства, зналъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ „сравнительно небольшою суммой", имѣлъ самъ домъ на грязнѣйшей окраинѣ Брюсселя, назначен-

ный спеціально для помѣщенія „тружениковъ и тружепицъ“, не знавшій, что̀ такое ремонтъ и приносившій больше любого дома на Королевской улицѣ...

Въ паркѣ, передъ самымъ окномъ, шевелилось что-то темное. Графъ вглядѣлся: это была спина о. Дюбуа, сидѣвшаго на скамьѣ и бросавшаго изъ кармана сутаны зерна воробьямъ.

Графъ чуть не расхохотался при видѣ такого сердоболія къ „птичкамъ божьимъ“, и поспѣшно вышелъ въ паркъ, къ своему неусыпному руководителю.

Они долго бродили по дорожкамъ, занятые разговоромъ.

Разговоръ продолжался и въ столовой, за лёнчемъ.

— Но развѣ шербекскій викарій — министръ несмѣняемый! —воскликнулъ съ оттѣнкомъ раздражительности графъ.

О. Дюбуа сдѣлалъ видъ, что торопится докончить яйцо въ смятку, но выскребъ его ложечкой вполнѣ методично и даже нашелъ время отхлебнуть бордо изъ узорнаго стаканчика.

— Для рѣшенія этого вопроса мы будемъ имѣть четыре года впереди,—сказалъ онъ потомъ.—А дѣятель надобенъ намъ теперь... сейчасъ...

— Есть же о. Гіацинтъ!

О. Дюбуа положилъ себѣ на тарелку ломтикъ вареной рыбы и искусно покрылъ его майонезомъ, говоря въ то же время:

— О. Гіацинтъ—почтеннѣйшая личность во всѣхъ отношеніяхъ... и очень преданный дѣлу человѣкъ... Но онъ старъ... неспособенъ давно уже ни къ какой дѣятельности...

Графъ подвинулъ гостю графинъ съ рейнвейномъ, погладилъ задумчиво свою сѣдую бороду и сказалъ нѣсколько въ носъ— что̀ служило у него признакомъ веселости:

— А викарій этотъ... толковый?

— Очень!

Н. Сѣверовъ.

ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АНГЛІИ

Замѣтки и наблюденія.

I.

Бирмингемъ.

Общественная культура, подобно земледѣльческой, бываетъ экстенсивной или интенсивной. Экстенсивная культура направлена болѣе вширь, чѣмъ вглубь; она состоитъ въ расширеніи территоріи, въ постройкѣ новыхъ городовъ, новыхъ желѣзныхъ дорогъ, новыхъ школъ, новыхъ фабрикъ. Интенсивная же культура гоняется не столько за *новымъ*, сколько за усовершенствованіемъ, развитіемъ и углубленіемъ стараго. Девизомъ первой поэтому бываетъ „расширеніе", девизомъ второй—„улучшеніе". И каждый разъ, когда бываешь въ провинціи, въ Англіи, раньше всего вамъ бросается въ глаза именно эта интенсивность культуры, ея глубина и повсемѣстность. Всюду замѣчается какая-то сжатость и густота, словно вся Англія представляетъ собою того „быка въ чашкѣ", котораго одна мясо-экстрактная фирма рисуетъ на своихъ уличныхъ рекламахъ-плакатахъ. Кажется, нѣтъ ни одного клочка земли пустого, забытаго, заброшеннаго. Если не все заселено и обработано, то все на виду, все отмѣчено историкомъ или топографомъ, археологомъ или туристомъ.

Строго говоря, провинціи въ Англіи даже и нѣтъ; во всякомъ случаѣ, нѣтъ этого неуклюжаго, плохо-обтесаннаго провин-

ціализма, преисполненнаго въ иныхъ странахъ такого трепетнаго благоговѣнія къ столицѣ и ко всему столичному. Въ представленіи жителя англійской провинціи Лондонъ—лишь большой городъ съ огромнѣйшимъ населеніемъ, и ничѣмъ другимъ, какъ только своей несуразной величиной, не выдается надъ прочими крупными городами Англіи. Правда, въ Лондонѣ есть Вестминстерское аббатство, парламентъ, да еще что-то тамъ такое интересное, —кажется, Гайдпаркъ, но зато и въ родномъ городѣ провинціала найдется тоже не мало достопримѣчательнаго, не уступающаго и Лондону. Никакихъ модъ и манеръ, никакихъ умственныхъ и политическихъ теченій англійская провинція у своей столицы не заимствуетъ. Напротивъ: многіе изъ провинціальныхъ городовъ часто задаютъ тонъ даже лондонцамъ. Тѣ же самые актеры, пѣвцы, лекторы, ораторы, которые выступаютъ передъ лондонской публикой, выступаютъ и въ Манчестерѣ, въ Гласго, въ Бирмингемѣ, въ Бристолѣ и десяткахъ другихъ городовъ Англіи. Ни одному изъ жителей провинціи не приходится пріѣзжать въ Лондонъ, чтобы учиться, культивировать вкусъ, выработать себѣ манеры, побывать въ обществѣ и увидѣть „свѣтъ". Такъ называемое лондонское „общество" (society) можно найти всюду и вездѣ и вовсе не нужно гнаться за нимъ въ столицу. Высокая аристократія и богатѣи хотя имѣютъ дома или квартиры въ Лондонѣ, живутъ больше въ провинціи, гдѣ ихъ скорѣе встрѣтишь, чѣмъ въ столицѣ. Академіи художествъ, консерваторіи, вліятельныя и распространенныя газеты, высшія техническія школы имѣются и во многихъ провинціальныхъ городахъ не хуже, чѣмъ въ Лондонѣ. Литераторы живутъ въ провинціи, а министры и политическіе дѣятели гораздо чаще удостоиваютъ своими рѣчами провинціальную публику, чѣмъ лондонскую. Лондонъ если и влечетъ къ себѣ кого-либо изъ провинціи, то не интеллигента, а рабочаго, человѣка, ищущаго не развитія и образованія, а болѣе высокаго заработка.

Эту интенсивность общественной жизни и, такъ сказать, отсутствіе провинціальности мнѣ на дняхъ опять пришлось наблюдать въ срединной или центральной Англіи, въ такъ называемыхъ Midlands, обнимающихъ нѣсколько графствъ, лежащихъ въ полуторыхъ или двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ къ сѣверо-западу отъ Лондона. Благодаря тому, что я тамъ былъ въ качествѣ участника ежегоднаго съѣзда журналистовъ, собравшихся на этотъ разъ въ Бирмингемѣ, столицѣ Midlands, оказалось для меня возможнымъ видѣть многое и ознакомиться съ такими сторонами жизни, которыя для обыкновеннаго туриста не всегда

доступны. Членскій билетъ на съѣздъ оказывался магическимъ ключомъ, передъ которымъ легко и широко раскрывались двери фабрикъ и заводовъ, школъ и библіотекъ, древнихъ замковъ и музеевъ, клубовъ и частныхъ домовъ. Кромѣ Бирмингема, члены съѣзда посѣтили, по приглашенію, и нѣкоторые близлежащіе города и деревни, и если бы я вздумалъ описать все то, что видѣлъ, то, пожалуй, могъ бы наполнить своими матеріалами цѣлую книгу. Одинъ Бирмингемъ представляетъ собою такое разнообразіе и богатство жизни, что его одного хватило бы на много печатныхъ листовъ; но, помня поговорку: „не всякое лыко въ строку“, я ограничусь здѣсь лишь нѣкоторыми особенностями, наиболѣе характерными и типичными для современной Англіи.

Общее впечатлѣніе о внѣшней сторонѣ Бирмингема довольно мѣтко опредѣлилъ одинъ изъ моихъ англійскихъ знакомыхъ журналистовъ.

— All the plums are in one basket (всѣ сливы отобраны въ одну корзину),—сказалъ онъ.

И дѣйствительно, всѣ лучшія зданія, всѣ самыя красивыя улицы сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, на сравнительно небольшомъ пространствѣ; вся же остальная часть города представляетъ собою утомительно скучную громадную сѣть улицъ, раскинувшуюся на многихъ квадратныхъ миляхъ. Повсюду надъ этой сѣтью высятся гигантскія фабричныя трубы, безпрестанно выбрасывающія черные клубы дыма. Иногда, точно лава изъ кратера, дымъ этотъ опускается внизъ и стелется по кровлямъ сосѣднихъ зданій; иногда же онъ, какъ фонтанъ мутной воды, огромными лиловыми клубами бьетъ вверхъ. Во всякомъ случаѣ, дымъ этотъ, какъ дыханіе гиганта, свидѣтельствуетъ о напряженной работѣ, о безпрестанной дѣятельности многихъ десятковъ тысячъ людей, выработывающихъ всевозможныя вещи, начиная съ простой желѣзной лопаты и кончая щегольскимъ бензиннымъ велосипедомъ или золотыми дамскими часиками.

Бирмингемъ вообще извѣстенъ какъ городъ чрезвычайнаго разнообразія производствъ, и главная характерная черта его промышленности, съ точки зрѣнія капиталистической, это не крупные размѣры его предпріятій, а захватъ имъ почти всѣхъ видовъ фабричнаго труда. Если судить по „Почтовому указателю“ города Бирмингема, то одинъ перечень предметовъ, производящихся на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, занялъ бы здѣсь нѣсколько страницъ плотной печати. Какъ иллюстрацію, достаточно

дать здѣсь названія слѣдующихъ предметовъ бирмингемскаго производства: желѣзныя кровати, брошки, хронометры, рессоры для каретъ, капсули для бутылочныхъ горлышекъ, газомоторы, дѣтскія игрушки, локомобили, динамо-электрическія машины, желѣзные мосты, арфы, математическіе инструменты, швейныя машины, стальныя перья, бинокли, пишущія машины, и т. д., и т. д.

Энергія, пышущая кругомъ паромъ и дымомъ, въ центрѣ города, въ этой „корзинкѣ со сливами", проявилась въ архитектурѣ прекрасныхъ и очень большихъ зданій, какъ и въ замѣчательныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. На очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи, часто бокъ-о-бокъ возвышаются университетъ, бирмингемскій институтъ (Birmingham and Midland Institute), муниципальная школа художествъ, техническая высшая школа, зданіе городского совѣта, музей и галерея художествъ, „городская зала" (town hall), библіотека и другія образовательныя и общественныя учрежденія.

И какъ лѣсъ фабричныхъ трубъ въ Бирмингемѣ говоритъ объ энергіи и богатствѣ самихъ бирмингемцевъ, а не о казенномъ попечительствѣ и не о предпріимчивости иностранныхъ капиталистовъ, такъ и эти просвѣтительныя учрежденія и постройки говорятъ объ умственныхъ интересахъ и щедрости самого мѣстнаго населенія. И въ этомъ заключается самая характерная черта англійской жизни и все значеніе того, что̀ я назвалъ интенсивной культурой. Въ то время какъ, напримѣръ, Петербургъ не имѣетъ никакого права гордиться своимъ университетомъ, своими техническими институтами и музеями, потому что не онъ ихъ выстроилъ и не онъ ихъ содержитъ,—Бирмингемъ, по числу жителей вдвое меньшій Петербурга, вполнѣ вправѣ гордиться всѣмъ, что̀ составляетъ красу города. Эта разница между Петербургомъ и Бирмингемомъ настолько глубока и значеніе ея настолько велико, что отъ нея во многомъ зависитъ и весь складъ и характеръ жизни соотвѣтственныхъ городовъ. Для петербуржца его высшія да и среднія учебныя заведенія, какъ и музеи и картинныя галереи —дѣло чужое, постороннее и рѣшительно ничѣмъ для него не характерное. Между нимъ и ими стоитъ ледяная стѣна, отъ которой вѣетъ холодомъ. Чувство общности отсутствуетъ; сознаніе общественнаго долга и общественнаго дѣла, если бы даже и было, вянетъ и замираетъ; гражданинъ (первоначально это слово обозначало жителя города) атрофируется и остается лишь обыватель. Наоборотъ, возьмите бирмингемца. Для него мѣстный университетъ, какъ и прочія общественно-образовательныя учрежденія, въ высшей степени характерны. Онъ ихъ на самомъ дѣлѣ

можетъ назвать своими, своею собственностью, созданной его же руками, его иниціативой и средствами, и находящейся подъ полнымъ его контролемъ и властью. Богатство музеевъ, обстановка библіотекъ и учебныхъ заведеній, размѣры и характеръ ихъ, это все—выраженіе его, бирмингемца, собственнаго духа, проявленіе личныхъ его свойствъ и запросовъ, и, знакомясь съ главными учрежденіями города, вы сейчасъ же видите, съ какого сорта населеніемъ имѣете дѣло, каковы его потребности, нужды, цѣли и средства.

Изъ образовательныхъ учрежденій въ Бирмингемѣ слѣдуетъ во всякомъ случаѣ отмѣтить университетъ и „Бирмингемскій институтъ", какъ наиболѣе типичные. Университетъ получилъ свою королевскую хартію не дальше какъ въ 1900 году. Какъ организованное цѣлое, съ широкими университетскими правами, онъ, значитъ, существуетъ всего второй годъ. Раньше въ Бирмингемѣ существовала „университетская коллегія", основанная извѣстнымъ фабрикантомъ стальныхъ перьевъ Джономъ Мэсономъ, да медицинская школа въ „Королевской коллегіи", основанной другимъ бирмингемцемъ въ 1843 г. Но хотя въ нихъ преподавались высшія науки, они не имѣли права даровать ученыя званія, и для полученія послѣднихъ студенты должны были держать экзаменъ въ другихъ мѣстахъ. Такой порядокъ вещей Бирмингемъ, съ его чуть ли не полумилліоннымъ населеніемъ, считалъ для себя унизительнымъ, и, выстроивъ роскошное зданіе и обезпечивъ содержаніе университета капиталомъ въ 600.000 фунтовъ стерлинговъ, онъ выхлопоталъ себѣ университетъ со всѣми присвоенными ему привилегіями. Раньше существовавшія коллегіи слились съ новымъ образовательнымъ учрежденіемъ, состоящимъ изъ трехъ факультетовъ: медицинскаго, техническихъ знаній (arts) и наукъ (science). Лордъ Колторпъ подарилъ университету за городомъ большой участокъ земли для устройства на ней лабораторій, мастерскихъ и другихъ помѣщеній, могущихъ потребоваться для практическихъ работъ.

Бирмингемскій университетъ — самый молодой въ Англіи и наиболѣе современный по своему характеру. Въ основаніи его сказался тотъ утилитарный духъ, который отличаетъ все бирмингемское. Учредители его совершенно, повидимому, отбросили старую идею о томъ, что прикладныя науки не должны составлять предмета университетскаго преподаванія. Бирмингемцы въ этомъ отношеніи сошлись съ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II, установившимъ, какъ извѣстно, титулъ доктора для инженеровъ. Но въ то время какъ въ Германіи университеты

держатся въ сторонѣ отъ такихъ новшествъ, предоставляя самимъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ жаловать своихъ питомцевъ въ доктора, въ Бирмингемѣ самъ университетъ нашелъ возможнымъ даровать ученыя степени техникамъ. Въ университетѣ, при его факультетѣ техническихъ знаній, открыта пока единственная въ Англіи высшая школа для подготовки пивоваровъ, которая, говорятъ, обставлена очень богато; и въ скоромъ времени, значитъ, будутъ въ Англіи пивовары-баккалавры, пивовары-магистры и пивовары-доктора. Канцлеромъ новаго университета избранъ первый гражданинъ города Бирмингема, Джозефъ Чемберленъ, которому университетъ обязанъ не мало своимъ возникновеніемъ; а первымъ ректоромъ назначенъ извѣстный физикъ Оливеръ Лоджъ, которому принадлежитъ честь нѣкоторыхъ открытій, главнымъ образомъ въ области электричества.

Бирмингемскій институтъ былъ основанъ въ 1855 г. на средства именитыхъ бирмингемскихъ гражданъ. Въ общемъ, если считать разныя его пристройки, сдѣланныя съ тѣхъ поръ, онъ обошелся около 60.000 фунтовъ стерлинговъ. Это своего рода учебный Луврь, универсальный магазинъ наукъ и знаній, которыя можно здѣсь пріобрѣсти въ розницу и оптомъ. Сверхъ теоріи и практики музыки, въ институтѣ преподается еще другое огромное число предметовъ, начиная съ стенографіи и кончая астрономіей и высшей математикой. Учиться можно по выбору любому предмету за опредѣленную, обыкновенно очень низкую плату. Можно, впрочемъ, внести и такую сумму, которая позволяетъ слушать всѣ лекціи, на какихъ только успѣваешь присутствовать. Можно слушать курсы по физикѣ, геологіи, исторіи, французскому языку, стенографіи, латыни, гигіенѣ, физіологіи и т. д. Институтъ отлично обезпеченъ средствами и имѣетъ также особые капиталы для выдачи наградъ отличившимся учащимся. Онъ доступенъ одинаково мужчинамъ и женщинамъ, и, кромѣ учащихся, онъ имѣетъ и членовъ. Послѣдніе платятъ въ годъ одну гинею и за это получаютъ право пользоваться библіотекой института и читальней, концертами его, билетомъ на ежегодный балъ (conversazione) его, а также и лекціями, которыя читаются въ стѣнахъ его по понедѣльникамъ вечеромъ. Эти понедѣльничныя лекціи читаются обыкновенно пріѣзжими знаменитостями и бываютъ очень разнообразнаго содержанія. Такъ, напримѣръ, въ зимній сезонъ 1902—1903 гг. лордъ Эвбюри (Джонъ Леббокъ) предполагалъ читать объ англійскихъ ландшафтахъ и причинахъ, создавшихъ ихъ; сотрудникъ журнала „Punch“ — о Вильямѣ Моррисѣ; профессоръ минералогіи въ

Оксфордѣ, Генри Майрсъ — о добычѣ золота въ Клондайкѣ; проф. Милнъ—о землетрясеніяхъ; пасторъ Даллингеръ—о наблюденіяхъ надъ пауками, Т. П. Оконноръ (членъ парламента изъ ирландцевъ)—о журналистикѣ, Пинеро—о театрѣ, и т. д.

При институтѣ имѣется множество обществъ, составленныхъ изъ слушателей и членовъ института. Общества эти своими докладами, дебатами, драматическими представленіями и концертами какъ бы дополняютъ и развиваютъ дѣло самого института.

Во главѣ учрежденія стоитъ совѣтъ изъ лицъ, избранныхъ городской думой и другими учрежденіями, какъ и самими членами института. Въ президенты же института ежегодно избирается новое лицо изъ выдающихся людей Англіи, и такимъ образомъ умственные интересы Бирмингема какъ бы связываются со всей Англіей, вливаясь струей въ общій потокъ страны. Учебный сезонъ института открывается обыкновенно большой рѣчью президента, составляющей настоящее событіе. Въ этомъ году президентомъ состоитъ сэръ Моунтстюартъ-Грантъ-Даффъ, написавшій нѣсколько книгъ по вопросамъ политическимъ и издавшій десять томовъ своего очень любопытнаго „Дневника". Въ прошломъ году президентомъ института былъ лордъ Розбери, а среди прежнихъ президентовъ красуются такія имена, какъ Диккенса, Кингсли, Гексли, Джона Морлея, Селливана (композитора), Роско (химика) и др.

Конечно, много образовательныхъ учрежденій имѣется и въ другихъ частяхъ города; особенно много тамъ общественныхъ читаленъ и библіотекъ; но самая лучшая и большая библіотека съ читальней находится въ центрѣ города, рядомъ съ институтомъ. Библіотека состоитъ изъ двухъ обширнѣйшихъ залъ, расположенныхъ одна надъ другою. Нижняя зала отведена газетамъ, а верхняя — книгамъ и журналамъ. Библіотека была первоначально выстроена въ 1865 году и была снабжена богатыми коллекціями книгъ, относившихся до Шекспира, Сервантеса и графства Варвикскаго (Warwickshire), въ границахъ котораго расположенъ Бирмингемъ. Но въ январѣ 1872 г. пожаръ истребилъ библіотечное зданіе почти со всѣми находившимися въ немъ книгами. И тутъ ярко сказалась вся энергичность и все богатство бирмингемцевъ. Еще, буквально, не успѣлъ окончательно потухнуть пожаръ, какъ былъ созванъ митингъ гражданъ, на которомъ было рѣшено выстроить новую библіотеку, лучше прежней, и наполнить ее еще болѣе богатой коллекціей. Это былъ смѣлый вызовъ безпощадной стихіи, и пока бирмингемцы торжествуютъ побѣду. Въ первые же нѣсколько дней послѣ пожара

было собрано въ самомъ Бирмингемѣ 14.000 фунт. ст.; затѣмъ стали притекать пожертвованія и изъ разныхъ концовъ Англіи. Королева, Британскій музей, общественныя и университетскія библіотеки разныхъ городовъ поспѣшили подѣлиться многими изданіями-дублетами. Въ 1882 г. было закончено новое зданіе библіотеки, открытой вновь съ 50.000 томами отборнѣйшихъ книгъ. Въ настоящее время въ библіотекѣ считается около 120.000 томовъ, тщательно подобранныхъ. Кромѣ этого, возстановлены и спеціальныя коллекціи, которыя очень богато составлены. Шекспировская, напримѣръ, считаетъ свыше 10.000 томовъ, состоя изъ разныхъ изданій сочиненій великаго уроженца Варвикшира, переводовъ и множества книгъ, относящихся къ исторіи эпохи Шекспира, къ біографіи его и къ критикѣ его сочиненій. О богатствѣ этой коллекціи можетъ дать понятіе хотя бы то, что она заключаетъ тринадцать разныхъ отдѣльно изданныхъ переводовъ „Гамлета“ на русскомъ языкѣ, начиная съ Сумароковскаго. Затѣмъ она имѣетъ и всѣ полныя изданія Шекспира на русскомъ языкѣ, начиная съ изданія 1867—76 гг.

Въ обѣихъ читальныхъ залахъ библіотеки могутъ очень легко и удобно усѣсться за столами до 400 человѣкъ, и когда мы посѣтили библіотеку, мы застали въ ней, по меньшей мѣрѣ, человѣкъ 250, занятыхъ чтеніемъ періодическихъ изданій и книгъ.

Отъ учрежденій перейдемъ на минутку къ людямъ. Самый популярный человѣкъ современной Англіи, Джозефъ Чемберленъ, живетъ въ Бирмингемѣ, на одной изъ окраинъ города, гдѣ онъ имѣетъ домъ, окруженный большимъ паркомъ, видъ съ котораго открывается на очень красивую, холмистую мѣстность. Чемберленомъ Бирмингемъ чрезвычайно гордится; и составители путеводителей города считаютъ даже своимъ долгомъ печатать портреты его въ своихъ книгахъ. О Чемберленѣ бирмингемцы говорятъ съ какимъ-то умиленіемъ, съ какой-то гордостью собственника, словно онъ былъ родной ихъ сынъ или они сами его выдумали. Чемберленъ — это ихъ старая любовь, которая, какъ извѣстно, не ржавѣетъ. Они воздвигли ему монументъ въ видѣ фонтана, еще двадцать-два года тому назадъ, на площади, названной его же именемъ, за его дѣйствительно выдающуюся дѣятельность на пользу города. Онъ былъ членомъ городского совѣта, альдермэномъ и затѣмъ три года подъ-рядъ (1873—75) мэромъ Бирмингема (съ 1889 г., вмѣсто мэровъ, Бирмингемъ уже имѣетъ лордъ-мэровъ). Благодаря ему, городъ пріобрѣлъ въ свое хозяйство водопроводы и газовое освѣщеніе, началъ постройки новыхъ улицъ на мѣстѣ снесенныхъ, негодныхъ для человѣческаго

жилья трущобъ и ввелъ превосходную систему профессіональнаго образованія, доступнаго для всякаго возраста, пола и состоянія. Вся центральная часть города представляетъ теперь рядъ превосходныхъ зданій съ прекрасными магазинами, отелями, банками, конторами и ресторанами, о которыхъ до вступленія Чемберлена въ муниципалитетъ и помину не было. Теперь городъ владѣетъ цѣлой площадью аркадъ, покрытыхъ стекломъ и отведенныхъ подъ магазины, кофейни и общественныя залы. Это цѣлая сѣть пассажей, перекрещивающихся между собою подъ разными углами и выходящихъ на всѣ четыре стороны. Городъ сталъ не только самымъ крупнымъ домовладѣльцемъ, но обзавелся и очень большой фермой въ 600 или 700 десятинъ, продукты съ которой, главнымъ образомъ огородные, продаются на рынкахъ, которые также составляютъ собственность города.

Въ 1876 г. Чемберленъ оставилъ муниципальную дѣятельность, такъ какъ былъ избранъ въ парламентъ. Въ то время Бирмингемъ посылалъ въ парламентъ только трехъ человѣкъ. Въ 1880 г. были избраны опять тѣ же самыя лица, и двое изъ нихъ, Чемберленъ и Джонъ Брайтъ, знаменитый соратникъ Кобдена, были назначены Гладстономъ въ министры. Въ 1885 г., вслѣдствіе принятія новаго закона объ избирательныхъ участкахъ, Бирмингемъ получилъ право имѣть въ парламентѣ семь представителей—и всѣ семеро оказались либералами, какъ бы въ оправданіе словъ Джона Брайта, заявившаго разъ, что либерализмъ свойственъ Бирмингему, какъ соль—морской водѣ. Однако, либерализмъ Бирмингема—совершенно своеобразный; это либерализмъ эгоистичный: бирмингемецъ очень любитъ и цѣнитъ свободу, но какъ вещь для него самого очень полезную. Что же касается до другихъ, то ему дѣла мало: пусть другіе сами добиваются своей свободы. Либерализмъ въ Бирмингемѣ—не столько принципъ, сколько черта характера, свойство души. Бирмингемецъ, какъ дикій конь, очень независимъ по натурѣ и для него несносно какое бы то ни было ярмо, политическое ли, религіозное или экономическое, и очень не любитъ, когда ему противорѣчатъ. Кажется, ни въ одномъ изъ городовъ Англіи не было такихъ жаркихъ рукопашныхъ схватокъ, какъ между политическими партіями въ Бирмингемѣ. Въ 1642 — 43 годахъ они отчаянно и довольно успѣшно бились съ королемъ Карломъ I, убивъ немало солдатъ его и забравъ въ плѣнъ остальныхъ. Въ 1791 г. они громили камнями своихъ же знаменитыхъ согражданъ, какъ химика Пристли и другихъ поклонниковъ французской революціи; избивали полицію во время движенія чартистовъ и, какъ

либералы, напали въ 1884 г. на своихъ сограждан-консерваторовъ, собравшихся подъ предсѣдательствомъ лорда Рандольфа Черчиля въ одномъ изъ бирмингемскихъ парковъ (Aston Park); а въ началѣ 1902 года консерваторы съ излишкомъ отплатили либераламъ, когда послѣдніе собрались въ Town-Hall въ Бирмингемѣ, чтобы послушать рѣчь члена парламента Ллойда Джорджа, открытаго „про-бура". Побоище вышло тогда очень серьезное и кончилось разгромомъ оконъ въ залѣ, многими пораненіями и даже смертью одного на улицѣ.

Нечего поэтому удивляться тому, что въ 1886 г. бирмингемцы сразу отвернулись отъ Гладстона. На гомруль у нихъ либерализма не хватило. Они—большіе радикалы и демократы, когда дѣло коснется узкаго круга самой Англіи, особенно самого Бирмингема; но жертвовать чѣмъ-либо для другихъ и отдать нѣсколько десятковъ милліоновъ англійскихъ денегъ на пользу Ирландіи, какъ то проектировалъ Гладстонъ въ своемъ знаменитомъ биллѣ—свыше бирмингемскаго альтруизма. И Чемберленъ, какъ истинный бирмингемецъ, явился вполнѣ вѣрнымъ и полнымъ выразителемъ настроенія своихъ мидлэндскихъ согражданъ,—и они всѣ пошли за нимъ. На выборахъ въ 1886 г. Бирмингемъ не избралъ уже ни одного сторонника либеральной партіи, и съ тѣхъ поръ продолжаетъ имѣть всецѣло юніонистское представительство въ парламентѣ. Однако, стоитъ только задѣть коренные интересы самого Бирмингема, какъ напримѣръ религіозные, задѣтые нынѣ обсуждающимся школьнымъ биллемъ, чтобы бирмингемцы сейчасъ же воспрянули и выказали такой либерализмъ, подъ которымъ подписался бы обѣими руками и самъ Гладстонъ, бывшій либераломъ не въ „собственныхъ интересахъ", а вслѣдствіе широкой точки зрѣнія на жизнь и на міръ.

Кромѣ Чемберлена, у бирмингемцевъ имѣется и много другихъ гражданъ, которыми они очень гордятся. Правда, гражданъ этихъ въ живыхъ уже нѣтъ, но зато памятники въ честь ихъ разставлены на многихъ улицахъ, и статуи, и бюсты ихъ красуются въ залахъ и вестибюляхъ общественныхъ зданій. Вотъ, напримѣръ, мраморная статуя Томаса Атвуда, бирмингемскаго банкира и борца за избирательную реформу 1832 года; вотъ обелискъ съ медальономъ-портретомъ полковника Барнаби (Burnaby), убитаго въ Суданѣ въ 1885 г. Этотъ полковникъ, строго говоря, не былъ бирмингемцемъ; но своимъ смѣлымъ и воинственнымъ характеромъ пришелся такъ по душѣ Бирмингему, что въ 1880 году онъ тамъ чуть ли не былъ избранъ въ парламентъ, несмотря на то, что, какъ консерваторъ, онъ выступилъ про-

тивъ такихъ людей, какъ Чемберленъ и Джонъ Брайтъ. Изъ другихъ памятниковъ можно отмѣтить еще статую химика Пристли, статую Гилли, бирмингемскаго уроженца, которому Англія обязана почтовой реформой, статую фабриканта Джошуа Мэсона. Есть, конечно, и памятники, такъ сказать, обще-англійскіе, какъ Нельсону, королевѣ Викторіи, Роберту Пилю и др.

Въ общемъ, своими памятниками Бирмингемъ показываетъ, что онъ „кумиръ Бельведерскій" цѣнитъ больше на вѣсъ; будучи по складу своего ума больше утилитарнымъ, онъ судитъ обо всемъ по степени общественной пользы, которую тотъ или другой дѣятель принесъ своему городу или народу. „Искусство ради искусства" его мало интересуетъ, а польза, которую онъ одобряетъ, должна быть вполнѣ видимой и ощутительной. Отъ Бирмингема поэтому, несмотря на то, что онъ находится въ томъ же графствѣ, гдѣ родился Шекспиръ, большихъ поэтовъ или художниковъ ожидать трудно, но зато отъ него можно ожидать отличныхъ техниковъ и альдерменовъ.

Раньше, однако, чѣмъ окончательно разстаться съ Бирмингемомъ, заглянемъ на одинъ изъ его большихъ заводовъ.

II.

На заводѣ.

Какъ и англійская конституція, англійскій заводъ сразу не создался, а развивался постепенно, по мѣрѣ потребностей, по мѣрѣ расширенія спроса и выгодности дѣла. Каждое отдѣльное предпріятіе, составляющее теперь колоссальныя сооруженія,—какъ заводы Армстронга въ Ньюкастлѣ, мыловаренные заводы фирмы Sunlight подлѣ Ливерпуля, шоколадныя фабрики Кэдбюри около Бирмингема, паровозостроительные заводы въ Крю, судостроительная верфь Дени въ Гласго и многія другія всемірно-извѣстныя фирмы,—выросло, какъ огромные вѣтвистые дубы изъ желудей, изъ маленькихъ мастерскихъ, изъ единичныхъ усилій и стараній, изъ скромныхъ опытовъ и робкихъ начинаній. Они росли органически, не внезапными скачками, не по капризу случая, а по закономѣрной эволюціи рынка, расширяясь вмѣстѣ съ спросомъ на ихъ продукты. И въ этомъ органическомъ ростѣ состоитъ главная характерная черта англійской промышленности. Никакихъ миѳическихъ Геркулесовъ, которые бы уже въ колыбели были гигантами, послѣдняя не знаетъ. Лишь въ производ-

5*

ствѣ новыхъ, прежде неизвѣстныхъ или мало-извѣстныхъ вещей, спросъ на которыя возникаетъ какъ бы внезапно, замѣчается и въ Англіи возникновеніе съ самаго начала чрезвычайно крупныхъ заводовъ, какъ, напримѣръ, въ производствѣ швейныхъ машинъ, велосипедовъ, моторкаровъ (автомобилей), пишущихъ машинъ и другихъ.

Хорошій примѣръ національнаго типа англійскаго завода въ Бирмингемѣ представляетъ собою заводъ старой фирмы „Tangyes, Limited". Въ настоящее время этотъ заводъ, расположенный въ загородной части Бирмингема, въ Гандсвортѣ, занимаетъ площадь въ 28 или 30 акровъ земли. Издѣлія пользуются широкой извѣстностью и за границей, и основатели его считаются крупными богачами. Но начало заводу было положено братьями Танги въ видѣ очень маленькой мастерской, въ которой они сами и работали, какъ кузнецы, механики и управители. Одинъ изъ этихъ братьевъ, Ричардъ Танги (съ 1894 г. сэръ Ричардъ Танги), описалъ ростъ ихъ фирмы въ своей автобіографіи, изданной въ 1889 г. За первое помѣщеніе „завода" братья, по его словамъ, платили лишь четыре шиллинга ренты въ недѣлю. Когда же дѣла у нихъ пошли хорошо, они рискнули нанять помѣщеніе съ платой въ 10 шиллинговъ въ недѣлю. Но въ 1859 г. они уже были въ состояніи выстроить собственное небольшое зданіе для завода, и любопытно отмѣтить, что первая крупная машина, сдѣланная на этомъ заводѣ, была исполнена по заказу русскаго правительства. Это были гидравлическія „ножницы" для рѣзки желѣзныхъ полосъ толщиною въ шесть дюймовъ. Не прошло и трехъ лѣтъ какъ дальнѣйшее расширеніе дѣла заставило братьевъ построить новый, болѣе помѣстительный заводъ, для котораго они купили землю внѣ границъ города. Черезъ нѣсколько лѣтъ и этого помѣщенія оказалось мало,—пришлось прикупить еще и еще земли, пока заводъ не выросъ до теперешнихъ его огромнѣйшихъ размѣровъ. Въ настоящее время пространство между заводомъ и центромъ города уже почти сплошь застроено рабочими кварталами, надъ крышами которыхъ торчатъ заводскія трубы, словно лѣсъ корабельныхъ мачтъ надъ оживленной гаванью.

Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Бирмингемѣ и любезностью фирмы „Танги, Лимитедъ", разрѣшившей членамъ конференціи осмотръ завода въ опредѣленный часъ, я представилъ свою визитную карточку въ заводской конторѣ, и ко мнѣ сейчасъ же вышелъ сынъ одного изъ основателей завода, состоящій также директоромъ завода. Онъ не только позволилъ

мнѣ осматривать что̀ мнѣ угодно, но и самъ взялся быть моимъ чичероне, и болѣе любезнаго, предупредительнаго и интеллигентнаго чичероне я не могъ и желать. Осмотръ завода отнялъ у насъ слишкомъ $2^{1}/_{2}$ часа, но и за это время мы далеко не успѣли побывать во всѣхъ отдѣленіяхъ его. Сначала Танги повелъ меня въ ближайшее къ конторѣ помѣщеніе, въ которомъ подвергаются испытанію уже готовыя машины. Здѣсь производится, такъ сказать, выпускной экзаменъ всѣмъ „кончившимъ курсъ“ издѣліямъ, выпускаемымъ фирмой. Вотъ цѣлый рядъ паровыхъ двигателей, потѣющихъ надъ заданной имъ работой. Тутъ пыхтятъ и шипятъ двигатели съ горизонтальными и перпендикулярными цилиндрами; двигатели, поднимающіе едва полтонны вѣса, и двигатели, готовые, кажется, снести цѣлыя горы; краны для выгрузки и нагрузки кораблей и локомобили для верченія токарныхъ и иныхъ станковъ.

За паровыми двигателями идетъ рядъ газомоторовъ, также готовыхъ и держащихъ экзаменъ на аттестаты зрѣлости. Затѣмъ идетъ рядъ двигателей съ нефтянымъ отопленіемъ, отчаянно сопящихъ, словно у нихъ у всѣхъ заложило въ носу и они собираются громко чихнуть; а тамъ дальше, въ другомъ отдѣленіи (я чуть не хотѣлъ сказать—въ другомъ классѣ), передъ нами предстали подвергавшіяся испытанію гидравлическія машины, а еще дальше держали экзаменъ и неистово бурлили, словно ворчали на экзаменаторовъ, водокачки и насосы.

Всѣ эти машины, которыя я нашелъ въ испытательномъ отдѣленіи, были изготовлены по предварительнымъ заказамъ и предназначались въ разные концы свѣта, хотя главнымъ заказчикомъ все-же является сама Англія. Ни одна машина не дѣлается заводомъ на авось, на рискъ, за исключеніемъ, конечно, вновь-изобрѣтенныхъ. Каждая машина заказывается впередъ и доставляется въ опредѣленный, заранѣе условленный срокъ. Огромное большинство машинъ, изготовленныхъ заводомъ, имѣетъ на себѣ клеймо: „Патентъ Танги, Лимитедъ“, что̀ указываетъ на то, что машины составляютъ если не всецѣло изобрѣтенія завода, то своими улучшеніями и усовершенствованіями онѣ обязаны ему. Въ своей автобіографіи сэръ Ричардъ Танги, дядя моего чичероне, говоритъ, что „очень немного найдется машиностроительныхъ фирмъ, которыя ввели бы больше новостей, чѣмъ мы. Нашу гордость составляло именно то, что какъ ни велико наше дѣло, оно расширялось, не отнимая работы у другихъ. Приблизительно четыре пятыхъ нашего производства, считая водоносныя и гидравлическія машины, снаряды для подъема тяжестей

и, въ большой степени, паровыя машины—не только новы для Бирмингема, составляя несомнѣнную прибавку къ его заводской промышленности, но являются также результатами новыхъ, прежде вовсе неизвѣстныхъ изобрѣтеній или улучшеній и приспособленій".

На заводѣ работаетъ до 3.000 человѣкъ, но размѣры его такіе большіе, что людей какъ будто и не видать. Они какъ-то теряются въ этой чащѣ машинъ и станковъ и стушевываются за сложными деталями стале-желѣзныхъ организмовъ. Когда вы ходите по заводу, больше всего васъ поражаетъ именно это отсутствіе людской суетливости, людского голоса, людскихъ лицъ и движеній. Вездѣ поразительная чистота; полъ не только подметенъ, но какъ будто даже вытертъ тряпкой, а дремлющая въ углу подъ табуретомъ, растянувшись на листѣ газетной бумаги, сѣрая кошка придаетъ громадному помѣщенію скорѣе характеръ уединеннаго физическаго кабинета ученаго, чѣмъ заводскаго отдѣленія одного изъ крупнѣйшихъ предпріятій Бирмингема. Правда, кругомъ стоитъ оглушительный шумъ, но какой-то бездушный, гулкій, сухой; не шумъ человѣческихъ голосовъ, а какой-то визжащій и скрипучій, вылетающій изъ невидимыхъ тѣлъ кругомъ васъ. Особенно ошеломляющимъ показался мнѣ одинъ звукъ, рѣзко выдѣлявшійся въ общемъ гулѣ завода. Это былъ тягучій, страшно пронзительный, какой-то сверлящій звукъ, отъ котораго непривычный человѣкъ бѣжалъ, какъ отъ грома небеснаго. Напрасно я старался узнать отъ моего чичероне причину этого несноснаго звука: шумъ стоялъ такой, что мы другъ друга, несмотря на наши крики, не могли разслышать. Уже потомъ, выйдя на дворъ, я могъ узнать, что весь этотъ адскій звукъ производилъ очень маленькій рѣзецъ, которымъ, пользуясь гидравлической силой, рабочій оттачивалъ отверстія въ цилиндрѣ.

Я воспользовался сравнительной тишиной на заводскомъ дворѣ и заговорилъ съ Танги о рабочихъ и служащихъ. Я поинтересовался узнать, гдѣ получили образованіе главные техники и инженеры и какъ они вербуются. Оказалось, что на этомъ заводѣ, выпускающемъ самыя лучшія и очень сложныя машины и совершающемъ огромные обороты въ сотни тысячъ и милліоны фунтовъ стерлинговъ въ годъ, нѣтъ ни одного техника, такъ-таки ни одного, который кончилъ бы то, что̀ въ Россіи называется высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Собственно говоря, даже самое слово „кончилъ“ здѣсь не совсѣмъ умѣстно, такъ какъ хотя техники учились, но не „кончили“, не стремились къ дипломамъ, которые для нихъ ничего не значатъ.

— Конечно,—говорилъ мнѣ Танги,—они всѣ учатся, посѣщаютъ вечерніе классы. Можно сказать, что почти вся молодежь на заводѣ, молодые люди въ возрастѣ отъ шестнадцати до двадцати-пяти и даже тридцати лѣтъ, послѣ работы, кончающейся въ пять часовъ, уходитъ въ разные классы, въ мидлэндскій институтъ или въ мѣстныя техническія школы, въ которыхъ слушаютъ курсы по механикѣ, учатся рисованію, физикѣ и другимъ нужнымъ для ихъ дѣла предметамъ.

Если молодой человѣкъ оказывается толковымъ, его стараются выдвигать впередъ, и онъ—на виду. Форманы (техники, завѣдующіе отдѣленіями)—всѣ изъ простыхъ рабочихъ, поднявшихся до своего положенія безъ всякихъ ученыхъ дипломовъ. Каждый изъ нихъ, конечно, хорошо знаетъ своихъ людей и можетъ отличить способнаго и подающаго надежды отъ обыкновеннаго рабочаго.

— Ни мой отецъ, ни мои дяди,—сказалъ мнѣ Танги,—не имѣли дипломовъ, но они знали элементарную теорію механики, были отличными практиками и изобрѣтателями. Имѣйте въ виду, —прибавилъ онъ послѣ,—что изобрѣтательный умъ можетъ проявиться только у того, кто самъ работаетъ, самъ ухаживаетъ за машиной. Можно сказать безусловно, что всѣ болѣе или менѣе серьезныя техническія изобрѣтенія на свѣтѣ были сдѣланы простыми мастерами. Начиная съ Стефенсона и кончая Эдисономъ, они всѣ были вначалѣ не директорами заводовъ или фабрикъ, а простыми рабочими. Если увидите, что привилегію на техническое изобрѣтеніе беретъ теоретикъ, а не практикъ, то можете быть увѣрены, что изобрѣтеніе украдено,—конечно, если только оно полезное и хорошее изобрѣтеніе; плохія изобрѣтенія могутъ дѣлать и бѣлоручки. Вѣроятно, рабочій посовѣтовался, просилъ сдѣлать рисунокъ, разспрашивалъ о теоретической формулѣ, а можетъ быть и довѣрчиво сообщилъ весь секретъ изобрѣтенія, а теоретикъ пошелъ и взялъ привилегію на него. Это сплошь и рядомъ случается.

— А вы сами техникъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я по технической части ничего не знаю; для этого есть другой директоръ. Мое дѣло — финансовая часть фирмы.

Между прочимъ, бесѣдуя съ Танги, я упомянулъ о нѣкоторыхъ жалобахъ, появившихся въ газетахъ, на отсталость Англіи въ сравненіи съ Соединенными Штатами С.-Америки. Мой собесѣдникъ отрицалъ эту отсталость.

— Кто жалуется? — спросилъ онъ. — Развѣ заводчики или рабочіе? Мы на нашемъ заводѣ этого не чувствуемъ. У насъ ра-

боты сколько угодно. Жалуются тѣ, кто не понимаетъ дѣла. Года полтора назадъ поднялъ, напримѣръ, много шума заказъ паровозовъ, сдѣланный одной нашей желѣзной дорогою въ Америкѣ. До тѣхъ поръ эта дорога заказывала свои паровозы заводамъ въ Крю (Crewe), а тутъ она обратилась въ Америку,— ну и, конечно, сейчасъ же начали говорить объ упадкѣ англійскаго производства, о превосходствѣ американскихъ паровозовъ и пр. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ этотъ заказъ свидѣтельствовалъ совершенно о противоположномъ. Заводы въ Крю были тогда такъ заняты, такъ завалены работой, что отказались принять новый заказъ даже по повышенной оцѣнкѣ. Теперь эта желѣзная дорога опять покупаетъ свои паровозы въ Крю, по прежнему.

Однако, стоило только пройтись по заводу его же фирмы, чтобы убѣдиться, что Англія начинаетъ пассовать передъ Америкой. Особенно, это легко было увидѣть въ отдѣленія, гдѣ происходятъ составленіе и отдѣлка машинныхъ частей послѣ отливки ихъ въ модельной. Тутъ невольно бросается въ глаза то огромное множество машинъ, которыя изобрѣтены въ Америкѣ и привезены оттуда. Разные точильные, рѣзальные, сверлильные и прочіе станки, употребляемые на заводѣ, то-и-дѣло носятъ на себѣ американское клеймо. Нѣкоторые изъ этихъ снарядовъ, недавно изобрѣтенные, не могутъ не привлечь вашего вниманія, хотя бы вы и вовсе не интересовались машиннымъ дѣломъ. Такова была, напримѣръ, небольшая машинка, которая дѣлала нарѣзки на напилкахъ. До недавняго времени всѣ напилки, употреблявшіеся на заводѣ Танги, дѣлались ручнымъ способомъ, и рабочій успѣвалъ нарѣзать ихъ всего штукъ двадцать въ день. Теперь на машинѣ онъ ихъ нарѣзываетъ штукъ 300—400 въ день. Машина работаетъ съ поразительной аккуратностью и какой-то деликатной исполнительностью, словно это и не машина, а благовоспитанная горничная въ хорошемъ домѣ.

Но и комбинированный англо-американскій умъ еще далеко не придумалъ всѣхъ машинъ, требующихся для заводскаго дѣла, и по настоящее время можно еще встрѣтить цѣлыя области, ждущія своего изобрѣтателя. Таково, напримѣръ, производство цѣпей, потребныхъ какъ для надобностей самого завода, такъ и для подъемныхъ машинъ, которыя дѣлаются на немъ. Я былъ крайне изумленъ, когда, заглянувъ въ помѣщеніе, гдѣ дѣлались цѣпи, я увидѣлъ, что каждое отдѣльное звено приходится все еще выковывать самымъ обыкновеннымъ кузнечнымъ способомъ. Это въ началѣ-то XX-го вѣка, когда у насъ есть уже теле-

фоны, грамофоны и мутоскопы! Правда, кузнецы, работающіе цѣпи, до нѣкоторой степени сами машины—до того быстро и аккуратно они работають. Передъ моими глазами звено цѣплялось за звеномъ съ такой безпрерывностью и регулярностью, словно ихъ выковывали не бирмингемскіе рабочіе, а миѳическіе вулканы и циклопы. Это были виртуозы-кузнецы, Іоахимы и Сарасате кузнечнаго горна; но все-таки это было лишь торжество рукъ, а не человѣческаго ума, и глядя на этихъ людей-машинъ, вы чувствуете скорѣе не гордость, а униженіе.

Заводъ Танги, кромѣ того, что интересенъ съ технической точки зрѣнія, интересенъ также и устройствомъ рабочихъ, отношеніемъ къ нимъ хозяевъ и своими учрежденіями. По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ братья Танги принадлежали къ сектѣ квакеровъ („Общество друзей"), одной изъ наиболѣе духовныхъ и чистыхъ сектъ Англіи, болѣе другихъ старающейся осуществлять на практикѣ свое ученіе. Можно было поэтому заранѣе ожидать, что они не поскупятся на образовательныя учрежденія и на другія преимущества для своихъ рабочихъ. И дѣйствительно, помимо широкой благотворительности и меценатства (въ бирмингемскомъ художественномъ музеѣ одна изъ драгоцѣннѣйшихъ коллекцій принадлежитъ братьямъ Танги), они были изъ первыхъ, введшихъ для старыхъ служащихъ и рабочихъ завода разныя кассы, обезпечивающія самихъ потерпѣвшихъ или ихъ семейства на случай увѣчья, старости или смерти. Они же скорѣе другихъ согласились на сокращеніе рабочаго дня до девяти часовъ, когда того потребовали рабочіе, на выдачу дивидендовъ, на безплатную врачебную помощь и другія льготы.

Въ устроенной на заводѣ столовой могутъ одновременно обѣдать до тысячи человѣкъ. Два раза въ недѣлю по получасу происходятъ въ ней чтенія на темы, которыя избираютъ сами рабочіе черезъ свой комитетъ. И въ прежніе годы лекторами выступали нерѣдко и сами братья Танги, особенно сэръ Ричардъ Танги, проповѣдывавшіе главнымъ образомъ необходимость учиться. Одна изъ рѣчей сэра Ричарда была издана отдѣльно, и мы находимъ въ ней рядъ аргументовъ въ доказательство того, что рабочимъ полезно знать не только свое ближайшее дѣло, но и исторію, и литературу, и разныя науки, съ виду прямого отношенія къ занятіямъ рабочихъ не имѣющія.

Нашъ осмотръ завода закончился посѣщеніемъ электрическаго отдѣленія, недавно лишь прибавленнаго. Это еще небольшое отдѣленіе, которое, по словамъ моего чичероне, будетъ расширяться съ увеличеніемъ заказовъ. Въ этихъ словахъ—весь секретъ

успѣха и прочности крупныхъ англійскихъ предпріятій. Они ростутъ, какъ вѣтви на деревѣ: начинаясь съ маленькихъ побѣговъ, они вытягиваются, крѣпнутъ и ширятся по мѣрѣ того, какъ окружающая ихъ среда доставляетъ имъ питаніе.

Выйдя изъ завода, я увидѣлъ на улицѣ большую телѣгу, а на ней—въ новомъ, чистенькомъ мундирѣ изъ краснаго лака—какую-то большую машину. Это былъ только-что окончательно сдавшій экзаменъ и выпущенный съ завода газомоторъ. Съ аттестатомъ зрѣлости въ видѣ заводскаго штемпеля „Tangye, Limited" на самомъ видномъ мѣстѣ, онъ теперь отправлялся далеко въ свѣтъ, въ Пертъ, въ столицу западной Австраліи, чтобы начать самостоятельную карьеру двигателя въ одной изъ тамошнихъ типографій.

III.

Старая Англія.

Бирмингемъ можетъ служить типомъ англійскаго фабричнаго города, какихъ вообще развилось множество во второй половинѣ XIX-го вѣка. Это городъ трудовой, напряженной дѣятельности, городъ дыма и копоти, новѣйшихъ муниципальныхъ опытовъ и техническихъ изобрѣтеній. Но почти рядомъ съ нимъ еще сохранилась и старая Англія, Англія Тюдоровъ и Стюартовъ, насколько вообще можетъ сохраниться старина въ вѣчно мѣняющейся жизни. Въ нѣкоторыхъ окрестныхъ мѣстахъ Бирмингема сохраненіе старины даже стало культомъ; правда, культъ этотъ не совсѣмъ безкорыстенъ и не лишенъ меркантильности, но, съ другой стороны, меркантильный духъ настоящаго вливаетъ какъ бы новую жизнь въ истлѣвающія кости далекаго прошлаго и спасаетъ драгоцѣнную старину отъ запущенія и забвенія. Пусть у современнаго Мефистофеля намѣренія не совсѣмъ чистыя; но старикъ Фаустъ все-таки, благодаря ему, продолжаетъ сохранять свою свѣжесть. Сдѣлаемъ же экскурсію изъ Бирмингема и посмотримъ, какъ старая Англія все еще сквозитъ изъ-подъ толстаго слоя ложащейся на нее пыли вѣковъ.

Отъѣхавъ отъ Бирмингема къ юго-западу, миль 15—20, вы сразу переноситесь почти въ другую Англію. Фабричныя трубы исчезли за горизонтомъ. Дымъ и копоть замѣнились зеленью полей, рощъ и живыхъ изгородей, изрѣзывающихъ мѣстность во всѣхъ направленіяхъ. Вмѣсто каналовъ съ мутной

водой, извиваются подъ тѣнью ивъ и прибрежныхъ ольхъ разныя тихо или быстро струящіяся рѣчонки. То-и-дѣло попадаются стоги сѣна, скирды хлѣба, огороды, теплицы, стада коровъ и овецъ. По временамъ въ отдаленіи раздается стрѣльба охотниковъ; промчится по сжатому полю заяцъ; перескочитъ черезъ дорогу цѣлая стая кроликовъ; протащится телѣга съ фермерскимъ рабочимъ на облучкѣ, или какъ будто отъ нечего дѣлать прокричитъ на ближайшей фермѣ лѣниво гуляющій павлинъ. Вмѣсто высокихъ, многоэтажныхъ домовъ новѣйшей архитектуры, попадаются невысокіе, одноэтажные коттеджи, крытые тростникомъ и высовывающіе далеко изъ-подъ стрѣхи огромныя дубовыя балки, какъ бы гордясь своей стариной и неразрушимой крѣпостью и какъ бы говоря сосѣдямъ изъ молодыхъ: „богатыри—не вы“!

Не только деревни, но попадаются въ Варвикширѣ и ближайшихъ графствахъ и города, которые какъ бы знать не хотятъ новой Англіи и цѣпляются за старину, какъ за святыню, не допуская въ своихъ предѣлахъ устройства большихъ заводовъ и ревностно охраняя доставшееся имъ наслѣдіе: старые дома, старыя улицы, старую мебель. Даже новыя зданія они стараются строить по старымъ образцамъ. Таковы, напримѣръ, города Варвикъ и Стратфордъ-на-Авонѣ. Для нихъ соломенная крыша—то же, что фабрика для Бирмингема: она ихъ кормитъ. Старина, прошлое, это—ихъ спеціальность, ихъ ремесло, все одно какъ фабрикація велосипедовъ—спеціальность сосѣдняго города Ковентри, а замковъ и несгораемыхъ шкафовъ—Волвергемтона. Стратфордъ-на-Авонѣ живетъ Шекспиромъ, а Варвикъ живетъ своей церковью имени св. Маріи и своимъ знаменитымъ зáмкомъ, представляющимъ собою отлично сохранившійся образчикъ переходной эпохи XIV-го вѣка, когда англійскіе феодалы стали уже меньше бояться нападеній и начали больше думать о домашнемъ комфортѣ. Варвикскій зáмокъ, будучи построенъ прочно, не хуже всякихъ другихъ крѣпостей, въ то же время больше напоминаетъ жилой домъ, нежели крѣпость. Зáмокъ построенъ графомъ Варвикскимъ въ XIV-мъ вѣкѣ на мѣстѣ стараго разрушеннаго, и если не считать нѣкоторыхъ прибавленій къ нему и улучшеній, сдѣланныхъ въ болѣе позднее время, онъ за пять, шесть вѣковъ своего существованія ни въ чемъ не измѣнился: тѣ же башни, тѣ же зубчатыя стѣны, тѣ же тяжелыя, не отворяющіяся, а поднимающіяся и опускающіяся ворота и тѣ же комнаты и лѣстницы. Онъ стоитъ на скалѣ, на берегу рѣки Авона, какъ символъ постоянства въ преемственности англійской жизни и какъ

олицетвореніе гражданственности, связывающей въ Англіи всѣ классы населенія въ одно цѣлое.

Зàмокъ (castle) въ Англіи никогда не былъ враждебенъ лежавшему у подошвы его городу. Города и зàмки въ Англіи не воевали другъ съ другомъ, а всегда шли рука объ руку, и въ этомъ отношеніи англійская аристократія коренныиъ образомъ отличается отъ аристократіи континентальной. Англійскій аристократъ строилъ зàмокъ не съ тѣмъ, чтобы уединиться отъ народа, а наоборотъ, его зàмокъ долженъ былъ служить защитой и опорнымъ пунктомъ для всѣхъ окрестныхъ жителей, какъ горожанъ, такъ и крестьянъ. И роль зàмка, хотя при нарождавшихся новыхъ общественныхъ условіяхъ жизни значительно мѣнялась, оставалась все-таки по направленію тою же самою въ теченіе всѣхъ послѣдовавшихъ вѣковъ, и такою же она остается даже и теперь. На зàмокъ все еще принято смотрѣть какъ на источникъ помощи и высокаго патріотизма. Отъ лорда, отъ владѣльца зàмка, ждутъ обыкновенно щедрыхъ пожертвованій въ пользу мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій; отъ него ждутъ широкой общественной инипіативы, работы на пользу муниципалитета или прихода, въ которомъ онъ живетъ, личнаго участія и помощи въ общеполезныхъ дѣлахъ. Онъ долженъ открывать выставки, дѣлать торжественныя закладки общественныхъ зданій, раздавать награды въ школахъ. На подписномъ листѣ въ пользу чего-либо, предпринятаго для мѣстнаго населенія, первая подпись должна принадлежать „владѣльцу помѣстья“ (the lord of the manor). Онъ долженъ быть для окружающаго населенія не „хищной птицей на высокомъ гнѣздѣ“, какъ называли феодаловъ Франціи, а образцомъ и примѣромъ благородства, гражданской доблести, щедрости и хорошихъ манеръ. Только этимъ и можно объяснить тотъ удивительный фактъ, что, несмотря на глубокій демократизмъ англійскаго государственнаго строя, все-таки еще продолжаетъ существовать наслѣдственная палата лордовъ, и лорды все еще доминируютъ въ соціальной жизни и въ администраціи. Но въ томъ-то и дѣло, что родовое дворянство въ Англіи никогда не отдѣлялось отъ остальнаго народа; оно никогда не смотрѣло на себя какъ на сословіе, какъ на что-то самодовлѣющее и отдѣленное отъ другихъ гражданъ, и понятіе о черной и бѣлой кости ему было совершенно неизвѣстно даже 700 лѣтъ тому назадъ, даже во времена „villeins“, рабство которыхъ было не личное, а связано съ землей: стоило только villein'у бросить свой земельный участокъ и пожить съ годъ въ городѣ, чтобы онъ сталъ свободнымъ человѣкомъ, freeman'омъ.

Сила англійской родовой аристократіи, ея жизненность и прочность лежали не въ привилегіяхъ и субсидіяхъ, а въ высокомъ гражданскомъ чувствѣ, въ сознаніи общности интересовъ со всѣмъ населеніемъ и въ работѣ на общую пользу.

Конечно, со времени первыхъ англійскихъ бароновъ прошло много времени. Изъ сподвижниковъ Симона де-Монфора, имена которыхъ значатся въ спискѣ членовъ перваго англійскаго парламента, осталась только одна баронская фамилія Де-Росъ, нынѣшній глава которой, Дадли-Чарлзъ-Фицджералдъ Де-Росъ, является прямымъ потомкомъ и двадцать-четвертымъ преемникомъ барона, засѣдавшаго въ парламентѣ 1264-го года. Всѣ же остальные баронскіе роды того времени давно вымерли, перебиты или прекращены за пресѣченіемъ мужского потомства. И среди вновь создавшейся аристократіи несомнѣнно найдется не мало и такихъ, къ которымъ вполнѣ приложимо названіе „надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“. Въ общемъ, однако, духъ прежней, коренной, патріотической аристократіи остался и среди новой, такъ какъ хотя многіе попали въ лорды за деньги, или потому что „ваксили королевскіе сапоги“, все-таки большинство изъ нихъ получило свои аристократическіе титулы за полезную общественную дѣятельность, за несомнѣнныя и всѣми признанныя услуги родинѣ. Традиціи благородства поступковъ и гражданскаго долга переходятъ поэтому и во вновь создаваемыя аристократическія семьи. Въ послѣдніе годы потомственное дворянство стало особенно щедро дароваться и представителямъ науки, литературы и искусства. Палата лордовъ считаетъ до восьми именъ знаменитѣйшихъ ученыхъ, получившихъ званіе пэра за послѣднія десять-двадцать лѣтъ, какъ, напр., лорды Кельвинъ, Лейстеръ („отецъ антисептики“), Эвбюри (Дж. Леббокъ) и др. Поэтъ Теннисонъ, художникъ Лейтонъ были сдѣланы пэрами, а баронетство, т.-е. потомственное дворянство безъ права на мѣсто въ палатѣ лордовъ, сыплется теперь на ученыхъ и художниковъ, какъ изъ рога изобилія.

Возвратимся, однако, въ Варвикскій зàмокъ. Владѣльцы его также, хотя и носятъ очень старый титулъ, хорошо знакомый, вѣроятно, читателю изъ драматическихъ хроникъ Шекспира (русскіе переводчики Шекспира, мимоходомъ сказать, не совсѣмъ правильно произносятъ „Варвикъ“ вмѣсто „Ворикъ“), но на самомъ дѣлѣ ни въ какомъ родствѣ съ первыми графами Варвикскими, строителями зàмка, не состоятъ. Это, однако, не мѣшаетъ теперешнимъ владѣльцамъ зàмка, принадлежащаго ихъ семьѣ съ

1605 года, вполнѣ достойно носить титулъ, который получили ихъ предки въ 1759 году.

По словамъ сэра Джемса Мэкензи, историка англійскихъ зàмковъ, въ періодъ времени между нашествіемъ норманновъ и Генрихомъ VIII было построено въ Англіи 660 зàмковъ. Изъ нихъ 271 уже не существуютъ и даже слѣдъ ихъ пропалъ. Изъ оставшихся же 389—огромное большинство находится въ развалинахъ или необитаемы, и лишь нѣсколько изъ главныхъ старинныхъ укрѣпленныхъ зàмковъ сохранилось понынѣ, какъ постоянныя резиденціи своихъ владѣльцевъ. Варвикскій зàмокъ принадлежитъ именно къ разряду послѣднихъ. Внѣшній видъ зàмка очень красивъ и величественъ, полный какой-то благородной барственности и горделивой неприступности, а внутренніе покои зàмка представляютъ собою богатѣйшій музей. Гревилли (семейное имя нынѣшнихъ графовъ Варвикскихъ) съ самаго начала смотрѣли на свой замокъ какъ на національное достояніе, и изъ поколѣнія въ поколѣніе они накопляли въ немъ драгоцѣннѣйшіе предметы искусства и памятники старины. Въ теченіе своего почти трехсотлѣтняго обладанія зáмкомъ они обратили его въ великолѣпную національную сокровищницу, на стѣнахъ которой висятъ превосходнѣйшія работы Ванъ-Дейка, Рубенса, Рембрандта, Караччи, Ганса Гольбейна, Давида, Кранаха, Мурильо и многихъ другихъ знаменитыхъ живописцевъ. Есть и работа Рафаэля. Въ одной изъ комнатъ хранится кровать съ балдахиномъ, на которой спала королева Елисавета, когда она, въ 1572 году, гостила въ зáмкѣ. Среди мебели есть и столикъ, покрытый драгоцѣнной мозаикой и принадлежавшій Маріи Антуанетѣ, чемоданы и вещи королевы Анны, цѣлыя коллекціи работы Буля, походный котелокъ начала XIV вѣка, масса дорогихъ вещей, вывезенныхъ изъ Италіи, и затѣмъ богатый подборъ стариннаго вооруженія, какъ принадлежавшаго владѣльцамъ зàмка, такъ и пріобрѣтеннаго на сторонѣ; тутъ же и шлемъ, который носилъ Кромвель, шлемъ крестоносца и другія рѣдкости, оставшіяся отъ старины глубокой.

Всѣми этими сокровищами можетъ любоваться всякій; зàмокъ открытъ для всѣхъ, и за входъ въ него взимается по шиллингу. Деньги, собираемыя съ посѣтителей, поступаютъ въ пользу разныхъ учрежденій, которыя содержатся городомъ Варвикомъ. Въ паркѣ, окружающемъ зàмокъ, часто устроиваются гулянья, выставки и дѣтскіе праздники, и въ такихъ случаяхъ графъ и графиня, какъ гостепріимные хозяева, предлагаютъ и разныя угощенія. Впрочемъ, графиня Варвикская извѣстна не только какъ

гостепріимная хозяйка, но и какъ иниціаторша женскаго сельско-хозяйственнаго образованія въ Англіи. Она вообще считается немного „демократкой“ и, какъ и сестра ея, герцогиня Соутерлэндская, любитъ пококетничать даже соціализмомъ. Можно, конечно, усомниться въ искренности ея соціализма, не мѣшающаго ей задать балъ въ замкѣ съ такимъ блескомъ и роскошью, съ такими фантастическими костюмами и расточительностью, что о немъ говорятъ и вспоминаютъ цѣлыми годами. Но наврядъ ли можно ей отказать въ пониманіи настоящей роли англійской аристократіи въ общественной жизни народа. По крайней мѣрѣ въ статьѣ, напечатанной ею года два тому назадъ въ журналѣ „Lady's Realm“, она очень вѣрно указываетъ на то, что родовая аристократія въ Англіи ничего общаго не имѣетъ съ характеромъ аристократическихъ обитателей Faubourg St. Germain, которые, по ея словамъ, остаются „внѣ теченія современныхъ идей и безъ вліянія на народъ“.

Отъ Варвикскаго замка всего восемь миль до могилы Шекспира. Культъ Шекспира въ полномъ его объемѣ можно только увидѣть здѣсь, въ Стратфордѣ-на-Авонѣ. Весь городокъ—не что̀ иное какъ храмъ великаго драматурга. Сами по себѣ улицы словно и не существуютъ. Это лишь дороги къ церкви, гдѣ похороненъ Шекспиръ, къ дому, гдѣ онъ родился, къ остаткамъ зданія, въ которомъ онъ жилъ, къ школѣ, въ которой учился, къ церкви, въ которой молился, и т. д. Дома на улицахъ, опять-таки, стоятъ тутъ не сами по себѣ, а лишь какъ иллюстраціи старины, какъ рамки къ безсмертію. Въ лавкахъ торгуютъ шекспировскими сувенирами, въ ресторанахъ кормятъ шекспирологовъ, а въ старыхъ гостинницахъ показываютъ, гдѣ спалъ—если не самъ Шекспиръ, то знаменитые его почитатели.

Окрестности Стратфорда-на-Авонѣ, это — какъ бы придѣлы храма, гдѣ имѣются особые алтари въ видѣ домика, гдѣ выросла жена Шекспира, и дома, гдѣ жила до замужества Марія Арденъ, мать Шекспира.

Строго говоря, отъ Шекспира на его родинѣ, въ Стратфордѣ, не осталось, буквально, ничего. Если не считать стѣнъ дома, въ которомъ онъ *вѣроятно* родился, да школы, въ которой *вѣроятно* учился, да остатковъ фундамента, на которомъ стоялъ домъ его, да еще надписи въ церкви на мѣстѣ его погребенія и записи въ метрической книгѣ,—никакихъ другихъ видимыхъ слѣдовъ человѣка-Шекспира нѣтъ. Въ музеѣ его имени есть масса доку-

ментовъ, относящихся къ его современникамъ и роднымъ; но нѣтъ ни одного документа, не только написаннаго, но хотя бы и подписаннаго Шекспиромъ. Всего-то сохранилось пять подписей отъ него, но онѣ хранятся по разнымъ музеямъ и архивамъ Лондона, а въ Стратфордѣ — нѣтъ ни одной. Есть въ музеѣ Шекспира и множество манускриптныхъ сочиненій, но ни одного Шекспировскаго. Есть много масокъ, снятыхъ будто съ умершаго поэта, но ни одна изъ нихъ не удостовѣрена вполнѣ. Есть школьная карта, за которою, по преданію, сидѣлъ школьникъ-Шекспиръ, но это только по преданію. Есть въ музеѣ мѣры и вѣсы, употреблявшіеся въ Стратфордѣ-на-Авонѣ 300—500 лѣтъ тому назадъ; нѣсколько портретовъ внучки Шекспира и мужа ея, и многія другія интересныя вещи, но нѣтъ ничего, что̀ бы дѣйствительно принадлежало Шекспиру, употреблялось имъ при жизни и указывало бы на его склонности, вкусы, привычки или характеръ. Матеріально Шекспиръ умеръ всецѣло, безъ слѣда и остатка, какъ только и могутъ умереть величайшіе гиганты духовнаго міра,—какъ умеръ Гомеръ, Конфуцій, Будда. Даже потомство его окончательно вымерло со смертью его внучки, Барнардъ, въ 1669 году. Но зато въ Стратфордѣ-на-Авонѣ осталась замѣчательная духовная атмосфера Шекспира, которою незримо для человѣческаго глаза, но глубоко ощущаемо каждымъ изъ посѣтителей какъ бы окутаны улицы стараго городка. Это именно—атмосфера храма, гдѣ матеріально нѣтъ и слѣда божества, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, „мѣсто—свято" и гдѣ тихое, умильное чувство благоговѣнія прокрадывается въ васъ какъ-то само собою. Такова сила ассоціаціи идей и безсознательно подготовленнаго настроенія.

Когда вы вступаете въ городокъ со стороны желѣзнодорожной станціи, то первый предметъ, привлекающій ваше вниманіе, какъ связанный съ именемъ Шекспира, это—фонтанъ (водопой), воздвигнутый на базарной площади въ 1887 году. Фонтанъ представляетъ собою очень внушительную и красивую постройку вышиною въ 50 футовъ. Вся она почти сдѣлана изъ гранита, съ башенными часами, съ колонками, устоями и конусообразнымъ шпицемъ, заканчивающимся длиннымъ шестомъ и флюгеромъ. На одной сторонѣ значится надпись: „Подарокъ городу Шекспира отъ американскаго гражданина, Джорджа Чайлдса изъ Филадельфіи, въ юбилейный годъ королевы Викторіи". На трехъ другихъ сторонахъ красуются цитаты изъ Шекспира и Вашингтона Ирвинга.

Въ церкви св. Маріи, гдѣ былъ похороненъ Шекспиръ, аме-

риканцы же почтили память поэта посвященіемъ ему двухъ художественно расписанныхъ оконъ, какъ „даръ Америки церкви Шекспира“.

Эти американскіе подарки, однако, лишь очень слабо характеризуютъ то чувство поклоненія, какимъ преисполнены американцы къ памяти Шекспира. Главными паломниками Стратфорда-на-Авонѣ бываютъ пріѣзжіе изъ Соединенныхъ Штатовъ С.-Америки, которые, кажется, смотрятъ на мѣсто погребенія Шекспира съ тѣмъ же чувствомъ собственности, съ какимъ христіанскіе богомольцы смотрятъ на Іерусалимъ. Для американскихъ посѣтителей въ церкви Шекспира (такъ принято теперь называть приходскую церковь св. Маріи) имѣется даже особая книга для вписанія именъ: одна книга для англичанъ вмѣстѣ со всѣми народами міра, а другая—спеціально для американцевъ. Они, главнымъ образомъ дамскій полъ, переполняютъ гостинницы, встрѣчаются цѣлыми партіями на улицахъ и въ большихъ, многомѣстныхъ шарабанахъ разъѣзжаютъ по окрестностямъ. Съ американской дѣловитостью и съ нѣмецкимъ педантизмомъ они считаютъ своимъ священнымъ долгомъ перебывать вездѣ и продѣлать все, чтò полагается по культу шекспиропочитанія. А культъ этотъ уже, такъ сказать, выработалъ и нѣкоторый ритуалъ. Такъ, въ музеѣ Шекспира, устроенномъ въ домѣ, гдѣ онъ родился, стоитъ кресло, принадлежавшее, кажется, внучкѣ поэта. Но предполагается, что на немъ сидѣлъ и самъ поэтъ. Этого вполнѣ довольно, чтобы каждый посѣтитель, особенно посѣтительницы изъ американокъ, пробовали садиться въ это кресло, сдѣланное изъ чернаго дерева. Въ другомъ мѣстѣ Стратфорда, тамъ, гдѣ сохранились остатки фундамента отъ стоявшаго здѣсь когда-то Шекспировскаго дома, имѣется уже заброшенный старый колодезь, изъ котораго, предполагается, бралъ воду и великій поэтъ. Теперь жители Стратфорда имѣютъ прекрасный водопроводъ, и колодезной воды имъ больше не нужно; но для почитателей Шекспира оставлено у колодца ведро и нѣсколько стакановъ, и рѣдкій посѣтитель не пробуетъ этой воды. Не хватаетъ только часовни и монаха, чтобы колодезь сталъ вторымъ Лурдомъ.

Впрочемъ, для американцевъ Стратфордъ-на-Авонѣ дòрогъ и помимо Шекспира. Недалеко отъ этого города жили предки Вашингтона, а второй или третій домъ отъ мѣста рожденія Шекспира принадлежалъ отцу основателя Harvard College. Тутъ же рядомъ, въ старой гостинницѣ „Красная Лошадь“, показываютъ комнату, въ которой нѣсколько времени жилъ американскій пи-

сатель Вашингтонъ Ирвингъ, который, можно сказать, открылъ Шекспира для американцевъ. Комната эта содержится какъ святыня, и по настоящее время въ ней сохранилось кресло, въ которомъ Ирвингъ отдыхалъ,—желѣзная кочережка, которою онъ мѣшалъ угли въ каминѣ, и стѣнные часы, бывшіе еще при немъ.

Я здѣсь не стану описывать всѣхъ достопримѣчательностей Стратфорда, связанныхъ съ именемъ Шекспира, такъ какъ онѣ много разъ были уже описаны, и въ любомъ путеводителѣ, и даже въ энциклопедическихъ словаряхъ читатель найдетъ все въ подробности. Укажу лишь на одинъ очень любопытный фактъ. Въ музеѣ Шекспира, въ виду его полной безопасности отъ огня и воровъ, стратфордскій муниципалитетъ хранитъ и свой архивъ. И вотъ, среди разныхъ рукописныхъ книгъ этого архива мнѣ показывали и книгу, которая содержала полный списокъ рѣшительно всѣхъ лицъ, послѣдовательно занимавшихъ должности мэра (въ прежнія времена мэръ назывался тамъ bailiff), начиная съ Эдуарда I, т.-е. за періодъ времени больше чѣмъ шестьсотъ лѣтъ. Этотъ фактъ, какъ бы малъ онъ ни казался, лучше рисуетъ глубокую культурность даже старинной Англіи, чѣмъ иныя многословныя описанія.

Контрастъ между Стратфордомъ или Варвикомъ и Бирмингемомъ, между старой деревенской Англіей, съ ея живописными рѣчками, рощами, полями и здоровымъ, краснощекимъ, сытымъ и простымъ населеніемъ, съ одной стороны, и новой городской Англіей, съ ея дымомъ и копотью, съ ея испитымъ, малорослымъ и полуиспорченнымъ населеніемъ, съ другой стороны,—не могъ не остановить на себѣ давно вниманія людей, серьезно занятыхъ вопросами національнаго существованія. Переполненіе городовъ, влекущее за собою дороговизну квартиръ, обостренную борьбу за существованіе, упадокъ нравственный и физическій, сдѣлалось главнымъ узломъ соціальной жизни; и его пытаются развязать и теоретики, и практики, и государство, и частная филантропія, хотя онъ все еще ждетъ своего Александра Македонскаго. Однако, одна изъ попытокъ, сдѣланная около Бирмингема, оказалась настолько успѣшной, что о ней слѣдуетъ здѣсь разсказать болѣе или менѣе подробно. Эта попытка представляетъ собою послѣднее слово современной филантропіи, и, помимо ея значенія въ настоящее время, она, быть можетъ, таитъ въ себѣ зародышъ и лучшаго будущаго.

IV.

Утопія двадцатаго столѣтія.

Повидимому XX столѣтіе будетъ гораздо болѣе практичнымъ, чѣмъ „практическій XIX вѣкъ". Отчего XIX вѣкъ прозвали практическимъ—понять очень трудно. По крайней мѣрѣ, что касается улучшенія быта рабочихъ классовъ, кажется, никогда раньше не рекомендовались такіе фантастическіе, оторванные отъ жизни и лишенные почвы планы и проекты, передъ которыми совершенно блѣднѣютъ „утопія" XVI-го вѣка Томаса Мура или политическія мечты дѣятелей великой французской революціи. Кому не кажутся теперь наивными „Новая Гармонія" Роберта Оуэна, даже надежды болѣе практичнаго Годена или фаланстеріи Фурье? Соціальные реформаторы девятнадцатаго вѣка обращали больше вниманія на работу и трудъ человѣка, чѣмъ на его отдыхъ. Они больше занимались вопросомъ о фабрикѣ, чѣмъ вопросомъ о жилищахъ, больше стремились къ завладѣнію „орудіями производства", чѣмъ къ улучшенію домашней жизни рабочихъ, убѣжденные, что разъ условія труда будутъ болѣе выгодны, то и жизнь будетъ устроена удобнѣе. Въ корнѣ это, конечно, справедливо. Но быстрый, никѣмъ прежде не предвидѣвшійся, чрезвычайный ростъ городовъ внесъ значительную путаницу въ прежнія логическія разсужденія и показалъ, что даже при высокой платѣ за трудъ и при сокращеніи рабочаго дня пьянство, нищенство, тѣснота и грязь все-же продолжаютъ безобразить жизнь городовъ. Санитарное законодательство, законы о продажѣ крѣпкихъ напитковъ, школы, лекціи, улучшенные пути сообщенія— все это оказалось безсильнымъ помочь бѣдѣ: одна улица очищается — другая переполняется и грязнится; въ одномъ мѣстѣ смертность уменьшилась — въ другомъ она поднялась, хотя въ общемъ видно нѣкоторое улучшеніе. И вотъ, уже въ послѣднія десять - пятнадцать лѣтъ прошлаго вѣка начали дѣлаться въ Англіи очень интересные опыты разрѣшенія вопроса о переполненіи городовъ. Имѣя въ виду, что главной притягательной силой городовъ являются фабрики, нѣкоторые изъ крупныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ рѣшили перенести свои заведенія изъ города въ деревню. Такъ компанія, выработывающая целлюлоидъ (Xylonite Company), перенесла недавно свой заводъ изъ густонаселенной части Лондона въ деревню Hale End. Линотипная компанія (Linotype Company) перебралась изъ Манчестера въ

близлежащій Алтринчемъ. Типографы Смитъ, щеточная фабрика Кента и другія выбрались изъ Лондона въ зелень полей Герфортшайра. Изъ Бирмингема же выбралась на деревенскій просторъ шоколадная фабрика Кэдбюри.

Братья Кэдбюри — извѣстные филантропы и квакеры. Они уже давно чувствовали необходимость сдѣлать что-либо для противодѣйствія переполненію городовъ и происходящимъ отъ него дурнымъ послѣдствіямъ. „Не удивительно,—говоритъ нынѣшній глава фирмы, Джорджъ Кэдбюри, въ одной своей брошюрѣ,—что въ то время какъ очень немногіе выходятъ побѣдителями изъ окружающей ихъ обстановки, огромное большинство не выдерживаетъ борьбы и увеличиваетъ собою массу преступнаго и болѣзненнаго человѣчества. Запертые въ дурно-пахнущихъ улицахъ и задворкахъ, лишенные свѣжаго воздуха и солнечнаго свѣта, рѣдко видящіе зелень полей, безъ здоровыхъ развлеченій и окруженные порокомъ и искушеніями со всѣхъ сторонъ,—развѣ они могутъ быть лучше?“

Въ теченіе сорока лѣтъ каждое воскресенье Джорджъ Кэдбюри читалъ и толковалъ библію въ одномъ изъ „библейскихъ классовъ“ въ Бирмингемѣ, бесѣдуя съ рабочими, какъ братъ съ братомъ; вслѣдствіе чего онъ имѣлъ случай убѣдиться, что филантропія безсильна поднять человѣка, разъ она его оставляетъ въ той же обстановкѣ. Нужно, значитъ, перемѣнить обстановку и дать возможность человѣку работать въ здоровой атмосферѣ, вдали отъ искушеній и грязи городовъ. Вначалѣ Кэдбюри думалъ построить деревню вблизи своей фабрики, и домà уступить въ собственность, на очень льготныхъ условіяхъ, всѣмъ желающимъ селиться въ нихъ; но эту мысль онъ скоро оставилъ, находя, что новые собственники могутъ вскорѣ обратить въ трущобы и свои новые домики. Поэтому онъ рѣшилъ номинально оставаться хозяиномъ деревни, а домà отдать въ долгосрочную аренду на 999 лѣтъ. Такое устройство дѣла дало бы ему право требовать отъ своихъ арендаторовъ, согласно договору, соблюденія извѣстныхъ порядковъ, которые, по его мнѣнію, необходимы для общаго блага жителей деревни. На этихъ началахъ имъ было выстроено и продано 143 коттеджа. Подъ вліяніемъ, однако, одной книжки, о которой рѣчь будетъ дальше, онъ перемѣнилъ весь планъ своего филантропическаго предпріятія. Дальнѣйшіе коттеджи, которые онъ строилъ въ своей деревнѣ, онъ уже не продавалъ, а рѣшилъ сдавать лишь съ платой понедѣльно, и затѣмъ всю деревню, вмѣстѣ съ старыми и новыми коттеджами, съ застроенной и незастроенной землей, подарить трёсту

(trust), т.-е. спеціально организованной имъ администраціи изъ назначенныхъ имъ лицъ. Трёстъ долженъ взимать слѣдуемыя съ жителей деньги, какъ квартирную плату, арендныя деньги за землю и огороды и пр., и, за покрытіемъ расходовъ по хозяйству и завѣдыванію дѣломъ, купить новыя земли и строить новыя деревни на тѣхъ же началахъ.

Новая эта деревня Боурнвилль, построенная Джорджемъ Кэдбюри, находится въ пяти миляхъ отъ Бирмингема. Будучи въ Бирмингемѣ, мы посѣтили и эту деревню. Въ настоящее время она состоитъ изъ 370 домовъ, въ которыхъ живетъ въ общемъ до 2.000 душъ, считая и грудныхъ дѣтей. Каждый домикъ или, какъ здѣсь говорятъ, коттеджъ составляетъ собою небольшой особнячокъ въ два этажа съ цвѣтникомъ впереди и довольно большимъ огородомъ позади. По мысли основателя трёста, площадь, занятая подъ строеніями, никоимъ образомъ не должна быть больше одной четверти площади огородной земли. Число комнатъ въ коттеджахъ бываетъ отъ пяти до десяти, и плата въ недѣлю взимается въ размѣрѣ отъ $6^1/_2$ до 9 шиллинговъ. Всѣ коттеджи, малые и большіе, снабжены новѣйшими санитарными принадлежностями и по своей архитектурѣ представляютъ безконечное разнообразіе. Дома сдаются вмѣстѣ съ вполнѣ устроенными передъ ними цвѣтниками и уже обработанной землей подъ огородами, такъ что жильцамъ только и остается поддерживать въ порядкѣ начатое до ихъ переѣзда огородничество и цвѣтоводство; при этомъ они могутъ пользоваться указаніями и руководствомъ садовниковъ, содержимыхъ трёстомъ. Для тѣхъ же, которые желали бы получить теоретическую подготовку въ огородничествѣ и цвѣтоводствѣ, устроены въ деревнѣ курсы лекцій. Вода и газъ проведены въ поселокъ бирмингемскимъ муниципалитетомъ, взявшимъ на себя и содержаніе канализаціи. Конечно, за свои услуги бирмингемскій муниципалитетъ получаетъ извѣстное вознагражденіе, и такимъ образомъ по отношенію къ Боурнвиллю онъ выступаетъ въ роли подрядчика.

Въ среднемъ, при каждомъ коттеджѣ полагается около 600 ярдовъ огородной земли. Съ краю огороды засажены фруктовыми деревьями, придающими постройкамъ очень уютный видъ, не говоря уже о даровомъ полученіи съ нихъ плодовъ.

Проходя по улицамъ поселка, просто не вѣришь, что коттеджи заняты семействами далеко не богатыхъ рабочихъ, многіе изъ которыхъ днемъ работаютъ гдѣ-нибудь на заводахъ Бирмингема. Выстроенные изъ прочнаго кирпича, коттеджи, какъ изящныя игрушки, разставлены по зеленому ковру по сторонамъ ши-

ровкихъ, хорошо вымощенныхъ улицъ съ плитняковыми тротуарами. Множество цвѣтовъ въ палисадникахъ; кресла, качалки, гамаки на гладко-скошенныхъ лужайкахъ сзади домовъ; длинныя кисейныя занавѣски и фаянсовыя вазы съ букетами за окнами; мягкіе ковры, провѣтривающіеся на туго натянутыхъ веревкахъ, музыкальные аккорды, вылетающіе изъ иныхъ раскрытыхъ оконъ, и наконецъ, интеллигентный, чистый видъ женщинъ, возящихся около своихъ домовъ,—все это такъ далеко отъ общаго представленія о жизни рабочихъ классовъ, что невольно спрашиваешь себя: „неужели это—дѣйствительность, а не утопія"?

Боурнвилль сообщается съ Бирмингемомъ желѣзной дорогой и электрическимъ трамваемъ, на которыхъ проѣздъ для рабочихъ стоитъ всего два пенса. Это удобство и дешевизна проѣзда даютъ возможность бирмингемцамъ жить въ Боурнвиллѣ, и поэтому спросъ на его коттеджи такъ великъ, что на каждую освобождающуюся въ немъ квартиру, т.-е. отдѣльный домикъ, имѣются десятки кандидатовъ.

Жители поселка избираютъ изъ своей среды комитетъ, завѣдующій всѣми общественными дѣлами, какъ устройствомъ лекцій цвѣтоводства и огородничества, покупкой сѣмянъ на кооперативныхъ началахъ, пріобрѣтеніемъ садовыхъ инструментовъ и отдачей ихъ на прокатъ и многими другими дѣлами внутренняго благоустройства. Вся же финансовая часть предпріятія и внѣшнее благоустройство сосредоточено въ рукахъ трёста, извѣстнаго подъ именемъ „The Bournville Village Trust". Трёстъ этотъ существуетъ всего два съ половиною года (дарственный актъ былъ подписанъ въ декабрѣ 1900 года), и за первый годъ его чистый доходъ былъ около 5.000 фунтовъ стерлинговъ, которые пойдутъ на дальнѣйшее развитіе дѣла. Въ виду того, что капиталы его должны неминуемо все больше и больше рости, слѣдуетъ ожидать и появленія все новыхъ и новыхъ поселковъ того же характера, какъ и Боурнвилль, не только вблизи Бирмингема, но и вблизи другихъ фабричныхъ городовъ.

Впрочемъ, трёстъ можетъ расходовать деньги не только на покупку новыхъ земель и устройство новыхъ деревень, но и на разныя нужды въ уже устроенныхъ деревняхъ: на школы, молитвенные дома, больницы, техническіе институты, библіотеки, гимнастическія залы, прачешни и другія общеполезныя заведенія. Основатель Боурнвилля, однако, нѣсколько разъ оговаривается въ дарственномъ документѣ, что администраторы трёста не имѣютъ права строить школы и другія заведенія, которыя имѣли бы какую-либо одностороннюю религіозную или партійно-политиче-

скую тенденцію. „Администрація капитала,—говорится въ этомъ документѣ,—должна стоять совершенно внѣ сектъ и политическихъ партій. Она должна стараться устранить всякія вліянія, разсчитанныя на то, чтобы придать предпріятію сектантскій характеръ во всемъ, что касается религіи и вѣры, или односторонность въ политикѣ. Исключеніе кого-либо изъ участія въ пользованіи даромъ Кэдбюри по какимъ-либо религіознымъ или политическимъ причинамъ должно считаться нарушеніемъ намѣреній основателя".

Мысль передать дѣло въ руки трёста, который долженъ вести его не въ цѣляхъ наживы, а съ цѣлью употребленія доходовъ на дальнѣйшее развитіе его и устройство новыхъ и новыхъ деревень, была внушена Кэдбюри книжкой, въ сущности вовсе не важной. Книжка эта была издана въ 1898 г. нѣкоимъ Эбенезеромъ Говардомъ и называлась „To-morrow" (Завтра). Основная мысль этой книжки — та, что города должны быть ограничены опредѣленной площадью, ея-же не прейдеши. Всякое же лишнее населеніе должно быть выселено въ новый городъ, какъ отроившіяся пчелы—въ новый улей. Города должны быть построены по особому, совершенно одинаковому плану, заранѣе выработанному, но въ общемъ должны имѣть форму круговъ. Въ центрѣ круга строятся общественныя зданія, въ родѣ библіотеки, музея, муниципальнаго правленія, университета и пр., а затѣмъ кругомъ центра, концентрическими кольцами идутъ улицы, застроенныя лишь на одной сторонѣ и засаженныя на противоположной сторонѣ садами и парками. Эти улицы пересѣкаются другими улицами, которыя тянутся радіусами отъ центра къ околицѣ, къ крайнему кольцу, по которому проведена круговая желѣзная дорога. За полотномъ желѣзной дороги построены кругомъ промышленныя заведенія, фабрики и заводы, а за ними тянется окружная полоса для пастбищъ, огородовъ и хлѣбныхъ полей. Желѣзная дорога въ разныхъ пунктахъ своихъ соединяется съ другими дорогами, проведенными къ другимъ городамъ. Эти свои города Говардъ назвалъ „Garden-cities", садовыми городами.

Несмотря на то, что большинство разсужденій автора „To-morrow" очень наивны и несмотря на всѣ смѣшныя и ненужныя подробности, которыми онъ переполнилъ свою книжку, на нее все-таки обратили вниманіе. Въ ней заключалась одна маленькая частичка истины, которая и спасла ее отъ заброса и забвенія. Частичка истины, спасшая книжку, заключалась въ мысли автора о муниципализаціи земельной ренты, въ томъ, что

города должны строиться не ради наживы домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ, а для удобства жителей. Это—очень простая мысль, давно высказанная многими. Но Говардъ напечаталъ книжку въ самый острый моментъ вопроса о переполненіи Лондона и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городовъ, и каждый интересующійся вопросомъ кинулся на книжку, которая обѣщала новое разрѣшеніе очень сложной дилеммы. Можно, конечно, оставить въ сторонѣ радіусы и круги Говарда, его центры и круговыя желѣзныя дороги, его предѣльныя нормы населенія и прочія благоглупости мечтательной маниловщины; но мысль о возведеніи особнячковъ съ садами на счетъ какой-нибудь корпораціи, муниципальной или акціонерной, или средствами частныхъ лицъ, не преслѣдующихъ никакихъ меркантильныхъ цѣлей,—сама по себѣ эта мысль ничего химеричнаго не заключала и была уже испытана въ Англіи не разъ и не безъ успѣха.

Рѣшивъ поэтому сдѣлать что-нибудь для облегченія жилищной нужды и начавъ строить деревню въ своей громадной усадьбѣ въ Боурнвиллѣ не ради наживы, а по филантропическимъ побужденіямъ, Кэдбюри, естественно, очень заинтересовался и книжкой Говарда, а прочитавъ ее, не только укрѣпился въ мысли о созданіи боурнвилльскаго трёста, но и сталъ во главѣ движенія для созданія акціонерной компаніи съ цѣлью осуществленія идеи о городахъ-садахъ. Въ настоящее время это акціонерное общество, которое называется „Garden-City Pioneer Company“ (піонерной компаніей городовъ-садовъ), уже составлено съ первоначальнымъ капиталомъ въ 20.000 фунтовъ стерлинговъ, и Кэдбюри состоитъ однимъ изъ главныхъ акціонеровъ.

Недалеко отъ поселка находится и шоколадная фабрика Кэдбюри, на которой работаютъ до 3.500 рабочихъ; изъ нихъ 2.400—дѣвушки, а остальные—мужчины. Замужнія на фабрику не принимаются, но вдовы бывшихъ рабочихъ фабрики, если не имѣютъ пенсіи, опредѣляются на службу въ качествѣ прислуги при павильонахъ, на кухнѣ, въ столовой и на тому подобныя не-фабричныя должности. Вообще же, отношеніе фирмы къ своимъ рабочимъ, хотя далеко не исключительное въ Англіи, въ глазахъ многихъ еще можетъ также показаться утопіей. Кажется, тутъ сдѣлано все, что̀ можно, чтобы фабричный трудъ не казался такимъ непріятнымъ, какимъ онъ обыкновенно бываетъ. На фабрикѣ работаютъ день и ночь, но рабочій день продолжается всего восемь часовъ, включая и обѣдъ. Владѣльцы фабрики особенно сильно поощряютъ среди своихъ рабочихъ физическія упражненія на открытомъ воздухѣ; они подарили рабочимъ двѣ пре-

восходныя лужайки, одну для мужчинъ, другую для дѣвушекъ. Если фабрика закроется, то лужайки эти, которыми теперь завѣдуютъ сами рабочіе фабрики, перейдутъ въ собственность мѣстнаго земскаго участка (district council). И, повидимому, рабочіе пользуются подаркомъ въ полную волю. При нашемъ посѣщеніи, на лужайкѣ мужчинъ происходилъ крикетный матчъ между рабочими фабрики Кэдбюри и бирмингемской полиціей, имѣющей также свой клубъ крикетистовъ. Партія высокихъ, стройныхъ и плечистыхъ крикетистовъ-констеблей, одѣтыхъ въ бѣлые фланелевые рубашки и штаны, замѣтно выдавались среди своихъ сухопарыхъ оппонентовъ, состоявшихъ изъ молодыхъ людей 18—20 лѣтняго возраста. Однако, въ концѣ оказалось, что Голіаѳы были побѣждены ловкими Давидами съ шоколадной фабрики, и бирмингемскіе констебли проиграли матчъ.

Фирма также выстроила для своихъ рабочихъ библіотеку, павильоны съ гимнастическими залами, буфетами, читальнями и— что̀ обратило мое особенное вниманіе—холодными душами и ваннами. Для юношей моложе двадцати-одного года устроенъ особый клубъ съ богатой библіотекой, и въ клубѣ читаются лекціи и преподаются разные предметы.

Боурнвилль я осматривалъ въ большомъ обществѣ англійскихъ журналистовъ, многіе изъ которыхъ пріѣхали съ женами, дочерьми или сестрами, и всю эту компанію въ 300—400 человѣкъ Кэдбюри пригласилъ на чай, сервированный въ саду, недалеко отъ фабрики. Большой струнный оркестръ, составленный изъ рабочихъ и служащихъ, среди которыхъ было и нѣсколько дѣвушекъ, разложился съ своими пюпитрами на травѣ и очень недурно исполнилъ свою музыкальную программу. Гостей встрѣчалъ глава фирмы, Джорджъ Кэдбюри, уже старикъ, и жена его. На прощанье Кэдбюри произнесъ небольшую рѣчь, въ которой объяснилъ намъ, такъ сказать, свое „credo". Онъ считаетъ, что первымъ долгомъ всякаго англичанина должно быть воспитаніе физически-здороваго поколѣнія, не испорченнаго городскимъ воздухомъ и городскими соблазнами. Онъ съ энтузіазмомъ относится къ идеѣ о „городахъ-садахъ" и считаетъ устройство ихъ не только не утопіей, а напротивъ, убѣжденъ, что они призваны рѣшить соціальный вопросъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Кэдбюри купилъ газету „Daily News", въ которой теперь идея о „garden-cities" находитъ вліятельную поддержку.

С. И. Рапопортъ.

СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXII *).

Прошло еще нѣсколько дней. Все тѣ же думы преслѣдовали Жмуркина всегда и вездѣ, не оставляя его ни на минуту. Онъ точно переселился въ какой-то особый міръ головокружительныхъ ощущеній, нелѣпыхъ образовъ, мучительныхъ думъ. Всюду и вездѣ ему мерещились враги, подосланные Загорѣловымъ для его истребленія, и часто онъ собиралъ все свое мужество, мысленно приготовляясь къ отчаянной защитѣ.

„Постойте! — думалъ онъ въ эти минуты о своихъ врагахъ:—если ужъ вы такъ, такъ вѣдь и я могу вотъ этакъ! Вѣдь зубки-то и у меня есть, собаки“!

Онъ злорадно улыбался, словно грозя кому-то, точно стараясь запугать невидимаго врага своею смѣлостью и рѣшительностью. Въ то же время онъ принималъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Онъ внимательно оглядѣлъ всѣ запоры въ окнахъ своего флигелька, гдѣ онъ помѣщался, замѣнилъ у двери крюкъ болѣе надежнымъ и всегда ходилъ теперь съ револьверомъ въ карманѣ. И все-таки всѣ эти предосторожности казались ему ничего нестоющими, игрушечными и смѣхотворными, какъ выстрѣлъ изъ дѣтскаго пистолетика по медвѣдю. Онъ прекрасно сознавалъ, что врагъ хи-

*) См. выше: августъ, стр. 547.

теръ, и конечно же онъ упадетъ къ нему какъ снѣгъ на голову, внезапный и неожиданный, страшный этой самой неожиданностью, какъ снѣжная пурга, застигшая путника посреди безлюдной степи. А когда такъ,—что же могутъ предотвратить всѣ эти запоры, крюки и пистолеты? Врагъ можетъ, хотя бы напримѣръ, сжечь его въ его же флигелькѣ ночью, соннаго, устроивъ якобы случайный пожаръ. Развѣ же это такъ трудно сдѣлать? Эта мысль серьезно остановила на себѣ вниманіе Жмуркина, и онъ, желая сдѣлать свое жилище менѣе воспламенимымъ, сталъ каждый вечеръ поливать его крышу и стѣны изъ ручного насоса.

Разъ Загорѣловъ засталъ его вотъ именно за такою работою.

— Ты что это, братецъ, дѣлаешь?—спросилъ онъ его ласково, но этотъ ласковый тонъ нисколько не успокоилъ Жмуркина, а только еще болѣе взбудоражилъ его, наглядно доказавъ ему, насколько хитеръ и опасенъ его врагъ.

— Вотъ видите-съ, стѣнки-съ поливаю,—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ лукавствомъ въ лицѣ.

— А что?

— Да спать ночью душновато-съ. А потомъ мало ли что-съ можетъ выйти. Извольте вотъ сами сообразить-съ!—Онъ весь шевельнулся передъ Загорѣловымъ съ самымъ лукавымъ выраженіемъ. — Сами сообразите-съ!—шепталъ онъ съ мучительною усмѣшкой.

— Да это вѣрно,—согласился Загорѣловъ,—это вѣрно,—я и самъ терпѣть не могу спать въ духотѣ! Только почему же ты оконъ на ночь не отворяешь?—спросилъ онъ его вдругъ совершенно спокойно.

— Оконъ почему не отворяю?—переспросилъ его Жмуркинъ въ глубочайшемъ недоумѣніи. Этотъ вопросъ показался ему черезчуръ ужъ нелѣпымъ по своей наглости.

— Оконъ почему не отворяю?—повторилъ онъ свой вопросъ.— Я думаю, сами знаете, почему.—Онъ снова лукаво усмѣхнулся.

— Простуды боишься? Такъ тогда затворяй, непремѣнно затворяй! Ты вѣдь въ самомъ дѣлѣ здоровьемъ похвастаться не можешь. Затворяй, затворяй!

Загорѣловъ пошелъ прочь отъ Жмуркина, къ балкону, гдѣ слышалась веселая болтовня Сурковой и Перевертьева.

А Жмуркинъ злорадно говорилъ ему вслѣдъ:

— И окна запираю, и всѣ крючечки заново перемѣнилъ! Такъ что ужъ теперь надежно! Въ случаѣ чего!

Онъ усмѣхнулся и торжествующе подумалъ:

— А ему опять закорючку и навыворотъ,—поди-ка, вотъ, поломай-ка теперь головку-то!

Вскорѣ же послѣ этого, когда онъ работалъ однажды въ кабинетѣ Загорѣлова, тотъ предложилъ ему стаканъ чаю. Жмуркинъ наотрѣзъ отказался; внезапно ему пришло въ голову, что чай можетъ быть отравленъ.

— Нѣтъ-съ, будьте ужъ любезны-съ, я не могу,—сказалъ онъ Загорѣлову, почтительно прижимая руку къ сердцу и всѣмъ своимъ лицомъ въ то же время желая его предувѣдомить, что онъ тоже себѣ на умѣ, и что взять его голыми руками будетъ довольно затруднительно и почти невозможно.

— Нѣтъ, ужъ извините-съ!—шепталъ онъ съ лукавымъ поклономъ.

— Да развѣ ты никогда не пьешь чаю? Что тебѣ, вредно что-ли?—съ участіемъ допытывался у него Загорѣловъ.

— Да пожалуй что и вредъ можетъ выйти!

— Это отъ одного стакана-то?

— Да ужъ пожалуй что и отъ одного стакана-съ! Будьте любезны, никакъ нельзя-съ!

Онъ все болѣе и болѣе точно погружался въ какую-то яму, населенную всяческими ужасами. Онъ потерялъ сонъ и аппетитъ; ночью его терзали мучительныя сердцебіенія, а пища казалась ему приправленной какимъ-то отвратительнымъ на вкусъ снадобьемъ.

Жизнь стала для него невыносимою, и иногда ему приходило на мысль немедленно же разсчитаться и уйти, куда-нибудь, куда глядятъ глаза, лишь бы освободиться отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, преслѣдующихъ его по пятамъ, какъ своры злобныхъ ищеекъ. Однако и эта мысль тотчасъ же казалась ему никуда негоднымъ вздоромъ. Развѣ Загорѣловъ оставитъ его въ покоѣ даже и тамъ, разъ онъ знаетъ, что самая заповѣдная его тайна находится вотъ въ этихъ самыхъ рукахъ? Наоборотъ, Жмуркину казалось, что жить здѣсь для него даже много выгоднѣе, чѣмъ гдѣ бы тамъ ни было, такъ какъ все-же его врагъ былъ у него на виду, и слѣдовательно ему было удобнѣе слѣдить здѣсь за каждымъ его движеніемъ.

„И въ случаѣ чего,—сейчасъ же наоборотъ!“—думалъ онъ.

И онъ оставался жить здѣсь.

Какъ-то разъ среди ночи онъ проснулся въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ, съ удушливымъ крикомъ, ощущая припадокъ мучительнаго сердцебіенія. Онъ услышалъ извнѣ какой-то подозрительный шорохъ, и ему показалось, что его флигель обклады-

ваютъ сухимъ хворостомъ; онъ сразу же сообразилъ, что это дѣлаютъ для того, чтобы подпалить затѣмъ его жилище. Онъ безпокойно бросился къ револьверу и не нашелъ его. Ему пришло въ голову:

„Отобрали! умышленно“!

Онъ бросился къ токарному станку, вооружился тяжелымъ молотомъ съ металлическою ручкой и, тихонько полураскрывъ дверь, выглянулъ наружу, сжимая свое оружіе въ похолодѣвшей рукѣ. Но вокругъ не было ни души. Лунная ночь сіяла на небѣ, и садъ спалъ въ серебристомъ покровѣ. Осторожно прислушавшись, онъ двинулся на крыльцо, безпокойно оглядываясь, разыскивая невидимыхъ враговъ, мягко ступая босыми ногами. Съ тѣми же тѣлодвиженіями онъ обошелъ весь свой флигель, заглядывая въ глубину кустарника, неподвижно купавшагося въ зеленоватомъ свѣтѣ мѣсяца. Но и тамъ онъ не увидѣлъ никого. Это его нѣсколько успокоило, но теперь онъ уже боялся возвратиться назадъ во флигель. Ему пришло въ голову, что пока онъ дѣлалъ свой обходъ и былъ у задней стѣны, въ открытую дверь флигеля могъ кто-нибудь проскочить и затѣмъ спрятаться въ темномъ углу. И когда онъ теперь войдетъ туда, его внезапно ударятъ по головѣ, накинутъ на его шею полотенце, задушатъ какъ безпомощнаго кролика.

„Что же это такое?“—думалъ онъ съ тоскою, застывъ передъ своимъ флигелемъ съ молотомъ въ рукѣ.

„Что теперь будешь дѣлать?“—шепталъ онъ въ мученіяхъ, чувствуя себя запертымъ въ ловушку.

Съ минуту онъ простоялъ такъ, напряженно разбираясь въ безвыходности своего положенія, а затѣмъ ему пришло на мысль идти сейчасъ же къ окну Загорѣловской спальни, разбудить того ударами по стеклу и покаяться ему во всемъ. Пусть онъ его судитъ сейчасъ же и какъ хочетъ; все-же это нисколько не страшнѣе тѣхъ ужасовъ, среди которыхъ онъ живетъ уже давно. Эта мысль какъ будто даже понравилась ему; онъ словно успокоился, и двинулся къ дому, какъ былъ, въ одномъ бѣльѣ. Черезъ минуту онъ уже былъ тамъ, у этого окна, свѣтившагося подъ луннымъ свѣтомъ. Окно это выходило на востокъ и не задергивалось на ночь гардиной, такъ какъ Загорѣловъ любилъ, чтобы его поднимало съ постели восходящее солнце. Жмуркинъ затаилъ дыханіе, осторожно поставилъ ногу на широкій выступъ фундамента и заглянулъ черезъ это окно въ глубину спальни. Однако въ первую минуту онъ ничего не увидѣлъ тамъ; у него точно мутилось въ глазахъ отъ мучительнаго сердцебіенія, снова на-

полнившаго его шумомъ, похожимъ на сердитый свистъ кузнечныхъ мѣховъ. Въ немъ точно раздували этими мѣхами какую-то отчаянную рѣшительность, какъ кузнецъ раздуваетъ горячее пламя угля, и Жмуркину стало ясно, что просить у Загорѣлова какой-то тамъ милости онъ пожалуй что и не станетъ. Онъ передохнулъ и снова заглянулъ въ окно спальни. И тогда онъ увидѣлъ Загорѣлова; онъ внимательно оглядѣлъ его. Загорѣловъ спалъ на спинѣ, до пояса завернутый въ простыньку, и его красивая голова высоко лежала на бѣлѣвшихъ подушкахъ. Воротъ его рубахи былъ разстегнутъ, и Жмуркинъ увидѣлъ на его груди маленькій серебряный крестикъ и такой же медальончикъ, вѣроятно образокъ съ сорока мучениками,—тотъ самый, при помощи котораго онъ купилъ все это имѣнье. Жмуркинъ услышалъ его ровное и спокойное дыханіе, и тутъ же замѣтилъ, что окно его спальни даже не заперто. Загорѣловъ спалъ безмятежнымъ сномъ младенца, даже не потрудившись запереть на ночь окна. Это открытіе поразило Жмуркина, и на минуту въ немъ шевельнулась какая-то мысль, которая какъ бы шла въ разрѣзъ съ прежними его думами,—но она сейчасъ же исчезла, словно утонувъ во мглѣ. Передвинувшись на выступѣ фундамента къ одной сторонѣ окна, зажавъ подъ мышкой свой молотъ и не спуская глазъ съ лица Загорѣлова, онъ сталъ тихонько отворять створку окна; та плавно двинулась къ нему на встрѣчу безъ звука, точно ея петли предупредительно смазали масломъ.

Его сознаніе напряженно застыло, словно замкнувшись непроницаемымъ кольцомъ вокругъ одной идеи: „Молоткомъ въ лобъ и изо всѣхъ силъ“!

„Ты на два вершка отъ душегубства ходишь!“—внезапно припомнились ему слова Безутѣшнаго. И непроницаемое кольцо разорвалось передъ этимъ воспоминаніемъ, какъ туча передъ бурей.

Жмуркинъ поспѣшно спрыгнулъ съ фундамента, быстро прошелъ къ себѣ во флигель и, швырнувъ молотъ на прежнее его мѣсто, сѣлъ на кровать. На минуту всѣ ложные страхи точно покинули его, и онъ внезапно увидѣлъ ту пропасть, куда его влекло такъ неудержимо. Онъ схватился за голову и горько заплакалъ, припавъ къ подушкѣ. А утромъ, когда онъ проснулся, та же мучительная мгла одѣвала его сознаніе, и онъ тотчасъ же устремился на поиски своего револьвера. Его онъ нашелъ вскорѣ же въ карманѣ ватной куртки, но зато онъ обнаружилъ у себя новую пропажу. И эта послѣдняя пропажа была много существеннѣе первой.

Пропалъ его дневникъ, тотъ самый, которымъ онъ запугивалъ Загорѣлова.

„Ловко? а?“ —шепталъ онъ блѣднѣя, послѣ усиленныхъ и безполезныхъ поисковъ:— „а? самонужнѣйшій документъ выкрали“!

Онъ какъ будто бы теперь сообразилъ съ совершенной ясностью, что̀ значилъ отвѣтъ Загорѣлова: „муха берложья“!

Вечеромъ въ тотъ же день онъ почтительно спросилъ его:

— Вы помните, я васъ какъ-то-съ о дневничкѣ моемъ предупреждалъ?

— Помню, помню,—отвѣчалъ Загорѣловъ весело.

— Такъ вотъ-съ, я вамъ забылъ тогда сказать, что онъ у меня въ двухъ копіяхъ имѣлся. Одна, то-есть, у меня, а другая у посторонняго лица, для передачи той самой особѣ? На случай безвременной кончины!—пояснилъ онъ.

— Въ двухъ копіяхъ?—переспросилъ Загорѣловъ.—Это хорошо; а ты „муху берложью“—помнишь?—вдругъ добавилъ онъ, разсмѣявшись. Жмуркина точно всего передернуло. Онъ не отвѣчалъ ни слова и, сердито повернувшись,—пошелъ отъ Загорѣлова.

„Опять заковычка!“—думалъ онъ, останавливаясь посреди двора.—„Стало быть, опять жди чего-нибудь такого“!

Весь вечеръ онъ проходилъ по усадьбѣ, углубленный въ свои размышленія, блѣдный, съ потеряннымъ взглядомъ. Хорошенькая Фрося нѣсколько разъ прошла мимо него, и съ досадою отвернувъ отъ него лицо, но задѣвая его не безъ умысла юбками, она каждый разъ задумчиво и скороговоркой произносила:

— Пучины моря кто измѣритъ? Кто усладитъ мои мечты? Кто сердцу бѣдному повѣритъ? Увы, не ты, увы, не ты, увы, не ты!

Но онъ не слышалъ и не видѣлъ ея, точно отгороженный отъ нея чѣмъ-то.

XXIII.

Дни по прежнему стояли солнечные и привѣтливые. Изрѣдка веселый и шумный дождь звонко барабанилъ по желѣзнымъ крышамъ построекъ, порою гудѣлъ вѣтеръ, закручивая по дорогѣ пыльные вихри, прыгавшіе съ обрывовъ холмовъ на свѣтлыя воды Студеной. А затѣмъ окрестности свѣтлѣли снова въ радушномъ теплѣ ясныхъ и привѣтливыхъ дней. И если судить по наружному виду, въ обѣихъ усадьбахъ все обстояло вполнѣ

благополучно. Загорѣловъ ходилъ все такой же веселый и счастливый. Хлѣбъ уже перевезли на гумна; у мельницы сердито завылъ барабанъ молотилки, жадно перебивая золотистую солому своею желѣзною пастью, и нагруженныя зерномъ телѣги цѣлыми днями нетерпѣливо скрипѣли у амбаровъ, торопясь пересыпать свой грузъ въ ихъ ненасытные животы.

Весь урожай былъ уже на виду, и Загорѣловъ весело потиралъ руки, предвкушая изрядные барыши, строя планы будущихъ посѣвовъ, новыхъ работъ, новыхъ обогащеній. И поглядывая вокругъ съ увѣренностью удачника, онъ думалъ:

„Я буду богатъ, я буду страшно богатъ"!

Порою онъ приходилъ въ контору къ Жмуркину, веселый и ясный, весь словно благоухающій счастьемъ, и, дружелюбно кивая ему, говорилъ:

— Урожай прямо-таки баснословный; мы обогатимся. Мнѣ ужасно везетъ, Лазарь, и вотъ тебѣ наглядное доказательство, что судьба покровительствуетъ только тѣмъ, кто умѣетъ жить, въ комъ есть энергія и сила. Да иначе и быть не можетъ! Тучное зерно процвѣтаетъ и при маленькомъ дождикѣ, а слабое гибнетъ и при ливнѣ. Въ этомъ-то и заключается все покровительство судебъ, счастье и удача, и этотъ законъ тяготѣетъ надъ всѣми живущими. Сильный благоденствуй, а слабый — что̀ же дѣлать?—Загорѣловъ пожалъ плечами.

— А слабый—„со святыми упокой", что-ли?—переспросилъ Жмуркинъ.

Загорѣловъ точно уклонился отъ прямого отвѣта и сказалъ:

— А какъ поступаетъ хозяинъ, приготовляясь къ посѣву? Онъ тщательно сортируетъ зерно и хорошее сберегаетъ, а плохое отдаетъ въ снѣдь.

— Свинкамъ-съ?—снова спросилъ Жмуркинъ съ усмѣшкой.

— А на кого же тутъ сердиться?—сказалъ Загорѣловъ: — таковы велѣнія судьбы, и не намъ ихъ измѣнять!

— Это-съ—конечно!—почтительно согласился и Жмуркинъ. —Хорошъ ананасъ, да не про насъ, а картошка похуже, да привычна къ стужѣ! Вотъ даже-съ подъ риѳму,—добавилъ онъ со смѣхомъ.

Вечеромъ 13-го августа, въ день именинъ Загорѣлова, въ усадьбу съѣхались гости. Тутъ былъ и Ѳердуевъ, и все семейство Быстряковыхъ, и множество другихъ. Послѣ чая, въ обширномъ залѣ закружились танцующія пары. Молодыя женщины и дѣвушки, въ пестрыхъ и яркихъ нарядахъ, переплелись красивой гирляндой; зазвенѣлъ смѣхъ, и пѣвучіе звуки вальса наполнили весь

домъ, тоскующе зазвучали въ аллеяхъ сада. Танцовала и Лидія Алексѣевна съ Загорѣловымъ. Сегодня она выглядывала веселой и оживленной, и она много смѣялась, съ лукавымъ задоромъ ребенка, какъ бы отрѣшившись на время отъ всѣхъ своихъ темныхъ думъ.

Тутъ же, въ уголкѣ, поглядывая на танцующихъ, сидѣли въ креслахъ Анѳиса Аркадьевна и Анна Павловна. Анѳиса Аркадьевна постоянно вытирала свои мясистыя губы скомканнымъ въ лѣвой рукѣ платочкомъ, и, поглядывая на жирное тѣло Анны Павловны, она говорила:

— Вы весело живете, нужно правду сказать. Да, между прочимъ, и у насъ въ Сердобольскѣ весело тоже живутъ. У каждаго сословія свои развлеченія. У мужчинскаго — свои, а у бабьяго — свои. Мужчинское сословіе каждый вечеръ подъ окна къ околодочной надзирательшѣ шлёндаетъ. А бабье сословіе другъ ко дружкѣ ходятъ и чаи пьютъ. Сегодня съ смородиннымъ вареньемъ,—съ удовольствіемъ растягивала она слова,—завтра съ клубничнымъ!

— А чай хорошо еще со смоквой пить, — сказала Анна Павловна, зѣвнувъ.

— И со смоквой пьемъ. Очень, очень весело живутъ въ Сердобольскѣ,—добавила Анѳиса Аркадьевна со вкусомъ.

Въ то же время Быстряковъ, улучивъ удобную минутку, взялъ подъ ручку Ѳердуева и провелъ его въ кабинетъ Загорѣлова, гдѣ не было ни души. Осторожно затворивъ затѣмъ двери кабинета, онъ сталъ передъ Ѳердуевымъ, заложилъ руки въ карманы и сказалъ:

— Ну-съ, господинъ Гладстонъ, напряги мозги и соображай. Ты вотъ зачѣмъ мнѣ нуженъ!

— Что̀ прикажете, Елисей Аркадьевичъ? — спросилъ Ѳердуевъ съ заискивающей улыбкой подъ накрашенными усами.

— Вотъ что̀ мнѣ требуется, господинъ Гладстонъ! Снимаю я у Максима Сергѣева, то-есть Загорѣлова, въ аренду кусишко земли въ сто десятинъ; онѣ у него за рукой, а мнѣ подъ самымъ бокомъ. Ты соображаешь? Такъ вотъ, нельзя ли такой проектецъ арендного контракта состряпать, чтобъ въ случаѣ чего, Боже упаси, ежели дѣло-то до суда дойдетъ, такъ чтобъ этотъ кусишко-то за мною въ вѣчное остался! а? шевельни-ка мозгами! нельзя ли такой карамболь учинить? а? А то онъ у меня въ долгу, Максимъ Сергѣевъ-то,—пояснилъ онъ сердито.— Я ему вотъ на этотъ самый столъ шесть сотенныхъ задаромъ вывалилъ!

— Трудно это, Елисей Аркадьевичъ, — отвѣчалъ Ѳердуевъ задумчиво. — Трудно, хотя подумать можно. Еслибы, Елисей Аркадьевичъ, — говорилъ онъ съ сожалѣніемъ, — одни законы гражданскіе были, я, повѣрьте, кобениться бы не сталъ. Но, къ сожалѣнію, есть еще законы и у-го-ловные,—растянулъ онъ это послѣднее слово.

Между тѣмъ, Жмуркинъ безпокойно ходилъ по саду, мимо оконъ дома, и встревоженно поглядывалъ на танцующія пары, на Лидію Алексѣевну и Загорѣлова, внимательно присматриваясь ко всему, что̀ происходило въ домѣ. Его осѣнила теперь новая идея. Онъ рѣшился во что̀ бы то ни стало добиться свиданія съ Лидіей Алексѣевной, хотя бы на единую минуточку. И пусть она искренно отвѣтитъ ему, говорила ли она о немъ Максиму Сергѣичу, или же нѣтъ? И въ случаѣ удовлетворительнаго для него отвѣта, онъ съумѣетъ упросить ее навсегда сохранить все происходившее между ними въ строжайшей тайнѣ, обѣщая ей зато навсегда же оставить ее въ покоѣ. Съ этою цѣлью Жмуркинъ и ходилъ мимо оконъ дома, желая какъ-нибудь дать знать Лидіи Алексѣевнѣ о своихъ намѣреніяхъ. Однако, долго онъ не находилъ никакихъ средствъ къ этому, и это его мучило и угнетало. А потомъ онъ вдругъ увидѣлъ тонкую фигуру Лидіи Алексѣевны; она стояла, повернувшись спиною къ раскрытому окошку, въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ Жмуркина. Онъ не выдержалъ, осторожно подошелъ къ окну и, просунувъ руку, тихохонько коснулся ея таліи. А затѣмъ онъ поспѣшно нырнулъ въ сторону. Лидія Алексѣевна неторопливо повернулась лицомъ къ саду, и по взволнованному выраженію ея лица сразу же было видно, что она тотчасъ же догадалась, кто былъ этотъ коснувшійся ея. Сквозь вѣтки деревьевъ она увидѣла Жмуркина; онъ дѣлалъ ей какіе-то знаки. Убѣдившись, что за нею не слѣдятъ, она неторопливо прошла въ садъ.

— Что̀ вамъ?—спросила она, стараясь быть скрытой со стороны дома. Ея встревоженное лицо выражало досаду.

— Мнѣ нужно говорить съ вами,—сказалъ Жмуркинъ.

Они говорили шопотомъ.

Ей показалось, что его лицо посинѣло, а его зубы пристукивали. Онъ точно страдалъ лихорадкой.

— Вы видите, теперь не время, — отвѣчала она, брезгливо пожавъ плечами.

— Мнѣ нужно,—повторилъ онъ, тоскливо заглядывая въ ея лицо,—и для васъ, и для меня нужно! Ради Бога! — добавилъ онъ уныло и просительно.

— Къ сожалѣнію, не могу,—сказала она.

— А тогда я могу пойти туда,—онъ кивнулъ на домъ,—и сказать всѣмъ, кто ты такая!—Послѣднія слова вырвались у него удушливымъ возгласомъ.

— Тише же, ради Бога!—съ мольбою прошептала она, безпокойно оглядываясь на окна дома.—Хорошо. Гдѣ же мы будемъ говорить?—добавила она, убѣдившись, что его окрика никто не слышалъ.

Онъ кивнулъ на свой флигелекъ.

— Тамъ, ради Бога!—проговорилъ онъ.—Это нужно и для меня, и для васъ.

— Хорошо. Я выйду черезъ часъ,—сказала Лидія Алексѣевна послѣ минутнаго колебанія.

Она ушла, оставивъ его одного. Онъ прислонился спиною къ дереву и о чемъ-то задумался, поглядывая въ одну точку и безпокойно вздрагивая плечами.

Музыка стихла; домъ тихо гудѣлъ веселымъ говоромъ. Сумрачныя аллеи сада стыли въ неподвижной тишинѣ. Жмуркинъ стоялъ все въ той же позѣ и думалъ.

— Не мни-и-и-те!—вдругъ прилетѣло изъ лѣсного оврага, словно гудѣнье колокола.

Все общество, переполнявшее домъ, поспѣшно выбѣжало на балконъ, толкаясь и пересмѣиваясь съ оживленными лицами.

— Это Спиридонъ,—сообщалъ всѣмъ веселый голосъ Загорѣлова.—Послушайте, что это за удивительный басище!

— Не мни-и-и-и-те,—между тѣмъ летѣло изъ оврага,—я-яко пріидо-охъ...

— Удивительный голосъ! — тихо проносилось въ пестрой толпѣ, затопившей собою всю платформу балкона.—Удивительный!.. какая силища!..

— Но-о-о ме-е-е-ечъ, — высокій до пронзительности звукъ вдругъ зазвенѣлъ въ воздухѣ, какъ лязгъ скрестившихся мечей.

XXIV.

Черезъ часъ, когда въ залѣ снова возобновились танцы, Лидія Алексѣевна подошла къ Аннѣ Павловнѣ.

— Простите меня,—сказала она ей, смущенно улыбаясь,—я сейчасъ ухожу домой, и не буду ни съ кѣмъ прощаться, кромѣ васъ.

— Что̀ такъ, родимушка?—спросила Анна Павловна лѣниво.

— Что-то зубы разболѣлись,—говорила Лидія Алексѣевна.— Извините, ради Бога, меня, но я больше не могу!

Простившись съ хозяйкой дома, она вышла на широкій дворъ усадьбы и на минуту задумалась. Затѣмъ она безпокойно оглядѣлась и быстро двинулась къ углу сада, тотчасъ же скрывшись за темною стѣною кустарника. И тутъ она увидала Жмуркина; онъ стоялъ въ сѣняхъ своего флигеля, слегка прячась за косякомъ двери, и не сводилъ съ нея глазъ. Она снова остановилась, прислушиваясь и озираясь, прижимая руку къ сердцу съ безпокойствомъ въ каждой черточкѣ своего лица. Домъ весело гудѣлъ. Звуки вальса уныло замирали въ вершинахъ деревьевъ.

— Идите же, — прошепталъ Жмуркинъ, какъ бы чувствуя, что у нея не хватаетъ рѣшительности,—идите же!

Она все стояла въ той же позѣ, придерживая рукою сердце, съ безпомощнымъ видомъ.

— Я не могу, —наконецъ, прошептала она, точно прося у него милостыни.

Онъ весь выдвинулся изъ-за косяка съ лицомъ точно потемнѣвшимъ отъ безконечныхъ мученій и злобы.

— А когда такъ, такъ я могу идти туда! —вскрикнулъ онъ удушливо, словно его горло внезапно перехватило морозомъ.

Она вся сжалась и быстро юркнула къ нему въ сѣни, будто нырнула въ воду.

Онъ быстро распахнулъ дверь во флигель, какъ бы приглашая ее войти туда, но она осталась въ сѣняхъ. Съ минуту она молча смотрѣла на него; она стояла прямо передъ нимъ, придерживая сбоку шелестящія юбки своего шолковаго желто-розоваго платья, цвѣта лососины; ея лицо выражало уже теперь презрѣніе, гнѣвъ, досаду. Это точно смутило его, и онъ молчалъ, безпорядочно хватаясь за голову, чувствуя, что злоба ушла изъ его сердца.

— За что вы мучаете меня такъ?—между тѣмъ заговорила Лидія Алексѣевна съ выраженіемъ гнѣва, обиды и досады.— Что̀ я вамъ сдѣлала? за что̀? Какой вы гнусный! — вдругъ добавила она съ омерзѣніемъ.

Онъ глядѣлъ на нее съ тоскою и, безпокойно хватаясь за виски, думалъ:

„Зачѣмъ же я звалъ ее сюда? Боже мой, зачѣмъ я ее звалъ? Я не помню“!

Онъ не находилъ въ себѣ ни единой мысли, точно весь его мозгъ превратился въ кусокъ льда.

— Боже мой! — простоналъ онъ вслухъ, весь качнувшись передъ ней съ жалкимъ видомъ.

— Вы вотъ до чего меня довели,—въ то же время говорила Лидія Алексѣевна, вся содрогаясь порою отъ гнѣва и омерзѣнія,—вотъ до чего,—гнусный вы человѣчишко! — Ея рука со свистомъ скользнула по шолку юбки. Она извлекла изъ кармана письмо.

— Вы вотъ до чего меня довели,—говорила она, судорожно потрясая этимъ письмомъ передъ лицомъ Жмуркина.—Я двѣ недѣли, цѣлыхъ двѣ недѣли,—ея голосъ внезапно сорвался, словно въ немъ зазвучали рыданія, — цѣлыхъ двѣ недѣли, — повторяла она, потрясая письмомъ,—хожу вотъ съ этимъ письмомъ въ карманѣ! „Прошу въ моей смерти никого не винить". Поняли? — Въ ея голосѣ вновь зазвучали гнѣвъ и досада. — Вотъ до чего довели!

— И я рѣшилась,—говорила она,—лучше головой въ омутъ, чѣмъ вашей любовницей стать. Поняли? Прочтите, если угодно, —гнусный, мерзкій, отвратительный человѣкъ!—Она потрясала передъ нимъ письмомъ съ выраженіемъ гадливости.

Но онъ не принялъ письма изъ ея рукъ; она снова спрятала его, скользя по шолку юбки и долго не находя кармана. Минуту они молчали оба. Только звуки вальса звенѣли въ вершинахъ сада; Жмуркинъ прислушивался порою къ этимъ тоскующимъ звукамъ, и ему казалось, что это поютъ деревья, жалуясь звѣздному небу на свою горькую участь. Въ его сознаніи точно все пришло въ порядокъ.

— Что вы все о себѣ, да о себѣ, Лидія Алексѣвна, — заговорилъ онъ, сердито усмѣхаясь,—все о себѣ, да о своихъ мукахъ! Промежду прочимъ,—добавилъ онъ, прижимая руку къ лѣвому боку,—промежду прочимъ, этимъ вашимъ письмецомъ вы меня не запугивайте; которое вы сейчасъ спрятали! Я очень хорошо могу соображать, что̀ сей сонъ собой обозначаетъ. Которое спрятали! Я не сумасшедшій, — проговорилъ онъ членораздѣльно.—Я не сумасшедшій и хорошо вижу, что вы его вмѣстѣ съ Максомъ сочинили для ради дальнѣйшей отсрочки. То-есть, пока меня не сотрутъ въ порошокъ!

Онъ снова помолчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями.

— И потомъ, — заговорилъ онъ, — что̀ вы все о себѣ и о своихъ мукахъ! Почему вы, Лидія Алексѣвна, о моихъ-то ни полсловечкомъ не заикнетесь? Лидія Алексѣвна, — онъ вдругъ весь качнулся передъ нею снова, — Лидія Алексѣвна, — повторялъ онъ безпорядочно, — солнце ты мое безгрѣшное! Куда ты отъ меня ушло?—Онъ опустился передъ нею на порогъ, закры-

вая лицо руками, точно сломленный чѣмъ.—Солнце, солнце, гдѣ ты?—шепталъ онъ въ тоскѣ.

— Ну, будетъ вамъ!—сказала Лидія Алексѣевна съ досадой и гнѣвомъ. И она вся шевельнулась, точно собираясь уходить.

Онъ порывисто вскочилъ и поймалъ ее за руку, уже весь преображенный иными чувствами.

— Куда ты?—прошепталъ онъ, перегибаясь къ ней съ потемнѣвшимъ лицомъ:—къ Максу? Да не пущу!

Она гнѣвно простонала, пытаясь вырвать руки, вся извернувшись съ выраженіемъ омерзѣнія на лицѣ. Онъ рванулъ ее во внутрь флигеля изо всѣхъ силъ. Она вся перегнулась, пытаясь вырваться, и слабо вскрикнула. И тогда онъ выпустилъ ея руки, но тотчасъ же ухватилъ ее одною рукой за грудь лифа, а другой онъ поспѣшно сорвалъ съ токарнаго станка молотъ.

— Къ Максу? да не пущу!—повторялъ онъ въ бѣшенствѣ, весь перегибаясь къ ней.

Онъ двинулъ ее вглубь флигеля, уронивъ стулъ. Его сердце мучительно билось. Въ немъ точно раздували злобу, какъ уголь.

Она снова вскрикнула, вся извертываясь съ выраженіемъ испуга и отвращенія.

— А-а? Къ Максу? — спросилъ онъ ее въ послѣдній разъ свистящимъ шопотомъ, и, взмахнувъ молотомъ, онъ тяжко ударилъ ее въ високъ.

Она упала, скользнувъ по стѣнкѣ станка.

И тотчасъ же, послѣ невѣроятнаго подъема, злоба ушла отъ него, оставивъ его одного жалкаго и безпомощнаго. Онъ схватилъ себя за голову, выронивъ молотъ, и опустился на колѣни, заглядывая въ ея лицо; все его сознаніе теперь точно застыло вокругъ одной мысли. Тогда онъ приподнялся, снялъ съ вѣшалки свой старый пиджакъ и встряхнулъ его, неизвѣстно для чего. Изъ кармана пиджака выпала книжечка, та самая, гдѣ онъ велъ свой дневникъ. Онъ спряталъ ее въ карманъ, эту книжечку, а пиджакъ подстелилъ подъ голову убитой, чтобы ея кровь, стекая, не попятнала пола. Потомъ онъ зажегъ свѣчу и внимательно оглядѣлъ самого себя. Убѣдившись, что на немъ нѣтъ ни капли крови, онъ потушилъ свѣчу, заперъ на ключъ дверь своего флигеля и прошелъ въ садъ. Тамъ онъ опустился на скамейку и глубоко задумался. Въ его головѣ снова возникалъ новый планъ. Онъ долго сидѣлъ такъ, безучастно поглядывая на домъ. Танцующія пары кружились въ обширномъ залѣ, и окна дома точно моргали. Вершины сада монотонно гудѣли. Онъ приподнялся и пошелъ въ домъ съ подъѣзда. Войдя въ при-

хожую, онъ остановился на минуту, прислушиваясь къ веселымъ голосамъ, звучавшимъ въ домѣ. Затѣмъ онъ снялъ съ вѣшалки дорожный чапанъ Загорѣлова изъ толстаго желтаго драпа, на зеленой фланелевой подкладкѣ. Перекинувъ его на руку, онъ вышелъ изъ дома. Проникнувъ снова къ себѣ во флигель, онъ завернулъ въ этотъ чапанъ тѣло Лидіи Алексѣевны, а свой запятнанный стекавшей кровью пиджакъ онъ затолкалъ въ печь. Послѣ этого онъ досталъ отмычку, спряталъ ее въ карманъ, и, бережно взявъ на руки завернутое въ чапанъ тѣло Лидіи Алексѣевны, онъ понесъ его вонъ изъ флигеля. Тотчасъ же съ крыльца онъ исчезъ за оградой сада, дѣлая мелкіе и поспѣшные шаги и тутъ же повертывая въ заросли кустарника, цѣплявшагося по скату холма. Онъ несъ тѣло Лидіи Алексѣевны въ теплицу; до старой теплицы было съ полверсты, но на дорогѣ онъ дважды передыхалъ; его мучили сердцебіеніе и одышка, и его ноша казалась ему слишкомъ тяжкой. Опуская ее на землю, онъ каждый разъ садился возлѣ нея, и, обхвативъ колѣни руками, онъ безучастно глядѣлъ въ сумракъ ночи съ сознаніемъ наполовину застывшимъ. Ночь была тихая и туманная; лѣсные овраги дымились, и легкій шорохъ листа странно звучалъ въ этой тишинѣ, какъ говоръ соннаго человѣка въ притихшемъ домѣ. Въ теплицѣ онъ бережно уложилъ тѣло Лидіи Алексѣевны на тахту, потомъ на минуту присѣлъ тутъ же рядомъ съ мучительнымъ выраженіемъ на лицѣ, схватившись за бока.

„Ну, что же, такъ лучше, — подумалъ онъ,—не ему и не мнѣ“!

— Такъ лучше!—прошепталъ онъ, раскачивая головой.

Внезапно онъ всталъ на ноги и, отвернувъ широкую полу чапана, заглянулъ въ лицо Лидіи Алексѣевны. Оно казалось теперь восковымъ, это словно замерзнувшее лицо.

— Солнце мое ясное,—прошепталъ онъ въ то время, какъ его лицо точно все моргало отъ душившихъ его рыданій,— солнце мое ясное, простишь ли ты меня!

Онъ безпорядочно взмахивалъ руками, сложивъ ихъ точно въ молитвѣ, и заглядывалъ въ ея лицо, тускло освѣщенное свѣтомъ свѣчи.

— Солнце мое ясное, прости меня! Вѣдь я всегда вѣрилъ чистотѣ твоей, и удивлялся, что ты выросла такая посреди берлоги!—шепталъ онъ, потрясая руками, съ лицомъ мокрымъ отъ слезъ. — И я никогда не думалъ, что произойдетъ вотъ это!— Онъ на минуту замолчалъ, будто задохнувшись отъ рыданій, въ мученіяхъ тиская свои руки, точно желая заглушить этимъ боль.

— И это не я тебя убилъ,—снова зашепталъ онъ съ тѣми же жестами и словно захлебываясь отъ слезъ,—не я, а онъ! Вѣдь онъ четыре года меня звѣриной музыкѣ обучалъ, и взростилъ во мнѣ змѣя, котораго испугался и я самъ! И я не отказываюсь, — шепталъ онъ, — идти за тебя на каторгу, но я захвачу и его съ собою, моего наставника и учителя!

— Солнце мое ясное, прости меня! — повторялъ онъ безпорядочно.

Онъ подошелъ къ ней, весь склонившись, осторожно снялъ съ ея ноги туфлю и приложился къ остывшей подошвѣ ея ступни. А эту похожую на игрушку туфельку онъ спряталъ къ себѣ въ карманъ. Послѣ этого онъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ тутъ же на тахтѣ, точно приводя въ порядокъ думы и чувства, взбудораженныя какъ листья дерева въ бурю.

Затѣмъ онъ снова закрылъ лицо Лидіи Алексѣевны полою чапана, потушилъ свѣчу и вышелъ изъ теплицы, заперевъ за собою дверь.

Его лицо точно успокоилось и замкнулось въ холодной рѣшительности.

„Надо дѣлать на-двое, — думалъ онъ всю дорогу, возвращаясь уже въ усадьбу:—и такъ, что какъ бы въ родѣ самоубійства, и въ родѣ, какъ бы онъ! То-есть, совмѣстно со мною“!

Когда онъ возвратился въ усадьбу, въ домѣ ужинали. Онъ прошелъ къ себѣ во флигель, облилъ свой запиханный въ печь пиджакъ керосиномъ, и зажегъ его, открывъ заслонъ. Затѣмъ онъ оглядѣлъ со свѣчкой въ рукахъ всю свою комнату, и, усмотрѣвъ на полу нѣсколько капель крови, онъ тщательно отскоблилъ ихъ подпилкомъ. Онъ оглядѣлъ и молотокъ, но тотъ былъ чистъ. Приведя такимъ образомъ все въ порядокъ, онъ прошелъ въ домъ и попросилъ вызвать къ себѣ Загорѣлова.

— Максимъ Сергѣичъ, — сказалъ онъ, когда тотъ вышелъ къ нему, — я въ мельничныхъ отчетахъ что-то не совсѣмъ понимаю. Тамъ-съ, по всей видимости, растрата.

— Растрата?—переспросилъ Загорѣловъ съ неудовольствіемъ и безпокойно.—Гдѣ отчеты? Это нужно сейчасъ же провѣрить!

— Пожалте-съ, они у меня-съ въ конторѣ,—сказалъ Жмуркинъ.

Загорѣловъ поспѣшно пошелъ туда вслѣдъ за нимъ. Тотчасъ же они занялись провѣркой отчетовъ, и Жмуркинъ умышленно задерживалъ его у себя. Но въ отчетахъ все обстояло благополучно, и Загорѣловъ успокоился и повеселѣлъ.

Когда онъ ушелъ, Жмуркинъ, не теряя времени, отправился

къ берегу Студеной, туда, гдѣ ея воды вырыли ниже плотины глубокій омутъ. Вывалявъ въ тинѣ туфельку, снятую съ ноги Лидіи Алексѣевны, онъ оставилъ ее на берегу, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы она производила впечатлѣніе выброшенной волною. Онъ зналъ, что на это мѣсто водятъ купать лошадей съ ихъ мельницы, и эту туфлю найдутъ завтра въ полдень.

Онъ снова вернулся въ усадьбу и заглянулъ въ освѣщенное окно кабинета. Тамъ играли въ карты; онъ увидѣлъ Быстрякова и Загорѣлова; они сидѣли съ красными, возбужденными лицами, видимо оба сильно опьяненные. Загорѣловъ съ досадой перекидывалъ ассигнаціи въ сторону Быстрякова, а тотъ хохоталъ и говорилъ:

— Это я васъ, сосѣдъ, на полтораста обмусолилъ!

„Ну, теперь до утра будутъ рѣзаться“, — подумалъ Жмуркинъ.

Небо дѣлалось сѣрымъ. Въ облакѣ, неподвижно застывшемъ надъ восточнымъ гребнемъ холмовъ, словно теплился малиновый уголекъ. Въ усадьбѣ кричали пѣтухи.

XXV.

Быстряковъ вернулся къ себѣ домой въ единственномъ числѣ. Анеиса Аркадьевна заночевала у Анны Павловны, такъ какъ боялась ѣздить по ночамъ. Возвратился онъ въ шесть часовъ утра и сильно подвыпившій; однако, когда онъ, отворивъ дверь, вошелъ въ спальню, хмель тотчасъ же соскочилъ съ него, и онъ остолбенѣлъ посреди комнаты съ выраженіемъ самаго крайняго изумленія на рябоватомъ лицѣ. Лидіи Алексѣевны въ комнатѣ не было, и ея постель даже не была примята. Онъ крикнулъ прислугу.

— Гдѣ барыня?—спросилъ онъ прибѣжавшую горничную.

— По всей видимости, въ гостяхъ заночевали?—отвѣчала та вопросомъ же.

— Кой чортъ, въ гостяхъ! — вскрикнулъ онъ: — она ушла оттуда въ одиннадцать часовъ. У нея зубы разболѣлись. Развѣ она домой не приходила?

— Никакъ нѣтъ-съ; какъ съ вами уѣхамши, такъ мы ихъ и не видѣли.

Быстряковъ тяжело опустился на стулъ.

— Что́ же это такое? Господи Боже нашъ! — проговорилъ онъ.

Пожилая горничная Аксинья, служившая въ домѣ Быстрякова уже десятый годъ, повторила за нимъ:

— Господи Боже нашъ! Куда же онѣ могли дѣться?

— Лошадей мнѣ!—крикнулъ Быстряковъ, и вдругъ, отвернувшись къ спинкѣ стула, онъ захныкалъ въ платокъ.

Аксинья исчезла, но черезъ нѣсколько минутъ она вбѣжала въ спальню снова, блѣдная и съ глазами круглыми отъ испуга.

— Баринъ! Господи Боже!—вскрикнула она съ порога:— Господи Боже нашъ! Протасовскіе рыбаки сейчасъ у мельницы туфельку нашли. Рабочій Никешка ихъ сюда ведетъ, я послала,— говорила Аксинья безпорядочно,—протасовскіе рыбаки и пастухи сказывали! Ой, батюшки! Это ужъ не барынина ли туфелька-то?

Быстряковъ поспѣшно пошелъ на дворъ. Скоро протасовскіе рыболовы подошли къ крыльцу. Ихъ было трое: сѣдой старикъ съ горбатымъ носомъ, веснущатый парень съ бѣлыми рѣсницами и семилѣтній мальчуганъ. Этотъ былъ безъ штановъ и съ ведромъ въ рукѣ. Парень держалъ въ рукахъ туфлю, перепачканную въ тинѣ.

Быстряковъ взялъ эту туфлю и опустился на крыльцо.

— Это Лидочкина,—сказалъ онъ.

Туфля выпала у него изъ рукъ. Онъ заплакалъ, весь сотрясаясь. Несмотря на свое грузное тѣло, плакалъ онъ совсѣмъ дискантомъ, по-ребячьи. И по-ребячьи же онъ зажималъ платкомъ носъ и всхлипывалъ.

Быстряковъ былъ хохотуша, но любилъ и поплакать, и въ страстной четвергъ, при чтеніи о страданіяхъ Спасителя, онъ всегда стоялъ въ церкви съ лицомъ мокрымъ отъ слезъ.

Между тѣмъ по всей усадьбѣ пронеслась вѣсть: барыня Лидія Алексѣевна утонула!

Быстряковъ разослалъ верховыхъ къ становому, къ слѣдователю, къ Загорѣловымъ, а самъ остался, какъ былъ, на крылечкѣ, словно сторожа туфлю. Онъ постоянно плакалъ, сморкался и приговаривалъ:

— Если тебя чѣмъ обидѣлъ,—прости!

Прежде всѣхъ пріѣхалъ Загорѣловъ въ одномъ экипажѣ съ Анѳисой Аркадьевной. Онъ былъ блѣденъ, неумытъ и всклокоченъ. Выскочивъ изъ экипажа, онъ встревоженно сказалъ Быстрякову:

— Я этому не хочу вѣрить! Что тутъ случилось у васъ?

Быстряковъ, вмѣсто отвѣта, показалъ на туфельку, стоявшую тутъ же рядомъ съ нимъ на крыльцѣ.

— Чтò же это такое?—говорилъ Загорѣловъ, блѣднѣя.— Этому даже вѣрить нельзя!

А съ Анфисой Аркадьевной сдѣлалось дурно; ее насилу внесли въ домъ.

Затѣмъ подошли Безутѣшный и Жмуркинъ.

— Загубили душу?—спросилъ Безутѣшный, ни къ кому не обращаясь и подходя къ крыльцу.—Эхъ, подлецы, подлецы!—добавилъ онъ загудѣвшей какъ колоколъ октавой.

Жмуркинъ спросилъ у Загорѣлова:

— А гдѣ туфельку-то нашли?

Онъ былъ блѣденъ, серьезенъ и сосредоточенъ.

Черезъ минуту онъ говорилъ передъ крыльцомъ:

— Это еще ничего не доказываетъ, что туфельку около воды нашли. Развѣ ее нельзя подбросить? Убили, а потомъ подбросили; смотрите, дескать, сама утонула. А этого нельзя и предполагать! Хорошее сословье, когда топится, всегда записку оставляетъ, а тутъ записки нѣтъ. А вѣдь Лидія Алексѣевна не дѣвка крестьянская!—говорилъ онъ съ сдержанными жестами.

— Весьма возможно, что и такъ,—сказалъ Быстряковъ Загорѣлову:—на бабѣ на пять тысячъ всякихъ побрякушекъ навѣшено, а она идетъ ночью пѣшкомъ! Сколько разъ говаривалъ ей: „Эй, баба, не шлёндай ты, сдѣлай такую милость, пѣшедраломъ! иль у насъ на конюшнѣ лошадей мало“! Нѣтъ, не слушалась, любила ходить пѣшкомъ!—Быстряковъ снова расплакался.—И вотъ дождалась,—заговорилъ онъ дискантомъ:—можетъ, и взаправду удушили!

— Положимъ, тутъ всего полверсты,—сказалъ Загорѣловъ,—такъ отчего и пѣшкомъ не ходить.

Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ, но видимо сдерживался.

Жмуркинъ внезапно подошелъ къ Загорѣлову и отозвалъ его незамѣтно за уголъ дома.

— Знаете, Максимъ Сергѣичъ,—сказалъ онъ серьезно,—здѣсь еще вотъ какая варьяція могла произойти! То-есть, относительно Лидіи Алексѣвны!

— Какая?

— А не было ли у нея, извините за выраженіе, любовника? Кто знаетъ!—говорилъ Жмуркинъ, глядя какъ-то въ бокъ.—Такъ тотъ могъ изъ ревности, или вообще...

— Какой ты вздоръ говоришь!—перебилъ его Загорѣловъ сурово.

— Отчего же? Все можетъ быть-съ!

Жмуркинъ повернулся и пошелъ отъ него прочь. Внезапно

онъ вспомнилъ ужасную вещь. У него на токарномъ станкѣ, совсѣмъ на виду, лежалъ носовой платокъ Лидіи Алексѣевны. Она уронила его, когда доставала письмо, а онъ поднялъ его потомъ, послѣ того ужаса, и бросилъ на станокъ, намѣреваясь затѣмъ сжечь. И позабылъ. Онъ шелъ и думалъ:

„Ну, что́ же? иди, собака, и заметай слѣды. Вѣдь на каторгу-то ты, пожалуй, что и не захочешь? Кто тебя разберетъ ныньче"!

Вскорѣ пріѣхали слѣдователь и становой. Однако, слѣдствіе рѣшительно ничего не установило и не выяснило. Исчезновеніе Лидіи Алексѣевны оставалось въ полнѣйшемъ мракѣ. Ея тѣла не нашли нигдѣ, хотя русло Студеной насколько возможно прощупали баграми и основательно оглядѣли мѣстность между обѣими усадьбами. Предполагая, что на Лидію Алексѣевну могло быть сдѣлано нечаянное нападеніе при ея возвращеніи изъ усадьбы Загорѣловыхъ къ себѣ домой, слѣдствіе тщательно оглядѣло лишь дорогу между этими усадьбами и тропинку для пѣшеходовъ, которою пользовались для сокращенія пути. Протяженіе этой тропинки равнялось лишь полуверстѣ, и она сокращала разстояніе почти втрое. И однако, обѣ эти дороги не носили ни малѣйшихъ слѣдовъ какой-либо борьбы. Въ то же время слѣдствіемъ было выяснено, что и рыбаки, случайно нашедшіе на берегу Студеной туфельку, вышли на рыбную ловлю лишь въ пять часовъ утра и пробыли всю предъидущую ночь дома, не отлучаясь ни на минуту, что́ было засвидѣтельствовано какъ ихъ домашними, такъ и сосѣдями. А между тѣмъ случай нечаяннаго нападенія съ цѣлью ограбленія можно было предполагать вполнѣ, такъ какъ было совершенно точно установлено, что на Лидіи Алексѣевнѣ было всяческихъ драгоцѣнностей на пять тысячъ рублей.

— За одно ожерелье изъ яхонтовъ я двѣ съ половиной тысячи отвалилъ,—говорилъ Быстряковъ, хныча въ платокъ.—Я ее любилъ! я ее какъ Богородицу въ окладѣ держалъ!

Анѳиса Аркадьевна плакала и добавляла:

— Я ей перстенекъ въ триста рублей подарила. На ней же былъ!

— А серьги? —говорилъ Быстряковъ слѣдователю:—серьги въ пятьсотъ рублей положите на кости. Это всего сколько? Вотъ то-то и есть! Я такъ думаю,—добавлялъ онъ дискантомъ и плача,—что еслибы она самоуправно, то-есть, наложила на себя руки, она всю эту мозаику сняла бы. Посудите сами, зачѣмъ ей такое состояніе въ Студеную хлопнуть? Я понимаю,—

говорилъ онъ,—если бы это на людяхъ происходило, то-есть, ея кончина. А то вѣдь съ глазу на глазъ. Чѣмъ же тутъ гордиться, посудите сами. Вѣдь вы человѣкъ умный, можете это понять! Господи, Боже нашъ!

Несмотря на такого рода обстоятельства, слѣдствію пришлось пока объяснить исчезновеніе Лидіи Алексѣевны ея самоубійствомъ, тѣмъ болѣе, что Анѳиса Аркадьевна чистосердечно заявила, что Лидія Алексѣевна весь послѣдній мѣсяцъ чрезвычайно грустила и много, очень много плакала. Почти ежедневно. Хотя причину этихъ слезъ она объяснить отказалась.

— Я и сама сколько слезъ, на нее глядя, пролила,—говорила она, утирая глаза платкомъ:—а о чемъ она плакала, не знаю.

Эту же мысль о самоубійствѣ подтверждала хотя отчасти и туфелька, выброшенная волнами Студеной. А то обстоятельство, что тѣло покойной не могли разыскать, мало что̀ говорило собою. Сердитыя воды Студеной нарыли ниже плотины столько ямъ, омутовъ и водоворотовъ, что прощупать хорошо ея русло представлялось дѣломъ совсѣмъ невозможнымъ.

— Нѐшто возможно выщупать этакую прорву!—говорили протасовскіе мужики, цѣлый день не вылѣзавшіе изъ рѣки ради этихъ поисковъ.—Погляди, чего она тамъ нарыла. Студеная— вѣдь это звѣрь. Ее только одинъ Максимъ Сергѣичъ сдерживать можетъ, а прежде она каждый годъ плотины кверху тормашками ставила. Она только одного Максима Сергѣича боится,—говорили они о Загорѣловѣ:—у плотины-то, небось, какъ кошка въ печуркѣ сидитъ. Тише воды, ниже травы!

Въ то же время являлось предположеніе, что тѣло Лидіи Алексѣевны никогда и не будетъ обнаружено. Трупъ могло затащить въ омутъ подъ коряги, которыми и забивало русло Студеной, а тѣ не выпустятъ его изъ своихъ цѣпкихъ лапъ, и онѣ будутъ сторожить тѣло въ желто-розовомъ шолковомъ платьѣ и въ ожерельѣ изъ рубиновъ,—эти коряги, видомъ похожія на пауковъ,—вплоть до вешней воды. А тамъ ее унесетъ, какъ былинку, въ Волгу, а тамъ и въ Каспій. Это предположеніе высказалъ первый Загорѣловъ.

— Каспій! — вдругъ закончилъ онъ съ потрясеннымъ лицомъ:—увидишь ее, кланяйся земно отъ насъ!

Онъ вдругъ пошелъ къ крыльцу, вытянувъ впередъ руку и смѣшно шагая, точно онъ шелъ по палубѣ парохода въ сильнѣйшую качку. Горбоносый протасовскій рыбакъ догадался и, пробѣжавъ къ нему, подставилъ свое плечо.

Онъ овладѣлъ собой и сказалъ:

— А дни-то какіе солнечные да ясные,—даже не хочется и вѣрить несчастью!

Въ то же время Анѳиса Аркадьевна сидѣла на крылечкѣ и думала:

„Чтò они всѣ о ней какъ о покойницѣ. Тѣла-то ея вѣдь нигдѣ не нашли! Кто же знаетъ,—можетъ быть, ее Лафре увезъ. Господи, Боже нашъ!—добавляла она мысленно:—еслибы только это правдой оказалось, я бы этого самаго Лафре расцѣловала“!

XXVI.

Возвратившись домой, Загорѣловъ выкупался въ Студеной, облилъ голову одеколономъ и перемѣнилъ пиджакъ на тужурку. Однако это нисколько не освѣжило его. Его голова трещала по прежнему, а сердце ныло. Онъ прилегъ тутъ же въ кабинетѣ, на кушетку, желая ни о чемъ не думать. Но ему снова чуть ли не въ десятый разъ пришло въ голову:

„Еслибы я тогда согласился уѣхать съ нею, она была бы жива“!

Онъ всталъ съ кушетки и присѣлъ къ столу все въ тѣхъ же размышленіяхъ.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, мысль уѣхать съ Лидіей Алексѣевной показалась ему тогда дикой? Развѣ это такъ трудно было устроить? Переведя на деньги все, чтò онъ имѣетъ, онъ образовалъ бы капиталъ въ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ.

— Не меньше,—сказалъ Загорѣловъ вслухъ. Изъ этой суммы онъ положилъ бы въ банкъ на имя Анны Павловны сорокъ тысячъ.

„Или тридцать-пять“,—подумалъ Загорѣловъ.

Слѣдовательно, въ его распоряженіи осталось бы двѣсти-пятнадцать тысячъ. Загорѣловъ написалъ на листѣ бумаги: 215.

„Такъ вотъ двѣсти-пятнадцать тысячъ“, — продолжалъ онъ свои размышленія.

Пусть Америка страна своеобразная, но все-таки съ такимъ капиталомъ онъ могъ бы начать тамъ какое-нибудь самое осторожное дѣло. Пускай оно давало бы ему хотя бы только два съ половиной процента.

— Или три,—прошепталъ Загорѣловъ, и вдругъ рѣзко бросилъ отъ себя карандашъ.

Тотъ ударился въ звено рамы и съ подоконника скатился на полъ.

— Все деньги, деньги, деньги,—сердито проговорилъ Загорѣловъ, — а за ними живую душу проглядѣлъ! — Онъ пошелъ прочь отъ стола.—Лида, гдѣ ты?—вдругъ спросилъ онъ сорвавшимся голосомъ и пошелъ по комнатѣ, какъ по палубѣ парохода, тотчасъ же прислонившись къ стѣнѣ.

„Прощай, Лида!"—подумалъ онъ.

Онъ подошелъ къ туалету и, снова намочивъ голову одеколономъ, вышелъ изъ кабинета. Онъ пошелъ въ комнату къ Аннѣ Павловнѣ съ озабоченнымъ видомъ.

Анна Павловна сидѣла у окна въ широкомъ креслѣ, ѣла мармеладъ, и, поглядывая въ окошко на голубятни надъ сѣноваломъ конюшенъ, она говорила Глашенькѣ:

— Что это за диковинное дѣло,—вотъ этотъ вотъ голубь, вонъ съ бланжевыми крапинками, къ чужой голубкѣ въ гнѣздо лазаетъ. Ей Богу! Сегодня ужъ въ пятый разъ!

— Своя-то у него, видно, ужъ зажирѣла очень,—съехидничала Глашенька,—такъ вотъ онъ которая пофорсистѣй нашелъ.

— Ну ужъ ты!—лѣниво усмѣхнулась Анна Павловна:—я довольна.

— Скажите, пожалуйста, — обратился къ ней Загорѣловъ, появляясь въ комнатѣ съ озабоченнымъ видомъ:—что̀ она вамъ сказала, когда уходила отъ насъ?

— Лидія Алексѣевна?—догадалась Анна Павловна.—Да ничего не сказала. „Я, говоритъ, домой сейчасъ уйду. У меня, говоритъ, зубы болятъ"; и больше ничего.

— А каковъ ея наружный видъ былъ?—озабоченно допытывался Загорѣловъ.—Было ли дѣйствительно похоже на то, что у нея болѣли зубы?

Анна Павловна развела руками.

— Какъ вамъ сказать? Я вѣдь не догадливая на это!

— Вы, кажется, вообще догадливостью не отличаетесь,—сердито буркнулъ Загорѣловъ,—а не только-что на это!

Глашенька точно чему обрадовалась.

— А наша Анна Павловна, — вдругъ обратилась она къ Загорѣлову съ сердитой насмѣшливостью,—представьте себѣ такой сюрпризъ!—у бланжеваго голубя на свадьбѣ въ свахахъ была! Знаетъ, которая у него законная жена и которая куралесница отъ скуки!

— А ну васъ!—Загорѣловъ сердито отмахнулся и пошелъ къ Перевертьеву. Видимо, ему нигдѣ не сидѣлось.

Когда онъ вошелъ къ нему въ комнату, тотъ сердито слонялся изъ угла въ уголъ. Онъ опустился на первый попавшійся стулъ.

— Попробуйте-ка понять женщину,—между тѣмъ заговорилъ Перевертьевъ, все такъ же слоняясь изъ угла въ уголъ и сердито пощипывая усики.—Вотъ та утопилась, хлопнулась въ омутъ, и навѣрное лишь потому, что тотъ, кого она любила, не весьма много дорожилъ ею. Навѣрное лишь потому. А вотъ эта,—я говорю о Валентинѣ Петровнѣ Сурковой,—собралась сегодня къ мужу. И знаете почему? Да потому, что получила отъ него письмо слѣдующаго содержанія: „Дорогая Валечка! Гости, пожалуйста, у Загорѣловыхъ, сколько хочешь, хотя бы до второго всемірнаго потопа. Обо мнѣ не думай, думай лишь о себѣ. За твое благополучіе, ты знаешь, я готовъ отдать полъ-міра, оставивъ себѣ лишь Францію“. Такъ вотъ, получила такое письмо, и сейчасъ же ѣдетъ. И даже слезы на глазахъ. А напиши мужъ: „Пріѣзжай, ради Бога, скорѣе“,—она и не шелохнулась бы. Изъ сего выходитъ: женщина есть человѣкъ, поставленный вверхъ ногами. Или же: женщина есть древо познанія добра и зла, ростущее корнемъ вверхъ!

Загорѣловъ тихо приподнялся и пошелъ вонъ изъ комнаты.

„Вотъ и этотъ тоже,—думалъ онъ о Перевертьевѣ,—меня же въ ея смерти повиннымъ считаетъ“!

Онъ прошелъ на берегъ Студеной; рѣка тихо лежала въ берегахъ. Лѣнивая волна безмолвно скользила у размытыхъ вешней водой береговъ, словно она зализывала ихъ раны.

„Сама же набѣдокурила,—подумалъ Загорѣловъ о рѣкѣ,—а теперь жалко. Нужно было раньше думать объ этомъ, Студеная. Зачѣмъ берега-то изрыла? Теперь тебѣ этой раны не залечить“!

— Студеная, — вдругъ прошепталъ онъ, — отдай мнѣ ее назадъ!

Внезапно ему пришло въ голову: что̀, еслибы Студеная обѣщала ему вынести на берегъ ту женщину живой и невредимой, но спросила бы у него денегъ? Сколько же онъ далъ бы ей за это?

„Я и здѣсь торговаться бы сталъ!—рѣшилъ онъ мысленно:—торговался бы! И только до полутораста тысячъ дошелъ бы. А дальше съ мѣста не двинулся бы. За голову бы схватился, на берегъ въ изнеможеніи упалъ, и побожился бы, что у меня ничего больше нѣтъ“!

— Стяжатели!—проговорилъ онъ злобно.

— Отдай все!—словно сказала ему Студеная.

— Чего-съ? — переспросилъ кого-то Загорѣловъ рѣзко и злобно. — А дайте мнѣ нотаріальную росписку въ этомъ, — добавилъ онъ такъ же рѣзко, — тогда посмотримъ!

Онъ безпорядочно взмахнулъ рукою надъ Студеной и пошелъ въ усадьбу обратно.

„Ее теперь по всѣмъ омутамъ таскать будетъ!“ — подумалъ онъ.

Онъ снова пришелъ въ комнату Перевертьева и опустился на стулъ. Тотъ все такъ же слонялся отъ угла до угла съ сердитымъ выраженіемъ лица.

— Ее теперь по всѣмъ омутамъ таскать будетъ, — проговорилъ Загорѣловъ вслухъ.

Изъ его груди внезапно словно кто-то крикнулъ непріятно, рѣзко и отрывисто. Этотъ крикъ напоминалъ собою лязгъ засова въ каменномъ лабазѣ.

Перевертьевъ поспѣшно обернулся къ нему.

— Вотъ что, Максимъ Сергѣичъ, — сказалъ онъ Загорѣлову: — вамъ непремѣнно соснуть немного надо. Вы не спали всю ночь, и это слѣдствіе васъ всего издергало. Вамъ непремѣнно надо соснуть! — добавилъ онъ съ участіемъ.

— Чего-съ? — сердито переспросилъ Загорѣловъ, приподнимаясь со стула.

— А что, по-вашему, можетъ быть, и ей соснуть не мѣшаетъ? — вдругъ спросилъ онъ Перевертьева злобно, рѣзко жестикулируя передъ нимъ, упирая на слово „ей“.

Онъ пошелъ вонъ изъ комнаты, и въ его груди снова будто лязгнулъ засовъ.

— Та-та-та, та-та-та! — сердито и съ досадой заговорилъ Перевертьевъ, когда Загорѣловъ уже скрылся за дверью. — Видно, и тутъ хвостъ-то крѣпко прищемленъ между женской юбкой и женскимъ вздоромъ! Та-та-та, та-та-та! — повторялъ онъ сердито: — у кошки лепешки, у кота пирожки!

А Жмуркинъ стоялъ въ старой теплицѣ передъ распростертымъ трупомъ Лидіи Алексѣевны. Въ его рукахъ была книжечка. Постоянно крестясь, онъ монотонно читалъ надъ нею при тускломъ свѣтѣ свѣчи:

„Вскую шаташася языцы“...

Надвигались сумерки. Лѣсные овраги точно переполнялись мутной водою.

XXVII.

Когда Жмуркинъ, потушивъ свѣчу, вышелъ изъ старой теплицы, весь этотъ глубокій разрѣзъ между холмами былъ словно налитъ тьмою. Наверху клубились тучи. Затворивъ, но не запирая за собою двери, Жмуркинъ тихо двинулся отъ теплицы къ усадьбѣ. Понуро опустивъ голову и постоянно натыкаясь на кусты, онъ медленно двигался среди мрака, порою жестикулируя и бормоча что-то. Казалось, онъ и самъ не зналъ, куда онъ идетъ, и направленіе пути было для него совершенно безразличнымъ, ибо этотъ міръ—съ тучами, холмами и усадьбами—уже наполовину умеръ для него, замѣняясь новымъ, творцомъ котораго онъ былъ самъ. Однако, когда онъ увидѣлъ флюгеръ, тускло мигнувшій надъ воротами ихъ усадьбы, онъ ясно понялъ, что связь его съ этимъ міромъ еще достаточно крѣпка, и ему многое надлежитъ совершить въ немъ, прежде чѣмъ идти на новыя мѣста.

„На новыя мѣста всегда поспѣю",—думалъ онъ.

Въ то же время онъ хорошо припомнилъ, что твердое намѣреніе приступить тотчасъ же къ исполненію свыше предопредѣленнаго ему въ этомъ мірѣ и выгнало его изъ теплицы, а онъ только забылъ объ этихъ своихъ намѣреніяхъ, увлеченный иными теченіями. Поспѣшно онъ прошелъ въ ворота и тотчасъ же остановился, поглядывая на каменныя стѣны дома. Этотъ домъ спалъ, вокругъ было темно, и только окно кабинета ясно свѣтилось зеленоватымъ свѣтомъ. Жмуркинъ двинулся туда. Осторожно онъ подошелъ къ этому окну и, прячась за косякъ, заглянулъ въ глубь кабинета. Загорѣловъ не спалъ и ходилъ изъ угла въ уголъ, какъ бы въ размышленіи, скрестивъ за спиной руки. Крутые завитки его волосъ были очевидно только-что сильно смочены и казались совсѣмъ черными. Его лицо было блѣдно. На столѣ ярко горѣла лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Жмуркинъ точно остался доволенъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ. Онъ на минуту спрятался за косякъ, потеръ виски и, снова выдвинувшись затѣмъ къ звену, сталъ тихонько отворять окошко. Скоро онъ раскрылъ его настежь, и, облокотясь обѣими руками на подоконникъ, онъ сталъ безмолвно глядѣть на Загорѣлова, провожая глазами его красивую фигуру отъ угла до угла.

Однако Загорѣловъ не замѣчалъ этого, глубоко погруженный въ свои размышленія. Впрочемъ, вскорѣ притокъ прохлады заставилъ его оглянуться на окно.

— Фу, какъ ты меня испугалъ! — сказалъ онъ Жмуркину, вдругъ остановившись посреди комнаты.

— Ты что?—спросилъ онъ его черезъ минуту.

— Вамъ не спится?—спросилъ его, въ свою очередь, Жмуркинъ, не отвѣчая на вопросъ.—Мнѣ тоже не спится,—добавилъ онъ, сокрушенно покрутивъ головой.—Ночь безпокойная сегодня, и Лидія Алексѣевна гдѣ-нибудь близко лежитъ, — проговорилъ онъ неожиданно.

— Это почему же близко?—спросилъ Загорѣловъ въ задумчивости. Онъ все такъ же расхаживалъ, точно запертый въ клѣтку.

— А зачѣмъ же ей далеко быть?—Жмуркинъ развелъ руками.—Если ее убили,—тутъ же гдѣ-нибудь близко положили или зарыли; а если она утонула, такъ тоже вѣдь гдѣ-нибудь близко; ее подъ коряги затащитъ. Охъ, Максимъ Сергѣичъ, Максимъ Сергѣичъ,—вздохнулъ онъ,—еслибы можно было знать заранѣе, что изъ этого всего выйдетъ!

— Мнѣ не спится,—сказалъ Загорѣловъ,—я вотъ все хожу и думаю.

Они переговаривались въ полголоса, оба въ задумчивости и грусти.

— Она гдѣ-нибудь близко, — повторилъ Жмуркинъ, — и я сейчасъ псалмы читалъ. Думаю: зачѣмъ же ей совсѣмъ безъ похоронъ? „День дни отрыгаетъ глаголъ и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ“. Это вотъ тоже читалъ и потомъ все кругомъ усадьбы ходилъ. Охъ, Максимъ Сергѣичъ, Максимъ Сергѣичъ, кто бы это могъ предвидѣть!—А что, Максимъ Сергѣичъ,—вдругъ спросилъ онъ тѣмъ же шопотомъ,—вы всегда старую теплицу сами запираете?

— Всегда самъ,—сказалъ Загорѣловъ задумчиво, очевидно, не придавая этому вопросу никакого значенія.

— А Лидія Алексѣвна гдѣ-нибудь близко, — шопотомъ забормоталъ Жмуркинъ:—чувствуетъ мое сердце—близко! Максимъ Сергѣичъ!—вскрикнулъ онъ шопотомъ же—Максимъ Сергѣичъ, старая теплица отперта!

— Что ты говоришь? — спросилъ Загорѣловъ, останавливаясь.—Этого быть не можетъ!

Внезапно его точно опахнуло безпокойствомъ.

— Отперта, — между тѣмъ взволнованно шепталъ Жмуркинъ.—Я самъ сейчасъ своими глазами видѣлъ. И Лидія Алексѣвна навѣрное тамъ. Охъ, чуетъ мое сердце! Максимъ Сергѣичъ, пойдемте сейчасъ туда съ вами!

— Этого не можетъ быть!—повторилъ Загорѣловъ.—Ключъ у меня. Вотъ въ карманѣ.

Онъ снова двинулся по комнатѣ.

— Отперта-съ, самъ своими глазами видѣлъ, — шепталъ Жмуркинъ,—Максимъ Сергѣичъ, охъ, не къ добру это! Пойдемте съ вами туда!

— Если она отперта, тогда это въ самомъ дѣлѣ странно,— проговорилъ Загорѣловъ съ безпокойствомъ,—пожалуй, идемъ.

Онъ растерянно закружился по комнатѣ, словно разыскивая что-то.

Черезъ минуту онъ вышелъ къ Жмуркину. Тотъ поджидалъ его уже у воротъ, прислонясь къ каменному столбу спиною. Загорѣловъ замѣтилъ, что его лицо было смертельно блѣдно, а его глаза безпокойно свѣтились. Ночь была темная; рѣдкіе порывы вѣтра, свистя, разрѣзали порою воздухъ.

— Такъ ты думаешь—она тамъ? Лидія Алексѣевна?—спрашивалъ онъ его по дорогѣ, видимо и самъ приходя въ сильнѣйшее безпокойство.

— Думаю, непремѣнно тамъ,—шепталъ Жмуркинъ, весь сотрясаясь и торопливо идя слѣдомъ за нимъ.—Охъ, Максимъ Сергѣичъ, нажили мы съ вами бѣдъ!

Онъ постоянно вздыхалъ, содрогаясь.

Они торопливо бѣжали по скату, между черныхъ кустовъ, шевелившихся подъ вѣтромъ, оба блѣдные и взволнованные, переговариваясь шопотомъ. Ихъ голоса звучали во тьмѣ какъ стоны.

— Скорѣе, скорѣе!—говорилъ Загорѣловъ.

Его тоже начиналъ охватывать ознобъ. Онъ быстро спустился въ русло, повертывая къ теплицѣ. Жмуркинъ еле поспѣвалъ за нимъ. Въ лѣсномъ оврагѣ гудѣло, точно гдѣ-то близко сильно дуло въ трубу.

— Постойте! — вдругъ сказалъ Жмуркинъ, хватая Загорѣлова за рукавъ, когда тотъ уже взялся-было за ручку двери.— Постойте; передохните, Максимъ Сергѣичъ. Слушайте! Она тамъ! —вдругъ вскрикнулъ онъ пронзительно.—Убитая,—снова зашепталъ онъ, сильно оттягивая книзу локоть Загорѣлова,—убитая, —шепталъ онъ чуть слышно, — въ високъ. Подъ вашимъ чапаномъ.

— Врешь! — крикнулъ Загорѣловъ злобно и рванулся къ двери.

Но Жмуркинъ не пустилъ его туда, весь повиснувъ на его локтѣ.

— Постойте,—шепталъ онъ, весь припадая къ нему въ бе-

зумномъ испугѣ.—Слушайте! убитая,—повторялъ онъ съ разстановкой, чуть шевеля губами и точно весь превращаясь въ какую-то рухлядь,—въ лѣвый високъ! Запомните!—Онъ прижалъ руку у горла, согнувшись въ безпомощной позѣ, какъ столѣтній старикъ, весь покачиваясь въ тактъ дыханію.

— А теперь идите! — вдругъ крикнулъ онъ рѣзко, будто толкнувъ отъ себя Загорѣлова.

Тотъ поспѣшно скрылся въ теплицѣ. Жмуркинъ медленно послѣдовалъ за нимъ, какъ бы оправившись нѣсколько.

— Боже мой! —вдругъ вскрикнулъ Загорѣловъ, уже зажегши на столѣ свѣчу.—Боже мой, кто же это тебя такъ, Лида!..

Пронзительный и непріятный звукъ вырвался изъ его горла. Онъ какъ-то весь качнулся и пошелъ къ тахтѣ.

Тамъ лежало тѣло Лидіи Алексѣевны; теперь она была завернута въ чапанъ лишь по поясъ. Ея раньше такое хорошенькое лицо желтѣло теперь какъ неподвижная маска. Лѣвый високъ чернѣлъ. Рубиновое ожерелье мерцало на ея шеѣ. Загорѣловъ тяжело опустился на колѣни у самой тахты, весь припавъ къ ней, точно сломленный непосильной ношею. Тѣ же пронзительные звуки вырывались порою изъ его горла, сотрясая его плечи. Эти визги походили на дикое пѣніе бури.

Между тѣмъ Жмуркинъ тихонько усѣлся на полу у печки и, обхвативъ колѣни руками, словно застылъ. Весь его видъ сталъ теперь безконечно равнодушнымъ. Съ такимъ видомъ сидятъ на солнышкѣ больные, впервые выпущенные на воздухъ послѣ продолжительнаго недуга. Изрѣдка, впрочемъ, онъ медленно и словно съ неохотой поворачивалъ свое лицо туда, въ сторону Загорѣлова, и тогда это лицо, кромѣ безконечнаго равнодушія, выражало собой и безграничное презрѣніе, почти брезгливость. Онъ точно дожидался, когда Загорѣловъ нѣсколько успокоится, чтобы приступить затѣмъ тотчасъ же къ дѣлу, для котораго онъ и вызвалъ его сюда. Но Загорѣловъ долго не могъ успокоиться, и Жмуркинъ брезгливо двигалъ губами, то-и-дѣло оглядываясь на него. Ему точно надоѣдало ждать. Однако, спустя нѣкоторое время, Загорѣловъ тихо приподнялся и сѣлъ тутъ же на край тахты, у ногъ распростертаго тѣла. Его лицо было блѣдно и видимо сильно измучено припадкомъ скорби. Но все-же онъ какъ будто нѣсколько успокоился. Жмуркинъ равнодушно оглядѣлъ его, точно желая убѣдить себя въ этомъ. И, казалось, онъ убѣдился.

— А ловко вы сейчасъ комедь разыграли, Максимъ Сергѣичъ, — заговорилъ онъ равнодушно и не перемѣняя позы.—

Сами же убили и сами же, напримѣръ, плачете. Нехорошо, Максимъ Сергѣичъ!—добавилъ онъ тѣмъ же тономъ.

Загорѣловъ поднялъ на него глаза. Онъ будто совсѣмъ не понималъ того, о чемъ ему говорили, и не могъ дать только-что прослушанному надлежащей оцѣнки. Но видъ Жмуркина, казалось, поразилъ его сильно.

— Чего?—переспросилъ онъ его безпокойно.

— Какъ чего?—отвѣчалъ Жмуркинъ:—ловкую, говорю, комедь вы разыграли, Максимъ Сергѣичъ. Сами же убили, и сами же, напримѣръ, плачете! Чего же вы на меня такъ глядите-то? Вѣдь вы же убили-то! Вашимъ чапаномъ тѣло-то обернуто; и потомъ ключъ-то отъ теплицы вѣдь только у васъ однихъ имѣется, у васъ однихъ! А дверь не взломана и окна цѣлёхоньки! Чего же вы на меня глаза-то таращите?—добавилъ онъ. Онъ сидѣлъ на полу у печки, обхвативъ колѣни руками, и говорилъ, повертывая къ Загорѣлову одну лишь голову. Тотъ сидѣлъ, широко раскрывъ глаза, словно пораженный внезапнымъ выстрѣломъ.

— Ваше это дѣло, —между тѣмъ снова заговорилъ Жмуркинъ. — Убита она не ради ограбленія. Изволили видѣть? Всѣ пять тысячъ на ней цѣлёхоньки. А если она убита не ради ограбленія, такъ, стало быть, здѣсь кровопролитный романъ. А кто же, какъ не вы, были ея любовникомъ! Чего-съ? Тише-съ, тише-съ! — вдругъ выкрикнулъ Жмуркинъ, взмахивая руками, точно желая дать знать Загорѣлову, чтобы онъ успокоился, такъ какъ онъ еще не высказалъ самаго интереснаго:—тише-съ! И знаете-съ, какъ это по всей видимости произошло?—говорилъ онъ черезъ комнату безмолвно пораженному Загорѣлову.—Знаете, какъ это произошло? Произошло это вотъ какъ,—повторилъ Жмуркинъ равнодушно. — Вотъ какъ! Прознали вы-съ, что она ушла, и слѣдомъ за ней побѣжали, чтобы узнать, дѣйствительно ли у нея зубки, или другое какое разстройство. Побѣжали вы за ней слѣдомъ и на плечи чапанчикъ накинули. А въ кармашкѣ этого чапанчика кистенекъ у васъ находился. Вы вѣдь кистенькомъ любили баловаться, силу пробовать, камешки дробить! Кстати, Максимъ Сергѣичъ, гдѣ онъ у васъ теперь? Куда вы его спровадили? — Его лицо приняло внезапно лукавое выраженіе.

— Тсс! тише-съ!—снова прошепталъ онъ гнѣвно взмахивая руками.—Тише-съ!—добавилъ онъ равнодушно, видя, что Загорѣловъ уже овладѣлъ собой, заинтересованный противъ воли его разсказомъ.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ затѣмъ.—Догнали вы ее

при такихъ обстоятельствахъ и у васъ сцена ревности произошла. Упрекать вы ее стали, что она мужа больше васъ любитъ. А она вамъ наоборотъ сказала. И вы тутъ въ сердце вошли, и ее кистенемъ ударили, да силку не соразмѣрили и въ високъ угодили! Она хлопнулась замертво, — вдругъ заговорилъ Жмуркинъ поспѣшно, съ возбужденными жестами. — И вы испугались. Завернули ее въ чапанъ и сюда понесли. А я все это видѣлъ изъ кустиковъ и вамъ дорогу преградилъ. Но тутъ вы ее на земь опустили, — торопливо и въ возбужденіи бормоталъ Жмуркинъ,—и меня за грудки взяли, и всю рубашку на мнѣ изорвали, и я согласился вашимъ сообщникомъ стать!—Послѣднюю фразу Жмуркинъ проговорилъ съ разстановкой, точно ставя послѣ каждаго слова точку.

— И потомъ мы съ вами побѣжали, — снова забормоталъ онъ въ возбужденіи,—и другъ другу клятвы давали, и кистень на берегу Студеной зарыли,—закончилъ онъ съ разстановками.

— Вы помните это мѣстечко? — спросилъ онъ Загорѣлова лукаво.

Тотъ сидѣлъ пораженный.

XXVIII.

На минуту въ теплицѣ все притихло, только за стѣною безпокойно гудѣли деревья, да тѣни безшумно возились по угламъ.

— Какой ты вздоръ городишь!—вдругъ проговорилъ Загорѣловъ сердито, словно очнувшись.

— Безумная тварь!—вскрикнулъ онъ уже въ сильнѣйшемъ раздраженіи, приподнимаясь на ноги.—Что̀ ты? ужели ты самъ вѣришь этому? Или же ты умышленно сочиняешь...—Онъ не договорилъ и сдѣлалъ рѣзкій жестъ.—Сочиняешь, чтобы запутать въ это дѣло меня,—хотѣлось досказать ему; однако онъ не досказалъ, точно испугавшись самъ этой мысли, показавшейся ему вдругъ вполнѣ возможной.

Онъ поспѣшно подошелъ къ Жмуркину и злобно схватилъ его за шиворотъ.

— Что̀ ты набормоталъ тутъ, безумная тварь!—вскрикнулъ онъ, изо всѣхъ силъ встряхивая его:—умышленно ли ты наговорилъ этотъ вздоръ, или же ты вѣришь ему? Говори сейчасъ же!—вскрикивалъ онъ надъ нимъ, злобно встряхивая его.

Жмуркинъ болтался въ его рукахъ, какъ пустой мѣшокъ, но лицо его по прежнему оставалось равнодушнымъ.

— Умышленно,—проговорилъ онъ наконецъ,—умышленно. Потому что я-то вѣдь знаю хорошо-съ, что убилъ ее я!—вдругъ вскрикнулъ онъ пронзительно.

Загорѣловъ выпустилъ его изъ своихъ рукъ, точно бросилъ на полъ. Его тѣло мягко шлепнулось.

— Я,—повторялъ онъ потерянно,—я; убилъ ее я, Максимъ Сергѣичъ!

Загорѣловъ пошелъ отъ него прочь, опускаясь на стулъ у противоположной стѣны. Видъ Жмуркина точно испугалъ его, наполнилъ его жуткимъ чувствомъ.

Между тѣмъ Жмуркинъ тихо приподнялся съ пола, двигаясь къ Загорѣлову и останавливаясь передъ нимъ, какъ дряхлый старикъ, съ тусклыми глазами и болтающимися руками.

Онъ бормоталъ что-то непонятное. Глубокія морщины легли у его рта, и онъ весь согнулся, покачиваясь въ тактъ дыханія.

— Убилъ ее я,—заговорилъ онъ, и морщины зашевелились у его рта. — Но вы этому причина! — вдругъ выкрикнулъ онъ рѣзко и съ силой, внезапно выпрямляясь. — Вы этому-съ причина-съ! И вы за это мнѣ отвѣтите-съ! Вы сами меня-съ четыре года обучали-съ: „пользуйся обстоятельствами!"... „Хорошъ ананасъ, да не про насъ!"—Жмуркинъ вдругъ разсмѣялся, точно мучительно закашлялся, схватившись за бока.

— И выучили-съ! хорошо выучили! радуйтесь и любуйтесь! Что же вы не любуетесь, Максимъ Сергѣичъ?—повторялъ онъ сквозь этотъ похожій на кашель смѣхъ.

Онъ передохнулъ, прижимая руку къ горлу, поглядывая на Загорѣлова съ выраженіемъ мученія. Загорѣлова всего дергало. Казалось, у него являлось порою желаніе задушить этого человѣка, но что-то останавливало его въ этомъ, какая-то безпокойная мысль, уже овладѣвшая имъ понемногу.

— „Съ волками нужно обращаться по волчьи",—между тѣмъ говорилъ Жмуркинъ, уходя отъ Загорѣлова къ противоположной стѣнѣ.—„Пользуйся обстоятельствами"... „Подъ ножку можно, такъ какъ побѣдителей-съ не судятъ". Видите-съ, какъ я всю вашу грамматику превзошелъ! И съ точки зрѣнія вашей грамматики я здѣсь все весьма аккуратно выполнилъ,—добавилъ онъ:—чего же вамъ на меня гнѣваться?—Примите къ руководству, что я здѣсь самый настоящій побѣдитель, то-есть опять-таки съ точки зрѣнія вашихъ грамматикъ. Ибо,—вскрикнулъ онъ съ жестомъ,—мнѣ вѣдь ничего не стоило бы, извольте разсудить сами,—тѣло Лидіи Алексѣевны въ надлежащее мѣсто прибрать, предавъ его погребенію хотя бы вотъ въ этомъ самомъ оврагѣ-съ.

А если я этого не сдѣлалъ, такъ только потому-съ, что рѣшилъ предоставить эти работы всецѣло вамъ-съ! То-есть, или вы это сдѣлаете, или же отправитесь вмѣстѣ со мною на каторгу-съ. Въ нѣкоторомъ родѣ подъ ручку. Выбирайте-съ теперь по собственному вкусу, ибо для меня и то, и другое совершенно безразлично-съ. На случай моей свободы я рѣшилъ—будьте любезны повѣрить—удавиться,—добавилъ онъ съ мучительною усмѣшкой, —и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы Лидію Алексѣевну зароете! Будьте любезны повѣрить-съ!

— Тсс!—Жмуркинъ вдругъ замахалъ руками на Загорѣлова: —сдѣлайте одолженіе въ звѣрство на минутку не впадать. Будьте благосклонны обождать капельку-съ! Т-сс! Еще два самыхъ важныхъ пунктика-съ! Обождите-съ! — говорилъ онъ, вскрикивая и махая руками.

Загорѣловъ овладѣлъ собою, точно скрутивъ себя напряженіемъ воли.

Жмуркинъ придвинулся ближе къ нему.

— У Лидіи Алексѣвны въ карманѣ,—заговорилъ онъ шопотомъ и многозначительно, — есть написанная подлинной ея рукою записочка. Слушайте! Записочка! „Жизнь стала въ тягость",—зашепталъ онъ еле слышно, но и съ длинными паузами послѣ каждаго слова, передавая содержаніе записки, — „прошу въ моей смерти никого не винить. Лидія Быстрякова". Поняли-съ?—добавилъ онъ.

Жмуркинъ схватилъ себя рукою за горло—и весь согнулся.

— Она насъ обоихъ,—вдругъ вскрикнулъ онъ визгливо,—она насъ обоихъ передъ смертью простила!—„Прошу въ моей смерти никого не винить",—прошепталъ онъ:—можешь ты это понять, Максимка?—снова крикнулъ онъ, изступленно взмахивая руками. Изъ его глазъ внезапно брызнули слезы. Онъ повернулся, пошелъ къ тахтѣ и вдругъ упалъ, вытянувшись во весь ростъ передъ нею. Загорѣловъ сидѣлъ не шевелясь. Въ комнатѣ снова все стихло. Лишь за стѣною безпокойно гудѣли деревья, и лѣсной оврагъ порою выкрикивалъ что-то. Онъ точно отрывисто и рѣзко повторялъ:—Ха! ха! ха!—А потомъ заливался высочайшимъ фальцетомъ, какъ истеричная женщина: — А ха—ха—ха—ха!

Вѣтеръ видимо крѣпчалъ.

Между тѣмъ Жмуркинъ лежалъ въ той же позѣ, не двигаясь. Можно было подумать, что онъ умеръ. Вѣроятно, такого рода мысль и пришла въ голову Загорѣлова.

Онъ подошелъ къ нему и приподнялъ его за шиворотъ.

— Усталъ я, — прошепталъ Жмуркинъ, и Загорѣловъ увидѣлъ его словно оловянные глаза. Онъ поставилъ его на полъ и замахнулся съ злобнымъ выраженіемъ, точно желая ударить его въ лицо наотмашь.

— Подождите!—проговорилъ Жмуркинъ просительно:—дайте передохнуть. А потомъ хоть убейте,—мнѣ вѣдь это все равно.

— За что и какъ ты убилъ ее?—спросилъ его Загорѣловъ злобно.

— Подождите!—просительно выговорилъ Жмуркинъ:—передохнуть мнѣ надо, а то на новыя земли унесетъ.

Онъ сѣлъ у печки на полъ и снова точно застылъ въ равнодушной позѣ, будто что-то бормоча про себя. Загорѣлову казалось, что онъ твердитъ все одно и то же:

„День дни отрыгаетъ глаголъ и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ“.

— Такъ вотъ, Максимъ Сергѣичъ,—наконецъ заговорилъ Жмуркинъ устало,—разрѣшите мнѣ первоначально эти два пунктика вамъ разъяснить? Такъ вотъ-съ, будьте любезны принять къ свѣдѣнію, что за это убійство вамъ отвѣчать придется. Я такъ рѣшилъ, потому что главнымъ виновникомъ я васъ почитаю. И это такъ конечно-съ и будетъ. Кромѣ моего личнаго показанія, кромѣ обрызганнаго кровью вашего чапана-съ, кромѣ проникновенія въ эту самую теплицу-съ, ключъ отъ которой находился у васъ, кромѣ отсутствія вашего кистеня-съ, кромѣ всего этого-съ, слѣдствіе обнаружитъ у васъ еще одну вещицу-съ, примите въ соображеніе: еще одну вещицу-съ! Которая васъ окончательно въ конвертикъ запечатаетъ! Самую главную вещицу-съ!— подчеркнулъ эти слова Жмуркинъ. — А романтизмъ всей этой драмы-съ виденъ съ перваго же взгляда,—продолжалъ онъ.—Во-первыхъ-съ, всѣ драгоцѣнности на лицо; а во-вторыхъ, обыскъ обнаружитъ у Лидіи Алексѣвны ключъ отъ этой самой теплицы, который приходится роднымъ братцемъ вашему ключу. Слѣдовательно, все это установится, и на каторгу вмѣстѣ со мною пойдете и вы-съ. Вы какъ убійца, а я какъ вашъ сообщникъ.— Постойте-съ, сдѣлайте одолженіе!—вдругъ крикнулъ онъ увидѣвъ, что Загорѣлова точно что̀ приподняло съ мѣста.—Еще одинъ пунктикъ и самый главный!—Сдѣлайте милость крошечку потерпѣть!

— Но у васъ,—заговорилъ онъ снова, убѣдившись, что Загорѣловъ сдержался.—У васъ,—вскрикнулъ онъ, — есть и вылазка, то-есть, относительно вашей грамматики, чтобъ пользоваться обстоятельствами. Потому что если вы это самое письмецо, которое у Лидіи Алексѣвны въ карманѣ-съ, куда нужно

подбросите, и затѣмъ тѣло ея погребенію предадите-съ хотя бы вотъ здѣсь, въ этомъ же оврагѣ, тогда вамъ, конечно-съ, на каторгу-съ не идти. А я себя удавлю-съ. Кстати сказать, въ этомъ оврагѣ у задней стѣнки, гдѣ глину въ прошломъ годѣ-съ брали, есть весьма удобное мѣсто. Яма-съ уже готова. Это я относительно погребенія. Слѣдуетъ только стѣнку немножко подкопать-съ и тогда якобы нечаянный обвалъ произойдетъ. И концы въ воду-съ!

— Постойте-съ!—снова крикнулъ онъ.

Однако Загорѣловъ на этотъ разъ не сдержался. Онъ подбѣжалъ къ нему и схватилъ его за шиворотъ, приподнявъ съ пола.

— За что ты ее убилъ!—крикнулъ онъ злобно.—Говори сейчасъ же! Ты меня не запугивай,—кричалъ онъ, встряхивая его,—а вотъ отвѣчай, за что ты ее убилъ? Безмозглая тварь!

Онъ поставилъ Жмуркина на полъ.

— Меня планъ сгубилъ, — проговорилъ тотъ тихо, снова какъ бы превращаясь въ старика.—Узналъ я,—продолжалъ онъ, глядя въ бокъ потухшими глазами, — узналъ я, что она вашей любовницей состоитъ, и памятуя грамматику вашу, то-есть, пользуйся, дескать, обстоятельствами, и такъ далѣе-съ, хотѣлъ, чтобъ она и моей любовницей стала. Но только этого не вышло, а вышло вотъ что̀. Больше я ничего не скажу вамъ, Максимъ Сергѣичъ,—добавилъ онъ совершенно равнодушно и устало, покачивая плечами въ тактъ дыханія. И тутъ онъ полетѣлъ кувыркомъ, сбитый съ ногъ кулакомъ Загорѣлова; но тотчасъ же онъ, однако, приподнялся съ пола, утирая рукавомъ кровь съ расквашеннаго рта. Его видъ былъ по прежнему равнодушенъ.

— Хоть убейте-съ, но я вамъ больше ничего не скажу,—шепталъ онъ.

— Сейчасъ же я ѣду къ становому!—крикнулъ ему Загорѣловъ. — И тебя мы тотчасъ же отправимъ куда слѣдуетъ... голубчика!

— Сдѣлайте ваше одолженіе,—отвѣчалъ Жмуркинъ равнодушно.—Я вамъ все-съ сказалъ, и теперь будьте любезны оставить меня въ покоѣ. Будьте благонадежны, что я отсюда никуда больше не двинусь. У меня вотъ тутъ и провіантъ приготовленъ, суточекъ на трое-съ; съ голода я не умру-съ.—Онъ подошелъ къ письменному столу и, приподнявъ газетный листъ, показалъ подъ нимъ кусокъ чернаго хлѣба, круто посоленный.

— Чего жъ вы стоите?—спросилъ онъ Загорѣлова.—Уходите, сдѣлайте милость, и оставьте меня въ покоѣ. У меня тутъ

свои дѣла есть. Ну, уходите-съ!—повторилъ онъ, окидывая Загорѣлова презрительнымъ взглядомъ.

Загорѣловъ не шевелился.

Жмуркинъ вынулъ изъ кармана тоненькую восковую свѣчку и небольшую книжечку. Не обращая болѣе на Загорѣлова ни малѣйшаго вниманія, онъ зажегъ эту свѣчу, раскрылъ книжку и сталъ у ногъ распростертаго на тахтѣ тѣла.

Нѣсколько разъ перекрестившись, онъ сталъ читать.

— „Да обрящется рука твоя всѣмъ врагомъ твоимъ, десница твоя да обрящетъ вся ненавидящія тебя",—читалъ онъ монотонно, придерживая въ рукѣ свѣчу и книгу.

— Послушай!—вдругъ спросилъ Загорѣловъ:—какая такая вещь запечатываетъ меня въ конвертъ, по твоему выраженію? Глаза Загорѣлова были сухи и блестящи, его видъ казался встревоженнымъ. Очевидно, онъ былъ крайне утомленъ.

— Поѣзжайте къ становому!—огрызнулся на него Жмуркинъ брезгливо и съ неудовольствіемъ.—Сколько разъ вы заставите просить себя?

— Сейчасъ ѣду,—сказалъ Загорѣловъ, точно встряхнувшись,—и ты увидишь, какъ ты у меня запляшешь, ты увидишь!

Онъ пошелъ мимо Жмуркина вонъ изъ теплицы. Тотъ читалъ:

— „Плодъ ихъ отъ земли погубиши и сѣмя ихъ отъ сыновъ человѣческихъ".

XXIX.

Уже совсѣмъ свѣтало, когда Загорѣловъ вернулся къ себѣ въ усадьбу. Онъ прошелъ въ спальню, стащилъ съ себя сапоги и легъ въ постель, почувствовавъ внезапно крайнее утомленіе.

„Какъ проснусь, тотчасъ же къ становому", — подумалъ онъ, закрывая голову одѣяломъ.

Въ его головѣ словно что-то возилось.

„Я тебѣ покажу! Я тебѣ покажу, голубчикъ!" — сердито думалъ онъ о Жмуркинѣ.

„А какую это вещь онъ мнѣ подбросилъ?"—вдругъ задалъ онъ себѣ вопросъ.—„Все-таки ее не мѣшало бы устранить. Если это только возможно, конечно",—сейчасъ же добавилъ онъ мысленно, точно желая убѣдить себя, что въ этой вещи все-же нѣтъ ничего опаснаго для него.

Его голову мучительно засверлило. Онъ сбросилъ одѣяло и всталъ на ноги.

„Не уснешь“, — подумалъ онъ съ тоскою. Онъ прошелъ въ кабинетъ и заходилъ тамъ, перекладывая и переставляя въ немъ съ мѣста на мѣсто каждый предметъ. Онъ искалъ ту вещицу,— ту самую главную, которая должна запаковать его на каторгу,— какъ выражался онъ мысленно.

„Это не кистень, — думалъ онъ въ то же время съ безпокойствомъ, — кистень, онъ у меня выкралъ, его нигдѣ нѣтъ, и онъ гдѣ-нибудь его зарылъ. Это—совершившійся фактъ. Но тогда какая же это самая главная вещь?“—снова задавалъ онъ себѣ все тотъ же вопросъ.

Онъ остановился посреди кабинета въ задумчивости, и опять пошелъ къ письменному столу, рѣшившись перерыть въ немъ все до послѣдней бумажонки.

„На каторгу ты меня все-таки не законопатишь, — думалъ онъ о Жмуркинѣ,—врешь, голубчикъ, самъ туда улетишь“!

Перерывъ все на письменномъ столѣ, онъ пошелъ обратно въ спальню, чтобъ оглядѣть свой гардеробъ. Но когда онъ вошелъ туда, въ его глаза ослѣпительно ударило солнце. Онъ внезапно остановился на полдорогѣ къ гардеробу.

„Какой вздоръ! — подумалъ онъ, словно очнувшись: — невиновнаго уличить нельзя. Ничего не буду искать. Баста! сейчасъ же ложусь спать, а какъ проснусь—къ становому. Въ ту же минуту къ становому! Ты у меня попляшешь!“—снова злобно подумалъ онъ о Жмуркинѣ.

Онъ легъ на постель и съ головою укутался одѣяломъ. Его мозгъ точно стылъ, и теплота одѣяла пріятно отогрѣвала голову.

„Ты у меня попляшешь, ты у меня попляшешь“,—твердилъ онъ, засыпая.

Впрочемъ, то состояніе, въ которое онъ погрузился, мало походило на сонъ. Его мысль безпокойно и безостановочно работала все въ томъ же направленіи. О Лидіи Алексѣевнѣ онъ какъ будто бы сталъ забывать. Мучительное и безпокойное чувство, казалось, начинало вытѣснять изъ него всѣхъ и все.

Его разбудилъ звонъ посуды въ столовой; тамъ пили уже чай. Онъ взглянулъ на часы и понялъ, что спалъ не болѣе двухъ часовъ. Однако, все-же онъ почувствовалъ себя свѣжѣе.

Онъ пошелъ умываться, съ удовольствіемъ подставивъ голову подъ шумную струю бившей фонтаномъ воды. И умывался, и одѣвался онъ такъ же тщательно, какъ всегда, но онъ уже не находилъ въ этомъ никакого вкуса. Къ чаю онъ вышелъ весь вычищенный и вылощенный по прежнему, однако грустный, задум-

чивый и сосредоточенный. И, попивая свой стаканъ, онъ внезапно сказалъ Перевертьеву:

— Какъ часто на каторгу идутъ совершенно невинные люди!

— А что?—спросилъ тотъ его.

— Припомните дѣло старухи Васильевой, — говорилъ Загорѣловъ съ серьезнымъ и озабоченнымъ выраженіемъ лица.— Убилъ ее квартирантъ-слесарь, а пошелъ на каторгу родной племянникъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Нѣтъ ничего легче, какъ уличить вмѣсто себя другого; стоитъ только подбросить ему нѣсколько вещей, и тотъ окажется весь запутаннымъ въ паутину. Не правда ли?

— Ну, положимъ,—отвѣчалъ Перевертьевъ,—никакая вещь не уличитъ васъ, если вы съумѣете доказать свое отсутствіе на мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе.

— Такъ-то такъ, — согласился и Загорѣловъ,—но все-таки запутать совершенно невиннаго чрезвычайно легко. Стоитъ только сильно этого пожелать!

— Положимъ и это отчасти вѣрно,—подтвердилъ ту же мысль и Перевертьевъ.

Послѣ чая Загорѣловъ тотчасъ же приказалъ подать себѣ лошадей и отправился въ село Протасово, гдѣ находилась квартира становаго пристава. Кучеру, впрочемъ, конечной цѣли своей поѣздки онъ не сказалъ.

— Въ Протасово, — коротко приказалъ онъ ему, — да поживѣе!

Повидимому онъ былъ совершенно спокоенъ. Всю дорогу онъ думалъ, какъ онъ начнетъ свой разсказъ въ квартирѣ становаго, что будетъ говорить во время дальнѣйшаго слѣдствія, какъ будетъ держать себя на судѣ.

„На каторгу, конечно, ему не удастся меня законопатить, — думалъ онъ о Жмуркинѣ,— но все-же какъ это непріятно фигурировать на судѣ въ качествѣ обвиняемаго въ убійствѣ! Что же можетъ быть хуже“!

„Проклятая тварь!—проговорилъ онъ злобно.

Онъ ясно представилъ себя на скамьѣ подсудимыхъ. Зало переполнено публикой; онъ блѣденъ, но совершенно спокоенъ! Вотъ онъ встаетъ и говоритъ; всѣ жадно прислушиваются.

— Я дѣйствительно былъ въ связи съ покойной Лидіей Алексѣевной Быстряковой, но я ея не убивалъ,—говоритъ онъ.

Въ залѣ перешептываются.

„Какая гнусность!—подумалъ онъ съ отвращеніемъ:—наши

отношенія съ Лидой придется выложить на столъ, какъ вещественное доказательство"!

Онъ передернулъ плечами, точно ему стало холодно, и снова задумался, привалясь въ уголъ экипажа. Стараясь представить судъ, онъ внезапно сопоставилъ тѣ показанія, какія дастъ на судѣ Жмуркинъ, съ своимъ собственнымъ, и ощущеніе ужаса охватило его всего. Ему стало ясно, совершенно ясно, что въ показаніяхъ Жмуркина—стройная и правдивая картина, а его, Загорѣлова, обвиненія, направленныя противъ послѣдняго, дѣйствительно похожи на какой-то нелѣпый бредъ, на вымыселъ, на сваливанье съ больной головы на здоровую.

„Убита замужняя женщина,—думалъ онъ напряженно,—моя любовница. На ней на пять тысячъ драгоцѣнностей, и всѣ онѣ цѣлы; выводъ ясенъ: убита не ради грабежа. Теперь,—продолжалъ онъ свои размышленія:—мой кистень, мой чапанъ, перенесеніе тѣла въ теплицу, ключъ отъ которой сохранялся всегда у меня, да кромѣ того показанія вотъ этого Жмуркина,—все это такія улики, отъ которыхъ мнѣ не откреститься ничѣмъ! Вѣдь это ясно же"!

— Я законопаченъ, — прошепталъ онъ съ тоскою, вдругъ почувствовавъ себя безконечно безпомощнымъ.

„Могу ли я доказать по крайней мѣрѣ свое отсутствіе на мѣстѣ преступленія?—тотчасъ же задалъ онъ себѣ вопросъ, съ головою уходя въ свои размышленія. И тотчасъ же онъ отвѣтилъ себѣ, что доказать даже это онъ будетъ не въ силахъ. Положительно не въ силахъ. Во весь тотъ ужасный вечеръ онъ весьма часто и надолго отлучался ради всевозможныхъ хозяйственныхъ распоряженій, а потомъ и ради провѣрки отчета по мельницѣ, на что̀ его вызвалъ все тотъ же Жмуркинъ.

„Я у него въ лапахъ,—подумалъ онъ,—проклятая тварь"!

— Куда прикажете? — между тѣмъ спросилъ его кучеръ, слегка повертывая къ нему лишь одну бороду.

Экипажъ уже въѣзжалъ въ тихую улицу села Протасова.

— Назадъ, домой!—рѣшительно проговорилъ Загорѣловъ.

— Чего-съ?—переспросилъ кучеръ въ удивленіи.

— Домой!—крикнулъ Загорѣловъ сердито.

„Нужно все это хорошенько обсудить, — думалъ онъ, — а тогда ужъ къ становому. Къ становому я всегда поспѣю, но ужели же мнѣ предстоитъ идти на каторгу? За что̀"?

— Да быть же этого не можетъ! — вскрикнулъ онъ, почувствовавъ, что изъ-подъ него ускользаетъ почва.

— Чего-съ?—снова переспросилъ кучеръ.

Но Загорѣловъ молчалъ въ глубокой задумчивости. По пріѣздѣ домой, онъ цѣлыхъ три часа блуждалъ все въ тѣхъ же размышленіяхъ, оцѣпившихъ его мозгъ какъ паутина. И онъ никакъ не могъ выбраться изъ этого водоворота.

„А кромѣ всего этого еще какая-то вещь и самая главная,—то-и-дѣло приходило ему въ голову. — Что̀ же мнѣ, наконецъ, дѣлать"?

Онъ не выдержалъ и отправился туда, въ старую теплицу, къ Жмуркину. Видимо его точно всего сокрушало, будто онъ попалъ подъ жерновъ.

Когда онъ боязливо и робко проникъ туда, Жмуркинъ спалъ на полу у тахты, распластавшись на спинѣ, какъ трупъ. Его ротъ былъ полураскрытъ, и Загорѣлову вдругъ показалось, что онъ умеръ. Это его нисколько не обрадовало, а наоборотъ, погрузило въ сильнѣйшее безпокойство. Внезапно онъ понялъ, что его рѣшительность, которою онъ всегда такъ гордился, начинаетъ покидать его, выдыхаясь какъ спиртъ изъ незакупоренной бутылки, и что безъ этого человѣка, безъ Жмуркина, онъ ничего не предприметъ и ничего не сдѣлаетъ; онъ не съумѣетъ даже прибрать трупа. Не съумѣетъ,—онъ это хорошо понялъ. И въ то же время ему стало ясно, что только одинъ этотъ человѣкъ сможетъ спасти его, разорвавъ всю эту отвратительную паутину,—если только онъ, конечно, захочетъ.

Загорѣловъ тихонько опустился передъ нимъ на колѣни, желая услышать его дыханіе, чтобы убѣдиться, живъ ли онъ. Однако онъ не поспѣлъ этого сдѣлать; Жмуркинъ приподнялся и сѣлъ на полу. Его лицо точно потемнѣло и застыло въ безконечномъ равнодушіи.

— Чего вамъ? — спросилъ онъ Загорѣлова съ неохотой, медленно передвигаясь, чтобы сѣсть на полу.

Тотъ ушелъ отъ него и сѣлъ на стулъ.

— Я былъ у становаго,—проговорилъ онъ наконецъ хмуро,—но не засталъ его дома.

Жмуркинъ полуобернулъ къ нему равнодушное лицо съ морщинами у рта.

— Вечеромъ вамъ придется опять къ нему съѣздить,—сказалъ онъ.—Посудите сами: тѣло вторыя сутки безъ погребенія. Развѣ же это возможно! Я и такъ, какъ вы вчера ушли, старался, старался. Поглядите-ка, что̀ сдѣлалъ!—онъ кивнулъ головой къ тахтѣ.

Загорѣловъ оглянулся и увидѣлъ за тахтой ванну, набитую льдомъ; она стояла въ изголовьи распростертаго на тахтѣ тѣла.

И это тѣло было завернуто теперь съ головою въ свѣжую простыню. Загорѣловъ увидѣлъ на простынѣ и мѣтку „М. З.“, но это обстоятельство не повергло его въ волненіе. Онъ какъ бы на минуту заразился отъ Жмуркина его равнодушіемъ.

— Ты говоришь,—вдругъ спросилъ его Загорѣловъ, — кто же ее убилъ?

— Вы-съ, — твердо отвѣтилъ Жмуркинъ, — вы-съ ее убили вашей грамматикой, — повторилъ онъ убѣжденно, — а я только какъ бы квитанцію ей на смерть выдалъ. Развѣ это вамъ непонятно? И посудите сами, какъ я могъ поступить иначе? Вѣдь я раньше въ услуженіи у васъ былъ и какъ бы на побѣгушкахъ. А теперь на побѣгушкахъ ужъ не я.

— Врешь! — вскрикнулъ Загорѣловъ злобно, точно сорвавшись съ мѣста и подбѣгая къ Жмуркину.—Врешь!

Однако онъ не добѣжалъ до него, остановившись въ двухъ шагахъ.

— Будьте любезны успокоиться, — проговорилъ Жмуркинъ равнодушно, — садитесь, пожалуйста, на свое мѣсто! Прошу честью!— добавилъ онъ съ неохотой.

Загорѣловъ вернулся къ стулу и сѣлъ. Его красивое лицо внезапно точно все сжалось, и на его щеки и бороду обильно и сразу брызнули слезы. Въ его груди словно лязгнуло желѣзо.

— Знаю я, чего ты добиваешься!—вдругъ выкрикнулъ онъ шепотливымъ, но пронзительнымъ крикомъ, въ то время какъ его мокрое отъ слезъ лицо точно держала все еще сжатымъ мучительная судорога.—Знаю я, чего ты добиваешься!—повторялъ онъ, размахивая и точно грозя ему рукою:—знаю я твои штучки! Вѣдь ты паутинку мнѣ въ голову сыплешь! Паутинку,—выкрикивалъ онъ,—вѣдь ты вонъ куда клонишь! Му-у-читель!—добавилъ онъ протяжно.

Онъ разрыдался, но тотчасъ же сдержалъ себя послѣднимъ напряженіемъ воли, отирая съ лица слезы. Его лицо разгладилось и приняло злобное выраженіе.

— Тварь! — проговорилъ онъ гнѣвно и съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ.—Удушу!—вдругъ снова выкрикнулъ онъ, бросаясь къ Жмуркину.

— А меня вотъ что̀ интересуетъ больше всего въ этомъ дѣлѣ,—заговорилъ между тѣмъ тотъ совершенно спокойно и не обращая на дикій гнѣвъ Загорѣлова никакого вниманія.— Вотъ что̀,—повторялъ онъ,—а вы сядьте, пожалуйста,—замѣтилъ онъ Загорѣлову какъ бы вскользь.

Тотъ вернулся къ стулу и сѣлъ.

— И вотъ почему я вамъ эту вылазку далъ, — говорилъ Жмуркинъ.—То-есть, относительно погребенія и записочки. Мнѣ любопытно-съ, выдержите вы свою грамматику-съ до конца, относительно чтобы пользоваться обстоятельствами, или же не выдержите?—говорилъ Жмуркинъ съ мучительною усмѣшкой.

— И я такъ рѣшилъ,— продолжалъ онъ, въ то время какъ Загорѣловъ прислушивался къ его словамъ, какъ бы боясь проронить хотя бы единый звукъ. — Я такъ рѣшилъ, — говорилъ Жмуркинъ:—если вы выдержите, стало быть ваша грамматика истина-съ и сила-съ, и значитъ, вамъ на каторгу идти не для чего-съ. Посудите сами, какая же можетъ быть каторга, то-есть, напримѣръ-съ у червяковъ? А я себя задавлю-съ въ такомъ случаѣ-съ, 23-го сентября-съ, ибо-съ на червивомъ насѣстѣ-съ больше существовать не желаю. А если вы вотъ не выдержите, и обстоятельствами по сему дѣлу совсѣмъ не воспользуетесь,—тогда, значитъ-съ вся ваша грамматика сущій вздоръ-съ. Ноль-съ! И тогда, значитъ-съ, намъ обоимъ на каторгу идти надо. Чтобы, напримѣръ, за новой грамматикой. Обоимъ и подъ ручку-съ. Это ужъ непремѣнно. Я такъ рѣшилъ,—добавилъ Жмуркинъ равнодушно и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма твердо.

Загорѣловъ пошелъ вонъ изъ теплицы, рѣзко хлопнувъ за собою дверью. Но черезъ минуту онъ снова просунулъ въ эту дверь свое искаженное злобой лицо.

— Ты у меня попляшешь,—вскрикнулъ онъ въ бѣшенствѣ, грозя пальцемъ,—ты у меня сегодня же попляшешь, голубчикъ!

Жмуркинъ неистово расхохотался, точно откашливая всѣ свои внутренности.

— Лазарь Петровъ!—крикнулъ онъ Загорѣлову злобно и съ отвращеніемъ.—Лазарь Петровъ, бѣги запрягать лошадей, чтобы, напримѣръ, къ становому!

Загорѣловъ снова тяжко хлопнулъ дверью. Хохотъ Жмуркина еще достигалъ до него, и, весь блѣднѣя, онъ вдругъ задумался.

— Вонъ онъ куда мѣтитъ! Все насчетъ паутинки! Все насчетъ паутинки!

XXX.

Загорѣловъ понуро двинулся къ себѣ въ усадьбу.

„Какъ же мнѣ разрѣшить эту загадку, — думалъ онъ по дорогѣ:—что же наконецъ, ѣхать мнѣ къ становому, или не ѣхать?“—Онъ снова почувствовалъ себя оторваннымъ отъ почвы. Его словно носило въ пространствѣ.

„Будемъ разсуждать такъ,—думалъ онъ: — если я поѣду къ становому, меня ждетъ каторга, это ужъ навѣрное, и потеря всего, что мной пріобрѣтено, всего до нитки. Тогда прощай все! Прощай усадьба, прощай мельница, прощай мечты и вся жизнь! Если ѣхать къ становому, это значитъ надо рѣшиться поставить надъ собою крестъ. За что? Во имя чего"?

— Умертвить себя—развѣ же это такъ легко?—проговорилъ онъ вслухъ, слоняясь въ окрестностяхъ усадьбы, блѣдный и сосредоточенный.

Онъ снова старался представить себя на скамьѣ подсудимыхъ, и снова онъ убѣждался, что всѣ его обвиненія противъ Жмуркина сведутся къ нелѣпому вздору, къ околесицѣ, неискусно придуманной ради оправданія себя. И тотъ, его врагъ, убьетъ его наповалъ правдивостью имъ изображенной картины.

„Это фактъ, съ которымъ нужно примириться", — думалъ Загорѣловъ, собирая всѣ осколки своей воли и рѣшительности, сокрушенныхъ разразившеюся надъ нимъ бурею.—„Если я хочу бороться съ Жмуркинымъ на почвѣ закона и суда, я разбитъ въ дребезги. Это фактъ, несомнѣнный фактъ! И слѣдовательно, дѣйствовать черезъ становаго—это значитъ обречь себя заранѣе на каторжныя работы".

Загорѣловъ сѣлъ на скатѣ холма, весь отдаваясь своимъ думамъ.

Что онъ скажетъ, въ самомъ дѣлѣ, въ залѣ суда о Жмуркинѣ? Онъ скажетъ:

— Онъ хотѣлъ сдѣлать ту женщину своей любовницей, и потомъ почему-то убилъ ее.

— Почему?—спросятъ его.

— Я не знаю. Я ничего не могу на это отвѣтить.

— А какимъ образомъ онъ досталъ вашъ кистень?

— Укралъ.

— А вашъ чапанъ?

— Тоже укралъ.

— А теплицу вы всегда сами запирали?—подсудимый, скажите намъ вотъ это.

— Всегда самъ.

— Какъ же онъ тогда ее отперъ, если ключъ сохранялся у васъ?

— Я этого не знаю.

Загорѣловъ шевельнулся, оглядывая окрестность блуждающими глазами, въ которыхъ горѣлъ испугъ.

— А кромѣ того, и еще одна вещь, та самая главная,— подумалъ онъ съ тоскою.

Въ то же время ему ясно представилось, какъ всѣ въ уѣздѣ обрадуются тому, что затравили его, наконецъ. Вѣдь его врядъ ли кто любитъ, ибо всѣ завидуютъ его удачѣ, его быстрому обогащенію, его умѣнью хорошо и выгодно работать. Что̀ онъ такое, въ самомъ дѣлѣ, въ глазахъ этого уѣзда? Ловкій аферистъ, женившійся на лѣнивой дурѣ ради ея приданаго и, затѣмъ, купившій двѣ тысячи десятинъ безъ гроша въ карманѣ! Развѣ же ему простятъ эту покупку? Да ни за что на свѣтѣ!

„Завистливыя собаки“, — подумалъ Загорѣловъ о своихъ судьяхъ.

Надѣвъ личину правосудія, они просто будутъ травить его и бить палками, какъ ястреба, случайно залетѣвшаго въ хлѣвъ.

— Врете, не съѣдите,—подождете-съ!—повторилъ Загорѣловъ злобно, въ неподвижной позѣ застывъ на скатѣ холма.

— Я буду вчетверо, вдесятеро больше богатъ, и тогда посмотримъ, какъ-то вы заюлите передо мною,—шепталъ онъ.

Онъ снова сталъ на ноги, безцѣльно и безпокойно двигаясь по скату.

„Слѣдовательно, надо рѣшаться на ту вылазку? — подумалъ онъ.—Теперь надо и эту сторону обсудить самымъ тщательнымъ образомъ“!

Онъ снова напряженно погрузился въ размышленія, обстоятельно взвѣшивая всѣ мелочи этой „вылазки“, какъ выражался Жмуркинъ. И чѣмъ больше онъ думалъ надъ нею, тѣмъ болѣе онъ находилъ здѣсь преимуществъ.

Въ самомъ дѣлѣ, „подлинная записка“ въ точности удостовѣритъ самоубійство, а тѣло можно скрыть, и скрыть такъ, что его не отыщетъ никто ни за что̀ на свѣтѣ никогда. Развѣ трудно устроить вотъ хотя бы искусственный обвалъ? А потомъ, если даже тѣло и будетъ разыскано, вѣдь это обстоятельство все-таки нисколько не ухудшитъ его настоящаго положенія, а оставитъ его лишь совершенно въ такомъ же видѣ, безъ всякихъ измѣненій.

Загорѣловъ сѣлъ на берегу Студеной. Его звали обѣдать, но онъ не пошелъ. Фрося доложила ему о чаѣ, но онъ отказался и отъ чая. Ему некогда было заниматься такими пустяками.

Вокругъ уже смеркалось; летучія мыши неслышно замелькали надъ поверхностью рѣчки, а онъ все сидѣлъ и думалъ. Уже въ усадьбѣ загнали стада, луга задымились туманомъ и алая полоска зари поблекла между тучъ, какъ уголь, подер-

нувшійся пепломъ, а Загорѣловъ сидѣлъ и думалъ, думалъ, безконечно думалъ.

Теперь онъ прекрасно уже зналъ, что̀ ему надлежало дѣлать, но онъ имѣлъ основаніе крѣпко подозрѣвать, что онъ не сможетъ сдѣлать этого. Ни за что не сможетъ! И это сознаніе наполняло его ужасомъ, горечью и тоскою.

Однако, когда уже совсѣмъ стемнѣло, онъ пошелъ туда, въ тотъ глубокій разрѣзъ между холмами. Проходя мимо двери старой теплицы, онъ не вытерпѣлъ и встревоженно приложилъ къ нему ухо, весь замирая. Тамъ кто-то ходилъ изъ угла въ уголъ, рѣшительной и смѣлой походкой. И звукъ этихъ шаговъ внезапно наполнилъ его отчаяніемъ и тьмою. Его рѣшительность и волю точно что̀ сокрушило, разнесло бурею, и Загорѣловъ жалобно сморщилъ лицо, и изъ его глазъ обильно и сразу хлынули слезы.

— Что̀ онъ дѣлаетъ? посмотрите-ка, что̀ онъ дѣлаетъ?— прошепталъ онъ съ тоскою и жалобно, разумѣя того шагающаго тамъ за дверью. — Вѣдь это онъ мою походку копируетъ! — жаловался онъ кому-то со слезами на всемъ лицѣ.— Мою походку! Я, дескать, сильный, а ты, дескать, кроликъ! И ты, дескать, у меня теперь на побѣгушкахъ! А? посмотрите, что̀ онъ дѣлаетъ!

Онъ на цыпочкахъ и боязливо заходилъ вокругъ теплицы, чувствуя полнѣйшую безпомощность, плача и сморкаясь, съ движеніями, совершенно не свойственными ему, что-то тихо приговаривая, точно жалуясь. А затѣмъ онъ притихъ, словно задумавшись, вытирая платкомъ мокрое отъ слезъ лицо. Сознаніе и воля снова вернулись къ нему понемногу. И тогда онъ рѣшительно и твердо подошелъ къ двери и, широко распахнувъ ее, сердито крикнулъ туда, во тьму:

— Послушай! Эй ты! Ты слышишь?

— Слышу,—раздалось изъ темноты.

— Такъ ты не думай, что ты ужъ меня одолѣлъ совершенно! Слышишь! Я все сдѣлаю, что̀ надо. Все! Понялъ?

Онъ злобно хлопнулъ дверью, рѣзко толкнувъ ее отъ себя, и пошелъ дальше, въ глубь оврага, обходя густыя заросли кустарника и глыбы каменника, вывороченнаго изъ береговъ оврага буйной вешней водою. Онъ шелъ къ той ямѣ, гдѣ брали въ прошломъ году глину, по его же указанію, для глинобитныхъ построекъ.

„Я все сдѣлаю, что̀ надо, — думалъ онъ по дорогѣ, — все, непремѣнно все, ибо жизнь еще не исчерпана мною“!

Вскорѣ онъ былъ уже тамъ, возлѣ той ямы. Осмотрѣвъ ее самымъ тщательнымъ образомъ, онъ остался доволенъ своимъ обзоромъ. Яма была глубокая и широкая, чернѣвшая въ сумракѣ, какъ отверстіе погреба. Массивная глинистая глыба съ тремя прямыми сосенками на макушкѣ почти висѣла надъ отверстіемъ этой ямы, полу-оторвавшись отъ берега и какъ бы скрѣпленная съ нимъ лишь жилистыми корнями. Загорѣловъ сразу же сообразилъ, что здѣсь кромѣ лопаты потребуется и топоръ. Корни обязательно нужно будетъ подрубить, и тогда глыба вѣроятно и сама сползетъ внизъ, закрывъ навсегда отверстіе ямы, какъ могильный курганъ. Загорѣловъ залѣзъ вверхъ и заглянулъ оттуда внизъ, въ эту темнѣвшую, какъ чернильное пятно, яму.

„И тутъ-то будетъ спать Лида“,—подумалъ онъ тоскливо.

Онъ сѣлъ подъ сосною и задумался.

XXXI.

Однако, приведя въ порядокъ свои мысли, онъ направился къ усадьбѣ, твердо намѣреваясь сейчасъ же приступить къ исполненію всего надуманнаго. Нужно было во что̀ бы то ни стало отвоевывать свою жизнь, и онъ напрягалъ всѣ свои силы, какъ бы готовясь къ отчаянному бою. Поровнявшись съ теплицей, онъ поспѣшно и боязливо прошелъ мимо ея каменныхъ стѣнъ, даже не повертывая глазъ въ ея сторону. Онъ точно боялся, что одинъ видъ этого ужаснаго зданія снова внесетъ въ его голову разрушительную бурю, которая истребитъ всѣ его намѣренія до основанія, поселивъ въ его головѣ дикій и мучительный сумбуръ. Быстро обѣжавъ это зданіе, онъ продолжалъ затѣмъ дальнѣйшій путь уже почти совершенно спокойно. И онъ радовался этому своему спокойствію, посылавшему ему какъ будто надежды на побѣду.

„Мы еще поборемся, мы еще сильно поборемся“,—шепталъ онъ, громаднымъ напряженіемъ сохраняя въ своемъ сознаніи стройный порядокъ.

„Вамъ еще не затравить меня,—думалъ онъ сердито и рѣшительно, — и вы слишкомъ рано взяли въ руки палки, чтобы бить меня. Слишкомъ рано! Я еще твердо стою на ногахъ,— продолжалъ онъ свои сердитыя размышленія, — оставьте же въ покоѣ ваши палки хотя на время. Бейте меня, когда я споткнусь. Добивайте лежачаго! И я не буду сердиться тогда на васъ, ибо таковы законы судьбы! А теперь я еще живъ, я еще

живъ“, — шепталъ онъ, быстро взбѣгая по скату холмовъ, направляясь къ усадьбѣ съ твердою рѣшительностью тотчасъ же приступить къ дѣлу своего избавленія.

Въ воротахъ усадьбы онъ почти натолкнулся на Перевертьева.

— Ну что, какъ вы поживаете? почему цѣлый день обрѣтаетесь въ бѣгахъ?—спросилъ его тотъ, приближаясь къ нему и дружелюбно прикасаясь руками къ его локтямъ.

— Да ничего, все вотъ думаю,—ясно и почти весело отвѣчалъ ему Загорѣловъ.

— Строите планы? Все насчетъ обогащенія? — говорилъ Перевертьевъ все такъ же дружелюбно.

— Да, и насчетъ обогащенія.

Они заходили тутъ же у воротъ. Крѣпкій вѣтеръ дулъ имъ въ лица, и флюгеръ безпорядочно кружился и взвизгивалъ надъ аркой воротъ. Въ окнахъ дома горѣли огни; по небу тянулись тучи, какъ караваны, всѣ придерживаясь одного направленія. Онѣ точно переселялись куда-то, или шли нашествіемъ въ невѣдомыя земли, въ погонѣ за счастьемъ и богатствомъ.

— А нынче ночь безпокойная,—вдругъ проговорилъ Загорѣловъ,—и Лидія Алексѣевна гдѣ-нибудь близко,—добавилъ онъ совершенно неожиданно для самого себя.

Въ его сознаніи точно все пошатнулось, готовое разсыпаться въ дребезги.

— День дни отрыгаетъ глаголъ и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ,—заговорилъ онъ снова, обращаясь къ Перевертьеву, въ задумчивости.—Вы не знаете, откуда это?—добавилъ онъ, дѣлая напряженіе, чтобы изгнать сумбуръ.—Правда, это красиво? Вы не знаете, откуда это?

Перевертьевъ, не слушая его, сказалъ:

— А Валентина Петровна свою поѣздку къ мужу на три дня отсрочила. И сегодня она цѣлый день плакала,—говорилъ Перевертьевъ, расхаживая у воротъ и пощипывая усики.—Не хочетъ, чтобы я ѣхалъ провожать ее до мужа. Боится, что изъ этого выйдетъ что-нибудь нелѣпое. А какая же можетъ произойти нелѣпость? Весь міръ нелѣпъ; а если міръ нелѣпъ, слѣдовательно нелѣпостей не существуетъ. Не такъ ли?

Черезъ ограду сада онъ увидѣлъ въ аллеѣ тонкую фигуру Сурковой, и, не дожидаясь отвѣта Загорѣлова, онъ быстро пошелъ туда. Все его грустно-сердитое лицо, съ сѣтью морщинъ на вискахъ, какъ бы оживилось. Вѣтеръ шумѣлъ между холмами, и флюгеръ безпорядочно кружился и взвизгивалъ, напоминая крики птицы. Загорѣловъ остался одинъ у воротъ усадьбы. Че-

резъ ограду сада онъ видѣлъ, какъ Суркова, блестя заплаканными глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ вся лукаво покачиваясь, пѣла на встрѣчу Перевертьеву:

— „Ты цѣлый день меня пытаешь"...

Перевертьевъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ея руку и сказалъ, передѣлывая стихъ Лермонтова:

— Люблю я женщину, но странною любовью. Ея не побѣдитъ разсудокъ мой!—Онъ вдругъ разсмѣялся и добавилъ:

— А все-таки въ тотъ вечеръ, когда я хотѣлъ стрѣлять себѣ въ високъ, ради васъ, я предварительно высыпалъ изъ зарядовъ весь порохъ!

Вѣтеръ рванулъ надъ ними, засвистѣвъ надъ вершинами взбаломученнаго сада, точно устремляясь въ набѣгъ.

— Вы этому вѣрите?—прозвучало сквозь этотъ свистъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Клянусь бородою женщины!

— „Ты цѣлый день меня пытаешь!" — донеслось до слуха Загорѣлова.

Обѣ фигуры исчезли въ сумракѣ, точно радушно принятыя ночью въ ея невѣдомыя нѣдра. Звуки ихъ рѣчи утонули въ гулѣ деревьевъ. Загорѣловъ стоялъ и думалъ:

„Теперь они меня не увидятъ; нужно взять топоръ и лопату и идти туда".

Онъ шевельнулся, въ послѣдній разъ соображая, гдѣ и что̀ нужно взять, и какъ все это унести незамѣтно. Онъ быстро и проворно, точно боясь, что его покинетъ рѣшительность, двинулся къ темнымъ стѣнамъ сарая, гдѣ онъ могъ достать все, что̀ ему требовалось. Скоро онъ проникъ туда, въ этотъ сарай, нырнувъ въ его тьму какъ въ яму. Черезъ минуту онъ снова выглянулъ оттуда, безпокойно окидывая взоромъ весь дворъ усадьбы, держа подъ мышкой лопату и сжимая въ рукѣ топоръ. Убѣдившись, что на дворѣ ему не угрожаетъ никакой опасности, онъ снова вынырнулъ изъ сарая, какъ изъ ямы, устремляясь въ дальнѣйшій путь, старательно скрываясь за стѣнами строеній.

Приблизившись къ теплицѣ, онъ передохнулъ, снова набираясь рѣшительности и мужества. Онъ сознавалъ, что все, что̀ онъ сдѣлалъ до сихъ поръ, было лишь пустяками, и самая главная работа оставалась еще вся впереди. Весь выдвинувшись къ двери, онъ снова хотѣлъ-было послушать, что-то дѣлаетъ тамъ тотъ, но это намѣреніе испугало и взволновало Загорѣлова, наполнивъ его жгучимъ безпокойствомъ, точно весь ужасъ для него заключался вотъ именно въ поведеніи того. У Загорѣлова

были основанія подозрѣвать нѣчто, что повергало его въ отчаяніе.

Съ минуту онъ простоялъ такъ передъ теплицей, снова запутавшись въ колебаніяхъ, съ лопатой подъ мышками и топоромъ въ рукѣ, потерянно оглядываясь вокругъ. И тутъ ему показалось внезапно, что дверь теплицы тихонько скрипнула,—точно и тотъ, скрывающійся тамъ, возъимѣлъ желаніе послушать и поглядѣть, что-то дѣлаетъ и какъ-то ведетъ себя здѣсь онъ, Загорѣловъ. Видимо, и тому было тоже крайне необходимо знать, какъ-то теперь поживаетъ хваленая Загорѣловская рѣшительность. По крайней мѣрѣ такъ объяснилъ себѣ этотъ внезапный скрипъ двери самъ Загорѣловъ, ясно почувствовавъ въ то же время, что если тотъ увидитъ эти его колебанія,—онъ пропалъ. Загорѣловъ поспѣшно нырнулъ за кустъ, чтобы не быть обличеннымъ тѣмъ.

„Видѣлъ онъ меня или не видѣлъ?"—думалъ онъ, не спуская съ этой двери глазъ. Однако, полотно двери неподвижно чернѣло между косяковъ, чуть полуоткрывшись и образовавъ этимъ щель, достаточную лишь для того, чтобъ выпустить мышь. И напряженный слухъ Загорѣлова не улавливалъ за этой дверью ни единаго звука. Въ теплицѣ точно все умерло. Только вокругъ уныло шумѣлъ лѣсъ, словно въ оврагъ сбѣгала со всѣхъ сторонъ бурлившая вода. По небу шли тучи. Ихъ точно вела куда-то сознательная сила. Загорѣловъ все стоялъ и слушалъ, съ замираніемъ сердца поглядывая на дверь. Онъ даже начиналъ уставать отъ напряженія. Но, наконецъ, эта дверь рѣзко хлопнула, будто кто рванулъ ее къ себѣ сердито.

„Ничего не услышалъ и сердится",—подумалъ Загорѣловъ.

Онъ внезапно обрадовался, соображая, что если тотъ не видѣлъ его колебаній, значитъ, еще не все потеряно для него. Нѣсколько мгновеній онъ все-таки пережидалъ, собираясь съ силами, въ послѣдній разъ давая себѣ отсрочку.

„Это послѣдняя отсрочка, — говорилъ онъ себѣ, — это послѣдняя"!

Для чего-то онъ вытеръ свой лобъ, всей грудью набралъ воздуха и пошелъ къ двери. Загорѣловъ рѣшился.

XXXII.

Быстро и широко растворивъ передъ собою дверь, онъ рѣшительно переступилъ затѣмъ порогъ теплицы, но умышленно

не поднимая въ то же время глазъ, чтобы не видѣть того, ужаснаго. Бросивъ топоръ и лопату въ уголъ, онъ тою же смѣлой и рѣшительною походкой двинулся туда, къ стулу, и опустился тамъ, напрягая всю свою волю, чтобы придать себѣ совершенно независимый и пожалуй даже веселый видъ. Этимъ онъ разсчитывалъ слегка припугнуть того. Послѣ всего этого онъ рѣшился нѣсколько приподнять свои глаза. То, что̀ онъ увидѣлъ, однако, будто успокоило его слегка. Жмуркинъ сидѣлъ на полу, у печки, какъ бы усталый и до-нельзя равнодушный, обхвативъ колѣни руками.

— Вотъ я и принесъ все,—наконецъ, проговорилъ Загорѣловъ, ломая себя, чтобы придать своему голосу выраженіе твердости.—Трудненько было, а все-таки досталъ,—говорилъ онъ съ оттѣнкомъ хвастовства.—Теперь мы все живой рукой оборудуемъ. Живой рукой. Я и тамъ былъ,—добавилъ онъ съ непринужденнымъ видомъ, поглядывая на Жмуркина, какъ бы желая убѣдиться, какое-то онъ производитъ на того впечатлѣніе своей внѣшностью.—Тамъ у ямы этой.

Онъ хотѣлъ-было сказать: „о которой ты мнѣ говорилъ“. Но однако онъ не сказалъ этого. Ему пришло въ голову:

„Ловко ли это будетъ, если я его и вдругъ „на ты“ назову? Ловко и умѣстно ли“?

Кромѣ того, ему не хотѣлось подчеркивать и того обстоятельства, что эту мысль о той ямѣ подалъ ему все онъ же, этотъ Жмуркинъ. Жмуркинымъ, впрочемъ, онъ его уже не называлъ давно, даже и мысленно; онъ совсѣмъ никакъ не называлъ его, боязливо и старательно обходя его имя, какъ самый опасный камень, около котораго вотъ именно и могла произойти катастрофа.

— У той ямы,—проговорилъ онъ послѣ долгихъ размышленій,—о которой мы говорили.

Онъ мысленно улыбнулся, радуясь этому удачному съ его стороны фортелю и поглядывая съ выраженіемъ нѣкотораго торжества на Жмуркина.

Тотъ сидѣлъ все такъ же у печки, неподвижно застывъ, и упорно молчалъ. Свѣча тускло горѣла на столѣ; по стѣнамъ, плавно покачиваясь, ползали тѣни, и стѣны комнаты точно моргали, какъ до-нельзя утомленный человѣкъ.

— Я и тамъ былъ,—между тѣмъ снова повторилъ Загорѣловъ твердо,—у той ямы, о которой мы говорили. И все оглядѣлъ самымъ основательнымъ образомъ. Тамъ только корни надо подрубить. И больше ничего!

Онъ замолчалъ. Жмуркинъ лѣниво шевельнулся.

— А какъ же ее-то?—спросилъ онъ хмуро, качнувъ головою по направленію къ тахтѣ.

Уродливая тѣнь прошла по стѣнѣ и остановилась, упершись въ косякъ окна.

— Ее нужно будетъ туда уложить,—отвѣчалъ Загорѣловъ,— я вѣдь это знаю!—добавилъ онъ сердито.

— А какъ же записка?—снова спросилъ Жмуркинъ угрюмо.

— Записку нужно будетъ вынуть, конечно, и потомъ подбросить куда-нибудь. И опять-таки я все это великолѣпно знаю! — проговорилъ Загорѣловъ, какъ будто начиная волноваться. На его щекахъ, подъ глазами, выступили красныя пятна; онъ нетерпѣливо переставилъ ноги. Жмуркинъ усмѣхнулся, устало шевельнувшись у печки.

— Говорить-то конечно хорошо,—сказалъ онъ,—это вѣрно; а вотъ кто же будетъ доставать записку-то?

Онъ слегка и какъ бы съ любопытствомъ приподнялъ глаза. Загорѣловъ чувствовалъ, что приближается самый главный моментъ. У него захолонуло на сердцѣ.

„Ты конечно!"—хотѣлось злобно крикнуть Загорѣлову, но онъ не рѣшился, снова запутавшись въ мучительныхъ колебаніяхъ.

— Записку надо будетъ вынуть,—повторилъ онъ подавленно, съ трудомъ выжимая изъ себя слова. И онъ замеръ въ ожиданіи, поглядывая съ тревогой на Жмуркина. Однако, и тотъ нѣкоторое время молчалъ, тоже въ напряженіи какъ бы застывъ на своемъ мѣстѣ. Казалось, онъ и самъ ожидалъ теперь отъ Загорѣлова этого сердитаго и злобнаго возгласа, и даже желалъ его.

— И кто-нибудь изъ насъ это сдѣлаетъ,—наконецъ, проговорилъ Загорѣловъ нерѣшительно.

Жмуркинъ точно понялъ и оцѣнилъ эту нерѣшительность, и выраженіе ожиданія будто ушло съ его лица.

— Кто-нибудь изъ насъ?—переспросилъ онъ.

— Ты!—вдругъ злобно выкрикнулъ онъ.

Загорѣловъ точно весь сжался.

„Онъ вѣдь вонъ куда клонитъ,—подумалъ онъ съ тоскою, внезапно чувствуя свою гибель:—вонъ куда"!

Въ его голову точно ворвались вихри. Все его лицо будто сдавила судорога; его губы точно прижало къ носу, а его лобъ весь свело въ поперечныя складки, рѣзкія и глубокія. Онъ пре-

красно понялъ теперь—почему тотъ человѣкъ назвалъ его „на ты“, и такъ рѣшительно. Изъ его глазъ брызнули слезы.

— Ты вѣдь вонъ куда клонишь,—заговорилъ онъ, мучительно всей грудью всхлипывая и точно грозя рукою.—Ты меня „на ты“ сталъ звать! Знаю я твои штучки! Давно я вижу! Ты вѣдь походку мою сталъ копировать! Походку,—повторялъ Загорѣловъ, обливаясь слезами и словно грозя пальцемъ.

— Что же тутъ подѣлаешь?—отвѣчалъ Жмуркинъ холодно.— Плакать тутъ нечего! На законъ, братецъ, жаловаться нельзя!

Онъ развелъ руками.

— Му-у-читель,—шепталъ Загорѣловъ, обливаясь слезами,— ты давно меня сбиваешь! Ты паутинку мнѣ въ голову сыплешь! ты мной хочешь быть, а я чтобъ на твое мѣсто!

Между тѣмъ Жмуркинъ приподнялся отъ печки и заходилъ изъ угла въ уголъ рѣшительною походкой. Онъ словно весь преобразился.

— На законъ жаловаться нельзя,—говорилъ онъ, расхаживая по теплицѣ, съ побѣдоносным видомъ поглядывая на Загорѣлова и заложивъ за спину руки.—Что дѣлать! Даже ослѣпшій соколъ недостоинъ, напримѣръ, дневного пропитанія! Который не съумѣетъ лягушку! Сколько разъ я тебѣ говорилъ!

— Му-у-читель!—шепталъ Загорѣловъ:—ты вонъ и руки держишь такъ же, какъ и я! ты вонъ и руки!—вытягивалъ онъ съ тоскою, обливаясь слезами.

— А потомъ,—говорилъ Жмуркинъ, расхаживая по комнатѣ все въ той же позѣ и преувеличенно стуча сапогами, — а потомъ, если вдругъ подъ ножку! Кто говоритъ нельзя? Будьте любезны!

Онъ остановился передъ Загорѣловымъ, низко изгибаясь къ нему и заглядывая въ его мокрое отъ слезъ лицо.

— Напримѣръ, послушай,—говорилъ онъ ему,—Лазарь, сдѣлай милость, послушай!

И внезапно онъ замолчалъ, словно сознаніе заглянуло въ эту голову на минуту.

Нѣсколько мгновеній онъ пристально смотрѣлъ на Загорѣлова, точно не вѣря тому, что происходило вокругъ него. Онъ даже сдѣлалъ движеніе—словно порывался что-то сказать ему, какое-то самое нужное для нихъ слово, которое вывело бы ихъ изъ этого ужаснаго лабиринта, куда ихъ сунула жестокая судьба. Но слово не попадало къ нему на языкъ, и онъ стоялъ передъ Загорѣловымъ, полураскрывъ ротъ, весь застывъ въ нелѣпомъ порывѣ, точно все еще поджидая этого слова, какъ откровенія

свыше. Но затѣмъ онъ отчаялся и въ этомъ. Мучительное безпокойство исказило его черты. Онъ попятился отъ Загорѣлова къ печкѣ.

— Максимъ Петровичъ,—вскрикивалъ онъ пронзительно, все также пятясь и взволнованно простирая къ Загорѣлову руки.— Сергѣй Лазаричъ! Насъ несетъ бурей!

— Мучитель,—шепталъ Загорѣловъ, плача,—знаю я, чего ты добиваешься! Мучитель!

— Лазарь Максимычъ!—выкликивалъ Жмуркинъ:—помолчите хоть одну минутку! Вы меня путаете! насъ несетъ бурей.

Онъ ясно видѣлъ надвигавшійся на нихъ ужасъ, но уже не зналъ, какъ предотвратить его.

Однако все-же ему удалось убѣдить Загорѣлова скоро, и скоро тотъ замолчалъ. Что-то нашептывая, онъ впрочемъ тотчасъ же всталъ со стула и пересѣлъ на полъ у печки, уныло охвативъ колѣни руками. А Жмуркинъ усѣлся на стулъ.

— Помолчи, помолчи!—шепталъ онъ Загорѣлову черезъ комнату.

Они замолчали; въ теплицѣ все притихло. Только деревья тревожно гудѣли за каменными стѣнами, да лѣсные овраги пронзительно перекликались порою, какъ путники, сбившіеся съ дороги. Тѣни, плавно покачиваясь, передвигались по стѣнамъ.

А Загорѣловъ и Жмуркинъ неподвижно сидѣли другъ противъ друга и напряженно молчали. Лицо Загорѣлова было все плаксиво сморщено, а лицо Жмуркина словно застыло въ усталомъ равнодушіи. И имъ обоимъ порою казалось, что они то начинаютъ рости, мучительно вытягиваясь до непомѣрной высоты, то такъ же внезапно сокращаясь затѣмъ до размѣра мыши. То вытягиваясь, то сокращаясь—такъ колеблется догорающее пламя.

„Сознаніе мучаетъ", — подумалъ Загорѣловъ, дѣлая послѣднее мучительное усиліе, чтобъ возстановить въ головѣ порядокъ. Но изъ этого усилія у него, однако, ничего не вышло на этотъ разъ. Трезвое сужденіе порою одиноко появлялось въ его сознаніи, но оно тонуло тотчасъ же въ общемъ дикомъ хаосѣ нелѣпыхъ образовъ и острыхъ ощущеній, какъ тонетъ сбившійся съ дороги путникъ въ ревущей мглѣ свирѣпой метели. На минуту Загорѣловъ какъ бы оцѣпенѣлъ передъ этой тьмою, какъ кроликъ, испуганный ястребомъ. А потомъ его точно приподняло и понесло куда-то бурнымъ теченіемъ.

На слѣдующее утро поваръ Флегонтъ, тотчасъ же послѣ чая, отправился въ лѣсъ, чтобъ вырѣзать себѣ удилища. По его пред-

положеніямъ, которыя онъ любилъ высказывать всегда въ самой категорической формѣ, ровно съ 29-го августа въ Студеной долженъ будетъ хорошо ловиться линь, почему онъ и рѣшился заблаговременно приготовиться къ этой ловлѣ. Долго онъ ходилъ среди дигилястыхъ кустовъ орѣшника; наконецъ онъ нашелъ и вырѣзалъ все, что ему требовалось. Положивъ удилища къ себѣ на плечо, онъ отправился затѣмъ домой, спустившись въ глубокій разрѣзъ между холмами, радостный и веселый. Но когда онъ проходилъ мимо стѣнъ старой теплицы, его лицо внезапно словно обезпокоилось. Въ этой теплицѣ онъ ясно услышалъ какой-то странный говоръ или, вѣрнѣе, звуки, напоминавшіе собою человѣческую рѣчь. Флегонтъ прислушался. Сомнѣнья не было, въ теплицѣ звучали два голоса, но однако Флегонтъ не рѣшился признать ихъ за человѣческіе голоса, хотя онъ прекрасно уже различалъ интонацію каждаго. Одинъ изъ этихъ голосовъ глухо и равнодушно ворчалъ, а другой какъ бы плаксиво жаловался на что-то. Флегонтъ весь шевельнулся въ недоумѣніи, размышляя, кому бы могли принадлежать такіе странные голоса. Но долго онъ не находилъ надлежащаго отвѣта. И вдругъ онъ вспомнилъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ одномъ приволжскомъ городѣ онъ видѣлъ въ заѣзжемъ звѣринцѣ, какъ ссорились двѣ обезьяны; и теперь эти странные звуки внезапно живо напомнили ему ту картину.

— Господи Боже нашъ!—проговорилъ онъ двигаясь къ теплицѣ съ выраженіемъ самаго крайняго удивленія. Разсчитывая снова увидѣть давно невиданныхъ и диковинныхъ звѣрей, онъ осторожно отворилъ дверь теплицы и заглянулъ туда. И тотчасъ же въ совершенномъ ужасѣ онъ отпрянулъ назадъ, уронивъ съ плеча удилища.

— Господи Боже нашъ!—прошепталъ онъ снова, чувствуя спазму въ горлѣ.

Однако, какъ бы пересиливъ себя, онъ снова черезъ минуту заглянулъ туда же въ дверь, вѣроятно желая провѣрить во что бы то ни стало, ужъ не приснилось ли ему все то, что онъ увидѣлъ тамъ только-что сейчасъ. Но глаза его не обманули.

Въ теплицѣ другъ противъ друга сидѣли Загорѣловъ и Жмуркинъ. Загорѣловъ сидѣлъ на полу, у печки, горько плакалъ, сморщивъ все лицо въ какую-то ужасную маску, и говорилъ, обращаясь къ Жмуркину:

— Не мучьте вы меня, Максимъ Сергѣичъ! Избавьте вы меня отъ этого!

А Жмуркинъ, развалясь на стулѣ, тупо и равнодушно бормоталъ:

— Лазарь, погляди на законъ природы! То-есть, напримѣръ, вездѣ!

Въ этой же теплицѣ на тахтѣ, все завернутое въ простыньку, лежало какъ бы чье-то тѣло. Съ лѣваго бока, выбиваясь изъ-подъ простыньки, свѣшивался до самаго полу подолъ юбки желто-розоваго цвѣта, а за тахтою, въ изголовьи, стояла ванна, набитая ноздреватымъ, полуистаявшимъ льдомъ.

Флегонтъ хлопнулъ дверью и побѣжалъ въ усадьбу, изо всѣхъ своихъ силъ работая локтями. Но на полдорогѣ онъ вдругъ остановился, расплакался и сказалъ:

— Что же это такое?.. На тя, Господи уповахомъ!

Ал. Н. Будищевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
СТАРАГО ЗЕМЦА

Ранней весной 1870 года я, тогда строевой офицеръ одного изъ петербургскихъ гвардейскихъ полковъ, вышелъ по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку и переѣхалъ на житье въ мое родовое имѣніе въ одной изъ центральныхъ губерній. Имѣніе это было старинное „дворянское гнѣздо“, въ которомъ съ незапамятныхъ временъ проживали дѣды и прадѣды моей матери, послѣ смерти которой я остался пятилѣтнимъ ребенкомъ; отца я совсѣмъ не зналъ, такъ какъ онъ умеръ еще гораздо раньше матери. Вся моя родня—съ обѣихъ сторонъ, отцовской и материнской — проживала въ нашемъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ;— родство, сватовство и кумовство были, слѣдовательно, самыя обширныя, и пріѣхалъ я тогда, до извѣстной степени, въ „насиженное“ мѣсто. Мое долгое „малолѣтство“ было проведено подъ опекой родного дяди, брата покойной матери, бывшаго лѣтъ двадцать предводителемъ дворянства въ нашемъ уѣздѣ. Въ военную службу я попалъ случайно, вышелъ въ отставку съ радостью, какъ только къ тому представилась надобность, и былъ зараженъ въ самой значительной степени только-что появлявшимся въ то время на горизонтѣ русской интеллигенціи „народничествомъ“. Начало ему было положено, конечно, гораздо раньше, и какъ разные наружные признаки, въ родѣ ношенія дворянами поддевокъ и полушубковъ, пожиманія мужикамъ руки и приглашеній садиться, такъ и болѣе глубокіе слѣды, призвавшіе въ ряды первыхъ составовъ мировыхъ посредниковъ

лучшихъ людей того времени, появились въ деревнѣ еще со времени введенія въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 года. Но то острое умственное движеніе, охватившее молодежь въ теченіе семидесятыхъ годовъ и гнавшее ее изъ городовъ въ деревню, было еще только въ зародышѣ и приняло опредѣленныя, потомъ даже рѣзко очерченныя формы, только впослѣдствіи, уже послѣ моего собственнаго переѣзда въ деревню, такъ что я былъ, вѣроятно, одной изъ „первыхъ ласточекъ“ этого послѣдняго сорта. Къ тому времени какъ народничество приняло острый характеръ „хожденія въ народъ“, вызвавшій противъ себя не менѣе острые противовѣсы со многихъ сторонъ, я уже освоился съ деревней, обладалъ значительнымъ жизненнымъ опытомъ и могъ судить о его послѣдствіяхъ и результатахъ, также какъ и о степени его прямого вліянія на народъ, не съ одной чисто теоретической точки зрѣнія, выработанной умственными вожаками движенія съ высоты птичьяго полета, а въ связи съ дѣйствительностью, съ тѣмъ полемъ дѣйствія, на которомъ происходила ежедневная работа, съ той ареной, на которой приходилось приводить эти теоріи въ исполненіе. Я былъ очень молодъ—только уже по поселеніи моемъ въ деревнѣ, въ маѣ 1870 года мнѣ минуло двадцать лѣтъ,—импульсивенъ, впечатлителенъ; запасъ добрыхъ намѣреній былъ необъятный, матеріальныя средства довольно порядочныя — имѣнія мои были незаложены, и никакихъ долговъ у меня не было,—условія, слѣдовательно, были, сравнительно, очень благопріятныя для экспериментовъ всякаго рода. Само собой разумѣется, что не только строго опредѣленнаго міровоззрѣнія, но и какихъ-либо ясно намѣченныхъ жизненныхъ задачъ или путей къ приведенію ихъ въ исполненіе у меня и не было, и быть не могло, хотя самъ я и былъ въ то время, вѣроятно, увѣренъ въ противномъ. Утробная, такъ сказать, такъ присущая всякому русскому человѣку, любовь къ „тѣмъ липамъ, подъ которыми онъ родился“, туманная, неясно и неопредѣленно, но тѣмъ не менѣе чувствительно дававшая себя при случаѣ знать „отвѣтственность передъ меньшимъ братомъ“, „долгъ землѣ“, и тому подобныя, крайне симпатичныя, стремленія лежали, конечно, въ основѣ моихъ дѣйствій, — а отсутствіе строго выработанной, поставленной самой жизнью, а не неопредѣленными мечтаніями, программы, конечно, дѣлало изъ меня легкую добычу обстоятельствамъ и тѣмъ случайностямъ, которыми такъ полна дѣйствительность. Теперь я думаю, что внезапный переходъ отъ Николаевской эпохи, крымскаго погрома и летаргіи къ шестидесятымъ годамъ былъ слишкомъ рѣ-

зокъ, что наше поколѣніе расплатилось за этотъ переходъ отъ одной эпохи къ другой такъ же, хотя и въ другой формѣ, какъ расплатились когда-то наши прадѣды за „петровщину". Люди были выбиты изъ обычной колеи, охвачены всецѣло новыми, неиспытанными, заманчивыми, но неопредѣленными стремленіями;— старый общественный строй былъ разбитъ до основанія, а для созданія новаго не имѣлось ни умѣнья, ни достаточной устойчивости, ни знанія среды,—мысль работала быстрѣе жизни, рвалась въ будущее, создавала идеалы, не соотвѣтствовавшіе тому, что̀ дѣйствительно требовалось. Я глубоко убѣжденъ, что въ теченіе второй половины XIX столѣтія на долю русской интеллигенціи выпало больше исковерканныхъ, изломанныхъ жизней, больше страданій и тяжелаго, безвыходнаго горя, чѣмъ на долю интеллигенціи какой-либо другой страны,—а она такъ немногочисленна, такъ нужна своей родинѣ! Да не подумаетъ читатель, что эти горькія строки вызваны личными неудачами, личнымъ опытомъ, такъ присущимъ „мягкотѣлому" русскому человѣку стремленіемъ сваливать всю вину на „среду", на весь „антуражъ" русскаго работника. Нѣтъ, мнѣ самому не въ чемъ оправдываться; я дѣлалъ, что̀ могъ, работалъ, какъ умѣлъ, а въ промахахъ и ошибкахъ человѣку, по моему мнѣнію, незачѣмъ каяться,—такъ какъ ихъ нѣтъ только у того, кто ничего не дѣлаетъ. Я пытаюсь только дать общую характеристику того времени, одно изъ объясненій того вопроса, почему наше поколѣніе сдѣлало, повидимому, такъ мало, почему это свѣтлое, обширное, могучее умственное возбужденіе, оставившее такіе неизгладимые слѣды въ исторіи русской общественной мысли, дало такъ мало положительныхъ *народныхъ* результатовъ. Оно всколыхнуло поверхность, но не затронуло глубины; оно освѣжило листья и цвѣты, но не напоило почвы и корней; оно, подобно „петровщинѣ", коснулось деревни и мужика только поверхностнымъ, формальнымъ образомъ; оно, подобно грозовой тучѣ, наполнило мѣстность грохотомъ грома и блескомъ молніи, но не дало ей живительной влаги, благодѣтельнаго проливного дождя. Теперь, тридцать лѣтъ спустя, эту двойственность едва ли можно отрицать—результаты давно на лицо, для всякаго, у кого есть глаза для того, чтобы видѣть, и уши для того, чтобы слышать.

I.

Нашъ уѣздъ громаденъ и по пространству, и по народонаселенію, и, какъ административная единица, представляетъ собою

верхъ нелѣпости во всѣхъ отношеніяхъ. Уѣздный городъ находится въ сѣверовосточномъ его углу, на самой границѣ уѣзда съ сосѣдней губерніей, и отдѣленъ со всѣхъ сторонъ отъ населенныхъ частей уѣзда 20 — 30 верстами лѣсовъ и болотъ. Городъ былъ старинный, основанный еще въ тѣ времена, когда Русь постепенно овладѣвала сѣверомъ; тогда онъ вѣроятно имѣлъ свой raison d'être, совершенно имъ утраченный еще лѣтъ полтораста тому назадъ, и, съ организаціей губерній и уѣздовъ, былъ обращенъ въ уѣздный городъ вѣроятно только потому, что былъ на лицо: — ни промышленности, ни торговли у него не было, и онъ влачилъ свое жалкое существованіе только какъ искусственный административный центръ территоріи, не имѣвшей съ нимъ рѣшительно ничего общаго, никакой внутренней связи. Для всей крестьянской массы уѣзда такое расположеніе города было лишнимъ, тяжелымъ прямымъ и косвеннымъ налогомъ, ничѣмъ не оправдываемымъ. Южная граница уѣзда отстояла отъ уѣзднаго города въ 100 верстахъ; югозападная—въ 180; кромѣ того, большая сплавная рѣка, притокъ Волги, безъ мостовъ, недоступная во время распутицъ и разливовъ, отдѣляла значительный уголъ, нѣсколько волостей, отъ города и центра уѣзда. Большинство крестьянъ — бывшіе помѣщичьи, но было и нѣсколько казенныхъ волостей; южная часть уѣзда безлѣсная, съ очень хорошей почвой, густо заселенная, очень, сравнительно, зажиточная; въ центрѣ есть лѣса и пустоши, и почва хуже,— а сѣверная и, въ особенности, западная части и песчаны, и очень лѣсисты, и рѣже населены; въ двухъ-трехъ волостяхъ попадаются сплошныя поселенія корелъ, нѣсколько тысячъ душъ. Помѣщичьихъ имѣній очень много — по нѣскольку усадебъ въ каждой волости, есть очень большія, но большинство среднихъ и даже маленькихъ,—въ уѣздѣ числилось въ былое время свыше двухсотъ дворянскихъ фамилій, самаго разнообразнаго калибра и состоянія, начиная съ придворныхъ генералъ-адъютантовъ и кончая безграмотными недорослями изъ дворянъ, съ двумя, тремя душами крѣпостныхъ и нѣсколькими десятками выпаханныхъ, изнуренныхъ десятинъ земли. Во всемъ уѣздѣ, кромѣ двухъ-трехъ винокуренныхъ заводовъ, и то не работавшихъ, не было рѣшительно никакихъ промышленныхъ заведеній; лѣснымъ промысломъ занимались по зимамъ только немногія деревни по теченію вышеупомянутой рѣки, да въ небольшой, самой сѣверной волости самыми примитивными средствами дѣлались изъ мѣстной желѣзной руды плохіе гвозди;—вся масса населенія жила исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, да лѣтними отхожими промы-

слами—тягой на одной изъ водяныхъ системъ да петербургской лѣтней работой. Было нѣсколько деревень, занимавшихся штукатурнымъ промысломъ, переходившимъ отъ отца къ сыну; нѣсколько—кирпичнымъ, но все это въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, мало влiявшихъ на мѣстную жизнь. Было немало волостей, въ которыхъ въ теченiе всего года выдавалось только нѣсколько случайныхъ паспортовъ. Населенiе въ общемъ было очень осѣдлое, мало подвижное, со всѣми особенностями и аттрибутами коренного русскаго земледѣльческаго крестьянства.

Отъ моего имѣнiя, находившагося недалеко отъ территорiальнаго центра уѣзда, было 80 верстъ до уѣзднаго города, слишкомъ 300 — до губернскаго, причемъ приходилось ѣхать около 90 верстъ на лошадяхъ, и затѣмъ около сутокъ по двумъ желѣзнымъ дорогамъ. Во всемъ уѣздѣ былъ всего одинъ почтовый трактъ, шедшiй подлѣ самой восточной его границы; чтобы попасть куда-нибудь, необходимо было ѣхать „на своихъ“, съ кормежками, съ ужаснѣйшей потерей времени. Дороги были хороши только зимой, и то для ѣзды „гусемъ“,—зимой онѣ были настолько узки, что парой въ рядъ проѣхать было нельзя. Большую часть лѣта дороги были изъ рукъ вонъ плохи, особенно лѣсами и перелѣсками,—мосты были самые животрепещущiе, и въ низинахъ попадался на цѣлыя версты мостовникъ, всегда гнилой, всегда съ выбоинами и трясинами—нѣчто неописуемое по своей примитивности. Весной и осенью по цѣлымъ недѣлямъ стояла невылазная грязь,—не было ни проходу, ни проѣзду, даже верхомъ не всегда можно было пробраться и за десять верстъ. Только благодаря счастливой случайности, года за три до моего переѣзда въ имѣнiе была открыта почтовая станцiя въ двадцати верстахъ:—до тѣхъ поръ даже съ простымъ письмомъ приходилось посылать въ городъ. Случайность эта состояла въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ сталъ наѣзжать по лѣтамъ въ свое имѣнiе важный петербургскiй почтовый чиновникъ—штатскiй генералъ; онъ и устроилъ отъ ближайшей въ то время станцiи желѣзной дороги, за 180 верстъ, одноконную почту, приходившую разъ въ недѣлю, до своего имѣнiя,—и все сосѣдство, конечно, пользовалось ею. Ни доктора, ни аптеки ближе города не было; не было и ни какихъ бы то ни было лавокъ, такъ что приходилось запасаться всяческими припасами на долгое время, такъ какъ иначе и съ деньгами можно было насидѣться безъ сахару или соли. Ближайшiе сосѣди жили въ девяти верстахъ, — кругомъ моего имѣнiя было не мало помѣщичьихъ усадебъ, но къ тому времени почти всѣ онѣ опустѣли; хотя процессъ ихъ пе-

рехода въ купеческія и крестьянскія руки еще не начался, хозяева уже покидали ихъ, одну за другою, цѣлыми семьями, и разбредались по разнымъ мѣстамъ,—у кого были дѣти, которымъ было необходимо образованіе, кто переходилъ на государственную службу, кто просто проѣдалъ въ столицахъ остатки наслѣдственныхъ маетностей. Веселой и сытной дворянской жизни крѣпостныхъ временъ внезапно пришелъ конецъ;—усадьбы перестали давать доходы, жить въ нихъ было не у чего и незачѣмъ, и помѣщичья жизнь быстро разрушалась.

Я могъ бы пересчитать по пальцамъ больше десятка дворянскихъ семей,—нѣкоторыя изъ нихъ были весьма многочленныя,—жившихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ моего имѣнія зиму и лѣто, безвыѣздно, и отъ которыхъ ко времени моего пріѣзда въ деревню не оставалось и слѣда; только изрѣдка наѣзжалъ то тотъ, то другой, второпяхъ, на нѣсколько дней, почти всегда только затѣмъ, чтобы продать что-нибудь, урвать хоть малую толику наличными, такъ или иначе. Во времена крѣпостного права даже сорока- или пятидесяти-душные помѣщики, не говоря уже о тѣхъ, которые владѣли сотней или двумя душъ, если имѣніе ихъ не было заложено и за ними не водилось какихъ-либо особенныхъ грѣховъ, жили не только безбѣдно, но и въ довольствѣ:—потребности были крайне ограниченныя, покупного нужно было сравнительно только очень немного, и все, что̀ давали усадьбы, хлѣбъ, масло, кожи, было чистымъ доходомъ; кромѣ того, почти у каждаго было нѣсколько рабовъ на оброкѣ, аккуратно доставлявшихъ наличныя деньги, и неособенно безразсудно мотавшій дворянинъ, протягивавшій ножки по одёжкѣ, былъ вполнѣ обезпеченъ со всѣми своими чадами и домочадцами. Особенно изобрѣтательные по части эксплоатаціи своего крѣпостного труда люди даже быстро богатѣли; нельзя вѣроятно даже приблизительно вычислить теперь, что̀ въ дѣйствительности давали хотя бы и небольшія имѣнія, въ которыхъ абсолютно даровой трудъ 50—100 душъ выжимался владѣльцемъ съ тѣмъ совершенствомъ, до котораго доходило въ то время въ этомъ направленіи значительное большинство, особенно тѣхъ, кто безвыѣздно проживалъ въ этихъ имѣніяхъ. Я лично знаю случаи, когда хорошо обученныя дѣвки небольшихъ имѣньицъ приносили господамъ многія сотни и даже тысячи—и въ то время, когда эти сотни и тысячи обладали покупной способностью minimum въ пять разъ больше настоящей. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права чистый доходъ усадебъ сразу превратился въ валовой,—а на пополненіе издержекъ производства у помѣщика оказалось всего шесть рублей дохода съ

выкупныхъ свидѣтельствъ на душу. Катастрофа эта, особенно для мелкопомѣстныхъ, составлявшихъ громадное большинство, была въ сущности совершенно неожиданной, застала ихъ врасплохъ, неподготовленными къ такому порядку вещей,—да и я лично, зная ихъ хорошо и близко, не думаю, чтобы что-либо могло ихъ подготовить; они просто не были пригодны къ такой перемѣнѣ, и должны были погибнуть, какъ неспособный къ какой бы то ни было быстрой и рѣзкой реформѣ элементъ, какъ оказался негоднымъ старый персоналъ губернскихъ канцелярій къ земской или судебной реформамъ. Многіе прямо не вѣрили въ возможность освобожденія крестьянъ; другіе видѣли въ уничтоженіи крѣпостного права и уничтоженіе своего сословія, и безпомощно опустили руки; третьи, благодаря врожденной безпечности, просто не умѣли заглядывать въ будущее. Особенно трудно было тѣмъ, у кого было много дворовыхъ людей;—послѣдніе платили хорошіе оброки, и ушли безъ всякаго вознагражденія за нихъ помѣщику. Доходы съ имѣній почти сразу сошли на нѣтъ,—а точно также нужно было ѣсть, пить и одѣваться, ѣздить въ гости, учить дѣтей. Пошли въ ходъ сначала выкупныя ссуды, эти жалкія тысячи сравнительно съ столь недавнимъ обезпеченнымъ благосостояніемъ, затѣмъ отрѣзныя земли, лѣсныя дачи, у кого онѣ были, затѣмъ инвентари, а за ними и самыя имѣнія, когда, наконецъ, появились и на нихъ покупатели. Въ какія-нибудь восемь — десять лѣтъ состоятельная, сравнительно, дворянская семья прогорала до дна, — прогорала безпомощно, безнадежно, и улетучивалась навсегда съ мѣстнаго горизонта. Оставались забытыя могилы на приходскомъ кладбищѣ, да запущенныя, заброшенныя усадебныя постройки безъ оконъ, безъ дверей, съ заглохшимъ садомъ, съ заросшей къ нимъ дорогой. Во времена крѣпостного права родовая усадьба была чѣмъ-то священнымъ, переходившимъ отъ поколѣнія къ поколѣнію; она прикрѣпляла къ себѣ дворянскую семью, обезпечивая ея существованіе съ привольнымъ житьемъ, безъ работы съ ея стороны, и такіе даровые хлѣба, конечно, не располагали къ развитію самодѣятельности и энергіи. Жилось сытно и весело и съ дѣдовской рутиной;—къ чему было мѣнять ее? Отъ добра добра не ищутъ,—философствовали наши отцы и дѣды. И когда основаніе изъ-подъ всего этого было сразу вынуто, все зданіе не могло не рухнуть. Это былъ процессъ разрушительный и поразительно быстрый; но я не стану на немъ дольше останавливаться, такъ какъ онъ уже былъ много разъ описанъ въ русской литературѣ, и описанъ подробно и часто талантливо, — и настоящее краткое отступленіе отъ моего раз-

сказа сдѣлано мною только для того, чтобы не возвращаться къ этому предмету въ будущемъ теченіи этого разсказа,—а безъ этого, такъ сказать, предисловія, читатель, въ особенности не пережившій этой эпохи самъ, могъ бы упустить изъ виду одну изъ главныхъ ея сторонъ.

Сельское хозяйство, составлявшее, въ сущности, единственное средство къ существованію громаднаго большинства населенія нашего уѣзда, находилось въ немъ въ самомъ примитивномъ состояніи. Я привезъ съ собою въ деревню цѣлую сельскохозяйственную библіотеку, и сначала читалъ весьма усердно. Но всѣ эти книги говорили о чемъ-то совершенно другомъ, чѣмъ то, что̀ было у меня передъ глазами въ моемъ имѣніи. Я думаю, что я всегда обладалъ извѣстной способностью болѣе или менѣе сразу охватить главныя стороны дѣла, которое меня занимало. Тутъ меня прежде всего поразило несовершенство главнаго мѣстнаго продукта—хлѣба. У насъ сѣяли рожь, овесъ, ячмень, гречиху, ленъ. Рожь, вмѣсто установленнаго для четверти мѣры вѣса въ 9 пудовъ, вѣсила всего 8½, даже 8; были деревни, въ которыхъ ея вѣсъ не превосходилъ даже 7½ пудовъ. Овесъ, вмѣсто 6, вѣсилъ 5½, даже 5 пудовъ; ячмень—вмѣсто 8—7½, 7 и даже меньше. Лучшее зерно было мелко, шелушисто, большой процентъ былъ тощъ, морщинистъ; въ хлѣбѣ была масса костреца, мышинаго горошка; онъ былъ часто недостаточно высушенъ, обыкновенно плохо вывѣянъ, нерѣдко содержалъ песокъ, даже мелкіе камешки. Сѣмена никогда не мѣнялись; они переносились изъ поля въ поле, изъ году въ годъ; овесъ иногда хватало морозомъ, и не только плохія, но и прямо невсхожія сѣмена были самымъ обычнымъ явленіемъ, и самая непростительная, самая дѣтская непредусмотрительность нерѣдко вызывала абсолютный неурожай, когда климатологическія условія сезона были особенно благопріятны. Нѣкоторые помѣщики, помоложе, выписывали дорогія сѣмена изъ остзейскихъ провинцій, даже изъ Германіи, сибирскій овесъ; но десятипудовая пробштейнская рожь перерождалась въ два года въ самую обыкновенную, по всѣмъ видимостямъ, исключительно благодаря небрежной обработкѣ и недостаточному вниманію при отдѣлкѣ сѣмянъ. И сама по себѣ низкая производительность земли урѣзалась на 10, даже на 20% недоброкачественностью, неряшливостью продукта. Скотоводство было, если возможно, еще въ худшемъ положеніи. Скотъ былъ мелкій, выродившійся—годовой бычокъ вѣсилъ всего 2½, много 3 пуда, и продавался за 6, за 7 рублей; онъ, конечно, съѣдалъ за годъ больше сѣна и соломы, чѣмъ приносилъ денегъ

при продажѣ; это была, въ сущности, дорогая машина для выдѣлки навоза, безъ котораго хлѣбъ не родился совсѣмъ. Новотельная корова давала полштофа молока; весь ея годовой удой не превышалъ 20—25 ведеръ, стоившихъ 5—6 рублей. Рабочій инвентарь и приспособленія были совершенно тѣ же, что и двѣсти или триста лѣтъ тому назадъ—деревянныя самодѣльныя сохи и бороны, телѣги на деревянныхъ осяхъ съ нешинованными колесами, ручные серпы и косы для жнива и косьбы, цѣпъ для молотьбы, лопата для вѣянія. Лошадь, работавшая въ сохѣ или боронѣ 14 часовъ въ день, выпускалась на ночь въ совершенно голое паровое поле, вылизанное, такъ сказать, начисто рогатымъ скотомъ и овцами. На каждомъ шагу, вездѣ и всюду, ежечасно и ежедневно, поражала удивительная, баснословная непроизводительность труда работника, и, въ то же время, тяжесть, каторжная тяжесть этого труда. Сельско-хозяйственныя книжки съ ихъ веселенькими рисунками разсказывали о какой-то другой странѣ,—конечно, сельское хозяйство N—скаго уѣзда не имѣло съ ними ничего общаго. Поучиться гдѣ-либо поглядѣть на что-либо болѣе совершенное того, что̀ насъ окружало со всѣхъ сторонъ, было рѣшительно негдѣ и не у кого. Рабочій людъ былъ больше чѣмъ неважный, почти исключительно молодежь; нанять опытнаго пожилого домохозяина было очень трудно; правда, и цѣны на трудъ стояли непомѣрно низкія: взрослый, здоровый парень получалъ 35, много 40 рублей въ годъ, бабы и дѣвки—15, 18 р., на своемъ платьѣ и обуви. Это, конечно, были гроши,—но, увы, и эти гроши не возвращались. Тѣ старики помѣщики, которые, несмотря ни на что, доживали свой вѣкъ въ усадьбахъ и знали толкъ въ нихъ, или закрывали ихъ, или хозяйничали по инерціи, потому что имъ больше нечего было дѣлать, и были очень довольны, если имъ приходилось, въ хорошій годъ, свести концы съ концами; о какомъ-либо доходѣ они давно перестали даже и мечтать, и только добродушно подсмѣивались надъ такими горячими юнцами, какимъ я былъ въ то время. Я имъ, конечно, не вѣрилъ, когда они говорили мнѣ, что я сѣю рубли тамъ, гдѣ буду пожинать пятаки. Да и рубли ли, пятаки ли—это было въ то время для меня второстепеннымъ дѣломъ. Суть заключалась въ томъ, чтобы собственнымъ примѣромъ дать мужику лучшія сѣмена, лучшій скотъ, болѣе совершенный рабочій инвентарь, поднять поразительно низкую производительность его каторжнаго труда. То простое, очевидное положеніе, что нелѣпо учить другого тому, что̀ тебѣ самому даетъ одни убытки, не приходило мнѣ въ голову. Не додумался я въ то время и до того, что всякій патернализмъ,

всякое искусственное подниманіе однихъ другими никогда не приносятъ пользы этимъ другимъ,—что только то, что̀ исходитъ отъ нихъ самихъ, отъ ихъ личной самодѣятельности, и прочно, и достигаетъ цѣли. Не зналъ я и того, что прежде всего нужно устроить раціональнымъ образомъ свою собственную жизнь, что тотъ учитель, который и самъ не сознаъ, что̀ и какъ для этого нужно, не можетъ и не долженъ учить другихъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу. Что я, несмотря на мое долгое ученье, общее развитіе и сельско-хозяйственныя книжки, зналъ гораздо меньше того самаго мужика, котораго собирался учить и поднимать,—было доказано безусловно уже однимъ тѣмъ, что мужикъ этотъ, обыватель N—скаго уѣзда, и до сихъ поръ живетъ, платитъ цѣлую уйму повинностей, и кормится при тѣхъ же полосахъ, при тѣхъ же сѣменахъ, скотѣ, сохѣ и боронѣ; а мое имѣніе, еслибъ оно было предоставлено само себѣ, безъ ежегодныхъ подкрѣпленій со стороны, давно бы обанкрутилось десять разъ и было бы продано съ аукціона за ничто, несмотря на всаженные на его „улучшеніе“ десятки тысячъ, и хотя его поля и поемные покосы, выбранные предусмотрительными предками не безъ резонныхъ основаній, вѣроятно вдвое или даже втрое лучше средняго крестьянскаго надѣла той мѣстности. И сдается мнѣ, что еслибъ я пріѣхалъ въ деревню безъ какихъ бы то ни было „благихъ“ намѣреній относительно „меньшого брата“, а только съ цѣлью поднять производительность имѣнія, изыскать и примѣнить такіе пути и методы, которые не обращали бы рублей въ пятаки, а имѣли бы обратное дѣйствіе, еслибъ я, вмѣсто того, чтобъ пытаться объять необъятное, употребилъ тѣ десять лѣтъ, что̀ я провелъ въ N—скомъ уѣздѣ, на то, чтобы заставить землю давать то, что̀ она должна давать и что̀ она даетъ вездѣ, кромѣ Россіи,—я вѣроятно достигъ бы того, что мужику дѣйствительно было бы чему поучиться и у меня. Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!

Взялся я за хозяйство съ огромнымъ рвеніемъ—перестроилъ за̀ново полуразрушенную временемъ усадьбу, съѣздилъ въ ярославскую губернію, въ село Великое, за молочными коровами, съ которыми прошелъ самъ слишкомъ триста верстъ до дому глухой, дождливой осенью, выписалъ племенныхъ телятъ изъ Петербурга, досталъ двухъ племенныхъ быковъ отъ министерства государственныхъ имуществъ; вставалъ въ четыре часа утра, натягивалъ длинные сапоги и всегда присутствовалъ на всякой работѣ самъ, съ утра до ночи. Даже несмотря на самый розовый оптимизмъ, я не могъ не видѣть и въ то время, что доходовъ не

было—но я ихъ и не ожидалъ сразу; все было основано на надеждахъ на будущее, которое должно было вознаградить всѣ затраты — „урожаемъ сторицей“ и молочными доходами. Жизнь была тяжелая, рабочая; развлеченій—абсолютно никакихъ, такъ какъ ни къ охотѣ, ни къ собакамъ, ни къ лошадямъ у меня никакого пристрастія не было; коровы, измѣреніе ихъ удоевъ, новыя сѣмяна, новый инвентарь—поглощали все мое вниманіе и все мое время цѣликомъ. Съ самаго же начала было не мало острыхъ и рѣзкихъ разочарованій. Пригнанное изъ Ярославля съ такими расходами дорогое стадо черезъ нѣсколько же дней было упущено пастухомъ въ озимовое поле послѣ сильнаго утренника,—коровы объѣлись мерзлой озимью, и всѣ до одной не доносили телятъ и выкинули. Пропалъ цѣлый годъ и для приплода, и для удоя. Затѣмъ доильщицы, не выдаивая начисто, живо перепортили многихъ, такъ что ихъ пришлось продавать на мясо, за безцѣнокъ сравнительно, съ тѣмъ, что онѣ мнѣ стоили. Да и скотъ этотъ самъ по себѣ оказался слишкомъ крупнымъ для мѣстныхъ условій;—выгонъ былъ для него слишкомъ тощъ, и онъ требовалъ добавочнаго корму, котораго не было и негдѣ было взять. Червь истреблялъ озими—истреблялъ наголо, и намъ приходилось только безпомощно наблюдать, какъ роскошнѣйшіе всходы обращались постепенно въ совершенно голую поверхность земли, разводить руками и охать,—никто не зналъ, что̀ дѣлать, что̀ предпринять. Весной половину полей пришлось пересѣвать яровымъ. Зимой сгорѣлъ овинъ; слѣдующимъ лѣтомъ пало отъ сибирской язвы нѣсколько лучшихъ лошадей. Но все это нисколько не уменьшало моего жара, нисколько не подрывало энергіи;—я былъ крайне молодъ, личные расходы были самые незначительные, и я ждалъ терпѣливо лучшаго и, какъ казалось, близкаго будущаго. И оно вѣроятно и наступило бы со временемъ, еслибы все мое вниманіе осталось по прежнему сосредоточеннымъ на имѣніи,—но случай распорядился иначе.

Хотя я и родился и провелъ мое дѣтство въ этомъ же имѣніи, тѣмъ не менѣе послѣднія десять лѣтъ жизни, проведенныя въ Петербургѣ, сначала въ гимназіи, а затѣмъ въ военной службѣ, совсѣмъ разлучили меня съ уѣздомъ—и, ко времени моего переѣзда, я зналъ лично только нѣсколькихъ родственниковъ да немногихъ ближайшихъ сосѣдей. Уѣздныя дѣла, какъ дворянскія, такъ и земскія, были для меня совершенной terra incognita. За молодостью, нѣсколько лѣтъ отдѣляли меня отъ какой-либо возможности быть земскимъ гласнымъ, мировымъ судьей, вообще какимъ-либо чиномъ земскаго самоуправленія, такъ какъ законъ

установлялъ для этого minimum двадцати-пяти-лѣтняго возраста. Поэтому о земской службѣ я и не помышлялъ, и былъ совершенно незнакомъ какъ съ служебнымъ персоналомъ, такъ и съ ходомъ дѣлъ въ уѣздѣ вообще. Предводителемъ дворянства былъ тотъ почтовый генералъ, который далъ намъ почтовую станцію; я не знаю, какъ онъ могъ предводительствовать, такъ какъ всю зиму проживалъ въ Петербургѣ, и пріѣзжалъ въ имѣніе только лѣтомъ на два, на три мѣсяца; его я зналъ съ дѣтства, какъ сосѣда, и встрѣчался съ нимъ по зимамъ и въ Петербургѣ, когда уже былъ офицеромъ. Это былъ довольно оригинальный, хотя и не особенно умный старый холостякъ, любившій разыгрывать изъ себя аристократа; онъ былъ богатъ, жилъ довольно открыто, но находился цѣликомъ подъ башмакомъ у своей сожительницы, удивительно безобразной и костлявой нѣмки, которую онъ всегда и всюду возилъ съ собою. Каждую осень, въ свои именины, онъ давалъ въ имѣніи парадный обѣдъ дворянству, на который съѣзжалось обыкновенно изрядное число гостей. Домъ у него былъ старинный, барскій, но съ современной, довольно роскошной обстановкой; были у него оранжереи, теплицы, хорошій поваръ, ловкіе лакеи. На такомъ обѣдѣ, на вторую, кажется, осень моего пребыванія въ деревнѣ, мнѣ и пришлось встрѣтиться впервые съ главнымъ служебнымъ персоналомъ уѣзда. Тутъ былъ весь мировой съѣздъ, всѣ четверо участковыхъ мировыхъ судей, предсѣдатель земской управы, еще нѣсколько чиновъ, но я тогда же замѣтилъ, что не было ни одного изъ трехъ мировыхъ посредниковъ, составлявшихъ въ то время, такъ сказать, главный штабъ предводителя,—и это меня нѣсколько удивило. Предсѣдатель съѣзда судей и участковый судья южнаго участка, Л., былъ, безспорно, самой интересной, самой выдающейся личностью этого довольно многочисленнаго собранія. Это былъ высокій, толстый, неуклюжій баринъ съ мясистымъ, багровымъ, но живымъ лицомъ, съ большой бородой, громкимъ, раскатистымъ, энергичнымъ голосомъ, одѣтый въ шолковую пунцовую рубашку, поддевку и щегольскіе высокіе сапоги; ему было лѣтъ пятьдесятъ-пять или даже больше, но онъ еще сохранилъ извѣстную живость и свѣжесть, которыя и пробивались нерѣдко сквозь умышленную, отлично изученную медленность и размѣренность движеній, сквозь сонливую, казалось, когда онъ молчалъ, наружность. Нужно было пробыть всего какой-нибудь часъ въ его присутствіи, чтобы понять, что онъ привыкъ быть коноводомъ, вожакомъ, и что онъ не выносилъ возраженій; я сразу призналъ въ немъ самодура, привыкшаго принимать въ

соображеніе только собственныя желанія. Онъ былъ уменъ, еще болѣе остроуменъ, не стѣснялся въ выраженіяхъ, говорилъ съ плеча, безапелляціонно, отлично владѣлъ новыми языками, умѣлъ ввертывать очень кстати иностранныя фразы; это былъ умѣлый, опытный говорунъ, находчивый острякъ, не стѣснявшійся перебивать собесѣдниковъ, но требовавшій безусловнаго вниманія къ своимъ собственнымъ рѣчамъ. Л. былъ, безспорно, цѣлой головой выше всего присутствовавшаго общества, зналъ это и пользовался этимъ. Хозяинъ очевидно лебезилъ передъ нимъ—оказывалъ ему особенное вниманіе, обращался почти исключительно къ нему, умолкалъ мгновенно, какъ только онъ открывалъ ротъ, и все-таки Л. „смазалъ" его раза два-три довольно безцеремонно. Когда хозяинъ, не отличавшійся даромъ слова, разсказалъ что-то невообразимое изъ своей предводительской практики, и, въ подтвержденіе своего повѣствованія, сослался на сидѣвшаго въ уголкѣ на кончикѣ стула молоденькаго протоколиста дворянской опеки, Л. поморщился, выразительно повелъ рукой въ воздухѣ, въ направленіи говорившаго, и сказалъ въ носъ: „Cessez, cessez, vous démoralisez la jeunesse"! Нельзя было милѣе и въ то же время больнѣе сказать человѣку, что онъ заврался. Л. былъ великій мастеръ на такія опредѣленія. По тому, какъ присутствовавшіе относились къ такимъ выходкамъ,—Л. не щадилъ никого и не упускалъ случая,—было очевидно, что публика передъ нимъ прямо идолопоклонствовала и что онъ ничего другого и не ожидалъ отъ нея. Всѣ остальные судьи прямо глядѣли ему въ ротъ; они безусловно ему поддакивали во всемъ, очевидно по привычкѣ. Одинъ изъ нихъ былъ молодой правовѣдъ, довольно богатый и недавно женившійся на дѣвушкѣ съ хорошимъ приданымъ, но блѣдный и безцвѣтный, безъ всякой индивидуальности. Другой былъ феноменаленъ какъ своей глупостью и лѣнью, такъ и послушаніемъ, хотя и былъ баронъ, женатый на княжнѣ. Третій былъ еще нестарый отставной офицеръ, безусловно честный и порядочный человѣкъ, но безъ всякой иниціативы, и находившійся вполнѣ въ рукахъ своей жены, очень умной и ловкой барыни-дипломатки, въ имѣніи которой онъ и жилъ, и судействовалъ. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ моихъ сосѣдей, и мы видѣлись сравнительно часто. Въ цѣломъ, составъ этотъ былъ нисколько не ниже обычнаго уѣзднаго состава мировыхъ судей того времени, даже вѣроятно нѣсколько выше; одинъ баронъ былъ ниже всякой критики, но онъ жестоко страдалъ отъ безусловнаго подчиненія взглядамъ и желаніямъ Л., и во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ оказывался совершенно беззащит-

нымъ мягкимъ воскомъ въ его рукахъ. Предсѣдатель земской управы, Иванъ Ильичъ, оказался нестарымъ, бравымъ и красивымъ кавказскимъ офицеромъ, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ и рукой на подвязкѣ; это былъ неглупый и бойкій человѣкъ, къ сожалѣнію довольно мелочной и окончательно спившійся съ кругу;—бо̀льшую часть дня, какъ только онъ успѣвалъ влить въ себя нѣсколько стакановъ водки, онъ могъ говорить только сиплымъ шопотомъ. Онъ былъ городничимъ въ городѣ N., и, со введеніемъ земскихъ учрежденій и упраздненіемъ должности городничихъ, былъ посаженъ Л. въ предсѣдатели управы, хотя, за неимѣніемъ имущественнаго ценза, и не имѣлъ никакого права быть не только предсѣдателемъ, но и гласнымъ. Вообще, въ теченіе этого достопамятнаго для меня дня, — хотя это и былъ обѣдъ, но гости съѣхались еще къ полудню и пробыли до поздней ночи,—я успѣлъ довольно основательно познакомиться не только лично съ присутствовавшими, но и со всей ихъ уѣздной карьерой. Л. вообще не любили и боялись; непринадлежавшіе непосредственно къ его „шайкѣ" гости одинъ за другимъ сообщали мнѣ втихомолку „всю подноготную", и я быстро оказался au courant всей уѣздной политики, всей мѣстной „злобы дня". Мировые посредники не были приглашены на обѣдъ предводителя, потому что на предшествовавшемъ ему земскомъ собраніи напали скопомъ на управу вообще и на неимѣвшаго права быть имъ предсѣдателя управы въ частности; а такъ какъ было извѣстно, что онъ представляетъ собою спеціальнаго protégé Л., то, слѣдовательно, косвенно, и на этого послѣдняго. Они добились того, что двухъ изъ нихъ выбрали въ спеціальную ревизіонную коммиссію, имѣвшую въ теченіе года добраться до дна и разнести управу и всѣхъ присныхъ Л. къ слѣдующему очередному собранію. Мнѣнія раздѣлялись—нѣкоторые думали, что явныхъ беззаконій совершено и совершается такъ много, что Л. наконецъ вышибутъ изъ сѣдла; но большинство сомнѣвалось въ этомъ, и утверждало, что онъ, какъ и много разъ прежде, размечетъ оппозицію и еще болѣе утвердится на ея развалинахъ; въ умахъ этого большинства очевидно прочно засѣло то убѣжденіе, что „сильнѣе кошки звѣря нѣтъ", и что Л. былъ именно такой кошкой. Дѣйствительныхъ фактовъ, повидимому, никто не зналъ,—все недовольство было основано исключительно на слухахъ и сплетняхъ. О дѣятельности мировыхъ посредниковъ я имѣлъ отъ окрестныхъ крестьянъ самыя нелестныя свѣдѣнія; ихъ обвиняли во взяточничествѣ, въ потворствѣ волостнымъ властямъ, въ лѣности, въ абсолютной небрежности къ

крестьянскимъ нуждамъ. Я уже и въ то время былъ крѣпко предубѣжденъ противъ нихъ, хотя лично и зналъ только одного изъ нихъ, моего родного дядю, знаменитаго въ уѣздѣ и даже губерніи лошадника и барышника,—и вся эта революція in spe казалась мнѣ бунтомъ людей стараго режима противъ новыхъ вѣяній, стремленіемъ отдѣлаться отъ руководства умнаго и живого человѣка, тѣмъ болѣе, что Л. вообще производилъ на меня лично очень сильное и благопріятное впечатлѣніе, несмотря на его очевидное самодурство. Въ теченіе дня мнѣ пришлось нѣсколько разъ бесѣдовать съ нимъ, причемъ онъ проявилъ обширную начитанность, несомнѣнное практическое знаніе крестьянскихъ жизненныхъ условій и нуждъ, и такое, казалось, живое участіе къ мужику, что я охотно мирился съ тѣмъ ѳиміамомъ, который ему курили хозяинъ и всѣ присутствовавшіе, и искренно желалъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ. Необходимо замѣтить, что мнѣ было извѣстно, что о Л. сложились цѣлыя легенды, ходившія по всей губерніи. Говорили, что когда вышло „Положеніе 19 февраля“, онъ приписался къ сосѣднему крестьянскому обществу, взялъ надѣлъ, служилъ нѣкоторое время волостнымъ писаремъ; его остроты, его мѣткія и злыя bons-mots повторялись вездѣ и всюду; объ его независимости относительно губернскихъ властей, объ его господствѣ въ губернскихъ, дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ разсказывали настоящія чудеса. Его имя было окружено извѣстнымъ ореоломъ. Чтò бы тамъ про него ни шептали, онъ, конечно, представлялъ собою далеко не дюжинную личность, былъ несомнѣнно выше всей этой публики.

Вернувшись съ этого обѣда, я нѣсколько дней бесѣдовалъ съ женой объ этихъ новыхъ знакомствахъ и впечатлѣніяхъ, но скоро хозяйство опять втянуло меня въ себя, и уѣздная политика опять отошла на самый задній планъ. Въ теченіе слѣдующей зимы я слышалъ мелькомъ, что было бурное экстренное земское собраніе, и что и предводитель, и предсѣдатель управы вышли въ отставку,—а весной сосѣдъ судья спросилъ меня въ разговорѣ, мимоходомъ, принялъ ли бы я должность предводителя, еслибы былъ избранъ на нее дворянствомъ уѣзда? Всякая мысль объ общественной службѣ была такъ далека отъ меня, я былъ такъ увлеченъ своимъ хозяйствомъ, что, смѣясь и ничего не предполагая, отвѣчалъ a priori, принципіально, что считалъ бы своей обязанностью принять всякую должность, разъ уѣзду оказалась бы нужна моя служба гдѣ бы то ни было. Мы не разъ разсуждали съ женой о такой службѣ, и всегда рѣшали въ принципѣ, что она обязательна для всякаго добросо-

вѣстнаго гражданина; дѣло сводилось къ обязанностямъ, къ долгу, къ тѣмъ же стремленіямъ, которыя привели меня и въ деревню вообще. И вотъ, въ одно прекрасное утро, я, совершенно неожиданно, получилъ съ почты письмо Z-скаго губернатора, что онъ уже утверждаетъ меня въ должности N-скаго уѣзднаго предводителя дворянства, на которую я избранъ единогласно только-что происшедшимъ экстреннымъ дворянскимъ собраніемъ. Я только безпомощно развелъ руками.

II.

Пока разсматривался въ губернскомъ правленіи мой формуляръ и исполнялись нѣкоторыя другія формальности, подошла осень, а съ нею и очередное земское собраніе, и я поѣхалъ „принимать должность“ приблизительно за недѣлю до его открытія, чтобы хотя сколько-нибудь ознакомиться съ предстоявшими мнѣ обязанностями; ex officio мнѣ предстояло предсѣдательствовать въ этомъ собраніи, а до тѣхъ поръ я не только никогда не участвовалъ, но и не присутствовалъ ни въ одномъ подобномъ учрежденіи — и о парламентарномъ правѣ имѣлъ понятіе только по плохимъ книжкамъ. Въ вѣдѣніи предводителя находились дворянская опека, съѣздъ мировыхъ посредниковъ, рекрутское присутствіе, тюремный комитетъ, — приходилось познакомиться съ дѣлопроизводствомъ всѣхъ этихъ учрежденій, съ ихъ членами, секретарями и канцеляріями, которые цѣликомъ зависѣли отъ предводителя. Самымъ важнымъ изъ нихъ былъ, конечно, съѣздъ мировыхъ посредниковъ, — и въ немъ я сразу встрѣтилъ самую опредѣленную, самую открытую оппозицію. Въ уѣздѣ уже нѣсколько лѣтъ, въ сущности, не было предводителя, такъ какъ почтовый генералъ пріѣзжалъ въ городъ разъ, много два въ годъ, и во всѣхъ состоявшихъ подъ его предсѣдательствомъ учрежденіяхъ успѣли установиться совершенно игнорировавшіе предводителя порядки. Посредники и знать меня не хотѣли—порѣшили между собой единогласно противодѣйствовать всякой попыткѣ съ моей стороны на какое-либо вмѣшательство въ дѣла съѣзда; секретаремъ его былъ заскорузлый чинушъ добраго стараго времени, и послѣ перваго же засѣданія я почувствовалъ полную фальшь моего положенія. Какъ я уже упомянулъ выше, одинъ изъ нихъ былъ мой дядя, человѣкъ уже старый и больной, много лѣтъ служившій исправникомъ по выборамъ въ нашемъ же уѣздѣ, окончательно разорившійся и со-

вершенно индифферентный къ какому бы то ни было дѣлу; онъ служилъ посредникомъ изъ-за жалованья, и былъ назначенъ имъ только потому что ему съ большой семьей давно нечего было ѣсть. Остальные два были люди среднихъ лѣтъ, вкусившіе отъ древа крѣпостного права и вѣрившіе всей душой въ кулакъ и палку; они били старшинъ по зубамъ, разыгрывали изъ себя по волостнымъ правленіямъ настоящихъ вседержителей и круто выбивали недоимки, причемъ сѣкли крестьянъ цѣлыми десятками;— къ тому времени вся ихъ служба свелась, въ сущности, къ одному этому, такъ какъ выкупныя сдѣлки были почти повсемѣстно окончены, а за дѣлопроизводствомъ въ волостныхъ правленіяхъ и волостныхъ судахъ они не считали нужнымъ слѣдить;—сажая въ волостные старшины и волостные писаря своихъ фаворитовъ, они предоставляли имъ хозяйничать въ волостяхъ совершенно безконтрольно. Болѣе формальнаго, поверхностнаго и небрежнаго отношенія къ дѣлу мнѣ никогда и нигдѣ, ни прежде, ни послѣ, не приходилось встрѣчать. Секретарь докладывалъ скороговоркой дѣла, съ заготовленными имъ же на бумагахъ рѣшеніями, и съѣздъ утверждалъ ихъ одно за другимъ, безъ какихъ бы то ни было разсужденій или преній. Дознанія по жалобамъ на рѣшенія волостныхъ судовъ неизмѣнно поручались волостнымъ правленіямъ, и рѣшенія съѣзда основывались исключительно на ихъ заключеніяхъ и донесеніяхъ;—а такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ волостными судами заправляли въ сущности безраздѣльно волостные писаря, то и оказывалось, что они же рѣшали дѣла и по жалобамъ на самихъ себя. Число отмѣнъ рѣшеній съѣзда по этимъ дѣламъ, по жалобамъ на эти рѣшенія въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, сразу поразило меня на первомъ же засѣданіи, какъ ни неопытенъ я былъ въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ. Продолжалось оно два дня, и прошло совершенно мирно,—я только наблюдалъ и не рѣшался дѣлать какихъ-либо замѣчаній. Въ училищномъ совѣтѣ, который я посѣтилъ изъ любопытства, я встрѣтилъ совсѣмъ другой пріемъ;—членами его были: исправлявшій должность предсѣдателя управы членъ ея, неизбѣжный исправникъ, священникъ одной изъ городскихъ церквей и смотритель уѣзднаго училища. Оба послѣдніе были очень почтенные люди, любившіе школьное дѣло и живо и сочувственно къ нему относившіеся. Они не входили въ длинныя теоретическія препирательства, а толково и внимательно слѣдили за училищными нуждами, за учителями, нерѣдко ѣздили въ уѣздъ, и очевидно хорошо знали все положеніе дѣла. Тюремный комитетъ, какъ мнѣ сказали, никогда не собирался,—

а необходимыя бумаги и вѣдомости подписывались членами на дому въ одиночку, когда это было нужно секретарю.

Городъ N.— не что иное какъ большое село съ тремя тысячами жителей; въ немъ жили только неизбѣжные уѣздные чиновники, но ни одного помѣщика; даже городской мировой судья, вышеупомянутый правовѣдъ, пріѣзжалъ только въ извѣстные дни для разбора городскихъ дѣлъ, а жилъ съ семьей въ имѣніи, въ 25-ти верстахъ отъ города. Предсѣдателя управы не было, а членами въ ней состояли два крестьянина,—одинъ очень дѣльный и степенный, хотя и почти совершенно безграмотный, другой—безцвѣтный волостной писарь. Никакой, даже плохой, гостинницы не было, а останавливались пріѣзжіе у знакомыхъ,—да Л. съ пріѣзжавшими на съѣзды судьями открылъ стараго барскаго повара, который снялъ для нихъ небольшой домъ и содержалъ ихъ во время этихъ съѣздовъ. У этого же повара пріютился временно и я, перезнакомился со всѣми, и къ тому времени, какъ открылось земское собраніе, вошелъ до извѣстной степени въ курсъ дѣлъ. Долженъ смиренно сознаться, что всѣ мои опасенія относительно того, какъ мнѣ удастся вести собраніе, опасенія, стоившія мнѣ не одной безсонной ночи, оказались совершенно неосновательными — не потому, чтобы я успѣшно справился съ ходомъ собранія самъ, а потому что Л. велъ его по своему усмотрѣнію, очень ловко и тактично, но все-таки оставляя на мою долю только самыя заключительныя формальности. Въ душѣ я былъ ему очень благодаренъ за это:—самолюбіе мое не страдало, дѣло шло какъ по маслу, а я запасался опытомъ на будущее время. Съ самаго начала составлявшіе ревизіонную коммиссію, мировые посредники стали читать свой докладъ и громить управу. Ихъ нападки были основаны исключительно на формальностяхъ,—бухгалтерія въ управѣ очевидно велась не Богъ вѣсть какая и давала обильную пищу прицѣпкамъ разнаго рода, но ревизіонная коммиссія не могла дать ничего рѣзкаго, ничего дѣйствительно незаконнаго или неправильнаго; были мелкія оплошности, не къ мѣсту подшитыя бумаги, невполнѣ законно засвидѣтельствованныя росписки, даже невѣрности въ цифрахъ и итогахъ,—но все это были грѣхи неумышленные, легко объяснимые, вполнѣ безвредные и по формѣ, и по существу. Какъ ни „пыжились“ посредники, какъ ни раздували они эти свои „открытія“, гора, очевидно для всѣхъ, родила мышь; я начиналъ думать, что дѣла управы находились въ совершенной исправности. Сначала Л. и исправлявшій должность предсѣдателя управы крестьянинъ Николай Иванычъ огрызались

и отвѣчали, но потомъ только многозначительно улыбались, и грозная ревизія сошла на нѣтъ,—посредники блистательно провалились. Потомъ ужъ кто-то шепнулъ мнѣ, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что посредники получали свое жалованье изъ управы очень неисправно,—она была должна имъ за нѣсколько мѣсяцевъ, отговариваясь тѣмъ, что земскіе оклады не собираются своевременно, и что потому въ земской кассѣ постоянная недохватка на текущіе расходы. Когда эта комедія съ ревизіей кончилась, доклады управы прошли очень быстро одинъ за другимъ, безъ особенныхъ преній, утверждена была смѣта и раскладка на будущій годъ, и оставалось только выбрать предсѣдателя управы на недослуженный прежнимъ срокъ. И въ эти предсѣдатели выбрали опять-таки меня—такъ же неожиданно, какъ и въ предводители, но только—что̀ оказалось впослѣдствіи—для меня же одного; для всѣхъ остальныхъ этотъ выборъ былъ старый открытый секретъ, такъ какъ больше некого было выбрать, а Л. еще со времени обѣда у генерала рѣшилъ, что я отвѣчаю всѣмъ требованіямъ; онъ, конечно, разсчитывалъ, что я, благодаря моей юности и неопытности, предоставлю себя вполнѣ въ его распоряженіе. Губернаторъ, какъ читатель усмотритъ ниже, имѣвшій серьезныя основанія радоваться выбору новаго лица въ предводители дворянства и предсѣдатели земской управы N-скаго уѣзда, кто бы онъ ни былъ, немедленно утвердилъ меня особой эстафетой, — и дня черезъ три по закрытіи земскаго собранія я вступилъ въ должность предсѣдателя N-ской уѣздной земской управы.

Придя въ помѣщеніе управы часовъ въ девять утра, я засталъ въ немъ почти одного секретаря, очень юркаго и бойкаго молодого человѣка, превосходно мнѣ аттестованнаго всѣми безъ исключенія земцами уѣзда.

— А гдѣ же члены, гдѣ ваша канцелярія? — спросилъ я прежде всего.

— Бѣгаютъ по городу, ищутъ рублевыхъ бумажекъ.

— Зачѣмъ вамъ рублевыя бумажки?

— А мы посылаемъ сегодня губернской управѣ двѣ тысячи рублей въ счетъ губернскаго сбора.

— Такъ причемъ же тутъ рублевыя бумажки? Нужны, очевидно, крупныя, а не мелкія депозитки. Вѣдь вы посылаете вѣроятно по почтѣ?

— Да, по почтѣ. Это, видите ли, длинная исторія. Наша управа давно въ ссорѣ съ губернской. Мы имъ долгое время не платили ничего — года два или больше. Они писали намъ, пи-

сали, — наконецъ, въ прошломъ году пожаловались на насъ губернскому собранію, и намъ пришлось-таки платить. Зато мы ихъ и наказываемъ вѣсовыми почтовыми расходами,—переслать двѣ-то тысячи рублевыми бумажками стоитъ рублей десять.

Я просто остолбенѣлъ отъ дикости, отъ невѣроятности такого факта. А секретарь пренаивно даже гордился остроуміемъ способа наказанія губернской управы.

— Пошлите сейчасъ же за Николаемъ Иванычемъ, да отзовите и всѣхъ остальныхъ.

Николай Иванычъ появился черезъ нѣсколько времени съ огромной пачкой рублевокъ въ рукахъ.

— Что̀ это мнѣ разсказываетъ секретарь? Неужели это правда?

Николай Иванычъ сконфузился и исподлобья взглянулъ на секретаря.

— Вѣдь говорилъ я вамъ, что обождать надо, пока П. А. не вступитъ. Вѣдь и сами знаете, что это глупость одна. Хлопоты и глупость. А я ничего подѣлать противъ этого не могъ, —былъ строгій, постоянный приказъ отъ Ивана Ильича—поди-ка не послушайся его!

— Да вѣдь Иванъ Ильичъ ужъ четыре мѣсяца въ отставкѣ, —вѣдь вы исправляли его должность,—не утерпѣлъ я. — Если вы этого не одобряли, отчего же вы не прекратили эту „глупость", какъ вы сами справедливо выразились?

— Я человѣкъ маленькій, гдѣ же мнѣ порядки мѣнять? Почемъ я зналъ,—можетъ быть, Иванъ Ильичъ вамъ объ этомъ предметѣ говорили или писали?

Думаю, что дикая нелѣпость этого факта придала мнѣ рѣшимости дѣйствовать сразу гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ я было предполагалъ. Не могло быть никакихъ сомнѣній, что все подобное необходимо было вымести сразу и до конца.

Въ лежавшей на предсѣдательскомъ столѣ значительной пачкѣ только-что полученной почты большинство корреспонденціи состояло изъ слезныхъ просьбъ учителей, фельдшеровъ, акушерокъ, стоечниковъ, содержателей участковъ почтовой дороги выслать имъ хоть какую-нибудь часть причитающагося имъ жалованья. Земство было должно всѣмъ своимъ служащимъ—инымъ за полгода и даже больше.

— Сколько у васъ въ кассѣ денегъ, Николай Иванычъ?

— Да какъ отошлю эти двѣ тысячи, останутся самые пустяки, —рублей двѣсти.

— А сколько мы должны, и кому?

— Господь его знаетъ, сколько;—должны всѣмъ, кромѣ мировыхъ судей. Тѣмъ платимъ безъ недоимки, въ срокъ.

— А учителя, получающіе по десяти и двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ, ждутъ по полугоду?

— Ждутъ. Ничего не подѣлаешь. Денегъ въ управѣ нѣтъ, недоимокъ полиція не собираетъ.

— Такъ отчего же вы на нее не жалуетесь губернатору?

— Намъ нельзя губернатору жаловаться. Пользы никакой не будетъ. Мы съ нимъ на ножахъ, зубъ-за-зубъ. Онъ намъ слово, мы ему два. Вотъ ужъ второй годъ воюемъ, и денегъ въ управѣ не стало. Все Иванъ Ильичъ. Безпокойный былъ человѣкъ. Такого иной разъ конца отрубитъ, что любо-два. А потомъ и свищи въ кулакъ.

Я въ первый же день продержалъ всю канцелярію до полуночи, пытаясь составить вѣдомости долгамъ и недоимкамъ.

Хотя у секретаря память и знаніе бумажной части вообще оказались изумительныя, хотя бухгалтеръ и его помощникъ были люди усердные и трудолюбивые, все дѣлопроизводство, вся бухгалтерія были такъ примитивны и неуклюжи, что составить такія вѣдомости было очень нелегко. Главное, ничего подобнаго они никогда прежде не дѣлали; нужно было не мало времени, чтобы приспособиться, установить методы и систему; нужныя данныя были въ разныхъ книгахъ, подъ разными рубриками; отдѣльные счеты приходилось возстановлять съ начала до конца. Балансъ составлялся управой только разъ въ годъ, къ очередному земскому собранію, да и то по бумажнымъ смѣтамъ и статьямъ, а не по дѣйствительному приходу и расходу, которые показывались особымъ отчетомъ, крайне запутаннымъ, благодаря двумъ растяжимымъ по мѣрѣ надобности статьямъ: недоимкамъ по приходу и непредвидѣннымъ и сверхсмѣтнымъ издержкамъ по расходу. О двойной бухгалтеріи N—ская земская управа и понятія не имѣла, а довольствовалась своей собственной, доморощенной, такъ сказать, системой, которую она понимала сама, но которая оставалась закрытой книгой для непосвященныхъ. Мнѣ сразу пришло на умъ объясненіе, почему ревизіонная коммиссія не съумѣла дать болѣе яснаго, болѣе обоснованнаго доклада;—мнѣ начинало казаться, что въ дѣлахъ управы было гораздо больше прорѣхъ, чѣмъ тѣ мелочи, которыя составляли этотъ докладъ.

— Скажите, Николай Иванычъ, какъ васъ ревизовала коммиссія?

— Да какъ? Придутъ, посидятъ, покурятъ, посмотрятъ въ одно дѣло, въ другое, въ третье, книги поперелистываютъ, съ

нами посудачать. Голованов раза два письмоводителя своего приводилъ—тотъ у него тонкая бестія, дошлый, да и работать умѣетъ—такъ мы его до книгъ и до бумагъ не допустили, онъ тутъ ни при чемъ, не гласный даже,—что ему у насъ толкаться? А Головановъ самъ-то поковырялъ, поковырялъ, а ни въ чемъ до конца не дошелъ — башка у него для этого недостаточная. Такъ пустяковина одна и вышла. И онъ въ родѣ вотъ такой вѣдомости, какъ вы теперь требуете, составить хотѣлъ,—да пороху не хватило. Шумѣть-то шумятъ, а проку въ нихъ нѣтъ никакого. Такъ, смутьяны, и больше ничего. Смотрятъ въ книгу, а видятъ фигу. Что въ самомъ дѣлѣ неладно, то промигаютъ, а пошумѣть-то охота, вотъ ко вздору и цѣпляются. Вѣрьте Богу, П. А., что у насъ все въ сохранности, всякій грошъ на счету, а что насчетъ порядку, такъ ужъ похвалить нельзя. Все больше зря дѣлалось—одно не кончили, за другое беремся, да такъ вотъ и хороводимся.

Дня три ушло на составленіе вѣдомостей, хотя вся канцелярія и сидѣла за работой день и ночь. Я требовалъ точности, доказательствъ всякой цифры — и не успокоился до тѣхъ поръ, пока въ моихъ рукахъ не была возможно полная картина дѣйствительнаго положенія финансовъ всего нашего земскаго хозяйства. Оказалось, что только судьи, ихъ съѣздъ, и сама управа и получали присвоенное имъ содержаніе, какъ слѣдовало, помѣсячно,—все остальное было позади, въ среднемъ, около полугода. Посредниками и ихъ съѣздомъ было недополучено содержаніе за цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. Никакихъ резонныхъ объясненій, почему одинъ служащій могъ разсчитывать на свое жалованье въ срокъ, а другіе должны были дожидаться полгода и больше, никто дать не могъ, — и Николай Иванычъ, завѣдывавшій кассой, и секретарь ссылались на приказы Ивана Ильича, мялись, разводили руками, но и только. Очевиденъ былъ самый абсолютный произволъ, приправленный откровеннѣйшимъ фаворитизмомъ. Въ недоимочной вѣдомости было то же самое; оказывалось, что земскія повинности платили исправно одни крестьяне, и что только ихъ платежами да промысловыми сборами, взыскивавшимися уѣзднымъ казначействомъ при выправленіи патентовъ, и велось дѣло; за громаднымъ большинствомъ землевладѣльцевъ были большія недоимки,—за годъ, за два, за три; за однимъ богатѣйшимъ бариномъ, владѣвшимъ слишкомъ десятью тысячами десятинъ, значилось нѣсколько тысячъ рублей. Огромнѣйшее дѣлопроизводство накопилось въ управѣ по предмету оспариванія помѣщиками ихъ земскихъ окладовъ. Становые пристава, на обя-

занности которыхъ лежало взысканіе этихъ окладовъ, ограничивались отзывами владѣльцевъ, что окладъ невѣренъ, и, продержавъ такой отзывъ полгода или дольше, препровождали его въ управу вмѣстѣ съ окладнымъ листомъ. Почти безъ исключеній отзывы эти были совершенно бездоказательны, основаны очевидно только на томъ, что помѣщикъ не желалъ платить, и „отписывался“, употребляя жаргонъ старинныхъ канцелярскихъ порядковъ. Городъ былъ долженъ года за два—онъ оспаривалъ земскую оцѣнку и раскладку; казна, владѣвшая въ уѣздѣ огромными лѣсными дачами и угодьями, тоже не платила, претендуя на неправильность и произвольность распредѣленія ея земель по разрядамъ. Изучая это „спорное“ дѣлопроизводство, цѣликомъ клонившееся къ тому, чтобы или вовсе избѣжать платежа земскихъ окладовъ, или уменьшить ихъ по возможности, и, во всякомъ случаѣ, отдалить платежъ, я замѣтилъ, что уже больше года управа не сдѣлала абсолютно ничего, чтобы хоть сколько-нибудь распутать и выяснить эту путаницу; передъ тѣмъ были попытки заняться этимъ, была переписка съ губернаторомъ, съ мѣстной полиціей, съ владѣльцами, но въ послѣднее время всѣ бумаги въ этомъ родѣ носили на себѣ резолюцію: „къ дѣлу“—и не шли дальше. Ни ревизіонная коммиссія, ни управа въ своихъ докладахъ собранію не упоминали ни словомъ о такомъ ненормальномъ положеніи дѣла. Долгъ былъ безспорнымъ, существующимъ фактомъ, тогда какъ недоимки представляли собой совершенно неопредѣленную, спорную величину, и такъ какъ, при наличномъ порядкѣ вещей, только часть оклада взыскивалась, долгъ этотъ долженъ былъ неминуемо рости съ каждымъ мѣсяцемъ. Съ недоимочной вѣдомостью и дѣлопроизводствомъ по нѣкоторымъ, особенно вопіющимъ „отпискамъ“ въ рукахъ, я отправился къ исправнику. Это былъ нестарый еще человѣкъ, отмѣнно вѣжливый и предупредительный, всего съ годъ тому назадъ назначенный въ нашъ уѣздъ изъ какой-то губернской канцеляріи. Онъ очень сожалѣлъ, очень извинялся, но не подавалъ никакой надежды на „исправленіе“ положенія.

— Неужели вы хотите сказать, что вашими подчиненными сдѣлано дѣйствительно все, что̀ слѣдовало, и что земству нельзя разсчитывать на взысканіе этихъ недоимокъ?—поставилъ я, наконецъ, вопросъ ребромъ послѣ продолжительныхъ безплодныхъ объясненій и препирательствъ.

— Зачѣмъ же такъ ставить вопросъ,—вѣдь вы же сами не отрицаете, что между этими отзывами могутъ быть и основательные, и я право же не могу настаивать на томъ, чтобы мои

становые брали на себя роль судей и оставались глухи ко всѣмъ протестамъ,—вѣдь и они могутъ „влетѣть“ за такую безаппеляціонность, и можетъ достаться и мнѣ, и всему полицейскому управленію.

— Да отчего же не взыскать, напримѣръ, эти нѣсколько тысячъ вотъ хоть бы съ этого барина—тутъ и отзывовъ никакихъ нѣтъ, окладъ не оспоренъ, просто стоитъ весь земскій сборъ въ недоимкѣ за три года, безъ всякихъ объясненій?

— Извините, вы не изволили еще получить бумаги отъ его превосходительства по поводу сиропитательнагò дома? — вдругъ неожиданно спросилъ исправникъ, не отвѣчая на мой вопросъ и совершенно безъ всякаго повода, какъ мнѣ показалось, мѣняя сущность разговора.

— Какого сиропитательнаго дома? Чтò вы хотите сказать?

— Извините, пожалуйста, я думалъ, что вы уже знаете. Это я такъ, кстати. Тутъ есть маленькое недоразумѣніе между его превосходительствомъ и земствомъ, и я предполагалъ, что вы освѣдомлены объ немъ. А насчетъ недоимокъ я подумаю, поразберусь, и, если позволите, посѣщу васъ впослѣдствіи, и мы опять побесѣдуемъ. Какъ-нибудь перебьетесь нѣсколько времени, а тамъ, Богъ дастъ, изыщемъ мѣры и ко взысканію этихъ недоимокъ. Повѣрьте, что мы искренно желаемъ жить въ мирѣ со всѣми, въ особенности съ вами и земствомъ.

Я понялъ, что существовала какая-то заминка, мнѣ неизвѣстная, и о которой исправникъ опасался распространяться. Въ городѣ имѣлся сиропитательный домъ, содержимый земствомъ, котораго я еще не видѣлъ и не имѣлъ времени изслѣдовать. Воротясь въ управу, я прежде всего спросилъ Николая Иваныча:

— Скажите, какая связь между этими недоимками и нашимъ сиропитательнымъ домомъ?

Вмѣсто отвѣта, онъ подалъ мнѣ только-что полученную на мое имя съ эстафетой бумагу отъ губернатора. Бумага была очень длинная и очень патетическая. Оказывалось, что два года тому назадъ земство наше постановило открыть въ городѣ сиропитательный домъ. Постановленіе было очень коротенькое, и не выясняло, чтò въ сущности подъ этимъ названіемъ предполагалось, а губернаторъ оплошалъ, не запросилъ объясненій, и не опротестовалъ его; земство же имѣло въ виду воспитательный домъ для пріема подкидышей, и съ теченіемъ времени открыло таковой. Когда губернаторъ разузналъ, въ чемъ дѣло, было уже поздно,—а между тѣмъ существовалъ прямой законъ, воспрещавшій открытіе воспитательныхъ домовъ гдѣ-либо помимо пра-

вительственныхъ въ столицахъ. Такое прямое нарушеніе закона дошло въ свое время и до свѣдѣнія Петербурга,—и губернатору было приказано немедленно закрыть противозаконно открытое и существовавшее учрежденіе. Губернаторъ, конечно, обратился въ земскую управу съ этимъ требованіемъ, а та отвѣтила, что такъ какъ постановленіе объ открытіи не было своевременно опротестовано и вошло, якобы, поэтому, въ законную силу, то она и не намѣрена закрывать его, если земству не будутъ возмѣщены всѣ сопряженные съ этимъ открытіемъ расходы; домъ подъ помѣщеніе былъ нанятъ по контракту на нѣсколько лѣтъ, передѣланъ и отдѣланъ соотвѣтственно, куплена была вся необходимая обстановка. Словомъ, было изведено нѣсколько тысячъ рублей. Напрасно мѣстные юристы доказывали управѣ несостоятельность такого взгляда съ легальной точки зрѣнія:—оплошность губернатора, конечно, не могла отмѣнить государственнаго закона, невѣдѣніемъ котораго никто не имѣетъ права отговариваться;—на Ивана Ильича, по выраженію Николая Иваныча, „нашелъ бычокъ", и онъ уперся и знать ничего не хотѣлъ,—„пускай закрываютъ сами, силой, а я не закрою",—говорилъ онъ, и воспитательный домъ продолжалъ свое существованіе, а управа препиралась на бумагѣ на всѣ лады съ губернаторомъ. Читателю необходимо имѣть въ виду, что это было время расцвѣта земства, когда администрація обходилась съ нимъ мягко и вѣжливо, избѣгая осложненій, пререканій и, въ особенности, открытыхъ скандаловъ; и вотъ Иванъ Ильичъ года полтора или больше пользовался этими вѣяніями и фрондировалъ—изъ любопытства узнать, вѣроятно, что̀ же изъ этого въ концѣ концовъ выйдетъ? Я потребовалъ дѣло „объ открытіи въ городѣ N. земскаго сиропитательнаго дома". Оказалось, что требованіе губернатора закрыть его докладывалось прошлогоднему очередному земскому собранію, но что оно поддержало управу большинствомъ голосовъ.

— Что̀ же это, Николай Иванычъ?—спросилъ я:—неужели и Л. согласился съ Иваномъ Ильичемъ по этому предмету?

— Безъ него и безъ судей собраніе, конечно, закрыло бы домъ. Я вотъ и мужикъ, а смекаю, и смекалъ съ самаго начала, что все это—одно фордыбаченье. Такъ, форсъ свой показать. Ну, только, насъ, конечно, въ этомъ дѣлѣ не послушали. Иванъ Ильичъ любилъ такія пули отливать—что̀ вобьетъ себѣ въ голову, самъ царь Соломонъ не отговоритъ. Мы, говоритъ, должны этотъ домъ защищать, потому онъ единственный въ Россіи и существуетъ беззаконно. Это, говоритъ, большое намъ отличіе. Ни

у кого нѣтъ, а у насъ есть. Онъ, конечно, во всемъ Л. слушался—ну, а въ чемъ этакомъ подобномъ и тотъ ему уваженіе дѣлалъ. Вотъ мы съ этимъ сиропитательнымъ домомъ до сихъ поръ и валандаемся. И хоть бы польза какая была отъ него, а то такъ, дурь, блажь. Расходъ большой, подкидыши мрутъ, да и тѣ, что были, всѣ изъ Х.—у насъ на этотъ счетъ смирно, городъ маленькій, всѣ наперечетъ, нѣшто можно ребенка скрыть?

Я немедленно обревизовалъ это „беззаконное“ учрежденіе. За все время его существованія, было принято всего двадцать-одинъ подкидышъ, и изъ нихъ оставался въ живыхъ всего одинъ, —двадцать своевременно умерли, отъ хорошаго ухода, вѣроятно. Содержался цѣлый штатъ, смотрительница, няньки, сторожа, расходъ на наемъ, на ремонтъ, на отопленіе, освѣщеніе, стирку, —больше двухъ тысячъ въ годъ. Мѣстная скандальная хроника шепнула мнѣ, что и единственный жилецъ учрежденія, четырехлѣтній мальчикъ, былъ незаконный сынъ Ивана Ильича, принятый туда при открытіи дома въ гораздо старшемъ возрастѣ, чѣмъ это допускалось уставомъ.

— Неужели же, Николай Иванычъ, этотъ сиропитательный домъ дѣйствительно имѣетъ прямую связь съ нашими недоимками, съ нашимъ безденежьемъ?—обратился я опять къ моему неизмѣнному чичероне по дебрямъ земской политики и хозяйства.

— А это ужъ, П. А., мотайте сами себѣ на усъ. Съ губернаторомъ мы въ форменной ссорѣ изъ-за нашей фанаберіи; съ губернской управой мы въ ссорѣ, съ городомъ мы въ ссорѣ, съ казной и удѣломъ мы въ ссорѣ. Откуда тутъ деньгамъ быть? Вѣдь безъ понужденія-то одинъ изъ сотни заплатитъ.

Николай Иванычъ постепенно, но осязательно оттаивалъ въ своихъ сношеніяхъ со мною. Это былъ очень дѣловитый и симпатичный мужикъ; я говорю: „мужикъ“, потому, что по всякому отвлеченному вопросу онъ стоялъ на общемъ уровнѣ мужика, разсуждалъ съ его точки зрѣнія, и терпѣть не могъ какой-либо философіи. Онъ долго терся между „баръ“, усвоилъ довольно приличную внѣшность, хотя и стригся въ скобку и ходилъ въ поддевкѣ, и довольно вѣрно опредѣлялъ взаимныя отношенія и силу разныхъ уѣздныхъ кружковъ и кликъ. Онъ отлично зналъ цѣны на продукты и на всякую работу, былъ неоцѣнимъ какъ добросовѣстный практикъ-хозяинъ, не боялся ѣзды и работы, никогда отъ нихъ не отлынивалъ,—словомъ, былъ идеальнымъ членомъ земской управы. Конечно, у него не было и не могло быть никакой собственной иниціативы, но, какъ исполнитель

того, что̀ онъ вполнѣ понялъ, онъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ въ тогдашней земской жизни.

На другой же день исправникъ нанесъ мнѣ визитъ въ управѣ; я сообщилъ ему о полученной бумагѣ отъ губернатора, и увѣрилъ его, что употреблю все стараніе къ тому, чтобы сиропитательный домъ былъ закрытъ при первой возможности, то-есть, первымъ же слѣдующимъ собраніемъ, такъ какъ управа не могла сдѣлать это своей властью въ виду предшествовавшихъ постановленій собранія. Исправникъ былъ очевидно очень обрадованъ такимъ моимъ рѣшеніемъ, заговорилъ о недоимкахъ въ гораздо болѣе утѣшительномъ тонѣ, и почти сейчасъ же начали поступать въ казначейство земскіе сборы, которые до этого момента, якобы, совершенно невозможно было взыскать. Черезъ три, четыре мѣсяца у насъ не осталось ни копѣйки долга, и съ тѣхъ поръ до самаго конца моей земской службы у насъ всегда были свободныя деньги.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего послѣдняго разговора съ исправникомъ, управа получила протестъ губернатора на нѣкоторыя мелочи принятыхъ собраніемъ оцѣнки, смѣты и раскладки,—мелочи, не имѣвшія въ сущности никакого значенія, но протестъ этотъ дѣлалъ необходимымъ немедленный созывъ экстреннаго собранія, которое и постановило, между прочимъ, единогласно, немедленно закрыть знаменитый сиропитательный домъ. Изъ разговоровъ съ гласными я убѣдился, что всѣ они никогда не смотрѣли на него иначе, какъ на „капризъ Ивана Ильича", и относились къ его существованію совершенно безразлично.

III.

Освоившись съ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ управы и съ рутиной ея разнообразныхъ функцій, я отправился въ объѣздъ земскихъ учрежденій въ уѣздѣ. Для того времени ихъ было, сравнительно, много. Иванъ Ильичъ любилъ „открывать" новыя заведенія, всегда съ помпой, съ молебнами, съ выпивкой. Уѣздъ раздѣлялся на три медицинскихъ участка, и по штату полагалось три самостоятельныхъ земскихъ врача. На лицо же не было ни одного. Городскимъ участкомъ и городской земской больницей завѣдывалъ правительственный уѣздный врачъ, исправлявшій въ то же время и должность городового врача. Онъ былъ, поэтому, единственный докторъ въ городѣ и уѣздѣ. Это былъ молодой человѣкъ, очень симпатичный и милый, но лѣнивый и распущен-

ный до крайности, и, кромѣ того, спившійся окончательно съ кругу,—онъ скоро умеръ скоротечной чахоткой, хотя физически это былъ настоящій богатырь. Только года три передъ тѣмъ онъ кончилъ курсъ въ одномъ изъ южныхъ университетовъ, и мѣсто въ N. было его первымъ назначеніемъ; говорили, что когда онъ пріѣхалъ туда съ молоденькой дѣвочкой-женой, онъ ничего не пилъ, но, сдружившись съ Иваномъ Ильичемъ, сталъ пить безъ просыпу и сгорѣлъ удивительно быстро. Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ уже безнадеженъ.

Въ городѣ была земская больница, довольно благоустроенная, но всегда пустая, за отрѣзанностью города отъ уѣзда, и спеціальное сифилитическое отдѣленіе, всегда биткомъ набитое. Сифилисъ, и въ самыхъ послѣднихъ, въ сущности безнадежныхъ его формахъ, былъ самымъ обычнымъ явленіемъ въ N-скомъ уѣздѣ—и, по мѣрѣ усиленія въ нихъ отхожихъ промысловъ, распространялся съ поразительной быстротой. Были цѣлыя деревни, поголовно имъ зараженныя, мужчины, женщины, дѣти—все населеніе отъ мала до велика. Въ отдѣленіи было, помнится, пятнадцать кроватей, занятыхъ больными, требовавшими мѣсяцевъ, даже годовъ, для излеченія, а въ уѣздѣ ихъ были тысячи. Кромѣ больницы и отдѣленія, въ городѣ былъ земскій аптекарскій складъ съ провизоромъ для изготовленія лекарствъ; предполагалось, что этотъ складъ долженъ снабжать лекарствами всѣ земскія учрежденія уѣзда. Въ южномъ участкѣ не было ни больницы, ни наемнаго врача. На самой границѣ уѣзда жилъ въ своемъ имѣніи отставной военный докторъ, старикъ лѣтъ 65, сосѣдъ и большой пріятель Л. Этотъ старикъ принималъ на дому у себя безплатно амбулаторныхъ больныхъ, а земство обязалось доставлять всѣ пособія и лекарства, и содержать при при немъ фельдшера. Въ западномъ участкѣ была больница, но не было врача; уже больше полугода какъ занимавшій это мѣсто докторъ уѣхалъ, и управа не принимала никакихъ мѣръ къ его замѣщенію,—содержалось и отапливалось наемное больничное зданіе, бывшій помѣщичій домъ, съ смотрителемъ при немъ, сидѣлками, сторожами, но не было больныхъ. Кромѣ того, были въ уѣздѣ два отдѣльныхъ фельдшерскихъ пункта, съ помѣщеніями для пріема амбулаторныхъ больныхъ, и четыре родильныхъ пріюта съ акушерками. Къ тому времени, какъ я вступилъ въ должность предсѣдателя управы, эти пріюты были открыты уже съ годъ. Стоили они, сравнительно, довольно дорого,—приходилось нанимать помѣщеніе, отоплять и освѣщать его, устроивать и поддерживать обстановку и содержать акушерку и сидѣлку или

сторожа,—всѣ четыре стоили около трехъ тысячъ рублей въ годъ, а за первый годъ въ нихъ было не болѣе 5 — 6 родильницъ во всѣхъ вмѣстѣ. Акушерки были все молоденькія дѣвушки, только-что кончившія курсъ, горожанки отъ рожденія, какъ потомъ оказалось, неопытныя, не знавшія, какъ обращаться съ крестьянами, считавшія себя гораздо выше окружавшей ихъ среды и не умѣвшія войти въ ея интересы и сдѣлаться такъ или иначе полезными мужику. Эти пріюты считались въ уѣздѣ такимъ же „капризомъ Ивана Ильича", какъ и сиропитательный домъ, и служили цѣлью самыхъ разнообразныхъ остротъ и по его адресу, и по адресу земства вообще. Говорили, что онъ ревизовалъ ихъ гораздо чаще, чѣмъ всѣ остальныя земскія учрежденія, взятыя вмѣстѣ,—главнымъ образомъ потому, что всѣ эти акушерки были выбраны имъ самимъ лично изъ большого петербургскаго выпуска, и были дѣйствительно какъ на подборъ хорошенькія. Разсказывали, что одна богатая помѣщица-старушка, не выносившая земства и его расходовъ, заѣзжала по временамъ въ эти пріюты, когда они попадались ей по дорогѣ, входила и ложилась отдыхать на одной изъ кроватей, приговаривая: „хоть полежать за свои кровныя денежки, а то изводятъ ихъ такъ, зря". Я не рѣшался произносить такихъ строгихъ приговоровъ; хотя дѣйствительная производительность такихъ значительныхъ расходовъ для нашего маленькаго бюджета, какъ пять тысячъ рублей въ годъ на стоявшіе пустыми сиропитательный домъ и родильные пріюты, и была для меня съ самаго начала больше чѣмъ сомнительной, тѣмъ не менѣе въ тѣ времена я придавалъ огромное значеніе одному присутствію интеллигентныхъ людей въ крестьянской средѣ и думалъ, что разрушать нѣчто уже достигнутое не годится, и слѣдуетъ испытать эти начинанія основательнѣе,—словомъ, надѣялся на лучшее будущее. Открыть такіе родильные пріюты я бы едва ли открылъ; но разъ они уже существовали и расходъ на нихъ сдѣланъ, слѣдовало испробовать и ихъ способность воздѣйствовать на мужицкую косность. Я зналъ о крѣпкомъ предубѣжденіи крестьянской бабы, заставлявшемъ ее уходить въ хлѣвъ и погребъ, чтобы родить ребенка, изъ боязни, что „чужой глазъ" сдѣлаетъ роды трудными;—но думалъ, что одной изъ главныхъ задачъ земства и интеллигенціи и было именно бороться съ этими предразсудками и опытомъ доказывать ихъ несостоятельность. Мы ходили въ темнотѣ,—и только опытъ могъ указать намъ тѣ методы, которые на практикѣ оказались бы наиболѣе дѣйствительными въ достиженіи нашихъ цѣлей.

Хотя персоналъ акушерокъ и подкупалъ своей молодостью,— двѣ изъ нихъ дѣйствительно впослѣдствіи, съ теченіемъ времени, подъ непосредственнымъ руководствомъ новыхъ врачей, съумѣли-таки сдѣлаться полезными населенію, — земскіе фельдшера, всѣ безъ исключенія—ихъ было около полудюжины—съ перваго же раза произвели на меня самое неблагопріятное впечатлѣніе. Всѣ были горькіе пьяницы, съ самыми примитивными познаніями въ своемъ дѣлѣ, а нѣкоторые—и вымогатели, и даже шантажисты въ самой грубой формѣ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ пользовавшіеся мужицкимъ невѣжествомъ. Первый же объѣздъ убѣдилъ меня окончательно, что безъ врачей — и дѣльныхъ, работящихъ врачей—бо̀льшая часть всего нашего медицинскаго бюджета пропадала совершенно непроизводительно для населенія. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ расходовался, онъ былъ дѣйствительно „капризомъ Ивана Ильича" больше, нежели чѣмъ-либо другимъ. И это положило начало тѣмъ поискамъ за варягами, которыми и пришлось безостановочно заниматься все время моей земской службы.

Что недостатокъ людей, не однихъ спеціалистовъ въ родѣ врачей, фельдшеровъ и учителей, а и вообще людей даже для замѣщенія разныхъ выборныхъ мѣстъ, составлялъ вопіющее, наиболѣе существенное зло,—ясно уже изъ одного того, что уѣзду пришлось посадить въ предводители дворянства и предсѣдатели земской управы юношу, только-что достигшаго совершеннолѣтія, новопріѣзжаго, неопытнаго, не имѣвшаго никакого понятія объ общественныхъ дѣлахъ. Выбрали меня не потому, что я былъ способенъ исправлять эти должности, — никто не зналъ меня близко, я былъ закрытой книгой для всѣхъ,—а потому что *некого* было больше выбрать. Позже, когда я основательно познакомился со всѣми активными интеллигентными силами уѣзда, я уразумѣлъ это вполнѣ. Въ уѣздѣ жило почти 250.000 душъ обоего пола, а на всякое почти мѣсто приходилось призывать варяговъ, чужеземцевъ. Когда, черезъ годъ, какъ читатель узнаетъ ниже, мировые судьи всѣ вышли сразу въ отставку, пришлось выписывать „изъ-за границы" цѣлый мировой съѣздъ, снабдивъ его фиктивными имущественными цензами. Не только не было людей, не было даже кандидатовъ на эти должности среди коренного населенія уѣзда, хотя къ установленнымъ закономъ цензамъ и мѣстное населеніе, и утверждающее начальство и относились больше чѣмъ снисходительно. Предсѣдателемъ земской управы былъ нѣсколько лѣтъ человѣкъ, какъ читатель уже знаетъ, не имѣвшій никакого имущества въ уѣздѣ; двое изъ мировыхъ

судей, баронъ и офицеръ, не обладали никакимъ образовательнымъ цензомъ, не кончивъ курса даже въ уѣздномъ училищѣ. Дворянство или повыѣхало, или спилось, или безнадежно обросло мхомъ, — дворянскаго собранія изъ 12 человѣкъ, имѣвшихъ бы право по закону на участіе въ немъ, невозможно было собрать. Богатые люди жили въ свое удовольствіе по столицамъ да по за границамъ; получившая высшее образованіе молодежь предпочитала болѣе обезпеченную государственную службу,—на долю деревни оставались только или обломки отъ крѣпостныхъ временъ, или недоросли изъ дворянъ, нигдѣ не приспособившіеся, не получившіе никакого образованія, быстро спивавшіеся съ кругу, опускавшіеся и непригодные для какого-либо общественнаго дѣла. Купечества не было,—было нѣсколько богатыхъ купцовъ, но они знали только свое спеціальное торговое дѣло, нисколько не интересовались земствомъ, были поголовно невѣжественно-безграмотны, да и молодежь свою не пускали дальше уѣзднаго училища; я не помню ни одного даже полу-образованнаго купца въ нашемъ уѣздѣ, хотя между ними и были милліонеры. Духовенство держалось особнякомъ, не выходило изъ своей узкой среды; — такой священникъ, какъ вышеупомянутый членъ училищнаго совѣта, былъ рѣдкимъ исключеніемъ — въ нашемъ уѣздѣ, насколько я знаю, въ то время почти единственнымъ. О крестьянствѣ мнѣ придется говорить подробно въ другомъ мѣстѣ,—теперь замѣчу только, что отъ занятія такихъ должностей, какъ мировые посредники, оно было отстранено происхожденіемъ; такихъ, какъ мировые судьи—образовательнымъ и имущественнымъ цензами. Что простили бы въ этомъ отношеніи дворянину — было бы непреодолимой преградой для мужика. Да и не существуй этихъ ограниченій, я лично не зналъ ни одного крестьянина въ то время, который могъ бы занимать эти мѣста по своему общему развитію, по своему отношенію къ лицамъ и вещамъ; можетъ быть, и были такіе крестьяне, но мнѣ ихъ не приходилось встрѣтить. Даже Николай Иванычъ всегда казался мнѣ единственнымъ исключеніемъ даже для той узкой роли, которую онъ игралъ въ общемъ строѣ нашего самоуправленія. Тѣ два другихъ члена управы изъ крестьянъ, съ которыми мнѣ пришлось служить, могли быть только терпимы,—пользы отъ нихъ не было ни малѣйшей. Стоялъ X—скій уѣздъ на своемъ мѣстѣ многія сотни лѣтъ; много людскихъ поколѣній смѣнили одни другія, заселивъ обширныя кладбища; люди родились и размножались, жили и умирали, умѣли богатѣть и устроивать свои личныя дѣла, но вѣчно управлялись варягами въ разныхъ формахъ,

и не ушли отъ этой чумы и до нашихъ временъ. Есть десятки и сотни тысячъ, а нѣтъ единицъ. Куда онѣ дѣваются? Въ частной жизни онѣ несомнѣнно есть,—не мѣшаютъ ли наши общественныя условія ихъ появленію и на общественномъ поприщѣ? И не въ этомъ ли фатальномъ недостаткѣ лежитъ секретъ русской неподвижности?

Чтобъ объѣхать земскія медицинскія учрежденія уѣзда и вернуться въ городъ, нужно было сдѣлать слишкомъ четыреста верстъ; а если нужно было завернуть и въ школы, нельзя было обойтись и пятью-стами. Учительскій персоналъ былъ, въ общемъ, гораздо лучше медицинскаго. Хотя въ самомъ началѣ моей службы и мало было учителей съ спеціальнымъ педагогическимъ образованіемъ, и преобладали по своей численности неудачники на другихъ житейскихъ поприщахъ, тѣмъ не менѣе ихъ подборъ былъ довольно удовлетворителенъ, благодаря бдительному и дѣятельному участію двухъ вышеупомянутыхъ членовъ училищнаго совѣта. Совершенно негодныхъ людей совсѣмъ не было—и было нѣсколько прекрасныхъ учительницъ, ученицъ бывшей въ губернскомъ городѣ женской учительской семинаріи. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о педагогическихъ требованіяхъ народнаго школьнаго дѣла—и никогда не вмѣшивался въ него. Моей единственной задачей я считалъ возможное облегченіе невеселой, одинокой учительской жизни и огражденіе ихъ отъ каверзъ мѣстныхъ дѣльцовъ; обстановка народнаго учителя и въ то время была больше чѣмъ некрасива, и всякій волостной писарь мнилъ себя его начальствомъ и не стѣснялся пускать въ ходъ всяческія мерзости, разъ учитель оказывался болѣе или менѣе независимымъ человѣкомъ. Я буду еще имѣть случай вернуться къ этому предмету болѣе подробно впослѣдствіи.

Познакомился я во время этого объѣзда и съ большинствомъ волостныхъ правленій. Крестьянскія учрежденія существовали уже десять лѣтъ, успѣли войти въ извѣстную колею, и въ разныхъ должностяхъ волостного и сельскаго начальства сидѣли люди того уже болѣе или менѣе опредѣленнаго типа, который былъ вызванъ господствовавшими въ деревнѣ жизненными условіями прошлаго десятилѣтія. Въ моихъ глазахъ волостныя учрежденія всегда имѣли двойной, строго разграниченный характеръ. Съ одной стороны, это были низшія учрежденія сложной русской государственной машины, всѣ верхнія части которой, всякаго рода, сорта и наименованія, были ихъ начальствомъ, имѣвшимъ или присвоившимъ себѣ неограниченное право предписывать имъ, распекать и разносить ихъ по своему усмотрѣнію и

произволу. Ревизуя ихъ дѣлопроизводство, я нерѣдко имѣлъ случай удивляться разнообразію этого начальства; попадались предписанія такихъ учрежденій, о существованіи которыхъ на святой Руси я и не подозрѣвалъ. Всякій чинъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ нихъ всего, что̀ ему заблагоразсудится. И юстиція и полиція, и казна и удѣлъ, и министерство финансовъ, и военное и морское вѣдомства, и земство, и всяческія отдѣльныя части всевозможныхъ спеціальныхъ управленій — все это обрушивалось на волостныя правленія во всевозможныхъ видахъ. У волостного правленія относительно всѣхъ этихъ безчисленныхъ колесъ государственной правительственной машины не было никакихъ правъ,—были только обязанности. Это было безусловно безправное учрежденіе, которымъ только лѣнивый не помыкалъ. Обидѣть его могъ всякій, у кого была охота, и за дѣло, и такъ себѣ, по̀ходя. Даже частные люди, помѣщики, купцы, разночинцы, духовенство, жившіе въ предѣлахъ волости, но не несшіе никакихъ расходовъ на содержаніе ея управленія, если они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ начальствомъ, гоняли и шпыняли волостного старшину или сельскаго старосту по своему усмотрѣнію, заставляли ихъ взыскивать съ мужиковъ долги и неустойки, составлять акты о потравахъ и порубкахъ, вообще считали ихъ созданными и существующими для ихъ благополучія. Въ то время мировые посредники уже предназначались къ упраздненію, и уѣздной полиціи было дано право сажать въ кутузку и штрафовать деньгами всѣхъ лицъ волостного и сельскаго управленія. Тамъ, гдѣ посредникъ былъ въ неладахъ съ полиціей, — а это было обычнымъ явленіемъ — волостнымъ чинамъ приходился просто зарѣзъ. Посредникъ требуетъ одного, исправникъ или становой—другого, а въ концѣ концовъ, такъ или иначе—неизбѣжная кутузка. И недовернешься—бьютъ, и перевернешься—бьютъ. Старшина обыкновенно безграмотный, а писарь — дѣлецъ и или пьяница, или мошенникъ. На всякую бумагу, на всякое предписаніе и старшина, и старосты по самой силѣ вещей должны были глядѣть такъ или иначе писарскими глазами. Я зналъ только очень немногихъ старшинъ, которые были достаточно грамотны сами, чтобы не зависѣть почти вполнѣ отъ своихъ писарей,—это были обыкновенно субъекты, сначала бывшіе сами писарями, попавшіе въ фаворъ къ посреднику и затѣмъ выбранные, благодаря его вмѣшательству, въ старшины. Въ общемъ, непосредственное крестьянское начальство, и мировые посредники, и полиція, были прежде всего очень лѣнивы. Всякое осложненіе, всякій выдающійся изъ мир-

ной обычной крестьянской жизненной колеи случай былъ имъ не по нутру, — они требовали, чтобы все обстояло благополучно, и посѣщали волости только по необходимости. Я зналъ случаи, когда мировые посредники смѣняли своей властью старшинъ и писарей только за то, что изъ ихъ волости поступало слишкомъ много жалобъ на рѣшенія волостного суда. Чѣмъ меньше ихъ тревожила волость, чѣмъ рѣже они слышали объ ея существованіи, тѣмъ довольнѣе они были ея начальствомъ, дѣлали изъ нихъ открытыхъ фаворитовъ и всѣми силами стремились къ тому, чтобы ихъ увѣковѣчить. Выборы дѣлались въ такихъ случаяхъ простымъ фарсомъ. „Дѣльные" волостные старшины и писаря, т.-е. люди, умѣвшіе все обдѣлать шито и крыто, и не „безпокоившіе" начальства, получали въ награду всю волость въ крѣпостную зависимость,—жаловаться на нихъ мужику было совершенно безполезно. Ловкость такихъ фаворитовъ, увѣренныхъ въ своей непоколебимости, доходила до совершенства. И вотъ на этой-то почвѣ и начиналась для меня лично другая сторона характера волостныхъ учрежденій. Какъ безпомощны и принижены были они сами относительно всякаго начальства, такъ же безпомощенъ и приниженъ былъ мужикъ относительно ихъ самихъ. Не было предѣла и конца явнымъ несправедливостямъ, возмутительнѣйшимъ злоупотребленіямъ, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ оставались не только безнаказанными, но и не выходили на поверхность. Оставляя въ сторонѣ частные случаи, я остановлюсь только на общихъ явленіяхъ, какими были, напримѣръ, растраты крестьянскихъ общественныхъ суммъ. Ко времени моего вступленія въ должность онѣ были уже широко распространенной эпидеміей, и состояніе волостныхъ финансовъ представляло собой почти повсюду самый невообразимый хаосъ. Сборы съ крестьянъ были самые разнообразные, распадающіеся на многія рубрики:—были подушные, выкупные платежи, государственный земскій сборъ, земскія повинности, страховыя, мірскія, спеціальныя одновременныя взысканія;—все это собиралось въ разное время года, по разнымъ окладнымъ листамъ, и раскладывалось различнымъ образомъ въ разныхъ сельскихъ обществахъ и даже разныхъ деревняхъ. Въ волостяхъ съ тремя, четырьмя тысячами душъ насчитывалось до 50, даже до 75 селеній, и почти каждое имѣло какія-нибудь особенности и въ окладахъ, и въ раскладкѣ. Во многихъ мѣстностяхъ иногда въ цѣломъ сельскомъ обществѣ въ 400—500 душъ не было буквально ни одного грамотнаго человѣка. Сборъ шелъ круглый годъ,— только очень немногіе мужики могли заплатить все то, что съ

нихъ причиталось, сразу, за полгода или за годъ,—громадное большинство платило помаленьку, рублями, даже гривенниками. Счеты велись на деревянныхъ биркахъ, которыя и у сборщиковъ, и у плательщиковъ горѣли въ частыхъ деревенскихъ пожарахъ, затеривались; при взносѣ денегъ одни сборы поступали въ другіе, объявленія въ казначейство съ деньгами перепутывались, росписки —тоже. Мнѣ лично была извѣстна масса случаевъ, когда вся эта бухгалтерія исчезала совершенно безслѣдно, или находилась въ такомъ состояніи, что не было никакой возможности до чего-либо добраться. Изъ разспросовъ и изъ стараго дѣлопроизводства съѣзда мировыхъ посредниковъ я зналъ, что въ первые года по введеніи въ дѣйствіе Положенія 19 февраля никто не обращалъ никакого вниманія на эту сторону волостного и сельскаго управленія; все вниманіе мировыхъ посредниковъ, да и все время, вѣроятно, уходили на улаживаніе недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами и дворовыми, на введеніе уставныхъ грамотъ, затѣмъ на выкупныя сдѣлки;—имъ было не до систематизаціи ежедневныхъ функцій волостныхъ правленій, не до методичнаго устройства фискальной части. Прочное начало послѣдовавшей путаницы и растратъ было положено еще въ то время,— а къ концу перваго десятилѣтія онѣ дошли уже до такихъ размѣровъ, что распутать ихъ хоть сколько-нибудь удовлетворительно было уже невозможно. Это былъ уже прочный, основательный хаосъ, къ которому ежедневно прибавлялись новыя главы и страницы. Начались взаимныя обвиненія, отказы платить, учеты,—и эти учеты сдѣлались съ теченіемъ времени главной деревенской злобой дня того времени. „Дѣльные" волостные писаря и разные вольнонаемные проходимцы „счетчики" собирали съ мужицкой безпомощности самую обильную дань,—но я не помню ни одного случая, чтобы ихъ учеты могли доказать растрату и воротить деньги. Гдѣ кончалась безпросвѣтная тьма невѣжества и безграмотности, и гдѣ начиналось ловкое воровство—невозможно было докопаться. По просьбѣ крестьянъ двухъ, трехъ сосѣднихъ съ моимъ имѣніемъ деревень, я самъ пытался произвести учетъ ихъ выборному сельскому и волостному начальству за нѣсколько предшествовавшихъ лѣтъ; но послѣ нѣсколькихъ недѣль самой усиленной работы долженъ былъ сознаться, что, при существовавшихъ данныхъ, это была задача выше человѣческихъ силъ. Документальная сторона дѣла была и слишкомъ недостаточна, и, главное, спорна. Росписки не соотвѣтствовали биркамъ и, сплошь и рядомъ, также представленіямъ о ихъ содержаніи въ умахъ сборщиковъ. Нерѣдко раскладка не соотвѣтствовала

окладу; были случаи, когда платежи одного селенія заверстывались за другое, выкупные платежи шли въ подушный окладъ, земскія—въ страховыя, и такъ далѣе. Взысканіе повинностей дѣлалось мѣстными властями порывисто, соотвѣтственно получаемымъ сверху настояніямъ и предписаніямъ; накидывались то на выкупные платежи, то на подушныя, то на какой-нибудь другой родъ платежей, сообразно тому, въ чемъ оказывалась въ данный моментъ бо́льшая недоимка или потребность; и собранныя на разные предметы обложенія деньги зачислялись властями произвольно всѣ въ одинъ источникъ, не сообразуясь съ деревенской бухгалтеріей. Деньги были взысканы съ Ивана изъ деревни Шелепихи, а становому нужна была недоимка съ Петра изъ деревни Голодаихи; онъ забиралъ деньги и вносилъ ихъ за Петра, а съ Ивана, съ теченіемъ времени, ихъ требовали во второй разъ, тогда какъ Петръ оказывался чистъ. Мнѣ пришлось лично наткнуться на цѣлые десятки такихъ фактовъ, вызывавшихъ самый невозможный хаосъ. Несмотря, однако, не несомнѣнную наличность всѣхъ этихъ послѣдствій отчасти невѣжества и безграмотности мужика, отчасти произвола властей, у меня—да и у всѣхъ также близко знакомыхъ съ дѣломъ людей—не было никакихъ сомнѣній, что цѣлая масса мужицкихъ денегъ утаивалась ежегодно сборщиками и сельскимъ и волостнымъ начальствомъ, что во многихъ мѣстностяхъ зло это сдѣлалось хроническимъ; но я ни тогда, ни послѣ не видѣлъ практической возможности не только искоренить, но и уменьшить его. Учетъ обыкновенно кончался констатированіемъ недоимки, бо́льшей или меньшей, существованіе которой отрицалось крестьянами; производилась новая раскладка, недоимка взыскивалась, а черезъ три-четыре года повторялось опять совершенно то же самое. На каждое распутанное дѣло открывалось два или три новыхъ, и къ концу семидесятыхъ годовъ, когда я вышелъ въ отставку, общее положеніе едва ли не ухудшилось. Давленіе въ извѣстномъ направленіи сверху, отъ уѣздныхъ учрежденій, какъ бы благонамѣренно оно ни было, не давало мужицкому населенію тѣхъ элементовъ, которые были необходимы для того, чтобы произвести переворотъ къ лучшему; оно только вызывало бо́льшую изощренность со стороны волостныхъ дѣльцовъ къ покрытію продѣлокъ, бо́льшую ловкость въ „отписываніи"; концы хоронились предусмотрительнѣе и успѣшнѣе; а невѣжество и безпомощность мужика оставались тамъ же, гдѣ и прежде, и результаты нисколько не измѣнялись.

N—скій уѣздъ былъ исключительно несчастливъ относительно

персонала его мировыхъ учрежденій перваго десятилѣтія. Предводителемъ дворянства въ 1861 году и за все предшествовавшее ему десятилѣтіе былъ очень умный, энергичный и дальновидный человѣкъ, но страшный деспотъ и самодуръ, къ тому же завзятый, непримиримый крѣпостникъ. Мировые посредники перваго состава, да и почти всѣ послѣдующіе—мѣнялись они, сравнительно, часто — были имъ искусно подобраны себѣ подъ масть, и Положеніе 19 февраля было введено въ уѣздѣ довольно односторонне. Всѣ его главныя основанія были извѣстны предводителю задолго до введенія его въ дѣйствіе; и онъ самъ, и всѣ его друзья воспользовались этимъ знаніемъ довольно искусно заблаговременно. Многочисленные дворовые были перечислены въ крестьяне и переселены—на бумагѣ—на разныя негодныя пустоша; благодаря этому возникли въ уѣздѣ многія новыя поселенія, обреченныя надолго на безвыходную нищету. Введеніе уставныхъ грамотъ шло очень быстро и сопровождалось нерѣдко свирѣпыми поголовными порками; во многихъ случаяхъ у крестьянъ были отняты спокон вѣку находившіеся въ ихъ пользованіи поемные сѣнокосы, особенно въ нашей мѣстности цѣнные, и другія выгодныя угодья.

Что предѣльный крестьянскій надѣлъ на душу былъ слишкомъ малъ и не соотвѣтствовалъ мѣстнымъ потребностямъ, — было ясно изъ того, что во всѣхъ почти безъ исключенія помѣщичьихъ селеніяхъ пришлось отрѣзать значительную часть находившихся въ ихъ пользованіи до Положенія земель, въ нѣкоторыхъ случаяхъ больше половины. Мужикъ съ самаго начала обрекался сознательно на малоземелье; кромѣ того, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, у него оказывалась во владѣніи одна пашня, безъ потребныхъ выгоновъ и сѣнокосовъ,—а трехпольная система, исключительно практиковавшаяся въ уѣздѣ, немыслима безъ этихъ послѣднихъ. Нужно было цѣлое десятилѣтіе, чтобы сказались осязательно плоды всего этого систематическаго обездоленія мужика,—и въ мой первый же объѣздъ волостныхъ правленій я наткнулся на многія особенно вопіющія дѣла. Почти всегда они находились уже въ безповоротномъ положеніи,—уставная грамота и выкупная сдѣлка утверждены, выкупная ссуда выдана помѣщику, отрѣзная земля продана какому-нибудь мѣстному кулаку,—деревня крѣпко и основательно закрѣпощена на долгое время. Необходимо, однако, замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ мужики сами залѣзли въ такія петли, благодаря своему непроглядному невѣжеству. Между ними упорно держалось то убѣжденіе, что всѣ эти надѣлы и уставныя грамоты были дѣло

временное, что скоро наступитъ передѣлъ, и что всѣ эти земли вернутся къ нимъ же даромъ. Они упрямо отказывались покупать ихъ, будучи увѣрены, что предложенія въ этомъ смыслѣ со стороны помѣщиковъ были только уловкой выманить съ нихъ деньги за то, что̀ будетъ имъ въ скорости принадлежать и безъ такого расхода. Въ уѣздѣ были сотни деревень, принадлежавшихъ помѣщикамъ, жившимъ въ столицахъ или другихъ губерніяхъ, такъ называемыя „заглазныя имѣнія"; получивъ выкупныя ссуды, они торопились раздѣлаться и съ отрѣзными, предлагая ихъ часто прямо за безцѣнокъ; многіе отдавали въ такихъ случаяхъ предпочтеніе своимъ бывшимъ крѣпостнымъ,—но почти всегда эти послѣдніе упорно отказывались, и отрѣзныя переходили въ чужія руки. Я лично зналъ десятки такихъ случаевъ, и не разъ принималъ въ нихъ горячее участіе, уже состоя на службѣ. Все было безполезно,—мужики не вѣрили. Подобное недовѣріе, конечно, имѣло самыя законныя основанія въ прошедшемъ,—но намъ, мѣстнымъ дѣятелямъ и искреннимъ доброжелателямъ мужика, было не легче отъ этого, и приходилось сознаваться, что мужицкое невѣжество неуклонно оказывалось на стражѣ, и, какъ и въ дѣлѣ попытокъ упорядоченія денежной стороны ихъ общественнаго управленія, являлось непреодолимой преградой. Но я былъ такъ же далекъ отъ сознанія этого факта въ то время, какъ далекъ былъ отъ признанія того, что земля стоитъ на трехъ китахъ, и вернулся въ городъ съ цѣлымъ коробомъ разнообразнѣйшихъ впечатлѣній въ головѣ, и ждалъ съ нетерпѣніемъ очередного съѣзда посредниковъ, дабы изложить ихъ и принять соотвѣтствующія мѣры. Оставаться пассивнымъ въ виду такой очевидной картины мужицкаго неустройства казалось мнѣ ужаснѣйшимъ преступленіемъ. Предсѣдатель съѣзда не имѣлъ опредѣленныхъ правъ или обязанностей внѣ этого съѣзда,—участки, по положенію, находились въ завѣдываніи мировыхъ посредниковъ, и всякія новыя мѣры могли быть введены не иначе какъ черезъ нихъ же.

Господа посредники приняли меня больше чѣмъ холодно,—они просто не пожелали даже меня выслушать, а требовали рутиннаго порядка и настаивали на исключительно бумажномъ ходѣ дѣла. Внѣ рутины и бумагъ они не признавали ничего, и считали безполезной тратой времени что-либо другое. Этого было мало. Они полагали неправильнымъ и незаконнымъ какое-либо вмѣшательство съ моей стороны въ дѣла волостныхъ правленій и довольно грубо дали мнѣ понять, что „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ". Я сдержался, и, чтобы обдумать свое положеніе,

отсрочилъ засѣданіе до слѣдующаго утра. Ни одинъ изъ нихъ въ назначенный часъ не явился; и я, прождавъ ихъ часа три, ушелъ въ земскую управу; а вечеромъ узналъ, что, какъ только я оставилъ помѣщеніе съѣзда, всѣ три посредника явились, открыли засѣданіе и, заслушавъ какъ на почтовыхъ всѣ остававшіяся дѣла, закрыли съѣздъ до слѣдующаго очередного засѣданія черезъ мѣсяцъ. Я немедленно созвалъ экстренное засѣданіе,—они росписались на повѣсткахъ, но ни одинъ изъ нихъ не явился. На слѣдующемъ очередномъ засѣданіи они продѣлали совершенно то же самое:—выждавъ, чтобы я ушелъ, открыли съѣздъ и закончили его безъ моего участія. Одно самодурство погоняло другое. А между тѣмъ, и по съѣзду, и, въ особенности, по рекрутскому присутствію, до моего свѣдѣнія дошло нѣсколько такихъ дѣлъ, которыя я отнюдь не могъ предоставить ихъ личному усмотрѣнію; открылись очевидныя неправильности и подозрѣвались подлоги въ посемейныхъ спискахъ. Я забралъ дѣлопроизводство послѣднихъ двухъ съѣздовъ, эти дѣла и поѣхалъ къ губернатору—ничего другого не оставалось дѣлать.

Губернаторъ въ Z за все время моей службы былъ не совсѣмъ обычный въ то время на такомъ мѣстѣ человѣкъ; это былъ старый, довольно богатый холостякъ съ довольно независимымъ характеромъ, много лѣтъ служившій губернскимъ предводителемъ дворянства въ одной изъ большихъ южныхъ дворянскихъ губерній и, насколько мнѣ извѣстно, никогда не служившій въ Петербургѣ и назначенный въ губернаторы прямо изъ предводителей. Его считали безусловно честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, никогда не искавшимъ почестей и отличій; онъ не былъ особенно уменъ или блестящъ, но обладалъ большимъ тактомъ, опытомъ въ губернскихъ дѣлахъ, въ особенности дворянскихъ и земскихъ, и своимъ безпристрастіемъ и справедливостью внушалъ къ себѣ серьезное уваженіе даже со стороны тѣхъ, кто почему-либо былъ имъ недоволенъ. Несмотря на несомнѣнно весьма присущій мнѣ въ то время юношескій задоръ, несмотря на традиціонный, невольный, такъ сказать, антагонизмъ представителей дворянства и земства къ опекѣ администраціи, я лично всегда относился къ этому губернатору съ большимъ почтеніемъ. Онъ принялъ меня съ извѣстной, отеческой, такъ сказать, симпатіей къ моей молодости, и, поблагодаривъ прежде всего за закрытіе сиропитательнаго дома, выслушалъ все, что̀ я имѣлъ сказать о моемъ столкновеніи съ господами посредниками, чрезвычайно внимательно. Я не могъ не замѣтить, что они давно надоѣли и ему самому, что онъ имѣлъ самое нелестное о нихъ представ-

леніе, и что вообще положеніе дѣлъ въ нашемъ уѣздѣ его безпокоило. Онъ нѣсколько разъ въ теченіе разговора назвалъ его „безголовымъ“ уѣздомъ, въ томъ смыслѣ, что въ немъ давно не было настоящаго предводителя дворянства; занимая самъ много лѣтъ эту должность, сначала въ уѣздѣ, потомъ въ губерніи, онъ очевидно склоненъ былъ придавать ей особенно серьезное значеніе, особенно въ эту эпоху постоянныхъ реформъ и нововведеній. По его словамъ, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе было въ отчаяніи отъ бездѣятельности, неподвижности и рутинности N—скаго съѣзда посредниковъ, и надѣялось, что мнѣ, человѣку свѣжему и молодому, удастся вызвать его изъ обуявшей его летаргіи, и что я могу серьезно разсчитывать на поддержку и безпристрастное отношеніе губернскаго начальства и къ настоящему моему столкновенію со съѣздомъ, о которомъ ему уже было подробно извѣстно и до моего пріѣзда. Онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать домой, не горячиться и „ожидать событій“. Я, конечно, такъ и сдѣлалъ. Не знаю, какія именно мѣры приняли губернаторъ и губернское присутствіе, но посредники оказались не только вполнѣ усмиренными къ слѣдующему же засѣданію съѣзда, но и начали его извиненіями въ своей „ошибкѣ“ и увѣреніями, что все это произошло не преднамѣренно, а „такъ себѣ“. Къ сожалѣнію, хотя всякія демонстраціи и прекратились, и я дѣйствительно занялъ принадлежавшее мнѣ мѣсто на съѣздѣ, сущность дѣла нисколько не измѣнилась,—они просто не могли измѣнить такъ въѣвшагося во все ихъ существо чисто формальнаго къ нему отношенія. Вскорѣ всѣ трое были удалены отъ должностей, но и вновь организованному впослѣдствіи уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, подъ предсѣдательствомъ того же предводителя дворянства, пришлось постоянно бороться съ твердо укоренившимися методами ихъ долгаго ядовитаго режима. Волостныя учрежденія были основательно развращены, сбиты въ такую колею, извлекать изъ которой какія бы то ни было учрежденія очень трудно.

Въ N—скомъ уѣздѣ институтъ мировыхъ посредниковъ былъ похороненъ съ общей радостью,—ихъ терпѣть не могли, въ особенности подъ конецъ, и помѣщики, и крестьяне; сожалѣли о нихъ только тѣ немногіе личные фавориты, преимущественно волостные писаря, которые благодаря имъ оперились и нажились. Первый урокъ самоуправленія, который получило освобожденное крестьянство N—скаго уѣзда, былъ не особенно удаченъ и подорвалъ въ немъ въ значительной степени вѣру въ своихъ собственныхъ выборныхъ чиновъ. Здоровой самодѣятель-

ности въ изолированной крестьянской средѣ или вовсе не оказалось, или развивалась она только въ хищническомъ направленіи. Организаторскихъ же способностей, ни индивидуальныхъ, ни въ массѣ, въ ней совсѣмъ не было. Я зналъ лично всѣхъ волостныхъ старшинъ и писарей уѣзда, очень многихъ сельскихъ старостъ, весьма многихъ богатыхъ или вліятельныхъ мужиковъ. Жили они исключительно по традиціи; если у нихъ и появлялись, помимо ихъ личныхъ дѣлъ, самостоятельныя мысли, я никогда не встрѣчалъ случая, чтобы они проявили ихъ какъ-нибудь, попытались бы привести въ исполненіе. Это была инертная, неподвижная масса, привыкшая безпрекословно повиноваться, съ одной стороны—начальству, съ другой—міру. Двѣ эти силы неослабно тяготѣли надъ ней и уничтожали въ самомъ корнѣ всякіе зародыши общественнаго индивидуализма и самодѣятельности. Ко второй изъ нихъ я еще вернусь впослѣдствіи.

IV.

Посреди этихъ треволненій незамѣтно подошелъ и декабрь мѣсяцъ, а съ нимъ и очередное губернское земское собраніе. Одновременно съ выборомъ въ предсѣдатели управы меня выбрали и въ губернскіе гласные на мѣсто выбывшаго Ивана Ильича. Я уже былъ вполнѣ въ курсѣ земскаго дѣла, а между нашимъ уѣзднымъ земствомъ и губернскимъ была цѣлая масса недоразумѣній и пререканій, которыя необходимо было уладить такъ или иначе. Передъ тѣмъ какъ ѣхать въ Z., я съѣздилъ на недѣлю въ Петербургъ—за докторами, такъ какъ вызовы по газетамъ и переписка ни къ чему не привели. Черезъ знакомыхъ мнѣ скоро удалось найти двухъ молодыхъ врачей, къ которымъ я и вернусь въ свое время. Z. — старинный городъ, довольно большой, когда-то столица княжескаго престола, игравшаго немалую роль въ русской исторіи до-московскаго періода. Губернская управа помѣщалась въ домѣ дворянскаго собранія, главная зала котораго служила и для засѣданій губернскаго земскаго собранія. Предсѣдателемъ губернской управы былъ губернскій предводитель дворянства, князь, не особенно богатый, но очень тароватый старикъ, носившій придворное званіе и разыгрывавшій изъ себя стариннаго русскаго родовитаго барина-аристократа. Высокій и сухощавый, съ гладко выбритымъ, морщинистымъ лицомъ, онъ выглядѣлъ больше всего геморроидальнымъ чиновникомъ; ни краснорѣчіемъ, ни особенной дѣловитостью онъ не от-

личался, но считался опытнымъ дипломатомъ, служилъ губернскимъ предводителемъ уже нѣсколько трехлѣтій, а предсѣдателемъ губернской управы—съ самаго введенія земскихъ учрежденій, и, по слухамъ, стремился всѣми силами души попасть въ губернаторы. И въ дворянствѣ, и въ земствѣ, онъ не былъ популяренъ—вѣроятно потому, что не былъ искреннимъ человѣкомъ по своей холодной натурѣ, и лавировалъ между тѣмъ, чтò называлось губернскими партіями. Еще въ дворянствѣ Z—ской губерніи, задолго до описываемаго времени, даже до уничтоженія крѣпостного права, существовалъ глубокій, рѣзкій расколъ. Въ одномъ изъ западныхъ ея уѣздовъ давно проживало старинное дворянское семейство, въ половинѣ прошлаго столѣтія состоявшее изъ нѣсколькихъ взрослыхъ братьевъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ очень бурную личную карьеру, и въ свое время былъ извѣстенъ всей Европѣ. Остальные мирно проживали въ своей родовой усадьбѣ, не дѣлясь, какъ это было обычно, а вмѣстѣ, и два изъ нихъ были очень серьезными гегеліанцами. Это были чрезвычайно задушевные и симпатичные люди, пользовавшіеся большимъ вліяніемъ на окружающихъ; съ теченіемъ времени около нихъ образовался кружокъ родственниковъ и почитателей, и кружокъ этотъ, въ связи съ единомышленниками изъ другихъ уѣздовъ, и составлялъ зерно того, чтò называлось иногда „либеральной партіей“, иногда—„лѣвой“, иногда—именемъ того уѣзда, гдѣ жилъ этотъ кружокъ. Въ противовѣсъ ей, одинъ изъ южныхъ уѣздовъ образовалъ довольно компактную группу крѣпостниковъ, но крѣпостниковъ образованныхъ, не терпѣвшихъ этой клички и предпочитавшихъ носить или имя своего уѣзда, или названіе „правой“. Къ этой правой примкнули и всѣ крѣпостники изъ другихъ уѣздовъ,—и такимъ образомъ въ Z—ской губерніи сформировалось нѣчто, основанное болѣе на принципахъ, чѣмъ на личныхъ отношеніяхъ и родствѣ. Въ уѣздной политикѣ и дѣлахъ это подраздѣленіе не было особенно чувствительно, и личныя отношенія по прежнему обыкновенно первенствовали; но въ губерніи и въ губернскихъ дѣлахъ трудно было не принадлежать къ тому или другому лагерю, особенно послѣ того, какъ во время работъ подготовительной къ 19 февраля 1861 г. коммиссіи „лѣвая“ была насильственно раскассирована и нѣкоторые выдающіеся ея члены серьезно пострадали. Борьба эта продолжалась безостановочно, съ перемѣннымъ успѣхомъ; старики сходили съ общественной сцены, новые люди появлялись на ней, но болѣе или менѣе рѣзкій принципіальный расколъ продолжался и перешелъ цѣликомъ и въ губернское земство. Одинъ

князь былъ, повидимому, въ хорошихъ отношеніяхъ съ вожаками обѣихъ сторонъ, хотя едва ли можно было сомнѣваться, что всѣ его дѣйствительныя симпатіи принадлежали правой. Въ то время, къ которому относится мой разсказъ, правая уже утратила всѣхъ своихъ выдающихся людей двухъ предшествовавшихъ десятилѣтій:—одинъ получилъ важное правительственное назначеніе, другой умеръ, двое оставили губернію, и основавшій ее уѣздъ представлялся въ собраніи людьми очень мелкаго калибра;—тѣмъ не менѣе партія эта все еще преобладала, если не по качеству, то по количеству — по числу голосовъ въ собраніи. Въ числѣ губернскихъ гласныхъ было нѣсколько замѣчательныхъ людей,—не говоря уже о вышеупомянутыхъ братьяхъ гегеліанцахъ [1]), выдавались предсѣдатели трехъ уѣздныхъ управъ, всѣ трое отставные офицеры, бросившіе военную службу, когда было уничтожено крѣпостное право, и положившіе всю свою душу сначала въ крестьянское, а потомъ въ земское дѣло. Это были работники неутомимые, тихіе, скромные, отлично знавшіе и земское дѣло, и мужика; они не волновались, не горячились, не говорили трескучихъ рѣчей на возвышенныя темы, а работали въ коммиссіяхъ до поздней ночи, и, въ сущности, выносили на своихъ плечахъ всю дѣловую сторону губернскаго земства. Нашъ Л. былъ однимъ изъ главныхъ ораторовъ; но тогда какъ у себя дома онъ слылъ „краснымъ“ и ходилъ въ поддевкѣ, въ Z. онъ былъ одѣтъ въ обыкновенное платье, и притомъ съ иголочки, и хотя и воскурялъ иногда ѳиміамъ „прогрессу“, – голосовалъ неизмѣнно съ правой, и несомнѣнно состоялъ однимъ изъ главныхъ ея заправилъ. Я отлично помню, какъ поразило меня это открытіе и тотъ фактъ, что лѣвая, заключавшая въ своемъ составѣ всѣхъ симпатичныхъ мнѣ въ собраніи людей, относилась къ нему чрезвычайно подозрительно. Л. былъ прежде всего самодуръ,—систематическое по мѣрѣ возможности отношеніе лѣвой къ принципіальнымъ вопросамъ было не по плечу ему, человѣку импульса и личныхъ симпатій и антипатій. Это былъ деспотъ, одна изъ тѣхъ богато одаренныхъ широкихъ русскихъ натуръ, которыя въ своихъ дѣйствіяхъ отнюдь не стѣсняются тѣмъ, что онѣ говорятъ и проповѣдуютъ. Онъ любилъ говорить о принципахъ, но не руководствовался ими.

---

[1]) Помимо самаго широкаго, всесторонняго образованія, изумительной начитанности и для того времени необычно выработанной эрудиціи и умѣнья вести пренія, они отличались такой свѣжестью и чистотой душевной, такимъ неизмѣннымъ добродушіемъ и любовью къ ближнему, какихъ мнѣ нигдѣ и ни въ комъ не приходилось никогда встрѣчать ни прежде, ни послѣ.

Въ числѣ учрежденій губернскаго земства было статистическое бюро—одно изъ первыхъ земскихъ статистическихъ бюро въ Россіи – и ассигновалась ежегодно извѣстная небольшая сумма на организацію и поддержку кустарныхъ рабочихъ артелей. Во главѣ бюро стоялъ очень интересный человѣкъ, указанія котораго были мнѣ очень полезны потомъ, при переработкѣ всей оцѣночной и раскладочной системы нашего уѣзднаго земства. Эта часть была въ самомъ плачевномъ положеніи въ губерніи и во всѣхъ безъ исключенія ея уѣздахъ. Мнѣ всегда казалось, что одной изъ главныхъ причинъ недостаточности успѣха Положенія 19 февраля было именно слишкомъ поспѣшное, слишкомъ общее опредѣленіе размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ. Не только цѣлыя губерніи, цѣлыя полосы были подведены подъ одну норму, тогда какъ въ дѣйствительности большинство уѣздовъ слѣдовало бы раздѣлить на нѣсколько частей,—такъ многіе изъ нихъ были велики и такъ разнообразны были въ нихъ земельныя условія. Земство, конечно, не могло измѣнить этого,—но оно не дѣлало ничего и для того, чтобы выработать болѣе совершенную систему оцѣнки для своего собственнаго обложенія, и не шло въ этомъ отношеніи дальше Положенія 19-го февраля. Оцѣнка городскихъ имуществъ, владѣній казны и удѣла, хотя бы сколько-нибудь основательное распредѣленіе повинностей между ними и уѣздами тоже оставались въ самомъ примитивномъ положеніи. Я уже упоминалъ выше, что N—ское земство воевало и съ городомъ, и съ казной, и съ удѣломъ по этому поводу; еще до пріѣзда на губернское собраніе, я успѣлъ изслѣдовать причины этой войны, заключавшіяся въ протестахъ города и казны относительно слишкомъ высокой оцѣнки имъ имуществъ и несоотвѣтственно наложенныхъ на нихъ земствомъ окладовъ сравнительно съ остальнымъ уѣзднымъ имуществомъ. Я не могъ не видѣть, что протесты эти были болѣе или менѣе основательны, что и оцѣнка и раскладка были сдѣланы земствомъ совершенно зря, безъ достаточнаго объясненія основаній;—ни Николай Иванычъ, ни секретарь и бухгалтеръ управы, ни воротилы земства въ родѣ Л. никогда не вникали въ сущность вопроса, не могли объяснить, чѣмъ они руководствовались, когда составляли эти оцѣнки и раскладки,—очевидно писали, что̀ Богъ на душу положитъ, и заботились только о томъ, чтобы сорвать по возможности больше. Изъ протоколовъ предшествовавшихъ собраній я усмотрѣлъ, что всѣ эти протесты оставлялись ими безъ вниманія, согласно представленіямъ управы, не входя въ разсмотрѣніе ихъ сущности. Дѣло сводилось къ тому, что Иванъ Ильичъ думалъ, что съ

кого же и брать, какъ не съ города, и, въ особенности, съ казны? И совершенно самодурно выводилъ цифры оцѣнокъ такъ, чтобъ получался значительный кушъ. А городъ и казна протестовали и ничего не платили. Словомъ, за какую бы отрасль земскаго дѣла ни приходилось взяться, вездѣ рѣшающимъ факторомъ являлся произволъ, усмотрѣніе—иногда произволъ, ни на чемъ не основанный, какъ, напр., въ дѣлѣ оцѣнки имуществъ города и казны, чаще основанный на явномъ фаворитизмѣ, какъ, напр., въ дѣлѣ платежа жалованья въ срокъ судьямъ и управѣ, тогда какъ все остальное должно было дожидаться заработанныхъ денегъ неопредѣленное время. Въ самомъ началѣ моей земской дѣятельности я склоненъ былъ обвинять въ этомъ специфическіе „капризы Ивана Ильича“; я думалъ, что это—чисто мѣстное явленіе, которое не трудно будетъ искоренить,—но уже очень скоро убѣдился въ томъ, что ошибался, и что подобное положеніе дѣлъ было обычнымъ, широко распространеннымъ явленіемъ, что факты и люди могли быть различны, но сущность была вездѣ одна и та же, и что „капризы Ивана Ильича“ въ N—скомъ уѣздѣ были капризами Ильи Иваныча или Ивана Петровича въ А—скомъ и В—скомъ, и что, мало того, и мнѣ самому нельзя было вести безъ нихъ земскаго дѣла. Вся суть сводилась къ тому, какого характера были эти капризы; они могли быть особенно чудны, какъ отправка губернскаго земскаго сбора рублевыми бумажками или война съ губернаторомъ изъ-за приведенія въ исполненіе прямого закона, могли быть болѣе или менѣе непроизводительны для земства или ненужно обидны для кого-нибудь,—и я могъ, конечно, избѣжать такого сорта капризовъ, — но не могъ, какъ оказалось, обойтись безъ произвола въ оцѣнкѣ городского или казеннаго имущества, въ раскладкѣ налоговъ, въ рѣшеніи многихъ другихъ, столь же важныхъ и серьезныхъ дѣлъ.

Я ѣхалъ на губернское собраніе съ надеждой, что оно разрѣшитъ мнѣ цѣлый десятокъ подобныхъ вопросовъ, въ которыхъ, безъ примѣненія собственнаго произвола, я не могъ самъ разобраться. Я думалъ найти резонные отвѣты на эти вопросы, которые избавили бы меня отъ излишней отвѣтственности. Но никто не могъ дать мнѣ этихъ отвѣтовъ. Оказалось, что губернское земство и всѣ уѣздныя были отнюдь не дальше N—скаго во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, такъ же ссорились съ своими городами и казеннымъ и удѣльнымъ вѣдомствами, были такъ же произвольны во всѣхъ своихъ оцѣнкахъ и раскладкахъ. Лучшіе, наиболѣе освѣдомленные люди, въ родѣ тѣхъ трехъ предсѣда-

телей уѣздныхъ управъ, о которыхъ я упоминалъ выше, говорили мнѣ, что, за массой текущихъ дѣлъ, у нихъ еще не было времени разработать даже поверхностно многіе самые серьезные земскіе вопросы, и что они ходили въ такой же темнотѣ, какъ и я. Меня поражало то, что и они, люди несомнѣнно хорошіе, добросовѣстные и опытные, совсѣмъ не смущались произволомъ, сжились съ нимъ, такъ сказать, не видѣли въ немъ не только ничего страшнаго, но и просто неумѣстнаго. Иванъ Ильичъ былъ очевидно не исключеніемъ, а общимъ правиломъ, а попасть въ исключеніе стремился я самъ. Уѣздная земская жизнь нигдѣ не обходилась безъ произвола, и только очень немногіе земскіе дѣятели удерживались отъ прямого самодурства. Оно, конечно, было главнымъ рычагомъ этой жизни,—самодурствовалъ всякій, начиная съ высшихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновъ и кончая сельскими старостами и сотскими. Обыкновенный обыватель былъ совершенно безправенъ и безпомощенъ,—но и онъ самодурствовалъ надъ всѣми тѣми, кто такъ или иначе попадалъ ему въ лапы. Самодурствовалъ губернаторъ, обрекавшій цѣлое земство на безденежье, потому что онъ самъ промахнулся и наткнулся при этомъ на такого же самодура; самодурствовалъ Иванъ Ильичъ, потому что промахъ губернатора дѣлалъ его уѣздъ „единственнымъ въ своемъ родѣ въ Россіи“; самодурствовалъ безъ конца Л., потому что если и встрѣчалъ въ земской жизни протестъ, то не своему самодурству, а другимъ сторонамъ своей дѣятельности; волостной старшина самодурствовалъ надъ мужикомъ, а мужикъ—надъ своей бабой и домочадцами. И чѣмъ дольше я служилъ впослѣдствіи, тѣмъ больше и нагляднѣе я убѣждался въ томъ, что это было нѣчто прочное и повсемѣстное, въѣвшееся и всосавшееся во всѣ основы, во всѣ проявленія деревенской жизни.

Возвращаясь къ вопросамъ объ оцѣнкѣ имуществъ и раскладкѣ земскихъ налоговъ, на которые я такъ и не нашелъ никакого практическаго разрѣшенія, я долженъ упомянуть, что теоретически они уже висѣли въ воздухѣ и въ то время. Многіе земцы думали объ упорядоченіи отношеній земствъ къ городамъ, о кадастрѣ, и жадно, какъ и я самъ, искали всего того, что могла дать въ этомъ направленіи серьезная литература. Къ сожалѣнію, всѣ эти теоретическія свѣдѣнія оказывались такимъ же матеріаломъ, какъ и сельско-хозяйственныя книжки. Онѣ были писаны не про насъ; онѣ прежде всего требовали тщательнаго, всесторонняго, точнаго знанія самихъ себя, чѣмъ мы совсѣмъ не располагали. Всю ту обширную предварительную

работу, которую они подразумѣвали какъ нѣчто наличное и на которой они строили свои положенія и заключенія, намъ прежде всего приходилось начать и сдѣлать. Не было ни сколько-нибудь удовлетворительныхъ мѣстныхъ описаній,—въ большинствѣ случаевъ не было прямо никакихъ,—ни хоть какой-либо деревенской статистики. Не было извѣстно ни число поселеній въ губерніи, ни число жителей въ уѣздахъ и городахъ; даже площадь уѣздовъ не была опредѣлена хотя бы съ приблизительной точностью. Такъ, въ N—скомъ уѣздѣ, между данными карты и геодезическаго къ ней описанія Менде, превосходной, единственной въ своемъ родѣ работы, и общей суммой обложенныхъ земствомъ земель была разница въ ущербъ послѣдней слишкомъ въ сто тысячъ десятинъ. Около одной пятой главной статьи обложенія ускользало отъ него, конечно, или скрытая владѣльцами, или просто пропущенная по неряшеству и незнанію. Это было извѣстно, объ этомъ говорили на каждомъ собраніи, но никто не зналъ, что̀ съ этимъ дѣлать, и ничего рѣшительно не предпринималось. Объ экономической жизни уѣздовъ, о производительныхъ способностяхъ ихъ территоріи, о платежныхъ силахъ населенія не было абсолютно никакихъ данныхъ. Ничего не могло быть неопредѣленнѣе понятія „о цѣнности и доходности" уѣздныхъ имуществъ. Были это сотни тысячъ рублей, милліоны, десятки милліоновъ? Кто могъ на это отвѣтить? Дабы нагляднѣе выяснить все вышеизложенное, я разскажу, какъ были составлены N—скимъ земствомъ тѣ смѣта, оцѣнка и раскладка, которыя были опротестованы губернаторомъ, чтобы дать возможность созвать немедленно экстренное собраніе и закрыть сиропитательный домъ. По смѣтѣ требовалась на слѣдующій годъ извѣстная сумма, скажемъ—сто тысячъ рублей. Ожидалось къ поступленію отъ промысловыхъ свидѣтельствъ, патентовъ и промышленныхъ заведеній столько-то, отъ города, казны и удѣла—столько-то; затѣмъ остальная сумма приходилась на землю, раздѣленную по качеству на три разряда. Процентъ обложенія съ оцѣнки всѣхъ этихъ родовъ имуществъ долженъ былъ быть, по закону, одинаковъ. Казалось бы, что оцѣнка должна была оставаться неподвижной, или измѣняться независимо отъ смѣты и процента обложенія,—съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ смѣты, долженъ былъ повышаться или понижаться процентъ обложенія, и только. Въ дѣйствительности же, для облегченія счетоводства, процентъ обложенія оставался неподвижнымъ, а манипулировалась оцѣнка, когда смѣта повышалась; повышеніе это желательно было взвалить большею частію на городъ и въ особен-

ности на казну, и повышалась соотвѣтственно и совершенно произвольно оцѣнка ихъ имуществъ, гуртомъ, такъ сказать. Вычислялась та сумма, которую было желательно съ нихъ получить, процентъ обложенія оставался тотъ же, а новая оцѣнка подгонялась такимъ образомъ, чтобы дать эту сумму; оцѣнка же земли частныхъ владѣльцевъ тоже измѣнялась сообразно тому, что̀ приходилось на ихъ долю. Одна и та же десятина земли, по земскимъ оцѣнкамъ, стоила одинъ годъ пятьдесятъ, другой тридцать, третій семьдесятъ рублей—только потому, что такимъ образомъ канцеляріи управы легче было распредѣлить нужную сумму по различнымъ источникамъ обложенія и вычислить отдѣльные окладные листы. Абсолютный произволъ руководилъ и распредѣленіемъ земель на разряды. Третій разрядъ оцѣнивался приблизительно въ одну десятую перваго. Крестьянскіе надѣлы значились цѣликомъ въ первомъ разрядѣ,—въ немъ же были и всѣ лѣсныя дачи казны, хотя лѣса частныхъ владѣльцевъ и состояли обыкновенно въ третьемъ. Тогда какъ зѐмли крестьянъ, города, казны и удѣла распредѣлялись по разрядамъ самой управой, и всѣ ихъ протесты въ этомъ отношеніи просто подшивались „къ дѣлу", зѐмли помѣщиковъ распредѣлялись подаваемыми ими самими вѣдомостями, никѣмъ не провѣренными. Когда я впослѣдствіи ввелъ правильную провѣрку этихъ вѣдомостей, требовалъ планы и документы, производилъ дознанія на мѣстахъ, въ каждомъ почти имѣніи открылись невѣрности, нерѣдко доходившія до дерзости, и часто оказывавшіяся новостью и для самого владѣльца.

Къ сожалѣнію, такія капитальныя отрасли земскаго дѣла, какъ вопросы объ оцѣнкѣ и раскладкѣ, были сухи и незанимательны, требовали положительныхъ знаній и кропотливой, скучной работы, и не давали пищи краснорѣчію и принципіальнымъ спорамъ. Когда они стояли на очереди, хоры зала губернскаго собранія оказывались пустыми, да и самая зала была пуста, и, чтобы покончить съ ними, предсѣдатель долженъ былъ искусно игнорировать отсутствіе нужнаго по закону числа гласныхъ и разсылать сторожей по городу за ними для голосованій.

Когда лѣвая, побуждаемая въ разныхъ концахъ губерніи самой настоятельной необходимостью сдѣлать что-нибудь для упорядоченія оцѣнокъ и раскладокъ, учредила наконецъ при губернской управѣ статистическое бюро, оно сейчасъ же было окрещено правой „капризомъ" противниковъ, и ни одно собраніе не обходилось безъ длинныхъ преній противъ увеличенія ассигновокъ на эту часть. Каждый грошъ приходилось выры-

вать съ боя, и бюро, за все время моей службы, обладало слишкомъ недостаточными средствами для того, чтобы выполнить свое назначеніе. Я ждалъ года три, но вынужденъ былъ наконецъ взяться самостоятельно за эту работу, хотя и не обладалъ никакой теоретической подготовкой. Пренія же въ губернскомъ собраніи по поводу этого бюро открыли мнѣ тогда же глаза и на то, что къ термину „земскій капризъ" слѣдуетъ относиться съ величайшей осторожностью. Если иногда подъ этимъ понятіемъ и подразумѣвалась несомнѣнная личная блажь,—были и такіе случаи, когда оно представляло собой не что̀ иное, какъ партійную недальновидность и жалкое недоуміе. Точка зрѣнія на вещи всегда была, есть и останется рѣшающимъ факторомъ во всѣхъ подобныхъ опредѣленіяхъ. Въ данномъ случаѣ правая противодѣйствовала земской статистикѣ систематически и сознательно, такъ какъ предпочитала темноту и произволъ въ земской жизни; ядовитые намеки, не имѣвшіе абсолютно никакого основанія, но повторяемые изъ года въ годъ въ земской же средѣ, не могли не оказать извѣстнаго дѣйствія, и съ теченіемъ времени одна изъ необходимѣйшихъ и полезнѣйшихъ отраслей земской дѣятельности получила-таки тотъ ярлыкъ, который на святой Руси въ концѣ концовъ убиваетъ эффективность какого бы то ни было дѣла.

О поддерживавшихся губернскимъ земствомъ кустарныхъ артеляхъ я имѣю сказать только очень немного. И впослѣдствіи я никогда не имѣлъ случая лично съ ними познакомиться, а довольствовался докладами губернской управы объ ихъ дѣятельности. Я, конечно, былъ знакомъ со всей народнической аргументаціей въ ихъ пользу. Но и въ этомъ направленіи, какъ и во многихъ другихъ, я лично шелъ съ народниками только до извѣстной точки—и ни шагу далѣе. Я никогда не могъ съузить свою индивидуальность до того, чтобы думать, что истина, въ религіозныхъ ли, въ политическихъ ли, въ экономическихъ ли вопросахъ, можетъ составлять исключительное достояніе только извѣстной кучки людей. А русскія умственныя теченія обладаютъ изумительной способностью сбиваться именно на эту почву весьма скоро по своемъ зарожденіи; абстрактъ идетъ неизмѣримо быстрѣе практическаго приложенія, выработываетъ цѣлое евангеліе и требуетъ признанія его непогрѣшимости со стороны своихъ адептовъ, лишая ихъ свободы пониманія вещей. Мужикъ, лапоть, общинное владѣніе землей, артель, кустарь, русское обычное право и нѣкоторые другіе отдѣльные факторы, были быстро сдѣланы основными догматами—безъ достаточнаго изученія, безъ

безпристрастнаго анализа, безъ опытнаго опредѣленія ихъ взаимнаго отношенія и ихъ дѣйствительнаго значенія въ цѣлостности народной жизни. Внѣ ихъ, якобы, не было спасенія,—и все то, чѣмъ жили десятки другихъ націй, съ безспорно высшей цивилизаціей и культурой, съ неизмѣримо большимъ народнымъ благосостояніемъ, было не что иное, какъ гнилой хламъ. Россія, молъ, сама по себѣ, весь остальной міръ—самъ по себѣ, и онъ ей не указъ,—и разъ вы не принимаете этого голословнаго положенія на вѣру, мы не желаемъ васъ слушать, вы—нашъ врагъ, и мы будемъ съ вами воевать. Намъ недостаточно того, что вы признаете пользу артелей, важное значеніе кустарныхъ промысловъ въ существующемъ общемъ строѣ русской народной жизни,—нѣтъ, вы должны отрицать всѣ другія формы коопераціи, капиталъ и технику, машины и промышленное развитіе при ихъ посредствѣ, какъ все это понимается Западомъ. Я лично никогда не могъ признать подобной непогрѣшимости, понять такую нетерпимость въ чемъ-либо. Ради абстракта, ради воображаемаго порядка вещей, никогда неиспытаннаго, я не могъ отрицать фактовъ; существующее въ данный моментъ было для меня именно тѣмъ, съ чѣмъ приходилось вѣдаться прежде всего, и всякое явленіе, разъ оно существовало, имѣло въ моихъ глазахъ несомнѣнный raison d'être уже по той простой причинѣ, что оно было на лицо. Я отказывался вѣрить, чтобы кустарный ли промыселъ, рабочая ли артель, оба ли эти явленія вмѣстѣ, могли пересилить фабрику, разъ имъ пришлось бы вступить въ конкурренцію; я думалъ, что въ борьбѣ за существованіе наиболѣе сильный и наиболѣе совершенный факторъ одержитъ побѣду, какъ бы ни надрывался сентиментальный протекціонизмъ. Я готовъ былъ помогать кустарю и его артели, тамъ, гдѣ мѣстныя условія оставались настолько благопріятными, что обѣщали имъ успѣхъ, но не могъ признать, что въ нихъ однихъ и заключалось спасеніе Россіи и задатокъ ея будущаго процвѣтанія, не могъ сдѣлать изъ нихъ исключающаго все остальное идола. Я видѣлъ въ нихъ одно изъ важныхъ подспорій народному благосостоянію, но не патентованный ключъ къ золотому вѣку. Результатомъ подобныхъ разногласій даже относительно отдаленнаго во всякомъ случаѣ будущаго, не имѣвшихъ никакого практическаго значенія для настоящаго, получалась односторонность, быстро съуживавшаяся съ теченіемъ времени, замкнутость умственныхъ теченій, ихъ раздробленіе, и неизбѣжный переходъ въ кружковщину. А въ концѣ концовъ кружки эти, заѣденные догматизмомъ до неузнаваемости ихъ первоначальнаго происхожденія,

отдавали все своё время на разгромъ и поѣданіе другъ друга; появлялись новые „вопросы“, новыя теченія, и огромная сумма умственныхъ усилій и работы оказывалась потраченной на вѣтеръ, не вызвавъ даже и ряби въ дѣйствительной народной жизни.

Я не берусь опредѣлять причинъ, вызывающихъ такой порядокъ вещей, стоющій русской умственной жизни громадной траты силъ и поглотившей со времени шестидесятыхъ годовъ такую массу жертвъ; думаю однако, что немалую роль въ немъ играютъ столь присущія характеру русской интеллигенціи подозрительность и недовѣріе другъ къ другу, вызываемыя извѣстными особенностями русской жизни вообще. Будучи лишенъ многихъ общепринятыхъ путей къ всестороннему обмѣну мыслей, русскій человѣкъ ограничивается тѣснымъ личнымъ знакомствомъ, и кончаетъ его замкнутостью и неизбѣжнымъ съ нею вліяніемъ слишкомъ узкой и все одной и той же атмосферы. Эволюція же мысли при такихъ условіяхъ всегда одностороння и принимаетъ чисто метафизическій характеръ.

И въ губернскомъ земскомъ собраніи, заключавшемъ въ своемъ составѣ многихъ серьезныхъ и интеллигентныхъ людей, кромѣ вышеописаннаго раздѣленія на правую и лѣвую, было нѣсколько замкнутыхъ кружковъ съ доморощенными божками-пророками въ центрѣ и непоколебимымъ убѣжденіемъ, что они-то именно и обладали секретомъ земской истины и составляли соль Z—ской земли. Несмотря на это, атмосфера этого собранія была очевидно крайне благодѣтельна для общей массы гласныхъ, за годичный промежутокъ между собраніями засиживавшихся до одуренія въ своихъ уѣздныхъ норахъ. Никакое чтеніе, никакія книги никогда не замѣнятъ живого обмѣна мыслей, общенія между отдѣльными индивидуумами. Въ самыхъ закоренѣлыхъ крѣпостникахъ возникали сомнѣнія, возбуждался интересъ если не къ непосредственнымъ земскимъ задачамъ, то къ общечеловѣческимъ потребностямъ. Кружковая замкнутость и нетерпимость наносили не мало вреда, но и ихъ вліянія иногда уступали, и я съ теченіемъ времени не могъ не замѣтить и не признать огромнаго вліянія нашего губернскаго земскаго собранія на общій тонъ хода всей общественной жизни губерніи. Дворянская жизнь предшествовавшей эпохи, съ ея узко-сословными, строго ограниченными интересами, не давала достаточной пищи для мысли, и легендарная ея хроника и традиціи вращались всего больше около остряковъ и шутниковъ добраго стараго времени. Какъ въ деревнѣ мѣстная хронологія пріурочивалась къ праздникамъ, пожарамъ и падежамъ скота, такъ дворянскія собранія

губерніи вспоминали по переходившимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе мѣстнымъ bons-mots о продѣлкахъ пользовавшихся въ былое время обширной популярностью ихъ авторовъ. Земское губернское собраніе отличалось гораздо бо̀льшей серьезностью; остряки и шутники играли въ немъ только самую второстепенную роль, и немало было въ его составѣ хорошихъ, дѣльныхъ работниковъ, видѣвшихъ въ немъ не случай пріятно провести время, а исполненіе важныхъ и существенныхъ обязанностей; они сознавали, что это была прежде всего школа, и такая школа, не пройдя которой основательно, нельзя было и мечтать о лучшемъ будущемъ.

V.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія съ губернскаго собранія, пріѣхалъ докторъ М., назначенный въ стоявшую пустою земскую больницу западнаго участка. Я не питалъ никакого довѣрія къ единственному до его пріѣзда въ уѣздѣ врачу, и, не имѣя ни малѣйшаго понятія о практикѣ и требованіяхъ земскаго медицинскаго дѣла, оставлялъ мое съ нимъ ознакомленіе до прибытія новыхъ врачей. М. былъ не совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ и не совсѣмъ обыкновеннымъ врачомъ. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ петербургскихъ кружкахъ хорошей молодежи того времени, и на него возлагались вполнѣ компетентными людьми большія надежды и въ сферѣ его спеціальности. Тотъ фактъ, что онъ поѣхалъ земскимъ врачомъ въ какую-то корельскую трущобу, удивилъ не мало людей. Это былъ сдержанный, очень серьезный для своихъ лѣтъ молодой человѣкъ, чрезвычайно симпатичный, съ особенно обаятельнымъ голосомъ и наружностью, но не очень крѣпкій физически и никогда не жившій прежде въ деревнѣ. Говорилъ онъ очень немного, не дѣлалъ никакихъ обѣщаній и былъ очень скроменъ въ своихъ реформаторскихъ требованіяхъ. Я сразу понялъ, что онъ желалъ осмотрѣться основательно, прежде чѣмъ разрушать что-либо существующее или вводить что-либо новое. Я откровенно передалъ ему все то, что̀ зналъ самъ о крайней неудовлетворительности тогдашняго нашего медицинскаго персонала, и давалъ ему carte blanche въ этомъ отношеніи относительно его медицинскаго участка. Требованія, поставленныя земскимъ собраніемъ своимъ участковымъ врачамъ, были совершенно неисполнимы. Они, вѣроятно, и были отчасти причиной того, что земство оставалось безъ врачей, хотя жалованье по тому вре-

мени и было назначено, сравнительно, порядочное, 1.320 рублей въ годъ при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи, прислугѣ. Врачъ долженъ былъ объѣзжать ежемѣсячно фельдшерскіе пункты и волостныя правленія своего участка, что, по росписанію, составленному для участка М., напримѣръ, требовало двадцать-шесть дней разъѣздовъ въ мѣсяцъ, причемъ маршрутъ былъ такой, что онъ отсутствовалъ изъ больницы по недѣлѣ и по двѣ за разъ. Я уже говорилъ о состояніи нашихъ дорогъ; къ нему присоединялись въ данномъ случаѣ ночевки въ волостныхъ правленіяхъ, невозможность питаться хоть сколько-нибудь привычнымъ образомъ, необходимость самому врачу, помимо осмотра больныхъ, быть и аптекаремъ, возить съ собою и самому приготовлять всѣ лекарства. М. желалъ испытать все это самому,— его ничто не устрашало, и съ его лица не сходило выраженіе, что „разъ взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ". Три года совмѣстной работы оставили во мнѣ самое искреннее почтеніе и уваженіе къ этому рѣдкому человѣку, и когда онъ, изнемогши отъ непосильнаго, лошадинаго труда, ушелъ отъ насъ, то скоро составилъ себѣ имя и извѣстность на болѣе широкой аренѣ, которая гораздо болѣе соотвѣтствовала силамъ этой замѣчательной личности.

Я прежде всего свезъ М. въ городъ, чтобы онъ осмотрѣлъ порядки городскихъ земскихъ медицинскихъ учрежденій и, въ особенности, нашъ аптекарскій складъ. Организація этого дѣла казалась мнѣ совершенно неправильною. Земство содержало складъ, провизора, которому платило значительное, сравнительно, жалованье, предполагая, что складъ этотъ будетъ снабжать медикаментами весь уѣздъ,—de facto же, онъ снабжалъ только городскую больницу и сифилитическое отдѣленіе. Въ больницѣ западнаго участка, до пріѣзда М., врача не было; за медицинской частью самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ не было никакого наблюденія, такъ какъ некому было наблюдать, и фельдшера употребляли только самыя примитивныя средства, не требовавшія никакого приготовленія; я хорошо помню одного изъ нихъ, который въ своей практикѣ употреблялъ почти исключительно сабуръ и сулему. Въ южномъ участкѣ, гдѣ работалъ безплатно старикъ докторъ аматёръ, всѣ лекарства выписывались имъ готовыми изъ находившейся въ сосѣднемъ мѣстечкѣ частной аптеки.

Уже черезъ нѣсколько дней по моемъ вступленіи въ должность предсѣдателя управы, я открылъ существовавшіе въ канцеляріи счеты этой аптеки земству, достигавшіе нѣсколькихъ сотъ рублей въ

мѣсяцъ. Имѣя земскій аптекарскій складъ въ виду, я внимательно просмотрѣлъ все дѣлопроизводство управы, всѣ протоколы собраній за прошлое время, и нигдѣ не нашелъ ни одного слова, уполномочивающаго такой порядокъ. За массой дѣла и моими постоянными разъѣздами по уѣзду, счеты эти и ускользнули бы, вѣроятно, отъ моего вниманія на нѣкоторое время, еслибы не та поспѣшность, съ которой Николай Иванычъ уплатилъ ихъ за предшествовавшій мѣсяцъ, не дождавшись моего возвращенія изъ уѣзда и вопреки прямому моему приказанію не платить никому ни копѣйки безъ пропорціональнаго раздѣла наличности по всѣмъ долгамъ земства. Долги эти страшно меня безпокоили, и, не имѣя въ виду той быстрой метаморфозы въ нашихъ финансахъ, которая неожиданно послѣдовала вслѣдъ за закрытіемъ сиропитательнаго дома, я рѣшился на такую мѣру, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить положеніе нашихъ кредиторовъ,—хотя Николай Иванычъ и предупреждалъ меня, что я только вызову гнѣвъ и противодѣйствіе Л., и ничего не достигну. Предположеніе это не подтвердилось, вѣроятно благодаря тому только, что наличность наша быстро возросла и дала намъ возможность уже къ новому году разсчитаться со всѣми сполна. Уплата по вышеупомянутымъ аптекарскимъ счетамъ была произведена гораздо раньше, чѣмъ мы достигли этого результата, и на мое требованіе объясненія Николай Иванычъ сообщилъ мнѣ, что, по сдѣлкѣ Л. съ аптекаремъ, утвержденной въ свое время управой, эта послѣдняя обязалась выплачивать наличными всѣ его счеты, каково бы ни было состояніе земской кассы.

— Да какъ же вы могли заключить такую сдѣлку, вопреки прямому, точному и ясному постановленію собранія о томъ, какъ должно вестись это дѣло, и почему же вы не доложили о ней послѣднему очередному собранію? Какія основанія могли у васъ быть для такого исключенія въ пользу южнаго участка?

— Л. сказалъ Ивану Ильичу, что его докторъ требуетъ болѣе тщательнаго приготовленія лекарствъ, чѣмъ это возможно въ земскомъ аптекарскомъ складѣ, что онъ обдумалъ и обсудилъ все это и вполнѣ согласенъ съ докторомъ, и что сдѣлка съ аптекаремъ имъ покончена: 20% скидки съ казенной таксы и наличныя денежки. Вотъ вамъ и весь сказъ. Развѣ мы могли съ нимъ спорить? Какое ему дѣло до постановленій земскаго собранія? Я говорилъ Ивану Ильичу, чтобы доложить собранію, да онъ не захотѣлъ. Вѣдь этому ужъ года два или и три будетъ. Расходъ, конечно, надо говорить дѣло, большой, и аптекарь этотъ давно бы долженъ былъ прикрыть свою лавочку, кабы не мы.

Изъ смѣты мы не выходили, потому что жалованье докторамъ оставалось цѣликомъ неистраченнымъ,—вотъ и не было необходимости докладывать собранію. Да и чего было докладывать,—вѣдь самъ Л. все это устроилъ?

Это былъ ужъ не только произволъ, но и такой „капризъ Л.", который былъ ничѣмъ инымъ, какъ прямой, сознательной передѣлкой установленнаго собраніемъ порядка. Какъ могла ревизіонная коммиссія, ревизовавшая управу цѣлый годъ, пропустить такой крупный фактъ? Вѣдь отчетъ объ израсходованіи медицинской смѣты былъ на лицо, и цифры говорили сами за себя? Судя по всѣмъ видимостямъ, „даровой" докторъ-аматёръ, стоявшій внѣ какого-либо земскаго контроля, стоилъ земству гораздо больше, чѣмъ еслибы въ участкѣ былъ особый земскій врачъ. Отъ земскаго провизора, которому я поручилъ просмотръ и провѣрку этихъ аптекарскихъ счетовъ за истекшій годъ, я узналъ, что̀ значитъ казенная аптекарская такса. Дѣло сводилось къ тому, что хотя мы и не платили доктору жалованья и не могли поэтому предъявлять къ нему какихъ-либо требованій, и въ южномъ участкѣ — эпидеміи, и самостоятельные фельдшерскіе пункты оставались безъ всякаго наблюденія,—мы платили мѣстному аптекарю чуть ли не двойное докторское жалованье, хотя и содержали земскій аптекарскій складъ. Мнѣ удалось разузнать— и изъ разныхъ источниковъ,—что самъ старикъ докторъ относился совершенно безразлично къ этому вопросу, и что все дѣло было устроено и обработано самимъ аптекаремъ, съумѣвшимъ заслужить благорасположеніе Л. Тѣмъ не менѣе, я все-таки не рѣшился положить сразу конецъ этому порядку. По слухамъ, докторъ былъ очень старый, очень щепетильный и очень обидчивый человѣкъ, къ тому же хроническій больной самъ, и въ денежной сторонѣ вопроса я считалъ нужнымъ подкрѣпленіе бо̀льшаго авторитета, чѣмъ земскій провизоръ. Только съ пріѣздомъ М., тоже разсмотрѣвшимъ счеты и подтвердившимъ вполнѣ заключенія и выкладки провизора, и благодаря развившейся зимой дифтеритной эпидеміи, я счелъ себя достаточно вооруженнымъ. М., между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что большинство рецептовъ требовало сложныхъ, дорогихъ лекарствъ, бывшихъ въ модѣ лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ, но давно вышедшихъ изъ общаго употребленія въ современной фармакологіи. Земская медицина, по его словамъ, должна была придерживаться простыхъ средствъ, и въ этомъ направленіи уже были ею выработаны извѣстныя правила.

Очевидно, что моимъ прямымъ долгомъ было предпринять

что-нибудь. Самого доктора-старика я никогда не видалъ— про него говорили, что онъ живетъ отшельникомъ и не любитъ гостей, въ особенности сколько-нибудь оффиціальныхъ; разсказывали, что за годъ передъ тѣмъ онъ не принялъ заѣхавшаго къ нему Ивана Ильича. Я написалъ ему очень вѣжливое и обстоятельное письмо, осторожно спрашивая, не найдетъ ли онъ возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ существовавшемъ порядкѣ, въ виду какъ требованій постановленій собранія, такъ и экономіи. Отвѣта отъ него я совсѣмъ не получилъ, а на слѣдующемъ съѣздѣ судей Л. явился въ управу разъяренный, и, не желая слышать никакихъ объясненій, поставилъ первымъ требованіемъ самое униженное письменное извиненіе всей управы передъ докторомъ и абсолютное продолженіе существующаго порядка. Онъ говорилъ, что это было неслыханное оскорбленіе не только благодѣтелю населенія цѣлаго участка, но и ему, Л., такъ какъ онъ лично уладилъ и санкціонировалъ все это дѣло, и что ему только съ огромнымъ трудомъ удалось уговорить доктора не бросить сразу своей работы, такъ какъ онъ, Л., ручался, что никакихъ дальнѣйшихъ вмѣшательствъ управы не будетъ. Я отлично помню всю фигуру Л., его уничтожающіе жесты, его олимпійское величіе и восторженное краснорѣчіе, ужасъ Николая Иваныча, трепетный шопотъ канцеляріи. Казалось, что разверзнется небо и провалится земля, если строптивая земская управа не сознаетъ мгновенно своего легкомыслія и тяжкихъ преступленій, и не узритъ, что ея обязанности состоятъ не въ томъ, чтобы приводить въ исполненіе постановленія земскаго собранія и не бросать зря земскихъ денегъ, а въ томъ, чтобы безпрекословно исполнять „капризы Л.“. Несмотря на эту потрясающую картину, я никакъ не могъ съ нимъ согласиться, и когда, наконецъ, его остановила необходимость отдышаться,—хладнокровно, но ясно и кратко, изложилъ мои соображенія и рѣшимость сообразоватьcя неукоснительно съ тѣмъ, что̀ я считалъ своимъ долгомъ. Л. опять затопалъ, зашумѣлъ, зажестикулировалъ. У меня не осталось никакого сомнѣнія въ томъ, что передо мной былъ великій актеръ въ своемъ родѣ, не сознававшій своего дѣйствительнаго призванія, но я все-таки остался непреклоненъ. Я понималъ, что другой такой крѣпкой позиціи, какъ та, которую я занималъ по этому дѣлу, мнѣ не найти,—что еслибы я уступилъ, это значило бы оставить земскую управу въ крѣпостной зависимости у Л. и на будущее время, и утратить навсегда свою собственную независимость и человѣческое достоинство. Это была борьба самодурства съ правомъ, произвола съ законностью, и я не уступилъ.

На другой день Николай Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что Л., въ сообществѣ всѣхъ остальныхъ мировыхъ судей, до поздней ночи убѣждалъ его, при помощи второго члена управы, потребовать формальнаго засѣданія, и большинствомъ двухъ голосовъ противъ меня, подтвердить сдѣлку съ аптекаремъ и оставить ее въ силѣ до будущаго собранія. Ему было поставлено на видъ, что будущее же очередное собраніе, имѣвшее выбрать новую управу на слѣдующее трехлѣтіе, изгонитъ меня съ позоромъ, и что та же участь постигнетъ и его, если онъ не образумится и пожелаетъ соединить свою судьбу съ моею. Но и Николай Иванычъ отлично понималъ, что, во-первыхъ, я былъ безусловно правъ, и de jure, и de facto, а во-вторыхъ, что Л. зарвался, перешелъ всѣ возможные даже въ N—скомъ уѣздѣ предѣлы самодурства. И онъ не только устоялъ, но и сообщилъ мнѣ цѣликомъ все, чтò произошло и говорилось на этомъ совѣщаніи. Какимъ идолищемъ былъ Л. для своихъ поклонниковъ, какъ безгранично онъ порабощалъ ихъ умъ и совѣсть—сдѣлалось для меня яснымъ очень скоро. Всѣ мировые судьи, которые до этого эпизода были со мной въ наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ и всегда чрезвычайно одобрительно отзывались о всей моей общественной дѣятельности, въ томъ смыслѣ, что наконецъ-то и въ нашемъ уѣздѣ нашлась голова для его земства,—не спросивъ меня, не поинтересовавшись узнать и мою сторону конфликта, сразу охладѣли и стали прямо избѣгать меня. Личные интересы ихъ признаннаго руководителя были задѣты, и они были готовы слѣпо поддерживать ихъ во чтò бы то ни стало. Самостоятельнаго мнѣнія объ общественныхъ дѣлахъ у нихъ не было. Это слѣпое партизанство не остановилось на мнѣ, а пошло дальше, и было перенесено и на вновь приглашенныхъ врачей, и на все, чтò поддерживало меня и мои методы. Л. даже не кланялся новому доктору своего участка и противодѣйствовалъ исподтишка его работѣ, хотя и безуспѣшно. Самодурство затемняло даже его обширный умъ.

Я остановился на этомъ эпизодѣ особенно подробно потому, что онъ имѣлъ большое вліяніе на всю послѣдующую земскую жизнь нашего уѣзда. Какъ ни характеренъ этотъ эпизодъ и самъ по себѣ, онъ, конечно, послужилъ только предлогомъ къ тому, чтò должно было случиться раньше или позже. Земство не могло долго довольствоваться одной наружностью—новое вино не могло долго держаться въ старыхъ мѣхахъ,—конфликтъ, въ той или другой формѣ, былъ неизбѣженъ.

Въ моемъ личномъ характерѣ не было способности привле-

вать къ себѣ людей, и я не имѣлъ никакого понятія о томъ, что̀ необходимо для того, чтобы „подобрать партію" въ уѣздной жизни. Я и не думалъ объ этомъ, и просто продолжалъ свою работу, нисколько не заботясь объ осени и о новомъ трехлѣтіи. Въ южный участокъ былъ приглашенъ новый врачъ, очень милый и дѣльный юноша, съумѣвшій заслужить симпатіи населенія и сдѣлаться очень популярнымъ. Несмотря на двухъ новыхъ врачей, на огромное увеличеніе числа и амбулаторныхъ, и больничныхъ больныхъ, цѣлыхъ два года оказывалось достаточно и прежней смѣты. Благодаря популярности врачей, были выстроены въ обоихъ уѣздныхъ участкахъ новыя больницы, почти исключительно на частныя средства, безъ отягощенія земскаго бюджета; были сильно сокращены обязательные объѣзды; устроены правильные періодическіе съѣзды врачей въ городѣ; организована санитарная коммиссія, назначеніе которой было ограждать личности врачей отъ возможности нежелательныхъ къ нимъ отношеній со стороны земской управы. Нѣсколько лѣтъ земское медицинское дѣло въ N—скомъ уѣздѣ было въ удовлетворительномъ положеніи, и земскія деньги на эту статью изводились производительно; — наши врачи не только дѣлали серьезнѣйшія хирургическія операціи, но и вылечивали съ успѣхомъ ихъ послѣдствія, что̀, какъ извѣстно, далеко не одно и то же.

Въ этомъ году должны были быть произведены выборы новыхъ гласныхъ, и затѣмъ, осенью, новой управы на слѣдующее трехлѣтіе. Л. занимался этими выборами очень усиленно, но такъ какъ уѣздъ представлялъ все тотъ же ограниченный матеріалъ, и новый составъ отличался отъ стараго только очень немного. Перемѣнились два-три крестьянина, да вмѣсто двухъ умершихъ гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ были выбраны два новыхъ лица. Одинъ изъ нихъ былъ П., недавно пріѣхавшій въ уѣздъ послѣ смерти старика отца, кандидатъ петербургскаго университета, очень умный и знающій молодой человѣкъ, рано кончившій курсъ и уже потолкавшійся по Россіи въ качествѣ чина судебнаго вѣдомства. Онъ былъ на распутьи, и очевидно не могъ рѣшить, какъ ему съ собой распорядиться. Хотя мы и состояли съ нимъ въ очень близкихъ родственныхъ отношеніяхъ, онъ никогда не былъ близокъ или искрененъ со мною, вѣроятно потому что съ ранней молодости былъ человѣкомъ кружка до мозга костей, и не считалъ меня принадлежащимъ къ его приходу. Кромѣ того, онъ былъ большой дипломатъ по натурѣ, и умѣлъ сдерживать свои импульсы, тогда какъ я никогда не отличался осторожностью, а напротивъ, часто бывалъ даже слишкомъ рѣ-

зокъ. И онъ до извѣстной степени былъ подверженъ народническимъ тенденціямъ, и предпочиталъ въ то время земскую службу государственной, но вѣроятно страшился похоронить себя въ нашихъ дебряхъ. Какъ-то лѣтомъ онъ сказалъ мнѣ, что не прочь бы былъ сдѣлаться осенью предсѣдателемъ нашей уѣздной управы, — и я былъ искренно радъ такому его рѣшенію, такъ какъ, во-первыхъ, считалъ его гораздо болѣе подготовленнымъ и пригоднымъ для этой важной должности, а во-вторыхъ, былъ доволенъ возможностью опять взяться за свое совершенно заброшенное хозяйство. Жалованья предсѣдатель управы получалъ всего 2.000 рублей въ годъ, включая и всѣ разъѣздныя; за годъ мнѣ пришлось побывать исключительно по земскимъ дѣламъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ и нѣсколько разъ въ губернскомъ городѣ, и я уже успѣлъ узнать, что денегъ этихъ далеко не можетъ хватать даже на сопряженные съ должностью расходы, не говоря уже о какомъ бы то ни было вознагражденіи за мое время. А хозяйство, конечно, соотвѣтственно страдало. Если во мнѣ не было необходимости, я готовъ былъ и уйти съ величайшимъ удовольствіемъ. А потому я и порѣшилъ дослужить свой срокъ въ управѣ, затѣмъ предводителемъ — въ декабрѣ же должны были происходить и дворянскіе выборы, на слѣдующее трехлѣтіе—и затѣмъ сократиться съ общественнаго поприща, такъ какъ даже земскимъ гласнымъ, за молодостью, я быть не могъ.

Другимъ новымъ человѣкомъ въ составѣ гласныхъ былъ избранникъ Л. въ будущіе предсѣдатели управы, управлявшій значительнымъ имѣніемъ въ нашемъ уѣздѣ, нѣмецъ А. Это былъ пожилой уже человѣкъ, превосходный сельскій хозяинъ, нигдѣ никогда не служившій и рѣшительно ни о чемъ кромѣ сельскаго хозяйства не имѣвшій никакого понятія. Какъ потомъ оказалось, даже несложная земская организація была ему совершенно незнакома, и онъ нерѣдко запутывался даже въ ея номенклатурѣ. Какъ ни хлопоталъ Л., въ уѣздѣ не было не только лучшаго, но и какого бы то ни было другого кандидата,—да и этого пришлось, во-первыхъ, снабдить фиктивнымъ имущественнымъ цензомъ, во-вторыхъ, серьезно и долго уговаривать. А. хотя и былъ очень недалекій, но и очень добросовѣстный нѣмецъ, привыкшій относиться не иначе какъ серьезно къ принимаемымъ на себя обязанностямъ; онъ сомнѣвался въ своей способности занимать съ успѣхомъ такую должность, и Л. долженъ былъ пустить въ ходъ всевозможныя давленія, чтобы заставить его согласиться. Само собой разумѣется, что все это было отлично

извѣстно всему уѣзду—такого рода шила въ мѣшкѣ уѣздной жизни никакъ не утаишь.

Не думаю, что будетъ большой нескромностью, если я скажу, что проработалъ весь этотъ годъ съ чрезвычайной интенсивностью, со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ ранней юности, съ утра до ночи, каждый день и цѣлый день. Результаты этой работы не могли не быть извѣстны всякому, кто хоть сколько-нибудь соприкасался съ общественными дѣлами уѣзда. Земское жалованье уплачивалось всѣмъ и каждому въ срокъ. Положенный по штату медицинскій персоналъ, въ первый разъ по основаніи земства, былъ весь на лицо—и персоналъ превосходнаго качества. Порка и зуботычины по волостнымъ правленіямъ почти совсѣмъ прекратились; фавориты волостные писаря сдѣлались очень осторожными. Всякій обыватель, кто бы онъ ни былъ, смѣло шелъ и къ предводителю, и въ управу, въ полной увѣренности, что его во всякомъ случаѣ внимательно выслушаютъ,—а прежде мужику это было совершенно недоступно. И городъ, и казна, и удѣлъ были довольны, потому что разобрались, наконецъ, въ своей путаницѣ и счетахъ съ земствомъ, и нескончаемымъ безсодержательнымъ препирательствамъ наступилъ конецъ.

Когда собралось, наконецъ, осенью земское собраніе новаго состава, я не могъ не чувствовать, что его симпатіи, хотя вначалѣ и скрытыя, были на моей сторонѣ. Николай Иванычъ и слышать не хотѣлъ о моемъ отказѣ баллотироваться на слѣдующее трехлѣтіе, и энергично доказывалъ мнѣ, что изъ сорока-пяти слишкомъ шаровъ у меня не можетъ оказаться болѣе шести-семи черныхъ, голоса Л. и его мирового съѣзда. Я особенно тщательно приготовился къ собранію. Всѣ доклады управы, прежде составлявшіеся весьма кратко и небрежно секретаремъ, были на этотъ разъ написаны мною самимъ, и докладъ о положеніи медицинской части въ уѣздѣ и о сдѣланныхъ и предлагаемыхъ въ ней преобразованіяхъ былъ предварительно просмотрѣнъ и одобренъ докторскимъ съѣздомъ. Въ этомъ докладѣ, какъ всѣ отлично знали, заключался гвоздь собранія. На этотъ разъ оно велось уже мною, безъ всякаго вмѣшательства Л. Онъ, впрочемъ, держалъ себя, въ общемъ, очень корректно, замѣтно иначе, чѣмъ когда-либо прежде. По мѣрѣ того, какъ доклады собранія, одинъ за другимъ, одобрялись и вызывали шумную благодарность собранія, его обычная театральность исчезала все больше и больше, и онъ почти не разжималъ рта, и только демонстративно сидѣлъ, когда собраніе вставаніемъ выражало такія благодарности. Медицинскій докладъ прошелъ цѣликомъ

больше чѣмъ блистательно. Всѣ земскіе врачи были приглашены къ присутствованію съ правомъ голоса, сдѣлали личные доклады по своимъ участкамъ и получили горячую благодарность собранія, въ особенности М., въ пользу котораго была сдѣлана особая, не совсѣмъ обычная демонстрація. Хотя эпизодъ со старикомъ-докторомъ и былъ изложенъ мною цѣликомъ въ докладѣ, Л. не нашелъ возможнымъ сдѣлать на меня какое-либо нападеніе по его поводу,—такъ очевидно было, что громадное большинство собранія было всецѣло на моей сторонѣ. Л. дулся, мировые судьи упорно молчали, но тѣмъ все дѣло и кончилось. Хотя составъ собранія и былъ почти тотъ же, что̀ и въ прошломъ году,—о чемъ я уже упоминалъ выше,—оно очевидно эмансипировалось отъ того гипноза вліянія Л., въ которомъ оно тогда несомнѣнно находилось. Его дни прошли навсегда. И самъ Л., конечно, лучше всѣхъ остальныхъ понималъ это. Вначалѣ, покуда ожидалось столкновеніе между мною и имъ, и были сомнѣнія, съумѣю ли я выдержать натискъ и не загонитъ ли онъ меня, несмотря ни на что, въ уголъ,—что̀ ему всегда удавалось дѣлать съ своими противниками,—большинство гласныхъ было очень осторожно; даже лучшіе люди въ ихъ составѣ, какъ П., безусловно сочувствовавшіе возможному искорененію самодурства въ земствѣ, преувеличивая силу и значеніе Л., очевидно рѣшили про себя предоставить меня своимъ собственнымъ средствамъ и дать мнѣ поддержку—только если я справлюсь удовлетворительно съ его аттакой самостоятельно. Хотя право было безусловно на моей сторонѣ, хотя прямые интересы земства пострадали бы съ моимъ пораженіемъ, тѣмъ не менѣе уѣздная дипломатія заставляла ихъ держаться въ сторонѣ; они могли пристать только къ побѣдителю. Другими словами, такой партіи безусловныхъ сторонниковъ, какою располагалъ Л., у меня не было,—только ходъ и результатъ собранія могли создать ее. Но, по мѣрѣ того, какъ атмосфера расчищалась, настроеніе собранія измѣнялось постепенно, а затѣмъ для всѣхъ сдѣлалось ясно, что моя позиція была неприступна, и что съ голыми руками, какъ у Л., взять меня нельзя. Когда же столкновенія совсѣмъ не вышло, и всѣ дѣйствія управы были одобрены, отношеніе собранія ко мнѣ круто измѣнилось, у меня оказались многіе открытые сторонники, уже переставшіе бояться Л., и значительное большинство собранія несомнѣнно искренно желало, чтобы я согласился остаться на своемъ мѣстѣ. Когда подошли выборы, я, согласно моему соглашенію съ П., безусловно отказался отъ баллотировки. Въ теченіе собранія, на всѣ вопросы гласныхъ по этому пункту, я

неизмѣнно предлагалъ его въ предсѣдатели, какъ болѣе достойнаго и опытнаго человѣка; но когда настала рѣшительная минута, П., не переговоривъ со мной и совершенно для меня неожиданно, тоже отказался. Я не знаю и до сихъ поръ, что̀ привело его къ такому рѣшенію. Еслибы онъ меня предупредилъ, я не счелъ бы себя вправѣ отказаться, такъ какъ былъ убѣжденъ, что А. безусловно не годится. А дѣло свелось къ тому, что некого было выбрать, кромѣ него, какъ въ прошломъ году некого было выбрать кромѣ меня. И А. былъ выбранъ большинствомъ двухъ или трехъ шаровъ,—не было никого другого. Въ члены, несмотря на свирѣпое противодѣйствіе Л., были выбраны Николай Иванычъ, и значительно бо̀льшимъ числомъ голосовъ, чѣмъ А., и другой крестьянинъ. Но въ губернскіе гласные, кромѣ самого Л., былъ выбранъ я и исключительно его отъявленные противники, будущіе члены лѣвой, а не правой, какъ это всегда было прежде.

Во время собранія, шедшаго весьма стремительно и засѣдавшаго каждый день съ утра до поздняго вечера, его секретари не могли управиться своевременно съ протоколами, и въ подмогу имъ былъ выбранъ А., и какъ разъ послѣ выборовъ ему пришлось читать составленый имъ протоколъ одного изъ предшествовавшихъ собраній. Ни Л., никто другой изъ его друзей не догадался просмотрѣть предварительно этотъ протоколъ, и А. проявилъ при его чтеніи такую невообразимую безграмотность, такое очевидное непониманіе всего того, что̀ произошло въ собраніи, такое неслыханное незнакомство со всѣмъ земскимъ дѣломъ и, при попыткахъ исправить этотъ протоколъ, такую очевидную тупость, что всѣ, даже гласные крестьяне, просто ахнули. Л. краснѣлъ и блѣднѣлъ, рвалъ и металъ, когда я наконецъ, пріостановивъ засѣданіе, подсѣлъ къ А. и переписывалъ самъ весь этотъ злополучный протоколъ съ начала до конца. Одинъ старый гласный, морякъ, человѣкъ независимый и откровенный, который лично не зналъ А. и подалъ за него голосъ по совѣту Л., подошелъ къ нему и спросилъ во всеуслышаніе: „Кого это вы посадили намъ въ предсѣдатели управы? Вѣдь его въ школу прежде всего нужно отдать, азбукѣ выучить, да и потомъ нянька до конца дней будетъ нужна“! Л. только безпомощно развелъ руками и отвѣтилъ театральнымъ шопотомъ, на всю залу: „Кто жъ его зналъ, батюшка, что онъ такой дуракъ“? Л. больше всего боялся очутиться въ смѣшномъ положеніи, въ которое такъ любилъ ставить другихъ, и этимъ отвѣтомъ и извинялъ себя передъ собраніемъ, и предавалъ своего протежѐ съ руками и ногами и

въ будущемъ. Участь А. была рѣшена въ самый день его выбора, да и Л. этимъ эпизодомъ поставилъ крестъ и на свою собственную земскую дѣятельность. А я уѣхалъ домой съ непріятной увѣренностью, что если не случится что-либо непредвидѣнное, мнѣ опять придется въ самомъ скоромъ времени впрягаться въ корень земской телѣги уѣзда.

П. А. Т.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЛѢТО

1.

Лѣто красное властно царитъ надъ землей;
Зацвѣли васильки,
Земляника алѣетъ подъ сочной травой;
По ночамъ свѣтляки
На былинкахъ какъ яркія точки дрожатъ.
Такъ тихи́ вечера!
И съ прохладой несется цвѣтовъ ароматъ.
Золотая пора!

Я хочу позабыть, что подъ острымъ серпомъ
Ляжетъ нивы краса,
Что въ зеленой травѣ, зазвенѣвъ лезвіемъ,
Засверкаетъ коса,
И подъ нею узорный уборъ опадетъ
Лугового ковра,
И что въ жизни какъ краткое лѣто пройдетъ
Золотая пора.

2.

Какъ привѣтливо машутъ деревья
И какъ ласково шепчутъ листы!
Наклоняются стройныя травы,
Нагибаютъ головки цвѣты;

Всюду солнца веселые блики,
Трепетъ крыльевъ, лѣсной ароматъ.
Старый садъ меня радостно встрѣтилъ,
Моему возвращенью онъ радъ.

3.

На днѣ извилистой канавы,
Въ тѣни нависнувшихъ кустовъ,
Сплелися желтыя купавы
И сѣть лазоревыхъ цвѣтовъ.
Какъ неба бездна голубая,
Какъ дорогая бирюза,
Тамъ незабудокъ, расцвѣтая,
Синѣютъ кроткіе глаза.

4.

Тамъ, гдѣ деревья-исполины
Возносятъ гордыя вершины,
Люблю бродить я въ поздній часъ.
День шумный уступилъ покою;
Звѣздами искрясь надо мною,
Ночь темно-синяя зажглась.

Изъ глуби смолкнувшаго сада
Струится легкая прохлада
И разливается кругомъ.
Все спитъ; лишь колоколъ церковный
Свой звонъ медлительный и ровный
Колеблетъ въ воздухѣ ночномъ.

5.

Липу старую съ темно-зеленой листвою,
По которой скользитъ, словно зыбь, вѣтерокъ,
Солнца лучъ пронизалъ золотою иглою,
Испещряя узорами желтый песокъ.

Измѣняясь, дрожатъ и колеблются тѣни,—
То сольются, то вновь разойдутся порой.
Такъ по сердцу оттѣнки скользятъ впечатлѣній
Чуть замѣтной, измѣнчиво-легкой игрой.

6.

Вчера былъ прудъ угрюмъ и мраченъ,
Темнѣя сталью подъ дождемъ;
Теперь онъ свѣтелъ и прозраченъ,
И лиліи цвѣтутъ на немъ.
Блистая пѣной бѣлоснѣжной,
Онѣ сребристы и чисты,
И волны бережно и нѣжно
Качаютъ бѣлые цвѣты.

7.

Эта ночь прозрачно-голубая
Тишины и прелести полна;
Сквозь листву таинственно сверкая,
Заблистала золотомъ луна.
Лучъ ея, неясный и несмѣлый,
Крадется подъ чащею лѣсной,—
Тамъ березы стволъ задѣнетъ бѣлый,—
Тамъ туманной ляжетъ полосой.
Нѣжится природа, отдыхая,—
Истомилась знойнымъ днемъ она.
Эта ночь прозрачно-голубая
Тишины и прелести полна.

8.

Я завидую солнечнымъ яркимъ лучамъ—
Появленье ихъ радость и нѣгу несетъ;
Я завидую синимъ прозрачнымъ волнамъ—
Ихъ струя такъ привольно и быстро течетъ;
И воздушнымъ завидую я облакамъ—
Путь ихъ воленъ, не знаетъ преградъ ихъ полетъ.

Не завидуй!—дни яснаго лѣта пройдутъ,
Солнце скроется—осени мгла глубока,
Волнъ теченье морозы въ броню закуютъ,
Ледяныя оковы надѣнетъ рѣка.
И слезами надъ мрачной землей изойдутъ,
И растають унылымъ дождемъ облака.

Л. Кологривова.

ЭМИЛЬ ЗОЛА

Критико-біографическій очеркъ.

I.

Несчастный случай положилъ конецъ жизни и творчеству писателя, который отличался во всемъ и всегда однимъ основнымъ и несомнѣннымъ свойствомъ своей натуры—сознательной силой. Все, что онъ предпринималъ, задумано было въ колоссальныхъ размѣрахъ, предполагало гигантскій трудъ,—и всегда съ полной ясностью, твердостью и выдержанностью Зола̀ выполнялъ до конца намѣченные имъ планы. Двадцать томовъ серіи „Ругонъ-Маккаровъ“—рѣдкій примѣръ полнаго осуществленія творческаго замысла, изложеннаго совершенно опредѣленно въ самомъ началѣ труда. Слѣдующая серія романовъ — эпопея трехъ городовъ („Римъ“, „Лурдъ“ и „Парижъ“), олицетворяющихъ основы современной культуры,—тоже выполнена во всемъ предполагаемомъ объемѣ и по заранѣе предначертанной программѣ. Третья серія, задуманная въ формѣ четырехъ евангелій, „Плодородіе“, „Трудъ“, „Правда“ и „Справедливость“, прервана внезапной смертью романиста. Появились только два первыхъ романа, „Fécondité“, „Travail“, и начало третьяго—„Vérité“. Незаконченность послѣдней серіи не нарушаетъ, а напротивъ того, увеличиваетъ цѣльность воздвигнутаго Зола̀ литературнаго зданія. Въ „евангеліяхъ“ Зола̀ вступилъ на новый путь. Изъ безпощаднаго обличителя и убѣжденнаго пессимиста онъ превратился, или, вѣрнѣе, искусственно превратилъ себя въ проповѣдника положительныхъ идеаловъ, сталъ предлагать лекарства для спасенія разлагающейся Франціи, сталъ повторять въ новой формѣ библейскую заповѣдь: „плодитесь и

работайте въ потѣ лица". На третьемъ словѣ: „ищите правды", онъ роковымъ образомъ запнулся. Эта проповѣдь не имѣетъ органической связи съ писательской физіономіей Зола̀, и его литературное значеніе создано не евангеліями плодородія и труда, а лучшими произведеніями двухъ первыхъ серій.

Ту же силу и энергію въ осуществленіи предначертанной цѣли и то же умѣнье придавать широкіе размѣры всякому своему начинанію Зола̀ обнаружилъ и тогда, когда взволновалъ всю Европу своей смѣлой, вызывающей защитой Дрейфуса, своимъ походомъ противъ лицемѣрнаго патріотизма. Во всю свою предъидущую писательскую жизнь Зола̀ былъ чуждъ политики, и не разъ высказывалъ полное презрѣніе къ ней. Но дѣло Дрейфуса задѣло одну изъ самыхъ живыхъ струнъ его натуры—его боевой пессимизмъ, разбудило въ немъ потребность кричать на весь міръ о паденіи современнаго общества. Всю свою жизнь онъ неустанно собиралъ „человѣческіе документы", чтобы доказать, что современная культура сводится къ чудовищному развитію низменныхъ эгоистическихъ инстинктовъ,—и все, что̀ онъ такъ убѣдительно доказывалъ, наглядно подтвердилось въ общественной драмѣ, освѣтившей скрытые подъ разными масками „аппетиты", выражаясь любимымъ словомъ Зола̀. Съ той же силой, съ которой Зола̀ обнажалъ сущность культурнаго человѣка, „жестокаго и похотливаго звѣря", въ своихъ „Ругонъ-Маккарахъ", онъ сталъ обличать живыхъ потомковъ своей вымышленной семьи. Дѣятельная защита Дрейфуса—достойное завершеніе его писательскаго подвига—живой двадцать-первый романъ, прибавленный къ серіи „Ругонъ-Маккаровъ", апоѳеозъ созданной имъ трагикомедіи буржуазнаго строя. И Дрейфусовская кампанія Зола̀ увѣнчалась такимъ же успѣхомъ, какъ и его литературныя предпріятія, всегда доводимыя до заранѣе намѣченной цѣли. Зола̀ восторжествовалъ еще и въ другой области идейной пропаганды: онъ первый выступилъ въ защиту новой французской живописи, — превознося главу импрессіонизма, живописца Манэ, и ведя ожесточенную борьбу противъ академическихъ традицій. Долго буржуазная публика относилась съ презрѣніемъ и насмѣшками къ защищаемому Зола̀ художнику, но въ концѣ концовъ побѣда оказалась на сторонѣ Зола̀;—въ настоящее время никто не сомнѣвается въ крупномъ значеніи Манэ и импрессіонистской школы, породившей дальнѣйшее развитіе новѣйшей живописи съ ея изученіемъ свѣта и воздуха.

Темпераментъ борца и разрушителя составляетъ faculté-maîtresse Зола̀, обусловливающую цѣльность всего имъ совершеннаго. Имъ

стихійно владѣло какое-то внутреннее отчаяніе, сознаніе вины разростающейся французской культуры передъ судомъ совѣсти, сознаніе внутренней пустоты пышнаго зданія, которое не стало храмомъ, потому что всѣ силы ушли и уходятъ на украшеніе стѣнъ,—алтарь же по срединѣ не воздвигнутъ. Скорбь объ отсутствіи этого духовнаго начала лежитъ въ основѣ пессимизма Зола̀, и ею обусловлены всѣ его матеріалистическія теоріи. Но теоретичность Зола̀—наносный элементъ въ его творчествѣ, и оно сильно не ею, а вопреки ей; страсть же къ постоянному созиданію теорій и стремленіе подчинить имъ свои замыслы составляютъ своего рода проклятіе Зола̀: стихійно онъ врагъ культуры, опустошившей душу его народа, замѣнившей природныя чувства „аппетитами"; но по своему воспитанію, по умственнымъ привычкамъ, онъ самъ—созданіе этой культуры, и холодныя умствованія постоянно борются въ немъ съ его страстнымъ темпераментомъ. Этимъ объясняются контрасты, которыхъ такъ много и въ произведеніяхъ, и въ натурѣ Зола̀. Онъ объявлялъ во всеуслышаніе о томъ, что онъ—натуралистъ, что его цѣль—безстрастное научное изслѣдованіе внѣшняго и внутренняго міра, а между тѣмъ всѣмъ бросался въ глаза романтизмъ его произведеній, постоянное сгущеніе красокъ, также какъ и страстность его изображеній житейской грязи—страстность неумѣстная въ спокойномъ наблюдателѣ и экспериментаторѣ. Зола̀ и не отрицалъ своего романтизма, но старался найти для него научную формулу. Онъ постоянно искалъ компромиссовъ между своими стихійными влеченіями и роковымъ для него стремленіемъ пригнать ихъ къ выводамъ той культуры, противъ которой онъ ополчился. Это основное противорѣчіе обусловливаетъ также глубокое различіе между произведеніями Зола̀ и его жизнью. Онъ самъ вынужденъ былъ выяснить это различіе, защищаясь отъ грубыхъ нападокъ на его личную жизнь. Такъ какъ онъ переступалъ всякія границы въ своемъ изображеніи разврата и животныхъ инстинктовъ, то въ самый разгаръ его литературныхъ успѣховъ создалась цѣлая легенда о чудовищной распущенности автора „Ругонъ-Маккаровъ". Особенно сильное возмущеніе вызвалъ „Assomoir", и, со свойственной ему склонностью къ полемикѣ, Зола̀ не преминулъ отвѣтить своимъ критикамъ. Въ этомъ отвѣтѣ, составляющемъ предисловіе къ позднѣйшимъ изданіямъ „Assomoir", онъ говоритъ о распространяемыхъ на его счетъ гнусныхъ слухахъ. „Еслибы знали,—пишетъ онъ,—какъ потѣшаются мои друзья надъ баснями, которыми забавляютъ публику на мой счетъ. Еслибы знали, какую мирную, почтенно-буржуаз-

ную жизнь ведетъ въ своемъ тихомъ углу этотъ мнимый кровопійца и злодѣй, какъ онъ преданъ труду и искусству, заботясь лишь о томъ, чтобы создать какъ можно болѣе широкую и живую картину дѣйствительности". Зола былъ дѣйствительно въ жизни честнымъ буржуа, неутомимымъ работникомъ, спокойнымъ человѣкомъ, безконечно далекимъ отъ всѣхъ тѣхъ страстей и необузданностей, которыми полны его романы. Ненавидя матеріалистическій, буржуазный строй жизни, онъ въ то же время, въ силу своихъ умственныхъ привычекъ и серединныхъ жизненныхъ вкусовъ, былъ рабомъ этой долговѣчной, ведущей къ вырожденію культуры. Это сліяніе стихійности и культурнаго наслоенія намѣчаетъ ясную грань между положительными и отрицательными сторонами въ творчествѣ и дѣятельности Зола. Сила его—въ жизненности, въ эпическомъ величіи его изображеній толпы, въ умѣньи доводить изображенія страстей до чудовищности,—словомъ, въ яркомъ изображеніи паденія человѣчества, пожираемаго жаждой плотскихъ радостей и утратившаго всякое чутье къ запросамъ духа. Все-же отрицательное въ творчествѣ Зола, искусственность его научныхъ построеній, стремленіе подогнать свободное развитіе страстей подъ научныя формулы, замѣна живыхъ наблюденій патологическими фактами, вычитанными изъ медицинскихъ книгъ, словомъ—весь научный балластъ его романовъ и намѣренный шаржъ въ изображеніи преступныхъ инстинктовъ, все это—результатъ слишкомъ сильныхъ культурныхъ вліяній. Зола съумѣлъ развѣнчать „блага культуры", но не смогъ создать идеалъ духовной жизни, противопоставить обличенію свѣтъ спасительной правды, показать выходъ изъ окружающаго зла. Его философія сводится къ убѣжденному пессимизму. Онъ хотя и сознаетъ необходимость выводовъ, но слишкомъ зараженъ культурнымъ ядомъ, и придумываетъ только теоріи, научныя объясненія, не ища отвѣта во внутреннемъ чувствѣ.

II.

Жизнь Зола протекла сравнительно ровно, и представляетъ ту сумму печалей и радостей, исканій и удовлетвореній, къ которой сводится всякое человѣческое существованіе. Никакихъ потрясающихъ событій, никакихъ драмъ, вліяющихъ на духовное развитіе, никакихъ идейныхъ переломовъ въ жизни Зола не было, и его писательская дѣятельность не связана съ обстоятельствами жизни. Зола—южанинъ; онъ родился въ 1840 г., въ

Провансѣ, въ городѣ Эксѣ, который онъ описываетъ въ своихъ первыхъ романахъ подъ вымышленнымъ названіемъ Плассанса. Золà—французъ только по своей матери; отецъ его былъ итальянецъ, чѣмъ отчасти объясняется склонность Золà ко всяческимъ идейнымъ увлеченіямъ и преувеличеніямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ его позитивными теоріями. Отецъ Золà былъ инженеръ, и въ Эксѣ существуетъ до сихъ поръ сооруженный имъ „Каналъ Золà“. Лишившись отца довольно рано, Золà переѣхалъ съ матерью въ Парижъ, гдѣ долженъ былъ искать заработка, и гдѣ провелъ долгіе годы въ чрезвычайно стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ погонѣ за случайнымъ заработкомъ. Онъ поступилъ въ 1861 г. приказчикомъ къ издателю Гашету, вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми писателями, признававшими въ немъ задатки таланта, и началъ пробовать свои силы въ литературѣ. Тогда были написаны нѣсколько сказокъ, вошедшихъ потомъ въ сборникъ „Contes à Ninon“, затѣмъ „Comédie Amoureuse“ и „Soeur des pauvres“; послѣднюю повѣсть Гашетъ, покровительствовавшій своему талантливому служащему, нашелъ слишкомъ мятежной. Въ 1864 г. Золà издалъ свой первый сборникъ разсказовъ—„Contes à Ninon“—у издателя Лакруа, а въ слѣдующемъ году—у него же—„La confession de Claude“; эта повѣсть навлекла своими вольностями на молодого автора преслѣдованія цензуры. Отказавшись (въ 1865 г.) отъ должности приказчика, Золà занялся мелкой журнальной работой и сталъ писать во множествѣ изданій, преимущественно провинціальныхъ; статьи его (объединенныя позже въ сборникѣ „Mes Haines“) обращали на себя вниманіе рѣзкимъ полемическимъ тономъ и нападками на признанные авторитеты. Въ нихъ сказывался уже боевой темпераментъ Золà. Матеріальное положеніе Золà, очень стѣсненное сначала, улучшилось, когда онъ сталъ сотрудникомъ газеты „Evénement“; редакторъ ея, Вильмессанъ, умѣлъ распознавать талантливыхъ людей и сразу отнесся сочувственно къ Золà, щедро оплачивалъ его трудъ и помогъ ему стать на ноги. Въ „Evénement“ Золà писалъ сначала литературныя замѣтки о новыхъ книгахъ, а потомъ обратившія на него общее вниманіе статьи о художественныхъ выставкахъ (салонахъ); онъ выступилъ смѣлымъ защитникомъ импрессіонистовъ, и въ особенности Манэ, рѣзко нападалъ на академическія традиціи и на устарѣлые вкусы публики. Статьи его вызвали цѣлую бурю въ печати, такъ что осторожный и избѣгавшій всякихъ скандаловъ Вильмессанъ потребовалъ прекращенія ихъ. Эта кампанія въ защиту новаго искусства способствовала позднѣйшему торжеству

импрессіонизма и сильно выдвинула Зола̀. Продолжая писать критическія статьи на литературныя темы въ „Evénement", а потомъ въ смѣнившемъ эту газету „Фигаро", Зола̀ рѣзко полемизировалъ съ прославленнымъ критикомъ того времени, Жюлемъ Жаненомъ, восхвалялъ Тэна и Флобера (въ статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ „Marbres et Plâtres", подписанныхъ псевдонимомъ Simplice). Въ то же время онъ началъ писать романы, и его первенцомъ въ этомъ родѣ была „Тереза Ракѐнъ" (1867 г.), вызвавшая нападки на цинизмъ автора; эти нападки, быть можетъ, какъ разъ и содѣйствовали успѣху романа и послѣдовавшей черезъ нѣкоторое время передѣлки его для сцены. Къ раннимъ произведеніямъ Зола̀ принадлежитъ и другой романъ, „Madeleine Férat", печатавшійся сначала подъ заглавіемъ „Honte" въ „Evénement", но настолько возмутившій подписчиковъ своей грубостью, что пришлось прервать его печатаніе.

Эти первые романы, затѣмъ двѣ не попавшія на сцену театральныя пьесы („La Laide" и „Madeleine") и надѣлавшія много шума критическія статьи представляютъ собой подготовительный періодъ въ творчествѣ Зола̀; въ этихъ первыхъ произведеніяхъ опредѣлились нѣкоторыя основныя черты его писательскаго темперамента, его боевой задоръ, разрывъ съ переживаніями въ литературѣ и искусствѣ, вызывающая дерзость въ откровенномъ изображеніи грязи и стремленіе даже сгущать краски, смущая буржуазную публику. Впослѣдствіи эта грубость описаній стала главнымъ предметомъ нападокъ на Зола̀ и вмѣстѣ съ тѣмъ основой его успѣха, причиной огромнаго распространенія его романовъ. Но обвиненія Зола̀ въ потворствѣ пошлымъ вкусамъ толпы ради дешеваго успѣха несправедливы; онъ невиновенъ въ томъ, что привлекъ на свою сторону какъ разъ тѣхъ людей, которыхъ изображалъ во всемъ ихъ явномъ уродствѣ въ своихъ романахъ.

Зола̀ менѣе всего принадлежитъ къ числу столь многочисленныхъ во Франціи писателей, разжигающихъ воображеніе красивостью, граціозностью эротическихъ описаній. Французскій языкъ выработалъ цѣлый рядъ названій для такого снисходительнаго отношенія къ животнымъ инстинктамъ; гривуазность, esprit gaulois, polissonnerie—всѣ эти термины, приложимые къ Раблэ, къ Кребильону и другимъ писателямъ XVIII-го вѣка, ко множеству современныхъ французскихъ писателей, къ Катулу Мендесу, Арману Сильвестру, Пьеру Люису, Вилли и др., предполагаютъ особое искусство въ изображеніи того, что̀ принято называть порокомъ, особое умѣнье говорить намеками, дѣйствуя на воображеніе читателя, полуобнажать, оставляя, однако, элементъ таин-

ственнаго, нераскрытаго въ описаніяхъ, создавать атмосферу запретности, увеличивающую пикантность и привлекательность описаній. Зола̀ этой цѣлью не задается и не пользуется средствами, ведущими къ ней. Онъ грубо обнажаетъ животные инстинкты, возбуждая только ужасъ и гадливость; представляя запретное и таинственное явнымъ и естественнымъ, онъ отнимаетъ у „грѣха" всю его мнимую красоту и привлекательность, и показываетъ, напротивъ того, его унизительность и пошлость. Безъ желанія морализировать, изображая только неприглядную правду жизни, Зола̀ становится—конечно, благодаря своему романтизму—ожесточеннымъ моралистомъ. Въ его описаніяхъ нѣтъ соблазна, и чѣмъ болѣе онъ накопляетъ грубыхъ физіологическихъ подробностей, чѣмъ циничнѣе срываетъ покровы съ того, о чемъ принято говорить лишь намеками, тѣмъ болѣе чувствуется въ авторѣ омерзѣніе проповѣдника, громящаго падшее человѣчество. Грубость Зола̀ не составляетъ достоинства его романовъ; онъ къ тому же часто нарушаетъ выставленный имъ самимъ принципъ реализма предвзятостью своей основной идеи, своимъ стремленіемъ доказать, что человѣкъ—не что̀ иное, какъ „похотливое и жестокое животное". Но, во всякомъ случаѣ, нужно снять съ него обвиненіе въ потворствѣ дурнымъ инстинктамъ читателей, въ пристрастіи къ пикантнымъ подробностямъ. Ничего прельстительнаго въ его описаніяхъ нѣтъ; напротивъ того, онъ преувеличиваетъ уродство разнузданныхъ инстинктовъ съ суровостью фанатическаго проповѣдника, такъ что всѣ нападки на него въ этомъ отношеніи со стороны Брюнетьера, Фагэ, Пелисье и другихъ не попадаютъ въ цѣль.

Въ 1871 г. вышла первая книга серіи „Ругонъ-Маккаровъ", „La fortune des Rougon"—начало огромнаго труда, создавшаго автору всемірную славу. Съ этого момента, Зола̀ уже не писалъ ничего случайнаго, а правильно и методично выполнялъ заранѣе опредѣленный планъ. Въ теченіе двадцати-одного года, съ 1871 по 1893 годъ, вышло двадцать томовъ „Ругонъ-Маккаровъ", затѣмъ серія трехъ городовъ, за которой послѣдовало начало прерванныхъ смертью „четырехъ евангелій". Зола̀ задавался еще дальнѣйшими планами, хотѣлъ написать трилогію подъ названіемъ: „Les trois hommes", одну изъ частей которыхъ намѣревался посвятить своему отцу, инженеру Зола̀.

Внѣшній успѣхъ не сразу улыбнулся автору „Ругонъ-Маккаровъ". Планъ работы былъ вполнѣ выработанъ заранѣе, и предлагая своему издателю, Лакруа, печатаніе задуманнаго имъ огромнаго труда, Зола̀ представилъ ему уже и генеалогическое дерево

„Ругонъ-Маккаровъ“, и распредѣленіе отдѣльныхъ частей эпопеи, охватывающей всю совокупность культурной жизни Франціи, бытъ всѣхъ классовъ населенія. У Лакруа вышли только „La fortune des Rougon“ и „La Curée“, вызвавшая судебныя преслѣдованія за чрезмѣрную вольность описаній. Эти первые два романа не имѣли успѣха, и Лакруа отказался отъ изданія дальнѣйшихъ. Начиная съ третьяго романа, „Conquête de Plassans“, изданіе перешло къ Шарпантьé, ставшему близкимъ другомъ Зола и издателемъ всѣхъ его дальнѣйшихъ произведеній. Матеріальное положеніе Зола было очень неблестящимъ въ первые годы изданія „Ругонъ-Маккаровъ“, и тогда истинно спасительнымъ явилось для него предложеніе работать въ Россіи, писать „Парижскія письма“ въ „Вѣстникѣ Европы“. Зола былъ искренно признателенъ Тургеневу, служившему посредникомъ между нимъ и редакціею „Вѣстника Европы“, и взялся съ большимъ рвеніемъ за выполненіе возложенной на него задачи. Онъ писалъ въ этомъ журналѣ съ 1875 по 1880 г., и статьи его, появлявшіяся сначала по-русски, а потомъ въ Парижѣ по-французски, составляютъ содержаніе его двухъ главныхъ теоретическихъ и критическихъ трудовъ: „Le roman expérimental“ и „Les romanciers naturalistes“. Въ предисловіи къ французскому изданію „Roman expérimental“ Зола выражаетъ свою глубокую признательность Россіи, оказавшей ему поддержку въ трудное время. „Да будетъ мнѣ дозволено, — пишетъ онъ, — выразить публично всю мою благодарность великой націи, которая сочувственно отнеслась ко мнѣ въ то время, когда ни одно изданіе въ Парижѣ не признавало меня и не давало мнѣ возможности вести на своихъ столбцахъ затѣянную мною литературную борьбу. Въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ для меня моментовъ нужды и упадка духа, Россія вернула мнѣ вѣру въ себя и нравственную силу, предоставивъ мнѣ трибуну и давъ мнѣ аудиторію — самую чуткую, самую понимающую и отзывчивую аудиторію. Россія сдѣлала изъ меня критика, и я сохраню ей вѣчную благодарность“.

По мѣрѣ того какъ подвигалась серія „Ругонъ-Маккаровъ“, когда появился „Germinal“, „Assomoir“, „Pot Bouille“ и въ особенности „Nana“, успѣхъ Зола возросталъ и сталъ достигать колоссальныхъ размѣровъ; съ другой стороны, увеличивались и нападки критиковъ, тѣмъ болѣе рѣзкія, что внѣшній успѣхъ Зола созданъ былъ главнымъ образомъ его описаніями грязныхъ житейскихъ подробностей. Общественное и идейное значеніе его романовъ признавалось лишь немногими, но ими зачитывалась публика, которой не было дѣла до намѣреній автора. Апогеемъ

славы Зола были восьмидесятые годы и начало девятидесятыхъ, когда онъ признанъ былъ главой натуралистической школы и жилъ въ своей виллѣ въ Меданѣ, окруженный группой молодыхъ послѣдователей и учениковъ, главнѣйшими изъ которыхъ были Мопассанъ, Гюисмансъ, Поль Алексисъ, Поль Маргеритъ. Всѣ они вмѣстѣ издали сборникъ „Soirs de Medan", въ которомъ впервые выступилъ Мопассанъ съ своей знаменитой „Boule de Suif".

Дружескія отношенія съ нѣкоторыми изъ учениковъ были нарушены послѣ появленія „Terre". Чудовищная и совершенно излишняя грубость этого романа, съ его преувеличеніями звѣроподобности крестьянъ, возмутила не только публику, но и молодыхъ литераторовъ, признавшихъ Зола своимъ главой. Пять молодыхъ романистовъ (Поль Бонтэнъ, Люсьенъ Декавъ, Рони, Поль Маргеритъ и Густавъ Гишъ) напечатали въ 1887 году въ „Фигаро" знаменитый протестъ, въ которомъ отказывались отъ своего учителя. Протестъ противъ „Земли" былъ, конечно, вполнѣ законенъ, но изъ осужденія этого романа вовсе не вытекаетъ отрицаніе всего творчества Зола; да и содержаніе „Terre" далеко не исчерпывается жаргономъ крестьянъ, а имѣетъ значеніе, не уничтожаемое крайностями манеры Зола. Заявленіе, или, какъ они его торжественно называли, „манифестъ" пяти протестантовъ имѣлъ легкомысленный, даже нѣсколько рекламный характеръ и вызванъ былъ желаніемъ молодыхъ авторовъ обратить на себя вниманіе большой публики.

Популярность Зола ослабѣла за послѣднія десять лѣтъ его жизни. Послѣдніе романы серіи „Ругонъ-Маккаровъ" не имѣли того успѣха, который выпалъ на долю „Germinal", „Nana", „Bête humaine" и нѣкоторыхъ другихъ, а серія трехъ городовъ и „евангелія" вызвали больше осужденій, чѣмъ сочувствія. Натурализмъ отживалъ свой вѣкъ. Зола это чувствовалъ, злился, возмущался противъ возростающаго вліянія русскихъ романистовъ и отчасти поддавался новымъ вѣяніямъ. Такъ, напр., въ „Rêve" онъ хотѣлъ показать, что способенъ, если захочетъ, понимать и возсоздавать мистическія настроенія; но попытка его оказалась неудачной, и мистицизмъ его романа сводится къ сентиментальному романтизму. Его „евангелія", въ которыхъ онъ явно бросаетъ вызовъ Толстому, тоже гораздо слабѣе прежнихъ произведеній. Популярность Зола снова возросла во время процесса Дрейфуса, но какъ романистъ онъ уже не поднимался на прежнюю высоту. Для литературы онъ имѣетъ значеніе главнымъ образомъ какъ авторъ „Ругонъ-Маккаровъ", такъ какъ въ романахъ этой серіи наиболѣе полно отразились его идеи и всѣ

свойства и особенности его таланта, также какъ и самобытность его манеры.

III.

Въ романахъ Зола на первомъ планѣ—не художникъ, а воинствующій писатель, ополчившійся на окружающую его жизнь. Онъ ненавидитъ культуру, ненавидитъ людей, созданныхъ этой культурой, и старается какъ можно глубже проникнуть въ сущность современнаго человѣка, чтобы показать источникъ его растлѣнія. Литературное творчество становится для него средствомъ борьбы, и форму романа онъ избралъ какъ наиболѣе широкую и отвѣчающую его обличительнымъ цѣлямъ. „Романъ,—говоритъ онъ въ своемъ очеркѣ о современныхъ романистахъ,—поглотилъ въ настоящее время всѣ другіе роды литературы. Его столь гибкія рамки вмѣщаютъ всю сумму современныхъ знаній. Онъ включаетъ въ себя и поэзію, и науку. Романъ пересталъ „забавлять", а сталъ всѣмъ, что̀ угодно—поэмой, трактатомъ по патологіи и анатоміи, политическимъ орудіемъ, проповѣдью нравственности... Онъ включилъ въ себя всѣ прежніе риторическіе роды литературы; цѣль его—всеобъемлющее изслѣдованіе всего существующаго". Опредѣляя столь широко задачи современнаго романа, Зола̀ дѣлаетъ его орудіемъ идейной и общественной борьбы. Для выясненія своихъ взглядовъ на задачи романа, Зола̀ написалъ рядъ критическихъ и теоретическихъ книгъ. Изъ нихъ наибольшее значеніе имѣютъ двѣ: „Roman expérimental" и „Romanciers naturalistes", въ которыхъ опредѣляются его отношенія къ прежнимъ формамъ романа и намѣчается его собственная новая теорія. Въ этихъ критическихъ работахъ Зола̀ является въ двойной роли—разрушителя, протестанта съ одной стороны, и созидателя съ другой, и какъ во всемъ, что̀ провозглашалъ и писалъ Зола, онъ глубоко правъ, пока разрушаетъ, протестуетъ, уничтожаетъ прежнія заблужденія; когда же онъ создаетъ новые положительные принципы, проповѣдуя даже не новые устои жизни, а новый методъ творчества, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, становится безсильнымъ и уклоняется отъ истины.

Самое цѣнное въ его критическихъ очеркахъ—этюды о творцахъ современнаго натуралистическаго романа, о Бальзакѣ, Стендалѣ, Флоберѣ, а также очеркъ о современной беллетристикѣ; въ этихъ статьяхъ онъ выясняетъ прежнія заблужденія, развѣнчиваетъ романтизмъ, показываетъ, что натуралистическій ро-

манъ вышелъ изъ протеста противъ лживости и лицемѣрія романтиковъ и смѣнившихъ ихъ чисто буржуазныхъ писателей. Онъ превозноситъ Бальзака за то, что онъ замѣнилъ измышленія романтиковъ точнымъ изученіемъ общества, противопоставилъ изображенію выдуманныхъ страстей собираніе человѣческихъ документовъ и былъ „химикомъ сердца и мозга“, что̀ и дѣлаетъ его творцомъ современной литературы. Зола̀ чувствуетъ особую нѣжность къ Бальзаку за его страданія среди непризнававшаго его общества, за то, что онъ вѣчно боролся съ нуждой и подвергался жестокимъ нападкамъ критиковъ,—за то, что его не признавала академія; Зола̀ пользуется этимъ случаемъ, чтобы высказать по адресу академіи упреки въ буржуазности и тупости. Онъ особенно горячо чувствуетъ обиды Бальзака, судьба котораго ему казалась схожею съ его собственною. Главной заслугой Бальзака онъ считаетъ то, что авторъ „Человѣческой комедіи“ внесъ въ современный романъ изученіе среды, показалъ всю важность вліяній жизненной обстановки на развитіе характеровъ. Стендаля, второго основателя натуралистическаго романа, онъ прославляетъ какъ творца анализа, доведшаго до совершенства изученіе „механики души“. Онъ ему ставитъ въ упрекъ отвлеченность его чисто головного творчества, но восхваляетъ его за проникновеніе въ правду жизни; онъ считаетъ большимъ недочетомъ презрѣніе Стендаля къ физіологической сторонѣ жизни и къ вліянію среды, упрекаетъ его въ отсутствіи наблюдательности, но признаетъ въ немъ силу логики, которая достигаетъ истины, минуя наблюденіе. Значеніе Стендаля для натуралистическаго романа Зола̀ видитъ въ томъ, что онъ довелъ до совершенства психологическій анализъ.

Воплощеніе всѣхъ основныхъ свойствъ натуралистическаго романа Зола̀ видитъ въ творчествѣ Густава Флобера: таковыми онъ считаетъ замѣну выдуманности романтиковъ точнымъ изображеніемъ жизни во всей ея полнотѣ и разнообразіи, противоположеніе точно наблюденныхъ человѣческихъ документовъ прежней идеализаціи высокихъ чувствъ, и объективность творчества, исчезновеніе личности романиста за изображаемымъ дѣйствіемъ,—опять-таки въ противоположность лиризму романтиковъ. И въ этомъ опредѣленіи сказывается разрушительный характеръ теорій Зола̀. Значеніе натуралистическаго романа онъ видитъ въ походѣ противъ прежнихъ формулъ, въ протестѣ противъ внѣдрившейся въ литературу лжи. И самъ онъ примыкаетъ къ романистамъ, которыхъ зоветъ своими учителями, тоже изъ протеста, изъ жажды разрушенія. Ему нужна форма для выраженія

его ненависти къ разлагающемуся обществу, которое ищетъ оправданія въ лицемѣрной морали,—и эту форму онъ находитъ въ романѣ, идущемъ на встрѣчу жизни. Золà дѣйствительно воспринялъ все завѣщанное творцами натурализма, ихъ протестъ противъ романтическихъ прикрасъ, ихъ жажду представить дѣйствительность въ ея истинной непригладности; но онъ пошелъ еще дальше: не ограничиваясь протестомъ, онъ хотѣлъ найти положительную основу для своего метода изслѣдованія — и создалъ теорію экспериментальнаго романа. Золà исходитъ изъ теоріи экспериментальнаго метода, изложенной Клодомъ Бернаромъ въ его „Introduction à la médecine expérimentale“, —и то, что̀ Клодъ Бернаръ говоритъ объ экспериментальной медицинѣ, онъ считаетъ абсолютно примѣнимымъ къ роману. Основой реалистическаго романа считалось наблюденіе надъ дѣйствительностью,—Золà же вводитъ новый элементъ экспериментальнаго изслѣдованія. Выясняя разницу между простымъ наблюденіемъ и экспериментомъ, Золà руководствуется опредѣленіемъ Клода Бернара, который говоритъ слѣдующее: наблюдатель примѣняетъ методъ простого или сложнаго изслѣдованія къ изученію явленій въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются его взору. Экспериментаторъ же пользуется простыми и сложными методами изслѣдованія, для измѣненія съ какой-либо цѣлью наблюдаемыхъ явленій, и для того, чтобы представить ихъ въ такихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, въ какія они не поставлены природой. Астрономія—наука чистаго наблюденія, ибо астрономъ не можетъ ничего измѣнить въ движеніи и положеніи свѣтилъ; химія же—наука экспериментальная, потому что химикъ можетъ вызывать химическія явленія, орудуя надъ элементами. Въ натуралистическомъ романѣ, по опредѣленію Золà, сливаются оба элемента наблюденія и эксперимента, и соотношеніе между ними Золà объясняетъ словами Клода Бернара: „Наблюдатель,—говоритъ Клодъ Бернаръ,—непосредственно отмѣчаетъ то, что̀ представляется его взору. Онъ долженъ быть фотографомъ, который съ полной точностью воспроизводитъ видѣнное и какъ бы пишетъ подъ диктовку природы. Но когда явленія точно установлены, на первый планъ выступаетъ идея, разсужденіе, и наблюдатель смѣняется экспериментаторомъ, объясняющимъ явленія. Опираясь на болѣе или менѣе правдоподобное предварительное объясненіе наблюдаемыхъ явленій, экспериментаторъ устроиваетъ научный опытъ для провѣрки гипотезы, съ которой онъ приступалъ къ опыту. Когда опытъ произведенъ, экспериментаторъ снова становится простымъ наблюдателемъ, т.-е. отмѣчаетъ всѣ

результаты эксперимента съ такой же непосредственностью, съ какой отмѣтилъ бы то, что дается въ простомъ наблюденіи; и уже тогда, когда эта работа сдѣлана, снова выступаетъ критическая мысль для сужденія о томъ, подтверждается ли или разрушается гипотеза результатами научнаго опыта. Научный опытъ — провѣрка гипотезъ, объясняющихъ причинную связь явленій. То же самое, по теоріи Зола, долженъ продѣлать и романистъ, совмѣщая въ себѣ наблюдателя и экспериментатора. Наблюдатель собираетъ факты, устанавливаетъ исходную точку наблюденій; затѣмъ выступаетъ на сцену экспериментаторъ и устанавливаетъ научный опытъ, т.-е. представляетъ людей въ дѣйствіи, изображаетъ событія частной жизни, для того, чтобы показать, что чередованіе явленій зависитъ отъ опредѣленныхъ причинъ. Романистъ исходитъ изъ вдохновляющей его идеи и устроиваетъ опыты, провѣряющіе его, такъ что романъ становится протоколомъ опытовъ, совершаемыхъ на глазахъ читателя. Экспериментальный методъ соединяетъ наблюденіе дѣйствительности съ изученіемъ механизма явленій, обстоятельствъ, обусловливающихъ и измѣняющихъ ихъ; вводя разные факторы въ свои опыты, экспериментаторъ долженъ твердо слѣдовать законамъ природы, — и въ результатѣ получается чисто научное знаніе человѣка, какъ отдѣльной личности и какъ члена общественной группы.

По существу эта теорія экспериментальнаго романа ничего новаго не представляетъ. Всякое изученіе психологическихъ явленій въ художественномъ творчествѣ сводится непремѣнно къ эксперименту, т.-е. къ созиданію различныхъ условій и обстоятельствъ, въ которыхъ наглядно проявляется развитіе изучаемыхъ явленій; то, что Зола называетъ научнымъ терминомъ детерминизма, называется обыкновенно психологической правдой. Все, что Зола говоритъ объ экспериментальномъ романѣ, примѣнимо хотя бы, напримѣръ, къ драмамъ Шекспира. Шекспиръ тоже изучаетъ развитіе страстей, создавая обстоятельства, въ которыхъ онѣ наиболѣе полно проявляются. „Отелло" или „Макбетъ" — истинные эксперименты надъ страстями, ревностью и честолюбіемъ. Шекспиръ, какъ химикъ, по любимому сравненію Зола, употребляетъ различные реактивы, въ видѣ стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы показать детерминизмъ явленій, т.-е. фатальное наростаніе губительной страсти, ведущее къ катастрофѣ. Отъ этой общей реалистической теоріи — Зола отклоняется только своимъ полнымъ отожествленіемъ экспериментальнаго метода въ романѣ съ научнымъ опытомъ. Но именно въ этомъ пунктѣ его теорія оказывается несостоятельною. Онъ самъ

даетъ оружіе противъ себя, ссылаясь на слова Клода Бернара о провѣрочномъ значеніи научнаго опыта; для научнаго экспериментатора одинаково цѣненъ и положительный, и отрицательный результатъ опыта, такъ какъ и тѣмъ и другимъ создается научный фактъ, существенный для выясненія научныхъ законовъ. Такого безпристрастнаго отношенія къ результатамъ опыта въ романѣ, какъ его понимаетъ Зола̀, нѣтъ и быть не можетъ. Эксперименты романиста касаются скрытой связи физіологическихъ и психологическихъ явленій, провѣрка которыхъ не имѣетъ наглядности и обязательности лабораторныхъ химическихъ наблюденій. Въ опытахъ романиста господствуетъ полный произволъ; изъ наблюдаемыхъ фактовъ дѣйствительности онъ можетъ выбрать именно тѣ, которые подтверждаютъ его гипотезу; при всей добросовѣстности своихъ наблюденій, онъ только показываетъ на рядѣ примѣровъ, что тѣ или другія причины вызываютъ извѣстное дѣйствіе. Научный опытъ долженъ непремѣнно привести къ опредѣленнымъ результатамъ,—въ опытахъ же, производимыхъ надъ внутренней жизнью человѣка, этого детерминизма нѣтъ. Романистъ только иллюстрируетъ свою мысль правдоподобными примѣрами; но этимъ не исключается возможность и совершенно иного соотношенія между причинами и слѣдствіями, чѣмъ то, на которое указываетъ романистъ. Мы можемъ повѣрить Зола̀, что среди потомковъ истерички и ея двухъ мужей, одного типично нормальнаго человѣка, и другого, въ которомъ преобладаютъ животные инстинкты, могутъ появиться въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, при взаимодѣйствіи среды и обстоятельствъ, алкоголики и нравственные уроды, и съ другой стороны—фанатики, аскеты съ возбужденной фантазіей, художники съ исключительно нервной организаціей. Но такіе же типы могли бы появиться и при другой наслѣдственности, и вовсе не должны были непремѣнно возникнуть въ данномъ случаѣ. Самое изображеніе представленныхъ имъ типовъ и указанной имъ связи можетъ быть и вѣрно, но выборъ фактовъ, подтверждающихъ его гипотезу, произволенъ, и въ этомъ—отличіе его метода отъ научнаго опыта. Ничего обязательнаго въ его выводахъ нѣтъ.

Такимъ образомъ, основное положеніе Зола̀ о тождествѣ методовъ въ романѣ и въ точныхъ наукахъ—совершенно произвольно. Въ дальнѣйшее развитіе своей теоріи Зола̀ вноситъ нѣкоторые коррективы, которыми окончательно уничтожаетъ провозглашаемую имъ научность своего метода. Онъ доказываетъ, что въ экспериментальномъ романѣ сохраняется свобода творчества, такъ какъ идея, руководящая романистомъ въ его опы-

тахъ, есть нѣчто лично ему принадлежащее, его quid proprium, его творческій вымыселъ. Для подтвержденія этой мысли, Золà ссылается на Клода Бернара, слова котораго, однако, непримѣнимы къ задачамъ романа. Клодъ Бернаръ говоритъ о зарожденіи научной гипотезы, которая или подтверждается, или отвергается научнымъ опытомъ. Романистъ же не можетъ точно провѣрить своихъ догадокъ о связи явленій, а только выбираетъ факты, подтверждающіе то или другое положеніе. Поэтому, допуская предвзятыя идеи въ романистѣ и видя въ этомъ основу творческаго замысла, Золà окончательно уничтожаетъ обособленность своего метода; онъ примыкаетъ къ общему принципу реалистическаго творчества, которое всегда сводится къ тому, чтобы провести извѣстную идею въ изученіи и объясненіи дѣйствительности. Кромѣ того, въ отвѣтъ на упреки въ слѣпомъ фотографированіи дѣйствительности, Золà утверждаетъ, что индивидуальность художника сохраняется и при научномъ отношеніи къ фактамъ, потому что романъ—не что иное, какъ „природа и дѣйствительность, наблюдаемая сквозь призму индивидуальнаго темперамента художника“ (la nature vue à travers un tempérament).

Но эта формула, служащая вторымъ коррективомъ экспериментальнаго метода, примѣнима, очевидно, ко всякому художественному произведенію, каковы бы ни были теоретическія воззрѣнія автора. Къ чему же сводится особенность экспериментальнаго метода? Очевидно—къ недостаткамъ его, къ тенденціозному освѣщенію дѣйствительности, къ загроможденію замысловъ излишними подробностями на томъ основаніи, что нужно накопить какъ можно больше провѣренныхъ фактовъ для выясненія экспериментальной идеи. Дѣйствительно, всѣ эти недостатки сказались въ романахъ Золà, какъ непосредственный результатъ его научной теоріи. А истинное значеніе его романовъ, широкій захватъ его общественныхъ характеристикъ, смѣлость его отрицательнаго отношенія къ разлагающемуся культурному человѣчеству, яркая жизненность созданныхъ имъ типовъ—все это составляетъ именно „quid proprium“ Золà и даже противорѣчитъ выставленному имъ принципу безстрастнаго научнаго изслѣдованія: во всемъ этомъ чувствуется предвзятость борца и разрушителя, выбирающаго какъ разъ тѣ документы, которые подтверждаютъ его пессимистическое отношеніе къ жизни.

IV.

Зола̀ искренно вѣрилъ въ свою теорію экспериментальнаго романа и построилъ на ней серію „Ругонъ-Маккаровъ". Теорія была создана раньше, чѣмъ Зола̀ приступилъ къ писанію романовъ. Въ предисловіи къ первому роману серіи „La fortune des Rougon" (1871 г.) выяснена вкратцѣ на частномъ примѣрѣ его собственнаго замысла сущность его теорій, пространно изложенныхъ послѣ того въ очеркѣ объ экспериментальномъ романѣ. Въ короткомъ предисловіи, относящемся непосредственно къ задуманной серіи романовъ, видна искусственность построеній Зола̀. Уже по этому предисловію ясно, что связь Зола̀ съ наукой—чисто внѣшняя; самое существенное въ его замыслѣ, идейная его сторона, стоитъ внѣ его теоріи, и благодаря этому становится значительной,—такъ что уже здѣсь, въ преддверіи къ созданному имъ художественному зданію, художникъ одерживаетъ верхъ надъ теоретикомъ. Зола̀ задается цѣлью написать естественную и соціальную исторію семьи, жившей при второй имперіи, изобразить индивидуальныя стремленія и сложность желаній каждаго изъ членовъ семьи, и очертить такимъ образомъ общій характеръ эпохи, основную черту которой Зола̀ видитъ въ разросшихся выше всякой мѣры „аппетитахъ", въ общей погонѣ за наслажденіями. Другими словами, онъ задается цѣлью изобразить внутреннюю и внѣшнюю жизнь современности, причемъ пессимизмъ его сказывается уже въ замыслѣ: онъ не просто говоритъ объ изученіи психологіи данной эпохи, а предрѣшаетъ выводы своими словами о томъ, что вся жизнь сведена къ удовлетворенію „аппетитовъ". Такимъ образомъ онъ идетъ отъ синтетическаго сужденія къ анализу фактовъ, подтверждающихъ его основную мысль. Психологическій замыселъ романовъ связанъ съ изученіемъ соціальныхъ вопросовъ: задача Зола̀—въ томъ, чтобы изобразить общность усилій и желаній отдѣльныхъ группъ, показать ихъ въ дѣйствіи и тѣмъ самымъ дать характеристику цѣлой эпохи; но и тутъ онъ опять предрѣшаетъ выводы, говоря о своемъ намѣреніи представить общество гибнущимъ отъ разнузданности инстинктовъ. Со свойственной ему широтой построеній, Зола̀ включаетъ въ свой замыселъ всѣ классы общества. Онъ предполагаетъ изучить возникновеніе инстинктовъ, чувствъ и страстей въ низшихъ слояхъ, въ народной массѣ, и затѣмъ указать на проникновеніе тѣхъ же физіологическихъ и психологическихъ элементовъ въ жизнь всѣхъ слоевъ общества, какъ

слѣдствіе демократизаціи общественной жизни, пріобщенія массъ ко всѣмъ сферамъ общественной дѣятельности. Чтобы наглядно показать общность „аппетитовъ“ у всѣхъ классовъ, Золà задумываетъ представить семью, родоначальники которой принадлежатъ къ коренному крестьянскому населенію, а дальнѣйшія поколѣнія вступаютъ въ буржуазный и высшій общественный кругъ.

Къ этому психологическому и общественному замыслу Золà прикрѣпляетъ чисто внѣшнимъ образомъ свои научныя теоріи; онъ говоритъ въ предисловіи о законѣ наслѣдственности, о томъ, что психологія людей опредѣляется органическими свойствами или даже патологическими чертами кого-нибудь изъ предковъ, и для подтвержденія этой теоріи устанавливаетъ родственныя связи между дѣйствующими лицами своихъ романовъ. Такое же значеніе онъ придаетъ вліянію среды на то или иное проявленіе наслѣдственныхъ свойствъ. Это онъ называетъ научнымъ экспериментомъ, хотя ничего научнаго въ его построеніи нѣтъ, и его родословная „Ругонъ-Маккаровъ“—произвольный вымыселъ его фантазіи. Помня свои теоріи детерминизма, Золà отказывается называть порождаемые внутренними и внѣшними условіями инстинкты, чувства и страсти пороками и добродѣтелями; онъ говоритъ, что это только необходимыя слѣдствія данныхъ причинъ, что они не подлежатъ оцѣнкѣ, а могутъ только служить предметомъ изученія.

Но такое научно-безпристрастное отношеніе къ живой дѣйствительности Золà проявляетъ только въ теоріи. Читая его романы, мы видимъ, что паденіе человѣческой личности ему вовсе не кажется безразличнымъ научнымъ фактомъ; въ томъ накопленіи грязи, которая такъ возмущаетъ противниковъ Золà, сказывается страстное отношеніе романиста къ дѣйствительности, его возмущеніе противъ наблюдаемаго имъ зла, его боевой пессимизмъ, противоположный научному безстрастію. Золà—противникъ всякой метафизики въ искусствѣ; онъ возстаетъ противъ стремленія познать цѣль и смыслъ явленій, и ограничиваетъ роль художника однимъ только изслѣдованіемъ, предостерегая его отъ праздныхъ отвлеченныхъ выводовъ. И самъ онъ, дѣйствительно, выводовъ не дѣлаетъ, сосредоточиваясь на анализѣ, но пессимизмъ его изображеній жизни указываетъ путь къ выводамъ. И въ этомъ, только въ этомъ, а не въ пристегнутыхъ имъ къ своимъ замысламъ научныхъ теоріяхъ,—истинное значеніе Золà. Его натуралистическія теоріи важны тѣмъ, что снабдили его цѣлесообразнымъ методомъ для изслѣдованія дѣйствительности, сдѣлали его точнымъ наблюдателемъ жизни, изучающимъ вліяніе

среды, возсоздающимъ всѣ, хотя и мелкія, но характерныя подробности будничнаго существованія людей, и умѣющимъ слагать изъ этихъ подробностей широкую, захватывающую своей жизненностью картину дѣйствительности. Слѣдованіе натуралистическимъ принципамъ спасло Зола̀ отъ романтической лжи, отъ искаженія жизненной правды во имя красивости высокихъ чувствъ. Послѣ Зола̀ всякое отступленіе отъ документальной правды, всякая безпочвенная идеализація кажется слащавой, фальшивой и скучной. Но, задавшись мнимо-научными цѣлями и построивъ свою теорію экспериментальнаго романа, Зола̀ далъ ложное толкованіе своему творчеству. Оно вовсе не разрѣшаетъ и не устраняетъ вопросовъ нравственности научной провѣркой явленій; никакой научной провѣрки явленій въ его романахъ и нѣтъ. Напротивъ того, сила Зола̀—въ страстности его изображенія жизни. Значеніе же его—въ томъ, что онъ обличилъ пустоту и безцѣльность жизни, управляемой одними только инстинктами, наглядно показалъ шаткость культуры, обходящейся безъ идеальныхъ элементовъ; и хотя онъ самъ принципіально отказывался дѣлать выводы изъ своихъ обличеній, но подготовилъ путь для синтетической работы смѣнившему его поколѣнію. Теперь уже нѣтъ надобности доказывать пагубность общественной жизни, которая стремится только къ умноженію положительныхъ благъ и не знаетъ высшихъ идеаловъ. Зола̀ исчерпалъ—обширностью своихъ замысловъ и своимъ умѣньемъ доводить до конца свои начинанія—всѣ задачи натурализма и тѣмъ самымъ направилъ своихъ преемниковъ на новый путь. Новѣйшее искусство жаждетъ выводовъ, стремится къ созиданію новыхъ устоевъ нравственности; оно задается тѣми метафизическими задачами, противъ которыхъ такъ возставалъ Зола̀, но, при всей кажущейся противоположности его идеямъ, оно связано съ работой, совершенной авторомъ „Ругонъ-Маккаровъ"; созидательное творчество нашего времени опирается на смѣлость разрушительнаго подвига Зола̀.

Въ двадцати романахъ серіи „Ругонъ-Маккаровъ" Зола̀ создалъ эпопею человѣческаго паденія. Это не общественные романы въ обычномъ смыслѣ слова, потому что Зола̀ не ратуетъ въ нихъ за жертвъ общественнаго неустройства, не объясняетъ страданія однихъ безсердечіемъ другихъ, не возстаетъ противъ неравенства въ распредѣленіи жизненныхъ благъ, не противопоставляетъ страданія бѣдняковъ дерзкой роскоши богачей, не разбираетъ правыхъ и виноватыхъ, а напротивъ того, устанавливаетъ особаго рода равенство между всѣми классами буржуаз-

наго общества. Всѣ виноваты, и потому всѣ равны—всѣ стремятся къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ и всѣ одинаково гибнутъ. Нѣтъ разницы между общественными классами; крестьянинъ, рабочій, дѣлецъ, коммерсантъ, представители буржуазіи и аристократіи, чиновники, министры, военные—всѣ стремятся къ одному и тому же, къ удовлетворенію своихъ „аппетитовъ"; всѣми управляютъ одни и тѣ же инстинкты. Передъ силой инстинктовъ исчезаютъ общественныя перегородки, сливаются всѣ классы, потому что при обширности „аппетитовъ" и упорствѣ инстинктовъ всѣ дороги открыты. Выходцы изъ крестьянской среды становятся министрами и управляютъ судьбами государства; невѣдомые проходимцы дѣлаются царями биржи и тѣмъ самымъ властителями Парижа; аббатъ съ темнымъ прошлымъ пріобрѣтаетъ власть надъ цѣлымъ городомъ, подчиняя себѣ префекта и епископа; биржевикъ видитъ у своихъ ногъ представителей старой аристократіи и т. д. Демократизація общества—полная, но это братство всѣхъ сословій опредѣляется заключительной фразой романа „Pot-Bouille". Новая служанка, слушая разсказы объ ужасахъ, происходящихъ въ домѣ, куда она поступила, говоритъ, что тамъ, гдѣ она жила до сихъ поръ, было не лучше. „Всѣ равны,—говоритъ она,—всѣ cochon et compagnie". Къ такому именно равенству Зола и сводитъ демократизацію французскаго общества; всѣ равны въ силу своихъ одинаково грязныхъ инстинктовъ. Нѣтъ для него и разницы между отдѣльными людьми. Всякій человѣкъ—„похотливое и жестокое животное", только различно проявляющее свою сущность. У однихъ похотливость буржуазно-добродушная; они не придаютъ исключительнаго значенія чувственнымъ наслажденіямъ, не отвлекаются ради нихъ отъ практическихъ цѣлей, а напротивъ того, стараются соединить пріятное съ полезнымъ, и руководствуются въ своихъ любовныхъ интригахъ разнаго рода житейскими соображеніями. Къ числу такихъ холодно-развращенныхъ натуръ, никогда не знавшихъ любви, но постоянно потворствующихъ чисто-животнымъ инстинктамъ, принадлежитъ, напримѣръ, Октавъ Муре („Pot-Bouille"), который заводитъ романы со всѣми женщинами того дома, въ которомъ онъ поселился, дѣлая это то изъ тщеславія, то изъ любопытства, то просто потому, что случай ему благопріятствуетъ, или потому, что та или другая женщина нужна ему для устройства карьеры. Такова же баронесса Зандорфъ („Argent"), холодная, презирающая мужчинъ, но всегда готовая отдаться тому, кто ей полезенъ для биржевой игры. Столь же безстрастенъ и самъ герой „Argent", дѣлецъ Сакаръ,

всецѣло поглощенный жаждой денежнаго могущества, и тѣмъ болѣе отвратительный въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, къ которымъ его влечетъ или развращенное любопытство, или тщеславіе. Самымъ сильнымъ воплощеніемъ холоднаго разврата является знаменитая „Нана" съ ея сатанинской жаждой втоптать въ грязь всѣхъ соблазненныхъ ея порочностью людей, чтобы выместить на позорѣ другихъ все, что она сама вытерпѣла,—чтобы стать владычицей въ томъ мірѣ грязи и пошлости, который создалъ ее съ ея жадными „аппетитами". У другихъ чувственные инстинкты составляютъ центръ жизни, единственную радость, единственный смыслъ существованія. Таковы всѣ крестьяне въ „Terre", всѣ рабочіе въ „Germinal". Ихъ Зола почти даже не индивидуализируетъ, изображая ихъ всѣхъ одинаково подвластными грубымъ инстинктамъ; всѣ они—„похотливыя животныя" и больше ничего. Для Зола важно показать стадность ихъ инстинктовъ. Она доказываетъ, что если общество гибнетъ, то потому, что все оно озвѣрѣло, что всѣ, и знать, окружающая Нана, и рабочіе въ рудникахъ, и крестьяне, среди своихъ заботъ о землѣ, одинаково во власти однихъ и тѣхъ же влеченій. Зола изображаетъ для полноты картины также истерическія и даже преступныя натуры, въ которыхъ чувственность принимаетъ странныя, болѣзненныя формы, какъ, напримѣръ, у мистика аббата Мурѐ, вся святость котораго сводится къ патологическому извращенію чувственности, или у героя „Bête Humaine" съ его непреодолимымъ стремленіемъ проливать кровь въ порывахъ страсти.

Въ мірѣ, управляемомъ инстинктами, — какъ Зола рисуетъ Францію,—нѣтъ мѣста цѣльнымъ и святымъ чувствамъ; тамъ, гдѣ царитъ похоть, нѣтъ любви. И дѣйствительно, всякій разъ, когда Зола изображаетъ искреннюю любовь, она представлена у него чѣмъ-то жалкимъ, унизительнымъ, не возвышающимъ человѣка, а лишающимъ его человѣческаго достоинства. Мадамъ Каролина („Argent") отдается Сакару безъ любви, но потомъ начинаетъ любить его,—и ея чистая, гордая натура глубоко оскорблена своей привязанностью къ человѣку, который ей самой кажется низкимъ. Ея любовь унижаетъ ее въ собственныхъ глазахъ. Полина („Joie de vivre") тоже любитъ Лазаря, и тоже унижена этой любовью, становится жертвой чужого эгоизма, такъ какъ любви нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ царятъ и торжествуютъ инстинкты. Жервеза любитъ своего перваго любовника Лантье, и не можетъ забыть своей любви послѣ долгихъ лѣтъ разлуки; но именно эта любовь завершаетъ ея нравственное паденіе и

окончательно втаптываетъ ее въ грязь. Могущество аппетитовъ уничтожаетъ и всѣ другія естественныя чувства, всѣ сердечныя привязанности. Нѣтъ любви между родителями и дѣтьми: Жерреза возмущена паденіемъ своей дочери, Нана, главнымъ образомъ потому, что ей стыдно передъ сосѣдями; а когда ей приходится голодать, она чувствуетъ только злобу и зависть къ дочери, которой удалось хорошо пристроиться. Родители мадамъ Жорданъ („Argent") отказываются спасти свою единственную дочь, давъ ей пятьсотъ франковъ: они дорожатъ каждой копѣйкой своего большого капитала, нужнаго имъ для биржевыхъ спекуляцій. Фелиситé Ругонъ („Fortune des Rougon") привязана только къ своему старшему сыну, министру, потому что надѣется при его помощи осуществить свои собственные честолюбивые замыслы; младшаго же сына она считаетъ врагомъ и готова погубить его. Марта Мурé („Conquête de Plassans"), увлеченная истерической набожностью, совершенно забываетъ о своихъ дѣтяхъ. Но самое чудовищное извращеніе всѣхъ родственныхъ чувствъ изображено въ „Terre", гдѣ дѣти грабятъ и въ концѣ концовъ ускоряютъ смерть отца и матери, чтобы завладѣть ихъ деньгами, гдѣ родители ненавидятъ дѣтей, а сестры и братья—заклятые враги, и все это подъ вліяніемъ денежныхъ счетовъ и безпредѣльной жадности.

На фонѣ плотской разнузданности развертывается въ романахъ Зола̀ широкая картина жизни, управляемой цѣлымъ рядомъ разрушительныхъ силъ. Въ каждомъ романѣ серіи „Ругонъ-Макkаровъ" Зола̀ разсматриваетъ дѣйствіе какого-нибудь отдѣльнаго инстинкта, и подводитъ такимъ образомъ итогъ всѣмъ порокамъ, всѣмъ смертнымъ грѣхамъ, отъ которыхъ гибнетъ общество. Вся серія задумана въ видѣ обвинительнаго акта, съ точнымъ перечисленіемъ по пунктамъ всѣхъ преступленій. Изъ основной вины, разнузданности плотскихъ вожделѣній, вытекаютъ всѣ другія: стяжаніе и жадность, убивающая всѣ естественныя чувства, обличены въ „Terre"; слѣпая любовь къ деньгамъ показана со всѣми своими ужасающими послѣдствіями въ „Argent"; разрушительная сила алкоголизма—въ „Assomoir", лицемѣріе буржуазной порядочности—въ „Pot-Bouille"; безчеловѣчный эгоизмъ честолюбія и карьеризма—въ „Conquête de Plassans"; чревоугодіе—въ „Ventre de Paris". Другіе романы посвящены жертвамъ наслѣдственныхъ инстинктовъ, приводящихъ къ безумію и преступленіямъ: самый страшный и, быть можетъ, самый сильный изъ романовъ всей серіи, „Bête Humaine", изображаетъ крайнюю глубину паденія—инстинктивную жестокость и кровожадность,

для которой любовь сливается съ жаждой крови, видъ прекраснаго тѣла вызываетъ мысль объ убійствѣ. Въ остальныхъ романахъ развѣнчаны даже самыя возвышенныя влеченія современнаго человѣчества, такъ какъ и въ нихъ Зола видитъ лишь извращенія низменныхъ инстинктовъ и аппетитовъ „похотливаго и преступнаго звѣря". Святость жизни, мистическія настроенія сведены къ истеріи, къ видоизмѣненной чувственности: аббатъ Мурé („La faute de l'abbé Mouret") испытываетъ почти физическое наслажденіе въ исполненіи церковнаго ритуала, и когда онъ попадаетъ въ тепличную атмосферу страннаго, полнаго одуряющихъ запаховъ сада, въ немъ просыпается его болѣзненно-чувственная натура. Художникъ, ищущій новыхъ путей въ своемъ искусствѣ („Oeuvre")—тоже жертва наслѣдственной истеріи, ведущей его къ безумію. Марта Мурé („Conquête de Plassans"), которая превращается изъ добродѣтельной буржуазки въ страстно-религіозную натуру, тоже истеричка, и ея пламенная вѣра — не что̀ иное какъ несознаваемое ею чувственное влеченіе къ терроризирующему ее аббату: религіозное чувство не просвѣтляетъ ее, не облагораживаетъ ея жизнь, а напротивъ того, губитъ и ее, и ея семью, дѣлаясь причиной цѣлаго ряда преступленій и убійствъ. Преступные типы, идіоты, истерички появляются почти въ каждомъ романѣ, составляя какъ бы припѣвъ пѣсни о вырожденіи: вотъ—неустанно повторяетъ Зола̀—что̀ получается, когда вся нація, всѣ сословія отдаются во власть низменныхъ инстинктовъ. Дезирé, дочь Марты Мурé и сестра аббата Мурé— жалкая идіотка, которая превращается въ цвѣтущую красавицу, но сохраняетъ на всю жизнь неразвитость ребенка; безумный Сатурненъ Жоссеранъ („Pot Bouille"), привязанный болѣзненной страстью къ сестрѣ, помогающій ей обманывать мужа; Викторъ, незаконный сынъ Сакара („Argent"), преступникъ въ пятнадцать лѣтъ,—все это жертвы пороковъ, отъ которыхъ гибнетъ общество.

Эта картина разрушенія и паденія нарисована Зола̀ не безстрастно, вопреки его натуралистическимъ и научнымъ принципамъ, а съ истинной ненавистью къ порочнымъ и вырождающимся типамъ. Злоба Зола̀ выражается въ томъ, что онъ не столько выдвигаетъ трагическую, роковую сторону врожденныхъ порочныхъ инстинктовъ, а какъ бы рисуетъ мелкія удовлетворенія и радости гибнущихъ людей. Пьяницы Зола̀ не страдаютъ нравственными муками, не заглядываютъ въ мракъ собственной души, и не имѣютъ поэтому того величія погибшихъ людей, которое сказывается въ подобныхъ же типахъ Достоевскаго и другихъ

русскихъ романистовъ. Они живутъ чисто физической жизнью, добродушны и буржуазны въ своемъ паденіи, и этотъ „благодушный порокъ“ (le vice bonhomme) безконечно болѣе омерзителенъ, чѣмъ паденіе, связанное съ душевной драмой. Жервеза („Assomoir“)—истая буржуазка со скромнымъ идеаломъ мелкой, обезпеченной трудомъ порядочной жизни, съ любовью къ уютности и, главное, къ сытной и вкусной ѣдѣ. Когда возможность осуществить этотъ идеалъ рушится, она въ сущности не страдаетъ и старается отвоевать у судьбы хоть тѣ наслажденія, которыя ей наиболѣе дороги, отгоняя изъ чувства эгоистическаго самосохраненія всякую мысль о томъ, что̀ ее ожидаетъ. Когда жизнь ея складывалась свѣтло, она любила поѣсть;—когда все идетъ прахомъ изъ-за пропойцы мужа, ея любовь къ ѣдѣ становится обжорствомъ, единственною радостью и смысломъ ея жизни, утѣшеніемъ, которое заглушаетъ всякое сознаніе ея грустнаго положенія. Въ истинно трагическій моментъ, когда ей угрожаетъ столкновеніе между мужемъ и вернувшимся къ ней любовникомъ, она поглощена мыслью о праздничномъ обѣдѣ, устроиваетъ этотъ обѣдъ, соглашаясь на всѣ униженія, чтобы достать нужныя деньги; и какъ ни ужасны обстоятельства, среди которыхъ происходитъ празднество, она съ упоеніемъ объѣдается вкусными блюдами, не думая и не желая думать о грозѣ, надвигающейся на нее именно въ этотъ день. Пространное, эпическое описаніе обѣда Жервезы—одна изъ самыхъ характерныхъ страницъ въ серіи „Ругонъ-Маккаровъ“. Экстазъ гостей и упоеніе самой хозяйки при появленіи главнаго блюда, феноменально жирнаго гуся, общее опьяненіе отъ безконечнаго питья и ѣды, запахъ которой волнуетъ всю улицу, собираетъ вокругъ лавки голодныхъ и жадныхъ сосѣдей и прохожихъ,—вся эта картина символизируетъ въ самой грубой и яркой формѣ власть „аппетитовъ“ надъ разлагающимся обществомъ. И чѣмъ ниже падаетъ Жервеза, чѣмъ болѣе она теряетъ человѣческое достоинство, унижаясь, прося денегъ у единственнаго порядочнаго человѣка среди окружающихъ ее людей, чѣмъ болѣе уродливой становится ея жизнь, когда у нея въ домѣ поселяется ея первый возлюбленный, тѣмъ болѣе она жирѣетъ, добывая всякими правдами и неправдами средства для удовлетворенія своей единственной страсти. Истинно несчастной она чувствуетъ себя только тогда, когда начинается настоящая нужда, когда ее мучитъ голодъ, болѣе чувствительный для нея, чѣмъ нравственныя терзанія. И тогда она находитъ утѣшеніе въ водкѣ, пьетъ до одуренія, теряя всякое человѣческое подобіе; смерть по-

этому дѣйствительно становится избавленіемъ для нея, не отъ нравственнаго уродства, котораго она не чувствуетъ, а отъ физическихъ страданій. Такая же безсознательность и благодушіе въ порокѣ вплоть до наступленія физическихъ его послѣдствій, сказывается и въ мужѣ Жервезы, Купо̀, и въ другихъ жертвахъ „Assomoir"; — все это не погибающіе люди, а существа, живущія чисто физіологической жизнью. Крестьяне въ „Terre"—тоже безсознательны въ своемъ звѣроподобіи, и по своему совершенно счастливы. Недаромъ въ одной изъ центральныхъ сценъ этого романа представлено одновременное рожденіе ребенка у хозяйки дома и теленка у коровы, причемъ весь домъ, въ томъ числѣ и сама больная хозяйка, гораздо больше волнуется тѣмъ, что̀ происходитъ въ хлѣвѣ, чѣмъ благополучнымъ появленіемъ на свѣтъ ребенка. Среди грязи и уродства родственныхъ отношеній, описанныхъ въ „Terre", наиболѣе страшно именно отсутствіе трагическаго элемента, благодушіе и довольство этихъ грабящихъ другъ друга людей, которые не останавливаются ни передъ чѣмъ для удовлетворенія грубыхъ животныхъ аппетитовъ: они счастливы, потворствуя своей жадности, своей похоти, и у нихъ есть даже развлеченія; они собираются на вечеринки, безпредѣльное тупоуміе которыхъ Зола̀ описываетъ съ какимъ-то особымъ злорадствомъ; они веселы, когда ихъ не мучитъ ужасъ передъ возможной потерей пяди принадлежащей имъ земли, или не душитъ ненависть къ кому-нибудь, кто можетъ отнять у нихъ частицу ихъ собственности.

Описывая въ такомъ видѣ жизнь крестьянъ, Зола̀, очевидно, исходилъ не изъ безстрастнаго научнаго изученія дѣйствительности, такъ какъ на самомъ низкомъ уровнѣ развитія жизнь не сводится къ чисто физіологическому существованію. Онъ какъ бы хочетъ показать предѣлы паденія, къ которымъ можетъ привести разнузданность плотскихъ инстинктовъ, не имѣющихъ противовѣса въ духовной жаждѣ. Страдающее человѣчество представлено въ „Жерминалѣ", гдѣ рабочіе гибнутъ отъ безпросвѣтнаго труда и нищеты, но и тамъ чувствуется, что дѣло—не въ тяжкихъ условіяхъ жизни, а въ нравственномъ убожествѣ рабочихъ. Страданія ихъ - физическія, а страсти—чисто животныя. Въ одной изъ самыхъ сильныхъ сценъ романа представлена звѣрская борьба двухъ рабочихъ за обладаніе полюбившейся обоимъ дѣвушкой; борьба происходитъ во мракѣ угольной шахты, и мракъ въ этой сценѣ—символическій, характеризующій внутреннее содержаніе жизни этихъ людей. Ясно, что при измѣнившихся условіяхъ, при обезпеченной жизни, они останутся такими же жалкими въ ду-

ховномъ отношеніи существами, т.-е. сытыми и самодовольными буржуа съ разросшимися аппетитами. Таковы дѣйствительно въ другихъ романахъ Золà представители средняго буржуазнаго круга,—ослѣпленные жаждой легкой наживы парижане („Argent"), добропорядочные по внѣшности и утопающіе во лжи и развратѣ обитатели буржуазно-почтеннаго дома („Pot Bouille"). Ихъ порочность—еще болѣе самодовольная, чѣмъ грубость рабочихъ и крестьянъ. Они вѣрны своимъ инстинктамъ и чувствуютъ себя вполнѣ правыми, поскольку внѣшнія обстоятельства позволяютъ имъ удовлетворять желаніямъ, прикрываясь показной порядочностью.

Чтобы не стать одностороннимъ обвинителемъ всей совокупности общества, Золà вводитъ почти въ каждый изъ своихъ романовъ какихъ-нибудь исключительно свѣтлыхъ, безкорыстно любящихъ, благородныхъ людей,—но всѣ они поразительно безцвѣтны и шаблонно идеализированы. Ясно, что они нужны романисту или для того, чтобы оттѣнить собой низость большинства, или для того, чтобы отвратить упрекъ въ тенденціозномъ сгущеніи мрачныхъ красокъ. Всѣ они романтичны и сентиментальны, какъ бы взяты напрокатъ изъ старыхъ мелодрамъ и чувствительныхъ романовъ. Кузнецъ Гужé, любящій Жервезу рыцарской любовью, идиллическая парочка—Сильверъ и Мьетъ („Fortune des Rougon") съ ихъ трогательной невинной любовью, любящіе и скромные, трудолюбивые супруги Жорданъ въ „Argent" и т. д., чрезвычайно слащавы и гораздо менѣе реальны, чѣмъ тѣ отрицательные типы, въ которыхъ Золà обнаружилъ всю силу своего обличительнаго таланта. Когда же въ одномъ изъ романовъ („Au Bonheur des dames") героиня представлена честной, трудящейся и скромной дѣвушкой, то самымъ ея торжествомъ Золà какъ бы опорочилъ ее. Дениза спекулируетъ своей неприступностью, и если путь, который приводитъ ее къ буржуазному благополучію, и болѣе тернистъ, чѣмъ дорога, избранная Нана, то онъ зато и болѣе надеженъ: Нана, послѣ короткаго вихря наслажденій, кончаетъ жизнь въ больницѣ, Дениза же становится собственницей большого магазина, гдѣ служила приказчицей, и ее окружаютъ въ теченіе всей дальнѣйшей жизни общая любовь и почетъ. Когда же Золà изображаетъ не шаблонно-добродѣтельныхъ, романтично-идеальныхъ людей, а истинно благородныя, чуждыя стяжательства и эгоизма возвышенныя натуры, то онѣ всегда являются жертвами окружающаго ихъ нравственнаго уродства, какъ m-me Каролина въ „Argent", какъ Полина въ „Joie de vivre", которую беззастѣнчиво обираетъ ея семья, пользуясь

ея добротой и самоотверженностью. Въ другихъ же случаяхъ, люди съ искренно благородными, человѣколюбивыми побужденіями появляются у Зола только рядомъ съ особенно низменными эксплоататорами—для бо̀льшаго контраста. Такъ, у жаднаго грабителя Буша („Argent"), высасывающаго кровь изъ своихъ должниковъ, есть чахоточный братъ Сигизмундъ, послѣдователь Маркса. Онъ создаетъ утопіи братскаго единенія между людьми, уничтожаетъ въ теоріи власть денегъ и не подозрѣваетъ, что рядомъ съ его комнатой, въ дѣловомъ кабинетѣ брата, совершаются самыя гнусныя сдѣлки, отъ которыхъ гибнетъ множество существованій. И для полноты контраста, безчеловѣчный къ своимъ жертвамъ Бушъ полонъ нѣжной трогательной любви къ своему больному брату, окружаетъ его заботами и забываетъ о самыхъ выгодныхъ дѣлахъ, когда его тревожитъ кашель Сигизмунда. Точно также въ „Germinal" есть убѣжденные мечтатели о братствѣ всѣхъ трудящихся; но очевидно, что всѣ эти исключительно прекрасныя и возвышенныя натуры введены не для оправданія современнаго общества, не для того, чтобы показать, что есть нѣсколько праведниковъ, ради которыхъ міръ будетъ спасенъ,—а только изъ чисто-художественныхъ соображеній, чтобы рѣдкими лучами свѣта еще болѣе рельефно освѣтить общій мракъ картины.

V.

Изображая безнадежную низменность и пошлость людей, Зола рисуетъ въ столь же мрачномъ свѣтѣ и создаваемыя ими учрежденія. Люди—жертвы созданныхъ ими же бичей, которые, служа ихъ инстинктамъ, губятъ ихъ и ускоряютъ разложеніе общества. Кабакъ въ „Assomoir", биржа въ „Argent", желѣзная дорога, на которой совершается рядъ убійствъ въ „Bête Humaine", большой магазинъ, губящій мелкую промышленность въ „Au Bonheur des dames", домъ съ внушительной лѣстницей, гдѣ въ каждой квартирѣ творятся невообразимо грязныя дѣла, въ „Pot Bouille", рудникъ въ „Germinal", поглощающій и губящій душу и тѣло рабочихъ,—все это собирательные о̀бразы, въ которыхъ Зола выразилъ свою злобу противъ культуры. Все то зло, которое онъ намѣчаетъ въ характерахъ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ, сплочено и доведено до величайшей пластичности въ символическихъ описаніяхъ плодовъ культуры, которые становятся разрушителями ея. Мертвые предметы, зданія, магазины превращаются въ его описаніяхъ въ какія-то живыя апокалип-

тическія чудовища, пожирающія человѣчество. Въ этомъ отношеніи у Зола́ нѣтъ соперниковъ среди величайшихъ романистовъ; онъ въ своемъ родѣ мастеръ nature morte, напоминающій по силѣ великихъ фламандскихъ живописцевъ—съ тою разницей, что онъ вдохнулъ внутреннюю жизнь въ мертвые предметы, превратилъ ихъ въ живое выраженіе пожирающаго міръ зла. Всѣ тѣ преувеличенія, которыя такъ бросаются въ глаза въ его изображеніяхъ плотской разнузданности, физическаго и нравственнаго вырожденія отдѣльныхъ людей, исчезаютъ въ этихъ предметныхъ описаніяхъ. Въ нихъ правда заключается не въ реальныхъ подробностяхъ, а въ освѣщеніи скрытаго въ нихъ смысла, и смыслъ этотъ Зола́ умѣетъ представить такъ ярко и убѣдительно, что вноситъ жизнь въ камни, желѣзо и предметы, созданные руками человѣка. Зданіе биржи, на которое Сакаръ и молодой мечтатель Сигизмундъ Бушъ смотрятъ изъ маленькой комнаты въ пятомъ этажѣ, становится чѣмъ-то живымъ въ ихъ глазахъ, мѣняющимся сообразно съ происходящими въ немъ жизненными драмами, объясняющимъ смыслъ царящаго зла. Оно живетъ органической жизнью, и болѣе живо, чѣмъ люди, въ немъ толпящіеся, такъ какъ оно—душа этихъ людей; пока будетъ стоять это зданіе, воздвигнутое людьми на свою же погибель, до тѣхъ поръ ничто не измѣнится, до тѣхъ поръ люди будутъ пожирать другъ друга безъ жалости, до тѣхъ поръ жажда наживы будетъ вытѣснять любовь и святость въ отношеніяхъ между людьми. И точно также всѣ другія учрежденія, которыя замѣняютъ собой душу создавшихъ ихъ людей, получаютъ въ романахъ Зола́ живую и губительную жизнь. Assomoir—центръ жизни рабочаго населенія, воплощеніе ихъ единственныхъ радостей и желаній, и всѣ они гибнутъ, потому что создали себѣ кумиръ. Вся вопіющая несправедливость классовыхъ различій, весь ужасъ борьбы между капитализмомъ и трудомъ воплощенъ въ мракѣ угольной шахты, которая опять-таки превращена въ живое, страшное животное съ ненасытной пастью.

Чрезвычайно характерно, что наиболѣе живыми въ романахъ Зола́ являются бездушные предметы. Этимъ подтверждается основная идея всѣхъ его романовъ. Онъ изображаетъ человѣчество, погибающее отъ отсутствія идеаловъ, и изображаетъ съ наибольшей яркостью кумиры, сотворенные ими для замѣны идеаловъ. Даже когда онъ изображаетъ непосредственныя отношенія людей къ природѣ, то и тутъ показываетъ безуміе людей, губящихъ себя тѣмъ, что они превратили источникъ здоровой и простой жизни въ новое орудіе гибели. Служеніе землѣ не становится

источникомъ радостей, потому что люди набросились на нее съ инстинктами жадности, и земля мститъ имъ, губя ихъ непосильнымъ трудомъ, превращая ихъ въ животныхъ. Они падаютъ обезсиленные, какъ бы распятые, по выраженію Зола̀, на той землѣ, которая дала бы имъ счастье и покой, еслибы они внимали голосу природы, и не извращали простоту и святость жизни своимъ культурнымъ хищничествомъ. Точно также и садъ въ „La faute de l'abbé Mouret“ губитъ попадающихъ въ него своими одуряющими запахами, потому что въ немъ тоже извращена природа утонченностью культурныхъ людей; они на погибель себѣ взращиваютъ оранжерейные цвѣты, не довольствуясь тѣмъ, что̀ даетъ природа сама, безъ участія человѣческихъ измышленій.

Такимъ образомъ, все внутреннее содержаніе серіи „Ругонъ-Маккаровъ“ состоитъ въ глубоко-пессимистическомъ развѣнчиваніи культурнаго человѣчества со всѣми его желаніями и дѣяніями. Слѣдующая серія трехъ городовъ дополняетъ первую. Въ „Римѣ“ Зола̀ доказываетъ, что католическая церковь построена на такой же борьбѣ житейскихъ интересовъ, на политическихъ интригахъ и такомъ же карьеризмѣ и честолюбіи, какъ и вся остальная жизнь, представленная въ прежнихъ романахъ. Въ „Лурдѣ“ вѣра въ чудесное приведена въ связь съ истеріей, съ болѣзненнымъ вырожденіемъ культурной націи; въ „Парижѣ“ снова рисуется общее растлѣніе всѣхъ общественныхъ классовъ. Но тутъ, какъ уже и въ послѣднемъ романѣ серіи „Ругонъ-Маккаровъ“, въ „Докторѣ Паскалѣ“, Зола хочетъ доказать, что, несмотря на борьбу аппетитовъ, къ которой сводится современная жизнь, Франція способна возродиться къ здоровой и достойной жизни. Въ „Докторѣ Паскалѣ“ проповѣдуется радость жизни, любовь не во имя плотскихъ наслажденій, а во имя нарожденія новыхъ жизней, любовь облагороженная чистотой любящихъ, и какъ самый яркій примѣръ неувядаемости такого чувства Зола представляетъ страстную любовь между престарѣлымъ ученымъ и молодой дѣвушкой,—причемъ ихъ союзъ освящается рожденіемъ сына. Въ „Парижѣ“ герой романа—священникъ: онъ отказывается отъ служенія церкви послѣ того, какъ убѣдился въ лицемѣріи и чисто житейскихъ побужденіяхъ духовенства, побывавъ въ Римѣ и Лурдѣ (эти посѣщенія составляютъ содержаніе „Рима“ и „Лурда“). Пьеръ Фроманъ—такъ зовутъ молодого священника—снимаетъ рясу и отдается безкорыстному служенію человѣчества, изучаетъ страданія трудящихся и пороки, отъ которыхъ гибнутъ всѣ классы общества, вникаетъ во всѣ формы нравственной распущенности, царящей въ буржуазныхъ классахъ, изучаетъ всѣ

язвы современнаго человѣчества и считаетъ себя призваннымъ проповѣдывать и показать на собственномъ примѣрѣ возможность нравственнаго возрожденія. Онъ находитъ дѣвушку, понимающую его душевный порывъ, женится на ней и основываетъ чистую и добродѣтельную семью, проникнутую любовью къ труду, любовью къ людямъ и ставящую чистоту жизни выше всякаго рода аппетитовъ и жизненныхъ благъ. Четыре сына Пьера и Мари, названные по имени четырехъ евангелистовъ—Матвѣемъ, Лукою, Маркомъ и Іоанномъ, становятся апостолами новой жизни. Имъ должны были быть посвящены четыре романа серіи евангелій. Матвѣй, герой „Плодородія", родоначальникъ огромной семьи, представленъ какимъ-то легендарнымъ патріархомъ; число его дѣтей кажется какимъ-то безконечнымъ въ растянутомъ, загроможденномъ множествомъ происшествій и сценъ романѣ „Fécondité". Среди множества обличеній всякаго рода дѣтоубійствъ, печальныхъ бездѣтныхъ семей и уродства низменныхъ, мимолетныхъ любовныхъ интригъ, исключительной цѣлью которыхъ является чувственное наслажденіе, среди описаній всей грязи, порождаемой стремленіемъ уберечься отъ появленія дѣтей, постоянно повторяется почти въ каждой главѣ одна и та же фраза: „у Матвѣя родился еще одинъ ребенокъ". Читатель сначала считаетъ дѣтей Матвѣя, но, дойдя до одиннадцати или двѣнадцати, путается въ счетѣ. Въ концѣ романа Матвѣй умираетъ въ глубокой старости, окруженный безчисленными внуками и правнуками, въ отрадномъ сознаніи праведно и плодотворно прожитой жизни. Въ „Travail" Лука, второй сынъ Матвѣя, становится проповѣдникомъ новаго отношенія къ труду; онъ видитъ ужасъ теперешнихъ отношеній между капитализмомъ и трудомъ, присутствуетъ при стачкахъ рабочихъ, одинаково возмущается и эгоизмомъ собственниковъ, и дурными инстинктами озлобленныхъ рабочихъ, но надѣется на болѣе свѣтлое будущее, видя залогъ его въ дружбѣ и инстинктивномъ чувствѣ равенства между дѣтьми богатыхъ собственниковъ и дѣтьми рабочихъ. Дѣти подаютъ примѣръ грядущаго братства людей, и оно должно наступить, какъ слѣдствіе экономическихъ преобразованій. Въ двухъ остальныхъ романахъ Зола̀ предполагалъ доказать осуществимость правды и справедливости въ современномъ обществѣ, изъѣденномъ ложью и борьбой за существованіе.

Такова его проповѣдь положительныхъ идеаловъ, но она поражаетъ своей произвольностью и бездоказательностью. Зола̀ хотѣлось завершить свой разрушительный подвигъ проповѣдью оздоровленія. Онъ задумывалъ сдѣлать это уже тогда, когда го-

товилъ планъ „Ругонъ-Маккаровъ“, а ко времени окончанія этой серіи первоначальный замыселъ еще болѣе окрѣпъ подъ вліяніемъ Толстого; появленіе евангелій непосредственно вызвано желаніемъ противопоставить проповѣди Толстого свою собственную. Но для этой задачи Зола не былъ созданъ. Его грозныя и внушительныя обличенія разбиваютъ самыя основы матеріалистической культуры, и потому для проповѣди возрожденія нужно было бы указать на новые устои, на новую силу, способную преодолѣть царящее зло. Проповѣдь Толстого основана на воззваніи къ религіозному чувству, къ нравственной силѣ, скрытой въ душѣ человѣка, на внутреннемъ созерцаніи. У Зола же ничего подобнаго нѣтъ. Онъ громитъ позитивную культуру, вышедшую изъ всевластія науки, которая сдѣлала законы матеріи мѣриломъ и источникомъ нравственной жизни людей. И потомъ вдругъ, во имя той же науки, которою увлекается докторъ Паскаль, Зола проповѣдуетъ новый идеальный строй жизни. Съ тѣмъ же успѣхомъ онъ могъ бы идеализировать жизнь среди описаній кабака и биржи. Ничего убѣдительнаго въ его евангеліяхъ нѣтъ, потому что источника возрожденія онъ не нашелъ, а только произвольно и намѣренно измѣнилъ свое отношеніе къ дѣйствительности, сталъ изображать добрыя и благородныя чувства въ людяхъ той же среды, которая прежде ему казалась проникнутою ложью и развратомъ. Вслѣдствіе внутренняго противорѣчія, послѣдніе романы Зола безконечно слабѣе прежнихъ, и даже въ художественномъ отношеніи тягучѣе, однообразнѣе и, главное, безжизненнѣе. Повторяемъ еще разъ, Зола—боецъ и разрушитель, умѣющій наблюдать и ярко изображать зло. Тутъ—предѣлъ его таланта и творчества; за этой чертой у него начинается ложь.

По своей художественной манерѣ, Зола, какъ онъ самъ не разъ говорилъ о себѣ,—въ значительной степени романтикъ. Онъ усвоилъ себѣ натуралистическіе пріемы, и его никакъ нельзя упрекнуть въ недостаточной документальности. Напротивъ того, критики Зола часто упрекали его въ слишкомъ усердномъ фотографированіи дѣйствительности, въ томъ, что въ его произведеніяхъ чувствуется „записная книжка“. Онъ изучалъ на мѣстѣ фабрики, магазины, рынки, подробности крестьянской жизни и т. д., и для вѣрнаго воспроизведенія среды переносилъ всѣ свои непосредственныя наблюденія на страницы романовъ. Мы не будемъ повторять эти упреки въ чрезмѣрной документальности, потому что намъ кажется, что дѣйствительно Зола—неподражаемый мастеръ въ возсозданіи среды со всѣми ея матеріальными по-

дробностями. Преувеличенія документальности начинаются тамъ, гдѣ наблюденія надъ жизнью смѣняются научными свѣдѣніями, нужными Зола̀ для подтвержденія проводимой имъ теоріи наслѣдственности. Въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно, смѣшиваетъ правду съ правдоподобностью и выдаетъ рѣдкіе медицинскіе случаи за типичныя жизненныя явленія, какъ, напр., въ описаніи сгоранія старика алкоголика, который превращается въ пепелъ, опрокинувъ на себя во снѣ горящую свѣчку, или какъ описаніе смерти отъ кровотеченія изъ носу потомка вырождающейся семьи и т. д. Излишняя систематичность есть въ его изображеніи послѣдовательнаго вырожденія семьи Ругонъ-Маккаровъ. Тутъ чувствуется пристегнутость научной теоріи къ романическому вымыслу, и несущественность этого мнимо-ученаго элемента доказывается уже тѣмъ, что читателю совершенно не интересны родственныя отношенія между дѣйствующими лицами отдѣльныхъ романовъ. Важно, что жизнь этихъ людей уродлива вслѣдствіе разнузданности аппетитовъ, а вовсе не то, что каждый изъ ихъ пороковъ—непосредственный результатъ физіологическихъ свойствъ того или другого старшаго члена семьи. Значеніе натуралистическихъ пріемовъ Зола̀ заключается въ его реальныхъ изображеніяхъ инстинктовъ и аппетитовъ во всѣхъ слояхъ общества.

Но если реализмъ его романовъ такъ убѣдителенъ, если картина современной французской жизни вышла столь яркой, то этимъ Зола̀ обязанъ своему романтическому темпераменту, сгущеннымъ краскамъ въ описаніяхъ, массовымъ эффектамъ и даже необузданной грубости своего языка, тому, что̀ онъ самъ съ нѣкоторой снисходительностью къ себѣ называетъ „les épices de la langue". Онъ умѣетъ дѣйствовать на нервы читателя, возбуждать въ немъ омерзѣніе, ужасъ, иногда самыми грубыми средствами и въ особенности грубыми словами. Это не согласно съ его теоріями о научной безстрастности въ экспериментальномъ романѣ, но дѣло въ томъ, что его романы лишь по методу изслѣдованія соотвѣтствуютъ этой теоріи. По духу же и по тону они представляютъ собой страстную, озлобленную проповѣдь противъ существующей дѣйствительности. Въ этомъ—ихъ сила и художественное достоинство. Зола̀ глубоко искрененъ въ своей злобѣ, а искренность—болѣе существенное свойство художника, чѣмъ безстрастность. Зола̀—борецъ и обличитель, и такимъ онъ останется навсегда жить въ литературѣ.

Зин. Венгерова.

ТЩЕТНОЕ УСИЛІЕ

РОМАНЪ.

— Edouard Rod. L'Inutile Effort. Paris. 1903.

Окончаніе.

IX *).

Въ воскресенье утромъ оба брата пришли въ одинъ и тотъ же часъ къ кіоску Grand Hôtel'я за лондонскими газетами, и Раймондъ перевелъ Леонарду отчетъ о слѣдующемъ засѣданіи суда. Въ сухой и точной стенографической передачѣ разсказы дальнѣйшихъ свидѣтелей могли одинаково показаться или ничтожными, или роковыми для подсудимой. Они не производили опредѣленнаго впечатлѣнія, и поэтому трудно было сразу оцѣнить ихъ важность.

Первыми выслушаны были супруги Ламбетъ, явившіеся на мѣсто происшествія въ самый моментъ катастрофы. Показанія м-ссъ Ламбетъ были совершенно категоричныя; она точно передала всѣ подробности того, что̀ видѣла:

„Свидѣтельница говоритъ, что она гуляла съ мужемъ медленнымъ шагомъ вдоль берега, когда услышала крикъ; они тотчасъ же направились въ сторону, откуда этотъ крикъ раздался, и она увидѣла подсудимую, которая стояла у самой воды, слегка нагнувшись впередъ и не произнося ни слова. Свидѣтельница

*) См. августъ, стр. 701.

говоритъ, что она спросила: „Что съ вами, сударыня?“,—и что подсудимая отвѣтила: „Мое дитя! мое дитя!“.—Свидѣтельница утверждаетъ, что подсудимая не плакала, и какъ будто только дѣлала видъ, что она въ отчаяніи. На вопросъ свидѣтельницы: „Да что же такое случилось?“—подсудимая отвѣтила: „Моя маленькая дочь поскользнулась и упала въ рѣку. Она хотѣла сорвать нѣсколько стеблей камыша. Ахъ, Господи!“ — „Но, сударыня“,—сказала ей свидѣтельница,—„почему же вы не зовете людей на помощь?“—Тогда подсудимая стала кричать; явился сторожъ парка и начались поиски. Свидѣтельница приняла въ нихъ участіе, и она-то и нашла шляпу дѣвочки.

Въ отвѣтъ на вопросъ защитника свидѣтельница объясняетъ, что если она не разсказала сразу этихъ подробностей, то потому, что не понимала ихъ важности, не предполагая, что тутъ можетъ быть рѣчь о преступленіи. Одна изъ ея пріятельницъ, м-ссъ Комбитъ, первая навела ее на эту мысль и убѣдила ее въ томъ, что ея долгъ—открыть судебнымъ властямъ все, что она знаетъ. На вопросъ одного изъ присяжныхъ засѣдателей, увѣрена ли она въ томъ, что все именно такъ происходило, и что она не ошибается, свидѣтельница утверждаетъ, что она вполнѣ увѣрена“.

Ея мужъ, однако, выказалъ меньшую твердость въ своихъ показаніяхъ. Ссылаясь на свою глухоту, на туманъ, на то, что уже было темно, онъ отвѣчалъ на вопросы съ большими колебаніями: онъ говорилъ, что не слышалъ криковъ, не смотрѣлъ въ сторону, гдѣ стояла подсудимая въ ту минуту, когда его жена смотрѣла туда, и вообще не понималъ, что происходитъ, до тѣхъ поръ, пока жена ему не объяснила. Никакими вопросами защитникъ не могъ добиться отъ него менѣе сдержанныхъ и менѣе осторожныхъ отвѣтовъ. Онъ прибавилъ, впрочемъ, что подсудимая поднимала руки къ небу и металась по берегу, какъ безумная.

Послѣ супруговъ Ламбетъ выступилъ другой свидѣтель—сторожъ парка, м-ръ О'Клинъ. Онъ разсказалъ, что видѣлъ мать съ дѣвочкой, когда онѣ выходили изъ парка за нѣсколько минутъ до закрытія воротъ. Онъ замѣтилъ, что у дѣвочки былъ утомленный видъ. Нѣсколько времени спустя, услышавъ крики, онъ вышелъ на дорогу и увидѣлъ подсудимую, которая говорила сама съ собой по-французски; около нея стояли супруги Ламбетъ. Онъ поспѣшилъ позвать людей на помощь, но поиски начались не ранѣе, чѣмъ черезъ полчаса послѣ несчастія; теченіе въ этомъ мѣстѣ очень быстрое, и трупъ вѣроятно уже далеко унесло.

„Онъ не можетъ сказать, чьи именно крики онъ слышалъ: подсудимой или дѣвочки, но ему кажется, что это были скорѣе крики ребенка. На вопросъ одного изъ присяжныхъ засѣдателей онъ отвѣчаетъ, что паркъ закрывается въ четыре часа, и что подсудимая съ ея ребенкомъ не успѣли бы вернуться черезъ паркъ на станцію, съ которой сошли, отправляясь въ Kew-Gardens“.

Послѣ сторожа выслушаны были три полисмэна, инспекторъ и два сыщика, разсказавшіе объ арестѣ Франсуазы. Когда инспекторъ объявилъ молодой женщинѣ о страшномъ подозрѣніи, тяготящемъ надъ нею, она воскликнула: „Господи, Боже мой!“ — и закрыла лицо руками.

„Она хотѣла еще что-то сказать, но инспекторъ предупредилъ ее, что все произнесенное ею съ этой минуты будетъ доведено до свѣдѣнія суда и, быть можетъ, повредитъ ей, такъ что благоразумнѣе съ ея стороны совсѣмъ ничего не говорить. Тогда она сказала: „Но вѣдь я ни въ чемъ не повинна,—я ничего другого не могу сказать. Моя дѣвочка упала въ воду. Развѣ кто-нибудь повѣритъ тому, что я хотѣла ея смерти!“—Она нѣсколько разъ повторила: „я не виновна“—и стала судорожно рыдать.

Вслѣдъ затѣмъ выступили свидѣтели, вызванные защитой.

М-ръ Орчардъ, учитель музыки, тридцати-трехъ лѣтъ, живущій въ Чильси, въ Chayne-Walk, разсказалъ о своей дружбѣ съ Франсуазой, сказалъ безъ всякаго ложнаго стыда, съ простотой и достоинствомъ, что любитъ молодую женщину; въ его показаніяхъ чувствовалась—даже сквозь сухость стенографическаго отчета—трогательная привязанность къ подсудимой, непоколебимая увѣренность въ ея невинности и глубокое преклоненіе передъ нею:

...„Свидѣтель говоритъ, что онъ не желалъ вступать въ тайную, незаконную связь съ подсудимой, а мечталъ о томъ, чтобы жениться на ней. Онъ говоритъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ ей предложеніе, но она отказывала, не объясняя причинъ отказа. Она говорила ему о своей дѣвочкѣ; разъ онъ ее даже проводилъ въ Кентербери, но она не хотѣла, чтобы онъ зашелъ вмѣстѣ съ нею въ пансіонъ, и онъ гулялъ по городу, поджидая ее, чтобы вернуться вмѣстѣ въ Лондонъ. На обратномъ пути подсудимая много разсказывала ему о своей дочери, и обѣщала познакомить его съ ней на праздникахъ; это обѣщаніе она исполнила. Свидѣтель говоритъ, что дѣвочка была очень кроткая и застѣнчивая, но казалась вполнѣ довольной и веселой. Сви-

дѣтель говоритъ также, что подсудимая не говорила ему о своихъ отношеніяхъ къ молодому человѣку, который умеръ до ихъ знакомства. Онъ узналъ объ этомъ только теперь, во время процесса, и очень огорченъ, такъ какъ полагаетъ, что подсудимая потому и отказывалась выходить за него замужъ, хотя и питала къ нему симпатію, что не желала разсказать ему объ этой связи. Свидѣтель видѣлъ подсудимую 11-го января, днемъ. Она не говорила ему о предстоящей прогулкѣ въ Kew Gardens. Свидѣтель принесъ въ этотъ день конфекты дѣвочкѣ; она его очень благодарила, и сказала ему, что хотѣла бы остаться въ Лондонѣ, гдѣ ей пріятнѣе и веселѣе, чѣмъ въ Кентербери. Онъ видѣлъ подсудимую въ послѣдній разъ два дня спустя, за нѣсколько часовъ до ея ареста, когда она еще не имѣла понятія о томъ, что ее подозрѣваютъ въ убійствѣ дочери. Она была въ страшномъ отчаяніи, очень плакала и сказала, что никогда не утѣшится въ потерѣ своей дѣвочки, и что не можетъ простить себѣ свою неосторожность—зачѣмъ она пустила дѣвочку такъ близко къ водѣ? Она ему сказала также, что теперь для нея все кончено въ жизни, что она желаетъ только смерти. Кончая, свидѣтель заявляетъ съ глубокимъ волненіемъ, что убѣжденъ въ невинности подсудимой".

— Какой честный и благородный человѣкъ!—воскликнулъ Раймондъ, взглянувъ на брата, который отвелъ глаза.

Онъ продолжалъ переводъ отчета съ дрожью въ голосѣ:

Послѣ м-ра Орчарда давала показанія директриса пансіона въ Кентербери, старшая миссъ Джуэль. Она заявила, что подсудимая аккуратно выплачивала мѣсячные взносы за свою дочь и приходила навѣщать ее два раза въ мѣсяцъ. Казалось, что она очень любила свою дочь. Дѣвочка къ тому же была очень славная, добрая и смышлёная. Учительницы хвалили ее за прилежаніе, а подруги любили за веселость и рѣзвость въ играхъ. О матери она всегда говорила съ большой нѣжностью.

Хозяйка мастерской, въ которой работала Франсуаза, дала самые лучшіе отзывы о ея характерѣ, объ ея аккуратности и пониманіи своего дѣла. Лучшей мастерицы, чѣмъ Франсуаза, она никогда не имѣла, и ни за что не можетъ повѣрить, чтобы Франсуаза могла совершить такое страшное преступленіе.

Когда кончился допросъ свидѣтелей, м-ръ Лоренсъ Бель объявилъ, по англійскому обычаю, что подсудимую приглашаютъ дать показаніе въ свою защиту, и разсказъ Франсуазы производилъ сильное впечатлѣніе даже въ сухомъ газетномъ отчетѣ:

„Призванная дать показаніе въ свою защиту, подсудимая

разсказала исторію своей жизни со времени появленія на свѣтъ ея ребенка. Лѣтъ около восьми тому назадъ, когда она еще жила во Франціи, она почувствовала, что готовится стать матерью. Тогда она рѣшила оставить свою родину; отъѣздъ замедлился вслѣдствіе того, что она серьезно заболѣла. Выздоровѣвъ, она уѣхала въ Лондонъ, гдѣ и родилась ея дочь. Она оставила ее при себѣ и вскормила ее коровьимъ молокомъ. Она говоритъ, что въ это время она уже порвала сношенія съ отцомъ ребенка, и больше съ нимъ ни разу не встрѣчалась. Она поселилась въ Чильси, на Черчъ-Стритѣ, у нѣкоей м-ссъ Дьюкъ, очень доброй женщины, которая присматривала за ребенкомъ, когда она уходила въ мастерскую. Около полутора года тому назадъ м-ссъ Дьюкъ умерла, и подсудимой пришлось перемѣнить квартиру; она поселилась на Артуръ-Стритѣ, у м-ссъ Оксбриджъ. Дѣвочка подростала и нуждалась въ большемъ уходѣ, а м-ссъ Оксбриджъ занята была собственными дѣлами и не желала посвящать своего времени ребенку, какъ это дѣлала м-ссъ Дьюкъ. Сама же подсудимая должна была работать весь день внѣ дома; поэтому она и рѣшилась помѣстить дѣвочку въ пансіонъ сестеръ Джуэль, на который ей указала сама же ея хозяйка.

Дѣвочкѣ не хотѣлось уѣзжать отъ матери, и она очень плакала. Потомъ она привыкла и полюбила жизнь въ пансіонѣ; на праздники мать брала ее къ себѣ. О своихъ отношеніяхъ къ молодому человѣку, который умеръ, подсудимая никакихъ показаній не даетъ. Что касается м-ра В. Орчарда, она говоритъ, что очень уважала его, какъ чрезвычайно добраго и честнаго человѣка, охотно видѣла его у себя, но не согласилась бы выйти за него замужъ. Она не говорила ему объ умершемъ молодомъ человѣкѣ; это его не касалось, въ виду того, что она не хотѣла стать его женой. Она его видѣла 11-го числа, подъ вечеръ, выходя изъ мастерской, и не сказала ему, что собирается въ Kew Gardens на слѣдующій день, потому что мысль о прогулкѣ явилась только вечеромъ — сама дѣвочка попросила мать поѣхать съ ней въ Kew-Gardens; одна изъ ея подругъ говорила ей, что это — самый прекрасный паркъ въ мірѣ, и что нигдѣ нѣтъ такихъ деревьевъ, какъ тамъ. Дѣвочка очень радовалась предстоящей прогулкѣ и тому, что разскажетъ подругамъ о чудесныхъ деревьяхъ. М-ссъ Оксбриджъ не поняла разговора, происшедшаго утромъ. Подсудимая говоритъ, что это она предложила отказаться отъ прогулки, когда дѣвочка пожаловалась на головную боль; дѣвочка же настояла на томъ, чтобы онѣ поѣхали, говоря, что — боль очень незначительная. — Правда, что онѣ зашли въ гостинницу м-ра

Гоули; ей самой ѣсть не хотѣлось,—она не привыкла такъ рано завтракать, но она была довольна, видя, что дѣвочка ѣстъ съ аппетитомъ и больше не жалуется на головную боль. Потомъ онѣ пошли въ паркъ. Дѣвочка была въ восторгѣ отъ деревьевъ, спрашивала ихъ названія, но подсудимая ихъ не знала. Дѣвочка была очень довольна прогулкой и ни разу не жаловалась на усталость; къ тому же онѣ нѣсколько разъ отдыхали и въ ботаническомъ, и въ зимнемъ саду. Выйдя изъ парка, онѣ не знали, въ какую сторону направиться. Сторожъ дремалъ въ своей будкѣ, и онѣ не рѣшились побезпокоить его. Онѣ пошли налѣво—на удачу. Черезъ нѣсколько времени онѣ спросили дорогу у старика, котораго встрѣтили послѣ двухъ рабочихъ, не доходя до поворота рѣки. Старикъ былъ большого роста, съ бѣлой бородой. Это онъ и посовѣтовалъ имъ повернуть назадъ и пойти по направленію къ Kew-Bridge. Онъ шелъ въ ту же сторону, какъ и онѣ. Потомъ онъ повернулъ назадъ, сказавъ, что ему пора домой. Противъ Syon-House'а онѣ на минуту остановились—поглядѣть на коровъ, пасущихся на противоположномъ берегу Темзы. Увидѣвъ камыши на берегу рѣки, дѣвочка сказала: „мама, позволь мнѣ нарвать пучокъ высокихъ травъ!"—и побѣжала впередъ. Подсудимая говоритъ, что она совершенно не безпокоилась и не подозрѣвала опасности, но все-таки крикнула дѣвочкѣ, чтобы она была осторожна. „Дѣвочкѣ хотѣлось нарвать камышей", говоритъ подсудимая. „Если бы я могла предположить, что это опасно, я бы сама пошла вмѣсто нея". Подсудимая осталась ждать дѣвочку на дорогѣ и слѣдила за ней глазами. Вдругъ она увидѣла, что дѣвочка зашаталась и съ крикомъ исчезла въ водѣ. Подсудимая говоритъ, что она въ первую секунду оцѣпенѣла и не могла двинуться съ мѣста, а потомъ крикнула и побѣжала къ рѣкѣ. Но она увидѣла передъ собой только быстро текущую воду. Она стала звать на помощь, потомъ увидѣла людей вокругъ себя; а что̀ послѣ того происходило—она не помнитъ.

Подсудимая объясняетъ еще, что на обратномъ пути у нея мелькнула мысль вернуться черезъ паркъ, но она подумала, что уже поздно и что ворота будутъ заперты. Она не знала, гдѣ находится станція Sanct-Margeret; еслибы она это знала, она продолжала бы идти по тому же направленію. Она повторяетъ, что ее ввелъ въ заблужденіе старикъ, невѣрно указавшій ей дорогу; ничего больше она о старикѣ сказать не можетъ, такъ какъ обмѣнялась съ нимъ только нѣсколькими словами; но она утверждаетъ, что узнала бы его, еслибы его увидѣла. Въ заключеніе она говоритъ, что не думала выходить замужъ ни за м-ра

Орчарда, ни за кого-либо другого, — кромѣ молодого человѣка, который умеръ“.

Точный отчетъ газеты заканчивался сообщеніемъ, что продолженіе судебнаго разбирательства отложено до понедѣльника и что судья объявилъ присяжнымъ засѣдателямъ о предоставленныхъ имъ шерифомъ на воскресенье колясках.

Теплая, почти весенняя погода этого воскреснаго дня располагала къ прогулкамъ подъ голубымъ небомъ, среди деревьевъ и кустовъ, на которыхъ уже появились почки; лондонскимъ присяжнымъ засѣдателямъ предстояла пріятная прогулка въ колясках шерифа. По одному изъ тѣхъ странныхъ совпаденій, которыя часто случаются въ жизни, Люси, садясь за столъ, объявила своимъ обычнымъ рѣшительнымъ тономъ:

— Я наняла коляску на сегодняшній день. Дѣтямъ слѣдуетъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Я ихъ повезу въ Зоологическій садъ; есть у тебя время поѣхать съ нами, Леонардъ?

Она продолжала дѣлать видъ, что не желаетъ знать о томъ, что̀ такъ волновало ея мужа. Дѣти не дали времени отцу сослаться на какую-нибудь спѣшную работу: они обступили его, прыгая отъ радости, хлопая въ ладоши, и Раймонда стала настаивать вкрадчивымъ голосомъ:

— Ты поѣдешь съ нами, папа, поѣдешь! Мама, папа съ нами ѣдетъ!..

...А тамъ, отдѣленные, какъ этого требуетъ законъ, отъ общенія съ другими людьми, присяжные бесѣдовали теперь между собой въ колясках, которыя везли ихъ за городъ по лондонскимъ улицамъ, столь унылымъ въ воскресные дни. Всѣ они, навѣрное, — плотные англійскіе буржуа, купцы, чиновники, фабриканты, румяные, съ рыжими бородами, широкими плечами, привывшіе пить эль, ѣсть ростбифъ, медленные, важные, тяжеловѣсные, скорѣе молчаливые. Можетъ быть, они обсуждаютъ теперь доказательства, свидѣтельскія показанія, поведеніе подсудимой — совершенно спокойно, какъ хладнокровные зрители драмы, которая ихъ мало трогаетъ; или же, уже составивъ себѣ убѣжденіе, они бесѣдуютъ о политикѣ, о дѣлахъ или о религіи — такъ непринужденно, какъ будто они не держатъ въ своихъ рукахъ жизнь человѣка. Въ это же время судья, м-ръ Драйтонъ, побывавшій утромъ въ церкви, глядѣлъ на игры дѣтей, рѣзвившихся на лугу передъ его красивымъ коттеджемъ, и навѣрное думалъ о томъ, придется ли ему или нѣтъ надѣть на слѣдующій день

вечеромъ черную шапочку для произнесенія смертнаго приговора: такъ какъ ему приходилось уже много разъ въ жизни совершать эту формальность, то перспектива повторенія ея, вѣроятно, его не смущаетъ. Но Франсуаза... какъ проводитъ она это воскресенье?

... Дѣти наслаждались всѣмъ, что̀ представлялось ихъ взорамъ по дорогѣ. Ихъ забавляли лебеди на озерахъ въ Булонскомъ лѣсу; всадники, мчавшіеся въ Зоологическій садъ по аллеямъ для верховой ѣзды; медленно двигающіеся пѣшеходы, несущіеся какъ вихрь велосипедисты, автомобили, продавцы, выкрикивающіе свои товары. Въ Зоологическомъ саду имъ хотѣлось поѣздить верхомъ на слонѣ, потомъ на верблюдѣ, потомъ покататься въ коляскѣ, запряженной козами. Леонардъ, который обыкновенно изъ воспитательныхъ цѣлей не слишкомъ баловалъ дѣтей, на этотъ разъ исполнялъ всѣ ихъ желанія, подумавъ о невѣдомыхъ лишеніяхъ и страданіяхъ, которыя, быть можетъ, ожидаютъ ихъ въ будущемъ. Люси, обыкновенно болѣе разсчетливая, чѣмъ ея мужъ, на этотъ разъ только улыбалась и не удерживала Леонарда.

Она старалась спокойно разговаривать о самыхъ безразличныхъ предметахъ, чтобы не касаться того, о чемъ и она сама, и ея мужъ неустанно думали. Минутами ей хотѣлось коснуться руки Леонарда и сказать ему: „Я тоже думаю только объ этомъ одномъ, жду извѣстій и раздѣляю твою тревогу“! Но она сдерживала эти порывы, считая болѣе благоразумнымъ притворяться равнодушной. Ей, однако, не вполнѣ удавалось скрыть свою тревогу, которая обнаруживалась въ непривычной мягкости ея обращенія. Дѣти инстинктивно почувствовали что-то странное въ настроеніи родителей, и это омрачило ихъ удовольствіе. Стоя передъ клѣткой съ обезьянами, Маркъ сказалъ на ухо сестрѣ:

— Почему это мама сегодня такая добрая? Она ни разу намъ не сдѣлала замѣчанія.

Дѣвочка отвѣтила ему шопотомъ, глядя на него широко раскрытыми, испуганными глазами:

— А у папы такой странный видъ!

Гримасы мартышки прервали ихъ разговоръ, и новыя впечатлѣнія разсѣяли ихъ минутную тревогу.

Въ одной вечерней газетѣ „Письмо изъ Лондона“ излагало процессъ Франсуазы не съ такой точностью, какъ англійскія газеты, но болѣе живо и картинно. Корреспондентъ старался главнымъ образомъ передать свои впечатлѣнія, и въ его пластичной обрисовкѣ дѣйствующія лица уголовной драмы представились

какъ живыя воображенію Леонарда. До того, по фактическимъ даннымъ англійскихъ газетъ, онъ лишь смутно различалъ ихъ. Теперь онъ ясно представилъ себѣ судью Драйтона съ его бритымъ, спокойнымъ и жирнымъ лицомъ, выглядывающимъ изъ-подъ судейскаго парика,—м-ра Нортона, обвинителя, длиннаго, сухого, съ угловатыми жестами, гипнотизирующаго свидѣтелей своимъ холоднымъ властнымъ взглядомъ,—затѣмъ м-ра Лоренса Беля, болѣе живого, порывистаго, умѣющаго ставить очень ловкіе вопросы свидѣтелямъ. А Франсуазу онъ сейчасъ же узналъ въ описаніи подсудимой, „одѣтой въ черное суконное платье фасона tailleur, съ бѣлымъ воротничкомъ“.

„Ея скорѣе маленькая голова,—писалъ корреспондентъ,—граціозно сидитъ на шеѣ, сохраняя моложавый видъ. Лицо красивой овальной формы и освѣщено прекрасными большими глазами; у нея прелестный ротъ съ безукоризненными зубами; слегка вздернутый тонкій носъ придаетъ лицу выраженіе шаловливой веселости; но цвѣтъ лица принялъ сѣрый оттѣнокъ—очевидно вслѣдствіе недостатка воздуха и свѣта въ тюрьмѣ; въ волосахъ много сѣдины. Подсудимая говоритъ увѣренно, но скромно, мелодичнымъ голосомъ, располагающимъ въ ея пользу. По-англійски она говоритъ совершенно свободно, но съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ. Въ общемъ, ничто въ ней не отражаетъ ни жестокости, ни трагизма. Криминалистъ тщетно бы искалъ въ этомъ лицѣ признаковъ преступности, а философъ—отпечатка трагической судьбы. Франсуаза Десомъ ничѣмъ не отличается отъ многихъ другихъ красивыхъ женщинъ, жизнь которыхъ протекаетъ безъ всякихъ катастрофъ и роковыхъ событій.

„Какой контрастъ между нею и м-ссъ Ламбетъ, которая старается погубить ее своими показаніями! Толстая, увѣсистая, съ багровымъ цвѣтомъ лица, она болтаетъ безъ умолку и все время кипятится. Она сильно напоминаетъ кумушекъ изъ комедіи Шекспира. Она счастлива, что очутилась на судѣ, гдѣ никто не имѣетъ права прервать потокъ ея рѣчей, и гдѣ она можетъ разсказывать безъ конца о томъ, что̀ она видѣла—или, быть можетъ, не видѣла. Она повторяетъ по сту разъ однѣ и тѣ же подробности, бросая злорадные взгляды на подсудимую, которая слушаетъ ее кротко и удивленно, какъ бы не подозрѣвая, что этотъ потокъ рѣчей можетъ унести ея жизнь.

„Рядомъ съ м-ссъ Ламбетъ появляется ея мужъ, совершенно глухой старикъ; онъ держитъ слуховую трубку у праваго уха и удивленно глядитъ на жесты людей, не слыша ихъ словъ.

Трудно себѣ представить болѣе растерянное выраженіе лица, чѣмъ у этого запуганнаго старика, очевидно привыкшаго во всемъ подчиняться своей грозной супругѣ. Вѣроятно все это судебное разбирательство, въ которомъ ему приходится неожиданно для себя играть какую-то несовсѣмъ понятную ему роль, представляется ему чѣмъ-то въ родѣ столь популярныхъ въ Англіи пантомимъ, изображающихъ страшныя и нелѣпыя событія".

По изображенію супруговъ Ламбетъ и по похваламъ м-ру Орчарду видно было, что симпатіи корреспондента—на сторонѣ подсудимой. Это еще яснѣе сказывалось въ заключительныхъ строкахъ статьи, очень вѣрно опредѣлявшихъ значеніе процесса:

„Во Франціи,—писалъ корреспондентъ,—я бы безъ колебанія держалъ пари за оправдательный приговоръ. Здѣсь же я не рѣшаюсь высказывать никакихъ предположеній. Свободный образъ жизни подсудимой составляетъ для англичанъ поводъ для самыхъ страшныхъ подозрѣній. Англичане безжалостны во всемъ, что̀ касается нравственности: женщину, уклонившуюся отъ прямого пути, они считаютъ способной на всякое преступленіе. Они не признаютъ оттѣнковъ; порокъ не имѣетъ ступеней, по ихъ мнѣнію: женщину, имѣющую незаконнаго ребенка, они считаютъ способной и убить его. Такая строгость сужденій вовсе не доказываетъ, что англичане добродѣтельнѣе насъ, — они только утверждаютъ, что добродѣтельны, и готовы утверждать это наперекоръ всякой очевидности. Ихъ чрезмѣрная строгость къ любовнымъ грѣхамъ объясняется именно ихъ желаніемъ убѣдить себя, что они не грѣшатъ. Во всякомъ случаѣ, это вѣрнѣйшій способъ доказать, что они безпощадны къ явному нарушенію законовъ нравственности; скрытый грѣхъ они терпятъ, но какъ только онъ обнаруживается—они его караютъ.

„Нужно считаться съ этимъ образомъ мыслей англичанъ въ процессѣ Франсуазы Десо̀мъ. Если ее осудятъ, во Франціи навѣрное скажутъ, что ея несчастіе въ томъ, что она—француженка. Это будетъ ошибка: судъ отнесся бы съ такой же строгостью къ англичанкѣ. Но возможно, что Франсуаза Десо̀мъ погибнетъ вовсе не потому, что ея вина установлена,—по моему, доказательствъ преступленія нѣтъ,—а потому что выяснился ея „безнравственный", по-англійскимъ понятіямъ, образъ жизни: если женщина столь неосторожна, что у нея есть незаконный ребенокъ, то ужъ ей опасно терять этого ребенка среди таинственныхъ обстоятельствъ. Несомнѣнность ея „паденія" помѣшаетъ вѣрить ея объясненіямъ и придастъ роковую вѣроятность всѣмъ возбужденнымъ противъ нея подозрѣніямъ. Во всѣхъ странахъ

міра приговоры жюри зависятъ отъ подобныхъ вліяній, слишкомъ стихійныхъ и инстинктивныхъ, чтобы ихъ можно было побороть".

Эта корреспонденція открывала дорогу самымъ мрачнымъ опасеніямъ. Страхъ все болѣе охватывалъ обоихъ братьевъ въ теченіе длинной ночи, а потомъ нескончаемаго дня, который они провели вдвоемъ въ квартирѣ Раймонда, безмолвные, лишь изрѣдка обмѣниваясь выраженіями ужаса или надежды.

Общая тревога ихъ снова сблизила. Видя отчаяніе и безпомощность брата, Раймондъ уже не чувствовалъ къ нему презрѣнія. Леонардъ все еще не терялъ надежды, хотя сердце его сжималось отъ страшнаго предчувствія. Изъ вечернихъ газетъ они узнали только, что судебныя пренія еще не закончились, и приговоръ будетъ произнесенъ очень поздно. Они провели ночь, не ложась спать и не разставаясь. Во вторникъ утромъ, передъ первымъ газетнымъ кіоскомъ, открывшимся въ утреннемъ полусвѣтѣ, они прочли лаконическую телеграмму: „Франсуаза Десомъ приговорена къ смертной казни".

X.

Въ англійскихъ газетахъ описывались подробности ужасной развязки процесса. Въ сжатой передачѣ рѣчей м-ра Нортона и м-ра Лоренса Беля сухо и неопредѣленно упоминалось о письмахъ Раймонда: „м-ръ Бель говоритъ о перепискѣ подсудимой съ однимъ французомъ и читаетъ нѣсколько отрывковъ изъ ея писемъ". Затѣмъ слѣдовали подробности послѣдняго засѣданія суда: совѣщаніе присяжныхъ длилось два часа; послѣ чтенія приговора, подсудимая крикнула: „я невиновна"; судья надѣлъ свою черную шапочку для объявленія приговора, и потомъ обмѣнялся любезностями съ присяжными засѣдателями, которые благодарили за внимательное отношеніе къ нимъ во время процесса.

Братья прочли эти извѣстія, какъ и всѣ предъидущія, стоя подъ аркадами на улицѣ Риволи. Ничто не измѣнилось въ обычномъ видѣ улицы и прохожихъ... И въ это же время присяжные, довольные бифштексами, пудингами и колясками шерифовъ, отдыхали въ своихъ семьяхъ за плотнымъ завтракомъ, прежде чѣмъ вернуться къ обычнымъ занятіямъ, прерваннымъ исполненіемъ судебнаго долга. Произнеся приговоръ по совѣсти, какъ честные охранители общественнаго порядка и вѣчныхъ принциповъ морали, они проспали ночь спокойно, безъ кошмаровъ; ни жалость, ни сомнѣнія не тревожили ихъ. Они будутъ разсѣян-

нымъ взоромъ читать въ газетахъ обсужденія „шансовъ“ Франсуазы на помилованіе, и будутъ сами спорить объ этомъ съ знакомыми въ качествѣ хорошо освѣдомленныхъ людей; нѣкоторые изъ нихъ будутъ желать, чтобы королева помиловала подсудимую; другіе будутъ находить, что „она заслужила свою участь“. И потомъ наступитъ день, когда, вернувшись домой къ обѣду, они скажутъ женѣ и дѣтямъ: „Помните вы эту Франсуазу, которую мы приговорили къ смерти нѣсколько времени тому назадъ? Ее сегодня повѣсили“!.. Женѣ, можетъ быть, станетъ жалко незнакомку. Дѣти почувствуютъ еще больше уваженія къ отцу, который приговариваетъ людей къ повѣшенію такъ же просто, какъ онъ ѣстъ теперь—съ большимъ аппетитомъ—свой кусокъ ростбифа. И послѣ того они заговорятъ о другомъ...

Братья шли по улицѣ, не думая о томъ, куда направляются. На углу улицы Роганъ ихъ остановило усиленное движеніе экипажей. Раймондъ пробормоталъ:

— Но вѣдь это невозможно!.. Невозможно!..

Экипажи проѣхали, и они смогли перейти улицу. Черезъ нѣсколько времени Леонардъ отвѣтилъ:

— Почему невозможно? Подобныя драмы случаются въ жизни, но мы чувствуемъ весь ужасъ ихъ, только когда онѣ насъ касаются.

Весь дрожа отъ безпомощнаго возмущенія, Раймондъ топнулъ ногой и крикнулъ:

— Ты вѣдь знаешь, что она невинна!

— Знаю.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Раймондъ снова заговорилъ:

— Ты знаешь!.. Такъ что же намъ теперь сдѣлать для ея спасенія?

У Перёза чуть не вырвались страшныя слова: „теперь ужъ поздно!“—но онъ сдержался и только мрачно повторилъ:

— Что̀ намъ теперь дѣлать?

Онъ посмотрѣлъ на брата безумными глазами, беззвучно пошевелилъ губами и быстрыми шагами ушелъ отъ него, какъ бы повинуясь какому-то властному внутреннему побужденію. Раймондъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, не понимая, въ чемъ дѣло, и остановился среди тротуара, затертый въ толпѣ прохожихъ, толкавшихъ его со всѣхъ сторонъ.

Леонардъ быстро зашагалъ, чувствуя нѣкоторое облегченіе отъ ходьбы среди чужихъ людей. Привычка направила его шаги къ Palais de Justice, но, увидѣвъ по близости его знакомыя фигуры, онъ повернулъ назадъ и продолжалъ свое безцѣльное

блужданіе среди невѣдомой толпы. Отъ быстраго движенія у него ныли колѣни; пальто его было забрызгано грязью; но онъ все шелъ впередъ, перешелъ черезъ Сену и пошелъ по набережной, вдоль магазиновъ и старыхъ домовъ, пока наконецъ на набережной Монтебелло встрѣча съ знакомымъ не пробудила въ немъ сознаніе дѣйствительности. Это былъ адвокатъ Жаладъ, который жилъ въ этомъ старомъ кварталѣ; онъ куда-то спѣшилъ, но все-таки остановился при видѣ Перёза.

— Какъ это вы очутились здѣсь въ такой ранній часъ? — спросилъ онъ, и тотчасъ же прибавилъ торжествующимъ тономъ пророка, предсказанія котораго сбылись:

— Ну что̀, говорилъ я вамъ? Ее вѣдь осудили—эту модистку! Вы читали?

Леонардъ пробормоталъ:

— Королева ее помилуетъ...

Жаладъ пожалъ плечами.

— Королева?.. Вотъ увидите, что ее повѣсятъ.

И онъ быстро удалился легкимъ шагомъ человѣка, который не чувствуетъ отвѣтственности за ужасы, происходящіе на свѣтѣ, и смотритъ на все съ философскимъ хладнокровіемъ.

Перёзъ оглядѣлъ себя и увидѣлъ, что его пальто и ботинки забрызганы грязью; онъ подумалъ, что обращаетъ на себя вниманіе прохожихъ и навѣрное произвелъ уже странное впечатлѣніе на товарища, который почему-то постоянно попадался ему на глаза въ самыя тяжелыя минуты переживаемой имъ драмы. Онъ поспѣшилъ домой.

— Господинъ Биллонъ только-что ушелъ,—сказалъ ему Фредерикъ, открывая дверь.—Вы не встрѣтили его, баринъ? Онъ долго ждалъ въ кабинетѣ. Онъ велѣлъ сказать, что будетъ ждать васъ въ судѣ.

— Хорошо, хорошо!

Изъ залы раздавались звуки рояля: Раймонда играла гаммы. Леонардъ пріоткрылъ дверь въ залу: около дѣвочки сидѣла англичанка, наблюдая за игрой, и отбивала тактъ пальцемъ. Раймонда вскочила изъ-за рояля и протянула руки къ отцу съ радостной улыбкой и съ нѣжнымъ выраженіемъ глазъ.

— Папа!

Не отвѣчая на ея привѣтъ обычнымъ поцѣлуемъ, котораго ждала дѣвочка, Леонардъ вышелъ изъ залы и позвалъ Фредерика.

— Гдѣ барыня?—спросилъ онъ.

— Барыня у себя въ комнатѣ.

Вмѣсто того, чтобы хлопотать по дому со свойственной ей

распорядительностью, Люси сидѣла въ креслѣ, погруженная въ мысли. У ея ногъ, на коврѣ, лежала скомканная газета. Она вздрогнула, увидавъ передъ собой мужа.

— Ты прочла?.. Ты знаешь?..

— Да, я знаю.

Застигнутая врасплохъ, она даже не постаралась скрыть своего волненія; оно ясно отражалось въ ея глазахъ, когда она взглянула на мужа. Въ его взорѣ, устремленномъ на нее, она увидѣла гнѣвъ, ужасъ, ненависть и угрозы. Ей стало страшно. Они долго глядѣли другъ другу въ глаза: она—сидя въ креслѣ, облокотившись на лѣвую руку и вытянувъ впередъ голову тревожнымъ движеніемъ, какъ бы готовясь къ оборонѣ; онъ—наклонившись надъ ней и терроризируя ее видомъ своей мощной, высокой фигуры. Въ эту минуту они были похожи на двухъ животныхъ неравной силы, которыя мѣряются глазами передъ началомъ борьбы. Потомъ, какъ будто при всей его силѣ у него не хватало храбрости для нападенія, Леонардъ медленно отвелъ глаза и отошелъ отъ жены, которая вздохнула съ нѣкоторымъ облегченіемъ.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ тяжелыми шагами, отъ времени до времени глубоко вздыхая; каждый его вздохъ какъ бы поднималъ страшную тяжесть, которая затѣмъ снова падала на его грудь. Наконецъ онъ снова остановился передъ женой; въ его взорѣ уже не было ничего угрожающаго; напротивъ того, уничтоженный, какъ бы взывающій о помощи, онъ тихо проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Почему ты мнѣ помѣшала поѣхать?

Не получивъ отвѣта отъ Люси, онъ повторилъ болѣе громко:

— Да, почему?.. почему?

Люси продолжала молчать. Она могла бы снова привести всѣ доводы, которыми убѣдила его не ѣхать, но, возстановляя ихъ въ своей памяти, она вдругъ поняла ихъ ничтожность и почувствовала невозможность повторить ихъ теперь—точно какая-то невидимая рука зажала ей ротъ.

— Это ты удержала меня,—продолжалъ Леонардъ:—ты, ты!..

Онъ почувствовалъ, что эти слова облегчаютъ его страданія, какъ первыя капли испорченной крови, вытекающія изъ слишкомъ долго закрытой раны. Ему захотѣлось продолжать, чтобы стало еще легче. Вся рана раскрылась, и слова потекли, какъ потоки крови:

— Развѣ ты не понимаешь, какое значеніе имѣли бы мои слова на судѣ?... Нужно вѣдь было только возбудить сомнѣніе

въ ея винѣ... Ея спасеніе было въ моихъ рукахъ; ты мнѣ помѣшала... ты, ты! Ее осудили безъ доказательствъ, только по подозрѣнію, по впечатлѣніямъ... противъ нея имѣлось только свидѣтельское показаніе этой старой дуры... и еще нѣчто другое— самое страшное: ея прошлое.... но судьи не поняли этого прошлаго, видѣли въ немъ доказательство ея безнравственности, а я вѣдь знаю, какъ чисто это прошлое! Я бы могъ имъ сказать, какъ она умѣла любить, чѣмъ она была для меня! Но меня удержали, мнѣ стали грозить, — и я былъ слишкомъ слабъ, я уступилъ,—я принесъ тебя въ жертву, моя бѣдная Франсуаза! Ты бы никогда не была такой малодушной, бѣдная страдалица... такой малодушной и жестокой!..

Въ то время какъ онъ осыпалъ ее упреками, Люси вспоминала, какъ легко ей досталась тогда побѣда, съ какой готовностью Леонардъ сдался на ея доводы послѣ ухода Раймонда. Но она готова была теперь взять отвѣтственность на себя, чтобы не отнимать послѣдняго утѣшенія у несчастнаго Леонарда, и продолжала молчать, не глядя на мужа.

Леонардъ все болѣе и болѣе горячился:

— Для тебя вѣдь было ясно, что она невинна... зная то, что̀ ты знала, ты не могла сомнѣваться! И ты предвидѣла возможность судебной ошибки,—конечно предвидѣла!.. Но ты меня обманывала безсмысленными надеждами, оглушила меня своими доводами... и я сдался. Ты грозила мнѣ увезти дѣтей... этимъ ты меня побѣдила: я боялся потерять ихъ! Но истинная опасность была не въ этомъ, а въ гибели несчастной женщины, все преступленіе которой заключалось только въ томъ, что она меня любила... И я ее любилъ. Я обязанъ былъ поэтому спасти ее хотя бы цѣной моей собственной жизни... А теперь она умретъ— умретъ такой страшной смертью! Господи!.. я вѣдь могъ бы не допустить этого,—а теперь я ничего не могу сдѣлать для нея. Теперь уже поздно!.. Слишкомъ поздно!..

За стѣной, въ залѣ, Раймонда перестала играть, и ея мѣсто за роялемъ занялъ Маркъ, который принялся заучивать спокойное andante Клементи. Мальчикъ былъ музыкальнѣе сестры; онъ игралъ болѣе твердо и съ большимъ воодушевленіемъ. Контрастъ между спокойной игрой Марка и вздохами Леонарда, уничтоженнаго горемъ, произвелъ страшное впечатлѣніе на Люси. Она вдругъ ясно поняла всю глубину несчастія, обрушившагося на ея семью: воспоминаніе о случившемся подточитъ силы Леонарда больше, чѣмъ всякая изнурительная болѣзнь. Онъ утратитъ способность къ жизненной борьбѣ, будетъ болѣе безпомощенъ, чѣмъ

его братъ, который при всей своей хилости бодръ духомъ. Скандалъ, который забывается съ теченіемъ времени,—ничто въ сравненіи съ такимъ губительнымъ ядомъ, проникающимъ въ глубину души. Чтò значитъ разбитая карьера въ сравненіи съ мучительнымъ, неизгладимымъ позоромъ, сознаніе котораго будетъ преслѣдовать Леонарда до самой смерти? Судьба всей ихъ семьи связана теперь съ жизнью этой чужой женщины. Нужно спасти Франсуазу—отъ этого зависитъ жизнь Леонарда.

И Люси стала желать спасенія осужденной всѣми силами души. Ей хотѣлось вѣрить въ возможность отмѣны приговора. Ея губы разомкнулись; она сказала, взглянувъ на мужа:

— Будемъ надѣяться на помилованіе...

Быть можетъ, это прекрасное слово, проливающее послѣдній лучъ надежды въ отчаявшуюся душу, было ей подсказано болѣе чистымъ внутреннимъ голосомъ; быть можетъ, она поняла въ эту минуту глубокое значеніе драмы, о которой до того страшилась думать; быть можетъ, проблескъ искренней жалости заглушалъ эгоизмъ, управлявшій до тѣхъ поръ всѣми ея помыслами.

— Въ Англіи такъ рѣдко отмѣняютъ приговоры!—воскликнулъ Леонардъ. — И почему бы ее помиловали? Преступленіе ужасно... Сомнѣніе въ ея виновности? Это не принимается въ соображеніе послѣ приговора... По закону рѣшенія суда считаются непогрѣшимыми... Нужно было дѣйствовать раньше!

За стѣной раздался строгій голосъ англичанки, которая бранила Марка за сдѣланную имъ ошибку. Потомъ снова полились звуки andante, но уже менѣе рѣшительные, боязливые.

— Но вѣдь она женщина,—возразила Люси.—У насъ президентъ всегда милуетъ женщинъ. А къ тому же ея помилованіе зависитъ тоже отъ женщины—отъ королевы. Говорятъ, что у нея доброе сердце, а въ старости люди всегда болѣе жалостливы...

Леонардъ прервалъ ее съ несказаннымъ отчаяніемъ въ голосѣ:

— Королева? Ты думаешь, что она слушается внушеній своего сердца? У нея нѣтъ своей воли; она исполняетъ то, чтò ей совѣтуетъ министръ... А нашего сентиментальнаго отношенія къ женщинамъ англичане не знаютъ. Смертная казнь входитъ въ ихъ законы, и они одинаково примѣняютъ ее къ мужчинамъ и женщинамъ съ той холодной жестокостью, которая прикрывается закономъ для удовлетворенія кровожадныхъ инстинктовъ... Тѣ же приговоры, та же веревка, тотъ же палачъ для всѣхъ — и для мужчинъ, и для женщинъ... Это ужасно, ужасно!..

Страшное видѣніе представилось его взору въ уютной ком-

натѣ со стѣнами, обтянутыми свѣтлой матеріей, со столиками, заставленными изящными туалетными принадлежностями и хрустальными флаконами; въ эту комнату онъ ввелъ свою молодую жену нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ покинулъ Франсуазу; здѣсь, на большой постели въ стилѣ Louis XV, покрытой роскошнымъ, вышитымъ гирляндами розъ, покрываломъ, родились Маркъ и Раймонда.

— Послушай!—взволнованно воскликнула Люси.—Если во всемъ сомнѣваться, ничего нельзя сдѣлать. Этотъ министръ, котораго слушается королева, — человѣкъ: можно его повидать, поговорить съ нимъ, тронуть его сердце, убѣдить его. Сдѣлай теперь то, что̀ хотѣлъ Раймондъ. Поѣзжай. Твой братъ поѣдетъ съ тобой. Вы попытаетесь сдѣлать все, что̀ возможно... Не нужно отчаяваться заранѣе!

— Ахъ, ты не знаешь,—прошепталъ Леонардъ,—какъ слаба эта надежда! Ты не знаешь!..

XI.

Братья пріѣхали въ Лондонъ въ безпросвѣтно-туманное утро. Прижавъ лобъ къ оконному стеклу вагона, Леонардъ смотрѣлъ на мелькающіе передъ нимъ ряды маленькихъ домовъ, сѣрыхъ въ утреннемъ туманѣ, похожихъ на ячейки огромнаго улья, или же на камеры гигантской тюрьмы. Когда поѣздъ остановился на станціи Истъ-Кройдонъ, онъ хотѣлъ открыть дверцу вагона, думая, что они уже пріѣхали. Раймондъ остановилъ его.

— Развѣ это еще не вокзалъ Викторія?

— Нѣтъ еще.

При приближеніи къ большому лондонскому вокзалу городской пейзажъ измѣнился въ пропорціяхъ: призраки гигантскихъ строеній смѣнили силуэты маленькихъ домиковъ; улицы удлинялись, уходя вглубь къ горизонту, гдѣ дымились цѣлые лѣса фабричныхъ трубъ; яркія краски колоссальныхъ афишъ пестрѣли на сѣромъ фонѣ воздуха и стѣнъ. Поѣздъ остановился. Дверцы вагоновъ открылись. Огромнаго роста носильщикъ, съ краснымъ лицомъ и рыжей бородой, понесъ сундуки, на которые таможенные чиновники едва взглянули, и въ одну секунду взвалилъ ихъ на крышку кареты. Какъ только лошади двинулись ровнымъ, неспѣшнымъ шагомъ, Леонардъ почувствовалъ какъ бы навалившуюся на него тяжесть одиночества. Онъ взглянулъ на блѣднаго отъ утомленія брата и увидѣлъ въ его глазахъ то же выраженіе неизъяснимаго ужаса.

— Какъ мы теперь далеки отъ всего родного! — проговорилъ онъ.

Раймондъ, привыкшій къ Лондону, уже не испытывалъ такъ сильно ошеломляющаго впечатлѣнія, которое производитъ этотъ городъ своей величиной въ первый пріѣздъ. Онъ отвѣтилъ спокойнымъ тономъ, подтверждающимъ хорошо извѣстный фактъ:

— Да, здѣсь все по другому.

Карета везла ихъ по Victoria-Street, среди омнибусовъ, кебовъ, возовъ и пѣшеходовъ, безшумно скользящихъ по густой грязи тротуаровъ и мостовой. Леонардъ снова заговорилъ, озираясь по сторонамъ:

— Это совсѣмъ другой міръ!

Зараженный волненіемъ брата, Раймондъ повторилъ его слова:

— Это вѣрно—совсѣмъ другой міръ!

Прижавшись другъ къ другу, дрожа отъ утренней свѣжести, они чувствовали себя болѣе покинутыми, чѣмъ морскіе путешественники, выброшенные бурей на невѣдомый берегъ. На этомъ островѣ, отдѣленномъ отъ Франціи узкимъ морскимъ проливомъ и цѣлымъ океаномъ чуждыхъ идей, они были безпомощны, не имѣя ни родныхъ, ни друзей, не зная ни путей, ни условій жизни, ни нравовъ,—лишенные всякой поддержки въ предпринятой ими страшной борьбѣ противъ самаго несокрушимаго и священнаго изъ всего, что̀ придумали люди—противъ закона, особенно безпощаднаго именно въ этой, столь чуждой имъ странѣ. Думая о цѣли своего путешествія, они еще болѣе мучительно чувствовали свою слабость,—и огромный отель, въ которомъ они очутились, съ его hall'емъ, лѣстницами и галереями, показался имъ могильнымъ склепомъ, замкнувшимся за ними.

Они недолго оставались въ своихъ комнатахъ,—ими овладѣло нетерпѣніе, тревога, жажда какъ можно скорѣе начать дѣйствовать. Закончивъ свой туалетъ, они вышли изъ гостинницы, задолго до часа, назначеннаго м-ромъ Лоренсомъ Белемъ для перваго свиданія. Они отправились къ нему пѣшкомъ, не спѣша, какъ люди, гуляющіе на досугѣ, не выбирая самой короткой дороги. Оставивъ за собой величественное Вестминстерское аббатство, совершенно черное на сѣромъ фонѣ воздуха, они прошли черезъ Сентъ-Джемскій паркъ, блуждали нѣсколько времени по внушительнымъ нарядныиъ улицамъ вокругъ стариннаго дворца Генриха VIII, по Пель-Мелю, Сентъ-Джемсъ-стриту, Джерминъ-стриту, останавливаясь иногда передъ огромными зданіями клубовъ, министерствъ, конторъ. Отъ времени до времени Леонардъ машинально спрашивалъ:

— Это что̀ такое?

Но онъ не слушалъ отвѣтовъ брата. Что̀ ему было за дѣло до всѣхъ этихъ гигантскихъ резиденцій различныхъ принцевъ, до поражающихъ своими размѣрами колоннъ военнаго министерства? Онъ останавливался передъ ними только потому, что его поражала массивность правильныхъ сооруженій, несокрушимость желѣзныхъ рѣшетокъ, внушительность старыхъ стѣнъ. Все это говорило ему о несокрушимости препятствій, стоящихъ на его пути. Да, эти дома, эти сооруженія, церкви изъ колоссальныхъ плитъ, памятники великимъ завоевателямъ, усмирителямъ мятежей въ колоніяхъ, побѣдителямъ на далекихъ моряхъ, государственнымъ людямъ, болѣе могущественнымъ, чѣмъ короли,—полкъ, прошедшій сверкая сталью и красными мундирами,—даже эти прохожіе, рослые, сильные, угловатые, дѣловитые,—свинцовое небо, нависшее надъ крышами, колокольнями, трубами,—даже рѣшетки, огораживающія скверы,—все это представлялось ему громадной глыбой, которую нужно было сдвинуть, чтобы спасти Франсуазу.

Проходя мимо статуи Нельсона, возвышающейся до облаковъ, Леонардъ проговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Мы ничего не добьемся!

Раймондъ не былъ такъ подавленъ первыми впечатлѣніями: внѣшній видъ Лондона, знакомый ему по прежнимъ пріѣздамъ, не казался ему столь враждебнымъ, и кромѣ того его пламенная душа была болѣе стойкой и рѣшительной.

— Ты не можешь освоиться съ видомъ города, — отвѣтилъ онъ,—но незачѣмъ изъ-за этого падать духомъ. Мы не для того пріѣхали, чтобы отступить передъ первымъ препятствіемъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно многаго добиться энергіей,—англичане преклоняются передъ настойчивостью.

Онъ взглянулъ на часы и прибавилъ:

— Время уходитъ. Идемъ скорѣе.

Этотъ маленькій, хилый человѣкъ былъ теперь неутомимъ; онъ даже пересталъ бояться простуды, забылъ надѣть кашнэ и шелъ съ разстегнутымъ пальто, не обращая вниманія на сырость. Несмотря на то, что онъ казался еще болѣе тщедушнымъ и жалкимъ въ толпѣ высокихъ, широкоплечихъ англичанъ, онъ ходилъ по тротуарамъ чужого города съ видомъ завоевателя.

— Вотъ вокзалъ Черингъ-Кроссъ, — объяснялъ онъ. — Мы теперь на Стрэндѣ. Теперь уже недалеко.

Онъ повелъ брата вдоль самой оживленной лондонской улицы, гдѣ уже носился въ тяжеломъ воздухѣ запахъ табака bird's eye, распространяемый трубками прохожихъ, гдѣ неустанно мелькали

мимо магазиновъ тѣни спѣшащихъ, занятыхъ людей, которые никогда не останавливаются, ни на что не глядятъ.

Вскорѣ они дошли до Temple Bar'а и попали въ лабиринтъ маленькихъ скверовъ, маленькихъ дворовъ, маленькихъ улицъ, расположенныхъ вокругъ гигантскихъ зданій, похожихъ на часовни по царящей въ нихъ глубокой, почти священной тишинѣ. Неподвижные какъ статуи полисмены указывали имъ дорогу безмолвнымъ жестомъ руки въ черной нитяной перчаткѣ. Изъ домовъ выходили отъ времени до времени члены судебнаго вѣдомства, въ парикахъ, похожіе на фигуры изъ давно минувшихъ временъ. Стаи голубей слетали на бассейны и вздымали сажу, насѣвшую на стоячую воду. Мѣстами, въ концѣ ряда болѣе новыхъ зданій, виднѣлась зелень лужайки, края набережной, открывался видъ на мутную, желтую Темзу.

Они отыскали наконецъ имя м-ра Лоренса Беля на мѣдной дощечкѣ, прибитой къ двери. Открывшій имъ дверь конторщикъ ввелъ ихъ въ кабинетъ адвоката.

Защитникъ Франсуазы Десмъ былъ человѣкъ средняго роста, еще молодой, съ рыжими волосами, гладко лежащими вокругъ энергичнаго лба, съ крупными чертами бритаго лица, съ плотнымъ, широкимъ подбородкомъ. Онъ былъ въ темной жакеткѣ и черномъ галстухѣ, чрезвычайно аккуратно одѣтый отъ безупречно бѣлаго стоячаго воротника, плотно охватывающаго шею, до кончиковъ блестящихъ ботинокъ. Его ясные глаза ничему не удивлялись; движенія его были медленныя и разсчитанныя, точно каждому изъ нихъ онъ придавалъ особое значеніе. Онъ принялъ посѣтителей со сдержанной вѣжливостью, сразу отмѣтивъ разное отношеніе къ каждому изъ нихъ небольшими оттѣнками въ обращеніи. Раймонду онъ пожалъ руку, какъ будто былъ съ нимъ давно знакомъ, а Леонарду поклонился съ церемонной учтивостью, едва прикрывавшею нѣкоторое недовѣріе. Дневной свѣтъ недостаточно освѣщалъ комнату, и на столѣ стояла зажженная электрическая лампа съ зеленымъ рефлекторомъ, оставлявшая въ тѣни часть кабинета, гдѣ виднѣлось красное пламя углей въ каминѣ. М-ръ Лоренсъ Бель встрѣтилъ братьевъ у входа въ кабинетъ, потомъ указалъ имъ на два стула, а самъ сѣлъ на свое обычное мѣсто за столомъ, покрытымъ бумагами.

— Могу я говорить по-французски?—спросилъ Леонардъ.

— Пожалуйста,—я васъ пойму.

Леонардъ обмѣнялся взглядомъ съ братомъ и началъ совѣщаніе.

— Мнѣ нѣтъ надобности,—сказалъ онъ,—объяснять вамъ,

какія чувства насъ привели сюда. Мы знаемъ, что вы сдѣлали все, чтò могли, для спасенія несчастной женщины. Мой братъ перевелъ мнѣ отчетъ о вашей прекрасной рѣчи: она показалась мнѣ образцомъ логичности и ясности.

М-ръ Бель, очень внимательно слушавшій Леонарда, какъ бы не замѣтилъ комплимента.

— ...Я самъ, какъ вамъ извѣстно, адвокатъ, и знаю по опыту, что при всемъ стараніи и умѣніи иногда невозможно измѣнить убѣжденія или предвзятыя сужденія присяжныхъ. Въ этомъ дѣлѣ вы выступили съ полнымъ убѣжденіемъ въ невинности подсудимой, съ вѣрой въ торжество истины. Я увѣренъ, что вамъ, какъ и намъ, непонятенъ этотъ невѣроятный приговоръ! И все-таки, вопреки здравому смыслу, онъ произнесенъ: теперь остается только бороться противъ его выполненія. Мы готовы сдѣлать все, чтò только возможно, для спасенія осужденной. Мы пріѣхали, чтобы присоединить наши усилія къ вашимъ. Обстоятельства, которыя вамъ извѣстны, вмѣняютъ намъ это въ долгъ... Но чтò мы можемъ предпринять? Я этого не знаю—ваши законы и обычаи очень различны отъ нашихъ, и я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ. Мы не остановимся ни передъ какой попыткой, и надѣемся на то, что вы захотите быть нашимъ руководителемъ.

М-ръ Бель долго думалъ, опустивъ глаза, опирая подбородокъ на лѣвую руку и положивъ правую на столъ. Наконецъ, онъ поднялъ глаза на Леонарда, и отвѣтилъ медленно, ища словъ, съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ:

— Вы сами знаете, что у насъ все происходитъ не такъ,—совсѣмъ не такъ,—какъ во Франціи... Приговоры присяжныхъ засѣдателей болѣе торжественны... болѣе рѣшительны и неизмѣнны!.. Мы предоставляемъ подсудимому всѣ средства для защиты: онъ можетъ говорить чтò хочетъ, вызвать всѣхъ свидѣтелей, которыхъ считаетъ полезными для себя; съ нимъ никогда не обращаются такъ, какъ будто подозрѣніе уже было бы доказательствомъ вины; его не стараются запутать разными уловками—какъ у васъ. Но послѣ того какъ произнесенъ приговоръ: „виновенъ"—все кончено. Осужденный ни на что больше не можетъ надѣяться; у него почти уже нѣтъ никакихъ шансовъ на спасеніе!.. У насъ вѣдь нѣтъ вашего кассаціоннаго суда, который почти всегда можетъ найти какую-нибудь неправильность въ судебномъ производствѣ; есть только королевскій судъ—Queen's Bench. А къ нему можно обратиться лишь въ случаѣ несомнѣнныхъ важныхъ неправильностей судебнаго производства... Въ нашемъ процессѣ ничего подобнаго не было—значитъ, и

пытаться напрасно! Остается только надежда на милость ея величества!

Ему отвѣтилъ Раймондъ, перебивая его взволнованнымъ голосомъ:

— Конечно, мы только на помилованіе и надѣемся. Но скажите, что̀ сдѣлать, чтобы добиться его?

— Нужно послать... прошеніе.

— Королевѣ?

— Нѣтъ, Home-Secretary... по вашему, министру внутреннихъ дѣлъ.

— Неужели же нельзя обратиться прямо къ королевѣ? Она женщина, и говорятъ, что у нея доброе сердце...

М-ръ Бель перебилъ его отрицательнымъ жестомъ правой руки.

— Ея величество не стала бы слушаться голоса своего сердца. Она преклоняется передъ закономъ, и не можетъ ставить свою волю выше рѣшеній присяжныхъ засѣдателей, потому что по закону право произносить приговоры принадлежитъ имъ. Она спрашиваетъ министра о томъ, какъ ей поступить: если министръ говоритъ, что слѣдуетъ помиловать, она подписываетъ декретъ о помилованіи; если онъ совѣтуетъ отказать,—она отказываетъ.

Раймондъ приписывалъ въ своемъ воображеніи болѣе дѣятельную и значительную роль этой женщинѣ, въ которой долгое царствованіе, государственный опытъ и власть надъ жизнью и смертью людей должны были бы развить глубокое состраданіе къ несчастнымъ.

— Неужели,—воскликнулъ онъ,—королева отказалась отъ права миловать—самаго прекраснаго изъ своихъ правъ? Неужели она допуститъ казнь женщины, которая быть можетъ невинна, и которую она могла бы спасти? Какъ у нея хватитъ духа подписать смертный приговоръ, когда она узнаетъ, что преступленіе далеко не доказано, когда узнаетъ правду о жизни и характерѣ осужденной?

М-ръ Бель слушалъ взволнованныя, горячія слова Раймонда съ удивленіемъ: все, что̀ происходило въ душѣ и въ умѣ этого человѣка, было ему совершенно чуждо. Леонардъ, который лучше понялъ выясненное адвокатомъ положеніе дѣла, прервалъ брата, обратившись къ м-ру Белю:

— Значитъ, все зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ? А можно ли повидаться съ министромъ? Можно получить у него аудіенцію?

М-ръ Бель повторилъ свой отрицательный жестъ еще съ большей сухостью.

— Нѣтъ. Министръ, по моей просьбѣ, дастъ аудіенцію мнѣ, но никому другому. У всякаго осужденнаго есть много родственниковъ и друзей, которые хотѣли бы поговорить съ министромъ. Ему пишутъ письмо, въ которомъ объясняютъ, на какомъ основаніи просятъ о помилованіи: говорятъ, напримѣръ, объ обстоятельствахъ, нѣсколько смягчающихъ вину,—если такія обстоятельства существуютъ, или же если знаютъ факты, которыхъ присяжные не знали, и которые могутъ возбудить сомнѣніе въ виновности, то сообщаютъ эти факты.

— Это вѣдь вы сдѣлаете во всякомъ случаѣ?

— Да, я это сдѣлаю. Вы тоже со своей стороны можете написать министру. Онъ прочтетъ.

Раймондъ снова вмѣшался въ разговоръ и сказалъ горячимъ, нетерпѣливымъ тономъ:

— Мы, конечно, напишемъ!.. Мы разскажемъ вашему министру ту правду, которую присяжные не знали. Мы разскажемъ о глубинѣ материнскихъ чувствъ несчастной женщины, о томъ, какъ она любила свою дочь и заботилась о ней. Вѣдь это факты, доказывающіе, что она не потерянная женщина, какъ полагали присяжные, факты, которые опровергаютъ гипотезу преступленія...

На лицѣ м-ра Беля появилось выраженіе нѣсколько презрительной ироніи:

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Съ такими фактами считаться не будутъ. Они бы въ лучшемъ случаѣ оказали нѣкоторое вліяніе на присяжныхъ до произнесенія приговора,—и то не особенно большое. Мы, видите ли, не придаемъ значенія прошлому подсудимаго; относительно мелкихъ проступковъ это еще иногда принимается во вниманіе, но въ большихъ преступленіяхъ—никогда. Часто случается, что люди, бывшіе всегда честными, становятся преступниками; предъидущая жизнь поэтому не имѣетъ значенія. Нужно доказать, что свидѣтели ошиблись...

Онъ вдругъ оживился, и лицо его вспыхнуло; онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— А м-ссъ Ламбетъ ошиблась,—крикнулъ онъ,—я въ этомъ убѣжденъ! Она говоритъ, что видѣла то, о чемъ показывала на судѣ; въ дѣйствительности же она только вообразила себѣ, что видѣла. Она стала все видѣть уже потомъ—и видитъ теперь все болѣе и болѣе ясно. Но какъ это доказать? Присяжнымъ не слѣдовало бы вѣрить ея показаніямъ, а они повѣрили; значитъ теперь ничего нельзя подѣлать!

— Вѣдь бываютъ же, однако, — воскликнулъ Раймондъ,— внутреннія невозможности, съ которыми необходимо считаться! Неужели наши воспоминанія менѣе доказательны, чѣмъ то, что̀ видѣла м-ссъ Ламбетъ; было бы преступно пренебрегать нашимъ свидѣтельствомъ!

— Значитъ, задача наша, — сказалъ болѣе спокойно Леонардъ,—заключается въ томъ, чтобы пошатнуть нашей убѣжденностью вѣру вашего министра въ справедливость приговора. Письменно намъ это никакъ не удастся достигнуть. Такая твердая убѣжденность, какъ наша, можетъ передаться только голосомъ, интонаціями, выраженіемъ глазъ. Что̀ останется отъ всего этого въ письменномъ изложеніи? Намъ необходимо видѣть министра, лично объясниться съ нимъ. Но вы говорите, что это невозможно!..

М-ръ Бель снова сказалъ увѣреннымъ тономъ:

— Министръ не согласится васъ принять. У него нѣтъ возможности всѣхъ принимать. Я вѣдь вамъ уже это объяснилъ: осужденныхъ такъ много, и ихъ родственники никогда не хотятъ вѣрить ихъ виновности. Каждый годъ въ Англіи приговариваютъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ за всевозможные проступки и преступленія къ различнымъ наказаніямъ. Министръ не можетъ пересматривать всѣ дѣла—у него не хватило бы на это времени.

М-ръ Бель сказалъ это съ той гордостью, съ которой англичане всегда говорятъ о своемъ государственномъ строѣ и о величіи своей родины. Раймондъ молчалъ; Леонардъ сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія:

— Если невозможно получить оффиціальную аудіенцію у вашего министра, можетъ быть есть возможность повидать его какимъ-нибудь инымъ путемъ. Вѣдь онъ живой человѣкъ въ концѣ концовъ: у него есть друзья, знакомые, онъ навѣрное членъ какого-нибудь клуба, бываетъ на обѣдахъ. Неужели же нельзя встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь?

— Конечно,—поспѣшно отвѣтилъ м-ръ Бель,—онъ ведетъ такую же жизнь, какъ всѣ свѣтскіе люди. Если у васъ есть общіе съ нимъ знакомые, они васъ представятъ ему, и вы сможете говорить съ нимъ, какъ говорите теперь со мной. Онъ будетъ бесѣдовать съ вами объ этомъ дѣлѣ, какъ всякій другой англичанинъ. Внѣ своего дѣлового кабинета онъ будетъ держаться не какъ министръ, а какъ частный человѣкъ. Конечно, конечно,—если вы встрѣтитесь съ нимъ въ такихъ условіяхъ, онъ васъ охотно выслушаетъ.

— Какъ зовутъ министра?

— Сэръ Арчибальдъ Броунборнъ.

Услышавъ это имя, Раймондъ весь просіялъ.

— Сэръ Арчибальдъ Броунборнъ!—воскликнулъ онъ:—тотъ, который уже былъ министромъ лѣтъ двадцать тому назадъ? Въ такомъ случаѣ мы спасены: онъ—другъ лэди Ливерморъ; она устроитъ намъ свиданіе съ нимъ.

Онъ вспомнилъ симпатичную внѣшность бывшаго министра, съ которымъ онъ нѣсколько разъ встрѣчался во время прежнихъ пребываній въ Лондонѣ: у него было ясное, значительное и скорѣе доброе лицо, освѣщенное доброжелательной улыбкой. Въ тѣ времена сэръ Арчибальдъ былъ не у дѣлъ и не думалъ, что еще разъ займетъ государственный постъ. Ему было около семидесяти лѣтъ, и, считая свою дѣятельность законченной, онъ пользовался отдыхомъ, не сѣтуя на старость, всегда привѣтливый и улыбающійся. Окруженный почетомъ въ небольшомъ кругу своихъ друзей и приверженцевъ, онъ свободно обсуждалъ текущія дѣла, или разсказывалъ интересныя воспоминанія о времени своей долгой государственной службы въ качествѣ администратора, дипломата и министра. Его разсказы переносили слушателей во всѣ концы огромной британской имперіи, изъ Мадраса въ Оттаву, изъ Брисбана въ Каптоунъ. У него былъ добрый взглядъ, обходительныя манеры, ласковые оттѣнки въ голосѣ и свѣтлый смѣхъ человѣка, у котораго совѣсть спокойна. Онъ былъ извѣстенъ своей благотворительностью, искреннимъ благочестіемъ и безупречной добросовѣстностью во всѣхъ поступкахъ.

Лэди Ливерморъ онъ зналъ еще ребенкомъ и, не имѣя своей семьи, любилъ ее какъ отецъ, съ особой нѣжностью стариковъ къ женщинамъ, молодость которыхъ проходитъ на ихъ глазахъ.

Раймондъ вдругъ вспомнилъ, что встрѣтилъ сэра Арчибальда у лэди Ливерморъ какъ разъ въ тотъ день, когда пригласилъ обѣдать въ ресторанѣ Франсуазу съ ея маленькой дочерью и м-ссъ Дьюкъ; это совпаденіе показалось ему хорошимъ знакомъ.

— Мы свидимся съ нимъ,—взволнованно повторилъ онъ:—мы ему все разскажемъ. Онъ пойметъ: это въ высшей степени умный, развитой и очень добрый человѣкъ. Онъ пожалѣетъ несчастную женщину. Къ тому же онъ очень привязанъ къ лэди Ливерморъ, у которой онъ въ то время бывалъ ежедневно: она постарается повліять на него, она намъ поможетъ,—я въ этомъ увѣренъ!

М-ръ Лоренсъ Бель съ любопытствомъ слѣдилъ за нервными движеніями Раймонда, но его лицо оставалось безстрастнымъ; онъ сказалъ, энергично отчеканивая каждое слово:

— Не слѣдуетъ преждевременно предаваться надеждамъ. Министръ имѣетъ у насъ, быть можетъ, больше власти, чѣмъ королева—даже въ дѣлѣ помилованія,—но и онъ не болѣе чѣмъ слуга закона. При исполненіи своихъ обязанностей министръ не знаетъ своихъ друзей; онъ не имѣетъ права руководствоваться внушеніями своего добраго сердца или склоняться на убѣдительныя просьбы своихъ друзей: онъ долженъ сообразоваться только съ закономъ. Пусть васъ представятъ сэру Арчибальду—это можетъ быть весьма полезно. Но сообщите ему только точные факты. Познакомьтесь самымъ основательнымъ образомъ съ дѣломъ—я вамъ дамъ всѣ бумаги. Прочтите ихъ съ величайшимъ вниманіемъ. Затѣмъ поговорите также со свидѣтелями. Тогда вы будете вполнѣ знать фактическую сторону дѣла, и съ министромъ слѣдуетъ говорить только о ней.

Онъ теперь обращался къ Леонарду, какъ бы болѣе разсчитывая на практическій смыслъ и хладнокровіе адвоката, чѣмъ на безразсудный пылъ человѣка, который такъ наивно раскрываетъ свою душу.

— Вотъ, наконецъ, программа дѣйствія!—воскликнулъ Раймондъ.

М-ръ Бель вынулъ портфель, набитый бумагами. Онъ положилъ его на столъ передъ Леонардомъ, поднявшимся, чтобы взять его, и сказалъ въ заключеніе голосомъ, въ которомъ, наконецъ, почувствовалось волненіе:

— Здѣсь собрано все. Вы увидите. Я сдѣлалъ что могъ,—попытайтесь и вы съ своей стороны. Если никто не захочетъ повѣрить намъ,—это будетъ страшная несправедливость!

XII.

Лэди Ливерморъ жила на одной изъ тихихъ улицъ, переплетающихся между Оксфордъ-стритомъ и Пиккадили. Ея салонъ—продолговатая комната со свѣтлыми драпировками—производилъ скорѣе впечатлѣніе уютности и изящества, чѣмъ роскоши. Комната была убрана индійскими тканями, бездѣлушками, привезенными изъ колоній, итальянскими и испанскими вещицами, цвѣтами, выбранными съ большимъ вкусомъ, и немногими прекрасными картинами и рисунками на стѣнахъ. Особенное вниманіе обращалъ на себя фантастическій этюдъ карандашомъ Берне-Джонса: нѣсколько сиренъ, съ чешуйчатыми тѣлами, съ маленькими головками, напоминавшими пухлыя личики ангеловъ

на старыхъ флорентинскихъ картинахъ, плавали на морскомъ днѣ среди странныхъ травъ и причудливой формы рыбъ; неопредѣленность и нѣжность этой незаконченной фантазіи художника производила странно-волнующее впечатлѣніе. Раймондъ, пришедшій къ лэди Ливерморъ одинъ, тотчасъ же послѣ совѣщанія съ м-ромъ Белемъ, стоялъ противъ этихъ фантастическихъ существъ, которыя какъ бы выплывали изъ рамки, направляясь къ большому низкому креслу,—къ тому, на который сэръ Арчибальдъ садился въ прежнее время почти ежедневно. Онъ смотрѣлъ на нихъ въ упоръ, не видя ихъ, и медленно разсказывалъ своей пріятельницѣ страшную исторію Франсуазы. Онъ говорилъ глухимъ голосомъ, красный отъ волненія, безъ жестовъ. Лэди Ливерморъ съ волненіемъ слушала разсказъ о происшествіи, подобномъ множеству другихъ, о которыхъ разсѣянно читаютъ въ газетахъ, не задумываясь объ ихъ реальномъ значеніи. Въ ея глазахъ выражался ужасъ: она тяжело дышала и отъ времени до времени проводила рукой по лбу, произнося шопотомъ: Ужасно, ужасно!

— Теперь,—сказалъ Раймондъ, заканчивая свой разсказъ,— правосудіе закрѣпило свою ошибку обвинительнымъ приговоромъ; но такъ какъ всѣ формальности соблюдены, то у насъ не остается никакой надежды на возстановленіе истины. Есть, однако, одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который можетъ по крайней мѣрѣ не допустить, чтобы ужасъ свершился до конца. Это сэръ Арчибальдъ Броунборнъ, вашъ другъ... Вы поняли теперь, о чемъ я пришелъ васъ просить?..

Вся дрожа отъ волненія, лэди Ливерморъ воскликнула:

— Сэръ Арчибальдъ?.. Конечно, конечно, помилованіе зависитъ отъ него... Я сейчасъ же побѣгу къ нему и разскажу обо всемъ!.. Или я лучше попрошу его придти ко мнѣ, и вы сами поговорите съ нимъ, вы и...

Она запнулась: хотя Раймондъ и умолчалъ о послѣднемъ роковомъ малодушіи Леонарда, но этотъ прячущійся отецъ погибшаго ребенка внушалъ ей непреодолимое отвращеніе. Ее страшила мысль о томъ, что онъ явится сюда, въ эту комнату, гдѣ она принимала только испытанныхъ друзей, безусловно честныхъ и порядочныхъ, защищенныхъ природнымъ джентльменствомъ отъ возможности подобной драмы въ своей жизни. Видѣть у себя этого героя уголовной драмы, протянуть ему руку, говорить съ нимъ—казалось ей какимъ-то уродствомъ. Но она увидѣла умоляющій взглядъ Раймонда, и ея воображенію

представилась тюремная камера Франсуазы, висѣлица, палачъ... Она побѣдила свое отвращеніе и окончила начатую фразу:

— ...Вы и вашъ братъ. Вы знаете сэра Арчибальда—вы вѣдь его встрѣчали у меня. У него, вы сами это знаете, очень доброе сердце. Я увѣрена, что онъ сдѣлаетъ все, что̀ сможетъ... Вопросъ въ томъ, можетъ ли онъ что-нибудь сдѣлать...

За располагающей внѣшностью друга, въ добротѣ котораго она была увѣрена, лэди Ливерморъ, подумавъ немного, стала различать цѣлый разрядъ чувствъ, не проявлявшихся относительно ея, но которыя она угадывала своимъ чуткимъ сердцемъ. Въ немъ, вѣроятно, таилась та же сила солидарности, которая поразила братьевъ съ первой минуты пріѣзда въ Лондонъ. Она и есть невидимый цементъ, объединяющій стремленія всей націи къ упорнымъ захватамъ далекихъ земель,—или же, быть можетъ, это остатокъ дикихъ инстинктовъ, сказывающихся въ примѣненіи жестокихъ наказаній подъ предлогомъ законовъ, общаго блага, общественной безопасности... И лэди Ливерморъ стала повторять своимъ мелодичнымъ голосомъ то же, что̀ говорилъ адвокатъ, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ:

— Еслибы вы знали, какъ ограничена у насъ власть министра!.. Конечно, сэръ Арчибальдъ—очень добрый человѣкъ, и еслибы отъ него зависѣло, онъ бы отмѣнялъ всѣ казни—всѣ, я въ этомъ увѣрена. Онъ мнѣ разъ это сказалъ по поводу одного осужденнаго, котораго всѣ считали невиновнымъ. Подавалось множество петицій о его помилованіи—даже въ парламентъ. Сэра Арчибальда умоляли, угрожали ему, но онъ не сдавался. Осужденнаго казнили, и передъ казнью онъ сознался въ своемъ преступленіи... Я тоже просила о его помилованіи, но сэръ Арчибальдъ настаивалъ на казни, потому что этого требовалъ законъ... И когда мы объ этомъ съ нимъ говорили, онъ сказалъ мнѣ, что онъ—врагъ смертной казни, что онъ каждый разъ страдаетъ почти наравнѣ съ осужденными, думаетъ о нихъ до и послѣ казни, не спитъ много ночей. Я его тогда спросила: „Почему же вы въ такомъ случаѣ не отмѣняете всѣ казни, имѣя на это право"? И онъ мнѣ отвѣтилъ: „Нѣтъ, я не имѣю права, когда помилованіе противъ закона"! Вотъ что̀ мнѣ сказалъ сэръ Арчибальдъ... Я сначала повидаюсь съ нимъ и все объясню, а потомъ напишу вамъ и назначу день для свиданія... Мы употребимъ всѣ усилія, чтобы спасти ее!..

Она отъ всей души хотѣла помочь Раймонду подъ вліяніемъ охватившей ее жалости. Но къ этому чувству примѣшивалось невольное отвращеніе, пробуждающееся въ чистыхъ душахъ,

когда передъ ними открывается грязь и уродство жизни. Какъ англичанка, выросшая въ традиціонномъ пониманіи принциповъ нравственности, она не могла вполнѣ сочувствовать этой женщинѣ, опозоренной въ ея глазахъ своими свободными связями, и тѣмъ болѣе не могла симпатизировать человѣку, такъ гнусно бросившему мать своего ребенка на произволъ судьбы: ихъ несчастіе было слишкомъ чуждо и непонятно ей; она была такъ же далека отъ ихъ страстей и отъ ихъ катастрофъ, какъ отъ бѣдствій Эдипа или Клитемнестры, и ей трудно было вникнуть во всѣ подробности драмы, реальность которой она едва могла себѣ представить. Ее трогало только отчаяніе ни въ чемъ неповиннаго Раймонда, и изъ сочувствія къ нему она повторила:

— Да, мы употребимъ всѣ усилія, сдѣлаемъ все, что возможно.

Она не была бы англичанкой, еслибы не воспользовалась случаемъ произнести нравоучительную сентенцію:

— Какъ ужасны послѣдствія нашихъ поступковъ, когда мы дѣлаемъ то, чего не слѣдуетъ!

Раймондъ вернулся въ гостинницу нѣсколько обнадеженный. Тамъ его ждалъ братъ, который обдумывалъ совѣты м-ра Лоренса Беля; онъ ясно понималъ ихъ практичность. Нужны факты,—отлично, онъ представитъ на усмотрѣніе министра новые факты. Къ нему вернулись прежняя сила и увѣренность въ себѣ, когда онъ увидѣлъ передъ собой опредѣленную цѣль, и когда у него въ рукахъ очутилось орудіе для борьбы—документы процесса. Личная драма становилась теперь однимъ изъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ часто выступалъ,—правда, очень труднымъ дѣломъ. Все дѣло въ томъ, чтобы отдаться ему всѣми силами, не теряя хладнокровія, пользуясь всѣми средствами. Результатами визита Раймонда къ лэди Ливерморъ онъ остался доволенъ.

— Вотъ уже первая удача,—сказалъ онъ,—и очень существенная въ виду того, что здѣсь такъ трудно добиться свиданія съ министромъ. Твоя пріятельница—драгоцѣнная для насъ союзница; она расположитъ министра въ нашу пользу. Нужно только непремѣнно явиться къ нему съ положительными фактами, какъ совершенно разумно говоритъ м-ръ Бель. Я думаю, что прежде чѣмъ назначить намъ свиданіе, онъ изучитъ дѣло. Мы должны сдѣлать то же самое со своей стороны: нужно продѣлать наново слѣдствіе, быть на мѣстѣ катастрофы, опросить главнѣйшихъ свидѣтелей. Вотъ нашъ планъ дѣйствія. Я съумѣю справиться со всѣми его трудностями.

Братья посвятили два дня на изученіе дѣла, прочли всѣ по-

казанія, допросы и протоколы. Ничего новаго они не узнали, такъ какъ сжатые газетные отчеты передавали всю сущность пространныхъ и сбивчивыхъ документовъ. Читая защитительную рѣчь м-ра Беля, они убѣдились, что онъ съ большой ясностью сгруппировалъ всѣ данныя, говорящія въ пользу подсудимой, и съ трезвой логичностью вывелъ изъ нихъ доказательства ея невинности. Но если его аргументація не убѣдила присяжныхъ, то она не убѣдитъ и министра, который обязанъ сообразоваться съ ихъ сужденіями и образомъ мыслей. Нечего поэтому надѣяться на созиданіе гипотезъ и на новое освѣщеніе установленныхъ данныхъ. Все наше стараніе,—говорилъ Леонардъ,—должно быть направлено на установленіе фактовъ, опроверженіе главнѣйшихъ свидѣтельскихъ показаній противъ подсудимой. Леонарду казалось, что второй пунктъ представляетъ больше шансовъ на успѣхъ, и онъ началъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.

Перёзы прежде всего ознакомились въ подробностяхъ съ мѣстомъ катастрофы. Они возстановили прогулку матери съ дочерью такъ же, какъ это сдѣлало слѣдствіе. Они тоже вышли изъ поѣзда на станцію Kew-Gardens и зашли въ ресторанъ на Sandy Combe Road, гдѣ попытались разговориться съ хозяиномъ, м-ромъ Гоули. Тотъ сначала предусмотрительно отмалчивался. Чтобы внушить ему довѣріе, Раймондъ объяснилъ ему, что онъ и его братъ, увѣренные въ невиновности осужденной женщины, пріѣхали изъ Франціи хлопотать объ ея помилованіи. М-ръ Гоули, продолжая молчать, повелъ ихъ во второй этажъ своего дома, въ комнату, служившую, вѣроятно, запасной столовой, судя по многочисленнымъ бутылочкамъ съ разными соусами, стоявшимъ на буфетѣ изъ краснаго дерева. Онъ попросилъ ихъ сѣсть, усѣлся самъ противъ нихъ и, разжавъ наконецъ губы, повторилъ дословно свое показаніе. Потомъ, когда Раймондъ сталъ предлагать ему вопросы, онъ снова добросовѣстно и терпѣливо повторилъ уже сказанное,—ничего другого отъ него нельзя было добиться.

— Не замѣтили ли вы,—спросилъ Раймондъ, переводя вопросъ своего брата,—что эта женщина была на видъ очень слабая, худощавая и чрезвычайно кроткая? Вѣдь она очень ласково и заботливо обращалась съ дѣвочкой, не правда ли?

М-ръ Гоули, подумавъ, отвѣтилъ:

— Она ей дала чаю, яицъ и сандвичи.

— У дѣвочки былъ веселый или, напротивъ того, больной видъ?—продолжалъ спрашивать Раймондъ.

М-ръ Гоули опять подумалъ, прежде чѣмъ отвѣтить:

— Она ѣла сандвичи и яйца.

Подобно адвокатамъ, судьямъ, присяжнымъ, министру, м-ръ Гоули говорилъ только о фактахъ: онъ передавалъ то, что̀ видѣлъ, что̀ зналъ, что̀ могъ вполнѣ добросовѣстно утверждать. Спокойный тонъ его отвѣтовъ и спокойный, твердый взглядъ голубыхъ глазъ изъ-подъ нависшихъ рыжихъ бровей свидѣтельствовали о томъ, что его невозможно увлечь на скользкую почву предположеній и впечатлѣній. Раймондъ, выведенный изъ терпѣнія его невозмутимостью, воскликнулъ:

— Когда вы услышали на судѣ эту несчастную, неужели вы не почувствовали, что она не можетъ говорить ничего кромѣ правды?

М-ръ Гоули поглядѣлъ съ любопытствомъ на маленькаго волнующагося человѣка и на его спутника съ неподвижнымъ лицомъ, съ непроницаемымъ выраженіемъ блѣдныхъ глазъ, и сказалъ, поглаживая бороду:

— Я былъ свидѣтелемъ, а не присяжнымъ засѣдателемъ.

Разставшись съ нимъ, братья прошлись, какъ Франсуаза съ дѣвочкой, по ботаническому саду, въ которомъ едва распускалась первая зелень, потомъ по оранжереямъ зимняго сада, гдѣ пышно росли тропическія растенія среди влажной теплой атмосферы. Они пересѣкли по прямой линіи лугъ, направляясь къ концу озера, и вышли изъ парка воротами, отмѣченными на планѣ, пріобщенномъ къ дѣлу; за воротами они очутились противъ Syon House'а. Было полноводье, какъ и въ тотъ роковой день, и Темза текла очень быстро; но это уже не была та вода, которая унесла трупъ дѣвочки. Мирный и прекрасный пейзажъ, зеленые луга съ разсѣянными на нихъ еще оголенными, залитыми солнцемъ деревьями, представлялъ, вѣроятно, почти такой же видъ въ тотъ день, когда таинственная драма разыгралась среди него. Видъ широкой долины былъ такой деревенскій, что можно было вообразить себя перенесеннымъ въ глухую провинцію, еслибы вдали не виднѣлись фабричныя трубы и крыши высокихъ зданій.

— Неужели это здѣсь произошло?—прошепталъ Раймондъ, какъ бы сомнѣваясь въ реальности драмы, не оставившей никакихъ слѣдовъ среди безразличной природы.

Опершись на палку, Леонардъ глядѣлъ вдаль, углубленный въ мысли, которыя онъ даже не пытался формулировать.

Въ противоположность м-ру Гоули, сторожъ парка, м-ръ О'Клинъ, охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы. Это былъ старый

ирландецъ съ кирпичнымъ цвѣтомъ лица, съ густыми сѣдыми бровями и всклокоченной бородой.

Со времени катастрофы онъ такъ много разъ разсказывалъ о ней разнымъ посѣтителямъ парка, что уже повторялъ свой разсказъ совершенно машинально, всегда одними и тѣми же словами. Но ему это не надоѣдало, и онъ еще разъ разсказалъ обо всемъ съ притворнымъ оживленіемъ, въ надеждѣ получить на чай отъ любознательныхъ иностранцевъ. Онъ провелъ ихъ на самое мѣсто происшествія, и для точнаго обозначенія его топнулъ ногой по мѣсту, гдѣ множество посѣтителей помяли камышъ.

— Вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ!..

Онъ изобразилъ позу, въ которой онъ засталъ Франсуазу, и прибавилъ:

— Она стояла вотъ такъ, нагнувшись, какъ бы заглядывая вглубь рѣки...

Онъ прищурилъ глаза съ лукавымъ видомъ:

— Она вѣдь притворялась!.. Вы сами понимаете, что нельзя упасть въ воду въ этомъ мѣстѣ. Невозможно! Я здѣсь сорокъ лѣтъ служу сторожемъ, и этого никогда не случалось.

Онъ повелъ ихъ за собой нѣсколько дальше.

— Шляпа дѣвочки оказалась вотъ здѣсь. Вѣдь не могла же она сама собой попасть сюда!

Леонардъ надѣялся, что осмотръ мѣста происшествія дастъ ему возможность объяснить безразсудство Франсуазы, которая пошла какъ разъ въ противоположную сторону отъ станціи, а потомъ повернула назадъ. Когда онъ поднялъ этотъ вопросъ, ирландецъ пожалъ плечами.

— Всѣ ея объясненія — выдумка. Вернуться черезъ паркъ было уже поздно — это правда. Но почему она не направилась къ мосту, къ Kew-Bridge? Онъ виденъ отсюда! Всѣ другія станціи Богъ вѣсть какъ далеко! А затѣмъ, уже пройдя полъ-дороги, она вдругъ повернула назадъ! Почему? Конечно, для того чтобы исполнить то, чтò она задумала, негодяйка!

Тотъ фактъ, что Франсуаза пошла въ обратную сторону отъ станціи, оставался непонятнымъ, и всѣ ея объясненія только подчеркивали его странность; слѣдовало допустить, что она это сдѣлала по разсѣянности, очень возможной у всякаго человѣка; но трагичность обстоятельствъ придала этой по существу незначительной оплошности крайне подозрительный характеръ.

Слѣдующіе дни были посвящены розыску другихъ свидѣтелей, начиная съ супруговъ Ламбетъ, показанія которыхъ наиболѣе

повліяли на рѣшеніе присяжныхъ. Они жили въ Кью, въ первомъ этажѣ своего дома; второй этажъ они отдавали внаймы. Высокая, широкоплечая женщина и ея маленькій запуганный мужъ были почти одинаковаго возраста, оба крайне методичные и аккуратные. Они принадлежали къ какой-то пуританской сектѣ, постоянно закатывали глаза съ набожнымъ видомъ, и при всякомъ случаѣ призывали имя Господне. Они не сомнѣвались, что Господь направилъ ихъ еженедѣльную прогулку въ этотъ день къ мѣсту катастрофы для того, чтобы преступленіе получило должную кару.

— Если бы мы вышли въ обычный часъ, мы бы ничего не увидѣли; но мой мужъ зашелъ постричь бороду къ парикмахеру, и мы пошли гулять на двадцать минутъ позже обыкновеннаго. Это прямо перстъ Божій!

Вѣра въ возложенную на нихъ свыше миссію придавала имъ несокрушимую увѣренность въ подлинности всѣхъ подробностей ихъ разсказа. На ихъ мѣстѣ люди, менѣе убѣжденные въ томъ, что они выполняютъ велѣнія небеснаго правосудія, не такъ бы довѣряли своимъ впечатлѣніямъ, вспомнили бы, что силуэтъ Франсуазы, очень неопредѣленно вырисовывавшійся въ туманѣ, не сразу привлекъ ихъ вниманіе, и что ея поза уже только потомъ стала казаться имъ странною. Но они вдумывались въ видѣнное ими только мелькомъ, лишь съ цѣлью все болѣе и болѣе укрѣпить свои утвержденія,—и обвиненія ихъ стали безпощадными, съ тѣхъ поръ какъ они узнали о прошломъ молодой матери. Во время судебнаго разбирательства м-ссъ Ламбетъ и казалось иногда, что она слишкомъ далеко заходитъ въ своихъ утвержденіяхъ, и въ душѣ ея мелькала тѣнь неувѣренности; но приговоръ присяжныхъ окончательно разсѣялъ всѣ ея сомнѣнія: „Какъ бы Господь избралъ насъ орудіемъ для попущенія такой страшной несправедливости?“ —Съ этихъ поръ во всѣхъ разговорахъ съ сосѣдями она еще болѣе торжественно повторяла свои обвиненія и съ еще бо̀льшимъ авторитетомъ настаивала на нихъ. Такимъ же увѣреннымъ тономъ она повторила свой разсказъ братьямъ, переглянувшись съ мужемъ, который поддакивалъ ей, приложивъ руку трубочкой къ болѣе здоровому уху. Въ отвѣтахъ глухого уже не было прежней сдержанности: онъ повторялъ то, что̀ ему внушила жена, и говорилъ: „я слышалъ, я слышалъ“.

Вспомнивъ легкія противорѣчія въ ихъ показаніяхъ на судѣ и замѣтивъ, что теперь они говорятъ о всѣхъ подробностяхъ совершенно согласно, Перёзы стали чувствовать все больше и

больше недовѣрія къ ихъ словамъ. Но какъ пошатнуть увѣренность, основанную на спеціальныхъ проявленіяхъ Божьей воли?

— Вы вполнѣ, вполнѣ увѣрены въ томъ, что̀ говорите?—спросилъ Раймондъ.

Мужъ заволновался, жена пришла въ ужасъ: какъ же не быть увѣренными, если они видѣли своими глазами, слышали своими ушами?

— Развѣ вы не допускаете, что слухъ и зрѣніе могутъ иногда обманывать, въ особенности относительно фактовъ, о которыхъ много думаютъ потомъ, и которые память иногда непроизвольно измѣняетъ?

Высокая женщина презрительно оглянула съ головы до ногъ маленькаго человѣка, стоявшаго передъ нею, и отвѣтила:

— Мы видѣли и слышали то, что̀ угодно было Господу, и наши показанія нужны были для того, чтобы преступленіе было наказано, и чтобы приблизилось царство Божіе.

— Подумали ли вы о томъ,—продолжалъ Раймондъ,—что одно только ваше показаніе повлекло за собой обвинительный приговоръ?

М-ссъ Ламбетъ стала протестовать негодующимъ тономъ, измѣняя незамѣтно для себя вопросъ и ложно взваливая часть отвѣтственности на другихъ свидѣтелей.

— Какъ это одно только *наше* показаніе? Развѣ показаніе сторожа не сходится съ нашимъ? А м-ра Гоули? А м-ра Орчарда? А всѣхъ тѣхъ, которые установили, что эта потерянная женщина вела нечестивый образъ жизни? Она виновна,—не сомнѣвайтесь въ этомъ. Она вполнѣ заслужила казнь. И я надѣюсь, что ея величество не помилуетъ ее, и что ее повѣсятъ.

Глухой услышалъ слова жены, или догадался о томъ, что̀ она сказала, и засмѣялся сочувствующимъ жестокимъ смѣхомъ...

М-ссъ Оксбриджъ, сомнѣвавшаяся до приговора, увѣровала въ вину Франсуазы послѣ него. Она была въ отчаяніи отъ мысли, что у нея въ домѣ жила преступница, которой суждено умереть отъ руки палача; ей стыдно было передъ сосѣдями, и она рѣшила переѣхать въ другую часть города.

— Я принуждена теперь покинуть домъ,—говорила она чуть не плача,—гдѣ я ухаживала за моимъ бѣднымъ мужемъ во время его послѣдней болѣзни, гдѣ надѣялась жить до смерти...

Она вспомнила множество подробностей, которыя теперь освѣщались новымъ свѣтомъ въ ея возбужденной фантазіи; Франсуаза никогда не смотрѣла людямъ прямо въ лицо... мало говорила, ни съ кѣмъ не сходилась, была разсѣянна „какъ люди,

тающіе недобрыя мысли“. Она употребляла для туалета разныя снадобья, неизвѣстныя честнымъ женщинамъ: пудру, притиранія, туалетный уксусъ, „который ни къ чему доброму не приводитъ“! Она никогда не разсказывала о молодомъ человѣкѣ, умершемъ отъ плеврита.

— Если бы я знала объ этой исторіи, у меня возникли бы подозрѣнія... Но я ничего не знала, я ей вѣрила... Вотъ какъ она отблагодарила меня за довѣріе!.. Если бы вы знали, какъ искусно она притворялась! Она бы провела и болѣе догадливыхъ людей, чѣмъ я!.. Я готова была бы поклясться, что она обожаетъ свою дѣвочку,—а между тѣмъ... И такая хорошенькая, славная дѣвочка! Но чего и ждать было отъ матери незаконнаго ребенка, которая выдавала себя за вдову и жила, опутанная ложью... А этотъ м-ръ Орчардъ, который приходилъ къ ней *каждый день*, который сопровождалъ ее *каждый разъ, когда она ѣздила въ Кентербери*! Богъ знаетъ, что̀ между ними было... Я этого не знаю, и очень рада этому.

М-ссъ Оксбриджъ рада была излить душу передъ посѣтителями и говорила безъ умолку, не слушая вопросовъ и не отвѣчая на нихъ, не спрашивая даже Перёзовъ о цѣли ихъ прихода. Она непремѣнно пожелала показать имъ карточку „жертвы преступленія“. Со своими длинными локонами, съ нѣжными чертами лица, съ ямочками на щекахъ, дѣвочка похожа была на Раймонду, какъ старшая сестра. Мѣдная рамка задрожала въ рукахъ Леонарда, и глаза его затуманились. М-ссъ Оксбриджъ замѣтила его волненіе.

— Боже,—сказала она,—какъ вы вглядываетесь въ ея карточку! Можетъ быть, вы приходитесь ей родственникомъ? Если хотите, возьмите карточку. Мнѣ ее дала ея недостойная мать. Я дорожила ею. Но теперь я не хочу ничего больше знать объ этомъ дѣлѣ, не хочу имѣть у себя ничего, напоминающаго о немъ!

Разговоръ съ двумя плотниками, которыхъ пришлось разыскивать по разнымъ мастерскимъ, не далъ лучшихъ результатовъ. Они точно передали все, что̀ знали, но ничего другого сказать не могли. Свидѣтельство старика, который, по словамъ Франсуазы, далъ ей погубившее ее указаніе, было бы гораздо болѣе важно: оно выяснило бы ошибку несчастной женщины и придало бы правдоподобность ея словамъ. Справочное бюро, къ которому обратился Леонардъ, усердно разыскивало его, но безъ всякаго успѣха. Таинственный прохожій не являлся, или потому, что онъ былъ только „средствомъ защиты“, какъ предполагаю

обвиненіе, или потому что его нельзя было разыскать. Первое предположеніе было болѣе вѣроятно, но и второе могло заключать въ себѣ истину. Можетъ быть, этотъ незнакомецъ, невинная причина всей драмы, продолжалъ мирно жить своей жизнью, вдали отъ городскихъ новостей и слуховъ, не подозрѣвая о послѣдствіяхъ своего ложнаго указанія и о томъ, что его разыскиваютъ. А можетъ быть также, что онъ заболѣлъ, можетъ быть умеръ...

Наиболѣе тяжелымъ для Перёзовъ былъ визитъ къ м-ру В. Орчарду, жившему въ уединенномъ коттеджѣ на окраинѣ Бромптона. Онъ терзался мыслью о страшныхъ страданіяхъ горячо любимой женщины, для спасенія которой онъ ничего не могъ сдѣлать. Высокій, блѣдный, страшно худой, съ прекраснымъ мечтательнымъ лбомъ, съ глазами ясновидца, онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе своимъ измученнымъ видомъ. Онъ разсказалъ все, что̀ зналъ, съ выраженіемъ полной безнадежности, и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ Перёзовъ понялъ ихъ отношеніе къ подсудимой. Его большіе глаза остановились на Леонардѣ и, медленно проникая въ его душу, прочли таящееся въ ней отчаяніе, еще болѣе страшное, чѣмъ его собственное. Онъ проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Я васъ жалѣю.

Пораженные его ясновидѣніемъ, братья переглянулись съ нескрываемымъ волненіемъ.

— Какъ это странно, какъ странно!—продолжалъ м-ръ Орчардъ глухимъ голосомъ.—У меня не было бы другой мечты, другого желанія, какъ только посвятить жизнь этой женщинѣ; она исчезнетъ, унеся съ собой мою душу. А вы...

Онъ остановился, не закончивъ сравненія, которое Леонардъ самъ понялъ.

— Почему вы не явились на судъ, чтобы разсказать все, что̀ знаете, какъ бы это сдѣлалъ я на вашемъ мѣстѣ?—продолжалъ м-ръ Орчардъ, не сводя глазъ съ Леонарда.—Развѣ вы не знали о томъ, что̀ произошло? Въ вашихъ газетахъ не писали объ этомъ?

Леонардъ опустилъ голову, явно сознаваясь въ позорѣ своего поведенія. М-ръ Орчардъ отвелъ отъ него взглядъ и прекратилъ разговоръ.

Каждый вечеръ, возвращаясь въ отель, Перёзы приходили въ отчаяніе отъ неудачи попытокъ, сдѣланныхъ за день. Они обѣдали поздно, когда уже всѣ столы въ ресторанѣ были пусты, и проводили вечера въ изящномъ салонѣ, предназначенномъ для

корреспонденціи; тамъ имъ никто не мѣшалъ. Раймондъ никакихъ писемъ не получалъ и разсѣянно просматривалъ газеты. Леонардъ читалъ полученныя письма, среди которыхъ было ежедневно письмо отъ Люси. Она никогда не писала того, чего ожидалъ отъ нея мужъ и что̀, быть можетъ, ей самой хотѣлось сказать ему. Леонардъ тоже отвѣчалъ ей неискренними письмами. Они были осуждены оставаться навсегда чуждыми другъ другу;—даже драма, волновавшая обоихъ, не сблизила ихъ.

Прошло дней двѣнадцать. Сэръ Арчибальдъ не торопился назначать имъ свиданіе, можетъ быть оставляя имъ время для поисковъ. Ихъ старанія не дали, однако, почти никакихъ результатовъ. Имъ удалось установить только одинъ фактъ, которымъ защита недостаточно воспользовалась, хотя и упомянула о немъ: въ Кентербери, въ пансіонѣ сестеръ Джуэль, одна изъ воспитанницъ подтвердила, что передъ праздниками она говорила дочери Франсуазы о чудесахъ Kew-Gardens. Это обстоятельство не представляло важности само по себѣ, но подкрѣпляло правдоподобность разсказа Франсуазы.

Никакихъ другихъ фактовъ они не открыли, и когда получена была записка лэди Ливерморъ съ приглашеніемъ явиться къ ней,—ихъ единственнымъ и лучшимъ оружіемъ въ предстоящей борьбѣ была все-таки ихъ вѣра въ невинность Франсуазы.

Подходя къ дому, гдѣ имъ предстоялъ столь страшный рѣшающій разговоръ, оба брата почувствовали, что страхъ сковываетъ имъ члены. Раймондъ еще сохранялъ присутствіе духа, напрягая всю свою энергію, ободряя себя надеждой на несомнѣнный успѣхъ. Но у Леонарда къ страху примѣшивалось еще другое угнетающее его чувство—стыдъ. Мысль, что чужой человѣкъ заглянетъ въ его душу со строгостью судьи и прочтетъ въ ней ея позорную тайну, приводила его въ трепетъ. Когда передъ нимъ открылась дверь въ домъ лэди Ливерморъ, онъ почувствовалъ безумное желаніе спастись бѣгствомъ: ему пришлось употребить геройское усиліе надъ собой, чтобы послѣдовать за ливрейнымъ лакеемъ, открывшимъ передъ нимъ дверь въ залу.

Лэди Ливерморъ сидѣла у чайнаго столика, какъ въ обычные часы пріема, когда къ ней являлись друзья поболтать за чаемъ съ бисквитами. Пріемная, украшенная свѣжими цвѣтами, имѣла уютный и веселый видъ. Сэръ Арчибальдъ, явившійся первымъ, сидѣлъ противъ сиренъ Берне-Джонса, въ низкомъ креслѣ. Его правильное, довольно моложавое лицо, съ большимъ мягко очерченнымъ ртомъ, гладкими, еще черными волосами, производило

впечатлѣніе успокоивающей простоты и большой сердечности. Взоръ его былъ необычайно свѣтлый, какъ будто на склонѣ долгой жизни онъ сохранилъ въ глазахъ только отрадные образы. Онъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ, и говорилъ на немъ изящно, съ нѣсколько устарѣлыми церемонными оборотами, какъ старые аристократы, живущіе въ провинціи. Лэди Ливерморъ представила братьевъ Перёзъ министру и пригласила ихъ сѣсть, указавъ на кресла, поставленныя спинками къ свѣту; министръ сидѣлъ лицомъ къ окну, и лицо его освѣщалось полнымъ свѣтомъ. Когда они сѣли, лэди Ливерморъ начала бесѣду очень спокойно и просто:

— Я сказала сэру Арчибальду, о чемъ вы хотите съ нимъ поговорить. Сэръ Арчибальдъ готовъ васъ выслушать.

— Да,—отвѣтилъ министръ, устремляя на братьевъ ясный, спокойный взглядъ,—но только въ качествѣ частнаго лица, дорогая лэди. Здѣсь не Home-Secretary, а вашъ старый другъ.

— Я полагаю,—прибавила она,—что вамъ удобнѣе говорить въ моемъ отсутствіи.

— Не уходите отъ насъ,—я васъ очень объ этомъ прошу! —сказалъ Раймондъ.

Онъ вѣрилъ въ душевную доброту лэди Ливерморъ и зналъ, какъ къ ней привязанъ сэръ Арчибальдъ; поэтому ему казалось, что ея присутствіе облегчитъ бесѣду, сдѣлаетъ министра болѣе доброжелательнымъ и уступчивымъ. Лэди Ливерморъ согласилась остаться и сѣла нѣсколько поодаль отъ трехъ мужчинъ.

Леонардъ раскрылъ портфель, вынулъ оттуда бумагу, провелъ рукой по лбу и началъ говорить едва слышнымъ голосомъ:

— Я предпочитаю обратиться къ частному человѣку, скорѣе чѣмъ къ министру: они не могутъ не знать другъ друга, а здѣсь рѣчь идетъ прежде всего о простомъ человѣколюбіи...

Произнеся эту фразу, Леонардъ подумалъ, что не такъ началъ, какъ слѣдуетъ. Онъ сталъ оттѣнять и дополнять ее, слѣдуя своимъ обычнымъ ораторскимъ пріемамъ:

— Правда, что дѣло идетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о вопросѣ правосудія... Я знаю, что приговоръ суда имѣетъ силу закона и считается непогрѣшимымъ; знаю, что у насъ осталась одна только надежда — на милосердіе королевы. Но, съ другой стороны, мнѣ извѣстно, господинъ министръ, что ея величество всегда соглашается съ вашимъ рѣшеніемъ.

Сэръ Арчибальдъ слушалъ Леонарда съ холоднымъ вниманіемъ, измѣнявшимъ обычное выраженіе его лица, дѣлавшимъ его строгимъ до жесткости.

— Поэтому-то я и хотѣлъ разсказать вамъ все, что знаю и въ чемъ увѣренъ, — а увѣренъ я въ томъ, что судъ ошибся. Благодарю васъ за согласіе выслушать меня. О, если бы я могъ вдохнуть въ васъ ту увѣренность, которая такъ сильна во мнѣ!

Таково было, приблизительно, вступленіе рѣчи, которую Леонардъ готовилъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ Раймондомъ. Но въ эту рѣшительную минуту онъ инстинктивно почувствовалъ, что пошелъ по ложному пути, что онъ скорѣе вооружаетъ противъ себя этого чужестранца своими цицероновскими оборотами, что нужны совсѣмъ иные доводы и слова, которыхъ онъ не знаетъ. Леонардъ смутился: голосъ его сталъ дрожать. Онъ, однако, продолжалъ свою рѣчь, измѣнивъ подготовленный планъ, но уже неувѣреннымъ тономъ, отбросивъ всѣ тонкости и уловки, которыя часто оказываютъ вліяніе на судей:

— Съ тѣхъ поръ какъ мы, я и мой братъ, пріѣхали сюда, мы пытались продѣлать наново все слѣдствіе, заполнить его пробѣлы, освѣтить темные пункты, которые вѣроятно не ускользнули и отъ вашего вниманія, господинъ министръ. Но намъ это не удалось. Мы установили только одну маленькую подробность: я могу передать вамъ подписанное обѣими начальницами пансіона Джуэль заявленіе одной воспитанницы о томъ, что именно она внушила дочери подсудимой мысль о поѣздкѣ въ Kew-Gardens. Это заявленіе доказываетъ, что прогулка состоялась по желанію дѣвочки, и доказываетъ также, что подсудимая говорила правду,—въ чемъ судъ очень сомнѣвался. Помимо этого мы не выяснили ничего существеннаго или новаго. Но зато мы познакомились со свидѣтелями, и это еще болѣе укрѣпило насъ въ нашемъ убѣжденіи. Если бы вы слышали, какъ Ламбеты, показаніе которыхъ наиболѣе повліяло на присяжныхъ засѣдателей, все болѣе и болѣе дополняютъ свои первыя воспоминанія, придаютъ имъ все болѣе опредѣленный смыслъ, сглаживаютъ противорѣчія своихъ первыхъ показаній, вы бы могли судить о степени довѣрія, котораго они заслуживаютъ...

Онъ остановился на минуту, и сэръ Арчибальдъ мягко возразилъ ему:

— Согласитесь, что я не могу основываться на подобномъ впечатлѣніи, даже если бы я его раздѣлялъ: я обязанъ предположить, что у присяжныхъ его не было, и что мы не имѣемъ основанія не довѣрять незаинтересованнымъ свидѣтелямъ, дающимъ показанія подъ присягой.

— Я знаю, знаю. Я и не ссылаюсь на недостовѣрность свидѣтелей обвиненія,—хотя она для меня несомнѣнна, — такъ

какъ не имѣю возможности доказать ее. Ихъ разсказы только укрѣпили наше убѣжденіе, повторяю я вамъ. Но это убѣжденіе въ невинности осужденной основано на нашемъ точномъ знакомствѣ съ ея прошлымъ, которое не было извѣстно суду. Подумайте о томъ, что за осужденную вступается отецъ жертвы— отецъ, уклонившійся отъ исполненія своего долга: вы должны понять, до чего сильно мое убѣжденіе, если оно заставило меня явиться сюда и молить васъ... Это убѣжденіе, увы, не сразу явилось у меня, и я въ этомъ глубоко каюсь, какъ и во многомъ другомъ... въ томъ особенно, что я бросилъ на произволъ судьбы эту несчастную женщину... Ея жизнь послѣ нашего разрыва—наилучшее доказательство ея невиновности. Она переписывалась съ моимъ братомъ, — защитникъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ ея писемъ. Вотъ всѣ ея письма,—я умоляю васъ прочесть ихъ съ полнымъ вниманіемъ.

Онъ протянулъ пачку писемъ Франсуазы министру, который, взявъ ихъ, сказалъ съ неизмѣнной мягкостью:

— Я ихъ прочту. Но я долженъ предупредить васъ, что съ нашей точки зрѣнія прошлое подсудимыхъ ничего не доказываетъ. Поэтому столь опытный адвокатъ, какъ м-ръ Лоренсъ Бель, и не настаивалъ въ своей рѣчи на значеніи этихъ писемъ. Онъ вамъ вѣроятно объяснилъ это.

— Да, онъ говорилъ то же, что̀ говорите вы,—но я съ этимъ не могу согласиться. Вѣдь поступки людей опредѣляются ихъ характеромъ и чувствами. И какъ можно пренебрегать драгоцѣнными данными предшествующей жизни, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не доказано и обвиненіе основывается на однихъ предположеніяхъ? Вѣдь эта несчастная была хорошая мать: другія женщины были бы на ея мѣстѣ въ отчаяніи отъ мысли, что у нихъ родится ребенокъ, готовы были бы на преступленіе, чтобы не допустить этого,—а для нея надежда на материнство была счастіемъ. И когда у нея родилась дочь, материнское чувство усиливалось въ ней все болѣе и болѣе. Это можетъ подтвердить мой братъ, который былъ у нея въ Лондонѣ.

Онъ взглянулъ на Раймонда, который воскликнулъ:

— Она не только любила, а прямо-таки обожала свою дочь!

— Вѣдь это фактъ,—продолжалъ Леонардъ, все болѣе волнуясь,— что она поглощена была мыслью о ребенкѣ. Какъ же не считаться съ этимъ, а принимать во вниманіе только болтовню плохо освѣдомленныхъ или предубѣжденныхъ свидѣтелей? Развѣ

такая любящая мать можетъ убить своего ребенка предательскимъ образомъ, обманывая его притворной нѣжностью, заманивъ его въ ловушку? Это въ сто разъ невѣроятнѣе всѣхъ неправдоподобностей, отмѣченныхъ въ ея разсказѣ о катастрофѣ. Судъ не допускаетъ, чтобы женщина могла заблудиться, возвращаясь съ прогулки, и пойти направо, когда нужно было пойти налѣво,—не допускаетъ, чтобы по невѣрному указанію прохожаго она повернула назадъ,—не вѣритъ въ существованіе старика, спутавшаго ее своимъ ошибочнымъ указаніемъ, только потому, что она не могла вызвать его на судъ въ качествѣ свидѣтеля,—не допускаетъ возможности несчастнаго случая и считаетъ въ то же время возможнымъ, чтобы въ сердцѣ матери нѣжность вдругъ превратилась въ ненависть, и чтобы доброе, безобидное существо могло безъ всякой причины стать чудовищемъ!

Министръ задумался, наклонивъ голову и нахмуривъ брови.

— Да,—медленно произнесъ онъ,—все это могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, но нужно было, чтобы объ этомъ подумали присяжные. Во всемъ, что̀ вы говорите, я вижу только одинъ фактъ—показаніе пансіонерки изъ Кентербери. Въ этомъ нужно будетъ разобраться. Я прочту также письма,—но вѣдь они уже были извѣстны присяжнымъ и не оказали на нихъ никакого вліянія.

— М-ръ Бель прочелъ нѣсколько отрывковъ, — возразилъ Леонардъ,—это вѣрно. Но присяжные не могли судить объ искренности писемъ безъ нашего подтвержденія. Только мы лично могли бы доказать, что каждое ея слово дышало правдой, подтверждалось жертвами. Если бы мы явились на судъ, ее бы оправдали,—особенно при отсутствіи прямыхъ уликъ. Вѣдь уликъ нѣтъ,—вы это знаете.

Онъ взглянулъ на лэди Ливерморъ, какъ бы взывая къ ней о поддержкѣ; но она молчала и отвела взглядъ.

— Я очень внимательно изучилъ дѣло,—сказалъ сэръ Арчибальдъ.—Явныхъ уликъ, дѣйствительно, нѣтъ: есть къ тому же невыясненные обвиненіемъ пункты. Но имѣются совершенно точныя свидѣтельскія показанія и предположенія, поддерживающія ихъ. Въ большинствѣ уголовныхъ процессовъ приходится этимъ ограничиваться; вѣдь преступники скрываютъ свою вину,—вамъ это должно быть извѣстно. Поэтому присяжные руководствуются тѣмъ убѣжденіемъ, которое они составляютъ себѣ по имѣющимся у нихъ даннымъ. У насъ присяжные очень серьезно обдумываютъ свои отвѣты; если они произносятъ слово: „виновенъ“, значитъ у нихъ нѣтъ больше никакихъ сомнѣній.

— Но если у васъ рождаются сомнѣнія? — воскликнулъ Леонардъ. — Если то, что̀ вы прочтете, убѣдитъ васъ въ ихъ ошибкѣ, или хотя бы въ томъ, что они могли ошибиться? Развѣ этого не достаточно для помилованія?

— Мои личныя сомнѣнія не играютъ никакой роли. Но если бы у меня были серьезныя причины сомнѣваться, я бы могъ посовѣтовать ея величеству помиловать осужденную. Я бы очень этого хотѣлъ. Но я не могу поступать противъ духа закона, который требуетъ кары за преступленіе. Я не могу сказать ея величеству: „преступленіе совершено, и это — преступленіе, требующее смертной казни, — но вы все-таки помилуйте преступницу!“ — Этого я не могу сдѣлать.

За вѣжливыми отвѣтами министра чувствовалось скрытое недовѣріе и нѣкоторое презрѣніе. Леонардъ это чувствовалъ и поникъ духомъ. Раймондъ въ свою очередь попытался поколебать своей страстностью невозмутимость служителя закона.

— Мой братъ говорилъ вамъ, что я навѣстилъ эту несчастную женщину здѣсь, въ Лондонѣ; я видѣлъ ее и ея ребенка около трехъ лѣтъ тому назадъ. Воспоминаніе объ этомъ посѣщеніи, вмѣстѣ съ другими, болѣе отдаленными воспоминаніями, и составляетъ силу моего убѣжденія въ ея невинности. Я не могу выразить вамъ, до чего она вся проникнута была глубокой материнской любовью! Вы говорите, что нельзя полагаться на впечатлѣнія, — но то, что̀ я видѣлъ и что̀ я знаю, создало во мнѣ увѣренность, которая ни на минуту не пошатнулась ни отъ приговора, ни отъ изученія дѣла. Напротивъ того, мое убѣжденіе еще болѣе окрѣпло съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился въ неосновательности показаній главнѣйшихъ свидѣтелей, предубѣжденныхъ противъ подсудимой тѣмъ, что̀ они узнали о ея жизни!.. Вы говорите, что прошлое подсудимыхъ не имѣетъ значенія, — но вѣдь эту несчастную погубило именно ея прошлое! Присяжные видѣли свидѣтелей только на судѣ, и вы тоже судите объ ихъ показаніяхъ только по стенографическимъ отчетамъ; вы не слышали, подобно намъ, что̀ говорятъ Ламбеты у себя дома, внѣ торжественной обстановки суда! Ваше впечатлѣніе поэтому неполное и очень обманчивое. Вы довѣряете ихъ показаніямъ, потому что не знаете, чѣмъ они вызваны. Вамъ приходится довѣрять слѣдствію, присяжнымъ, всей судебной процедурѣ, — вы не можете, по своему положенію, убѣдиться на дѣлѣ, какъ это сдѣлалъ я, въ обманчивости, искусственности и безсиліи торжественной судебной процедуры!

Легкая улыбка промелькнула на губахъ сэра Арчибальда.

Весь трудъ его жизни былъ посвященъ сложному дѣлу англійскаго судопроизводства, и слова Раймонда возбуждали въ немъ презрительное сожалѣніе мастера своего дѣла къ невѣжественному критику, который берется судить о томъ, чего онъ не понимаетъ. Раймондъ это замѣтилъ и продолжалъ еще болѣе возбужденнымъ тономъ:

— Я знаю, что̀ вы теперь думаете. Простите мою смѣлость, но я достаточно знакомъ съ психологіей вашей расы, чтобы читать теперь въ вашей душѣ: „Эти два человѣка латинской крови, — думаете вы, — вносятъ слишкомъ много нервности въ дѣла, о которыхъ мы судимъ только умомъ. Они вовсе не увѣрены въ томъ, что произошла судебная ошибка, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, обосновывающихъ ихъ вѣру, — но они отдаются во власть своихъ чувствъ, ихъ терзаютъ угрызенія совѣсти, ихъ увлекаетъ воображеніе, не сдерживаемое твердостью воли“! И кромѣ того, вы удивляетесь этой „малодушной жалости къ потерянной женщинѣ, уличенной въ двухъ свободныхъ связяхъ, виновной быть можетъ и въ другихъ, неизвѣстныхъ суду, послушной своимъ чувственнымъ капризамъ, и которая легко могла перейти отъ разврата къ преступности“... Вы навѣрное это думаете, также какъ это думали и присяжные, и свидѣтели, хотя вы и утверждаете, что прошлое подсудимыхъ не имѣетъ значенія. Вѣть только на основаніи этого прошлаго и осудили Франсуазу Десо̀мъ, принимая во вниманіе при этомъ только предосудительную сторону ея прошлаго! Вѣдь вы не знаете, какъ эта женщина любила, сколько она выстрадала, какъ она трудилась для своего ребенка! Я сужу о ней не только по ея „паденіямъ“, какъ судили присяжные, а по дѣйствіямъ, искупившимъ ея вину, — если таковая была! И я клянусь вамъ, что въ ней не было ничего, что̀ могло бы толкнуть ее на преступленіе. Моя увѣренность сильнѣе всякихъ прямыхъ доказательствъ!

Сэръ Арчибальдъ внимательно слушалъ Раймонда и пристально вглядывался въ него, видимо стараясь отдѣлить въ его словахъ фактическую истину отъ страстнаго тона его нападокъ. Можетъ быть, даже онъ почувствовалъ отчасти справедливость его психологическихъ догадокъ, но на его непроницаемомъ лицѣ нельзя было прочесть его мыслей. Онъ закончилъ бесѣду, не давая никакихъ преувеличенныхъ обѣщаній, но и не отнимая надежды у просителей.

— Будьте увѣрены, господа, что я прочту письма, и точно пересмотрю все дѣло; я не приму никакого рѣшенія, прежде

чѣмъ не ознакомлюсь со всѣми подробностями процесса. Я слишкомъ глубоко сознаю свою отвѣтственность, и понимаю важность торжественнаго и страшнаго акта, предотвратить который можетъ теперь только королева...

— Я понимаю вашу муку,—прибавилъ онъ, взглянувъ на Леонарда страннымъ глубокимъ взглядомъ, — и отъ души желалъ бы обнадежить васъ. Но мнѣ это запрещаетъ мой долгъ, такъ какъ я долженъ свято блюсти законы, составляющіе величіе и гордость моей страны. Я поэтому не могу вамъ ничего обѣщать. Я буду молиться Богу, чтобы онъ просвѣтилъ меня, и приму то рѣшеніе, котораго потребуетъ моя совѣсть.

Аудіенція кончилась. Братья поднялись, и лэди Ливерморъ проводила ихъ молча до дверей. У порога Раймондъ остановился, и послѣ минутнаго колебанія снова подошелъ къ сэру Арчибальду и сказалъ ему по-англійски:

— Я беру на себя смѣлость просить у васъ величайшей милости, господинъ министръ. Если этой несчастной суждено умереть, дайте мнѣ возможность увидѣть ее, для того, чтобы она, по крайней мѣрѣ, слышала еще разъ голосъ друга и знала, что въ мірѣ есть два человѣка, которые никогда не сомнѣвались въ ней.

Сэръ Арчибальдъ стоялъ, опершись на палку; взглянувъ на маленькаго, тщедушнаго человѣка, въ прекрасныхъ и чистыхъ глазахъ котораго свѣтились пламенная вѣра и сила духа, онъ отвѣтилъ:

— Это я вамъ обѣщаю.

XIII.

Отъ министра долго не приходило отвѣта. Раймондъ нѣсколько разъ навѣдывался къ лэди Ливерморъ. Она ему ничего положительнаго не могла сказать.

— Сэръ Арчибальдъ мало говоритъ со мной объ этомъ дѣлѣ. Онъ все еще не принялъ рѣшенія. Ему хотѣлось бы помиловать, но онъ говоритъ, что это очень трудно. Ему понравилось то, что говорили вы и вашъ братъ. Но вѣдь это не доказательства. „Да, они вѣрятъ въ невиновность осужденной,—говоритъ онъ, — но они вѣрятъ сердцемъ, нервами, а не разсудкомъ. А когда дѣло идетъ о преступленіи, нельзя слушаться сердца, потому что общество обязано карать за преступленіе“. Вотъ его слова. Я обратилась еще къ одной знакомой, которая видается съ королевой, и просила ее употребить свое вліяніе. Но сэръ

Арчибальдъ говоритъ, что королева никогда не рѣшается на помилованіе, если законъ противъ этого, потому что и она подвластна закону.

Леонардъ съ своей стороны томился отъ бездѣйствія и падалъ духомъ. Продѣлавъ наново слѣдствіе и переговоривъ съ министромъ, онъ ничего больше не могъ предпринять. Начались нескончаемые, ничѣмъ не заполненные дни, пустота которыхъ еще болѣе тяготила Леонарда среди кипучей дѣятельности Лондона. Всѣ его часы и минуты принадлежали ожиданію, т.-е. мучительной праздности и раздражающему сознанію своего безсилія.

Менѣе активный по характеру, Раймондъ не такъ терзался бездѣйствіемъ. Но, обезпокоенный состояніемъ Леонарда, онъ убѣждалъ его вернуться въ Парижъ.

— Тебѣ здѣсь слишкомъ тяжело, и ничего больше ты не можешь предпринять. Лучше я одинъ останусь.

Но Леонардъ не соглашался уѣхать. Въ немъ пробудился темпераментъ борца, который не сдается до послѣдней минуты.

— Я долженъ остаться здѣсь, пока не придетъ рѣшеніе. Я буду бороться всѣми силами души,—иначе я не смогу продолжать жить.

Онъ чувствовалъ, что его судьба связана со спасеніемъ Франсуазы, и внѣ этой цѣли ничто его не интересовало. Онъ почти не обратилъ вниманія на приписку въ письмѣ Биллона, къ которому была пристегнута булавкой газетная вырѣзка.

„Я счелъ нужнымъ,—писалъ Биллонъ,—послать вамъ прилагаемую вырѣзку изъ газеты „Мнѣніе", и долженъ прибавить, что, къ сожалѣнію, въ судѣ всѣ читали эту замѣтку. Я узналъ о ней сегодня отъ адвоката Дюпена. Съ другой стороны, Жаладъ съ особой настойчивостью разспрашиваетъ меня о вашей поѣздкѣ. Я ему отвѣтилъ, согласно съ вашими инструкціями, что я ничего не знаю, кромѣ того, что вы уѣхали на время изъ Франціи по важному дѣлу".

Въ газетѣ было напечатано слѣдующее:

„Одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ молодыхъ адвокатовъ находится въ настоящее время за границей и занимается съ чрезвычайнымъ усердіемъ и самоотверженностью прошумѣвшимъ недавно уголовнымъ дѣломъ. Онъ добивается, какъ намъ сообщаютъ, помилованія молодой женщины, приговоренной къ смертной казни въ странѣ, гдѣ, по логичному примѣненію принциповъ феминизма, смертная казнь существуетъ одинаково для жен-

щинъ, какъ и для мужчинъ. Говорятъ, что онъ всецѣло посвятилъ себя этой задачѣ, отказавшись отъ всѣхъ дѣлъ".

Еще за нѣсколько недѣль, отъ которыхъ его отдѣляло больше страданій, чѣмъ человѣкъ иногда переживаетъ за цѣлую жизнь, эти первыя проявленія общественной критики усилили бы муки Перѐза. Но въ этотъ трагическій моментъ напряженнаго ожиданія онъ не могъ думать ни о чемъ, кромѣ приближающейся развязки...

Однажды утромъ, спустившись къ завтраку раньше брата, Раймондъ нашелъ въ hall'ѣ, въ ящичкѣ для писемъ, противъ своего нумера, конвертъ съ государственнымъ гербомъ. Это было разрѣшеніе посѣтить осужденную въ тотъ же день, въ два часа: сэръ Арчибальдъ сдержалъ свое обѣщаніе. Не предупреждая брата, не думая о томъ, что часъ утра слишкомъ ранній, онъ поспѣшилъ къ лэди Ливерморъ. Она его ждала и, протянувъ ему обѣ руки, взволнованно сказала:

— Я знаю, знаю...

Онъ растерянно проговорилъ:

— Неужели нѣтъ больше никакой надежды?..

Она не рѣшилась больше поднять на него глаза.

— Сэръ Арчибальдъ былъ у меня вчера,—сказала она.— Онъ мнѣ все объяснилъ. Онъ не *можетъ*...

Она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ, чтобы объяснить его смыслъ: министръ имѣлъ *право* помиловать, но не *могъ* имъ пользоваться; его воля была несвободна, его дѣйствія были связаны высшей силой—закономъ.

— Я его умоляла, какъ только могла,—продолжала лэди Ливерморъ,—но онъ повторялъ только: „я не могу, не могу"! Я ему сказала: „а что если эта несчастная женщина не виновна"?.. и онъ мнѣ отвѣтилъ: „Я не увѣренъ, что она виновна, но по закону рѣшаю не я, а присяжные. Они вынесли обвинительный приговоръ, — и я не имѣю права помѣшать его исполненію".

— Но королева?—сказалъ Раймондъ.—Она вѣдь женщина... она могла бы...

— У королевы очень доброе сердце,—возразила лэди Ливерморъ.—Но она не можетъ сказать: „да", когда министръ говоритъ: „нѣтъ"...

— О, Господи!—воскликнулъ Раймондъ.—Зачѣмъ же царствовать, если не для того, чтобы миловать!

Лэди Ливерморъ ничего не возразила ему, хотя ея понима-

ніе державнаго долга было болѣе суровое, какъ и у всѣхъ англичанъ.

— Сэръ Арчибальдъ, — продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія, — сказалъ мнѣ также, что... вы посѣтите эту несчастную женщину.

Раймондъ закрылъ глаза, ничего не отвѣчая, и на лицѣ его отразилась несказанная мука.

Она поняла, какъ безконечно мучительно будетъ для него это послѣднее свиданіе, и прибавила:

— Вы хорошо дѣлаете, что идете къ ней.

Потомъ, помолчавъ, она спросила:

— А вашъ братъ?.. Онъ знаетъ?

— Нѣтъ еще.

— Вы предупредите его о свиданіи?

Раймондъ сдѣлалъ отрицательный жестъ.

— Зачѣмъ? Вѣдь онъ ничего не можетъ измѣнить.

Уйдя отъ лэди Ливерморъ, онъ не вернулся въ отель, а сталъ бродить по улицамъ, весь отдавшись своему отчаянію. Вспомнивъ, что Леонардъ, можетъ быть, ждетъ его, онъ вырвалъ листокъ изъ записной книжки и, остановившись на тротуарѣ, написалъ карандашомъ:

„Мнѣ нужно было уйти съ утра. Не жди меня“.

Онъ отдалъ записку посыльному, и сталъ опять безцѣльно блуждать. Часъ свиданія приближался. Онъ подозвалъ кебъ:

— „Holborn Circus“! — крикнулъ онъ кучеру.

У него оставалось еще нѣсколько минутъ до назначеннаго часа: отпустивъ экипажъ, онъ прошелъ пѣшкомъ къ мрачной тюрьмѣ и подошелъ къ запертой желѣзной оградѣ. Полисменъ, у котораго онъ спросилъ, какъ войти въ тюрьму, указалъ ему нѣмымъ жестомъ на дверь, скрытую въ стѣнѣ. Она поглотила Раймонда, какъ разверзнувшаяся пасть. Онъ очутился въ темныхъ сѣняхъ, окруженный полисменами въ черныхъ каскахъ, которымъ онъ протянулъ свое „разрѣшеніе“, потомъ — въ пріемной, гдѣ тоже было темно. У него дрожали колѣни, и онъ опустился на кресло. Прошло нѣсколько минутъ среди грозной, мучительной тишины; уличный шумъ очень глухо доходилъ сквозь толстыя стѣны. Наконецъ дверь отворилась и вошелъ коренастый человѣкъ небольшого роста, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ густой бородой; на немъ была черная куртка съ узкими полосками, красными какъ струйки крови.

— Это вы пришли съ разрѣшеніемъ, сэръ?

— Да.

— All right. Пожалуйте за мной.

Мягкость его голоса совершенно не соотвѣтствовала жестокому взгляду его темныхъ глазъ, блестѣвшихъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Онъ повелъ Раймонда по длиннымъ коррндорамъ, открывая тяжелыя, скрипучія двери большими ключами, цѣлая связка которыхъ висѣла у него у пояса. Идя впереди Раймонда, онъ по временамъ поворачивалъ къ нему голову, съ трудомъ скрывая свое любопытство. Его интриговалъ этотъ иностранецъ, къ которому министръ такъ благоволитъ, что далъ ему разрѣшеніе посѣтить тюрьму. Но профессіональная сдержанность удержала его отъ всякихъ разспросовъ.

— Вотъ комната для свиданій, — сказалъ онъ, введя Раймонда въ маленькую камеру, гдѣ было немного свѣтлѣе. — Подождите немного, сэръ; сейчасъ приведутъ заключенную.

Онъ вышелъ, звеня ключами. Раймондъ остался наединѣ. Онъ замѣтилъ желѣзную рѣшетку, раздѣлявшую камеру пополамъ: эта рѣшетка навѣрное будетъ отдѣлять его отъ Франсуазы, и онъ увидитъ ее только сквозь нее. Франсуаза появится черезъ нѣсколько минутъ, — при этой мысли все, что̀ онъ собирался ей сказать, спуталось у него въ головѣ отъ ужаса и отчаянія.

Звонъ ключей опять приблизился, заскрипѣла дверь, раздался шумъ за рѣшеткой — и появилась женская фигура: прижавъ лобъ къ густой желѣзной сѣткѣ, Раймондъ различилъ незнакомое лицо землисто-сѣраго цвѣта, лицо старой женщины съ сѣдыми волосами. Она не двигалась, думая, что ее только перевели въ другую камеру, и не старалась заглянуть своимъ потухшимъ взоромъ за рѣшетку. Раймондъ окликнулъ ее:

— Франсуаза!

Она даже не вздрогнула.

— Это я... Раймондъ... вашъ другъ...

Она прошептала:

— А, это вы!..

Она не удивилась. Быть можетъ, она уже перестала отличать дѣйствительность отъ призраковъ, осаждавшихъ ея истерзанную душу. Быть можетъ, она утратила способность соображать что̀ бы то ни было.

— О, Франсуаза! — сказалъ Раймондъ. — Мы никогда не вѣрили въ вашу вину... Вы знаете, мой братъ тоже здѣсь, въ Лондонѣ, со мной... Мы пріѣхали, чтобы... чтобы попытаться спасти васъ...

Онъ запнулся, чувствуя жестокую иронію своихъ словъ.

— Вы очень добры,—беззвучно сказала Франсуаза, и прибавила:—Вы не спасете меня... Я потеряла надежду... Да я и не хочу жить... На что̀ мнѣ жизнь!

Въ глухихъ звукахъ ея разбитаго голоса Раймондъ узналъ, однако, прежнюю мягкость и ласковость ея рѣчи. Онъ былъ близокъ къ тому, чтобы разрыдаться.

— Я всей душой съ вами, — сказалъ онъ. — Я страдаю вмѣстѣ съ вами... И Леонардъ тоже... Онъ не забылъ васъ,— напротивъ того, мы раздѣляемъ вашу муку... Видите, я здѣсь, подлѣ васъ!

Онъ протянулъ къ ней молитвенно обѣ руки, которыя стукнулись объ рѣшетку.

— Боже! что̀ мнѣ сказать вамъ?.. Что̀ я могу сдѣлать?

Глухой голосъ, звучащій какъ бы откуда-то издалека, раздался и за рѣшеткой:

— Да, я васъ вижу... Мнѣ отъ этого легче... Благодарю васъ за то, что вы пришли!.. Но вы не спасете меня... Не пытайтесь!.. Моя дѣвочка утонула... Вы знаете, какъ я ее любила... Помните вы ее? Помните, какъ я была счастлива тогда, въ Чильси... у м-ссъ Дьювъ? Теперь, когда ея нѣтъ въ живыхъ, зачѣмъ мнѣ жить?.. Они думаютъ, что я виновна въ ея смерти... и за это меня осудили!.. Но не все ли равно — вѣдь я хочу умереть...

Она вся задрожала, и въ голосѣ ея послышался неописуемый ужасъ. Она проговорила, задыхаясь:

— Но умереть такой смертью!.. Господи!.. такой смертью!

— Франсуаза, Франсуаза!—воскликнулъ Раймондъ. — Я не могу сказать вамъ ничего въ утѣшеніе... я приношу вамъ только всю мою нѣжность... Чувствуете вы, какъ мы страдаемъ за васъ, какъ мы въ васъ вѣримъ? Мы отдали бы охотно нашу жизнь, чтобы спасти васъ... Скажите, это не облегчаетъ хоть немного вашего отчаянія?

— Да,—прошепталъ далекій голосъ, — мнѣ теперь легче... Но страхъ... страхъ... Я только боюсь, больше ничего... Я не чувствую злого чувства ни къ кому!.. Леонардъ... если онъ васъ спроситъ, скажите, что я простила ему... Моя дочь погибла... въ этомъ все несчастіе... Но можетъ быть... мои страданія заслужены... Развѣ можно знать, что̀ искупаешь своей мукой! Я рада вашему приходу... Я теперь знаю, что вы не вѣрите въ мою вину. Благодарю... Мнѣ отрадно сказать вамъ: прощайте! Вашъ голосъ будетъ послѣднимъ...

— Послушайте, Франсуаза, не приходите въ отчаяніе! Есть Богъ!

Это слово прозвучало, какъ послѣдній крикъ путника, погибающаго въ пустынѣ. Раймондъ не смогъ прибавить ничего другого и повторилъ—уже болѣе упавшимъ голосомъ:

— Есть Богъ!

За рѣшеткой Франсуаза отвѣтила еще болѣе слабымъ, далекимъ голосомъ:

— Да... да... можетъ быть!..

Дверь отворилась: тюремщикъ вошелъ и дотронулся до ея плеча.

Черезъ два часа Раймондъ явился къ брату.

— Ѣдемъ! Ѣдемъ! — торопливо сказалъ онъ. — Ѣдемъ сегодня же! Скорѣе!

Рыданія потрясали его слабое тѣло, надъ которымъ его побѣжденная воля уже не имѣла власти.

— Ѣдемъ!.. Ты ничего не можешь больше сдѣлать для нея... Они ее убьютъ... Все кончено!

Рыдая и задыхаясь, онъ разсказалъ брату объ обѣщаніи сэра Арчибальда, о свиданіи съ Франсуазой, клялся въ невинности Франсуазы, передалъ всѣ подробности страшнаго дня.

Леонардъ молча слушалъ слова, убивавшія его послѣднюю надежду. Онъ долго стоялъ, не двигаясь, глядя въ пространство неподвижнымъ взглядомъ и сдерживая инстинктивно всякое проявленіе безсильнаго горя. Это усиліе надъ собой вернуло ему отчасти его энергію. Онъ взялъ брата за руку, и въ его жестѣ было меньше отчаянія, чѣмъ желанія ободрить Раймонда.

— Бѣдный братъ!—воскликнулъ Раймондъ:—ты не сможешь продолжать жить!

Леонардъ еще крѣпче сжалъ горячую и слабую руку брата. Онъ зналъ, что отъ отчаянія не умираютъ, что жизнь побѣждаетъ осаждающія ее разрушительныя силы, и что послѣ всѣхъ кризисовъ и катастрофъ она снова предъявляетъ свои права.

— Придется покориться судьбѣ, все-таки жить!—тихо проговорилъ онъ.

И братья долго молчали, охваченные той же мыслью о мукѣ предстоящихъ долгихъ дней, которые придется чѣмъ-нибудь заполнить.

Съ франц. З. В.

ЛИРИКА
Н. П. ОГАРЕВА

ОЧЕРКЪ.

Четверть вѣка минуло со смерти Н. П. Огарева; имя его рѣдко упоминается въ нашей печати, и то почти всегда — въ связи съ именемъ Герцена; только въ глубинѣ рязанской губерніи, въ селѣ Бѣлоомутѣ, священникъ продолжаетъ молиться о спасеніи его души, да ежегодно въ ближайшій воскресный день къ годовщинѣ его смерти (31 мая) дѣти и внуки освобожденныхъ имъ нѣкогда крестьянъ служатъ соборную панихиду по немъ. Между тѣмъ, онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ лириковъ, нынѣ совершенно забытый, какъ поэтъ. Да это и естественно: три изданія его стихотвореній, сдѣланныя въ Россіи съ 1856 по 1863 годъ, давнымъ-давно разошлись. Въ свое время его стихи вызвали рядъ восторженныхъ отзывовъ, изъ которыхъ наиболѣе цѣнны статьи Чернышевскаго и Василія Боткина; любопытно, что оба эти критика, столь различные по міровоззрѣнію и литературнымъ вкусамъ, сошлись въ признаніи замѣчательнаго поэтическаго дарованія Огарева и непреходящей цѣнности его поэзіи. Появленіе новаго и полнаго собранія его стиховъ было бы теперь весьма кстати для всѣхъ любителей родной поэзіи. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью напомнить о забытомъ лирикѣ и выяснить характеръ его творчества.

I.

Еслибы понадобилось опредѣлить основной мотивъ поэзіи Огарева однимъ его стихомъ, мы привели бы стихъ: „Душа грустить, стремяся и желая"... Этими самыми двумя словами: „стремленіе" и „желаніе", онъ самъ обыкновенно опредѣляетъ свое душевное состояніе, и первое, общее впечатлѣніе, производимое его поэзіей на читателя, невозможно выразить иначе, какъ именно этими словами. Къ чему стремленіе—это видно съ перваго взгляда: стремленіе къ полнотѣ и гармоніи бытія, жажда такого момента, когда всѣ душевныя силы безраздѣльно поглощены однимъ чувствомъ, — жажда „полнаго аккорда". При какихъ условіяхъ должно осуществиться это стремленіе, какого порядка должно быть поглощающее чувство—безразлично,—лишь бы пережить гармоническій моментъ. Это необусловленное никакими конкретными признаками, совершенно идеальное требованіе составляетъ основной мотивъ поэзіи Огарева и ея главное отличіе.

Мы увидимъ ниже, что онъ зналъ моменты душевной полноты—да и кто не зналъ ихъ, особенно въ молодости? И вотъ, характерно, что у него нѣтъ ни одного стихотворенія, которое было бы посвящено изображенію такого момента, точно также какъ нѣтъ ни одного, въ которомъ выразилась бы жалоба или негодованіе на какую-нибудь реальную причину, внесшую диссонансъ въ звучавшій аккордъ: его вдохновляетъ не самое счастіе въ его конкретной формѣ, и не скорбь объ утраченномъ, опять конкретномъ счастіи, а чистая жажда душевной полноты вообще. Очевидно, онъ писалъ только въ такія минуты, когда никакое опредѣленное чувство радости или боли не наполняло его души, т.-е. когда вещественные элементы послѣдняго пережитого упоенія утратили для него свое очарованіе.

Идеальное требованіе, призваннымъ глашатаемъ котораго является Огаревъ, въ столь чистомъ видѣ не было выражено ни однимъ изъ нашихъ великихъ лириковъ. Безъ сомнѣнія, въ душѣ каждаго поэта – какъ, впрочемъ, въ душѣ всякаго человѣка— живетъ нѣкій идеалъ красоты или гармоніи бытія („счастія"), болѣе или менѣе высокій, болѣе или менѣе сознаваемый; но, повторяю, ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не сосредоточился такъ исключительно, какъ Огаревъ, на изображеніи тѣхъ чувствъ, которыя вызываются самой жаждою этой красоты. Душевная гармонія, „полный аккордъ" составляютъ въ сущности содержаніе всякой лирики; но изъ трехъ моментовъ этого явленія: изъ стрем-

ленія къ гармоніи, внушенія ея и грусти о неизбѣжномъ ея нарушеніи—русская лирика почти исключительно разработывала только два послѣднихъ. Какъ Огаревъ является типичнымъ выразителемъ перваго изъ этихъ моментовъ, такъ типичными выразителями двухъ остальныхъ (душевной полноты, съ одной стороны, и скорби о ея мимолетности или невозможности—съ другой) являются Фетъ и Лермонтовъ. Въ Пушкинѣ оба послѣднихъ момента соединены, ибо самое чувство скорби о недолговѣчности счастія, благодаря божественно-свободной игрѣ необъятныхъ душевныхъ силъ, превращается у него въ свою противоположность, т.-е. даетъ ему внутреннее ощущеніе гармоніи, блаженства. Напротивъ, Фетъ и Лермонтовъ односторонни въ своихъ сферахъ, какъ Огаревъ—въ своей.

На всемъ протяженіи своего творчества, начиная съ самой конкретной своей картинки, въ родѣ „Шопотъ, робкое дыханье", и кончая мистической картинкой своего пробужденія въ могилѣ, Фетъ является пѣвцомъ средняго момента: достигнутой полноты души. Онъ исчерпываетъ блаженство мгновенія съ неслыханной интенсивностью, и даетъ намъ всю гамму наслажденія—отъ его земного подножія до его мистическихъ отголосковъ. Мы не станемъ спрашивать себя здѣсь, какъ случилось, что жизнь уготовила ему эти мгновенія въ такомъ завидномъ обиліи; для насъ безразлично, объясняется ли это сравнительной близостью къ природѣ и, значитъ, осуществимостью его идеала, или же счастливой организаціей поэта. Для насъ важно, что онъ ощущалъ вдохновеніе преимущественно въ тѣ минуты, когда его стремленіе къ полнотѣ чувства находило себѣ удовлетвореніе вовнѣ. И у него, конечно, гармонія неминуемо каждый разъ нарушалась, но тогда и вдохновеніе покидаетъ его, и онъ кладетъ перо, ограничиваясь удостовѣреніемъ грустнаго факта: „Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной сказки, и душа опять полна возможнымъ". Такъ велика, такъ абсолютна достигаемая имъ въ наслажденіи полнота чувства, что содержаніе момента, конкретное или идеальное, не оставляетъ въ его душѣ мѣста ничему другому: когда конкретное, тогда для него—

„Только въ мірѣ и есть, что душистый
Милой головки уборъ"...

—когда идеальное, тогда онъ въ мгновеніи созерцаетъ вѣчность. Не остается мѣста и вытекающему изъ опыта сознанію непрочности счастія, хотя этотъ опытъ, безъ сомнѣнія, не былъ чуждъ и Фету.

Въ этомъ его основное отличіе отъ Лермонтова, вся энергія котораго сосредоточивается не на вкушеніи блаженства (оно въ

первое же мгновеніе отравлено для него сознаніемъ непрочности всякаго счастія), а на протестѣ противъ тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ силъ, которыя разрушаютъ блаженство: противъ разсудка, спугивающаго своимъ непрошеннымъ словомъ сладкій недугъ страсти; противъ судьбы, такъ горько прекословящей надеждамъ юности; противъ холодныхъ и бездушныхъ людей. И такъ сильна въ немъ эта отрицательная сторона, эта жажда освобожденія отъ оковъ, мѣшающихъ блаженству, что положительный идеалъ—самое блаженство—почти исчезаетъ изъ его глазъ:

„Дайте волю, волю, волю,
И не надо счастья мнѣ“,

—говоритъ онъ. Ему нужно не самое наслажденіе, а только свобода отъ оковъ, да развѣ еще тотъ слабый намекъ на блаженство, который могъ бы поддерживать въ душѣ стремленіе къ нему,—не самая любовь, а только звуки сладкаго голоса, поющаго про любовь. Лермонтовъ „безъ страха ждетъ довременный конецъ“, который прекратитъ пустую и глупую шутку и, вмѣстѣ съ нею, мучительную борьбу. Для Фета смерть не существуетъ, она—тѣнь у ногъ его, безличный призракъ: пока онъ живъ, смерть невластна умалить его наслажденіе; а когда она наступитъ, онъ вмѣстѣ съ объектомъ счастія утратитъ и способность, и самую жажду упоенія, т.-е. вмѣстѣ съ пищей—и самое чувство голода.

Вокругъ Фета и Лермонтова, со взятой нами точки зрѣнія, группируется вся русская лирика: ея содержаніемъ является преимущественно либо реальный моментъ достигнутой гармоніи со всѣми сопутствующими ему мажорными тонами, либо реальный моментъ ея разрушенія со всѣми сопутствующими этому моменту минорными тонами. И то, и другое почти совершенно чуждо Огареву.

Его не вдохновляетъ на творчество то непосредственное ощущеніе душевной полноты, которое даютъ всѣмъ людямъ красота, любовь, природа, минута вдохновенія, и которое у Пушкина, у Фета, Майкова, Полонскаго, Ал. Толстого исторгаетъ чарующіе звуки. Но его не вдохновляетъ и оборотная сторона чувства: реальные диссонансы, живущіе въ душѣ или извнѣ вторгающіеся въ гармонію. Всѣ обычные мотивы этого порядка ему чужды, или звучатъ у него лишь изрѣдка и мимолетно: чужды ему жалобы на суетность, быстротечность и случайность явленій жизни, на неизбѣжность смерти, на судьбу, на разладъ разума и чувства и на раздвоеніе культурнаго человѣка, на

„людскихъ суетъ ничтожность“, на злобу и ложь людей, на муки и непостоянство любви. Его вдохновляетъ одно: чистое, лишенное всякихъ матеріальныхъ признаковъ стремленіе къ полнотѣ чувства; его поэзія даетъ намъ, если можно такъ выразиться, чистую форму духовнаго голода,—и мы сейчасъ увидимъ, какія безконечно-разнообразныя и сложныя ощущенія рождаетъ въ немъ этотъ на видъ однообразный мотивъ.

У Огарева есть одно необыкновенно-задушевное и музыкальное стихотвореніе, которое можно было бы назвать исторіей его сердца; вотъ оно:

„Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье,
Я помню слезы и любовь.
Шло время—ласки были рѣже
И высохъ слезъ потокъ живой,
И только оставались тѣ же
Желанье съ прежнею тоской.
Просило сердце впечатлѣній
И теплыхъ слезъ просило вновь,
И новыхъ ласкъ и вдохновеній,
Просило новую любовь.
Пришла пора—прошло желанье
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно“.

Вся его жизнь представляется ему непрерывной варіацией одного основного мотива, который онъ называетъ „желаніемъ“: въ юности—желаніе, легко находящее себѣ удовлетвореніе, потомъ желаніе, труднѣе осуществимое, но сохраняющее еще всю свою полноту и свѣжесть, и наконецъ—самая горестная пора, пора, когда желаніе ослабѣло. Этотъ мотивъ мы находимъ уже въ самомъ раннемъ его воспоминаніи: когда ребенкомъ онъ, бывало, лѣтней порою сиживалъ въ лѣсномъ гротѣ, то—

„смутнымъ помысломъ объятъ былъ дѣтскій умъ
Средь грезъ таинственныхъ и *робкаго желанья*“.

Что же такое это Огаревское желаніе, въ которомъ поэтъ видитъ единственную быль и суть своей жизни? Какъ оно возникаетъ и къ какой направлено цѣли?

Огаревъ неоднократно изображаетъ моментъ возникновенія „желанія“. Вотъ, въ ясный лѣтній вечеръ, онъ стоитъ на берегу пруда и смотритъ, какъ гаснетъ день, какъ загорается въ небѣ звѣзда, какъ ласточка стрѣлою несется надъ водой; и смутный

сонъ наполняетъ его душу,—ей грустно и легко, воспоминаніе воскрешаетъ предъ нею такую же картину въ прошломъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—и—

„все, что было,
Что сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда“.

Или, вотъ, онъ вечеромъ, усталый отъ дневныхъ заботъ и шума, ѣдетъ молча по тряской мостовой; на поворотѣ улицы онъ видитъ домъ — знакомый домъ! И сквозь окно онъ видитъ бѣлое платье, и чей-то медленно идущій образъ: онъ встрепенулся; „сердце билось сильно“. Но чаще всего „желаніе“ порождается въ немъ звуками музыки—внезапно вспомнившейся или случайно услышанной мелодіи. Схематически этотъ душевный процессъ можетъ быть изображенъ такимъ образомъ: среди будничнаго или подавленнаго настроенія какой-нибудь внѣшній возбудитель (картина природы, музыка, лицо незнакомки въ дилижансѣ, напоминающее когда-то милыя черты) воскрешаетъ въ немъ жажду упоенія, полноты чувствъ; онъ озирается—вокругъ нѣтъ ничего, что̀ могло бы утолить эту жажду; и вотъ онъ обращается мыслью назадъ („Назадъ влечетъ меня желанье“) и старается наполнить внутреннюю пустоту воспоминаніемъ о пережитыхъ раньше минутахъ блаженства. Эта естественная и знакомая каждому человѣку связь между „желаніемъ“ и воспоминаніемъ объясняетъ намъ, почему три четверти пьесъ Огарева — этого по преимуществу пѣвца „желанія“ — имѣютъ своимъ предметомъ воспоминаніе.

Въ дѣлѣ изученія человѣческой психики нѣтъ ничего болѣе поучительнаго, какъ наблюдать, какія именно черты прошлаго наиболѣе прочно удерживаются въ памяти человѣка, какія изъ нихъ сохраняютъ власть надъ его душой въ смыслѣ способности возбуждать въ ней радость или скорбь. Въ памяти двухъ человѣкъ, созерцавшихъ одну и ту же картину, запечатлѣются различныя ея черты, какъ доминирующія. Разумѣется, это различіе основано на несходствѣ первоначальнаго воспріятія, но въ образѣ воспоминанія разница выступитъ рѣзче, осязательнѣе, чѣмъ въ смутномъ еще, не расчлененномъ воспріятіи; и этотъ безсознательный отборъ, наблюдаемый въ воспоминаніи людей, является, быть можетъ, наилучшимъ средствомъ проникнуть въ тайники ихъ духовной жизни. Поэтому намъ необходимо остановиться на особенностяхъ памяти Огарева, играющей такую важную роль въ его психикѣ.

Неизмѣнная отличительная черта его воспоминанія состоитъ въ томъ, что оно почти безплотно, почти совершенно лишено конкретности. Онъ помнитъ только тѣ минуты, когда ему случалось переживать полный аккордъ чувства, и изъ содержанія этихъ минутъ онъ не помнитъ почти ничего, кромѣ самаго ощущенія душевной полноты; изъ конкретныхъ же чертъ такой картины прошлаго онъ вспоминаетъ лишь тотъ minimum, который какъ разъ необходимъ, чтобы образъ еще былъ способенъ воскресить въ немъ воспоминаніе о пережитой въ тотъ моментъ полнотѣ чувства. Онъ самъ подмѣтилъ въ себѣ эту черту; въ одномъ письмѣ къ Герцену онъ пишетъ: „Странно,—для того, чтобы хорошо писалось, мнѣ нужно ясно вспомнить какой-нибудь отъѣздъ, еще два-три мгновенія, *когда было такъ полно на душѣ*". Въ этомъ отношеніи онъ глубоко отличенъ отъ всѣхъ остальныхъ нашихъ лириковъ. Вотъ, напримѣръ, три пьесы трехъ поэтовъ, достаточно сходныя для сравненія: Пушкина—„Не пой, красавица, при мнѣ", Лермонтова—„Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю" и Огарева—„Дилижансъ". Сюжетъ во всѣхъ трехъ стихотвореніяхъ приблизительно тождественъ: внѣшній возбудитель во всѣхъ трехъ случаяхъ одинаковый — именно, женщина, какой-нибудь чертою напоминающая другую, когда-то любимую женщину, — воскрешаетъ въ душѣ поэта воспоминаніе о прошломъ. Пушкину черты и пѣсня новой знакомки напоминаютъ совершенно конкретную картину—„другую жизнь и берегъ дальній, и степь, и ночь, и *при лунѣ черты далекой бѣдной дѣвы*". Лермонтовъ любитъ въ ней *свое* прошлое *страданіе* и *свою погибшую* молодость; но и его воспоминаніе реально: „Въ твоихъ чертахъ ищу *черты* другія". Огаревъ, при встрѣчѣ въ дилижансѣ съ незнакомкой, живо напоминающей ему когда-то любимое лицо, вспоминаетъ *только* былую полноту чувства и находитъ отраду въ этомъ воспоминаніи:

„Сквозь тьму глядя на ликъ едва замѣтный,
Тревожно жизнь мою я повторялъ,
И снова былъ я молодъ, и привѣтно
Кругомъ съ улыбкой Божій міръ взпралъ,
И я любилъ такъ полно и глубоко—
О какъ же я былъ счастливъ въ этотъ часъ"!

Его первыя слова, послѣ того какъ онъ разглядѣлъ незнакомку въ полутьмѣ: „Какое сходство, Боже!"—Значитъ, здѣсь было сходство съ реальнымъ лицомъ; и тѣмъ не менѣе, онъ не вспоминаетъ ни то лицо, ни вообще какую-нибудь деталь конкретной картины прошлаго: онъ вспоминаетъ только, какъ „любилъ полно

и глубоко". Любопытно отмѣтить, что въ зрѣлые годы Огаревъ отличался чрезвычайной слабостью памяти; онъ пишетъ въ одномъ письмѣ: „Память меня пуще всего оскорбляетъ, Герценъ. Я бы даже готовъ употребить медицинскія или діэтетическія средства для исправленія ея".

Мы могли бы безъ труда продолжить это сравнительное изученіе свойствъ памяти; почвою для сравненія можетъ служить всякій изъ излюбленныхъ поэтами лирическихъ мотивовъ, какъ, напримѣръ, воспоминаніе объ умершемъ, посѣщеніе возмужалымъ человѣкомъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ жилъ въ дѣтствѣ или юности („Вновь я посѣтилъ" Пушкина, „Запустѣніе" Баратынскаго, „Итакъ, опять увидѣлся я съ вами" Тютчева, „Nocturno" Огарева), и т. п. Для нашей ближайшей цѣли однако, думается, достаточно и сказаннаго; при чтеніи стихотвореній Огарева можно на каждомъ шагу видѣть, что конкретныя черты прошлаго въ его воспоминаніи совершенно стерты. Картина прошлаго для Огарева—только символъ пережитого когда-то упоенія. Насколько безплотно вдохновляющее его воспоминаніе, можно видѣть и изъ того, что оно съ успѣхомъ замѣняется у него иногда другими стимулами, уже по существу лишенными всякой реальности: впечатлѣніемъ отъ музыки или мечтою. Онъ вспомнилъ когда-то слышанный вальсъ; эти звуки не связаны для него ни съ какой опредѣленной картиной, и тѣмъ не менѣе они глубоко волнуютъ его:

„Не будитъ онъ въ воспоминаньи
Ни томный блескъ лазурныхъ глазъ,
Ни часъ блаженнаго свиданья
Или разлуки скорбный часъ.

Но страннымъ половъ онъ томленьемъ,
Но имъ душа увлечена,
И въ даль съ мучительнымъ стремленьемъ
За нимъ уносится она".

Очевидно, его вдохновляетъ всякій возбудитель, способный воскресить въ немъ желаніе, жажду душевной полноты. Этимъ возбудителемъ можетъ быть и греза. Таково одно изъ лучшихъ его стихотвореній — „Фантазія". Вечеръ; печальный полусвѣтъ свѣчи бродитъ по стѣнамъ; онъ отодвинулъ книгу,—душа бѣжитъ учености сухой; онъ жаждетъ роскошныхъ наслажденій, сновидѣній наяву. И вотъ, какая-то мелодія то робко, то мятежно звучитъ въ ночи; онъ полонъ музыки, онъ весь трясется въ нѣжной мелодіи. Ему грезится легкій челнъ, который, ка-

чаясь, влечетъ его по рѣчной глади; съ береговъ благоухаютъ цвѣты, шелеститъ прибрежный тростникъ и луна сіяетъ. Предъ нимъ во мглѣ лежитъ Верона; онъ слышитъ съ балкона голосъ Джульеты: страстный ребенокъ, она—вся любовь; вотъ поетъ Десдемона, и пѣснь ея такъ мечтательно-грустна!... Онъ счастливъ, онъ блаженствуетъ душой: „душа полна любви, полна желаній". — Легко видѣть, что конкретныя черты этой грезы, во-первыхъ, едва намѣчены, во-вторыхъ—цѣнны для поэта не сами по себѣ, а какъ символы душевной полноты; именно поэтому выбраны Джульета и Десдемона. Обѣ отмѣченныя сейчасъ особенности и характеризуютъ неизмѣнно каждое воспоминаніе Огарева. Предметъ его воспоминанія—не опредѣленная картина или лицо, даже не то опредѣленное чувство, которое онъ испытывалъ въ тѣхъ условіяхъ, а только пережитая имъ тогда полнота чувства; это—та греза, о которой говоритъ однажды Мюссé:

„ce rêve enchanté,
Qui ne preud de vérité
Que ce qu'il faut pour faire aimer la vie".

Мало того: такъ какъ самое чувство, давшее ему тогда, въ прошломъ, минуту упоенія (напримѣръ, любовь къ такой-то женщинѣ, восторгъ, вызванный такой-то картиною), въ моментъ припоминанія уже мертво, то всѣ конкретныя черты той картины представляются ему безжизненными; онъ смотритъ на нихъ, говоря словами Тютчева, „какъ души смотрятъ съ высоты на ими брошенное тѣло". Этотъ мотивъ, изрѣдка звучащій и у другихъ нашихъ поэтовъ (напомню хотя бы элегію Пушкина на смерть г-жи Ризничъ: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной"), повторяется у Огарева неминуемо каждый разъ, когда ему случается говорить о матеріальной обстановкѣ его минувшихъ лѣтъ. Онъ входитъ въ домъ, гдѣ пережилъ со своимъ другомъ лучшіе дни дѣтства,—и ему становится страшно:

„Дрожалъ я,
На кладбищѣ я будто стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ".

Еще ярче выражено это чувство въ стихотвореніи „Nocturno": поэтъ посѣтилъ свой деревенскій домъ и ночью ходитъ по темной залѣ, гдѣ на него смотрятъ со стѣнъ освѣщенные луною знакомые портреты:

„Я ждалъ знакомыхъ мертвецовъ—
Не встанутъ ли вдругъ кости,

Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся ли въ гости?..
И страшенъ былъ пустой мнѣ домъ,
Гдѣ шагъ мой раздавался.
И робко я внималъ кругомъ,
И робко озирался.
Тоска и страхъ сжимали грудь
Среди безсонной ночи,
И вовсе я не могъ сомкнуть
Встревоженныя очи".

Эта омертвѣлость прошлаго—одно изъ самыхъ скорбныхъ и оскорбительныхъ чувствъ, какія дано испытывать человѣку,— притомъ, одно изъ самыхъ сложныхъ. Странное дѣло! Ежедневный опытъ тысячелѣтій, ежеминутное зрѣлище бренности всего земного, преходимости не только всякой вещи, но и всякаго чувства, не заставило человѣка отказаться ни отъ желанія увѣковѣчить минуту счастія и свое собственное чувство, ни отъ порождаемой этимъ желаніемъ готовности въ минуту счастія вѣрить въ непреходимость обоихъ. И вотъ, сознаніе омертвѣлости собственнаго чувства, когда-то живого и сильнаго, разрушаетъ эту иллюзію и говоритъ человѣку: не только внѣ тебя, но и въ тебѣ самомъ все бренно. Огаревъ хорошо зналъ это обидно-мучительное чувство:

„Не правда-ль, страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что́ мило?
Еще страшнѣй сказать себѣ,
Что все проходитъ непремѣнно,
Что въ человѣческой судьбѣ
Такъ надо, такъ обыкновенно"...

Здѣсь есть еще и другая обида: чувствуешь себя оскорбленнымъ за того человѣка, котораго когда-то любилъ и которому измѣнилъ въ душѣ. Это чувство трогательно выразилъ Надсонъ въ стихотвореніи, посвященномъ памяти его умершей возлюбленной; зналъ это чувство и Огаревъ:

„Люблю ли я людей, которыхъ больше нѣтъ,
Чья жизнь истлѣла здѣсь въ тиши досужной?
Но въ памяти моей давно остылъ ихъ слѣдъ,
Какъ слѣдъ любви случайной и ненужной.
А все-же здѣсь меня преслѣдуетъ тоска—
Припадокъ безъименнаго недуга,
Все будто предо мной могильная доска
Какого-то отвергнутаго друга".

Но всего мучительнѣе въ этомъ сознаніи омертвѣлости прошлаго—порождаемый имъ въ человѣкѣ страхъ за его собственную будущность. Добро бы исчезли только всѣ внѣшнія условія былого упоенія; но умерло и мое собственное чувство; сердце пусто: гдѣ ручательство, что оно еще способно наполняться? Не утратилъ ли я безвозвратно свѣжесть и энергію чувства, способность къ восторгу и самозабвенію? Охваченный безумной жаждой любви и женской ласки, не находя отвѣта своему желанію, Огаревъ обращается мыслью къ прошлому:—

„Но прошлаго ничто не воскреситъ!
Замолкшій звукъ опять звучать не можетъ
И память только онъ гнететъ или тревожитъ.
И страхъ беретъ, что чувство схоронилось;
По немъ въ душѣ печально, холодно,
Какъ въ домѣ, гдѣ утрата совершилась:
Хозяинъ умеръ—пусто и темно.

Въ безсонную ночь онъ мыслью перебираетъ прошлое: предъ нимъ мелькаютъ прежнія лица, картины прежнихъ лѣтъ, но онъ холодно глядитъ на эти видѣнія: въ немъ нѣтъ прежняго чувства, онъ тщетно силится будить въ своей душѣ, „что жило въ ней такъ сладко иль тревожно"; восторгъ и муки минувшихъ дней кажутся ему или смѣшными, или ложными. И его охватываетъ страхъ, что грядущее не дастъ ему замѣны ихъ,—

„И слезы горькія, текущія съ ланитъ,
Уста глотаютъ съ горькою улыбкой"...

Или, вотъ, онъ встрѣтилъ въ обществѣ даму, живо напомнившую ему ту, которую онъ когда-то любилъ:

„Улыбки кроткой безмятежность
И взора вкрадчивая нѣжность
Напоминала мнѣ тотъ ликъ,
Который я любить привыкъ
Когда-то, въ молодые годы,
Въ дни поэтической свободы.
Мнѣ было весело, и вдругъ
Мной страшный овладѣлъ недугъ;
Я чувствовалъ, что жизни сила,
Что сердца жизнь во мнѣ остыла,
Что сердце выдохлось давно,
Какъ незамкнутое вино".

Такъ воспоминаніе для Огарева—чаша, въ которой сладость смѣшана съ горечью. Въ минуту сердечной пустоты оно воскрешаетъ предъ нимъ былое блаженство и тѣмъ услаждаетъ его жизнь; но сколько горечи въ этой усладѣ! И всѣ эти ощущенія—

печаль и радость, тревоги и надежды—все порождается однимъ верховнымъ чувствомъ: жаждою душевной полноты.

II.

То состояніе души, о которомъ мы говоримъ здѣсь, сплетено изъ столь тонкихъ нитей, столь сложно и неуловимо, что не только анализъ, но и самое описаніе его представляетъ величайшія трудности. Уже юношей Лермонтовъ зналъ, что „нѣтъ звуковъ у людей, довольно сильныхъ, чтобъ изобразить желаніе блаженства“. Сами поэты говорятъ о немъ всегда въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и даже ясный Пушкинъ называетъ его: „смутное влеченье чего-то жаждущей души“; но они всѣ говорятъ о немъ. Кто склоненъ видѣть въ признаніяхъ истиннаго поэта нѣчто большее, чѣмъ плоды игривой фантазіи или метафоры для украшенія рѣчи, кто видитъ въ нихъ, напротивъ, драгоцѣнныя свидѣтельства о неизслѣдованныхъ еще наукою глубинахъ человѣческаго духа, плоды геніальной интуиціи, тотъ не можетъ не остановиться съ глубокимъ вниманіемъ на вопросѣ о природѣ этого смутнаго стремленія.

Какъ это ни странно—точнѣе всего оно можетъ быть очерчено терминами Платоновской философіи. Платонъ учитъ, что душа до рожденія ея въ тѣлѣ обитаетъ въ мірѣ непреходящихъ сущностей; тамъ она созерцаетъ чистые образы, забываемые ею въ моментъ рожденія. Всякое знаніе человѣка, выражающееся въ понятіяхъ, есть не что̀ иное, какъ воспоминаніе души о видѣнныхъ ею когда-то о̀бразахъ. И вотъ, когда въ земной своей жизни душа, вникая въ понятія, вспоминаетъ свое первичное созерцаніе, ею овладѣваетъ жгучая тоска по ея небесной родинѣ, по тому міру неизмѣнныхъ идей, въ которомъ она жила нѣкогда и въ который должна вернуться; эту тоску Платонъ называетъ любовью, эросомъ. Перечитывая нашихъ великихъ лириковъ, можно подумать, что они всѣ изучали Платона и усвоили это его ученіе объ эросѣ.

Въ душѣ всякаго истиннаго поэта живетъ нѣкое представленіе о гармоніи бытія, властно руководящее имъ, окрашивающее всѣ его созерцанія и являющееся для него постояннымъ мѣриломъ цѣнностей. Это геніально выразилъ Лермонтовъ въ своемъ стихотвореніи „Ангелъ“: звукъ пѣсни, которую пѣлъ ангелъ, неся молодую душу на землю, остается въ душѣ „безъ словъ, но живой“, и она томится на свѣтѣ, потому что скучныя пѣсни

земли не могутъ замѣнить ей тѣхъ небесныхъ звуковъ. Все творчество поэта представляетъ какъ бы непрерывное усиліе припомнить забытыя слова небесной пѣсни. Когда Лермонтовъ хочетъ подвести итогъ своимъ отношеніямъ къ жизни, онъ не находитъ болѣе точнаго слова, какъ „обманъ" („за все, чѣмъ я *обмануть* въ жизни былъ"). Какое чудовищное слово! Его обманули—значитъ, ему было обѣщано что-то другое? Кто же обѣщалъ ему, что на землѣ можно любить вѣчно, что страсть не будетъ исчезать при словѣ разсудка, что она не будетъ приносить съ собою тайнаго мученья, что враги не будутъ мстить и друзья клеветать, что въ слезахъ не будетъ горечи и въ поцѣлуѣ—отравы? Всѣ эти несовершенства существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣкъ; онъ не могъ ждать ничего другого. Почему же онъ видитъ въ нихъ обманъ, и почему не кажутся ему обманомъ смѣна лѣта унылой осенью, увяданіе прелестнаго цвѣтка, разрушительная буря? Или дѣйствительно мы должны думать вслѣдъ за Платономъ, что душа его когда-то созерцала міръ, гдѣ любовь вѣчна, приноситъ только блаженство и не исчезаетъ при словѣ разсудка, гдѣ нѣтъ ни злобы, ни клеветы, ни слезъ?—Мы знаемъ одно: что Лермонтову было присуще какое-то высокое представленіе о мірѣ, которое служило ему мѣриломъ земныхъ вещей; что оно было для него болѣе несомнѣнно, чѣмъ самыя эти вещи; что оно было для него нормою. Онъ не только желалъ, чтобы жизнь соотвѣтствовала этой нормѣ, но твердо зналъ, что жизнь должна соотвѣтствовать ей,—и, видя противоположное, ни разу не подумалъ, что норма ошибочна: нѣтъ, онъ только заключалъ, что міръ обманулъ его.

Еслибы эта норма, живущая въ душѣ поэтовъ, была только мечтою, она не имѣла бы никакой цѣнности. Но какъ, по ученію Платона, тѣ чистые ѳбразы, которые душа созерцала до рожденія,—не что̀ иное, какъ непреходящія сущности вещей, находимыхъ ею потомъ на землѣ, такъ и полусознательное представленіе поэта о гармоніи бытія обладаетъ высшей реальностью, ибо оно всецѣло построено изъ реальныхъ *потенцій* этой гармоніи, которыя лежатъ въ глубинѣ вещей, еще слѣпыя и связанныя, но которыя, какъ созрѣвшій въ скорлупѣ птенецъ, когда-нибудь выйдутъ наружу. Еще незримыя простому глазу, онѣ видны художнику и его устами говорятъ о своей жаждѣ жить.

Изъ этой мечты о гармоническомъ строѣ бытія рождается тоска поэтовъ и то смутное, но непобѣдимое стремленіе души, котораго не чуждъ ни одинъ поэтъ и которое по преимуществу, кажется, характеризуетъ русскую поэзію. По крайней мѣрѣ, ни

въ одной литературѣ міра оно не выражается такъ часто, въ столь обнаженномъ видѣ и такъ настойчиво, какъ въ нашей лирикѣ; оно составляетъ главный нервъ поэзіи Лермонтова, Фета, Баратынскаго, Ал. Толстого, не говоря уже объ Огаревѣ. Поразительно, что у всѣхъ у нихъ тоска носитъ характеръ настоящей носталгіи: всѣ они безпрестанно, съ глубокой грустью и вѣрою, говорятъ о своей небесной родинѣ.

Эта мечта объективно неосуществима: поэтъ не властенъ водворить гармонію въ мірѣ. Но она осуществима субъективно. Духъ человѣческій—микрокосмъ: онъ потому только ощущаетъ болѣзненно диссонансы бытія, что они звучатъ въ немъ самомъ; но есть минуты беззавѣтнаго упоенія, совершенной полноты души, когда въ ней умолкаютъ всѣ диссонансы и водворяется на мигъ ненарушимая гармонія. Въ этихъ минутахъ—счастіе поэта, именно онѣ—цѣль его „желанія", ибо онѣ даютъ душѣ глубоко-интимное ощущеніе осуществленной гармоніи всего бытія. Каждый поэтъ могъ бы сказать о себѣ словами Тютчева:

„О, небо, еслибы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы—и погасъ"!

Вотъ почему поэты всегда связываютъ свое стремленіе къ счастію со своей тоскою по міровой гармоніи или по своей небесной родинѣ: „Намъ памятно небо родное",—говоритъ Баратынскій;—„въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему стремимся неяснымъ желаньемъ". И вотъ почему любовь, точнѣе—половая любовь, играетъ въ лирикѣ первенствующую роль: не одна она, но она всего чаще и полнѣе даетъ человѣку то упоеніе, которое ощущается имъ, какъ прообразъ міровой гармоніи. „Ты спрашиваешь, что̀ есть любовь?"—говоритъ Шелли.—„Это—могучее влеченіе ко всему, что̀ мы рисуемъ себѣ, или чего трепещемъ, или на что надѣемся—внѣ насъ самихъ, когда въ сферѣ собственной нашей мысли мы ощущаемъ пустоту и стремимся соединить окружающій насъ міръ гармонической связью съ нашими чувствами". Еще яснѣе эту неразрывную связь между любовью къ женщинѣ и мечтою о блаженствѣ гармоніи вскрываетъ монологъ Донъ-Жуана у Ал. Толстого:

„Я въ ней (въ любви) искалъ не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединивъ,
Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ;
Она меня роднила со вселенной,—
Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,

Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину.
Черезъ нее я понималъ ужъ смутно
Чудесный строй законовъ бытія,
Явленій всѣхъ сокрытое начало.
Я понималъ, что всѣ ея лучи,
Раскинутые врозь по мірозданью,
Въ другомъ я сердцѣ вмѣстѣ-бъ съединилъ,
Сосредоточилъ бы ихъ блескъ блудящій
И сжатымъ свѣтомъ ярко-бъ озарилъ
Моей души неясныя стремленья"!

И съ полной ясностью, не оставляющей мѣста сомнѣніямъ, выражаетъ то же Лермонтовъ:

„Есть рай небесный—звѣзды говорятъ;
Но гдѣ-же? вотъ вопросъ—и въ немъ-то ядъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія".

Жажда этой полноты чувства, коренящаяся въ тоскѣ по гармоніи жизни, и составляетъ основной сюжетъ поэзіи Огарева.

Онъ несомнѣнно исходитъ изъ какого-то идеала гармоніи, который неизмѣнно служитъ ему мѣриломъ правды и красоты. Онъ рисуетъ его, какъ и всѣ поэты, лишь общими и, притомъ, преимущественно отрицательными чертами. Исторія человѣчества кажется ему тяжелымъ кошмаромъ, гдѣ—

„Фигуры дикія, тяжелаго томленья
И злобы полныя, враждуя межъ собой,
Въ безвыходной и безконечной схваткѣ
Волнуются, кричатъ и гибнутъ въ безпорядкѣ".

И онъ, какъ Лермонтовъ, видитъ кругомъ оковы, вражду, суетность и пошлость:

„Въ юдоли шумной,
Гдѣ люди бѣсятся и мрутъ,
Найдется-ль гдѣ-нибудь пріютъ
Свободно-мирный и разумный,
Гдѣ жизнь, свѣтла и глубока,
Какъ величавая рѣка,
Могла-бъ путемъ не своенравнымъ
Широко течь въ движеньи плавномъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ пріюта нѣтъ!
И всюду рабства тощій бредъ"!

И онъ скорбитъ о томъ, что „духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей долѣ", что человѣкъ осужденъ жить въ заблужденіи и „тщетно рваться изъ тюрьмы взглянуть на Божій свѣтъ изъ тьмы". Въ своей трогательной „Молитвѣ" онъ молитъ „святое Бытіе":

„Дай силу мнѣ трепещущей рукой
Хоть край поднять нѣмого покрывала,
На истину надѣтаго тобой,
Чтобы душа, смиряясь, созерцала
Величіе предвѣчнаго начала“.

Подобно Лермонтову, и онъ жалуется на то, что „чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ“, что жизнь и мысль разрушаютъ блаженный сонъ. Наконецъ, и онъ носитъ въ своей душѣ образъ своей небесной родины:

„Вы, звѣзды въ дальней вышинѣ,
Вы, спутники печальной жизни,
Во мракѣ зла вы мнѣ однѣ
Моей заоблачной отчизны
Напоминаете края“.

И вотъ, изъ этой мечты о гармоніи души и гармоніи міра въ немъ, какъ и въ каждомъ поэтѣ, рождается жажда той полноты чувства, которая на мгновеніе осуществляетъ въ микрокосмѣ-душѣ гармонію бытія. Ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не выразилъ этой жажды такъ чисто и полно; все творчество Огарева— сплошной культъ полнаго аккорда чувствъ, сплошной гимнъ стремленія къ нему.

III.

Мигъ упоенія, минута той полноты чувства, которая заставляетъ человѣка забыть „небо, вѣчность, землю, самого себя“: вотъ единая цѣнность, высшее благо, какое знаетъ Огаревъ въ человѣческой жизни. Блаженъ на его взглядъ тотъ, кто разъ былъ взволнованъ до слезъ—все равно, любовью, состраданіемъ или видомъ красоты; блаженны Ромео и Джульета, которые „въ утрѣ дней въ послѣднемъ замерли лобзаньи“. И, напротивъ, проклясть бы могъ свою судьбу—

„Кто въ отупѣньи забывалъ
Пролить надъ милымъ прахомъ слезы,
Кто ликованій и пировъ
Не зналъ на жизненномъ просторѣ,
Не вѣдалъ сладкой грусти сновъ,
А зналъ одно сухое горе“.

Онъ самъ, какъ мы видѣли, всю жизнь жаждалъ этой полноты. Ее давала ему, конечно, прежде всего любовь, и потому его сердце такъ часто проситъ любви,—

„Любви взаимной, вѣчной и святой,
Которую ни время не уноситъ,
Ни губитъ свѣтъ мертвящей суетой“.

Онъ ищетъ въ любви не чувственныхъ утѣхъ, а самозабвенія („любилъ любовь“, оговаривается онъ однажды); онъ говоритъ: „жизнь въ любви—блаженный сонъ, друзья мои“. Но не одна любовь даетъ ему душевную полноту:

„Печаленъ я теперь; но вдругъ, шипучей влагой
Иль улицы движеньемъ увлеченъ,
Я полонъ становлюсь разгульною отвагой
И въ эту жизнь младенчески влюбленъ“.

Еще чаще такое дѣйствіе производитъ на него музыка; наконецъ, до извѣстной степени полноту чувства даетъ ему самая жажда ея и воскрешаемое этой жаждой воспоминаніе о пережитыхъ раньше минутахъ упоенія.

Эта жажда по самой природѣ своей ненасытна, ибо она равносильна стремленію ощутить въ собственномъ сердцѣ всю полноту бытія. Дѣйствительно, самъ Огаревъ формулируетъ ее такъ:

„Чего хочу?.. чего?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу“!

Такое сердце никогда не можетъ быть удовлетворено. Это неутолимое желаніе указываетъ на присутствіе въ душѣ человѣка огромнаго излишка непоглощенной жизнью энергіи, которая упорно ищетъ выхода и, не находя его, бурлитъ и мучительно перегораетъ внутри. У Огарева есть знаменательное стихотвореніе: „Много грусти“; оно показываетъ, что и въ самый моментъ полноты чувства въ его душѣ еще оставался излишекъ энергіи, результатомъ чего неизбѣжно являлась грусть:

„А я и молодъ, жизнь моя полна,
На радость мнѣ любовь дана отъ Бога.
И пѣснь моя на радость мнѣ дана,
Но въ этой радости какъ грусти много“!

Но тотъ же неизрасходованный избытокъ чувства естественно долженъ давать поэту внутреннее ощущеніе силы. Таково именно самосознаніе Огарева, сближающее его съ Лермонтовымъ. Боль-

шая ошибка—изображать Огарева слабымъ и покорнымъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ; напротивъ, спокойное мужество и внутренняя стойкость характеризуютъ его міровоззрѣніе, въ нихъ—источникъ его трогательной кротости. Подъ самыми тяжелыми ударами судьбы онъ не падаетъ духомъ: „Моя судьба во мнѣ", говоритъ онъ; и кто не помнитъ отъ школьныхъ лѣтъ его „Путника", кончающагося этими чудесными словами:

„Не страшися, путникъ мой,
На землѣ все битва;
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила да молитва".

Таковъ онъ самъ. Онъ многократно говоритъ о томъ, что, наперекоръ судьбѣ и внутренней мукѣ, въ его душѣ жива могучая сила; въ самые смутные часы разлада съ людьми и съ самимъ собою онъ ощущаетъ въ себѣ какую-то благодатную тишину:

„Такъ солнце бурною порой
Спокойно свѣтитъ изъ-за тучи".

Въ „Юморѣ" онъ яснѣе всего говоритъ объ этомъ:

„Не все, не все, о, Боже, нѣтъ!
Не все въ душѣ тоска сгубила.
На днѣ ея есть тихій свѣтъ,
На днѣ ея еще есть сила.
Я тайной вѣрою согрѣтъ,
И что бы жизнь мнѣ ни сулила,
Спокойно я взгляну вокругъ—
И ясенъ взоръ, и свѣтелъ духъ"!

Внутренняя энергія Лермонтова бурна и мятежна, и потому она порождаетъ въ немъ страстную ненависть противъ враждебныхъ условій; сила Огарева болѣе просвѣтлена, она—тихій свѣтъ, и плодъ ея—мужественная кротость и прощеніе:

„Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?. Смиренье въ душу вложимъ
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ".

Какимъ покоемъ сознающей себя и увѣренной въ себѣ силы дышетъ „Совершеннолѣтіе"!

„Спокойно вижу я годовъ минувшихъ даль,
Грядущее встрѣчаю безъ волненья,
И нѣтъ раскаянья, и прошлаго не жаль,
Нѣтъ передъ тѣмъ, что будетъ, опасенья.
. . . .
Съ ошибкой дѣтскою раздѣлаться я радъ
И веселѣй встрѣчаю горечь истинъ.

Чѣмъ малодушіе мечтательныхъ отрадъ:
Я въ дѣлѣ счастья гордъ и безкорыстенъ.

. . . .

Пусть иногда тоска тѣснитъ мнѣ жизнь мою
И я шепчу проклятья или пени,
Но сердцемъ молодъ я. Еще я жизнь люблю,
Люблю я видѣть синей ночи тѣни
И мирный проблескъ дня: люблю внимать средь лѣни
Волны плесканіе, лѣсовъ зеленыхъ шумъ,
Съ восторгомъ предаюсь работѣ ясной думъ,
И все, что живо полюбилъ когда-то—
Осталось мнѣ на вѣкъ и сладостно, и свято".

Это мужество сопровождало его всю жизнь, дало ему силу перенести тяжелыя испытанія, какія рѣдко выпадаютъ на долю человѣка, и послѣ крушенія всѣхъ надеждъ, послѣ утраты богатства, семейнаго счастья, здоровья, не только спасло его отъ отчаянія, но и позволило ему съ юношеской бодростью стать въ ряды борцовъ за любовь и правду. Вторая половина его жизни была вся отдана посильному служенію той мечтѣ о гармоніи бытія, которая въ первую половину манила его миражемъ личнаго упоенія. Между ними нѣтъ раскола: онѣ—два проявленія одной духовной стихіи.

IV.

Читатель, знакомый съ духовнымъ обликомъ Огарева 30-хъ—40-хъ годовъ по его напечатаннымъ письмамъ, будетъ, конечно, очень удивленъ, раскрывъ сборникъ его стихотвореній. На первый взглядъ трудно повѣрить, что авторъ тѣхъ писемъ, доходящій въ анализѣ гегелевскихъ идей и собственныхъ ощущеній до того, что нѣмцы мѣтко называютъ Haarspalterei, страдающій неизлечимой рефлексіей, и авторъ этихъ стихотвореній—одинъ и тотъ же человѣкъ. Здѣсь нѣтъ и тѣни рефлексіи: удивительная непосредственность и цѣльность чувства идутъ рука объ руку съ рѣдкой искренностью и простотою его выраженія. Онъ никогда не анализируетъ своего чувства и не вноситъ въ него никакихъ постороннихъ примѣсей. Его творческій процессъ можно изобразить такимъ образомъ: разъ ощущеніе возникло въ немъ, онъ бережно даетъ ему созрѣть, дойти до полнаго насыщенія—и затѣмъ въ нетронутомъ видѣ переноситъ его на бумагу. Его и внѣ себя неодолимо привлекаетъ всякое насыщенное чувство: таковы почти всѣ его повѣствовательныя стихотворенія, какъ „Деревенскій сторожъ", „Забыто", „Африка", и др. Порази-

тельна въ особенности чуткость его внутренняго слуха: онъ дѣйствительно слышитъ, „какъ сердце цвѣтетъ“. Не менѣе поразительна въ немъ и та, если угодно, техническая способность, безъ которой вообще невозможно лирическое творчество: не потеряться въ вихрѣ стремительно-несущихся ощущеній, съумѣть во-время обрѣзать безчисленныя нити, идущія отъ центральнаго чувства во всѣ стороны, и вылущить это чувство такъ, чтобы оно было и цѣльно, и лишено грубо-точныхъ границъ, наконецъ задержать его передъ сознаніемъ такъ долго, чтобы успѣть срисовать его точной фразою, тогда какъ оно по природѣ своей текуче и неуловимо,—этимъ даромъ Огаревъ владѣетъ въ рѣдкой степени.

Грусть—естественный результатъ неосуществимаго стремленія—составляетъ основную ноту его поэзіи; отсюда ея трогательная нѣжность, ея задушевность, ея женственно-мягкій, меланхолическій колоритъ,—та „задумчивая прелесть“ ея, которая очаровала гурмана эстетики, В. Боткина. Ни одной рѣзкой черты, ни одной чрезмѣрно-яркой краски; читая его стихи, такъ и кажется, что слышишь одну изъ тѣхъ тихихъ мелодій, которыя, говорятъ, любилъ импровизировать Огаревъ на роялѣ, одинъ, въ сумерки, въ своемъ акшенскомъ уединеніи. Иногда его стихотвореніе дѣйствительно точно готово перейти въ музыку. Энергія выраженія отнюдь не чужда ему: „Африка“, „Напутствіе“, „Отступницѣ“ и нѣкоторыя другія стихотворенія написаны такимъ кованнымъ, страстно-сжатымъ стихомъ, какимъ послѣ Лермонтова не писалъ у насъ никто. Но собственно въ лирическихъ пьесахъ преобладаетъ стихъ необыкновенно мягкій, лишенный всякаго усилія и всякаго разсчета на эффектъ, простой, какъ обыденная фраза, и вмѣстѣ чарующій. Его риѳма никогда не мечется въ глаза,—напротивъ, иногда она такъ „спрятана“, что при первомъ чтеніи стихотвореніе кажется написаннымъ бѣлыми стихами. Эта простота внѣшней отдѣлки часто переходитъ у него въ небрежность, но зато охраняетъ его отъ натянутости, отъ искусственности. Рѣдко можно найти поэта, который такъ старательно избѣгалъ бы красивыхъ оборотовъ, антитезъ, оригинальныхъ сравненій, эффектныхъ образовъ; ни обширныя знанія, ни тонкій аналитическій умъ Огарева ни разу не выступаютъ наружу въ его лирикѣ. У нѣмцевъ есть пословица, что человѣкъ нагишомъ торчитъ въ своемъ платьѣ; такъ и сердце человѣческое остается голымъ въ пышныхъ одеждахъ ума и знаній.

Поэзія Огарева, при указанныхъ выше основныхъ ея свойствахъ, естественно, въ высшей степени субъективна; ея веще-

ственный грузъ ничтоженъ: это въ строгомъ смыслѣ слова— поэзія сердца, безплотная почти какъ музыка. Она не показываетъ въ яркомъ свѣтѣ матеріальную дѣйствительность, но лишь позволяетъ угадывать ее, какъ мы сквозь легкій утренній туманъ еще различаемъ очертанія лѣса и горъ. Но, будучи лишена конкретности, она реальна какъ жизнь, — или нѣтъ, реальнѣе той жизни, которую мы видимъ каждый день, потому что только здѣсь, въ глубокой интуиціи поэта, возстановляются единство и цѣльность бытія, доступнаго нашему взору лишь въ разрозненныхъ частяхъ. Василій Боткинъ говоритъ, что тотъ, кто ищетъ въ поэзіи только идей и образовъ, — не найдетъ для себя пищи въ стихотвореніяхъ Огарева. И точно: Огареву чужда та волшебная сила прозрѣнія, благодаря которой великіе художники вскрываютъ предъ нами глубокія противорѣчія жизни и еще болѣе глубокіе разлады человѣческаго духа; онъ не умѣетъ также охватывать однимъ взглядомъ огромныя пространства дѣйствительности и воплощать ихъ сущность въ органически-цѣльные образы. Но оттого его языкъ не менѣе „съ волей небесною друженъ". Если правъ современный намъ поэтъ, говоря, что только одно чуждо тлѣнья на землѣ: „тоска неясная о чемъ-то неземномъ, куда-то смутныя стремленья", то поэзія Огарева не можетъ быть забыта. Тотъ страстный порывъ къ вѣчной красотѣ, который она воплотила въ чистѣйшей формѣ, есть незримый, въ глубинѣ сердца таящійся источникъ всякаго *сознательнаго* стремленія къ добру и правдѣ; изъ него, какъ изъ живой протоплазмы, родятся, никогда не исчерпывая его, наши временные идеалы, общественные и личные, жажда общаго блага и жажда личнаго счастія—его равно законныя, но не равно цѣнныя ипостаси. Огаревъ раскрылъ его въ одномъ изъ высшихъ его проявленій—въ формѣ стремленія къ гармоніи личнаго чувства; бо́льшаго—лирика и не можетъ дать.

М. Гершензонъ.

НОВѢЙШІЕ ИДЕАЛИСТЫ

Извѣстно, что модныя умственныя теченія и направленія смѣняются у насъ довольно быстро: недавно еще въ литературѣ и журналистикѣ велись безконечные споры объ „экономическомъ матеріализмѣ“, который считался послѣднимъ словомъ прогрессивной соціальной мысли, а теперь все болѣе входитъ въ моду отвлеченный философскій идеализмъ, въ духѣ нѣмецкой метафизики. Бывшіе марксисты заговорили на особомъ философскомъ жаргонѣ; они разсуждаютъ не иначе какъ „гносеологически“ и „субстанціонально“, спорятъ о гедонизмѣ и ницшеанствѣ, ссылаются на авторитеты Лейбница и Канта, удивляя читателей мудреными терминами и формулами.

Цѣлый рядъ молодыхъ ученыхъ — юристовъ, экономистовъ, соціологовъ и философовъ — выступилъ съ своими идеалистическими professions de foi въ спеціальномъ сборникѣ, изданномъ въ Москвѣ подъ заглавіемъ „Проблемы идеализма“; и ничего нельзя было бы сказать противъ такого возрожденія метафизики, еслибы рѣчь шла только объ отвлеченныхъ вопросахъ философіи и этики. Но новѣйшіе проповѣдники идеализма берутся мимоходомъ рѣшать проблемы общественныя и народно-хозяйственныя, или категорически объявляютъ ихъ рѣшенными въ извѣстномъ смыслѣ, соотвѣтственно своимъ понятіямъ и симпатіямъ. Одинъ изъ участниковъ московскаго сборника, г. Н. Бердяевъ, устанавливая общіе принципы „новой“ доктрины,—заимствованные у Канта и Владиміра Соловьева, — ставитъ ихъ въ связь съ прогрессивными общественными стремленіями и идеалами. „Можно ли — спрашиваетъ онъ — примирить внутреннее самоопредѣленіе личности, ея нравственную свободу и признаніе за

нею абсолютной цѣнности—съ внѣшнимъ гнетомъ, съ эксплоатацiею ея другими людьми и цѣлыми группами, съ поруганiемъ ея человѣческаго достоинства общественными учрежденiями? Могутъ ли тѣ люди и тѣ группы, которые, наконецъ, сознали въ себѣ достоинство человѣка и неотъемлемыя „естественныя" права своей личности,—терпѣть насилiе и безправiе? На эти вопросы —говоритъ далѣе тотъ же авторъ—не можетъ быть двухъ отвѣтовъ; тутъ всякое колебанiе было бы позорно... Этика ясно и опредѣленно требуетъ осуществленiя „естественнаго права" человѣческой личности и не допускаетъ въ этомъ отношенiи никакихъ компромиссовъ...; вмѣстѣ съ тѣмъ этика безусловно осуждаетъ классовые антагонизмы, какъ важнѣйшее препятствiе для развитiя человѣка". Указывая на современную общественную группировку, открывающую „широкiя перспективы" въ дѣлѣ созданiя лучшаго будущаго, г. Н. Бердяевъ выражаетъ увѣренность, что „на нашей сторонѣ окажется не только правда, но и сила".

Такого рода разсужденiя вообще весьма симпатичны, хотя и несомнѣнно наивны. Во-первыхъ, сознательная вѣра въ самоопредѣленiе личности, ея нравственную свободу и абсолютную цѣнность можетъ быть удѣломъ только немногихъ отдѣльныхъ лицъ и едва ли когда-нибудь прiобрѣтетъ такую силу и распространенiе, чтобы серьезно влiять на ходъ общественной „эволюцiи". Разсчитывать на идеалистическiя теорiи для борьбы противъ внѣшняго гнета и эксплоатацiи — значило бы заранѣе обрекать эту борьбу на безплодiе или откладывать возможность успѣха до того неопредѣленнаго будущаго, когда философское образованiе и развитiе сдѣлаются достоянiемъ народныхъ массъ. Во-вторыхъ, мы слишкомъ хорошо знаемъ по опыту, что самая идеалистическая философiя легко уживается съ оправданiемъ всего существующаго и съ проповѣдью пассивнаго смиренiя; спиритуализмъ и свобода человѣческаго духа процвѣтали при всякихъ внѣшнихъ условiяхъ и обыкновенно не только не способствовали активному противодѣйствiю этимъ условiямъ, а напротивъ, отвлекали отъ нихъ умы.

Допустимъ, однако, что философскiй идеализмъ имѣетъ или способенъ имѣть то практическое общественное значенiе, какое неосновательно приписываетъ ему г. Н. Бердяевъ; тогда является совершенно непонятнымъ сочувственное отношенiе этого автора къ марксизму. „Въ этомъ отношенiи (т.-е. относительно шансовъ лучшаго будущаго)—замѣчаетъ онъ—нельзя не признать огромныхъ заслугъ за марксизмомъ, реалистическую сторону котораго

мы должны воспринять. Въ вопросѣ о соціально-экономическомъ развитіи Россіи я (г. Н. Бердяевъ) въ общемъ продолжаю стоять на марксистской точкѣ зрѣнія, хотя моя практическая программа нѣсколько шире марксистской". Намъ неизвѣстна „практическая программа" г. Н. Бердяева, и мы сильно сомнѣваемся въ ея существованіи; но если авторъ серьезно проникнутъ началами спиритуализма и идеалистической этики, то онъ никакъ не можетъ въ то же самое время стоять за чисто-матеріалистическіе и утилитарные принципы марксизма. Спокойно заявляя о своей марксистской точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о соціально-экономическомъ развитіи Россіи, авторъ или употребляетъ слова, совершенно не вникая въ ихъ смыслъ, или отказывается отъ основъ своего собственнаго философскаго міросозерцанія.

Въ чемъ заключается сущность русскаго марксизма? Въ требованіи простора для господства капитала надъ народнымъ трудомъ въ Россіи, въ допущеніи мысли объ обезземеленіи народа ради полнаго развитія усовершенствованныхъ формъ капиталистическаго хозяйства, съ неизбѣжными ихъ спутниками—бѣдствіями пролетаріата и непримиримою борьбою классовъ,—послѣ чего оставшаяся въ живыхъ часть пролетаріата организуется и откроетъ широкіе горизонты для потомковъ нынѣшнихъ марксистовъ. Но идеалистическая этика г. Н. Бердяева, какъ мы видѣли, рѣшительно не дозволяетъ ему мириться съ внѣшнимъ гнетомъ капиталистовъ надъ трудящимися, съ эксплоатаціею человѣка другими людьми и цѣлыми группами, и съ какими бы то ни было „классовыми антагонизмами"; онъ самъ говоритъ, что „тутъ всякое колебаніе было бы позорно". Та же этика запрещаетъ смотрѣть на нынѣшнія поколѣнія крестьянства какъ на простыя орудія или необходимыя жертвы для подготовки будущаго матеріала соціальнаго вопроса, и слѣдовательно, г. Н. Бердяевъ, въ качествѣ идеалиста и спиритуалиста, долженъ съ негодованіемъ возставать противъ водворенія въ Россіи односторонняго владычества капитализма со всѣми его жестокими для народа послѣдствіями. Трудно, конечно, предположить, что принципы „абсолютной цѣнности" и нравственной свободы человѣческой личности возвѣщаются авторомъ только для небольшого круга избранныхъ лицъ, а не для массы обыкновенныхъ смертныхъ, къ которымъ принадлежитъ и большинство трудящихся. Горячія фразы г. Бердяева о безусловныхъ естественныхъ правахъ человѣческаго духа, несовмѣстимыхъ съ классовыми антагонизмами и съ эксплоатаціею однихъ людей другими, направлены прямо противъ коренныхъ основаній русскаго марксизма, и если тѣмъ не менѣе авторъ признаетъ

свою солидарность съ послѣднимъ, то это внутреннее противорѣчіе свидѣтельствуетъ лишь объ обычной непродуманности воззрѣній, заимствованныхъ извнѣ и случайно вошедшихъ въ составъ модной доктрины.

Въ сущности и марксизмъ, и метафизическій идеализмъ намъ одинаково чужды: оба они являются только наносными, поверхностными теченіями, предназначенными служить предметомъ невинной умственной игры для мечтательныхъ прогрессистовъ. Какъ нелѣпа была мысль устанавливать ходъ экономической жизни Россіи по Марксу, который спеціально изучалъ только Англію и никакихъ общеобязательныхъ формулъ для другихъ странъ не вырабатывалъ, — такъ безцѣльно возводить человѣческую личность на пьедесталъ абсолюта, когда масса человѣческихъ существъ не увѣрена еще въ своемъ правѣ на простую физическую неприкосновенность. Лирическія излишества идеализма столь же безпочвенны, какъ и жалкія теоретическія потуги марксизма. „Нужно человѣкомъ быть,—говоритъ съ паѳосомъ г. Н. Бердяевъ, — и своего права на образъ и подобіе Божества нельзя уступить ни за какія блага міра, ни за счастіе и довольство свое или хотя бы всего человѣчества (!), ни за спокойствіе и одобреніе людей, ни за власть и успѣхъ въ жизни". Уступать такое право и не приходится, потому что оно не существуетъ: нѣтъ права на предметы вѣры, и кто убѣжденъ, что люди созданы по образу и подобію Божества, тотъ останется при этомъ убѣжденіи, каковы бы ни были внѣшнія обстоятельства; но гордое противопоставленіе своего мнимаго права счастію и довольству „хотя бы всего человѣчества" показываетъ уже, что этика г. Бердяева включаетъ въ себя и элементы критикуемаго имъ ницшеанства. А съ ницшеанской точки зрѣнія совершенно безразлично, какая судьба постигнетъ народныя массы, отданныя „на выучку" капитализму.

Насколько неясны и сбивчивы понятія новѣйшихъ идеалистовъ о соціальныхъ вопросахъ, можно видѣть изъ разсужденій другого дѣятеля „Проблемъ идеализма", г. С. Булгакова. По его словамъ, кризисъ, переживаемый нынѣ марксизмомъ, имѣетъ не экономическій и политическій, а моральный, даже религіозный характеръ. Марксизмъ „воодушевлялъ своихъ сторонниковъ вѣрою въ близкій и закономѣрный приходъ иного, совершеннаго общественнаго строя"; онъ силенъ былъ „не своими научными, а своими утопическими элементами, — не своей наукой, а своей вѣрой". Между тѣмъ, вѣра эта все болѣе падаетъ, и прежнія заманчивыя утопіи вытѣсняются трезвымъ соціально-политическимъ

реализмомъ, благодаря „филистерски-святотатственной работѣ“ Бернштейна и его единомышленниковъ. „Упадокъ идеализма (въ данномъ случаѣ выражавшагося въ соціальномъ утопизмѣ) грозитъ понизить движеніе до полной духовной буржуазности, лишить его души, не смотря на всѣ практическія побѣды“. И вотъ г. Булгаковъ предлагаетъ марксистамъ замѣнить свою ослабѣвшую или исчезнувшую вѣру другою, христіанскою или идеалистическою. „Нельзя—говоритъ онъ—возродить разъ подорванную вѣру. Но можно и должно создать новую вѣру, найти новый источникъ нравственнаго энтузіазма. И этотъ источникъ слѣдуетъ видѣть въ возвышенной философіи идеализма, вѣчномъ сіяніи абсолюта, религіозномъ проникновеніи его велѣніями. Лишь эта философія возвратитъ человѣчеству утраченнаго имъ живого Бога, о которомъ тоскуетъ и мятется современная душа, и лишь она поможетъ ему излечиться отъ практическаго безбожія, служенія плоти, а не правдѣ Божіей, которое подобно раку все болѣе поражаетъ и омертвляетъ современное европейское общество“.

Обращаясь къ марксистамъ съ своимъ неожиданнымъ благочестивымъ предложеніемъ, г. Булгаковъ какъ будто предполагаетъ, что вѣра, созданная „Капиталомъ“ Маркса, имѣетъ нѣчто общее съ религіею и можетъ найти удовлетвореніе въ „вѣчномъ сіяніи абсолюта“, въ отреченіи отъ пагубнаго „служенія плоти“ и въ безкорыстномъ исканіи „правды Божіей“. Марксисты вѣрили въ неминуемое крушеніе капиталистическаго строя и въ будущее окончательное торжество пролетаріата надъ буржуазнымъ обществомъ; радикальный переворотъ долженъ совершиться рано или поздно, въ силу раскрытыхъ, будто бы, Марксомъ законовъ экономическаго развитія, и благоговѣйное ожиданіе этой катастрофы именно и составляло сущность марксистской вѣры, поколебленной трезвыми критиками изъ среды самихъ соціалистовъ. Символъ вѣры марксизма касается исключительно распредѣленія матеріальныхъ благъ; основной догматъ его—принадлежность всего продукта промышленнаго труда самимъ рабочимъ, съ устраненіемъ класса капиталистовъ. Рабочихъ естественно увлекаетъ мысль о томъ, что трудящіеся будутъ по праву хозяевами всѣхъ предпріятій; но если надежда на скорое наступленіе этого благополучія окажется сомнительною, то едва ли рабочіе найдутъ остроумнымъ проектъ созерцанія вѣчнаго абсолюта взамѣнъ обѣщанной побѣды надъ капитализмомъ. „Правда Божія“ была всегда доступна людямъ, и при практическомъ ея господствѣ на землѣ не существовало бы, конечно, и соціальнаго вопроса, и марксизмъ не имѣлъ бы повода возникнуть;

при данныхъ же условіяхъ проповѣдь этой высшей правды должна бы быть обращена по справедливости только къ владѣющимъ классамъ, а не къ пролетаріямъ, для которыхъ „служеніе плоти" исчерпывается законнымъ стремленіемъ имѣть необходимыя средства къ жизни. Утѣшать голодныхъ и неимущихъ „вѣчнымъ сіяніемъ абсолюта" было бы злою ироніею, и такимъ путемъ можно вызывать только раздраженіе, а вовсе не энтузіазмъ. Г. Булгаковъ думаетъ, что полезно пустить въ ходъ возвышенный идеализмъ для заполненія пробѣла, образовавшагося въ міросозерцаніи марксизма вслѣдствіе „филистерски-святотатственной работы" Бернштейна: религія призывается служить орудіемъ для постороннихъ, случайныхъ, почти партійныхъ цѣлей, поразительно мелкихъ предъ лицомъ высшей правды и вѣчнаго абсолюта. Вчера человѣкъ вѣрилъ въ пророчества Маркса насчетъ соціальной революціи, а сегодня пусть вѣритъ въ „правду Божію" и въ абсолютъ;—не странная ли это идея? Отсюда легко заключить, что для г. С. Булгакова, какъ и для г. Н. Бердяева, быстрая смѣна идеаловъ представляется столь же естественною, какъ смѣна модныхъ доктринъ и направленій; самые идеалы низводятся какъ бы на степень безсодержательныхъ, хотя и хорошихъ словъ.

Многіе склонны преувеличивать силу и важность своихъ собственныхъ или чужихъ увлеченій, какъ симптомовъ общественной эволюціи: приверженцы новаго идеализма превозносятъ заслуги нашихъ марксистовъ и этимъ самымъ косвенно усиливаютъ значеніе тѣхъ, которые пришли имъ на смѣну. „Заслуги русскаго марксизма въ области положительно-научной,—говорится въ „Проблемахъ идеализма",—на нашъ взглядъ весьма значительны. Отмѣтимъ, напримѣръ, одну... Послѣдній (марксизмъ) исполнилъ очень важную задачу: онъ далъ (и неужели въ этомъ можно до сихъ поръ сомнѣваться?!) научное объясненіе исторической необходимости капитализма въ Россіи. Такое объясненіе объемлетъ собою и условно-историческое оправданіе капитализма. Такимъ образомъ русскій марксизмъ исполнилъ ту задачу, которая вездѣ въ другихъ странахъ выпадала на долю „либеральной" политической экономіи и притомъ какъ оффиціальной науки. Между тѣмъ русскій марксизмъ „оправдывалъ" капитализмъ въ прямой полемикѣ не только съ народничествомъ, но и со всей почти оффиціальной наукой. Эта работа требовала значительнаго теоретическаго мужества, которое... всегда имѣетъ большую моральную цѣнность. Рядомъ съ крупнымъ положительно-научнымъ содержаніемъ марксизмъ далъ новую, ясную и практическую публицистическую программу".

Нуждался ли, однако, русскій капитализмъ въ научномъ и практическомъ оправданіи, когда появились у насъ пылкіе марксисты? Напомнимъ, что послѣдніе выступили съ своими бойкими оправдательными формулами уже послѣ того, какъ въ теченіе десятковъ лѣтъ наша экономическая политика сознательно стремилась къ водворенію у насъ крупной промышленности въ ея западно-европейскихъ формахъ. Наши марксисты въ началѣ девяностыхъ годовъ стали съ энергіею доказывать то, чтò составляло азбуку для всѣхъ нашихъ министровъ финансовъ и чтò настойчиво и неуклонно проводилось ими на практикѣ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Рейтернъ и Бунге были вполнѣ проникнуты началами либеральной западно-европейской политической экономіи и твердо вѣровали въ безусловную необходимость развитія капитализма въ Россіи; Бунге сошелъ со сцены, и Вышнеградскій успѣлъ уже довести охрану капиталистическихъ интересовъ до крайности, не отступивъ передъ грозными признаками народнаго разоренія и голода,—и въ этотъ моментъ являются люди съ „новою" теоріею, открытою ими въ старой общеизвѣстной нѣмецкой книгѣ и объясняющею, будто бы, законность и неизбѣжность передачи судебъ русскаго народа въ руки всемогущихъ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ. Можно ли серьезно говорить о научной и практической роли этихъ наивныхъ теоретиковъ, увѣровавшихъ въ великое историческое призваніе капитала вообще и „Капитала" Маркса въ частности? Кого убѣждали они и къ кому обращались съ своею запоздалою проповѣдью? Если они думали научно объяснить законныя функціи капитализма въ такой странѣ, какъ наша, то могли найти объ этомъ готовыя свѣдѣнія и объясненія во всѣхъ учебникахъ политической экономіи, русскихъ и иностранныхъ. Если же они давали „новую (!) практическую программу", какъ утверждаетъ авторъ цитированной нами статьи, г. П. Г., то это былъ трудъ совершенно лишній и даже неумѣстный послѣ министерской дѣятельности Вышнеградскаго.

И теоретическое, и практическое значеніе русскаго марксизма равно нулю; онъ, правда, нашумѣлъ необычайно, но только потому, что шелъ въ разрѣзъ со всѣмъ литературнымъ движеніемъ въ области экономическихъ вопросовъ и имѣлъ характеръ смѣлаго вызова относительно передовыхъ прогрессивныхъ элементовъ журналистики и общества, примыкавшихъ такъ или иначе къ народничеству. Оживленная полемика, возникшая по этому поводу, создавала иллюзію крупнаго общественнаго кризиса, исходъ котораго долженъ былъ опредѣлить судьбу наиболѣе популярныхъ

соціально-экономическихъ взглядовъ. Сами марксисты приписывали себѣ полную побѣду, и это же мнѣніе повторяютъ сочувствующіе имъ идеалисты. „Побѣда новаго направленія—заявляетъ, напр., г. Б. Кистяковскій въ обширномъ этюдѣ о русской соціологической школѣ (собственно о г. Михайловскомъ)—несомнѣнно принадлежитъ къ наиболѣе блестящимъ страницамъ въ исторіи теоретическихъ битвъ вообще, такъ какъ рѣдко теоретическій споръ заканчивался съ такою быстротою и съ такимъ поразительнымъ успѣхомъ, выразившимся въ томъ, что недавніе противники всецѣло проникались враждебною точкою зрѣнія и до того усваивали многія положенія своихъ враговъ, что потомъ считали ихъ своими собственными. Въ самомъ дѣлѣ, теперь уже никто не сомнѣвается въ существованіи капиталистическаго производства на Руси и не опровергаетъ того, что развитіе капитализма въ Россіи быстро идетъ впередъ“. Но и ранѣе никто не сомнѣвался въ существованіи и развитіи капитализма въ Россіи, и еслибы споръ касался только фактическаго положенія вещей, то онъ не представлялъ бы никакого интереса, и марксистамъ некого было бы побѣждать. Блестящая побѣда, о которой говоритъ г. Б. Кистяковскій, есть только плодъ воображенія или недоразумѣнія. Марксисты съ шумомъ и трескомъ возвѣщали неминуемое торжество капитализма, пророчили гибель земельной общины и кустарныхъ промысловъ, высмѣивали артельное начало и провозглашали себя побѣдителями. Они усердно критиковали труды народниковъ, относившіеся къ началу восьмидесятыхъ годовъ и неоднократно уже подвергавшіеся въ свое время принципіальнымъ возраженіямъ,—и считали, что разбили противниковъ на голову. Мы съ своей стороны много разъ полемизировали съ теоретиками народничества еще до появленія марксистовъ, указывая на нѣкоторые неправильные выводы и ошибочныя обобщенія [1]); но основныя идеи и стремленія народниковъ были общимъ достояніемъ всей прогрессивной такъ-называемой интеллигенціи и нисколько не были, да и не могли быть опровергнуты марксистами. Народники придавали огромное значеніе обезпеченію и расширенію крестьянскаго землевладѣнія, сохраненію общины и поддержанію самостоятельныхъ народныхъ промысловъ; они доказывали, что искусственно насаждаемая у насъ крупная капиталистическая промышленность не имѣетъ почвы при отсутствіи

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1893, ноябрь: „Наши теоретики народничества“; 1894, іюнь и іюль: „Экономическія недоразумѣнія“; 1895, октябрь: „Наши направленія“, и др.

достаточнаго внутренняго рынка для сбыта продуктовъ, вслѣдствіе обѣднѣнія народныхъ массъ; они стояли за то, чтобы бремя податного обложенія не угнетало одного лишь крестьянства и перенесено было на болѣе зажиточные классы; они находили, что экономическая политика, направленная къ одностороннему поощренію интересовъ капитала въ ущербъ народному труду и земледѣлію, ведетъ страну по ложному пути. Ни одного изъ этихъ практическихъ принциповъ и требованій народничества не поколебала полемика марксистовъ. Народники держались того мнѣнія, что для Россіи не обязательно проходить всѣ тяжелыя стадіи западно-европейскаго капитализма, что послѣ крестьянской реформы существовала полная возможность воспользоваться народными формами производства для надлежащей организаціи промышленности безъ нарушенія экономической самостоятельности народа и безъ созданія пролетаріата въ будущемъ,—и теоретически они были безусловно правы, и остались правыми послѣ всѣхъ нападеній марксистовъ. Защитники тѣхъ экономическихъ идеаловъ, которые назывались народническими, признавали доводы марксизма совершенно неосновательными и ни въ чемъ не отступали отъ своихъ прежнихъ теоретическихъ убѣжденій;—никто не могъ сказать, что они были побѣждены въ правильномъ теоретическомъ спорѣ. Блистательная побѣда марксистовъ не имѣла никакого отношенія къ вопросу о томъ, на чьей сторонѣ была научная и общественная правда; побѣда заключалась лишь въ успѣшномъ захватѣ общественнаго вниманія и въ быстромъ пріобрѣтеніи популярности,—что̀, разумѣется, далеко не тождественно съ признаніемъ теоретической правоты въ происходившихъ спорахъ. Народники, какъ полагаетъ г. Б. Кистяковскій, впали въ философскую ошибку, построивъ свои идеалы на категоріяхъ возможности и желательности, а не на должномъ и необходимомъ; но самое непреклонное сознаніе долга и необходимости окажется безплоднымъ, если нѣтъ фактической возможности осуществленія завѣтныхъ цѣлей и если желательность послѣднихъ не будетъ ясна для тѣхъ, отъ кого зависитъ исполненіе. То, что̀ сознается какъ должное и необходимое, получаетъ значеніе положительнаго общественнаго идеала только въ томъ случаѣ, когда переходитъ на почву возможнаго и желательнаго; лишь идеалы метафизическіе не справляются съ этими условіями, имѣя въ виду „вѣчное сіяніе абсолюта“.

Марксизмъ имѣлъ успѣхъ не какъ научная доктрина, а какъ источникъ настроенія; онъ дѣйствовалъ въ одно и то же время и возбуждающимъ, и расхолаживающимъ образомъ, оправдывая

все существующее мнимыми законами исторической эволюціи, допуская даже искусственное ускореніе разорительныхъ для народа хозяйственныхъ перемѣнъ и отодвигая разумную практическую постановку соціальнаго вопроса въ туманную даль будущаго. Если марксистамъ удалось пошатнуть въ нестойкихъ умахъ старые взгляды на основы народнаго благосостоянія и развитія, то прежде всего потому, что духъ, проникавшій эти взгляды, исчезъ или ослабѣлъ; искренняя любовь къ народу и къ трудящимся массамъ все болѣе уступаетъ мѣсто резонерскому индифферентизму или облекается въ спеціальныя формы, скроенныя по чужимъ образцамъ и являющіяся продуктомъ простого подражанія. Что бы ни говорили о нашемъ народничествѣ, оно было вполнѣ самостоятельнымъ общественно-литературнымъ движеніемъ и проистекало изъ благороднѣйшихъ, возвышенныхъ побужденій; жажда правды и справедливости, проникавшая теоретиковъ этого направленія и заставлявшая ихъ вѣрить въ творческую силу народныхъ идеаловъ, была во всякомъ случаѣ чѣмъ-то положительнымъ и цѣннымъ. Подрывать эту вѣру въ народъ—не было большою заслугою, и въ этомъ отношеніи работа нашихъ марксистовъ съ гораздо бо̀льшимъ правомъ могла бы быть названа „филистерски-святотатственною", чѣмъ критика марксистской догмы Бернштейномъ. Въ противоположность народничеству, русскій марксизмъ былъ явленіемъ всецѣло подражательнымъ, не только по существу и въ идеѣ, но и въ мелочахъ и подробностяхъ. У насъ явились „ортодоксы", правовѣрные истолкователи и поклонники Маркса, для которыхъ сильнѣйшимъ орудіемъ полемики было причисленіе оппонентовъ къ буржуазному лагерю; явились затѣмъ и „бернштейніанцы", и обличители ихъ, точь-въ-точь какъ у нѣмцевъ, только безъ ихъ здраваго смысла.

Въ недавно вышедшей брошюркѣ одного изъ охранителей чистаго марксизма, г. П. Нежданова, высказывается нѣсколько любопытныхъ соображеній о коварныхъ планахъ и интригахъ нашихъ „бернштейніанцевъ". Въ послѣдніе годы печаталось въ русскихъ журналахъ много статей по вопросу, разработываемому съ наибольшимъ усердіемъ любителями экономической схоластики,—вопросу о цѣнности. Г. Неждановъ придаетъ большое значеніе этимъ журнальнымъ спорамъ и очень жалѣетъ о прекращеніи ихъ. По его увѣренію, „это былъ одинъ изъ эпизодовъ великой борьбы, разыгравшейся теперь во всемъ мірѣ (!),—борьбы за и противъ бернштейніанства". Дѣло въ томъ, что подъ видомъ научной критики теоріи цѣнности обнаруживается

злокозненное стремленіе ниспровергнуть основы марксизма, и что виновные въ такомъ умыслѣ бернштейніанцы не признаются въ этомъ „ни читающей публикѣ, ни самимъ себѣ“. Они хотятъ, будто бы, только „обновить марксизмъ, чтобы, изгнавъ изъ него различныя заблужденія, сдѣлать его болѣе жизненнымъ, болѣе устойчивымъ“, а на самомъ дѣлѣ общій лозунгъ ихъ — „возможно большее сближеніе съ буржуазной наукой“; ими руководитъ скрытая жажда „примиренія съ капиталистическимъ строемъ“, и поэтому также въ нашей литературѣ раздаются призывы отказаться отъ трудовой теоріи цѣнности и примкнуть къ австрійской школѣ [1]). Очевидно, съ точки зрѣнія г. Нежданова, критики не могутъ и не смѣютъ откровенно выступать противъ авторитета Маркса; они вынуждены прибѣгать къ подвохамъ, чтобы обмануть бдительность старательнаго марксистскаго надзора. Бернштейніанство есть для автора всемірно-историческое явленіе, существующее непремѣнно и въ Россіи; и здѣсь, на страницахъ русскихъ журналовъ, подъ прикрытіемъ отвлеченныхъ и скучныхъ споровъ о цѣнности, разыгрываются „эпизоды великой борьбы“, поднятой Бернштейномъ и противъ Бернштейна. Что же представляетъ собою Бернштейнъ и чѣмъ объяснить пріобрѣтенную имъ всемірную славу? Откуда взялся этотъ гигантъ, возбудившій „во всемъ мірѣ“ грандіозную кампанію противъ марксистскаго Олимпа?

Въ дѣйствительности, толки о какомъ-то всемірномъ бернштейніанствѣ объясняются лишь непониманіемъ сущности той нѣмецкой распри, которая выдвинула подлиннаго Бернштейна. Бернштейніанство имѣетъ смыслъ и значеніе только для германской соціально-демократической партіи, какъ симптомъ внутренняго идейнаго разлада между ея руководителями. Критика Бернштейна взволновала соціаль-демократовъ, не какъ теоретиковъ-марксистовъ, а какъ практическихъ партійныхъ дѣятелей, обязанныхъ заботиться объ единствѣ и авторитетѣ своей партіи въ глазахъ нѣмецкаго рабочаго класса. Еслибы Бернштейнъ не принадлежалъ къ составу соціально-демократической партіи, то его попытка отнестись критически къ нѣкоторыхъ существеннымъ сторонамъ ученія Маркса оставила бы марксистовъ столь же равнодушными, какъ и другіе многочисленные научно-литературные труды, посвященные разбору и оцѣнкѣ той же знаменитой доктрины. Бернштейнъ предпринялъ свою критику, будучи виднымъ членомъ партійной организаціи, для которой идеи и про-

---

[1]) П. Неждановъ. О старомъ вопросѣ. Посвящается ортодоксамъ. Спб. 1903.

рочества Маркса составляютъ обязательную руководящую программу; оттого поведенiе Бернштейна надѣлало столько шуму въ нѣмецкомъ соцiально-демократическомъ лагерѣ и возбудило, съ одной стороны, протесты и формальное осужденiе съ точки зрѣнiя партiйной дисциплины, а съ другой—сочувствiе всѣхъ сторонниковъ свободы мнѣнiй. Понятно, что публичная критика марксизма со стороны отдѣльныхъ представителей марксистской партiи ослабляетъ положенiе ея въ странѣ и парламентѣ; но многiе ставятъ интересы научной и жизненной правды впереди интересовъ партiйныхъ, указывая на необходимость соотвѣтственнаго измѣненiя общихъ принциповъ и цѣлей партiи. Приверженцы такого критическаго отношенiя къ Марксу въ соцiально-демократическомъ лагерѣ образуютъ теперь направленiе, обозначаемое именемъ Бернштейна. Такимъ образомъ, „бернштейнiанство“ есть нѣчто весьма опредѣленное для Германiи, гдѣ марксисты или соцiаль-демократы имѣютъ свою парламентскую организацiю и должны считаться съ настроенiемъ избирателей; но ничего подобнаго бернштейнiанству нѣтъ и не можетъ быть тамъ, гдѣ доктрина Маркса есть только научная доктрина и гдѣ не существуетъ ни марксистской парламентской партiи, ни заботъ объ избирательномъ движенiи.

Что же разумѣть подъ „бернштейнiанцами“ въ Россiи, о которыхъ говоритъ г. П. Неждановъ? По его словамъ, и у насъ, изъ-за журнальныхъ разсужденiй о цѣнности, возникъ „полный расколъ между людьми, которые еще недавно вели общую борьбу и дѣлали общее дѣло“, т.-е. вели общiе споры о Марксѣ; въ концѣ концовъ, „необходимо было, чтобы люди совсѣмъ размежевались, и чтобы тамъ, гдѣ былъ одинъ лагерь, возникли два, рѣзко враждебные лагеря“. А такъ какъ число этихъ людей, печатавшихъ въ журналахъ статьи о цѣнности, доходило вѣроятно до десятка, то распаденiе этого лагеря на два враждебные стана составило, конечно, крупное политическое событiе. Одни превратились, будто бы, въ „бернштейнiанцевъ“, а другiе остались „ортодоксами“. „Бернштейнiанцы“ и „ортодоксы“ понадобились намъ только потому, что они существуютъ у нѣмцевъ; если же присмотрѣться поближе, то эти клички не имѣютъ ни малѣйшаго смысла въ примѣненiи къ русскимъ спорщикамъ о Марксѣ. Ничто не мѣшаетъ нашимъ марксистамъ съ полной свободой мѣнять свои убѣжденiя и высказывать самые еретическiе взгляды по разнымъ вопросамъ марксизма; они могутъ смѣло отвергать теорiи, которыя прежде признавали непогрѣшимыми, и этимъ правомъ перемѣнчивой критики они не рискуютъ нарушить

какіе бы то ни было партійные политическіе интересы. Они могутъ также свободно переходить отъ марксизма къ метафизикѣ и къ безпредметному идеализму; и какъ показываютъ „Проблемы идеализма“, нѣтъ преграды и для совмѣщенія марксистскихъ идей съ возвышеннымъ созерцаніемъ вѣчнаго сіянія абсолюта.

Метафизическій идеализмъ создаетъ, быть можетъ, очень высокіе и далекіе искусственные идеалы; но онъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ русскій марксизмъ, содѣйствуетъ развитію безсодержательныхъ словопреній и поощряетъ философское равнодушіе къ живымъ общественнымъ и народнымъ интересамъ, къ тѣмъ реальнымъ стремленіямъ и надеждамъ, которыя мы привыкли соединять съ понятіемъ объ общественныхъ идеалахъ.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1903.

Именной Высочайшій указъ 30-го іюля.—Законъ 10-го іюня о фабричныхъ старостахъ.—Мнѣніе о немъ рабочаго.—Законъ 2-го іюня о вознагражденіи фабричныхъ рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ.—Причины, устраняющія отвѣтственность предпринимателя. — Мѣры къ огражденію рабочихъ отъ невыгодныхъ сдѣлокъ. — Учрежденіе уѣздной полицейской стражи. — Отмѣна тягчайшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія. — Пересмотръ ветеринарнаго закона. — Вопросъ о земскихъ ходатайствахъ.—Post-scriptum.

30-го іюля состоялся Именной Высочайшій указъ прав. сенату, слѣдующаго содержанія:

„Сложныя задачи управленія на восточныхъ окраинахъ Имперіи побуждаютъ Насъ озаботиться устроеніемъ власти, дѣйствіемъ коей обезпечивалось бы мирное преуспѣяніе сего края и неотложное удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ. Признавъ вслѣдствіе сего за благо образовать изъ Приамурскаго генералъ-губернаторства и Квантунской области особое намѣстничество, повелѣваемъ:

„1) Намѣстнику Нашему на Дальнемъ Востокѣ присвоить высшую власть по всѣмъ частямъ гражданскаго управленія въ краѣ, ему ввѣренномъ, изъявъ сіе управленіе изъ вѣдѣнія министерствъ. Ему же предоставить верховное попеченіе о порядкѣ и безопасности въ мѣстностяхъ, состоящихъ въ пользованіи китайской восточной желѣзной дороги, а также ближайшую заботу о пользахъ и нуждахъ русскаго населенія въ сопредѣльныхъ съ намѣстничествомъ зарубежныхъ владѣніяхъ.

„2) Впредь до изданія положенія объ управленіи областями Дальняго Востока, предѣлы власти Намѣстника, его права и обязанности опредѣлить въ отношеніи какъ высшихъ установленій, такъ равно и мѣстныхъ учрежденій на основаніи главныхъ началъ, содержащихся въ Высочайшемъ Рескриптѣ, 30-го января 1845 года, при устройствѣ Кавказскаго намѣстничества, данномъ. Правительственныя мѣста и

должностныя лица, Намѣстнику подчиняемыя, сносятся съ министерствами и главными управленіями, къ вѣдомству коихъ принадлежатъ, не иначе какъ через Намѣстника.

„3) Въ завѣдываніи Намѣстника областей Дальняго Востока сосредоточить дипломатическія сношенія по дѣламъ сихъ областей съ сосѣдними государствами.

„4) Намѣстнику ввѣрить командованіе морскими силами въ Тихомъ океанѣ и всѣми расположенными во ввѣренномъ ему краѣ войсками.

„5) Для согласованія распоряженій главнаго начальства на Дальнемъ Востокѣ съ общегосударственными видами и дѣятельностью министерствъ, учредить подъ Нашимъ Предсѣдательствомъ Особый Комитетъ изъ лицъ, Нашимъ довѣріемъ къ участію въ немъ призванныхъ.

„6) На генералъ-адъютанта Алексѣева, назначаемаго вмѣстѣ съ симъ Намѣстникомъ Нашимъ на Дальнемъ Востокѣ, возложить, въ развитіе данныхъ Нами указаній, составленіе положенія объ управленіи областями Дальняго Востока, и предположенія сіи представить на Наше утвержденіе".

Высочайше утвержденнымъ 10-го іюня мнѣніемъ государственнаго совѣта созданъ новый институтъ фабричныхъ старостъ, предназначенныхъ служить посредниками между рабочими—съ одной стороны, фабричными, заводскими и промысловыми управленіями—съ другой. На практикѣ нѣчто подобное существовало, мѣстами, и раньше. Самая сила вещей вызываетъ необходимость объясненій между рабочими и работодателями,—а при многочисленности первыхъ объясненіе можетъ быть ведено, съ шансами успѣха, только однимъ или нѣсколькими изъ нихъ, отъ имени всѣхъ прочихъ. При отсутствіи правилъ, узаконяющихъ и регулирующихъ такое представительство, оно было сопряжено съ большими затрудненіями и неудобствами. Полномочія рабочихъ, говорившихъ отъ лица массы, всегда могли быть оспорены или опорочены фабричнымъ управленіемъ; самимъ уполномоченнымъ всегда угрожало обвиненіе въ самозванствѣ или въ подстрекательствѣ къ требованіямъ, составляющимъ какъ бы преддверіе безпорядковъ. Легализація факта, неизбѣжнаго и широко распространеннаго, представляется, поэтому, несомнѣнной перемѣной къ лучшему. Фабричные старосты, какъ законные представители своихъ товарищей, будутъ дѣйствовать въ силу принадлежащаго имъ права, а не въ силу снисхожденія, оказываемаго имъ фабричнымъ управленіемъ и органами администраціи, и самое заявленіе ими тѣхъ или другихъ претензій нельзя уже будетъ выставлять преступнымъ нарушеніемъ фабричной дисциплины.

Чѣмъ больше, однако, учрежденіе старостъ соотвѣтствуетъ усло-

віямъ фабричнаго быта, тѣмъ труднѣе понять, почему осуществленіе его не сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ промышленныхъ заведеній, имѣющихъ характеръ фабрики или завода. Въ чьихъ интересахъ призывается къ жизни институтъ фабричныхъ старостъ? Прежде и больше всего — въ интересахъ рабочаго класса. Яснымъ доказательствомъ этому служитъ ст. 3-я закона, опредѣляющая кругъ дѣйствій фабричныхъ старостъ. Правда, старосты передаютъ рабочимъ распоряженія управленія — но вѣдь такихъ передаточныхъ инстанцій управленіе всегда имѣло и имѣетъ немало, въ лицѣ мастеровъ, надсмотрщиковъ и другихъ членовъ административнаго фабричнаго персонала. Настоящимъ нововведеніемъ является только право старостъ сообщать управленію — а также компетентнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ — о нуждахъ и ходатайствахъ рабочихъ. Косвенную пользу старосты могутъ, конечно, принести и фабричному управленію, предупреждая замѣшательства и перерывы въ ходѣ работъ; но прямо и непосредственно они призваны служить именно рабочимъ, которымъ, повидимому, и должна была бы принадлежать, наравнѣ съ фабричнымъ управленіемъ, иниціатива ходатайства объ избраніи старостъ. Закономъ 10-го іюня вопросъ разрѣшенъ иначе: примѣненіе его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поставлено въ зависимость отъ фабричнаго, заводскаго или промысловаго управленія. Только по просьбѣ управленія присутствіе по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ можетъ (но не обязано) допустить выборъ фабричныхъ старостъ. Мы слышали, что первоначально предполагалось уполномочить присутствія, въ случаяхъ необходимости, вызываемой интересами общественнаго спокойствія, требовать отъ фабричныхъ, заводскихъ и промысловыхъ управленій предоставленія рабочимъ приступить къ выбору старостъ. Нельзя не пожалѣть, что это предположеніе не получило силы закона. Зная, что не отъ нихъ однихъ зависитъ осуществленіе легальнаго представительства рабочихъ, фабричныя и заводскія управленія легче и чаще брали бы на себя починъ этой мѣры; для нихъ было бы ясно, что добрая воля, въ такихъ случаяхъ, и почетнѣе, и выгоднѣе, чѣмъ принужденіе. Администрація, съ другой стороны, не была бы обречена на пассивную, выжидательную роль, далеко не всегда удобную и безопасную. Представимъ себѣ, напримѣръ, что въ одной и той же мѣстности или въ весьма небольшомъ разстояніи другъ отъ друга существуютъ двѣ крупныя фабрики, на которыхъ одинаково часто возникаютъ недоразумѣнія между управленіемъ и рабочими. Одно изъ управленій, усматривая въ учрежденіи старостъ лучшее средство къ обезпеченію порядка, обращается къ фабричному присутствію съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ; другое не хочетъ и слышать ни о чемъ подобномъ. Положеніе присутствія несомнѣнно

будетъ не изъ легкихъ. Отказать въ ходатайствѣ—значитъ пойти въ разрѣзъ съ добрыми намѣреніями управленія и затруднить успокоеніе рабочихъ; удовлетворить ходатайство—значитъ рисковать усиленіемъ неудовольствія на другой фабрикѣ, рабочіе которой не безъ основанія могутъ недоумѣвать, почему имъ не даютъ того, что получаютъ ихъ сосѣди. Нормальнымъ выходомъ изъ затрудненія было бы именно понужденіе упорствующаго управленія къ допущенію выбора старостъ. Еще проще, конечно, было бы установить, что на каждой фабрикѣ, гдѣ занято не менѣе опредѣленнаго числа рабочихъ, выборъ фабричныхъ старостъ производится ipso jure, безъ ходатайства съ чьей бы то ни было стороны и безъ необходимости испрашивать на то каждый разъ особое разрѣшеніе фабричнаго присутствія. При такомъ порядкѣ обрисовалось бы, въ непродолжительномъ времени и съ достаточною рельефностью, значеніе новаго учрежденія; сдѣлалось бы ясно, въ чемъ оно требуетъ измѣненія или дополненія, какъ оно вліяетъ на положеніе рабочихъ и на ходъ промышленныхъ предпріятій. Теперь невозможно предвидѣть, много ли найдется управленій, готовыхъ организовать у себя институтъ фабричныхъ старостъ. Если ихъ будетъ очень мало, со стороны администраціи будетъ произведено, можетъ быть, неоффиціальное, негласное давленіе на фабрикантовъ, съ цѣлью склонить ихъ къ вступленію на путь, указанный законодателемъ. Такое давленіе, не повсемѣстное и, во всякомъ случаѣ, не вездѣ одинаково искусное и настойчивое, не можетъ замѣнить собою прямого, открытаго требованія, основаннаго на законѣ.

Существуетъ мнѣніе, что принести пользу фабричные старосты могутъ только тамъ, гдѣ они введены по желанію управленія. Съ бо́льшимъ основаніемъ, какъ намъ кажется, можно было бы придти къ противоположному заключенію. Усвоить себѣ новое учрежденіе поспѣшатъ, по всей вѣроятности, именно тѣ управленія, которыя и теперь настроены благодушно по отношенію къ рабочимъ, и теперь готовы входить съ ними въ соглашенія и переговоры. Институтъ фабричныхъ старостъ внесетъ сюда сравнительно мало новаго: въ большинствѣ случаевъ онъ только узаконитъ и теперь уже дѣйствующій обычай. Гораздо важнѣе введеніе его было бы тамъ, гдѣ сношенія между управленіемъ и рабочими затруднены или обострены, гдѣ работодатель не идетъ, по собственному побужденію, на встрѣчу рабочимъ, неохотно выслушиваетъ ихъ жалобы и вовсе не даетъ хода ихъ коллективнымъ заявленіямъ. Между тѣмъ, отъ такихъ заводчиковъ и фабрикантовъ едва ли можно ожидать, въ скоромъ времени, просьбы объ осуществленіи у нихъ института фабричныхъ старостъ. Возможенъ, наконецъ, и такой случай: вскорѣ послѣ избранія фабричныхъ старостъ, произведеннаго по желанію и ходатайству фабриканта, по-

слѣдній продаетъ фабрику другому лицу, совсѣмъ иначе понимающему свои права и обязанности, видящему въ фабричныхъ старостахъ только помѣху въ веденіи дѣла, только поблажку претензіямъ рабочихъ. Нельзя же будетъ, въ угоду новому владѣльцу, отмѣнить на его фабрикѣ непріятный ему институтъ; ему придется подчиниться необходимости—а отъ подчиненія, при нѣкоторомъ благоразуміи, недалеко и до примиренія. Когда, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, у насъ былъ сдѣланъ первый приступъ къ фабричному законодательству, недовольныхъ имъ было особенно много между фабрикантами московскаго района—а теперь привычка къ государственному вмѣшательству въ фабричное дѣло пустила въ этой средѣ столь прочные корни, что именно отсюда, какъ мы слышали, шло всего меньше возраженій противъ учрежденія фабричныхъ старостъ. Позволительно думать, что этотъ послѣдній институтъ, повсемѣстно и обязательно введенный, столь же легко и скоро — конечно, при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ,—вошелъ бы въ наши фабричные нравы.

Для избранія фабричныхъ старостъ и для обсужденія, подъ ихъ руководствомъ, дѣлъ, касающихся исполненія условій найма и фабричнаго быта, рабочіе, по закону 10-го іюня, раздѣляются на разряды. Основанія дѣленія устанавливаются, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, правилами, составляемыми фабричнымъ управленіемъ и утверждаемыми губернаторомъ, по докладу окружного или старшаго фабричнаго инспектора. Этими же правилами опредѣляются условія, которымъ должны удовлетворять старосты—возрастъ (не менѣе 25 лѣтъ), извѣстная продолжительность службы въ данномъ предпріятіи,—порядокъ ихъ избранія, порядокъ освобожденія ихъ отъ работъ для исполненія ихъ обязанностей, срокъ ихъ полномочій и способъ ихъ замѣщенія. Болѣе цѣлесообразнымъ было бы, какъ намъ кажется, установленіе въ самомъ законѣ главныхъ началъ, регулирующихъ образованіе и дѣятельность новаго института. Рѣшающая роль, предоставленная отдѣльнымъ управленіямъ, легко можетъ привести къ крайнему разнообразію правилъ, вызванному не дѣйствительнымъ различіемъ условій, а особенностями личныхъ взглядовъ. Разнообразіе правилъ можетъ, въ свою очередь, породить рядъ недоумѣній: рабочимъ двухъ сосѣднихъ фабрикъ трудно будетъ понять, почему дѣйствующіе въ той и другой порядки имѣютъ такъ мало общаго между собою. Слишкомъ большая дробность разрядовъ и обусловливаемая ею малочисленность каждаго отдѣльнаго разряда можетъ уменьшить значеніе старосты, представляющаго собою только горсть рабочихъ, и затруднить соглашеніе между старостами—соглашеніе, столь важное въ тѣхъ случаяхъ, когда спорный вопросъ касается всѣхъ рабочихъ дан-

ной фабрики [1]). Отсутствіе точныхъ указаній на порядокъ выборовъ можетъ привести къ тому, что выбраннымъ будетъ считаться получившій относительное, хотя бы весьма слабое большинство—а это, конечно, не будетъ способствовать авторитету старосты. Нежелателенъ, съ той же точки зрѣнія, и слишкомъ короткій срокъ полномочій старосты. Освобожденіе его отъ работы, для исполненія его обязанностей, можетъ быть обставлено условіями, совершенно парализующими его дѣятельность. Законъ предоставляетъ рабочимъ выбирать не прямо старость, а только кандидатовъ въ старосты, изъ которыхъ одинъ утверждается управленіемъ въ этомъ званіи. Весьма важно было бы, поэтому, опредѣлить число кандидатовъ, чтобы положить предѣлъ усмотрѣнію управленія и обезпечить серьезность выборовъ; вѣдь чѣмъ больше требуется кандидатовъ, тѣмъ меньше, очевидно, каждый изъ нихъ можетъ считаться дѣйствительнымъ выразителемъ взглядовъ избирателей. Никакой максимальной цифры кандидатовъ законъ, однако, не установилъ: ихъ число назначается правилами, составляемыми управленіемъ отдѣльной фабрики. Коррективомъ произвола фабричныхъ управленій утвержденіе правилъ губернаторомъ считать нельзя: отказъ въ утвержденіи можетъ повлечь за собою, при упорствѣ управленія, только неосуществленіе, въ данномъ случаѣ, выбора фабричныхъ старостъ, такъ какъ замѣнять одно правило другимъ или прибавлять что-либо къ проекту, составленному фабричнымъ управленіемъ, губернаторъ закономъ не уполномоченъ [2]). Правда, главному по фабричнымъ горнозаводскимъ дѣламъ присутствію предоставлено издавать инструкціи, въ развитіе закона 10-го іюня; но развитіе закона путемъ инструкціоннымъ обнимаетъ собою только его *разъясненіе*, и о расширеніи этимъ путемъ компетенціи органовъ надзора, объ облеченіи ихъ правами, не предусмотрѣнными въ законѣ, не можетъ быть и рѣчи.

Фабричные старосты, „не удовлетворяющіе своему назначенію“, могутъ быть устраняемы отъ исполненія своихъ обязанностей распоряженіемъ губернатора, и до истеченія срока, на который они были избраны. Значительно уменьшая прочность положенія фабричныхъ старостъ, это правило увеличиваетъ зависимость ихъ отъ фабричныхъ управленій; нельзя же сомнѣваться въ томъ, что поводомъ къ досрочному удаленію старосты всегда или почти всегда будутъ служить

---

[1]) По закону 10-го іюня для обсужденія дѣлъ, относящихся къ нѣсколькимъ разрядамъ рабочихъ, собираются старосты этихъ разрядовъ.

[2]) Само собою разумѣется, что единоличной власти нельзя было и ввѣрять измѣненіе или дополненіе правилъ. Облечь такимъ правомъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, можно было бы только учрежденіе коллегіальное—присутствіе по дѣламъ фабричнымъ и горнозаводскимъ.

домогательства управленій, а не рабочихъ. Замѣтимъ, что удалить старосту губернаторъ можетъ даже не выслушавъ фабричнаго инспектора, не повѣривъ черезъ него свѣдѣнія, доставленныя полиціей или фабричнымъ управленіемъ. Чрезвычайное право, ужъ если оно признается необходимымъ, осторожнѣе было бы ввѣрить не единоличной власти, а коллегіальному учрежденію, самый составъ котораго служилъ бы, до нѣкоторой степени, гарантіей всесторонняго разсмотрѣнія дѣла, оплотомъ противъ поспѣшныхъ мѣропріятій. Сомнительной, въ нашихъ глазахъ, является, впрочемъ, самая цѣлесообразность чрезвычайнаго права. При натянутости отношеній между фабричнымъ управленіемъ и рабочими досрочное удаленіе старосты, непріятнаго управленію, легко можетъ повести не къ успокоенію умовъ, а къ бо̀льшему ихъ возбужденію. Что касается до серьезной вины фабричнаго старосты или хотя бы серьезныхъ противъ него подозрѣній, то въ такихъ случаяхъ неизбѣжно судебное преслѣдованіе, которое и могло бы считаться основаніемъ къ устраненію его отъ исполненія возложенныхъ на него обязанностей.

Собранія рабочихъ, при дѣйствіи закона 10-го іюня, будутъ двухъ родовъ: одни—для выбора старостъ, другія—для обсужденія дѣлъ, указанныхъ въ законѣ. Мѣсто и время первыхъ должно быть опредѣлено въ правилахъ, утверждаемыхъ при самомъ введеніи фабричныхъ старостъ: недоразумѣнія по этому предмету могутъ, слѣдовательно, быть устраняемы безъ особыхъ затрудненій. Относительно собраній второго рода сказано только, что мѣсто ихъ и время опредѣляется (очевидно—для каждаго отдѣльнаго случая) управленіемъ предпріятія. Въ какой срокъ управленіе обязано отвѣтить на просьбу старосты о назначеніи времени и мѣста, въ какой степени оно должно руководствоваться, при назначеніи того и другого, удобствами рабочихъ—на это законъ не даетъ отвѣта; не требуется даже, чтобы о томъ было упомянуто въ правилахъ, регулирующихъ дѣятельность старостъ. Отсюда возможность пререканій и столкновеній, особенно нежелательныхъ тогда, когда имѣется на лицо periculum in mora. Всего практичнѣе было бы, повидимому, не стѣснять старостъ въ назначеніи времени и мѣста совѣщательныхъ собраній, лишь бы они происходили не въ рабочіе часы и о предстоящемъ собраніи каждый разъ было заблаговременно извѣщаемо фабричное управленіе. Чѣмъ меньше въ отношенія обѣихъ сторонъ было внесено раздраженія до собранія, тѣмъ вѣроятнѣе спокойное обсужденіе спорныхъ вопросовъ и миролюбивое разрѣшеніе ихъ при послѣдующихъ переговорахъ между старостой (или старостами) и фабричнымъ управленіемъ... Назначеніе времени и мѣста законъ предоставляетъ управленію только по отношенію къ собраніямъ рабочихъ; собранія старостъ—по дѣламъ,

касающимся нѣсколькихъ разрядовъ,—не подчинены этому правилу, т.-е. могутъ происходить въ любое время и въ любомъ мѣстѣ, по усмотрѣнію самихъ старостъ. Для столь малочисленныхъ собраній нѣтъ, очевидно, никакой надобности въ особой регламентаціи.

Еслибы учрежденіе фабричныхъ старостъ и было осуществлено повсемѣстно, еслибы способъ образованія и функціонированія его и былъ со всею точностью опредѣленъ закономъ, это не могло бы еще служить достаточной гарантіей его успѣха. Почвой для дѣятельности фабричныхъ старостъ служитъ фабричное законодательство. Чѣмъ полнѣе оно обезпечиваетъ права рабочихъ, личныя и коллективныя, тѣмъ больше благопріятствуетъ матеріальному благосостоянію и духовному развитію рабочаго класса, тѣмъ шире поприще, открывающееся передъ уполномоченными рабочихъ—и наоборотъ. Нужно надѣяться, поэтому, что законъ 10-го іюня—только первое звено въ цѣпи реформъ, давно уже настоятельно необходимыхъ. Кое-что фабричные старосты могутъ, конечно, сдѣлать и теперь, но многое, очень многое окажется для нихъ недоступнымъ и непосильнымъ. Убѣждаетъ насъ въ этомъ, между прочимъ, любопытная статья рабочаго Ѳ. А. Слѣпова, напечатанная въ №№ 184 и 186 „Московскихъ Вѣдомостей". Можно относиться скептически къ настроенію рабочаго, неоднократно уже выступавшаго сотрудникомъ г. Грингмута, но нѣтъ причины сомнѣваться въ достовѣрности приводимыхъ имъ фактовъ, разъ что они не являются водой для реакціонной газетной мельницы. „Много зла"—говоритъ Ѳ. А. Слѣповъ—„кроется въ нашей жизни, и со введеніемъ старостъ-посредниковъ оно будетъ прекращаться. На фабрикахъ и заводахъ содержится многочисленный штатъ служащихъ, техниковъ и конторщиковъ, который значительно затрудняетъ, а иногда и осложняетъ, непосредственныя сношенія рабочихъ съ хозяевами. Отдѣльному рабочему трудно бываетъ и даже опасно довести свою жалобу до хозяина, такъ какъ это можетъ угрожать ему серьезными непріятностями со стороны служебнаго персонала фабрики, являющагося непосредственнымъ его начальствомъ". Особенно много терпятъ рабочіе отъ монтеровъ и табельщиковъ. Монтеръ (т.-е. рабочій монтирующій и собирающій машины) долженъ обладать техническимъ образованіемъ и практическою подготовкой; но на самомъ дѣлѣ онъ „представляетъ собою не болѣе, не менѣе какъ подрядчика и нерѣдко даже работы своей не знаетъ какъ слѣдуетъ. Монтеры обыкновенно имѣютъ у себя подъ начальствомъ нѣсколькихъ рабочихъ, которымъ даютъ работу, и распоряжаются ими какъ заблагоразсудится. Монтеры, большею частью—бывшіе рабочіе, выдвинувшіеся не столько знаніемъ дѣла, сколько другими качествами. Монтеры имѣютъ большое вліяніе на расцѣнки предметовъ, обрабатываемыхъ подъ ихъ

командой, причемъ злоупотребляютъ иногда самымъ безсовѣстнымъ образомъ, просто-на-просто опиваютъ своихъ подчиненныхъ, берутъ съ нихъ %% съ выработаннаго рубля и многое другое... Всѣ подобныя мелочи медленно и постепенно подготовляютъ безпорядки, за которые потомъ расплачиваются рабочіе, а монтеры получаютъ награду за сбавку расцѣнокъ да за скорость исполненія данной имъ работы. Всѣ монтеры, ничего не дѣлающіе, зарабатываютъ, вмѣстѣ съ *доходами*, въ два, а иногда и въ три раза болѣе рабочаго, работающаго подъ ихъ командой до пота лица". Больше всего рабочіе ненавидятъ *табельщиковъ*, „обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы отмѣчать рабочихъ, приходящихъ утромъ на работу и уходящихъ вечеромъ съ работы. Положимъ, на какой-нибудь фабрикѣ или заводѣ работы утромъ начинаются въ семь часовъ. Согласно правиламъ внутренняго распорядка, на опозданіе рабочимъ полагается пять—десять минутъ, и если кто изъ рабочихъ опоздаетъ на одну—двѣ минуты противъ положеннаго времени, то табельщикъ подвергаетъ таковаго штрафу. И если въ правилахъ значится, что за опозданіе на столько-то минутъ полагается, допустимъ, штрафъ не менѣе 25-ти копѣекъ, табельщикъ столько именно и запишетъ, а ни въ какомъ случаѣ не меньше. На нѣкоторыхъ заводахъ опоздавшіе уже не впускаются въ заводъ до обѣда, за что штрафуются полдневнымъ жалованьемъ, помимо вычета за прогульное время. Значитъ, бѣдняга рабочій, выйдя съ обѣда на работу, проработаетъ даромъ,—дня въ мѣсяцѣ и нѣтъ. А между тѣмъ, кто изъ людей можетъ поручиться, что не опоздаетъ на нѣсколько минутъ противъ назначеннаго срока? При штрафованіи рабочихъ за опозданіе не принимается въ разсчетъ ни время года, ни разстояніе квартиры рабочаго отъ фабрики или завода. Несмотря на жестокую вьюгу холодною зимнею порой, несмотря на проливной дождь осени, все равно опоздавшихъ не впустятъ въ заводъ. Домой идти далеко, версты двѣ или три, а тутъ недалеко трактиръ съ водкой... Отправляются туда и, глядь, перепились, опоздали на работу и послѣ обѣда, за что уже, согласно правиламъ внутренняго распорядка, и слѣдующій день придется работать весь даромъ: какіе же они могутъ быть работники? Нерѣдко изъ-за опозданія пяти минутъ рабочій и мѣсто теряетъ... На нѣкоторыхъ заводахъ табельщики штрафуютъ за то, что рабочій вздумаетъ омыть отъ грязи свое лицо, или подойдетъ о чемъ-либо поговорить со своимъ товарищемъ. Если же рабочіе вздумаютъ жаловаться хозяину или инженеру на притѣсненія табельщиковъ, то имъ или не повѣрятъ, или выслушаютъ равнодушно. На одной кондитерской фабрикѣ существуетъ чрезвычайно странный обычай, а именно—штрафовать рабочихъ за отлучку отъ работы по необходимой физической потребности, на что администра-

ціей фабрики положено для каждаго рабочаго не болѣе четырехъ разъ въ день, для чего выдаются рабочимъ значки. И если кто изъ нихъ отлучится въ пятый разъ, то штрафъ". Жалобы на подобные порядки, приносимыя фабричному инспектору, большею частью, по словамъ Ѳ. А. Слѣпова, не приводятъ къ цѣли; съ устнымъ заявленіемъ можно обратиться къ инспектору только въ пріемный его день, т.-е. одинъ разъ въ недѣлю, а письменныя обыкновенно не читаются или оставляются безъ вниманія. Появленіе фабричнаго инспектора на фабрикѣ или заводѣ составляетъ событіе; многіе рабочіе, работая по нѣскольку лѣтъ, никогда его не видали. Поэтому, когда неожиданно пріѣзжаетъ инспекторъ, „мелкая сошка" (т.-е. низшій служебный персоналъ, набираемый изъ среды рабочихъ) „уже догадывается, что кто-нибудь изъ рабочихъ да жаловался, иначе зачѣмъ бы это вздумалось инспектору посѣтить фабрику? И вотъ, послѣ его отъѣзда начинается разслѣдованіе, какой это смѣльчакъ вздумалъ жаловаться. Подозрѣніе, прежде всего, падаетъ на тѣхъ, кто предъ этимъ грубо поговорилъ съ мастеромъ или монтеромъ; слѣдовательно, надо гнать ихъ. Подходитъ срокъ, ихъ увольняютъ.—За что?—спрашиваютъ изгоняемые. Какія за нами причины оказались?—Не нужны,—получаютъ въ отвѣтъ.—Ужъ въ такихъ случаяхъ жалобы совсѣмъ немыслимы, ибо увольненіе послѣдовало на законномъ основаніи, въ срокъ. Да потому и увольняю,—скажетъ иной начальникъ изгоняемому рабочему,—что мнѣ твое лицо не нравится".

Таково положеніе вещей, изображаемое въ статьѣ благонадежнаго рабочаго. Что можетъ измѣнить въ немъ учрежденіе фабричныхъ старостъ? Легче будетъ, по всей вѣроятности, доводить отдѣльныя злоупотребленія до свѣдѣнія фабричнаго управленія или фабричнаго инспектора: въ выслушаніи лица, имѣющаго право говорить отъ имени цѣлой группы, отказать не такъ удобно, какъ въ выслушаніи самого потерпѣвшаго. Болѣе достижимымъ сдѣлается, сообразно съ этимъ, и устраненіе злоупотребленій, по крайней мѣрѣ явныхъ и грубыхъ. Нетрудно замѣтить, однако, что всего больше рабочіе, судя по сообщеніямъ Ѳ. А. Слѣпова, терпятъ не отъ злоупотребленій, т.-е. не отъ произвольныхъ нарушеній установленнаго порядка, а отъ его соблюденія. Табельщикъ, отмѣчающій опоздавшихъ рабочихъ и не впускающій ихъ на фабрику, исполняетъ порученіе, возложенное на него фабричнымъ управленіемъ; жаловаться на него нѣтъ повода, можно только *просить* о смягченіи правилъ—а судьба такой просьбы лишь въ незначительной степени будетъ зависѣть отъ того, кѣмъ она предъявлена. Для того, чтобы просьба могла обратиться въ требованіе, нужно измѣненіе фабричнаго законодательства, расширеніе правъ фабричной инспекціи. Пока, напримѣръ, послѣдствія опозданія остаются одни и тѣ же „во всякое время года, при всякомъ разстояніи

между квартирой рабочаго и фабрикой или заводомъ", до тѣхъ поръ остается неизмѣнной и роль табельщика: отворить дверь передъ опоздавшими, разъ что она заперта въ силу распоряженія начальства, онъ не въ правѣ. Немного помогутъ рабочимъ и жалобы на монтеровъ, хотя бы онѣ были принесены черезъ фабричныхъ старостъ. Разъ что посредничество монтеровъ выгодно для фабричнаго управленія, разъ что оно ведетъ къ сбавкѣ расцѣнокъ и ускоренію работы, едва ли оно будетъ отмѣнено по доброй волѣ управленія, и теперь, конечно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ хорошо освѣдомленнаго объ эксплоатаціи, которой рабочіе подвергаются со стороны монтеровъ. Необходимы общія мѣры противъ паразитовъ, живущихъ эксплоатаціей рабочихъ—такія мѣры, которыя позволили бы фабричной инспекціи устранять вмѣшательство третьихъ лицъ въ отношенія между рабочими и фабричнымъ управленіемъ. Не предупредятъ, наконецъ, фабричные старосты и тѣхъ безпричинныхъ увольненій, о которыхъ говорится въ статьѣ Ѳ. А. Слѣпова. Нѣтъ основанія думать, что введеніе фабричныхъ старостъ уменьшитъ, само по себѣ, вліяніе „мелкой сошки"—а пока она сильна, ей нетрудно будетъ узнать, по чьему почину староста сообщилъ инспекціи о томъ или другомъ нарушеніи правилъ и затѣмъ, обнаруживъ „виновнаго", быстро и безповоротно удалить его съ фабрики. Гдѣ, наконецъ, гарантія противъ увольненія самихъ старостъ изъ числа рабочихъ?

Тяжелое впечатлѣніе производитъ та часть статьи Ѳ. А. Слѣпова, которая касается чиновъ фабричной инспекціи. Рѣдко, какъ уже сказано выше, посѣщая фабрики, они объясняются съ рабочими, большею частью, не въ мастерскихъ, а въ конторѣ, въ присутствіи служебнаго персонала фабрики, что̀, конечно, не способствуетъ откровенности объясненій. „Есть между инспекторами,—говоритъ Ѳ. А. Слѣповъ,—очень добрые и хорошіе люди, которые смотрятъ на рабочихъ какъ на людей, равноправныхъ предъ закономъ съ хозяевами, вникаютъ въ нужды рабочихъ, безпристрастно разбираютъ ихъ жалобы—*но такихъ немного*". Вообще фабричная инспекція „далеко не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, какія на нее возлагались". Наивно было бы думать, что этому горю могутъ помочь фабричные старосты. По своему назначенію, по своей роли они не имѣютъ ничего общаго съ фабричной инспекціей: они являются стороною, тогда какъ инспекція должна стоять надъ сторонами; они лишены всякой власти, тогда какъ инспекція сама вооружена немалыми полномочіями и можетъ привести въ дѣйствіе другіе правительственные о̀рганы. Это, очевидно, чувствуетъ и Ѳ. А. Слѣповъ. Коррективомъ явно преувеличенныхъ восторговъ, возбуждаемыхъ въ немъ закономъ 10-го іюня, служитъ слѣдующее мѣсто его статьи: „для того, чтобъ и старосты рабочихъ

не были хороши только на бумагѣ, необходимо и поощрить ихъ дѣятельность, и дать ей болѣе широкій просторъ. Рабочіе въ Москвѣ пробовали создать свой совѣтъ, который хотя и не утвержденъ, но сдѣлалъ такъ много пользы на почвѣ предупрежденія безпорядковъ на фабрикахъ и заводахъ, что смѣло можно сказать, благодаря ему въ Москвѣ, несмотря на ужасную безработицу, а также на усилія гг. революціонеровъ, не произошло ни одного безпорядка. Не будь этого миѳическаго совѣта, многіе фабрики и заводы испытали бы на себѣ всю прелесть забастовокъ!—Да и вообще, вѣдь и дѣло-то рабочихъ могутъ вести хорошо только сами же рабочіе, а кто не работалъ самъ, тотъ не знаетъ какъ слѣдуетъ и нуждъ-то рабочихъ. Кромѣ того, рабочіе-выборные скорѣе сговорятся со своими собратьями тамъ, гдѣ ни одному фабричному инспектору никогда не сговориться съ ними, потому что свои только и поймутъ своихъ". Перспектива, открываемая этими словами, очень широка; въ нихъ слышится не сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей", а членъ рабочаго класса, знающій его желанія и нужды.

Гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ учрежденіе фабричныхъ старостъ, имѣетъ Высочайше утвержденное 2-го іюня мнѣніе государственнаго совѣта о вознагражденіи потерпѣвшихъ, вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, рабочихъ и служащихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. Въ движеніи вопроса, разрѣшеннаго этимъ закономъ, поразительна медленность, рѣдкая даже въ нашей законодательной практикѣ. Необходимость регулировать особыми правилами отвѣтственность предпринимателей по отношенію къ рабочимъ была признана оффиціально болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. При Н. Х. Бунге предполагалось перенести бремя доказательства съ истцовъ (рабочихъ) на отвѣтчиковъ (предпринимателей); другими словами, на мѣсто обязанности истца доказать вину предпринимателя предполагалось поставить обязанность послѣдняго доказать вину рабочаго. При И. А. Вышнеградскомъ министерство финансовъ склонилось къ противоположному мнѣнію. Законопроектъ, уже внесенный въ государственный совѣтъ, былъ, однако, взятъ назадъ С. Ю. Витте—и движеніе дѣла пріостановилось надолго. Возобновленію его способствовало изданіе въ 1901 г. временныхъ правилъ о производствѣ изъ казны пенсій за увѣчья и болѣзни горнорабочимъ казенныхъ заводовъ и рудниковъ—правилъ, сравнительно благопріятныхъ для рабочихъ. Во многомъ сходится съ ними и настоящій законъ. Остановимся, прежде всего, на тѣхъ его постановленіяхъ, которыя касаются основаній отвѣтственности и распредѣленія ея между сторонами.

Отвѣтственность за несчастные случаи въ предпріятіяхъ фабричнозаводской, горной и горнозаводской промышленности законъ 2-го іюня (ст. 1-я) возлагаетъ на владѣльцевъ предпріятій, если тѣлесное повреждение, вызвавшее утрату трудоспособности долѣе, чѣмъ на три дня, причинено работами по производству предпріятія или произошло вслѣдствіе этихъ работъ. По ст. 2-й владѣлецъ предпріятія освобождается отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ (послѣднихъ—если повреждение имѣло послѣдствіемъ смерть рабочаго) только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиною несчастнаго случая были злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ. Итакъ, во-первыхъ, основаніемъ къ освобожденію отъ отвѣтственности признается лишь квалифицированная вина самого потерпѣвшаго; во-вторыхъ, на отвѣтчика возлагается обязанность доказать наличность этого основанія. Сравнительно съ настоящимъ положеніемъ вещей это, безъ сомнѣнія, очень большой шагъ впередъ: чрезвычайно важно, что презумпція установлена въ пользу потерпѣвшаго и что опровергнута она можетъ быть только въ опредѣленныхъ случаяхъ, составляющихъ болѣе или менѣе рѣдкое исключеніе. Чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ значеніи новаго правила, необходимо, однако, разсмотрѣть другіе способы разрѣшенія вопроса. Можно утверждать, что поводомъ къ освобожденію предпринимателя отъ отвѣтственности за несчастный случай должна служить *всякая* вина рабочаго, т.-е. не только злой умыселъ, не только *грубая*, ничѣмъ не оправдываемая неосторожность, но неосторожность вообще, „culpa“ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Можно находить, наоборотъ, что *единственнымъ* основаніемъ къ освобожденію отъ отвѣтственности долженъ считаться *злой умыселъ* потерпѣвшаго. Исходъ, усвоенный закономъ 2-го іюня, составляетъ средину между этими двумя крайними мнѣніями. Аргументы противъ перваго изъ нихъ сгруппированы въ статьѣ бар. А. М. Нолькена: „Законъ 2-го іюня 1903 г.“ (см. № 30 газеты „Право“, стр. 1865—1866), представляющей собою весьма цѣнный комментарій къ новому закону. „Если самое понятіе о неосторожности“—говоритъ бар. Нолькенъ—„вообще весьма растяжимо, то въ примѣненіи къ фабричнозаводской жизни точное установленіе его тѣмъ болѣе затруднительно. То, что̀ является неосмотрительнымъ поступкомъ со стороны лица, случайно занимающагося какою-либо работою, для фабричнаго рабочаго, пріобрѣвшаго уже извѣстный навыкъ къ данной работѣ, не представляется рискованнымъ. Поэтому и несчастные случаи съ такими рабочими часты. Неизбѣжно слѣдуетъ считаться и съ современными условіями фабричнаго труда. При постоянной, изо дня въ день, работѣ по 9—11 ча-

совъ въ сутки вниманіе рабочаго не можетъ въ концѣ концовъ не притупляться. Естественно, поэтому, что у такихъ рабочихъ ослабѣваетъ также и чувство самосохраненія. Нѣкоторые, и притомъ преимущественно наиболѣе искусные въ своемъ дѣлѣ рабочіе, вполнѣ свыкаясь съ опасностями производства, дѣйствительно иногда пренебрегаютъ мѣрами предосторожности, что̀ едва ли можно поставить имъ въ вину, такъ какъ трудно работать изо дня въ день, все время памятуя о мѣрахъ предосторожности. Наконецъ, если имѣть въ виду, что въ большинствѣ нашихъ заводовъ рабочіе получаютъ задѣльную плату, то вполнѣ понятно, что рабочій изъ желанія увеличить свой заработокъ ускоряетъ иногда свою работу, ускореніе же это идетъ, конечно, въ ущербъ безопасности рабочаго. Подобныхъ случаевъ не въ силахъ будутъ устранить никакія предупредительныя мѣры. При такихъ условіяхъ введеніе понятія о винѣ самого потерпѣвшаго въ дѣло о его вознагражденіи несомнѣнно весьма существенно затрудняетъ задачу суда". Соглашаясь вполнѣ съ этими соображеніями, мы думаемъ, что логическій изъ нихъ выводъ—признаніе правильности второго изъ вышеупомянутыхъ мнѣній, въ силу котораго основаніемъ къ освобожденію отъ отвѣтственности можетъ служить *только* злой умыселъ потерпѣвшаго. Къ другому заключенію приходитъ, однако, самъ баронъ Нолькенъ. „Установленіе безусловной отвѣтственности предпринимателя",—такъ разсуждаетъ онъ дальше,—„даже въ тѣхъ случаяхъ, когда виновникомъ случившагося несчастья является самъ потерпѣвшій, не вытекало бы изъ основного начала закона 2-го іюня о профессіональномъ рискѣ фабриканта, ибо этимъ нарушалась бы непосредственная причинная связь между приключившимся съ рабочимъ вредомъ и условіями производства работъ". Вопросъ о винѣ теряетъ свое значеніе только при обязательномъ страхованіи, когда предприниматель перестаетъ нести непосредственную отвѣтственность за каждый несчастный случай. Въ подтвержденіе этого взгляда бар. Нолькенъ ссылается на западно-европейскія законодательства. Правда, отъ нихъ отступаютъ временныя правила 1901-го года (по которымъ единственнымъ обстоятельствомъ, освобождающимъ отъ отвѣтственности, признается злой умыселъ потерпѣвшаго); но бар. Нолькенъ объясняетъ это отступленіе „особымъ свойствомъ означенныхъ правилъ, которыя не построены исключительно на началахъ юридическихъ и экономическихъ, но которымъ несомнѣнно присущъ нѣкоторый элементъ благотворительности". Намъ кажется, что ни благотворительнаго элемента, ни противорѣчія съ идеей профессіональнаго риска, отвѣтственность предпринимателя передъ рабочимъ, пострадавшимъ по собственной, хотя бы и грубой неосторожности, въ себѣ не заключаетъ. Ничего похожаго на благотвореніе нѣтъ въ обезпе

ченіи рабочаго, пострадавшаго при постоянно грозящей опасностью обстановкѣ фабричнозаводскаго производства—обезпеченіи скудномъ, далеко не возмѣщающемъ того, что даетъ трудъ здороваго, работоспособнаго человѣка. Идея профессіональнаго риска—какъ ее опредѣлилъ, напримѣръ, Феликсъ Форъ (впослѣдствіи президентъ французской республики), хорошо знакомый, по собственному опыту [1]), съ положеніемъ рабочихъ и однимъ изъ первыхъ высказавшійся во Франціи за широкую отвѣтственность предпринимателей,—состоитъ именно въ томъ, что основаніемъ отвѣтственности служатъ самыя условія фабричной работы и что рабочій долженъ быть защищенъ противъ своей собственной неосторожности или небрежности. А вотъ что говоритъ докладчикъ одной изъ французскихъ парламентскихъ коммиссій, Дюше [2]): профессіональный рискъ—это непредотвратимая случайность или воздѣйствіе превосходящей силы въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ страшныя элементарныя силы обузданы человѣкомъ и привлечены на служеніе его интересамъ. Что же такое, въ виду этого, неосторожность рабочаго, привыкшаго, въ силу постояннаго общенія съ этой страшной средой, игнорировать спеціальную опасность промысла? Развѣ это не результатъ воздѣйствія условій, которыя находятся въ распоряженіи или подъ надзоромъ владѣльца предпріятія"? Ссылка на тѣ западно-европейскія законодательства, по которымъ *вина* рабочаго освобождаетъ предпринимателя отъ отвѣтственности, неубѣдительна какъ потому, что они составляютъ переходную ступень къ обязательному страхованію отъ несчастныхъ случаевъ, всѣ издержки котораго падаютъ на предпринимателя, такъ и потому, что равновѣсіе возстановляется въ нихъ, отчасти, усиленіемъ отвѣтственности предпринимателя, если несчастный случай произошелъ по его винѣ—а законъ 2-го іюня ничего подобнаго не установляетъ.

Возвращаясь отъ крайнихъ рѣшеній къ среднему, принятому закономъ 2-го іюня, мы не можемъ не признать, что, увеличивая число причинъ, устраняющихъ отвѣтственность предпринимателя, оно тѣмъ самымъ ухудшаетъ положеніе пострадавшаго или его семейства. Конечно, „грубая неосторожность, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ"—понятіе гораздо болѣе тѣсное, чѣмъ *вина* рабочаго: ее труднѣе доказать, ссылку на нее легче опровергнуть. Тѣмъ не менѣе введеніе ея въ законъ открываетъ дверь для цѣлаго ряда процессовъ, уменьшаетъ опредѣленность отношеній между рабочими и предпринимателемъ. *Грубая неосторожность*—понятіе

---

[1]) Отецъ Фора былъ содержателемъ обойной мастерской; его самого торговыя дѣла долго ставили въ соприкосновеніе съ фабриками.

[2]) Заимствуемъ эту цитату изъ статьи проф. В. Г. Яроцкаго, помѣщенной въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза и Ефрона (т. XXII, стр. 391).

крайне эластичное; невозможно установить съ точностью границу, отдѣляющую ее отъ простой неосторожности. Въ обстоятельствахъ, вполнѣ аналогичныхъ, одинъ судъ можетъ усмотрѣть грубую неосторожность, другой—легкую неосмотрительность. Исходъ процесса нельзя будетъ предусмотрѣть съ какою бы то ни было вѣроятностью; неизвѣстность, столь тягостная для потерпѣвшаго, будетъ иногда продолжаться очень долго. Особенно тяжело и едва-ли согласно съ справедливостью будетъ положеніе семьи потерпѣвшаго, въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣлесное поврежденіе окажется смертельнымъ: какъ бы груба ни была неосторожность, достаточнымъ искупленіемъ ея служитъ смерть—и вмѣстѣ съ тѣмъ наступленіе смерти, свидѣтельствуя о степени опасности, которой подвергался погибшій, заставляетъ думать, что онъ не сознавалъ возможныхъ послѣдствій своего образа дѣйствій. Вообще нѣтъ причины предполагать, что разсчетъ на полученіе вознагражденія можетъ повлечь за собою уменьшеніе осторожности, необходимой для рабочаго, и увеличить, тѣмъ самымъ, число несчастій. Здоровье и жизнь всякому дороже всего; немного найдется охотниковъ ставить ихъ на карту изъ-за такихъ ничтожныхъ выгодъ, какія обѣщаетъ вознагражденіе потерпѣвшаго отъ несчастнаго случая. Рискъ, сопряженный съ нарушеніемъ мѣръ предосторожности, не поддается даже приблизительному опредѣленію; кто пренебрегаетъ элементарными требованіями безопасности, тотъ не можетъ предвидѣть, во что это ему обойдется... Чѣмъ больше рабочій увѣренъ въ томъ, что въ случаѣ несчастья онъ самъ и его семья не останутся безъ всякихъ средствъ къ существованію, тѣмъ легче ему сохранять спокойствіе духа, столь важное при опасной работѣ. Съ этой точки зрѣнія устраненіе, по возможности, всего того, что затрудняетъ выдачу вознагражденія, соотвѣтствуетъ, какъ намъ кажется, не только интересамъ рабочихъ, но и интересамъ предпринимателей.

Мы только-что подчеркнули незначительность вознагражденія, на которое даетъ право несчастный случай. И дѣйствительно, пособія, выдаваемыя впредь до возстановленія работоспособности, составляютъ, по закону 2-го іюня, лишь *половину* дѣйствительнаго заработка потерпѣвшаго, а пенсія, назначаемая при совершенной утратѣ работоспособности—*двѣ трети* его годового содержанія. Не выше этой послѣдней цифры можетъ простираться и совокупность пенсій, назначаемыхъ членамъ семьи потерпѣвшаго, если послѣдствіемъ несчастнаго случая была смерть. Совершенно очевидно, что *выгоды* для рабочаго или для его семьи такія нормы вознагражденія никакой не представляютъ и къ нарушенію осторожности ни въ какомъ случаѣ располагать не могутъ. Помимо страданій и неудобствъ, сопряженныхъ съ увѣчьемъ, оно грозитъ рабочему потерей, на болѣе или менѣе про-

должительное время, половины заработка, т.-е. чѣмъ-то весьма близкимъ къ нищетѣ; да и послѣ выздоровленія онъ далеко не всегда будетъ въ силахъ зарабатывать столько, сколько до несчастнаго случая [1]). Смерть рабочаго, при томъ размѣрѣ пенсіи, о которомъ упомянуто выше, не только уменьшаетъ, въ настоящемъ, средства его семьи, но и лишаетъ ее надежды на увеличеніе ихъ въ будущемъ, всегда возможное, пока живъ и работоспособенъ кормилецъ семьи. Дѣти умершаго имѣютъ право на пенсію только до достиженія пятнадцатилѣтняго возраста, между тѣмъ какъ отецъ, оставшись въ живыхъ, могъ бы поддерживать ихъ и дольше, въ особенности при неспособности ихъ къ труду (въ законѣ 2-го іюня не предусмотрѣнной вовсе). Нѣкоторымъ эквивалентомъ всѣхъ этихъ потерь можетъ служить только право на вознагражденіе, безусловно или съ возможно меньшими ограниченіями признанное закономъ и осуществимое съ наибольшею легкостью и быстротою. Справедливѣе было бы, впрочемъ, допустить, при извѣстныхъ условіяхъ, увеличеніе размѣра пособій и пенсій даже до полнаго содержанія, которое потерпѣвшій получалъ раньше несчастнаго случая.

Цѣлый рядъ правилъ новаго закона имѣетъ въ виду оградить рабочихъ и ихъ семейства отъ заключенія невыгодныхъ для нихъ сдѣлокъ. Всѣ предшествовавшія несчастному случаю соглашенія, клонящіяся къ ограниченію права на вознагражденіе или его размѣровъ, признаются недѣйствительными (ст. 4). Замѣна пенсій единовременными выдачами, по взаимному соглашенію сторонъ, допускается не иначе, какъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, предупреждающихъ нарушеніе интересовъ потерпѣвшаго (ст. 19). Соглашенія между рабочимъ (или членами его семьи) и владѣльцемъ предпріятія относительно вида и размѣровъ вознагражденія предъявляются фабричному инспектору или окружному инженеру, который въ правѣ отказать въ ихъ засвидѣтельствованіи, если найдетъ ихъ явно и существенно нарушающими правила, установленныя закономъ (ст. 31). Соглашеніе, надлежащимъ образомъ не засвидѣтельствованное, не лишаетъ права требовать вознагражденія, опредѣленнаго закономъ, и на все время исполненія этого соглашенія предпринимателемъ пріостанавливается теченіе давностнаго срока (ст. 38). Если соглашенія не послѣдовало, каждой сторонѣ предоставляется обратиться къ фабричному инспектору или окружному инженеру съ устнымъ или письменнымъ ходатайствомъ о разъясненіи сторонамъ ихъ правъ и обязанностей, согласно закону и обстоятельствамъ даннаго случая (ст. 32). Если и

---

[1]) Неполная утрата работоспособности даетъ право на пенсію, соотвѣтственно уменьшенную; но могутъ быть случаи, когда здоровье, повидимому, возстановлено вполнѣ—и тѣмъ не менѣе нѣтъ на лицо прежней выдержки и силы.

затѣмъ соглашеніе не состоялось (а также при отказѣ въ засвидѣтельствованіи соглашенія), фабричнымъ инспекторомъ или окружнымъ инженеромъ составляется актъ, въ которомъ, кромѣ обстоятельствъ дѣла, излагается и заключеніе его составителя (ст. 34). Исковое требованіе рабочаго или его семьи можетъ быть, впрочемъ, предъявлено въ судъ и безъ соблюденія всей этой процедуры, но въ такомъ случаѣ истецъ лишается права на полученіе съ отвѣтчика судебныхъ издержекъ и вознагражденія за веденіе дѣла. Такія же послѣдствія имѣетъ для истца признаніе его иска подлежащимъ удовлетворенію въ суммѣ не свыше той, которую предлагалъ отвѣтчикъ при производствѣ дѣла у инспектора или инженера (ст. 40). По дѣламъ, подходящимъ подъ дѣйствіе настоящаго закона, условія о вознагражденіи повѣреннаго въ размѣрѣ, превышающемъ таксу, воспрещаются и признаются недѣйствительными (ст. 41).

Вполнѣ сочувствуя вышеизложеннымъ правиламъ, насколько они имѣютъ цѣлью оградить рабочихъ отъ уступокъ, вызванныхъ крайнею нуждою или непониманіемъ закона, и отъ эксплоатаціи со стороны адвокатовъ, мы думаемъ, что для окончанія процедуры, предшествующей судебному разбирательству, слѣдовало бы установить по возможности короткій—напр. двухнедѣльный—срокъ; иначе производство у фабричнаго инспектора или окружного инженера можетъ сдѣлаться источникомъ проволочки, крайне тягостной для потерпѣвшихъ [1]). Осторожнѣе было бы, какъ намъ кажется, ограничить это производство попыткой соглашенія между сторонами, не требуя отъ инспектора или инженера заключенія о правѣ потерпѣвшей стороны на вознагражденіе и о его размѣрахъ. Такое заключеніе является, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ показаніемъ свѣдущаго лица, даннымъ безъ тѣхъ гарантій, которыми такія показанія обставлены на судѣ. Конечно, отъ суда зависитъ вызвать и спросить другихъ экспертовъ и этимъ путемъ повѣрить правильность мнѣнія инспектора или инженера; но извѣстную презумпцію, въ томъ или другомъ смыслѣ, оно все-таки установляетъ—и это можетъ отозваться на дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Возможно и то, что рабочій, для котораго заключеніе окажется неблагопріятнымъ, не рѣшится, вслѣдствіе этого, предъявить судебный искъ и поспѣшитъ согласиться на всѣ предложенія предпринимателя. Опровергнуть презумпцію предпринимателю будетъ легче, чѣмъ рабочему, потому что онъ можетъ заручиться болѣе искусной защитой на судѣ и добиться вызова бо̀льшаго числа экспертовъ.

---

[1]) На все время этого производства пріостанавливается теченіе давностнаго срока—но опасность медленности все-таки весьма велика.

Къ нѣкоторымъ другимъ сторонамъ закона 2-го іюня мы еще возвратимся.

Кромѣ законовъ 2-го и 10-го іюня, конецъ законодательнаго періода 1902—3 г. принесъ съ собою еще нѣсколько важныхъ узаконеній. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи учреждена уѣздная (сельская) полицейская стража, состоящая изъ урядниковъ (по одному на волость) и стражниковъ (въ среднемъ по одному на 2.500 душъ обоего пола). Когда она, въ теченіе пяти лѣтъ, будетъ введена повсемѣстно, содержаніе ея будетъ обходиться казнѣ въ десять слишкомъ милліоновъ рублей. По мѣрѣ ея введенія упраздняются полицейскіе урядники и сотскіе. Десятскіе, избираемые сельскими обществами (не болѣе одного на каждые 25 — 30 дворовъ), не входятъ въ составъ уѣздной полиціи, находятся въ завѣдываніи сельскаго и волостного начальства, могутъ быть замѣняемы, по желанію сельскаго схода, вольнонаемными десятниками, исполняютъ полицейскія обязанности, по общему правилу, только въ мѣстахъ своего постояннаго пребыванія и для дежурства въ становыхъ квартирахъ не наряжаются, но могутъ быть командируемы въ распоряженіе чиновъ уѣздной полиціи для участія въ принудительныхъ полицейскихъ дѣйствіяхъ. По заявленію лицъ, не подлежащихъ вѣдомству волостного управленія, волостные старшины и сельскіе старосты принимаютъ на земляхъ означенныхъ лицъ необходимыя мѣры по охраненію благочинія, порядка и безопасности. Это послѣднее постановленіе, узаконяя порядокъ, на практикѣ дѣйствовавшій и раньше, устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что издержки по содержанію волостного и сельскаго управленія слѣдовало бы, по справедливости, возложить на *все* населеніе волости, на *всѣхъ* ея землевладѣльцевъ, — т.-е. составляетъ новый аргументъ въ пользу мелкой земской единицы или всесословной волости. То же самое слѣдуетъ сказать и о десятскихъ, которые, дѣйствуя по указаніямъ уѣздной полиціи, сплошь и рядомъ могутъ являться охранителями землевладѣльческихъ интересовъ. Шагомъ впередъ, съ занимающей насъ точки зрѣнія, представляется упраздненіе сотскихъ, которые, получая содержаніе отъ однихъ крестьянъ, давно уже входили, de facto, въ составъ общей полиціи. Въ какой степени оправдаются ожиданія, возлагаемыя на вновь учрежденную полицейскую стражу—покажетъ время. Тамъ, гдѣ селенія мелки и далеко отстоятъ одно отъ другого, одинъ стражникъ на 2.500 душъ едва ли окажетъ большія услуги охранѣ спокойствія и порядка — а увеличивать еще больше составъ полицейской стражи невозможно по финансовымъ соображеніямъ. Же-

лательно, во всякомъ случаѣ, чтобы урядники и стражники сосредоточивали все свое вниманіе на ближайшей непосредственной своей задачѣ и не принимали на себя той непосильной и не свойственной имъ роли, какую намѣчаетъ для нихъ циркуляръ херсонскаго губернатора. „Къ урядникамъ и стражникамъ"—читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ—„прежде всего обращаются лица сельскаго состоянія съ заявленіями о совершившихся преступленіяхъ, съ жалобами о разныхъ обидахъ и съ просьбами объ охранѣ и возстановленіи своихъ преступно нарушенныхъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Въ энергичныхъ и въ то же время находчиво-толковыхъ, спокойныхъ и неуклонно-справедливыхъ дѣйствіяхъ полицейскихъ урядниковъ и стражниковъ лежитъ успѣхъ ихъ дѣятельности. Сельское населеніе, при слабомъ, въ огромной части своей, уровнѣ развитія, нуждается постоянно въ совѣтѣ и помощи, и потому особенно важно, чтобы лица, состоящія на общественной и государственной службѣ, какъ бы ни было мало ихъ званіе, являлись въ селѣ лучшими людьми, истинными пособниками населенія во всякомъ правомъ дѣлѣ и своимъ образомъ дѣйствій внушали бы къ себѣ довѣріе и уваженіе, что возможно только *при неуклонно-строгомъ соблюденіи закона и въ то же время человѣколюбивомъ и справедливомъ его примѣненіи*". Подчеркнутыя нами слова очень симпатичны, но съ предшествующими имъ соображеніями согласиться трудно. Съ просьбами о возстановленіи нарушеннаго права слѣдуетъ обращаться не къ полиціи, а къ суду. Юридическими совѣтниками и помощниками населенія урядники и, тѣмъ болѣе, стражники могутъ служить развѣ въ исключительныхъ случаяхъ. Излишнее довѣріе къ ихъ указаніямъ легко можетъ вовлечь въ ошибки, не всегда поправимыя (напр. пропускъ срока на предъявленіе иска или на обжалованіе рѣшенія). Правда, отъ стражниковъ требуется, кромѣ умѣнья читать и писать, „общее достаточное развитіе"; но для того, чтобы правильно понять это послѣднее выраженіе, достаточно припомнить, что стражниковъ (и даже урядниковъ) предполагается назначать преимущественно изъ числа отставныхъ или уволенныхъ въ запасъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Только-что состоявшаяся отмѣна тягчайшихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ довершаетъ дѣло, начатое сорокъ лѣтъ тому назадъ, 17-го апрѣля 1863-го года: она окончательно изгоняетъ изъ нашего законодательства такія орудія пытки, какъ плети, лозы, приковавіе къ телѣжкѣ, и такую удручающую мѣру, какъ бритье головы. Широкое мѣсто въ ряду каръ, налагаемыхъ на каторжныхъ и поселенцевъ, сохраняетъ, однако, наказаніе розгами, назначаемое, притомъ, за *маловажные* преступленія и проступки, и не судомъ, а полицейскою или административною властью, иногда весьма невысокою

по своему положенію (такъ напримѣръ, къ наказанію розгами не свыше тридцати ударовъ ссыльно-поселенецъ можетъ быть присужденъ—безапелляціонно—становымъ приставомъ, смотрителемъ поселенія или волостныхъ правленіемъ). Быть можетъ, и этой аномаліи будетъ скоро положенъ конецъ: министрамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ предоставлено подвергнуть обсужденію вопросъ объ измѣненіи порядка наложенія наказанія розгами ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ и дать этому вопросу дальнѣйшее въ установленномъ порядкѣ направленіе. „Повидимому",—замѣчаетъ по этому поводу В. Д. Набоковъ („Право", № 26)—„рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ ограниченіи права на примѣненіе розогъ, принадлежащаго низшему персоналу администраціи, — ограниченіи тѣмъ болѣе необходимомъ, что послѣ закона 1900 г., а тѣмъ паче съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уложенія, составъ ссыльныхъ долженъ значительно измѣниться (ссылкѣ будутъ подвергаться за преступленія государственныя, религіозныя и т. п.), и было бы, конечно, несправедливо предоставить низшему персоналу администраціи примѣнять розги къ лицамъ, сосланнымъ за преступленія, не носящія позорящаго характера". Намъ кажется, что по отношенію къ такимъ лицамъ тѣлеснаго наказанія не слѣдовало бы допускать вовсе: кѣмъ бы и въ какомъ бы размѣрѣ оно ни было къ нимъ примѣнено, оно слишкомъ легко можетъ оказаться для нихъ равносильнымъ смертному приговору или отравить всю дальнѣйшую ихъ жизнь. Мы затрудняемся понять, почему тѣлесное наказаніе, не существующее больше въ видѣ кары за *тяжкія* преступленія ссыльныхъ, сохраняется для *маловажныхъ* ихъ проступковъ; но если ужъ не признается возможнымъ отмѣнить его совершенно, то слѣдовало бы освободить отъ него, одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія, по крайней мѣрѣ всѣхъ поселенцевъ.

Лѣтомъ прошлаго 1902-го года состоялся законъ, установившій рядъ ветеринарно-полицейскихъ мѣръ по предупрежденію и прекращенію заразныхъ и повальныхъ болѣзней на животныхъ. Еще прежде введенія его въ дѣйствіе многія земскія собранія обратили вниманіе на неудобства и затрудненія, съ которыми было бы сопряжено его осуществленіе [1]). Земскія ходатайства по этому предмету привели сначала къ созыву, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, особаго совѣщанія, съ участіемъ земскихъ дѣятелей, а потомъ къ представленію о пересмотрѣ закона. 10-го минувшаго іюня Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта, во многомъ измѣнившее, дополнившее

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстника Европы" за текущій годъ, стр. 351—3.

или отмѣнившее правила прошлогодняго закона [1]). Ветеринарно-исполнительныя коммиссіи, которыя предполагалось учреждать при первомъ же извѣстіи о появленіи болѣзни, образуются, на основаніи новаго закона, только тогда, когда это будетъ признано необходимымъ губернскою или уѣздною земскою управой, и дѣйствуютъ подъ наблюденіемъ управъ. Земскимъ собраніямъ предоставлено опредѣлять условія допустимости нѣкоторыхъ рѣшительныхъ мѣръ, принятіе которыхъ прежде было поставлено въ зависимость отъ исполнительныхъ коммиссій и чиновъ ветеринарно-полицейскаго надзора. Нѣкоторыя другія мѣры этого рода (напримѣръ обязательное леченіе скота при появленіи излечимыхъ болѣзней) совсѣмъ устранены. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено, по ходатайствамъ мѣстныхъ властей и учрежденій, разрѣшать сокращеніе переписки, установленной закономъ 1902-го года. Земскимъ учрежденіямъ можетъ быть передаваемъ ветеринарно-санитарный надзоръ и за гуртовымъ скотомъ (кромѣ перевозимаго по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ). Расширенъ, наконецъ, кругъ обязательныхъ постановленій по ветеринарной части, которыя могутъ быть издаваемы земскими собраніями.

Если вѣрить сообщенію херсонскаго корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 203), основанному на бесѣдѣ его съ предсѣдателемъ херсонской губернской земской управы, государственнымъ совѣтомъ одобренъ недавно законопроектъ, измѣняющій дѣйствующія постановленія о земскихъ ходатайствахъ. Возстановляется, во-первыхъ, существовавшее до 1890-го года право уѣздныхъ земскихъ собраній на самостоятельное возбужденіе ходатайствъ, помимо губернскаго земства; существенно ограничивается, во-вторыхъ, кругъ предметовъ, которыхъ могутъ касаться земскія ходатайства. Возвращеніе уѣзднымъ земствамъ утраченнаго ими права не вызываетъ принципіальныхъ возраженій. Безспорно, есть мѣстныя нужды, въ удовлетвореніи которыхъ заинтересованъ только одинъ уѣздъ (напримѣръ открытіе новаго двухкласснаго училища, уступка казеннаго земельнаго участка подъ опытное поле, изслѣдованіе, черезъ посредство спеціалиста, той или другой отрасли культуры, составляющей особенность даннаго уѣзда). Проведеніе черезъ губернское земство ходатайствъ, относящихся къ такимъ предметамъ, представляется, въ большинствѣ случаевъ, совершенно излишнимъ. Есть, однако, ходатайства другого рода, затрогивающія, повидимому, чисто-мѣстный вопросъ, но касающіяся, на самомъ дѣлѣ, нѣсколькихъ уѣздовъ или цѣлой губерніи.

[1]) См. передовую статью въ № 203 „Русскихъ Вѣдомостей"

Представимъ себѣ, напримѣръ, что рѣчь идетъ о томъ, гдѣ открыть сельско-хозяйственную школу—по сю или по ту сторону рѣки, протекающей между двумя уѣздами. Ходатайство одного изъ нихъ, представленное въ подтвержденіе преимущественнаго его права на обладаніе сельско-хозяйственной школой, не можетъ, очевидно, считаться безразличнымъ для другого. Положимъ, далѣе, что какой-нибудь уѣздъ проситъ о командировкѣ эксперта по кустарному промыслу, широко развитому и въ сосѣднихъ уѣздахъ; зная объ этомъ, губернское земство могло бы возбудить ходатайство о распространеніи района изслѣдованія. Намъ кажется, поэтому, что о каждомъ ходатайствѣ уѣзднаго земскаго собранія слѣдовало бы немедленно доводить до свѣдѣнія губернскаго земства, отъ котораго зависѣло бы присоединиться къ нему или представить свое заключеніе по существу затронутыхъ имъ обстоятельствъ. Нимало не стѣсняя свободу дѣйствій уѣзда, такой порядокъ служилъ бы ручательствомъ въ томъ, что ни одинъ вопросъ болѣе общаго значенія не ускользнетъ отъ вниманія губернскаго земства.

Гораздо важнѣе перемѣна, которую предполагается внести въ полномочія губернскаго земства. Мотивирована она, по словамъ вышеупомянутой корреспонденціи, тѣмъ, что губернскія земства нерѣдко возбуждаютъ ходатайства по такимъ предметамъ, которые или вовсе не подлежатъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, или хотя и могутъ нѣкоторымъ образомъ относиться къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ данной губерніи или уѣзда, но въ то же время сами по себѣ имѣютъ общегосударственное значеніе и не могутъ считаться отвѣчающими въ точномъ смыслѣ понятію мѣстныхъ хозяйственныхъ потребностей. Такъ напримѣръ, въ послѣднее время обсуждались земствами и вызвали соотвѣтствующія постановленія, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: объ установленіи восьмичасового рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ, о возвращеніи къ уставамъ 1864 г. въ первоначальномъ ихъ видѣ, объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ учениковъ и т. п. Возлагая на земство заботу о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ и, тѣмъ самымъ, предоставляя ему право обсуждать и всѣ вопросы, касающіеся мѣстныхъ интересовъ, законъ совершенно опредѣленно устанавливаетъ границы компетенціи земства, противопоставляя такимъ образомъ земство, вѣдающее хозяйственныя дѣла отдѣльныхъ мѣстностей, высшимъ государственнымъ установленіямъ, на которыя возложено вѣдѣніе предметовъ общегосударственнаго значенія. Этотъ существенный признакъ земскихъ учрежденій, опредѣляя положеніе, занимаемое ими въ системѣ органовъ государственнаго управленія, долженъ быть необходимо принимаемъ къ руководству во всѣхъ тѣхъ

случаяхъ, когда возникаютъ вопросы о предѣлахъ власти и кругѣ вѣдомства этихъ учрежденій, причемъ выраженіе: „мѣстныя пользы и нужды" не можетъ быть толкуемо иначе, какъ въ точномъ значеніи этого выраженія. Отсюда выводится необходимость ограничить область земскихъ ходатайствъ пріуроченіемъ ихъ исключительно къ дѣламъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, *отнесеннымъ къ вѣдѣнію земскихъ учрежденій*.

Съ самаго основанія земскихъ учрежденій право ихъ на возбужденіе ходатайствъ толковалось, бо̀льшею частью, въ смыслѣ неблагопріятномъ для земской иниціативы. Никогда, однако,—если намъ не измѣняетъ память,—оно не замыкалось въ рамку дѣлъ, спеціально предоставленныхъ вѣдѣнію земства. На земство, напримѣръ, не возложена забота о борьбѣ съ малоземельемъ, объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія—а между тѣмъ именно земскимъ ходатайствамъ, направленнымъ къ этой цѣли, слѣдуетъ приписать основаніе крестьянскаго земельнаго банка. Земству не принадлежитъ забота о благоустройствѣ низшихъ ступеней управленія и самоуправленія—а между тѣмъ земскія ходатайства о созданіи мелкой земской единицы еще недавно обращали на себя вниманіе высшей администраціи. Школы грамоты отнесены закономъ къ вѣдѣнію духовенства—а между тѣмъ ходатайства о разрѣшеніи земству открывать подобныя школы не были признаваемы выходящими за предѣлы земской компетенціи. Разъ что есть предметы, имѣющіе общегосударственное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ „нѣкоторымъ образомъ относящіеся къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ", совершенно понятно стремленіе земствъ къ обсужденію ихъ именно съ мѣстной точки зрѣнія. Законность или незаконность земскаго ходатайства обусловливается не столько его предметомъ, сколько его основаніями и мотивами. Важенъ не объемъ пожеланія, высказываемаго земствомъ: важно то, вытекаетъ ли оно изъ мѣстныхъ интересовъ, изъ условій мѣстной жизни. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о сокращеніи рабочаго дня. Ходатайству, исходящему изъ *общихъ соображеній* о необходимости сберегать силы рабочаго класса или равномѣрнѣе распредѣлять выгоды фабричнаго производства, моглобы быть противопоставлено напоминаніе о томъ, что оцѣнка подобныхъ соображеній принадлежитъ единственно и всецѣло центральной государственной власти; но если въ подтвержденіе ходатайства приведены *факты*, заимствованные изъ наблюденій надъ мѣстнымъ населеніемъ—напр. повышеніе, въ фабричныхъ округахъ, болѣзненности и смертности, усиливающееся вырожденіе молодого поколѣнія,—то едва ли справедливо оставлять ихъ безъ разсмо́трѣнія по причинамъ чисто формальнаго свойства. То же самое можно сказать и о ходатайствѣ, направленномъ къ освобожденію бывшихъ учени-

ковъ начальной школы отъ тѣлеснаго наказанія, если оно построено на результатахъ, достигнутыхъ въ *данной мѣстности* начальной школой. Неубѣдительной кажется намъ, далѣе, ссылка на демаркаціонную черту, отдѣляющую область мѣстнаго земскаго хозяйства отъ сферы дѣйствій высшаго государственнаго управленія. Эта черта опредѣляетъ ясно, гдѣ останавливаются *мѣропріятія* земства, гдѣ оканчиваются его *активныя* полномочія; но она едва ли полагаетъ предѣлъ его *указаніямъ*, ни для кого не обязательнымъ—указаніямъ, raison d'être которыхъ заключается въ томъ, что многое лучше видно вблизи, чѣмъ издалека... Скажемъ прямо: ограниченіе права ходатайства отзовется тяжелѣе на правительствѣ, чѣмъ на земствѣ. Громадность разстояній, многочисленность населенія, разнообразіе его занятій, нравовъ, интересовъ, отсутствіе свободной прессы и вообще слабое развитіе гласности, стѣсненіе личной и, еще болѣе, общественной инициативы (припомнимъ, что подача коллективныхъ прошеній подводилась еще недавно подъ понятіе о „скопѣ“)—все это до крайности затрудняетъ для центральной власти освѣдомленность о потребностяхъ, нарождающихся или созрѣвающихъ въ той или другой части государства. Своевременному обнаруженію нѣкоторыхъ изъ нихъ способствовали до сихъ поръ, отчасти, земскія ходатайства—и большой потерей было бы всякое уменьшеніе свѣта, идущаго изъ этого источника.

P. S.—Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда въ газетахъ появилось извѣстіе о назначеніи С. Ю. Витте предсѣдателемъ комитета министровъ и Э. Д. Плеске—управляющимъ министерствомъ финансовъ. Одновременно съ этимъ напечатанъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя С. Ю. Витте: „Указомъ, комитету министровъ 16-го сего августа даннымъ, Я назначилъ васъ на высокій постъ предсѣдателя названнаго комитета. Между тѣмъ, въ финансовомъ вѣдомствѣ подъ руководствомъ вашимъ уже начаты переговоры съ уполномоченными германскаго правительства относительно заключенія новаго съ Германіею торговаго договора. Въ видахъ незамедлительнаго и успѣшнаго окончанія сего дѣла, затрогивающаго весьма важные интересы обѣихъ странъ, желая воспользоваться и впредь пріобрѣтеннымъ вами близкимъ знакомствомъ со всѣми потребностями отечественной торговли и промышленности, возлагаю на васъ дальнѣйшее, по министерству финансовъ, веденіе происходящихъ нынѣ переговоровъ о торговомъ договорѣ съ Германіею“.

ОДНО ИЗЪ МѢСТНЫХЪ „НЕДОРАЗУМѢНІЙ“.

Письмо въ Редакцію.

Въ маѣ текущаго года я имѣлъ случай посѣтить, вмѣстѣ съ уѣзднымъ членомъ окружного суда, мѣстную мокшанскую тюрьму. Обходя камеры и опрашивая заключенныхъ, я былъ удивленъ сравнительно большимъ количествомъ лицъ обоего пола, отбывающихъ наказаніе за нарушеніе устава объ акцизныхъ сборахъ, что̀ и высказалъ моему спутнику. Онъ мнѣ возразилъ, что къ 1-му сентября сего года поступитъ въ тюрьму около тридцати такихъ же обвиненныхъ, которымъ онъ отсрочилъ исполненіе наказанія, въ виду ихъ семейнаго положенія, до окончанія полевыхъ работъ; новыя же одинаковыя дѣла къ нему поступаютъ чуть не ежедневно.

Прежде, до 1 іюля 1891 г., соединяя обязанности предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей съ должностью уѣзднаго предводителя дворянства, я былъ въ курсѣ такого рода дѣлъ, такъ какъ они въ апелляціонномъ порядкѣ доходили до съѣзда. Нынѣ они разбираются уѣзднымъ членомъ окружного суда, а въ апелляціонномъ порядкѣ—окружнымъ судомъ. Уѣздный предводитель можетъ знать теперь только о результатѣ нарушеній устава объ акцизныхъ сборахъ, и, надо сознаться, результатъ весьма грустный. Въ сентябрѣ сего года явится въ мокшанскую тюрьму тридцать человѣкъ, и если къ нимъ прибавится хоть десятокъ новыхъ обвиненныхъ, которые большею частью не апеллируютъ окружному суду, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что комплектъ мокшанской тюрьмы (41 человѣкъ) будетъ заполненъ только заключенными, какъ они говорятъ, за водку. Неминуемо произойдетъ переполненіе тюрьмы. Насколько помню, переполненіе мокшанской тюрьмы, во всю мою долголѣтнюю предводительскую службу, бывало только отъ пересыльныхъ и присланныхъ изъ другихъ тюремъ; количество же своихъ, какъ подслѣдственныхъ, такъ и отбывающихъ наказаніе, рѣдко, и то ничтожно, превышало комплектъ. При переполненіи тюрьмы чужими всегда удавалось ходатайствами очищать ее. Такой небывалый, настоящій, однородный наплывъ заключаемыхъ своего уѣзда меня поразилъ. Мнѣ стало просто совѣстно, что я не обратилъ вниманія на такое новое явленіе въ предводимомъ мною уѣздѣ, и я постарался выяснить себѣ причину его. Это выясненіе, полагаю, будетъ небезъинтересно въ наше время, когда такъ много читаемъ о необходимости

придти на помощь сельскому населенію распространеніемъ среди него первоначальнаго и спеціальнаго образованія, уравненіемъ его правъ съ прочими сословіями, улучшеніемъ его экономическаго быта и т. п.

Согласно уставу объ акцизныхъ сборахъ, изданному въ 1894 году, по статьѣ 380: „за продажу крѣпкихъ напитковъ виновные подвергаются въ первый разъ—денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей, а во второй разъ—денежному взысканію не свыше ста рублей". Далѣе, по ст. 381: „за продажу крѣпкихъ напитковъ безъ патента, въ видѣ промысла, виновные подвергаются, сверхъ денежнаго взысканія въ размѣрѣ до ста рублей и уплаты особой суммы въ возмѣщеніе патентнаго сбора, на основаніи приложеннаго къ сей статьѣ росписанія,—тюремному заключенію отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ". Тотъ же уставъ, изданный въ 1901 году, кореннымъ образомъ измѣнилъ какъ характеръ, такъ и размѣръ вышеописанныхъ взысканій. Статья 1112 новаго устава постановляетъ: „Въ районѣ казенной продажи питей (ср. ст. 524) за продажу, безъ надлежащаго разрѣшенія, спирта, вина и водочныхъ издѣлій, пріобрѣтенныхъ изъ мѣстъ казенной продажи питей,—виновные подвергаются: 1) въ случаѣ продажи означенныхъ напитковъ въ посудѣ съ ненарушенными печатями, пломбами, бандеролями, этикетами и т. п. денежному взысканію не свыше тридцати рублей, и 2) въ случаѣ продажи означенныхъ напитковъ распивочно или хотя на выносъ, но въ посудѣ неопечатанной, а также въ посудѣ съ нарушенными или поддѣльными печатями, пломбами, бандеролями, этикетами и т. п.—тюремному заключенію на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ".

При сопоставленіи этихъ двухъ редакцій закона нынѣ дѣйствующаго и предшествовавшаго ему выясняются два главныхъ и весьма существенныхъ измѣненія взысканій за недозволенную раздробительную продажу водки: преслѣдованіе продажи крѣпкихъ напитковъ въ видѣ промысла отмѣнено, и затѣмъ наказаніе за продажу вина въ незапечатанной посудѣ и распивочно значительно увеличено. Во всякомъ карательномъ законѣ весьма интересно его воздѣйствіе на населеніе; въ данномъ случаѣ говорю только о сельскомъ. Необходимо принять въ соображеніе, что нынѣ всюду, а особенно въ деревнѣ, водку можно получать только изъ казенныхъ винныхъ лавокъ. О потребленіи ея въ деревнѣ врядъ ли приходится распространяться. Достаточно, полагаю, упомянуть, что это потребленіе представляетъ собою главный источникъ государственнаго дохода, а сельское населеніе—самое многочисленное въ нашемъ отечествѣ и, разумѣется, изъ него всего болѣе наполняется этотъ источникъ.

На основаніи устава 1901 года, судья, за продажу водки въ запечатанной посудѣ, вполнѣ законно можетъ оштрафовать виновнаго

25 копѣйками; за продажу же стакана водки, онъ обязанъ назначить не менѣе четырехмѣсячнаго тюремнаго заключенія. Такъ-называемое темное, невѣжественное крестьянство прекрасно понимаетъ значеніе наказанія, опредѣляемаго за проступки. Напримѣръ, всѣ крестьяне прекрасно знаютъ, что за кражу волостной судъ не можетъ назначить болѣе тридцатидневнаго строгаго ареста; а вотъ городской судья или земскій начальникъ обязанъ за тотъ же проступокъ опредѣлить не менѣе трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія, которое можетъ быть уменьшено на половину только на закономъ указанныхъ основаніяхъ. Такое знаніе нерѣдко выясняется на судебномъ засѣданіи уѣзднаго съѣзда возбужденіемъ обвиняемыми въ кражѣ вопроса о подсудности, возбужденіемъ бо́льшею частью неосновательнымъ, но ясно доказывающимъ, что крестьянство предпочитаетъ арестъ тюрьмѣ. Сравнительно легкое наказаніе за своего рода правильную торговлю водкой на выносъ породило — да и не могло не породить — частныхъ конкуррентовъ, или, лучше сказать, добровольныхъ помощниковъ казенныхъ винныхъ лавокъ, вслѣдствіе недостаточнаго ихъ количества. По слухамъ, въ деревнѣ шинковъ — масса; но дѣйствительно сколько ихъ — неизвѣстно; и врядъ ли можетъ быть извѣстно съ точностью. Косвенно значительное ихъ количество доказывается дешевой цѣной продаваемой ими казенной водки. Вѣрные люди мнѣ говорили, что полбутылка, стоющая въ казенной лавкѣ съ посудой 23 копѣйки, продается въ шинкахъ за 25 копѣекъ. Несмотря на очевидно широкое развитіе частной торговли водкой на выносъ, виновные въ ней скорѣе рѣдко попадаются суду и подвергаются наказанію. Мнѣ кажется, что лица обоего пола, занимающіяся по промыслу этой торговлей, большею частью все люди, такъ сказать, бывалые, пользующіеся своего рода авторитетомъ между односельцами, и ихъ поймать трудно; да и, пожалуй, ловить не стоитъ. Чтобы нажить врага въ человѣкѣ, подъ часъ нужномъ, — всякій въ деревнѣ призадумается.

По бѣглому разслѣдованію, значительное большинство заключенныхъ въ тюрьму за нарушеніе устава объ акцизныхъ сборахъ или подлежащихъ такому заключенію, — все люди, случайно попавшіеся въ такомъ нарушеніи. Обыкновенно зимой — время наибольшаго потребленія водки и существующаго хоть какого-нибудь ея запаса въ любой избѣ — къ такому-то сколько-нибудь состоятельному крестьянину вечеромъ подъѣзжаютъ подводчики. Одинъ изъ нихъ Христомъ-Богомъ проситъ стаканъ водки: „промерзъ, шубенка плохая, морозъ, ѣхать еще далеко, а на дворѣ ишь какая сиверка, смерть". Сначала хозяинъ-крестьянинъ отказывается, но потомъ соблазняется и отдаетъ просителю бутылку, въ которой осталось нѣкоторое количество водки. Какъ только условленныя деньги положены на столѣ, явля-

ются свидѣтели—и дѣло сдѣлано. Такъ было въ дѣйствительности и не разъ; въ общемъ, характеръ ловли одинъ: выпрашиваніе подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ стакана водки; затѣмъ свидѣтели и пр. Прежде открывателю нарушеній акцизнаго устава полагалась половина штрафа, опредѣленнаго за такое нарушеніе,— нынѣ такое поощреніе открытія нарушеній питейнаго устава не существуетъ; да и давно оно было отмѣнено. Невольно рождается вопросъ: какой можетъ быть интересъ въ устройствѣ такого рода ловушекъ? Поводы къ такимъ затѣямъ, однако, существуютъ, и они довольно разнообразны: мѣстная, низшая полиція хочетъ показать свою способность и дѣятельность; желаніе отомстить недругу и, наконецъ, вымогательство: заплати, иначе просидишь—на малый конецъ—четыре мѣсяца въ острогѣ. Нельзя еще не замѣтить, что до сихъ поръ удача такого рода ловушекъ происходила еще отъ того, что крестьянство было недостаточно освѣдомлено о существованіи самаго карательнаго закона. При замѣчательной способности русскаго человѣка примѣняться къ условіямъ жизни, создаваемымъ дѣйствительностью, несомнѣнно успѣхъ такого рода ловушекъ будетъ все болѣе затрудненъ, но при сколько-нибудь благопріятной постановкѣ—весьма возможенъ. Попадать въ тюрьму на четырехмѣсячное въ ней пребываніе все-же будутъ. Въ деревнѣ много ссорятся,—вѣроятно, отъ скуки. Лучшее тому доказательство—это значительное количество дѣлъ по 130—138 статьямъ устава о наказаніяхъ (оскорбленія на словахъ и дѣйствіемъ), доходящихъ до съѣзда. Такія ссоры создаютъ весьма подходящую почву для примѣненія 1112 ст. устава объ акцизныхъ сборахъ.

Не одни только малосвѣдущіе люди подвергаются четырехмѣсячному тюремному заключенію за нарушенія этого устава; попадаютъ въ острогъ, правда рѣдко, и содержатели, и содержательницы, по промыслу шинковъ, исключительно по ловко обставленному и удачному преслѣдованію полиціею распивочнаго потребленія водки. На такихъ лицъ тюремное заключеніе имѣетъ особенное вліяніе. Человѣкъ вполнѣ заслуживающій довѣрія разсказывалъ мнѣ, что одна изъ такихъ содержательницъ, крестьянка сосѣдняго со мною села, осталась очень довольна своимъ зимнимъ четырехмѣсячнымъ пребываніемъ въ мокшанской тюрьмѣ. По ея словамъ: кормили хорошо; жить было тепло, а по вечерамъ свѣтло; много она нашила себѣ и дѣтямъ; время проходило занятно; а при выходѣ она получила еще три рубля съ копѣйками, такъ какъ во время заключенія она стирала бѣлье въ тюрьмѣ. Острогъ, такъ пугающій большинство крестьянства, оставилъ въ ней пріятное воспоминаніе, смѣшанное съ нѣкоторой признательностью. Въ немъ она беззаботно отдохнула, да еще все-же научилась немного относительно успѣшнаго веденія избраннаго ею дѣла.

Несомнѣнно, для людей нѣсколько къ тому подготовленныхъ тюрьма представляетъ собою возможность дополненія необходимыхъ юридическихъ познаній, а также до нѣкоторой степени ихъ систематизаціи. Такой человѣкъ выходитъ изъ нея съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, служащимъ твердымъ основаніемъ для дальнѣйшей его жизни и дѣятельности.

Вліяніе тюремнаго заключенія на людей мало или совсѣмъ къ тому неподготовленныхъ настолько разнообразно, что выразить его кратко, въ опредѣленной формѣ — положительно невозможно; безусловно благотворнымъ, однако, это вліяніе во всякомъ случаѣ назвать нельзя. Еще въ царствованіе Александра I были учреждены комитеты попечительства о тюрьмахъ съ цѣлью нравственнаго улучшенія заключенныхъ. Въ продолженіе чуть не ста лѣтъ наши тюрьмы несомнѣнно улучшились, но вслѣдствіе повышенія общаго общественно-духовнаго уровня и только отчасти—очень мало—благодаря вышеназваннымъ комитетамъ. Для того, чтобы тюрьма не развращала, а улучшала заключенныхъ въ ней, необходимо, чтобы при каждой былъ человѣкъ въ родѣ покойнаго Гааза, біографію котораго не такъ давно А. Ѳ. Кони написалъ своимъ чарующимъ перомъ. Но возможно ли это? Разумѣется, нѣтъ, потому что мало, очень мало людей, которые бы могли, желали и умѣли всецѣло себя посвятить нравственному улучшенію заключенныхъ. Такіе подвижники—рѣдкость и великая рѣдкость; но, съ другой стороны, очень много готовыхъ посильно облегчить участь заключенныхъ. Доказательство этого я вижу дважды въ годъ, при вскрытіи въ засѣданіи тюремнаго отдѣленія, кружки, прикрѣпленной къ наружнымъ воротамъ мокшанской тюрьмы. Въ ней всегда оказывается очень приличная сумма, состоящая почти исключительно изъ мелкой мѣдной монеты. Передъ великими праздниками въ тюрьму поступаетъ немало приношеній въ видѣ всякаго рода продуктовъ. Очевидно, мѣстное населеніе охотно содѣйствуетъ улучшенію пищи заключенныхъ, но духовныя ихъ потребности остаются неудовлетворенными. Такое удовлетвореніе—крайне трудное дѣло, особенно въ уѣздномъ городѣ, болѣе или менѣе образованное постоянное населеніе котораго состоитъ изъ чиновниковъ и купцовъ, всецѣло занятыхъ своимъ дѣломъ. И въ нашей мокшанской тюрьмѣ происходятъ нынѣ чтенія подходящихъ книжекъ и богослуженіе наканунѣ праздниковъ. Несомнѣнно, это полезно; но общая приносимая польза—очень непрочная. Очень можетъ быть, что изъ слышаннаго что-нибудь и западетъ въ душу кого-либо изъ слушающихъ, произведетъ впечатлѣніе, заставитъ задуматься; но ходъ текущей жизни легко затянетъ доброе сѣмя и не дастъ ему укрѣпиться подъ постоянно увеличивающимся наслоеніемъ окружающихъ впечатлѣній. Вполнѣ понятно, что

чѣмъ болѣе переполнена тюрьма, тѣмъ болѣе окружающая среда успѣшно дѣйствуетъ на заключеннаго. Постоянное вынужденное общеніе мѣшаетъ ему вдуматься въ самого себя. Мнѣ кажется, что при нашихъ деревенскихъ бытовыхъ условіяхъ работа въ тюрьмѣ—и особенно внѣ ея—все-же наилучшій способъ сохраненія физическаго и даже нравственнаго здоровья заключенныхъ. Мѣра эта легко примѣнима и не требуетъ со стороны руководителей ея никакого, столь рѣдко встрѣчаемаго духовнаго авторитета. Мокшанское тюремное отдѣленіе издавна старалось завести свое тюремное хозяйство, которое не только доставляло бы необходимое для заключенныхъ, но,—развившись,—могло бы дать нѣкоторый доходъ. При мокшанской тюрьмѣ имѣется огородъ, но далѣе идти по этому пути не удалось, за отсутствіемъ средствъ. Тюрьмы, однако, могли бы легко быть источникомъ распространенія въ высшей степени полезныхъ для деревни знаній по огородничеству и садоводству. Сады на крестьянскихъ усадьбахъ, помимо весьма важной, при настоящемъ обѣднѣніи крестьянства, доходности ихъ, имѣютъ еще не менѣе важное значеніе, какъ защита строеній при страшныхъ, сплошныхъ деревенскихъ пожарахъ. Садоводство и огородничество—занятное дѣло, и польза отъ умѣлаго ихъ веденія легко усвояется практическимъ крестьянскимъ умомъ. Парники, теплички, а главное инструкторы стоютъ денегъ, а ихъ нѣтъ.

Необходимо пояснить, что еще не такъ давно при каждомъ уѣздномъ тюремномъ отдѣленіи существовалъ свой, болѣе или менѣе значительный, экономическій капиталъ. Не перечисляя подробно источниковъ его составленія и накопленія, достаточно, полагаю, сказать, что онъ состоитъ изъ опредѣленныхъ годовыхъ взносовъ членовъ отдѣленія и изъ возврата казначействомъ сдѣланныхъ изъ этого капитала нѣкоторыхъ расходовъ для заключенныхъ. Къ 1 января 1898 года экономическій капиталъ мокшанскаго тюремнаго отдѣленія составлялъ *735 р. 10 коп.*; но къ нему уже начало примѣняться Высочайше утвержденное 15 января 1896 года мнѣніе государственнаго совѣта, на основаніи котораго кормовая табель въ 40 коп. въ день, для содержанія и леченія больныхъ арестантовъ въ тюрьмахъ, гдѣ имѣются средства экономическаго капитала, замѣняется для леченія больныхъ добавкой трехъ копѣекъ въ день къ кормовой табели здоровыхъ арестантовъ. Вслѣдствіе этого примѣненія, къ 1 января 1903 сего года экономическій капиталъ мокшанскаго тюремнаго отдѣленія сократился до 46 р. 72 коп.; но зато въ текущемъ году на содержаніе и леченіе больныхъ арестантовъ снова будутъ отпускаться изъ казны прежнія 40 копѣекъ. Эти сорокъ копѣекъ были главнымъ источникомъ накопленія экономическаго капитала. Дѣйствительно, всѣ отдѣленія,—если такъ можно выразиться,—были заражены страстью сбереженій,

и экономическій капиталъ скорѣе только накоплялся. Несомнѣнно однако, что въ немъ заключалось крайне важное средство сдѣлать что-нибудь существенно полезное въ будущемъ для тюрьмы. Это средство уже не существуетъ; ограниченная узкими рамками, настоящая дѣятельность тюремнаго отдѣленія сдѣлалась чисто формальной, и ожидать нынѣ отъ тюрьмы исправляющаго, улучшающаго воздѣйствія на заключенныхъ врядъ ли есть малѣйшее основаніе. Тѣмъ болѣе, полагаю,—осторожное обращеніе съ назначеніемъ тюремнаго заключенія является въ деревнѣ необходимостью. Прежній замкнутый строй деревенской жизни исчезъ и не могъ не исчезнуть подъ вліяніемъ развитія путей сообщенія, давшаго и все болѣе дающаго возможность общенія деревни чуть не со всѣмъ міромъ. Такое общеніе несомнѣнно плодотворно, но подъ условіемъ воспитательнаго приготовленія деревни достаточно распространеннымъ подходящимъ первоначальнымъ образованіемъ, которое одно можетъ успѣшно противодѣйствовать превратнымъ теченіямъ деревенскаго общественнаго мнѣнія, возбуждаемымъ этимъ общеніемъ. Земство, положившее основаніе деревенскому первоначальному образованію, нынѣ затруднено въ своей дѣятельности. Первоначальное образованіе, какъ и многое другое, необходимое сельскому населенію, служитъ предметомъ болѣе обсужденія, чѣмъ энергичеcкой дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, полезное его воздѣйствіе на деревенскую среду—вопросъ будущаго. Нынѣ деревня переживаетъ переходное состояніе и въ образовательномъ, и въ экономическомъ отношеніи. При такомъ положеніи увеличивать, безъ особой нужды, наполненіе такихъ разсадниковъ противообщественныхъ ученій, какъ наши остроги, нельзя признать желательнымъ.

Во всѣхъ уголовныхъ законодательствахъ, также и въ нашемъ, существуетъ извѣстная постепенность наказанія, согласуемая съ важностью наказуемаго дѣянія. Можно ли признать правильной такую постепенность, при которой за кражу,—не говоря о волостномъ судѣ,—городской судья, или земскій начальникъ можетъ назначить полуторамѣсячное тюремное заключеніе, а за случайную продажу стакана водки уѣздный членъ окружного суда долженъ приговорить обвиняемаго не менѣе какъ на четырехмѣсячное такое заключеніе? Необходимо еще принять въ соображеніе, что отъ такой, закономъ преслѣдуемой, торговли казенный интересъ нисколько не страдаетъ; напротивъ, государственное казначейство только выигрываетъ отъ распространенія этой торговли. Въ печати неоднократно разъяснялось, что монопольная водка, по своему качеству и чистотѣ, гораздо выше прежней, а потому менѣе вредна для населенія, особенно при домашнемъ умѣренномъ ея употребленіи. Не касаясь спорнаго вопроса о

степени ядовитости алкоголя, при рѣдкомъ въ излишествѣ его употребленіи, или при постоянномъ умѣренномъ, нельзя не замѣтить, что и при прежнихъ частныхъ винныхъ лавкахъ крестьянство всегда предпочитало тѣ изъ нихъ, въ которыхъ водка была лучше очищена. Никакого нѣтъ основанія предполагать, что въ тайныхъ шинкахъ водка будетъ хуже и вреднѣе, чѣмъ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, отъ которыхъ однѣхъ и можетъ получаться. Усиленное наказаніе за незаконную торговлю водкой, въ видахъ устраненія вредныхъ для населенія въ нее примѣсей, нисколько не вызывается дѣйствительностью, тѣмъ болѣе, что частная ея продажа всегда производится по цѣнѣ выше казенной; и потому при тайной, даже распивочной торговлѣ водкой, наиболѣе доступное и вѣрное увеличеніе выгодности ея сбыта, это—разбавленіе ея водою, что скорѣе уменьшаетъ ея вредъ, но навѣрное не понравится нашему крестьянину, который въ чемъ другомъ, а въ водкѣ толкъ знаетъ и зря лишней копѣйки платить не любитъ.

Попытки выяснить неизвѣстныя причины той или другой законодательной мѣры—безплодны и излишни. Несомнѣнный фактъ, что правительство признало крайне необходимымъ, чтобы населеніе получало водку только изъ правительствомъ же устроенныхъ мѣстъ раздробительной продажи этого продукта. Вотъ причина борьбы съ частной продажей,—такая борьба очевидна. Правительственная, монопольная раздробительная продажа существуетъ не у насъ однихъ. Издавна въ Австріи, Италіи и Франціи установлена не только монопольная казенная торговля табакомъ, но также и монопольное казенное производство всякаго рода продуктовъ изъ табаку. Ограничиваясь только послѣдними двумя странами, въ которыхъ нерѣдко мнѣ приходилось подолгу жить, могу смѣло сказать, что мнѣ никогда не приходилось слышать о какихъ-либо уголовныхъ наказаніяхъ за противозаконную торговлю табакомъ. Дѣйствительно, на пограничныхъ таможняхъ обѣихъ странъ табачные продукты причиняютъ путешественникамъ немало хлопотъ и издержекъ, но не болѣе какъ и на нашихъ, относительно предметовъ, подлежащихъ таможенному обложенію. Французское bureau de tabac—это своего рода правительственное учрежденіе, содержаніе котораго, бóльшею частью, поручается въ видѣ пенсіи и въ немъ обязательно находятся на продажу почтовыя и всякія гербовыя марки. Такое бюро встрѣчается чуть не на каждой улицѣ въ большихъ городахъ и во всякой деревушкѣ. Въ Италіи табачная торговля еще болѣе расширена. Казенными табачными издѣліями торгуютъ всѣ мелочныя лавки, и, разумѣется, въ какой-нибудь деревушкѣ не найдешь лучшихъ и наиболѣе дорогихъ казенныхъ па-

пиросъ „al'uso russo" (на манеръ русскихъ; дословно: „по употребленію русскому"), но не потому, что онѣ для данной мѣстности запрещены, а единственно за отсутствіемъ спроса на нихъ. Какъ въ Италіи, такъ и во Франціи, всякіе табачные продукты всюду продаются по правительственной цѣнѣ, безъ какой-либо ея надбавки.

Наши деревенскія казенныя винныя лавки очень красивы сравнительно съ окружающими ихъ крестьянскими избами; торгуютъ онѣ успѣшно, но ихъ мало. Въ тотъ акцизный участокъ, въ которомъ живу, входятъ городъ Мокшанъ и девять волостей, кромѣ одной— весьма крупныхъ. Въ этомъ участкѣ торгуютъ десять казенныхъ лавокъ, изъ которыхъ три—въ городѣ; значитъ, на девять волостей, съ населеніемъ болѣе двадцати тысячъ душъ мужского пола, разселенныхъ на обширномъ пространствѣ по средней линіи (отъ с. Успенскаго до с. Сумарокова) въ 35 верстъ, всего семь лавокъ. Устройство сельскихъ казенныхъ лавокъ встрѣтило затрудненіе, которое необходимо выяснить. При введеніи монопольной продажи водки, въ нашемъ участкѣ предполагалось тринадцать винныхъ лавокъ, но для трехъ изъ нихъ въ селахъ, гдѣ онѣ назначались, не нашлось охотниковъ сдать необходимое помѣщеніе. Акцизное вѣдомство, согласно установленному плану, требуетъ для винной лавки въ деревняхъ цѣлую усадьбу, какая въ надлежащей величинѣ, составѣ и распредѣленіи въ нашихъ селахъ не встрѣчается, и такую приходилось спеціально выстроить. Вначалѣ казной предлагался наемъ требуемаго помѣщенія на три года при годовой платѣ двухсотъ рублей; но при такомъ короткомъ срокѣ не нашлось ни одного охотника. Срокъ найма былъ увеличенъ до шести лѣтъ, но и при немъ отдача въ деревнѣ помѣщенія подъ казенную винную лавку не представляетъ вѣрной выгоды. Постройка того, чтò требуется, при настоящихъ цѣнахъ на лѣсъ, обойдется въ полторы тысячи рублей; а по истеченіи найма, если казна не возобновитъ условія, придется продать на сломъ строенія за 200, много 300 рублей, чтò при обязательномъ ремонтѣ владѣльца въ теченіе найма не оставляетъ ему, пожалуй, никакой выгоды. Одна изъ сельскихъ винныхъ лавокъ нашего участка была построена за тысячу двѣсти рублей,—но тутъ были особенно благопріятныя условія. Раздробительная продажа водки—дѣло коммерческое и, какъ таковое, должно удовлетворять требованіямъ этой торговли, тѣмъ болѣе, что недостача трехъ винныхъ лавокъ въ такомъ обширномъ участкѣ, какъ нашъ, вызываетъ явленія, за которыя людей сажаютъ въ тюрьму. Въ печати неоднократно приходилось встрѣчать разсужденія о необходимости сокращать мѣста продажи водки, въ видахъ борьбы съ пьянствомъ. Вѣра въ благодѣтельность механическихъ

пріемовъ для борьбы не съ однимъ только пьянствомъ—въ высшей степени заманчива. Люди вредятъ себѣ, напиваясь водкой; не давать имъ водки—и больше ничего. Рѣшеніе вопроса простое, радикальное и, пожалуй, цѣлесообразное. Разъ нигдѣ, ни за какія деньги, нельзя достать водки, очевидно неумѣренное ея потребленіе, да и всякое—прекратится; но она, милая водка, существуетъ, и даже хорошаго качества; продается при весьма благообразной обстановкѣ, только не всюду одинаково доступна. Для обездоленныхъ, такимъ образомъ, мѣстностей любимый крестьянскій напитокъ пріобрѣтаетъ нѣкоторую прелесть запрещеннаго плода.

Борьба съ пьянствомъ возможна и прочна только на духовной, такъ или иначе воспитательной почвѣ. Финансовое вѣдомство прекрасно это поняло и учредило попечительства о трезвости; остается только пожелать, чтобы эти новыя учрежденія могли развить въ деревнѣ свою дѣятельность до дѣйствительной ея полезности. При первомъ же опытѣ такой дѣятельности, мѣстные органы попечительства о трезвости натолкнулись на одно общее и весьма серьезное затрудненіе, о которомъ вполнѣ умѣстно поговорить нѣсколько подробно. Чтобы чтенія, чайныя и всякія собранія могли дѣйствительно отвлечь крестьянство отъ пьянства, доставляя ему интересное и полезное развлеченіе, прежде всего необходимо надлежащее помѣщеніе; такихъ въ нашей черноземной деревнѣ положительно нѣтъ. Наиболѣе сравнительно удобные для собраній дома—это волостныя правленія: но изъ девятнадцати такихъ домовъ нашего уѣзда, хорошо мнѣ извѣстныхъ, только два могутъ вмѣстить нѣсколько болѣе ста человѣкъ; вполнѣ же свободно, правду сказать,—только одинъ. Какую дѣйствительную для преслѣдуемой цѣли пользу могутъ принести даже самыя удачныя чтенія въ уѣздѣ съ населеніемъ болѣе ста тысячъ душъ обоего пола,—когда этими чтеніями воспользуется ничтожная часть этого населенія? Я уже не говорю, при какой обстановкѣ происходятъ деревенскія чтенія. Дѣло происходитъ зимой; въ сущности, такъ и слѣдуетъ, потому что это сезонъ наибольшаго потребленія вина; но при невозможности открыть окна, воздухъ въ комнатѣ гдѣ читаютъ, отъ переполненія ея народомъ—таковъ, что лампы тухнутъ. Все-же эта задыхающаяся публика принадлежитъ къ привилегированному меньшинству; громадное же большинство, навѣрное, никогда не услышитъ никакого чтенія. Строить въ деревняхъ хотя бы подходящіе для нея дешевые, такъ называемые народные, дома въ необходимомъ количествѣ положительно невозможно. Помимо весьма крупныхъ расходовъ только для постройки такихъ домовъ, потребуются еще постоянныя, ежегодныя значительныя издержки для ремонта, отопленія,

страхованія и содержанія этихъ домовъ. Мнѣ кажется, преслѣдуемая цѣль, такъ сказать, облагородить деревенскую жизнь всего легче достигнется, если мѣстнымъ попечительствамъ о трезвости будутъ предоставлены средства для постройки первоначальныхъ училищъ. Потребность первоначальнаго образованія все энергичнѣе сказывается въ сельскомъ населеніи; возможность же удовлетворенія этой потребности скорѣе сокращается. Существующія школы переполнены до нарушенія въ нихъ самыхъ элементарныхъ гигіеническихъ условій; а при разбросанности селеній требуется не только расширеніе существующихъ, но и устройство новыхъ училищъ. Земство всюду стремится удовлетворить эту все болѣе ростущую народную потребность, но при тѣхъ средствахъ, которыми оно можетъ располагать и которыя оно черпаетъ изъ того же нынѣ обѣднѣвшаго сельскаго населенія, такая, имѣющая государственное значеніе, потребность или недостаточно удовлетворяется, или совсѣмъ не удовлетворяется. Главное и, пожалуй, единственное препятствіе—это отсутствіе средствъ для постройки школъ такъ, какъ бы слѣдовало. Еслибы попечительства о трезвости, именно въ этомъ отношеніи, могли оказать существенную помощь, они, нисколько не удалаясь отъ цѣли своего бытія, помогли бы народному воспитанію и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли бы подходящія помѣщенія для дѣйствительнаго развитія своей прямой и непосредственной дѣятельности. Безъ подходящихъ же помѣщеній ничего существеннаго въ деревнѣ попечительства сдѣлать не могутъ.

Мнѣ, предвижу, возразятъ, что для цѣлесообразной дѣятельности попечительствъ о трезвости, именно въ деревнѣ, требуется, чтобы они имѣли правильно разбросанные въ селахъ свои собственные центры, въ которыхъ сосредоточена была бы возможность всей ихъ дѣятельности. Необходимы не только помѣщенія для праздничныхъ чтеній, но еще болѣе—чайныя съ библіотеками и вообще такія мѣста, въ которыхъ крестьянство могло бы находить каждый зимній вечеръ пріятное и также полезное времяпрепровожденіе. Наконецъ, и теперь праздничныя чтенія бываютъ въ школахъ,—но они допускаются весьма неохотно, вслѣдствіе загрязненія школъ публикой и стѣсненія учащаго персонала, живущаго въ нихъ.

Несомнѣнно въ высшей степени желательно, чтобы попечительства о трезвости имѣли свои собственные центры, въ которыхъ бы они могли вполнѣ развить свою благотворную дѣятельность; но именно для того, чтобы эта дѣятельность была дѣйствительно общеблаготворна, необходимо устройство таких центровъ, по меньшей мѣрѣ отъ трехъ до четырехъ въ каждой волости. Возможно ли это въ близкомъ будущемъ? Смѣло можно отвѣтить отрицательно; а между тѣмъ такъ же

смѣло можно,—а нашему брату деревенскому жителю—должно сказать, что крестьянство нуждается, и крайне нуждается, въ воспитательномъ на него воздѣйствіи. Попечительства о трезвости, какъ и первоначальныя сельскія школы, имѣютъ одну и ту же воспитательную цѣль, и соединеніе ихъ дѣятельности можетъ только послужить на пользу самаго дѣла. Праздничныя чтенія въ школахъ, разумѣется, ихъ загрязнятъ, но вымыть полы въ школьныхъ помѣщеніяхъ потребуетъ расходъ въ нѣсколько копѣекъ, который, вѣроятно, попечительства не затруднятся принять на себя. Контингентъ чтецовъ, въ какомъ бы то ни было помѣщеніи, большею частью, за отсутствіемъ другого въ деревнѣ, ограничивается учащимъ персоналомъ, который придется вознаградить за этотъ не легкій, въ душной атмосферѣ, трудъ. При томъ также, вѣроятно, вопросъ о стѣсненіи гг. учителей и г-жъ учительницъ самъ собою отпадаетъ. Обычный у насъ строгій параллелизмъ дѣятельности разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, столь часто препятствующій успѣшному введенію въ жизнь общеполезныхъ мѣръ, нисколько не будетъ нарушенъ такой совокупной дѣятельностью школъ и попечительствъ. Оба вѣдомства, учебное и финансовое, сохраняя свою полную независимость, нисколько и ни въ чемъ не подчинятся одно другому.

Въ настоящее время, во многихъ сколько-нибудь значительныхъ селахъ существуютъ чайныя, содержимыя частными лицами. Въ нѣкоторыхъ базарныхъ селахъ нашего уѣзда, устроенныя мѣстнымъ попечительствомъ, чайныя жалуются на конкурренцію частныхъ, вынуждающую понизить до убыточности плату за чай. Попечительства о трезвости, оперирующія на казенныя деньги, легко могутъ задавить частныя чайныя; но желательно ли это? Весьма сомнительно. Мнѣ кажется, попечительства, напротивъ, обязаны стараться о распространеніи частныхъ чайныхъ во всякомъ селѣ, во всякой деревушкѣ, но съ основаніемъ въ каждой изъ нихъ образовательнаго элемента. Послѣднее легко достигнется выпиской нѣсколькихъ газетъ и журналовъ въ количествѣ, сообразномъ съ потребностью. Расходъ на такую выписку навѣрное будетъ меньше, чѣмъ содержаніе собственныхъ чайныхъ, дорого стоющихъ по найму помѣщенія, отопленію, платѣ приказчику и пр. При тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ уѣздный комитетъ попечительства о трезвости, онъ можетъ открыть въ уѣздѣ три, много четыре чайныхъ. На эти же деньги легко можно снабдить журналами и газетами массу мелкихъ чайныхъ, изъ которыхъ сами собою составятся тѣ столь желательные мѣстные клубы, въ коихъ крестьянство найдетъ пріятное и полезное времяпрепровожденіе, не лишенное воспитательнаго значенія.

Возвращаясь къ явленію, возбудившему настоящую статью, долгомъ считаю присовокупить, что мнѣ доподлинно извѣстно, что описанное мною обильное снабженіе тюрьмы нарушителями 1112 ст. устава объ акцизн. сборѣ въ мокшанскомъ уѣздѣ существуетъ во всей губерніи; слышалъ, что то же—и въ другихъ. Можетъ ли настоящая статья имѣть какое-либо значеніе—мнѣ всего менѣе извѣстно. Я только хотѣлъ правдиво выяснить это новое печальное явленіе деревенской жизни.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

С. Знаменское, мокшанскаго уѣзда.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1903.

Убійство русскаго консула въ Битоліи и обостреніе турецкаго кризиса.—Оффиціальныя телеграммы и сообщенія.—Отзывы иностранныхъ газетъ о русскихъ консулахъ и дѣйствительное положеніе нашихъ представителей въ Турціи.—Неудачныя мысли „Гражданина".—Политика на дальнемъ и ближнемъ Востокѣ.—Новый римскій папа.— Смерть лорда Сольсбери.

Крайне опасное и тяжелое положеніе дѣлъ въ Европейской Турціи неожиданно обострилось новымъ убійствомъ русскаго консула, которое на этотъ разъ нельзя уже было объяснять случайностью. Въ Битоліи повторилось то, что̀ было въ Митровицѣ; консулъ А. А. Ростковскій погибъ отъ руки турецкаго солдата, какъ и Щербина. Очевидно, злобное настроеніе турокъ направилось спеціально противъ Россіи, на которую ошибочно возлагается отвѣтственность за всѣ несчастія Оттоманской имперіи, и это настроеніе все чаще и сильнѣе обнаруживается въ рядахъ турецкой арміи. Снисходительное отношеніе къ убійству Щербины не было правильно понято турками и, быть можетъ, послужило поводомъ къ странному предположенію, что Россіи вообще несвойственно заступаться за своихъ представителей съ такою прямолинейною энергіею, какую выказываютъ въ подобныхъ случаяхъ другія великія державы, напримѣръ Англія или Германія; поэтому нападенія на русскихъ консуловъ представлялись какъ будто наименѣе опасными для Турціи подвигами турецкаго патріотизма. Дать укорениться такому взгляду въ мусульманскомъ населеніи было уже немыслимо съ нашей стороны, и это обстоятельство выяснилось вскорѣ послѣ печальнаго событія въ Битоліи. Первыя оффиціальныя телеграммы, сообщая о самомъ фактѣ, упоминали въ то же время объ обычныхъ извиненіяхъ и успокоительныхъ увѣреніяхъ турецкихъ властей. Русскій посолъ въ Константинополѣ телеграфировалъ въ Петербургъ 26 іюля (8 августа):

„Консулъ въ Битоліи Ростковскій только-что палъ жертвой возмутительнаго злодѣянія. Онъ убитъ часовымъ при въѣздѣ въ городъ. Великій визирь и министръ иностранныхъ дѣлъ явились ко мнѣ съ выраженіемъ соболѣзнованій отъ имени его величества султана. Феридъ-паша заявилъ мнѣ, что убійца, жандармъ Халимъ, будетъ подвергнутъ самой строгой карѣ, и что монастырскій вали будетъ отрѣшенъ отъ должности".

Фактическія подробности убійства передавались въ депешѣ управляющаго русскимъ консульствомъ въ Битоліи, отъ того же 26 іюля:

„Возвращаясь утромъ съ дачи въ городъ, консулъ, когда проѣзжалъ около полицейскаго поста, замѣтилъ, что полицейскій, несмотря на общій приказъ вали, оффиціально сообщенный мѣстнымъ консульствамъ, не отдаетъ ему чести. Консулъ вышелъ изъ коляски, чтобы спросить имя полицейскаго; послѣдній выстрѣлилъ нѣсколько разъ и убилъ его наповалъ пулями въ голову и бокъ. Двумя пулями ранена также лошадь. Въ мчавшагося съ пустымъ экипажемъ кучера стрѣляли еще въ городѣ. Посѣтившій меня сейчасъ вали сообщилъ, что имя убійцы—Халимъ".

Вслѣдъ за этими телеграммами напечатана была въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 28 іюля слѣдующая депеша нашего министра иностранныхъ дѣлъ на имя русскаго посла въ Константинополѣ, отъ 27 іюля:

„Государемъ Императоромъ получена телеграмма отъ Султана съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія по поводу кончины россійскаго консула въ Битоліи.

„По представленіи мною на Высочайшее воззрѣніе одновременно полученной вашей телеграммы о возмутительномъ убійствѣ статскаго совѣтника Ростковскаго, Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы вы, не ограничиваясь принятіемъ завѣреній, данныхъ вамъ великимъ визиремъ, предъявили турецкому правительству самое энергическое требованіе о полномъ удовлетвореніи и немедленномъ примѣрномъ наказаніи какъ преступника, такъ и всѣхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ, на коихъ падаетъ отвѣтственность за совершонное дерзкое злодѣяніе".

Двумя днями позже признано было необходимымъ точно формулировать сущность энергическихъ требованій, предъявляемыхъ Портѣ, и подкрѣпить ихъ посылкою русской эскадры въ турецкія воды. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ 29 іюля въ Константинополь:

„Глубокія сожалѣнія, высказанныя его величествомъ Султаномъ, посѣщеніе Императорскаго посла его величествомъ принцемъ Ахметомъ, выраженія соболѣзнованій со стороны великаго визиря, министровъ и другихъ сановниковъ—не могутъ считаться достаточнымъ удовлетвореніемъ.

„Государю Императору благоугодно было оказать высокомилостивое снисхожденіе по поводу убіенія консула въ Митровицѣ потому, что это преступленіе совершено было албанцемъ во время возстанія этого племени противъ своего правительства. Совершенно другой характеръ имѣетъ учиненное въ Битоліи дерзкое злодѣяніе, которое требуетъ самаго строгаго возмездія.

„Государю Императору благоугодно было поэтому Высочайше повелѣть, чтобы вы отклонили всякаго рода голословныя обѣщанія и потребовали выполненія нижеслѣдующихъ условій:

„Безотлагательнаго и самаго тяжкаго наказанія жандарма, убившаго статскаго совѣтника Ростковскаго.

„Арестованія и примѣрнаго наказанія стрѣлявшихъ въ экипажъ россійскаго консула.

„Немедленнаго представленія вамъ положительныхъ данныхъ дѣйствительной ссылкѣ битольскаго валія.

„Немедленной же строгой кары для всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, отвѣтственныхъ за убіеніе россійскаго консула.

„Помимо этого, въ цѣляхъ общаго умиротворенія вилайетовъ, вамъ надлежитъ предъявить требованія:

„О безотлагательномъ и самомъ строгомъ наказаніи всѣхъ тѣхъ турецкихъ чиновъ, на возмутительныя дѣйствія которыхъ указывалъ управляющій консульствомъ въ Ускюбѣ послѣ совершоннаго имъ совмѣстно съ австрійскимъ консуломъ объѣзда Коссовскаго вилайета.

„О возстановленіи въ должности уволеннаго Измаила Хакки, о дѣятельности котораго были даны благопріятные отзывы главному инспектору Хильми-пашѣ, и объ освобожденіи изъ-подъ ареста крестьянъ, дававшихъ показанія русскому и австрійскому консуламъ о звѣрствахъ турокъ.

„О немедленномъ смѣщеніи и наказаніи административныхъ чиновъ, злоупотребленія которыхъ были обнаружены въ Солуни и Призренѣ;

„и наконецъ, о безотлагательномъ назначеніи иностранныхъ офицеровъ въ составъ жандармеріи и полиціи для необходимаго успокоенія мирнаго населенія и введенія законнаго порядка".

„Одновременно—какъ сказано было далѣе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 2 августа—россійскому послу въ Константинополѣ сообщено было, что изъ Севастополя отправленъ будетъ въ турецкія воды отрядъ судовъ черноморскаго флота". Для того, чтобы эта военно-морская демонстрація не была истолкована въ смыслѣ болѣе активнаго вмѣшательства Россіи въ балканскія дѣла, наше дипломатическое вѣдомство обнародовало также слѣдующую объяснительную телеграмму на имя русскаго дипломатическаго агента въ Болгаріи, отъ 30 іюля:

„Императорское правительство не можетъ оставить безъ должнаго возмездія возмутительнаго злодѣянія, жертвою котораго палъ русскій консулъ въ Битоліи, и приняло уже энергическія мѣры къ истребованію отъ Турціи соотвѣтствующаго удовлетворенія.

„Какъ вслѣдъ за убійствомъ консула нашего въ Митровицѣ мы настояли на подавленіи возникшаго тогда среди албанскихъ племенъ движенія, такъ и нынѣ оттоманскому правительству предъявлены требованія о строгомъ наказаніи всѣхъ турецкихъ гражданскихъ и военныхъ властей, виновныхъ въ жестокостяхъ противъ христіанскаго населенія.

„Вы должны, однако, позаботиться о томъ, чтобы энергическое воздѣйствіе Россіи въ Константинополѣ не могло быть истолковано ни болгарскимъ правительствомъ, ни македонскими комитетами въ смыслѣ измѣненія политической программы, обнародованной въ правительственныхъ сообщеніяхъ. Со стороны княжества было бы опаснымъ заблужденіемъ считать принимаемыя мѣры за поощреніе революціонной агитаціи комитетовъ, преступная дѣятельность которыхъ

продолжаетъ служить препятствіемъ къ умиротворенію вилайетовъ, а стало быть и къ введенію проектированныхъ реформъ. Изъ поступающихъ отъ русскихъ консуловъ донесеній явствуетъ, что мирное христіанское населеніе страдаетъ не менѣе отъ революціонныхъ бандъ, чѣмъ отъ безчинствъ и грабежей турокъ.

„Всѣ эти обстоятельства указываютъ на необходимость и со стороны софійскаго правительства самаго рѣшительнаго воздѣйствія въ цѣляхъ прекращенія смуты на Балканскомъ полуостровѣ“.

Посылка русской эскадры къ берегамъ Турціи не замедлила произвести свое дѣйствіе въ Константинополѣ и тотчасъ же заставила Порту отнестись съ полною серьезностью къ требованіямъ Россіи. Русскій посолъ въ Константинополѣ сообщалъ депешею отъ 1-го августа, что, согласно полученному имъ извѣщенію Порты, „смѣщенный монастырскій вали высылается въ Триполи, и уже приготовляется пароходъ, на которомъ онъ будетъ отправленъ на мѣсто своего изгнанія“. Сверхъ того, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ посла оффиціальной нотой, что убійца россійскаго консула въ Битоліи и его сообщники присуждены были къ смертной казни, и что исполненіе приговора состоялось 31-го іюля (13-го августа) всенародно на самомъ мѣстѣ злодѣянія. Наконецъ 10-го (24-го) августа напечатано было успокоительное правительственное сообщеніе, положившее конецъ тревожнымъ толкамъ о послѣдствіяхъ принятыхъ мѣръ относительно Турціи.

„Императорское правительство—говорится въ этомъ сообщеніи—получило оффиціальное извѣщеніе о состоявшемся повелѣніи султана немедленно исполнить безъ исключенія всѣ требованія, которыя были предъявлены Портѣ чрезъ Императорскаго посла въ Константинополѣ вслѣдствіе убійства россійскаго консула въ Битоліи.

„Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть находящимся въ Инадѣ русскимъ военнымъ судамъ вернуться въ Севастополь“.

По полученнымъ отъ русскаго посла въ Константинополѣ свѣдѣніямъ, Портою сдѣланы слѣдующія распоряженія, съ цѣлью удовлетворить справедливыя требованія Россіи:

„Помимо казни двухъ преступниковъ и присужденія къ каторжнымъ работамъ двухъ другихъ жандармовъ, исключены со службы офицеры, позволившіе себѣ неуважительные отзывы о покойномъ россійскомъ консулѣ въ Битоліи. Производится тщательный розыскъ лицъ, стрѣлявшихъ въ экипажъ статскаго совѣтника Ростковскаго. Уволены и преданы суду всѣ должностныя лица, числомъ 24, означенныя въ переданномъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Зиновьевымъ Портѣ спискѣ и о дѣятельности коихъ даны были неблагопріятные отзывы нашими консульскими представителями. Всѣ частныя лица, поименованныя въ томъ же спискѣ и обвиненныя въ различныхъ преступленіяхъ, равнымъ образомъ преданы суду. Возстановленъ въ прежнемъ званіи полицейскаго комиссара въ Паланкѣ Измаилъ Хакки,

уволенный отъ этой должности, вопреки представленію управляющаго россійскимъ консульствомъ въ Ускюбѣ. Всѣ лица, арестованныя вслѣдствіе принесенія ими жалобъ на насилія и злоупотребленія со стороны мусульманъ, освобождаются. Генеральному инспектору по введенію реформъ въ трехъ вилайетахъ, Хильми-пашѣ, сдѣланъ выговоръ. Начальникъ жандармеріи и начальникъ полиціи въ Солуни, Хайреддинъ-Бей и Масхаръ-Бей, замѣщены другими лицами. Портою сдѣлано распоряженіе о приглашеніи въ составъ жандармеріи нѣсколькихъ иностранныхъ офицеровъ, имена которыхъ будутъ сообщены дополнительно, и, наконецъ, всѣмъ военнымъ, гражданскимъ и судебнымъ властямъ даны строгія приказанія о принятіи мѣръ въ видахъ обезпеченія порядка и безопасности".

Отозваніемъ русской эскадры въ Севастополь закончился крупный политическій инцидентъ, вызванный убійствомъ нашего консула въ Битоліи. Дипломатія должна была опять удовлетвориться „состоявшимся повелѣніемъ султана" и данными Портою „строгими приказаніями всѣмъ военнымъ, гражданскимъ и судебнымъ властямъ о принятіи мѣръ въ видахъ обезпеченія порядка и безопасности". Всякій знаетъ, что повелѣнія султана и строгія приказанія Порты совершенно безсильны въ значительной части Европейской Турціи, и что турецкое правительство по существу неспособно обезпечить порядокъ и безопасность въ странѣ съ смѣшаннымъ населеніемъ; тѣмъ не менѣе, фразы о желательныхъ мѣропріятіяхъ и обѣщаніяхъ Порты постоянно повторяются въ дипломатической перепискѣ по турецкимъ дѣламъ, и по прежнему мучительный хроническій кризисъ прикрывается условными формулами и фикціями, необходимыми, какъ думаютъ многіе, для сохраненія общаго мира. Взаимное недовѣріе и недоброжелательство между культурными націями, заинтересованными въ турецкихъ дѣлахъ, не ослабляются даже такими фактами, какъ убійство русскаго консула, и несмотря на то, что наша дипломатія на Балканскомъ полуостровѣ дѣйствуетъ заодно съ австрійскою въ силу соглашенія 1897 года, нѣмецко-австрійская оффиціозная пресса все-таки воспользовалась смертью А. А. Ростковскаго для явно-несправедливыхъ обвиненій и враждебныхъ выходокъ противъ русской политики и ея представителей въ Турціи. Берлинскія и вѣнскія газеты давали дѣлу такое освѣщеніе, что приходилось считать самихъ русскихъ консуловъ виновными въ турецкихъ покушеніяхъ и насиліяхъ; еще дальше шла въ этомъ направленіи „Кельнская Газета", получающая свои политическія свѣдѣнія и указанія изъ министерскихъ канцелярій Берлина и Вѣны. „Кельнская Газета" увѣряла, что русскіе консулы ведутъ себя будто бы вызывающимъ образомъ, что они систематически поддерживаютъ и поощряютъ революціонное движеніе противъ власти султана, что они сознательно раздражаютъ турокъ и даютъ пищу ихъ патріотическому фанатизму; такъ, покойный А. А. Ростков-

скій, по словамъ газеты, обратился къ турецкому часовому съ ругательствами и затѣмъ далъ ему будто бы пощечину, послѣ чего тотъ и выстрѣлилъ въ него. И эта нелѣпость обходила серьезные органы нѣмецкой печати, не встрѣчая своевременнаго категорическаго опроверженія. „Кельнская Газета“ сообщала кстати, что названный консулъ не стѣснялся вообще въ обращеніи съ турками, что онъ неоднократно имѣлъ конфликты съ турецкими властями вслѣдствіе своей склонности къ кулачной расправѣ, что однажды онъ нагайкой дѣйствовалъ противъ турецкихъ артиллеристовъ и т. п. Между тѣмъ, въ этихъ разсказахъ и увѣреніяхъ не было ни единаго слова правды; извѣстно было напротивъ, что А. А. Ростковскій рѣшительно осуждалъ дѣятельность македонскихъ комитетовъ и относился враждебно къ болгарской агитаціи, чѣмъ навлекъ на себя даже упреки въ туркофильствѣ; онъ отличался вообще сдержанностью и тактомъ — качествами, безъ которыхъ немыслима дипломатическая карьера, особенно въ такой сферѣ, гдѣ каждый шагъ осуждается и критикуется язвительными иноземными наблюдателями. Обращеніе къ турецкому солдату, не отдавшему ему чести, могло бы считаться безтактностью только съ точки зрѣнія людей, незнакомыхъ съ восточными нравами и понятіями; соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ играетъ вообще большую роль на Востокѣ, и иностранные представители въ Турціи, въ силу своего особаго положенія, вѣроятно, не могутъ пропускать безъ вниманія такія обстоятельства, которыя намъ кажутся слишкомъ мелкими и ничтожными. Недоразумѣнія вслѣдствіе неотданія чести солдатами случались съ разными европейскими консулами въ турецкихъ земляхъ и обыкновенно оказывались только недоразумѣніями: солдатамъ ставили на видъ допущенную ими небрежность и внушали на будущее время быть внимательными къ Европѣ въ лицѣ ея представителей, чѣмъ и исчерпывался инцидентъ; такъ же точно поступилъ въ данномъ случаѣ и А. А. Ростковскій—и неожиданно попалъ на фанатика, который, вмѣсто обычнаго извинительнаго отвѣта, поднялъ противъ него оружіе. Если такой опытный мѣстный дѣятель сдѣлалъ столь крупную и роковую для себя ошибку, то постороннимъ критикамъ трудно говорить объ его винѣ или неосторожности; дѣйствіе совершенно незначительное само по себѣ можетъ иногда повлечь за собою катастрофу вслѣдствіе сцѣпленія разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей. А что катастрофа произошла именно съ русскимъ консуломъ, а не съ кѣмъ-нибудь другимъ, то это зависѣло не отъ особенностей въ поведеніи различныхъ консуловъ, а отъ традиціоннаго турецкаго взгляда на Россію и русскихъ. Ростковскій, какъ и Щербина, палъ жертвою именно этой старинной непріязни турокъ къ „московамъ“, въ чемъ оба они лично никакъ не могли считаться отвѣтственными.

Печально видѣть, что газеты, говорящія нерѣдко отъ имени правительства, обнаруживаютъ полное непониманіе важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики и настойчиво выдаютъ свои невѣжественные взгляды за отголоски вліятельныхъ и властныхъ элементовъ общества. Мы не сомнѣваемся, что высокомѣрныя заявленія этихъ газетъ заключаютъ въ себѣ значительную долю самозванства, и что „Московскія Вѣдомости", называющія князя Черногорскаго „княземъ де-Монтенегро", столь же мало уполномочены выражать правительственныя мнѣнія, какъ и „Гражданинъ", постоянно озабоченный мнимою охраною интересовъ власти. По поводу балканскихъ дѣлъ „Гражданинъ" наглядно доказалъ свою отдаленность отъ какихъ бы то ни было сознательныхъ и разумныхъ представленій о внѣшней политикѣ. Упомянувъ объ обстоятельствахъ гибели Ростковскаго, „Гражданинъ" (№ 61) отъ себя повторяетъ обвиненія и намеки, высказанные безъ достаточнаго къ тому основанія въ иностранной печати. Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ авторъ „дневника" въ газетѣ князя В. Мещерскаго, — подробности „похожи на тѣ, которыя мы узнали послѣ убіенія перваго нашего консула, въ томъ отношеніи, что, какъ въ первомъ событіи, такъ и въ этомъ, поводъ къ убійству изошелъ отъ консула. Оба, очевидно, безъ особой нужды, не принимая во вниманіе возбужденнаго и фанатическаго состоянія умовъ въ данную минуту, искусственно вызвали проявленіе фанатизма. Ни того, ни другого убійства не было бы, если, подобно другимъ консуламъ, наши консулы не вмѣшивались бы въ уличную жизнь, какъ оффиціальныя личности". Предположеніе — совершенно невѣрное: другіе консулы, какъ напр. британскіе или австрійскіе, гораздо энергичнѣе нашихъ вмѣшиваются въ мѣстныя дѣла на Востокѣ и славятся вообще гораздо большею предпріимчивостью, чѣмъ русскіе представители; но австрійцы или англичане издавна пользуются репутаціею друзей и защитниковъ Турціи, чего нельзя сказать о русскихъ дипломатахъ, вопреки всѣмъ усиліямъ ихъ охранять турецкій status quo совмѣстно съ Австріею. Для избѣжанія турецкихъ посягательствъ на русскихъ дипломатическихъ представителей, „Гражданинъ" предлагаетъ просто убрать нашихъ консуловъ изъ Македоніи и Болгаріи, такъ какъ они „для дипломатическаго дѣла вовсе не нужны" (?), и именно потому, что они русскіе, „могутъ постоянно, при малѣйшей съ ихъ стороны неосторожности, вызывать какія-либо непріятныя для оффиціальной личности консула демонстраціи". По мнѣнію князя Мещерскаго, „такая рѣшительная мѣра, какъ отозваніе всѣхъ русскихъ консуловъ изъ Болгаріи, Македоніи и Албаніи, имѣла бы свое непосредственное дѣйствіе на умы во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ тѣмъ, что безповоротно уже свидѣтельствовала бы о твердой рѣшимости Россіи ни въ какомъ

случаѣ не вмѣшиваться въ событія, тамъ происходящія". Хотя „Гражданинъ" совѣтовалъ принять эту „рѣшительную мѣру" тотчасъ послѣ убійства Щербины, но совѣтъ не былъ исполненъ, о чемъ онъ серьезно сожалѣетъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что „не будь русскихъ консуловъ въ Македоніи", ихъ бы тамъ и не убивали, а кромѣ того—прибавляетъ князь Мещерскій — „не будь тамъ русскихъ консуловъ, возстаніе не разгоралось бы снова съ такою силою". Газета не предлагаетъ, однако, упразднить ужъ кстати и русское посольство въ Константинополѣ, а между тѣмъ посольству нечего было бы дѣлать въ Турціи, послѣ устраненія всѣхъ консуловъ. Князь Мещерскій не подумалъ даже о томъ, что другія великія державы продолжали бы имѣть своихъ представителей и агентовъ на Балканскомъ полуостровѣ, и что поэтому удаленіе оттуда однихъ русскихъ консуловъ было бы равносильно отреченію Россіи отъ всякаго вліянія и роли на ближнемъ Востокѣ. Иностранные консулы, и въ томъ числѣ русскіе, являются фактически главнѣйшими охранителями законности и общественной безопасности въ турецкихъ земляхъ; они призваны быть заступниками и покровителями безправнаго христіанскаго населенія, и не будь ихъ, турки съ гораздо большею свободою расправлялись бы съ христіанами и истребляли бы ихъ въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ теперь. Присутствіе консуловъ служитъ единственнымъ якоремъ спасенія для злосчастной массы иновѣрныхъ подданныхъ султана; только иностранные представители внушаютъ нѣкоторую боязнь отвѣтственности турецкимъ самовластнымъ правителямъ, мѣстнымъ и центральнымъ, и если что-нибудь дѣлается въ Турціи для защиты населенія отъ кроваваго произвола башибузуковъ, то только благодаря существованію и вмѣшательству иностранныхъ консуловъ, въ томъ числѣ и русскихъ. При такихъ условіяхъ отозваніе всѣхъ русскихъ консуловъ изъ областей, наиболѣе нуждающихся въ иноземной охранѣ, было бы не только нелѣпымъ въ политическомъ смыслѣ, но и жестокимъ малодушіемъ, и конечно подобный проектъ никогда не могъ бы возникнуть въ умѣ человѣка, имѣющаго здравыя понятія о положеніи и задачахъ государства въ международныхъ отношеніяхъ. Уйти со сцены ближняго Востока — не во власти Россіи, и если мы обязаны воздерживаться отъ активныхъ мѣръ и предпріятій въ предѣлахъ Балканскаго полуострова, то это не значитъ еще, что намъ слѣдуетъ отказаться отъ своихъ политическихъ правъ и интересовъ въ сферѣ восточнаго вопроса, для пользы Австро-Венгріи, Германіи и Англіи.

Во всякомъ случаѣ ближній Востокъ имѣетъ для насъ больше значенія въ настоящемъ и будущемъ, чѣмъ сомнительныя пріобрѣтенія на дальнемъ Востокѣ, гдѣ колоссальныя затраты силъ и средствъ считаются уже какъ бы нормальными. Учрежденіе особаго намѣстни-

чества на окраинѣ сѣверо-восточной Азіи не предвѣщаетъ скорой ликвидаціи нашихъ дѣлъ съ Китаемъ относительно Манчжуріи и отчасти характеризуетъ вѣроятный дальнѣйшій ходъ событій въ этихъ далекихъ краяхъ. Обширныя функціи намѣстника, преимущественно военныя по своему характеру, распространяются и на территорію манчжурской желѣзной дороги, и на внѣшнюю политику по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ, и на охрану интересовъ русскаго населенія въ пограничныхъ областяхъ; вопросы, зависѣвшіе прежде почти исключительно отъ министерства финансовъ или отъ дипломатическаго вѣдомства, предоставлены теперь всецѣло на усмотрѣніе мѣстной высшей власти и фактически переходятъ въ завѣдываніе лицъ, привыкшихъ руководствоваться главнымъ образомъ военными соображеніями и интересами. Преобладаніе военной точки зрѣнія въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ, какъ манчжурскій, представляетъ нѣкоторую опасность для государства; но, съ другой стороны, государственное казначейство не будетъ уже находиться въ распоряженіи той же администраціи, которой принадлежитъ завѣдываніе восточно-китайскою желѣзною дорогою, и сама собою устранится возможность чрезмѣрной расточительности въ этомъ отношеніи, послѣ того какъ министерство финансовъ сдѣлается постороннимъ вѣдомствомъ для Манчжуріи. Однако, соблазняясь перспективами дальняго Востока, мы не должны забывать, что все болѣе запутывающіяся обстоятельства балканскаго кризиса могутъ противъ воли вовлечь насъ въ серьезныя затрудненія, которыя потребуютъ и значительныхъ усилій и издержекъ.

Возстаніе въ Македоніи разгорается неудержимо, захватывая мѣстности, бывшія еще недавно сравнительно спокойными; кровавыя битвы происходятъ ежедневно въ разныхъ пунктахъ страны; вооруженные отряды появились и въ адріанопольскомъ округѣ, и повсюду дѣйствуютъ съ отчаянною рѣшимостью людей, которымъ терять нечего. Постоянные динамитные взрывы мостовъ и желѣзнодорожныхъ поѣздовъ не могутъ быть приписаны только преступнымъ замысламъ революціонныхъ комитетовъ; это жестокія вспышки безпощадной партизанской войны, направленной не только противъ турецкаго владычества, но и противъ его европейскихъ покровителей и друзей. Фанатическое возбужденіе ростетъ среди турокъ и вызываетъ соотвѣтственные порывы мстительной злобы со стороны поднявшихся христіанъ; кровь льется ручьями, и дипломатія не можетъ долго относиться пассивно къ происходящимъ событіямъ. О мирныхъ турецкихъ реформахъ никто уже не говоритъ серьезно; великія державы поочередно посылаютъ свои эскадры въ турецкія воды для охраны своихъ подданныхъ, и наконецъ къ турецкимъ владѣніямъ впервые направляются съ тою же цѣлью американскіе броненосцы, по поводу неудавшагося поку-

шенія на жизнь вице-консула Соединенныхъ Штатовъ въ Бейрутѣ. Европейскіе кабинеты продолжаютъ предъявлять Портѣ настойчивыя требованія о томъ, чтобы она „какъ можно скорѣе приняла мѣры къ окончательному подавленію возстанія"; такого рода совѣты не приводятъ, конечно, къ замѣтнымъ результатамъ, но иногда способствуютъ усиленію безплоднаго кровопролитія въ христіанскихъ селахъ и мѣстечкахъ. Придется что-нибудь предпринять для прекращенія этой безнадежной македонско-болгарской рѣзни, и достигнуть этой цѣли мирными средствами было бы вѣроятно легче при помощи Франціи, чѣмъ при соблюденіи существующаго дипломатическаго компромисса съ Австріею. Почему мы пренебрегаемъ въ этомъ случаѣ французскимъ союзомъ и упорно держимся устарѣлой вѣнской программы,— объяснить трудно, тѣмъ болѣе, что австрійская система какъ нельзя яснѣе доказала свою несостоятельность въ теченіе послѣдняго кризиса на Балканскомъ полуостровѣ.

Выборы новаго папы возбуждали общее вниманіе всего культурнаго міра и служили поводомъ къ горячимъ спорамъ между представителями разныхъ теченій и направленій въ католической церкви. Насколько можно понять теперь, среди высшей іерархіи существовали, съ одной стороны, приверженцы дѣятельной международной политики папства, въ родѣ той, какую въ теченіе многихъ лѣтъ велъ ближайшій совѣтникъ Льва XIII, кардиналъ Рамполла; съ другой стороны, многіе кардиналы выдвигали на первый планъ духовное призваніе „святѣйшаго престола" и желали видѣть во главѣ церкви, прежде всего, первосвященника, а не дипломата. Самые вліятельные и извѣстные кардиналы наиболѣе интересовались внѣшними политическими успѣхами католичества; въ этой группѣ серьезными кандидатами на папскій престолъ считались Рамполла и Ванутелли, первый—болѣе желательный для Франціи, а второй—для Германіи и Австро-Венгріи. Представителемъ чисто религіозной партіи былъ кардиналъ Готти, монахъ-аскетъ по убѣжденіямъ и образу жизни. Рамполла и Ванутелли имѣли какъ бы свои политическія программы; кромѣ сторонниковъ, у нихъ были и рѣшительные враги, и потому избраніе кого-нибудь изъ нихъ не могло бы разсчитывать на единодушное одобреніе. Вѣрующіе католики вообще не хотѣли имѣть политическаго папу, и въ этомъ смыслѣ особенно сильныя возраженія высказывались противъ Рамполлы. Во время конклава одинъ изъ австрійскихъ кардиналовъ формально заявилъ отъ имени императора Франца-Іосифа, что необходимо устранить выборъ политическаго кандидата, для предупрежденія нареканій и разныхъ неудобствъ; этимъ

заявленіемъ Австро-Венгрія пустила въ ходъ свое старинное право veto, чтобы помѣшать избранію Рамполлы. Кардиналы протестовали противъ такого вмѣшательства свѣтскаго монарха въ папскіе выборы, но Рамполла фактически сошелъ со сцены, такъ какъ нельзя было думать о выборѣ кандидата, заранѣе отвергнутаго одною изъ великихъ католическихъ державъ. Тогда окончательно восторжествовало направленіе чисто-религіозное; Рамполла и Ванутелли были оставлены въ сторонѣ, и заключительнымъ голосованіемъ 4 августа (нов. ст.) конклавъ выбралъ малоизвѣстнаго въ Европѣ кардинала, венеціанскаго патріарха Джузеппе Сарто, который принялъ имя Пія X.

Джузеппе Сарто былъ очень популяренъ въ Венеціи и пользовался репутаціею чистосердечнаго, скромнаго и искренно религіознаго человѣка; происхожденія онъ крестьянскаго, и выдвинулся впервые въ восьмидесятыхъ годахъ, когда сдѣлался епископомъ въ Мантуѣ. Кардиналомъ и патріархомъ Венеціи онъ былъ назначенъ въ 1893 году. Въ настоящее время ему шестьдесятъ-восемь лѣтъ отъ роду, — немногимъ меньше, чѣмъ было Льву XIII при избраніи его папою. Новый глава римской церкви никогда не занимался политикою и всегда вдохновлялся лишь религіозными побужденіями; набожность его не имѣла тѣхъ аскетическихъ формъ, какъ у Готти, а соединялась съ простодушіемъ и привѣтливостью. Католичество получило именно такого папу, какой нуженъ былъ при данныхъ условіяхъ,—спокойнаго, умѣреннаго, вполнѣ демократичнаго, лишеннаго честолюбія и предпріимчивости, одинаково далекаго отъ политическаго оппортунизма, какъ и отъ религіозной узости и нетерпимости. Можно сказать заранѣе, что подъ управленіемъ Пія X римская церковь будетъ мало напоминать ту воинственную и непримиримую духовно-политическую силу, какою она была при Піѣ IX.

Одинъ изъ общеизвѣстныхъ и выдающихся государственныхъ людей Англіи, маркизъ Сольсбери, скончался 22 августа въ своемъ Гатфильдскомъ замкѣ, на 74-мъ году жизни. Какъ представитель стариннаго аристократическаго рода Сесилей, онъ съ молодыхъ лѣтъ призванъ былъ къ публичной политической дѣятельности; одно изъ избирательныхъ „гнилыхъ мѣстечекъ“ родственной ему фамиліи лордовъ Экзетеръ доставило ему мѣсто въ палатѣ общинъ, гдѣ онъ съ 1853 года обращалъ на себя вниманіе своими консервативными рѣчами, проникнутыми духомъ скептицизма и ироніи. Въ качествѣ младшаго сына стараго маркиза Сольсбери, лордъ Робертъ Сесиль долженъ былъ довольствоваться сравнительно скромнымъ общественнымъ положеніемъ, заработывая недостающія средства къ жизни литературнымъ

трудомъ; вскорѣ онъ пріобрѣлъ репутацію талантливаго журналиста своими публицистическими статьями въ „Saturday Review“ и „Quarterly Review“. Въ 1865 году умеръ его старшій братъ, виконтъ Кренборнъ, и лордъ Робертъ Сесиль сдѣлался наслѣдникомъ огромнаго родового состоянія, а съ 1868 года, со смертью своего отца, сталъ маркизомъ Сольсбери. Политическая дѣятельность его, какъ одного изъ выразителей своеобразнаго британскаго консерватизма, тѣсно связана со всею новѣйшею исторіею Англіи, и нѣтъ надобности напоминать теперь главные моменты этой дѣятельности. Лордъ Сольсбери не обладалъ творческою силою, какъ Гладстонъ и Дизраэли-Биконсфильдъ, и въ политикѣ онъ являлся часто дилеттантомъ, какъ и въ тѣхъ естественно-научныхъ занятіяхъ, которымъ онъ посвящалъ свои досуги; но какъ блестящій дипломатъ и опытный, осторожный государственный дѣятель онъ оставилъ крупный слѣдъ въ томъ общемъ процессѣ демократизаціи аристократическихъ учрежденій, порядковъ и обычаевъ, который характеризуетъ исторію Англіи съ половины прошлаго вѣка.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1903.

I.

— Толковый Словарь живого великорусскаго языка. Владиміра Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное изданіе подъ редакціею проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Томъ первый. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1903.

„Товарищество М. О. Вольфъ" предприняло обширное изданіе, которымъ оно пріобрѣтетъ великую заслугу въ глазахъ всѣхъ любителей русскаго языка и словесности. Новое изданіе Словаря Даля, какъ оно поставлено въ настоящемъ случаѣ, есть предпріятіе весьма обширное, къ которому издатели отнеслись весьма разумно.

Въ предисловіи читаемъ: „Задумавъ новое изданіе „Толковаго Словаря живого великорусскаго языка", издатели сознавали свою громадную отвѣтственность передъ русскимъ обществомъ и наукой, отвѣтственность, связанную съ выпускомъ въ свѣтъ этого капитальнаго сочиненія, этой единственной полной сокровищницы живой русской рѣчи... Со времени послѣдняго изданія „Словаря Даля" прошло четверть вѣка, въ теченіе котораго (которой?) наука по изученію русскаго языка, его особенностей, его нарѣчій и говоровъ и пр. сдѣлала громадный шагъ впередъ. Живой великорусскій языкъ обогатился многими новыми словами. Въ народной русской рѣчи было отмѣчено много словъ, не записанныхъ Далемъ. Измѣнились отчасти мнѣнія и взгляды на русское правописаніе, на этимологію языка и пр. Кромѣ того, первыя два изданія „Словаря Даля" вызвали въ ученой критикѣ рядъ замѣчаній"...

Поэтому издатели, задумавъ новое изданіе, обратились къ спеціалистамъ по изученію русскаго языка съ вопросомъ о томъ, какъ слѣдуетъ поставить дѣло—именно, переработать ли его совершенно, или сохранить въ прежнемъ видѣ, только съ исправленіями и дополне-

ніями. Большинство спеціалистовъ высказалось за сохраненіе основы словаря неприкосновенною, съ тѣмъ только, чтобы вкравшіяся ошибки были исправлены и словарь дополненъ новыми данными въ словахъ и толкованіяхъ.

Съ этимъ согласился проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, принявшій на себя редакцію новаго изданія. Издатели справедливо могли считать себя „счастливыми, что во главѣ редакціи сталъ извѣстный спеціалистъ, знатокъ славянскихъ языковъ, имя котораго пользуется громкою славою въ ученомъ мірѣ", и они справедливо „полагаютъ, что въ лицѣ проф. Бодуэна-де-Куртенэ они нашли вполнѣ достойнаго редактора, проникнутаго сознаніемъ громаднаго значенія „Толковаго Словаря" для русской интеллигентной публики и для науки языковѣдѣнія".

Исправленія и дополненія потребовали столько труда, что онъ былъ уже не подъ силу одному редактору; потребовались помощники-спеціалисты. Для внѣшней исправности изданія были отлиты новые четкіе шрифты (числомъ одиннадцать), приготовлена особая бумага.

Въ своемъ отдѣльномъ предисловіи г. Бодуэнъ-де-Куртенэ излагаетъ пріемы своей работы надъ „Словаремъ". Когда ему предложена была редакція, „я,—говоритъ онъ,—хотя и не особенно охотно, но все-таки согласился. А теперь почти сожалѣю объ этомъ. Сожалѣю же потому, что хотя и предчувствовалъ всю трудность задачи, но все-таки никакъ не полагалъ, что мнѣ придется на ея добросовѣстное исполненіе потратить столько времени и умственнаго труда, въ ущербъ другимъ моимъ занятіямъ".

Возможны были два взгляда. Можно было взглянуть на Словарь Даля, при всѣхъ его оригинальныхъ достоинствахъ, какъ на трудъ, составленный съ технической стороны весьма неудовлетворительно, и слѣдовательно, принявъ его за матеріалъ, составить на его основаніи новый словарь, по всѣмъ правиламъ словарнаго искусства;—но это потребовало бы многихъ лѣтъ работы и многихъ сотрудниковъ. Или, сохранивъ Словарь въ его полномъ составѣ, сдѣлать только необходимѣйшія исправленія и дополненія. „Но,—говоритъ г. Бодуэнъ-де-Куртенэ,—такому отношенію къ взятой мною на себя задачѣ мѣшали два обстоятельства:

„во-первыхъ, уваженіе къ монументальному труду незабвеннаго В. И. Даля, являющемуся единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ энергіи и умственной производительности одного лица;

„во-вторыхъ, мое нравственное чувство и сознаніе отвѣтственности передъ интеллигентною публикой, которая пожелаетъ пользоваться этимъ 3-мъ изданіемъ Словаря.

„Свою редакторскую задачу я понялъ прежде всего въ смыслѣ

усовершенствованія нѣкоторыхъ подробностей внѣшней отдѣлки словаря, чтобы сдѣлать возможнымъ пользованіе имъ безъ затрудненій и безъ непроизводительной траты времени".

Для дополненій редакторъ воспользовался, во-первыхъ, собственными замѣтками о народномъ языкѣ, собранными въ теченіе многихъ лѣтъ, затѣмъ матеріалами, которые издавна (какъ напр. „Опытъ областного словаря" и пр.) являлись въ печати, между прочимъ какъ дополненіе къ самому Словарю Даля,—причемъ редакторъ всегда относился къ своему матеріалу съ критическою осторожностью.

Далѣе, особенностью настоящаго изданія является значительно исправленное распредѣленіе словъ по „гнѣздамъ": прежнее распредѣленіе было однимъ изъ большихъ неудобствъ стараго изданія Словаря. Даль, какъ извѣстно, располагалъ слова не по простому азбучному порядку отдѣльныхъ словъ, а по ихъ словопроизводной связи, и на основаніи этой связи (дѣйствительной, а иногда воображаемой и неправильно понятой) располагалъ слова „по гнѣздамъ".

„Многихъ отдѣльныхъ словъ,—говоритъ г. Бодуэнъ-де-Куртенэ,—нельзя было найти въ Словарѣ Даля на надлежащемъ мѣстѣ, по алфавитному порядку, такъ какъ они упрятаны въ „гнѣздахъ", и иногда такъ хорошо упрятаны, что даже спеціалисту по языку приходится долго думать и искать, пока ему удастся открыть мѣсто ссылки интереснаго незнакомца. Такія слова можно считать почти потерянными для словаря. Поэтому всѣ слова, которыя, по алфавитному порядку, должны быть отдѣлены другими словами отъ заглавнаго слова своего гнѣзда, и тѣмъ не менѣе не выведены наружу самимъ Далемъ, я рѣшилъ выпроводить изъ гнѣзда, поставить на надлежащемъ мѣстѣ словаря и прибавить указаніе (см. —) на заглавное слово гнѣзда, гдѣ—само собою разумѣется—выведенное слово остается вмѣстѣ съ толкованіемъ и съ относящимися къ нему примѣрами фразъ и выраженій"...

Притомъ самыя „гнѣзда" бывали распредѣлены Далемъ „неосновательно и ненаучно", такъ что должны были быть сдѣланы исправленія и въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ редактору новаго изданія Словаря предстояла немалая и утомительная работа, въ возстановленіи алфавита, исправленіи „гнѣздъ" и самыхъ этимологій Даля, и проч.

Въ заключеніе г. Бодуэнъ-де-Куртенэ говоритъ:

„Если во многомъ изложенномъ выше сказывается какъ будто отрицательный взглядъ на достоинства словаря Даля, такъ это объясняется, во-первыхъ, свойственнымъ мнѣ критицизмомъ, во-вторыхъ же горькимъ чувствомъ рудокопа, принужденнаго добывать собственными руками разныя драгоцѣнности и сокровища. Но другіе должны

быть свободны отъ этого чувства. Имъ вѣдь приходится только наслаждаться этими драгоцѣнностями и сокровищами. А словарь Даля и составляетъ неоспоримое сокровище. Это трудъ единственный въ своемъ родѣ.

„Есть, правда, у другихъ народовъ словари, превышающіе словарь Даля совершенствомъ отдѣлки, богатствомъ историко-литературнаго матеріала и т. д.; но трудно найти другой словарь, совмѣщающій въ себѣ столько матеріала, почерпнутаго однимъ только лицомъ изъ живого разговорнаго языка извѣстнаго народа. Словарь Даля является не только одною изъ самыхъ богатыхъ сокровищницъ рѣчи человѣческой, но кромѣ того сборникомъ матеріаловъ для изслѣдованія и опредѣленія народнаго склада ума, для опредѣленія міровоззрѣнія русскаго народа. Чего только стоитъ одно обиліе сочныхъ и мѣткихъ изреченій и пословицъ"! (Б.-де-Куртенэ указываетъ массу примѣровъ). „Когда при чтеніи утомительной корректуры мнѣ приходилось перечитывать набранные курсивомъ примѣры, чувство скуки и недовольства смѣнялось просто наслажденіемъ,—и я отдыхалъ и освѣжался. Насколько же сильнѣе должны быть эти пріятныя чувства у каждаго читателя, пользующагося уже готовымъ словаремъ, безъ мучительной обязанности отыскивать ошибки и слѣдить за точностью напечатаннаго"!

Можно порадоваться, что редакцію новаго изданія Словаря Даля взялъ на себя столь компетентный филологъ и вмѣстѣ чуткій, внимательный критикъ, какъ г. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Нѣтъ сомнѣнія, что Словарь Даля въ новомъ исправленіи и дополненіи пріобрѣтетъ достоинства (кромѣ дополненій, и въ самомъ распорядкѣ матеріала), какихъ далеко не имѣли его прежнія изданія.

Изданіе выходитъ выпусками, въ 6—7 печ. листовъ; всего будетъ до 40 выпусковъ. Цѣлое изданіе предполагается закончить въ четыре года.—А. П.

II.

— Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминанія. 1848—1870. М. 1903.

Къ воспоминаніямъ Н. А. Огаревой-Тучковой слѣдуетъ относиться, какъ къ большинству произведеній этого рода, до нѣкоторой степени критически. Субъективное отношеніе автора находитъ въ нихъ обыкновенно наиболѣе благопріятную почву для своего выраженія; нерѣдко въ нихъ выступаетъ на первый планъ то, что̀ не имѣетъ особеннаго историческаго или общественнаго интереса, но дорого автору по пережитымъ впечатлѣніямъ или личному участію; нерѣдко авторъ опу-

скаетъ завѣсу именно тамъ, гдѣ читатель ожидалъ бы встрѣтить, судя по ходу разсказа, наибольшій интересъ или требовалъ бы большей обстоятельности.

Но зато въ воспоминаніяхъ есть другая сторона, отсутствующая въ строгомъ историческомъ разсказѣ: въ нихъ передаются не только факты, которые зачастую составляютъ слабѣйшую часть воспоминаній, но непосредственныя впечатлѣнія, настроенія и чувства, что̀ дѣлаетъ разсказъ особенно жизненнымъ и легко вводитъ читателя въ характеръ и обстановку того лица, о которомъ разсказываетъ авторъ.

Все это примѣнимо и къ воспоминаніямъ г-жи Огаревой. И въ нихъ не мало страницъ незанимательныхъ и прямо скучныхъ для русскаго читателя; характеристика нѣкоторыхъ лицъ сдѣлана односторонне; при разсказѣ о событіяхъ огромной важности нерѣдко на первый планъ выступаютъ малозначащія подробности и стушевывается существенная сторона дѣла, повидимому хорошо знакомая автору. Но, рядомъ съ этимъ, многія страницы читаются съ неостывающимъ вниманіемъ. Конечно, это тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о Герценѣ. Огаревѣ, Тургеневѣ, Бакунинѣ, Гарибальди, гдѣ они рисуются въ обстановкѣ еще очень мало знакомой русскимъ читателямъ. Особый интересъ пріобрѣтаетъ повѣствованіе г-жи Огаревой вслѣдствіе ея исключительнаго положенія и близкихъ дружественныхъ связей съ нѣкоторыми изъ названныхъ лицъ; читатели несомнѣнно найдутъ въ ея книгѣ черты, характеризующія, въ свою очередь, эту не совсѣмъ обыкновенную личность.

Изъ двадцати семи главъ „Воспоминаній“, обнимающихъ собою время отъ 1848 г., съ любопытными эпизодами изъ дореформенной эпохи, до кончины Герцена въ 1870 г., мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе любопытныхъ въ общемъ смыслѣ и характерныхъ для изложенія автора. Интересно разсказано посѣщеніе знаменитымъ Гарибальди Лондона и его визитъ Герцену:—„Въ шестомъ часу парная карета подъѣхала къ садовой калиткѣ. Толпа народа, вѣроятно изъ Тедингтона и окрестныхъ мѣстъ, узнавъ, что ждутъ къ намъ Гарибальди, спѣшила за своимъ любимцемъ и со всѣхъ сторонъ окружила экипажъ. Нѣкоторыя лица движеніемъ толпы были вытѣснены съ улицы въ садовую калитку. Герценъ вышелъ первый, ему жали руки; одна дама даже поцѣловала его въ плечо. Когда Гарибальди, опираясь на новую трость, ступилъ на мостовую, раздался радостный возгласъ: „Vive Garibaldi, wellcome!“ Гарибальди снялъ шляпу и кланялся во всѣ стороны; выраженіе его кроткаго лица было исполнено любви и радости; онъ былъ изъ народа и искренно радовался народнымъ восторгамъ.

„Когда Гарибальди въ сопровожденіи Герцена вошелъ въ домъ,

Мадзини вышелъ ему на встрѣчу, и они дружески пожали другъ-другу руки. Начались представленія нѣкоторыхъ лицъ, неизвѣстныхъ еще Гарибальди; потомъ обмѣнъ привѣтствій со всѣми. Вошли въ гостиную, но не успѣли въ ней хорошенько разговориться, какъ вошелъ Жюль и доложилъ, что кушанье подано. Герценъ такъ распорядился потому, что зналъ, что Гарибальди не могъ долго оставаться у насъ. За обѣдомъ Гарибальди казался очень доволенъ, даже веселъ. „Какъ мнѣ хорошо у васъ, Герценъ,—говорилъ онъ,—тутъ нѣтъ ни этикета, ни стѣсненья; кругомъ друзья, итальянцы. Даже въ выборѣ блюдъ и винъ я узнаю вниманіе друга Герцена; онъ хотѣлъ напомнить мнѣ мою родину". Когда подали марсалу, Гарибальди всталъ съ бокаломъ въ рукѣ. Лицо его просіяло присущимъ ему выраженіемъ любви и кротости. „Была печальная эпоха,—сказалъ онъ,—когда Италія, скованная, дремала, чувствуя свое безсиліе; одинъ человѣкъ не спалъ: этотъ человѣкъ—Мадзини, мой учитель; онъ разбудилъ насъ, я пью за его здоровье!"

Личность Герцена живо рисуется въ тѣхъ обаятельныхъ чертахъ, которыми онъ привлекалъ всѣхъ. Черты эти разбросаны по всѣмъ страницамъ „Воспоминаній", но особенно рельефно выражаются онѣ тамъ, гдѣ рѣчь шла о политическихъ вопросахъ, волновавшихъ Герцена, и затѣмъ—объ его литературной дѣятельности. Вотъ что̀ разсказываетъ между прочимъ г-жа Огарева:—

„Однажды Огаревъ послѣ lunch'а—сказалъ Герцену при мнѣ:

— „А знаешь, Александръ, „Полярная Звѣзда", „Былое и Думы",—все это хорошо, но это не то, что̀ нужно, это не бесѣда со своими, намъ нужно бы издавать правильно журналъ, хоть въ двѣ недѣли, хоть въ мѣсяцъ разъ; мы бы излагали свои взгляды, желанія для Россіи и проч."...

Герценъ былъ въ восторгѣ отъ этой мысли:

— „Да, Огаревъ,—вскричалъ онъ съ оживленіемъ,—давай издавать журналъ, назовемъ его „Колоколъ", ударимъ въ вѣчевой колоколъ, только вдвоемъ, какъ на Воробьевыхъ горахъ мы были тоже только двое,—и кто знаетъ, можетъ кто-нибудь и откликнется!"

Съ этого дня они стали готовить статьи для „Колокола" (издав. съ 1855 по 1865); черезъ нѣкоторое время появился первый нумеръ этого русскаго о̀ргана въ Лондонѣ. Трюбнеръ (нѣмецъ, книгопродавецъ въ Лондонѣ), который постоянно покупалъ и бралъ на коммиссію всѣ изданія Герцена, взялъ и „Колоколъ". Онъ разослалъ его повсюду, и скоро узнали и въ Россіи объ его существованіи. Въ это время Ив. Серг. Тургеневъ пріѣзжалъ изъ Парижа. Огаревъ и Герценъ сообщили ему радостную новость и показали даже ему первый нумеръ „Колокола"; но Иванъ Сергѣевичъ ничуть не одобрялъ этого плана. Какъ писатель тонкій, съ рѣдкими дарованіями, съ необыкно-

венно изящнымъ вкусомъ, онъ радовался изданію „Полярной Звѣзды", „Былое и Думы"; но, всегда далекій отъ политическихъ взглядовъ и стремленій, онъ не допускалъ мысли, чтобъ два человѣка, изолированно стоявшіе въ Англіи, могли вести оживленную бесѣду съ своей отдаленной страной, могли найти въ себѣ, что̀ сказать, могли понять, что̀ ей нужно.

— „Нѣтъ, это невозможно,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ,—бросьте эту фантазію, не раскидывайте вашихъ силъ, у васъ и такъ много дѣла: „Полярная Звѣзда", „Былое и Думы", а васъ только двое".

— „Ужъ теперь дѣло начато, надо продолжать",—отвѣчали они.

— „Удачи не будетъ и не можетъ быть, а литература много потеряетъ",—возразилъ горячо Иванъ Сергѣевичъ.

Но друзья не послушали его совѣта: было ли это предчувствіе, что „Колоколъ" разбудитъ дремоту многихъ и самъ найдетъ себѣ сотрудниковъ, или это была просто „какая-то настойчивость съ ихъ стороны".

Иное отношеніе обнаруживаетъ г-жа Огарева къ Бакунину. Послѣдній отражается въ ея разсказахъ далеко не съ выгодной стороны. Въ характеристикѣ автора замѣтно явное преувеличеніе, но въ общемъ многія черты Бакунина угаданы вѣрно,—по крайней мѣрѣ онѣ совпадаютъ съ сообщеніями, идущими изъ различныхъ другихъ источниковъ. „Бакунинъ выражалъ надежду быть скоро въ Лондонѣ,—разсказываетъ авторъ,—и помогать обоимъ друзьямъ въ ихъ пропагандѣ, содѣйствовать, сотрудничать въ „Колоколѣ" и проч. Дочитавъ письмо, Герценъ задумался и сказалъ Огареву:

— „Признаюсь, я очень боюсь пріѣзда Бакунина, онъ, навѣрно, испортитъ наше дѣло. Ты знаешь, Огаревъ, что̀ о немъ говорилъ въ 48 году, не помню, Косидьеръ или Ламартинъ: „Notre ami Bacounine est un homme impayable le jour de la Révolution, mais le lendemain il faut absolument le faire fusiller, car il sera impossible d'établir un ordre quelconque avec un pareil anarchiste".

„Огаревъ былъ согласенъ съ Герценомъ и думалъ тоже, что Бакунинъ не удовлетворится ихъ пропагандой, а будетъ настаивать на дѣятельности по образцу западныхъ революціонныхъ явленій. Вдобавокъ, Бакунинъ на западѣ всегда представлялся защитникомъ Польши. Герценъ и Огаревъ тоже сочувствовали Польшѣ въ размѣрѣ ея испытаній, но они не сочувствовали аристократическому характеру поляковъ, ихъ отношенію къ низшему классу и пр. Что касается до Бакунина, то онъ ничего не видѣлъ, не задавался никакими вопросами".

Въ числѣ лицъ, во множествѣ посѣщавшихъ Герцена въ Лондонѣ, былъ и Н. Г. Чернышевскій. Г-жа Огарева такъ разсказываетъ объ

этомъ посѣщеніи:—„Нѣкоторое время спустя явился въ Лондонъ человѣкъ, о которомъ говорила чуть не вся Россія, о которомъ мы постоянно слышали, который много писалъ, о которомъ постоянно упоминали въ печати, котораго не только хотѣлось видѣть, но хотѣлось узнать... Это былъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій. До его посѣщенія кто-то (не помню именно кто) пріѣзжалъ отъ него изъ Россіи съ запросомъ къ Герцену; вотъ въ чемъ состоялъ этотъ запросъ: если изданіе „Современника“ будетъ запрещено въ Россіи, чего ожидали тогда, согласенъ ли будетъ Герценъ печатать „Современникъ“ въ вольной русской типографіи въ Лондонѣ? На это предложеніе Герценъ *былъ* безусловно согласенъ. Тогда Чернышевскій рѣшился ѣхать самъ въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ съ Александромъ Ивановичемъ.

„Какъ теперь вижу этого человѣка: я шла въ садъ черезъ залъ, неся на рукахъ свою маленькую дочь, которой было немного болѣе года; Чернышевскій ходилъ по залѣ съ Александромъ Ивановичемъ; послѣдній остановилъ меня и познакомилъ съ своимъ собесѣдникомъ. Чернышевскій былъ средняго роста, лицо его было некрасиво, черты неправильны, но выраженіе лица, эта особенная красота некрасивыхъ, *было* замѣчательно, исполнено кроткой задумчивости, въ которой свѣтилось самоотверженіе и покорность судьбѣ. Онъ погладилъ ребенка по головѣ и проговорилъ тихо: „У меня тоже есть такіе, но я почти никогда ихъ не вижу“.

„Кажется, Герценъ и Чернышевскій видѣлись не болѣе двухъ разъ. Герцену думалось, что въ Чернышевскомъ не достаетъ откровенности, что онъ не высказывается вполнѣ; эта мысль помѣшала ихъ сближенію, хотя они понимали обоюдную силу, обоюдное вліяніе на русское общество“...

Уже изъ этихъ выдержекъ читатель можетъ видѣть, насколько интересны воспоминанія Огаревой. Въ приложеніи къ нимъ помѣщено нѣсколько писемъ Герцена къ Н. А. Огаревой, воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ; затѣмъ весьма интересныя замѣтки: 1) къ запискамъ Т. П. Пассекъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“ (къ характеристикѣ Герцена), 2) замѣтки А. И. Деспотъ-Зеновича. Напомнимъ, что три года назадъ вышла имѣющая отношеніе къ Герцену книга бывшей гувернантки его дѣтей, Мальвиды Мейзенбугъ, „Mémoires d'une idéaliste“, которую полезно имѣть въ виду при чтеніи воспоминаній г-жи Огаревой.

III.

— Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый почетнымъ членомъ археологическаго института княземъ Өедоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. 1903 г. Т. I-й.

Въ исторической литературѣ семейныхъ хроникъ и архивовъ сборникъ, къ изданію котораго приступаетъ теперь кн. Ө. А. Куракинъ, будетъ имѣть свое значеніе. Первый томъ заключаетъ въ себѣ дневникъ прабабки издателя, статсъ-дамы княгини Наталіи Ивановны Куракиной (рожденной Головиной, 1766—1831), писанный во время трехъ путешествій ея за границу, въ періодъ 1816—1830 гг. (съ пропусками). Онъ представляетъ извѣстный интересъ по близкому знакомству и дружбѣ княгини со многими замѣчательными современниками.

Въ дѣтствѣ и ранней молодости кн. Наталія Ивановна получила выдающееся по тому времени образованіе во французскомъ духѣ, прекрасно пѣла и въ совершенствѣ владѣла арфой. Музыка играла видную роль въ ея жизни. Уже въ преклонныхъ годахъ она пѣвала дуэты со знаменитымъ Гарсіа, отцомъ извѣстной артистки Віардо. Кромѣ того, кн. Наталія Ивановна была и композиторшей: извѣстно до 50 романсовъ ея сочиненія, изъ которыхъ нѣкоторые поются до сихъ поръ. И. И. Дмитріевъ и К. Н. Шаликовъ въ своихъ посвященіяхъ воспѣли музыкальные таланты княгини. Послѣдніе были наслѣдственными въ родѣ Головиныхъ, изстари культивировавшихъ музыку и драматическое искусство. Благодаря этимъ талантамъ, выдающіеся европейскіе композиторы и музыканты, какъ Сальери, Россини, юноша-Листъ, Каталани, Карлъ Лафонъ, искали ея знакомства, и со многими она была дружна до послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

Съ другой стороны, интересъ къ литературѣ приводилъ княгиню къ соприкосновенію съ цѣлымъ рядомъ выдающихся писателей. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена Карла Брифо, Мартэна, знаменитаго авантюриста графа Сегюра, бывшаго въ молодости французскимъ посланникомъ при Екатеринѣ, поэта Парсеваля Гранмезона, спутника Бонапарта въ Египтѣ, Альфреда де Виньи и др.

Но въ дневникѣ собственно историческій матеріалъ отступаетъ на второй планъ передъ ярко выраженнымъ субъективнымъ элементомъ. Дневникъ живо отражаетъ впечатлительную, возвышенную и незлобивую душу княгини. Въ немъ много сентиментальныхъ разсужденій, въ духѣ времени, на тему о дружбѣ и любви; послѣднее чувство, обращенное къ мужу и дѣтямъ, вмѣстѣ съ глубокой религіозностью, проходитъ по всѣмъ страницамъ, но вообще въ ея дневникѣ мало

интересныхъ наблюденій и оригинальныхъ идей,—интересы не выходятъ изъ ограниченнаго круга выѣздовъ, визитовъ, концертовъ, представленій и т. д. Однако колоритъ эпохи говоритъ самъ за себя и невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе.

IV.

— Помощь. 2-е изданіе. Весь чистый доходъ съ изданія предназначается въ пользу Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи на нужды начальныхъ школъ. С.-Петербургъ, 1903.

Первое изданіе этого сборника было встрѣчено, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно сочувственно обществомъ и печатью. Появленіе подобной книги имѣло свое значеніе независимо отъ ея благотворительной цѣли и выдающихся достоинствъ ея научнаго и художественнаго содержанія. Оно совпало съ моментомъ крайняго напряженія въ борьбѣ противоположныхъ теченій изъ-за такъ называемаго еврейскаго вопроса и дало лишній поводъ многочисленнымъ представителямъ русской литературы и науки оказать посильную помощь бѣдствующимъ и выразить сочувствіе идейной сторонѣ книги.

Второе изданіе является въ значительно дополненномъ видѣ. Цѣль его теперь нѣсколько иная. „Отказываясь отъ матеріальнаго воспособленія еврейской нуждѣ, путемъ благотворительности,—говорится въ предисловіи,—участники сборника ставятъ себѣ чисто просвѣтительную задачу и, помощью еврейской школѣ, желаютъ дать еврейству лучшее средство для разумной самодѣятельности".

Содержаніе сборника въ высшей степени разнообразно и интересно: здѣсь и поэзія, и беллетристика, и статьи научнаго характера, и публицистическіе очерки. Вступленіемъ къ сборнику служитъ граціозное стихотвореніе въ прозѣ В. Г. Короленка: „Огоньки". Оно все символическаго смысла. Темнымъ осеннимъ вечеромъ автору случилось плыть по угрюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ вдали передъ нимъ мелькнулъ огонекъ, мелькнулъ ярко, сильно и какъ будто совсѣмъ близко. Радость охватила его: конченъ тяжелый путь и цѣль близка... но увы!—огонекъ обманулъ своей близостью,—онъ все оставался по прежнему далеко...—„Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше, и послѣ манили не одного меня своей близостью. Но—жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла... Но все-таки... все-таки впереди—огни"!..

Нѣсколько статей невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе чи-

тателя своимъ соотвѣтствіемъ наиболѣе жгучимъ темамъ современной общественности. Такова прежде всего статья Б. Чичерина—„О еврейскомъ вопросѣ“. Разбивая послѣдовательно всѣ обвиненія, возводимыя на евреевъ якобы съ государственной или культурно-соціальной точки зрѣнія, авторъ останавливается на томъ, какъ могъ бы отнестись къ еврейскому вопросу въ Россіи истинный государственный человѣкъ. „Истинный государственный человѣкъ смотритъ на вещи шире,—говоритъ г. Чичеринъ.—Политика не состоитъ въ мелкихъ притѣсненіяхъ. Надобно людямъ дать тотъ просторъ и тѣ права, которые лежатъ въ самой природѣ человѣка, и безъ которыхъ нѣтъ ни благоустроеннаго гражданскаго быта, ни плодотворнаго общественнаго развитія. Кто всего боится, тотъ ничего не сдѣлаетъ, а задержитъ только естественный ходъ вещей, къ великому ущербу народа и государства. Прежде же всего нужно ясное сознаніе тѣхъ началъ, на которыхъ строится существующій порядокъ вещей. Какъ скоро мы вступили на почву гражданской свободы, главная наша задача должна состоять въ томъ, чтобы провести это начало въ жизнь во всей полнотѣ и во всѣхъ его послѣдствіяхъ. Къ сожалѣнію, въ то время какъ весь нашъ бытъ измѣнился, въ то время какъ величайшія преобразованія придали новый видъ русской землѣ, наши взгляды во многомъ остались крѣпостными, и это парализуетъ нашу дѣятельность и вноситъ произволъ во всѣ отношенія. Пока даже образованные люди могутъ думать, что государство въ правѣ сказать человѣку, не совершившему никакого преступленія: „ты не смѣй туда ѣздить, ты не смѣй сюда селиться, ты не смѣй этимъ заниматься“, до тѣхъ поръ о справедливости, о благоустройствѣ, объ огражденіи свободы и права у насъ не можетъ быть рѣчи. Все это остается только чаяніемъ будущаго“.

Это чаяніе составляетъ утѣшеніе тѣхъ,—добавляетъ профессоръ,—которые были свидѣтелями великой эпохи преобразованій, и которые видятъ, чтò съ ними сталось... Образнымъ поясненіемъ того, чтò было и чтò стало въ области преобразовательныхъ чаяній въ широкомъ смыслѣ, служитъ статья г. П. Обнинскаго—„Ограбленныя слова“. Авторъ останавливается на любопытной во многихъ отношеніяхъ метаморфозѣ нѣкоторыхъ словъ, встрѣченныхъ имъ впервые лѣтъ сорокъ назадъ и входившихъ затѣмъ въ все бòльшее и бòльшее употребленіе. Метаморфоза эта особенно замѣчательна и страшна тѣмъ, по мнѣнію автора, что постигнутыя ею слова теряли свои положительные составные признаки и восполнялись отрицательными, въ то же время выражая руководящіе общественные идеалы, но съ тою разницею, что прежде они строго и ясно ограничивали различныя направленія стремящейся къ этимъ идеаламъ этической мысли, теперь же они смѣ-

шиваютъ ихъ въ самыхъ дикихъ сочетаніяхъ. Авторъ изслѣдуетъ эту метаморфозу по отдѣльнымъ словамъ.

Попытаемся въ сокращенномъ видѣ передать сущность статьи автора.

На первомъ планѣ—„*Благонамѣренный*". Нѣкогда, въ давно минувшіе дни „Союза благоденствія" и запретной тогда поэзіи, вдохновленной гражданскими мотивами, „*благонамѣренность*" и „*либерализмъ*" были синонимами. Теперь благонамѣренность гражданская выродилась въ благонамѣренность полицейскую, знаменуемую, по словамъ великаго сатирика, окрещеніемъ жида или составленіемъ подложнаго акта.

Остроумная характеристика современнаго благонамѣреннаго, сдѣланная авторомъ, изображаетъ его въ типическихъ чертахъ кругленькаго человѣчка, съ брюшкомъ, капитальцемъ и лысиною на макушкѣ; онъ—храмостроитель и кулакъ; его разновидность—бойкій администраторъ, проповѣдующій розгу и преслѣдующій школу... Наоборотъ, сельскій учитель, любимый учениками, земскій дѣятель, радѣющій о благѣ своего уѣзда, частный инціаторъ, стремящійся поднять умственный или экономическій уровень окрестнаго населенія и т. п.—признаются людьми опасными, врагами порядка, и не потому, чтобы они были политически неблагонадежными (обвинитель хорошо знаетъ, что это вздоръ), а просто за ихъ готовность помочь ищущему свѣта и правды темному человѣку. Авторъ реально, безъ преувеличеній, характеризуетъ тѣ условія, въ которыхъ совершается геройскій трудъ этихъ „неблагонамѣренныхъ" дѣятелей. „Соберутся,—приводитъ онъ примѣръ,—зимнимъ вечеромъ нѣсколько поселянъ читать Евангеліе или пѣть псалмы,—чего бы, кажется, благонамѣреннѣе? Однако, въ неизбѣжномъ результатѣ такой бесѣды является урядникъ, протоколъ, и набожные люди сажаются на скамью подсудимыхъ. Если же какой-нибудь изъ ихъ же односельцевъ напьется до безобразія въ кабакѣ, или изобьетъ до полусмерти жену,—ни урядника, ни протокола нѣтъ, потому что пьянство на-руку благонамѣренному человѣку-кабатчику, а „съ бабами иначе невозможно".

Столкновеніе благонамѣренности и злоумышленія авторъ сравниваетъ съ крушеніемъ встрѣчныхъ поѣздовъ: „вагоны лѣзутъ другъ на друга, образуя дикую, безформенную смѣсь изъ щепокъ и обломковъ всякаго рода съ застрявшими въ нихъ кусками свѣжаго человѣческаго мяса,—крушеніе вагоновъ-словъ съ пассажирами-понятіями"!..

Въ подобномъ же крушеніи погибло и слово „*Патріотъ*".

Характеристика его чрезвычайно мѣтка и типична. Отсылая читателей къ весьма поучительной статьѣ г. Обнинскаго, изслѣдующей вопросъ всесторонне, не можемъ не привести нѣкоторыхъ цитатъ,

рисующихъ далѣе современнаго „патріота“, „либерала“, „консерватора“ и „гражданина“. „Патріотъ-гражданинъ,—по словамъ автора,—превратился сначала въ „квасного патріота“, а потомъ въ „патріота своего отечества“; на головѣ, нѣкогда вѣнчаемой лишь лаврами или терніемъ, воздѣтъ шутовской колпакъ. Путемъ подобныхъ превращеній нашъ „патріотъ“ подъ конецъ слился до нераспознаваемости съ шовинистомъ и ретроградомъ. Исчезнувшій законный представитель погибшаго слова горячо, до самозабвенія любилъ свою родину, жилъ ея радостями, скорбѣлъ ея горемъ. Заступившій его мѣсто только фыркаетъ да бахвалится; вся активная его сфера исчерпывается доносами и инсинуаціями; тамъ, гдѣ бьется еще сердце и свѣтитъ разумъ, ему мерещится „измѣна“. Его политическія симпатіи упорно сосредоточены въ омертвѣлыхъ, якобы исключительно русскихъ историческихъ традиціяхъ и въ режимѣ Николаевскихъ, якобы единственно-патріотическихъ временъ; все, что не подходитъ подъ эту марку—крестьянская реформа, земское самоуправленіе, судъ присяжныхъ и т. п.—трактуется имъ, какъ зловредныя, антирусскія новшества. Онъ презираетъ всѣ европейскіе порядки, парламенты зоветъ „говорильнями“, а въ области народнаго просвѣщенія признаетъ только церковно-приходскую школу. Съ иностранной литературой онъ знакомъ лишь по скабрёзнымъ романамъ былыхъ французскихъ реалистовъ, что, однако, не мѣшаетъ ему ратовать за усиленіе цензуры для отечественныхъ произведеній, несогласныхъ съ его политическими воззрѣніями. Безмолвіе и повиновеніе—его пароль и лозунгъ“...

То же произошло и со словомъ „либералъ“. Къ настоящему времени слово это, по выраженію автора, „разбухло“, расплывшись и преисполнившись самыми разнообразными, а часто и противоположными признаками и оттѣнками. Къ либераламъ относятъ всякаго, кто стоитъ на почвѣ дѣйствующаго закона и стремится поставить подъ защиту его всѣхъ обиженныхъ и обездоленныхъ. „Либераломъ оказывается и тотъ, по выраженію автора, кто не предпочитаетъ произвола—законности, „властной руки“—гуманнымъ стремленіямъ (и—позволимъ себѣ привести въ параллель стихъ А. М. Жемчужникова—чья „къ властямъ любовь не сладострастна“), кто не защищаетъ узкосословныхъ или коммерчески-хищническихъ интересовъ, кто не поклоняется розгѣ и собственноручной расправѣ, кто не ставитъ препонъ народному просвѣщенію или частной благотворной инипіативѣ, хотя бы легально допущенной и одобренной. Съ другой стороны, въ счетъ тому же „либералу“ записаны тайныя сообщества, динамитныя бомбы, заговоры, подпольныя воззванія, подстрекательства и т. п. „жупелы“. Кромѣ того, онъ же—„шарлатанъ“ или „дуракъ“.

Измѣнился и консерваторъ отъ того идеала, носителемъ котораго

былъ въ свое время, напримѣръ, И. С. Аксаковъ. Слово, обозначавшее прежде мирное стремленіе охранять statu quo ante, переходитъ изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе и „въ союзѣ,—какъ говоритъ авторъ,—съ тремя сопредѣльными владыками—обскурантизмомъ, ретроградствомъ и анархизмомъ—щитъ мѣняетъ на мечъ".

„Чего, въ самомъ дѣлѣ, добиваются наши называемые и называющіеся „консерваторы"?—спрашиваетъ авторъ:—упраздненія крестьянскаго, земскаго и городского самоуправленія, отмѣны института суда присяжныхъ, правительственныхъ редакторовъ для частной прессы и надлежащихъ разрѣшеній для людей, желающихъ „мыслить и говорить"... Развѣ это „консерватизмъ"? Развѣ это не отчаянныя новшества, требующія ломки существующаго государственнаго и общественнаго строя? Въ правѣ ли *такой* „консерватизмъ" носить свое прежнее имя и смущать имъ добрыхъ людей, не замѣчающихъ „волка въ овечьей шкурѣ"?

Съ „гражданиномъ" дѣло обстоитъ проще. На истинно гражданскія ощущенія, опредѣляемыя „святою ревностью" (изъ знаменитаго стиха Рылѣева) къ процвѣтанію родины, нѣтъ спроса, какъ иронически замѣчаетъ авторъ, да и нѣтъ возможности проявить подобнаго рода стремленія; но тѣмъ не менѣе слово „гражданинъ" имѣетъ у насъ въ настоящее время два опредѣленныхъ значенія: 1) „почетнаго гражданина", если и пользующагося „почетомъ", то почетомъ далеко не того свойства, которое имѣлъ въ виду Рылѣевъ въ своей поэмѣ; и 2) „Гражданина" кн. Мещерскаго, если и очень „ревностнаго", то далеко не „святого"...

И вотъ передъ нашей молодежью, не видѣвшей эпохи преобразованій, когда разсмотрѣнныя слова заключали въ себѣ истинныя понятія о благонамѣренности, патріотизмѣ, гражданствѣ и т. д., движутся, по выраженію автора, въ тускломъ мерцаніи чаднаго погребальнаго факела странныя фантастическія фигуры: „благонамѣренный жуликъ, охранительный сокрушитель, патріотъ въ дурацкомъ колпакѣ, консервативный либералъ, гражданинъ въ шутовскомъ нарядѣ,—

„Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ..."

Авторъ справедливо указываетъ на всѣ гибельныя послѣдствія, вытекающія изъ безнаказаннаго злоупотребленія словомъ: можетъ повториться вавилонская катастрофа, и люди перестанутъ понимать другъ

друга. Авторъ отмѣчаетъ особенную опасность этого подлога, подмѣны одного значенія другимъ, въ области этическихъ руководящихъ терминовъ, требующихъ ясности, точности и устойчивости первоначальнаго безспорнаго смысла.

„Итакъ, передъ нами пять словъ,—пять этапныхъ пунктовъ на заброшенномъ большакѣ, въ которыхъ воры, грабители, неповинные страдальцы и непомнящіе родства бродяги, пользуясь блаженнымъ сномъ конвоя, мѣняются своими именами и примѣтами"...

Мы нарочно остановились на выдающейся статьѣ г. Обнинскаго въ виду ея высокой наглядности и убѣдительности. Не менѣе интересны и многія другія статьи сборника. Такъ, не безъ значительнаго вниманія прочтется статья г. Петра Струве: „Къ литературно-общественной исторіи крестьянскаго вопроса" (изъ подготовительныхъ этюдовъ по исторіи крѣпостного хозяйства XIX в.). Въ данномъ очеркѣ автора интересуетъ проблема созданія наиболѣе раціональнаго въ агрономическомъ отношеніи типа крестьянскаго землепользованія. Историческому дробленію крестьянской земли на отдѣльныя полосы, существующему одинаково какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землевладѣніи, противопоставляется въ качествѣ сельско-хозяйственнаго идеала цѣльный отрубной участокъ, который даетъ возможность каждому хозяину вести свое хозяйство совершенно самостоятельно, независимо отъ другихъ крестьянъ.

Изъ другихъ научныхъ статей отмѣтимъ: проф. К. Тимирязева—„Творчество природы и творчество человѣка", М. М. Ковалевскаго—„Новыя данныя о Ж.-Ж. Руссо", проф. И. Сѣченова—„Участіе органовъ чувствъ въ работахъ рукъ у зрячаго и слѣпого", А. Чупрова—„Общества взаимопомощи въ Италіи". Кромѣ нихъ предоставили свои работы сборнику гг. М. Щепкинъ, П. Новгородцевъ, С. Булгаковъ, Ѳ. Мищенко, А. Кизеветтеръ, Н. Баженовъ, А. Грузинскій, Н. Тепловъ, Н. Никольскій, В. Каллашъ, А. Дживелеговъ, М. Туганъ-Барановскій, Д. Петрушевскій, Е. Дегенъ и др. Въ художественномъ отношеніи приняли участіе своими произведеніями: писатели и поэты —Л. Мельшинъ, П. Я., М. Горькій, В. Барятинскій, В. Вересаевъ, Т. Щепкина-Куперникъ, М. Лохвицкая, А. Вербицкая, К. Бальмонтъ и др.; художники—Пастернакъ, Сѣровъ, Полѣновъ, Рѣпинъ и др. Кромѣ того, здѣсь же находимъ воспроизведеніе автографовъ Зола̀, Тургенева и Герцена.

Благотворительная цѣль и идейная сторона сборника заставляютъ, конечно, отнестись снисходительно къ нѣкоторымъ разсказамъ, въ родѣ разсказа Л. Андреева—„Книга", или акад. Ив. Янжула—„Какъ я труса праздновалъ". Внѣшняя сторона сборника далеко не соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію: неудобенъ форматъ, некрасива за-

главная страница, множество опечатокъ. Но все это—мелочи сравнительно съ богатствомъ содержанія вообще и выдающимся интересомъ многихъ отдѣльныхъ статей, и сборникъ, несомнѣнно, будетъ встрѣченъ въ новомъ изданіи съ тѣмъ же сочувствіемъ, какого онъ заслуживаетъ по своимъ достоинствамъ и по цѣли.

V.

— Гегидзе, Борисъ. Въ Университетѣ. Наброски студенческой жизни. Спб. 1903.

Исторія дѣлаетъ свое дѣло, и итоги вчерашняго дня нашей культурной и общественной жизни отражаются опредѣленными и логически неизбѣжными чертами на ея современныхъ формахъ. Въ особенности въ исторіи умственной жизни итогъ послѣднихъ десятилѣтій девятнадцатаго вѣка сказался весьма недвусмысленнымъ поворотомъ отъ ярко вспыхнувшаго расцвѣта творческихъ силъ—въ эпоху освобожденія—къ упадку умственныхъ интересовъ, къ худосочію мысли и чувствъ, къ духовному растлѣнію и культурному шарлатанству. Это регрессивное движеніе, наглядно показавшее, насколько несовмѣстимы понятія—внѣшнее стѣсненіе и умственное развитіе, отразилось на исторіи университетскаго преподаванія не менѣе, чѣмъ, напримѣръ, это мы наблюдаемъ въ столь расплодившейся къ нашему времени рептильной и озвѣрѣлой печати. Еще не такъ давно въ журналахъ раздавались жалобы на то, что въ литературѣ слишкомъ мало отражается университетскій бытъ, профессорскіе и студенческіе типы. Беллетристика только мелькомъ захватывала различные уголки университетской жизни, но въ ней было мало типичнаго, цѣльнаго и, главное, полнаго изображенія жизни нашей высшей школы: публицистика (мы имѣемъ въ виду ея независимую часть) зорко и любовно берегла университетскій вопросъ отъ покушеній фанатиковъ обскурантизма и поклонниковъ боксерской тактики, и говорила въ неизмѣнно приподнятомъ тонѣ, какъ это нужно было, чтобы поддержать гаснущую вѣру въ лучшіе завѣты науки и ободрить изнемогающихъ въ сомнѣніяхъ и борьбѣ. Но вотъ одна за другой стали появляться сначала статьи, потомъ цѣлыя книги о томъ, чѣмъ могъ бы быть и чѣмъ сталъ университетъ въ наше время. Одна изъ такихъ книжекъ принадлежитъ г. Гегидзе.

Она наводитъ на серьезныя и грустныя размышленія. Пройдя университетскій курсъ, авторъ оставилъ свою alma mater съ чувствомъ глубокаго разочарованія и обиды на безцѣльно потраченные годы. Полный юношескаго идеализма, вошелъ онъ въ этотъ храмъ

науки и нашелъ въ немъ мертвящій формализмъ, отсутствіе нужнаго и важнаго для жизни, и, вмѣсто живого воздѣйствія ума, знанія и таланта съ профессорской каѳедры, передъ нимъ прошелъ длинный рядъ дипломированныхъ бездарностей и карьеристовъ. Основной выводъ автора могъ бы быть формулированъ такимъ образомъ: у насъ есть студенты, т.-е. юноши, имѣющіе знанія, съ развитыми потребностями духа, и нѣтъ университета, нѣтъ профессоровъ, которые были бы способны придти къ нимъ на помощь и отозваться умомъ и сердцемъ на волнующіе ихъ запросы. И, вѣроятно, не одинъ студентъ, являющійся въ университетъ съ возвышенной цѣлью образовать въ себѣ человѣка при помощи университетской науки, приходитъ къ тѣмъ безотраднымъ признаніямъ, которыя дѣлаетъ авторъ въ письмѣ къ своему другу: „Мнѣ опротивѣлъ теперь университетъ и все, что связано съ нимъ хоть отчасти. Говоря искренно, что хорошаго я видѣлъ въ немъ за всѣ тѣ четыре года, что я провелъ здѣсь? Научили ли меня профессора какой-нибудь новой правдѣ, укрѣпили ли они въ моей душѣ то благое, съ чѣмъ я вступилъ сюда раньше? Я теряю здѣсь тѣ немногіе порывы къ добру, что были у меня въ гимназіи. Съ каждымъ годомъ, я чувствую, я погружаюсь все болѣе и болѣе въ какую-то тину жизни и становлюсь мельче и пошлѣе. Я влачу безцѣльную, скучную, сѣрую жизнь. Я наполняю ее, какъ радостями, только билліардомъ и развращеніемъ женщинъ. Я учусь не съ радостнымъ чувствомъ познанія, а тяну грузъ разныхъ наукъ съ мыслями о будущемъ дипломѣ. Каждый день меня томитъ тоска и растетъ неудовлетворенность своею жизнью. Но зачѣмъ же тогда тянуть это существованіе, которое мнѣ порой невыносимо? Мои молодые, лучшіе годы единственно данной мнѣ въ вѣчности жизни проходятъ совершенно даромъ. Мое будущее, къ которому я неуклонно иду и которымъ, знаю, буду жить непремѣнно, давно уже осуждено моимъ сознаніемъ и таково, что, думая о немъ, я прихожу въ ужасъ. Я трупъ и медленно разлагаюсь. Но мнѣ больно это живое разложеніе. Я не хочу его. Я страстно желалъ бы прожить жизнь хорошо, ярко и свѣтло. Но какъ это сдѣлать? Гдѣ выходъ изъ этого мучительнаго положенія? Гдѣ идеалъ, въ который можно бы повѣрить и проводить его въ жизни“?

Авторъ иллюстрируетъ свое изложеніе сценками, выхваченными изъ жизни современнаго студента въ университетѣ, дома, среди товарищей, на вечеринкахъ, пирушкахъ и т. д. Сценки эти написаны естественно и живо. Одна изъ нихъ передаетъ, очевидно, списанный съ натуры разговоръ какого-то еврейчика, просившаго о зачисленіи въ студенты, съ ректоромъ. Ректоръ отказалъ—на основаніи правилъ. Обратился другой студентъ съ просьбой о какой-то льготѣ, по бо-

дѣзии,—снова отказъ, но уже на другомъ основаніи: факультетъ не станетъ ходатайствовать о просителѣ, потому что „тогда ему пришлось бы хлопотать за многихъ“ и потому еще, что „это ему (факультету) неудобно“...

Авторъ разсказываетъ затѣмъ о разговорѣ, который онъ услышалъ въ группѣ студентовъ, выйдя изъ кабинета ректора: „И это у васъ называется университетъ... Это называются люди науки“,—говорилъ еврейчикъ плаксивымъ голосомъ, обращаясь въ особенности къ одному бородатому мрачному студенту съ массой книгъ подъ мышкой. „Развѣ для людей науки можетъ имѣть хоть самомалѣйшее значеніе національность. Что-о?..“—протянулъ онъ вопросительно, какъ бы приглашая подтвердить его слова.

— „Предразсудки,—сказалъ бородатый студентъ.

— „Я думаю,—сказалъ безапелляціонно еврейчикъ,—если и есть предписанія администраціи, то въ университетѣ должны стирать это всѣми силами, а не увеличивать... Профессора должны бороться за интернаціональность, а не быть юдофобами.

— „Эка хватили!—сказалъ высокій студентъ съ курчавыми волосами, въ синей рубашкѣ.—Плохо вы видно знаете нашихъ профессоровъ...

— Вы думаете здѣсь человѣческаго отношенія добиться, — сказалъ бородатый студентъ съ спокойной и презрительной улыбкой надъ тѣми, о комъ онъ говорилъ.—Нѣтъ, вы скорѣе въ тюрьмѣ его найдете, но никакъ уже не здѣсь. Раболѣпство заѣло,—прибавилъ онъ мрачно, какъ бы выражая въ этой фразѣ всю сущность своего мнѣнія.

— „А со мной былъ такой случай,—сказалъ молодой студентъ въ пенснэ.—У меня мать умирала въ Москвѣ... Дали телеграмму... А дѣло было предъ экзаменами... послѣдній экзаменъ... Я къ профессору: проэкзаменуйте, говорю, пожалуйста... такъ какъ дѣла... показываю телеграмму... Думалъ изъ Москвы не пріѣзжать... не до экзаменовъ тогда-то послѣ смерти... Нѣтъ, говоритъ, не могу... Принесите записочку отъ ректора, а то мнѣ безъ нея можетъ нагоняй быть... Ну, скажите, не сволочь ли?—сказалъ онъ съ горечью,—у меня мать умираетъ, а онъ „нагоняй“... Ректоръ, понятно, разрѣшенія не далъ... Такъ и уѣхалъ... не держа... на второй годъ остался.

— „Чинуши... формалисты, — сказалъ бородатый студентъ, перекладывая книги съ одной руки на другую“.

Пробовалъ авторъ прилежно посѣщать читаемыя въ университетѣ лекціи, но и здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, профессора его не удовлетворили. Вотъ что̀ онъ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ по поводу нѣкоторыхъ лекцій:

„На второй лекціи, по введенію въ славяновѣдѣніе, я оказался

одинъ. Вошелъ профессоръ и, увидавъ, что все-таки есть кто-то, кому можно почитать (на предъидущей лекціи, по словамъ сторожа, не было никого), съ довольнымъ видомъ сѣлъ на стулъ и обратился ко мнѣ по привычкѣ съ шаблонными словами:

„Милостивые государи".

Я чуть не разсмѣялся. Профессоръ, полный, сѣдоватый, съ черными усами господинъ, говорилъ цѣлый часъ о томъ, какія рѣки, монастыри, озера въ Болгаріи, и такъ подробно, точно, будто бы, онъ описывалъ имѣніе, которое я хочу купить и стремлюсь узнать его лучше. Послѣ лекціи опять я задалъ себѣ вопросъ: „А это къ чему?"— и на этотъ разъ мнѣ показалось, что виновато уже не одно мое невѣжество профана, а и самъ профессоръ со своими монастырями.

На слѣдующій день повторилось то же. Опять на одной лекціи не оказалось слушателей, но я уже не имѣлъ мужества остаться. На второй лекціи сидѣли за длиннымъ столомъ студенты, человѣкъ десять, и читали папирусы (это было „чтеніе папирусовъ"). Было скучно. На послѣдней по восточному факультету пожилой тоненькій профессоръ вялымъ голосомъ читалъ о томъ, какъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ какая царствовала династія въ Китаѣ, какія были сраженія, какіе полководцы.

„Боже мой... Боже мой...—думалъ я, шагая домой по набережной.—Какая ерунда и мелочь! Неужели нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе полезнаго, нужнаго людямъ, чѣмъ эта китайская исторія или грузинская нумизматика и морскія водоросли, росписаніе лекцій о которыхъ я сегодня видѣлъ на картѣ"? И опять неотвязчивый вопросъ: „къ чему?"—всталъ предо мной еще сильнѣе. И мнѣ показалось, что въ немъ есть много правды".

Правда есть, это несомнѣнно, но есть и нѣкоторая доля наивности въ этихъ разсужденіяхъ, съуживающихъ объемъ той или иной науки до ея непосредственной приложимости къ этическимъ проблемамъ жизни. Замѣтно слишкомъ сильное сгущеніе красокъ и въ другихъ мѣстахъ книги, но общая картина схвачена мѣтко, какъ и тотъ схоластическій характеръ университетской науки, который неизбѣженъ при отсутствіи свободы преподаванія и истиннаго влеченія къ наукѣ въ ея современныхъ представителяхъ.

VI.

— Сѣверные цвѣты. Третій альманахъ книгоиздательства „Скорпіонъ". М. 1903.

Врачебная наука нерѣдко приходитъ на помощь изслѣдователю въ его попыткахъ разгадать таинственныя проблемы творчества и

жизни писателей. Цѣлый рядъ психіатрическихъ очерковъ задается цѣлью объяснить скрытыя пружины, отражавшіяся въ творчествѣ тѣми или иными особенностями, необъяснимыми съ обычной точки зрѣнія. Громадность таланта или историческое значеніе художника бывали обыкновенно достаточнымъ поводомъ для того, чтобы и спеціальныя изысканія на подобныя темы пріобрѣтали право на широкое вниманіе общества и особый историко-литературный интересъ.

Не знаемъ, насколько охотно возьмется психіатрическая наука за изслѣдованіе основныхъ признаковъ современнаго декадентскаго творчества, но связи послѣдняго съ русской литературой, въ ея исторической преемственности, на почвѣ здраваго смысла болѣе чѣмъ сомнительны. У представителей его все опрокинуто вверхъ дномъ—міросозерцаніе, душа, сердце, словно люди ходятъ внизъ головами, какъ мухи по потолку, и весь міръ представляется имъ не въ своемъ видѣ. За доказательствомъ ходить недалеко: стоитъ только обратиться, напримѣръ, къ третьему выпуску „Сѣверныхъ цвѣтовъ“.

Передать его содержаніе мудрено. Въ немъ почти все—или вздоръ, съ претензіей на непостигаемую глубину смысла, или сущая безсмыслица. Но еслибы, примѣнительно къ ходячимъ школьнымъ темамъ, въ родѣ „Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и т. д.—по ихъ произведеніямъ“, сдѣлать, ради курьеза, попытку отвѣтить на тему—„декадентъ по его произведеніямъ“, могло бы получиться нѣчто весьма удивительное и даже для человѣческаго общежитія не безопасное.

Въ самомъ дѣлѣ, эпическія черты декадента, въ собирательномъ смыслѣ, способны вызвать въ обыкновенномъ читателѣ ужасъ и отвращеніе... если хоть чуточку повѣрить тому, что̀ разсказываютъ о себѣ поэты „Сѣверныхъ цвѣтовъ“.

Безмолвный призракъ въ терему;
Я—черный рабъ проклятой крови—

— такъ рекомендуетъ себя одинъ изъ нихъ—

Я соблюдаю полутьму
Въ ея нетронутомъ альковѣ...

Если любитель полутьмы въ то же время любитель полусвѣта, что̀ одно и то же, тогда еще можно найти смыслъ въ его словахъ, съ маленькой натяжкой, тѣмъ болѣе что авторъ относитъ ихъ, по его же выраженію, къ „прекрасной дамѣ“. Эта дама—не то Мадонна („О! я привыкъ къ этимъ ризамъ Величавой, Вѣчной жены... О, святая...), не то веселая гризетка, подруга поэта:

Безысходно туманная—ты
Предо мной затѣваешь игру.
Я люблю эту ложь, этотъ блескъ,
Твой манящій дѣвичій нарядъ,

Вѣчный гомонъ и уличный трескъ,
Фонарей убѣгающій рядъ.

. . . .

Какъ ты лжива и какъ ты бѣла!
Мнѣ же по сердцу бѣлая ложь...
Завершая дневныя дѣла,
Знаю—вечеромъ снова придешь.

Какъ видимъ, въ исканіи новыхъ путей современные декаденты не отстаютъ и отъ того, что издревле нравилось людямъ: лжи и любви. Только ложь они называютъ *бѣлой*, въ отличіе, вѣроятно, отъ неправды *черной*, а любовью, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, пользуются въ формахъ, завѣщанныхъ еще античной древностью, и, кажется, весьма неумѣренно:

Я взойду при первомъ днѣ.

—разсказываетъ поэтъ—

Хохотать къ зубцамъ, на выси,
И на смѣхъ завторятъ мнѣ
Неумолчнымъ смѣхомъ рыси.
Стану рыскать наугадъ
Вверхъ и внизъ я, лугомъ, лѣсомъ:
Встрѣчный другъ и вѣчный братъ
Съ нимфой, съ звѣремъ, съ богомъ, съ бѣсомъ.
Повлекутъ меня съ собой
Къ играмъ рыжіе силены;
Мы натѣшимся съ козой,
Гдѣ лужайку сжали стѣны.
Всѣмъ настанетъ череда
Выпить острый сонъ услады.
Лица скроютъ отъ стыда
Въ чащахъ бѣлыя дріады...

Одному поэту не стыдно,—такой онъ... откровенный!.. Впрочемъ, ему все можно, онъ—существо высшаго разряда, высоко стоящее надъ толпой, и самъ чуть не полубогъ, если ему повѣрить:

Дано мнѣ пѣть, что любо, что нравится мечтамъ.
А вамъ—молчать и слушать, вникать въ напѣвы вамъ.
И что бы ни задумалъ я спѣть—запрета нѣтъ,
И будетъ все достойно, затѣмъ что я - поэтъ!

Таково самочувствіе автора къ своему поэтическому наитію и презрительное отношеніе къ толпѣ... очевидно, козъ, сатировъ, силеновъ и прочей нечисти, съ которой онъ рѣзвился на лужайкѣ. Ибо трудно предположить возможность такого обращенія къ толпѣ людской, у которой можетъ быть и здравый смыслъ, и свои понятія и вкусы, развитые въ иномъ направленіи, чѣмъ у Нарциссовъ декадентской поэзіи.

Сознаемся въ отсутствіи гражданскаго мужества сказать что-либо о содержаніи дикаго бреда г. Андрея Бѣлаго („Пришедшій, отрывокъ изъ ненаписанной мистеріи“...) или о физіологическомъ этюдѣ г-жи З. Гиппіусъ („Месса“), но не можемъ не отмѣтить той принципіально-декадентской, а въ частности высокомѣрно-нелѣпой по своей несправедливости филиппики г. Бальмонта противъ своихъ (и нашихъ, съ позволенія поэта) современниковъ. „Въ наши дни,—восклицаетъ г-нъ Бальмонтъ,—въ эти позорные дни, когда не умѣютъ ни чувствовать, ни дѣйствовать, въ дни, когда юноши похожи на стариковъ, а мудрые старики на младенцевъ, люди той эпохи, знавшіе низкое и высокое, кажутся мнѣ отмѣченными печатью чего-то нечеловѣческаго“... Очевидно, г. Бальмонтъ, живя во времени, не живетъ въ пространствѣ или не хочетъ отдавать себѣ отчета въ томъ, что̀ творится на свѣтѣ,—въ Россіи, напримѣръ, гдѣ на нашихъ глазахъ ежедневно совершается столько подвиговъ, не считая зачастую самаго подвига жизни при извѣстныхъ условіяхъ... Но курьезъ-то не въ этомъ. *Та эпоха*, средніе вѣка, прельстила въ данномъ случаѣ г-на Бальмонта по одному весьма спеціальному поводу: тогда умѣли жить, „проходить въ дѣйствительности всю гамму ощущеній“ и въ частности—не останавливались передъ чувственной любовью брата къ сестрѣ...; этотъ мотивъ, въ его литературныхъ отраженіяхъ, и составляетъ предметъ этюда автора. Намъ очень жаль г. Бальмонта. Судьба часто переноситъ поэтовъ въ несвойственныя ихъ духу эпохи... Что̀ дѣлать,—поэты живѣе обыкновенныхъ смертныхъ чувствуютъ въ себѣ кровь предковъ, и она сказывается въ ихъ воображеніи тропическими узорами отдаленныхъ временъ каннибализма и безпорядочнаго смѣшенія половъ...

На ряду съ этимъ встрѣчаемъ въ той же книгѣ интересную и глубоко-содержательную статью В. В. Розанова и, къ великому удивленію, „ненаписанныя басни И. А. Крылова“, съ предисловіемъ В. В. Каллаша. Въ отрывкахъ басенъ Крылова столько здраваго смысла и обычнаго Крыловскаго юмора, что помѣстить ихъ рядомъ съ произведеніями гг. декадентовъ—довольно злая иронія.

VII.

— Мих. Гербановскій. Лепестки (Спб. 1903).

Послѣднія десятилѣтія пріучили насъ быть весьма нетребовательными къ поэтамъ. Мы отвыкли видѣть въ массѣ новыхъ стиховъ истинное дарованіе, и готовы примириться съ поэтомъ, если въ стихахъ

его сохранился здравый смыслъ и русскій языкъ не потерпѣлъ большихъ пораженій въ схваткахъ съ капризной или упрямой формой. Если же въ стихахъ сверкнетъ иногда хоть искорка истинной поэзіи, читатель чувствуетъ себя положительно удовлетвореннымъ, расхваливаетъ автора, перечитываетъ, даже переплетаетъ его произведенія, переводитъ его портреты на бланки открытыхъ писемъ и спѣшитъ угостить имъ по возможности большее число своихъ добрыхъ друзей и знакомыхъ.

Съ этихъ точекъ зрѣнія сборникъ г. Гербановскаго производитъ пріятное впечатлѣніе. Поэзія автора, прежде всего, ясна уму и сердцу читателя. Въ ней нѣтъ страданій и страстей, относительно которыхъ авторъ думаетъ, что они присущи только ему одному и никому больше,—въ ней все общечеловѣчно и просто. Поэтъ не задаетъ мудреныхъ задачъ своей музѣ: она не вдохновляетъ его на борьбу во имя альтруистическихъ идеаловъ, не влагаетъ въ его уста огненныхъ словъ общественной борьбы, озлобленія и мести. Она просто помогаетъ поэту *жить*, и если и облегчаетъ борьбу, то борьбу за ближайшія, личныя цѣли его существованія.

Хотя поэтъ и говоритъ, обращаясь къ музѣ:

Подъ знаменемъ твоимъ, *подъ знаменемъ свободы*
Я сталъ въ ряду бойцовъ отважнѣйшимъ бойцомъ,
Я все готовъ терпѣть—лишенія, невзгоды,—
Но только-бъ впереди звучалъ твой кличъ:
„идемъ"!

—но эта свобода—скорѣе звучная риѳма для поэта, чѣмъ—то конкретное понятіе, за которое люди борются, страдаютъ и умираютъ.

Что это такъ, — доказывается исчерпывающимъ большинствомъ поэтическихъ темъ сборника. Природа, жизнерадостная и веселая, на лонѣ которой такъ хочется нѣжиться и мечтать, и любовь непосредственная, наивная и измѣнчивая, какъ природа,—вотъ главные мотивы, вдохновляющіе автора. „Вѣдь счастья внѣ любви не можетъ быть",—говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи и, подобно всѣмъ влюбленнымъ, для полноты счастья ищетъ уединенія и тишины:

Если привѣтливость взгляда
Шепчетъ надеждѣ: „живи!"—
Словъ, моя радость, не надо
Для уясненья любви.
Слово такъ грубо коснется
Струнъ умиленной души—
Счастье живѣй познается
Въ полной и ясной тиши.

Любовь поэта—счастливая любовь, и въ этомъ отношеніи она вы-

годно отличается отъ твореній его современныхъ собратій по искусству, любовь которыхъ большею частью характеризуется или какъ „больное чувство", „адскій пламень, дьяволомъ возженный", „мучительная и губительная страсть"... Она несетъ нашему поэту однѣ радости, и посвященныя ей стихотворенія отличаются нерѣдко юношескимъ идеализмомъ и вѣрой въ жизнь и людей:

Любовь горитъ небеснымъ свѣтомъ
Надъ всѣмъ порочнымъ и земнымъ...
Съ тоской надежды въ свѣтѣ этомъ
Мы, умиленные, стоимъ.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ:

Жизнь манитъ счастливымъ пиромъ
Подъ лазоревымъ шатромъ.
Счастью вѣрится безпечно,
Даже слезъ былыхъ не жаль...
Безгранична, „безконечна"
Ослѣпительная даль!

На эти темы въ сборникѣ г. Гербановскаго не мало красивыхъ и граціозныхъ стихотвореній. Отмѣтимъ, напримѣръ, стихотворенія: „Увядалъ ароматный цвѣтокъ", „Грустно видѣть увяданіе", „Какъ отголоски въ звучной дали", „Безъ любви", „Я люблю эту тихую пору разсвѣта", „Какая-то свѣтлая, еле замѣтная нить". На ряду съ ними попытки автора касаться общественныхъ темъ, страданій униженныхъ и оскорбленныхъ, оканчиваются полной неудачей: стихи становятся натянутыми и вялыми, мысль нейдетъ дальше элементарнаго шаблона. Это—не жанръ г. Гербановскаго. Пусть онъ предоставитъ его другимъ, у которыхъ искренностью гражданскаго порыва не безъ успѣха замѣняется иногда недостатокъ природнаго поэтическаго дара. Переводы автора звучны и гладки, но въ нихъ недостаточно чувствуется, такъ сказать, ароматъ подлинника.

Въ общемъ преобладающее, настроеніе сборника—бодрящее, зовущее жить во имя жизни. Оно удачно символизируется стихотвореніемъ „На зарѣ":

Въ безотчетномъ, смутномъ страхѣ предъ грядущею зарею
Уходили тѣни ночи—уходили и ушли...
Разсвѣтало... Все побѣднѣй надъ остывшею землею
Небо призрачно свѣтлѣло, зарумянившись вдали.
То боролись съ новой силой, съ новой злобой два начала,
Искони непримиримыхъ и враждебныхъ—тьма и свѣтъ...
Разсвѣтало... Ночь смятенно и измученно дышала...
На востокѣ ярко брезжилъ разгорающійся свѣтъ...
И заря на поле брани выступала, торжествуя,
Упоенная побѣдой, улыбалася свѣтло...

Поднималось въ аломъ блескѣ солнце, празднично ликуя—
Это доброе начало, обезсилившее зло.

Словомъ, стихи г. Гербановскаго—дѣйствительно „лепестки", живые и веселящіе глазъ, но не яркіе, мало ароматные и, по всей вѣроятности, недолговѣчные.—Евг. Л.

VIII.

— Н. В. Муравьевъ. Послѣднія рѣчи. Спб. 1903.

Политическое краснорѣчіе у насъ не имѣетъ почти представителей;—причины этого настолько понятны, что выяснять ихъ незачѣмъ. Но ряды судебныхъ дѣятелей, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ не мало истинно политическихъ ораторовъ. Лежащая передъ нами книжка—яркое доказательство этому. Она содержитъ, между прочимъ, и рѣчи, произнесенныя въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта Н. В. Муравьевымъ, какъ министромъ юстиціи, въ защиту и поясненіе внесенныхъ министерствомъ законопроектовъ. Опубликованіе ихъ въ печати—явленіе въ нашихъ условіяхъ новое и необычное, и его слѣдуетъ отмѣтить, прежде всего, съ глубокимъ сочувствіемъ, какъ первую попытку знакомить публику съ тѣмъ, что̀ дѣлается въ государственномъ совѣтѣ. Какъ извѣстно, всѣ законодательныя работы ведутся у насъ въ глубокой тайнѣ: не только предположенія министерствъ, не только содержаніе дебатовъ въ высшемъ законосовѣщательномъ учрежденіи, но часто даже мотивы законовъ, уже опубликованныхъ, остаются невѣдомыми тѣмъ, кому надлежитъ ихъ исполнять. Въ началѣ, кажется, 90-хъ годовъ было допущено предварительное публикованіе въ прессѣ свѣдѣній о предметахъ (въ видѣ простого перечня), которые должны обсуждаться въ государственномъ совѣтѣ, но вскорѣ и это маленькое окошечко, открытое для гласности, было наглухо забито. Толки, слухи, часто перемѣшанные со сплетнями, циркулирующіе въ публикѣ, время отъ времени появляющіеся въ заграничной печати, являются въ этой сферѣ суррогатами здоровой гласности. Нужно воздать справедливость министерству юстиціи: со времени приступа къ великой судебной реформѣ и до настоящаго времени оно проявляло сравнительно большее, чѣмъ другія вѣдомства, довѣріе къ „ограниченному уму подданныхъ". Крупныя, такъ сказать „парадныя", законодательныя работы (составленіе уголовнаго и гражданскаго уложенія; пересмотръ судебныхъ уставовъ; отмѣна ссылки; ограниченіе примѣненія тѣлесныхъ наказаній) совершались и совершаются съ допущеніемъ значительной доли гласности. Такъ великъ воспитательный элементъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ судеб-

ныхъ уставовъ, что онъ просочился и просачивается въ порядки и того чисто-бюрократическаго учрежденія, какимъ является министерство юстиціи; истинно судебный дѣятель и въ этомъ учрежденіи съ трудомъ эмансипируется отъ той атмосферы открытой, доступной наблюденію всѣхъ идейной борьбы, которая все-таки больше, чѣмъ гдѣ-либо въ другой государственной дѣятельности, осуществляется у насъ въ дѣлѣ суда. Интересно отмѣтить, что совершенно келейно по шаблону всѣхъ нашихъ канцелярій и вѣдомствъ проходили новеллы 80-хъ годовъ (ограниченіе гласности, съуженіе компетенціи суда присяжныхъ, о судебномъ надзорѣ). Какъ будто сами творцы этихъ „поправокъ" понимали, что не вынести свѣта гласности тому, что является само отрицаніемъ гласности, и что лучше стыдливо опустить надъ ними завѣсу канцелярской тайны. По нашему мнѣнію, и эта общественная „стыдливость"—черта по нынѣшнимъ временамъ весьма симпатичная. Возрожденіе и жизнь, какъ указалъ великій сатирикъ, еще возможны тамъ, гдѣ не утрачена способность сознавать и чувствовать смыслъ выраженія: „да будетъ стыдно"!

Судебный дѣятель—всегда на виду, „подъ стеклляннымъ колпакомъ"; онъ не боится публичности, не можетъ проявить къ ней того горделиваго презрѣнія, которое считается высшимъ тономъ бюрократической мудрости. Общественное мнѣніе не можетъ не интересовать его особенно тогда, когда онъ выступаетъ въ качествѣ борца передъ представителями общества; выработывается нѣкоторая чуткость, чувствительность ко мнѣніямъ общества. Въ этомъ отношеніи Н. В. Муравьевъ и на посту министра юстиціи сохранилъ традиціи судебнаго дѣятеля: ознакомивъ недавно публику съ итогами прежней дѣятельности, онъ выпустилъ теперь въ свѣтъ сборникъ своихъ послѣднихъ рѣчей (за 1900—1902 гг.). Совершенно новою является здѣсь рѣчь, произнесенная 16 декабря 1902 года въ первомъ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта при разсмотрѣніи проектовъ новой редакціи судебныхъ уставовъ. Она занимаетъ центральное мѣсто въ Сборникѣ и заслуживаетъ особаго вниманія. Всѣ до сихъ поръ опубликованныя (во II томѣ сочиненій и въ разсматриваемой книгѣ) „законодательныя" рѣчи Н. В. Муравьева появлялись уже послѣ обнародованія тѣхъ законовъ, въ защиту которыхъ онѣ произносились. Эта же рѣчь касается проекта, который закономъ еще не сталъ. Вокругъ него не замолкла еще борьба мнѣній, воззрѣній; послѣ суда общественнаго, которому онъ подвергался въ печати и въ юридическихъ собраніяхъ, его еще ждетъ оцѣнка со стороны нашего высшаго государственнаго учрежденія. Рѣчь и представляетъ какъ бы прологъ къ этой новой борьбѣ, которая еще разыграется, и ни одинъ звукъ которой не долженъ по установившемуся обычаю долетать до

слуха гражданъ. Этотъ характеръ подчеркивается въ самомъ вступленіи къ ней. „Пусть будетъ критика, споры, возраженія, несогласія, но пусть при этомъ устранятся недоразумѣнія и предубѣжденія и будетъ благожелательно услышанъ искренній голосъ тѣхъ, кому ввѣрено тяжелое бремя попеченія о судьбахъ отечественнаго правосудія“,—такъ начинаетъ свое слово талантливый ораторъ. Набрасывая тутъ же програму того, что будетъ сказано, Н. В. Муравьевъ предваряетъ, что „въ этихъ, какъ и въ послѣдующихъ посильныхъ разъясненіяхъ министерства юстиціи не найдется такъ называемыхъ заднихъ мыслей или уклончивой недосказанности: бываютъ моменты и положенія, требующіе одной политики—разумной, но рѣшительной и прямодушной откровенности“.

Главная и бо̀льшая часть рѣчи посвящена доказательству положенія, что пересмотръ судебныхъ уставовъ былъ необходимъ. При всей силѣ, съ какой ораторъ выполняетъ эту свою задачу, всѣ доводы бьютъ въ значительной степени мимо той цѣли, куда они направлены. Критикуется вѣдь не самая идея пересмотра, а реальное осуществленіе ея въ видѣ проектовъ коммиссіи, достоинство которыхъ, дѣйствительно, представляется проблематичнымъ. „Облако предвзятаго сомнѣнія“, витающее надъ трудами коммиссіи, не имѣетъ въ себѣ ничего туманнаго и совсѣмъ не зависитъ, какъ то утверждается въ рѣчи, „единственно отъ недостаточнаго знакомства съ обстоятельствами и причинами, его (пересмотръ) вызвавшими, а также со всею его серьезною и дѣловою сущностью“. Обстоятельства эти отчасти и раньше были извѣстны. Слухи, отчасти подтверждаемые теперь рѣчью, давно уже говорили, что ко времени назначенія коммиссіи надъ зданіемъ судебныхъ уставовъ носились грозныя тучи, которыя готовы были смести даже и фундаментъ его, и что идея пересмотра явилась громоотводомъ, который разрядилъ эти тучи.

„Намѣчалось,—читаемъ мы въ рѣчи (стр. 61),—учрежденіе надъ кассаціоннымъ судомъ правительствующаго сената особаго высшаго совѣстнаго судилища, возвращеніе къ старой ревизіи вмѣсто кассаціи, мѣры къ стѣсненію суда присяжныхъ и адвокатуры, упоминалось о своевременности внести ограниченія въ отдѣльность и самостоятельность суда, о томъ, что вообще нужно предпринять болѣе рѣшительныя мѣры къ сглаженію особенностей и преимуществъ судебнаго устройства и судебной дѣятельности“.

Мы понимаемъ, что въ виду такихъ предположеній, вѣроятно, всякій, кому дороги благо и процвѣтаніе суда, присоединился бы къ мнѣнію сенаторовъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, которые именно по поводу проектовъ такого характера единогласно заявили, что „желательное устраненіе недостатковъ (судебныхъ уставовъ) мо-

жетъ быть сдѣлано только путемъ систематическаго, по извѣстному плану производимаго пересмотра". Но если *идея* пересмотра была въ тотъ моментъ идеей глубоко спасительной для судебныхъ уставовъ, если заслуга проведенія ея навѣрно не будетъ умалена исторіей при оцѣнкѣ дѣятельности нынѣшняго министра юстиціи, то тѣмъ не менѣе истинные друзья судебныхъ уставовъ не могутъ поддерживать *непосредственныхъ* результатовъ идеи, явившихся въ видѣ проектовъ коммиссіи. Къ сожалѣнію, на самой характеристикѣ этихъ проектовъ, на сравненіи ихъ съ первоначальными положеніями судебныхъ уставовъ Н. В. Муравьевъ остановился весьма бѣгло, причемъ рѣчь теряетъ въ этихъ частяхъ ту яркую выпуклость и опредѣленность, которая такъ свойственна ей въ части первой. Проекты, впрочемъ, и въ измѣненной редакціи, представленной въ государственный совѣтъ, достаточно извѣстны, благодаря допущенной министерствомъ гласности. Мы здѣсь не будемъ повторять тѣхъ возраженій противъ нихъ, которыя своевременно развивались на страницахъ нашего журнала. И послѣ ознакомленія съ рѣчью г. министра юстиціи они остаются непоколебленными. Отмѣтимъ только здѣсь, что руководитель нашей юстиціи, заявляя себя еще разъ горячимъ приверженцемъ великой судебной реформы императора Александра II, все-же не доказалъ, какимъ образомъ основныя начала этой реформы могутъ сочетаться съ сохраненіемъ и санкціонированіемъ въ проектѣ большинства наслоеній, привнесенныхъ новеллами 70-хъ и 80-хъ годовъ. Вѣдь законы о судебномъ надзорѣ, объ ограниченіи публичности, о земскихъ участковыхъ начальникахъ, ограниченіе несмѣняемости—„глубокимъ клиномъ", по образному выраженію рѣчи, вошли въ зданіе, возведенное судебными уставами. Неужели они потеряютъ свое значеніе отъ того, что вмѣсто вида неуклюжихъ клиньевъ, въ которыхъ всякій сразу признаетъ тѣла, зданію чуждыя и постороннія, они примутъ форму камней, аккуратно обтесанныхъ, крѣпко вмазанныхъ въ фундаментъ и стѣны зданія при помощи искусной законодательной техники? Разлагающая матерія ихъ сохранитъ всѣ свои специфическія свойства, а вынуть такіе камни изъ зданія, когда наступитъ возможность, не такъ-то легко будетъ... И новый, и какой тяжелый клинъ вгоняется совершенно уже самостоятельно проектомъ въ самый куполъ, поддерживающій стройность и красоту всего зданія. Мы имѣемъ въ виду децентрализацію кассаціоннаго производства, перенесеніе его по многимъ дѣламъ изъ сената въ судебныя палаты. Это отступленіе отъ начала кассаціоннаго единства Н. В. Муравьевъ объясняетъ необходимостью приносить въ жертву холодную, отвлеченную и сухую теорію „кричащей жгучей практикѣ жизни". „Утилитарнымъ взглядомъ на вещи", „практическимъ путемъ" „требованіемъ житейскаго

обихода“ оправдывается, повидимому, многое въ проектѣ. „Мы обратились,—говорится въ рѣчи,—къ огромному запасу судебнаго опыта, воспользовавшись при этомъ долею своего личнаго въ немъ участія, и онъ показалъ намъ, куда идти, что измѣнить, чего не трогать. Зная, какъ въ житейскомъ обиходѣ происходитъ черновая и закулисная работа судоотправленія, мы не стѣснялись ни доктриной, ни возраженіями, когда находили, что та или другая мѣра достаточно обусловливается потребностями правосудія и интересомъ населенія“. Доктрина въ наукахъ, изслѣдующихъ дѣло судебное, часто является, какъ намъ кажется, выраженіемъ не одного личнаго опыта и даже не опыта одной страны, а наиболѣе обобщенной формулой опыта культурныхъ народовъ, доказавшей свою живучесть и цѣлесообразность. Не стѣсняться доктриной въ принципіальныхъ вопросахъ судоустройства, въ большинствѣ случаевъ, равносильно игнорированію основныхъ началъ великой реформы, на неприкосновенности которыхъ такъ настаиваетъ ораторъ. „Жгучая практика“ жизни, при самомъ чуткомъ вниманіи къ ея крикамъ, совсѣмъ не вызываетъ, по нашему мнѣнію, необходимости проводить въ мѣропріятіяхъ „нѣкоторую невыдержанность процессуальныхъ гарантій“... Можетъ быть, послѣднее свойство проектовъ объясняется скорѣе стремленіемъ считаться съ разными теченіями, внѣ судебной практики лежащими, и „всячески избѣгать крайностей и рѣзкостей въ вырабатываемыхъ предположеніяхъ“. „Это казалось тѣмъ необходимѣе“, — читаемъ мы по поводу этого обстоятельства въ рѣчи,—„что онъ (пересмотръ) начался и производился среди двухъ противоположныхъ направленій, раздѣляющихъ цѣнителей отечественной юстиціи какъ бы на два враждебныхъ лагеря“. Представители перваго, по характеристикѣ, даваемой имъ въ рѣчи (меньшинство), „болѣе или менѣе откровенно требуютъ уничтоженія или подрыва такихъ его (суда) краеугольныхъ камней, какъ отдѣльность и независимость судебной власти, судъ присяжныхъ, гласность и состязательность процесса, принципъ кассаціи, неперевершаемость вошедшихъ въ законную силу приговоровъ и рѣшеній. При этомъ, однако, или вовсе не указывается образцовъ для замѣны настоящихъ учрежденій, или предлагается замаскированное возвращеніе къ старымъ дореформеннымъ порядкамъ. Другіе, болѣе многочисленные, высказываются не только за духъ и букву судебныхъ уставовъ 1864 г., но и за дальнѣйшее ихъ развитіе и даже измѣненіе въ смыслѣ бо̀льшаго простора для общественной самодѣятельности и личной свободы, хоть бы и на счетъ государственнаго начала. Такъ мечтаютъ о возстановленіи и введеніи выборной системы замѣщенія судейскихъ должностей, о полномъ самоуправленіи судебныхъ коллегій съ устраненіемъ или ограниченіемъ правительствен-

наго надзора, о расширеніи правъ адвокатуры, о состязательномъ слѣдствіи передъ неподвижнымъ слѣдователемъ-судьею при защитѣ, вполнѣ уравненной съ государственнымъ обвиненіемъ, о безусловной публичности всѣхъ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣйствій, о распространеніи суда присяжныхъ въ его теперешней организаціи на всѣ уголовныя дѣла, не исключая и окраинъ даже наименѣе культурныхъ, о совершенной непоколебимости оправдательныхъ приговоровъ, о широкомъ и непремѣнномъ вознагражденіи лицъ оправданныхъ и освобожденныхъ отъ преслѣдованія, о даровомъ гражданскомъ правосудіи и проч., и проч.".

Одна характеристика второго направленія, на ряду съ первымъ, какъ проявленія „легко увлекающейся и скорѣе публицистической, нежели юридической мысли", едва ли достаточна для вывода, дѣлаемаго ораторомъ, что оно не выдерживаетъ критики ни съ точки зрѣнія здравыхъ догматическихъ ученій, ни со стороны практической пригодности. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что большинство „мечтаній", перечисленныхъ г. министромъ, представляетъ собою такія положенія доктрины, цѣлесообразность которыхъ и для культурнаго развитія нашего отечества не подлежитъ сомнѣнію, и отъ которыхъ не можетъ отступить принципіально никто, кому, дѣйствительно, дорогъ духъ великой судебной реформы.

Не останавливаясь на изложеніи другихъ доводовъ Н. В. Муравьева, съ которыми, конечно, читатель съ бóльшимъ удовольствіемъ ознакомится въ оригиналѣ, представляющемъ образцовое произведеніе политическаго краснорѣчія, приводимъ заключительный аккордъ: „По ихъ происхожденію и характеру, они (труды коммиссіи) не претендуютъ на могучее творчество и на открытіе какихъ-либо яркихъ и новыхъ горизонтовъ; они гораздо болѣе продуктъ эклектической мысли, чѣмъ самодовлѣющее произведеніе одного ума и одной воли, которое, конечно, выигрываетъ въ цѣльности, но все-таки напоминаетъ мнѣ о Минервѣ, вылетающей во всеоружіи изъ головы Юпитера. Въ нашей коллективной работѣ добросовѣстно приведены всѣ добытыя нами данныя, всѣ представлявшіеся намъ способы къ усовершенствованію судебныхъ установленій, и въ этомъ смыслѣ къ ней, вѣроятно, будутъ еще долго возвращаться ихъ изслѣдователи и реформаторы. Но мы сами вовсе не считаемъ своихъ воззрѣній непогрѣшимыми, своихъ предположеній—безошибочными, мы въ особенности не соединяемъ съ ними никакого авторскаго самолюбія. Торжество не столько этихъ преходящихъ выводовъ, сколько вѣчныхъ началъ законности и правосудія можетъ быть утѣшеніемъ и завѣтной мечтою тѣхъ, кто не утратилъ еще горячей вѣры въ правый и милостивый русскій судъ".

Вторая большая рѣчь изъ числа произнесенныхъ Н. В. Муравье-

вымъ въ государственномъ совѣтѣ и нынѣ появляющаяся въ Сборникѣ [1]), касается закона объ отмѣнѣ и ограниченіи ссылки, получившаго санкцію три года тому назадъ. На основныхъ мотивахъ этого акта, отражающихся и въ рѣчи, нашъ журналъ останавливался, когда подвергался (во „Внутр. Обозр." 1900 г., октябрь) разбору самый законъ. Какъ мы теперь узнаемъ изъ рѣчи, министръ юстиціи, въ виду разногласія министра внутреннихъ дѣлъ, высказывалъ передъ государственнымъ совѣтомъ опасенія, чтобы тяжесть сомнѣній, нерѣшительность и система полумѣръ не отразились на той части закона, которая должна была реформировать ссылку административную. Опасенія оправдались, какъ извѣстно. „Противъ обветшалаго и устарѣлаго пережитка", поскольку онъ предусмотрѣнъ ст. 1035 уст. угол. суд. и прилож. къ уставу о предупр. и прес., никто не вооружился, и мы не находимъ объ этой формѣ ссылки даже и упоминанія въ разсматриваемой рѣчи.

Въ смыслѣ логики, формы, слога, архитектоники, обѣ политическія рѣчи Н. В. Муравьева представляютъ произведенія вполнѣ достойныя той славы, которою пользуется руководитель нашей юстиціи, какъ первоклассный судебный ораторъ.

Любители краснорѣчія въ смыслѣ красоты и блеска еще болѣе будутъ удовлетворены и другими, нынѣ собранными въ Сборникѣ, именно тѣми привѣтственными рѣчами, которыя министръ юстиціи произнесъ на международномъ конгрессѣ криминалистовъ и при открытіи конференціи „Краснаго Креста." Въ свое время онѣ обошли повременную печать, вызывая всеобщія похвалы. Въ разбираемой книгѣ онѣ напечатаны въ французскомъ оригиналѣ вмѣстѣ съ превосходнымъ русскимъ переводомъ.

IX.

Л. Шестовъ, Достоевскій и Нитше (философія трагедіи). Спб. 1903 г.

Авторъ этой книги принадлежитъ къ числу нашихъ „новыхъ" полуфилософовъ, полукритиковъ. Этотъ жанръ, наиболѣе талантливымъ представителемъ котораго является г. Мережковскій, культивируется по преимуществу въ „Мірѣ Искусства", въ которомъ предварительно печатались и очерки г. Шестова. Среди своихъ коллегъ г. Шестовъ выдѣляется очень симпатичными чертами. Въ немъ чувствуется несомнѣнная искренность, способность къ философскому мышленію,

---

[1]) Частью она была уже опубликована въ повременныхъ изданіяхъ министерства юстиціи.

безъ тѣхъ ужимокъ и фокусовъ, которые усвоили себѣ новые „жрецы“ литературной критики. Прорицательскій тонъ, страсть искать повсюду аналогій и сопоставленій, часто чисто внѣшнихъ, и потомъ глубокомысленно стараться находить таинственный смыслъ въ этихъ сопоставленіяхъ — эта литературная манера, которой такъ злоупотребляетъ, напр., г. Мережковскій, почти отсутствуетъ у г. Шестова. Онъ только не могъ отдѣлаться отъ свойственныхъ новой школѣ постоянныхъ повтореній одной и той же мысли въ разныхъ словесныхъ формахъ, не могъ отдѣлаться и отъ нѣсколько таинственнаго вида, съ которымъ излагаются часто совсѣмъ не таинственныя вещи. Въ предисловіи, напримѣръ, г. Шестовъ, между прочимъ, высказываетъ положеніе, что, можетъ быть, предѣлъ человѣческой жестокости и безчувственности придется психологически искать не у палачей, не у героевъ меча и костровъ, а среди героевъ духа, среди проповѣдниковъ добра и истины, среди людей, считавшихся исключительно призванными къ борьбѣ со злобными и „дурными“ проявленіями человѣческой натуры. И вотъ по поводу этой мысли г. Шестовъ принимаетъ видъ таинственный. „Именъ,—говоритъ онъ,—я называть не буду, и у меня есть на то свои очень важныя основанія. Ибо если уже говорить, то пришлось бы сказать многое такое, о чемъ до времени не мѣшаетъ и помолчать“. Если у г. Шестова есть истина, надъ которой долженъ висѣть покровъ Изиды, то зачѣмъ объ этомъ возвѣщать читателямъ. И не такъ, вѣроятно, ужъ страшны эти тайны, чтобы отъ обнаруженія ихъ могло произойти что-нибудь съ г. Шестовымъ. Но такова манера „новыхъ“!

Въ своей книгѣ г. Шестовъ обнаруживаетъ большую вдумчивость въ сочиненія Достоевскаго, и попытка разъяснить смыслъ ихъ на основаніи анализа воззрѣній самого Достоевскаго представляется интересною. Достоевскій, по мнѣнію г. Шестова,—представитель той внутренней трагедіи души, которая ничего общаго не имѣетъ съ трагедіей страстей и внѣшнихъ коллизій жизни. Начало дѣятельности Достоевскаго отражаетъ въ себѣ вѣру и въ истину, и въ гуманность. „Познается, что самый забитый послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ твой“. Этими словами, по мнѣнію автора, исчерпывается идея перваго періода жизни и литературнаго творчества Достоевскаго. По возвращеніи изъ каторги, Достоевскій *стремится* сохранить эту вѣру; онъ не смѣетъ думать, что вѣра въ гуманность и идеалы его оставили. Но уже началось перерожденіе его убѣжденій, началась, по терминологіи г. Шестова, эпоха „подполья“. „Записки изъ подполья“, разсказъ, появившійся въ 60-хъ годахъ, представляютъ, по мнѣнію Шестова, публичное отреченіе отъ прошлаго. Герой этихъ записокъ (онъ, по мнѣнію г. Шестова, не

смотря на всѣ оговорки, тождественъ съ Достоевскимъ) съ неслыханнымъ дерзновеніемъ позволяетъ себѣ оплевывать то, что считается самымъ святымъ въ человѣческихъ чувствахъ. Достоевскій не могъ больше притворяться: „идеалы и умиленіе по поводу ихъ вызываютъ въ немъ чувство отвращенія и ужаса; ему нужно было дать исходъ этому, и онъ начинаетъ осыпать ихъ градомъ ядовитѣйшихъ сарказмовъ. Въ глубинѣ своей души Достоевскій потопталъ и разумъ, и совѣсть и, впавъ въ глубокое отчаяніе, сталъ выше добра и зла. „Добро, гуманность, идеи—весь сонмъ прежнихъ ангеловъ и святыхъ, оберегавшихъ невинную человѣческую душу отъ нападеній злыхъ демоновъ скептицизма и пессимизма, безслѣдно исчезаетъ въ пространствѣ, и человѣкъ передъ лицомъ своихъ ужаснѣйшихъ враговъ впервые въ жизни испытываетъ то страшное одиночество, изъ котораго его не въ силахъ вывести ни одно самое преданное и любящее сердце. Здѣсь-то и начинается философія трагедіи". Этотъ скептицизмъ и пессимизмъ возбуждаютъ ужасъ въ душѣ почувствовавшаго ихъ, но вернуться назадъ, побѣдить идеализмомъ свои несчастія и сомнѣнія невозможно. Идеализмъ самъ обращается въ подсудимаго. Обнажаются сокровеннѣйшія глубины человѣческой души, чтобы показать, что именно чувство героя „подполья"—это и есть настоящая правда о человѣкѣ. Эту правду Достоевскій вынесъ изъ каторги, и онъ не могъ отъ нея отдѣлаться никогда; она давила, она мучила его, тѣмъ болѣе, что ее приходилось скрывать отъ людей, что въ запасѣ для людей приходилось имѣть показные идеалы, которые Достоевскій тѣмъ истеричнѣе выкрикивалъ, чѣмъ глубже они расходились съ сущностью его завѣтныхъ желаній. Поэтому-то всѣ его произведенія отличаются особой двойственностью. Любимой его темой послѣ каторги является преступленіе и преступники, карамазовщина, вся та темная, враждебная идеализму сила, которую онъ съ такою жестокою болью рисуетъ въ своихъ произведеніяхъ. Алеши, старцы Зосимы—въ реальность ихъ не вѣритъ въ сущности и самъ Достоевскій. Философія Ивана Карамазова—вотъ идеи самого Достоевскаго. Отсюда, по мнѣнію г. Шестова, и объясняется, почему Достоевскій, пѣвецъ униженныхъ и забитыхъ, со страннымъ упорствомъ отказывался благоговѣть передъ гуманными идеями, господствовавшими въ 60-хъ годахъ; оттуда его постоянная вражда ко всякаго рода идеаламъ всеобщаго человѣческаго благожитія, вражда къ либераламъ, прогрессистамъ. Если внѣшнимъ образомъ Достоевскій какъ бы боролся со зломъ, то при этомъ онъ выдвигалъ въ защиту зла такіе могучіе аргументы, о которыхъ никогда не мечтали и ярые защитники его.

Рисуя ужасы жизни, Достоевскій,—какъ напр. въ эпилогѣ къ „Преступленію и наказанію",—вспоминаетъ, что все-таки вѣдь онъ—учитель

добра, что для людей ему нужно показать новую нравственную жизнь Раскольникова; онъ обѣщаетъ это сдѣлать, повторяетъ такое же обѣщаніе и въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, но обѣщаній своихъ онъ никогда не выполнилъ. Всѣ его положительные типы—князь Мышкинъ, Зосима, Алеша—поражаютъ, по мнѣнію г. Шестова, своей банальностью. Вся эта проповѣдь любви является у Достоевскаго только тѣмъ общепринятымъ мундиромъ, безъ котораго нельзя явиться въ люди. „Вѣдь не явиться же въ люди со словами подпольнаго человѣка, съ преклоненіемъ передъ каторгой, со всѣми „оригинальными“ мыслями, наполнявшими голову Достоевскаго! Люди такого ближняго не захотятъ слушать, прогонятъ. Людямъ нуженъ идеализмъ, во что бы то ни стало. И Достоевскій швыряетъ имъ это добро цѣлыми пригоршнями, такъ что подъ конецъ и самъ временами начинаетъ думать, что такое занятіе и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь стоитъ. Но только временами, чтобы потомъ самому же посмѣяться надъ собой“. Если Иванъ Карамазовъ заявляетъ: „я никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ-то по моему невозможно любить, а развѣ дальнихъ“, то въ этихъ словахъ выражается мнѣніе самого Достоевскаго. „Для чего познавать это *чортово* добро и зло, когда это столькаго стоитъ?“ — Этотъ страшный вопросъ Карамазова и есть вопросъ самого Достоевскаго. Тутъ Достоевскій подходитъ уже совершенно къ Ницше. У послѣдняго эта фраза превращается въ научную систему „по ту сторону добра и зла“. Основная мысль статьи Раскольникова, приводимой въ „Преступленіи и наказаніи“, тоже поразительно совпадаетъ съ ученіемъ Ницше. Добро и зло не существуютъ. „Ихъ замѣнили выраженія „обыкновенность“ и „необыкновенность“, причемъ съ первымъ соединяется представленіе о пошлости, негодности, ненужности; второе же является синонимомъ величія“.

Разсматривая сочиненія Ницше, г. Шестовъ и находитъ, что этотъ мыслитель переживалъ настроенія и впечатлѣнія очень близкія къ тѣмъ, которыя отразились въ первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго. Въ молодости Ницше былъ и мечтателемъ, и романтикомъ; потомъ въ душѣ его произошелъ внезапный переломъ, и онъ вступилъ на путь того сомнѣнія, на путь познанія, который требовалъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей; онъ возсталъ противъ морали. Добро стало синонимомъ безсилія; добрые—это немощные, но хитрые завистники, рѣшившіеся ни передъ чѣмъ не отступать, чтобъ только выместить на своихъ противникахъ, „злыхъ“, несчастіе своей бѣдной и жалкой жизни. Сверхчеловѣкъ, стоящій внѣ добра и зла, это тотъ символъ у Ницше, въ которомъ онъ пытался воплотить всю силу своего возстанія противъ рабской морали. Въ формѣ борьбы съ моралью Ницше боролся

съ позитивизмомъ и идеализмомъ, какъ и Достоевскій. Чтò бы изъ этого ни вышло, Ницше, какъ истинный человѣкъ трагедіи, не можетъ отказаться отъ своихъ правъ и не промѣняетъ ихъ на „идеалы“ состраданія и всѣ прочія блага въ томъ же родѣ, спеціально для него изготовленныя современной философіей и моралью. Достоевскій со стыдомъ и съ ужасомъ рѣшался высказывать эти истины, и то не отъ имени своего, а отъ лица героевъ своихъ романовъ. Ницше провозгласилъ ее громко, торжественно, открыто, въ видѣ новой деклараціи правъ человѣка.

Въ чемъ заключается значеніе той трагедіи, представителями которой являются и Ницше, и Достоевскій? Г. Шестовъ даетъ отвѣтъ на это въ слѣдующихъ неясныхъ словахъ: „Трагедіи изъ жизни не изгонятъ никакія общественныя переустройства, и повидимому настало время не отрицать страданія, какъ нѣкую фиктивную дѣствительность, отъ которой можно, какъ крестомъ отъ чорта, избавиться магическимъ словомъ „ея не должно быть“, а принять ихъ, признать и, быть можетъ, наконецъ, понять. Наука наша до сихъ поръ умѣла только отворачиваться отъ всего страшнаго въ жизни, будто бы оно совсѣмъ не существовало, и противопоставлять ему идеалы, какъ будто бы идеалы и есть настоящая реальность... И лишь тогда, когда не останется ни дѣйствительныхъ, ни воображаемыхъ надеждъ найти спасеніе подъ гостепріимнымъ кровомъ позитивистическаго или идеалистическаго ученія, люди покинутъ свои вѣчныя мечты и выйдутъ изъ той полутьмы ограниченныхъ горизонтовъ, которая до сихъ поръ называлась громкимъ именемъ истины, хотя знаменовала собой лишь безотчетный страхъ консервативной человѣческой натуры предъ той таинственной неизвѣстностью, которая называется трагедіей... Такъ или иначе—философія трагедіи находится въ принципіальной враждѣ съ философіей обыденности. Тамъ, гдѣ обыденность произноситъ слово „конецъ“ и отворачивается, тамъ Ницше и Достоевскій видятъ начало и ищутъ“.

X.

— **Еврейская Библіотека. Историко-литературный сборникъ, т. X. Спб. 1903 г.**

Русско-еврейская печать представляетъ собою явленіе, мало извѣстное даже тѣмъ кругамъ читателей, которые внимательно слѣдятъ за русской литературой. А между тѣмъ для правильнаго освѣщенія еврейскаго вопроса, вкривь и вкось обсуждаемаго въ печати, въ русско-еврейской прессѣ можно найти массу данныхъ, почти не использованныхъ общерусской публицистикой, можно получить пра-

вильное представленіе о внутренней жизни еврейства, безъ пониманія которой немыслимо разрѣшеніе этого вопроса. Наконецъ, въ ней заключаются результаты научнаго историко-философскаго изученія іудаизма, которые для историка и соціолога представляютъ крупный интересъ.

Русско-еврейская печать явилась какъ продуктъ великой освободительной эпохи 60-хъ годовъ и до настоящаго времени служитъ отраженіемъ всѣхъ общественныхъ теченій, которыя такъ или иначе преломляются въ еврействѣ. Можетъ быть, болѣе нормальнымъ было бы, чтобы тѣ вопросы еврейской жизни, которые такъ тѣсно сплелись съ общими нашими условіями, были освѣщаемы въ прессѣ общей, а не той, которая читается исключительно почти евреями. Но этого не произошло по причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться.

„Еврейская Библіотека" представляетъ собою одинъ изъ первыхъ опытовъ русско-еврейской литературы. Первый томъ ея вышелъ въ 1871 году; послѣдній, десятый, лежитъ передъ нами. Цѣлый рядъ солидныхъ изслѣдованій, принадлежащихъ перу Оршанскаго, Бершадскаго, Стасова, Моргулиса, нашелъ себѣ мѣсто въ „Библіотекѣ". Судьба этого изданія, равно какъ и другого, и нынѣ являющагося самымъ распространеннымъ органомъ русскихъ евреевъ („Восходъ"), тѣсно связана съ личностью недавно скончавшагося А. Ландау. Поэтому особый интересъ получаетъ обширная статья, посвященная памяти этого дѣятеля. Въ ней, между прочимъ, содержится изложеніе программы покойнаго еврейскаго публициста, и эта программа въ значительной степени выясняетъ тѣ темы, которыя особенно интересовали русско-еврейскую прессу отъ 60-хъ годовъ до настоящаго времени.

Животворящіе лучи эпохи великихъ реформъ разбудили и русское еврейство. Процессъ освобожденія начался сверху, и онъ открылъ пути къ пріобщенію евреевъ къ общему культурному движенію. Въ прессѣ въ это время идетъ горячая проповѣдь сліянія съ окружающимъ населеніемъ, призывъ къ участію въ общерусской работѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ пресса принимаетъ на себя миссію просвѣтить еврейскую массу, обличить органическіе недостатки, выросшіе среди еврейства на почвѣ замкнутости и обособленности. Одновременно съ этимъ русско-еврейская печать стремится ознакомить русское общество съ еврействомъ, его культурой, его прежними и настоящими стремленіями. Таковы основные мотивы перваго періода существованія русско-еврейской печати. Въ одномъ изъ первыхъ томовъ „Еврейской Библіотеки" Ландау такъ формулировалъ сущность тогдашнихъ стремленій: „Наше сокровенное желаніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы евреи

были людьми и чтобы ихъ *считали* людьми, чтобы отъ нихъ *требовали* то, чего требуютъ отъ всѣхъ прочихъ людей, и чтобы имъ *предоставляли* то, что предоставляютъ прочимъ людямъ".

Вскорѣ, одновременно съ общей реакціей, началось движеніе вспять и въ отношеніи еврейскаго вопроса. Въ 60-ые годы насажденіе культуры тормозилось по преимуществу причинами, лежащими въ самомъ еврействѣ; теперь на первый планъ выступили внѣшнія препятствія, которыя все увеличивались и увеличивались. Отсюда новая тема для печати, постоянное доказываніе необходимости измѣнить законодательство о евреяхъ. Народническая волна въ русской литературѣ отражается въ это время и въ еврейской болѣе внимательнымъ обсужденіемъ интересовъ народныхъ массъ и того безвыходнаго экономическаго положенія, въ которомъ онѣ находятся. Въ 80-хъ годахъ реакція превратилась въ настоящую „активную и всестороннюю атаку на еврейство", которая совершенно игнорируетъ всѣ доводы, выставляемые правомъ, гуманностью и государственной мудростью. Еврейство начинаетъ искать спасенія или въ бѣгствѣ (эмиграція), или въ національныхъ силахъ, о которыхъ раньше не было и рѣчи. Выростаетъ сіонистское движеніе съ обширной и своеобразной литературой, намѣчается стремленіе интеллигенціи вести культурную работу отдѣльно отъ русской въ интересахъ только еврейской массы. Намѣченные вопросы представляютъ мотивы нынѣшней русско-еврейской печати. Они нашли себѣ отраженіе и въ разбираемомъ томѣ „Еврейской Библіотеки". Мрачную картину правового положенія евреевъ въ Россіи рисуютъ публицистическіе очерки г.г. І. Г. Сена („Законъ 3 мая 1882 г.") и Э. Г. Гинзберга („Жизнь и законъ"). Практика ограничительныхъ законовъ, разсказанная въ этихъ статьяхъ по рѣшеніямъ сената, представляетъ собою нѣчто столь поразительное, что передъ ней съ изумленіемъ остановится даже и россійскій обыватель, хорошо знакомый съ нашимъ административнымъ строемъ. Насколько ограниченія оправдываются реальными условіями еврейской жизни, очень хорошо выяснено въ статьѣ г. А. А. Субботина („Еврейскій вопросъ въ его правильномъ освѣщеніи"). Весьма любопытны отрывки объ изученіи еврейства г. Г. Ландау. Въ одномъ изъ нихъ авторъ ставитъ вопросъ объ особенностяхъ еврейской мысли, дѣлая попытку характеризовать ихъ на основаніи произведеній еврейскаго генія какъ въ сферѣ спеціально еврейской, такъ и общеевропейской. Въ другихъ отрывкахъ г. Ландау намѣчаетъ рядъ проблемъ соціологическаго и философскаго характера, которыя связаны съ изученіемъ іудаизма, какъ своеобразнаго культурно-историческаго явленія. Онъ совершенно правильно указываетъ, что сравнительное изслѣдованіе еврейскаго общества съ другими должно дать весьма интересные ре-

зультаты, благодаря тому своеобразію, которымъ характеризуется еврейство какъ соціальная группа. Достойны вниманія соображенія автора объ идеологіи іудаизма, которую онъ характеризуетъ какъ реальную идеологію угнетенныхъ, постоянно борющихся и созидающихъ условія для возможности существованія. Авторъ тутъ дѣлаетъ интересную экскурсію въ философію Ницше, сравнивая идеологію еврейства съ той „рабской моралью", которую Ницше считалъ характерной для всякой группы, кѣмъ-нибудь порабощаемой. Вообще отрывки г. Ландау пріятно поражаютъ способностью мыслить самостоятельно и всестороннею начитанностью. Жаль только, что полная недисциплинированность мысли и слова значительно затрудняетъ чтеніе отрывковъ.

Другія статьи сборника—содержанія историческаго и беллетристическаго. Мы имѣемъ здѣсь очеркъ Рейнака объ инквизиціи, статью г. Рапопорта по исторіи евреевъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, статью г. Сувальскаго объ антисемитизмѣ въ древней Александріи и матеріалы изъ переписки Леванды, виднаго русско-еврейскаго писателя, характеризующіе литературныя и общественныя явленія еврейства въ Россіи въ недавнемъ прошломъ. Беллетристика въ сборникѣ представлена переводнымъ романомъ Гордона, разсказомъ г. Порошина и сказкой г. Оптимиста. Если бы она отсутствовала, то это не могло бы считаться недостаткомъ сборника. Вообще, кажется намъ, типъ сборника не гарантируетъ ему успѣха. Вопросы публицистики едва ли удобны въ изданіи, которое совершенно не носитъ характера повременнаго и появляется съ большими промежутками. Въ настоящее время русско-еврейская печать имѣетъ органы, въ которыхъ вполнѣ могутъ разработываться вопросы текущей жизни; въ программу ихъ входитъ и ознакомленіе съ художественной литературой. Когда возникала „Еврейская Библіотека", подобныхъ повременныхъ изданій не было. Сообразно измѣнившимся условіямъ, цѣлесообразнѣе всего было бы, если бы новые издатели „Еврейской Библіотеки" обратили ее въ строго-научный временникъ, посвященный изученію іудаизма, подобно тѣмъ журналамъ, которые существуютъ въ этой области въ западной Европѣ.

XI.

— **А. Риль. Джіордано Бруно. Спб. 1903 г.**

Могучій мыслитель эпохи Возрожденія, погибшій за независимость своихъ убѣжденій, Бруно мало извѣстенъ русской публикѣ. Въ своей прекрасной рѣчи, произнесенной въ честь Бруно въ „Московскомъ

Психологическомъ Обществѣ" (она между прочимъ является пока единственной русской популярной характеристикой философа), г. Алексѣй Веселовскій [1]) указалъ, что неудачникъ при жизни, Бруно и передъ судомъ потомства долго не находилъ справедливости. Имя Бруно для большой публики остается безсодержательнымъ звукомъ. Только въ самое послѣднее время начинаются попытки популяризировать его идеи и біографію по трудамъ нѣмецкихъ ученыхъ. Такую попытку представляетъ собою и брошюра проф. Риля, нынѣ изданная на русскомъ языкѣ въ „Общеобразовательной Библіотекѣ" П. П. Гешунина. Риль очень удачно справился съ своей задачей. Личность философа выступаетъ живо и рельефно во всей своей красотѣ. Ученіе Бруно передано кратко, но очень ясно, иногда мѣтко выбранными цитатами изъ сочиненій самого Бруно. Риль останавливается на всѣхъ сторонахъ его воззрѣній. Пантеизмъ философа, покоящійся на космологическихъ воззрѣніяхъ, характеризуется цѣлымъ рядомъ отрывковъ изъ произведеній Бруно. Вотъ одинъ изъ нихъ: „Мы находимъ Бога въ неизмѣнномъ, непреклонномъ законѣ природы, въ благоговѣйномъ настроеніи духа, руководящагося этимъ закономъ; мы находимъ его въ блескѣ солнца, въ красотѣ всего, что произрастаетъ въ лонѣ нашей матери-земли,—въ истинномъ отраженіи его существа, въ созерцаніи безчисленныхъ звѣздъ"..... Морально-философскіе діалоги Бруно, которые такъ цѣнны для пониманія личности мыслителя, поэта и борца, тоже использованы въ брошюрѣ Риля. Онъ между прочимъ приводитъ то мѣсто, гдѣ опредѣляется героическій энтузіазмъ, какъ-то божественное начало, отъ соприкосновенія съ которымъ люди становятся божественными. „Энтузіазмъ этотъ"—говоритъ Бруно — „есть душевный пожаръ, зажженный солнцемъ мышленія, божественная страсть, надѣляющая насъ крыльями, при помощи которыхъ приближаемся мы къ солнцу познанія, сбрасывая съ себя тяжесть низменныхъ человѣческихъ заботъ. Такіе энтузіасты говорятъ и дѣйствуютъ не какъ простыя орудія божественнаго начала, а какъ самостоятельно созидающіе художники и герои". Подробно излагаетъ Риль процессъ, который привелъ Бруно на костеръ, обстоятельства произнесенія приговора, по выслушаніи котораго Бруно произнесъ тѣ слова, которыя онъ бросилъ инквизиторамъ и которыя, по выраженію Риля, продолжаютъ звучать на пространствѣ трехъ вѣковъ: „Вы, конечно, съ большимъ страхомъ произносите вашъ приговоръ, чѣмъ я его выслушиваю"...

---

[1]) „Этюды и характеристики".

XII.

— Н. Линдъ. Мелкая земская единица. Москва. 1903 г.

При появленіи Сборника кн. Долгорукова и Шаховского мы указывали въ „Вѣстникѣ Европы“, что вопросъ о мелкой земской единицѣ, независимо отъ тѣхъ практическихъ результатовъ, которые онъ можетъ имѣть, принесъ уже несомнѣнный плюсъ въ видѣ оживленной литературной обработки, которую этотъ вопросъ возбудилъ. Передъ нами—новое проявленіе этого оживленія. Брошюра Линда представляетъ важную попытку, и при томъ очень удачно выполненную, популяризировать земскія идеи о мелкой единицѣ для самыхъ широкихъ круговъ. Судя по характеру изложенія, г. Линдъ имѣетъ въ виду читателей изъ народа. Авторъ даетъ въ началѣ брошюры понятіе о принципахъ земскаго самоуправленія вообще, доказываетъ очень наглядно необходимость созданія низшей земской ячейки, разсматриваетъ основные принципы ея организаціи и результаты, которые она даетъ, иллюстрируя всѣ свои положенія подробнымъ пересказомъ проекта, выработаннаго тверскимъ земствомъ. Языкъ автора отличается простотой и вѣроятно доступенъ всякому грамотному крестьянину. Брошюра г. Линда и интересна какъ опытъ ознакомленія народа съ тѣми живыми общественными вопросами, которые волнуютъ земскія интеллигентныя сферы и близко касаются интересовъ всего населенія. Продолжать такіе опыты—настоятельная потребность и такая благодарная и важная задача, что за нее непремѣнно слѣдуетъ взяться, несмотря на всѣ затрудненія, которыя могутъ встрѣтиться при ея осуществленіи. - М. Г—анъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовичъ, К. — Практическое руководство къ новому уставу о векселяхъ, съ разъясненіями и рѣшеніями Правительствующаго Сената. Спб. 903. Стр. XV+232. Ц. 1 р. 20 к.

Александровъ, М.—Фабричная инспекція въ Россіи. Отт. изъ журн. „Промышленность и здоровье“. Стр. 40.

Бѣлгородскій, А. В.—Ученическая экскурсія въ Москву (изъ дорожнаго дневника). Ревель. 903. Стр. 71. Ц. 30 к.

Бѣлоконскій, И. П. – О мелкой земской единицѣ. Харьковъ. 903. Стр. 45.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. — Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи имп. Александра I. Томъ третій. Спб. 903. Стр. XXXII+381.

Геккеръ, Н.—Леонидъ Андреевъ и его произведенія. Съ приложеніемъ автобіографическаго очерка. Одесса. 903. Стр. 48. Ц. 25 к.

Георгіевичъ, И.—Жизнь Максима Горькаго. Одесса. 903. Книгоиздательство М. Козмана. Стр. 24. Ц. 20 к.

Гогебашвили, Я. С.—Какъ улучшить кавказскую народную школу. Стр. 60. Ц. 30 к.

Гюго, Викторъ.—Девяносто-третій годъ. Историческій романъ. Перев. съ франц. С. Круковской. (Библіотека „Другъ"). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 903. Стр. 305. Ц. 1 р.

Демченко, Я.—Замѣтки по вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Кіевъ. 903. Стр. 67. Ц. 40 к.

Дризо, Любовь. — Лѣтнія колоніи въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Очеркъ развитія первой лѣтней колоніи въ Одессѣ (къ 10-лѣтію ея существованія) и отчетъ за 1902 годъ. Десятый годъ. Одесса. 903. Стр. 116.

Ефременковъ, В.—Замѣтки изъ исторіи славянофильства. Воронежъ. 903. Стр. 50.

Игумновъ, Сер.—Новые принципы для земской медицины. Воронежъ. 903. Изъ журнала „Медицинская Бесѣда". Стр. 6.

Икономовъ, В. Ѳ.—Наканунѣ реформъ Петра Великаго. (Библіотека для самообразованія). Стр. 304. Москва. 903. Изд. тов. Сытина. Ц. 1 р. 25 к.

Кажановъ, Н. — Психика жизни (логическое изслѣдованіе). I. Спб. 903. Стр. 32. Ц. 30 к.

Короленко, Вл. — На Волгѣ. Очеркъ. Изд. М. А. Коломенкиной. Полтава. 903. Стр. 16. Ц. 3 к.

Криницкій, Маркъ. — Чающіе движенія воды. Разсказы. Москва. 903. Стр. 162. Ц. 1 р.

Кюльцъ, Л.—Отвѣтъ на „Записки врача" В. Вересаева. Перевелъ съ нѣмецкаго А. М. Москва. 902. Стр. 31. Ц. 25 к.

Лазаревскій, Борисъ.—Повѣсти и разсказы. М. 903. Стр. 366. Ц. 1 р. 25 к.

Лаппаранъ, А. — Общедоступная геологія. Съ 157 рис. въ текстѣ. Переводъ Е. А. Предтеченскаго. Ч. I. Современныя явленія на земномъ шарѣ. Ч. II. Древняя исторія земного шара. Спб. 903. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. IV+320. Ц. 1 р. 20 к.

Литвиновъ-Фалинскій, В. П.—Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. Текстъ закона 2 іюня 1903 г., съ объясненіями. Спб. 903. Стр. VII+196. Ц. 2 р.

Лощиловъ, П., врачъ.—Общій взглядъ на земскую и городскую медицину. Спб. 903. Стр. 27.

Максимовъ, А. Г.—Московскій Меркурій 1803 г. Историко-библіографич. изслѣдованіе. Отт. изъ „Литер. Вѣстника". Спб. 903. Стр. 18. Ц. 35 к.

Меликъ-Саркисянъ, С. А.—Ферганское землетрясеніе 3 дек. 1902. М. 903. Стр. 22.

Мельшинъ, Л. — Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. 3-е изд. ред. „Русскаго Богатства". Спб. 903. Стр. 386. Ц. 1 р. 50 к.

Новомбергскій, Н. — Нѣкоторые спорные вопросы по исторіи врачебнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 903. Стр. 47. Ц. 40 к.

Озеровъ, Ив., проф. — Америка идетъ на Европу. Спб. 903. Стр. 93. Цѣна 50 коп.

Ольденъ Уардъ. Жизнь Л. Н. Толстого. Од. 903. Книгоиздательство М. С. Козмана. Стр. 24. Ц. 20 к.

Радошнов, Н. Н. — Земляные горшки и ихъ примѣненіе въ промышленномъ огородничествѣ, садоводствѣ и цвѣтоводствѣ. Изд. 2-ое. Съ 4 рисунками. Спб. 903. Стр. 32. Ц. 25 к.

Риманъ, Г. — Музыкальный словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изданія Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ подъ ред. Ю. Энгеля. М. 903. Вып. XII. Стр. 881—960. Цѣна по подпискѣ 6 р.

Сегаль, д-ръ мед.—Условія достиженія счастья по ученію юдаизма. Новочеркасскъ. 903. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

Столповская, Анна. — Сношенія китайцевъ съ иностранцами и ихъ послѣдствія въ Китаѣ. Съ приложеніемъ статьи: Возстаніе боксеровъ. М. 903. Стр. 61. Ц. 40 к.

Стотлянскій, П. Н.—Матеріалы къ исторіи Оренбургскаго края. Вып. I. Оффиціальная и оффиціозная пресса въ Оренбургскомъ краѣ. Оренбургъ. 903. Стр. 63.

Уляшинъ, Генрикъ. — Польскія библіографическія изданія за послѣдніе годы (1898—1901). Стр. 37. Оттискъ изъ „Извѣстій Имп. Акад. Наукъ" 1902 г.

Харузинъ, Ал.—Жилище словинца Верхней Крайны. Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ. Оттиски изъ журн. „Живая Старина" 1902. Спб. 903. Съ 57 рисунками. Стр. 99.

Черниховъ, М., д-ръ.—Гнойная язва на общественномъ тѣлѣ. Картина изъ современной жизни. Од. 903. Стр. 48. Ц. 30 к.

Шрейдеръ, П.—Русскій герой (памяти М. Г. Черняева). Спб. 903. Стр. 24.

— La Russie. Journal économique et littéraire, paraissant 3 fois par mois. № 1. Rédaction: Lansanne (Suisse). Administration: Genéve. Стр. 28. Цѣна 75 сант.

Thiébaut, Victor. La crise viticole et l'extension des vignobles en Russie. Considérations sur l'avenir de la viticulture en Russie et sur la reconstitution des vignobles phylloxérés notamment dans le gouvernement de Koutaïs. Avec une préface par M. Prosper Gervais. Paris. 903. Стр. 97. Ц. 2 фр.

Zabel, Eugen. Krim und Kaukasus in literarischer Beleuchtung. Berl., 903. (Оттискъ изъ „Deutsche Rundschau", 903, іюль). Стр. 99—119.

— Альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Подъ редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ проф. Е. К. Рѣдина. Исполнено и издано художеств. фототипіей К. А. Фишеръ. 56 таблицъ со снимками около 300 предметовъ. М. 903. Стр. IV+25+56.

— Вѣстникъ таврическаго земства. Годъ первый. Изд. Тавріч. губ. земской управы. Симферополь. 903. № 2. Іюль. Стр. 82.

— Журналы засѣданій уфимской губернской оцѣночной коммиссіи съ 1894 по 1903 годъ. Изд. уфимской губ. земской управы. Уфа. 903. Стр. 273.

— Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1903 годъ. Весна (мартъ—апрѣль). № 13 (2). Полтава. 903. Стр. 38.

— Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1903 годъ. Май мѣсяцъ. Виды на урожай. № 14 (3). Изд. Статистич. бюро Полтавскаго губернскаго земства. Полтава. 903. Стр. 45.

— „Міръ искусства", 1903, № 5—6. Иллюстраціи: Современное искусство, Ал. Бенуа, Лансере, Бакста и др. Статьи В. В. Розанова („Чувство солнца и дерева у древнихъ евреевъ"), К. Бальмонта („Типъ Донъ-Жуана въ міровой

литературѣ") и Н. Минскаго („Философскіе разговоры", VIII). Иллюстраціи Менцеля въ „Бѣлой розѣ" и А. Бенуа въ „Гибели боговъ". Стр. 220—315.

— Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за девятый годъ его существованія (30 марта 1902—30 марта 1903 г.). Спб. 903. Стр. XVI+328+4.

— Отчетъ благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1903. Стр. 104.

— Отчетъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка за 1901 годъ. Шестнадцатый отчетный годъ. Спб. 902. Стр. VI+VI+97+259+41.

— Отчетъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка по ликвидаціи Саратовско-симбирскаго земельнаго банка за 1901 годъ. Спб. 902. Стр. 21.

— Отчетъ Иваново-Вознесенской общественной публичной библіотеки за 1902 г. Тридцать-восьмой отчетный годъ. Губ. гор. Владиміръ. 903. Стр. 31.

— Отчетъ Казанскаго мѣстнаго управленія и подвѣдомственныхъ ему мѣстныхъ комитетовъ Россійскаго общества Краснаго Креста за 1902 годъ. Казань. 903. Стр. 259.

— Отчетъ Комитета общества содѣйствія благоустройству Шувалова, Озерковъ и 1-го Парголова. За 1902—1903 годъ. Отчетный X-ый годъ и краткій обзоръ дѣятельности Общества за первое десятилѣтіе (1893—1903). Спб. 903. Стр. 40.

— Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1901 годъ. Девятнадцатый годъ. Спб. 902. Стр. VI+429.

— Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1902 годъ. Спб. 903. Стр. 45+107+88.

— Отчетъ Особаго отдѣла государственнаго дворянскаго земельнаго банка за 1901 годъ. Спб. 902. Стр. VII+V+96.

— Отчетъ Пермскаго научно-промышленнаго музея за 1902 г. Пермь. 903. Стр. 78.

— „Родопски напрѣдъкъ", мѣсечно списание за наука, обществени знания и народни умиротворения. Излиза подъ редакцията на Ст. Н. Шишковъ, В. Дѣчовъ и Горчо С. Мерджановъ). Село Чепеларе, Родопитѣ. 903. Юній. Кн. VI. Стр. 202—240.

— Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. 1901—1902 годъ. Парижъ. Май, 903. Стр. 67. Ц. 1 фр.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Т. VIII. Опредѣленіе доходности земельныхъ угодій. Часть III. Лѣсъ. Изд. уфимской губ. земской управы. Уфа. 903. Стр. 141+313. Ц. 2 р. съ пер.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1903 годъ. Вып. I. Состояніе озимыхъ посѣвовъ къ 1 мая. Вятка. 903. Стр. 84.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1902 годъ. Вып. I. Изд. нижегор. губ. земства. Нижній-Новгородъ. 903. Стр. 151+29. Ц. 50 к.

— Симферопольское общество исправительныхъ пріютовъ. Отчетъ о дѣятельности за 1901 и 1902 годы. Симферополь. 903. Стр. 98.

— Союзъ учрежденій дѣтской помощи въ Спб. Отчетъ о дѣятельности союза за 1902 годъ. Стр. 40.

— Справочная книжка объ учрежденіяхъ и заведеніяхъ дѣтской помощи въ Спб. 903. Стр. 124.

— 1902 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. Спб. 903. Стр. 388.

— 1903 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I. Съ картой. Спб 903. Стр. 65.

— Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ. Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи (1801—1901). Томъ I. Стр. 7+309+X. Т. II. Стр. 527. Т. XII. Стр. 525. Съ портретами, иллюстраціями и планами. Подъ руководствомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа ген. Н. Н. Бѣлявскаго, подъ ред. ген. Потто. Тифлисъ. 1901—1902.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Edmond Rostand. Discours de réception à l'Académie Française, le 4 juin 1903 (Paris, Eug. Fasquelle, éditeur); *Vicomte de Vogüé*,—Réponse au discours de E. Rostand (Paris, Librairie Plon).

„„Романтиками" и „Самаритянкой" вы „заняли мѣсто въ литературѣ", говоря языкомъ школьнаго педанта, неистребимаго въ каждомъ французскомъ литераторѣ. „Принцессу Грёзу" знали только ловцы жемчуга. Но очевидно „ловцовъ луны" больше,—и они васъ открыли, когда, закинувъ сѣть, вы побѣдно захватили луну вмѣстѣ съ человѣкомъ, спустившимся съ нея на землю. На второй день Рождества 1897 года родилось это радостное дитя („Сирано де-Бержеракъ"), и всѣ восторженно привѣтствовали его пришествіе. Ликованіе превзошло всѣ предѣлы: въ нѣсколько дней вы стали королемъ сцены, императоромъ, мессіей, національнымъ поэтомъ и вскорѣ поэтомъ міровымъ".

Этими цвѣтистыми, но искренними словами, отвѣчающими и настроенію академіи, и общественному мнѣнію всей Франціи, привѣтствовалъ М. де Вогюэ новаго академика, Эдмонда Ростана, на торжественномъ пріемѣ его во французскую академію, 4-го іюня текущаго года. Академическіе пріемы новыхъ членовъ всегда торжественны въ Парижѣ, но въ большинствѣ случаевъ это очень скучная, почти похоронная церемонія:—именитый и нарядный „весь Парижъ" собирается въ освященную традиціями залу palais Mazarin какъ бы для того, чтобы отдать „послѣднюю честь" писателю, и чтобы потомъ, быть можетъ, съ тѣмъ бо̀льшимъ спокойствіемъ забыть о немъ. Общественное мнѣніе обыкновенно мало заинтересовано академическими выборами; присяжные журналисты даютъ обязательный отчетъ о засѣданіи, даютъ обязательныя свѣдѣнія о новомъ академикѣ,—и тѣмъ дѣло кончается. Для того, чтобы пріемъ писателя въ академію сталъ „событіемъ", нужны особыя обстоятельства. За послѣдніе годы много шума въ прессѣ и въ обществѣ вызвало избраніе Пьера Лоти—и по совершенно своеобразной причинѣ: въ своей рѣчи писатель, избранный за литературныя заслуги, сталъ беззастѣнчиво похваляться своимъ пренебреженіемъ къ литературѣ, тѣмъ, что онъ никогда ничего не читалъ; этимъ онъ вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма ядовитую отповѣдь со стороны принимавшаго его академика. Причины, придавшія особый интересъ избранію Ростана въ академію,

совершенно противоположнаго свойства, Лоти настаивалъ на своей отреченности отъ національной литературы, и тѣмъ возбудилъ противъ себя общее негодованіе. Кстати сказать, экзотизмъ Лоти вовсе не внѣ литературныхъ традицій Франціи: въ немъ много чисто французской нарядности и погони за пестрыми, мимолетными ощущеніями. Напротивъ, Ростанъ обязанъ своимъ громкимъ торжествомъ тому, что онъ всецѣло воплотилъ все, что̀ дорого національнымъ чувствамъ французовъ въ литературѣ,—тому, что онъ воскресилъ забытыя формулы романтизма, сочетавъ ихъ съ современными требованіями избалованнаго французскаго вкуса, требующаго какъ можно больше изысканной нарядности и блеска формы. Творческіе таланты вносятъ въ литературу новыя мысли и этимъ мѣняютъ не содержаніе жизни, конечно, но—что̀ чрезвычайно важно для духовнаго роста и каждой націи, и всего человѣчества—отношенія къ явленіямъ, дѣлая людей болѣе понимающими, и потому болѣе свободными отъ случайнаго и мелко-житейскаго, углубляя также ихъ эстетическій вкусъ, отвлекая отъ соблазновъ внѣшней красоты, настроивая болѣе возвышенно и глубоко. Но такого рода умы и таланты оказываютъ свое воздѣйствіе не сразу; они слишкомъ пренебрегаютъ суетными интересами людей и царящими въ каждое данное время вкусами для того, чтобы „всѣ восторженно привѣтствовали ихъ пришествіе", какъ выражается Вогюэ, говоря о быстромъ и оглушительномъ успѣхѣ Ростана. Эти восторги выпадаютъ на долю талантовъ, сила которыхъ—не въ творчествѣ, а въ виртуозности, въ умѣніи затрогивать самыя отзывчивыя струны, повторять знакомое, ожидаемое и пріятное своимъ соотвѣтствіемъ общему настроенію,—но повторять это съ тѣмъ мастерствомъ формы, которое возбуждаетъ нервы, создавая иллюзію новизны.

Къ такимъ виртуозамъ, обладающимъ огромнымъ умѣньемъ разыгрывать варіаціи на старыя темы, принадлежитъ Ростанъ,—и этимъ онъ сразу покорилъ сердца своихъ соотечественниковъ. Академія назвала его „мессіей", хотя, казалось бы, это—самое неподходящее опредѣленіе для поэта, у котораго именно нѣтъ „миссіи", который ничего новаго не возвѣстилъ, а напротивъ того, зоветъ назадъ къ старому, почти забытому. Похвалы Вогюэ кажутся преувеличенными и во Франціи, гдѣ сказывается въ нѣкоторыхъ передовыхъ литературныхъ журналахъ отрицательное отношеніе къ этому любимцу публики, но все-же, если бы популярность Ростана не была твердо установившимся фактомъ, Вогюэ не счелъ бы себя въ правѣ привѣтствовать автора „Сирано" какъ „избранника націи". Единодушные панегирики новому академику во всей французской прессѣ доказываютъ, что Вогюэ не ошибся, что на этотъ разъ выборъ академіи совпалъ съ общественнымъ мнѣніемъ, и что „похвальное слово" Ро-

стану, въ противоположность обычнымъ учтивымъ комплиментамъ, которые произносятся по адресу каждаго новаго члена академіи при его пріемѣ, отмѣчено полной искренностью и убѣжденностью въ великихъ литературныхъ заслугахъ Ростана, оцѣненныхъ всей Франціей и увѣнчанныхъ теперь оффиціальнымъ торжественнымъ признаніемъ ихъ академіей.

Это отношеніе къ Ростану на нашъ взглядъ гораздо интереснѣе, чѣмъ самыя произведенія пѣвца „Сирано", „Орленка" и другихъ героевъ, замѣнившихъ дѣйствительные подвиги нарядными, гипнотизирующими фразами. Еслибы нужно было говорить о литературномъ значеніи Ростана, пришлось бы главнымъ образомъ выяснять, почему онъ, при всѣхъ своихъ блестящихъ внѣшнихъ качествахъ, все-же остается совершенно внѣ „большой литературы"; но фактъ всеобщаго признанія Ростана національнымъ поэтомъ par excellence придаетъ особый смыслъ его творчеству: оно становится показателемъ литературныхъ запросовъ и вкусовъ, показателемъ идеаловъ современной Франціи, и пріобрѣтаетъ большой психологическій интересъ. Франція признала, что Ростанъ вполнѣ выразилъ ея идеалы,—и прежде чѣмъ выяснить, въ чемъ эти идеалы заключаются, мы не можемъ не сказать, что, провозглашая свою солидарность съ Ростаномъ, французы сознаются въ очень печальной для нихъ истинѣ—въ своемъ духовномъ упадкѣ, въ стремленіи къ обманчивой нарядности чувствъ и, главное, словъ, за которыми скрывается полное равнодушіе къ внутренней правдѣ. Конечно, не вся Франція—заодно съ Ростаномъ, съ его прославителями и восторженными поклонниками; оттуда еще часто раздаются и, будемъ надѣяться, будутъ раздаваться искренніе и убѣжденные призывы къ освобожденію отъ лжи и лицемѣрія, отъ устарѣлыхъ традицій въ жизни и въ искусствѣ; но именно такіе отдѣльные смѣлые проповѣдники духовнаго обновленія идутъ противъ общаго теченія;—въ остальномъ, въ общественной жизни, въ событіяхъ, волнующихъ умы французовъ, въ лихорадочной погонѣ парижанъ за легкой славой, за ослѣпительной роскошью, въ ихъ легкомысленномъ обращеніи съ понятіями справедливости и правды, когда дѣло идетъ о личныхъ или партійныхъ интересахъ, во всемъ этомъ сказывается тяготѣніе къ идеалу минутнаго опьяненія торжествомъ и красивостью во всѣхъ проявленіяхъ жизни.

Звучныя, эффектныя драмы Ростана хорошо извѣстны у насъ, но напускное благородство, рисовка возвышенными чувствами и блестящая діалектика его героевъ не гипнотизируютъ ни русскую публику, ни русскихъ критиковъ; въ русской печати, какъ впрочемъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, кромѣ Франціи, установилось очень критическое отношеніе къ Ростану, и внутренняя пустота его яркихъ

стиховъ отмѣчается всѣми, кто предъявляетъ строгія требованія къ литературѣ. Вогюэ поэтому зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ славословіи Ростана, назвавъ его не только національнымъ, но и міровымъ поэтомъ.

Еслибы и не знать Ростана по его произведеніямъ, то о всемъ, что̀ онъ далъ своимъ соотечественникамъ, чѣмъ онъ ихъ соблазнилъ и ослѣпилъ, можно судить по его вступительной рѣчи въ академіи—истинно мастерскому произведенію въ своемъ родѣ. Рѣчь эта посвящена, по правиламъ французской академіи, предшественнику новоизбраннаго академика, т.-е. въ данномъ случаѣ драматургу Анри де-Борньé, автору патріотической трагедіи „La fille de Roland"; но, говоря о немъ, Ростанъ очень искусно свелъ рѣчь къ тѣмъ особенностямъ своего предшественника, которыми онъ самъ обладаетъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ Борньé, и на которыхъ основанъ его собственный успѣхъ. Онъ при этомъ сильно преувеличилъ талантъ и значеніе Борньé;—но это входитъ въ задачи академика, „отдающаго послѣднюю честь" своему предшественнику. Въ рѣчи Ростана Борньé обрисованъ не такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности: Ростану важно было указать на вѣрность стремленій Борньé, на тотъ идеалъ, который ему свѣтился,—и, преувеличивая достигнутые Борньé результаты, онъ съ тѣмъ большей свободой говоритъ о спасительности этого идеала, т.-е. о томъ, что Франція должна вернуться къ культу героевъ для того, чтобы снова воспрянуть духомъ и повѣрить въ свои силы, что нужно „возстановить права" героическихъ страстей (а главное—рѣчей), также какъ и запуганныхъ царствомъ разума нѣжныхъ чувствъ (вѣрнѣе,—нарядныхъ словъ о нѣжности),—другими словами, откровенно вернуться къ романтизму, который соотвѣтствуетъ національному характеру французовъ и сказывается во всѣ эпохи національнаго подъема. Романтизмъ, о которомъ мечтаетъ Ростанъ,—не совсѣмъ тотъ, который воплотился въ литературѣ начала XIX вѣка; въ его понятіе о романтизмѣ входитъ все героическое прошлое „старой Франціи", также какъ и тяготѣніе современныхъ французовъ къ словамъ и чувствамъ, освобождающимъ отъ суровой дѣйствительности,—другими словами, къ пышной риторикѣ и красивой внѣшности, прикрывающей равнодушіе къ торжеству правды, прикрывающей также побужденія эгоистическихъ инстинктовъ и аппетитовъ. Расцвѣтъ этого „новаго романтизма", въ которомъ въ сущности больше рисовки и поддѣльнаго эстетизма, чѣмъ искренней романтической страстности, воплотился въ псевдо-романтическихъ драмахъ Ростана, а начало того, что̀ онъ считаетъ освободительнымъ и истинно національнымъ движеніемъ, Ростанъ видитъ въ творчествѣ Борньé, и потому съ такой искренней убѣжденностью восхваляетъ своего предшественника. Его

ораторскій пріемъ былъ, конечно, понятъ аудиторіей, и въ своей отвѣтной рѣчи Вогюэ настаиваетъ на духовномъ родствѣ Борньé и Ростана, отдавая преимущество послѣднему. Ихъ соединяетъ, по словамъ Вогюэ, общее влеченіе къ возвышенному и геройскому въ душахъ людей: „И наибольшимъ паѳосомъ (la plus effrenée dans le sublime)—говоритъ онъ,—проникнута была душа не трагика Борньé, а автора комедій—Ростана". Этими словами Вогюэ подтверждаетъ, что защита „героически-чувствительнаго" рода литературы въ рѣчи Ростана относится не столько къ автору „Дочери Роланда", сколько къ поэту, написавшему „Сирано де-Бержеракъ" и „Принцессу Грёзу", и даетъ понять своими комплиментами, что идеалъ, къ которому стремился Борньé, вполнѣ достигнутъ Ростаномъ. Въ двухъ рѣчахъ Ростана и Вогюэ выясняются такимъ образомъ всѣ элементы, доставившіе Ростану его громкій успѣхъ и въ то же время отдѣлившіе его отъ серьезной литературы съ ея общечеловѣческими высокими задачами.

Въ рѣчи Ростана прежде всего сказывается главная черта его таланта—виртуозность формы. Академическую рѣчь онъ съумѣлъ превратить въ героическую комедію, сверкающую остроуміемъ, трогающую лиризмомъ отдѣльныхъ описаній, полную драматическихъ эффектовъ и завершающуюся „трубнымъ гласомъ"—призывомъ къ рѣшимости, къ геройству, къ твердости духа, къ восторженности,—т.-е. къ тому, что̀ такъ родственно и дорого французамъ, для которыхъ все сводится къ восторженнымъ словамъ. Ничего, кромѣ восторженныхъ и умиленныхъ словъ, въ рѣчи Ростана нѣтъ,—но ничего другого и не нужно, чтобы загипнотизировать французовъ, особенно когда на этихъ словахъ играетъ такой виртуозъ, какъ Ростанъ. Борньé родился въ Люнелѣ, и названіе этого города вызываетъ по своимъ звукамъ представленіе о лунѣ;—для Ростана этого созвучія достаточно, чтобы построить на немъ лирическій элементъ своей пьесы, т.-е. своей рѣчи: онъ называетъ жизнь Борньé „Исторіей ловца луны" (Histoire d'un pêcheur de lune) и описываетъ, основываясь на старой провансальской пѣснѣ, эту фантастическую ловлю луны изъ глубины прозрачныхъ водъ. Сравненіе поэта, мечтающаго о томъ, чтобы привить людямъ доблести легендарныхъ героевъ, съ рыбакомъ, мечтающимъ захватить въ свои сѣти луну, отраженную въ водѣ, принадлежитъ къ тому же роду театрально-поэтическихъ эффектовъ, какъ знаменитые „дуэльные куплеты" или строфы гасконскаго отряда (cadets de Gascogne) въ „Сирано де-Бержеракѣ". По формулѣ Ростана трогательность должна сочетаться съ остроуміемъ, порывъ лиризма долженъ завершиться вступленіемъ разума въ свои права, т.-е. мѣткостью заключенія—une pointe d'esprit; поэтому лирическая картина, введен-

ная Ростаномъ въ его академическую рѣчь, заканчивается именно такой pointe—указаніемъ на возвышенность поэтическаго призванія: „Вы поняли,—говоритъ Ростанъ, обращаясь къ слушателямъ,—что жители Люнеля—поэты: они ловятъ въ свои сѣти луну! Это—самая прекрасная ловля въ мірѣ,—потому что она единственная, которая невозможна въ мутной водѣ“. Конечно, такимъ „ловцомъ луны“ Ростанъ прежде всего считаетъ себя самого,—и Вогюэ, который какъ бы задался благородной цѣлью возвращать Ростану дары, великодушно расточаемые имъ своему предшественнику, спѣшитъ вернуть собственнику и этотъ, придуманный имъ для себя же эпитетъ; онъ говоритъ, что „Сирано“, обитатель луны, дарованъ землѣ счастливымъ ловцомъ, захватившимъ луну въ свои сѣти.

Для героической комедіи необходимъ высоко-драматическій моментъ, дѣйствующій на патріотическія чувства зрителей, — и такой моментъ есть и въ рѣчи Ростана. Матеріаломъ ему служитъ трагедія Борньé: „La fille de Roland“. Въ дѣйствительности это довольно скучная и вполнѣ условная героическая драма въ стихахъ, написанная въ 1868 г. и забракованная тогдашнимъ директоромъ Comédie Française, Эдуардомъ Тьерри. Но когда ее поставили послѣ 1870 г., она, благодаря обстоятельствамъ имѣла огромный успѣхъ: упавшимъ духомъ французамъ она напомнила о доблести и славѣ ихъ предковъ,—и этимъ возбудила безпредѣльные восторги. Хотя успѣхъ „Дочери Роланда“ созданъ былъ настроеніемъ публики, жаждавшей хотя бы призрачныхъ утѣшеній, а не художественными или идейными достоинствами драмы, но увлеченные и ослѣпленные своими собственными чувствами французы поспѣшили—съ обычнымъ легкомысліемъ—провозгласить польстившую ихъ патріотизму драму литературнымъ шедёвромъ. Въ настоящее время драма Борньé возобновлена въ Comédie Française и включена въ постоянный репертуаръ, но уже не имѣетъ и тѣни прежняго успѣха. Исторія этой драмы и ея успѣха превращена Ростаномъ въ драматическій центръ его рѣчи, и по поводу ея онъ высказываетъ самыя эффектно-благородныя мысли о высокомъ значеніи патріотической поэзіи: „Борньé, который стремился только къ великому и высокому, поднялъ мечъ, выпавшій изъ рукъ Роланда—знаменитый мечъ Дюрандаль—и вознесъ его высоко надъ своей головой... другой рукой онъ поднялъ мечъ Карла Великаго, Joyeuse, и скрестилъ эти два родственные клинка надъ своей головой... и хотя онъ потомъ и выпустилъ изъ рукъ оба меча, все-же никогда не должно быть забыто, что надъ его головой сверкало стальное сіяніе этихъ двухъ скрещенныхъ клинковъ... „Дочь Роланда“—одинъ изъ послѣднихъ отзвуковъ трубы Роланда, звавшаго въ минуту отчаянія только Карла Великаго, но на звуки котораго откликаются

далекіе потомки... Когда, въ незабвенный вечеръ 1875 года, поднявшаяся съ мѣстъ потрясенная публика услышала со сцены, что герой вышелъ побѣдителемъ изъ поединка съ врагомъ, эти отрадныя слова прозвучали изъ глубины прошлаго какъ утѣшающая нѣжная ласка... Когда раздалось старинное родное выраженіе: „O France! Douce France!"—Франціи показалось, что въ первый разъ послѣ пораженія ее назвали по имени, и она залилась слезами, какъ выздоравливающіе, которые чувствуютъ себя возвращенными къ жизни, узнавъ свое имя. Всѣ эти собравшіеся вмѣстѣ сыновья своей родины, которымъ благочестивый братъ напомнилъ старинное и лучшее имя ихъ матери, встрепенулись, оглянулись съ волненіемъ другъ на друга и сразу всѣ вмѣстѣ вспомнили о прелести (la douceur) Франціи"! Можно ли представить себѣ болѣе виртуозную игру на патріотическихъ чувствахъ, чѣмъ въ этомъ тонкомъ панегирикѣ посредственной драмы, выдвинутой на минуту историческими обстоятельствами въ разрядъ первостепенныхъ произведеній литературы? Ростану нѣтъ дѣла до того, что чувства и понятія современнаго человѣчества осложнились, что индивидуализмъ расширилъ понятіе о свободѣ, и что идеи справедливости и правды вытѣснили въ передовой, мыслящей литературѣ служеніе кумирамъ національнаго славолюбія и наивнаго патріотическаго самообольщенія. Онъ знаетъ, что чувства и симпатіи большинства—на сторонѣ старыхъ кумировъ; знаетъ, что гордымъ и умиленнымъ восклицаніемъ: „o douce France!" онъ окончательно покоритъ свою аудиторію. Все обаяніе его „Сирано" и отчасти „Орленка" основано на восхваленіи національной отваги, національной находчивости и неунывающаго юмора, національной жажды громкихъ побѣдъ, трубныхъ звуковъ, славы и блеска... главное—блеска. Все, что онъ говоритъ о „Дочери Роланда", имѣетъ цѣлью напомнить академіи о его собственныхъ патріотическихъ заслугахъ,—и академія спѣшитъ признать эти заслуги: „Мы утратили нашъ Дюрандаль, — говоритъ Вогюэ, чтобы почтить память предшественника Ростана, — вы приносите намъ Жуаёзу"... и въ другомъ мѣстѣ: „Франція воспрянула... она царитъ въ мірѣ духовныхъ интересовъ, благодаря своимъ ученымъ, своимъ художникамъ, своимъ поэтамъ—такимъ, какъ вы".

Самое характерное и патетическое мѣсто въ рѣчи Ростана—его защита того, что опредѣляется непереводимымъ французскимъ словомъ: „panache". Слово это часто употребляется въ ироническомъ смыслѣ, обозначая крикливое хвастовство, рисовку, самоупиваніе гордыми фразами, пустоту, скрытую подъ звучными фразами, задорный патріотизмъ. Слово это слишкомъ часто примѣнялось въ такомъ именно смыслѣ къ пьесамъ Ростана, чтобы онъ не воспользовался случаемъ реабилитировать его подъ предлогомъ восхваленія Борнье,

тоже писавшаго „drames à panache". Защита Ростана действительно блестящая—более блестящая, чемъ убедительная. „Panache", по его объясненiю—соединенiе геройства съ грацiей, величiя духа съ легкостью, уменье шутить передъ опасностью, какъ бы извиняться съ улыбкой за свое геройство. Ростанъ даетъ еще много другихъ остроумныхъ определенiй этого слова,—все для того, чтобы превратить основное свойство своихъ нацiональныхъ героевъ, ихъ бравады, нарядность ихъ чувствъ, ихъ поступковъ и словъ—въ качество, дающее имъ превосходство надъ более тяжелыми доблестями и добродетелями другихъ нацiй. Своихъ соотечественниковъ ему вероятно удалось убедить въ томъ, что рисовка возвеличиваетъ героевъ,—но кроме французовъ врядъ ли кто-нибудь сдастся на его виртуозные доводы. Съ нимъ можно только согласиться въ томъ, что „panache"—свойство не только героевъ его драмъ, но всехъ французовъ всехъ временъ, кроме, конечно, отдельныхъ натуръ, свободныхъ отъ этой нацiональной черты.

Ростанъ заканчиваетъ свою речь воззванiемъ къ „реабилитацiи" страстныхъ, геройскихъ чувствъ, а также искренней отзывчивости и восторженности. Эти нацiональныя чувства онъ противопоставляетъ разрушительному влiянiю иронiи и скептицизма, породившаго новую черту во французской жизни—„la blague". Къ этому понятiю онъ относитъ все новейшiя порожденiи французскаго вкуса, — все современное искусство, эстетизмъ, жажду философскаго синтеза въ символической поэзiи и т. д. Ростанъ говоритъ тутъ, конечно, pro domo sua. „Реабилизацiя героизма" осуществлена, по его мненiю, въ нарядныхъ и звенящихъ стихахъ, где шелестятъ шолковыя ткани его томныхъ, мечтательныхъ героинь, скрещиваются клинки его задорныхъ, парадирующихъ своимъ остроумiемъ героевъ и утопаютъ въ псевдомистическихъ излiянiяхъ слишкомъ громкiя чувства любви, слишкомъ шумная „тоска по идеалу". Но если онъ думаетъ, что весь его псевдо-героизмъ, вся его псевдо-красота не есть виртуозная „blague", т.-е. обманъ высокими словами, то съ нимъ, быть можетъ, согласится французская академiя, согласится публика, наполняющая французскiе театры, но никогда не согласятся те, кому дороги интересы серьезнаго, искренняго и правдиваго искусства.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1903.

Новыя проявленія стариннаго недуга. — Преобразованіе столичнаго общественнаго управленія передъ судомъ ретроградной прессы. — Инструкція о порядкѣ производства въ С.-Петербургѣ городскихъ выборовъ.—Интересная рѣчь.—Вопросъ о „чести мундира".—Дѣло Золотовой.—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ †.

Болѣе чѣмъ когда-либо, съ нѣкоторыхъ поръ, распространенъ въ части нашего общества и нашей печати старый русскій недугъ— вѣра въ спасительную опеку начальства, ожиданіе отъ него, и только отъ него, великихъ и богатыхъ милостей. Исцѣленія всѣхъ золъ, удовлетворенія всѣхъ нуждъ рекомендуется искать въ усиленіи власти, не знающемъ ни мѣры, ни границы. „Распоряжайтесь нами, думайте и рѣшайте за насъ, не считайте насъ политически совершеннолѣтними"—вотъ мольба, которую приходится слышать чуть не ежедневно. Знаменитая фраза объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ" (beschränkter Unterthanenverstand), сказанная, много лѣтъ тому назадъ, отъ имени прусскаго правительства, повторяется у насъ, въ разныхъ видахъ и формахъ, самими управляемыми, съ какимъ-то своеобразнымъ наслажденіемъ подчеркивающими свою неспособность къ самостоятельной общественной дѣятельности. Особенно ярко это самоуничиженіе, вызванное „страшною вѣрностью привычкамъ рабства", отразилось въ длинномъ рядѣ статей, посвященномъ „Московскими Вѣдомостями" преобразованію с.-петербургскаго городского общественнаго управленія. Основная ихъ нота—скорбь при видѣ уменьшившихся (едва замѣтно) административныхъ прерогативъ, негодованіе при видѣ нѣсколько (чуть-чуть) большаго простора, предоставленнаго самоуправленію. Какъ! Думѣ разрѣшается обсудить лишній разъ дѣла, оставшіяся неразрѣшенными за неприбытіемъ достаточнаго числа гласныхъ; управѣ и думѣ дается возможность остановиться исполненіемъ предложенія, идущаго отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и разборъ встрѣченныхъ при этомъ затрудненій ввѣряется „учрежденію губернскаго типа" (особому по дѣламъ города С.-Петербурга присутствію); на должность городского головы представляется думой не два кандидата, а только одинъ, и этимъ ограничивается свобода окончательнаго рѣшенія власти; званіе предсѣдателя думы отдѣляется отъ зва-

нія городского головы, и лицо, избранное предсѣдателемъ, вступаетъ въ должность безъ предварительнаго утвержденія въ ней; не нуждается въ утвержденіи и гласный, избранный думою въ члены особаго присутствія по дѣламъ города С.-Петербурга; градоначальникъ является только членомъ, а не предсѣдателемъ этого присутствія, и вообще теряетъ значеніе, которое принадлежало ему до сихъ поръ въ дѣлахъ городского общественнаго управленія; сношенія городской управы съ градоначальникомъ облекаются (horribile dictu!) въ форму *отношеній*, а не *представленій*; жалобы на управу приносятся исключительно думѣ (до сихъ поръ онѣ могли быть приносимы и градоначальнику); въ составъ избирателей, въ видѣ „уступки либераламъ“, вводятся квартиронаниматели! Вѣдь это все явныя нарушенія реакціонной программы, тѣмъ болѣе чувствительныя, чѣмъ радужнѣе были надежды, возлагавшіяся, въ извѣстныхъ сферахъ, на пересмотръ Городового Положенія! Ожидался новый, сильный ударъ ненавистному началу, новый, рѣшительный поворотъ назадъ, къ „доброму старому времени“,—и вдругъ получается нѣчто совсѣмъ иное, кое въ чемъ прямо противоположное! Понятно, что поклонники административнаго „усмотрѣнія“, добровольцы абсолютнаго послушанія, считающіе „смѣлостью“ „собственное сужденіе“ обывателей въ общественномъ дѣлѣ, должны были придти въ священный ужасъ и пустить въ ходъ, противъ столь опасныхъ нововведеній, самую тяжелую артиллерію своего арсенала. Слѣдить за всѣми изгибами ихъ аргументаціи было бы излишне и не интересно; остановимся лишь на нѣсколькихъ главныхъ пунктахъ, бросающихъ отраженный свѣтъ и на всѣ остальные.

Оплакивая уменьшеніе числа кандидатовъ, представляемыхъ для замѣщенія должности городского головы, „Московскія Вѣдомости“ утверждаютъ, что „выборъ двухъ кандидатовъ на наиболѣе отвѣтственные посты общественной службы *доказалъ свою цѣлесообразность на долгомъ опытѣ, напримѣръ, дворянскихъ учрежденій*. На должность губернскаго предводителя выбираются два кандидата, и были случаи, хотя сравнительно рѣдкіе, когда утвержденія удостоивались не тѣ кандидаты, за которыхъ было подано большинство голосовъ“. Такой же порядокъ существовалъ до сихъ поръ и по отношенію къ должности с.-петербургскаго городского головы, — „и *никогда не было слышно*, чтобы столица имѣла неспособнаго голову, потому что правительство отдало предпочтеніе неспособному кандидату. Петербургъ не можетъ похвалиться дѣятельностью своихъ головъ въ послѣднее время, *но никому не приходило даже на мысль*, что это имѣетъ какую-нибудь связь съ обязанностью думы выбирать двухъ кандидатовъ“.

Прочитавъ эти строки, можно подумать, что ихъ авторъ знакомъ съ русской жизнью только по наслышкѣ. Именно практика дворянскихъ учрежденій обнаруживаетъ съ полною очевидностью *нецѣлесообразность* порядка, столь усердно защищаемаго московской газетой. Дворянское собраніе почти всегда имѣетъ лишь *одного* дѣйствительно излюбленнаго кандидата въ губернскіе предводители; выборъ второго кандадата почти всегда представляется ничѣмъ другимъ, какъ исполненіемъ формальности, и требуетъ величайшихъ предосторожностей, искусныхъ маневровъ, чтобы число избирательныхъ шаровъ оказалось не слишкомъ большимъ и не слишкомъ малымъ. Въ первомъ случаѣ оно можетъ превысить число шаровъ, полученныхъ *настоящимъ* кандидатомъ,—а это, въ свою очередь, можетъ повлечь за собою утвержденіе предводителемъ не того лица, котораго хочетъ, которому сочувствуетъ большинство; во второмъ случаѣ лицо, великодушно согласившееся выступить фиктивнымъ кандидатомъ, можетъ оказаться забаллотированнымъ, послѣ чего нелегко будетъ найти охотника продѣлать ту же процедуру и подвергнуться тому же риску. Существуетъ, слѣдовательно, двоякая опасность—„переложить“ и „не доложить“, и всѣ усилія баллотирующихъ направлены къ тому, чтобы избѣжать какъ того, такъ и другого. Когда оба подводные камня благополучно обойдены, остается еще третій: возможность утвержденія предводителемъ второго кандидата, вовсе не предназначавшагося дворянствомъ на эту должность. Кто попалъ въ предводители такимъ путемъ, вовсе того не ожидая и, бо̀льшею частью, не желая, тому предстоитъ на выборъ: или сложить съ себя званіе, доставшееся ему, въ сущности, по недоразумѣнію, или принять его, рискуя всѣми неудобствами случайнаго, можетъ быть даже фальшиваго положенія. Первый случай мы видѣли недавно въ Черниговѣ, гдѣ утвержденный предводителемъ второй кандидатъ отказался вступить въ должность, и на новыхъ выборахъ, назначенныхъ по ходатайству дворянства, наибольшее число голосовъ опять получилъ прежній первый кандидатъ. Второй случай, если насъ не обманываетъ память, имѣлъ мѣсто, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ, гдѣ второй кандидатъ, нежданно попавъ въ предводители, очень недолго выдержалъ непосильное бремя... Столь же несостоятеленъ доводъ, заимствуемый московской газетой изъ практики петербургскаго городского общественнаго управленія. Ни о чемъ, кажется, не сложилось въ печати и въ публикѣ такого единодушнаго мнѣнія, какъ о дѣятельности нынѣшняго петербургскаго городского головы,—и это мнѣніе подтверждается массою фактовъ, достовѣрность которыхъ не возбудила и не возбуждаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Столь же безспорно и

то, что петербургская дума, избирая П. И. Лелянова *вторымъ* кандидатомъ на должность городского головы, вовсе не предполагала, что онъ получитъ и займетъ эту должность. И здѣсь, слѣдовательно, опытъ доказываетъ вовсе не то, что̀ такъ категорически утверждаютъ „Московскія Вѣдомости". Конечно, въ теоріи легко представить себѣ избраніе двухъ кандидатовъ одинаково способныхъ и достойныхъ, одинаково желательныхъ для избирающей ихъ корпораціи или сословія; но практика идетъ въ разрѣзъ съ теоріей, удостовѣряя, что чѣмъ важнѣе должность, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ замѣщенію ея именно *даннымъ* лицомъ, настоящимъ избранникомъ большинства. Прибавимъ, впрочемъ, что съ точки зрѣнія *принципа самоуправленія* замѣна двухъ кандидатовъ однимъ никакой перемѣны къ лучшему не представляетъ, разъ что городской голова по прежнему *назначается* Высочайшею властью. Назначеніе лица, думою не представленнаго, возможно и при одномъ кандидатѣ, и при двухъ - и во второмъ случаѣ оно, говоря словами „Московскихъ Вѣдомостей", еще больше „способно возбудить толки и страсти", чѣмъ въ первомъ.

Гораздо важнѣе, чѣмъ уменьшеніе числа кандидатовъ, другое нововведеніе, удостоившееся осужденія „Московскихъ Вѣдомостей"—отдѣленіе званія городского головы отъ званія предсѣдателя думы. И здѣсь совершенно ошибочна, прежде всего, исходная точка московской газеты. Предсѣдательство городского головы какъ въ думѣ, такъ и въ управѣ, имѣетъ, по ея словамъ, „весьма большое значеніе для цѣльности, единодушія и единства этихъ двухъ, взаимно другъ друга дополняющихъ учрежденій и въ теченіе болѣе чѣмъ тридцатилѣтней практики успѣло вполнѣ у насъ привиться, *не вызывая рѣшительно никакихъ существенныхъ неудобствъ при своемъ примѣненіи*". Чтобы судить о томъ, до какой степени эти послѣднія слова несогласны съ истиной, достаточно припомнить съ одной стороны исторію московской городской думы при городскомъ головѣ Алексѣевѣ, съ другой—послѣднія пять лѣтъ дѣятельности с.-петербургской городской думы. Только соединеніе въ одномъ лицѣ предсѣдательства въ городской думѣ и въ городской управѣ сдѣлало возможнымъ тотъ прямолинейный, неукротимый деспотизмъ, который обратилъ московскую думу въ безгласное орудіе своего головы. Исполненный самыхъ лучшихъ намѣреній, замѣчательно энергичный и работоспособный, Алексѣевъ ошибался, и иногда весьма крупно, именно потому, что некому было сдерживать его порывы, некому было ограждать самостоятельность гласныхъ. Гдѣ достаточно было бы *вліянія*, онъ домогался *всевластія* — и этимъ несомнѣнно вредилъ ввѣренному ему дѣлу. Такія же домогательства, но безъ положительныхъ качествъ

Алексѣева, мы видѣли, въ теченіе пяти лѣтъ, въ с.-петербургской городской думѣ... Что „цѣльность, единодушіе и единство“ учрежденій распорядительнаго и исполнительнаго возможны и при раздѣленіи предсѣдательства — это доказываетъ сорокалѣтняя земская практика. Конечно, предсѣдательство предводителя дворянства въ земскомъ собраніи оказывается иногда не совсѣмъ удобнымъ; но почему? Не потому, что онъ не предсѣдательствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ земской управѣ, а потому, что онъ не связанъ непосредственно съ собраніемъ, не имъ выбирается, не всегда даже принадлежитъ къ числу его выбранныхъ членовъ и далеко не вполнѣ огражденъ отъ постороннихъ вліяній. Все это, однако, чувствуется большею частью только тогда, когда собраніемъ обсуждаются вопросы общаго характера, обращающіе на себя особое и не всегда благосклонное вниманіе администраціи,—а обезпеченію свободы преній по такимъ вопросамъ едвали способствовалъ бы предсѣдатель земской управы, еще больше чѣмъ предводитель зависимый отъ мѣстной и центральной власти. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ предводитель, въ качествѣ лица неприкосновеннаго къ исполнительной части земскаго хозяйства, имѣетъ, какъ предсѣдатель собранія, неоспоримое преимущество передъ предсѣдателемъ управы, который на каждомъ шагу долженъ отвѣчать на запросы, нерѣдко переходящіе въ нападеніе, давать объясненія, иногда похожія на оправданія. Положенію предсѣдателя земской управы соотвѣтствуетъ положеніе городского головы, какъ предсѣдателя городской управы,—и это вполнѣ достаточный аргументъ противъ предсѣдательствованія его въ городской думѣ. Какъ легко совмѣщеніе несовмѣстимаго становится источникомъ злоупотребленій — это указано въ предъидущей общественной хроникѣ нашего журнала.

За раздѣленіемъ предсѣдательскихъ функцій идетъ нѣчто еще болѣе устрашающее реакціонную газету: предсѣдатель думы—а также избранный думой членъ особаго по дѣламъ города С.-Петербурга присутствія —ни въ какомъ утвержденіи не нуждается и „вступаетъ въ должность безъ всякой аппробаціи правительственной власти“. Это „рѣшительное отступленіе отъ важной и существенной по своей принципіальности традиціи“, „первая брешь“, за которою слишкомъ легко могутъ послѣдовать другія. Да, традиція нарушена—но какая традиція? Прежде всего, въ настоящихъ ея размѣрахъ, очень недавняя. Земское положеніе 1890-го года, учреждая губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе и вводя въ его составъ члена по выбору губернскаго земскаго собранія, не требовало утвержденія этого выбора: оно установлено нѣсколько позже. При дѣйствіи прежнихъ положеній, земскаго и городского, утвержденію подлежали далеко не всѣ выборныя должностныя

лица... Чѣмъ шире, притомъ, примѣнялось условіе административнаго утвержденія, тѣмъ меньше оно соотвѣтствовало настоящему характеру выборныхъ должностей. Чѣмъ является, напримѣръ, выборный отъ города (или отъ земства) членъ губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія? Очевидно—уполномоченнымъ города (или земства), участвующимъ, отъ его имени, въ рѣшеніи вопросовъ, спорныхъ между нимъ и администраціею. Нормально ли, затѣмъ, допущеніе его къ исполненію этой обязанности не иначе, какъ съ согласія администраціи, т.-е., говоря языкомъ процессуальнымъ, съ согласія противной стороны? [1]) Всѣ протесты, подлежащіе разсмотрѣнію присутствія, приносятся представителемъ администраціи, для котораго, конечно, не безразлична степень независимости лицъ, которыми будутъ обсуждаться эти протесты. Необходимость административнаго утвержденія уменьшаетъ, такимъ образомъ, вѣроятность самостоятельнаго отношенія къ дѣлу — и наоборотъ. Съ другой стороны, не смѣшно ли бить тревогу изъ-за того, что въ присутствіи, состоящемъ изъ десяти членовъ, рядомъ съ *пятью* лицами, назначенными правительствомъ (предсѣдатель, градоначальникъ, управляющій казенною палатою, прокуроръ окружного суда и членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ) и *тремя*, имъ утвержденными (губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы и городской голова), будутъ засѣдать *двое* выборныхъ, никѣмъ не утвержденныхъ (предсѣдатель думы и одинъ изъ гласныхъ)? Не ясно ли, что участіе послѣднихъ, служа гарантіей всесторонняго выясненія каждаго дѣла, отнюдь не даетъ выборному элементу преобладанія надъ остальными, особенно въ виду принадлежащаго предсѣдателю права пріостановить исполненіе каждаго постановленія присутствія?... Безспорно, допущеніе въ составъ столичнаго присутствія никѣмъ не утвержденныхъ представителей думы заставляетъ ожидать, что необходимость утвержденія выборныхъ членовъ будетъ отмѣнена и для всѣхъ вообще присутствій по земскимъ и городскимъ дѣламъ; но никакой пертурбаціи въ дѣятельность присутствій это не внесетъ и едва замѣтно измѣнитъ къ лучшему положеніе земскаго и городского самоуправленія.

Болѣе крупнымъ шагомъ впередъ слѣдуетъ признать учрежденіе званія предсѣдателя думы, безъ подчиненія его административному утвержденію. Обѣ стороны этого нововведенія тѣсно связаны между собою. Разъ что найдено было возможнымъ предоставить думѣ из-

---

[1]) Мы очень хорошо знаемъ, что полнаго тождества между членами смѣшаннаго присутствія и повѣренными тяжущихся сторонъ не существуетъ,—но аналогія, достаточная для обоснованія нашей мысли, есть несомнѣнно.

браніе своего предсѣдателя исключительно для веденія ея засѣданій, совершенно естественно было обезпечить за нею возможность поставить на это мѣсто наиболѣе цѣнимое и уважаемое ею лицо, безъ всякихъ ограниченій и стѣсненій. Не особенно удобнымъ и пріятнымъ было бы положеніе того, кто попалъ бы на предсѣдательское кресло лишь послѣ неутвержденія раньше избраннаго лица (или, тѣмъ болѣе, нѣсколькихъ послѣдовательно избранныхъ лицъ). Онъ чувствовалъ бы, что не на немъ сосредоточивается само собою довѣріе избирателей, что онъ является для нихъ, по англійскому выраженію, только second best, что они выбрали его только à défaut de mieux. Не имѣя полной увѣренности въ поддержкѣ большинства, онъ затруднялся бы руководить преніями съ надлежащею твердостью—или форсировалъ бы, за недостаткомъ предсѣдательскаго авторитета, ноту предсѣдательской власти. Неудобно было бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ часто представлять на утвержденіе высшаго правительства вновь выбранныхъ предсѣдателей,—а установить избраніе предсѣдателя на продолжительный срокъ было бы нецѣлесообразно, особенно на первое время. Можно быть очень полезнымъ гласнымъ—и оказаться мало способнымъ предсѣдателемъ: а какъ важно умѣлое предсѣдательство—въ этомъ можно было убѣдиться, a contrario, читая, въ послѣдніе годы, отчеты о засѣданіяхъ петербургской городской думы. Нужно ли доказывать, наконецъ, что для успѣшнаго предсѣдательства въ столичной думѣ нѣтъ надобности быть persona gratissima столичной администраціи? Предсѣдателю, злоупотребляющему своими правами или не исполняющему своихъ обязанностей, грозитъ, по закону, довольно строгая отвѣтственность; всякая добавочная гарантія, въ видѣ возможнаго отказа въ утвержденіи, была бы очевиднымъ плеоназмомъ... Характерно указаніе „Московскихъ Вѣдомостей" на ту политику, которой, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы держаться правительству, вмѣсто „опасной въ принципіальномъ отношеніи ломки закона": „стоило бы только, въ видѣ „временной" мѣры, утверждать въ должности съ нѣкоторою снисходительностью, съ меньшимъ разборомъ, *чтобы не могло быть и рѣчи о неудобствахъ существующаго порядка*", а въ случаѣ неудачи опыта — прекратить его по усмотрѣнію самой администраціи. Рекомендуется, такимъ образомъ, усыпленіе общественнаго мнѣнія, отводъ глазъ отъ „неудобствъ" закона. Едва ли подобный образъ дѣйствій былъ бы согласенъ съ достоинствомъ правительства.

По истинѣ высокой степени комизма заботливость „Московскихъ Вѣдомостей" объ административныхъ прерогативахъ достигаетъ тогда, когда идетъ рѣчь о предсѣдательствѣ въ особомъ по дѣламъ города

С.-Петербурга присутствіи. „Существуетъ ли, по крайней мѣрѣ“—спрашиваетъ газета—„*достаточная зависимость* предсѣдателя присутствія отъ министра внутреннихъ дѣлъ“? Первоначально предполагалось, что онъ будетъ назначаться Высочайшею властью по представленію министра—но въ текстъ закона послѣднія слова не вошли; „слѣдуетъ ли это отнести къ уступкѣ въ пользу большей служебной независимости предсѣдателя присутствія“? Пристрастіе газеты къ зависимости, достигаетъ здѣсь своего крайняго выраженія. Ей мало того, что зависимыми оказываются органы самоуправленія—думы, земскія собранія, управы: она хотѣла бы внести излюбленный ею принципъ во всѣ отрасли управленія, на всѣ ступени чиновной іерархіи, кромѣ одной, самой высшей (т.-е. министра). Новый законъ, „повысивъ въ рангѣ“ (выраженіе „Московскихъ Вѣдомостей“) столичное общественное управленіе, призналъ нужнымъ соотвѣтственно повысить и стоящую надъ нимъ инстанцію; съ этою цѣлью во главѣ столичнаго присутствія поставленъ особый предсѣдатель, назначаемый Высочайшею властью. Никакихъ неудобствъ, съ бюрократической точки зрѣнія, самостоятельность такого лица не представляетъ,—а съ точки зрѣнія городскихъ интересовъ она далеко не излишня. Нужно быть настоящимъ мономаномъ зависимости, чтобы даже при подобныхъ условіяхъ сокрушаться надъ ея недостаткомъ.

Въ виду приближенія первыхъ выборовъ въ преобразованную новымъ закономъ петербургскую городскую думу, немалый интересъ представляетъ инструкція о порядкѣ ихъ производства, составленная городской управой и утвержденная министромъ внутреннихъ дѣлъ. По справедливому замѣчанію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, устанавливаемые ею избирательные порядки представляются нѣсколько громоздкими, тяжеловатыми. Трудно исполнима и сопряжена съ большой потерей времени возлагаемая на предсѣдателя избирательной коммиссіи обязанность удостовѣриться въ личности подающаго избирательную записку и въ правѣ его на участіе въ выборахъ; гораздо проще и легче та же цѣль достигалась бы предварительной разсылкой избирателямъ особыхъ карточекъ, предъявленія которыхъ было бы достаточно для допущенія къ выборамъ. Введеніемъ ихъ и теперь еще было бы не поздно дополнить инструкцію. Едва ли, далѣе, необходимо затруднять избирателей обязательной отмѣткой въ избирательной запискѣ званія, имени и отчества лицъ, намѣчаемыхъ въ гласные, а также ихъ нумеровъ по общему избирательному списку

(который избирателямъ не разсылается); достаточно было бы установить, что если нѣсколько лицъ, могущихъ быть избранными въ данномъ участкѣ, носятъ одну и ту же фамилію и, слѣдовательно, означеніе избираемаго только по фамиліи даетъ поводъ къ недоумѣнію, то записка, въ этой ея части, признается недѣйствительною. Нѣтъ основанія требовать, чтобы имена кандидатовъ въ гласные были непремѣнно *написаны*; можно было бы допустить и отпечатаніе ихъ (напр. на ручной машинкѣ). Недостаточная ясность нѣкоторыхъ постановленій инструкціи открываетъ возможность разнорѣчиваго ихъ толкованія. Высказывается, напримѣръ, предположеніе, что для записыванья избираемыхъ будутъ *выдаваться* особыя записки, заполненіе которыхъ обязательно должно происходить въ присутствіи избирательной коммиссіи. Намъ кажется, что отсутствіе въ инструкціи прямого указанія по этому предмету должно быть понимаемо иначе: избирательной запиской, въ виду ст. 23-й инструкціи, можетъ служить любой полулистъ чистой бѣлой бумаги обыкновеннаго формата, а заполнять записки, по смыслу ст. 37-й закона 8-го іюня, можно и заранѣе.

Любопытны правила, установляемыя инструкціею (ст. 43—47) относительно предварительныхъ собраній избирателей—собраній, частнымъ образомъ встрѣчавшихся и прежде, но теперь въ первый разъ узаконяемыхъ. Избирателямъ предоставляется въ теченіе двухъ недѣль до срока, назначеннаго для выборовъ, образовывать для совѣщанія о кандидатахъ въ гласные особыя предварительныя собранія. О желаніи своемъ образовать такое собраніе избиратели заявляютъ предсѣдателю подлежащей избирательной коммиссіи, который и назначаетъ время собранія не позднѣе трехъ дней до выборовъ, извѣщая о предстоящемъ собраніи и мѣстѣ его какъ избирателей своего разряда или участка, такъ и градоначальника, по крайней мѣрѣ, за два дня до собранія. Предварительныя собранія происходятъ въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ для того городскою управою, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя избирательной коммиссіи. Градоначальнику предоставляется назначать, для присутствованія на собраніяхъ, кого-либо изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ. На предварительныхъ собраніяхъ могутъ присутствовать лишь избиратели и при томъ только даннаго разряда или участка. Никакихъ баллотировокъ на предварительныхъ собраніяхъ не допускается и протоколовъ засѣданій не ведется. Предсѣдатель обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы сужденіе въ собраніи ограничивалось исключительно лишь предметомъ, для обсужденія коего собраніе созвано, и закрыть собраніе, если на немъ допущены будутъ сужденія, выходящія изъ границъ дозволеннаго, или если закрытія

собранія потребуетъ представитель градоначальника. Нельзя сказать, чтобы эти правила отличались достаточною опредѣлительностью и полнотою. Изъ нихъ не видно, какъ велико должно быть число избирателей, заявляющихъ о желаніи созвать предварительное собраніе; какимъ путемъ извѣщаются о немъ избиратели; можетъ ли быть въ одномъ и томъ же участкѣ нѣсколько, слѣдующихъ одно за другимъ, предварительныхъ собраній; можетъ ли происходить на собраніяхъ бесѣда о задачахъ, предстоящихъ городскому общественному управленію. Намъ кажется, что, при отсутствіи всякихъ ограничительныхъ по этому предмету правилъ, созывъ собранія обязателенъ, хотя бы о томъ просили только два избирателя даннаго участка, и собраній можетъ быть и нѣсколько, если того потребуютъ избиратели. Извѣщать избирателей о днѣ и мѣстѣ собранія слѣдовало бы повѣстками, такъ какъ объявленіе въ газетѣ или газетахъ можетъ и не дойти до ихъ свѣдѣнія. Хотя предметомъ собраній, по буквальному смыслу инструкціи, должно служить только совѣщаніе о кандидатахъ въ гласные, но содержательными и полезными такія совѣщанія могутъ оказаться только тогда, когда будутъ касаться будущей дѣятельности думы. Для каждаго участвующаго въ выборахъ важно знать не мнѣніе избирателей о личныхъ качествахъ того или другого возможнаго кандидата—мнѣніе, высказывать которое, особенно въ присутствіи обсуждаемаго лица, не очень-то и удобно,—а различные взгляды на обязанности гласнаго, на нужды городского хозяйства, на способы и средства ихъ удовлетворенія. Выясненіе этихъ взглядовъ приведетъ само собою къ группировкѣ кандидатовъ, между которыми каждому избирателю и можно будетъ сдѣлать вполнѣ сознательный выборъ. Достигнуть намѣченной такимъ образомъ цѣли въ *одномъ* собраніи очень трудно, почти невозможно; между тѣмъ, періодъ времени, въ теченіе котораго разрѣшенъ созывъ собраній, весьма кратокъ и сокращается еще больше, съ одной стороны,—необходимостью по крайней мѣрѣ за два дня увѣдомить избирателей и градоначальника о назначеніи собранія, съ другой—правомъ предсѣдателя отсрочивать созывъ собранія почти до самаго конца вышеупомянутаго періода. Нравственною обязанностью избирателей мы считаемъ, поэтому, возможно раннее, даже до начала двухнедѣльнаго срока, заявленіе о созывѣ собранія, нравственною обязанностью городского головы—возможно раннее образованіе избирательныхъ коммиссій [1]), нравствен-

[1]) За силою ст. 21-ой инструкціи, избирательныя коммиссіи *должны* быть образованы *не позднѣе* какъ за двѣ недѣли до начала выборовъ. Отсюда ясно, что онѣ *могутъ* быть образованы и раньше.

ною обязанностью предсѣдателей коммиссій — возможно быстрый созывъ перваго предварительнаго собранія, такъ чтобы за нимъ могли послѣдовать еще другія. Только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій предварительныя собранія могутъ привести къ желанному результату— и вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятно отозваться на дальнѣйшемъ ходѣ городскихъ дѣлъ. Большую роль должны и могутъ сыграть при этомъ квартиронаниматели, впервые — къ сожалѣнію, въ очень ограниченномъ числѣ—допущенные къ участію въ столичномъ самоуправленіи.

Собранія, состоящія исключительно изъ избирателей (домовладѣльцевъ, купцовъ, нанимателей сравнительно дорогихъ квартиръ), обсуждающія исключительно предстоящіе городскіе выборы и руководимыя предсѣдателемъ, облеченнымъ широкими полномочіями,—едва ли могутъ сдѣлаться театромъ безпорядковъ. Не легко понять, поэтому, съ какою цѣлью предоставлено градоначальнику командировать туда полицейскихъ чиновниковъ. Правда, аналогичный порядокъ существуетъ по отношенію къ *публичнымъ* собраніямъ, на континентѣ западной Европы,—но вѣдь право участія въ такихъ собраніяхъ ничѣмъ не ограничено, да и самые вопросы, подлежащіе ихъ разсмотрѣнію, сплошь и рядомъ имѣютъ общее значеніе, а иногда волнуютъ умы и возбуждаютъ страсти. Ничего подобнаго нельзя сказать о скромныхъ собраніяхъ столичныхъ обывателей, принадлежащихъ къ привилегированнымъ сословіямъ и сходящихся вмѣстѣ не въ силу солидарности—или противоположности—мнѣній, а просто вслѣдствіе жительства въ одной и той же городской части. Для подчиненія ихъ полицейскому надзору нѣтъ, повидимому, никакихъ основаній.

Мѣсяца полтора тому назадъ въ печати появилась рѣчь, произнесенная вновь назначеннымъ пермскимъ губернаторомъ при пріемѣ служащихъ губернскаго земства. Выразивъ убѣжденіе, что „земскія учрежденія у насъ неотдѣлены и неотдѣлимы отъ правительственныхъ, коихъ они—составная часть“, ораторъ продолжалъ: „съ вашей стороны будетъ недостаточно не быть изобличенными въ противоправительственной дѣятельности, недостаточно даже быть просто чуждыми такой дѣятельности, а надобно и должно проявить дѣятельность противоположную, ставить себѣ цѣлью работать вмѣстѣ и дружно съ учрежденіями правительственными, не земскими, работать для правительства. Безъ этого я не могу признавать земскихъ служащихъ честными работниками, не могу видѣть въ нихъ полезныхъ для блага народнаго дѣятелей. Кромѣ того, я признаю въ высокой степени необхо-

димымъ, чтобы въ дѣятельности вашей былъ установленъ строгій внѣшній порядокъ, чтобы каждое учрежденіе представляло изъ себя стройное цѣлое, чтобы каждый служащій умѣлъ не только распоряжаться, но и подчиняться тѣмъ, кому онъ по закону подчиненъ". Какъ и слѣдовало ожидать, эти слова вызвали восторженное одобреніе „Гражданина" и „Московскихъ Вѣдомостей". Первый противопоставляетъ ихъ „морю либеральнаго вранья, въ которомъ какъ бы тонутъ самыя ясныя и здравыя политическія истины"; послѣднія удивляются тому, что такія глубоко-вѣрныя слова, какъ сказанныя начальникомъ пермской губерніи, „приходится говорить по истеченіи почти сорока лѣтъ со времени введенія земскихъ учрежденій". „Неужели"—восклицаетъ московская газета—„могли быть терпимы органы публичной власти, которые не боролись всѣми своими силами съ противоправительственными движеніями, неужели возможно, чтобъ органы управленія одного и того же государства работали не вмѣстѣ и не дружно, то-есть тормазили и задерживали бы взаимную производительную работу"?

Что земскія учрежденія связаны съ правительствомъ тождествомъ конечной цѣли, что они получаютъ свои полномочія отъ верховной власти, что существуютъ многочисленныя точки соприкосновенія между дѣятельностью земства и администраціи — это безспорно; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы земскія учрежденія были *неотдѣлимы* отъ правительственныхъ. У тѣхъ и другихъ есть свои особенности, проводящія между ними довольно опредѣленную демаркаціонную черту; достаточно припомнить, что земскій міръ не стоитъ подъ владычествомъ идущаго сверху внизъ приказа, безусловно господствующаго надъ міромъ административнымъ. Допустимъ, однако, безошибочность исходной точки и посмотримъ на выведенное изъ нея заключеніе. Какимъ образомъ земскіе врачи, техники, статистики могутъ проявить требуемую отъ нихъ „противоположную дѣятельность"? У каждаго изъ нихъ, какъ у служащаго лица (а только какъ къ служащимъ къ нимъ и обращается губернаторъ), есть своя особая обязанность, исполненіемъ которой ограничивается его оффиціальный трудъ. Врачъ лечитъ, техникъ составляетъ планы, строитъ мосты и дороги, статистикъ собираетъ и группируетъ свѣдѣнія; оставаясь въ своей сферѣ, никто изъ нихъ не можетъ, еслибы и захотѣлъ, противодѣйствовать правительству. Такое противодѣйствіе становится для нихъ возможнымъ только въ ихъ частной жизни,—но здѣсь они подчинены надзору и отвѣтственности наравнѣ со всѣми другими частными лицами. Правда, во Франціи временъ второй имперіи, иногда и въ другихъ государствахъ, конституціонныхъ только по имени, отъ

всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная съ высшихъ до самыхъ низшихъ (почтальоновъ, полевыхъ сторожей и т. п.), ожидалось активное участіе въ выборной агитаціи, конечно—въ смыслѣ поддержки правительственныхъ кандидатовъ; но вѣдь ничего подобнаго у насъ нѣтъ и въ поминѣ. На практикѣ требованіе отъ служащихъ, помимо добросовѣстнаго исполненія ихъ служебнаго долга и воздержанія отъ всякихъ противозаконныхъ дѣйствій, еще какой-то „работы для правительства", можетъ привести только къ вмѣшательству въ ихъ частную жизнь, къ наблюденію, напримѣръ, за тѣмъ, у кого они бываютъ, кого принимаютъ у себя, какую выписываютъ газету, какія читаютъ книги... Менѣе важно указаніе губернатора на необходимость строгаго *внѣшняго* порядка и подчиненности,—но и оно кажется намъ не вполнѣ согласнымъ съ общимъ характеромъ земской дѣятельности. Конечно, и въ ней нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ, безъ нѣкотораго іерархическаго строя; но земская служба привлекала и до сихъ поръ еще привлекаетъ къ себѣ именно тѣмъ, что эта сторона дѣла доведена въ ней до возможнаго минимума. Отъ нарушенія установившихся такимъ образомъ традицій земское дѣло выиграло бы мало, а потеряло бы очень много.

Много лѣтъ тому назадъ, говоря о цѣломъ рядѣ убійствъ или покушеній на убійство, виновниками которыхъ были военнослужащіе, жертвами—лица другихъ сословій, а мотивомъ—охрана или возстановленіе „чести мундира", мы пытались установить точнѣе понятіе о *воинской чести* и о *чести мундира* [1]). Воинская честь—находили мы тогда и продолжаемъ находить теперь — „совпадаетъ съ честью вообще, подчеркивая лишь и выдвигая на первый планъ одну ея сторону. Есть качества, свойственныя каждому честному человѣку, но преимущественно свойственныя тѣмъ, отъ кого постоянно ожидается проявленіе этихъ качествъ. Если, вопреки ожиданію, данное качество оказывается здѣсь отсутствующимъ или недостаточно развитымъ, это считается *особенно* унизительнымъ, *особенно* постыднымъ. Невоздержный священникъ, пристрастный судья, недобросовѣстный ученый навлекаютъ на себя, съ этой точки зрѣнія, порицаніе болѣе строгое, чѣмъ человѣкъ другой профессіи, страдающій тою же слабостью или тѣмъ же порокомъ. Отъ военнаго прежде всего требуется мужество, храбрость; понятно, что больше всего ему вмѣняется въ вину тру-

[1]) См. „Общественную хронику" въ №№ 10 и 11 „Вѣстника Европы", за 1887 г.

сость, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже простая осторожность. Въ этомъ только смыслѣ, какъ намъ кажется, и можно говорить о специально-воинской чести. По своему внутреннему свойству она не составляетъ чего-то исключительнаго, принадлежащаго единственно однимъ военнымъ; она близко соприкасается, напримѣръ, съ тѣмъ чувствомъ, во имя котораго врачъ или сестра милосердія считаютъ себя не въ правѣ бѣжать изъ зачумленнаго города, отъ постели заразительнаго больного,—и во имя котораго они подвергаются осужденію, если не останутся твердыми на своемъ опасномъ посту... Говорить объ „овеществленіи" воинской чести въ формѣ мундира, значитъ провозглашать не обязанность быть и оставаться честнымъ, а обязанность оберегать внѣшнимъ образомъ внѣшнюю оболочку, возводимую на степень символа. И этой-то оболочкѣ присвоивается преимущество—передъ чѣмъ? Передъ чужою жизнью!... Невозможно примириться съ мыслью, чтобы фикція могла быть дороже человѣческой жизни, чтобы лицамъ одного сословія принадлежало право произносить и исполнять смертные приговоры надъ лицами другихъ сословій, недостаточно усвоившими себѣ условное понятіе о внѣшнемъ выраженіи спеціальной чести". Два года тому назадъ [1]) намъ пришлось повторить эти соображенія по поводу дѣла поручика Клыкова, судившагося въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ за убійство дворянина Малиновскаго; теперь о нихъ напомнило намъ вновь дѣло корнета Скадовскаго, рѣшенное недавно одесскимъ военно-окружнымъ судомъ [2]). Въ апрѣлѣ прошлаго года, въ Херсонѣ корнетъ Скадовскій выстрѣлилъ въ студента Мершавцева, въ упоръ, изъ револьвера и нанесъ ему значительныя пораненія лица, вслѣдствіе которыхъ Мершавцевъ цѣлый годъ не могъ продолжать занятій въ университетѣ. На судѣ потерпѣвшій показалъ, что Скадовскій, проходя по бульвару мимо скамьи, на которой сидѣлъ Мершавцевъ съ своимъ знакомымъ, гимназистомъ Ольховскимъ, какъ-то особенно посмотрѣлъ на него и улыбнулся. Когда Скадовскій снова прошелъ мимо, онъ Мершавцевъ, обратившись къ Ольховскому, сказалъ: *бездна величія*, бросая эти слова къ Скадовскому. „Мнѣ не нравится вашъ смѣхъ"—замѣтилъ Скадовскій. „А мнѣ не нравится ваша улыбка"—возразилъ Мершавцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ; Мершавцевъ упалъ, а Скадовскій удалился. Показаніе Мершавцева подтвердилъ Ольховскій, съ тою только разницею, что выраженія: „бездна величія" онъ не слышалъ, и по-

---

[1]) См. „Общественную хронику" въ № 10 „Вѣстника Европы", за 1901 г.

[2]) Подробное изложеніе этого дѣла, заимствованное изъ „Одесскихъ Новостей", см. въ № 222 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

слышалось ему обращенное къ Скадовскому слово: „кавалеристъ" или „артиллеристъ". Не усматривая фактовъ, которые могли бы оскорбить Скадовскаго *какъ корнета*, предсѣдательствовавшій на судѣ генералъ-маіоръ Домбровскій спросилъ обвиняемаго: „Значитъ, вы стрѣляли не какъ *корнетъ* Скадовскій, а какъ *дворянинъ* Скадовскій"? — „Нѣтъ", отвѣтилъ обвиняемый, „я стрѣлялъ какъ *офицеръ* Скадовскій". — „Ну, а еслибы вы были студентомъ, какъ бы вы въ такомъ случаѣ поступили"? — „Думаю, что поступилъ бы точно такъ же". — „Значитъ, вы стрѣляли не какъ *офицеръ*, а какъ человѣкъ щепетильный, впечатлительный. Напротивъ, какъ офицеръ, вы должны были добиться причинъ оскорбленія и затѣмъ требовать удовлетворенія обычнымъ путемъ, путемъ дуэли, а не самоуправства". — Помощникъ военнаго прокурора поддерживалъ обвиненіе во всемъ его объемѣ, а защитникъ доказывалъ, что обвиняемый, Скадовскій, произведя выстрѣлъ, хотѣлъ поддержать честь мундира. Въ послѣднемъ словѣ корнетъ Скадовскій сказалъ: „Я защищалъ честь своего мундира и думаю, гг. судьи, что вы дадите мнѣ возможность и дальше поддерживать честь полка". — Судъ призналъ корнета Скадовскаго виновнымъ въ покушеніи, подъ вліяніемъ запальчивости и раздраженія, на убійство студента Мершавцева и приговорилъ подсудимаго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ и лично присвоенныхъ правъ и преимуществъ, дворянства, воинскаго званія и по исключеніи изъ военной службы, отдать въ арестантскія отдѣленія на 1 годъ. Принимая, однако, во вниманіе, что Скадовскій, страдая неврастеніей, въ моментъ совершенія преступленія дошелъ до высшей степени раздраженія, стоящей на границѣ полной потери сознанія, и что предшествовавшій случай—оскорбленіе дѣйствіемъ студентомъ Мершавцевымъ бывшаго его, Скадовскаго, товарища по училищу юнкера Бесѣдовскаго,—вызвалъ въ немъ, вслѣдствіе его болѣзненнаго состоянія, чрезмѣрную мнительность по отношенію къ вопросу о защитѣ чести мундира, которому, по его мнѣнію, грозила въ тотъ моментъ опасность со стороны Мершавцева, судъ постановилъ: повергнуть приговоръ на Высочайшее милосердіе, ходатайствуя о замѣнѣ назначеннаго Скадовскому наказанія, по закону, заключеніемъ въ крѣпости на годъ и 4 мѣсяца, съ ограниченіемъ правъ по службѣ.

Разбирать приговоръ суда по существу, касаться степени виновности осужденнаго мы не будемъ: для насъ важенъ только тотъ свѣтъ, который настоящее дѣло бросаетъ на вопросъ о чести мундира. Въ большинствѣ другихъ аналогичныхъ процессовъ почвою, на которой возникалъ этотъ вопросъ, служило или серьезное оскорбленіе, нанесенное офицеру, или, по меньшей мѣрѣ, угрожающая возможность такого оскорбленія. Въ столкновеніи между корнетомъ Скадовскимъ

и студентомъ Мершавцевымъ не было — по признанію столь компетентнаго лица, какъ председатель военно-окружного суда — ничего подобнаго: какъ *офицеръ*, какъ носитель мундира, Скадовскій оскорбленъ вовсе не былъ. Съ другой стороны, оскорбителемъ, въ прежнихъ дѣлахъ, являлось обыкновенно такое лицо, съ которымъ поединокъ или дѣйствительно невозможенъ (въ виду его неумѣнья владѣть оружіемъ или нежеланія къ нему прибѣгнуть), или *считается* невозможнымъ (въ виду отсутствія у обидчика того, что у нашихъ сосѣдей называется Satisfactionsfähigkeit). Въ данномъ случаѣ не было на лицо и этого условія: естественнымъ выходомъ изъ столкновенія, какъ опять-таки призналъ председатель суда, представлялась дуэль, еслибы объясненіе между сторонами не привело къ болѣе мирному результату. Намъ думается, впрочемъ, что примиреніе было бы неизбѣжно; если въ словахъ: „бездна величія" и заключалась легкая насмѣшка, то ужъ конечно не такая, которая можетъ быть омыта только кровью. Дуэль изъ-за подобнаго повода была бы, мы въ томъ увѣрены, предупреждена если не самимъ обвиняемымъ, успокоившимся и обдумавшимъ свое положеніе, то его товарищами или начальствомъ. Какъ мало „честь мундира" была задѣта словами Мершавцева — видно изъ отвѣта обвиняемаго на вопросъ председателя: „думаю, что поступилъ бы точно такъ же и въ качествѣ студента". Этотъ отвѣтъ прямо указываетъ на отсутствіе въ словахъ Мершавцева специфическаго элемента, прямо относящагося къ военному званію. Если подсудимый и послѣ того продолжалъ ссылаться на „честь мундира" и объяснять ея защитой выстрѣлъ, явно угрожавшій жизни Мершавцева, то это свидѣтельствуетъ только о громадной силѣ широко распространеннаго и слѣпо усвоиваемаго предразсудка. *Искоренить* такую idée fixe можетъ только медленная работа мысли; но *поколебать* ее могло бы, кажется, авторитетное, сверху идущее разъясненіе понятія о „воинской чести" и о „чести мундира".

Надѣлавшее много шума дѣло Золотовой можно считать окончательно разъясненнымъ: слѣдствіе, произведенное судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ и напечатанное in extenso въ приложеніи къ „Журналу Министерства Юстиціи", неопровержимо доказало невиновность судебнаго слѣдователя Пусеппа въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ обвинялся сначала народною молвою, а потомъ и въ печати. Какъ ни тяжело было положеніе г. Пусеппа въ то время, когда надъ нимъ тяготѣли незаслуженныя обвиненія, въ

концѣ концовъ и для него лучше, что они получили огласку, вызвавшую самое тщательное разслѣдованіе; иначе съ него не было бы снято подозрѣніе, неопредѣленное, смутное, но именно потому не поддающееся опроверженію. Еще важнѣе то, что тревога, поднятая печатью, привела къ раскрытію тѣхъ по истинѣ ужасающихъ порядковъ, которые процвѣтали въ Тихорѣцкомъ хуторѣ и были косвенно причиной смерти Золотовой. Въ спеціально-юридическихъ изданіяхъ („Судебномъ Обозрѣніи" и „Правѣ") прекрасно сгруппированы поразительные факты, обнаруженные, въ этомъ отношеніи, слѣдствіемъ по дѣлу Золотовой. Съ неменьшей ясностью оно свидѣтельствуетъ о необходимости болѣе осторожнаго обращенія съ лишеніемъ свободы, какъ способомъ предупредить уклоненіе отъ слѣдствія и суда. Ничтожный проступокъ, въ которомъ обвинялась Золотова, не требовалъ такой суровой мѣры, какъ предварительный арестъ до представленія поручительства въ суммѣ *ста* рублей (украденныя вещи были оцѣнены ихъ собственникомъ всего въ *девять* рублей). Проектъ новаго устава уголовнаго судопроизводства освобождаетъ слѣдователя отъ обязанности принимать *во всякомъ случаѣ* какую-нибудь изъ мѣръ пресѣченія, допускаемыхъ закономъ. Еслибы это правило было уже введено въ дѣйствіе, не было бы, быть можетъ, повода для самоубійства Золотовой, со всѣми его тяжелыми послѣдствіями... Судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ не было и не могло быть дано порученія узнать, что сдѣлано на мѣстахъ для устраненія условій, долго, повидимому, остававшихся никѣмъ незамѣченными и вышедшими на свѣтъ только благодаря дѣлу Золотовой. Яркую картину этихъ условій даетъ рапортъ сотника Соколова (стр. 506—507), производившаго дознаніе о должностныхъ лицахъ Тихорѣцкаго хутора. Довѣріе, съ которымъ населеніе хутора и станицы отнеслось къ слухамъ о причинахъ смерти Золотовой, объясняется, по словамъ сотника Соколова, „нерасположеніемъ, недовѣріемъ, просто даже презрѣніемъ, какое вообще выработалось у иногороднаго элемента [1]) въ отношеніи тихорѣцкихъ казаковъ". „Казаки" —говорится далѣе въ рапортѣ, — „или вѣрнѣе, ихъ ближайшее начальство сами въ томъ виноваты. Богатый хуторъ Тихорѣцкій ихъ интересуетъ только съ одной стороны, какъ бы извлечь отсюда почаще и побольше матеріальной выгоды. Назначавшіеся раньше помощники станичныхъ атамановъ назначались сюда лишь на недѣлю— для своего рода *кормленія*". Трудно понять, какимъ образомъ нѣчто подобное могло существовать изъ года въ годъ не гдѣ-нибудь въ

---

[1]) Нѣсколько выше этотъ элементъ названъ „безправнымъ, могущимъ защищать себя только силою и въ массѣ".

глуши, а на бойкомъ мѣстѣ, въ пунктѣ пересѣченія нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ...

Запоздалой, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, является дань уваженія, которую мы считаемъ себя обязанными принести памяти скончавшагося, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, А. М. Бобрищева-Пушкина. Его смерть—большая потеря не только для судебнаго вѣдомства, которому была посвящена главная часть его дѣятельности, но и для русскаго общества, для русской литературы. Мы указали, года полтора тому назадъ [1]), на глубокое значеніе его книги: „Судъ и раскольники-сектанты", всецѣло проникнутой сознаніемъ несправедливости и вреда, сопряженныхъ съ преслѣдованіями за вѣру. Ту же мысль онъ проводилъ въ горячихъ статьяхъ: „Что такое совращеніе?", помѣщенныхъ, въ прошломъ году, въ „Вѣстникѣ Права" (№№ 7 и 8); она же руководила имъ въ заключеніяхъ, которыя онъ предъявлялъ въ качествѣ товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. Одно изъ нихъ, непринятое сенатомъ (по дѣлу Афонина и Горина), побудило его написать послѣднюю его статью: „Судебныя коллизіи", напечатанную въ „Правѣ" (№№ 26 и 27) рядомъ съ его некрологомъ. Весьма вѣроятно, что большая работа, которую онъ—по словамъ лица, видѣвшаго его незадолго до его кончины—намѣревался предпринять въ деревенскомъ уединеніи, вмѣстѣ съ нѣсколькими сотрудниками, также должна была имѣть предметомъ свободу совѣсти. Онъ не умѣлъ отдаваться любимому дѣлу только на половину. Когда, лѣтъ семь-восемь тому назадъ, угрожала опасность суду присяжныхъ, А. М. написалъ въ его защиту обширную книгу, потребовавшую долгихъ, кропотливыхъ изысканій. И рядомъ съ этими юридическими трудами, рядомъ съ усиленной служебной дѣятельностью, онъ находилъ возможность увлекаться поэзіей и литературой. Онъ былъ большимъ знатокомъ Гейне и вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ поклонникомъ Некрасова [2]). Ему, въ значительной степени, былъ обязанъ своимъ успѣхомъ такъ называемый кружокъ въ память Я. П. Полонскаго, занятіями котораго онъ руководилъ и для процвѣтанія котораго не жалѣлъ ни труда, ни времени. Незадолго до его смерти намъ пришлось принять участіе вмѣстѣ съ нимъ въ третейскомъ судѣ по одному частному дѣлу. Онъ проявилъ здѣсь

---

[1]) См. „Литературное Обозрѣніе" въ № 4 „Вѣстника Европы" за 1902 г.

[2]) Статья А. М. Бобрищева-Пушкина о Некрасовѣ появилась въ № 4 нашего журнала за текущій годъ.

всѣ качества истиннаго судьи, такъ часто находившія себѣ примѣненіе на болѣе обширномъ поприщѣ: полнѣйшее безпристрастіе, неутомимое вниманіе къ объясненіямъ сторонъ, замѣчательную добросовѣстность въ изученіи малѣйшихъ подробностей дѣла. Трудно примириться съ мыслью, что исчезъ этотъ громадный запасъ силъ, созрѣвшихъ, но сохранившихъ всю свою свѣжесть, — исчезъ именно тогда, когда на всѣхъ поприщахъ русской жизни такъ необходимы люди широкаго полета мысли и твердаго закала воли.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ:

1) *въ геліогравюрахъ (на мѣди)*: картинъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III, по цѣнѣ 2 рубля за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я и 6-я серія по 20 писемъ вышли;

2) *въ двойной фототипіи*: съ художеств. воспр. картинъ: Московской Городской Третьяковской Галлереи, по цѣнѣ 1 рубль за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я серія по 20 писемъ вышли.

Адресная сторона всѣхъ открытыхъ писемъ снабжена штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества".

Означенное изданіе, кромѣ цѣлей благотворительныхъ, стремится возможно широко распространить среди публики знакомство съ хранящимися въ вышеуказанныхъ хранилищахъ произведеніями искусства, недоступными для большинства. Это изданіе, будучи предназначено для открытыхъ писемъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его особенно художественнаго исполненія, большой интересъ для знатоковъ художественныхъ воспроизведеній и для любителей искусства. Подъ каждою геліогравюрою и двойной фототипіею помѣщено имя художника, названіе картины и наименованіе галлереи, а подъ воспроизведеніями картинъ Императорскаго Эрмитажа сверхъ сего—школа, къ которой принадлежалъ художникъ.

Открытыя письма продаются въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ, или можно подписываться у Почетнаго Старшины Императорскаго

Женскаго Патріотическаго Общества, Фридриха Борисовича Бернштейна, С.-Петербургъ, Адмиралтейскій каналъ 23; за пересылку взимается по 15 к. за 1 серію, а за 2 серіи 20 коп. и т. д.

Каталоги высылаются безплатно.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Генри Джорджъ. Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли. Изслѣдованіе тарифнаго вопроса. Переводъ съ англ. С. Д. Николаева. Изд. „Посредника“. Москва 903. Стр. 226. Ц. 2 р.

Книга извѣстнаго американскаго экономиста-демократа о протекціонизмѣ вполнѣ заслуживала быть переведенною на русскій языкъ, и, если мы не ошибаемся, она теперь впервые появляется въ полномъ русскомъ переводѣ. Авторъ поставилъ себѣ задачей „опредѣлить, что лучше согласуется съ интересами трудящагося люда: покровительственная система или свободная торговля, и затѣмъ привести къ общему соглашенію относительно этого предмета тѣхъ людей, которые дѣйствительно желаютъ воздать вознагражденіе за трудъ“. Генри Джорджъ обстоятельно разбираетъ различные вопросы, связанные съ этой нравственно-экономической проблемой, причемъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ интересы трудящагося населенія Соединенныхъ штатовъ. То горячее, убѣдительное краснорѣчіе, которымъ отличаются всѣ вообще разсужденія Генри Джорджа, дѣлаетъ его книгу привлекательною и для тѣхъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трактатъ можетъ быть съ пользою прочитанъ и принципіальными сторонниками протекціонизма.

Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. Третье изданіе. Спб. 903. Стр. 386. Ц. 1 р. 50 к.

Интересные очерки г. Мельшина изъ быта современной каторги хорошо извѣстны большинству нашей читающей публики, и появленіе третьяго изданія этой книги лучше всего свидѣтельствуетъ о заслуженномъ ея успѣхѣ. Авторъ, какъ видно изъ его вступительныхъ словъ, много лѣтъ „прожилъ въ мірѣ отверженныхъ, и прожилъ не въ качествѣ посторонняго наблюдателя, а непосредственно участвуя во всѣхъ мелочахъ ихъ жизни, лежа рядомъ на тѣхъ же нарахъ, питаясь той же омерзительной баландой, работая ту же работу, дѣля отчасти и умственные, и нравственные интересы“. По своей задачѣ и отчасти по содержанію книга Л. Мельшина напоминаетъ знаменитыя „Записки изъ Мертваго Дома“ Достоевскаго; но матеріалъ для наблюденій въ этомъ мрачномъ мірѣ сильно измѣнился съ того времени, какъ писалъ Достоевскій, и скромные очерки Л. Мельшина, правдивые и искренніе по тону, сохраняютъ вполнѣ самостоятельное значеніе, въ качествѣ „человѣческихъ документовъ“, характеризующихъ такъ называемые преступные типы и отношенія къ нимъ тюремныхъ и прочихъ дѣятелей.

И. Ѳ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. М. 903. Стр. 304. Ц. 1 р. 25 к.

Сочиненіе г. Икономова принадлежитъ къ серіи книгъ для самообразованія, издаваемыхъ товариществомъ Сытина въ Москвѣ, и отличается тѣми достоинствами, какія наиболѣе цѣнятся въ изданіяхъ этого рода,—ясностью и простотою изложенія, искуснымъ и толковымъ подборомъ фактовъ и правильнымъ ихъ освѣщеніемъ. Въ рядѣ очерковъ указываются главныя черты государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка, сообщаются свѣдѣнія о классахъ и сословіяхъ древняго русскаго общества, объ управленіи и законодательствѣ, о казенномъ и народномъ хозяйствѣ, о военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ, объ образованности, нравахъ и домашнемъ бытѣ.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ. Текстъ закона 2 іюня 1903 года съ объясненіями. Спб. 903. Стр. 196. Ц. 2 р.

Настоящая книга даетъ значительно больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе: кромѣ текста новаго закона и объяснительныхъ комментаріевъ къ нему, мы имѣемъ здѣсь обстоятельный разборъ основныхъ положеній этого закона съ точки зрѣнія условій и потребностей нашей практической жизни, въ связи съ указаніями на примѣры иностранныхъ законодательствъ. Прежніе научные труды г. Литвинова-Фалинскаго по вопросамъ фабричной инспекціи и спеціально по вопросу объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ могутъ служить гарантіею безусловной компетентности автора въ этой сложной области разнородныхъ интересовъ, затронутыхъ новымъ закономъ.

Анна Столповская. Проявленія упадка во Франціи (по національнымъ источникамъ). Москва. 903. Стр. 155. Ц. 1 р.

„Источниками“ для разсужденій и выводовъ г-жи Столповской послужили нѣкоторыя французскія книжки, переведенныя на русскій языкъ, и между прочимъ „Наше сердце“ Мопассана, „Парижъ“ Зола, „Полудѣвы“ Марселя Прево, и статьи г. Гилярова и г. Юрія Веселовскаго (котораго авторъ почему-то называетъ „профессоромъ“). Изучивъ эти очень немногіе „источники“ изъ числа существующихъ въ нашей переводной и оригинальной литературѣ относительно Франціи, г-жа Столповская пришла къ весьма грустнымъ заключеніямъ о глубокомъ общемъ упадкѣ этой страны, какъ государства и націи, и сочла своимъ долгомъ подѣлиться своими мыслями съ русскимъ читающимъ обществомъ. По словамъ автора, „выяснить въ настоящее время дѣйствительное значеніе Франціи очень важно въ Россіи“; но трудно надѣяться, чтобы мысли г-жи Столповской объ этомъ важномъ предметѣ показались кому-нибудь достаточно обоснованными и интересными.

С. И. Гальперинъ. Современная соціологія. Екатеринославъ. 903. Стр. 375. Ц. 2 р.

Задачей автора было выясненіе „общей физіономіи“ современной соціологіи путемъ подробнаго и послѣдовательнаго обзора соціологической литературы за послѣдніе годы вообще и за 1902 годъ въ частности. Книга распадается на три части: въ первой излагается содержаніе трудовъ, касающихся „общихъ проблемъ соціологіи“ (стр. 1—170); вторая часть посвящена „историческому матеріализму“ (стр. 173—300), третья — „отдѣльнымъ вопросамъ соціологіи“ (303—375). Авторомъ собранъ большой литературный матеріалъ, но разработанъ не вполнѣ удовлетворительно: изложеніе не отличается ясностью и систематичностью, и при передачѣ чужихъ взглядовъ слишкомъ часто дѣлаются неожиданные выводы, принадлежащіе лично г. Гальперину, или высказываются критическія замѣчанія, недостаточно мотивированныя.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1903** г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ [illegible] отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	[illegible]
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	[illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	[illegible]
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	[illegible]
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	[illegible]

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, [illegible] и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. [illegible] басникова, на Моховой, [illegible] Конторѣ Н. Печковской, въ Петр[illegible] скихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе" [illegible] Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карб[illegible]

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, [illegible] ію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ [illegible] нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ [illegible] жденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть [illegible] Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе [illegible] переходя въ иногородние, доплачиваютъ 1 руб., а иногородние, переходя въ [illegible] 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію [illegible] нала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно [illegible] Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — [illegible] на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ [illegible] подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1903.

ФАМИЛЬНАЯ СТАРИНА

ОЧЕРКИ.

Доживъ до преклоннаго возраста и повидавъ на своемъ вѣку не мало не лишенныхъ общественнаго интереса явленій, поддаюсь теперь общей многимъ старикамъ склонности—разсказать видѣнное и слышанное въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ. Вращался я и въ провинціальной жизни, и въ столичномъ литературномъ мірѣ, и въ разныхъ областяхъ служебной дѣятельности, а къ тому же не мало сохранилось у меня и фамильныхъ преданій. Все это предположилъ я использовать въ формѣ ряда очерковъ, которымъ мои автобіографическія черты послужатъ связующею нитью.

Начать считаю лучшимъ—съ предковъ и тѣхъ сферъ, въ которыхъ они жили.

Я происхожу отъ предковъ изъ двухъ губерній: по мужской линіи изъ курской, а по женской—изъ херсонской. Поэтому и родовыя преданія мои относятся къ двумъ сферамъ давняго прошлаго. Прадѣдъ мой по мужской линіи былъ значительный курскій помѣщикъ, капитанъ артиллеріи Воропоновъ, участвовавшій еще въ семилѣтней войнѣ. Прадѣдъ же по женской линіи былъ крупный херсонскій помѣщикъ подполковникъ Звѣревъ, на дочери котораго женился мой курскій дѣдъ, послѣ чего и самъ переселился въ херсонскую губернію, куда перевелъ изъ курской и гр[illegible] крестьянъ. Изъ курскаго наслѣдства ничего не дошло да[illegible] моего отца, но изъ Звѣревскаго отцу досталось небольшо[illegible]рсонское имѣніе (село Константиновка, елисаветградскаго уѣ[illegible] гдѣ я родился и провелъ часть своего дѣтства. Переходъ дѣ[illegible]ъ одной губерніи въ другую, впрочемъ, не разрывалъ отно[illegible] его семейства съ его родиною. И самъ онъ, и мой

отецъ, поддерживали связи съ курскими родственниками, да и мнѣ впослѣдствіи много разъ приходилось бывать въ курской губерніи, вблизи отъ родовыхъ гнѣздъ, и слушать не мало о фамильной старинѣ.

Курскія родовыя преданія главнымъ образомъ касаются разныхъ бытовыхъ чертъ давняго помѣщичьяго общества, а херсонскія имѣютъ связь и съ исторіею заселенія и устройства новороссійскаго края, такъ какъ Звѣревъ былъ въ нѣкоторомъ свойствѣ съ однимъ изъ главныхъ заселителей этого края, исторически извѣстнымъ Хòрватомъ (дочь Звѣрева, а моей бабки сестра была за племянникомъ жены Хòрвата), служилъ въ штабѣ крупнаго военнаго мѣстнаго администратора генералъ-аншефа Теведли и зналъ не мало участниковъ заселенія, память о которомъ въ его время была еще очень свѣжа.

Главнымъ источникомъ дошедшихъ до меня преданій были разсказы отца—человѣка наблюдательнаго, очень интересовавшагося стариною, много слышавшаго о ней и удерживавшаго до старости массу преданій въ своей памяти, только ничего о нихъ не записывавшаго. Хотя его разсказы были живы, рельефны и характерны, но отецъ не думалъ пользоваться ими для печати,—чтò въ его время рѣдко кому и въ голову приходило,—тѣмъ болѣе, что печатныхъ òргановъ въ ту пору вообще было очень мало, и воспоминаніями старины интересовались они слабо. Иныя же черты старины доходили до меня и съ другихъ сторонъ. Кое-что изъ слышаннаго я записывалъ, а изъ остальнаго матеріала за десятки лѣтъ не мало забылось, несмотря на то, что природа далеко не обидѣла меня памятью. Во всякомъ случаѣ уцѣлѣвшее передаю въ томъ видѣ, въ какомъ оно у меня сохранилось.

I.—Курскія преданія.

Фамилія наша—одна изъ давнихъ въ Россіи. Отдѣльные представители ея встрѣчаются и въ вологодской, и въ новгородской, и—какъ я слышалъ — въ саратовской губерніяхъ, но главная масса ихъ сосредоточилась въ курской. Вѣтвь же ея, попавшая въ херсонскую, тамъ не удержалась и съ моимъ выходомъ оттуда совсѣмъ тамъ исчезла, такъ какъ моя связь съ этою губерніею—только документальная. Дворянская грамота 1785 года застала нашу фамилію уже какъ давнюю, и при составленіи курской дворянской родословной книги прадѣду моему, Ѳедору Ѳедоровичу, въ мартѣ 1790 года выдана была о томъ грамота, за под-

писью губернскаго предводителя дворянства и девяти уѣздныхъ депутатовъ. Но преданія и письменные слѣды говорятъ и о болѣе раннихъ предкахъ.

По одному изъ преданій, родоначальникъ нашъ пришелъ на службу въ Московское государство въ XV вѣкѣ изъ Литвы, бѣжавъ отъ тирана литовскаго, князя Сигизмунда, брата Витовтова, убитаго своими подданными. Но это—туманное преданіе

Приблизительно около эпохи „смутнаго времени“ жилъ въ окрестностяхъ Рыльска Петръ Воропоновъ, имѣвшій сына Алексѣя, жалованнаго вотчинами и верстаннаго помѣстьемъ и денежнымъ окладомъ, и внука Матвѣя. Послѣдній, въ правленіе царевны Софіи, былъ написанъ въ спискѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, тоже съ помѣстьемъ и денежнымъ окладомъ. У него было два сына: Иванъ большо̀й, да Иванъ меньшо̀й, отъ которыхъ пошли двѣ вѣтви, утвердившіяся въ сѣверныхъ уѣздахъ курской губерніи. Вѣтвь Ивана меньшо̀го, къ которой принадлежу я, теперь по составу очень невелика; значительнѣе — вѣтвь Ивана большо̀го, но свѣдѣній о ней у меня гораздо меньше, и тѣ касаются только давнихъ временъ. Въ числѣ ея представителей былъ одинъ лейбъ-кампанецъ, т.-е. участникъ дворцоваго переворота, возведшаго на престолъ императрицу Елисавету. Это былъ Иванъ Воропоновъ, закончившій свою карьеру при расформированіи лейбъ-кампаніи, въ первые дни екатерининскаго царствованія, полученіемъ отставки съ чиномъ секундъ-маіора.

Объ это̀мъ лейбъ-кампанцѣ въ дошедшихъ до меня преданіяхъ сохранился только одинъ анекдотъ. Извѣстно, какъ императрица Елисавета баловала лейбъ-кампанцевъ, помня оказанную ими ей 25-го ноября 1741 года услугу. Она нерѣдко устроивала имъ угощенія, на которыхъ сама присутствовала, обходилась съ ними особенно ласково и позволяла имъ держать себя въ ея присутствіи довольно свободно; а такъ какъ они большею частью были люди грубые, неотесанные, то и давали себѣ волю въ словахъ и разныхъ выходкахъ. Вотъ однажды явились къ императрицѣ лейбъ-кампанцы поздравить ее съ праздникомъ Пасхи. Разговаривая съ ними, Елисавета, между прочимъ, показала имъ диковинку: поднесенные ей какимъ-то иностранцемъ часы, которые пѣли „Христосъ воскресе“. Послушали лейбъ-кампанцы, какъ пропищалъ нѣмецкій механизмъ, и вдругъ Иванъ Воропоновъ громко захохоталъ: „Вотъ нѣвидаль, великое чудо смастерилъ нѣмецъ, да я поискуснѣе его буду! Нѣмецкая-то машинка еле пищитъ, а у меня своей работы ребята какъ гаркнутъ Христосъ воскресе, такъ у всѣхъ въ ушахъ затрещитъ и

самъ нѣмецъ оглохнетъ!" И шутка эта принята была съ благосклонною снисходительностью.

Изъ той же вѣтви былъ генералъ-адъютантъ Николай Ѳаддеевичъ Воропоновъ, который при императорѣ Николаѣ Павловичѣ командовалъ гвардейскимъ Финляндскимъ полкомъ, чѣмъ-то отличился въ день 14-го декабря 1825 года, получилъ за это въ генералъ-маіорскомъ чинѣ генералъ-адъютантское званіе и умеръ во время первой Николаевской турецкой войны, въ которую отличался подъ Варною. О немъ упоминалъ въ своихъ воспоминаніяхъ знавшій его С. Т. Аксаковъ. Отецъ мой зналъ его, будучи еще юнкеромъ дворянскаго кавалерійскаго эскадрона въ Петербургѣ, въ 1815 — 1817 годахъ, когда Николай Ѳаддеевичъ состоялъ, кажется, въ капитанскомъ чинѣ. Встрѣчались они по родственному, сердечно, несмотря на дальность родства, такъ какъ въ ту пору родственныя связи чувствовались гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Николай Ѳаддеевичъ приходился четвероюроднымъ братомъ моему дѣду, а потому отецъ называлъ его дядюшкою. Разсказывая о немъ, какъ о человѣкѣ очень добромъ, отецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлялъ его такимъ усерднымъ „службистомъ", въ которомъ это увлеченіе нерѣдко доходило до комизма. Когда у нихъ заходила рѣчь о службѣ, то Николай Ѳаддеевичъ, поучая племянничка, доходилъ до того, что будучи въ своей квартирѣ въ халатѣ и туфляхъ, принимался въ этомъ видѣ маршировать по комнатѣ, заворачивая полы халата, чтобы явственнѣе показывать всѣ тонкости маршировальнаго искусства.

У того Ивана Матвѣевича (меньшого), который былъ предкомъ нашей вѣтви, былъ сынъ Ѳедоръ Ивановичъ, служившій какимъ-то „фискаломъ", но больше о немъ свѣдѣній до меня не дошло, а его сынъ былъ прадѣдъ мой Ѳедоръ Ѳедоровичъ, поселившійся, послѣ отставки въ 1763 году, въ наслѣдственномъ имѣніи своемъ с. Вѣтреномъ (нынѣ льговскаго уѣзда, курской губерніи). Отъ его времени фамильныя преданія мои становятся уже полнѣе и документальнѣе. Ѳедоръ Ѳедоровичъ зачисленъ былъ на службу почти мальчикомъ и былъ въ какомъ-то артиллеріи фузелерномъ батальонѣ. Участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, причемъ, по словамъ его указа объ отставкѣ, „былъ въ походахъ съ 1758 г. при заграничной арміи и на баталіяхъ: 1759 іюля 12-го на Палцыхской (Пальцигъ) и августа 1-го числа на Франкфорской" (Куннерсдорфъ). Въ послѣдней баталіи „при сраженіи съ непріятелемъ отъ раздавленія лошадьми патроннымъ ящикомъ повреждена у него грудь". По окончаніи же войны, онъ, „всходствіе состоявшагося о вольности дворянства именного

указа, за показанными болѣзнями, отъ воинской и статской службы отставленъ вовсе съ награжденіемъ капитанскаго чина" и „отпущенъ въ домъ на его пропитаніе".

Мѣстность нынѣшней курской губерніи, гдѣ поселился прадѣдъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, была въ то время и долго послѣ того еще полудикою страною. Жестокими нравами, буйными склонностями отличался не только простой народъ, но и высшій классъ населенія. Еще не очень задолго до того была тамъ окраина Московскаго государства, гдѣ селились люди, не боявшіеся безпокойнаго сосѣдства, а напротивъ, сами умѣвшіе безпокоить кого угодно, привычные къ набѣгамъ, захватамъ и всякаго рода непріязненнымъ дѣйствіямъ. Для жизни тамъ годился только очень бойкій человѣкъ, которому ни почемъ все то, что пугаетъ обыкновеннаго, мирнаго обывателя. Тамъ въ старину заведены были поселенія, обязанныя сторожить границу и, въ случаѣ надобности, сейчасъ брать въ руки оружіе. Отъ этой эпохи сторожевой службы остались названія нѣкоторыхъ деревень: Стрѣлецкія, Пушкарныя, Солдатскія, Казацкія и т. под. Шла въ нынѣшнюю курскую губернію и колонизація изъ Малороссіи, во время тамошняго смутнаго времени, причемъ тоже приходилъ преимущественно болѣе предпріимчивый народъ. Хохлы селились въ сосѣдствѣ съ великоруссами, такъ что деревни тѣхъ и другихъ нерѣдко располагались вперемежку, постепенно оказывая бытовыя вліянія другъ на друга, однако далеко не доводя до слиянія. Съ теченіемъ времени хохолъ отпускалъ бороду и усвоивалъ кое-какія великорусскія пѣсни и слова обыденнаго обихода, а великоруссъ научался бѣлить свою избу на хохлацкій манеръ и вводилъ нѣсколько бо̀льшую опрятность въ домашнюю жизнь; только хохолъ не отставалъ отъ привычки строить хату на курьихъ ножкахъ, а великоруссъ сохранялъ склонность строиться просторнѣе, солиднѣе, срубомъ, вѣнцами. Послѣдствія этого видны и теперь; живутъ тѣ и другіе хотя въ близкомъ сосѣдствѣ, но другъ отъ друга особнякомъ, рѣдко смѣшиваясь семейно.

Если нравы XVIII вѣка вездѣ были гораздо грубѣе нынѣшнихъ, то въ курской губерніи, подъ дѣйствіемъ тогда еще свѣжихъ пограничныхъ преданій и разныхъ мѣстныхъ особенностей, они были еще жесточе, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Условія тревожной жизни, преемственность проявленій взаимной человѣческой вражды и обостренной борьбы, были добавочнымъ источникомъ огрубленія нравовъ и если, съ одной стороны, развивали самостоятельность, смѣлость и предпріимчивость, то съ другой—

пріучали къ необузданности и преступленіямъ, главными видами которыхъ являлись: разбой, грабежъ и конокрадство. Все это было въ курской губерніи дѣломъ обычнымъ, какимъ занимались люди всѣхъ классовъ населенія. Мѣстà въ ту пору были тамъ еще малолюдныя, лѣсистыя, многоводныя. Гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши, вдали отъ проѣзжихъ дорогъ, или на окруженномъ прудами и водными протоками полуостровѣ заводился хуторокъ въ одну-двѣ избы и становился притономъ для грабителей, разбойниковъ и воровъ, а также складомъ для преступной добычи, и такого притона часто не рѣшалось коснуться даже начальство, не столько изъ корысти, сколько изъ страха. Обирали и убивали проѣзжихъ, разбивали обозы, товары увозили и потомъ сбывали; кража лошадей практиковалась ежедневно. Организація перевозки, перегона скота, сбыта, воровскихъ агентуръ—вполнѣ процвѣтала. Теперь подобные пункты оголились отъ лѣсовъ и совершенно обсохли, многіе пруды убѣжали, рѣчки превратились въ ручейки, а изъ хуторовъ выросли значительныя деревни, но въ иныхъ изъ этихъ деревень еще не забылось грабительское происхожденіе первоначальнаго заселенія. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, и теперь отличающихся промысломъ конокрадства, случается слышать объясненіе, что этотъ промыселъ представляетъ своего рода форму вырожденія давняго разбоя, который долженъ былъ превратиться вслѣдствіе бóльшаго заселенія мѣстности, свода лѣсовъ, а затѣмъ и проведенія желѣзныхъ дорогъ. Долго въ широкихъ окрестностяхъ курской губерніи держалось повѣрье, что „курянинъ"—человѣкъ недобрый, опасный, который и за грошъ зарѣжетъ. Съ большими предосторожностями и опасеніями приходилось разъѣзжать по этой странѣ, особенно—совершая сколько-нибудь дальній путь и при необходимости остановокъ въ незнакомыхъ мѣстахъ. Вотъ, между прочимъ, разсказъ моего дѣда.—Пришлось ему разъ, во время такого пути, остановиться для ночлега на постояломъ дворѣ. При тѣснотѣ и крайней невзыскательности помѣщенія, онъ долженъ былъ улечься въ томъ же покоѣ, гдѣ и хозяйское семейство. И вотъ, среди ночи онъ слышитъ сквозь сонъ, какъ сползшій съ палатей мальчикъ, хозяйскій сынъ, въ полголоса говоритъ своему отцу: „Тятька, тятька, зарѣжь хохла!"—Ну тебя, угомонись, чтò плетешь зря, померещилось тебѣ со сна, что-ли!—унимаетъ его отецъ, видимо опасающійся, что постоялецъ еще не заснулъ. Но глупый мальчикъ, не понимая, продолжаетъ приставать:—„Зарѣжь, тятька, зарѣжь! люблю я глядѣть, какъ зарѣзанный трепещется"!.. Конечно, сонъ у дѣда пропалъ, и онъ, подавая наружные признаки бодрствованія,

кое-какъ промаялся до разсвѣта и поспѣшилъ уѣхать; но случай этотъ внушительно показалъ, какъ обычны были на постояломъ дворѣ расправы съ проѣзжимъ хохломъ.

Славилась особымъ обиліемъ преступленій рыльская округа, отчего Рыльскъ долгое время пользовался крайне дурною репутаціею. Его прозывали даже „чортовой бабушки приданымъ“, и въ населеніи сложили про него злобную легенду. Когда Христосъ, послѣ крещенія, сорокъ дней постился въ пустынѣ и былъ искушаемъ отъ діавола, то послѣдній, обѣщая ему за поклоненіе всѣ царства земныя, счелъ однако нужнымъ сдѣлать исключеніе для Рыльска, выразившись при этомъ приблизительно въ такой риѳмованной формѣ:

„Всѣ отдамъ тебѣ царствія мірска,
Не отдамъ только вѣрнаго Рыльска,
Бабушки моей приданаго“...

Разбойничьи и воровскія шайки организовывались не только проходимцами, представителями какого-нибудь случайнаго сброда, но даже и нѣкоторыми помѣщиками, которые набирали ихъ изъ своихъ крестьянъ и всякихъ охотниковъ, такъ что въ этой мѣстности къ безчеловѣчію крѣпостного права присоединялся еще одинъ изъ самыхъ ужасныхъ видовъ развращенія, вводимый и поддерживаемый людьми, власть имѣющими. И не захудалые только потомки дворянскихъ фамилій попадали въ подобные организаторы, но и люди вполнѣ состоятельные, по тогдашнему образованные, т.-е. грамотные и знакомые съ законами. Другіе если не лично участвовали въ разбояхъ и хищеніяхъ, то явно мирволили конокрадству, поощряя къ нему своихъ крестьянъ. Очень своеобразны бывали типы подобныхъ людей. Иные изъ нихъ во внѣшней жизни проявляли набожность, благочестіе, а въ дѣлахъ давали широкую волю неистовымъ инстинктамъ стяжанія, показывая, что понятіе о религіи у нихъ шло ничуть не дальше обязательности обрядовъ. Стоитъ такой человѣкъ въ церкви, усердно кладетъ на себя большіе кресты, совершаетъ земные поклоны, дома на виду творитъ громкое молитвословіе, никогда не нарушитъ установленнаго поста, не оскоромится каплею молока ни въ среду, ни въ пятницу, но вся округа знаетъ и на себѣ чувствуетъ, чѣмъ онъ занимается. Были фамиліи, прославившіяся преступными подвигами. Не избѣгли участія въ такихъ подвигахъ и представители нашей фамиліи, только—не нашей вѣтви. Не лишнимъ будетъ остановиться на нѣкоторыхъ портретахъ подобнаго рода, какъ очертили ихъ давнія преданія.

Вотъ довольно значительный помѣщикъ, котораго имени въ точности не помню и назову Ипатомъ Семеновичемъ. Стоитъ онъ въ своей спальнѣ предъ иконою и громко молится, временами поглядывая на дворъ въ открытое окно. Слышится сопровождаемое воздыханіемъ: „Беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну"... Но вдругъ перерывъ:—Ванька, ты это что мерина запрегъ, а не сивую кобылку, вотъ я тебя!—Затѣмъ опять къ иконѣ; но какъ дошелъ до „согрѣшихъ паче числа песка морскаго, умножишася беззаконія моя..."—тутъ прерываетъ его вниманіе показавшаяся изъ кухни Грунька:—Ахъ ты, поганка, что̀ птицѣ столько зерна сыплешь! Вотъ, погоди, ужо̀ я до тебя доберусь!—И снова глубокое воздыханіе съ возгласомъ: „Виждь смиреніе мое и трудъ мой"...—пока не отвлечетъ вниманія провинившійся чѣмъ-то Сенька, которому уже обѣщается безотлагательная расправа.

Вёснами нерѣдко въ домѣ Ипата Семеновича повторялась одна и та же сцена. Является слуга и докладываетъ барину, что пришли съ слезною просьбою мужики. Ипатъ Семеновичъ велитъ впустить. Входятъ нѣсколько пожилыхъ: „Здравствуйте, батюшка, Ипатъ Семеновичъ!"—Здравствуйте, здравствуйте, дѣтки, радъ васъ видѣть,—милостиво встрѣчаетъ баринъ.—Ну, что̀, какъ живете-можете, съ чѣмъ пришли?—„Плохо, охъ, плохо, кормилецъ, ужъ коли ты, отецъ родной, не выручишь, не знаемъ какъ и быть".—Что̀ такъ, какая такая бѣда стряслась?—„Да вотъ, батюшка баринъ, самъ видишь, Богъ весну далъ, а намъ и пахать-то нечѣмъ. У кого были лошаденки, то съ осени либо подохли, либо сами не знаемъ, какъ пропали, а кто и продалъ, чтобъ прокормиться зиму; самъ хорошо знаешь, какъ по хозяйству бываетъ. Ну, такое теперь несчастіе, что и ума не приложимъ, а время не ждетъ, самая пора для работы; помоги, кормилецъ, выручи!"—И всѣ падаютъ въ ноги.

— Эхъ вы, непутёвыя вы дѣтки, непутёвыя! Какъ можно дойти до такой бѣды? Что̀ мнѣ съ вами дѣлать? Ну, да жаль мнѣ васъ, надо чѣмъ-нибудь помочь, дайте только надумать!—„Надумай, отецъ родной, надумай!"—Ипатъ Семеновичъ сидитъ нѣсколько минутъ, приставя палецъ ко лбу, и наконецъ разрѣшается восклицаніемъ: — Развѣ вотъ что̀! Ванька, а, Ванька! Отпусти имъ по горсти пеньки на обро̀ти! — Мужики опять въ ноги: „Спасибо, баринъ, великое тебѣ спасибо за твою отеческую милость!" Ванька, ключникъ, выдаетъ жалованную пеньку, и мужики уходятъ вполнѣ удовлетворенные. Выдача эта оказывалась имѣющею символическое, хорошо всѣми понимаемое зна-

ченіе: изъ пеньки сдѣлай себѣ обрóть, а на эту обрóть коня добудь, гдѣ самъ знаешь, только, смотри, не попадайся! Не много времени проходитъ, и мужики всѣ съ лошадками, земля благополучно обработывается и хозяйство до осени налажено.

Не разъ пробовали обкрадываемые ловить этихъ мужиковъ, да почти всегда безполезно. У опытныхъ воровъ вездѣ такъ искусно устроены караулы, да развѣдки, что обиженные все оставались въ дуракахъ. Краденыя лошади хитро припрятаны, а слѣдовъ нѣтъ, а гдѣ понадобится — воры и силою отпоръ дадутъ. Многіе хорошо знали, кто ворует, а прямыхъ уликъ нѣтъ. Пожалуются Ипату Семеновичу на его мужиковъ, а у него всегда одинъ отвѣтъ: „Знаете поговорку—не пойманъ, не воръ! Поймайте, такъ виноватаго не помилую". — И точно не миловалъ. Хотя крали не въ близкомъ сосѣдствѣ, чтобъ отыскивать было мудренѣе, но чуть ворованая лошадь выслѣжена, Ипатъ Семеновичъ строгъ къ своему мужику: „А, попался,—скажетъ,—теперь и отвѣтъ держи; я ворамъ не потакаю"! Накажетъ виновнаго примѣрно, обдеретъ какъ липку, и истца удовлетворитъ. Значитъ, не ловись! Но если уликъ нѣтъ, такъ хоть волкомъ вой—удовлетворенія не будетъ.

Самъ онъ бывалъ остороженъ, однако случалось, что краденыя лошади попадали и къ нему. Былъ разъ такой случай. Ѣдетъ Ипатъ Семеновичъ изъ города домой на тройкѣ, вдругъ останавливаетъ его на дорогѣ какой-то мужикъ: „Батюшка, Ипатъ Семеновичъ!"—А чтò, голубчикъ?—„Да лошадь свою у васъ призналъ,—вотъ, пристяжная, рыжая".—Ипатъ Семеновичъ разспросилъ,—мужикъ говоритъ доказательно.

— Ишь ты, грѣхъ какой, и какъ это она взаправду ко мнѣ попала! Ну, да коли твоя, такъ нечего дѣлать, голубчикъ, бери! —отвѣчаетъ Ипатъ Семеновичъ. Мужикъ выпрягаетъ лошадь, и баринъ продолжаетъ путь уже на парѣ. Проѣхалъ онъ нѣсколько верстъ, опять встрѣчный предъявляетъ точно такую же претензію, и послѣ подобнаго же разговора слѣдуетъ такой же конецъ: —Чтò дѣлать, коли впрямь твоя лошадь, такъ бери!—Умудрился Ипатъ Семеновичъ поплестись уже на одной лошадкѣ, но не успѣлъ доѣхать до дому, какъ и ее опознали.—Ну, голубчикъ,— говоритъ онъ претенденту,—дай хоть до дому добраться, а тамъ пожалуй возьми себѣ, мнѣ чужого не надо!—И доѣхавъ до усадьбы, отдалъ безпрекословно. А мужикамъ не до преслѣдованія,—рады, что свое вернули.

Пытались усовѣщивать Ипата Семеновича и окрестные помѣщики, но тоже, кромѣ ссылки на поговорку: „не пойманъ—

не воръ", ничего добиться не успѣвали. Наконецъ, сговорились послать къ нему депутатомъ одного его родственника,—авось, дескать, родного человѣка постыдится. Пріѣзжаетъ родственникъ, здоровается.—Здравствуй, братòчекъ, здравствуй!—ласково встрѣчаетъ его Ипатъ Семеновичъ.—Чтò давно не жаловалъ, я ужъ и соскучился по тебѣ. — Договорились до цѣли пріѣзда, и гость объясняетъ, что пріѣхалъ, дескать, посломъ, а посла ни сѣкутъ, ни рубятъ.—Такъ, братòчекъ, такъ, это ты вѣрно сказалъ, только отъ кого же это ты теперь въ послахъ?—„Да, вотъ, прислали меня такіе-то поплакаться на твоихъ мужиковъ,—очень ужъ обижать стали, столько поворовали лошадей, что просто житья не стало". —Чтò ты напраслину наносишь, мои мужики смирные, никого не трогаютъ.—„Ну, какъ не трогаютъ; вотъ и тамъ-то, и тамъ поворовано, и все твои".—А что-жъ, развѣ накрыли кого изъ моихъ? Коли кто виноватъ, выслѣди, докажи, я вора не пожалѣю.—„Гдѣ имъ попадаться, ужъ больно наловчились, хорошо прячутъ, а всѣмъ извѣстно, кто воруетъ. Уйми ихъ ты, какъ самъ знаешь, помилосердуй, вѣдь это же грѣхъ, Ипатъ Семеновичъ, сосѣдей разорять".—А я тебѣ на это одно скажу: не пойманъ—не воръ, а пустымъ розсказнямъ не вѣрь. Поймаешь, будь увѣренъ, не помилую. Я не потатчикъ какой-нибудь, не буду въ томъ и попу каяться; самъ неповиненъ, и мужики мои тоже.—Принялся гость убѣждать разными нравственными разсужденіями, долго говорилъ, а Ипатъ Семеновичъ все слушаетъ да улыбается. Наконецъ гость заключаетъ такъ: „Самъ разсуди, отговариваться-то легко, а вѣдь надо и Бога помнить; подумай хоть о томъ: какъ обиженный-то взмолится Богу, да поставитъ на обидчика свѣчу, вѣдь обидчику-то тяжко придется!"—Экой ты, братòчекъ,—разрѣшился, посмѣиваясь, Ипатъ Семеновичъ:— вотъ и видно, что еще молодъ, неразсудливъ: вѣдь обиженному-то и грошевую свѣчку поставить накладно, а обидчику и рублевая ни-почемъ! Ну, чтожъ...

Кохановская, передавая въ своей „Старинѣ" воспоминанія, относящіяся приблизительно къ той же мѣстности, и коснувшись господствовавшихъ тамъ разбоевъ, между прочимъ, упоминаетъ о шайкѣ дворянъ Воропоновыхъ, дѣйствовавшей въ окрестностяхъ рѣки Сейма, протекающей чрезъ нынѣшніе путивльскій, рыльскій и льговскій уѣзды. По ея словамъ, обширная шайка эта была наконецъ выслѣжена, захвачена, предана судебной отвѣтственности и понесла должную кару; а много спустя послѣ того, поплатился самоубійствомъ младшій сынъ главнаго организатора, бывшій во время подвиговъ своего отца еще малолѣт-

комъ. По дошедшимъ до меня преданіямъ дѣло происходило такъ.

Организаторомъ, руководителемъ и непосредственнымъ участникомъ шайки былъ отставной прокуроръ, по имени, кажется, Николай Семеновичъ. Состоя прежде на службѣ, онъ, изучивъ тогдашнее приказное дѣло въ совершенствѣ, воротилъ законами и судопроизводными порядками такъ искусно, какъ немногіе въ ту пору. Свода Законовъ тогда еще не было, и источникомъ законовѣдѣнія оставалась совокупность давнихъ постановленій, включительно съ до-Петровскими, и массы позднѣйшихъ разнорѣчивыхъ указовъ, что̀ давало возможность приказнымъ подыскивать для каждаго отдѣльнаго случая наиболѣе подходящій указъ съ умалчиваніемъ о другихъ. Николай Семеновичъ до того изощрился въ обращеніи съ этимъ матеріаломъ, что въ случаѣ надобности могъ цитировать многое на память съ полною буквальностью, и потому считался такимъ дѣльцомъ, борьба съ которымъ почти невозможна. И вотъ, обладая столь обширными познаніями, онъ, засѣвъ послѣ отставки въ деревню, рѣшилъ перемѣнить прежній недобросовѣстный образъ дѣйствій на новый, грабительскій и разбойный. Шайку онъ образовалъ главнымъ образомъ изъ своихъ крестьянъ, припуская, конечно, и болѣе подходящихъ стороннихъ. Скоро онъ сдѣлался грозою широкой округи и быстро умножалъ свое богатство. Грабили и убивали проѣзжихъ, подстерегали и разбивали обозы, товары увозили и сбывали черезъ различныя агентуры и т. п. Зарилось на Николая Семеновича начальство, пытались придираться мѣстные чиновники, ненавидѣли сосѣди, но подступиться было трудно, такъ какъ кромѣ того, что слѣды скрывались искусно и каждый долженъ былъ страшиться отпора силою, отставной прокуроръ ловко умѣлъ отписываться и запутывать самихъ преслѣдователей кляузами и протестами такъ, что они же большею частью оставались виноваты. Долго надъ мѣстностью тяготѣла гроза Николая Семеновича, но пришелъ и на него черный день. Разъ его шайка подстерегла гдѣ-то въ лѣсу большой обозъ товаровъ. Провожатыхъ перерѣзали, а товары повезли глухими путями къ деревнѣ; но какъ ни зорки были сподвижники Николая Семеновича—на этотъ разъ проглядѣли, что бывшій при обозѣ мальчикъ успѣлъ убѣжать и спрятаться въ чащу кустовъ. Съ своего наблюдательнаго пункта юркій мальчикъ видѣлъ всю расправу съ провожатыми и замѣтилъ направленіе, по какому двинулись разбойники. Какъ только они исчезли изъ виду и миновала опасность для него самого, мальчикъ быстро далъ знать мѣст-

нымъ властямъ, поднялъ тревогу, а власти на этотъ разъ тоже собрались такъ скоро и удачно, что настигли преступниковъ по самымъ горячимъ слѣдамъ, торжествуя, что удалось наконецъ изловить самого Николая Семеновича, на котораго такъ долго и безплодно точили зубы. Произвели тщательный обыскъ въ деревнѣ, нашли въ кладовыхъ и погребахъ груды товаровъ, нашли трупы и человѣческія кости, словомъ—застигнутая врасплохъ шайка предстала въ такомъ обличенномъ видѣ, что и запираться безполезно. Потащили всѣхъ въ острогъ, вмѣстѣ съ Николаемъ Семеновичемъ, и началось судебное дѣло. Всѣ участники должны были повиниться, разсказали новое и прежнее и скоро ушли въ Сибирь, но не такъ легко было справиться съ Николаемъ Семеновичемъ, въ которомъ выступилъ во всемъ блескѣ старый прокуроръ. Онъ упорно продолжалъ оправдываться, несмотря на всѣ улики и тюремное томленіе, твердя одно:—Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю; неповиненъ яко агнецъ, ведомый на заколеніе, терплю муку за правду и чаю за то мзды многія на небесѣхъ!—И во время слѣдствія, и на судѣ онъ ни одного существеннаго преслѣдовательнаго шага не оставлялъ безъ возраженій. Что̀ ни сдѣлаютъ судебные чины—на все готова жалоба и протестъ, съ указаніемъ, что тамъ-то нарушена такая-то формальность, здѣсь не соблюденъ такой-то указъ и т. п. Дадутъ ему очную ставку съ участниками разбоя—Николай Семеновичъ заявитъ, что противъ него показываютъ по злобѣ, разскажетъ небылицу о причинахъ этой злобы, да такъ все складно и гладко, что даже на правду похоже, а въ заключеніе прибавитъ, что при таковыхъ обстоятельствахъ показанію, всходствіе такого-то указа, вѣры давать не подлежитъ. Высшія инстанціи онъ тоже засыпалъ жалобами на судебное пристрастіе. Посылалъ даже прошенія государю, увѣряя въ своемъ неповинномъ страданіи и напоминая ему объ обязанности быть защитою невинныхъ и о судѣ Божіемъ. Послѣ многихъ подобныхъ жалобъ и воззваній дошло до того, что сдѣлано было распоряженіе не давать уже Николаю Семеновичу ни пера, ни бумаги, ни законовъ. Если онъ, въ концѣ концовъ, и не избѣгъ заслуженной кары, то все-таки достигъ того, что дѣло не разъ переслѣдовалось и пересматривалось, что измаялъ судей неутомимымъ запутываніемъ и затянулъ процессъ десятка на два лѣтъ, хотя все это время самъ томился въ заключеніи, дождавшись тамъ большой старости.

Находясь уже въ такомъ положеніи, онъ, предъ окончательнымъ своимъ осужденіемъ, еще разъ имѣлъ случай показать свой блестящій прокурорскій талантъ, о чемъ разсказывалъ моему

отцу, много спустя послѣ того, уже въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія, самъ вырученный Николаемъ Семеновичемъ изъ бѣды дальній его родственникъ, Степанъ Ѳедоровичъ.

Съ этимъ послѣднимъ тоже случилось скверное дѣло. Былъ въ губерніи помѣщикъ П.,—человѣкъ скромный, тихій, безвольный и—на бѣду его—природный художникъ. Хорошо рисовалъ, рѣзалъ на металлѣ и съ любовью предавался подобнымъ занятіямъ. Но жена у него была барыня бойкая, щеголиха, любившая блистать и веселиться, а потому очень требовательная по части денегъ, которыхъ мужъ не могъ доставлять ей столько, сколько она хотѣла. Пренебрегая тихимъ мужемъ, она обзавелась сторонними друзьями, и нѣкоторые изъ нихъ, въ свою очередь къ деньгамъ не равнодушные, присовѣтовали ей воспользоваться талантомъ мужа: чтò, молъ, пропадать напрасно природному дару, пусть примѣнитъ мужъ свое искусство къ дѣланію фальшивыхъ ассигнацій, а сбытчиковъ отыскать ужъ мы сами постараемся! Сказано—сдѣлано. Какъ ни отпрашивался скромный П. отъ сквернаго дѣла, а долженъ былъ при своемъ безволіи подчиниться настойчивымъ требованіямъ жены. Пріятели же дѣйствительно подыскали мастеровъ для сбыта. Эти послѣдніе разъѣзжали по ярмаркамъ, входили въ торговыя сдѣлки съ населеніемъ, покупали нужное и ненужное и продавали скупленное за полъ-цѣны, только уже за настоящія деньги, лишь бы пошире пускать въ оборотъ продукты фабрикаціи П. Въ числѣ друзей барыни былъ и упомянутый Степанъ Ѳедоровичъ, которому тоже приходилось передавать бумажки для сбыта какому-то мѣщанину Ольховику. Долго ли продолжалась такая операція и какую дала выручку—неизвѣстно, только пришло къ тому, что первымъ попался именно Ольховикъ. Покупалъ онъ партію скота на ярмаркѣ у какого-то помѣщика, а тотъ при разсчетѣ призналъ въ деньгахъ фальшь и поднялъ тревогу. Ольховика арестовали, засадили въ острогъ и началось большое дѣло. Степанъ Ѳедоровичъ, чувствуя за собою грѣшокъ, боялся показаній Ольховика и, чтобы задобрить его, посылалъ ему разными способами въ тюрьму пособія. Ольховикъ цѣнилъ это и, развязно указывая на другихъ сбытчиковъ и заказчиковъ, о Степанѣ Ѳедоровичѣ не обмолвливался ни словомъ. Такъ протянулось съ годъ, но наконецъ Степану Ѳедоровичу наскучило расходоваться, и онъ подачки прекратилъ. Тогда озлившійся Ольховикъ дополнилъ свои показанія, назвавъ участникомъ и его. Потребовали Степана Ѳедоровича въ Курскъ, и тутъ онъ совсѣмъ растерялся отъ страха.—Какъ быть? Грѣхъ-то вѣдь и вправду былъ, а я оправдываться и отписы-

ваться не умѣю, законовъ никакихъ не знаю—затаскають, засудять проклятые приказные; да если и откупаться отъ нихъ, такъ изведутъ и нищимъ выпустятъ! Думалъ, думалъ Степанъ Ѳедоровичъ и, какъ утопающій хватается за соломинку, рѣшилъ броситься за совѣтомъ къ томящемуся въ тюрьмѣ роденькѣ, прокурору Николаю Семеновичу.

Добился пропуска въ тюрьму и явился съ какими-то дарами. Одряхлѣвшій Николай Семеновичъ не узналъ посѣтителя сразу, а когда объяснилось, ктò предъ нимъ, встрѣтилъ его категорическимъ запросомъ:—Ну, какая же это такая бѣда надъ тобой стряслась, что ты ко мнѣ заявился, говори! — Пробовалъ-было Степанъ Ѳедоровичъ подержаться сначала въ той позиціи, что пришелъ просто изъ участія къ дядюшкѣ, терпящему напрасную муку, но тотъ ни одному слову не вѣритъ:—Врешь, братъ, врешь, я уже сколько лѣтъ здѣсь сижу за правду, а ты ни разу про меня не вспомнилъ; значитъ, коли пришелъ теперь, то есть большая нужда. Нѣтъ, братъ, и не пробуй ты меня, стараго воробья, морочить, а говори прямо, въ чемъ дѣло!—Видитъ Степанъ Ѳедоровичъ, что старика словами не обойти, разсказалъ ему все, чтò было, и повалился въ ноги: „Спасай, дядюшка, научи, на тебя только и надежда“!

Смягчился наконецъ суровый старикъ:—И радъ бы я,—говоритъ,—помочь въ такой бѣдѣ родному человѣку, да чтò мнѣ сдѣлать? Теперь мнѣ такое утѣсненіе, что я уже лѣтъ пять и указовъ не видалъ, ни законовъ, ни бумаги въ руки не даютъ, гонятъ меня, неповиннаго, безъ совѣсти.—„Да хоть совѣтъ какой дай, поломай голову, тряхни стариной!—упрашиваетъ Степанъ Ѳедоровичъ.—Ты тò сообрази, что вѣдь я-то ужъ ровно ничего въ дѣлахъ не смыслю, какъ на что отвѣтить—не знаю, ротъ разинуть боюсь, чтобъ не запутаться; даже того не разберу, чтò лучше: виниться или отпираться!“—Это правда,—говоритъ Николай Семеновичъ,—языкъ тутъ надо держать на привязи; ну, дай подумаю, авось набреду на что-нибудь подходящее.—Думалъ, думалъ, наконецъ спрашиваетъ:—Такъ Ольховикъ-то твой, говоришь, годъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и все молчалъ, а проговорился про тебя только теперь?—„Такъ, дядюшка, такъ“.—Ну, перекрестись же, твое счастіе, будь только уменъ, вывернешься!—„А какъ же это я, дядюшка, вывернусь?“—Слушай толкомъ, слова не пророни, какъ разъ для тебя подходящій законъ припомнился. Видишь ли, въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича есть 21-ая глава, а въ ней 33-ья статья, и тамъ, это я вѣрно помню, сказано такъ: „а которые воры, тати и разбойники учнутъ сидѣти въ тюрьмѣ

до полугода и учнутъ говорити какую татиную и розбойную молвь на иныхъ людей, а сперва въ роспросѣ про то на нихъ не говорили, и тѣмъ ихъ язычнымъ молвямъ не вѣрити, чтобъ неповиннымъ людямъ тягости не чинилось"! Вотъ такъ-то; а Ольховикъ твой, говоришь, не полгода, а цѣлый годъ сидѣлъ, значитъ—для тебя еще лучше; ты-то и выйдешь тотъ неповинный человѣкъ, которому Уложеніе не велитъ тягости чинить; только держи ухо востро! Станутъ это тебя допрашивать, учнутъ запутывать, запугивать—приказнымъ вѣдь надо изъ тебя что-нибудь вытянуть, чтобъ послѣ каждое лыко въ строку пустить,—а ты слова лишняго не молвь, знай, тверди одно: неповиненъ во всемъ, а 21 глава, 33 статья, говоритъ то-то. Будутъ разсказывать тебѣ чуда чудныя, дива дивныя, станутъ давать тебѣ и писать, а ты стой на одномъ и ни слова не прибавляй. Понимаешь, не ври и не пиши ничего, потому: станешь врать—проврешься, станешь писать—пропишешься. Вотъ такъ подержать тебя, подержать, да какъ увидятъ, что на крѣпкаго человѣка напали и ничего добиться нельзя—ну, и отпустятъ...

Позвали Степана Өедоровича къ допросу. Какъ проходилъ онъ чрезъ сѣни, видитъ, что и Ольховикъ приведенъ, стоитъ въ кандалахъ.—А, батюшка, Степанъ Өедоровичъ,—запривѣтствовалъ Ольховикъ,—добро пожаловать, давно ужъ мы васъ тутъ поджидаемъ, маленько будто и запоздали!—„Что ты, обознался, что-ли,—прикрикнулъ Степанъ Өедоровичъ,—я тебя и отродясь не видывалъ"! Въ судѣ пущена была на Степана Өедоровича настойчивая атака: и грозили за несознаніе, и мягкимъ манеромъ уламывали повиниться, соблазняя облегченіемъ кары, и законы показывали, и о всякихъ обстоятельствахъ подходящихъ и постороннихъ допытывали, и перерывами и затяжками изводили, и писать предлагали—все было, какъ предсказывалъ Николай Семеновичъ; но Степанъ Өедоровичъ твердо запамятовалъ наставленіе дядюшки и произносилъ только одно: „знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю, а по 21 главѣ, 33 статьѣ, оговорамъ послѣ полугода велѣно не вѣрити, стало быть меня и допрашивать незачѣмъ"! Диву дались допросчики, откуда это обыкновенный на видъ помѣщикъ такой прыти набрался, что такъ ловко отбивается. Таскали къ допросу много разъ, и очныя ставки давали, и съ разныхъ сторонъ заходили, но у Степана Өедоровича нашлось столько характера, что онъ ни на волосъ не вышелъ изъ границъ дядюшкиной инструкціи: „Неповиненъ", да „21 глава, 33 статья"—и только. Бились такъ съ нимъ

нѣсколько мѣсяцевъ, но, не добившись ничего, должны были отпустить.

Все это разсказывалъ, много лѣтъ спустя, въ близкомъ кругу и въ присутствіи моего отца самъ Степанъ Ѳедоровичъ, и подъ хмелькомъ даже бахвалился, что вотъ, молъ, какъ въ наше время умѣли люди изворачиваться, изъ какихъ дѣлъ сухими выходили,—куда до этого нынѣшнему жидкому поколѣнію! Кто-то изъ присутствовавшихъ выразилъ сомнѣніе, не преувеличиваетъ ли онъ, можетъ де быть, что на самомъ дѣлѣ фальшивыхъ бумажекъ у него и въ рукахъ не бывало, когда онъ изъ дѣла чистъ вышелъ. Степанъ Ѳедоровичъ, однако, горячо стоялъ на своемъ и, въ пылу спорнаго азарта, отперъ для доказательства какой-то секретный ящикъ и вынулъ оттуда глубоко запрятанную металлическую дощечку, на которой было вырѣзано: „Объявителю сей государственной ассигнаціи платитъ ассигнаціонный банкъ столько-то рублей ходячею монетою"...

— Что̀, братъ, видѣлъ? Такъ не спорь же о томъ, чего не разумѣешь!

Почему именно къ нему попала эта дощечка и зачѣмъ онъ ее берегъ—осталось тайною Степана Ѳедоровича.

Въ ту пору не мало было въ описываемой мѣстности людей богатыхъ, сильныхъ, на которыхъ не находилось никакой управы, почему самодурству и злоупотребленіямъ ихъ не видѣлось границъ. Для обузданія и отвѣтственности подобныхъ людей требовалось стеченіе какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ. Плохи были власти, въ сферѣ которыхъ господствовали произволъ, взяточничество, попираніе всякаго права, но предъ сильными помѣщиками и власти стушевывались. Былъ тамъ, между прочимъ, отставной воевода, такъ притѣснявшій сосѣдей, что, измѣнивъ немного его фамилію, прозвали его Заѣдиновымъ—заѣстъ, молъ, всякаго. А о происхожденіи его имѣнія разсказывали такъ. Въ молодости, проживая въ Москвѣ, подбился онъ къ какому-то знатному богачу и, втершись въ его компанію, принималъ участіе въ ея кутежахъ. Разъ, среди подобнаго кутежа, богачу этому вдругъ захотѣлось особеннымъ манеромъ повеличаться, и обратился онъ къ Заѣдинову съ такими словами:—Садись въ мой экипажъ на козлы и провези меня кучеромъ по московскимъ улицамъ; хочу, чтобъ всѣ видѣли, что у меня на козлахъ дворянинъ сидитъ, а я тебя за это озолочу!—Поломался немножко Заѣдиновъ, у котораго тоже дворянская амбиція была, но когда богачъ честнымъ словомъ предъ всею компаніею завѣрилъ, что подаритъ за это большое курское имѣніе,—согла-

сился. Сѣлъ богачъ въ экипажъ бариномъ, а Заѣдиновъ въ видѣ кучера провезъ его по виднымъ улицамъ Москвы, послѣ чего тотъ, соблюдая святость даннаго слова, совершилъ ему въ вотчинной коллегіи надлежащій документъ на курскую вотчину. Такъ Заѣдиновъ и самъ сталъ богатымъ человѣкомъ; а побывавъ потомъ еще воеводою, вкусивъ начальствованія, развился въ полнаго самодура. Къ нему полиція и по нужнымъ дѣламъ являлась со страхомъ и трепетомъ, не зная, какъ приметъ. Иной разъ безъ церемоній расправится и съ исправникомъ, вытолкаетъ въ шею, прибьетъ или потравитъ собаками, а въ другой—неожиданно обойдется очень ласково, оставитъ обѣдать, угощаетъ и что-нибудь подаритъ. Словомъ, хочу—накажу, хочу—награжу. Гдѣ же тутъ было мѣстному начальству справляться съ злоупотребленіями сильныхъ людей, особенно имѣвшихъ связи вверху, когда и въ половинѣ XIX столѣтія на многихъ у насъ не было управы! Если случались и вопіющія дѣла—все такъ и замретъ, и развѣ только приказнымъ, крапивному сѣмени, перепадетъ благостыня за содѣйствіе покрытію слѣдовъ.

О другомъ помѣщикѣ подобнаго же рода было такое преданіе. Женатъ онъ не былъ, но завелись у него въ деревнѣ двое сыновей. Пока они были малы, онъ не особенно задумывался объ ихъ участи, но какъ стали подростать—чаще и чаще одолѣвала его жалость, что и имени отцовскаго дѣти не получатъ, и мужиками будутъ, и имѣнія имъ передать нельзя. Кто-то подалъ ему мысль, что при помощи покровительства можно, подавъ прошеніе на Высочайшее имя, испросить въ путяхъ милости узаконеніе дѣтей. Такъ онъ и сдѣлалъ. Резолюція вышла милостивая, только подъ условіемъ, чтобы съ матерью дѣтей онъ обвѣнчался. Помѣщикъ вполнѣ былъ готовъ на это, но тутъ, словно на грѣхъ, мать эта возьми да и умри чуть не наканунѣ полученія резолюціи. Что̀ дѣлать въ такой бѣдѣ? Думалъ помѣщикъ, думалъ, и напослѣдокъ послалъ за своимъ священникомъ: „Устрой, батька, такъ, чтобъ въ метрической книгѣ запись была о бракѣ моемъ съ покойницею заднимъ числомъ, примѣрно за мѣсяцъ или за два до ея смерти“! Сильно поломался попъ, боясь отвѣтственности, потому что тогдашнія духовныя власти были страшнѣе нынѣшнихъ консисторій. Долго пришлось уговаривать, однако кончилось тѣмъ, что за запись небывалаго вѣнчанья помѣщикъ далъ пятьсотъ рублей—деньги въ ту пору очень большія, соблазнительныя. Все казалось улаженнымъ, но, вотъ, спустя нѣкоторое время, встрѣтился гдѣ-то попъ съ родственникомъ помѣщика, который въ случаѣ формальной бездѣтности послѣд-

няго могъ бы разсчитывать на его наслѣдство. Тотъ и пугнулъ попа: „Погоди, батька, будетъ тебѣ; записалъ ты небывалое вѣнчанье, а я донесу, тогда напляшешься“! Можетъ быть, онъ и не думалъ доносить, а хотѣлъ только попугать, но попъ совсѣмъ потерялъ голову отъ страха. Прибѣжалъ къ помѣщику,—такъ и такъ, говоритъ, „возьмите назадъ ваши проклятыя деньги, а мнѣ теперь впору только себя спасать; этою же ночью поѣду въ епархію, упаду преосвященному въ ноги, во всемъ повинюсь, стану молить—и будь на мнѣ его воля“!.. Видитъ помѣщикъ, что попъ и впрямь со страха все дѣло испортитъ, началъ уговаривать, обѣщалъ прибавку, просилъ и сердился, но все напрасно. Когда попъ уже взялся за шапку, вышедшій изъ себя отъ злобы помѣщикъ велѣлъ вытолкать его въ шею и крикнулъ ему въ догонку: „Ступай же хоть къ самому чорту, а архіерея тебѣ не видать“! Попъ вернулся домой, запрягъ саночки, надѣлъ тулупъ да рукавицы и поѣхалъ въ одиночку, правя лошадью самъ. Ночь была морозная, ясная, мѣсяца нѣтъ, только звѣзды сверкаютъ. Какъ только съѣхалъ попъ на рѣку, на ледъ, тутъ подстерегавшія мощныя руки его подхватили, да—въ прорубь. Такъ и концы въ воду. Пошелъ слухъ по всей округѣ, да ничего изъ этого не вышло.

Поссорятся, бывало, между собою крупные помѣщики—и тутъ тоже не всегда дѣло обходилось одною враждою да личными непріязненными выходками, а временами доходило и до настоящей междоусобной войны, какъ у феодаловъ или удѣльныхъ князей. Кто позадорнѣе—соберетъ своихъ крестьянъ и учинитъ набѣгъ на имѣніе противника съ боемъ, разореніемъ или краснымъ пѣтухомъ. А иной разъ и въ полѣ дадутъ формальную баталію. Одинъ выставитъ человѣкъ сто или полтораста, другой столько же, кто съ ружьемъ, кто съ дубьемъ, кто съ ножемъ или косою. Тотъ или другой торжествуетъ побѣду, а въ общемъ результатѣ съ обѣихъ сторонъ лягутъ на мѣстѣ побоища десятки, да много вернется по домамъ искалѣченныхъ. И ничего, все сходило съ рукъ, давая развѣ поводъ къ безпокойствамъ отъ доносовъ.

Но среди такихъ жестокихъ нравовъ, встрѣчались въ той же помѣщичьей средѣ отдѣльныя лица, бывшія рѣзкими исключеніями. Они, словно рѣдкія свѣчки, мерцали среди безграничнаго и густого общественнаго мрака. То христіанское сѣмя, которое въ другихъ не принесло ничего, кромѣ подчиненія обрядности, здѣсь пало на благодарную почву и, вмѣстѣ съ искрен-

нею вѣрою, взростило строгую совѣстливость и живую потребность дѣйствительно благочестивой жизни. Усадьба такого помѣщика представлялась чѣмъ-то въ родѣ оазиса среди безотрадной пустыни.

Подобнымъ исключительнымъ человѣкомъ былъ, между прочимъ, упомянутый выше прадѣдъ мой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, которому судьба послала и такую же добродѣтельную жену. Всѣ остававшіяся о нихъ преданія изображали ихъ настоящими праведниками. Отецъ мой встрѣчалъ еще не мало людей, лично ихъ знавшихъ, и эти всегда отзывались о нихъ съ благоговѣніемъ, передавая различныя черты ихъ жизни. Не только въ кругу своихъ родныхъ, гдѣ попадались всякіе люди, но и въ широкой округѣ, исполненной жизненныхъ безобразій, прадѣдъ и прабабка успѣли пріобрѣсти большое уваженіе и такой нравственный авторитетъ, что предъ ними стыдились нехорошихъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прадѣдъ вернулся послѣ семилѣтней войны, онъ прожилъ въ деревнѣ около тридцати лѣтъ, и все это время не слышно было, чтобы кто пожаловался на него въ какой-нибудь обидѣ. Съ людьми повыше положеніемъ онъ умѣлъ поддерживать свое достоинство, съ равными былъ вѣжливъ и доброжелателенъ, съ низшими ласковъ, а къ крестьянамъ милостивъ и участливъ. И въ отношеніи къ прислугѣ онъ, вопреки общему обычаю тогдашняго времени, старался избѣгать уничижительныхъ обращеній: „Ванька", „Прошка", замѣняя ихъ мягкими: „Ваня", „Степа" и т. под. Говорили, что и всѣ домашніе, и деревня его, подъ вліяніемъ барина, отличались лучшими противъ сосѣдей нравами, напоминая о пословицѣ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ". Конечно, живя въ деревнѣ, прадѣдъ долженъ былъ общиться съ окружными помѣщиками, ради поддержки необходимыхъ отношеній, но насколько было возможности—сторонился отъ дурной компаніи, избѣгалъ быть свидѣтелемъ кутежей и не входилъ ни въ какое сомнительное дѣло. Нравственный обликъ его отчасти отразился въ собственноручномъ его завѣщаніи дѣтямъ, которое хранится у меня подлинникомъ и приводится ниже. Хранился у моего отца еще прадѣдовскій старинный экземпляръ „Псалтыри слѣдованной", кіевскаго изданія 1756 года, заключавшій обширный сборникъ разныхъ церковныхъ службъ, каноновъ, акаѳистовъ и т. под., и я помню, какими потемнѣвшими были въ этой книгѣ нижніе края листовъ, отъ частыхъ прадѣдовскихъ перелистываній; на листахъ оставались слѣды восковыхъ капель отъ молитвеннаго употребленія книги со свѣчкою, а на поляхъ, свободныхъ листкахъ и

пробѣлахъ записано было не мало размышленій прадѣда, въ свою очередь его обрисовывавшихъ, хотя преобладающимъ содержаніемъ записей оказывались видѣнные имъ и его женою вѣщіе сны.

Среди господствовавшей вокругъ распущенности, особенностью прадѣда была ненарушимая трезвость. Отъ вина уклонялся онъ еще съ ранней молодости. Когда послѣ отставки осѣлъ онъ въ деревнѣ, то, собирая у себя временами гостей, конечно, угощалъ ихъ и виномъ, и наливками, однако себѣ позволялъ только изрѣдка коснуться меду, хотя меды въ ту пору водились въ деревняхъ вкусные и довольно хмельные. Вышелъ, однако, случай, послѣ котораго прадѣдъ окончательно отказался и отъ меду.

Разъ, въ именины или другой какой-то торжественный день, давалъ онъ у себя обѣдъ, на который собралось не мало гостей, и между ними, разумѣется, были охотники выпить. Угощая другихъ, прадѣдъ и самъ отвѣдалъ меду настолько больше обыкновеннаго, что у него въ головѣ зашумѣло. Когда пиръ былъ уже „во полу-пирѣ", нѣкоторые гости стали жаловаться, что веселье отчего-то не клеится: и пьемъ, молъ, и бесѣдуемъ, а настоящаго веселья нѣтъ; эхъ, кабы тутъ музыка какая, да гдѣ ее взять-то! Захотѣлъ прадѣдъ угодить гостямъ и вдругъ скомандовалъ:—Евланъ!—Этотъ Евланъ былъ ближайшій къ нему слуга, состоявшій при немъ еще съ дѣтства, странствовавшій съ нимъ въ прусскихъ походахъ и потому знавшій все касавшееся барина до мельчайшихъ подробностей.

Евланъ явился и получилъ приказъ:—Ступай сейчасъ на чердакъ, разыщи тамъ, въ такомъ-то углу, тотъ футляръ, который, знаешь, съ нами еще въ походѣ былъ, и принеси сюда!—Пошелъ Евланъ и скоро вернулся съ большимъ запыленнымъ футляромъ. Гдѣ-то отыскался ключъ къ футляру, и вдругъ глазамъ компаніи представилась скрипка, о существованіи которой въ домѣ, кромѣ Евлана и самого барина, даже не зналъ никто. Дѣло въ томъ, что въ ту пору музыку считали не-дворянскимъ занятіемъ, приличнымъ больше скоморохамъ, а не благородному сословію, и прадѣдъ, имѣя къ ней природную склонность и способность, въ молодости предавался ей только въ уединеніи, а вернувшись въ деревню, запряталъ скрипку далеко и никому не показывалъ своего искусства. Только случайный хмель открылъ его тайну. Настроилъ прадѣдъ скрипку и что-то мастерски сыгралъ. Однако компанія этимъ не вполнѣ удовлетворилась, и иные стали замѣчать, что веселья все-таки мало, и недурно бы

въ музыкѣ присоединить еще хоть какую-нибудь пляску. Увлекшись скрипкою, прадѣдъ обратился къ женѣ:

— Арюша, видишь, надо бы потѣшить гостей; музыка есть, а плясать некому; пропляши-ка намъ хоть ты что-нибудь!

Прабабка удивилась и, видя возбужденное настроеніе мужа, попробовала подѣйствовать на него убѣжденіемъ:

— Господинъ ты мой, Өедоръ Өедоровичъ, воленъ ты мнѣ приказывать, должна я покоряться твоей волѣ, да самъ разсуди, хорошо ли это? Какая я плясунья и пристало ли мнѣ, твоей женѣ, забавлять людей своею пляскою?

— Пляши, говорятъ тебѣ, я такъ хочу!..—прикрикнулъ прадѣдъ.

Чуть не всплакнула прабабка отъ такой обиды, но, признавая власть супружескую, взялась въ бока и, какъ могла, покорно прошла какой-то танецъ.

День закончился, гости разъѣхались, прошелъ и хмель, а на слѣдующее утро прадѣдъ, обдумывая вчерашнее поведеніе, сильно устыдился своего поступка. Онъ глубоко уважалъ и любилъ жену, всегда между ними было полное согласіе, а тутъ вдругъ такая нелѣпая выходка. Со слезами, на колѣняхъ просилъ онъ у жены прощенія. Долго она успокоивала мужа тѣмъ, что съ кѣмъ, молъ, не случается грѣхъ, а тутъ вышла чуть не единственная въ ихъ жизни непріятность,—но прадѣдъ, пообѣщавъ, что впередъ ничего подобнаго не будетъ, успокоился только высказавъ торжественное рѣшеніе съ этого дня не брать въ ротъ даже меду, что̀ съ точностью исполнилъ въ теченіе всей послѣдующей жизни.

Но и кроткаго человѣка могли доводить до рѣзкихъ взрывовъ столкновенія съ тогдашними бытовыми условіями. Вотъ еще характерный эпизодъ. Скоро послѣ возвращенія прадѣда изъ прусскаго похода, однажды вошла въ его комнату жена, сильно испуганная. Пораженный ея волненіемъ, онъ спросилъ, не случилось ли въ домѣ какого-нибудь несчастія?

— Ахъ, батюшка Өедоръ Өедоровичъ, бѣда, великая бѣда, пропали наши головы, — отвѣтила она:—пріѣхалъ въ деревню воеводскій капралъ Вавиловъ недоимки собирать!

— Ну, коли только-то и бѣды, такъ это еще немного. Пріѣхалъ, сдѣлаетъ свое дѣло, да и уѣдетъ,—что жъ тутъ тревожиться? До тебя же это и совсѣмъ не касается; коли что̀ будетъ нужно, такъ я самъ съ нимъ разговаривать буду.

— Что̀ ты, батюшка, какъ не касается! Да онъ, какъ ты еще въ походахъ былъ, не разъ сюда наѣзжалъ, да такъ поло-

шилъ народъ, что не приведи Господи. Съ людьми ругается, дерется, грабитъ, притѣсняетъ, а самъ пьянствуетъ-пьянствуетъ, да безчинствуетъ такъ, что всю деревню вверхъ дномъ перевернетъ. Извѣстно, сколько помѣщиковъ изъ нашего околотка нѣсколько лѣтъ въ походѣ были, а дома-то оставались однѣ барыни,—что имъ противъ него сдѣлать,—полная ему воля. Какъ захочется ему въ „кружало“ (питейное заведеніе), такъ онъ въ сани бабъ запрягаетъ, отвезутъ онѣ его туда и ждутъ на морозѣ, пока онъ вдоволь напьется и велитъ назадъ себя везти. Просто такая гроза, что люди ждутъ, не дождутся, когда онъ соберетъ недоимки да уѣдетъ; даже барынь запрягалъ... И управы на него нѣтъ никакой.

— Не безпокойся, Арюша, — говоритъ прадѣдъ,—поди къ себѣ и въ это дѣло не входи; если и бывали такія безчинства, то будь увѣрена, что при мнѣ ихъ не будетъ; ужъ я-то съ нимъ справлюсь.

Едва прабабка ушла въ свою комнату, нѣсколько успокоенная, какъ дверь отворилась и вошелъ самъ воеводскій капралъ Вавиловъ. Не снимая шапки, видимо подъ хмелькомъ, съ нахальнымъ видомъ обратился онъ къ прадѣду:—Здравія желаемъ!

Подготовленный прадѣдъ строго взглянулъ на него.

— Ты это что жъ, въ кабакъ попалъ, что-ли? Вошелъ въ дворянскій домъ и въ шапкѣ стоишь, не видишь и того, что вотъ святыя иконы здѣсь! Ты что за человѣкъ такой, говори!

— Какъ что за человѣкъ! нѣшто ты меня не знаешь?— возразилъ зазнавшійся капралъ.

— Да кабы тебя хорошо зналъ, такъ не спрашивалъ бы. Вижу только, что образина какая-то въ шапкѣ стоитъ. Отвѣчай, что спрашиваю!

— Потише, баринъ, потише, не велика бѣда, что и въ шапкѣ. Я вѣдь воеводскій капралъ Вавиловъ и пріѣхалъ сюда не съ пустымъ дѣломъ, а недоимки съ вашего околотка взыскивать; вотъ и знай, коли хочешь, съ кѣмъ говоришь.

— Вотъ велика птица, воеводскій капралъ! залетѣла ворона въ высоки хоромы! Что же это ты, съ своимъ братомъ говоришь, что ли? Шапку долой!

Вавиловъ продолжалъ грубо ломаться, и прадѣдъ кликнулъ: —Миша, Степа, сбейте съ него шапку!—Прислуга съ усердіемъ кинулась къ давно ненавистному ей капралу, шапка полетѣла, но озлобленный Вавиловъ, протестуя, пробовалъ еще грубить и пугать:—Берегись, баринъ, за меня тебѣ больно достанется; видали мы и не такихъ, какъ ты, а которые почище будутъ!

— Нѣтъ, братъ, ужъ я тебѣ покажу, что такихъ, какъ я, ты еще не видывалъ! — воскликнулъ совсѣмъ выведенный изъ себя прадѣдъ. — Ребята, отведите-ка его на конюшню, да хорошенько всыпьте ему горячихъ, чтобъ долго помнилъ!

Упиравшагося капрала потащили подъ руки и на конюшнѣ отъ всей души такъ отстегали, что онъ безъ шапки, стремглавъ, бросился бѣжать изъ деревни, приказывая своей телѣгѣ спѣшить за нимъ вдогонку, и полетѣлъ съ жалобою къ воеводѣ. А на другой или третій день прадѣдъ самъ поѣхалъ къ воеводѣ, объяснилъ ему всю суть, и дѣло кончилось простымъ разговоромъ. Послѣ этого, Вавиловъ больше не показывался въ округѣ, и имя его, потерявъ грозное обаяніе, стало только предметомъ насмѣшекъ.

Рѣдкіе люди, подобные прадѣду, могли возбуждать вопросъ — откуда возникала въ нихъ такая противоположность господствовавшимъ нравамъ? Видно, и сквозь густой мракъ пробивалось исканіе правды и потребность большой нравственной работы надъ собою, опиравшейся на христіанство. Сколько позволяли судить сохранявшіяся преданія, источникомъ такихъ явленій была сознательная религіозность. Говорили, что не малую силу имѣло и семейное преданіе: въ хорошей-де семьѣ свойства отца въ той или другой мѣрѣ переходили хоть къ одному изъ дѣтей, и если иные портились окружающей средою, то все-же въ роду не переводились добрые люди.

Прадѣдъ, какъ сказано было выше, оставилъ собственноручное духовное завѣщаніе, въ которомъ отразился обликъ добраго помѣщика и семьянина средины XVIII вѣка. Имѣніе осталось послѣ него настолько значительное, что его хватило дѣтямъ на ихъ жизнь, но не о раздѣлѣ имѣнія говорилъ онъ въ завѣщаніи. Раздѣлъ прадѣдъ предоставилъ совѣсти самихъ дѣтей, уклонившись отъ подробныхъ указаній, но счелъ нужнымъ дать имъ рядъ нравственныхъ наставленій, особенно внушая о необходимости согласной, дружной жизни и добрыхъ дѣлъ. Вотъ это завѣщаніе:

„Написано въ селѣ Красномъ 1786 года марта 15 дня. Господи благослови. Во имя св. Троицы, Отца и Сына и св. Духа, аминь. Духовное завѣщаніе дѣтямъ моимъ. Старость, а паче печаль удручила меня смертію лишеніемъ вашей матери, а моей дражайшей и вселюбезнѣйшей жены, искренняго и вѣрнаго друга, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, Ирины Васильевны. А и мнѣ часъ приближается, въ который предѣломъ воли Владычней, на всѣхъ смертныхъ наложенной, изнемогши отъ многой скорби и суетства

міра сего, а паче разлученна съ любезною мнѣ вашею матерью, въ надеждѣ милости Божіей съ простертыми руками иду къ сладкому его покою вѣчнаго царствія. Но прежде нежели замкну вѣчнымъ сномъ глаза, хощу вамъ дать отческія наставленія; надѣюся, что вы ихъ исполните въ самой точности. Первое и начальное, паче всего бойтеся Бога и любите его, яко Онъ—нашъ отецъ небесный и яко посылаетъ намъ всякое благо. Государю своему вѣрно служите и имѣйте къ нему рабское почтеніе и усердіе. Господа Бога прославляйте за чрезмѣрное его человѣколюбіе и несказанное милосердіе и за чюдное правосудіе его; не зачинайте вставши ничего, пока принесете Господу Богу молитвы во время благопотребно, положеннаго св. апостолы и всѣми святыми на вселенскихъ соборахъ утренняго правила всякому православному христіанину; и ниже ложись на одръ безъ призванія его святаго имени. Воскресные и праздничные дни ходите въ церковь Божію для принесенія Господу своему за оказанныя милосердія благодаренія и для испрошенія святой его помощи. Въ братствѣ — яко вы единоутробные — приказываю вамъ какъ отецъ и прошу какъ другъ—имѣйте истинную христіанскую любовь и мирное житіе, то да почіетъ на васъ миръ Христовъ и благословеніе Божіе водворится въ сердца ваша. Ибо ничто такъ добрò или краснò, какъ братіи быть въ единомышленіи, мирѣ и любви. Тогда почерпнете отъ источника благодати милость Божію въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчная благая. Но вѣдайте и сіе, что непріятна молитва безъ добрыхъ дѣлъ, доброе же дѣло состоитъ въ любленіи Бога и ближняго, а паче искренняго. Для любленія Бога и искренняго всѣ пороки истребляются, то-есть любящій ближняго ненавидитъ зла. Надъ бѣднымъ и сирымъ имѣйте сожалѣніе, утѣсненнымъ и изгнаннымъ дайте руку помощи, покрывайте нищаго щедротою своею. Возьмите примѣръ и подобіе покойной вашей матери, о которой благодѣяніяхъ многіе гласятъ вы довольно, хотя не все помните. Сему послѣдуйте, а незапомнящимъ впечатлѣйте пересказаніемъ. Я вамъ примѣромъ доброй жизни ничѣмъ не послужилъ, окаянный и злый денми старецъ; невоздержанія и окаянства ради злыхъ дѣлъ моихъ я былъ не во исправленіе, но въ соблазнъ; простите меня Христа ради; подражайте же житію рождшей васъ матери и запечатлѣйте ея добродѣтели въ разумѣ и сердцахъ вашихъ. Чужого жъ и несправедливаго не токмо не стяжайте, но и не желайте и бойтесь яко огня, вся поядающаго. Къ рабомъ, вамъ вѣрно служащимъ, имѣйте любовь и милость, злыхъ исправляйте кроткимъ духомъ и умѣреннымъ наказаніемъ. Вотъ, любезныя

мои дѣти, все сіе внемлите мое многогрѣшное завѣщаніе и подражайте безпримѣрнымъ добродѣтелямъ и любви къ Богу и ближнему вашей матери. Скажу вамъ: сколько и я окаянный ея молитвами отъ смертельныхъ случаевъ болѣзней помилованъ былъ Господомъ Богомъ, безчисленный грѣшникъ, и изобиловалъ благими—описать перомъ не могу!—вѣрнѣйшею ея въ супружествѣ любовію и повиновеніемъ недостойнѣйшему мужу таковой жены, паче рещи драгоцѣннѣйшаго сокровища, которая мужествомъ своей добродѣтели возлагала на злую мою главу вѣнецъ драгій и хвальный. О имѣніи моемъ ничего вамъ не завѣщаю, а наставитъ васъ благодать Господня безобидно расположить. Смотрите, чтобы каждой былъ доволенъ своимъ оброкомъ, а прочая вся приложатся вамъ. Повторяю жъ отеческое мое завѣщаніе: имѣйте между собою мирное и любовное житіе, яко вы единоутробные; тогда будете яко градъ твердъ и вѣнецъ благодати Божіей будетъ въ жизни вашей. Егда жъ тѣло мое многогрѣшное распряжется сего тлѣннаго соуза, погребите оное при костяхъ матери вашей безо всякой церковной церемоніи [1]), а по христіанскому долгу, и сотворите сорокоустіе безъ скупости во избавленіе моей грѣшной души. Вы свидѣтели, что я лишняго ничего не прожилъ, а все сохранилъ оставленное отъ моихъ и матери вашей родителей въ точной цѣлости. И за симъ реку паки: простите меня окаяннаго безчисленнаго грѣшника и попросите всѣхъ, да простятъ меня, Христа ради. А на васъ, мои любезные, да почіетъ благословеніе Божіе и мое грѣшное. Да не возмните сіе—всуе писанное, да не будете судимы, а сохраните яко ваше сокровище! А сіе писано и подписано отцемъ вашимъ тако: Өеодоръ Воропоновъ".

За добрыми стариками того времени водилось только одно нехорошее свойство: упорные взаимные счеты, при которыхъ одна сторона не уступала другой. Люди не предпринимаютъ другъ противъ друга враждебныхъ дѣйствій, не ссорятся на виду, но избѣгаютъ встрѣчъ, а причина застарѣлыхъ неладовъ остается темною. Установились такія отношенія у одного изъ моихъ родственниковъ XVIII вѣка съ другимъ старикомъ, свойственникомъ его по женѣ. Что-то между ними произошло въ древнія времена, о чемъ почти никто изъ сосѣдей не помнилъ, и развѣ кое у кого были сбивчивыя воспоминанія, да такъ все и осталось надолго. Оба противника слыли людьми кроткими, но сколько ихъ ни уговаривали—не поддавались примиренію. И

[1]) Т.-е. пышности.

о поводахъ къ неудовольствіямъ не говорятъ, а на совѣты отмалчиваются. Велась между ними и тяжба по имѣнію, тянувшаяся по старинному лѣтъ сорокъ и очень убыточная для обѣихъ сторонъ. Каждый чувствовалъ эти убытки, тяготился ими, но на соглашеніе не шелъ. Умеръ мой родственникъ, остались взрослые сыновья, стали разбираться въ дѣлахъ и видятъ, что продолжать тяжбу дальше нельзя, а на мировую надежда плоха. Они выросли съ тѣмъ понятіемъ, что противникъ — какой-то упрямый, недобрый старикъ, да и дѣло-то больше склонялось уже на его сторону. Однако, послѣ долгаго раздумья, пришли къ мысли, что все-таки попытка не пытка, и двое поѣхали къ старику попытать мира. Объяснили они ему свое положеніе, высказали, что надѣются на его родственное чувство, такъ какъ онъ близокъ имъ по матери, просили кончить на чемъ-нибудь тяжбу,—и чтò же? Старикъ расплакался, обнялъ ихъ, сталъ называть друзьями, цѣловать, и предъ иконою пообѣщался немедленно прекратить тяжбу и все уступить. Такъ все и сталось. Сорокалѣтняя тяжба вдругъ исчезла отъ короткаго объясненія, и старикъ до конца дней своихъ продолжалъ выражать бывшимъ противникамъ искреннее родственное дружелюбіе, высказывая только при случаѣ: „радъ любить всѣхъ васъ, а съ покойнымъ батюшкой вашимъ меня уже Богъ разсудитъ“!

Въ началѣ XIX вѣка, примѣрно около двадцатыхъ годовъ, когда отецъ мой въ послѣдній разъ навѣстилъ курскую губернію, нравы тамъ уже значительно измѣнились. Разбои затихли, хотя процвѣтаніе ихъ поминалось, какъ довольно еще свѣжее прошлое; конокрадство удержалось почти исключительно въ простомъ народѣ, но у многихъ помѣщиковъ наслѣдственные инстинкты сказывались въ широкомъ разгулѣ и затяжные кутежи нерѣдко принимали прямо невѣроятные для нынѣшняго времени размѣры. Иной человѣкъ — совершенно добродушный, пріятный въ обществѣ, острякъ, балагуръ, нерѣдко даже старикъ, но — чтò онъ могъ натворить во время кутежей! Сгруппируется дружеская компанія и по нѣскольку дней подъ рядъ предается гульбѣ то у одного, то у другого изъ своихъ членовъ. Натуры были удивительно крѣпкія, выносливыя и все сходило имъ благополучно.

Придутъ рождественскіе праздники и—сейчасъ загуляютъ, благо и время по хозяйству свободное; потомъ коротенькая передышка, далѣе компанія цѣликомъ перекочевываетъ гулять въ

другую усадьбу, снова маленькій отдыхъ, а тамъ новая перекочевка для кутежа—и такъ вплоть до конца масляницы, пока отпирують у каждаго поочередно. Но вотъ ударитъ вечеромъ въ масляничное воскресенье великопостный колоколъ—и все разомъ затихло. Въ домахъ тишина, покаянные вздохи, господство въ первые дни сухояденья, ходятъ помѣщики въ церковь, слушаютъ канонъ св. Андрея Критскаго, кладутъ земные поклоны и всюду строгое постничество. Вчерашній кутила не возьметъ даже рыбы въ ротъ, за исключеніемъ праздника Благовѣщенія, выражаетъ сомнѣнія насчетъ елея, и рѣдкій позволитъ себѣ разговѣться рыбою еще разъ въ вербное воскресенье. Но дождутся святой недѣли—и опять все по старому. Не особенно страдало отъ этого даже хозяйство. Хорошій хозяинъ строго внушитъ приказчику: „Ты не опускай рукъ отъ того, что я гуляю; я свое отгуляю, а потомъ за все, про все съ тебя спрошу и повѣрю; такъ держи ухо востро, чтобъ въ отвѣтѣ не быть“!

Допивались до такихъ исторій, что нынѣшнему уму совсѣмъ непостижимо. Придетъ, напр., компанія въ восторженное состояніе и начнутъ придумывать, какъ бы ознаменовать взаимную дружбу чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ. Разъ одинъ предложилъ „ради дружбы“ поджечь свой домъ. Отправились всѣ со свѣчкою на чердакъ, что-то тамъ подожгли и вернулись догуливать, не задумываясь о послѣдствіяхъ. Конечно, домашніе слѣдили за ходомъ кутежа, зная обычаи компаніи, и предупредили пожаръ во-время, но жертва дружбѣ все-таки была принесена и всѣ довольны. Въ другой разъ одинъ изъ кутившихъ, ради той же дружбы, предложилъ повѣситься. Друзья отвели его въ какую-то каморку или сарай, преспокойно наложили ему петлю на шею, подвѣсили и ушли продолжать попойку, словно настоящее дѣло сдѣлали. Повѣшеннаго опять спасли, хотя онъ уже хрипѣлъ, но подвигъ его сильно подогрѣлъ чувство дружеской чести, и вернувшагося къ попойкѣ добровольнаго висѣльника встрѣтили съ распростертыми объятіями и выпивочными привѣтствіями. Преданіе говоритъ однако, что былъ и случай невыдержки характера. Одинъ обѣщалъ броситься изъ верхняго этажа внизъ, да какъ дошло до исполненія—сообразилъ высоту, струсилъ и замялся. Этого уже компанія не могла стерпѣть: чтобъ не срамилъ дружбы, взяли голубчика, да силою вытолкнули въ окно. Поврежденіе какое-то онъ получилъ, но живъ остался и былъ друзьями прощенъ, хотя временами его и подразнивали напоминаніями о слабости. Отецъ мой разсказывалъ, что ему разъ пришлось быть свидѣтелемъ такого случая. Заѣхалъ онъ къ родственнику, ста-

рику, который покутить былъ очень охочъ, да жена крѣпко держала его въ рукахъ и всемѣрно старалась не пускать въ разгульную компанію. Сидятъ они вмѣстѣ вечеромъ, пьютъ чай,—вдругъ прискакалъ изъ сосѣдней деревни верховой съ извѣщеніемъ, что тамъ собралась хорошая компанія и усердно проситъ старика присоединиться къ ней. Старикъ бы и радъ, но жена не позволяетъ и уже предусмотрительно приказала, чтобы лошадей закладывать не смѣли. Посланный отъѣхалъ съ отказомъ. Томится старикъ, а взбунтоваться не можетъ. Однако, компанія не удовлетворилась и рѣшила, что непремѣнно надо выручить товарища изъ домашняго плѣна. Отрядили двоихъ, въ видѣ депутаціи; тѣ пріѣхали верхомъ и принялись слезно упрашивать строгую хозяйку отпустить мужа, обѣщая, что сами будутъ соблюдать его отъ всякихъ излишествъ. Просили, просили, но все напрасно. Старуха и слышать не хочетъ объ отпускѣ мужа, спрятала его шапку и верхнее платье, но, видя, что гости пріѣхали верхомъ, безъ всякаго экипажа, не особенно безпокоится возможностью нарушенія запрета. Однако вышло не то. Гости распрощались, сѣтуя на неумолимость хозяйки, а старикъ хозяинъ вышелъ на крыльцо ихъ проводить. Прошло изрядное время—онъ въ домъ не возвращается. Пошли розыски, а его и слѣдъ простылъ. Что же оказалось на повѣрку? Одинъ изъ гостей, сѣвъ на лошадь, уступилъ одно стремя, другой уступилъ другое, а старикъ, ставъ ногами въ стремена разныхъ лошадей, безъ шапки, въ одномъ сюртукѣ, умчался вмѣстѣ съ ними, благополучно доѣхалъ и свое отпировалъ. Ахнули всѣ домашніе, но бѣгство такимъ способомъ было на лицо.

И не такіе примѣры бывали. Промчаться въ экипажѣ черезъ рвы, перелетѣть черезъ стадо отдыхающихъ на землѣ быковъ, и т. д., и т. д., было дѣломъ заурядныиъ. Спросятъ, бывало, такого героя: „да какъ это вамъ все сходило благополучно"? А онъ, ухмыляясь, отвѣчаетъ: „извѣстно, пьянаго двадцать-четыре чорта берегутъ; ну, а трезвому это, разумѣется, не сойдетъ".

Съ конца двадцатыхъ годовъ нить моихъ курскихъ преданій прервалась на продолжительное время, и потому я кончаю рѣчь о нихъ.

У прадѣда моего было пять сыновей и нѣсколько дочерей. Младшій сынъ еще холостымъ исчезъ безвѣстно въ походѣ, кажется въ Александровскую прусскую кампанію 1806 и 1807 годовъ; четвертый, Степанъ, былъ женатъ, но бездѣтенъ, третій—Иванъ—оставилъ только женское потомство, а мужское осталось только отъ двухъ старшихъ, Алексѣя и Ѳедосѣя, изъ которыхъ

второй былъ мой дѣдъ. Служа въ ямбургскомъ кирасирскомъ полку, онъ участвовалъ въ Екатерининскихъ польскихъ и шведской войнахъ, въ теченіе послѣдней былъ въ сраженіяхъ при Снобахъ, Меленѣ и Гекфорсѣ (1789), затѣмъ въ первый годъ Павловскаго царствованія, подобно многимъ дворянамъ, попросился въ отставку и за то „отставленъ отъ службы тѣмъ же чиномъ", а послѣ воцаренія Александра ему объявленъ былъ слѣдующій, маіорскій чинъ. Въ самомъ концѣ XVIII вѣка попалъ онъ въ новороссійскій край, женился тамъ на дочери значительнаго помѣщика, подполковника Звѣрева, и сталъ жить уже въ новой сферѣ.

Теперь надо перейти къ херсонскимъ преданіямъ.

II.—Херсонскія преданія.

Связь нашей фамиліи съ херсонскою губерніею, какъ объяснено уже, образовалась вслѣдствіе женитьбы попавшаго туда изъ курской губерніи дѣда моего, ротмистра Ѳедосѣя Воропонова, на дочери мѣстнаго помѣщика Звѣрева, который служилъ „дежуръ-маіоромъ" (старшимъ адъютантомъ) въ штабѣ генералъ-аншефа Текелли, начальствовавшаго надъ войсками въ новороссійскомъ краѣ. Случилось это въ самые послѣдніе годы XVIII столѣтія.

Въ ту пору нынѣшняя херсонская губернія была еще очень мало заселенною. Заключая въ себѣ огромныя пространства пустыхъ земель, дожидавшихъ хозяина и воздѣлывателя, эта страна отличалась и крайне безпокойными условіями жизни. Отъ начала сколько-нибудь систематическаго заселенія ея прошло только около полувѣка, и живы были еще многіе изъ видѣвшихъ первые шаги этого заселенія. Въ первой половинѣ XVIII вѣка здѣсь было проходное пространство для войскъ при русскихъ походахъ въ Турцію, гдѣ поселялись, подъ постояннымъ страхомъ разоренія, самые разнообразные элементы: заходившіе изъ Сѣчи запорожцы, бѣглые изъ сосѣднихъ польскихъ владѣній и разный захожій людъ. Селились больше хуторами, но какъ только возникали войны, смуты или случались набѣги крымцевъ—все это превращалось въ развалины и пустыри.

Хотя еще Петръ Великій въ свои послѣдніе годы задумывалъ колонизацію этой мѣстности, но прочное заселеніе тамъ могло начаться лишь послѣ Миниховскихъ турецкихъ походовъ, укрѣпившихъ здѣсь русскую власть. Сѣверъ нынѣшней херсонской губерніи вполнѣ находился въ фактическомъ владѣніи Россіи, но

югъ оставался еще за Турціею, которой принадлежали и Очаковъ, и мѣсто нынѣшней Одессы, и другіе пункты черноморскаго побережья. Новое русское владѣніе, такимъ образомъ, врѣзывалось клиномъ между Польшею,—которой принадлежали нынѣшнія кіевская и подольская губерніи,—и приморскою окраиною турецкаго владѣнія. Несовсѣмъ ясны были и границы. Польская еще обозначалась рѣками Высью и Синюхою, но отъ Турціи наши владѣнія отдѣлялись только широкими степями, и лишь послѣ кучукъ-кайнарджійскаго мира (1774 г.) границею здѣсь стало живое урочище—рѣка Бугъ. Пограничныя отношенія были настолько сбивчивы, что когда русскія власти начали строить крѣпость св. Елисаветы (нынѣшній Елисаветградъ), то это создало острый дипломатическій вопросъ, едва улаженный миролюбно, такъ какъ турецкое правительство сомнѣвалось въ нашемъ правѣ на такую постройку. Безпокойныя условія долго держались и послѣ первыхъ опытовъ правильнаго заселенія. Послѣдній набѣгъ крымскихъ татаръ былъ въ 1769 году, причемъ уведена была въ плѣнъ цѣлая деревня Лелековка, вблизи Елисаветграда. Запорожцы и послѣ разоренія Сѣчи долго шатались тутъ въ одиночку и кучками, производя нападенія на жителей. Самовольничали всякіе бѣглые, а правительственное вліяніе было очень слабо. Организація властей едва зачиналась, на практикѣ же господствовало кулачное право, захваты и личныя расправы. Однако образовывалось уже землевладѣніе, конечно тоже больше путемъ захвата земель.

Систематическая колонизація съ устройствомъ управленія и внутренняго распорядка возникла въ срединѣ Елисаветинскаго царствованія, когда съ цѣлью болѣе успѣшнаго заселенія и образованія мѣстной военной силы послѣдовалъ вызовъ изъ Австріи и Турціи православныхъ выходцевъ — сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, молдаванъ и валаховъ. Далѣе пошли: отводъ разнымъ чинамъ „ранговыхъ“ земель, земельныя пожалованія, покупки, переводъ новыми владѣльцами крѣпостныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, переселеніе старообрядцевъ, приманка льготами бѣглыхъ и всякихъ переселенцевъ безъ разбора и т. п. Количественное соотношеніе этихъ элементовъ заселенія настолько неясно, что служитъ предметомъ различія мнѣній и теперь, но оно едва ли и представляетъ большой интересъ въ настоящую пору, когда слѣды былого разнообразія жителей сильно сгладились и наличное населеніе, за немногими исключеніями, представляютъ малоруссы и великоруссы. Характерныя черты прежнихъ элементовъ любопытны только какъ картинка

давней старины, когда онѣ, при своей рельефности, давали особую окраску мѣстной жизни.

Здѣсь-то въ давнюю пору существовалъ древнѣйшій изъ сохранившихся въ памяти предковъ моихъ по женской линіи— нѣкій грекъ, Мануилъ Крита, жизнь котораго слѣдуетъ относить главнымъ образомъ къ Елисаветинскому царствованію. О немъ могу сказать только то, что онъ былъ несомнѣнный землевладѣлецъ. Слѣдъ его существованія ясно сохранился въ названіи основанной имъ и названной по его имени деревни Мануйловки, которою потомъ владѣлъ мой дядя, а кромѣ того отецъ мой помнилъ видѣнную имъ въ раннемъ дѣтствѣ глубочайшую старушку дочь Криты, а свою прабабку Екатерину Мануйловну. Послѣдняя была замужемъ за сербомъ Иваномъ Маргажичемъ, капитаномъ мѣстныхъ войскъ, отецъ котораго далъ свое имя основанной имъ на самой польской границѣ, при рѣкѣ Выси, около города Новомиргорода, деревнѣ Константиновкѣ, доставшейся впослѣдствіи моему отцу, и гдѣ я родился. Дочь же Маргажича и Екатерины Мануиловны была замужемъ за прадѣдомъ моимъ Звѣревымъ.

Переселеніе заграничныхъ выходцевъ въ описываемую мѣстность, какъ извѣстно, двинуто было полковникомъ австрійской службы Иваномъ Хорватомъ, который вызвался доставить ихъ столько, что изъ нихъ въ первое же время можно будетъ составить гусарскій полкъ въ тысячу человѣкъ и пандурскій (пѣхотный) въ двѣ тысячи, со многими офицерами, а впослѣдствіи и больше. Условіемъ же своего участія онъ поставилъ принятіе его самого на русскую службу съ чиномъ генералъ-маіора и предоставленіе ему начальствованія въ заселяемой мѣстности. Основнымъ мотивомъ Хорвата, конечно, былъ авантюризмъ, съ честолюбіемъ и властолюбіемъ, но семейное преданіе (племянникъ жены Хорвата и мой дѣдъ были женаты на дочеряхъ Звѣрева) прибавляетъ къ этому еще особую причину: у Хорвата произошло какое-то рѣзкое столкновеніе съ важнымъ придворнымъ императрицы Маріи-Терезіи, послѣ чего онъ ожидалъ для себя большихъ непріятностей, тогда какъ въ Россіи ему представились заманчивыя перспективы. Предложеніе Хорвата было принято, онъ получилъ все желаемое; и съ 1751 года началось фактическое движеніе переселенцевъ. Имъ предоставлена была сѣверная полоса нынѣшней Новороссіи, вдоль польской границы, причемъ странѣ этой дано названіе Новой Сербіи, съ учрежденіемъ центра управленія во вновь основанномъ въ 1752 году городѣ Новомиргородѣ (теперь заброшенный безуѣздный горо-

дишко). Образуемые полки велѣно было селить ротами, память о чемъ сохранилась въ народной рѣчи до настоящаго времени; такъ, селенія, имѣющія оффиціальныя названія, напр. Мартоношь, Панчевъ, Федваръ—по народному часто зовутся: „восьмая", „девятая", „тринадцатая" рота. Укрѣпленія же, называвшіяся шанцами, устроивались еще раньше прихода сербовъ.

Хорватъ, однако, былъ не единственнымъ колонизаторомъ новороссійскихъ мѣстностей. Вслѣдъ за нимъ сербы полковники Шевичъ и Прерадовичъ привели другихъ заграничныхъ славянъ, которые поселялись въ восточной части нынѣшней екатеринославской губерніи (Славяно-Сербія), а молдаванъ и валаховъ привели полковникъ Штеричъ и маіоръ Звѣревъ. Съ этимъ-то послѣднимъ и связаны мои херсонскія фамильныя преданія. Согласно послѣднимъ, Звѣревъ самъ былъ молдаванинъ (по документамъ,—„изъ волошскаго шляхетства") и первоначально прозывался Урсулъ; потомъ отчего-то его называли Лупулъ, а далѣе изъ этой сбивчивости возникло новое переименованіе. Кто-то изъ начальства, для устраненія путаницы, порѣшилъ: Урсулъ или Лупулъ, медвѣдь или волкъ, все равно—звѣрь; такъ будь же ты по-русски Звѣревъ. Такъ и пошла по документамъ эта послѣдняя фамилія.

Звѣревъ, по семейному преданію, прожилъ вѣкъ холостымъ, но когда уже пріобрѣлъ вѣское общественное и имущественное положеніе, то пожелалъ оставить по себѣ преемника. Тутъ вспомнилось ему, какъ, будучи еще ребенкомъ, остался онъ круглымъ сиротою, совершенно безпомощнымъ. Призрѣлъ его тогда бѣдный дьячокъ Песковскій, который его выкормилъ, обучилъ на свои жалкія средства и опредѣлилъ на службу, послѣ чего Звѣревъ потерялъ изъ виду своего воспитателя. Когда же Звѣревъ задумалъ о пріисканіи себѣ наслѣдника, то пришелъ къ мысли отблагодарить своего воспитателя хотя въ лицѣ кого-либо изъ его потомковъ. Послѣ розысковъ, нашелъ онъ въ черниговской губерніи одного изъ потомковъ Песковскаго, находившагося въ точно такомъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ былъ въ дѣтствѣ онъ самъ, т.-е. малолѣтняго сироту. Звѣревъ принялъ этого ребенка, воспиталъ уже сообразно своимъ средствамъ, пристроилъ на службу, исходатайствовалъ передачу ему своего имени и сдѣлалъ наслѣдникомъ. Такъ, потомокъ Песковскаго тоже сталъ Звѣревъ, и это былъ мой прадѣдъ, Моисей Михайловичъ, владѣвшій потомъ пятью деревнями въ херсонской губерніи.

Сербское управленіе вновь заселенною мѣстностью было безпорядочное, деспотическое. Получивъ власть надъ Новою Сербіею

и расположенными въ ней полками, Хорватъ далъ полную волю своему властолюбію, притѣсняя подчиненныхъ и проявляя склонность ко всякимъ злоупотребленіямъ. Правительство онъ обманывалъ своими донесеніями, въ которыхъ увѣрялъ, будто заселеніе идетъ очень успѣшно, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно подвигалось до того плохо, что колонизаторы переманивали переселенцевъ другъ у друга. Отпускавшіяся казною средства Хорватъ тратилъ произвольно, недобросовѣстно, и это вызывало жалобы и доносы. Случалось, что онъ задерживалъ у себя даже назначенное войскамъ жалованье. Населеніе, въ свою очередь, вопіяло противъ притѣсненій. Но въ первые годы Хорватъ довольно ловко оправдывался, умѣя находить въ высшихъ сферахъ протекціи, а жалобы оставались безъ послѣдствій. По преданію, обычная поговорка у него была такая: „Богъ на небѣ, императрица въ Петербургѣ, а Хорватъ въ Новой Сербіи"! Этою поговоркою онъ отвѣчалъ на жалобы, протесты и волненія, считая совершенно достаточнымъ внушать всюду понятіе лишь о своемъ могуществѣ, способномъ пересилить всякое недовольство. Свой необузданный нравъ онъ хотѣлъ поставить для всѣхъ закономъ.

Разъ, по преданію, онъ долго не выдавалъ войскамъ жалованья. Ему напоминали, просили, наконецъ стали настойчиво требовать. Послѣ многихъ отговоровъ онъ, наконецъ, придумалъ такую эффектную выходку. Приказалъ недовольнымъ воинскимъ чинамъ собраться въ воскресенье на соборную площадь въ Новомиргородѣ и ожидать конца обѣдни, послѣ которой будетъ-де расплата. Когда же обѣдня отошла,—онъ выставилъ противъ собравшихся пушки и велѣлъ сдѣлать изъ нихъ холостые выстрѣлы, послѣ чего возгласилъ:—Вотъ вамъ жалованье! Знайте, что Богъ на небѣ, императрица въ Петербургѣ, а въ Новой Сербіи—Хорватъ!

Такое управленіе могло продолжаться только нѣсколько лѣтъ. Враговъ Хорватъ нажилъ много, выступили завистники, и паденіе его подготовлялось быстро. При умноженіи жалобъ, особенный вѣсъ получило донесеніе бригадира Муравьева, который указывалъ, что притѣсненія Хорвата даже у готовыхъ переселяться въ Новую Сербію отбиваютъ къ тому охоту. Обвиняли Хорвата также въ насильномъ переводѣ переселенцевъ изъ Польши и въ побужденіяхъ къ набѣгамъ на пограничныя мѣстности. Наконецъ, въ 1763 году онъ уже былъ лишенъ власти и самъ потребованъ къ отвѣту. Исторически извѣстно, что дѣло о его злоупотребленіяхъ и о новомъ преобразованіи управленія мѣстностью разсматривалось въ Петербургѣ двумя братьями графами

Паниными, но и тутъ сказывался упрямый, неуступчивый нравъ Хорвата. При своихъ объясненіяхъ, онъ держалъ себя такъ рѣзко, вызывающе, что раздражилъ противъ себя своихъ разслѣдователей. Предполагалось даже присудить его къ смертной казни, но приговоръ этотъ былъ смягченъ до лишенія чиновъ.

Таковы историческія свѣдѣнія. Но преданіе прибавляетъ къ нимъ еще другія черты. Скоро послѣ начатія обвинительнаго дѣла, Хорватъ удаленъ былъ на жительство въ Вологду, гдѣ, вслѣдствіе нравственныхъ потрясеній и безпрестаннаго уязвленія необузданнаго самолюбія, натура его не выдержала. Дѣло затянулось, и Хорватъ приписывалъ это мстительности своихъ противниковъ, будто бы желавшихъ нарочно его томить. Главнымъ врагомъ своимъ онъ считалъ одного изъ гр. Паниныхъ. Дошло до того, что подъ вліяніемъ угнетающаго представленія о гоненіи сильными людьми Хорватъ сошелъ съ ума. Жена его, Магдалина Ивановна, поплелась въ Петербургъ и со слезами пала къ ногамъ императрицы. Жалуясь на Панина и моля объ облегченіи положенія мужа, она не упустила при этомъ возможности выпрашивать и себѣ вспомоществованія, несмотря на то, что собственныя средства Хорватовъ были на самомъ дѣлѣ довольно значительны. Ей удалось разжалобить императрицу, получить помощь и нѣсколько подвинуть ходъ дѣла. По преданію, императрица, поколебленная въ довѣріи къ безпристрастію Панина, будто бы, даже велѣла ему выдавать изъ собственныхъ его средствъ пособія женѣ Хорвата во все продолженіе дѣла, и Панинъ платилъ, но все-таки замедлялъ развязку. Когда же дѣло было кончено и Хорватъ опять появился въ Петербургѣ, Магдалина Ивановна сочла нужнымъ еще исполнить церемонію выраженія благодарности самому Панину. Она повезла къ нему сумасшедшаго мужа, который, не сознавая, куда и зачѣмъ его везутъ, только пассивно повиновался. Но едва Хорватъ увидѣлъ вышедшаго къ нему Панина, какъ въ немъ вдругъ проснулось прошлое, и тутъ послѣдовалъ такой взрывъ накопившейся злобы, что Хорватъ стремительно бросился на своего врага съ ругательствами и угрозами, и Панинъ долженъ былъ поспѣшно ретироваться въ другую комнату. Послѣ того Хорватъ умеръ.

Между тѣмъ, масса приведенныхъ въ Новую Сербію заграничныхъ выходцевъ прикрѣплялась къ землѣ и связывалась интересами съ новымъ отечествомъ. Велика или невелика она была въ общей совокупности мѣстнаго населенія, но въ составѣ верхняго класса она, во всякомъ случаѣ, представляла настолько крупный элементъ, что могла давать свою оригинальную окраску

мѣстному офицерству и складывавшемуся помѣстному дворянству. Люди съ сербскими, черногорскими и молдо-валахскими фамиліями преобладали въ такъ-называемомъ „обществѣ", что̀ оставило ясные слѣды до настоящаго времени, въ видѣ особенной распространенности подобныхъ фамилій среди херсонскаго дворянства. Стратиновичи, Младиновичи, Угречичи, Пищевичи, Буличи, Станковичи, Стратемировичи, Цвѣтиновичи, Булацели, Эрдели и т. под. встрѣчались всюду. Участь этого своеобразнаго элемента представляетъ особый интересъ.

Въ первое время, пришельцы очень рѣзко отличались отъ русскихъ. Инородчество ихъ бросалось въ глаза. Въ домашней и отчасти даже оффиціальной жизни они держались своего родного языка, отличались особыми нравами и привычками; буйныя склонности ихъ плохо мирились съ служебною дисциплиною и русскими общественными обычаями. Но при всемъ томъ были большіе задатки ассимиляціи съ русскимъ населеніемъ, и эта ассимиляція, можно сказать, совершалась съ самаго начала, хотя постепенно, но свободно. Такими задатками являлись: единство вѣры и взаимная близость народностей, такъ какъ не-славянами въ составѣ переселенцевъ были только молдаване и валахи, но и тѣ легко поддавались вліянію постояннаго общенія съ русскими и остальными русѣвшими выходцами. А ко всему этому присоединялось отсутствіе внѣшнихъ объединительныхъ давленій. Ни племенной подозрительности, ни узко-національныхъ вопросовъ относительно пришельцевъ тогда не возбуждали, и это безпристрастіе сдѣлало для взаимнаго сліянія гораздо больше, чѣмъ могли бы сдѣлать какія-либо преднамѣренныя, искусственныя мѣры, всегда способныя возбуждать инстинкты розни или оппозиціи. Сербы покровительствовались даже именно въ качествѣ сербовъ. Скоро пришельцы почувствовали себя какъ дома, привязались къ новому отечеству и служили ему, какъ умѣли. Словомъ, ассимиляція шла какъ бы незамѣтно для самихъ ассимилируемыхъ, такъ что нельзя было и приблизительно отмѣтить времени, когда именно сербское или молдавское семейство превращалось въ русское. Помню, какъ въ дѣтствѣ, уже въ половинѣ XIX вѣка, встрѣчалъ я между херсонскими помѣщиками многихъ потомковъ первыхъ поселенцевъ и всѣ они были совершенно русскіе, но въ ихъ семьяхъ обращались еще преданія о томъ, какъ ихъ дѣды говорили сербскимъ или молдавскимъ языкомъ, пѣли свои пѣсни, употребляли старыя свои поговорки, ѣли національныя блюда и вообще окружались бытовыми особенностями, занесенными съ прежней родины.

Первые поселенцы и ближайшіе ихъ преемники отличались, по преданіямъ, воинственностью, простотою нравовъ и образа жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ—грубостью и крайнею склонностью къ самоуправству и всякаго рода насиліямъ. Примѣровъ личной ихъ храбрости и увлеченія военными подвигами разсказывалось много, особенно—относившихся къ войнамъ съ турками, такъ какъ въ туркѣ и сербъ, и черногорецъ, видѣли не только злого иновѣрца, но и исконнаго врага своего племени, съ которымъ на смерть боролись цѣлые ряды ихъ предковъ. Въ войнѣ съ турками разомъ выступали и патріотическій, и религіозный мотивы, отчего борьба эта представлялась чѣмъ-то священнымъ. А въ Екатерининское время подобной борьбы было довольно. Разсказы, какъ такой-то разсѣкъ саблею турецкаго богатыря гдѣ-нибудь подъ Кагуломъ или Очаковомъ, какъ другой вышибъ изъ сѣдла турецкаго наѣздника, а третій срубилъ голову какому-нибудь пашѣ, были предметомъ любимѣйшихъ воспоминаній и похвальбы новосербскихъ офицеровъ до глубокой старости. Подобные люди для тогдашнихъ турецкихъ войнъ, конечно, были очень цѣнны, однако, по тѣмъ же преданіямъ, не одинаковую они встрѣчали оцѣнку: покровительствовала имъ императрица Екатерина, но очень не жаловалъ ихъ Потемкинъ.

Среди сербовъ очень распространено было убѣжденіе, что у царицы они всегда найдутъ управу на своихъ обидчиковъ. Чуть что серьезное случится—сейчасъ заговаривали, что надо жаловаться царицѣ. Потемкинъ же относился къ нимъ явно пренебрежительно, и ему даже приписывали такую поговорку: „двухъ диковинъ не видалъ я въ своей жизни—зеленаго коня (такъ сербы называли бѣлаго) и умнаго серба“. На почвѣ такихъ отношеній возникало не мало анекдотовъ, въ которыхъ если и были грубыя преувеличенія, искаженія и прикрасы, то въ свою очередь показывавшія, какъ понимали сербы отношеніе къ нимъ правительства.

Разъ, по преданію, Потемкинъ, осматривая войско, разсердился на часть, находившуюся подъ начальствомъ какого-то Стратиновича, и приказалъ: отнять у него команду! Стратиновичъ вскипѣлъ до забвенія о всякой дисциплинѣ и, подскакавъ къ Потемкину, произнесъ нараспѣвъ: „Кукуреку, ваша свѣтлость, не ты мнѣ далъ, не ты и возьмеши-и! Поѣду жаловаться къ матушкѣ царицѣ“. Вслѣдъ затѣмъ онъ, дѣйствительно, отправился въ Петербургъ и возвратился съ распоряженіемъ—вернуть ему команду.

Другое столкновеніе съ Потемкинымъ приписывалось гене-

ралу Текелли. Потемкинъ вообще не щадилъ сербскихъ отрядовъ, посылалъ ихъ въ самыя опасныя мѣста, безжалостно отказывалъ имъ въ подкрѣпленіяхъ и даже иронизировалъ надъ трудностью ихъ положенія, отвѣчая на просьбы о помощи тѣмъ, что такіе молъ храбрецы, какъ сербы, сами должны умѣть справляться со всякими опасностями. И вотъ, разъ, очутился въ подобномъ положеніи отрядъ Текелли. Послѣдній послалъ къ Потемкину за помощью разъ и другой, приказавъ передать ему: „оставь свою политику и помни о нашемъ общемъ дѣлѣ“! Но и на это въ отвѣтъ получены были однѣ ироническія отговорки. Тогда Текелли, въ крайнемъ раздраженіи, будто бы самъ полетѣлъ къ Потемкину и, увидѣвъ его, грозно возгласилъ, потрясая саблею: „Потемкинъ, брате, политика политикою, а рубатися треба“! Столкновеніе вышло настолько горячее, что нужная помощь была, наконецъ, вырвана у Потемкина. Такъ ли было, но приведенное восклицаніе обратилось потомъ въ мѣстную поговорку.

Увѣренность сербовъ въ покровительствѣ царицы создавала почву для легендъ, которыя, распространяясь въ кругу людей попроще, принимали даже курьезныя формы. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ. Обиженъ былъ какимъ-то начальствомъ капитанъ Бука и рѣшилъ немедленно искать правды у царицы. Сѣлъ Бука на своего зеленаго коня и поѣхалъ прямо въ Петербургъ, а какъ подъѣхалъ ко дворцу, то увидѣлъ у воротъ три столба, изъ которыхъ у одного кольцо золотое, у другого серебряное, а у третьяго мѣдное. Не желая ни заноситься, ни понижать своего достоинства, Бука привязалъ коня къ серебряному и пошелъ прямо во дворецъ. Вошелъ въ одну роскошную комнату—нѣтъ никого; прошелъ въ слѣдующую—тоже пусто; а въ третьей на диванчикѣ передъ столикомъ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, сама царица и кушаетъ „кавьяръ“ (икру). Бука назвалъ себя; царица, разумѣется, уже знала о его заслугахъ и радостно его привѣтствовала: „А, Бука, Бука, старый слуга, како се маишь“ (каково поживаешь)?—Худо,—отвѣчалъ Бука—и, ставъ на колѣни, сейчасъ разсказалъ про свою обиду. Царица выслушала, разспросила подробнѣе, и тутъ же рѣшила дѣло въ его пользу. Потомъ царица спросила: „А піешь ты, Бука, ракію (водку)?“ —Піемъ, — отвѣчалъ Бука. — „А какую ты піешь, горькую или сладкую?“ — Піемъ и горькую, піемъ и сладкую. — Тогда, по данному знаку, явилась прислуга и поднесла Букѣ подносы съ двумя графинами. Бука налилъ рюмку горькой и выпилъ, а потомъ налилъ сладкой и тоже выпилъ. Далѣе послѣдовалъ со стороны царицы новый вопросъ:—„А пушешь ты, Бука, дуганъ

(куришь ли табакъ)"? — Пушимъ,—отвѣчалъ Бука и, получивъ разрѣшительный знакъ, досталъ свой кисетъ съ табакомъ, набилъ трубку и закурилъ. „Я бы и сама пушила, — поощрительно добавила царица:—да у меня глава болитъ". Аудіенція кончилась. Бука опять на колѣняхъ поблагодарилъ за милость, вышелъ изъ дворца, отвязалъ своего зеленаго коня отъ серебрянаго кольца и поскакалъ домой, довольный побѣдою надъ своими противниками.

Но тотъ же воинственный духъ новосербскихъ поселенцевъ, та же вѣра въ право сабли, которые были такъ полезны въ турецкихъ войнахъ, приносили другіе плоды въ мирное время, отражаясь въ сосѣдскихъ отношеніяхъ, особенно съ ближайшими польскими областями. Неугомонный воинъ, а на ряду съ нимъ и просто запальчивый или своекорыстный землевладѣлецъ плохо уживались и съ единоплеменными сосѣдями, а еще болѣе считали позволительнымъ безцеремонно направлять свою силу и энергію за границу государства. Нерѣдко съ русской стороны производились вторженія въ польскую область съ цѣлью разоренія, увода людей для поселенія на пустыя земли, а также ради всякихъ другихъ имущественныхъ добычъ. О прапрадѣдѣ моемъ Маргажичѣ (тестѣ Звѣрева) существовало преданіе, по которому онъ съ набраннымъ отрядомъ не разъ врывался въ южную часть нынѣшней кіевской губерніи, разорялъ имѣнія, жегъ и грабилъ костелы и наводилъ тамъ такой страхъ, что его даже въ костелахъ проклинали съ потомствомъ до четвертаго поколѣнія. И онъ не былъ исключеніемъ. Но зато случалось и такъ, что иные вторгавшіеся не возвращались домой, а пропадали безъ вѣсти. Бывали и своего рода регулярныя нападенія. Вотъ, напримѣръ, легенда объ одномъ.

Городъ Новомиргородъ былъ русскимъ пограничнымъ пунктомъ, а за рѣкою Высью, верстахъ въ двухъ, находилось существующее и теперь мѣстечко Злотополь, отъ котораго начинались уже польскія владѣнія. Разъ начальникъ новомиргородскаго укрѣпленія, съѣздивъ зачѣмъ-то въ Злотополь, встрѣтился тамъ съ мѣстнымъ польскимъ начальникомъ и у нихъ вышла крупная ссора. Полякъ оскорбилъ нашего рѣзкими выраженіями и угрозами. Нашъ, вернувшись подъ защиту своего шанца, задумалъ отомстить, но, опасаясь большой отвѣтственности, хотѣлъ только хорошенько пугнуть противника, ради удовлетворенія уязвленнаго самолюбія. Какъ только наступила ночь, онъ, собравъ свой отрядъ, двинулся на Злотополь въ полномъ вооруженіи, однако съ зарядами безъ пуль. Въ Злотополѣ поднялась тревога. Поль-

скій отрядъ, въ свою очередь, поспѣшилъ встрѣтить нашествіе, и хотя онъ состоялъ всего изъ тринадцати человѣкъ „народовой кавалеріи", но они вооружились уже не шутя. Нѣкоторое время обѣ стороны маневрировали и вступали въ какіе-то переговоры; но когда поляки требуемой сатисфакціи не оказали,—нашъ начальникъ скомандовалъ палить и грянулъ залпъ. Никакого вреда отъ него, конечно, не произошло, а одинъ громъ холостыхъ выстрѣловъ ожиданнаго эффекта не произвелъ. Полякъ же, сочтя себя въ правѣ отвѣчать серьезно на враждебное нападеніе, тоже велѣлъ стрѣлять, и его огонь вышелъ уже дѣйствительнѣе: нѣсколько человѣкъ съ русской стороны было ранено, и самовольный начальникъ съ великою досадою долженъ былъ ретироваться въ городъ, провожаемый польскими насмѣшками. Ему за эту экспедицію хорошо досталось отъ старшей надъ нимъ власти, а польскій командиръ отправилъ своему начальству хвастливую реляцію объ успѣшномъ отраженіи гораздо сильнѣйшаго непріятеля отъ государственной границы, и удостоился отъ своего правительства награды, какъ за блистательный военный подвигъ.

Самоуправный, вспыльчивый характеръ новосербскихъ офицеровъ и помѣщиковъ рѣзко сказывался и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Не безопасно бывало участіе въ ихъ обществѣ, собравшемся даже для такихъ мирныхъ цѣлей, какъ взаимныя посѣщенія и угощенія. Соберется компанія, встрѣтятся люди, имѣющіе между собою давніе счеты, выйдетъ изъ-за чего-нибудь горячій споръ и—дѣло доходитъ до сабель. Не легко было справляться съ ними и властямъ. Явятся, напримѣръ, въ имѣніе такого владѣльца чиновники для исполненія какого-нибудь судебнаго рѣшенія,—раздраженный хозяинъ встрѣтитъ ихъ вооруженною рукою и разгромитъ такъ, что тѣ рады-рады, если удалось убраться по-здорову, безъ увѣчья или хоть съ легкимъ поврежденіемъ; а послѣ того—рапортуй, пиши сколько хочешь—долго не угомонятъ самоуправнаго владѣльца, въ глазахъ котораго судъ не много значитъ, когда есть сабля.

Зато и самимъ помѣщикамъ неспокойно жилось отъ такъ называемыхъ „гайдамаковъ", именемъ которыхъ преданія объединяли и разсѣявшихся послѣ разоренія Сѣчи запорожцевъ, и остатки возставшихъ противъ польской власти крестьянъ сосѣднихъ селеній кіевской губерніи (Коліевщина), и разныхъ бродягъ, и всякихъ грабителей. Жившіе въ городѣ или военномъ селеніи еще могли не опасаться, но проживаніе въ деревнѣ, не имѣвшей подобной защиты, или даже поѣздка въ такую деревню

соединялись для помѣщика съ изряднымъ рискомъ. Гайдамаки еще ладили съ крестьянами, но помѣщиковъ очень не любили. Иной помѣщикъ попробуетъ навѣстить свою деревню безъ охраны, а тутъ его и подстерегутъ. Помѣщица же, посѣщая свое имѣніе, часто не рѣшалась даже останавливаться въ господскомъ домѣ, а помѣщалась на ночь въ хатѣ у какого-нибудь мужика, переряжалась въ мужичку и пачкала себѣ лицо и руки землею, чтобъ въ ней нельзя было сразу узнать барыню и не разглашался ея пріѣздъ, по слѣду котораго могли нагрянуть гайдамаки. Сколько-нибудь цѣнное имущество тоже надо было хорошо прятать. Однимъ изъ остатковъ такихъ тревожныхъ условій было образованіе массы преданій о зарытыхъ въ землю кладахъ. Помню, какъ много подобныхъ сказаній держалось въ этой мѣстности еще въ половинѣ минувшаго столѣтія, даже въ нашей деревнѣ: и подъ такимъ-то камнемъ, и въ такомъ-то углу все лежатъ большіе клады; тамъ зарылъ такой-то, а здѣсь—другой. И не безъ основанія все это передавалось, хотя очень рѣдко случались сколько-нибудь удачные поиски. Въ тревожную пору, зароетъ, бывало, кто-нибудь для охранности въ землю, а потомъ самъ отправится въ Польшу грабить или вербовать поселенцевъ, да и пропадетъ безъ вѣсти, не передавъ никому секрета, а зарытое осталось на мѣстѣ, никѣмъ невѣдомое или подозрѣваемое немногими, которые потомъ въ старости болтали о томъ по затемнившейся памяти, путая и перевирая примѣты.

Въ семейномъ быту новосерба господствовали жесткія формы патріархальности, доходившія до полнаго деспотизма. Хозяинъ былъ въ совершеннѣйшемъ смыслѣ глава дома. Жены большею частью находились въ полномъ повиновеніи у своихъ мужей. Иныя, сами отличавшіяся очень рѣшительнымъ характеромъ въ расправахъ съ домашними и даже при столкновеніяхъ съ сосѣдями, пикнуть не смѣли, когда мужъ почему-нибудь впадаетъ въ грозное настроеніе. Чуть жена осмѣлится противорѣчить, ей придется выслушать грозный окрикъ: „Маро, не люблю я, чтобъ курица смѣла пѣть пѣтухомъ“!—И Маро сейчасъ же стушуется. Такія забавы, какъ заставлять жену прыгать черезъ саблю, или, во время танцевъ, отстрѣливать у жены каблучки башмаковъ изъ пистолета—водились и у новосербовъ. Безропотно переносились самыя дикія супружескія выходки. Проживъ десятки лѣтъ съ подобнымъ мужемъ, жена, и овдовѣвъ, сохраняла изъ всѣхъ воспоминаній о былой супружеской жизни преимущественно память о страхѣ. Разъ въ домѣ прапрабабки моей, Екатерины Мануиловны, когда она была уже глубокою старухою, перебирали ка-

кой-то вещевой хламъ, и вдругъ откуда-то свалился заброшенный старый портретъ ея умершаго мужа, Маргажича. Увидѣвъ его, старуха, подъ первымъ безсознательнымъ впечатлѣніемъ, крикнула въ ужасѣ: „Боже мой, ты и теперь еще не оставишь меня въ покоѣ"! И не скоро пришла она въ себя, увѣрившись, что тутъ только портретъ. Такъ памятенъ былъ ей мужъ.—Та же патріархальная власть иногда безсрочно держалась и надъ взрослыми дѣтьми. Разъ старикъ - отецъ жестоко высѣкъ своего семейнаго сына за то, что тотъ, проходя мимо церкви, забылъ перекреститься.

Если худшимъ образцомъ сербскихъ начальниковъ являлся Хорватъ, то лучшимъ преданія изображали генералъ-аншефа Текелли. Онъ былъ уроженецъ венгерскаго города Арада, „націи славяно-сербской". Въ послѣдніе годы своей долгой службы, начальствуя надъ войсками въ Новороссіи, Текелли проживалъ въ городѣ Новомиргородѣ, гдѣ и умеръ въ 1792 году, и погребенъ въ тамошнемъ соборѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся донынѣ надъ его могилою надпись.

Всѣ воспоминанія о Текелли отличались какимъ-то благоговѣйнымъ характеромъ, изображая Петра Абрамовича человѣкомъ справедливымъ, хотя и строгимъ по службѣ, глубоко религіознымъ, добрымъ, благотворительнымъ, общительнымъ, сторонникомъ правды и вмѣстѣ—военнымъ героемъ. Большая часть окружавшихъ прямо восхищались имъ. Въ дѣтствѣ своемъ я встрѣчалъ еще людей, которые хотя не могли знать Текелли лично, но со словъ отцовъ своихъ передавали нѣкоторыя черты его личности, причемъ у одного помѣщика даже сохранялся древній портретъ Текелли. Вотъ нѣкоторыя черты его образа жизни въ послѣдніе годы, по словамъ преданій.

Текелли жилъ на краю города въ такъ донынѣ называемомъ архіерейскомъ саду, представляющемъ остатокъ давняго парка. Каждое воскресенье, какъ только въ соборѣ отойдетъ первый благовѣстъ къ обѣднѣ, около собора уже слышится скрипъ цѣпей и громыханье движущейся большой тяжести. Это значило, что отъ архіерейскаго сада, слишкомъ за версту, двинулся уже къ церкви стариннаго устройства многопудовый экипажъ Петра Абрамовича, съ цѣпями вмѣсто рессоръ. Подъѣхавъ къ паперти, Текелли, среди общихъ поклоновъ, входилъ въ церковь и становился впереди. Общее вниманіе привлекали къ себѣ его величественная наружность, высокій ростъ и большіе, проницательные глаза; въ немъ находили внѣшнее сходство съ Петромъ Великимъ. Уставивъ глаза на иконостасъ, Текелли всю обѣдню

не отводилъ ихъ въ сторону, сосредоточиваясь на молитвѣ. Когда церковный староста пойдетъ среди народа съ кружкою, Текелли неизмѣнно опускалъ въ нее золотой червонецъ, а при выходѣ изъ церкви обращался къ нищимъ и щедро одѣлялъ ихъ. По окончаніи же обѣдни, мѣстные начальники, городскіе и съѣхавшіеся изъ сосѣднихъ „ротъ", отправлялись къ Петру Абрамовичу въ домъ привѣтствовать его и приглашались имъ къ обѣду, въ которомъ главный элементъ составляли національныя блюда. Тутъ токайское лилось рѣкою, общество оживлялось до полной непринужденности, а къ концу обѣда угощенные гости уже переходили отъ словъ къ національнымъ пѣснямъ. Затянетъ кто нибудь:

„Ой семъ ѣхалъ я младецъ
На зѐленомъ (бѣломъ) коню"...

а тамъ подхватятъ другіе—и польются различныя воспѣванія воинскихъ подвиговъ въ борьбѣ съ турками, одна за другой слѣдуютъ старинныя народныя, преимущественно сербскія пѣсни и т. под. Далѣе выступаетъ неизмѣнный старый капитанъ Міушковичъ съ особымъ мусикійскимъ инструментомъ, носившимъ названіе „гусла", и монотонная музыка сливается съ общимъ пѣніемъ, которое подогрѣвается новыми пріемами токайскаго. Расшевеливаются старые національные мотивы, развязываются разныя славянскія нарѣчія, вспоминаются отцовскія и дѣдовскія сказанія, гости веселятся и вмѣстѣ плачутъ, растроганные пробужденіемъ памяти о дорогой старинѣ, и такъ продолжается до ночи, пока пріѣзжимъ пора наконецъ разъѣзжаться по своимъ ротамъ.

Не такъ пріятно, однако, проводили это время семейства пировавшихъ у Текелли, ожидая, въ какомъ настроеніи вернется съ пира домой глава семьи. Вотъ слышанный мною въ дѣтствѣ разсказъ внука одного изъ участниковъ Текелліевскаго пира, херсонскаго помѣщика Булацеля. Дѣдъ его командовалъ въ „восьмой ротѣ", въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Жена его, сидя дома, тоскливо и тревожно ждала вечера, а когда уже стемнѣетъ — отдавала по-молдавски обычный приказъ служителю: „Флора, гайда де мине"!—Это значило: ступай на гору и высматривай. Флора садился на коня, выѣзжалъ за селеніе, на „раскопанную могилу", и съ этого сторожевого поста пристально вглядывался на дорогу изъ города. Если экипажъ возвращавшагося командира ѣхалъ спокойнымъ, ровнымъ ходомъ,—Флора направлялся домой съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что все благо-

получно. Но если экипажъ летѣлъ вскачь, а кучеръ неистово хлопалъ бичемъ,—Флора стремглавъ спѣшилъ съ предупрежденіемъ: „Утекайте, барыня, великая бѣда будетъ!"—Всѣ домашніе разбѣгались, кто куда попало, а исполненный даровъ Вакха командиръ, войдя въ опустѣлый домъ, немедленно изливалъ свою ярость, опрокидывая мебель, швыряя посуду, разбивая окна, ломая все, что попалось подъ руку, и т. д. Послѣ этого овладѣвалъ имъ продолжительный богатырскій сонъ, въ теченіе котораго домашніе потихоньку возвращались, и затѣмъ жизнь дома приходила къ обычному теченію—до слѣдующаго воскресенья.

Хотя Текелли былъ человѣкъ одинокій, но иногда онъ устроивалъ у себя и вечернія увеселенія семейнаго характера, въ родѣ баловъ, на которые подчиненные приглашались съ женами и дочерьми. Тутъ все уже нѣсколько примѣнялось къ тогдашнему свѣтскому тону и національные танцы шли въ перемежку съ принятыми въ русскомъ обществѣ. Попеченіе о дамскихъ удобствахъ возлагалось на сѣдоусаго капитана, который въ этомъ отношеніи отличался особенною заботливостью, хотя и съ оттѣнкомъ большой старинной простоты. Онъ распоряжался танцами, зорко слѣдилъ за угощеніями, а временами подходилъ то къ одной, то къ другой дамѣ, спрашивая въ полголоса по-сербски, не чувствуетъ ли она желанія пройти на нѣкоторое время... въ уборную. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, любезный капитанъ выводилъ даму изъ танцовальной комнаты подъ-руку и показывалъ ей путь.

Одного старика встрѣчалъ я даже лично видѣвшаго Текелли. Свою ветрѣчу съ послѣднимъ онъ описывалъ такъ: будучи малымъ мальчикомъ, сидѣлъ онъ разъ на завалинкѣ домика своего отца, церковнаго старосты. Вдругъ по улицѣ проходитъ или проѣзжаетъ Текелли. Мальчикъ вскочилъ, снялъ шапку и поклонился. Текелли остановился, подозвалъ его къ себѣ, разспросилъ, чей онъ сынъ, сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ, погладилъ мальчика рукою по головѣ и подарилъ гривенникъ. Слышалъ я кое-что и о погребеніи Текелли: о немъ очень сожалѣли, многіе плакали, такъ какъ онъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью. Въ домѣ его нѣсколько дней кормились нищіе и всѣмъ просителямъ раздавались гривенники и злотые (15 коп. монета); но когда было замѣчено, что многіе этимъ злоупотребляли, являясь за полученіемъ по нѣскольку разъ, то придумана была не хитрая предупредительная мѣра: у получавшихъ стали намѣчать мѣломъ на спинѣ отличительный знакъ.

Прадѣдъ мой Звѣревъ вышелъ въ отставку за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Текелли, въ штабѣ котораго служилъ, и засѣлъ въ свои деревни, гдѣ прожилъ еще болѣе четверти вѣка, разсказывая, между прочимъ, своимъ внукамъ очень многое о былыхъ временахъ, знакомыхъ ему лицахъ, давнихъ нравахъ и т. под. Говоря о своей службѣ, онъ особенно дорожилъ своимъ владимірскимъ крестомъ, который собственноручно прикрѣпила ему къ груди сама императрица Екатерина, во время ея знаменитаго путешествія по югу Россіи, когда прадѣдъ верхомъ сопровождалъ ея экипажъ по какому-то административному району. У Звѣрева было два сына и двѣ дочери. Старшій сынъ убитъ въ 1812 году, а младшій, Михаилъ Моисеевичъ, очень успѣшно совершалъ служебную карьеру. Раненый въ первый день Бородина, онъ, по словамъ его формуляра, участвовалъ потомъ въ сраженіяхъ: при Люценѣ, Бауценѣ, Рейхенбахѣ, Дрезденѣ, „подъ деревнею Кульмою", подъ Лейпцигомъ, при Бріенѣ, Баръ-сюръ-Обѣ, Лабрусели, Труа, Арсисѣ, Феръ-Шампенуазѣ, „подъ городомъ Парижемъ и при занятіи онаго, а съ 2 по 19 марта (1814) въ ежедневныхъ авангардныхъ дѣлахъ". Обративъ на себя вниманіе высшаго начальства, онъ, между прочимъ, покровительствовался генераломъ Винценгероде и принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, но тѣ же служебные успѣхи его и погубили. Втянувшись въ общеніе съ военною знатью, онъ долженъ былъ жить не по средствамъ и запутался въ долги, а когда въ отвѣтъ на одну изъ отчаянныхъ просьбъ къ отцу о присылкѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей для уплаты какого-то щекотливаго долга получилъ, вмѣсто денегъ, длинныя наставленія, то — застрѣлился. Такъ мужское потомство Звѣрева пресѣклось, а имѣнія его перешли къ дѣтямъ дочерей, Воропоновымъ и Цвѣтиновичамъ, причемъ на долю моего отца досталась та деревня Константиновка, елисаветградскаго уѣзда, гдѣ я родился и которую отецъ продалъ въ пятидесятыхъ годахъ.

Обрусѣніе потомства бывшихъ сербскихъ и молдавскихъ выходцевъ съ каждою смѣною поколѣній совершало значительный скачокъ впередъ, подъ вліяніемъ воспитанія въ Россіи, среди общихъ русскихъ условій. Люди съ свѣжими преданіями и привычками иноземства сознавали необходимость учить дѣтей вполнѣ по-русски, и какъ ни слабы были образовательныя средства мѣстности даже въ началѣ XIX вѣка, но эти средства во всякомъ случаѣ были уже совершенно русскія. Среднихъ учебныхъ заведеній было очень мало и для многихъ они были почти недоступны уже по дальности разстояній, но отцы старались поль-

зоваться воспитательными рессурсами, какіе только находились. Въ моихъ семейныхъ преданіяхъ сохранился одинъ изъ своеобразныхъ примѣровъ самопомощи этого рода.

Кружокъ помѣщиковъ нынѣшняго елисаветградскаго уѣзда, задумавшись надъ вопросомъ объ обученіи своихъ мальчиковъ, пришелъ къ мысли свести ихъ вмѣстѣ и устроить въ складчину свое собственное учебное заведеніе, пригласивъ учителей по всѣмъ необходимымъ предметамъ. Одинъ изъ помѣщиковъ, одинокій и владѣвшій просторною усадьбою, предложилъ ее для помѣщенія задуманнаго заведенія, и дѣло скоро наладилось,— благо въ ту пору не требовалось особыхъ разрѣшеній, инспекцій, и вопросъ о самовольномъ обученіи практически еще не существовалъ. Такъ, въ первые годы XIX столѣтія, въ деревнѣ Оситной возникло новое учебное заведеніе, куда, между прочимъ, попалъ и мой отецъ. Преподавателей пригласили съ разныхъ сторонъ. Всего меньше затрудненій представило, разумѣется, законоучительство. Для французскаго языка отыскали эмигранта Броссара, который въ Парижѣ, во время господства Робеспьера, приговоренъ былъ уже къ гильотинѣ, но, благодаря перевороту 9-го термидора, освободился изъ тюрьмы наканунѣ дня, назначеннаго для казни, и послѣ того полетѣлъ изъ Франціи въ Россію, гдѣ пристроился къ учительству. Математика, географія и даже фортификація выпали на долю другого учителя съ своеобразною біографіею: это былъ архипелажскій грекъ, въ раннемъ юношествѣ захваченный на какомъ-то суднѣ русскимъ кораблемъ изъ эскадры гр. Орлова Чесменскаго и потомъ доставленный, вмѣстѣ съ другими греческими мальчиками, въ Россію, гдѣ всѣхъ ихъ помѣстили въ какое-то учебное заведеніе и потомъ выпустили въ офицеры; такъ бывшій Дмитраки Пердикари обратился въ русскаго капитана Дмитрія Егорова и послѣ отставки преподавалъ въ деревнѣ Оситной. Я зналъ его въ дѣтствѣ своемъ, уже болѣе чѣмъ девяностолѣтнимъ старикомъ, но помню, какъ онъ и глубокимъ старцемъ корпѣлъ надъ книгами и математическими выкладками, ради неугасавшаго собственнаго интереса, и разсказывалъ много любопытнаго, а послѣ смерти оставилъ мнѣ въ наслѣдство нѣсколько книгъ и древній чертежный инструментъ. Грамматика и исторія имѣли своихъ преподавателей, а танцамъ училъ итальянецъ. Какъ ни пестръ былъ этотъ составъ, но онъ походилъ на учительскій персоналъ, обучавшій и въ другихъ русскихъ мѣстностяхъ, и ничто тутъ не подогрѣвало тѣхъ національныхъ элементовъ, какіе еще держались въ отцахъ. Заведеніе просуществовало нѣсколько лѣтъ и

закрылось за упраздненіемъ надобности, а ученіе по отзывамъ шло не дурно, дало мальчикамъ не мало знаній и вообще оставило по себѣ хорошую память. Вопросомъ представляется—зачѣмъ помѣщичьихъ 12—13-лѣтнихъ дѣтей учили фортификаціи, но учили ей солидно. Заставляли не только чертить и составлять планы, но даже возводить укрѣпленія на деревенскомъ выгонѣ, при помощи рабочихъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ. Мнѣ случалось видѣть у бывшихъ воспитанниковъ этого заведенія въ преклонномъ ихъ возрастѣ сохраненные чертежи и планы ихъ работы, причемъ они объясняли разныя техническія подробности, чтò показывало, какъ хорошо запечатлѣлись въ ихъ памяти старые уроки оситнянской деревенской академіи. Показывали на планахъ брустверы, какіе-то равелины, гласисы, волчьи ямы, и т. д. Впрочемъ, кажется, въ ту пору вообще фортификація занимала видное мѣсто въ раннемъ обученіи. Иные воспитанники завершили этою академіею свое образованіе; другіе пошли дальше; всѣ потомъ поступили въ военную службу, нѣкоторые дошли до немалыхъ чиновъ, а большинство обратилось въ отставныхъ поручиковъ и засѣло въ деревняхъ за крѣпостное хозяйство. Но это поколѣніе стало уже совсѣмъ русское, такъ что между потомками коренныхъ русскихъ и недавнихъ выходцевъ сгладилось всякое различіе.

Простой же массѣ потомковъ выходцевъ скоро выпала новая участь. Около 1820 года она попала въ составъ аракчеевскаго „военнаго поселенія", просуществовавшаго до конца пятидесятыхъ годовъ и оставившаго по себѣ ужасныя воспоминанія. Такъ, въ недавно заселенной странѣ стало господствовать въ однихъ селеніяхъ крѣпостное право, а въ другихъ—военное поселеніе. Изъ бывшихъ „ротъ" воинственныхъ иноземныхъ выходцевъ, сербовъ, молдаванъ и другихъ, когда-то искавшихъ въ Россіи лучшей доли, составили поселенныя волости, изъ которыхъ образовывались округà, съ такими командирами, которые, оставивъ строевую службу, предпочли всякой карьерѣ теплыя мѣста. Гнетъ военныхъ поселеній едва ли былъ слабѣе крѣпостного, а иногда пожалуй хуже, такъ какъ у помѣщиковъ все-же былъ хоть какой-нибудь разсчетъ не разорять своихъ крестьянъ, а командиръ, зная временность своего положенія, выжималъ чтò только можно, нисколько не думая о будущности поселянъ. Я помню военное поселеніе еще въ его расцвѣтѣ и въ это время постоянно говорили о злоупотребленіяхъ, какъ о дѣлѣ вполнѣ обычномъ, котораго и скрывать не старались. Эти красные воротники и красные околыши были вывѣскою хищничества. Во-

лостные и окружные командиры угнетали, казнокрадствовали, практиковали жестокость, наживались и періодически попадали подъ судъ, въ одиночку и группами, но сохряняя туго набитые карманы.

Затянулась надъ мѣстностью тусклая, долгая, сѣрая и однообразная жизнь Николаевской эпохи. Подъ ея томительною внѣшностью довершалось начавшееся дѣло ассимиляціи. Помню, какъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ встрѣтишь, бывало, поселянина съ сербскою фамиліею, какого-нибудь Милошевича или Придаевича, и спросишь—сознаетъ ли онъ свое сербское происхожденіе? А онъ отвѣчаетъ по-малорусски: „Були колись сербы, а теперь вси такъ пересербились, что совсѣмъ какъ тутейшіи люди“. Стойче удерживали свое отличіе молдаване, особенно тамъ, гдѣ они представляли большинство или полный составъ селенія; чуждость ихъ природнаго языка славянскимъ нарѣчіямъ видимо оказывала свое вліяніе, поддерживая сравнительную замкнутость этого элемента. Но и изъ нихъ многіе подверглись сглаженію своей старой народности. При производствѣ въ восьмидесятыхъ годахъ земскихъ статистическихъ работъ, въ одномъ селеніи елисаветградскаго уѣзда, населенномъ преимущественно молдаванами, весь сходъ и каждый хозяинъ объявляли себя малоруссами, говоря, что хотя дѣды ихъ и были молдаванами, но они уже „попереводились на хохливъ“. Молдавскій элементъ преобладалъ только въ двадцати деревняхъ. По итогамъ же этой статистики сельское населеніе уѣзда распредѣлилось такъ: малоруссовъ 72 процента, великоруссовъ — $8^1/_2$%, молдаванъ— $11^1/_3$%, евреевъ—$6^1/_{10}$%, болгаръ—$^9/_{10}$%; остальное—нѣмцы, поляки и разная смѣсь. А сербовъ статистикѣ даже не пришлось опредѣлять особою группою—такъ они слились съ русскимъ населеніемъ. Недавно заселенная смѣшанными элементами страна совсѣмъ уподобилась большинству русскихъ губерній, и бывшій степной характеръ ея быстро изглаживается.

Ѳ. Воропоновъ.

ШЕРБЕКСКІЕ ВЫБОРЫ

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ФЛАМАНДСКИХЪ НРАВОВЪ.

Окончаніе.

XII *).

Печальный домъ вдовы Бертранъ преобразился.

Снаружи весна опушила и укрыла его яркою молодою зеленью; внутри—оживилъ пріѣздъ сына. Отворилась зала и кабинетъ, снялись чахлы съ мебели въ гостиной, поднялись шторы въ окнахъ. Алиса Бертранъ, несмотря на свои годы, суетилась съ утра до вечера и приводила въ совершенное отчаяніе еще болѣе пожилую давнюю слугу свою, Розу, перебивая у нея всякое дѣло. Она самолично убирала комнату сына, спускалась въ подвалъ—сдѣлать выборъ винъ, хлопотала на кухнѣ, изобрѣтая самыя внушительныя изъ фламандскихъ блюдъ,—такъ какъ профессоръ Бертранъ хотя и пользовался вполнѣ добрымъ здоровьемъ, но былъ худощавъ, „отъ лекцій и книгъ"...

Однажды, послѣ обѣда, Бертранъ сказалъ:

— Мать, у меня сегодня вечеромъ будутъ гости...

— Гости?—встрепенулась старушка.—Сколько человѣкъ?

— Человѣкъ пятнадцать, двадцать...

— Іезусъ-Марія!—уронила она руки.—Двадцать человѣкъ! А у меня и посуда не вынута... Что же ты раньше не сказалъ?

---

*) См. выше: сентябрь, стр. 5.

— Я самъ только часъ тому назадъ узналъ отъ m-r Пикара... Да ты не безпокойся: никакихъ особенныхъ хлопотъ не надо!

— Ахъ, полно! — возразила m-me Бертранъ, обыкновенно соглашавшаяся во всемъ съ сыномъ.—Какъ не надо хлопотать, когда гости въ домѣ? Это въ Гентѣ у васъ, быть можетъ, дѣлается такъ, по модѣ?.. Теперь всѣ ухватились за разсчетъ, за скупость... стаканомъ чаю не обезпокоятся для гостя... Я не могу такъ...

— Увѣряю тебя, что ничего не надо: они по дѣлу придутъ, насчетъ выборовъ...

Это не только не успокоило, но еще подлило масла въ огонь.

— Да чтò ты, Эмиль!—воскликнула старушка, растерявшись совсѣмъ.—Люди придутъ насчетъ выборовъ, а ты такъ говоришь! Покойнаго отца твоего всю жизнь выбирали на разныя мѣста, и развѣ такъ принимали мы гостей!.. У насъ плита не остывала, со стола угощеніе не сходило!.. Какъ же ты хочешь, чтобъ теперь, при твоихъ выборахъ, я допустила?.. За кого сочтутъ насъ?

— Все это *было*, мать!—отвѣтилъ Бертранъ, поцѣловавъ у нея руку. — Теперь не то! Не много прошло времени, а измѣнилось очень, очень многое!.. Если я—профессоръ, соціалистъ — буду давать банкеты изобрѣтателямъ, то уроню только этимъ себя въ ихъ мнѣніи...

— Чѣмъ же можно тутъ уронить себя!—изумленно развела руками m-me Бертранъ.

— Тѣмъ, что дѣло, ради котораго хочу я быть избраннымъ, совсѣмъ не вяжется ни съ пирами, ни съ банкетами... Дѣло это — борьба съ ростущими повсюду нуждой и невѣжествомъ, облегченіе участи тружениковъ... Всякая банкетная трата при этомъ можетъ найти себѣ другое, болѣе полезное мѣсто... Да и угощать избирателей не значитъ ли — какъ будто задабривать ихъ, стараться овладѣть насильственно совѣстью?.. Ты понимаешь меня, мать?

Старушка вздохнула, поцѣловала сына и промолвила:

— Дѣлай какъ знаешь, Эмиль...

Ожидавшимися гостями были: Эдмондъ Вестъ съ нѣсколькими изъ его соціалистическаго союза, разросшагося и переименовавшагося въ шербекскую группу рабочей партіи, и нѣкоторые изъ фермеровъ-хозяевъ. Они желали познакомиться съ своимъ кандидатомъ и услышать отъ него сущность программы. Зная патріархальную приверженность матери къ культу гостепріимства,

Бертранъ воспользовался случаемъ высказать ей свой взглядъ на этотъ предметъ. Онъ былъ радъ, что дѣло устроилось, что мать избавлена отъ безпокойствъ, но, занимаясь потомъ въ кабинетѣ, невольно прислушивался къ начавшему раздаваться въ домѣ странному шуму.

Онъ вышелъ узнать, въ чемъ дѣло.

Въ залѣ стоялъ, что называется, „дымъ коромысломъ". Мебель была сдвинута на середину; m-me Бертранъ, съ полотенцемъ на плечѣ и съ замшей въ рукѣ, наводила лоскъ на зеркала; Роза, вооруженная круглою щеткой на длинной палкѣ, разыскивала по угламъ подъ потолкомъ воображаемую паутину...

— Неужели это ради гостей?—изумился Бертранъ.

— А то какъ же?—отвѣтила наставительно Роза.

— Къ Пасхѣ хотѣли прибрать залу, да не удалось какъ-то... Ну, а теперь кстати...—объяснила m-me Бертранъ.

— Я въ кабинетѣ приму гостей...

— Въ кабинетѣ всего шесть стульевъ!

— Остальные изъ залы возьмемъ!

— Ахъ, Эмиль! Развѣ это кабинетные стулья?—пристыдила его m-me Бертранъ.

Онъ хотѣлъ сказать, что это рѣшительно все равно, что стулъ—вездѣ стулъ, но только усмѣхнулся и предоставилъ все судьбѣ.

Зала оказалась приготовленною по всѣмъ правиламъ: середину занималъ длинный раздвижной столъ съ шеренгами стульевъ по бокамъ и съ предсѣдательскимъ кресломъ въ концѣ; на стѣнахъ сіяли отчищенныя, оправленныя лампы, на подзеркальникахъ—серебряные подсвѣчники съ цѣльными свѣчами.

Съ этимъ можно было помириться. Бертранъ подумалъ даже не безъ удовольствія, что принять гостей въ залѣ будетъ много удобнѣе.

Старушка прочла это на лицѣ сына и вся расцвѣла отъ радости.

XIII.

Къ назначенному часу калитка была отворена, въ начинавшейся за нею галерейкѣ зажегся фонарь. Гости прибыли всѣ разомъ и стали проходить въ залу, подъ слышный мѣрный стукъ своихъ башмаковъ, подбитыхъ гвоздями.

Когда всѣ собрались, Бертранъ занялъ свое предсѣдательское мѣсто и пригласилъ гостей садиться. Они оглядѣли жи-

денькіе точеные стульчики и стали усаживаться не спѣша, соблюдая между собою какой-то порядокъ размѣщенія...

— Граждане!—раздался голосъ Бертрана.—Благодарю васъ за довѣріе, которое вы оказываете мнѣ, принимая мою кандидатуру, и радуюсь случаю побесѣдовать съ вами!.. Занимаясь теоретическою стороной рабочаго вопроса и не имѣя точнаго представленія о многомъ въ практической постановкѣ его, я надѣюсь почерпнуть въ вашемъ живомъ словѣ...

Въ это время дверь залы скрипнула, и на порогѣ появилась Роза въ своемъ парадномъ черномъ платьѣ и бѣломъ тюлевомъ чепцѣ. Въ рукахъ у нея былъ серебряный подносъ, а на немъ сверкали рюмки завѣтной, многолѣтней гассельтъ...

— Чтò это?—строго взглянулъ на нее профессоръ.

— M-me Бертранъ приказали просить! — чинно отвѣтила Роза, приступая къ обходу и начиная съ хозяина.

Въ довершеніе недоумѣнія, гости, какъ одинъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, оказывая почетъ вошедшей.

— Поставьте тутъ, Роза, и... не безпокойтесь больше...— сказалъ Бертранъ, бросивъ на нее выразительный взглядъ.

Докончивъ наскоро рѣчь, онъ чокнулся рюмкой съ гостями и предоставилъ слово Эдмонду.

— Мы желали бы услышать отъ васъ... вашу програму...— проговорилъ тотъ...

— Мнѣ передавалъ объ этомъ m-r Пикаръ, — отвѣтилъ Бертранъ. — Но... моя программа, въ главныхъ чертахъ ея— программа бельгійской рабочей партіи. Она знакома группѣ?

— Да!—Мы читали!—Какъ же!—послышались голоса.

— Тогда излишне передавать ее. Затѣмъ, собственно моя программа—реформы... Ее я постараюсь развить на митингѣ и очерчу потомъ въ моей рѣчи къ избирателямъ... Слѣдовательно, вы будете имѣть случай ознакомиться... Теперь скажу только, что проектируемыя реформы имѣютъ въ виду бытъ рабочихъ, какъ фабричныхъ, такъ сельскихъ и городскихъ...

— И подвижный кантрактъ?—раздался голосъ.

— Чтò? — переспросилъ Бертранъ, наклоняясь въ сторону сказавшаго и приставивъ козырькомъ ладонь къ уху.

— И подвижный контрактъ на земли?

Бертранъ задумался. Въ университетѣ онъ читалъ политическую экономію, и былъ вообще нéдурной экономистъ, но *подвижный* контрактъ оказывался загадкой для него.

— Я не уясняю себѣ подобной формы контракта... Въ чемъ собственно она?.. Пересядьте поближе!—пригласилъ онъ.

Въ концѣ стола поднялся среднихъ лѣтъ фермеръ въ дешевенькомъ праздничномъ костюмѣ и занялъ мѣсто сидѣвшаго о бокъ съ Бертраномъ.

Бертранъ пожалъ ему руку, знакомясь, и спросилъ объ имени.

— Женаръ... — отвѣтилъ фермеръ, кашлянувъ и сиплымъ голосомъ.—Луи Женаръ... Мой отецъ заарендовалъ участокъ у графа... А теперь—я, какъ наслѣдникъ...

— Что жъ это такое подвижный контрактъ, m-r Женаръ?

— Да видите ли... теперь въ контрактѣ аренда ставится разъ на весь срокъ... „неподвижная", какъ говорится у насъ...— началъ Женаръ, сперва положивъ руки на столъ, а потомъ снявъ ихъ.—Пусть приключается что угодно: неурожай, градобитіе, цѣна низкая на хлѣбъ—арендаторъ отдай собственнику за землю—сколько въ контрактѣ поставлено... Ну, а мы хотимъ, чтобъ аренда эта была „подвижная".

— То-есть?

— Чтобъ она разсчитывалась по цѣнѣ на хлѣбъ: стоитъ въ какой-нибудь годъ цѣна высокая—пусть и аренда повысится; упадетъ цѣна—пусть сбавятъ аренду... Вотъ мы и хотимъ, чтобъ объ этомъ былъ въ парламентѣ законъ постановленъ... Тогда фермеру возможно будетъ больше унавоживать землю, стараться о ней, а собственникъ положеніемъ фермера заинтересуется... не будетъ только тѣснить его да ронять цѣну на хлѣбъ...

— Какъ же онъ можетъ ронять цѣну? для чего?

Женаръ устремилъ взглядъ въ уголъ, потомъ на потолокъ, точно совѣтуясь тамъ съ кѣмъ.

— Одинъ клерикалъ землю сдаетъ... другой—хлѣбъ скупаетъ... за сколько хочетъ...—послышался затѣмъ его сиплый голосъ.

Промолвивъ это, онъ взглянулъ еще разъ на потолокъ и поникъ задумчиво.

Задумался и Бертранъ. Неожиданный лучъ обнаруживалъ предъ нимъ еще одну изъ пружинъ усовершенствованной клерикальной системы, освѣщалъ еще одну тяготу тѣхъ, за интересы которыхъ собирался онъ ратовать...

— Трудно сказать, насколько возможенъ законъ именно въ такой формѣ... — заговорилъ онъ, смущая совсѣмъ Женара новымъ пожатіемъ руки.—Но во всякомъ случаѣ это—идея, и я благодарю васъ за нее! Думаю, что одинаковый результатъ можетъ быть достигнутъ и другимъ закономъ... подобнымъ ирландскому, напримѣръ... Въ Ирландіи—гдѣ, кстати сказать, наемная

цѣна земли несравненно ниже, чѣмъ въ Бельгіи—для установленія размѣра арендной платы существуетъ институтъ экспертовъ... Насколько мѣра эта полезна и дѣйствительна, можно судить потому, что примѣненіе ея понизило существовавшій размѣръ аренды на 30—40 процентовъ...

Бертранъ увлекся и прочелъ гостямъ чуть не цѣлую лекцію объ ирландскихъ аграрныхъ порядкахъ. Гости оживились и, наведенные на мысли, стали приводить сравненія родныхъ аграрныхъ порядковъ съ ирландскими.

Это заинтересовало Бертрана. Видя, что бесѣда должна затянуться, онъ, къ великому удовольствію матери и особенно Розы, спросилъ чаю. Высказанная имъ слабость усилила ревность хозяекъ: къ чаю появился полный подносъ тартинокъ—съ сыромъ, съ рыбою, съ яйцами, съ поджареннымъ свинымъ саломъ...

XIV.

Мартынъ Ширакъ рѣшилъ доткать полоску, гдѣ кончалась дюжина платковъ.

Въ комнатѣ было почти темно. Ширакъ присматривался и, казалось ему, различалъ ясно, какъ кладется нитка, но въ сущности работалъ по навыку, наугадъ. Закончивъ каемку послѣдняго платка полосками вперемежку съ толстыми нитками, онъ всталъ изъ-за станка и старательно, по самыя берда, прикрылъ сотканное кускомъ мягкой чистой дерюги.

— Будетъ тебѣ!—обратился онъ къ Матильдѣ, прявшей у окна и тоже присматривавшейся наудачу къ ниткѣ.

— Мать не пришла...

— Чтò тебѣ до нея?

— Рано еще, значитъ.

— Восемь ужъ пробило: я считалъ.

Матильда встала, прибрала прялку въ уголъ и накрыла ее своею старенькою шалью.

— Гдѣ жъ это мать?—проговорила она, потягиваясь и расправляя уставшую спину.

— Заговорилась съ кѣмъ-нибудь.

— И сестры не идутъ...

— Онѣ ужинаютъ тамъ, у монашенокъ.

По случаю шумныхъ выборовъ шербекская коммерція оживилась; торопились повсюду со спѣшною работой. Ширакъ вос-

пользовался этимъ и пристроилъ своихъ двухъ дѣвочекъ—Иду и Жизель—временно къ монашенкамъ-кружевницамъ.

Матильда зѣвнула нервно, достала медлительно жестяную лампочку съ полки и зажгла ее. Набравшіеся за день въ комнату мотыльки, бабочки, комары—все, чѣмъ было такъ богато сосѣднее болото—закружились надъ огнемъ...

Пришла старуха Ширакъ. Она принесла на ужинъ зеленаго луку, молодого картофелю и стала готовить торопливо на керосиновой кухнѣ похлебку съ свинымъ саломъ.

— Что̀ это m-r Пикара давно не видать?—обратилась Матильда къ отцу, который курилъ трубку, сгорбившись на табуретѣ.

— Ты это покаковски считаешь?—спросилъ тотъ, сплюнувъ и глядя пристально на дочь.

— Что̀ ты хочешь этимъ сказать?

— Третьяго дня собраніе было у насъ. Развѣ это давно?

— Ахъ, да!.. Я не то... я хотѣла сказать, отчего онъ не зайдетъ никогда такъ... посидѣть?—поправилась Матильда.

— М-r Пикаръ бываетъ въ Шербекѣ, чтобъ дѣло дѣлать, а не сидѣть,—отвѣтилъ Ширакъ.—У него минута каждая разсчитана. А теперь и подавно: выборы на носу!

— Онъ въ такихъ попыхахъ въ эстаминэ, что едва узналъ меня!—отозвалась старуха Ширакъ, мѣшая бурлившую похлебку и жмурясь отъ поднимавшагося пара.

— Ты какъ попала туда?—взглянулъ на нее Ширакъ.

— Зашла съ нашими работницами „капельку“ выпить и спросить у Анны, гдѣ ситцу купить на платья дѣвочкамъ... Ничего вѣдь не знаешь: одна заря загонитъ на фабрику, другая—выгонитъ... Ну и m-r Пикаръ тамъ, хлопочетъ залу очистить, скамьи и столики вынести... А какъ ихъ вынести, когда они наглухо къ полу придѣланы?..—„Сочтите, во что это обойдется!“—смѣется Арну.

— Для чего же залу очищать?

— Митингъ будетъ...

— Перевираешь ты что-нибудь!—усомнился Ширакъ.—Какая у Арну зала для митинга! Десять человѣкъ помѣстишь въ ней! Развѣ въ Шербекѣ мало кафѐ съ залами?

— Не глухая же я! При мнѣ разговоръ шелъ.

Ширакъ умолкъ.

Послѣ ужина онъ одѣлся и сказалъ, что идетъ въ эстаминэ. Сидѣвшая задумчиво за столомъ Матильда вскинула голову.

— Подожди меня, отецъ!—сказала она.

— Ты тоже?

— Пива хочется выпить... Пойдемъ, мать!

Старуха Ширакъ полудремала на стулѣ, закрывая и открывая глаза. Ей не хотѣлось спать и физической усталости не чувствовала она. Но дурная ѣда на нездоровый желудокъ и какое-то отупѣніе, апатія послѣ двѣнадцатичасового автоматическаго „подаванія“ катушекъ въ машину на фабрикѣ разслабляли ее, томили...

— Пойдешь ты?—повторила Матильда.

— Тебѣ хорошо... въ твои годы! Я тоже такая была...— заговорила старуха точно въ бреду и не поднимая головы.— А доживи-ка вотъ до моихъ лѣтъ да потопчись день-деньской на фабрикѣ...

Матильда встала и скрылась за перегородку. Она появилась вскорѣ, не перемѣнивъ, изъ бережливости, своей рабочей поношенной юбки („все равно не видать, когда сидишь за столикомъ“,—соображала она въ такихъ случаяхъ) и только надѣвъ праздничную черную кофточку со стеклярусомъ да чистый воротничокъ.

Старуха Ширакъ потомилась еще нѣсколько времени на стулѣ, потомъ взяла лампочку и отправилась за перегородку, въ женскую спальню-закуту у стѣны. У противоположной стѣны такая же закута была спальней Ширака, а также кабинетомъ его и кладовой для получавшагося отъ хозяевъ ткацкаго матеріала.

Кроткая, работящая, одаренная исключительнымъ чадолюбіемъ, патентованная кружевница, Луиза Ширакъ жаждала когда-то радостей жизни и питала надежду на нихъ... Но водворившійся синдикатъ фабрикантовъ столкнулъ мужа съ дороги. Скопленное ушло на покупку собственности, на устройство. Прибавившаяся семья потребовала заботъ, хлопотъ; руки отъ черной работы въ домѣ и огородѣ огрубѣли, перестали справляться съ коклюшками, съ иглой. Горе и нужда росли, жизнь дорожала, а рабочая плата падала. Пришлось закабалиться на фабрику. Потянулись мучительные, однообразные годы. Справляя, вмѣсто обѣденнаго отдыха, надобное по дому, ухаживая за дѣтьми, просиживая ночи у постели заболѣвшихъ, томясь неопредѣленностью, наживая хроническую боязнь за завтрашній день, Луиза Ширакъ одеревенѣла, превратилась въ выносливаго автомата. Безвременныя морщины избороздили ея лицо; обязанность работать согнувшись создала какъ бы органическій недостатокъ. Въ выпадавшія счастливыя воскресенья, когда представлялась возможность истратить кое-что на удовольствія, она надѣвала вѣчно измятое отъ лёжки праздничное платье, шляпу съ колен-

коровыми цвѣтами и скиталась съ мужемъ и дѣтьми по кафѐ и эстаминэ, выпивая гдѣ пива, гдѣ „капельку“. Но, перерожденная уже до послѣдняго мускула, она напрасно старалась „отдыхать“, испытывать веселость: мысли не вырывались изъ обыденной колеи, незнакомое окружающее казалось страннымъ, непривычная праздность утомляла...

XV.

Въ эстаминэ Ширакъ дѣйствительно нашелъ все по словамъ жены: дѣло касалось митинга; Арну и Пикаръ препирались.

— Что̀ случилось?—спросилъ онъ.

— Я говорилъ товарищу, что съ клерикалами надо уже востро̀ держать, а онъ не вѣрилъ!..—началъ Арну.

— Не могъ вѣрить! — перебилъ Пикаръ. — Вѣрятъ въ то, что̀ хотя мало-мальски представляется вѣроятнымъ, а не въ абсурды очевидные!.. Какой-то мыслитель сказалъ, что встрѣчаются задачи, для успѣшнаго разрѣшенія которыхъ необходимо быть нѣсколько сумасшедшимъ... Такъ и тутъ: надобно было съ ума сойти, чтобы предположить...

— Да въ чемъ дѣло-то?—остановилъ его Ширакъ.

— Въ самомъ невѣроятномъ: на завтра митингъ назначилъ профессоръ Бертранъ, а въ Шербекѣ ни одной залы свободной не оказывается!

— Кто-жъ ихъ занялъ?

— Клерикалы! Кого угрозой, кого деньгами—всѣхъ прибрали къ рукамъ, и вездѣ отказъ!

— А въ компанейской пивной, у Дроза?

— Помилуйте, противникъ! И говорить не стали...

— Въ кафѐ Рубенса были?

— Занято! Вздоръ, разумѣется!.. Только и остается, что здѣсь вотъ... Но какая же это зала?

Ширакъ только головою покачалъ.

— Вотъ, при васъ, m-r Ширакъ, и при васъ, mademoiselle Матильда, объявляю!—воскликнулъ Арну, разставивъ предъ компаніей пѣнившіеся стаканы пива и опорожнивъ залпомъ свой.— Что до клерикаловъ, то пусть товарищъ слушается меня! И насчетъ митинга я предлагаю исходъ!..

— Хорошъ исходъ! — буркнулъ Пикаръ.

— Другого нѣтъ! Я предлагаю: чѣмъ жаться здѣсь или еще

въ какомъ углу, устроить митингъ на площади... на лугу, вонъ... Гдѣ угодно: погода прекрасная!

— По моему—тоже!—сказалъ Ширакъ.

— Но вы представьте только!—отозвался чуть не со слезами Пикаръ.—Профессоръ, кандидатъ—предъ толпою на лугу... на площади! Чтò за картина! Какія легкія надо имѣть оратору!

— Подъ картиной мы подпишемъ: „*Шербекскіе выборы*", и она всѣмъ станетъ понятна!—захохоталъ Ширакъ.—А относительно легкихъ не безпокойтесь: ближайшимъ будетъ слышно, и они передадутъ остальнымъ... Въ залѣ вѣдь тоже не всѣ услышатъ!

— Par Artevelde [1])! — воскликнулъ отчаянно Пикаръ, чокаясь съ нимъ стаканомъ.

— Чтò это значитъ: „par Artevelde"?—обратилась къ Пикару Матильда.—Я часто слышу и сама говорю, а не знаю...

— Вы не знаете, кто былъ Артевельдъ?—взглянулъ на нее Пикаръ.

— Чего захотѣли!—отвѣтилъ за дочь вслушавшійся Ширакъ.—Она въ клерикальной школѣ училась! Изъ исторіи только и знаетъ—какой архіепископъ какимъ чудомъ спасъ тотъ или другой городъ, осчастливилъ народъ! Ха-ха-ха!

— Наша сестра Полина и совсѣмъ не идетъ дальше исторіи монастырей!—вставилъ Арну.—А въ учебникахъ такъ прямо и стоитъ: „Относитесь съ уваженіемъ къ классу трактирщиковъ: изъ него происходилъ св. Теодоръ"...

— У нея оффиціальная школа?—спросилъ Ширакъ.

— По всѣмъ правиламъ!

— Я не зналъ!

Они углубились въ бесѣду. А Пикаръ и Матильда задвинулись въ уголокъ и повели свою: онъ разсказывалъ ей, какъ въ Гентѣ, въ 1336 г., пивоваръ Яковъ Артевельдъ сталъ во главѣ народа, возмутившагося противъ графа фландрскаго, побѣдилъ противника и сдѣлался правителемъ города...

XVI.

Пущенная въ ходъ выборная машина продолжала свое дѣйствіе.

Шербекъ сталъ наполняться шумомъ и движеніемъ. Все—еще

[1]) Любимое восклицаніе простонародья.

такъ недавно вѣрившее въ незыблемость клерикальныхъ столповъ и своихъ интересовъ,—забезпокоилось. Въ пику народному обѣду графа Ниссена, кандидатъ Дровъ задалъ чудовищный банкетъ— въ саду и съ такимъ фейерверкомъ, что стало буквально „небу жарко". Состоялись клерикальные митинги и собранія съ обычнымъ пропускомъ посѣтителей лишь по билетамъ. Въ Эйндеке впервые образовался отдѣльный выборный комитетъ.

На стѣнахъ врѣзала партійная перестрѣлка афишами.

Въ воскресенье, когда все кругомъ было покрыто еще туманомъ, и первые лучи солнца силились одолѣть на востокѣ сѣрую мглу, викарій Филиберъ шелъ отправлять раннюю обѣдню. Въ центрѣ попался на встрѣчу неустанно трудившійся дядя Пьеръ, съ кипою только-что отпечатанныхъ афишъ на рукѣ. Филиберъ остановилъ его и просмотрѣлъ афишу соціалистовъ.

— Въ фермерской слободѣ достаточно расклеили вы ихъ?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ... да... То-есть, толку не выходитъ!

— Какого толку?

— Подручный одинъ мой отбился и вслѣдъ за мною всѣ афиши соціалистовъ клерикальными заклеиваетъ...

— Это незаконно!—сказалъ строго Филиберъ.—Всѣ партіи пользуются равными правами... Отнеситесь къ бургомистру!

Дядя Пьеръ вскинулъ на него круглые очки, бормоча мысленно:—„Что это за несообразности говоритъ нашъ викарій!"— и пошелъ дальше съ своею буковою лѣсенкой и ведеркомъ съ клейстеромъ.

Въ церкви былъ уже народъ. Заглядывая въ узенькое расписное окно, лучъ солнца кидалъ радужныя пятна на чугунныя плиты пола, на лоснившіяся темныя скамьи, озарялъ уголокъ сѣрой мраморной доски, изъ золотой надписи на которой явствовало, что въ 1369 г. зашедшія въ церковь двѣ ткачихи видѣли чудо—сіяніе надъ статуей Богородицы.

Отправляя обѣдню и машинально оглядывая знакомыя, примелькавшіяся лица — старика Веста съ семьею, работниковъ и работницъ съ фабрикъ, монахинь и записныхъ богомолокъ изъ простонародья,—Филиберъ замѣтилъ новую женскую фигуру въ бѣломъ накрахмаленномъ чепцѣ и съ большимъ кружевнымъ бантомъ подъ подбородкомъ. Вглядѣвшись, онъ узналъ mère Жозефину, никогда не бывавшую у ранней обѣдни — быть можетъ, изъ подражанія аристократамъ, а пожалуй и по неимѣнію времени въ этотъ часъ.

Когда кончилась обѣдня, Жозефина приблизилась съ поклономъ къ викарію и сказала:

— Графъ проситъ васъ сегодня къ нему, отобѣдать.

Это было такъ неожиданно и такъ не сообразовалось съ обстоятельствами, что Филиберъ счелъ себя ослышавшимся.

— Это относится къ о. Гіацинту?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ. Васъ приглашаетъ графъ... въ шесть часовъ. Я собственно за этимъ и пришла.

Сомнѣнія не оставалось.

Филиберъ поблагодарилъ и сказалъ, что будетъ.

Дома онъ попытался обдумать случившееся. Но все это стояло такимъ особнякомъ, что подступить къ нему съ какимъ-либо соображеніемъ не нашлось возможности. Изъ всѣхъ догадокъ казалась вѣроятнѣе одна—что графъ желаетъ видѣть викарія по какому-нибудь приходскому дѣлу и снисходитъ до приглашенія къ обѣду. Инстинктъ связалъ-было съ этимъ приглашеніемъ визитъ о. Дюбуа, но при мотивахъ только спутались мысли...

Сверхъ обыкновенія, Филиберу казалось, что время тянется какъ-то совсѣмъ медленно. Онъ сталъ собираться, когда пробило только пять часовъ, надѣлъ новенькую сутану и долго шмыгалъ щеткой по совсѣмъ не запыленной шляпѣ. Выйдя и уставивъ глаза на раскрытый молитвенникъ, онъ старался подавить въ себѣ какое-то, несовсѣмъ понятное, поднимавшееся чувство—быть можетъ, робость, обыкновенно овладѣвающую въ послѣднія минуты...

За слободою открылся видъ на разстилавшійся просторъ луговъ и полей. Солнце близилось уже къ вершинамъ лѣсовъ; равнина млѣла, переходя вдали въ туманную неясность... У живой изгороди, окружавшей зàмковую усадьбу, Филиберъ опустилъ молитвенникъ въ карманъ и повернулъ въ тихую, пустынную аллею, наполненную крѣпкимъ смолистымъ запахомъ...

У подъѣзда зàмка пришлось растеряться, очутившись предъ нѣсколькими дверьми, но показавшійся изъ среднихъ Алексисъ, очевидно, получившій уже приказанія, вступилъ въ роль чичероне. Широкимъ, прохладнымъ корридоромъ съ лоснившимся мозаичнымъ поломъ онъ провелъ Филибера вглубь зàмка и отворилъ половинку высокой дубовой двери.

Филиберъ очутился въ маленькой гостиной, выходившей окнами въ паркъ. Въ слѣдующую комнату, направо, дверь была открыта, и тамъ шелъ высокій душеспасительный разговоръ.

— ... Но развѣ папа свободенъ? Я беру сферу дѣйствій,

въ которыхъ признается онъ непогрѣшимымъ... Касательно догматовъ, напримѣръ?—произнесъ одинъ голосъ.

— Несомнѣнно!—отвѣтилъ другой голосъ, по которому Филиберъ узналъ о. Дюбуа.—Но Богъ вдохновляетъ его и открываетъ ему истину!

— Слѣдовательно, дѣйствія его зависятъ отъ указанія свыше... Какимъ же образомъ свободенъ онъ?

— Разумѣется, свободенъ! Быть свободнымъ не значитъ—быть предоставленнымъ собственному произволу и ошибкамъ...

Филиберъ, неувѣренно ступая по скользкому узорному паркету своими большими грубыми башмаками шербекскаго издѣлія, продвинулся къ двери и кашлянулъ.

— А вотъ и нашъ дорогой викарій!—воскликнулъ первый голосъ.

На встрѣчу Филиберу показался представительный господинъ съ сѣдою длинною бородой и проговорилъ, подавая руку:

— Давно желалъ познакомиться съ вами!

Филиберъ заключилъ, что передъ нимъ—самъ графъ Ниссенъ, и отвѣтилъ съ поклономъ, что необыкновенно радуется случаю выразить свое почтеніе.

О. Дюбуа пожалъ своими холодными руками обѣ руки Филиберу и участливо освѣдомился о его здоровьѣ.

Послѣ обмѣна обычными при началѣ знакомства фразами, графъ взглянулъ на часы и сказалъ, обращаясь къ о. Дюбуа:

— Мнѣ время одѣваться къ обѣду. Поручаю вамъ нашего общаго гостя!

Онъ вышелъ, а о. Дюбуа, точно ждавшій этого порученія, взялъ мягко Филибера подъ руку и предложилъ пройтись по парку.

Вѣковой безконечный паркъ былъ тѣнистъ и прохладенъ. Умиленіе, отрадный покой, чувствовались въ его тихихъ темныхъ аллеяхъ съ сплетавшимися въ вышинѣ верхушками липъ, каштановъ, тополей; вѣяло мягкою грустью, мечтательностью... Сквозь обширныя прогалины съ рѣзкими контрастами свѣта и тѣней виднѣлись огромные газоны, клумбы съ прихотливыми узорами цвѣтовъ... Игривое, колоритное искусство сливалось всюду въ гармонію съ спокойнымъ величіемъ природы...

Неустанно занимавшій гостя, о. Дюбуа не касался ни словомъ политики. Онъ говорилъ о погодѣ, о цвѣтахъ, о красотахъ природы... Но при этомъ само собою, по сцѣпленію мыслей, слѣдовало, что думавшій отдохнуть графъ Ниссенъ совершенно разстроенъ, даже и паркомъ не наслаждается, „благодаря ослож-

нившимся шербекскимъ выборамъ, поселяющимъ смуту и раздоръ";... что онъ, разумѣется, занимался бы цвѣтами, которые такъ любитъ, если бы это невинное удовольствіе не отравлялось „разочарованіемъ въ личностяхъ, всегда пользовавшихся его добротою, внимательностью, всѣмъ обязанныхъ ему, а теперь ставшихъ ренегатами";... что рдѣющій надъ паркомъ чудный величественный закатъ непремѣнно пролилъ бы успокоеніе въ незлобивую душу графа, заставилъ бы его забыть все, „если бы дѣло не касалось интересовъ церкви, государства".

Филиберъ слушалъ, сохраняя серьезную мину на лицѣ, и бросалъ въ то же время украдкою взглядъ на превосходную шолковую сутану о. Дюбуа, отливавшую чарующимъ блескомъ подъ скользившими по ней сквозь листву узорами свѣта... Его собственная, казавшаяся всегда тоже превосходною, превращалась при сравненіи въ тряпку, а въ мысляхъ гнѣздилось и росло убійственное сознаніе, что подсунутая портнымъ „чистѣйшая шерсть" есть самое дрянное произведеніе фландрскаго городка Вервье—центра мануфактурныхъ поддѣлокъ...

— Вы принимаете участіе въ выборахъ?—сказалъ онъ, поддерживая разговоръ.

— О, нѣтъ!—отвѣтилъ съ презрительностью въ голосѣ о. Дюбуа.—Я принимаю участіе въ графѣ!

Но и тутъ, по сцѣпленію мыслей, было высказано, что „нельзя не принимать участія въ человѣкѣ, когда онъ жертвуетъ всѣмъ своимъ личнымъ благомъ, чтобы спасти страну отъ грозящей гибели"...

— Отъ какой гибели?—искренно изумился Филиберъ.

— Теперешніе выборы принесутъ огромное зло, если восторжествуютъ низменные элементы!—отвѣтилъ о. Дюбуа.—Политика въ рукахъ соціалистовъ—орудіе безпорядка, распущенности, безчинствъ!

— Соціалистическая партія—исключительно *экономическая*, и въ ея разсчеты, кажется, не входитъ поприще *исключительно* политическое...—возразилъ сдержанно Филиберъ.

— Это—поверхностное предположеніе!—произнесъ печально о. Дюбуа.—Соціалисты мечтаютъ объ упрощеніи всеобщихъ выборовъ, объ уничтоженіи фискальнаго протекціонизма, о радикальныхъ измѣненіяхъ въ военной системѣ, объ упорядоченіи рабочаго вопроса и о многомъ подобномъ... Имъ неизбѣжно имѣть своихъ представителей въ законодательныхъ и другихъ собраніяхъ, гдѣ всѣ эти вопросы дебатируются и рѣшаются...

— Насколько могу я судить, парламентъ для нихъ—лишь

трибуна нѣсколько выше другихъ, съ которой ихъ голосъ можетъ быть слышнѣе...—рискнулъ вступиться Филиберъ.

— Въ этомъ нельзя имъ вѣрить!—рѣшительно махнулъ рукою о. Дюбуа.

XVII.

Когда они вернулись въ замокъ, тамъ уже были гости: нотаріусъ Демоль въ бѣломъ, плохо выглаженномъ жилетѣ и поблекшемъ старомодномъ фрачкѣ съ короткими фалдами; неизвѣстный Филиберу пожилой аббатъ изъ Нельдека и трое окрестныхъ шербекскихъ дворянъ. Графъ былъ въ черномъ сюртукѣ и орденской бутоньеркѣ—полу-церемонной обѣденной формѣ.

Въ дверяхъ показался Алексисъ и остановился, выжидая паузу въ разговорѣ. Встрѣтивъ вопросительный взглядъ графа, онъ провозгласилъ:

— Кушать подано!

Графъ кивнулъ головой, какъ бы говоря: „То-то же! Иначе зачѣмъ бы ты явился"?

Въ столовой — съ мебелью изъ темнаго дуба, со стѣнами, обтянутыми старинною фландрскою матеріей, и съ рыцарскими золотыми кубками на выступахъ пилястровъ — сверкалъ хрусталемъ и фарфоромъ небольшой длинный столъ, накрытый chef-d'oeuvre'омъ ткацкаго искусства, держащагося отчасти и теперь въ славящемся этимъ фландрскомъ мѣстечкѣ Куртрэ.

Посаженный между однимъ изъ дворянъ и о. Дюбуа, Филиберъ краснѣлъ отъ волненія. Къ бѣлѣйшей, торчавшей салфеткѣ съ блестѣвшимъ, точно серебрянымъ узоромъ, онъ едва смѣлъ прикоснуться; разложенные у прибора непонятные ножички, вилочки, ложечки и еще что-то смущали его точно орудія пытки...

Обѣдъ начался, какъ водится, молчаливо. Но отмѣнное бордо и выдержанный душистый рейнвейнъ не замедлили развязать языки... Первые начали дворяне, пустившись въ охотничьи разсказы, причемъ — по поводу дерзости браконьеровъ, „могущей усилиться отъ безвластія"—выступили на сцену и выборы...

Одинъ изъ дворянъ—полный и бородатый—сталъ утверждать, отвѣчая другому—жиденькому и съ усами,—что, „пожалуй, можно еще закрыть глаза, если фермеръ читаетъ непозволительныя газеты, водится съ соціалистами, но обязанность уважать владѣльца, посѣщать церковь, не мѣшаться въ политику должна быть даже отпечатана въ контрактѣ"... Аббатъ, обмахивая салфеткой, какъ вѣеромъ, свое круглое, разрумянившееся лицо, про-

велъ кудревато параллель между миссіей церкви и обязанностями владѣльца, „поставленнаго, подобно церкви, пещись о подвѣдомыхъ неразумныхъ и наставлять ихъ“...

О. Дюбуа, кушавшій исправно и не забывавшій то подкладывать, то подливать Филиберу, возобновилъ съ нимъ разговоръ о соціализмѣ.

— Въ прошлые выборы соціалисты потерпѣли пораженіе даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде одерживали побѣды!—сталъ говорить онъ своимъ рѣзкимъ, звучнымъ голосомъ.—По какой же причинѣ? По очень простой: рабочіе убѣдились, что интересы ихъ соблюдаются клерикалами лучше, нежели соціалистами!

— Могла быть и другая причина... — замѣтилъ Филиберъ.

— Какая?

— Клерикалы вообще располагаютъ лучшими и... болѣе дѣйствительными средствами борьбы...

О. Дюбуа взглянулъ искоса на викарія и положилъ вилку и ножикъ. На тонкихъ губахъ его зазмѣилась чуть примѣтная ядовитая улыбочка.

— Допустимъ...—согласился онъ.—Но какъ могутъ худшія средства борьбы служить лучшимъ способомъ привлеченія *сторонниковъ*?...

Филиберъ вспыхнулъ и опустилъ глаза на тарелку.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Стали взвѣшиваться выборные шансы соціалистовъ, приводиться слухи, мнѣнія за и противъ... Какъ бы кладя свое veto, графъ заговорилъ, возвысивъ голосъ:

— Соціалисты слишкомъ увѣрены въ непреложности своихъ убѣжденій и въ неотразимости своего вліянія на массу! Ослѣпленные своимъ величіемъ, они не замѣчаютъ, какъ падаетъ постепенно ихъ престижъ и какъ ростутъ неудачи! Либералы пали жертвой своей маніи величія; то же должно случиться и съ соціалистами!..

Кофе былъ сервированъ на террасѣ.

Тихія, задумчивыя сумерки уже надвигались; день угасалъ, холодѣя непримѣтно. Далекій, огнистый отблескъ заката золотилъ верхушки деревьевъ въ паркѣ. Изъ-за низенькихъ перилъ террасы поднимался своеобразный пріятный запахъ травы и дикихъ цвѣтовъ, смѣшиваясь съ тонкимъ ароматомъ гаванскихъ сигаръ.

О. Дюбуа тихо бесѣдовалъ за столикомъ съ аббатомъ. Филиберъ стоялъ уединенно у перилъ, отхлебывая кофе изъ казавшейся странною ему крошечной чашки и вглядываясь задумчиво въ темную глубь парка. Черезъ столикъ наслаждался

графскою сигарой нотаріусъ Демоль, оттопыривая губы и выпуская медленно дымокъ.

Подошедшій графъ заговорилъ съ Филиберомъ о благолѣпіи церкви и замѣтилъ, что она, видимо, давно не ремонтировалась внутри. Филиберъ поспѣшно допилъ кофе и приготовился слушать, заключая мысленно, что это и есть то дѣло, ради котораго пригласили его. Но графъ тутъ же перешелъ на другое, спросилъ, усердно ли посѣщаетъ церковь простонародье, удобное ли у Филибера помѣщеніе въ пресбитеріи?..

— Я не живу въ пресбитеріи, — отвѣтилъ Филиберъ, недоумѣвая.

— Гдѣ же живете вы?

— Я... въ слободѣ...

— Вотъ тутъ, за аллеями?.. въ охотничьемъ домикѣ моемъ?

Въ круглыхъ глазахъ Филибера выразилось удивленіе. Лачужка была отведена ему по распоряженію графа, о чемъ знали всѣ.

— Нѣтъ, на томъ концѣ слободы...—пояснилъ онъ.

Графъ нахмурился.

— M-r Демоль!—окликнулъ онъ нотаріуса, который и очутился мгновенно предъ повелителемъ, какъ листъ передъ травой. —Дорогой викарій нашъ оказывается помѣщеннымъ гдѣ-то тамъ... въ слободѣ?..

— Въ одной изъ фермерскихъ построекъ...

— Но охотничій домикъ пустуетъ!

— Я не подумалъ...

— Вы думаете только о моихъ интересахъ... Найдите время и забыть ихъ нѣсколько!

Нотаріусъ принялъ этотъ ласковый выговоръ, согнувшись почтительно и скрывъ сигару въ рукавъ фрака.

Затѣмъ онъ выхватилъ изъ кармана неразлучную записную книжку и внесъ въ нее выслушанное распоряженіе.

Охотничій домикъ, выстроенный еще графомъ Гуго въ погонѣ его за прихотями французскихъ сеньоровъ, занималъ площадку, составлявшую уголъ между центромъ и фермерскою слободой. Красивый и уютный, окруженный деревьями, онъ не разъ будилъ въ викаріѣ тщеславныя, несбыточныя мечты...

Уже завечерѣло, когда Филиберъ вышелъ изъ зàмка.

Поднимавшаяся тусклая луна, казалось, только сгущала сумракъ вокругъ. Съ равнины тянуло чувствительною свѣжестью,

но Филиберу было жарко. Отъ вкусныхъ блюдъ и дорогого, достаточно выпитаго, вина онъ кипѣлъ, съ непривычки, возбужденіемъ, переливавшимся въ его могучемъ тѣлѣ точно огненный потокъ. Способствовало этому и волненіе отъ разгадки неожиданности... Весь разговоръ о. Дюбуа, видимо, приноровленный систематически къ цѣли, убѣждалъ, что визитъ и приглашеніе къ обѣду—неразрывны... Не было сомнѣнія, что неразрывна съ этимъ и комедія насчетъ домика... Мысль, что комедію эту разыгрывалъ самъ гордый, неприступный графъ Ниссенъ передъ нимъ, ничтожнымъ шербевскимъ викаріемъ, приводила Филибера въ злобный восторгъ, заставляла задыхаться отъ волненія...

Онъ шелъ быстро, не давая себѣ отчета въ этомъ, и тяжело ступалъ грубыми башмаками по мягкой пыльной землѣ и выдававшимся искривленнымъ корнямъ сосенъ. Въ концѣ аллеи онъ пріостановился и перевелъ духъ. Темный силуэтъ замка сіялъ изъ-за деревьевъ большими освѣщенными окнами и точно провожалъ гостя взглядомъ...

Въ слободѣ раздавалось приближавшееся стройное пѣніе хора, исполнявшаго соціалистическую пѣсню: „Brisons nos chaînes“; мелькалъ въ воздухѣ, точно метеоръ, красный фонарь.

Филиберъ сообразилъ, что это совершаетъ свое шествіе организованный Пикаромъ выборный кортежъ. Онъ подумалъ и повернулъ на пролегавшую лугами обходную дорожку...

XVIII.

Профессоръ Бертранъ занимался вечеромъ въ кабинетѣ, когда, въ десятомъ часу, раздался звонокъ, еще такъ недавно совсѣмъ немыслимый въ домѣ въ такую пору.

Но полная случайностями выборная горячка, присылка корректуръ изъ типографіи, пріучили уже Розу вскакивать спокойно во всякое время ночи. Теперь, только-что улегшаяся, она поспѣшно накинула на себя капотъ и впустила Пикара, явившагося прямо изъ эстаминэ съ вѣстью о неудачѣ насчетъ залы.

Неожиданная клерикальная выходка сперва разсмѣшила Бертрана, а потомъ заставила задуматься, и онъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету, захвативъ въ кулакъ свою русую, уже сѣдѣвшую бородку.

Въ отвѣтъ на опасенія Пикара за должный успѣхъ рѣчи на открытомъ воздухѣ, онъ заговорилъ:

— При подобныхъ обстоятельствахъ нечего уже гнаться за

многимъ: à la guerre comme à la guerre!.. Да зала, въ сущности, не особенно и надобна... Толпа, даже и высоко-интеллигентная, всегда толпа, случайная совокупность особей... Для нея важны не слова, а духъ, идея... и это она улавливаетъ всегда, во всемъ—не ухомъ, а какимъ-то особеннымъ своимъ аппаратомъ... Обыкновенно думаютъ, что толпу можно покорять хорошими словами, но это едва ли вѣрно! Она не *убѣждается*, подобно отдѣльной личности, а только *чувствуетъ*, и потому условная ораторская цѣльность сказаннаго—дѣло второстепенное для нея... Притомъ, и сказанное понимается въ ней каждымъ по-своему, а общимъ является только выводъ, суть... Тайна это, m-r Пикаръ, одинаково неразлучная съ толпою, какъ въ Шербекѣ, такъ и гдѣ-нибудь въ Лондонѣ, въ Каирѣ,—и одинаково непостижимая! Будемъ ораторствовать въ полѣ, по-евангельски... Гдѣ соберется аудиторія?

— Я думаю назначить за Эйндеве, около кладбища.

— Что же, мѣсто просторное, уединенное.

— Бѣда, что собираться приходится днемъ—рабочее время терять!—почесалъ затылокъ Пикаръ.—Еслибы вы могли утромъ пораньше... чтобы народъ успѣлъ хоть къ двумъ часамъ на фабрики явиться...

— Такъ и сдѣлаемъ!—успокоилъ его Бертранъ.

Очутившись, уже за полночь, на темной, безлюдной улицѣ и сообразивъ обстоятельства, Пикаръ рѣшилъ отправиться прямо въ Нельдекъ, чтобы успѣть на зарѣ предупредить тамъ шербекскихъ рабочихъ о перемѣнѣ, согласиться о назначеніи дня, побывать самому на фабрикѣ. Онъ зналъ, что имъ дорожатъ, какъ способнымъ контр-метромъ, и на дѣловыя отлучки его смотрятъ какъ на должное, но, самъ мастеровой, онъ понималъ мастерового и потому урывалъ всякую минуту, чтобы бросить взглядъ на дѣло.

Шербекъ кипѣлъ уже своимъ исключительнымъ лихорадочнымъ движеніемъ, когда Пикаръ показался на его улицахъ. Всюду виднѣлась отборная наѣхавшая публика, мелькали щегольскіе шарабаны, каретки, коляски... проѣхалъ съ какимъ-то упитаннымъ, модно-одѣтымъ клерикаломъ о. Дюбуа... Ихъ обогнала элегантная каретка графа Ниссена, сверкая лакированными спицами колесъ... прошли два кюрэ съ трехцвѣтными лентами, обвитыми вокругъ толстыхъ шнуровъ ихъ шляпъ—отличка казарменныхъ духовниковъ—очевидно, выписанные изъ сосѣдняго штаба войскъ для моральнаго воздѣйствія на гарнизонъ Шербека... Городовые, всегда заспанные и хронически-унылые отъ праздности,

были въ новенькихъ мундирахъ, при отчищенныхъ тесакахъ и со свѣже-выбритыми щеками; они смотрѣли героями, не уступая никому дороги на тротуарахъ.

Около Эйндеке Пикару попался на встрѣчу хромоногій и красноносый франтъ съ напомаженными рыжими вихрами, въ голубомъ пиджакѣ съ чужого плеча и съ мягкимъ клеенчатымъ портфелемъ въ рукѣ, какой носятъ конторщики и судейскіе писцы. Онъ такъ уморительно вывертывалъ хромою ногой, такъ важно поводилъ мутными зелеными глазками, принимая осанку особы, что Пикаръ невольно обратилъ на него вниманіе и чуть не расхохотался.

Это былъ пріодѣвшійся, спѣшившій по дѣламъ клеркъ нотаріуса Демоля—Жакъ. Онъ разносилъ, „по примѣру прежнихъ лѣтъ", предвыборныя грозныя повѣстки избирателямъ, зависѣвшимъ такъ или иначе отъ Демоля. Въ Эйндеке Жаку пришлось навѣстить не мало собственниковъ, погрязшихъ въ ипотекѣ и тянувшихъ свое существованіе лишь благодаря милостивымъ отсрочкамъ. Теперь надо было обойти обитателей центра—купившихъ въ разсрочку мебель, мелкихъ торговцевъ — кредитовавшихся у оптовщиковъ, и прочій подобный людъ—дышавшій перепискою векселей.

Полдень засталъ Жака въ фермерской слободѣ.

Населивъ хижины тревогой, охами и вздохами и какъ бы сваливъ этимъ бремя у себя съ души, Жакъ направился медленными, важными шагами въ эстаминэ, помѣщавшееся въ спеціально приспособленномъ, чистомъ и обширномъ домикѣ. Уволенный изъ конторы на весь день и снабженный столовыми отъ нотаріуса, набравшій въ подачку не мало центовъ съ перепуганныхъ должниковъ, Жакъ чувствовалъ себя на верху блаженства и хотѣлъ задать себѣ праздникъ.

Хозяинъ эстаминэ, вышколенный слуга клерикаловъ, встрѣтилъ Жака низкими поклонами. За однимъ изъ столиковъ бесѣдовала кучка фермерской молодежи, въ томъ числѣ и Эдмондъ. Жакъ уставился на нихъ, ожидая также поклоновъ, но бесѣдовавшіе только оглядѣли его голубой нескладный пиджакъ и обмѣнялись какими-то замѣчаніями—по всей вѣроятности, „критическими".

Это обидѣло Жака.

Подковылявъ къ стойкѣ, онъ хмуро обвелъ глазами ряды бутылокъ и принялся, въ добавленіе къ выпитому за утро, требовать рюмку за рюмкой отборные сортà, выкрикивая преднамѣренно-громко названія. За столикомъ онъ окружилъ себя блю-

домъ кислой капусты съ парою сосисокъ, цѣлымъ короваемъ хлѣба, самымъ большимъ стаканомъ пива и сталъ насыщаться, чавкая и расправляя рыжіе щетинистые усы.

— Хозяинъ, еще стаканъ пива!—важно скомандовалъ онъ, бросивъ презрительный взглядъ на враговъ, бережливо отпивавшихъ изъ своихъ маленькихъ стаканчиковъ.

Поѣвъ, Жакъ вынулъ изъ-за уха неразлучную папироску, но подумалъ и крикнулъ:

— Хозяинъ, сигару... антверпенскую!

— Всѣ вышли антверпенскія, m-r Жакъ...—пропѣлъ изъ-за стойки хозяинъ, никогда и не видѣвшій ихъ. —Но вотъ льежскія... чудеснѣйшія!

— Пусть ихъ голь ваша всякая куритъ!—отвѣтилъ презрительно Жакъ.

За столикомъ молодежи раздалось хихиканье.

Жакъ покосился раздражительно и крикнулъ:

— Хозяинъ, рюмку ликеру!

Это былъ ударъ врагамъ. Молодежь сразу притихла; можно было разслышать лишь едва внятный шопотъ. Жакъ побѣдоносно и съ облегченнымъ сердцемъ задымилъ папиросой, попивая ликеръ. Но тигръ прилегъ лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать смертоносный прыжокъ...

За столикомъ раздалось:

— Эдмондъ, угости меня ликеромъ!

— А меня—ликеромъ и сигарой!

— Стану я всякую голь угощать!—отвѣтилъ напыщенно Эдмондъ.

— Скажи лучше, что у тебя видъ только важный, а въ карманѣ свиститъ!

— А гдѣ же ему взять?—вступился примирительно кто-то.— Онъ только и знаетъ, что день-деньской веревки сучитъ! Работай онъ перомъ—будь подьячій, клеркъ...

— Что жъ было бы тогда?

— Тогда?..—говорившій свистнулъ и продолжалъ:—Тогда онъ одному каверзу подвелъ бы, другого—опуталъ, съ третьяго—взятку взялъ... А потомъ забрался бы въ эстаминэ да и началъ съ пьяныхъ глазъ такія колѣна выдѣлывать, что хоть самому майёру [1]) впору!..

Чаша терпѣнія переполнилась.

Красный, угристый носъ Жака сперва покрылся всѣми цвѣ-

---

[1]) Старшина въ общинѣ.

тами радуги, а потомъ заигралъ ярко-пунцовымъ цвѣтомъ,—какъ дельфинъ передъ смертью. Онъ поднялся не безъ труда со стула, приблизился нетвердыми шагами къ врагамъ и сказалъ, уставивъ въ свою манишку крючковатый указательный палецъ съ грязнымъ ногтемъ:

— Я—клеркъ!

— Слышишь? Онъ—клеркъ!—обратился одинъ изъ юношей къ Эдмонду.

— Возможно ли?!—удивился тотъ въ отвѣтъ.—По виду, онъ совсѣмъ бургомистръ!

— Какъ вы смѣете оскорблять меня... клерка!—подступилъ Жакъ.

— Помилуйте, кто рѣшится на такой смертный грѣхъ!—отвѣтилъ приниженно Эдмондъ, сжавшись на стулѣ.

Жакъ кинулся съ ругательствомъ на Эдмонда, но встрѣтилъ, въ самую средину жилета, его дюжую ногу и покатился по полу, разставшись со шляпой...

Услужливый хозяинъ бросился поднимать почетнаго гостя. Когда это, не безъ труда, удалось ему, онъ приставилъ Жака къ стѣнкѣ, накрылъ рыжіе вихры его поднятою шляпой и заговорилъ, выказывая далеко не дюжинныя способности дипломата:

— Не трогайте ихъ, m-r Жакъ!.. Не связывайтесь съ ними!.. Они и безъ васъ будутъ наказаны... закономъ!

Жакъ кричалъ, уставивъ палецъ на Эдмонда:

— Ты заплатишь мнѣ!.. за все заплатишь!.. Я взыщу!..

Вечеромъ, съ фабрики, Эдмондъ отправился къ Пикару—толковать объ устройствѣ митинга на открытомъ воздухѣ. Домой вернулся онъ уже позднею ночью. Старикъ Вестъ, сверхъ обыкновенія, не спалъ, покуривая трубку у дверей.

— Что ты это надѣлалъ?!—обратился онъ сокрушенно къ сыну.

— Что такое?

— Ты клерка Жака побилъ!

— Великая важность!

— Ты или глупъ, или поклялся вредить мнѣ!—вскипѣлъ старикъ.—Завтра утромъ иди къ нотаріусу и извинись!

— Нѣтъ, отецъ, этого я не сдѣлаю,—отвѣтилъ Эдмондъ.—Въ эстаминэ я проучилъ только *Жака*, и онъ можетъ искать съ меня, если хочетъ... Извиниться же передъ нотаріусомъ—значитъ признать, что я проучилъ *клерка*... Понимаешь ты разницу?

Вестъ понялъ и задумался. Что проученъ клеркъ Жакъ— этотъ „sale type“, какъ онъ самъ всегда величалъ его мысленно, оборвышъ, спеціально закаленный конторою съ дѣтства въ самой грязной клязуѣ и безсердечіи,—старикъ только радовался. Непріятно было одно,—что вмѣшанъ тутъ сынъ.

— Хоть въ Конго бѣги!—проворчалъ онъ, скрываясь въ домикъ.

XIX.

Пространство за слободою Эйндеке, долженствовавшее обратиться въ залу для митинга, представляло собою довольно возвышенную ровную долинку, на глинистой почвѣ которой не росло даже годной травы. Изъ слободы вела къ ней узенькая, извилистая дорожка, проложенная собственно на кладбище.

Раннимъ утромъ въ долинкѣ появился „комитетъ митинга“, составленный изъ Эдмонда и фермерской молодежи. Подъ митингъ выбрали средину долинки, откуда открывался не лишенный пріятности видъ на безконечное зеленѣвшее пространство болота. Для оратора соорудили „эстраду“, скомбинированную изъ пустыхъ ящиковъ и старыхъ досокъ, добытыхъ Эдмондомъ съ его канатной фабрики, бывшей по ту сторону кладбища. Декоративнымъ матеріаломъ послужили вѣтки ольхи и произроставшая вокругъ въ изобиліи дикая гвоздика.

Когда явился Пикаръ—бросить инспекторскій взглядъ, все было уже готово, а по дорожкѣ тянулись вереничками подходившіе изъ Нельдека рабочіе.

Оставалось извѣстить Бертрана, и Пикаръ отправился къ нему.

Въ концѣ слободы, у дощатой изгороди, окружавшей начатую постройку, возился дядя-Пьеръ, макая въ ведерко съ клейстеромъ кисть и дѣйствуя ею по доскамъ, точно цирюльникъ по щекѣ...

Пикаръ, которому даже во снѣ только и грезилось, что выборныя афиши да контр-афиши, повернулъ поспѣшно къ нему.

— Чтò это вы расклеиваете, дядя-Пьеръ?—освѣдомился онъ.

— А, m-r Пикаръ!—поднялъ тотъ на него свои круглые очки.—Афишу расклеиваю... Мы все расклеиваемъ: и хорошее, и дурное,—чтò хотите! Такая должность наша!.. Вотъ, полюбуйтесь!

Онъ выдернулъ изъ пачки, придавленной на землѣ камеш-

комъ,—чтобы не разносилъ вѣтеръ,—небольшую длинненькую афишку и подалъ ее Пикару.

У Пикара въ глазахъ потемнѣло...

Афиша извѣщала, что, по распоряженію бургомистра, запрещаются всякіе скопы, собранія, митинги *подъ открытымъ небомъ*...

— Я возьму эту афишу!—проговорилъ Пикаръ и пустился чуть не бѣгомъ къ Бертрану.

Дядя-Пьеръ поглядѣлъ ему вслѣдъ, покрутилъ головой, насколько позволяла это толстая, коротенькая шея, и принялся за свое дѣло.

Бертранъ, уже совсѣмъ готовый, въ черномъ сюртукѣ и при бѣломъ галстухѣ, не сразу взялъ въ толкъ торопливыя слова взволнованнаго Пикара, и, только пробѣжавъ афишку, понялъ, въ чемъ дѣло.

— Сюрпризъ!—произнесъ онъ, хмурясь и покручивая усы.

— Есть законъ на это?

— Не знаю... едва ли... Но вѣдь законы, особенно до административныхъ властей относящіеся, изготовляются вообще на манеръ дышла, такъ сказать,—чтобы ихъ можно было туда и сюда поворачивать!.. Предоставлено бургомистру „принимать мѣры къ охраненію порядка и спокойствія",—ну, онъ и паритъ въ этой туманной безпредѣльности!

Бертранъ засмѣялся, но видно было по всему, что онъ разсерженъ, возмущенъ.

— Я опротестую это распоряженіе у бургомистра и телеграфирую рабочей партіи въ Брюссель!—сказалъ Пикаръ.

— Дѣйствуйте!—отвѣтилъ Бертранъ.—Что до меня, то я готовъ говорить подъ землей, подъ водой даже, если нельзя на открытомъ воздухѣ!

Онъ крѣпко сжалъ обѣими руками руку Пикара, и тотъ почувствовалъ, что руки эти холодны и дрожатъ.

Пикаръ побрелъ въ слободу. Несмотря на всю свою привычку къ агитаціоннымъ треволненіямъ и на физическую выносливость рабочаго, онъ чувствовалъ, что у него и силъ не хватаетъ, и духъ начинаетъ падать... Въ эстаминэ была только Анна—Арну не возвращался еще изъ склада, куда отправился сводить счеты. Пикаръ выпилъ для подкрѣпленія силъ „капельку" и побрелъ къ Шираку.

Того тоже дома не оказалось.

— Къ m-r Вандергусу пошелъ онъ, насчетъ постройки пекарни...—сказала Матильда, оставляя прялку.—Я сейчасъ сбѣгаю за нимъ!

— Да нѣтъ, не безпокойтесь... я зайду потомъ...— хотѣлъ остановить ее Пикаръ.

— Это близко!—крикнула она, скрываясь за дверь.

Пикаръ присѣлъ на стулъ, точно въ себя приходя и не представляя ясно, зачѣмъ собственно явился онъ.—„Надо къ кладбищу идти... Эдмонду сказать... отпустить рабочихъ въ Нельдекъ...“— вертѣлось у него въ головѣ.

Ширакъ явился скоро.

— Это возмутительно! Это ни на что не похоже!—заговорилъ онъ, пораженный новостью. — Комедія какая-то... фарсъ неприличный, а не выборы! Остается ругательства писать на бюллетеняхъ!..

— Можете вы принять на себя хлопоты? —спросилъ Пикаръ.

— Какія?

— Шербекская группа рабочей партіи организована теперь по всѣмъ правиламъ. Мы составимъ сейчасъ протестъ противъ распоряженія бургомистра, а вы соберете подписи отъ тѣхъ, кто въ слободѣ...

— Пишите! — сказалъ Ширакъ и закружился по комнатѣ, такъ какъ собственно для ходьбы не было мѣста.—На митингъ и изъ Нельдека пришли рабочіе?—спросилъ онъ, спустя минуту, хмурясь и раздумывая.

— Сто человѣкъ! — съ отчаяніемъ воскликнулъ Пикаръ.— Полдня потеряно! Собираться снова—еще время терять! Клерикалы знаютъ, что̀ дѣлаютъ!..

— Не горячитесь... вопросъ вотъ въ чемъ...—степенно остановилъ его Ширакъ.—У меня мысль... Рабочіе въ сборѣ, дѣлать имъ нечего... Лѣсъ для пекарни запасенъ, мѣсто куплено... Если сейчасъ начать, то къ вечеру можетъ у насъ собственная зала поспѣть, хоть на тысячу персонъ...

Пикаръ вскочилъ и закружился въ свою очередь по комнатѣ.

— M-r Ширакъ! Вы спаситель, благодѣтель! — заговорилъ онъ, сіяя весь и чуть не подпрыгивая.—Я пойду, приведу всѣхъ рабочихъ!.. Мало, такъ Эдмондъ изъ здѣшнихъ наберетъ охотниковъ!

— Чего тамъ мало! — отвѣтилъ Ширакъ. — Это не зданіе возводить! Надо только перенести доски на мѣсто да сколотить баракъ! Съ боковъ, пожалуй, ничего и не надо: главное—клерикальный законъ соблюсти, отъ неба защититься! Ха-ха-ха!

XX.

Тихій, теплый вечеръ уже спускался на Эйндеве. Фабричныя работы кончились. Для всѣхъ наступилъ часъ отдыха, покоя, короткій часъ мирнаго довольства у домашняго очага. Но слобода, сверхъ обыкновенія, не успокоивалась, продолжала гудѣть и копошиться, какъ растревоженныя пчелы въ ульѣ... Всѣ были на улицѣ, толковали оживленными кучками, тянулись въ одинъ изъ переулковъ—къ обширному пустырю, обнесенному полусгнившею деревянною изгородью. На пустырѣ, занимая средину, высилось новенькое тесовое зданіе—круглое, въ родѣ цирка,—мерцавшее полосками свѣта сквозь щели и съ развѣвавшимся краснымъ флагомъ на верхушкѣ пологой крыши.

Это и былъ сооруженный для митинга баракъ. Выросшій подъ напоромъ дружной народной силы буквально какъ грибъ, онъ составлялъ въ слободѣ новость и „злобу“ вечера, собирая публику вокругъ изгороди. Постройка отличалась самою первобытною простотой: къ врытымъ въ землю столбамъ были „пришиты“ гвоздями тѣсины во всю ихъ длину; упертыя въ столбы жерди, соединенныя концами вверху, служили стропилами. Внутри геній толпы успѣлъ уже украсить постройку художествомъ: на стѣнѣ, въ вычерченной углемъ фигурной рамѣ, красовался разительно-схожій портретъ бургомистра съ чудовищно-вытянутымъ носомъ... дальше виднѣлась клерикальная выборная процессія съ подгулявшимъ Странгеромъ во главѣ, „опирающимся“ на величественнаго графа Ниссена... Вбитые въ землю колья, накрытые досками, изображали столъ; на немъ ярко свѣтили двѣ новенькія жестяныя лампочки.

Бертранъ былъ уже въ баракѣ. Нельденскіе рабочіе, разсыпавшіеся на время ужина по слободѣ и уничтожившіе весь хлѣбъ во всѣхъ лавочкахъ и эстаминэ, находились въ сборѣ. Поджидали только шербекскихъ рабочихъ, оповѣстить которыхъ долженъ былъ „комитетъ митинга“. Пикару, высчитавшему минута въ минуту все время, потребное на ужинъ и путь до слободы, замедленіе это было непонятно. Отсутствіе Эдмонда совсѣмъ удивляло его.

— Куда они запропастились!—проговорилъ онъ, обращаясь къ Арну, смотрѣвшему совсѣмъ гоголемъ въ своей праздничной сольфериновой парѣ.

— Опять что-нибудь... Чуетъ мое сердце, товарищъ!—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, не каркайте!—отмахнулся Пикаръ.

Изъ переминавшейся у входа кучки нельдекскихъ рабочихъ одинъ приблизился и сказалъ полу-шопотомъ Пикару, что его спрашиваетъ кто-то за баракомъ.

— Пусть войдетъ!

— Звали... не хочетъ!

— Что-нибудь опять!—вставилъ Арну.

Пикаръ вышелъ.

За баракомъ онъ увидѣлъ привалившуюся къ старой, дуплистой ивѣ какую-то фигуру и узналъ, приглядѣвшись, Эдмонда.

— Что вы скрываетесь? Идемте! — сказалъ онъ радостно.

— Въ этомъ-то?—трепанулъ себя за рукавъ Эдмондъ.

Онъ былъ въ синей дырявой холщевой курткѣ,—какъ работалъ на канатной фабрикѣ.

— Почему же вы не одѣлись?

— Да у насъ въ слободѣ такой переполохъ, что и сказать нельзя! Кто пойдетъ на митингъ, тотъ—врагъ церкви и не фермеръ больше!.. Товарищей моихъ родители подъ присмотръ взяли, у меня отецъ платье отобралъ...

— Рабочихъ тоже нѣтъ никого...

— Потому я и пришелъ сказать вамъ... Свои митинги клерикалы устроили сегодня на фабрикахъ... Рабочіе тамъ и ужинаютъ, а кто отлучился, тотъ и не приходи завтра... На ситцевой фабрикѣ—я прямо оттуда—викарій поученіе говоритъ, на соціалистовъ всѣ громы небесные призываетъ... потомъ на другую фабрику отправится...

— Какой викарій?

— Да нашъ, о. Филиберъ!—выкрикнулъ со злостью Эдмондъ.

У Пикара руки опустились...

Публики все-таки оказалось достаточно и митингъ вышелъ очень оживленный. Сжатая, заготовленная рѣчь Бертрана скоро перешла въ свободную импровизацію. — „Il faut ne faire qu'un pas à la fois. Mais il en faut faire un tous les jours!“ —закончилъ онъ совѣтомъ изъ Бланки.

Ширакъ, башмачникъ-Вольдеръ съ товарищами, огородникъ-Матисъ, а отъ лица интеллигенціи объединитель кустарнаго дѣла m-r Жоржъ—всѣ спѣшили пожать руку кандидату. Матисъ, чествуя „своего брата“, оратора, прохрипѣлъ даже привѣтствіе. Эдмондъ хотя и рѣшился протиснуться въ баракъ, но таился въ самомъ темномъ углу и невозможность предстать въ дырявой курткѣ предъ лицо профессора переживалъ какъ великое несчастіе...

— Суть въ томъ, m-r Пикаръ, что митингъ оказывается какъ бы безцѣльнымъ...—заговорилъ Бертранъ, когда схлынула публика.—Въ виду имѣлись главнымъ образомъ шербекскіе рабочіе, а ихъ-то мы и не видѣли... Я вотъ что̀ предлагаю: сдѣлать экстрактъ рѣчи, отпечатать его за ночь, а завтра расклеить... Какъ вы думаете?

— Мнѣ остается только просить васъ...

— Я готовъ!

Онъ присѣлъ къ столику и быстро набросалъ экстрактъ.

— Расходы будутъ мои, конечно...—пояснилъ онъ, вручая рукопись.

Пикару предстояла не легкая задача выяснить рабочимъ заинтересовавшіе ихъ вопросы, и онъ рѣшилъ сдѣлать это по пути съ ними въ Нельдекъ. Типографскія хлопоты принялъ на себя Арну.

Въ Нельдекѣ Пикаръ — измученный, охрипшій — едва дотащился до своей комнаты и повалился какъ убитый на постель. Спать, однако, пришлось не долго... Томимый мучительнымъ, безсвязнымъ кошмаромъ, Пикаръ вдругъ очнулся и вскинулъ голову: въ жиденькую деревянную стѣнку стучалъ сосѣдъ-рабочій.

— Чего вы?—откликнулся Пикаръ.

— Зовутъ васъ!

Изъ узенькаго переулка доносился въ окно собачій лай. Кто-то кричалъ:—„М-r Пикаръ!.. Товарищъ!..“—Пикаръ вскочилъ, недоумѣвая, спутывая въ умѣ Нельдекъ съ Шербекомъ, и отворилъ окно: луна озаряла длинную фигуру въ соломенной шляпѣ и тройку собакъ... Угадывая остальное, Пикаръ бросилъ товарищу ключъ отъ входной двери и сталъ торопливо одѣваться.

— Рѣчь не расклеимъ ни завтра, ни послѣ!—сообщилъ вошедшій Арну.

— Какъ такъ?

— Типографщикъ корректуры не прислалъ и рукопись не отдаетъ: я, говоритъ, принялъ заказъ, а исполню, когда время будетъ!

— Попались...—промычалъ Пикаръ, сося хмуро папироску.

— Что̀ жъ теперь дѣлать?

— Спать ложиться...

— Да ну васъ!

— Другого не придумаешь... Будь рукопись, мы здѣсь отпечатали бы...

— Такъ составьте! Вѣдь вы все слышали, знаете!

Пикаръ подумалъ, повелъ плечами, почесываясь, потомъ при-

мостился къ столику и принялся царапать неслушавшеюся рукой, связывая вертѣвшіяся въ головѣ мысли, фразы... Экстрактъ получился сносный, и Арну отправился съ запиской товарища въ типографію, гдѣ печаталась нельдековая рабочая газетка.

Относясь къ случившемуся уже какъ задерганная лошадь къ удиламъ, Пикаръ снова улегся на постель. Но вмѣсто сна потянулось какое-то разслабляющее забытье, населенное призраками—Странгера, бургомистра, Филибера, кружившимися въ фантастическомъ пространствѣ неугомонной клерикальной системы...

XXI.

Наканунѣ выборовъ, въ субботу, кандидаты произносили съ балкона ратуши свои рѣчи къ народу.

Балконъ убранъ былъ зеленью и цвѣтами.

Первымъ сталъ говорить либералъ Дрезъ—полный и рыхлый, точно налитый пивомъ, и съ огромнымъ розаномъ въ петлицѣ фрака. Онъ говорилъ неумѣло, съ горячностью; рука въ бѣлой перчаткѣ судорожно стискивала верхушку перилъ, точно выжимая изъ нея фразы... Какъ и въ афишѣ, онъ не скупился на эпитеты клерикаламъ, плакалъ о Шербекѣ, обреченномъ на „клерикальный адъ", и обѣщалъ ему „либеральный рай"... Мѣстами раздавались аплодисменты, но сплоченное изъ клерикаловъ ядро толпы покрывало ихъ свистками.

Вторымъ появился Бертранъ, встрѣченный криками соціалистовъ, тѣснившихся въ заднихъ рядахъ. Онъ произнесъ рѣчь какъ съ каѳедры—съ привычнымъ спокойствіемъ и выработаннымъ умѣньемъ. Очертивъ свою программу реформъ, выставивъ необходимость уступить требованіямъ времени и назрѣвшимъ потребностямъ, онъ сказалъ:—„Что хорошо и что дурно въ переживаемомъ народами—оцѣниваетъ исторія. Но то, что отжило и проторило путь новому—должны замѣчать они сами, чтобъ не оставаться безжизненными, не создавать опасности задержкою теченія"!

Странгеръ встрѣченъ былъ шумными рукоплесканіями ядра толпы. Пожилой, съ полнымъ и краснымъ гладко выбритымъ лицомъ, со щеткою сѣдыхъ волосъ на круглой головѣ, онъ приблизился къ перилам увѣреннымъ и торопливымъ шагомъ и неторопливо заговорилъ звучнымъ голосомъ, выпуская фразу за фразой, точно птица изъ клѣтки... Онъ благодарилъ избирателей за многолѣтнее довѣріе къ нему, не сомнѣвался, что призна-

тельность за услуги рѣдко выпадаетъ на долю старавшихся, но, зная высокія нравственныя качества шербекскихъ избирателей, не терялъ надежды получить ее.—„Нѣтъ ничего опаснѣе новаторовъ!—продолжалъ онъ.—Руководимые легкокрылою фантазіей, они щедро разсыпаютъ обѣщанія, не давая себѣ труда подумать о возможности исполненія ихъ! Да и возможности этой не существуетъ: кто бы ни былъ избранъ теперь—либералъ или соціалистъ, — правительство по прежнему останется клерикальное, и отъ этого правительства будутъ по прежнему зависѣть избравшіе"...

Дружные свистки либераловъ и соціалистовъ прервали его.— „Это не парламентскій пріемъ! — Это подвохъ, угроза!—Возьмите назадъ слова!"—раздавались голоса.

На минуту все смѣшалось. Протестовавшіе очутились впереди... чьи-то свернутыя въ комокъ перчатки взвились на балконъ... Полицейскіе соединились въ цѣпь, оттѣсняя толпу...

Когда порядокъ возстановился, Странгера уже не оказалось на балконѣ. Вмѣсто него говорилъ бургомистръ—лысый, съ сѣдою бородой и съ трехцвѣтнымъ шарфомъ вокругъ толстаго живота. Онъ читалъ избирателямъ обычный урокъ относительно выборныхъ дѣйствій, рекомендовалъ „поступать во всемъ по правиламъ законности, соблюдать порядокъ и тишину", надѣялся, что не придется принимать никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ.—„Но если надобность укажетъ, то мѣры эти будутъ приняты неукоснительно!"—замѣтилъ онъ вслѣдъ за тѣмъ.

Послѣ рѣчей начались въ выборныхъ комитетахъ клерикаловъ и либераловъ банкеты въ честь депутатовъ. Комитетъ Эйндеке отправилъ къ Бертрану привѣтственный соціалистическій кортежъ.

XXII.

Въ воскресенье, къ полудню, Шербекъ расцвѣлъ, какъ піонъ.

Дома украсились трехцвѣтными флагами на шестахъ съ копьеобразными золочеными верхушками, щитами съ бельгійскимъ золотымъ львомъ, гирляндами зелени. На балконахъ и въ растворенныхъ окнахъ сіяли туалетами дамы, щеголялъ праздничными жакетками побрившійся, подстригшійся мужской полъ. По улицамъ, кипѣвшимъ нарядною публикой, совершали шествіе съ музыкой и знаменами кортежи обществъ, раздавая каждый свои листки съ именемъ поддерживаемаго кандидата. Все лико-

вало. Ликовало и яркое, горячее солнце, точно застрявшее въ зенитѣ, чтобы продлить время.

Супруги Дестрэ, за неимѣніемъ балкона, помѣщались у раскрытаго окна и наслаждались, помимо зрѣлища, еще пивомъ ламбикъ-гёзъ—этимъ бельгійскимъ шампанскимъ. Откупоренная ради торжественнаго дня бутылка находилась предъ ними, на столикѣ, полулежа, по правиламъ, въ спеціальной плетеной корзинкѣ, а часть темно-желтаго содержимаго ея пѣнилась въ тонкихъ, узенькихъ стаканчикахъ.

— У „Ундины" знамя лучше всѣхъ...—замѣтилъ директоръ, проводивъ глазами кортежъ общества, носившаго это названіе.

— Не понимаю, причемъ можетъ быть ундина тамъ, гдѣ даже рѣчки нѣтъ никакой!—возразила m-me Дестрэ, отличавшаяся вообще склонностью къ критикѣ и противорѣчію.

— Просто кличка...—отвѣтилъ Дестрэ, спрашивая себя въ то же время мысленно:—„А въ самомъ дѣлѣ, что̀ за связь между Шербекомъ и ундиной"?

Углубиться въ вопросъ не позволило показавшееся общество „Христіанской молодежи", распѣвавшей божественное и разсыпавшей щедро листки съ именемъ Странгера. За нимъ прошли „Друзья мира" съ нѣсколько страннымъ для такой миссіи знаменемъ, на которомъ вооруженный съ ногъ до головы архангелъ неистово посѣкалъ Беллону, какъ бы пользуясь тѣмъ, что она уронила свой щитъ и сломала копье... Супруги ждали, что вотъ-вотъ пройдетъ знаменитое шербекское музыкальное общество „Лира", дававшее даже концерты на площади предъ ратушей. Но его зычная труба, ревѣвшая гдѣ-то по близости—какъ будто около реставрированной башни,—видимо удалялась.

— Непремѣнно пройдутъ сперва тамъ, вѐрхомъ, а потомъ ужъ сюда спустятся!—промолвила язвительно m-me Дестрэ, точно чувствуя тяжкую личную обиду.

— Не думаю,—усомнился, не зная самъ почему, Дестрэ.—Вонъ, слышишь?

Музыкальный гулъ дѣйствительно раздался въ улицѣ, но тутъ же превратился во что-то невообразимое, мусикійское...

Дестрэ выглянулъ изъ окна и покатился со смѣху: по улицѣ, подражая старшимъ, шествовалъ кортежъ школьниковъ; всѣ они были въ бумажныхъ каскахъ и съ наведенными сажей усами; музыканты колотили въ сковороды и тазы, бумажные рожки дудѣли „Марсельезу", а впереди выступалъ знаменщикъ, Георгъ Арну, съ отцовскимъ красным платкомъ на палкѣ...

— Ахъ, какой ужасъ!—взвизгнула m-me Дестрэ, отскочивъ отъ окна.

— Да-съ! это не „Лира"! Ужъ не взыщите!—отвѣтилъ хохотавшій Дестрэ, связывая негодованіе супруги съ областью музыкальной эстетики.—Со-ціа-листы!—проговорилъ онъ, схватившись за животъ.

— Чему ты смѣешься?—подступила гнѣвно супруга.—Мальчишки демонстраціи устроиваютъ, съ краснымъ флагомъ по улицамъ расхаживаютъ, а ты, начальникъ, смѣешься!..

— Ну, пошла!—махнулъ рукою Дестрэ.—Дурачатся дѣти, вотъ и все!

— А съ тебя взыщутъ!

— За что?

— За это!

Раздавшійся оглушительный звонокъ заставилъ супруговъ умолкнуть.

M-me Дестрэ, остававшаяся пока съ распущенной шнуровкой, скрылась въ сосѣднюю комнату. Поспѣшившій на звонокъ директоръ очутился лицомъ къ лицу съ клеркомъ изъ ратуши.

— Г-нъ бургомистръ прислалъ меня передать вамъ, что ученики государственной школы совершаютъ безпорядокъ...—напыщенно и съ сознаніемъ важности дѣла началъ клеркъ.

Дестрэ, натянувшій на носъ пенснэ и оглядывавшій клерка, перебилъ:

— Для какой собственно цѣли счелъ надобнымъ г. бургомистръ передать мнѣ объ этомъ?

— Какъ... директору училища...—пробормоталъ клеркъ, не ожидавшій такой непредвидѣнности.

Дестрэ пріосанился и продолжалъ:

— Г-ну бургомистру должно быть извѣстно, что мои отношенія къ ученикамъ ограничиваются стѣнами школы и что власть прекращать всякіе безпорядки на улицѣ принадлежитъ исключительно ему!

— Я такъ и передамъ!—буркнулъ озлившійся клеркъ, направляясь стремительно въ переднюю.

— Что̀? Не говорила я тебѣ? не говорила?!—напустилась супруга, таившаяся за дверью и не проронившая ни одного слова изъ разговора.—Боже мой! Дожилъ до такихъ лѣтъ и ума не нажилъ!

— Да что̀ вы въ самомъ дѣлѣ!—вскипѣлъ Дестрэ.—Какой я отвѣтчикъ за школьниковъ? А если школьникъ зарѣжетъ когонибудь, то меня въ острогъ посадятъ?.. По вашему такъ?

Видя, что супруга заломила уже руки, вступая въ первый фазисъ истерики, и что торжественный день можетъ превратиться въ печальный, онъ заговорилъ, перемѣнивъ тонъ:

— Который часъ однако?.. Второй уже! На площадь пора— идите, прихорашивайтесь, не ударьте въ грязь лицомъ!

М-me Дестрэ молча и порывисто исчезла.

XXIII.

На площади между тѣмъ картина развертывалась во всю ширь...

Предъ тонувшимъ во флагахъ зданіемъ ратуши строился, сверкая на солнцѣ клеенчатыми шляпами, гарнизонъ, занимавшій свои позиціи; растягивались въ шеренги городовые. Подъ обступавшими площадь, позолоченными солнцемъ вѣковыми липами суетились у столиковъ торговки сластями, напитками, съѣстными припасами. Вокругъ располагались линіями кареты, коляски, двигалась стройными рядами говорливая большая и малая публика... Неподалеку копошился на мостовой цѣлый цыганскій таборъ... Мужчины, женщины, дѣти размѣщались вповалку; кто пѣлъ пѣсни, кто закусывалъ, кто отдыхалъ, уткнувъ лицо въ траву и отдавъ спину во власть жарившаго солнца... Это были избиратели-собственники, превратившіеся въ странствующихъ рабочихъ. Они владѣли закрѣпощенными въ ипотекѣ клочками земли, хижинами, платили пріобщающій къ лику избирателей maximum налоговъ, но нужда гнала ихъ изъ деревень на поиски работы, заставляла скитаться безъ пристанища, вести кочевую жизнь...

Отворившіяся двери ратуши всколыхнули ждавшую этого толпу. Избиратели потянулись въ залу къ урнамъ. У всѣхъ бѣлѣлись листки бюллетеней въ рукахъ. Бившіе напрямикъ имѣли ихъ уже готовыми—съ отмѣченнымъ именемъ кандидата; лицемѣрившіе дѣлали видъ, что не надумались еще, и поигрывали карандашами. Старикъ Вестъ чинно продвигался въ кучкѣ своихъ товарищей, стиснувъ корявыми пальцами назначенный Странгеру бюллетень, не заботясь ни о чемъ, думая только скорѣе отдѣлаться. М-r Жоржъ знаменательно подмигнулъ на свой, проходя мимо Пикара...

Толпа тянулась медленно и непрерывно; убывавшихъ на площади замѣняли прибывавшіе. Уже начало темнѣть, когда двери ратуши закрылись за послѣднимъ избирателемъ. Аристократія,

исполнивъ свое дѣло, исчезала. Plebs—напротивъ—скапливался на площади, открывая гулянье, шумно толковалъ въ ожиданіи результата. Въ ратушѣ начинался подсчетъ голосовъ; въ освѣтившихся окнахъ мелькали суетливо тѣни...

— Запрещено собираться!—крикнулъ полицейскій, подходя къ обособившейся, росшей кучкѣ соціалистовъ.

— Мы на выборахъ!—отвѣтилъ Эдмондъ.

— Все кончилось! Расходитесь!

— Тогда очищайте всю площадь!

Въ толпѣ раздались свистки, остроты.

— Именемъ закона! — крикнулъ полицейскій и схватилъ Эдмонда за руку.

— Вы съ ума сошли!—отвѣтилъ тотъ и дернулъ руку.

Полицейскій мотнулся на сильной, мускулистой рукѣ Эдмонда какъ мячикъ, но не отцѣпился, доставая свободною рукой наручники изъ кармана. Толпа загудѣла, заволновалась... подоспѣвшіе полицейскіе принялись осаживать... Наручники уже звякнули въ воздухѣ сухимъ, характернымъ звукомъ... Полицейскій, пыхтя и напрягая всѣ силы, притянулъ къ себѣ Эдмонда... Но въ эту минуту взявшаяся откуда-то Марія кинулась къ мужу и впилась зубами въ руку полицейскаго... Тотъ вскрикнулъ не своимъ голосомъ и замахалъ въ воздухѣ окровавленною рукой, а Эдмондъ, подхвативъ жену, исчезъ въ толпѣ... Спустя мгновенье—предъ оттиснутыми полицейскими стояла стѣна рабочихъ...

Загудѣли полицейскіе свистки... раздалась команда... Гарнизонъ, съ ружьями наперевѣсъ, окружилъ рабочихъ... Но за угломъ ратуши барабанъ глухо прогремѣлъ *отбой*... Это показывало, что выборы благополучны, что администрація желаетъ быть снисходительной...

Спустя нѣсколько минутъ, явилось и подтвержденіе: на балконѣ ратуши освѣтился длинный фонарь, съ выведенною черною краской надписью на стеклѣ: „*Избранъ: К. Странгеръ*".

XXIV.

Пикаръ, когда фонарь освѣтилъ неудачу соціалистовъ, побрелъ уныло съ площади. „Начало вездѣ трудно...—думалъ онъ.—Въ Гентѣ то же было на первыхъ порахъ... А теперь брюссельскіе соціалисты ѣздятъ въ Гентъ освѣжаться духомъ, какъ на воды—больные"...

Улицы были запружены народомъ, провожавшимъ знамена-

тельный день тревогъ и хлопотъ... Все, до послѣдняго эстамине, было набито публикой; публика шумѣла и на тротуарахъ—за столиками, на освѣщенныхъ балконахъ... Въ кафѐ „Рубенса" пировали побѣдившіе клерикалы... Въ сіявшей электрическими огнями компанейской пивной утѣшались потерпѣвшіе либералы, дымя отчаянно трубками, опустошая кружки, стуча шарами на билліардахъ...

Въ Центральной улицѣ шелъ настоящій карнавалъ, публика запружала всю мостовую. Въ ярко-освѣщенномъ большомъ кафѐ игралъ оркестръ „Лиры", заглушая своею зычною трубой визжавшіе тамъ и сямъ любительскія скрипки и аккордеоны... Издалека доносилось пѣніе хора, исполнявшаго мелодію изъ соціалистическаго „Recueil de chants démocratiques". Пикаръ сталъ пробираться туда. Но хоръ смолкъ скоро. Его смѣнила „Брабансонна"... Чудное, звонкое сопрано заливалось, дрожа и замирая во влажномъ вечернемъ воздухѣ... Пикаръ торопливо втиснулся въ толпу: пѣла Матильда Ширакъ, окруженная слободскою молодежью. Ея неизмѣнная праздничная кофточка со стеклярусомъ искрилась радужными огоньками при трепетномъ блескѣ луны, рука отбивала тактъ въ воздухѣ...

„La mitraille a brisé l'orange
Sur l'arbre de la liberté!"

—закончила Матильда.

— У васъ прекрасный, удивительный голосъ!—сказалъ, подошедши, Пикаръ.

Она пожала ему руку и остановилась рядомъ.

Возбужденіе мѣшало ей говорить. Роскошная золотистая коса ея, прихваченная двумя-тремя шпильками, почти распустилась; черная соломенная шляпка съ коленкоровыми цвѣтами сдвинулась на затылокъ. Что-то необычайное, геройское, переполняло ее всю, свѣтилось въ большихъ темныхъ глазахъ, трепетало въ каждой жилкѣ...

Пикаръ залюбовался ею.

Закинувъ руки за голову и проворно дѣйствуя дрожавшими пальчиками, Матильда привела въ порядокъ прическу, поправила шляпку.

Они пошли рядомъ.

— Вы домой?—спросилъ Пикаръ, думая проводить ее.

— Нѣтъ... У меня тутъ подруги, надо ихъ найти...

Пикаръ пожелалъ ей всего хорошаго, сказавъ, что отправляется утромъ въ Нельдекъ.

— Да?—подняла она голову. — Но вы опять будете въ Шербекѣ?

— Не знаю... Выборы кончились.

Матильда задумалась.

— Я тоже уѣду изъ Шербека...—проговорила она потомъ.

— Уѣдете?—вымолвилъ Пикаръ, чувствуя, какъ стукнуло у него сердце.—Куда?

— Куда-нибудь... Въ семьѣ я совсѣмъ лишняя. Все, что̀ я зарабатываю пряжей, уходитъ на меня же, а другого дѣла трудно найти въ Шербекѣ... Когда сестры были маленькія, то хозяйка въ домѣ требовалась, а теперь...

Она умолкла, опустивъ задумчиво голову.

— Вы въ Брюссель отправитесь?

— Въ Брюссель, или въ Гентъ...

Встрѣтившаяся веселая компанія мужчинъ и дѣвицъ прервала ихъ разговоръ. Тутъ были подруги Матильды, и она присоединилась къ нимъ.

Пикаръ побывалъ въ нѣсколькихъ эстаминэ, выпивая стаканчики пива, толкуя съ встрѣчавшимися знакомцами-соціалистами, потомъ отправился въ Эйндеке. Но какая-то щемящая неловкость не покидала его... Что-то непріятное, похожее на ревность, трогало за сердце при мысли, что Матильда веселится теперь съ молодыми людьми...

Старуха Ширакъ, умаявшаяся за день на гуляньи, покоилась сладкимъ сномъ. Въ просонкахъ она чувствовала, какъ улеглась рядомъ вернувшаяся дочь. Ей хотѣлось поговорить, обмѣняться новостями, но сонъ преодолѣвалъ, да и Матильда—какъ улеглась, такъ и замерла безъ движенья. — „Набѣгалась, спитъ уже!“—сообразила въ полузабытьи старуха.

Но Матильда не спала. Она вся пылала, глаза не хотѣли сомкнуться, а въ головѣ тянулись вереницею мысли... Тягота нерадостной жизни точно свѣтомъ озарялась предъ ней, а впереди виднѣлась только неразлучная съ бѣдностью и съ давно проникшими даже въ Шербекъ фабричными нравами гибель, постигавшая одну за другою сверстницъ, подругъ... Домосѣдное ремесло пряхи, таившійся въ душѣ природный зачатокъ нравственной брезгливости, помогали ей спасаться отъ гибели, но отеческій кровъ былъ уже тѣсенъ, а предстоявшій путь жизни пугалъ и не сулилъ добраго... Встрѣча съ Пикаромъ вызвала къ жизни глохшія дѣвическія мечты... Разсудокъ твердилъ, что обез-

доленная поденщица, не увѣренная и въ десяти франкахъ въ недѣлю,—не пара контрметру, получающему „опредѣленное жалованье", но что-то безотчетное ласкало несмѣлыя мечты... Теперь всему надо сказать: „прости"!.. и нѣтъ силъ сказать это...

— Матильда... что̀ съ тобою?—проговорила, вскакивая, мать.

— Ничего...

— Ты плачешь?

Матильда не отвѣтила и уткнула лицо въ подушку.

XXV.

Давно уже разсвѣло. Запавшій въ окно домика Ансельма Веста ласковый лучъ солнца игралъ на шероховатой выбѣленной стѣнѣ, отражался ломаною линіей въ тускломъ дешевомъ зеркальцѣ... Вестъ, съ помутившимся взглядомъ, съ осунувшимся лицомъ, сидѣлъ у стола, держа въ зубахъ трубку, и усиленно сосалъ ее, не замѣчая, что она давно стала холодною... Рядомъ на стулѣ тихо плакала Гертруда, морщась и утирая слезы рукавомъ кофты...

Они переживали эхо выборовъ... Вчера, у нотаріуса, Весту объявили, что арендный контрактъ его не будетъ возобновленъ и что онъ обязывается очистить ферму. Вестъ едва могъ вымолвить слипавшимися губами:—„По какой причинѣ?"—На него устремились толстыя стекла золотыхъ очковъ, и онъ услышалъ:—„Я только исполняю приказаніе графа. Могу сказать, что *лично вы* не являетесь причиной".—Вестъ не былъ силенъ въ дипломатіи, но все-же сообразилъ, что причиною является сынъ, Эдмондъ. Онъ находилъ также въ порядкѣ вещей, что нотаріусу можетъ быть извѣстенъ кондуитъ всего Шербека... Но чтобы самъ графъ Ниссенъ занялся фермеромъ Вестомъ—это не укладывалось въ его пониманіи... Запоздалый разсказъ Гертруды о бесѣдѣ у сестры Альбертины, въ улицѣ Св. Духа, бросилъ свѣтъ на дѣло... Вестъ обдумалъ все и увѣрился, что причина бѣды—монашенки, а чрезъ нихъ—надувшая въ уши графу mère Phine...

— Пойду къ ней!—сказалъ Вестъ, бросивъ трубку на столъ и вставая.

Онъ выбрился, стоя передъ зеркальцемъ и съ трескомъ снимая тупою бритвой упрямую щетину на морщинистыхъ щекахъ, надѣлъ высокіе коленкоровые воротнички, праздничное платье и отправился.

Въ за̀мкѣ пришлось подождать: суетившаяся во дворѣ прачка

—она же и прислуга во флигелѣ — объявила, что m-me Жозефина выйдетъ, какъ только отопьетъ кофе. Вестъ смиренно сталъ въ тѣни, сбоку крыльца, держа шляпу въ рукахъ и обмахиваясь ею безъ всякой нужды. Въ душѣ презиравшій Жозефину, но поставленный въ необходимость принизиться, онъ предпочиталъ оставаться безъ шляпы, чтобы не снимать ее предъ „барскою барыней".

Показавшаяся Жозефина, услышавъ, въ чемъ дѣло, изобразила на своемъ самодовольномъ, расплывшемся лицѣ видъ соболѣзнованія и сказала:

— За этимъ надо вамъ къ графу обратиться.

— Но вѣдь отъ васъ все зависитъ... — промолвилъ Вестъ, думая польстить.

— Какъ отъ меня? Что̀ вы хотите сказать?—закипятилась Жозефина.—Всѣ дѣла у нотаріуса! Моя обязанность—за зàмкомъ смотрѣть!

— Но если вы пожелаете...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я въ постороннія дѣла не мѣшаюсь! Я знаю только свои, и всегда совѣтую всѣмъ поступать такъ!.. Кто не мѣшается во что̀ не слѣдуетъ, тотъ можетъ быть болѣе спокоенъ за себя!...

Это былъ больше чѣмъ прозрачный намекъ. Каждое слово въ немъ жгло Веста какъ раскаленный уголь. Злость — характерная, воспитанная всесторонними лишеніями злость бельгійца, заставляющая пускать въ ходъ ножъ при самомъ пустомъ спорѣ въ эстаминэ,—свѣтилась въ щурившихся, позеленѣвшихъ глазахъ Веста. Жозефина видѣла эту злость и понимала ее, кипѣла злостью сама и не хотѣла упустить случая поторжествовать надъ безсильнымъ.

— Не знаю, справедливо ли вамъ отказано, но все постигающее надо сносить со смиреніемъ! — сказала она, поднявъ благочестиво взглядъ къ навѣсу крыльца.—Перстъ божій неисповѣдимъ, а по людскому высокомѣрію всякій, даже самый злѣйшій преступникъ считаетъ себя правымъ и ропщетъ... Этого не должно быть!

Вестъ постоялъ, прислушиваясь, какъ скрипятъ ступеньки лѣстницы подъ грузнымъ корпусомъ поднимавшейся къ себѣ mère Phine.—„Пойду къ графу!"—вспыхнула въ немъ рѣшимость.

Въ подъѣздѣ зàмка встрѣтилъ его одѣтый въ полную ливрейную форму Алексисъ и какъ будто выросъ вдругъ на добрый аршинъ. Выслушавъ просителя, онъ растолковалъ покровительственно, что графа нельзя видѣть, когда вздумается, что со

всѣми дѣлами слѣдуетъ обращаться къ нотаріусу, а насчетъ „аудіенціи“—приходить не раньше двухъ часовъ.

Мрачный, какъ туча, вернулся Вестъ домой. Возившаяся у плиты Гертруда только глянула на мужа однимъ глазомъ и даже не полюбопытствовала о результатѣ, угадывая его. Вестъ тоже молча снялъ праздничную жакетку и не уложилъ ее, по обыкновенію, бережно въ ящикъ комода, а бросилъ на спинку стула, молча присѣлъ къ столу и молча задымилъ трубкой... Въ скучной тяжелой тишинѣ раздавалось только ворчанье картофеля на сковородѣ, жарившагося на свиномъ салѣ, да чирикали ласточки, носившіяся мимо растворенной двери...

Послышался лай собакъ; это возвращалась Марія, кончившая развозить молоко.

Явился Эдмондъ съ фабрики и прошелъ не къ себѣ, а въ домикъ.

— Чтò тебѣ?—проворчалъ Вестъ, не глядя на сына.

Эдмондъ, разстроенный и усталый, опустился на стулъ.

— Отецъ!—заговорилъ онъ, поднявъ на старика свои добродушные голубые глаза.—Со вчерашняго дня ты не говоришь со мною, смотришь на меня какъ на врага... Такое положеніе невыносимо для меня... оно не можетъ продолжаться!

— Какимъ же ему быть?—съ насильственнымъ, нехорошимъ смѣхомъ отозвался Вестъ.

— Я—причина непріятности... отъ аренды отказано мнѣ, а не тебѣ,—продолжалъ Эдмондъ.—Удалится причина, удалятся и слѣдствія... Мы передумали съ Маріей обо всемъ... Я покину тебя, покину Шербекъ...

Вестъ не пошевельнулся. Только трубка судорожно подпрыгнула, стиснутая зубами... Гертруда пошатнулась у плиты и привалилась къ стѣнѣ, закрывъ лицо фартукомъ...

— Мать!—заговорилъ, подойдя и поцѣловавъ ее, Эдмондъ.—О чемъ ты? Есть ли во Фландріи хоть одна семья, изъ которой нужда... обстоятельства—не гнали бы дѣтей на улицу чуть не съ колыбели!.. Чтò же удивительнаго, если я—работникъ, самъ отецъ семьи, покидаю васъ?.. Я устроюсь... скоро устроюсь... такъ надѣюсь я... буду писать о себѣ, буду пріѣзжать...

Гертруда только припала молча къ плечу сына, продолжая всхлипывать.

— Ты... куда же?—раздался дрогнувшій голосъ Веста.

— Пока мы съ Маріей думаемъ у рыбаковъ на Шельдѣ работы поискать—весной имъ всегда надобенъ народъ... А потомъ... на одну ферму помѣститься разсчитываю я...

Это была невинная ложь. Онъ, правда, отправлялся на тотъ берегъ Шельды, но на работу у рыбаковъ мало разсчитывалъ. Ферма была лишь смутною надеждой заарендовать какой-нибудь, покидаемый собственникомъ, устроенный участокъ. Опредѣленно и безповоротно рѣшалось только одно: не быть никогда ничьимъ фермеромъ, окончить жизнь поденщикомъ, если судьба не позволитъ имѣть собственный клочокъ...

Когда онъ вошелъ къ себѣ, Марія, приступившая уже къ сборамъ, сидѣла предъ раскрытымъ сундукомъ и горько плакала. Разставанье съ Шербекомъ, съ домомъ свекра, гдѣ знала она только лишенія да трудъ не по силамъ, не могло огорчать. Ее пугала неизвѣстность, волновалъ самъ по себѣ переѣздъ, рисовавшійся въ ея мистически-настроенномъ воображеніи какою-то погибелью... Блѣдная, изможденная, съ распустившеюся косой, она имѣла необыкновенно жалкій, сиротливый видъ. У Эдмонда сердце перевернулось при взглядѣ на нее, и онъ только въ эту минуту почувствовалъ, какъ дорога ему она, какъ онъ любитъ ее.

— Милая! — воскликнулъ онъ, приподнявъ ее со стула и прижимая къ своей широкой груди.—Не печалься! Все, все будетъ у насъ: и домъ, и хозяйство! И работать не будешь ты черезъ силу, какъ теперь!

XXVI.

Гертруда поставила на столъ сковороду съ жаренымъ картофелемъ и принялась разыскивать ножи, вилки, тарелки, тыкаясь по шкафчикамъ, забывая, гдѣ что̀ лежитъ... Она не плакала, но слезы сами текли по ея старымъ, пергаментнымъ щекамъ. Вестъ тупо смотрѣлъ на эти сборы, а когда все было готово, отодвинулся и сталъ глядѣть въ окно, посасывая трубку...

— Ѣшь же!—проговорила Гертруда.

Вестъ отрицательно потрясъ головой.

Гертруда тоже не стала ѣсть.

Вчера и утромъ Эдмондъ съ женой не показывались за столомъ, и Гертруда носила имъ ѣду. Она и теперь отложила на блюдо картофелю, вареной бараньей печенки и вышла.

Вестъ продолжалъ сосать трубку и безцѣльно оглядывать виднѣвшійся за домиками выгонъ, гдѣ пасся поправлявшійся послѣ зимы фермерскій скотъ...—„...Смотришь какъ на врага!“ —вспоминались слова сына. И тяжко, и больно было ему отъ этихъ словъ... О чемъ же старается онъ, заботится, болѣетъ, какъ не о томъ, чтобы свить гнѣздо семьѣ, сыну... который

уходитъ!..—„Во всей Фландріи нужда гонитъ дѣтей на улицу!"— Это такъ, но каково родителямъ?.. Сердце обливалось кровью у Веста при мысли о дочери—давно, чтобы избавить семью отъ лишняго рта, ушедшей въ Брюссель и пропавшей тамъ безслѣдно... А что дѣлать?.. Среди безпощадной суровости жизни, подъ гнетомъ безъисходной нужды, не до выраженія чувствъ, какъ бы теплы ни были они, какъ ни рвались бы наружу... И вотъ теперь:—дать волю чувствамъ или сообразить, расчесть?.. Есть обзаведеніе, собаки... скоплено кое-что про запасъ... Но за коровъ не выплачено еще, и ростовщикъ не выпуститъ ихъ изъ Шербека, а заплатить—не останется и сотни франковъ... Куда приткнешься съ этимъ?.. И какъ найти ферму? Клерикалы спрашиваютъ: гдѣ жилъ? почему уходишь?—и потомъ справки наводятъ... Плакать Вестъ разучился давно. Слезъ и теперь не было у него на глазахъ, только лицо помертвѣло и сдѣлалось неподвижнымъ, какъ каменное...

Рѣшиться, однако, надо было на что-нибудь, и Вестъ рѣшился... Онъ поднялся со стула, досталъ изъ сундучка подъ кроватью истрепанный кожаный бумажникъ, холщевой мѣшокъ съ монетами и сталъ раскладывать на столѣ старенькія, некрасивыя двадцати-пяти-франковыя бельгійскія бумажки, разставлять столбики франковъ, никкелевыхъ монетокъ, отсчитывая, за полгода впередъ, арендный взносъ по контракту...

Когда пробило два часа, Вестъ надѣлъ свою праздничную жакетку и отправился въ контору нотаріуса.

— Я прогналъ сына!—сказалъ онъ тамъ, извлекая изъ своего горя неизбѣжную по обстоятельствамъ пользу.

Золотые очки не устремились на него, какъ всегда, а вскинулись совсѣмъ вверхъ и уже потомъ, опускаясь какъ бы съ недоумѣніемъ, остановились на немъ.

— Вы сказали?—послышался голосъ Демоля.

— Я прогналъ Эдмонда!—повторилъ Вестъ.

Несмотря на безчисленныя, всевозможныя жертвы, приносившіяся въ конторѣ ради всякихъ бумагъ вообще и арендныхъ контрактовъ въ частности, жертва сыномъ оказывалась изъ непрактиковавшихся еще... Демоль отвелъ очки отъ Веста и устремилъ ихъ на кончики своихъ башмаковъ, запустивъ руки въ карманы панталонъ. Желая удостовѣриться со всею положенною для „актовъ" точностью, онъ произнесъ:

— Слѣдуетъ понимать заявленіе ваше въ томъ смыслѣ, что сынъ вашъ, Эдмондъ Вестъ, не будетъ находиться при васъ во все время аренднаго срока?

— Онъ изъ Шербека уѣзжаетъ.

— Въ такомъ случаѣ... я передамъ графу... Да, почти вѣроятно, что контрактъ возобновится...

— Я деньги принесъ,—сказалъ Вестъ, вѣрившій изъ всѣхъ нескончаемыхъ конторскихъ формальностей лишь въ принятіе платежа, и положилъ завернутыя въ газетную бумагу деньги на столикѣ у рѣшетки.

— Преждевременно... А впрочемъ...—проговорилъ Демоль, тоже вѣрившій изъ всей бумажной канители лишь въ полученіе суммъ,— и приказалъ Жаку изготовить квитанцію.

Въ то же время, начавшій въ своемъ школьномъ кабинетѣ послѣ-обѣденные труды директоръ Камиллъ Дестрэ распечатывалъ поступившіе конверты и „клалъ резолюціи“ на „входящія бумаги“, обдумывая одновременно съ этимъ—что бы такое „поднести“ викарію Филиберу, совсѣмъ зазнавшемуся послѣ удивившаго всѣхъ переѣзда его въ прекрасный графскій домъ?.. Одинъ конвертъ, доставленный изъ ратуши, заставилъ Дестрэ надвинуть плотнѣе на носъ упрямое пенснэ и вчитаться въ бумагу... Въ бумагѣ значилось, что въ исполненіе королевскаго указа, отъ такого-то года, мѣсяца и числа, директоръ шербекской государственной школы Камиллъ Дестрэ увольняется отъ должности... Дестрэ вспыхнулъ, а потомъ мертвенно поблѣднѣлъ, какъ ведомый на казнь... Онъ былъ ошеломленъ, пораженъ, уничтоженъ... Тѣмъ не менѣе, вѣрный методѣ ученаго изслѣдовать фактъ всесторонне,—Дестрэ констатировалъ изумительную скорость, съ которою успѣла совершиться процедура на разстояніи между Шербекомъ и мѣстомъ весенняго отдохновенія короля на югѣ Франціи... Не укрылось и еще одно обстоятельство... Но обстоятельство это было такъ важно, что Дестрэ схватилъ шляпу и кинулся въ ратушу, къ бургомистру...

— Что же васъ удивляетъ? Почему вы считаете себя уволеннымъ какимъ-то „заднимъ числомъ“?—спросилъ бургомистръ, прерывая пылкій, краснорѣчивый протестъ бывшаго директора.

— Помилуйте! Четыре года... съ прошедшихъ выборовъ... именной королевскій указъ не приводился въ исполненіе!—воскликнулъ Дестрэ, поднявъ вверхъ указательный палецъ.

— Поправьте бѣду: считайте себя уволеннымъ четыре года тому назадъ и возвратите казнѣ перебранное за это время жалованье!—отвѣтилъ бургомистръ.

XXVII.

Пикаръ не отправился въ Нельдекъ.

На утро, несмотря на всю свою несвѣтскость и на нетребовательность упрощеннаго слободского этикета, онъ сдѣлалъ прощальный визитъ Шираку и не отказался потомъ отъ приглашенія провести съ семьею вечеръ.

Приглашены были и супруги Арну.

Угощеніе состояло только изъ кувшина пива. Но всѣ чувствовали себя уютно, хорошо, были веселы. Къ этому еще случилось, что въ то время, какъ отработавшіяся у монахинь дѣвочки, Ида и Жизель, возились въ радостныхъ попыхахъ съ полотнищами розоваго ситца, изготовляя себѣ весеннія запоздавшія обновки, Анна и хозяйка судачили, а Ширакъ толковалъ съ Арну,—Пикаръ и Матильда разговорились совсѣмъ по-дружески и не замѣтили, какъ промелькнуло время...

Возвращаясь и идя рядомъ съ Пикаромъ, Анна говорила про хозяевъ:

— Теперь они куда лучше прежняго живутъ, бѣдности такой не испытываютъ! Дѣвочки подросли—работаютъ, и Матильда имѣетъ время своимъ дѣломъ заняться. А прежде только кормить всѣхъ надо было... И если бы не Матильда—съ такимъ разумомъ и характеромъ дѣвушка,—то и не справиться бы!.. Отецъ за станкомъ, мать на фабрикѣ... Все хозяйство Матильда вела, сама еще ребенокъ тогда... Всѣхъ дѣтей обмыть, обшить—а ихъ пятеро было, трое померли,—за всѣмъ присмотрѣть, на какой-нибудь франкъ съумѣть обѣдъ приготовить—гдѣ такая другая сыщется?..

На слѣдующій день, въ отплату за угощеніе, Пикаръ счелъ обязанностью съ своей стороны устроить вечернюю прогулку на луга, при чемъ собаки Арну совсѣмъ высунули свои красные языки, трудясь доставить телѣжку, нагруженную потребными припасами...

Случилась и еще задержка.

Арну, впавшій послѣ выборной неудачи въ совсѣмъ несвойственныя ему суровость и молчаливость, заговорилъ, поднявшись утромъ въ комнату товарища:

— Клерикалы побѣду празднуютъ! Пусть!.. Но меня скушать не удастся имъ! Н-нѣтъ! Если только поспособствуете вы мнѣ, товарищъ...

Пикаръ сказалъ, что онъ охотно поспособствуетъ. Арну продолжалъ:

— Видите ли что... Отъ нужды, отъ горя и въ омутѣ ищутъ покоя люди, не то что въ эстаминэ! А покрываться плѣсенью тутъ до-смерти—не стоитъ! Во всей Бельгіи всякій сидѣлецъ, даже лавочникъ, магазинщикъ мелкій—всѣ въ кабалѣ у клерикаловъ! Сто лѣтъ трудись—ста сантимовъ не наживешь! Все подгоняется такъ, чтобы польза хозяину, синдикату шла, а трудящійся человѣкъ жилъ бы впроголодь, изо дня въ день, да слушался!.. Система требуетъ, чтобы клерикалъ былъ всюду опекуномъ, нянькою! Безъ этого онъ и квартиры въ домѣ не отдастъ! Слѣдовательно, что же? Чѣмъ такъ колотиться, я лучше на себя работать буду, надежду имѣть... У меня три сына, тройка собакъ!..

Онъ прошелся по комнаткѣ, пыхая трубкой и оставляя за собою, точно пароходная труба, клубы дыма, ткнулъ пальцемъ въ окно, изъ котораго виднѣлась крыша барака съ развѣвавшимся краснымъ флагомъ, и продолжалъ:

— Разъ уже это существуетъ, организовано, то я буду служить рабочей партіи, коопераціи... и въ контрактѣ у меня не будетъ написано, какъ теперь, что хозяинъ воленъ выгнать меня во всякій часъ дня и ночи! Ха-ха-ха! Обдумалъ я, товарищъ! Все обдумалъ! Поговорите Шираку и Вандергусу, чтобъ они устроили при пекарнѣ кіоскъ газетный, и рекомендуйте меня рабочей партіи, какъ коммиссіонера по изданіямъ... Кіоскъ Анна на себя возьметъ, сыновьямъ—разноска! А на собакахъ я буду хлѣбъ изъ пекарни развозить! Одобряете, товарищъ?!

Пикаръ не только одобрилъ и принялся немедленно за хлопоты, но и осложнилъ еще мысль товарища предложеніемъ коопераціи присоединить къ хлѣбопекарнѣ—хотя бы на планѣ только, впредь до возможности—помѣщеніе для библіотеки и читальни, по образцу прочихъ кооперацій при рабочихъ группахъ. Это потребовало обсужденія, и Пикаръ сталъ проводить у Ширака вечера.

Зашелъ Эдмондъ.

— На удачу толкнулся!.. Не думалъ, что вы еще въ Шербекѣ!..—сталъ говорить онъ, пока Пикаръ освобождалъ отъ платья и газетъ стулъ для гостя.—Хотѣлось пожать вамъ руку, прежде чѣмъ покинуть Шербекъ...

— Вы уѣзжаете?

Эдмондъ передалъ о случившемся.

Пикаръ поникъ задумчиво, чувствуя какъ бы камень на сердцѣ...

— Вы простите меня?—сказалъ онъ, сжимая крѣпко руку Эдмонду.

— Въ чемъ?—глянулъ тотъ удивленно.

— Мнѣ сдается, что виновникъ бѣды вашей... всей этой мстительности клерикальной—я...

Эдмондъ расхохотался, не давъ ему договорить.

— Да, m-r Пикаръ, вы—виновникъ... виновникъ многаго случившагося и... не случившагося!..—согласился онъ.—Но за это я и товарищи мои можемъ только благодарить васъ! Не меньше должны быть благодарны вамъ и клерикалы...

— Клерикалы?!

— Да, и они... даже преимущественно они! Безъ васъ выборы не прошли бы такъ спокойно и клерикалы не остались бы безъ чувствительнаго урока... Вы—говоря по нашему, по-фермерски—прорыли канавку, позволившую водѣ схлынуть правильно... спасли Шербекъ отъ опасности „задержаннаго теченія“, о которомъ не даромъ говорилъ въ своей рѣчи къ народу кандидатъ Бертранъ... И задержанной воды этой было достаточно, а наши клерикалы сдѣлали все, чтобъ она хлынула на нихъ... Припомните наше первое засѣданіе!.. Все недовольное въ Шербекѣ было только слѣпою силой, знающей свои здоровые кулаки... а вы открыли этой силѣ глаза, дали въ руки законное оружіе... Нѣтъ, нѣтъ!—остановилъ онъ готовившагося возразить Пикара.—Я не въ похвалы пускаюсь, а правду говорю! Прежде, если недовольнымъ случалось прочесть въ газетахъ, что соціалисты спокойно перенесли гдѣ-нибудь неудачу въ борьбѣ съ клерикалами, было только удивленіе: почему рабочіе „не постоятъ за себя“!.. Теперь шербекскіе недовольные сами переносятъ спокойно неудачу и чувствуютъ себя еще бодрѣе... Прежде, прислушиваясь къ клерикальному набату противъ „пропагандистовъ“, полагали, въ слѣпотѣ своей, что пропаганда дѣйствительно должна пугать клерикаловъ... Теперь, столкнувшись лицомъ къ лицу съ пропагандой, удивляются слѣпотѣ клерикаловъ, предпочитающихъ имѣть противъ себя темную, неорганизованную массу... Правда, клерикалы стремятся загородить отъ нея всячески свѣтъ, держать ее въ повиновеніи,—но развѣ это возможно? Она всегда будетъ порохомъ и вспыхнетъ отъ первой случайной искры... За себя, за всѣхъ товарищей моихъ еще разъ благодарю васъ, m-r Пикаръ! Одно грустно: что клерикальная побѣда дѣлаетъ пока безполезными для рабочей партіи меня и кружокъ, но такіе люди, какъ Ширакъ, Арну, Вандергусъ, m-r Жоржъ,—стòютъ насъ, фермеровъ!..

Спустя нѣсколько дней, хлопоты были кончены, а Пикаръ продолжалъ только навѣдываться въ Нельдекъ. Съ Анною завелись у него какія-то тихія, таинственныя бесѣды...

— Охъ, товарищъ! Попомните нашъ разговоръ: впишите въ контрактъ пунктикъ насчетъ *бабы*... — сказалъ ему однажды Арну, прищуривъ плутовски одинъ глазъ.

— Все вписано! все сдѣлано!—отвѣтилъ Пикаръ.—Только иначе нѣсколько: куда я въ политикѣ, туда и баба...

— Вотъ это, пожалуй, что такъ!

И Арну разразился совсѣмъ обычнымъ, благодушнымъ хохотомъ.

Разсвѣтъ только-что брезжилъ, а эстаминэ было уже отворено. У стойки распивали прощальную „капельку" Ширакъ съ женою и дочерью, Пикаръ и хозяева. Въ глазахъ Ширака свѣтилась тихая ласковая печаль. Старуха горько и торопливо плакала,—томимая боязнью опоздать на фабрику и желаніемъ побыть съ дочерью. Матильда утѣшала мать, обѣщая пріѣхать послѣ свадьбы.

Пикаръ отправлялся съ невѣстою въ Нельдекъ. Онъ не хотѣлъ вѣнчаться въ Шербекѣ, избѣгая встрѣчи съ викаріемъ Филиберомъ, котораго хотя и не величалъ, подобно экспансивному Арну, „monsieur le traitre" (вмѣсто prêtre), но все же не считалъ особенно корректнымъ... Да надобенъ былъ и предлогъ избавить тестя отъ непосильныхъ свадебныхъ расходовъ...

Раздавшійся лай собакъ, непослушныхъ громкимъ окрикамъ Георга, положилъ конецъ прощанью. Арну уставилъ въ телѣжку длинненькій сундучокъ Матильды и приладилъ его какъ сидѣнье. Георгъ, гордый отвѣтственною ролью возницы, крикнулъ на собакъ; онѣ кинулись съ лаемъ впередъ, выбѣжали на шоссе, тянувшееся бѣлою лентой чрезъ зеленѣвшую равнину, повитую мѣстами бѣлесоватымъ туманомъ... На востокѣ встававшее солнце пронизывало зубцы лѣсовъ огнистыми узорами.. Телѣжка подскочила на выбоинкѣ. Пикаръ обнялъ за талію и крѣпко придержалъ невѣсту—полный счастья, надеждъ, благословляя шербекскіе выборы...

Н. Сѣверовъ.

„МОТИВЪ РАЗЛУКИ“

Овидій—Шекспиръ—Пушкинъ.

I.

Подъ „мотивомъ разлуки“ мы будемъ разумѣть поэтическую обработку той развязки любовной драмы, когда по почину—добровольному или вынужденному, все равно—одного изъ участвующихъ въ ней лицъ союзъ расторгается и счастью другого наносится рѣшительный ударъ. Конечно, понятый такъ, нашъ мотивъ допускаетъ много варіацій; однимъ изъ главныхъ критеріевъ дальнѣйшаго дробленія будетъ вопросъ, имѣлъ ли союзъ между любящими своимъ основаніемъ полное обладаніе, или же дѣло ограничивалось тою любовью, которой присвоено нелѣпое наименованіе „платонической“. Мы позволимъ себѣ этотъ послѣдній случай, какъ болѣе поздній и, такъ сказать, производный, оставить въ сторонѣ и вездѣ предполагать тотъ максимумъ любовнаго увлеченія, который одинъ только во всѣ времена считался достаточною мотивировкой трагической катастрофы. А затѣмъ, само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ починъ разрыва можетъ исходить только отъ мужчины; со стороны женщины онъ былъ бы самъ по себѣ,—то-есть, безъ воздѣйствія совершенно исключительныхъ, постороннихъ обстоятельствъ—неестественъ, въ силу той коренной особенности женской натуры, которую имѣетъ въ виду Гёте въ своихъ прекрасныхъ стихахъ:

„Wir tragen die Kinder unter dem Herzen,
Und so tragen die Treue wir auch“ [1]).

При такой постановкѣ ясно, что „мотивъ разлуки“ не могъ принадлежать къ исконнымъ мотивамъ поэзіи: такъ какъ его героемъ является обязательно женщина, то и интересъ къ нему могъ проснуться лишь тогда, когда женщина вообще стала равноправнымъ, то-есть, преимущественнымъ объектомъ поэзіи. И дѣйствительно,—чтобы сосредоточиться на *нашей* поэзіи—мы въ ея древнѣйшемъ памятникѣ, въ гомеровскомъ эпосѣ, мотива разлуки не встрѣчаемъ. Въ Иліадѣ Ахиллъ передаетъ свою плѣнницу Бризеиду посланцамъ царя Агамемнона и этимъ разрываетъ свой союзъ съ нею, хотя онъ и называлъ ее раньше, передъ тѣмъ же царемъ, своею женой; и что же: „Неохотно послѣдовала за нимъ женщина“—вотъ все, что пѣвецъ сообщаетъ намъ о чувствахъ покинутой. „Она любила мужа“,—поясняетъ намъ древній толкователь,—„и считаетъ эту разлуку какъ бы вторымъ плѣномъ для себя; такъ-то поэтъ посредствомъ одного этого слова даетъ намъ понять всю натуру дѣйствующаго лица“. Дѣйствительно, это очень многозначительное слово; въ немъ мы должны признать зародышъ всего мотива разлуки. Одиссея ничего не даетъ; разлуки въ ней встрѣчаются, но покинутыя—Цирцея, Калипсо—легко мирятся со своею участью: на то онѣ богини. Затѣмъ слѣдуетъ огромное поле, покрытое развалинами,—это послѣ-гомеровскій эпосъ и лирика, сохранившіеся представители которыхъ ничего насъ здѣсь интересующаго не содержатъ; съ Эсхила начинается аттическая драма. Но и отъ Эсхила намъ ожидать нечего: „никто не можетъ сказать, чтобы я изобразилъ когда-либо влюбленную женщину“,—говоритъ онъ у Аристофана, — а безъ влюбленной женщины и мотивъ разлуки невозможенъ. Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности теряться въ догадкахъ: первая подробная разработка мотива разлуки намъ сохранена, это—„Медея“ Эврипида (431 г.). Что поэтъ тутъ дѣйствительно ввелъ нѣчто новое въ поэзію, это онъ намъ говоритъ самъ устами своего хора, въ той глубокомысленной пѣснѣ, которая знаменательно начинается словами: „вверхъ потекли волны священныхъ рѣкъ...“ „Наступила пора чести для женскаго племени; перестали мы быть достояніемъ оскорбительной молвы. Замолкнетъ пѣснь древнихъ пѣвцовъ, поносившая нашу невѣрность; что-жъ, вдохновитель Фебъ не внушилъ нашему уму вѣщаго звука лиры, а то мы бы спѣли другую пѣснь въ отвѣтъ на пѣсни мужчинъ“. Конечно,

[1]) „Мы носимъ подъ сердцемъ дѣтей—и также носимъ мы вѣрность“.

мрачная ревнивица Медея была не единственной носительницей новой идеи; въ ней много спеціальнаго—наличность соперницы, неблагодарность Язона, спасеннаго нѣкогда Медеей, и др.; были возможны и другія разновидности, которыя, вмѣстѣ взятыя,—разъ рѣчь идетъ о трагедіи—даютъ намъ мотивъ разлуки на подкладкѣ *героическаго* характера.

Наслѣдницей Эврипида, хотя и не по прямой линіи, была аттическая комедія IV-го и III-го вѣка; она заимствуетъ у него, между прочимъ, и мотивъ разлуки, но переноситъ его изъ героической въ человѣческую обстановку. Дѣло въ томъ, что излюбленной сферой, изъ которой эта комедія брала свои сюжеты, была аѳинская „жизнь богемы“, а при такихъ обстоятельствахъ и мотивъ разлуки, какъ почти неминуемой развязки этой жизни, встрѣчался нерѣдко. Тогда-то и былъ выработанъ тотъ эротизмъ, который съ тѣхъ поръ считается преобладающимъ элементомъ поэзіи, а съ нимъ и его необходимая форма, языкъ любви. Наслѣдницей комедіи была александрійская элегія: она опять вернулась къ богамъ и героямъ, но для того, чтобы низвести ихъ въ человѣческую среду; обѣ эти отрасли греческой поэзіи дали намъ, такимъ образомъ, нашъ мотивъ на подкладкѣ уже не героическаго, а просто *женскаго* характера.

Конечно, за потерей почти всѣхъ относящихся сюда трагедій Эврипида и всѣхъ безусловно памятниковъ ново-аттической комедіи и александрійской элегіи, мы на греческой почвѣ сравненія произвести не можемъ; зато римская поэзія эпохи Августа представляетъ намъ для этого всѣ необходимые матеріалы. Тогда классическое направленіе боролось съ александрійскимъ. Виргилій былъ представителемъ перваго, Овидій—второго. Виргилій въ своемъ знаменитомъ эпосѣ отвелъ нашему мотиву разлуки очень почетное мѣсто: вся IV пѣснь Энеиды посвящена страданіямъ Дидоны, покидаемой и покинутой Энеемъ. Овидій сочинилъ цѣлый сборникъ „посланій героинь“ (epistulae s. heroides), изъ коихъ большинство вызвано боязнью или увѣренностью писавшихъ, что онѣ покинуты; среди нихъ находится одно, написанное отъ имени Дидоны (ep. 7). Такимъ образомъ, мы на одномъ и томъ же сюжетѣ можемъ прослѣдить стиль и характеръ обоихъ направленій, тѣмъ болѣе, что Виргилій былъ единственнымъ источникомъ своего младшаго современника, и всѣ уклоненія послѣдняго, поэтому, нужно будетъ объяснить кореннымъ различіемъ во взглядахъ на поэзію и ея задачи.

II.

Оба поэта имѣли огромное вліяніе на поэзію новыхъ временъ; но такъ какъ источникомъ Шекспира былъ—какъ я это постараюсь доказать—разсказъ о Дидонѣ въ обработкѣ именно Овидія, то мы на немъ только остановимся подробнѣе, Виргилія же привлечемъ только для сравненія и оттѣненія особенностей его соперника. Извѣстными предполагаются слѣдующія черты преданія, общія для обоихъ поэтовъ. Дидона, или, какъ она первоначально называлась Элисса (имя финикійское; сравн. еврейское Елиса-вета), была дочерью тирскаго царя и супругою тирскаго же вельможи Сихея; когда этотъ послѣдній палъ жертвою алчности ея брата, она со своею сестрой Анной, отборной дружиной и казной бѣжала въ сѣверную Африку, гдѣ и основала городъ Карѳагенъ. Приблизительно въ то же время была разрушена Троя; спасся, между прочимъ, троянскій князь Эней, сынъ Анхиса и Венеры, вмѣстѣ съ отцомъ и малолѣтнимъ сыномъ Іуломъ, между тѣмъ какъ его супруга Креуса погибла въ пламени; онъ же вынесъ изъ пылающаго города его главную святыню, загадочныхъ „троянскихъ боговъ“, залогъ возрожденія Трои, и, собравъ вокругъ себя спасенныхъ товарищей, отправился странствовать, отыскивая обѣщанную ему рокомъ землю для основанія новой Трои—Италію. На седьмомъ году онъ заѣхалъ и въ Карѳагенъ, и сталъ тамъ гостемъ и возлюбленнымъ царицы Дидоны; но послѣ кратковременнаго счастливаго сожительства съ нею боги послали ему вѣщій сонъ, чтобы заставить его исполнить поставленную ему рокомъ задачу. Видя, что ей предстоитъ вѣчная разлука, Дидона пишетъ ему, по Овидію, слѣдующее посланіе [1]:

Такъ у Меандровыхъ волнъ, умирая въ травѣ обагренной,
  Передъ кончиной своей бѣлая лебедь поетъ.
Ужъ не надѣюсь я болѣ мольбой тебя тронуть своею:
  Знаю, жестокимъ богамъ рѣчь ненавистна моя;
Но, потерявъ и заслуги, и честь, и стыдливую душу,
  Ужъ не считаю грѣхомъ нѣсколько словъ потерять.

Такъ-то ты ѣхать рѣшилъ и несчастную бросить Дидону?
  Та же волна унесетъ судно—и вѣрность твою?

---

[1]) Считаю долгомъ замѣтить, что, переводя это посланіе, я его сократилъ на 50 ст., пропуская менѣе благодарныя детали преимущественно миѳологическаго характера.

Тотъ же топоръ разсѣчетъ и канатъ корабля—и союзъ нашъ?
Ѣдешь въ Италію ты, въ дальній, невѣдомый край?
Ни Карѳагенъ тебя новый, ни наши ростущія стѣны
Не веселятъ, ни народъ, власти врученный твоей?
Нѣтъ; отъ успѣха къ задачѣ рѣшилъ ты бѣжать, отъ готовой
Родины къ той, что во мглѣ кроетъ заморская даль!
Пусть ты отыщешь страну; но какъ она станетъ твоею?
Кто незнакомому въ даръ нивы родныя отдастъ?
Новая, видно, любовь тамъ и новая будетъ Дидона,
Вѣрности новый залогъ... новыхъ зародышъ измѣнъ!
Скоро-ль воздвигнешь ты городъ, красой Карѳагену подобный?
Скоро-ль на выступъ кремля выйдешь народъ свой смотрѣть?
Пусть ты успѣешь во всемъ и поборешь преграды; но гдѣ же,
Гдѣ та жена, что̀ тебя такъ же полюбитъ, какъ я?

Нѣтъ, я ошиблась въ тебѣ: не Венеры родился ты сыномъ;
Ласковый матери нравъ не воплотился въ тебѣ.
Скалы родили тебя, или дикія чащи лѣсныя,
Или безжалостный звѣрь, житель пустыни нѣмой,
Или пучина... подобная той, что вздымается нынѣ,
Той, что на встрѣчу вѣтрамъ манитъ къ побѣгу тебя!
Что ты спѣшишь? На дворѣ ураганъ! Пусть хоть онъ мнѣ поможетъ;
Слышишь, какъ бурѣ въ отвѣтъ валъ разъяренный ревѣтъ?
Дай, чтобы, вмѣсто тебя, я хоть бурѣ сказала спасибо:
Вѣтеръ и волны—души все-жъ справедливѣй твоей.
Ненависть, вижу, свою сверхъ мѣры ты дорого цѣнишь:
Жизнью готовъ заплатить, лишь бы уйти отъ меня!

Скоро улягутся вѣтеръ и волны; по влажной лазури
Снова, какъ прежде, Тритонъ рѣзвыхъ погонитъ коней...
Ахъ, еслибъ съ вѣтромъ-волной и душа измѣнилась Энея!
Или ужъ тверже, Эней, жёсткаго дуба ты сталъ?
А вѣдь не разъ испыталъ ты бурливаго моря причуды;
Что-жъ тебя снова къ себѣ тянетъ обманчивый валъ?
Ясной, бываетъ, порою пловецъ свое судно отвяжетъ—
Все-жъ и ему океанъ лютой бѣдою грозитъ.
Да и опасно, съ грѣхомъ на душѣ, довѣрять себя морю:
Эта стихія всегда мститъ за предательство вамъ,
Болѣ-жъ всего—за измѣну въ любви; вѣдь и матерь Эротовъ
Близъ киѳерейскихъ бреговъ моремъ была рождена.

Страшно мнѣ, какъ бы, погибши, тебя не вовлечь въ свою гибель,
Какъ бы морская тебя не поглотила волна!
Милый, живи; ужъ лучше пусть такъ я тебя потеряю,
Лучше пусть смерти моей будешь виновникомъ ты.
Что̀, если яростный шквалъ (да забудутъ слова мои боги!)
Судно настигнетъ твое; что̀ тебѣ скажетъ душа?
Тотчасъ припомнятся устъ вѣроломныхъ облыжныя клятвы,
И какъ Дидону лишилъ жизни фригійскій обманъ;

Будетъ витать предъ тобою покинутой призракъ супруги,
Грустный, съ кровавой струей на расплетенной косѣ;
Будешь молить: „пощади, я виновенъ!“ и каждаго грома,
Молніи каждой ударъ карой своею считать.

Нѣтъ, погоди; дай улечься жестокости волнъ—и Энея;
Краткой отсрочки цѣной путь безопасный купи.
Не за тебя я дрожу: малолѣтняго жаль мнѣ Іула;
Мало-ль того, что моимъ ты палачомъ прослывешь?
Чѣмъ провинился твой сынъ, чѣмъ боги троянской отчизны?
Иль ты ихъ спасъ отъ огня, чтобы въ волнахъ схоронить?
Впрочемъ... не спасъ ты ихъ вовсе. Не вѣрю твоей похвальбѣ я.
Ты-ль на смиренныхъ плечахъ вынесъ отца и боговъ?
Все ты солгалъ. Не на мнѣ же ты сталъ вѣроломству учиться;
Льстивыхъ обѣтовъ твоихъ жертва не первая я.
Если кто спроситъ тебя, гдѣ мать молодого Іула—
„Мужемъ забытая, смерть въ бурномъ огнѣ обрѣла“.
Такъ ты и мнѣ говорилъ; меня тронули жалкія рѣчи—
Что-жъ, я виновна; вина кару смягчаетъ мою.

Да; но виновенъ и ты, и твои тебя боги караютъ:
Взадъ и впередъ по волнамъ гонитъ седьмая зима.
Море извергло тебя; я дала тебѣ тихую пристань,
Я, лишь ты имя назвалъ, царство вручила тебѣ.
Ахъ, еслибъ этимъ однимъ, господинъ мой, тебѣ я служила...
Горе! про тайный союзъ шепчетъ глухая молва.
Помнишь тотъ день, когда насъ подъ сѣнь одинокаго грота
Синею мглою своей ливень внезапный загналъ?
Чей-то я слышала голосъ. Я думала, нимфы рѣзвятся—
Нѣтъ; то про близкую смерть пѣли Эриніи мнѣ.
Требуй возмездья, забытая честь; о, призракъ Сихея!
Съ краской стыда на лицѣ скоро къ тебѣ низойду...

Въ мраморномъ капищѣ мною кумиръ былъ воздвигнутъ Сихея;
Зеленью свѣжей деревъ чтила всегда я его.
Голосъ оттуда знакомый коснулся ушей моихъ; трижды
Шопотомъ тихимъ кумиръ молвилъ: „Элисса, я жду!“
Ждать ужъ недолго, иду; ты покорную встрѣтишь супругу;
Только сознанье вины мой замедляетъ уходъ.
Я согрѣшила; прости. Я не низменной страстью пылала:
Тотъ, кто внушилъ мнѣ любовь, можетъ мой грѣхъ оправдать.
Матерь-богиня и старецъ-отецъ, своимъ сыномъ спасенный,
Все мнѣ сулило любви честный и вѣчный союзъ...

Прочь! Не касайся боговъ; ихъ десница твоя оскверняетъ.
Прочь! Нечестивой рукѣ грѣхъ небожителей чтить.
Если пожаръ пощадилъ ихъ, чтобъ ты ихъ жрецомъ назывался—
Вѣрь мнѣ, жалѣютъ они, что ихъ пожаръ пощадилъ.
Думалъ ли ты, что, быть можетъ, ты матерью бросишь Дидону,
Что твой младенецъ, злодѣй, въ тѣлѣ трепещетъ моемъ?

Жалкую матери долю несчастный малютка раздѣлитъ,
И нерожденной души будешь убійцею ты.
Вмѣстѣ со мной ты на казнь посылаешь Іулова брата;
Жизнь и мою, и его—кара похититъ одна.

„Богъ мнѣ уйти повелѣлъ". Ужъ бы лучше прійти не дозволилъ,
Лучше-бъ Пунійской земли стопы не знали Троянъ!
„Богъ", говоришь ты. Не тотъ ли, что̀ злой тебя бурею гонитъ,
Тотъ, что на дикихъ моряхъ жизнь истощаетъ твою?
Даже могучій Пергамъ, какимъ его Гекторъ прославилъ,—
Даже могучій Пергамъ столькихъ не стоилъ трудовъ.
Не Симоента родного, а Тибровы ждутъ тебя волны;
Пусть ты найдешь ихъ,—всегда будешь чужимъ ты для нихъ.

Сжалься надъ домомъ, молю, что̀ твоей поручилъ себя власти;
Самъ ты вѣдь знаешь: любовь—вотъ мой единственный грѣхъ.
Я не во Фтіи увидѣла свѣтъ, не въ великихъ Микенахъ;
Ни мой отецъ, ни мой мужъ, не воевали съ тобой.
Стыдно супруги тебѣ? Называй не женой, а подругой;
Имя любое мнѣ дай, лишь бы твоею мнѣ быть.

Слушай: за царство, за... все, чѣмъ еще я тебѣ угодила,
Я ужъ не брака, о, нѣтъ,—краткой отсрочки прошу,
Чтобъ успокоилось море... и сердце мое, чтобы время
Стойко съ разбитой душой жить научило меня.
Если же нѣтъ—я съумѣю съ постылою жизнью разстаться;
Долго жестокимъ ко мнѣ быть ты не можешь, повѣрь.
Ты бъ посмотрѣлъ, въ какомъ видѣ твоя тебѣ пишетъ Дидона;
Пишетъ она—а твой даръ, мечъ, на колѣняхъ у ней;
Слезы съ горящихъ ланитъ на булатъ обнаженный стекаютъ;
Скоро, взамѣнъ этихъ слезъ, кровью окрасится онъ.
Видишь, какъ къ долѣ моей твой удачно подобранъ подарокъ:
Онъ облегчаетъ мнѣ путь къ мрачной могилѣ моей.
Да и не первый ударъ онъ несчастному сердцу готовитъ:
Рана жестокой любви мучитъ давно ужъ его.

Анна, сестра моя Анна, вины соучастница нашей,
Скоро ты бѣдный мой прахъ даромъ послѣднимъ почтишь.
Все-жъ не пиши на плитѣ, что Элисса, вдова я Сихея;
Мраморъ надгробный мой пусть надпись такую хранитъ:
„Прахъ здѣсь Дидоны лежитъ—отъ своей она пала десницы—
Поводъ ко смерти и мечъ далъ ей троянецъ Эней".

III.

Такова Дидона Овидія. Кто сравнитъ ея посланіе съ описаніемъ другого римскаго поэта, который былъ его источникомъ,

тому бросится въ глаза первымъ дѣломъ тѣсная и — какъ сказали бы нынѣ—рабская зависимость отъ него Овидія. Не только фабула вся у него заимствована—заимствованы и такіе мотивы, которые по нашимъ понятіямъ должны принадлежать къ оригинальному творчеству поэта—такъ угроза бурей и собственнымъ появленіемъ послѣ смерти, голоса нимфъ во время рокового свиданія въ гротѣ, шопотъ статуи Сихея и др. И тѣмъ не менѣе Овидій остался глубоко оригиналенъ: его Дидона—другая, чѣмъ Дидона его предшественника.

Та — героиня. Ея любовь къ Энею — любовь роковая, внушенная богами. Но вотъ она узнаетъ, что Эней ее покидаетъ; гордость царицы борется со страстью женщины; она снисходитъ до просьбъ — Эней отвѣчаетъ ласково, но твердо, не проливая ни единой слезы. Тогда женская слабость оставляетъ Дидону; сознаніе перенесенной обиды удвоиваетъ ея ярость. „Иди",—говоритъ она Энею,—„ищи свое царство по волнамъ моря! Но когда волны выбросятъ тебя на голыя скалы,—а это будетъ, если только благочестіе имѣетъ какую-нибудь силу,—то ты часто въ своихъ мученіяхъ будешь призывать Дидону. Мое проклятье послѣдуетъ за тобою, и моя тѣнь возрадуется, узнавъ въ преисподней о твоей карѣ". Съ этихъ поръ она уже не показывается Энею на глаза; онъ бѣжитъ ночью изъ опасенія, что она пошлетъ свою рать противъ него. Эта боязнь основательна; Дидона умираетъ, чтобы не пережить своего униженія, но она умираетъ со словами: „exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor"; ея послѣднія мысли—мысли о мести.—Стòитъ ли говорить, что Овидіева Дидона не имѣетъ и слѣда этой героической черты? Правда, и она грозитъ Энею своею тѣнью; но чтобы въ насъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно смысла этой угрозы, она сама прибавляетъ: „да забудутъ слова мои боги!" Она хочетъ только напугать Энея и этимъ побудить его остаться. У Виргилія Дидона въ послѣднюю минуту молитъ Эринній, чтобы Эней, ужъ если ему суждено достигнуть Италіи, былъ изгнанъ изъ своего царства, разлученъ съ сыномъ, и чтобы онъ палъ, не доживъ до старости; увѣренность, что такъ это и будетъ, наполняетъ ея сердце радостью. У Овидія, напротивъ, Дидона боится, какъ бы ея гибель не была причиной его гибели; „милый, живи! ужъ лучше пусть такъ я тебя потеряю, лучше, пусть смерти моей будешь виновникомъ ты". Гордость царицы пропала; осталась простая, любящая puella.

Таково различіе между Дидонами обоихъ поэтовъ; согласно сказанному выше, оно стоитъ въ связи съ различіемъ между

обоими направленіями въ развитіи мотива разлуки—трагедіей съ одной, комедіей и элегіей—съ другой стороны. Дидона Виргилія—трагическая героиня, наслѣдіе Эврипида и трагедіи вообще; Дидона Овидія—послѣднее воплощеніе той нѣжной, мягкой дѣвушки, которую любила аттическая комедія и по ея примѣру научилась изображать александрійская элегія. Чтобы въ этомъ не оставалось никакого сомнѣнія, сопоставимъ еще по одному мотиву въ душевной драмѣ обѣихъ женщинъ; возьмемъ для этого мотивъ самый потрясающій, самый захватывающій—назовемъ его кратко „мотивомъ ребенка“.

Мы нарочно взяли нашу тему во всей ея рѣзкости: разлука именно потому и разрушаетъ счастье женщины, что является развязкой любовной драмы, имѣвшей въ своемъ основаніи полное обладаніе. Обладаніе же при нормальныхъ условіяхъ создаетъ возможность роковыхъ послѣдствій; какъ же отнесется покидаемая къ этимъ роковымъ послѣдствіямъ? Вотъ тутъ-то различіе, о которомъ идетъ рѣчь и выступаетъ во всей своей яркости; говоря кратко,—женщинѣ-героинѣ мысль о нихъ облегчаетъ горе разлуки, между тѣмъ какъ женщинѣ обыкновенной разлука при такихъ условіяхъ кажется вдвойнѣ тяжелой, преступной, немыслимой. У Виргилія Дидона говоритъ Энею въ своей первой, сравнительно мягкой рѣчи:

„Еслибъ предъ бѣгствомъ своимъ ты хоть матерью сдѣлалъ Дидону,
Еслибъ малютка-Эней передъ теремомъ нашимъ рѣзвился,
Чтобы при видѣ его я тебя, о мой гость, вспоминала—
Все-жъ бы не такъ одинокой и жалкой себѣ я казалась!“

Дидонѣ Овидія, напротивъ, именно при мысли о немъ Эней кажется полнымъ нечестивцемъ, прикосновеніе котораго оскверняетъ спасенныхъ троянскихъ боговъ:

„Думалъ ли ты, что, быть можетъ, ты матерью бросишь Дидону,
Что твой младенецъ, злодѣй, въ тѣлѣ трепещетъ моемъ?“

Это—черта рѣшительная; въ ней сказывается весь характеръ изображаемаго лица.

Достаточно, однако, сказаннаго для сравненія и оттѣненія; сосредоточимся теперь на Дидонѣ Овидія, интересной для насъ во многихъ отношеніяхъ. Отъ читателя не ускользнула ея крайняя нервность, обнаруживающаяся въ ея рѣзкихъ переходахъ отъ одной мысли къ другой, но отъ всѣхъ—къ той, которая владѣетъ ею въ

эту минуту, къ мысли: „не уѣзжай! дай хоть морю успокоиться". Такъ, думая о жестокости Энея, она находитъ невѣроятнымъ, чтобы его матерью могла быть ласковая Венера; нѣтъ, его родила безчувственная стихія, скалы или море... но произнесенное слово „море" напоминаетъ ей о томъ морѣ, по которому корабли Энея улетятъ вскорѣ на сѣверъ, и она продолжаетъ:

„Или пучина,—подобная той, что вздымается нынѣ".

Реальный міръ не существуетъ для нея; она видитъ не предметы, а призраки предметовъ, созидаемые ея взволнованной фантазіей. Она не вѣритъ, чтобы Венера была матерью Энея, но только на минуту,—дальше она уже забыла о своихъ сомнѣніяхъ. Она не вѣритъ, чтобы Эней спасъ боговъ изъ пламени Трои; немного далѣе—запрещаетъ ему касаться спасенныхъ имъ боговъ —и вслѣдъ за тѣмъ обвиняетъ этихъ самыхъ боговъ въ недоброжелательствѣ къ нему. Ея Эней—то образецъ благочестія, этимъ самымъ оправдывающій ея любовь и грѣхъ; то—богоненавистный нечестивецъ. Характерна также и ея рѣчь — не столько, впрочемъ, для нея самой, сколько для Овидія. Особенно бросается въ глаза неожиданное и эффектное соединеніе двухъ разнородныхъ понятій: „та же волна унесетъ судно—и вѣрность твою"; „тотъ же топоръ разсѣчетъ и канатъ корабля—и союзъ нашъ"; „дай улечься жестокости волнъ—и Энея"; „чтобъ успокоилось море—и сердце мое". Сюда же относится и антитеза, которая въ подлинникѣ еще ярче и дѣйствительнѣе, вслѣдствіе неподражаемой краткости латинской рѣчи: „отъ успѣха въ задачѣ рѣшилъ ты бѣжать (facta fugis, facienda petis); „какъ бы, погибши, тебя не вовлечь въ свою гибель" (perdita ne perdam timeo noceamve nocenti); „иль ты ихъ спасъ отъ огня, чтобы въ волнахъ схоронить"? Но въ анализъ частностей можно не пускаться: каждый съ перваго взгляда убѣдится, что наше посланіе написано тѣмъ блестящимъ, „пуантированнымъ" стилемъ, который былъ любимымъ стилемъ „азіанскихъ" учителей Овидія и его самого и опять сталъ таковымъ въ ту эпоху, когда писалъ Шекспиръ.

IV.

Изъ трагедій Шекспира одна представляла по своей фабулѣ и внѣшней обстановкѣ поразительное сходство съ преданіемъ о Дидонѣ—это его „Антоній и Клеопатра". И здѣсь и тамъ героиня— самодержавная царица, могущая наградить своего избран-

ника не только любовью, но и царствомъ; и тутъ и тамъ этотъ избранникъ—пришелецъ, прибывшій къ героинѣ во главѣ своего войска; можно даже сказать, имѣя въ виду происхожденіе Дидоны и данное Энею обѣщаніе - въ обоихъ случаяхъ, это—римлянинъ, гостящій у восточной царицы. Въ обоихъ случаяхъ за чарами любви слѣдуетъ пробужденіе—у обоихъ героевъ есть задача, зовущая ихъ къ себѣ, задача великая и роковая; пребываніе у героини является помѣхой для выполненія этой задачи —все чаще, повелительнѣе слышится голосъ, зовущій героя на подвигъ и, слѣдовательно, отзывающій его отъ возлюбленной; наконецъ, герой повинуется—часъ разлуки насталъ.

У Шекспира этотъ голосъ воплощенъ въ гонцѣ, принесшемъ Антонію извѣстіе о смерти его римской супруги Фульвіи и о вызванныхъ ея послѣдними дѣйствіями затрудненіяхъ, требующихъ его личнаго вмѣшательства. Для Клеопатры это—вѣстникъ *отъ* Фульвіи; она думаетъ, что Фульвія зоветъ Антонія обратно, и боится, что эта разлука будетъ окончательною.

Дѣйствительно, основанія для этой боязни есть: никакія законныя узы не связываютъ съ нею Антонія; стòитъ политикѣ и Фульвіи втянуть его въ свои сѣти, его, человѣка уже немолодого,—и сомнительно, чтобы онъ когда-нибудь вернулся. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь нашъ мотивъ разлуки во всей его чистотѣ. Какъ извѣстно, источникомъ Шекспира для нашей трагедіи былъ вообще Плутархъ; всѣ это признаютъ, но всѣ въ то же время полагаютъ, что сцена разлуки—его оригинальное твореніе. Нисколько не оспаривая этой оригинальности, я думаю въ то же время, что его образцомъ,—поскольку о таковомъ можетъ быть рѣчь по отношенію къ поэту съ творческой силой Шекспира—было сообщенное выше посланіе Овидія. Въ доказательство позволю себѣ привести въ точномъ прозаическомъ переводѣ сцену, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Клеопатра посылаетъ за Антоніемъ; пока это порученіе исполняется, ея наперсница Хармія (Charmion) читаетъ ей наставленія о томъ, какъ она должна съ нимъ обращаться:

„— Если ты любишь его отъ души, то ты не избрала правильнаго пути добиться съ его стороны взаимности.

Клеопатра. Чтò-же я упускаю изъ того, чтò я по твоему должна бы дѣлать?

Хармія. Ты должна бы во всемъ предоставлять ему свободу, ни въ чемъ ему не перечить.

Клеопатра. Ты учишь, какъ дурочка; это—именно путь, чтобы потерять его.

Хармія. Не слишкомъ сильно его испытывай; прошу тебя, перестань. Со временемъ мы ненавидимъ то, чего мы часто боимся".

Толкователи Шекспира восхваляютъ тутъ его тонкое психологическое чутье; быть можетъ, они и правы, но самую мысль уже предвосхитилъ Овидій въ своей „Наукѣ любви" (III, 579 и сл.):

„Легкій успѣхъ не надолго любовное пламя поддержитъ.
Должно отказомъ порой радости чувствъ приправлять...
Сладость намъ приторна; что-жъ, пусть полынный отваръ подкрѣпитъ насъ;
Вѣтеръ попутный не разъ утлую залилъ ладью".

Но это мимоходомъ.—Является Антоній.

„Клеопатра. Помоги мнѣ уйти, дорогая Хармія, у меня ноги подкашиваются. Долго такъ дѣло идти не можетъ, природа не выдержитъ.

Антоній. Итакъ, дорогая царица моя—

Клеопатра. Прошу тебя, не приближайся!

Антоній. Что случилось?

Клеопатра. Вижу по этимъ твоимъ глазамъ, что ты приносишь хорошія вѣсти. Что говоритъ твоя законная супруга?—„Ты долженъ уйти". О, если бы она никогда не дозволила тебѣ приходить! Пусть она не говоритъ, что это я задерживаю тебя здѣсь; у меня нѣтъ власти надъ тобою, ты—ея.

Антоній. Боги по истинѣ знаютъ—

Клеопатра. О, никогда еще царица не была такъ страшно обманута! Впрочемъ, съ самаго начала я должна была видѣть, какъ насаждалось предательство.

Антоній. Клеопатра—

Клеопатра. Какъ могла я думать, что ты будешь моимъ и вѣрнымъ, хотя бы ты своими клятвами потрясъ возсѣдающихъ на престолахъ боговъ,—когда ты уже измѣнилъ Фульвіи? Что за безуміе—дать себя обольстить этимъ клятвамъ, сочиненнымъ языкомъ, которыя сами себя нарушаютъ во время своего произнесенія!

Антоній. Моя сладкая царица—

Клеопатра. Нѣтъ, прошу тебя, не ищи прикрасъ для своего ухода—скажи „прощай" и уйди. Когда ты умолялъ меня, чтобы тебѣ оставаться, тогда было время для словъ. Объ уходѣ и рѣчи не было—вѣчность была на нашихъ устахъ и во взорѣ, роскошь на нашихъ бровяхъ, и ни одна часть наша не была такъ бѣдна, чтобы не быть небеснаго происхожденія. Такъ дѣло обстоитъ и понынѣ—или ты, величайшій воитель въ мірѣ, превратился въ величайшаго лжеца!"

Антоній прерываетъ потокъ ея жалобъ и угрозъ; онъ описываетъ ей положеніе Италіи, сообщаетъ также извѣстіе о смерти Фульвіи, давая ей понять, что для нея это—извѣстіе радостное. Клеопатра не вѣритъ: „развѣ Фульвія можетъ умереть?" Антоній представляетъ ей доказательства; тогда она мѣняетъ тонъ.

Клеопатра. О, лживая любовь! Гдѣ тѣ священные фіалы, которые ты долженъ былъ наполнять слезами скорби? Теперь я вижу, вижу по смерти Фульвіи, какъ ты примешь извѣстіе о моей.

Антоній. Не упрекай меня болѣе, будь готова услышать мои рѣшенія: они исполнятся или падутъ согласно твоему совѣту. Клянусь огнемъ, оживляющимъ илъ Нила: я ухожу отсюда твоимъ воиномъ, твоимъ слугой, творю войну и миръ по твоему желанію...

Клеопатра. Хармія, разстегни мнѣ поясъ... нѣтъ, оставь. Мнѣ то дурно, то опять хорошо—такъ и Антоній любитъ.

Антоній. Дорогая царица, перестань; прими вѣрное доказательство его любви: она выдержитъ всякое почетное испытаніе.

Клеопатра. Такъ мнѣ и Фульвія говорила. Прошу тебя, отойди въ сторону, пролей нѣсколько слезъ по ней; а затѣмъ простись со мною и скажи, что эти слезы—дань египетской царицѣ. Пожалуйста, разыграй сцену превосходнаго притворства, и пусть она покажется полнѣйшею честностью.

Антоній. Ты разгорячишь мою кровь; перестань!

Клеопатра. Ты умѣешь и лучше (играть); а впрочемъ, и это недурно.

Антоній. Клянусь моимъ мечомъ—

Клеопатра. И щитомъ—вотъ это ужъ лучше, но все еще не самое лучшее. Посмотри, прошу тебя, Хармія, какъ этотъ римскій Геркулесъ все быстрѣе и быстрѣе разгоняетъ свой гнѣвъ!

Антоній. Я оставляю тебя, сударыня.

Клеопатра. Постой, учтивый сударь, одно слово. Государь мой, мы должны разстаться... но это не то. Государь мой, мы любили другъ друга... но это не то. Это ты хорошо знаешь: что-то я хотѣла тебѣ сказать... о, мое забвенье—подлинный Антоній, и я совсѣмъ забыта.

Антоній. Если бы неразуміе не было подданнымъ твоего величества—я сказалъ бы, что ты—само неразуміе.

Клеопатра. Тяжелый трудъ носить такое неразуміе такъ близко къ сердцу, какъ Клеопатра—это.... Однако, государь мой, прости меня: вѣдь мое поведеніе убиваетъ меня, если оно тебѣ не нравится. Твоя честь зоветъ тебя отсюда—будь же глухъ къ моему неразумію, котораго никто не жалѣетъ, и да сопутствуютъ тебѣ всѣ боги! Пусть увѣнчанная лаврами Побѣда витаетъ надъ твоимъ мечомъ и пріятный успѣхъ покрываетъ твой путь.

Антоній. Идемъ. Наша разлука и длится и убѣгаетъ такъ, что ты, оставаясь здѣсь, все-же идешь со мною, а я, уходя отсюда, все-же остаюсь съ тобой. Идемъ!

V.

Опредѣленіе зависимости бываетъ особенно труднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно касается не поэта-подражателя, а творца, въ самомъ себѣ перерабатывающаго воспринятое имъ и возсоздающаго его какъ плодъ собственнаго генія съ полной печатью

своей личности. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о зависимости Шекспира отъ Овидія въ приведенной сценѣ, полезно будетъ установить фактъ, что онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ сходствѣ этой своей четы—т.-е. Антонія и Клеопатры—съ той, о которой говорится у римскаго поэта. Это признаніе мы находимъ въ 12 сценѣ IV дѣйствія, въ предсмертномъ монологѣ Антонія. „Я иду, моя царица“,—говоритъ онъ, обращаясь къ Клеопатрѣ, которую считаетъ умершей,—„жди меня! Тамъ, гдѣ души покоятся на цвѣтахъ, мы будемъ шествовать рука объ руку, и наше радостное шествіе возбудитъ удивленіе духовъ; *Дидону и Энея покинетъ ихъ свита*, и всѣ поспѣшатъ къ намъ“. А затѣмъ вернемся къ нашей сценѣ.

Клеопатра Шекспира—по характеру не тожественна съ Дидоной Овидія; та была просто любящей женщиной, болѣе всего боящейся потерять Энея,—у Клеопатры любовь къ Антонію приправлена доброй долей разсчетливости, въ силу которой она выступаетъ передъ нами ученицей того же Овидія, но уже его „науки любви“. Мы знаемъ, что она нарочно выводитъ Антонія изъ себя, согласно своему уговору съ Харміей,—эту часть сцены придется поэтому оставить въ сторонѣ. Равнымъ образомъ и рѣчь Клеопатры и вообще шекспировскихъ героевъ и героинь, будучи въ сущности тѣмъ же „азіанизмомъ“, имѣетъ однако одну своеобразную черту, которой у Овидія нѣтъ; это ея гиперболичность, сказывающаяся въ оборотахъ въ родѣ: „вѣчность была на нашихъ устахъ и во взорѣ, роскошь—на бровяхъ; ни одна наша часть не была такъ бѣдна, чтобы не быть небеснаго происхожденія“—такіе обороты, обязательно неуклюжіе въ переводѣ, тоже не въ духѣ Овидія. Оставимъ все это въ сторонѣ и сосредоточимся на прочемъ.

Обѣ упрекаютъ своихъ избранниковъ въ лживости, и притомъ обѣ безо всякаго права, но это само по себѣ вполнѣ естественно; посмотримъ, какъ эта мысль проводится въ частности. „По участи Креусы, которой ты измѣнилъ раньше, я должна была догадаться о томъ, что̀ будетъ со мною“—такъ приблизительно говоритъ Дидона; то же самое, если вмѣсто Креусы вставить Фульвію, говоритъ Клеопатра. „Такъ ты и мнѣ говорилъ“, заключаетъ Дидона; „такъ и Фульвія мнѣ говорила“, читаемъ мы у Шекспира. „И я повѣрила измышленнымъ клятвамъ“, жалуется Клеопатра; „меня тронули жалкія рѣчи“, упрекаетъ себя Дидона. Нервность, сказывающаяся въ внезапныхъ переходахъ къ господствующей мысли, у обѣихъ одинаковая. Вспомнимъ Овидіево... „или пучина, подобная той, что вздымается нынѣ“—въ

томъ же родѣ у Шекспира: „мнѣ то дурно, то опять хорошо—такъ и Антоній любитъ“. Та же нервность проглядываетъ и въ томъ, какъ обѣ героини относятся къ реальному міру: обѣ обращаются съ нимъ одинаково прихотливо, обѣ видятъ не предметы, а призраки предметовъ. Выше я привелъ въ видѣ примѣра различныя мнѣнія Дидоны о спасенныхъ Энеемъ троянскихъ богахъ; прошу сравнить съ ними отклики Клеопатры на извѣстіе о смерти Фульвіи: 1) не вѣрю твоимъ словамъ; развѣ Фульвія можетъ умереть? 2) Да, она умерла, и ты къ ея смерти равнодушенъ; отсюда я вижу, какъ ты отнесешься и къ моей смерти! 3) Да, она умерла, и ея-то смерть и огорчаетъ тебя, а вовсе не разлука со мною, какъ ты хочешь меня увѣрить. Не стѣсняйся, плачь, а мнѣ скажи, что ты плачешь по мнѣ.—Ничего тутъ реальнаго нѣтъ, кромѣ чувства горечи, которое въ оправданіе себя создаетъ картину реальнаго міра, изображая его не такимъ, какимъ онъ есть, а какимъ онъ долженъ бы быть для того, чтобы это чувство горечи показалось основательнымъ; въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ проявленіе психической потребности „избавленія фикціей“ (Erlösung durch den Schein), въ которой Ницше видитъ чудотворную силу, призвавшую къ жизни трагедію.

Но самое разительное—это буквальное воспроизведеніе одного, очень спеціальнаго мотива. Я уже сказалъ, что роль бога, отзывающаго Энея отъ Дидоны, играетъ у Шекспира вѣстникъ Фульвіи. Теперь прошу сравнить одно мѣсто изъ только-что приведенной сцены: „Что̀ говоритъ твоя законная супруга?—„Ты долженъ уйти“.—О, если бы она никогда не дозволила тебѣ придти“!

> What says the married woman?—„You may go!“—
> Would she had never given you leave to come!

—съ соотвѣтственными словами Дидоны у Овидія:

> „Богъ мнѣ уйти повелѣлъ“.—Ужъ бы лучше прійти не дозволилъ!
> „Sed jubet ire deus“.—Vellem vetuisset adire!

(Въ подлинникѣ совпаденіе еще точнѣе—лат. vellem, англійское—would). Тутъ несомнѣнно поэтъ - подражатель—и притомъ, думается мнѣ, вполнѣ сознательно—себя выдалъ. А при такихъ условіяхъ можно сказать, что другое мѣсто Шекспира, нѣсколько темнѣе, объясняется при помощи соотвѣтственнаго мѣста Овидія. Что̀ хочетъ сказать Клеопатра словами: „долго такъ дѣло идти не можетъ—природа не выдержитъ“?—

„It cannot be thus long, the sides of nature
Will not sustain it".

Скорѣе всего — то же, что̀ и Дидона, когда она говоритъ:

„Долго жестокимъ ко мнѣ быть ты не можешь, повѣрь".

Угроза смертью—здѣсь и тамъ. Мимоходомъ замѣчу, что другое мѣсто нашего посланія было использовано Шекспиромъ, въ другой трагедіи, появившейся незадолго до нашей; патетическія слова Дидоны:

„Самъ ты вѣдь знаешь: любовь—вотъ мой единственный грѣхъ...
(Quod crimen dices praeter amasse meum?)"

—воспроизведены въ предсмертныхъ словахъ Дездемоны, тамъ, гдѣ она на приказаніе Отелло; „подумай о своихъ грѣхахъ!"—отвѣчаетъ: „это—моя любовь къ тебѣ!"

„Think on thy sins".—„They are loves I bear to you".

Но это не такъ важно; главное—*мотивъ ребенка*. Мы видѣли, какъ различно его провели Виргилій и Овидій, стоя одинъ—на героической, другой—на общеженской почвѣ; чего намъ ожидать отъ Шекспира—ясно, коли онъ, какъ мы тоже убѣдились, имѣлъ своимъ образцомъ Дидону Овидія. А впрочемъ, прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, какъ воспользовался Шекспиръ этимъ мотивомъ, слѣдуетъ посмотрѣть, воспользовался ли онъ имъ вообще; дѣло въ томъ, что толкователи этого обстоятельства не примѣтили, и я, допуская его, ввожу нѣчто новое въ интерпретацію Шекспира.

VI.

Прежде всего замѣчу, что было бы довольно странно, еслибы онъ имъ не воспользовался. Союзъ Антонія и Клеопатры не остался безъ послѣдствій, и она уже въ его отсутствіе родила ему двоихъ дѣтей-близнецовъ, Александра-Солнце и Клеопатру-Луну. Шекспиръ знаетъ объ этихъ дѣтяхъ и говоритъ о нихъ въ III-мъ актѣ. Итакъ, Клеопатра носила подъ сердцемъ плодъ своей любви къ Антонію, когда прощалась съ нимъ, и Шекспиръ, очень заботливо отнесшійся къ хронологіи событій въ этой трагедіи, не могъ не принять этого въ соображеніе. Кстати: объ этой хронологической заботливости свидѣтельствуетъ одна мелкая, но интересная черта, которую я тоже позволю себѣ

объяснить, такъ какъ она, подобно всѣмъ, указаннымъ здѣсь, ускользнула отъ вниманія толкователей. Дѣло происходитъ въ самомъ началѣ трагедіи (д. I, сц. 2); шаловливая Хармія обращается къ прорицателю съ просьбой напророчить ей самую фантастическую судьбу: „дай, чтобы я въ одно и то же утро вышла замужъ за трехъ царей и осталась вдовой послѣ ихъ всѣхъ; дай, чтобы я въ пятьдесятъ лѣтъ родила младенца, къ которому Иродъ іудейскій пожелаетъ прійти на поклоненіе". Говоритъ это она въ 41 г. до Р. Х. Клеопатрѣ было тогда немногимъ болѣе 20 лѣтъ; естественно допустить, что Хармія, которую она сама называетъ „египетской куколкой", была на нѣсколько лѣтъ моложе ея; а если такъ, то она родилась немногимъ ранѣе 50 г. до Р. Х. Въ такомъ случаѣ ясно, кто тотъ младенецъ, котораго она собирается родить въ 50 лѣтъ—младенецъ, къ которому царь Иродъ іудейскій пожелаетъ прійти на поклоненіе. Это свое намѣреніе Иродъ высказалъ, хотя и притворно, троимъ волхвамъ: „егда же обрящете, возвѣстите ми, яко да и азъ, шедъ, поклонюся Ему" (Матѳ. 2, 8). Волхвы же называются на западѣ „святыми тремя царями"; отсюда ясно, что это за три царя, за которыхъ Хармія желаетъ выйти замужъ въ одно и то же утро, съ тѣмъ, чтобы похоронить ихъ всѣхъ. Итакъ, ея скромныя желанія сводятся къ тому, чтобы ей быть супругой всѣхъ трехъ царей волхвовъ и въ то же время богородицей, да кромѣ того, какъ видно изъ дальнѣйшаго, римской императрицей.

Это мѣсто я привелъ не ради одной только хронологіи: оно интересно и своей темнотой. Его толкованіе таково, что никто, разъ его вниманіе на него направлено, ужъ не можетъ отъ него отказаться; а между тѣмъ, фактъ тотъ, что никому изъ толкователей,—поскольку они по крайней мѣрѣ мнѣ стали извѣстны,—это толкованіе не пришло въ голову. Отчего Шекспиръ выражается такъ темно, догадаться нетрудно: фантазіи Харміи при болѣе ясной формулировкѣ легко могли бы показаться богохульственными.—Такого же рода соображенія могли на него подѣйствовать и здѣсь. Скажутъ: въ половой сферѣ Шекспиръ стѣсняться не привыкъ. Отвѣчу: и да, и нѣтъ. Нужно тутъ различать стили, высокій и „подлый", какъ его раньше у насъ называли,—не считая посредствующихъ. Въ „подломъ" стилѣ у него возможны самыя невозможныя вещи; въ высокомъ не то,—а наша сцена сплошь написана въ высокомъ стилѣ. Особенно стыдливо выражается онъ о томъ положеніи, о которомъ у насъ идетъ рѣчь здѣсь: тутъ онъ допускаетъ недомолвки и тропы, не

разъ смущавшія его толкователей и переводчиковъ, не исключая, какъ мы увидимъ тотчасъ, и русскихъ. Такъ, въ „Периклѣ" (д. I, сц. 1), мысль: „когда ея мать была еще тяжела ею", выражена такъ: „когда еще (надъ ней) властвовала Люцина" (till Lucina reign'd). Надобно знать, что Люцина—богиня беременности и родовъ; не зналъ этого, очевидно, русскій переводчикъ, передавшій наше мѣсто такъ: „когда еще жива была Люцина".

Итакъ, мы знаемъ, въ какомъ положеніи находилась Клеопатра, прощаясь съ Антоніемъ, и съ трудомъ, поэтому, повѣримъ, чтобы такой тонкій знатокъ человѣческой и спеціально женской природы, какъ Шекспиръ, не воспользовался этимъ мотивомъ именно теперь, когда Клеопатра напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы сохранить свою власть надъ своимъ возлюбленнымъ; но мы знаемъ также, что открытаго признанія мы ожидать не должны. А теперь вернемся къ нашей сценѣ. Клеопатра сама посылала за Антоніемъ; все-же, когда онъ является, она хочетъ уйти, ей дурно, она боится, что ея природа этого не выдержитъ. Она зоветъ наперсницу: „разстегни меня... впрочемъ нѣтъ, оставь. Мнѣ то дурно, то опять хорошо". Она выводитъ Антонія изъ себя своими несправедливыми упреками и насмѣшками; когда онъ хочетъ уйти, она его останавливаетъ: „учтивый сударь, одно слово". Теперь мы подготовлены—конечно, не непремѣнно къ тому, о чемъ я здѣсь говорю, но во всякомъ случаѣ къ чему-нибудь рѣшительному; въ чемъ же состоитъ то „одно слово", изъ-за котораго Клеопатра остановила Антонія? Послушаемъ ее: „Государь мой, мы должны разстаться... но это не то; государь мой, мы любили другъ друга... но это не то; это ты хорошо знаешь; что-то я хотѣла тебѣ сказать... О, мое забвеніе—подлинный Антоній, и я совсѣмъ забыта".

„Courteous lord, one word.
Sir, you and I must part,—but that's not it;
Sir, you and I have loved—but there's not it;
That you know well: something it is I would—
O, my oblivion is a very Antony,
And I am all forgotten".

Что это значитъ? Переводчики, конечно, переводятъ эти слова такъ или иначе, благо отъ нихъ никто объясненій не требуетъ; но толкователи смущены. Особенно всѣхъ озадачила фраза: „о, мое забвенье—подлинный Антоній!", какъ явно безсмысленная. Кто считаетъ слово „забвенье" опиской вмѣсто „память", —каковое слово и предлагается вставить въ текстъ; другіе

воздерживаются отъ измѣненій, но требуютъ, чтобы слово „забвенье“ понимали въ смыслѣ „память“—„моя память такъ же неположительна, какъ и самъ Антоній, оттого-то я и забываю все [1]). Нечего и говорить, что это—натяжка; но чтò же мы отъ нея выигрываемъ? Въ чемъ же заключается то „одно слово“, которое Клеопатра намѣревалась сказать Антонію? „Да она его забыла“,—объясняютъ толкователи. Нѣтъ, воля ваша; дразнить слушателя или читателя тайной, которая такъ и остается до конца подъ покровомъ „молчанія“ — это продуктъ самой современной декадентщины; съ драматургической техникой Шекспира этотъ пріемъ несогласуемъ. Я полагаю, что если Клеопатра задержала Антонія для „одного слова“, то она ему это слово и сказала; а если толкователи его намъ указать не могутъ, то это значитъ, что они ея не поняли. Клеопатра, конечно, ничего не забыла, но она притворяется, что забыла; а то, что она будто бы забыла—это тотъ плодъ ея любви къ Антонію, тотъ маленькій Антоній, котораго она чувствуетъ подъ сердцемъ, — оттого-то она и говоритъ: „о, мое забвенье—подлинный Антоній“! Такъ вѣдь и Виргиліева Дидона говоритъ про свою надежду: „еслибъ малютка - Эней (parvus Aeneas) передъ теремомъ нашимъ рѣзвился!“—А впрочемъ, намекъ былъ дѣйствительно мало вразумителенъ; Антоній самъ его не понялъ, слова подруги ему кажутся вздорными; онъ даетъ ей это понять изысканнымъ оборотомъ въ духѣ тогдашняго драгоцѣннаго стиля: „если бы неразуміе не было подданнымъ твоего величества (которымъ ты, стало быть, распоряжаешься по своему усмотрѣнію), я сказалъ бы, что ты—само неразуміе“.

„But that your royalty
Holds idleness your subject, I should take you
For idleness itself“.

Другими словами: „я счелъ бы тебя неразумной, если бы не зналъ навѣрное, что ты только притворяешься таковой“.—Клеопатра съ горечью подхватываетъ слово „неразуміе“ и отвѣчаетъ: „Тяжелый трудъ носить *такое* неразуміе *такъ близко къ сердцу*, какъ Клеопатра—*это*“.

[1]) Дѣйствительно, нѣкоторые толкователи, и въ томъ числѣ Деліусъ, полагаютъ, что „I am all forgotten“ имѣетъ здѣсь не страдательный, а дѣйствительный смыслъ (to be forgotten—vergessen haben). Для нашего вопроса этотъ споръ не имѣетъ значенія; все-же я считаю болѣе естественнымъ обычное объясненіе: „я, вотъ, забыла, да и сама забыта“. Это—антитеза въ родѣ вышеприведенныхъ Овидіевыхъ: perdita ne perdam, timeo, noceamve nocenti.

'Tis sweating labour
To bear such idleness so near the heart,
As Cleopatra this.

Этотъ намекъ уже ясенъ—все равно, подчеркнула ли его Клеопатра выразительнымъ движеніемъ, или нѣтъ. Антоній понялъ, что у Клеопатры что-то дремлетъ „такъ близко къ сердцу", и Клеопатра видитъ, что онъ это понялъ. Теперь она мѣняетъ тонъ: она его смѣло отпускаетъ и благословляетъ на бой, зная, что никакія заботы уже не вырвутъ изъ его сердца того жала, которое она въ немъ оставила. И Антоній, прощаясь съ нею, даетъ ей понять, что онъ ее понялъ; поддѣлываясь подъ ея двусмысленную рѣчь, онъ говоритъ ей: „даже уходя отсюда, я (въ лицѣ того „подлиннаго Антонія") все-же остаюсь съ тобой"— и затѣмъ уходитъ. Таково то „одно слово", которое Клеопатра желала сказать Антонію.

VII.

Толкователь-филологъ, при объясненіи поэтическихъ произведеній, подвергается постоянной опасности, что его ученость, методъ и прочія орудія его интерпретаціи окажутся несоизмѣримыми величинами въ сравненіи съ той силой, которая создала означенныя произведенія — съ таинственной силой поэтическаго творчества. Съ этой опасностью долженъ былъ считаться и я, предлагая новое объясненіе Шекспировой сцены разлуки. Тѣмъ успокоительнѣе для меня сознаніе, что въ этомъ объясненіи я схожусь съ первостепеннымъ поэтомъ; дѣйствительно, чего не понялъ ни одинъ изъ толкователей Шекспира, то сразу уловилъ, руководясь однимъ своимъ поэтическимъ чутьемъ, нашъ Пушкинъ.

Конечно, не будучи спеціалистомъ въ касающихся Пушкина вопросахъ, я не могу сказать, когда и какъ онъ ознакомился съ „Антоніемъ и Клеопатрой" Шекспира; быть можетъ, на это имѣются и опредѣленныя указанія; пусть ихъ приводятъ другіе,— для насъ довольно того несомнѣннаго факта, что авторъ „Египетскихъ ночей" не могъ не знать Клеопатры того поэта, драматической техникѣ котораго онъ подражалъ въ своемъ „Борисѣ Годуновѣ",—того поэта, драму котораго, сравнительно посредственную, онъ обработалъ въ своемъ „Анджело". Принимая это знакомство за неподлежащій сомнѣнію фактъ, я прямо перехожу къ Пушкинской обработкѣ нашего мотива разлуки.

Эта обработка—первая сцена „Русалки". Не стану напоминать ея содержанія и хода; перехожу прямо къ тому мѣсту,

въ которомъ Пушкинъ, какъ мнѣ думается, явно подражалъ Шекспиру. А для этого позволю себѣ еще разъ привести тѣ слова Шекспира, которыя были его образцомъ.

Антоній. Я оставляю тебя, сударыня.
Клеопатра. Учтивый сударь, одно слово. Государь мой, мы должны разстаться... но это не то. Государь мой, мы любили другъ друга... но это не то. Это ты хорошо знаешь: что-то я хотѣла тебѣ сказать... о, мое забвенье—подлинный Антоній!

Съ этими словами прошу сравнить слѣдующее мѣсто изъ „Русалки“:

Князь.
Прощай!
Она.
Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что̀.
Князь.
Припомни.
Она.
Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...
Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Прибавить къ этому я ничего не имѣю; дѣло такъ ясно, что всякія объясненія его бы только затемнили. А если мы правы, то возстановлена почти двадцативѣковая цѣпь, соединяющая Овидія съ Шекспиромъ и Шекспира съ Пушкинымъ въ обработкѣ одного и того же мотива—„мотива разлуки“, какъ мы его назвали. — Конечно, эти три примѣра далеко не единственны; мотивъ нашъ такъ благодаренъ, что всякая поэзія, особенно романтическая и сентиментальная, его такъ или иначе къ себѣ пріобщила. Но мы и не задавались цѣлью прослѣдить его на всемъ протяженіи его развитія; наша задача исполнена съ возстановленіемъ означенной идеальной цѣпи, соединяющей три великихъ имени всемірной литературы.

Ѳ. Зѣлинскій.

* * *

Подходитъ вечеръ. Стынетъ зной.
Деревьямъ, шепчущимъ такъ нѣжно
Привѣтъ моей душѣ больной,
Я говорю: „въ тиши ночной
„И вы, усните безмятежно!“

Грачамъ, въ вечернюю зарю,
Летя, кричащимъ что̀ есть мочи:
—Прощай! прощай!—я говорю:
„Я слышу васъ. Благодарю.
И вамъ, грачи, спокойной ночи!“

* * *

Тѣ ослѣпительные дни,
При блёсткахъ въ воздухѣ горячемъ,—
Когда мы тщательно въ тѣни
Свой сельскій бытъ отъ зноя прячемъ,

И на безоблачный закатъ
Глядимъ съ мольбой въ усталомъ взорѣ:
Ужели насъ не освѣжатъ
Хотя бы утреннія зори!..

—Тѣ дни прошли; и мнѣ ихъ жаль.
Былое стало сердцу мило.
Темна мнѣ будущности даль...
Хоть ты бы, осень, не спѣшила!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Августъ 1903.
Ильиновка.

ЗАМОКЪ СЧАСТЬЯ

РОМАНЪ.

I.

Ничего особеннаго не произошло въ этотъ день, но Ирина Львовна чувствовала на душѣ какой-то безпорядокъ.

Чтò это было—она не давала себѣ отчета; но несомнѣнно нѣчто случилось въ ея жизни, чтò нарушало ея обычное равновѣсіе мыслей и душевный покой.

Стоялъ чудный зимній день съ небольшимъ морозомъ и яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; встала она въ прекрасномъ расположеніи духа, завтракала вдвоемъ съ Володей, потому что мужъ ушелъ ранѣе обыкновеннаго на службу,—и это было для нихъ настоящимъ праздникомъ: пò крайней мѣрѣ Володя держалъ, какъ хотѣлъ, вилку, а въ трудныя минуты помогалъ себѣ пальцами, и никто не дѣлалъ ему строгихъ глазъ и ворчливыхъ замѣчаній; и Ирина Львовна могла свободно балагурить съ Володей или думать о чемъ ей угодно, не отвѣчая на насмѣшливый вопросъ: „ты, конечно, задумалась о несовершенствахъ человѣческаго существованія"?

Послѣ завтрака она поѣхала съ Володей кататься.

Бѣлый снѣгъ, выпавшій наканунѣ, рѣзалъ глаза, блистая подъ лучами солнца, котораго не видно было уже въ теченіе трехъ недѣль; полозья саней скрипѣли о снѣгъ, и все казалось такъ нарядно и празднично на улицахъ Петербурга.

Но когда они пріѣхали домой, то застали Владиміра Викторовича, вернувшагося со службы, и Таису Николаевну, сидѣвшую съ нимъ въ гостиной.

Они о чемъ-то очень оживленно разговаривали и весело смѣялись.

И разговоръ и смѣхъ тотчасъ же прекратились, какъ только вошла Ирина Львовна съ Володей.

Володя оффиціально поздоровался съ отцомъ, весьма сухо съ Таисой Николаевной, и тотчасъ же юркнулъ въ свою комнату, гдѣ занялся склейкой „плантаторскаго дома", который окружилъ оловянными солдатиками.

Владиміръ Викторовичъ поздоровался съ женой весьма корректно, какъ всегда, потому что во всѣхъ мелочахъ жизни былъ удивительно корректенъ, и наградилъ ее „прохладнымъ" поцѣлуемъ въ лобъ.

Таиса Николаевна тоже поцѣловалась съ ней, а затѣмъ наступило неловкое молчаніе.

Вотъ съ этого момента Ирина Львовна и почувствовала на душѣ безпорядокъ.

Таиса Николаевна, со времени своего недавняго возвращенія въ Россію, послѣ продолжительнаго пребыванія за границей, стала часто бывать у нихъ въ домѣ.

Ирина Львовна ничего не имѣла противъ этого, потому что была ея давнишней подругой, еще со времени гимназіи, гдѣ онѣ вмѣстѣ кончили курсъ.

Очевидно, ничего не имѣлъ противъ этого и Владиміръ Викторовичъ, вообще не отличавшійся общительностью, но съ Таисой Николаевной взявшій сразу какой-то игривый, шуточный тонъ.

Владиміръ Викторовичъ ушелъ въ кабинетъ; онъ вообще не любилъ оставаться съ Таисой Николаевной въ присутствіи жены, которая, повидимому, его стѣсняла.

И двѣ подруги остались вдвоемъ, долго не находя, что сказать другъ другу.

— Ѣздила кататься? — спросила, наконецъ, Таиса Николаевна.

— Да... съ Володей.

— Сегодня хорошо... Я отвыкла отъ морозовъ, но сегодня легко дышется...

— Да... отлично. Ты давно у насъ?

— Съ часъ. Владиміра Викторовича еще не было. Если ты ничего не будешь имѣть противъ, я останусь у васъ обѣдать и посижу вечеръ.

Что-то непріятное шевельнулось въ душѣ Ирины Львовны, что-то такое, чего она раньше не замѣчала; но она поспѣшила отвѣтить:

— Конечно, оставайся; мы будемъ очень рады, въ особенности Владиміръ.

Таиса Николаевна поморщилась, а Ирина Львовна поняла, что сказала безтактность; но это какъ-то такъ сорвалось съ ея языка, что она не успѣла удержаться.

— Почему: „въ особенности Владиміръ"?—заставивъ себя улыбнуться, спросила Таиса Николаевна.

Ирина Львовна попробовала поправить дѣло.

— Ни почему, такъ... Онъ скучаетъ со мной. Онъ вообще не переноситъ одиночества и, какъ мнѣ извѣстно, сегодня какъ разъ ему некуда дѣться.

— Ты странно выражаешься, Irène. Какое же одиночество, когда въ домѣ жена и ребенокъ?

Теперь Таиса Николаевна почувствовала, что сказала неловкость.

Что-то болѣзненно зазвенѣло на душѣ Ирины Львовны, и она отвѣтила нервнымъ голосомъ:

— „Жена и ребенокъ"! Жена для такихъ мужчинъ, какъ Владиміръ Викторовичъ—пустое мѣсто. Ребенокъ его мало интересуетъ. И когда мы втроемъ, то мужъ сидитъ въ кабинетѣ; Володя готовитъ уроки въ своей комнатѣ, а я работаю въ будуарѣ. Въ домѣ тишина какъ въ гробу и каждый изъ трехъ наслаждается или тяготится одиночествомъ—это зависитъ отъ личнаго вкуса. Прежде было не такъ, но съ недавняго времени—это такъ.

— Ты несчастна въ бракѣ?..

Ирина Львовна гордо вскинула голову и быстро отвѣтила:

— Ничуть. Кто тебѣ это сказалъ? Мы всѣ... привязаны другъ къ другу...

Она хотѣла сказать: „мы всѣ любимъ другъ друга", но это какъ-то не вышло.

Обѣ чувствовали, что вступили на скользкую и неудобную почву разговора и замолчали.

Таиса Николаевна вздумала перемѣнить разговоръ.

— Я вполнѣ понимаю Владиміра Викторовича: я тоже не переношу одиночества. Сидѣть вечеромъ дома одной—это пытка. Я не знаю, что̀ съ собой дѣлать. Я не считаю одиночествомъ, когда въ домѣ трое, хотя бы и въ разныхъ комнатахъ; все-таки чувствуешь, что кругомъ живыя существа. Но совершенное одиночество—ужасно. Я не могу обѣдать одна. И потомъ—вечеръ. Что̀ дѣлать вечеромъ, когда некуда ѣхать?

— Я никогда не скучаю,—возразила Ирина Львовна.—У меня всегда находится дѣло.

— Напримѣръ?—съ насмѣшкой спросила Таиса Николаевна, и этотъ чуть замѣтный оттѣнокъ насмѣшки сейчасъ же отозвался обидой въ сердцѣ Ирины Львовны.

— Напримѣръ, я спрашиваю уроки Володю.

— У меня нѣтъ Володи, какъ тебѣ, вѣроятно, извѣстно.

— Ну, такъ я читаю. Очень много читаю.

— Это твое счастье, что ты любишь читать. И потомъ, нельзя же безконечно читать: меня отъ чтенія клонитъ ко сну и поднимается рѣзь въ глазахъ. Много спать и натруждать глаза вредно. А я очень дорожу сохраненіемъ здоровья и молодости. Чтò ты дѣлаешь еще?

— Занимаюсь хозяйствомъ, дѣлаю какую-нибудь работу.

— Вотъ видишь! У меня хозяйство такое маленькое, что имъ заниматься не стоитъ. А рукодѣлье... это, прости меня, занятіе подростковъ и старыхъ дѣвъ.

„Какъ разъ для тебя подходящее“,—вдругъ съ неожиданнымъ озлобленіемъ подумала Ирина Львовна:—„ты, вѣдь, совершенный подростокъ по уму и до сихъ поръ не замужемъ. А впрочемъ“...

— Для чего нужны всѣ эти антимакасары, салфеточки изъ кружочковъ и платò?—продолжала Таиса Николаевна.—Для собиранія пыли? А если нужно, такъ лучше купить въ гостиномъ дворѣ. И изящнѣе, и дешевле.

Ирина Львовна пожала плечами и ничего не отвѣтила.

Но потомъ она, все-таки, нашла нужнымъ сдѣлать поправку:

— Я не однимъ рукодѣльемъ занимаюсь,—сказала она,—я дѣлаю еще переводы для одного журнала.

Черные какъ маслины глаза Таисы Николаевны съ любопытствомъ остановились на лицѣ подруги, а ея тонкія, безкровныя губы вытянулись въ насмѣшливую улыбку.

— Ты занимаешься переводами?—вскрикнула она.—Но, милая, вѣдь это тоже рукодѣлье, только чернильное. И къ чему тебѣ это нужно? Ты молода, красива и обезпечена. Тебѣ это не къ лицу, и я думаю, что тебѣ не стоило бы отбивать хлѣбъ у разныхъ нищихъ курсистокъ.

Ирина Львовна вспыхнула.

— Я не знала, что у тебя такое доброе сердце! Но я не отнимаю хлѣбъ у курсистокъ, какъ ты выражаешься. Я коплю эти деньги, а потомъ отсылаю ихъ „бѣднымъ дѣтямъ“. Я думаю, что...

Но Таиса Николаевна разсмѣялась раздраженнымъ смѣхомъ и сказала:

— Ты, положительно, складъ всевозможныхъ добродѣтелей. Домосѣдка-жена, образцовая мать, прекрасная хозяйка и par-dessus le marché—благотворительница. Чтò я въ сравненіи съ тобой? Никому и ни для чего ненужное существо, даромъ коптящее небо...

И ея раздраженный, неестественный смѣхъ переходилъ постепенно въ нервный, въ взвинченный.

— Мнѣ тебя очень жаль, Таиса,—серьезно сказала Ирина Львовна, съ сочувствіемъ глядя на подругу,—но мнѣ кажется...

— Нѣтъ, ради Бога, только безъ жалостей и сочувствій!—понемногу овладѣвая собой, остановила ее Таиса Николаевна.—Все, чтò угодно: презрѣніе, неуваженіе, ненависть, но жалости не переношу. Это у васъ въ Россіи всѣ и всѣхъ жалѣютъ—національная черта! У насъ за границей, гдѣ я такъ долго прожила, никто никого не жалѣетъ. Chacun pour soi et Dieu pour tous. Это лучше. Да я вовсе и недостойна жалости, и, можетъ быть, ты когда-нибудь въ этомъ убѣдишься. Развѣ я такъ стара? Передо мной цѣлая жизнь, и неужели ты думаешь, что я не съумѣю устроиться?.. Я вполнѣ довольна даже тѣмъ, чтò у меня есть теперь. Вотъ только обѣдать одна не могу,—уже улыбаясь, закончила она.

— Ахъ, да!—спохватилась Ирина Львовна:—я пойду распоряжусь о приборѣ.

— Зачѣмъ? Развѣ ты не можешь позвонить?

— Нѣтъ, я сама пойду,—упрямо и настойчиво сказала Ирина Львовна, и тотчасъ же вышла изъ гостиной.

И какъ только вышла, сейчасъ же почувствовала облегченіе.

II.

— У васъ тутъ чрезвычайно весело, — сказалъ Владиміръ Викторовичъ, входя въ гостиную,—я слышалъ вашъ смѣхъ... Но гдѣ же... жена?

Онъ хотѣлъ сказать „Irène“, какъ всегда называлъ ее, но въ послѣднее время это имя какъ-то не шло съ его языка въ присутствіи Таисы Николаевны.

Таиса Николаевна двусмысленно улыбнулась своими тонкими губами.

— Да, чрезвычайно весело,—сказала она, и Владиміръ Вик-

торовичъ внимательно взглянулъ на нее, выучась угадывать ея интонацію.

— А развѣ не весело?—тревожно спросилъ онъ:—я ошибся?

— Нѣтъ, правда, очень весело. Ирина пошла хлопотать по хозяйству, такъ какъ я напросилась обѣдать. Хозяйство, или, по крайней мѣрѣ, хлопоты о немъ, повидимому ея конекъ.

Владиміръ Викторовичъ сдѣлалъ неопредѣленную гримасу: „что же вы хотите отъ нея больше"?

— Какъ вы выражаетесь, — сказалъ онъ: — „напросилась" обѣдать! Да я на седьмомъ небѣ, когда вы обѣдаете у насъ. Къ сожалѣнію, это случается не каждый день.

— Къ сожалѣнію—для кого?

— Какъ для кого? Для меня... для Irène, для насъ обоихъ...

— Вы въ этомъ увѣрены?

И опять, съ тревогой въ голосѣ, онъ спросилъ ее:

— Что значитъ этотъ вопросъ? Развѣ вы можете сомнѣваться въ расположеніи... жены—къ вамъ, своей подругѣ?

— О, нѣтъ, нисколько! — поспѣшила заявить Таиса Николаевна.—Знаете, ваша жена долгое время была убѣждена, что я васъ ненавижу...—засмѣялась она.

— А вы меня... *не* ненавидите?—радостно проговорилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ.

— Значитъ...

— Значитъ—что?—задорно спросила она.

— Значитъ, любите, что-ли?

Она засмѣялась.

— Comme vous allez! — сказала она. — Не ненавидѣть не значитъ любить.

— А что же значитъ? — спросилъ онъ и пересѣлъ къ ней ближе.

— Ничего. Не ненавидѣть—значитъ относиться равнодушно.

На лицѣ его отразилось огорченіе.

— Въ такомъ случаѣ я бы страшно желалъ, чтобы вы меня возненавидѣли.

— Почему?—удивленно спросила она.

— Потому что отъ ненависти до любви—одинъ шагъ, какъ извѣстно, а можетъ быть и того меньше.

— Что съ вами?—протяжно проговорила она, и взглянула на него вкось своими выразительными черными глазами.—Развѣ вамъ мало любви Ирины?

Онъ опять болѣзненно поморщился.

— Ахъ, Боже мой!—сказалъ онъ:—что это у васъ черезъ два слова въ третье—Ирина на языкѣ?

— Это отвѣтъ уклончивый...

Такъ говорили они часто, при каждомъ свиданіи, и не чувствовали утомленія отъ этой безцвѣтной игры словами.

Но зато чувства и чувствованьица ихъ волновались.

Съ каждымъ разомъ они ощущали все бо̀льшую и бо̀льшую близость, и каждый разъ Таиса Николаевна, которой въ началѣ знакомства Владиміръ Викторовичъ вовсе не нравился, о чемъ она имѣла даже предусмотрительность заявить Иринѣ Львовнѣ, становился милѣе и симпатичнѣе.

Она уже перестала находить его скучнымъ, вялымъ и незанимательнымъ.

И Владиміръ Викторовичъ съ каждымъ разомъ открывалъ новыя прелести въ Таисѣ Николаевнѣ, которая въ первое свиданіе показалась ему некрасивой.

Но теперь ему нравились ея глаза; черные, небольшіе, узенькіе и длинные, съ разрѣзомъ нѣсколько вкось; ея безкровныя, тонкія губы, ея злое выраженіе лица и даже ея сѣроватый цвѣтъ кожи, который становился интересно-матовымъ при электрическомъ освѣщеніи.

Она была очень худа и малокровна, но въ послѣднее время и это стало ему нравиться, потому что онъ находилъ въ ея лицѣ и фигурѣ нѣчто „недоговоренное“ и самъ себѣ, въ оправданіе ея худобы, называлъ ее „декадентсвой фигуркой“.

Потомъ ему сталъ нравится запахъ ея духовъ, какая-то премудрая смѣсь Violette de Parme съ Jicky; ея туалеты, всегда незатѣйливые и простые, наконецъ она сама, когда приходила къ нимъ безъ корсета, въ какой-нибудь темненькой суконной кофточкѣ безъ всякой отдѣлки.

Сначала его удивляла эта смѣлость молодой женщины, это отсутствіе кокетства, потомъ это стало ему нравиться. Въ этомъ было какое-то задорное удальство: „смотрите, я знаю, что я некрасива, но пусть я вамъ понравлюсь такой, какая я есть: непричесанная по модѣ, не выряженная, au naturel. И когда я вамъ понравлюсь *такой*, вы непремѣнно кончите тѣмъ, что влюбитесь въ меня, когда я одѣнусь и причешусь со вкусомъ“.

Въ первое время Таиса Николаевна приходила и уходила, не вызывая ничего въ душѣ Владиміра Викторовича, кромѣ досады, когда онъ слышалъ ея голосъ, и облегченія, когда захлопывалась за ней дверь.

Потомъ онъ какъ бы съ спокойнымъ любопытствомъ сталъ ждать ея прихода, а по уходѣ уже не чувствовалъ облегченія.

Теперь онъ ждетъ ее уже съ нетерпѣніемъ, а провожаетъ съ сожалѣніемъ.

Въ самое же послѣднее время, онъ уже ждетъ и провожаетъ ее съ тоской, иногда видитъ ее во снѣ, мысленно ведетъ съ ней разговоры наединѣ, и страннымъ образомъ начинаютъ ему бросаться въ глаза недостатки жены, которыхъ прежде онъ не замѣчалъ.

Парикмахеру онъ приказалъ являться два раза въ недѣлю, вмѣсто одного; перемѣнилъ портного, который до сихъ поръ удовлетворялъ его, а теперь перестал удовлетворять, и сталъ душиться Jicky, но безъ примѣси Violette, чтобы не очень было замѣтно пристрастіе его къ духамъ „Таисы", какъ онъ уже началъ называть ее, когда думалъ о ней.

А думалъ онъ о ней часто и ловилъ себя на этихъ думахъ постоянно.

Ему было сорокъ лѣтъ и даже съ небольшимъ хвостикомъ; у него было нѣсколько морщинъ на лбу и около глазъ и еще больше сѣдыхъ волосъ на головѣ; онъ находилъ, что легкій flirt или даже настоящій романъ его молодитъ. Всю жизнь онъ прожилъ скромно, по части похожденій, а когда женился, то исповѣдывалъ принципіально супружескую добродѣтель, чтò становилось даже неловко въ нашъ нервный вѣкъ flirt'а и развода.

Нѣкоторые товарищи намекали ему даже на это: чтò за „однолюбъ" такой, въ самомъ дѣлѣ! Это даже непорядочно относительно товарищей и, въ особенности, относительно женатыхъ товарищей: во-первыхъ, всегда оскорбительно видѣть ходячую добродѣтель; во-вторыхъ, всѣ жены ставятъ его въ примѣръ и совѣтуютъ мужьямъ поучиться у Владиміра Загоровскаго.

Конечно, не эти обстоятельства съиграли роль въ начавшемся переломѣ его жизни, а можетъ быть, и эти, потому что, въ концѣ концовъ, онъ прямо-таки не зналъ, какъ, когда и почему такъ измѣнился.

Онъ не могъ указать на какой-нибудь опредѣленный моментъ, когда именно ему стала нравиться Таиса, ни припомнить какой-нибудь разговоръ, который бы повліялъ на него.

И ему все продолжало казаться, что онъ любитъ жену, между тѣмъ какъ онъ уже, кажется, любилъ Таису.

И по мѣрѣ того какъ время шло, онъ открывалъ въ женѣ все больше и больше недостатковъ, а въ Таисѣ—все больше и больше достоинствъ. И съ женой ему съ каждымъ днемъ ста-

новилось скучнѣе, а съ Таисой—не то, чтобы веселѣе, а какъ-то удобнѣе, отраднѣе, болѣе по себѣ.

Ирина Львовна, сдѣлавъ необходимыя распоряженія, прошла черезъ столовую въ будуаръ и увидѣла въ зеркалѣ отраженіе мужа и Таисы.

Они вели оживленный и повидимому таинственный разговоръ, и она очень этому обрадовалась, потому что это дало ей возможность не сидѣть съ ними, а пройти въ свой будуаръ и заняться до обѣда чтеніемъ.

Но какъ только она усѣлась въ удобной позѣ за книгу и принялась за чтеніе заинтересовавшаго ее романа, „Les parfums des Iles Borromées", въ которомъ было столько настоящей поэзіи, какъ она ощутила въ душѣ своей то неудобство, которое ей не давало покоя цѣлый день.

„Вѣдь ничего же особеннаго не случилось",—повторила она себѣ въ сотый разъ.

Что̀ же въ самомъ дѣлѣ? Таиса? Вздоръ какой! Таиса ходитъ къ нимъ часто и хороша тѣмъ, что не стѣсняетъ ея, что умѣетъ занять Владиміра, который сталъ видимо скучать въ послѣднее время дома.

Ну, онъ слегка ухаживаетъ за ней; это правда; этого она, конечно, не можетъ скрыть отъ себя. Такъ что̀ жъ такое? Гдѣ же виданъ мужъ, который бы не скучалъ дома и не имѣлъ бы какого-нибудь легкаго flirt'а? Это ужъ такъ положено отъ природы, должно быть, и, правда, Владиміръ былъ какимъ-то, если и не смѣшнымъ въ ея глазахъ, то, во всякомъ случаѣ, страннымъ исключеніемъ изъ общаго правила; и она даже конфузилась, когда ея знакомыя дамы поздравляли ее „avec un mari-modèle".

Она конфузилась, конечно, за мужа, боясь, чтобы его не стали высмѣивать и чтобы онъ, дѣйствительно, не показался смѣшнымъ, но въ душѣ это ей, все-таки, льстило, и ее радовало, что ей, какъ ни какъ, а завидуютъ.

Она нисколько не ревновала мужа къ Таисѣ, когда обнаружился для нея съ достаточною ясностью его flirt съ нею.

Она даже поощряла его, наивно воображая доставить ему невинное и „разумное" развлеченіе!

И она такъ привыкла видѣть ихъ въ послѣднее время вдвоемъ, въ полусвѣтѣ гостиной, въ полуинтимной бесѣдѣ, что не обращала даже на это никакого вниманія.

Она была увѣрена, что ни до чего серьезнаго у нихъ дойти не можетъ: во-первыхъ, Владиміръ же вовсе не Донъ-Жуанъ, а человѣкъ серьезный; во-вторыхъ, у нихъ семья уже сцементировалась—вѣдь они живутъ уже десять лѣтъ вмѣстѣ и у нихъ сынъ девяти лѣтъ. А въ-третьихъ—и это самое главное—хотя она помѣстила это обстоятельство въ третій пунктъ, вѣдь Таиса черезчуръ некрасива! По крайней мѣрѣ таково было ея убѣжденіе, и не слѣпа же она, чтобы грубо ошибаться...

Нѣтъ, Таиса некрасива. Это дѣло рѣшенное. Дурнушкой считалась она въ гимназіи, дурнушкой осталась и послѣ.

Да и вообще! Какія же основанія у Владиміра измѣнять ей? Она ему вѣрная и преданная жена; вышла она замужъ по любви, и онъ женился на ней такъ же: по крайней мѣрѣ, такъ это тогда казалось; затѣмъ она — мать его сына, а это даже для такого нечадолюбиваго мужчины, какъ онъ, все-таки что-нибудь да значитъ. Она если и не красавица, то, все-таки же, красивѣе Таисы: одни ея волосы, цвѣта матоваго золота, чего стоятъ! А большіе сѣрые глаза съ длинными рѣсницами, а крупный свѣжій ротъ, а прекрасный цвѣтъ лица? Миша Карелиновъ, другъ ея дѣтства, развѣ не говорилъ, когда она стала уже взрослой барышней, что она изумительно плачетъ, и что по тому, какъ женщина плачетъ, можно ее разгадать. Которая плачетъ жалостно — та женственна, капризно — съ темпераментомъ, вульгарно—мѣщанка. А Таиса еще въ гимназіи плакала какъ мѣщанка — съ завываньемъ и выкриками, и при этомъ ея тонкій носъ краснѣлъ и распухалъ. А она, Ирина, плакала всегда поэтично, какъ миѳологическая „фея ручья“.

Ну, такъ вотъ. Ей нечего опасаться соперничества съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ Таисой.

Правда, вначалѣ у нея съ мужемъ были сцены, и порой довольно крупныя, и всегда изъ-за пустяковъ; такой ужъ былъ у нея вздорный характеръ; но былъ виноватъ и онъ, потому что не умѣлъ прервать сцену съ самаго начала, а точно ему доставляло удовольствіе развивать ее до конца.

Но прошли года, прошли и сцены.

Во всякомъ случаѣ, она никогда не была злой и взбалмошной женщиной; а вотъ Таиса—злая несомнѣнно; злая уже потому, что некрасивая, а это всѣмъ извѣстно, что некрасивыя женщины—злы; злая и потому, что никогда не любила, никогда не могла ни съ кѣмъ ужиться и еще въ гимназіи была одна въ вѣчной ссорѣ со всѣмъ классомъ.

Такъ неужели же Владиміръ когда-нибудь промѣняетъ ее на Таису?

Какой вздоръ! И съ какой только стати эти нелѣпыя мысли лѣзутъ ей сегодня въ голову?

III.

Ирина Львовна спокойно принялась за чтеніе.

Борромейскіе острова, въ описаніи талантливаго автора, встали въ ея воображеніи какъ на яву, съ ихъ удушливымъ и густымъ запахомъ розъ и лилій.

И какъ разъ въ то время, какъ она только-что успѣла забыться на поэтическомъ описаніи любви дикарки-цвѣточницы, сухой смѣхъ Таисы, раздавшійся изъ гостиной, вырвалъ ее изъ этого очарованія.

Что-то тяжелымъ камнемъ легло ей на сердце.

Почему? Вѣдь рѣшительно ничего особеннаго не произошло въ этотъ день,—повторяла она себѣ это въ сотый разъ.

Все то же, что̀ и было.

Она знаетъ, что Владиміръ ухаживаетъ за Таисой, и она ничего не имѣетъ противъ этого.

Даже поощряетъ.

Такъ въ чемъ же, наконецъ, дѣло?

И мало-по-малу, она стала анализировать свои чувства.

Дѣло въ томъ, что скромная Таиса, въ послѣднее время, „обнаглѣла". Да, да, другого слова она подыскать не можетъ; слово грубое, противное, но отлично рисующее отношенія Таисы къ ней; а когда женщина наглѣетъ въ глазахъ своей подруги, это значитъ, что она чувствуетъ свою силу, что она имѣетъ несомнѣнную власть надъ мужемъ подруги, что она опьянена своимъ успѣхомъ.

Ирина Львовна даже простила бы Таисѣ, еслибы та чувствовала себя виноватой передъ нею, выказывала бы ей покорность и уваженіе, сознавая свою вину передъ нею; но такого отношенія она простить не можетъ.

Именно это обстоятельство, какъ ей теперь стало ясно, и было причиной той душевной неловкости, которую она почувствовала.

Обѣдъ прошелъ вяло.

Японскіе глазки Таисы какъ-то особенно торжественно горѣли; Иринѣ Львовнѣ даже конфузно было смотрѣть на нее.

Лицо ея мужа было тоже возбуждено, и онъ почти не могъ скрыть своего восторга при взглядѣ на Таису съ ея землистымъ цвѣтомъ лица и тонкими, поджатыми губами.

На Ирину Львовну Владиміръ Викторовичъ не обращалъ никакого вниманія, и когда, случалось, взглядывалъ на нее, то словно бы на пустое мѣсто, и глазъ его не фиксировалъ предмета.

По привычкѣ, механически, онъ обращался иногда къ женѣ, предлагая что-нибудь, передавая соусникъ или вилку; поднялъ даже упавшую съ ея колѣнъ салфетку и вообще былъ вѣжливъ; но онъ походилъ на пароходное колесо, которое по инерціи бьетъ по воздуху, не касаясь воды, когда пароходъ сядетъ на перекаты.

Зато къ Таисѣ Владиміръ Викторовичъ былъ приторно нѣженъ.

Таисѣ показалось холодно, и онъ кинулся со всѣхъ ногъ въ переднюю, схватилъ съ вѣшалки мѣховую накидку жены и такъ тщательно окуталъ ею эфемерныя плечи Таисы, что Ирина почувствовала легкую тошноту, а ужъ когда онъ принялся безконечно долго возиться около Таисина остраго подбородка, яко бы застегивая крючокъ накидки, въ чемъ не было уже рѣшительно никакой необходимости, потому что не на площади же, въ самомъ дѣлѣ, они обѣдали, то Ирина почувствовала головокруженіе.

Продѣлавъ всѣ манипуляціи съ накидкой, Владиміръ Викторовичъ принялся накладывать Таисѣ на тарелку лучшіе куски и нарѣзывать ей птицу, точно ребенку.

Это уже было просто глупо и достаточно пошло.

Но еще глупѣе жеманилась Таиса, что̀ рѣшительно не шло къ ней, потому что она вообще совершенно не умѣла кокетничать.

Володя сидѣлъ молча, съ видомъ наблюдателя.

Его чуткая дѣтская душа словно угадывала, что между его родителями и этой чужой тетей происходитъ нѣчто неладное, и онъ съ инстинктивнымъ укоромъ смотрѣлъ на непривычно суетившагося родителя и съ огорченіемъ — на свою подавленную и встревоженную мать.

„Дѣло зашло дальше, чѣмъ я думала“,—промелькнуло въ сознаніи Ирины Львовны.

„Какъ жаль, что она не поѣдетъ послѣ обѣда къ Екатеринѣ Васильевнѣ. Тетка такъ любитъ ее, а она перестала къ ней ѣздить“,—подумалъ Владиміръ Викторовичъ.

— Ты не поѣдешь къ тетѣ сегодня? — не удержавшись, спросилъ онъ жену.

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтила Ирина.

— Ты, кажется, давно не была у нея?—не замѣчая ея тона, продолжалъ онъ.

— А что, развѣ ты бы хотѣлъ къ ней поѣхать?—саркастически спросила она.

— Я? Съ чего ты взяла? Ты отлично знаешь, что она меня терпѣть не можетъ...

— Этого я не знаю. Она отдаетъ тебѣ должное.

— Merci,—криво усмѣхнувшись, сказалъ онъ.

— Да въ чемъ дѣло?—раздраженно спросила Ирина Львовна:—ты хочешь, чтобы я уѣхала изъ дому? Я удивляюсь твоей безтактности. Таиса только-что заявила передъ обѣдомъ, что собралась у насъ провести вечеръ...

— О, если все дѣло во мнѣ,—сказала Таиса Николаевна,—то ты напрасно обо мнѣ безпокоишься. Ты можешь ѣхать. Пожалуйста, поѣзжай, не стѣсняйся изъ-за меня. Я могу пріѣхать къ вамъ въ другой разъ или посидѣть вдвоемъ съ Владиміромъ Викторовичемъ, пока ты вернешься.

„Они оба съ ума сошли",—подумала Ирина Львовна.

— Оставьте, пожалуйста, меня дома, — сказала она повышеннымъ тономъ, еле сдерживая себя.—Я никому не мѣшаю, никого не стѣсняю и не люблю, чтобы стѣсняли меня, распоряжаясь моимъ временемъ.

— Не уѣзжай, мама! — застоналъ жалобно Володя. — Мы пойдемъ къ тебѣ, и я тебѣ дочитаю норвежскую сказку.

— Отлично, милый. Я никуда не уѣду,—рѣшительно сказала она и взглянула исподлобья на мужа и Таису.

Владиміръ Викторовичъ вздернулъ плечами; Таиса Николаевна выпила залпомъ стаканъ шато-икема.

Водворилось неловкое молчаніе.

Обѣдъ кончился въ этомъ удручающемъ молчаніи, въ которомъ какъ будто назрѣвало ядро грядущихъ грозныхъ событій.

— Таиса, посиди съ Владиміромъ, если вамъ не будетъ вдвоемъ очень скучно, пока я займусь съ Володей и уложу его спать. Потомъ я приду къ вамъ, — быстро проговорила Ирина послѣ обѣда,—и нельзя было разобрать, говоритъ ли она искренно, или иронически.

Еще быстрѣе она ушла къ себѣ въ будуаръ.

Было много во всемъ этомъ страннаго и ненормальнаго; но когда дружная семья начинаетъ разлагаться, когда филоксера брака—посторонняя любовь—нападаетъ на супружескія лозы,

никто какъ бы не замѣчаетъ этой ненормальности, этой деформаціи отношеній.

Володя читалъ норвежскую сказку, а Ирина Львовна дѣлала видъ, что ее слушала, и даже нерѣдка поправляла неправильное произношеніе сына; но изъ будуара ей виднѣлся уголъ гостиной, именно тотъ, въ которомъ пріютилась Таиса съ ея мужемъ.

Владиміръ Викторовичъ опять заботливо укуталъ Таису въ мѣхъ и еще заботливѣе подставилъ подъ ея ноги скамеечку.

„Я думаю, онъ бы охотнѣе самъ легъ подъ ея башмакъ, вмѣсто скамеечки",—съ озлобленіемъ подумала Ирина Львовна.

— Мама, ты не слушаешь!—огорченно проговорилъ Володя.

— Слушаю, милый, слушаю.

— А что̀ я прочелъ?

— Ну, вотъ еще, экзаменовать вздумалъ!.. Читай дальше.

До ея слуха долетали отдѣльныя фразы, отрывки разговора. Говорили очень оживленно, очевидно забывъ о ней или, вѣрнѣе, радостно чувствуя ея отсутствіе; потомъ перешли въ другую комнату, и вскорѣ раздались звуки рояля.

Играла Таиса и—пресквверно играла.

У нея не было ни слуха, ни музыкальнаго туше́. Она не играла, а отбарабанивала, словно заученный урокъ, иногда фальшивя и не замѣчая этой фальши. Играла въ родѣ того, какъ читалъ Володя: монотонно, съ невѣрными удареніями и паузами.

Сама Ирина Львовна играла превосходно, будучи ученицей покойнаго Фанъ-Арка, и обладала музыкальнымъ слухомъ и музыкальнымъ вкусомъ. Она обожала музыку, но послѣдніе годы почти не играла, потому что Владиміръ Викторовичъ совершенно не любилъ музыки и запирался у себя, когда на нее находило музыкальное настроеніе.

— Я рѣшительно не понимаю этого искусства,—говорилъ онъ ей не разъ.—Въ картинѣ я вижу линіи и краски; въ романѣ я слышу опредѣленныя слова и мысли; въ скульптурѣ осязаю формы. Но что̀ такое музыка? Неопредѣленное, смутное, непонятное...

Ее огорчали эти слова.

Она глубоко понимала и высоко цѣнила это таинственное эмоціональное искусство и считала его частью міроваго духа, облеченнаго въ конкретныя формы, въ высшія формы для выраженія настроенія.

Но она не умѣла этого объяснить мужу, да и сама плохо понимала это, потому что обыкновенно плохо понимаешь разсудкомъ то, что̀ любишь сердцемъ.

Но почему же тогда онъ такъ нетерпѣливо слушаетъ игру — безсмысленную и бездарную — этой немузыкальной Таисы, весь репертуаръ который ограничивается двумя пьесками — „Alpenklänge", удивительной музыкальной банальщиной — и серенадой Шуберта, давно заигранной дилеттантами?

Володя читалъ норвежскую сказку уныло и монотонно.

Онъ всегда читалъ такъ, когда смутно чувствовалъ, что его не слушаютъ.

Таиса играла безъ конца серенаду Шуберта, безъ души, безъ выраженія.

И выходило нѣчто въ родѣ мелодекламаціи, отъ которой по тѣлу Ирины пробѣгали судороги.

И, страннымъ образомъ, эта мелодекламація норвежской сказки, подъ звуки Шубертовской серенады, вызывала въ воображеніи Ирины Львовны картину ея уже далекаго дѣтства.

Впрочемъ, музыкальные звуки всегда вызывали въ ея воображеніи образы и картины.

Представился ей господскій домъ въ усадьбѣ, гдѣ она жила дѣвочкой съ матерью-вдовой и теткой по отцу, Екатериной Васильевной.

Домъ былъ съ террасой и выходилъ въ старый, запущенный паркъ, въ которомъ стояли вѣковые дубы, были китайскіе павильоны, затянутый зелеными порослями прудъ, обшитый березовой корой мостикъ, и гдѣ по вечерамъ квакали и трещали лягушки.

Какіе были чудные вечера! Косые лучи заходящаго солнца, иногда нѣжно-розовые, иногда ярко-багровые, падали въ тотъ уголъ террасы, куда ее засаживали съ работой.

Изъ открытыхъ дверей, ведшихъ съ террасы въ домъ, раздавались звуки рояля — стараго рояля, не имѣвшаго нѣжнаго и полнаго тона нынѣшнихъ — и какіе, все-таки, звуки! Это играла ея мать, играла дивно хорошо, по внутреннему чутью, какъ истая музыкантша. И играла она все такія грустныя-грустныя вещи, отъ которыхъ больно сжималось сердце и хотѣлось плакать.

Ея мать не признавала другого репертуара.

Съ тѣхъ поръ какъ умеръ ея горячо любимый мужъ, отецъ Ирины, — котораго дѣвочка не помнила, — мать неустанно плакала и выплакала, казалось, всѣ слезы, отпущенныя на ея долю судьбой.

Но слезы не облегчили ея тяжелаго горя.

И когда душа ея стонала отъ боли, когда въ измученномъ сердцѣ ея зрѣлъ нарывъ, не находившій разрѣшенія, потому что

источникъ слезъ исчезъ, бѣдная женщина садилась за рояль, и звуки его замѣняли ей слезы.

И часто она говорила осиротѣвшей дѣвочкѣ, въ порывѣ безнадежнаго отчаянія:

— Ира, милая, бываетъ на свѣтѣ такое человѣческое горе, когда и самый глубокій вздохъ не въ силахъ облегчить омраченной души. Тогда есть одно средство—мелодія. Но если и музыка не облегчаетъ боли, тогда человѣку ничего не остается, какъ умереть.

И она умерла, оставивъ дочь на рукахъ у Екатерины Васильевны.

Ахъ, какъ дивно играла мать Ирины!

Развѣ это можно забыть, проживши даже долгую жизнь!

Дѣвочка сидѣла на террасѣ и слушала. Опускала на колѣни работу, и слезы падали сами собой, безъ всякой причины, на ея руки.

Иногда, вмѣстѣ съ нею, заслушивался музыкой и Миша Карелиновъ, который гостилъ, бывало, у нихъ студентомъ медико-хирургической академіи.

Онъ былъ сыномъ друга ея отца, и вся ея семья любила этого юношу, всегда бодраго, смѣлаго и сильнаго, оставшагося, послѣ разоренія отца, безъ куска хлѣба въ седьмомъ классѣ гимназіи и не растерявшагося, а съумѣвшаго уроками, переводными и корректурными работами просуществовать до полученія стипендіи въ академіи.

Вотъ на этой террасѣ и услыхала Ирина впервые серенаду Шуберта. И сколько было смысла, сколько выраженія, сколько чувства въ этой вещицѣ! Она сравнивала ее съ нѣжнымъ благоуханіемъ розъ, доносившихся съ клумбъ и куртинъ цвѣтника, окружавшаго ихъ домъ; съ нѣжнымъ мерцаніемъ серебряной луны на темномъ, почти черномъ фонѣ южнаго неба, усѣяннаго звѣздами; съ тихимъ журчаньемъ ручейка, черезъ который перекинутъ березовый мостикъ, да мало ли еще съ чѣмъ...

И вотъ, эту же серенаду барабанитъ Таиса, мерзко, оскорбительно барабанитъ, и сердце Ирины сжимается отъ обидной досады, отъ мучительной боли.

„Такъ должно сжиматься сердце, когда въ твоемъ присутствіи какой-нибудь пьяный негодяй наноситъ физическое оскорбленіе любимому существу, и ты сознаешь свое полное безсиліе помочь этому существу".

Потомъ усадьбу и паркъ, и мостикъ, и прудъ и луну на темномъ звѣздномъ небѣ продали скупщику дворянскихъ помѣстій,

Горюнову, и этотъ скупщикъ устроилъ на мѣстѣ барскаго дома лѣсопильный заводъ. Лягушки убрались изъ зеленаго пруда, подкошенными пали великаны-дубы, сгнилъ и разрушился поэтическій березовый мостикъ; а вмѣсто нѣжныхъ, какъ ароматъ розъ, мелодій по бывшему парку раздавались окрики десятниковъ и приказчиковъ, да звуки топора, да визгъ пилы, да дикія ругательства новаго хозяина.

А такъ какъ усадьба была продана со всѣмъ инвентаремъ и мебелью, то и старое фортепіано, такъ дивно рыдавшее подъ тонкими пальцами вдовы-помѣщицы, попало, вѣроятно, въ семью скупщика, и его дочь,—если у него таковая есть,—можетъ быть до сихъ поръ играетъ на немъ „Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни!“ или „Стрѣлочка“.

И зачѣмъ Екатерина Васильевна, ея опекунша, продала эту усадьбу?

Чтобы купить домъ въ губернскомъ городѣ?

Домъ и сейчасъ стоитъ заколоченный и, вѣроятно, запущенный, въ этомъ городѣ, потому что Ирина вышла замужъ за петербургскаго архитектора, а Екатерина Васильевна не пожелала жить въ такой дали отъ нея и тоже переселилась въ Петербургъ.

Володя вдругъ пересталъ читать.

Ирина Львовна очнулась отъ нахлынувшихъ на нее воспоминаній, такъ властно завладѣвшихъ ею.

IV.

А серенада Шуберта все продолжалась.

Ирина Львовна разбудила Володю и отправила его спать.

Когда она вернулась въ будуаръ, серенада смѣнилась уже вторымъ репертуарнымъ нумеромъ—„Alpenklänge“.

Ирина досадливо пожала плечами и иронически улыбнулась.

— Безконечное „Alpenklänge“ теперь!—проговорила она.— И какъ ей не надоѣстъ! И какъ Владиміру это не надоѣстъ, ему, который моей игры не могъ переносить!..

Она сѣла въ низенькое кресло и принялась за работу.

„Какая тоска! Она можетъ съ ума свести своей музыкой“.

Объ Иринѣ, очевидно, забыли.

Прошло больше часа, никто не позвалъ ее, никто не пришелъ къ ней, никто ее не окликнулъ.

Она теперь совершенно лишній элементъ въ этомъ домѣ; такъ, какой-то неизбѣжный придатокъ, назойливо торчащій и никому, въ сущности, ненужный.

Она опустила работу на колѣни.

Звуки рояля вдругъ прекратились.

Ирина догадалась, что пришелъ курьеръ изъ департамента, для котораго что-то строилъ мужъ, и принесъ какія-нибудь бумаги.

Курьеръ часто приходитъ въ этотъ часъ. Значитъ, Владиміръ пойдетъ въ кабинетъ—онъ никогда не задерживаетъ курьера, —а Таиса явится къ ней; во-первыхъ, потому, что „не переноситъ и минуты одиночества“, а во-вторыхъ, изъ долга приличія.

Послышались легкіе шаги, и въ дверяхъ показалась тонкая фигурка Таисы.

— Ну что̀,—сказала она своимъ суховатымъ голосомъ,—наработалась?

— А ты—наигралась?

— До головокруженія. *Мы* нарочно не хотѣли мѣшать тебѣ во время исполненія тобою материнскихъ обязанностей. И ты, кажется, вообще ничего не имѣешь противъ одиночества?

— Рѣшительно ничего. А я не знала, что ты такая музыкантша.

Таиса внимательно посмотрѣла на подругу, стараясь угадать, не насмѣшка ли звучитъ въ ея словахъ.

— Я не люблю музыки,—наконецъ, сказала Таиса.—Она на меня не производитъ никакого впечатлѣнія, даже не разстроиваетъ нервы.

— Но, можетъ быть, настроиваетъ?

— Нѣтъ, ничего. Я рѣшительно ничего не чувствую, когда играю.

— Такъ зачѣмъ же ты играешь?

— Я играла для удовольствія Владиміра Викторовича.

Ирина Львовна съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Для удовольствія Владиміра? Но онъ терпѣть не можетъ музыки,—засмѣялась она.

— Онъ не любилъ ея, онъ мнѣ самъ сказалъ. Но теперь, по его словамъ, онъ начинаетъ понимать ее.

— А... неужели?

— Да. И онъ говоритъ, что моя игра ему очень нравится.

Ирина Львовна едва удержалась, чтобы не разсмѣяться.

— Что̀ же онъ находитъ въ твоей игрѣ? — серьезно спросила она.

— Онъ говоритъ, что моя музыка переноситъ его въ міръ грёзъ, въ то царство, которое ему было до сихъ поръ недоступно.

— Какъ онъ сталъ поэтично выражаться!—закусивъ губы, проговорила Ирина Львовна:—„и какъ ты глупа или нагла, а можетъ быть, то и другое вмѣстѣ, что повторяешь его глупости мнѣ въ лицо!“—закончила она мысленно.

Ирина Львовна встала, чтобы положить на мѣсто работу.

Она подошла къ окну.

Теперь на улицахъ было темно, туманно, сыро. Валилъ хлопьями густой снѣгъ, фонари тускло свѣтили въ тщетной борьбѣ побѣдить тьму зимней петербургской ночи.

Ни одной звѣзды на небѣ. Все смѣшалось въ какую-то темно-сѣрую мглу, а бѣлая занавѣсь мокраго снѣга безнадежно-медленно спускалась съ того мѣста, на которомъ предполагалось небо.

Недолго же простояли яркіе солнечные дни и ясныя морозныя ночи. Опять начнется сырость, распутица, пронизывающій вѣтеръ, оттепель, слякоть. Опять нужно будетъ сидѣть недѣлями дома и думать, думать безъ конца свои тяжелыя думы.

И ей вдругъ стало такъ горько, такъ обидно...

Зачѣмъ свѣтлый день смѣняется такой угрюмой ночью? Зачѣмъ идетъ мокрый снѣгъ? Зачѣмъ въ спокойную, ровную, тихую жизнь врывается вдругъ такое существо, какъ эта Таиса, и покрываетъ грязью все, что было хорошаго въ ея жизни? Таиса похожа на этотъ мокрый снѣгъ, являющійся неизвѣстно откуда, покрывающій собою крыши и улицы, немедленно превращающійся въ грязь и придающій такой безнадежно-унылый видъ городу.

Ирина отошла отъ окна, и тяжкій вздохъ вырвался изъ ея груди.

Теперь она уже несомнѣнно ощутила тотъ безпорядокъ на душѣ, который давалъ ей себя чувствовать съ утра.

И она поняла теперь, въ чемъ было дѣло.

— Что ты такъ нѣжно вздыхаешь?—спросила ее Таиса.

— Такъ... скучно,—нехотя отвѣтила Ирина.—Неужели тебѣ не скучно?

— Мнѣ—нисколько.

— Не скучно жить? Не скучно каждый день ложиться и вставать, одѣваться и раздѣваться, сидѣть дома и ѣздить въ гости, играть безъ конца „Alpenklänge“ и серенаду Шуберта, смотрѣть на эти отсырѣвшія улицы и дома?.. Что же ты мол-

чишь? Что ты на меня смотришь съ такимъ уничтожающимъ презрѣніемъ?

Таиса расхохоталась.

— Я? Съ уничтожающимъ презрѣніемъ? Ты бредишь, Ирина. Что̀ съ тобой? У тебя разстроены нервы? Несмотря на мое долгое пребываніе за границей, мнѣ здѣсь очень нравится.

— Давно?

Таиса Николаевна въ недоумѣніи похлопала глазами.

— Какъ—давно? Я не понимаю вопроса.

— Давно тебѣ здѣсь стало нравиться? — рѣзко повторила Ирина Львовна, чувствуя, какъ нервы ея расходятся, и едва сдерживая себя, чтобы не закричать.

— Да, съ нѣкоторыхъ поръ... Сначала мнѣ Петербургъ показался дикимъ, некультурнымъ городомъ, потомъ я постепенно втянулась. Въ немъ есть свои прелести...

— Я думаю,—съ прежней рѣзкостью прервала ее Ирина Львовна,—что ты просто хочешь подладиться подъ мнѣніе моего супруга. Онъ тоже безъ ума отъ Петербурга. Прежде ты съ нимъ даже спорила по этому поводу, когда недолюбливала Владиміра...

Таиса Николаевна сдѣлала протестующій жестъ.

— Да, да, не отпирайся. Какъ это ни странно, но было время, когда ты его недолюбливала,—усмѣхнулась Ирина Львовна, пожавъ плечами.—Ну, что̀ можетъ въ немъ нравиться? То-есть, въ Петербургѣ, конечно, а не въ Владимірѣ,—рѣзко засмѣялась она.—И въ особенности—тебѣ?

Таиса Николаевна вдругъ вспыхнула и на ея безкровномъ, сѣромъ лицѣ заигралъ румянецъ, который очень скрасилъ ее.

— Почему же, *въ особенности* мнѣ?—вызывающимъ тономъ спросила она.—Что̀ ты хочешь этимъ сказать? Говори яснѣе; я не люблю загадокъ и не умѣю ихъ разгадывать.

Ирина Львовна чуть-чуть смутилась.

— Ахъ, Таиса, какая ты стала подозрительная!—проговорила она.—Я хотѣла сказать только то, что̀ сказала. Тебѣ, заграничной жительницѣ, не можетъ нравиться такая сырая дыра, какъ эта большая деревня—Петербургъ.

— Отчего же нѣтъ? Послѣ Парижа здѣсь такъ тихо, такъ спокойно... Я бы хотѣла даже жить въ деревнѣ, гдѣ еще тише, еще спокойнѣе, гдѣ вѣчный покой.

— Вѣчный покой? Ты говоришь глупости, прости меня, Таиса. Вѣчный покой—это кладбище.

— И въ кладбищѣ есть своя поэзія.

Ирина Львовна насмѣшливо улыбнулась.

— Ты чему?—обидчивымъ голосомъ спросила ее Таиса Николаевна.

— Твоимъ словамъ.

— Что же въ нихъ смѣшного?

— Многое, Таиса. Все. И они тебѣ ужасно не идутъ. Не сердись на меня, но, прежде всего, въ нихъ нѣтъ искренности. Такъ говорятъ влюбленныя женщины въ поэтическую минуту свиданія съ предметомъ своей любви...

Ирина Львовна говорила отрывисто, зло, давая исходъ накипѣвшему, наболѣвшему чувству. Таиса Николаевна опять покраснѣла и черные глаза ея почти съ ненавистью уставились на подругу. Она хотѣла ей возразить, но Ирина Львовна не дала ей возможности сдѣлать это, и продолжала:

— Но здѣсь тебѣ не передъ кѣмъ обнаруживать поэзію твоей души... по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, потому что кромѣ меня никого здѣсь нѣтъ. И вѣдь ты еще сегодня говорила, что одиночество приводитъ тебя въ ужасъ, а теперь ты жаждешь покоя и даже вѣчнаго! Для чего все это? Пожалуй... —задумчиво прибавила она:—вѣчный покой вещь заманчивая для тѣхъ, кому надоѣла жизнь. Развѣ тебѣ надоѣла жизнь, Таиса?—снова переходя въ вызывающій тонъ, спросила она.

Таиса пребывала въ лирическомъ настроеніи.

При послѣднихъ словахъ Ирины, она какъ-то непроизвольно вздрогнула.

— Ты знаешь мою жизнь, Ирина,—искренно вырвалось у нея.—Къ чему дотрогиваться до наболѣвшихъ ранъ? Это—невеликодушно, и я не считала тебя такой злой.

Этотъ искренній тонъ, этотъ упавшій голосъ и убитое выраженіе лица сразу и внезапно подѣйствовали на порывистую и добрую душу Ирины Львовны.

Она подошла къ Таисѣ и обняла ее.

— Прости меня!—смущенно проговорила она.—Я не хотѣла сказать ничего обиднаго. Такъ, сорвалось съ языка. Не сердись. Не сердишься? Ну, скажи, не сердишься?

Таиса Николаевна настойчиво высвободилась изъ ея объятій.

— Если это тебѣ почему-нибудь важно,—сказала она,—нѣтъ, не сержусь. Мнѣ вѣдь не привыкать къ этому! Напротивъ, я тебѣ очень благодарна...

— За что?—съ удивленіемъ спросила Ирина Львовна.

— За все. За вниманіе, за то, что принимаешь меня, за то, что не погнушалась моимъ обществомъ.

Ирина Львовна горячо вскрикнула:

— Таиса!

— Ахъ, оставь, пожалуйста!—со злобой и ненавистью заговорила Таиса Николаевна.—Какъ будто я не знаю? Я вѣдь не такъ глупа, какъ всѣ вы, можетъ быть, думаете. Я все отлично вижу и понимаю; даже вижу больше, чѣмъ хотятъ показать. Когда я вернулась изъ-за границы, осенью, меня въ Петербургѣ никто не принялъ. Зарѣцкая, та самая Женя Зарѣцкая, которая у меня живала мѣсяцами, которую я кормила и поила и платья свои отдавала ей донашивать, и та выслала сказать, что ея дома нѣтъ. А я ее сама видѣла въ гостиной. Но она теперь, видишь ли, вышла замужъ за директора правленія какого-то акціонернаго общества или что-то въ этомъ родѣ, и изъ бѣдной сироты-безприданницы превратилась въ богатую барыню. И всѣ, и всѣ вы! То-есть всѣ, кромѣ развѣ тебя... Э! да не стоитъ, право, объ этомъ говорить. Взгляни на мои волосы, вотъ здѣсь, видишь? Какъ я рано посѣдѣла...

Ирина Львовна взглянула. Въ темныхъ волосахъ Таисы была прядь сѣдыхъ волосъ.

— Что-жъ такое!—спокойно сказала Ирина Львовна.—Ты брюнетка, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Брюнетки рано сѣдѣютъ. И хочешь знать правду? Тебѣ эта прядь даже идетъ. И ты это сама знаешь.

— Почему?

— Иначе бы ты выкрасила ее или какъ-нибудь скрыла волосами. Но я не понимаю, почему ты такъ близко приняла къ сердцу глупую выходку такой глупой бабенки, какъ наша Женя...

— Она совсѣмъ не такъ глупа, какъ ты говоришь.

V.

Иринѣ Львовнѣ захотѣлось успокоить, утѣшить обиженную подругу. Несмотря на то, что она сама, съ сегодняшняго дня, считала себя глубоко обиженною Таисой, ей захотѣлось разогнать ея дурное расположеніе духа.

— Съ этимъ позволь не согласиться,—возразила она на послѣднія слова Таисы Николаевны.—Ты представить себѣ не можешь, какъ она глупа. Она была у меня прошлой весной. Говоритъ по-французски. Une visite d'adieu. Они съ мужемъ уѣзжаютъ *къ себѣ* въ деревню—„кто же ѣздитъ лѣтомъ за границу"! За границу они поѣдутъ осенью—ея мужъ приглашенъ

на охоту чуть не самимъ президентомъ французской республики въ Рамбулье́. Потомъ они поѣдутъ на какой-то конгрессъ анонимныхъ капиталистовъ въ Бельгію. Или что-то въ этомъ родѣ, какъ ты говоришь, можетъ быть и я путаю. Экипажъ—у нихъ собственныя лошади—они выписали изъ Вѣны. Я ей и говорю—вру, конечно,—а я изъ Парижа; вѣнскіе экипажи выходятъ изъ моды. Она даже поблѣднѣла. „Неужели?"—Въ самомъ дѣлѣ!—„Ну, я скажу мужу, чтобы выписалъ изъ Парижа. Платья-то я давно уже выписываю изъ Парижа,—знаете, отъ Лаферьера". А я ей говорю:—А я отъ Редферна. А мой Редфернъ живетъ на Владимірской и зовутъ его Марьей Ефимовной.

Таиса засмѣялась, а Ирина очень обрадовалась, что ей удалось развеселить подругу.

— А какъ ты думаешь провести лѣто?—спросила Ирину Таиса.

— Я рѣшила поѣхать на родину. У меня тамъ, въ нашемъ губернскомъ городѣ, есть домъ. Хочу посмотрѣть его и продать. Онъ, должно быть, въ запущеніи. Но домъ хорошій, почти за городомъ, и при немъ большой садъ.

— И Владиміръ Викторовичъ—съ тобой?—съ плохо скрытымъ жгучимъ любопытствомъ спросила Таиса Николаевна.

Ирина насмѣшливо взглянула на нее и снова вселившееся въ нее съ утра недоброе чувство овладѣло ею.

— Да, конечно,—сказала она.—Хотя онъ терпѣть не можетъ провинціи.

— И онъ послушается? Поѣдетъ?

Ирина, съ наивной гордостью, желая подзадорить подругу, сказала:

— Онъ меня всегда слущается.

И она увидѣла, какъ Таиса закусила губы.

— А?—проговорила Таиса, высоко поднявъ свои тонкія черныя брови.—Это трогательно. У васъ полное согласіе душъ, значитъ?

Ирина тяжело вздохнула.

— Да, полное,—уставшимъ голосомъ сказала она, потому что ей вдругъ стало трудно играть эту комедію.

Таиса недовѣрчиво улыбнулась.

— Почему же ты вздыхаешь? Развъ ты счастлива...

— Нѣтъ, Таиса,—серьезно сказала Ирина Львовна:—я не могу сказать, что я счастлива.

— Вотъ какъ!—живо проговорила Таиса Николаевна.—Ты сама себѣ противорѣчишь.

— Нисколько. Я говорю правду. До сихъ поръ у насъ было согласіе душъ, какъ ты выражаешься...

— А теперь?

— А теперь его нѣтъ. Впрочемъ, я сама не знаю, что̀ теперь есть и что̀ творится у насъ. Владиміръ—человѣкъ очень воспитанный, очень корректный, можетъ быть, даже сердечный... но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ появилось что-то, что̀ мнѣ не по душѣ.

— Что̀ это?

— Что̀ именно—я и сама не знаю. Онъ, кажется, все еще меня любитъ и даже балуетъ иногда... и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ холоденъ.

— Какъ бутылка замороженнаго шампанскаго?

— Ну, вотъ видишь! И ты это находишь... А ты его въ послѣднее время близко узнала.

Таиса Николаевна опять вспыхнула.

— Я? Что̀ это значитъ? Ты на что-то намекаешь?—взволнованно спросила она.

— Не волнуйся, пожалуйста. Отчего не сказать того, что̀ есть?..

Таиса Николаевна рѣзко, непріятно, дѣланно засмѣялась.

— Ты ревнуешь?

Ирина Львовна сразу встала, точно ударъ бича коснулся ея.

— Я ревную?—гордо, отчетливо повторила она.—Какая смѣшная идея!

— Почему же смѣшная?—раздраженнымъ тономъ спросила Таиса Николаевна.

— Потому смѣшная, что смѣшно ревновать человѣка, съ которымъ прожила десять лѣтъ,—горячо заговорила Ирина Львовна,—потому, что у насъ есть связь въ лицѣ сына, потому еще, что я не считаю себя ниже другихъ женщинъ, и потому, наконецъ, что я все допускаю—разрывъ, разводъ въ случаѣ необходимости, все, понимаешь—все: ненависть, охлажденіе, презрѣніе, но не допускаю одного—ревности. Все равно какъ ты—жалости.

— Почему?—спокойно-ледянымъ тономъ спросила опять Таиса Николаевна, но миніатюрная ножка ея, въ лакированной туфлѣ и ажурныхъ черныхъ чулкахъ, нервно забила по ковру.

— Ревность я допускаю между любовниками,—рѣзко отвѣтила Ирина Львовна,—но не между мужемъ и женой.

— Странный взглядъ!—съ сверкающими глазами сказала Таиса Николаевна.

— Ничуть!

— Какая же разница?

— Огромная. Любовники могутъ быть неувѣрены другъ въ другѣ, потому что оба гонятся за счастьемъ, за прочнымъ счастьемъ, которое у нихъ еще впереди, до котораго надо еще добѣжать, которое надо поймать, закрѣпить, завоевать. Тутъ малѣйшій шагъ важенъ, малѣйшая ошибка, увлеченіе въ сторону имѣетъ значеніе. Оба еще не знаютъ другъ друга, не увѣрены другъ въ другѣ, потому что страсть—не любовь.

— Ты говоришь какъ книга!—съ ироніей сказала Таиса Николаевна; но Ирину Львовну уже трудно было остановить.

— Ну, что-жъ! Ты, которая не любишь читать, хоть послушай. Супружеская любовь—уже завоеванное, исполненное, достигнутое. Супруги пережили страсть, и она уже превратилась въ любовь. А гдѣ есть любовь, тамъ есть и взаимное уваженіе, сила привычки, довѣріе другъ къ другу, множество годами образующихся связей и нитей, о которыхъ въ спокойныя минуты даже не подозрѣваешь. Тутъ нѣтъ мѣста ревности и не можетъ быть.

— Какой вздоръ, прости меня!

— Почему вздоръ?—съ горящими глазами и волнующейся грудью спросила Ирина Львовна.

— Удивительный вздоръ. Развѣ бракъ—вѣчное? Развѣ мы мало видимъ несчастныхъ браковъ? Развѣ мужья не измѣняютъ женамъ, а жены—мужьямъ?

— Бракъ—не вѣчное, это правда. И супруги измѣняютъ другъ другу—это тоже правда. Горькая, но правда. Но измѣнившаго мнѣ мужа, прожившаго со мной десять лѣтъ, отца моего ребенка—я ревновать не стану. Я буду его просто презирать, потому что буду смотрѣть на его увлеченіе какъ на распущенность. У такого человѣка нѣтъ силы воли, нѣтъ способности взять себя въ руки, и такого человѣка нельзя ревновать, но можно презирать. По моему, съ измѣнившимъ мужемъ не можетъ быть примиренія, а только разрывъ, совершенный, окончательный... А ты говоришь о ревности! Къ кому я его должна ревновать?—подходя къ Таисѣ Николаевнѣ и смотря ей прямо въ глаза, спросила она.—Къ тебѣ?

Таиса Николаевна выдержала ея взглядъ. Ея злобная душа волновалась и кипѣла.

Въ вопросѣ Ирины, сказанномъ такимъ простымъ, естественнымъ тономъ, было столько чувствовавшагося презрѣнія, столько неуваженія, что кровь ударила въ голову Таисѣ.

— Ко мнѣ? Отчего нѣтъ?—сказала она, и торжествующая улыбка легла на ея еще больше поблѣднѣвшее лицо. Кровь, прихлынувшая къ ея щекамъ, уже отлила, и теперь на ея безкровномъ лицѣ, какъ два угля, злобно сверкали глаза.—Отчего нѣтъ?—повторила она съ вызовомъ въ голосѣ, какъ бы желая все поставить на одну карту.—Я некрасива, ты хочешь сказать? Я не умна? Но развѣ мужчинѣ все это нужно? Развѣ мы не видимъ мужчинъ, бросающихъ красавицъ-женъ ради уродовъ, неизвѣстно чѣмъ привлекшихъ ихъ? Но, прости меня, Ирина, ты—не такая ужъ красавица, и я, право, не такой ужъ неестественный уродъ.

— Слѣдовательно?... — скрестивъ на груди руки, спросила Ирина Львовна.

— Слѣдовательно, ничего невѣроятнаго не было бы въ томъ, еслибы твой мужъ влюбился въ меня.

— И ты хочешь этимъ сказать?..

— Ахъ, да ничего я не хочу сказать! Оставимъ этотъ нелѣпый разговоръ, пожалуйста.

— Нѣтъ, нѣтъ, разговоръ очень интересный. Я его не оставлю. Итакъ, мой мужъ любитъ тебя?—вся дрожа внутренней дрожью, проговорила Ирина.

Таиса Николаевна поняла, что зашла слишкомъ далеко, и начала отступленіе.

— Да ничего подобнаго я не говорила!—возразила она съ гнѣвомъ.—Отстань отъ меня, ради Бога. Ты нездорова или разстроена. Что твой мужъ ухаживаетъ немного за мною, это вѣрно. Но отсюда до любви... Ахъ, да бросимъ, ради Бога, этотъ глупый и пошлый разговоръ! И вообще, успокойся: твой мужъ никого любить не можетъ! Ни меня, ни другую, ни даже... тебя.

— Что̀ ты говоришь, Таиса? Это, право, черезчуръ!

— Я говорю не больше того, что̀ ты мнѣ говоришь.

— Ты такъ увѣрена, что онъ меня не любитъ?

— Увѣрена.

— Потрудись объяснить.

— О, пожалуйста, безъ этого повелительнаго тона. Я въ этомъ невиновата и, вообще, никого не боюсь. И я вовсе не имѣю желанія съ тобой ссориться. Ты—моя старая подруга, и я очень цѣню дружескія отношенія. Если я это сказала, то такъ, просто, теоретически.

— Но у тебя были же какія-нибудь основанія?

— Само собой.

— Какія же? Скажи.

— Ты упряма какъ капризный ребенокъ.

— Пускай, а ты, все-таки, скажи.

Обѣ теперь уже успокоились и обѣ сѣли въ прежнихъ позахъ на свои мѣста.

Ирина Львовна была еще красная отъ пережитого волненія, Таиса Николаевна, какъ всегда—сѣро-блѣдная. Разгорѣвшіяся-было на одну минуту страсти какъ-то разомъ упали.

Таиса Николаевна спокойно сказала:

— Вѣдь это только мое предположеніе. Ты знаешь, я не читаю ученыхъ трактатовъ и психологіей не занимаюсь. Я легко могу ошибиться.

— Хорошо, хорошо; но думаешь же ты почему-нибудь, что онъ меня не любитъ?

— Да потому, что вы не пара. Развѣ ты сама этого не знаешь?

— То-есть, почему—не пара? Я не знаю.

— Онъ — ледъ, ты — огонь. Ледъ и огонь — естественные враги. Ты — нервная, капризная, подвижная; онъ — здоровый, разсудительный, спокойный. Онъ на тебя смотритъ какъ на ребенка.

— Это послѣ десяти лѣтъ супружества?!

— Ну, смотрѣлъ. И, можетъ быть, въ первое время ему еще не надоѣло возиться съ тобой и потакать твоимъ фантазіямъ... А теперь онъ всему на свѣтѣ предпочитаетъ покой...

— Какъ ты хорошо знаешь моего мужа!—насмѣшливымъ голосомъ сказала Ирина Львовна. — Человѣкъ, который ищетъ покоя, не станетъ ухаживать за чужой женщиной,—а вѣдь ты сама призналась, что онъ ухаживаетъ за тобой.

— Что жъ такое! Покой—не схимничество. Потому и ухаживаетъ, что это покойно и удобно, тутъ же въ комнатѣ,—ему стоитъ только перейти изъ кабинета въ гостиную.

Она засмѣялась звонко, искусственно-весело, желая разсѣять послѣднее непріятное впечатлѣтніе, которое могло остаться на душѣ Ирины и запереть ей двери ея квартиры.

— Нѣтъ, что̀ хочешь, а Владиміръ Викторовичъ не похожъ на героя романа!—проговорила она сквозь смѣхъ.—По крайней мѣрѣ, на героя *моего* романа.

„Скажите, какія несоразмѣрныя претензіи!“—подумала Ирина Львовна, словно обижаясь за своего мужа и удивляясь самомнѣнію Таисы.—Ты такъ себя высоко цѣнишь?—не удержалась Ирина Львовна.

— Во всякомъ случаѣ выше, чѣмъ ты меня...

VI.

Длинный и тоскливый зимній вечеръ.

Въ квартирѣ Загоровскихъ—тупое безмолвіе; Володя и прислуга спятъ; гдѣ-то за стѣной, въ сосѣдней квартирѣ, глухо раздаются звуки рояля, прекрасные звуки Шопеновскаго „Этюда" въ темпѣ быстраго allegro; играетъ, очевидно, консерваторка, играетъ съ оттѣнками, съ чувствомъ.

Ирина Львовна сразу узнаетъ эту чудную вещь, потому что сама ее часто играла, когда мужъ любилъ ее и дѣлалъ видъ, что любитъ и музыку.

Потомъ за стѣной раздается унылая элегія Грига. Отъ нея вѣетъ холодомъ и грустью темной норвежской ночи. Звуки словно стынутъ въ морозномъ воздухѣ, стремясь вверхъ, къ звѣздамъ на ясномъ и прозрачномъ сѣверномъ небѣ.

И эту вещь когда-то играла Ирина Львовна, и играла не хуже этой консерваторки, и мужъ дѣлалъ видъ, что понимаетъ Григовскую музыку и восторгается ею, наравнѣ съ исполнительницей.

Давно это было!..

Тогда онъ любилъ все, что̀ она любила; теперь онъ иронически относится ко всему, что̀ она любитъ. Грустно это; грустно, что такъ нелѣпо складывается жизнь; что не люди руководятъ жизнью, а жизнь — людьми; грустно, что прошлое не возвращается, что надъ человѣкомъ царитъ трагизмъ безволія, не дающій ему возможности твердо вооружиться противъ соблазна; что соблазнъ является особенно интенсивнымъ въ русской культурной жизни, потому что въ этой жизни господствуетъ мертвящая душу тоска; потому что человѣкъ отрѣшенъ отъ дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, а обреченъ копошиться въ своихъ служебныхъ, частныхъ и семейныхъ дѣлахъ; по неволѣ кругозоръ его съуживается, избытокъ силъ не находитъ примѣненія и расходуется непроизводительно.

Скука жизни внѣдряется въ существованіе мужчины; семейный очагъ не удовлетворяетъ его больше; монотонная служба претитъ ему, какъ всегда претитъ исполнительная, а не созидательная работа.

И человѣкъ начинаетъ искать отвлекающихъ средствъ... и находитъ ихъ въ лицѣ какой-нибудь бабенки, которая случайно приглянулась ему, въ извѣстный моментъ, больше жены.

Начинается романъ,—не романъ во французскомъ духѣ, игри-

вый, пустой и легкій, съ короткими свиданіями въ какомъ-нибудь garçonnière'ѣ, скоро возникающій и еще скорѣе кончающійся, а романъ въ русскомъ духѣ, гдѣ все серьезно, трагично и печально; романъ, въ которомъ играетъ бóльшую роль протестъ противъ шаблона жизни, вызовъ буржуазному общественному мнѣнію, романъ „на зло" тѣмъ тискамъ, которые обычай установилъ въ формѣ неразрывнаго или, по крайней мѣрѣ, трудно разрываемаго брака.

Этотъ бракъ не удовлетворяетъ больше людей. Какъ все, что̀ налагаетъ тяжелыя цѣпи, онъ становится невыносимъ, не столько даже отъ самой тяжести цѣпей, сколько отъ тяжелаго сознанія, что ихъ носишь. Еслибы русскій мужчина имѣлъ возможность играть политическую и общественную роль въ своей странѣ, онъ былъ бы болѣе убѣжденнымъ семьяниномъ, потому что у него было бы больше настоящаго, живого дѣла и меньше времени, котораго некуда дѣвать, и силъ, которыя некуда расходовать.

Адюльтеръ въ русской жизни играетъ роль тяжелаго опьяненія, страстнаго порыва, дающаго возможность уйти отъ монотонной и скучной дѣйствительности жизни.

Такъ думала Ирина Львовна, прислушиваясь къ звукамъ за стѣной, которые одни нарушали тяжелое безмолвіе квартиры.

Гулко пробили въ это время часы въ столовой, медленнымъ, густымъ боемъ.

Она очнулась.

На улицѣ возилась метель и вьюга; въ трубѣ жалобно и уныло завывалъ вѣтеръ, какъ будто въ ней была заключена тоскующая по волѣ чья-то душа. Гдѣ-то заскреблась мышь. Фонари на улицѣ горѣли тускло, и пламя ихъ, колеблемое вѣтромъ, то разгоралось, то готово было погаснуть, и вздрагивало, словно отъ невыносимой боли. Тяжелыя тучи мчались по ясному небу на перегонки, догоняя другъ друга, наскакивая одна на другую, сбиваясь въ кучи, и мелкій, острый, морозный снѣгъ косо билъ въ окна, изъ которыхъ въ комнаты проникали, казалось, ледяныя струйки.

Жутко и неуютно было на улицѣ; тихо и скучно было въ комнатѣ; темно и безпорядочно—на душѣ.

Вотъ мужъ Ирины Львовны сидитъ угрюмый на диванѣ, заложивъ нога на ногу и обнявъ колѣни руками; это его всегдашняя поза, когда онъ чѣмъ-нибудь разстроенъ.

Думая о немъ, она не называетъ его теперь иначе какъ „мужемъ"; прежде она называла его въ своихъ думахъ Воло-

дей, Волей, Владиміромъ; но теперь ей кажутся эти имена неудобными; она избѣгаетъ даже мысленно произносить ихъ, а въ разговорѣ съ нимъ не употребляетъ ихъ вовсе, стараясь обойтись безличной формой.

Она искоса поглядываетъ на него.

Удивительно, какимъ чужимъ сталъ онъ ей теперь! Словно сидитъ въ ея будуарѣ не Володя, не мужъ, а посторонній мужчина, угрюмый и мрачный какъ преступникъ.

Теперь ему за сорокъ лѣтъ. Она смотритъ на его сѣдую почти голову, на его утомленные красивые глаза, на его ротъ, удивительно постарѣвшій за послѣднее время и утерявшій свѣжесть, на его закрученные кверху усы, взъерошенные на концахъ, на его остроконечную бородку, на его согнувшуюся фигуру и, наконецъ, на тотъ огонекъ счастья, который свѣтится, какъ сквозь туманную дымку, въ глубинѣ его утомленнаго взора.

На высокомъ лбу его легли новыя морщины, и мелкія морщинки окружаютъ его темные глаза. Да, онъ ужъ не молодъ; русскіе мужчины старѣютъ рано, старѣютъ физически и духовно. И онъ, мужъ ея, быстро постарѣлъ, какъ-то сразу, за одну эту зиму.

Да, несомнѣнно, онъ влюбленъ. Это какъ-то грустно и смѣшно въ его солидномъ возрастѣ; это какъ-то принижаетъ его — по крайней мѣрѣ въ ея глазахъ. Онъ дѣлается ей „жалкимъ“, и она чувствуетъ, какъ эта не жалость, а „жалкость“,—если есть такое слово,—ростетъ въ ея оскорбленной душѣ и вытѣсняетъ изъ нея чувство любви къ нему, которое таетъ и словно испаряется.

У него было большое прошлое. Она это знала, когда выходила за него замужъ. Екатерина Васильевна всегда была противъ этого брака и недолюбливала Владиміра за его прошлое, которое самъ Владиміръ всегда горячо отрицалъ.

Въ его прошломъ было много увлеченій, по словамъ тети. Иринѣ были извѣстны эти увлеченія, съ ея же словъ. За границей онъ имѣлъ романъ съ женой одного русскаго профессора; профессоръ развелся съ женой ради него, но онъ скоро разошелся съ этой любившей его женщиной и оставилъ ее съ ребенкомъ на рукахъ. Она была съ самостоятельными средствами, и потому отказалась отъ всякихъ пособій съ его стороны и вернулась разводкой, съ ребенкомъ, къ родителямъ въ провинціальный городъ, гдѣ не легко ей было, конечно, жить въ такомъ положеніи.

У него былъ и другой романъ, съ драматической артисткой, когда онъ служилъ въ провинціи. Когда онъ разошелся съ нею, она преслѣдовала его письмами, грубыми, оскорбительными, рѣзкими, потомъ отравлялась, но спаслась; потомъ оставила его, наконецъ, въ покоѣ, и ей неизвѣстно, куда она исчезла.

Были у него и еще романы—съ свѣтской барыней въ Петербургѣ, которая назначала ему свиданія въ маскарадахъ и ловила его; съ танцовщицей, которая сама бросила его.

Однимъ словомъ, богатое прошлое. Тетя Екатерина Васильевна, съ обычной своей рѣзкостью шестидесяти-пяти-лѣтней умной старухи, называла его Романистъ Ферлакуровичъ и постоянно говорила, что не довѣряетъ ему.

Но все это было давно. И было ли еще? И если было, то въ такихъ ли размѣрахъ, какъ разсказываетъ тетя? Тогда онъ былъ молодъ, и многое у мужчинъ принято извинять молодостью. Даже выработаны на этотъ счетъ удобныя, якобы объясняющія и все извиняющія словечки: „ошибки молодости", „грѣхи молодости" и даже не грѣхи, а „грѣшки"—понѣжнѣе. А то еще—„быль молодцу не укора". Но еслибы такое богатое прошлое было у барышни, никто, даже самый „либеральный", по своимъ убѣжденіямъ человѣкъ не извинилъ бы такую дѣвицу удобнымъ словечкомъ „грѣшки молодости", а бросилъ бы въ нее камнемъ суроваго осужденія.

Теперь Владиміръ Викторовичъ—солидный архитекторъ на хорошей дорогѣ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ женился на Иринѣ Львовнѣ, онъ точно остепенился. Тетя Екатерина Васильевна не вѣрила въ это остепененіе. Она почему-то все назначала сроки.

— Вотъ, погоди, дай пройти три года,—говорила она.

— А посмотримъ, какъ-то онъ выдержитъ пять лѣтъ?

Но прошло три года, прошло и пять лѣтъ, прошло, наконецъ, и десять.

Ирина Львовна торжествовала; Екатерина Васильевна словно сердилась за неосуществленіе ея мрачныхъ предсказаній и все пророчествовала недоброе.

— Погоди радоваться-то,—говорила она племянницѣ.

— До какихъ же поръ ждать?—улыбаясь, спрашивала Ирина Львовна.

— А до перваго его кабріоля.

— Да когда же это будетъ?

— Этого, мать моя, не знаю. Я не Пиѳія на треножникѣ. А только подозрителенъ онъ мнѣ, твой муженекъ.

— Да чѣмъ же онъ подозрителенъ?

— А всѣмъ. Красивъ больно. До сорока съ хвостомъ прожилъ, а красивъ, это нечего сказать.

— Но въ этомъ-то онъ не виноватъ,—смѣялась Ирина.

— И въ этомъ виноватъ. Больно ухаживаетъ за собой да чепурится. Усы-то какъ взлохмачиваетъ, словно котъ на заборѣ. Галстухи покупаетъ ума-помраченіе. И сюртукъ-то у него не сюртукъ, а чудо искусства, и сапоги у него словно индѣйскія пирòги. И въ глазахъ—нѣчто. Ни одну женщину не пропуститъ на улицѣ, чтобы не оглядѣть съ ногъ до головы. Подозрителенъ онъ мнѣ, подозрителенъ.

— Ну, тетя Катя, вы всегда его подозрѣваете! Десять лѣтъ подозрѣваете.

— И двадцать буду!

— Ну, ему тогда будетъ за шестьдесятъ. Этакъ и васъ можно заподозрить.

Старушка сердилась.

— Меня нечего подозрѣвать!—кричала она.—Не смѣй говорить такихъ глупостей! Я — женщина праведной жизни. Не даромъ покойная сестра мнѣ тебя довѣрила. Я, какъ овдовѣла въ молодыхъ годахъ, ни на одного мужчину не взглянула. Довольно и одного было! Всѣ они изъ одного тѣста сдѣланы. Натерпѣлась и я отъ своего-то. А ежели чтò и говорятъ про Ермолина, такъ это вздоръ! А голыхъ женщинъ зачѣмъ онъ покупаетъ?—вдругъ озлобленно кричала она.

— Кто?—удивилась Ирина.

— Кто — извѣстно, твой-то. Тьфу! Срамъ въ кабинетъ его войти. И чернильница — голая женщина, и пепельница—голая женщина! И на стѣнахъ-то обнаженіе, и въ любую книгу загляни—обнаженіе, и книжный ножъ возьми—вакханка голоногая, и на пресспапье взгляни—сирена гологрудая. Тьфу!.. Не кабинетъ, а баня какая-то. И диви бы женщины во всемъ сложеніи, а то гады какіе-то, не то змѣи, не то чудища. У одной—волосы путаются до ногъ, другая — безбокая, какъ кишка пожарная; третья—такимъ кольцомъ изогнулась, что и акробатъ въ циркѣ такъ не согнется. И все рыжія да зеленыя, какихъ и на свѣтѣ-то нѣтъ. Тьфу! Одно слово—гадость! Баня не баня и звѣринецъ—не звѣринецъ, а такъ, какое-то извращеніе. Развѣ солидный мужчина, мужъ и отецъ, дозволитъ себѣ этакое... этакую вольность? Срамъ! Вѣдь ребенокъ можетъ войти въ кабинетъ и увидѣть этихъ фіолетовыхъ гадовъ. Да чтò! Булавку въ галстухѣ—и то какую-то сирену зеленую выдумалъ! Ну, гдѣ это видано, чтобы

носить на себѣ голую женщину, да еще зеленаго цвѣта, словно лягушку?

Ирина хохотала, слушая эти жалобы.

— Ну, тетечка! Это теперь такая мода. Art nouveau называется.

— Я и говорю—модный онъ очень человѣкъ-то. А и какъ бы ни назвать пакость—она все пакостью останется. Да и кто этотъ твой „art"-то выдумалъ?.. Мужчины же. А для чего? Все для униженія женщинъ. Ненависть у нихъ въ душѣ къ намъ. А ничего сдѣлать-то съ нами не могутъ. Да и безъ насъ имъ не прожить. Вотъ они и выдумали насъ сдѣлать фіолетовыми да зелеными, въ родѣ какъ бы насмѣшки. Гадость, одна гадость, и не говори мнѣ ты объ этомъ паскудствѣ! Развѣ мужъ, уважающій свою жену, повѣсилъ бы у себя зеленую женщину, да еще въ видѣ какого-то обруча?

Иногда отъ этихъ разговоровъ Ирина впадала въ тоску.

— Вотъ вы меня любите, тетя, а говорите мнѣ все самыя непріятныя вещи. И что̀ вамъ за охота, право, меня разстроивать?

— Вотъ что̀ выдумала!—ворчала старуха.—Фортепьяно ты старое, что-ли, чтобы тебѣ разстроиваться? Да и я не тапёръ, Богъ миловалъ. А говорю, тебя любя, и то, что̀ думаю. Для твоей же пользы: имѣй глазъ да глазъ.

— Вы говорите такъ, потому что сами были несчастны въ бракѣ.

— И была. И всегда скажу, что была. Кутила, мотъ и пьяница былъ мужъ-то, даромъ что благородной крови. А только я никогда его не покрывала: такъ всѣмъ и говорила—пьяница-то мой сдѣлалъ то-то и то-то. Мотыга мой опять проигрался въ пухъ. А вы, нынѣшнія, все покрываете своихъ муженьковъ любезныхъ.

— Да что̀ же мнѣ говорить, если мой мужъ не мотъ и не пьяница?

— А то и говори: мой-то ферлакуръ опять зеленую женщину безо всего купилъ да на столъ у себя и выставилъ. Вотъ и всѣ будутъ знать ему настоящую цѣну, и лишатъ своего уваженія.

— Ну, за это не лишаютъ людей уваженія, и развѣ это такъ важно, чтобы жена заботилась о лишеніи общественнаго уваженія своего мужа?

— Ну, съ тобой не сговоришь! Трудно мнѣ съ тобой говорить. Ты — молода, я — старуха. И понятія у насъ разныя, и языки разные. Сильная ты женщина, вижу. Десять лѣтъ съ та-

кимъ муженькомъ протрубила. Видно, и вправду въ тебѣ магнитъ такой есть, что до сихъ поръ не брыкнулся онъ. А впрочемъ, кто жъ его знаетъ, какъ онъ ведетъ себя?

— Я знаю,—гордо отвѣчала Ирина.

— Ну, и слава Богу, и дальше того же тебѣ желаю. А какъ закабріолитъ, ко мнѣ же придешь плакаться. Погубятъ его эти лиловыя сирены да вакханки: воображеніе онѣ развращаютъ, вотъ что...

VII.

И вотъ, настало время, напророченное Екатериной Васильевной.

Ирина Львовна сидѣла въ будуарѣ, противъ своего хмураго и насупившагося мужа.

Она припоминала слова тетки. Все такъ и вышло, какъ говорила Екатерина Васильевна. Не помогли ни десять лѣтъ совмѣстной жизни, ни ея привязанность къ мужу, ни фактъ наличности ребенка.

Словно и вправду погубили Владиміра Викторовича его выкрученныя въ разныхъ позахъ зеленыя женщины; словно одна изъ этихъ тонкихъ, какъ змѣя, безбокихъ сиренъ сошла съ пресспапье его письменнаго стола и воплотилась въ жизнь въ лицѣ этой Таисы...

И Таиса внѣдрилась въ ихъ жизнь, инкрустировалась въ ней, стала элементомъ, безъ котораго и жизнь казалась не жизнью Владиміру Викторовичу.

Какъ Ирина Львовна ни старалась закрывать глаза на то, что происходитъ передъ нею, какъ ни призывала на помощь всю свою гордость, какъ ни увѣряла себя, что ревновать—позорно и недостойно, она ревновала и ревновала несомнѣнно.

Таиса Николаевна бывала теперь у нихъ ежедневно, съ яснымъ челомъ, съ улыбающейся счастливой физіономіей, словно не замѣчая ледяной холодности Ирины, совершенно игнорируя ее какъ хозяйку дома, какъ жену Владиміра Викторовича. У нея былъ удивительный апломбъ, возмущавшій до глубины души Ирину Львовну, и нужна была вся ея воспитанность и сдержанность, чтобы не произвести некрасиваго, вульгарнаго и грубаго скандала.

И когда бывала у нихъ Таиса, Владиміръ Викторовичъ преображался. Онъ былъ веселъ, радостенъ, оживленъ; болталъ безъ умолку, хотя съ Таисой не о чемъ было болтать, потому что

она ничѣмъ не интересовалась, ничего не любила, ни въ чемъ не понимала толку.

Она умѣла говорить объ обстановкѣ квартиры, о платьяхъ, о прелестяхъ заграничной жизни, о погодѣ. Это былъ весь ея репертуаръ. Любила она еще говорить о знакомыхъ, но всегда въ озлобленномъ, раздраженномъ тонѣ, и Ирина Львовна ни разу не слыхала изъ ея тонкихъ устъ ни одной похвалы, ни одного благопріятнаго отзыва о комъ бы то ни было.

Но, страннымъ образомъ, Владиміръ Викторовичъ находилъ прелесть и интересъ въ ея болтовнѣ.

Въ ея присутствіи онъ даже становился милъ и любезенъ къ женѣ и оказывалъ ей вниманіе, какъ посторонній человѣкъ хорошо знакомой дамѣ, сидя съ ней въ чужой гостиной.

И это больше всего оскорбляло ее.

Положительно, они оба считали ее какимъ-то неизбѣжнымъ и ненужнымъ придаткомъ къ ихъ обществу.

О Володѣ Владиміръ Викторовичъ совершенно забылъ.

Мальчикъ видимо стѣснялъ его, и не разъ онъ грубовато выпроваживалъ его изъ комнаты:

— Ну, что̀ ты ротъ разинулъ? Иди къ себѣ и подзубри уроки.

— Я ихъ уже знаю, папа.

— Ты всегда знаешь, а приносишь единицы.

— Это потому, что несправедливо...

— Ну, пожалуйста, помолчи и, сдѣлай милость, убирайся,— рѣзко говорилъ отецъ, и сконфуженный Володя медленно, какъ бы стараясь передъ чужой тетей сохранить попранное достоинство, выбирался изъ комнаты.

Онъ никогда не питалъ нѣжности къ отцу, который былъ съ нимъ всегда суховатъ. Но теперь въ нѣжное сердце ребенка, требующее ласки какъ пищи, закрадывалось недоброе чувство къ этому человѣку, который, по какому-то недоразумѣнію, носилъ званіе его отца и былъ для него гораздо болѣе чужимъ, чѣмъ самый чужой „дядя“.

Въ такія минуты сердце Ирины Львовны мучительно страдало. Оно больно сжималось, физически больно, и словно обливалось кровью.

Въ послѣднее время съ нею стали дѣлаться жестокіе сердечные припадки, требовавшіе экстреннаго призыва врача.

Продолжительными длинными вечерами сидѣла она теперь одна дома, покинутая, заброшенная, одинокая; уныло умащивалась она на кушеткѣ подъ электрической лампочкой и читала

до умопомраченія. И хорошо еще, когда читалось; но бывали вечера, когда строчки мучительно мелькали передъ ея наплаканными, вспухшими глазами и рѣшительно не проникали въ ея сознаніе.

Иногда, пользуясь отсутствіемъ мужа, она садилась за рояль и играла часами.

Звуки лились изъ-подъ ея тонкихъ, длинныхъ и блѣдныхъ пальцевъ и наполняли мольбой и жалобой комнату.

И горько-горько стонали подъ ея пальцами струны рояля, въ унисонъ со струнами ея больной души. И тяжелыя, крупныя, горячія слезы, словно минорныя ноты, падали изъ ея глазъ на клавиши.

Музыка—мать слезъ. А слезы всегда приносятъ успокоеніе взволнованной и омраченной душѣ. Еслибы не было мелодіи, слезъ и вздоховъ—человѣческое горе было бы невыносимо.

Часто, оборвавъ пьесу на серединѣ, Ирина никла своей бѣлокурой головой, бралась за нее обѣими руками и тихо-тихо, какъ отъ ноющей боли, страдала. Страстно обнимала она иногда Володю, въ порывѣ настоящаго отчаянія.

Она могла бы поѣхать къ теткѣ, которая ее горячо любила,—она знала это,—но жившая еще въ ея душѣ гордость мѣшала ей сдѣлать это. И она рѣшила страдать одиноко и гордо, пока хватитъ силъ, пока выдержитъ сердце.

Вдвоемъ съ мужемъ ей теперь никогда не удавалось оставаться. Если у нихъ не „торчала“ Таиса, то и мужа не было дома. Онъ всегда находилъ удобный предлогъ исчезать. Являлся онъ поздно, вѣчно взволнованный, или разстроенный, или не въ духѣ.

И когда являлся домой, то здоровался съ ней торопливо, ссылался на головную боль или усталость, избѣгалъ поцѣлуевъ, никогда не замѣчалъ ея покраснѣвшихъ отъ слезъ глазъ, ея убитаго вида, и подъ предлогомъ, что надо завтра рано вставать, уходилъ къ себѣ.

Только разъ, подъѣзжая къ дому, послѣ того какъ онъ проводилъ изъ театра Таису, Владиміръ Викторовичъ съ удивленіемъ увидѣлъ въ окнахъ будуара Ирины яркій свѣтъ.

Это его нѣсколько встревожило; Ирина въ этотъ часъ обыкновенно спала, и часъ-то былъ уже очень поздній.

Владиміръ Викторовичъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и отворилъ дверь квартиры американскимъ ключомъ.

Онъ чувствовалъ что-то недоброе и, снявъ съ себя шубу,

бросился въ будуаръ, откуда слышались сдержанные голоса и какая-то возня.

VIII.

Владиміръ Викторовичъ засталъ картину, поразившую его.

На кушеткѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, распущенными завязками юбокъ, лежала Ирина, блѣдная какъ полотно, съ синеватыми кругами подъ глазами, которые были закрыты. Блѣдныя руки ея безпомощно свѣсились съ кушетки и тонкіе пальцы ихъ почти касались ковра.

Въ комнатѣ пахло эѳиромъ или какимъ-то другимъ лекарствомъ; около жены его суетилась горничная Паша и еще какой-то господинъ, котораго онъ не узналъ сразу.

Это былъ Карелиновъ, другъ дѣтства Ирины, котораго Владиміръ Викторовичъ видѣлъ раза два у Екатерины Васильевны, лѣтъ десять тому назадъ, до выхода замужъ Ирины.

Тогда это былъ студентъ медицинской академіи, теперь врачъ въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ у Ирины былъ домъ.

И въ глазахъ Паши, высокой, стройной дѣвушки съ умнымъ лицомъ, и въ сѣрыхъ, строгихъ глазахъ Карелинова Владиміръ Викторовичъ прочелъ себѣ безмолвное и презрительное осужденіе.

— Что случилось?—взволнованнымъ голосомъ спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь и чувствуя себя смущеннымъ.—Паша, что такое?

Къ нему быстро подошелъ Карелиновъ.

— Пожалуйста тише. Ирина Львовна больна. Паша,—обратился онъ къ горничной шопотомъ,—пошлите сейчасъ же этотъ рецептъ въ аптеку; я написалъ на немъ: „statim“,—лекарство отпустятъ сейчасъ же.

Онъ говорилъ спокойно, не волнуясь, пониженнымъ голосомъ.

— Сами побудьте при барынѣ, пока она не проснется. А какъ проснется, дайте мнѣ знать.

И онъ, словно не обращая вниманія на Владиміра Викторовича, прошелъ въ гостиную.

— Вы меня врядъ ли помните,—сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину дома, сухимъ и непріязненнымъ тономъ. Я—Карелиновъ, Михаилъ Ниловичъ, старый другъ дома вашей супруги, и гостилъ часто въ ихъ имѣньи...

— Да, да, какъ же! Она говорила, и мы съ вами встрѣчались у... Екатерины Васильевны. Но, ради Бога, что такое случилось съ Ири... съ женой?

— Случилось очень скверное,—все тѣмъ же сухимъ и холоднымъ тономъ серьезно проговорилъ Карелиновъ.—Грандіозный сердечный припадокъ.

— Это—опасно?

— Я думаю, что это опасно,—насмѣшливо отвѣтилъ врачъ.— Сейчасъ непосредственной опасности нѣтъ. Но если это будетъ повторяться... можетъ быть скверно.

— Но отчего?

— Чтò—отчего?

— Отчего же это случилось? Жена никогда не болѣла...

Карелиновъ развелъ руками.

— Вамъ, вѣроятно, лучше знать, отчего это случилось,— насмѣшливо сказалъ онъ.

— Мнѣ?

— Ну, да, да,—твердо и раздраженно проговорилъ онъ,— вамъ, кому же больше?

И онъ началъ разсказывать, чтò именно произошло, не давая времени Владиміру Викторовичу что-нибудь возразить:

— Я, два дня тому назадъ, пріѣхалъ сюда на врачебный съѣздъ. Естественно, что я вспомнилъ объ Иринѣ Львовнѣ и захотѣлъ ее провѣдать. Я пріѣхалъ къ вамъ послѣ засѣданія, довольно поздно вечеромъ, на правахъ старой дружбы съ Ириной Львовной; я засталъ ее у рояля горько плачущей, въ самой жалкой, безпомощной позѣ. Я былъ очень пораженъ. Она мнѣ обрадовалась какъ другу, вытерла слезы и старалась казаться веселой. Вы, должно быть, знаете ея гордое самолюбіе? Но она не выдержала, стала разсказывать о своей... простите меня, неудачной жизни, и съ ней сдѣлался этотъ припадокъ. Хотѣли послать за вами, потому что ей было очень плохо, и не будь меня здѣсь, я не знаю, чѣмъ бы это кончилось.

— Благодарю васъ.

— О, нѣтъ, не благодарите. Я сдѣлалъ, чтò долженъ былъ сдѣлать какъ врачъ и другъ. Дальнѣйшее зависитъ не отъ меня, а отъ васъ... За вами не послали, потому что неизвѣстно, гдѣ вы были. Теперь мнѣ удалось вызвать сонъ у Ирины Львовны, и это ее успокоитъ. Мы можемъ съ вами поговорить пока, если вы никуда не торопитесь въ этотъ часъ.

Владиміру Викторовичу не нравился рѣзкій тонъ Карелинова, потому что въ каждомъ словѣ его слышалось осужденіе.

— Куда же я могу торопиться во второмъ часу ночи?— грубовато спросилъ онъ.

— Тѣмъ лучше. Я тоже никуда не тороплюсь. А потому

позвольте вамъ сказать два слова: вамъ необходимо измѣнить образъ жизни.

— Мнѣ?!—съ удивленіемъ вскрикнулъ Владиміръ Викторовичъ.

— Пожалуйста, не кричите такъ!—рѣзко остановилъ его Карелиновъ.—Да, вамъ.

— Но, извините меня,—возразилъ Владиміръ Викторовичъ,—мнѣ кажется, дѣло идетъ о моей женѣ, а не обо мнѣ. Я не нуждаюсь въ медицинскихъ совѣтахъ,—иронически прибавилъ онъ,—и, благодарю васъ, я совсѣмъ здоровъ.

Но Карелинова трудно было смутить чѣмъ-нибудь.

— Имѣю поводъ въ этомъ сомнѣваться,—спокойно отвѣтилъ онъ,—но въ данномъ случаѣ я нисколько и не заинтересованъ состояніемъ вашего здоровья. Тѣмъ не менѣе я повторяю и обязанъ это повторить,—во-первыхъ, какъ врачъ у постели больной, во-вторыхъ, какъ давній другъ паціентки,—что вамъ необходимо перемѣнить образъ жизни или систему вашего поведенія, что-ли.

Владиміра Викторовича взорвали эти слова Карелинова или даже не столько слова, сколько тонъ ихъ.

— Я давно окончилъ свое воспитаніе,—надменно отвѣтилъ онъ,—и такъ же не нуждаюсь въ совѣтахъ воспитателя, какъ и въ совѣтахъ врача.

— Въ первомъ тоже сомнѣваюсь,—спокойно замѣтилъ Карелиновъ и вдругъ заговорилъ тономъ, не допускающимъ возраженія:

— Оставимъ эти двусмысленности, недомолвки и иносказанія,—дѣловито началъ онъ.—Я человѣкъ не свѣтскій, и терпѣть не могу говорить обиняками и намеками. Я всегда и всѣмъ говорю правду.

— Даже паціентамъ?

— Вамъ угодно продолжать въ прежнемъ тонѣ?.. Но мнѣ неугодно это, и я за вами не послѣдую. Я говорю правду всѣмъ здоровымъ людямъ и говорю ее въ глаза и за глаза. Вы меня спрашиваете какъ врача: что̀ нужно для здоровья вашей жены? Я вамъ отвѣчаю: въ настоящую минуту лекарство; въ дальнѣйшемъ—никакая фармакологія ей не поможетъ, если у нея разовьется тяжелый недугъ. Вы спрашиваете—отчего это съ нею произошло? Я *обязанъ* вамъ отвѣтить: изъ-за вашего поведенія. Затѣмъ я продолжаю. Она глубоко несчастна въ своей супружеской жизни. Она ужасно страдаетъ отъ вашего увлеченія другой женщиной. Она слишкомъ много остается одна и переживаетъ одиноко свое горе. Одно изъ двухъ: или вы должны

вернуться къ женѣ и бросить свои похожденія; или она должна порвать съ вами окончательно и уѣхать отсюда; или еще третье: она должна помириться съ своей злосчастной долей и тяжко заболѣть. Вотъ три выхода. Вотъ вамъ діагнозъ и терапія. Я совѣтовалъ ей уѣхать, отдохнуть. Не знаю, исполнитъ ли она это. Я думаю, это былъ бы самый лучшій выходъ для нея и для васъ. Она получитъ успокоеніе, вы—свободу, которая вамъ, вѣроятно, нужна въ эту минуту. Вотъ все, что я могъ и долженъ былъ сказать. Повторяю: припадокъ ея былъ серьезный, и счастье еще, что Володя спалъ. Я не знаю, какъ это отразилось бы на мальчикѣ, котораго нужно же пощадить въ самомъ дѣлѣ...

Онъ замолчалъ и закурилъ папиросу.

Владиміръ Викторовичъ не ожидалъ такой рѣчи, не подготовился къ ней, былъ растерянъ и чувствовалъ себя прескверно.

Въ его душѣ происходило нѣчто до такой степени странное, что онъ не могъ разобраться въ своихъ чувствахъ.

Въ его воображеніи живо стояла картина будуара, съ лежащей на кушеткѣ женой, блѣдной, измѣнившейся ужасно и худой, похожей на трупъ; мучительная жалость къ этому существу, съ которымъ онъ прожилъ такъ долго, сосала его сердце, щемила его до ясно ощутимой физической боли; что-то въ родѣ суроваго осужденія самому себѣ, что то въ родѣ глубокаго раскаянія заползало въ его сознаніе.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, по какой-то странной ассоціаціи идей, въ его воображеніи всплывалъ другой образъ женщины, раздражающій и почему-то соблазнительный; въ его ушахъ стоялъ ея голосъ—сухой и деревянный, но получившій, въ послѣднее время, для него особую прелесть. И ему жалко было разстаться съ этимъ образомъ, и онъ любилъ въ эту минуту жену, но его неудержимо тянуло къ Таисѣ. И ему жаль было бы вычеркнуть изъ своей жизни столько прочитанныхъ уже страницъ романа, быть можетъ, послѣдняго романа его жизни, потому что ему уже шелъ пятый десятокъ; жаль было бросить этотъ романъ, не дочитавъ его до конца...

Онъ стоялъ на распутьи.

— Мнѣ странно, что Ирина, всегда такая сдержанная, нашла возможнымъ посвятить въ свои неудовольствія и жалобы совершенно посторонняго, чужого человѣка.

Владиміръ Викторовичъ сознавалъ, что сказалъ глупость. Онъ хотѣлъ не то сказать. Ему совсѣмъ не хотѣлось говорить съ этимъ врачомъ, который сразу показался ему антипатичнымъ.

Но это сказалось какъ-то само собой, потому что онъ чувствовалъ, что надо что-нибудь сказать.

Карелиновъ потушилъ папиросу, выпрямился и спокойно отвѣтилъ:

— Это все, что вамъ подсказало сердце? Я говорилъ съ вами о важномъ, о единственно существенномъ—вы возражаете мнѣ пустяками. Это—во-первыхъ; а во-вторыхъ,—я вовсе не чужой человѣкъ Иринѣ Львовнѣ. Далеко нѣтъ. Я ее зналъ раньше васъ, я ее знаю съ дѣтства. И я глубоко уважаю и люблю ее какъ человѣка. Права старой дружбы, быть можетъ, не меньше правъ мужа, въ особенности *такого* мужа, какимъ имѣете несчастье быть вы.

Въ это время прибѣжала взволнованная Паша.

— Господинъ докторъ, барыня проснулись.

Владиміръ Викторовичъ нервно задвигался на креслѣ. Его все продолжали безпокоить пустяки: рѣшительно никто не обращаетъ на него вниманія; какъ будто онъ ни для кого не существуетъ въ домѣ. Зачѣмъ эта глупая Паша обратилась къ „господину доктору", а не къ нему?

„Когда вы ко мнѣ заѣдете?" — вдругъ прозвучалъ въ его ушахъ голосъ Таисы, ея послѣдняя фраза.—„Вы, кажется, стыдитесь нашей связи и конфузитесь показываться со мною въ публичныхъ мѣстахъ?"—Онъ хотѣлъ оправдаться, поцѣловать у нея на прощанье руку, но она рѣзко вырвала ее отъ него и скрылась въ подъѣздѣ.

Онъ уѣхалъ, очень обезпокоенный этой неожиданной размолвкой, и пріѣхалъ домой мрачный. А дома его ожидалъ такой сюрпризъ.

Дѣйствительно, въ послѣднее время, слухи о его романѣ стали распространяться между друзьями, сослуживцами и знакомыми. Въ пріятельскихъ домахъ, гдѣ бывала Ирина, его стали принимать неохотно и суховато, въ особенности почтенныя дамы; пріятели дѣлали намеки и, какъ мужчины, относились одобрительно къ его романическому похожденію. Сослуживцы, съ которыми онъ не былъ никогда особенно близокъ, смотрѣли на него съ любопытствомъ. Екатерина Васильевна, къ которой онъ заѣхалъ со службы въ день ея рожденія, просто не приняла его, хотя у нея былъ полонъ домъ гостей. Даже Паша какъ-то конфузливо глядѣла на него и старалась избѣгать говорить съ нимъ.

И ему сдѣлалось не по себѣ, неудобно, стѣснительно.

Онъ чувствовалъ себя не въ такомъ возрастѣ, когда рома-

ническое похожденіе доставляетъ удовольствіе и когда хочется раструбить urbi et orbi о своей побѣдѣ. Этотъ романъ доставлялъ ему личное удовлетвореніе, имѣлъ и внутреннюю психологическую цѣнность, какъ живое доказательство того, что онъ еще не старикъ, что онъ можетъ и увлечь, и увлечься женщиной. Но онъ ревниво хотѣлъ сохранить этотъ романъ для себя, какъ рѣдкую книгу, съ большимъ трудомъ разысканную имъ, и вовсе не хотѣлъ давать читать ее другимъ, позволять любопытнымъ заглядывать въ нее.

Но Таиса Николаевна въ этомъ отношеніи не сошлась съ нимъ во взглядахъ. Ей хотѣлось афишировать этотъ романъ. Злобная по натурѣ и озлобленная потому, что была некрасивой и не успѣвшей выйти замужъ, она хотѣла прежде всего досадить Иринѣ, съ которой въ послѣднее время перестала видѣться, несмотря на то, что съ удивительнымъ апломбомъ продолжала посѣщать ея домъ. Но Ирина всегда тщательно скрывалась отъ нея и демонстративно не выходила къ ней.

Нѣсколько крупныхъ размолвокъ окончательно разъединили подругъ. Существеннаго въ ихъ жизни онѣ все еще не касались основнымъ образомъ, но о чемъ бы онѣ ни заговорили, всегда ихъ разговоры кончались рѣзкой размолвкой.

Романъ съ Загоровскимъ позировалъ Таису Николаевну, какъ всегда позируетъ некрасивую женщину ухаживанье красиваго и женатаго человѣка. Послѣ своего заграничнаго похожденія и послѣ увлеченія Загоровскаго ею, она уже перестала считать себя некрасивой. Она стала изысканнѣе и внимательнѣе одѣваться, придумала себѣ очень шедшую къ ней прическу и даже осторожно прибѣгала, въ экстренныхъ случаяхъ, къ заячьей лапкѣ и румянамъ Dorin.

И дѣйствительно, въ такомъ видѣ, въ ней было что-то пикантное, что-то troublant, по французской терминологіи, примѣняемой къ некрасивымъ женщинамъ.

Загоровскій пустилъ ее въ моду или, какъ говорятъ тѣ же французы, „лансировалъ“ ее. Какъ всегда это бываетъ, достаточно, чтобы одинъ красивый и занимающій извѣстное общественное положеніе мужчина обратилъ вниманіе на некрасивую женщину, какъ уже она начинаетъ нравиться другимъ, которые открываютъ въ ней все новыя и новыя достоинства, и она становится très demondée въ извѣстномъ кружкѣ.

Но всего этого было мало Таисѣ Николаевнѣ.

Она желала кое-чего большаго. Она затѣяла крупную игру.

Ей хотѣлось „взять" окончательно Владиміра Викторовича, такъ или иначе закрѣпить его за собою.

И когда она увидѣла, что онъ колеблется, смущается, раздумываетъ надъ этимъ серьезнымъ и окончательнымъ шагомъ, она начинала подогрѣвать его чувство холодностью, сценами, пренебреженіемъ.

Карелиновъ быстро поднялся съ кресла и пошелъ въ будуаръ.

Владиміръ Викторовичъ съ тревогой на душѣ послѣдовалъ за нимъ.

Ирина Львовна лежала на кушеткѣ уже въ другой позѣ. Она проснулась. Все еще блѣдная, разслабленная, обезсиленная, она взглянула своими лучистыми большими сѣрыми глазами на вошедшихъ.

При видѣ мужа, слабый румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

Она улыбнулась смущенной улыбкой и протянула мужу лѣвую руку.

Онъ съ искреннимъ, сердечнымъ порывомъ поцѣловалъ эту блѣдную, дрожавшую руку.

— Ахъ, что̀ со мной было, Владиміръ!—сказала она тихо:— я чуть не умерла! Хорошо, что Володя спалъ. Я такъ ждала тебя!.. Такъ боялась умереть одна...

Карелиновъ налилъ лекарства въ ложку и заставилъ ее выпить.

Она грустно покачала головой.

— Это не поможетъ, милый,—сказала она.

Карелиновъ вышелъ изъ комнаты.

И какъ бы обращаясь за помощью къ мужу, она взяла его снова за руку и проговорила:

— Володя,—въ первый разъ за послѣднее время назвала она его такъ, и сердце его дрогнуло отъ боли,—скажи, родной, ты еще любишь меня немножко?

Онъ не узналъ своей гордой Ирины. Ни разу, за все время ихъ брака, она не задавала ему такого вопроса. Ни разу она не снисходила до выпрашиванія любви.

И онъ понялъ, что душа ея скорбитъ ужасно, если *она* задала этотъ вопросъ.

— Ира, милая!..—прошепталъ онъ, склоняясь къ ея рукѣ.

— Ты видишь, какая я стала больная, хилая... Я увѣрена, что еслибы не Михаилъ Ниловичъ, я бы умерла.

— Полно, голубушка, ну что̀ ты, право...

— Нѣтъ, нѣтъ, я въ этомъ увѣрена. Такъ ты любишь меня еще? Ну, хоть капельку?..

И она взглянула на него своимъ уставшимъ, истомленнымъ, больнымъ, но все-таки прекраснымъ взглядомъ.

Онъ не могъ выдержать этого взгляда и опустилъ, подъ его лучами, глаза, какъ уличенный преступникъ.

— Конечно, Ира... Что̀ за вопросъ!..

И въ глубинѣ его сознанія, гдѣ-то далеко, закопошилась гнусная мысль: „Завтра надо будетъ помириться съ Таисой".

IX.

И вотъ, давно ли это было?

Прошло всего двѣ недѣли, и теперь они сидятъ другъ противъ друга, послѣ ужасной сцены, смертельными врагами.

Остатокъ чувства окончательно вытравленъ изъ души Ирины Львовны.

Послѣ случившагося съ нею припадка, она точно переродилась, окрѣпла, взяла себя въ руки и стала уже открыто преслѣдовать мужа.

И самолюбіе ея словно подкосилось, рухнуло. Она унизила себя до выслѣживанья, гдѣ онъ бываетъ, когда видится съ Таисой.

Однажды, когда онъ поѣхалъ якобы на службу, она быстро одѣлась, взяла извозчика и отправилась за нимъ.

Онъ подъѣхалъ къ дому, гдѣ жила Таиса; она вернулась домой.

Онъ пріѣхалъ поздно, какъ всегда расшатанный, кислый, уставшій.

Она ему сдѣлала сцену. Наговорила столько оскорбительныхъ вещей, что, казалось, разрывъ сдѣлался неизбѣжнымъ. Кричала до потери голоса, до истерики, вытолкала его изъ своей комнаты.

— Замолчите! — злобнымъ шопотомъ, схвативъ ее за руку и крѣпко стиснувъ ее, сказалъ Владиміръ Викторовичъ.—Услышитъ прислуга.

— Прислуга все знаетъ. Всѣ *все* знаютъ. Пусть слышатъ, мнѣ нечего терять, мнѣ некого стѣсняться.

— Но я вовсе не хочу вмѣшивать въ свои домашнія дѣла прислугу. Наконецъ, вы Володю разбудите.

— И Володя все знаетъ, все!—истерически закричала она.— Мальчикъ уже не маленькій, и онъ осуждаетъ тебя! Сегодня

еще онъ сказалъ: „какой папа сталъ злой, онъ не любитъ насъ больше"... Уходи, я не могу тебя видѣть. Карелиновъ любитъ меня, я теперь признаюсь тебѣ въ этомъ, и я уйду, уйду отъ тебя; я уѣду съ нимъ, я буду счастлива, я хочу быть счастливой, хочу, хочу... Я не хочу позволить промѣнять меня на эту жалкую авантюристку. Да она мизинца моего не стоитъ...

Она говорила еще много. Она имѣла жалкій видъ человѣка, захлебывающагося волной и цѣпляющагося судорожными движеніями за ненадежныя щепки и доски.

Гордые порывы оскорбленной души смѣнялись унизительными увѣреніями, что ею увлеченъ тотъ или другой мужчина. Хотѣла ли она этимъ возбудить ревность въ мужѣ, или себя подбодрить—она и сама не знала, а страдала она ужасно.

Но теперь страданія ея уже не возбуждали въ душѣ Владиміра Викторовича ничего, кромѣ тупого озлобленія. Семейная жизнь, при такихъ условіяхъ, становилась невозможной.

Онъ уходилъ къ себѣ и запирался на ключъ.

А черезъ день, черезъ два нарождалась новая сцена.

Вотъ и сегодня тяжелая сцена только-что окончилась.

Оба чувствовали себя разбитыми, обезсиленными. Говорить, думать—больше не хотѣлось.

Молчаніе неожиданно затянулось и стало переходить тѣ границы, въ которыхъ его еще возможно было переносить; далѣе оно уже дѣлалось тяжкимъ, невыносимымъ, больнымъ. Нужно было придумать выходъ, фразу, хотя одно слово, чтобы нарушить это безмолвіе комнаты.

И какъ нарочно ничего болѣе не приходило на умъ Владиміру Викторовичу, точно все замерло въ его мысляхъ и сердцѣ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ, какъ на днѣ его взбаломученной души накипаетъ нѣчто грозное, какъ готовится тотъ физическій порывъ гнѣва, которому Владиміръ Викторовичъ не находитъ, къ своему ужасу, другого выхода, какъ необходимость разбить первый подвернувшійся подъ руку предметъ.

Ему неудержимо хочется схватить за руку жену, стиснуть эту руку такъ, чтобы Ирина вскрикнула.

Онъ знаетъ, что звонъ или трескъ разбитой вещи или звукъ голоса нарушитъ это тяжкое безмолвіе, и что послѣ этого наступитъ реакція и хотя далекая, но все-таки надежда на кратковременное умиротвореніе.

Зачѣмъ ему нужно это умиротвореніе?

Такъ, ради малодушнаго палліатива; вѣдь онъ знаетъ теперь, что все безповоротно кончено: что Ирина уже никогда не проститъ его увлеченія; что гордая, самолюбивая душа ея уязвлена глубоко; что этой язвы никогда не залечить; что то счастье, которое онъ строилъ камень за камнемъ, зданіе, которое онъ выводилъ въ теченіе десяти лѣтъ, рухнуло теперь до основанія.

Быть можетъ, еслибы онъ рѣшился твердо и навсегда порвать съ Таисой, еще возможно было бы возведеніе новаго зданія на старыхъ развалинахъ.

Но у него не хватало рѣшимости ни на то, ни на другое.

Таиса предъявляла все больше и больше правъ; она становилась властной, требовательной, почти тиранкой; если бы онъ имѣлъ мужество порвать съ нею разомъ, рѣзко, безповоротно, то все-таки ему пришлось бы долго выводить новый фундаментъ и новый фасадъ для новаго зданія.

Онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для этого. Энергія и воля его упали, выродились, и ему вспомнились слова Ирины, которыя она ему какъ-то сказала, въ самомъ началѣ всей ихъ исторіи:

— Бѣдный мой, бѣдный! Ты тоже мало виноватъ въ этомъ. Тебя взяли. Твоя сила воли оказалась меньше той.

Да, онъ испытывалъ на себѣ теперь этотъ трагизмъ безволія, о которомъ такъ умно говорила иногда его Ирина, этотъ трагизмъ безволія, свойственный у насъ большинству мужчинъ, обреченныхъ съ дѣтства всѣмъ режимомъ жизни, всѣмъ укладомъ ея, сложившимся вѣками, только подчиняться и исполнять чужую волю, оставляя свою безъ практики, безъ приложенія, безъ исполненія.

Въ послѣднее время онъ чувствовалъ, какъ въ душѣ его образуется странный конгломератъ: злое равнодушіе къ Иринѣ плюсъ сильное охлажденіе къ Таисѣ.

Его не тянуло теперь ни къ той, ни къ другой. Онъ жаждалъ одного: душевнаго и физическаго покоя; уѣхать бы куда-нибудь, никого не видѣть, ничего не слышать, быть самимъ собою и спать, спать, спать безъ конца.

Но уже поздно. Прошлаго не вернуть. Настоящее невыносимо. Будущее печально и неизвѣстно. Привычка къ дому, къ женѣ, къ ребенку, къ которому онъ относился до сихъ поръ суховато и равнодушно, держитъ его въ своихъ цѣпкихъ объятіяхъ.

Привычка, но не любовь. Любви къ Иринѣ, кажется, больше нѣтъ въ его усталой душѣ.

Иногда, въ рѣдкія минуты, когда ему приходится оставаться одному, онъ вспоминаетъ всѣ слова, всѣ мысли, всѣ поступки Ирины, анализируетъ ихъ и строго критикуетъ. Въ сущности, она всегда, по всему своему внутреннему складу, была чужда ему.

Онъ осмѣивалъ въ эти минуты ея „добродѣтель", ея „патріотизмъ", ея любовь къ простымъ людямъ, къ „народу", выражавшуюся въ какой-то особой снисходительности къ прислугѣ и въ фамильярности съ нею; она холодно относилась къ тому, что̀ интересовало его, чѣмъ онъ жилъ и увлекался: издѣвалась надъ его карьеризмомъ, удивлялась его ограниченности, которая выражалась, по ея мнѣнію, въ томъ, что онъ ничего не читалъ, ненавидѣла его душевную сухость къ ребенку, его педантизмъ, и слово „архитекторъ" считала чуть-что не браннымъ. Она увлекалась музыкой—онъ ненавидѣлъ ее; она любила мечтать по ночамъ—онъ всегда бранилъ ее за это и наставительно замѣчалъ, что ночи созданы для сна. Она обожала петербургскія бѣлыя ночи—онъ становился отъ нихъ боленъ. Она терпѣть не могла Петербурга и всегда стремилась въ провинцію—онъ на провинцію смотрѣлъ какъ на злую яму и считалъ Петербургъ единственнымъ городомъ въ Россіи, въ которомъ еще можно жить.

Словомъ, ни въ чемъ, какъ въ крупномъ, такъ и въ мелкомъ, они не сходились; но вѣдь было же время, когда они любили другъ друга? Теперь этотъ связующій элементъ любви исчезъ изъ ихъ жизни; онъ самъ выкрошилъ этотъ цементъ, связывающій самые разнородные матеріалы.

X.

— Здравствуй, тетя Катя,—сказала Ирина Львовна, входя въ гостиную Екатерины Васильевны.

Екатерина Васильевна, въ круглыхъ очкахъ, читала какую-то книгу.

Она тотчасъ же сняла очки, закрыла книгу и своимъ все еще молодымъ, живымъ взглядомъ оглядѣла вошедшую.

Екатерина Васильевна была высокая и худощавая старуха съ черными большими глазами, съ бѣлыми волосами на головѣ, гладко, на обѣ стороны зачесанными подъ кружевной шолковой наколкой.

Ея лицо было пріятное; лицо умной старухи, много видѣвшей, много испытавшей въ своей жизни и давно переставшей

чему-нибудь удивляться. Оно было нѣсколько строговато и сохраняло это выраженіе до тѣхъ поръ, пока она окончательно не узнавала человѣка, съ которымъ ей пришлось столкнуться. Тогда оно дѣлалось пріятнымъ и добрымъ.

— Здравствуй, милая. Вѣкъ тебя не видала. Видно, стыдно было на глаза показаться? У, срамница!..

Ирина вошла въ ея квартиру бодро, почти весело, собравъ весь остатокъ силъ, чтобы не показаться теткѣ безпомощной, несчастной и оскорбленной, каковой она была на самомъ дѣлѣ.

Она уже мѣсяцъ не являлась къ Екатеринѣ Васильевнѣ, даже не была у нея въ день ея рожденья, котораго ни разу еще не пропускала до этого года.

Екатерина Васильевна никогда не бывала у нихъ, потому что ненавидѣла ея мужа. Она нѣсколько разъ писала Иринѣ, звала ее, но не настаивала особенно, зная, что та переживаетъ душевную драму. А ея правиломъ было никогда не дотрогиваться до больныхъ струнъ чужой души, какъ и до своей она никому не давала дотрогиваться.

— Чужая душа — потемки, — говорила она, — никто не имѣетъ права копаться въ ней и предлагать свое участіе. Душа сама переработаетъ въ себѣ омрачившее ее горе. Ну, а если своихъ силъ не хватитъ, такъ, когда станетъ не въ моготу, Ирочка и сама придетъ ко мнѣ. И тогда я уже буду въ правѣ врачевать ее.

И вотъ она сразу поняла, съ приходомъ Ирины, что той стало не въ моготу.

И какъ только Ирина увидѣла милый, родной образъ „тети Кати", замѣнившей ей съ ранней юности мать, всѣ собранныя ею силы оставили ее; она быстро подбѣжала къ старинному креслу тети и какъ-то разомъ сѣла, словно рухнула, упавъ на колѣни и спрятавъ голову въ складкахъ темнаго платка, въ который была укутана Екатерина Васильевна.

— Тётечка, милая, родная, ахъ, если бы ты знала, какъ я несчастна! — проговорила она, вдругъ зарыдавъ.

Она уже давно не рыдала слезами сердечнаго горя, а плакала истерическими слезами, которыя не приносили ей облегченія, а усугубляли ея страданія.

— Я все знаю, Ирочка, все, — тихо проговорила тетка. — Но это ничего; поплачь. Слезы — великое утѣшеніе жизни. Это — шлюзы горя; если бы не было слезъ, горе затопило бы человѣческую душу. Это ничего, ты поплачь, вотъ такъ, моя дѣточка; вотъ такъ. А я поговорю. Я все знаю и ничего для меня въ

этомъ нѣтъ необыкновеннаго и неожиданнаго. Такъ должно было быть. Я всегда это думала. Романистъ Ферлакуровичъ обнаружился. Я знаю жизнь, ахъ, давно ее знаю! И давно ничему не удивляюсь. Смотрѣла я какъ-то „Уріеля Акосту" въ Александринкѣ; такъ, вотъ, тамъ есть такой старикъ, который тоже знаетъ жизнь и все говоритъ: „это все было; всякое бывало"— и ничему не удивляется. Вотъ и я—такой же старикъ. Дрянью былъ, дрянью и остался твой муженекъ. Скажи, пожалуйста, влюбился старый дуралей! Да въ кого влюбился?! Въ эту зеленую Таису, въ эту запятую... Ну и совѣтъ да любовь! Ну вотъ... легче ли стало?

— Легче, тётечка.

— А я говорю, слезы—первое лекарство. Всѣ ваши бромы да валерьяны гроша не стоятъ передъ нимъ. Ну, поплачь еще...

— Слезъ нѣтъ больше, всѣ выплакала. Тётечка, откуда же вы знаете это все? Я ни одной душѣ не говорила.

— Миша заѣзжалъ ко мнѣ. Миша Карелиновъ. Онъ говорилъ. Славный онъ человѣкъ. Какимъ мальчикомъ его знала, такимъ и теперь остался. Славный, честный, открытая душа. И любитъ тебя по прежнему, вотъ какъ любитъ. Ну, ужъ откроюсь тебѣ: хотѣла, давно хотѣла, чтобы ты за него пошла, а вотъ ты предпочла своего, этого... Ну, гдѣ же мнѣ мѣшаться въ чужія дѣла сердечныя? Ну, хотѣла и пошла, а я только погрустила и поплакала. Такъ, вотъ, Миша говоритъ, что тебѣ надо этого господина бросить и уѣхать отсюда. Пусть онъ станетъ точкой къ своей запятой—отличная пара будетъ.

— Тетя, родная, да вѣдь насъ Володя связываетъ съ нимъ...

Екатерина Васильевна замахала руками.

— Вздоръ, вздоръ какой! Вотъ ты молодая, а говоришь какъ ханжа старая. Это старики говорятъ, что, молъ, изъ-за ребенка нельзя супругамъ расходиться. А я этому не вѣрю, никогда не повѣрю. Это говорятъ тѣ, кто дѣтей не любитъ, кто никогда въ дѣтскую душу не заглядывалъ. Какой такой профитъ для ребенка, чтобы его держать при родителяхъ, которые каждую минуту головы другъ другу готовы скусить? Чего онъ наслышится, чего навидится въ нѣжномъ возрастѣ? Отъ ребенка не скроешь ты семейнаго разлада—ребенокъ въ семьѣ какъ воздухъ: вездѣ онъ видимо и невидимо присутствуетъ. Или ты думаешь, что Володя ничего не видитъ, ни о чемъ не догадывается, ничего не понимаетъ, даромъ что ему десятый годочекъ пошелъ? Ну-ка, скажи?

— Ахъ, тетя, конечно понимаетъ.

— То-то. Одного званія-то отца куды мало! Есть отцы, отъ которыхъ держи дѣтей подальше. И есть не-отцы, которые лучше всякаго отца. Одинъ это вздоръ и лицемѣріе, будто дѣти страдаютъ отъ развода. Бываетъ, конечно, все бываетъ, а это—даже и часто. Но, роднушечка, это вѣдь не правило. И не вѣрь ты тѣмъ ханжамъ, что такъ вздыхаютъ о дѣтяхъ и готовы принудить ихъ жить въ каторгѣ, лишь бы не дать развестись родителямъ, возненавидѣвшимъ другъ друга.

— Такъ что... вы...

— Да вотъ такъ я тебѣ и совѣтую. Плюнь ты на своего Ирода поганаго; забери ты Володю, да уѣзжай въ свое родное гнѣздо. Скоро весна, не за горами ужъ. Отдохнешь душою и тѣломъ,—гляди-ко-сь, на что̀ стала похожа? Тѣнь тѣнью, все равно что та запятая, Таиса. Обживешься тамъ, въ своемъ дому-то, оглядишься, осмотришься, а тамъ требуй развода. Ты молода, хороша еще, жизнь у тебя впереди.

— Что̀ вы, тетя! Жизнь моя кончена, разбита...

— Вздоръ, вздоръ городишь! Найдешь человѣка, который тебя истинно полюбитъ... И годовъ тебѣ немного, тридцать-два, а туда же—жизнь кончена! Скажешь тоже! Вотъ я старуха, вдвое старше тебя, а и то гляжу впередъ и о смерти вовсе не думаю. Придетъ—ладно, а что о ней, подлой, зря думать, нервы свои разстроивать? И я къ вамъ, немного спустя, пріѣду. Да вотъ что̀: Миша у меня будетъ, онъ надняхъ уѣзжаетъ: велю-ка я ему домъ-то твой расколотить да все прибрать и пристроить къ твоему пріѣзду. Идетъ, что-ли?

— Онъ мнѣ развода не дастъ,—задумчиво и грустно проговорила Ирина.

— Что онъ подлецъ, это я знаю,—сурово отвѣтила Екатерина Васильевна.—А тогда онъ будетъ окончательнымъ подлецомъ. И такъ я ему это въ лицо и скажу, коли приведетъ съ нимъ несчастье свидѣться. Скажи, пожалуйста, нахалъ этакій, на рожденье ко мнѣ пріѣхалъ! Ему подъ самымъ носомъ дверь прихлопнули. Да ты что̀?—вдругъ вскрикнула она, взглянувъ на племянницу и удивляясь скорбному выраженію ея лица:—никакъ ты еще любишь этого молодчика?

Ирина Львовна ничего не отвѣтила, какъ бы сосредоточиваясь сама въ себѣ и допрашивая свою совѣсть и сердце.

— Нѣтъ, тетя,—убѣжденно и серьезно сказала она, наконецъ.—Нѣтъ, не люблю.

Она провела рукою по глазамъ, точно хотѣла окончательно очнуться отъ дурного сна.

— Слава-те, Господи!—проворчала тетка.

— Нѣтъ, не люблю. А только...

— Ну, что еще только?

— Жаль мнѣ его. Воли у него нѣтъ. Сдѣлаетъ она его несчастнымъ на всю жизнь. Жаль мнѣ его. Привыкла за десять лѣтъ.

— Ну, а мнѣ такъ его вовсе даже не жалко. Тряпичные вы все люди здѣсь, въ Петербургѣ; вотъ ты и не петербургская, а заразилась этой разслабленностью. Жаль! Кого? За что? Чего его жалѣть? Самъ вѣдь этого захотѣлъ... А вотъ что развода не дастъ—этому вѣрю.

— Вотъ видите.

— Ну да, вѣрю. И знаешь, почему? Потому бракъ съ тобою —для него якорь спасенья.

— Почему?

— Неужто же не вдомёкъ? Вѣдь ежели онъ освободится, микроба-то его зеленая быстро заставитъ на себѣ жениться. А онъ хоть и глупъ, сердешный, а это пойметъ, что тутъ ему—крышка. Таиска-то его—не ты. Не святая. Виды видывала и дѣла обдѣлывала. Не даромъ ее никто въ домъ не пускаетъ. Мнѣ Женя разсказывала.

— Ну... Женя...

— Чего—ну? Женя—бабенка ловкая и вовсе не глупая, что тамъ ни говорите. Таиса за границей связалась съ какимъ-то иностранцемъ, пёсъ его знаетъ, кто онъ такой былъ. Говорили, будто игрокъ въ Монте-Карло или шулеръ какой-то изъ прогорѣвшихъ аристократовъ. И будто выигралъ онъ сколько-то сотъ тысячъ въ эту самую вертушку, а потомъ сгинулъ, исчезъ. Всю полицію подняли на ноги, Таису таскали къ допросу, къ слѣдователю. Ну, ничего, отвалила кушъ, откупилась.

— Сплетни все это, тетя!—запротестовала Ирина Львовна.— Чтобы откупиться, нужны большія деньги, а у нея никогда ихъ не было. Не знаю, какъ она и за границу-то попала.

— А я знаю. Гувернанткой въ одной семьѣ поѣхала. А тамъ дѣтей побросала, да съ этимъ аферистомъ и спуталась. Аферистъ-то исчезъ, а деньги при ней остались. Ими и откупилась, да еще про запасъ оставила. Вонъ, живетъ въ Петербургѣ, обстановка, камни тамъ драгоцѣнные и все такое. Вотъ какой фруктъ хочетъ сорвать твой муженекъ. И прекрасно! Пущай себѣ срываетъ, а ты не мѣшай. Больно онъ себѣ руки исколетъ. А жалѣть можно ребенка, который зря на битое стекло черезъ заборъ лѣзетъ, а такого-то чего жалѣть? Не маленькій,

чай. Вотъ ты говоришь: сплетни. Ну, пусть сплетни. А часть правды все-жъ таки есть. Про тебя вѣдь не сплетутъ этакую хитрую исторію? Ну, скажутъ, что ты тоже съ любовникомъ убѣжала, ну, хотя бы съ этимъ самымъ Мишей. И пущай. А тебѣ чтò? Но вѣдь не скажутъ, что ты мѣнялу на Садовой убила или Ротшильда обокрала? И про меня не скажутъ, что я... ну, даже и не придумаю чтò. А говорятъ всегда то, чтò подходитъ къ человѣку. Такъ-то, другъ мой! Наплюй ты на все, да и расходись, коли, дѣйствительно, его не любишь. Ну, а коли любишь—тогда ничего тебѣ не скажу. Страдай, коли въ этомъ радость находишь и пока не сведетъ тебя въ могилу эта радость. Любить тебя не перестану, а уважать ужъ не буду... не взыщи...

Въ это время раздался звонокъ.

— Да это Миша!—радостно вскрикнула Екатерина Васильевна.—Вотъ, поговори съ нимъ... Здравствуй, Миша!

Карелиновъ подошелъ къ старухѣ и съ чувствомъ поцѣловалъ ей руку.

— Здравствуйте, тетя!—сказалъ онъ.—Простите, что такъ, по старой памяти, называю.

— Здравствуй, здравствуй, голубчикъ. А вотъ твоя паціентка. Гляди, на чтò похожа! Тѣнь тѣнью. Докторà тоже! Диплома-то тебя лишить за такое леченье!

Карелиновъ молча и серьезно поцѣловалъ руку Иринѣ Львовнѣ.

— Не моя въ этомъ вина, тетя,—грустно улыбнувшись, сказалъ онъ.—Я говорилъ Иринѣ Львовнѣ... Такая жизнь не по ея силамъ и нервамъ. Еще годъ такой жизни—и я, право, ни за что не ручаюсь. За какую же вину лишать меня диплома? Докторà прописываютъ лекарства, но они не отвѣтственны за неисполненіе ихъ предписаній. Иринѣ Львовнѣ нужно измѣнить невозможный режимъ жизни, нужно перемѣнить климатъ, нуженъ полный—подчеркиваю это слово—отдыхъ. Душевное успокоеніе. Вотъ чтò ей нужно и вотъ мой рецептъ. Врачи иногда предписываютъ неимущимъ больнымъ поѣздку на заграничныя воды, и надъ ними смѣются за это. Почему? Врачъ убѣжденъ, что такія-то воды въ данномъ случаѣ являются спасительными. Онъ обязанъ это сказать. Но если у паціента нѣтъ средствъ или охоты уѣхать, развѣ врачъ виноватъ?

Онъ сѣлъ, закурилъ, съ разрѣшенія обѣихъ женщинъ, папиросу и молча, пытливо и внимательно взглянулъ на Ирину.

— И все ты это болтаешь напрасно,—ворчливо сказала

Екатерина Васильевна.—Ирочка рѣшила уѣхать. Вѣдь рѣшила ты, Ирочка?

Одно мгновенье Ирина Львовна заколебалась.

Сердце ея учащенно, тревожно забилось. Она закрыла глаза. Вся ея супружеская жизнь пронеслась передъ ея воображеніемъ во мгновеніе ока. И когда картины невозможныхъ, гнусныхъ, тяжелыхъ сценъ послѣднихъ дней стали передъ нею, она содрогнулась отъ отвращенія, открыла глаза и твердымъ голосомъ проговорила:

— Да, тётечка, рѣшилась безповоротно. Я не люблю его больше. Онъ производитъ на меня удручающее впечатлѣніе. Мнѣ жаль его по человѣчеству, какъ жаль было бы всякаго человѣка, съ которымъ я давно знакома. Но любви у меня нѣтъ. О, нѣтъ! Въ этомъ я твердо убѣждена. Ему будетъ тяжело, это я знаю. Отъ него отвернутся всѣ наши знакомые, какъ отвернулись отъ... Таисы Николаевны; онъ будетъ несчастенъ и одинокъ, какъ дерево, сраженное бурей. Но я уже не въ состояніи больше приносить себя и ребенка въ жертву ради его благополучія. Нѣтъ, тетя, я не люблю его больше. Смѣло говорю это, потому что еслибы еще любила, то способна была бы на жертвы. Но я уже не способна на нихъ.

Карелиновъ съ глубокимъ вниманіемъ и душевнымъ волненіемъ слушалъ ее.

По мѣрѣ того какъ она говорила, какъ голосъ ея крѣпъ и пріобрѣталъ какую-то внутреннюю силу, и по мѣрѣ того какъ онъ чувствовалъ, сознавалъ, что она говоритъ не подъ вліяніемъ минуты, а говоритъ словами то, что̀ рождается въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ ея души, лицо его расцвѣтало и сердце его радостно билось.

— Павшее дерево рубятъ на дрова, да оно ни на что больше и не годится,—съ жестокостью сказала Екатерина Васильевна.—Ну, такъ вотъ что̀, государь мой,—обратилась она къ Карелинову.—Уѣзжай-ка ты, батюшка, откуда пріѣхалъ; дастъ тебѣ Ирочка довѣренность,—расколоти, да распакуй ея домишко, устрой тамъ все, что̀ надо, найми надежную прислугу, да и дай намъ сюда депешу. Снаряжу я ее тогда съ Володей въ путь, а тамъ и сама пріѣду.

Ирина запротестовала.

— Съ какой стати, тётечка, ты взваливаешь такую обузу на Миш... Михаила Ниловича? У него, я думаю, и своего дѣла по горло.

Карелиновъ хотѣлъ возражать, но Екатерина Васильевна ему помѣшала.

— Какъ это „съ какой стати"?! Да что̀ онъ намъ чужой, что-ли?

— Вотъ за эти слова спасибо,—сказалъ Карелиновъ, цѣлуя ея руку.—Ирина Львовна... не лишайте меня радости оказать вамъ такую пустую услугу. Дай Богъ, чтобы когда-нибудь я могъ сдѣлать для васъ что-нибудь бо̀льшее.

Ирина смущенно его поблагодарила.

Валер. Свѣтловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
СТАРАГО ЗЕМЦА

VI *).

Около этого времени институтъ мировыхъ посредниковъ былъ упраздненъ, и губернскому земскому собранію предстояло выбрать вновь учрежденныхъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Ко времени открытія губернскаго земскаго собранія, совпадавшаго въ этомъ году и съ дворянскимъ, я уже зналъ, что П. рѣшилъ не оставаться въ уѣздѣ, и что А. выходитъ въ отставку. Единогласнымъ уѣзднымъ приговоромъ мнѣ приходилось продолжать служить предводителемъ дворянства и послѣдующее трехлѣтіе, и, по уходѣ А., занять опять и его мѣсто. Выхода не было,—слѣдовательно, необходимо было заняться пріисканіемъ кандидата на новую должность непремѣннаго члена, такъ какъ предсѣдательство въ новомъ присутствіи было возложено на того же предводителя, и непремѣнный членъ являлся весьма важнымъ лицомъ въ дѣлѣ возможнаго упорядоченія волостныхъ учрежденій. Вопіющій недостатокъ въ людяхъ былъ все тотъ же. Гдѣ его взять, подходящаго человѣка? Бывшіе мировые посредники не годились до очевидности, да и двое изъ нихъ къ тому времени уже покинули уѣздъ. Послѣ долгихъ размышленій, пришлось остановиться на одномъ молодомъ человѣкѣ, сосѣдѣ, И. Это была величина въ то время весьма неопредѣленная. И. былъ

---

*) См. выше: сент., стр. 144.

человѣкъ со средствами, владѣлъ большимъ, хорошимъ имѣніемъ, лѣсными дачами, имѣлъ деньги, и считался порядочнымъ сельскимъ хозяиномъ. Извѣстно было, что курса онъ нигдѣ не окончилъ, несмотря на то, что отецъ извелъ уйму денегъ на приватные уроки, и даже посылалъ его учиться за границу, что̀ въ то время было исключеніемъ. Затѣмъ, тотъ же отецъ, лично далеко не пользовавшійся въ уѣздѣ популярностью, женилъ его на дѣвушкѣ съ приданымъ и изъ считавшагося гораздо выше его по общественному положенію стариннаго родовитаго и богатаго семейства, и до самой смерти разсказывалъ вездѣ и всюду, какъ онъ „надулъ“ этимъ бракомъ тещу сына, барыню важную и съ значительнымъ престижемъ не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Все это, понятно, тяготѣло надъ И., и къ нему относились съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ очень скроменъ и въ обществѣ предпочиталъ упорно молчать. Онъ никогда не служилъ нигдѣ, и его кандидатура была до извѣстной степени аналогична съ кандидатурой А. въ предсѣдатели управы, и могла оказаться также опасной. Тѣмъ не менѣе, выбора не было, и всѣ губернскіе гласные отъ нашего уѣзда, за исключеніемъ Л., рѣшили остановиться на И.

Губернское земское собраніе новаго состава значительно измѣнило свой персоналъ сравнительно съ предшествовавшимъ трехлѣтіемъ. Кромѣ Л. и меня, всѣ остальные гласные отъ нашего уѣзда были новые люди. Правая значительно потеряла, а лѣвая соотвѣтственно выиграла. Ихъ силы были приблизительно равны, и балансъ находился въ рукахъ нѣсколькихъ голосовъ, неопредѣленныхъ по своимъ убѣжденіямъ, и голосовавшихъ то съ тѣми, то съ другими, и безсознательно рѣшавшихъ дѣло. Всѣ собранія, вездѣ и всюду, содержатъ въ себѣ частицу членовъ такого сорта, составляющую какъ бы промежуточное звено, связь между опредѣленными противными сторонами. Старѣйшіе представители лѣвой передавали намъ, новичкамъ, какъ она росла постепенно со времени перваго губернскаго земскаго собранія, въ которомъ насчитывалось въ ней всего около дюжины членовъ,—тогда какъ теперь къ ней принадлежала цѣлая половина собранія. Изъ новыхъ гласныхъ особенно много говорили два присяжныхъ повѣренныхъ, одинъ изъ Петербурга и примкнувшій къ лѣвой, другой изъ Москвы, сразу занявшій положеніе передового оратора порѣдѣвшей правой. Между ними постоянно происходили и горячія, и комическія схватки, много способствовавшія поддержанію веселаго настроенія въ собраніи. Я

былъ выбранъ единственнымъ секретаремъ этого собранія, и оставался имъ безсмѣнно всѣ послѣдующіе годы, пока не оставилъ земской службы. Необходимо замѣтить, что за все то время, что я прослужилъ, и въ уѣздныхъ, и въ губернскихъ собраніяхъ,—какъ читатель узнаетъ ниже, по достиженіи земскаго совершеннолѣтія, мнѣ пришлось быть уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ и въ другой губерніи, гдѣ у меня тоже было имѣніе,—только первыя собранія трехлѣтія, на которыхъ производились выборы, и привлекали почти полный составъ членовъ, и то на дни выборовъ,—въ слѣдующіе два года присутствовало обыкновенно не больше половины;—и такъ какъ дѣйствительно работавшіе въ собраніяхъ люди были все одни и тѣ же, эти двадцать дней доставались имъ не легко. Въ уѣздныхъ собраніяхъ выбиралась только одна постоянная коммиссія, ревизіонная; въ губернскихъ же къ ней прибавляли и другую, редакціонную, въ которую и передавались всѣ сложные вопросы для предварительнаго разсмотрѣнія и надлежащаго оформленія. Эти 10—12 человѣкъ и несли на себѣ всю работу. Я отлично помню, какъ въ губернскомъ собраніи той другой губерніи, мнѣ, бывшему членомъ ревизіонной въ немъ коммиссіи, пришлось совершенно одному не только обревизовать все страховое дѣло губерніи за предшествовавшее трехлѣтіе, но и составить и написать цѣлый докладъ относительно его улучшенія, такъ какъ его положеніе оказалось значительно позади времени. Благодаря такому порядку, незначительное, сравнительно, меньшинство, сидѣло за работой съ утра до ночи, часто и по ночамъ, а большинство весело проводило время. Должно быть, на этомъ свѣтѣ всегда одни возятъ, а другіе ѣздятъ.

Крупнымъ вопросомъ, вызвавшимъ сильное волненіе и длинныя, оживленныя пренія, оказался совершенно неожиданно вопросъ объ увеличеніи содержанія предсѣдателю и членамъ губернской управы. Предсѣдатель получалъ 2.400 р., члены—по 1.800 р. въ годъ. Извѣстно было, что управа, въ особенности князь, давно недовольны этимъ содержаніемъ, что оно значительно ниже содержанія тѣхъ же земскихъ чиновъ во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ, что жизнь въ Z. была сравнительно дорога, и что стоющимъ людямъ, которымъ приходилось бросать свои имѣнія и всѣ дѣла и переѣзжать въ губернскій городъ всего на три года—земская служба вообще, а въ губернской управѣ въ особенности, никогда не была и не можетъ быть прочною—едва ли былъ разсчетъ дѣлать это при такомъ скудномъ вознагражденіи. Служба мировыхъ посредниковъ и судей,

получавшихъ по 1.500 р. въ годъ и жившихъ въ своихъ имѣніяхъ, оплачивалась, конечно, сравнительно, гораздо лучше,—а она была и покойнѣе, и прочнѣе, и далеко не ставила такихъ требованій къ занимавшимъ эти мѣста лицамъ, какъ тѣ, которымъ необходимо долженъ былъ удовлетворять персоналъ губернской земской управы; возиться съ успѣхомъ съ губернскимъ земскимъ собраніемъ, конечно, несравненно труднѣе, чѣмъ съ какимъ бы то ни было уѣзднымъ учрежденіемъ. Все это теперь кажется мнѣ яснымъ какъ день, аксіомой, не требующей никакихъ доказательствъ. А въ то время и я, и Z—ское губернское земское собраніе—по крайней мѣрѣ значительное его большинство, заключавшее въ себѣ всю лѣвую цѣликомъ,—смотрѣли на вещи совершенно иначе. На первомъ планѣ были долгъ, обязанности, требовавшія отъ земцевъ самопожертвованія; Z—ское земство потому, молъ, и стояло такъ высоко, потому и считалось однимъ изъ передовыхъ въ Россіи, что во главѣ его всегда находились люди, для которыхъ денежный вопросъ всегда стоялъ на заднемъ планѣ, которымъ всегда недоплачивали за ихъ работу, и которымъ проистекающее отсюда самоуслажденіе было дороже всего на свѣтѣ. Земство же должно гордиться тѣмъ, что его служащіе довольствуются гораздо мѣньшимъ содержаніемъ, чѣмъ ихъ собратья во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ; въ этомъ высокомъ самопожертвованіи — залогъ его преуспѣянія и надеждъ, которымъ слѣдуетъ дорожить какъ святыней. Какія горячія, восторженныя рѣчи были произнесены на эту тему! И какъ мнѣ теперь стыдно за ту, въ которой и я счелъ необходимымъ излить и мои возвышенныя чувства! И какъ все это было искусственно, приподнято, незрѣло, даже прямо нелѣпо! Фальшивое настроеніе завѣшивало намъ глаза, не позволяло видѣть вещи въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ. Мы строили наше зданіе на пескѣ. Оттого, можетъ быть, и людей не было, да и быть ихъ не могло, что ихъ жизнь и трудъ при деревенскихъ условіяхъ того времени были недостаточно производительны; оттого они и бѣжали изъ деревни и земства, что работа была тяжела, не оплачивалась и не обезпечивала ихъ хоть сколько-нибудь. Это была ложная экономія, основанная на недоразумѣніи, на неправильномъ пониманіи долга;—никакіе расходы не тяжелы, разъ они производительны, и лучше и выгоднѣе бы было платить что̀ слѣдовало двумъ дѣльнымъ людямъ, чѣмъ содержать впроголодь полдюжины дармоѣдовъ. Какъ ни драгоцѣнно самоуслажденіе, имъ счетовъ за квартиру и въ лавки не заплатишь, а это именно то, что̀ въ данномъ случаѣ ожидалось отъ персонала Z—ской гу-

бернской земской управы и что ему приходилось дѣлать и прежде, и послѣ. И вопросъ объ увеличеніи ему содержанія провалился съ трескомъ и шумомъ, при ликованіи всѣхъ лучшихъ людей собранія. А въ результатѣ дѣйствительные работники, побившись трехлѣтіе, много два, бѣжали и бѣжали. Возможности питанія самоуслажденіемъ скоро неизбѣжно наступалъ конецъ. Всякое общественное дѣло должно быть основано на дѣловыхъ, неуклонныхъ базисахъ, а не на сантиментѣ и настроеніи,—они слишкомъ скоропреходящи и ненадежны.

Насколько я помню, въ этомъ же собраніи начались и пренія о всесословной волости. Толки объ этомъ вопросѣ продолжались въ губернскомъ земствѣ—да и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ—въ теченіе всей моей службы; были выбраны особыя коммиссіи для его предварительной разработки, заслушивались ихъ доклады и возбуждались ходатайства передъ высшими государственными учрежденіями. Само собой разумѣется, что весь этотъ вопросъ стоялъ исключительно на теоретической почвѣ, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, всесословная волость и до сихъ поръ неосуществлена. Настроеніе правительственныхъ и общественныхъ теченій того времени склонялось къ все бо̀льшему уравненію правъ сословій. Судебная реформа пошла въ этомъ отношеніи дальше всѣхъ предъидущихъ,—ея персоналъ былъ сдѣланъ доступнымъ для всѣхъ сословій, и ограниченъ только образовательнымъ цензомъ. Извѣстно было, что и ожидаемая реформа воинской повинности уничтожала цѣликомъ и эти, однѣ изъ самыхъ существенныхъ, привилегіи отдѣльныхъ классовъ. А въ то же время, въ деревенской жизни, сословія все еще имѣли огромное значеніе, и самая организація всѣхъ почти уѣздныхъ учрежденій вносила въ людскія сношенія и отношенія повседневную рознь. Всѣ реформы—исключая, конечно, освободительную—или совсѣмъ не касались мужика, или касались его только весьма поверхностно. Въ своей повседневной жизни мужикъ былъ совершенно отдаленъ отъ нихъ, и ограниченъ волостнымъ правленіемъ и волостнымъ судомъ. Мировые судьи были не про него,—мужикъ соприкасался съ ними только какъ съ карающимъ элементомъ, или если противная сторона принадлежала къ другому сословію. Мировые посредники вѣдались только съ ихъ выборнымъ начальствомъ и входили въ ихъ дѣла только когда они жаловались на это начальство. Много было поломано копій и исписано бумаги по поводу обычнаго права и волостныхъ судовъ. Ихъ безусловное признаніе и та автономія, которая была имъ дарована теоретически Положеніемъ 19-го февраля

1861 г., были, конечно, одной изъ главныхъ побѣдъ предшественниковъ народниковъ семидесятыхъ годовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ пятидесятыхъ. То, что на практикѣ они въ громадномъ большинствѣ случаевъ попали въ кабалу и сдѣлались самымъ надежнымъ орудіемъ въ рукахъ паскуднѣйшихъ волостныхъ дѣльцовъ—совсѣмъ нельзя ставить въ вину Положенію. Оно обставило дѣло вполнѣ удовлетворительно,—бѣда оказалась какъ въ исполненіи, такъ и, главное, въ неправильности другихъ его основъ,—въ томъ, что волость была сдѣлана исключительно крестьянской организаціей, и что наиболѣе интеллигентные въ ней элементы оказались устраненными отъ участія въ ея дѣлахъ. Радикально несправедливо было и то, что элементы эти, живя въ предѣлахъ волости и пользуясь ея органами для личныхъ своихъ потребностей, не несли ни малѣйшаго участія ни въ ея расходахъ, ни въ ея работѣ. Они пользовались существенными правами и не несли никакихъ обязанностей. Всесословная волость измѣнила бы всѣ эти несообразности, однѣ—совершенно, другія—весьма существенно. Таковы были, вкратцѣ, основы аргументаціи сторонниковъ всесословной волости. Отдавая должную справедливость всей этой аргументаціи, я лично придавалъ ей только второстепенное значеніе, думая, что, безъ широко организованной всесословной волости, никакой серьезный прогрессъ въ деревенской жизни невозможенъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что я считалъ ее единственной и все разрѣшающей панацеей; я только полагалъ, что она должна была быть однимъ изъ средствъ, наличность которыхъ была необходима для того, чтобъ мужикъ, какъ нѣчто обособленное и ограниченное, могъ исчезнуть. Я всегда думалъ, что вся реформаторская ломка, которую въ то время уже второе десятилѣтіе переживала Россія, не шла дальше поверхности, не касалась сути. Положеніе 19-го февраля, освободивъ крѣпостныхъ, оставило ихъ *мужиками*. Учреждались крестьянскія учрежденія, нѣчто спеціальное для нихъ однихъ. Они и не были, и не могли быть гражданами, потому что были выдѣлены, потому что были прежде всего и только *мужики*. И волость была только мужицкая, и волостные суды были только для мужиковъ, и та же выдѣляющая идея была основой новыхъ крестьянскихъ учрежденій—губернскаго и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій,—должныхъ замѣнить первоначальныя—институтъ мировыхъ посредниковъ. Всякій другой обыватель—и помѣщикъ, и мѣщанинъ, и купецъ, и духовенство—шелъ со *всѣми* своими дѣлами въ общія учрежденія, къ мировому судьѣ, къ нотаріусу, къ

исправнику, въ земскую управу;—мужикъ же былъ ограниченъ волостнымъ судомъ, сельскимъ сходомъ, общиной, волостнымъ правленіемъ; только не получивъ удовлетворенія въ этой первой инстанціи,—и то только въ извѣстныхъ случаяхъ, сравнительно важныхъ и потому рѣдкихъ,—могъ онъ обращаться выше, и то опять-таки въ спеціальныя, для него одного устроенныя учрежденія. Всякій обыватель могъ пользоваться услугами закона,—мужикъ долженъ былъ довольствоваться обычнымъ правомъ, чѣмъ-то, въ лучшемъ случаѣ, неопредѣленнымъ. Почему это обычное право было достаточно для мужика и непригодно для всѣхъ остальныхъ классовъ того же народа? Потому что онъ былъ и оставался *мужикомъ*. Самые крайніе защитники обычнаго права не могли не сознавать, что оно, представляя собою народную, то-есть мужицкую мудрость, было неизбѣжно тѣсно связано и съ мужицкимъ невѣжествомъ, примитивной жестокостью, очень часто съ дикими предразсудками. Если я и понималъ обычное право на окраинахъ, гдѣ *все* коренное населеніе состояло изъ иноплеменныхъ инородцевъ, я считалъ нелогичнымъ оставленіе его въ центральной Россіи, гдѣ его примѣненіе только къ мужику выдѣляло и обособляло его, и только укореняло, усугубляло и подчеркивало разницу между нимъ и всѣмъ остальнымъ русскимъ народомъ. Русское обычное право центральной части имперіи воспитывалось триста лѣтъ крѣпостнымъ правомъ, т.-е. абсолютнымъ мужицкимъ безправіемъ; если въ немъ и были и есть хорошія стороны, весь общій духъ его морали отнюдь не могъ способствовать развитію чувствъ законности, уваженія права какъ принципа, и всѣхъ тѣхъ сторонъ человѣческой мысли, безъ сознанія которыхъ и получаются „мужики", а не граждане. Времена были темныя, нравы жестокіе, безправіе и право сильнаго служили основой, корнемъ всей мужицкой жизни; обычное право было дѣтищемъ, прямымъ, непосредственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ условій, а мужикъ былъ оставленъ всецѣло подъ его руководствомъ и послѣ того, какъ его освободили и сдѣлали изъ раба человѣкомъ—какъ мнѣ казалось, только на бумагѣ. Уже одно простое сознаніе одного того факта, что для всѣхъ остальныхъ людей одни законы, а для него—другой, отдѣльный, особенный,—самымъ пагубнымъ образомъ вліяло на мужицкое самосознаніе, на его собственную оцѣнку самого себя и своего положенія. Съ открытіемъ мировыхъ судебныхъ учрежденій, у деревенскихъ мировыхъ судей отбою не было отъ крестьянскихъ прошеній, и потребовалось нѣсколько лѣтъ, чтобъ деревня поняла выраженіе—„неподсудно, потому что ты мужикъ". Мнѣ

много разъ приходилось толковать съ крестьянами на эту тему, и я убѣжденъ, что многіе отлично понимали суть дѣла, и то, чего они были лишены своей обособленностью. Они значились на бумагѣ крестьянами, земледѣльческимъ сословіемъ, а въ дѣйствительности оставались мужиками, обособленными паріями. И для меня лично, во всѣхъ подобныхъ вопросахъ, уничтоженіе или даже уменьшеніе этой обособленности всегда казалось главнымъ и рѣшающимъ факторомъ. И такъ какъ, въ данномъ случаѣ, всесословная волость неизбѣжно должна была принести по меньшей мѣрѣ уменьшеніе этой обособленности, этого выдѣленія, то я и былъ безусловнымъ ея сторонникомъ, хотя и никогда не имѣлъ никакой надежды, чтобы что-либо, хоть мало-мальски отвѣчавшее дѣйствительнымъ потребностямъ, могло осуществиться не только скоро, но и въ теченіе жизни поколѣнія.

Разъ пришлось затронуть всесословную волость и обычное право, я не могу не сказать и нѣсколькихъ словъ и объ общинѣ, такъ какъ и она не переставала составлять предметъ толковъ разныхъ кружковъ въ губернскомъ земствѣ. Народническая аргументація въ пользу этого учрежденія всѣмъ извѣстна. И община была оставлена нетронутой Положеніемъ 19-го февраля. Я лично смотрѣлъ на общину во многихъ отношеніяхъ такъ же, какъ и на обычное право, что подробно выяснено выше. Для мужика— общинное владѣніе землей и міръ, а для всѣхъ остальныхъ классовъ народа—частное землевладѣніе и индивидуализмъ. Историческія условія, создавшія общину и міръ, давно исчезли, а учрежденія эти остались, но только для мужика. Разъ считать крестьянина просто человѣкомъ, а не, кромѣ того, и мужикомъ, специфической особью,—логически согласовать такого дѣленія невозможно. Кромѣ того, изъ того опыта, который мнѣ давало мое знакомство съ дѣлопроизводствомъ волостныхъ учрежденій, у меня очень скоро зародились самыя сильныя сомнѣнія въ правильности главнаго положенія общаго взгляда народниковъ на общину, будто она обезпечиваетъ всѣхъ членовъ общины, и сильныхъ, и слабыхъ, отъ обезземеливанія и пролетаріата. Въ дѣйствительности же, это достигалось только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда деревня пользовалась многоземельемъ; а въ N—скомъ уѣздѣ, у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, за недостаточностью надѣла, преобладало совершенно противное явленіе—малоземелье. Населеніе, какъ и во всякой чисто земледѣльческой странѣ, быстро возростало, и уже по истеченіи перваго десятилѣтія по введеніи Положенія 19-го февраля малоземелье это дѣлалось очевиднымъ все больше и больше. И вездѣ,

гдѣ проявлялось его вліяніе, община оказывалась безсильной, и деревенскій міръ—подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же факторовъ, что и волостной судъ. Разъ земли было мало, слабый получалъ ее меньше, чѣмъ сильный, и его огражденіе посредствомъ общины не достигалось. Я лично изслѣдовалъ цѣлые десятки такихъ случаевъ, и такъ какъ знаю, что только самые вопіющіе доходили до властей, то и убѣжденъ, что это было общимъ явленіемъ. При передѣлахъ многосемейные и вліятельные обижали бѣдноту. По моему мнѣнію, добросовѣстное отношеніе общины къ своимъ членамъ въ старину вызывалось тѣмъ, что, за рѣдкостью населенія, всякій членъ былъ ей нуженъ;—чѣмъ многочисленнѣе она была, тѣмъ она была и сильнѣе, и безопаснѣе. Въ наше время этотъ факторъ исчезъ,—земли стало мало, и слабые члены съ ихъ недоимками и Дамокловымъ мечомъ круговой поруки за нихъ сдѣлались абсолютно нежелательными. Тогда какъ прежде всемогущій законъ самосохраненія требовалъ поддержки всякаго члена общины, теперь онъ же требовалъ искорененія слабыхъ. Они сдѣлались ярмомъ, безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, и община естественно стала стремиться къ тому, чтобы отдѣлаться отъ нихъ. Измѣнившіяся жизненныя условія принесли и измѣненіе въ отношеніяхъ. Только слѣпая идеализація мужицкой натуры можетъ поддерживать мысль, что она, благодаря общинному духу, способна противостоять требованіямъ самосохраненія. На практикѣ только въ немногихъ деревняхъ передѣлъ общинной земли производился въ извѣстные, заранѣе опредѣленные сроки; въ громадномъ большинствѣ случаевъ они дѣлались произвольно, черезъ три, пять, шесть лѣтъ. Мнѣ извѣстны случаи, что производился передѣлъ, существенно измѣнявшій число душъ на дворъ, хотя семейное положеніе нисколько не измѣнялось, и я увѣренъ, что еслибъ было произведено основательное изслѣдованіе такихъ передѣловъ за болѣе или менѣе продолжительные сроки, лѣтъ за 20, за 30, получилась бы весьма рельефная картина очевидныхъ несообразностей и несправедливостей, тѣмъ бо̀льшая, чѣмъ сильнѣе малоземелье,—картина, которая бы доказала, что теоретическое представленіе объ общинѣ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и что въ цѣлой массѣ деревень община является такимъ же вреднымъ и опаснымъ орудіемъ въ рукахъ сельскихъ дѣльцовъ-кулаковъ, какимъ несомнѣнно является волостной судъ въ рукахъ волостныхъ. Хотя Положеніемъ 19-го февраля и установленъ былъ порядокъ обжалованія рѣшеній деревенскаго міра-общины, на практикѣ порядокъ этотъ былъ совершенно недоступенъ мужику. Его заѣдятъ и загонятъ еще хуже, еще без-

выходнѣе, еслибъ онъ дерзнулъ къ нему прибѣгнуть. Вся обстановка деревни такова, что на мірскія рѣшенія нѣтъ и не можетъ быть апелляціи.

Чѣмъ больше я знакомился на мѣстѣ, на опытѣ съ деревней, тѣмъ больше я убѣждался въ томъ, что наши писатели-народники вносили въ свои разсужденія о деревнѣ и въ ея описанія слишкомъ много субъективности. Они давали намъ не то, что̀ существовало въ дѣйствительности, а то, что̀ имъ было желательно видѣть, якобы подтверждавшее ихъ теоретическіе взгляды, выработанные заранѣе, безъ знанія деревни. Мужикъ почти всегда поддакиваетъ барину, какую бы околесную этотъ послѣдній ни несъ, и какъ бы различно отъ него онъ самъ въ дѣйствительности ни смотрѣлъ на вещи. Мужикъ—по необходимости лицемѣръ; вся его жизнь учитъ его непрестанно, что лицемѣріе съ бариномъ, кто бы онъ ни былъ—самая выгодная для него тактика. Онъ смотритъ на всякаго барина—какъ, вѣроятно, мышь смотритъ на кошку или мелкая пташка—на ястреба, и не считаетъ ни нужнымъ, ни полезнымъ для себя выводить барина изъ его заблужденій. Для того, чтобы добраться до сути разныхъ сторонъ мужицкой жизни, нужно было прежде всего знать извѣстные, безспорные факты, и только съ ними въ рукахъ, разматывая терпѣливо, внимательно и осторожно даваемую ими нить, и можно было установить правду. Только съ теченіемъ времени я понялъ это, и всегда обращался за такими фактами къ дѣлопроизводству волостныхъ правленій, волостныхъ судовъ, приговорамъ сельскихъ обществъ, книгамъ для явки документовъ и т. д. Если ограничиться теоретическими разговорами съ мужикомъ, въ результатѣ не можетъ получиться ничего другого, кромѣ подтвержденія вашихъ собственныхъ взглядовъ и предположеній, подтвержденія болѣе или менѣе интенсивнаго, соотвѣтственно проявляемымъ вами же темпераменту и настойчивости. Мужикъ начинаетъ говорить дѣло, перестаетъ безцѣльно калякать, только если вполнѣ убѣдится, что вы уже сами добрались до сути, безъ его помощи. Да и въ такомъ случаѣ вамъ придется вытаскивать изъ него все, что̀ вамъ нужно, клещами. Онъ не будетъ откровененъ и искрененъ съ бариномъ по своей охотѣ,—для этого нужно, чтобъ у него не оставалось другого выхода. Даже такіе мужики, какъ Николай Иванычъ, говорятъ безъ опаски только очень рѣдко.

Община и ея дѣйствительное значеніе въ мужицкой жизни интересовали меня, само собой разумѣется, можетъ быть, больше всего остального. Относительно нѣкоторыхъ ея сторонъ я такъ и не успѣлъ вывести опредѣленныхъ заключеній. Но къ двумъ

безспорнымъ въ моихъ глазахъ выводамъ я таки-пришелъ. Общинное пользованіе землей, конечно, больше всего другого не только задерживало, но и останавливало всякій прогрессъ въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ вообще и земледѣліи въ особенности, и дѣлало невозможнымъ какое бы то ни было измѣненіе въ истощавшей почву трехпольной системѣ. Ни травосѣянія, ни разведенія корнеплодовъ, ни болѣе глубокаго паханія, ни нѣкоторыхъ другихъ улучшеній, обновившихъ земледѣліе западной Европы, при наличности общины ввести было нельзя. Консерватизмъ и предразсудки мужицкой массы стояли на пути какой-либо реформы и не давали болѣе предпріимчивымъ индивидуумамъ возможности даже испробовать что-либо новое. Затѣмъ, частые передѣлы, бывшіе у насъ общимъ правиломъ, вызывали все болѣе и болѣе небрежное отношеніе мужика къ своей полосѣ. Сегодня она моя,—разсуждалъ онъ,—завтра перейдетъ къ Ивану,—какая мнѣ польза удобрять ее, вырѣзать кочки на покосѣ, вырывать канаву для стока излишней воды? Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ у мужиковъ была, кромѣ надѣльной, и своя собственная, купленная земля, они вывозили на нее весь свой навозъ, оставляя общественную безъ всякаго удобренія, улучшали ее, заботились о ней;—купленную мужицкую землю можно было почти всегда сразу отличить отъ надѣльной. Я зналъ десятки случаевъ, когда мужики побогаче и похозяйственнѣе, обзаведясь десяткомъ-другимъ десятинъ собственной земли, передавали свои общинные надѣлы въ міръ, иногда даже обязываясь уплачивать за нихъ часть повинностей, и, оставаясь жить въ деревенской усадебной осѣдлости, переносили всю свою энергію и дѣятельность на эту собственную землю, которую произвольный передѣлъ не могъ отобрать у нихъ по своему усмотрѣнію. Постепенное отощаніе крестьянскихъ надѣловъ, а съ нимъ и медленное, но несомнѣнное пониженіе народнаго благосостоянія, было и есть, въ моихъ глазахъ, во многихъ случаяхъ, прямымъ результатомъ исключительно этихъ двухъ причинъ—невозможности прогресса въ земледѣліи и произвольности и учащенности передѣловъ, вызывавшихъ небрежность мужика къ своей полосѣ.

Русскій деревенскій міръ-община представляетъ собою крайній предѣлъ коллективизма въ общественныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Индивидуализму въ немъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и самая возможность прогресса мужика ограничена соотвѣтственно. Міръ этотъ выдѣляетъ мужика и является самымъ надежнымъ оплотомъ для мужицкаго невѣжества, суевѣрія, предразсудковъ. Въ N-скомъ уѣздѣ преобладали самые жестокіе, самые прими-

тивные нравы. Въ церкви священникъ, по совершеніи брака, спрашивалъ новобрачныхъ: „Кто кому покоренъ?" — и жена должна была валиться въ ноги мужу. Мужикъ привязывалъ нагую бабу къ задку телѣги и всенародно, не на животъ, а на смерть, дралъ ее возжами и чѣмъ попало подъ руку, и никто не смѣлъ поднять голоса въ ея защиту. Во многихъ деревняхъ центральной и западной частей уѣзда, которыя стояли на рѣкахъ и рѣчкахъ, были общественныя деревенскія бани, и оба пола мылись въ нихъ, по субботамъ, вмѣстѣ, и послѣ мытья бѣжали нагіе въ эти рѣки остывать и окунаться. Это продѣлывалось даже зимой. Во время деревенскихъ праздниковъ однимъ изъ обычныхъ состязаній въ силѣ и выносливости было то, что соперники обнажали и выпучивали животы и колотили другъ друга по нимъ до тѣхъ поръ, пока одинъ не сдавался. Снохачество было настолько обычнымъ, признаннымъ и санкціонированнымъ явленіемъ, что волостные суды пороли безъ всякаго милосердія сына, который вздумалъ бы противорѣчить отцу въ этомъ отношеніи. Суевѣріямъ и предразсудкамъ — одинъ нелѣпѣе и безсмысленнѣе другого — не было конца. Я лично зналъ нѣсколькихъ знахарей и вѣдьмъ, которые искренно вѣрили въ силу своихъ заговоровъ и снадобій. Представленія о правѣ и законѣ были самыя примитивныя, — они ограничивались, напримѣръ, тѣмъ, что если приложена печать, значитъ все правильно и законно; я помню нѣкоторые случаи, когда безграмотные сельскіе старосты прикапчивали свои печати къ самымъ возмутительнымъ абсурдамъ, и никакая сила въ мірѣ не могла бы разубѣдить цѣлое сельское общество, что это все-таки былъ абсурдъ и беззаконіе. Мужикъ, конечно, подчинялся рѣшенію начальства, но не разубѣждался, и только усиливалъ путаницу въ своихъ понятіяхъ, только еще болѣе вѣровалъ въ то, что „баре" скрадываютъ и утаиваютъ настоящій законъ. Какая-нибудь непутевая богомолка, какой-нибудь проходимецъ-странникъ могли безсознательно довести до бѣлаго кипѣнія цѣлую деревню, взбаломутить цѣлую волость самымъ вздорнымъ, самымъ пустымъ, безсмысленнымъ слухомъ.

И деревенскій міръ-община не только былъ цѣликомъ пропитапъ всѣмъ этимъ добромъ, наслѣдіемъ крѣпостного права, поголовной безграмотности и темноты, но и самымъ вѣрнымъ, самымъ усерднымъ его защитникомъ и охранителемъ. Онъ замыкалъ мужика, захватывалъ его собою. Если, благодаря счастливой случайности, мужикъ выходилъ изъ этого уровня, онъ уже не могъ довольствоваться деревней и уходилъ изъ нея совсѣмъ,

погибалъ для нея навсегда. Какъ семинаристъ, побывавшій въ университетѣ, переставалъ чувствовать себя дома въ родномъ селѣ, переставалъ понимать и быть понимаемъ даже своими ближайшими родными, такъ и мужикъ, даже и еще, конечно, въ бо̀льшей степени, дѣлался чуждымъ своимъ однодеревенцамъ и не могъ выносить атмосферы міра-общины. Я зналъ нѣсколькихъ петербургскихъ подрядчиковъ, унтеръ-офицеровъ гвардейскихъ полковъ, приказчиковъ поволжскихъ лѣсныхъ торговцевъ, наконецъ, стипендіатовъ земства, кончившихъ курсъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вышедшихъ изъ крестьянской среды N-скаго уѣзда. Всѣ они бросили его; ихъ индивидуализмъ не могъ ужиться ни съ деспотизмомъ міра-общины и его требованіями, ни съ деревенскими жизненными условіями. Они пропали для деревни, съ пріобрѣтенными ими запасами знанія, безслѣдно и безповоротно, и не поднимали ея своими личностями. Постепеннаго прогресса деревни не было,—разъ мужикъ выбивался какъ-нибудь, онъ переставалъ быть мужикомъ и уходилъ въ другую сферу. Деревня оставалась въ своемъ замкнутомъ, заколдованномъ кругу, лишенная воздѣйствія своихъ лучшихъ силъ, если онѣ въ ней и находились. Индивидуализмъ и личная энергія не могли уживаться съ деревней,—она была слишкомъ тяжела, слишкомъ подавляюща; нужно было быть мужикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова,—иначе оставалось или повѣситься, или бѣжать, куда глаза глядятъ. Человѣку, не-мужику, въ ней не было и не могло быть мѣста. Она была сама по себѣ, остальной русскій народъ—самъ по себѣ; между ними стояла бездонная, непроходимая пропасть. Я думаю, что наиболѣе краткой и вѣрной характеристикой этой обособленности мужицкой деревни можетъ служить анекдотъ, ходившій по N-скому уѣзду, по поводу того, что когда, въ 1861 году, Л. пожелалъ приписаться къ сельскому обществу и взять въ немъ надѣлъ, ему дипломатично дали понять свыше, что онъ, вѣроятно, упустилъ изъ виду, что, съ полученіемъ такой привилегіи, онъ долженъ быть готовъ и къ тому, что въ одинъ прекрасный день его могутъ и высѣчь въ волости [1]).

---

[1]) Цѣлые томы разсужденій на тему обособленности и замкнутости мужика и его міровоззрѣнія не дадутъ такой яркой и рельефной картинки, какъ маленькій, но въ высшей степени характерный разсказъ Антона Чехова—„Злоумышленникъ“ (См. Разсказы, томъ III). Я отсылаю читателя къ этому удивительно талантливому и вѣрному дѣйствительности разсказу,—онъ сразу поставитъ его au courant всего того, что̀ мое бѣдное перо не въ состояніи, конечно, передать съ достодолжной убѣдительностью.

Тяготѣніе русскаго интеллигента къ абстракту и къ теоретическимъ препирательствамъ по принципіальнымъ вопросамъ предпочтительно передъ чисто практическими, въ родѣ вопросовъ объ оцѣнкѣ имуществъ и раскладкѣ налоговъ, проявлялось и въ отношеніи губернскаго земства къ дѣлу продовольственному, переданному Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ въ его вѣдѣніе вмѣстѣ съ капиталомъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія. Всесословная волость, обычное право, община, занимали вниманіе его лучшихъ людей гораздо больше, чѣмъ продовольственное дѣло губерніи, находившееся въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи въ томъ смыслѣ, что запасовъ никакихъ не было, громадное большинство населенія жило изо дня въ день, и въ случаѣ неурожая было совершенно необезпечено. Каждый годъ могъ принести съ собою не только нехватку въ хлѣбѣ, но и прямой голодъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ по введеніи земскихъ учрежденій, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Z-ской губерніи, въ томъ числѣ сильнѣе другихъ въ N-скомъ, былъ сначала недородный, а затѣмъ и неурожайный годъ. Земская организація была еще очень нова и несовершенна, неурожай этотъ засталъ ее врасплохъ; пришлось обратиться сразу къ губернскому запасному капиталу, и къ тому времени, какъ я началъ свою земскую службу, капиталъ этотъ почти полностью состоялъ въ недоимкахъ; по N-скому уѣзду недоимка эта была особенно значительна, и губернская управа пыталась собрать ее, тѣмъ болѣе, что послѣдніе два-три года были въ немъ урожайными. Когда я разобрался въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ по поводу этихъ ссудъ, я встрѣтилъ несоотвѣтствіе въ счетахъ губернскаго и уѣзднаго земства, цѣлую массу недоразумѣній, невѣрностей, даже, вѣроятно, фальшивыхъ вѣдомостей и донесеній волостныхъ правленій. Мужикъ не понималъ, что это была ссуда, принималъ ее за „пособіе", за даровую помощь, и въ спискахъ недоимщиковъ въ продовольственный капиталъ я нашелъ имена хорошо мнѣ извѣстныхъ богатыхъ крестьянъ, конечно, не имѣвшихъ нужды въ какой-либо ссудѣ. Тщательное мѣстное разслѣдованіе въ нѣскольких волостяхъ убѣдило меня, что, во-первыхъ, распутать эти счеты и покончить съ недоимкой безъ прямого произвола будетъ невозможно; во-вторыхъ, что не только въ мужицкомъ мірѣ, но и у должностныхъ лицъ волостного управленія существовали по этому предмету самыя разнообразныя, нерѣдко очень дикія представленія. Только очень немногіе изъ послѣднихъ подозрѣвали, что это была ссуда, которую придется платить—какъ, откуда, почему—не зналъ никто. Тотъ на-

терiализмъ, который на Руси проявляется неизмѣнно, какъ нѣкій deus ex machina, и къ которому такъ привыкъ и приспособился русскій народъ вообще и мужикъ въ особенности, давалъ себя знать вездѣ и всюду; мужику говорили, что онъ можетъ получить такое-то число рублей или пудовъ хлѣба на дворъ или на душу; онъ не заботился, какъ и почему, а разсуждалъ, что даютъ деньги—бери, а тамъ—что Господь дастъ. Все, чѣмъ онъ жилъ, даже освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, приходило къ нему свыше, неизвѣстно откуда, безъ его вѣдома или согласія;—ему давали волостныхъ старшинъ и волостные суды, мировыхъ посредниковъ, непремѣнныхъ членовъ, становыхъ, и онъ бралъ ихъ, какъ бралъ и ссуду изъ губернскаго продовольственнаго капитала, не имѣя о немъ ни малѣйшаго понятія. Еслибъ воспроизвести тѣ сцены и разговоры, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ и участникомъ по поводу этого разслѣдованія на мѣстѣ,—читатель бы, конечно, мнѣ не повѣрилъ, такъ какъ самая дикая фантазія не могла бы достичь многаго изъ того, что гнѣздилось въ мужицкихъ головахъ по поводу этихъ ссудъ, какъ ни проста и удобопонятна была дѣйствительность. Мнѣ пришлось возиться съ ними все время моей службы, и нѣкоторыя изъ нихъ все-таки такъ и остались нераспутанными въ наслѣдство моему преемнику. Если какое бы то ни было земское дѣло, въ дѣлопроизводствѣ котораго волостныя правленія являются главнымъ факторомъ, не поставлено сразу правильно и не провѣряется періодически на мѣстѣ самымъ тщательнымъ образомъ, оно неизбѣжно съ теченіемъ времени перейдетъ въ такой же хаосъ, въ которомъ въ N-скомъ уѣздѣ находились раскладки и сборы всяческихъ повинностей, о которыхъ я подробно говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, или ссуды изъ губернскаго продовольственнаго капитала. Я помню и еще такой же случай. Когда было введено обязательное страхованіе крестьянскихъ построекъ, за первое время, пока губернская земская управа не установила другіе, болѣе цѣлесообразные методы, страховые окладные листы составлялись на цѣлыя сельскія общества, а не на селенія или отдѣльныхъ лицъ. Время это совпало какъ разъ съ вышеупомянутыми неурожайными годами, когда всякіе сборы оставались преимущественно въ недоимкахъ. Сельскія общества были такія административныя единицы, которыя постоянно мѣняли свой составъ. Сначала они были сформированы изъ бывшихъ крестьянъ цѣлыхъ имѣній отдѣльныхъ помѣщиковъ, и были самаго разнообразнаго размѣра; затѣмъ, по мѣрѣ того какъ крестьяне выходили на выкупъ, и

этотъ факторъ сталъ утрачивать значеніе, стали все болѣе и болѣе приниматься въ соображеніе территоріальныя условія и удобства сообщенія, а также достиженіе болѣе однообразнаго и удобнаго размѣра, и размѣръ и составъ сельскихъ обществъ постоянно мѣнялись соотвѣтственно. Не разъ переформировались такимъ образомъ даже цѣлыя волости. Вначалѣ всѣ эти дѣленія были гораздо мельче и увеличивались съ теченіемъ времени. Когда мужикъ справился нѣсколько послѣ неурожаевъ и недоимки стали взыскиваться, оказалась невообразимая путаница во всемъ, что было основано на сельскихъ обществахъ, какъ единицѣ окладовъ, въ томъ числѣ и въ страховыхъ платежахъ за тѣ годы. Когда я принялъ управу, такихъ страховыхъ недоимокъ оказалось много тысячъ рублей, и на такихъ единицахъ обложенія, которыя перестали существовать. Благодаря ссорѣ Ивана Ильича съ губернской управой, все это дѣло лежало подъ сукномъ нѣсколько лѣтъ, и когда мнѣ пришлось его распутывать, на это потребовалась масса труда и времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у крестьянъ имѣлись росписки, но деньги не поступили, куда слѣдуетъ, и исчезли неизвѣстно куда; въ другихъ — сельскіе старосты и сборщики того времени умерли; въ третьихъ — однѣ деревни уплатили, другія — нѣтъ; въ четвертыхъ — не оставалось никакихъ слѣдовъ ни отъ окладныхъ листовъ, ни отъ того, было ли что-либо своевременно по нимъ сдѣлано. Пришлось возстановлять бывшія общества, составлять спеціальныя раскладки, прибѣгать къ самому безобразному произволу, пока послѣдній рубль этой недоимки не былъ взысканъ.

Возвращусь теперь къ ходу губернскаго земскаго собранія. Выборы въ непремѣнные члены произвели весьма сильную принципіальную агитацію. По закону, слѣдовало выбрать двухъ кандидатовъ на каждую должность, изъ которыхъ губернаторъ и имѣлъ утвердить одного — предполагалось — получившаго бо̀льшее число голосовъ. По мѣрѣ того, какъ собраніе подвигалось къ выборамъ, выяснилось, что правая и лѣвая имѣютъ каждая своихъ кандидатовъ и въ губерніи, и въ уѣздахъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ всѣ губернскіе гласные принадлежали или къ той, или къ другой партіи; въ другихъ они раскалывались: въ нашемъ, напримѣръ, Л. принадлежалъ къ правой, тогда какъ всѣ остальные — къ лѣвой. Мы выставили И.; Л., совершенно для насъ неожиданно, выставилъ кандидатуру одного изъ бывшихъ мировыхъ посредниковъ, именно моего дяди, о которомъ я говорилъ выше, человѣка совершенно непригоднаго для какой бы то ни было общественной службы. Выборы доказали, что обѣ партіи были

равносильны,—оба кандидата во всѣхъ уѣздахъ получили почти равное число голосовъ; разница была въ одномъ, много въ двухъ или трехъ шарахъ, смотря по личной извѣстности избираемыхъ. Въ нашемъ уѣздѣ, И., какъ человѣкъ совершенно новый и незнакомый губерніи, получилъ двумя голосами меньше кандидата Л., старика, лѣтъ сорокъ принимавшаго участіе въ дворянскихъ собраніяхъ. Я отправился немедленно къ губернатору, откровенно изложилъ ему положеніе дѣлъ въ уѣздѣ и значеніе этихъ кандидатуръ; къ счастію, онъ лично зналъ негодность кандидата Л., благодаря его предшествовавшей службѣ и столкновенію со мной же, и И. былъ утвержденъ. Этотъ фактъ окончательно уничтожилъ значеніе Л. въ N—скомъ уѣздѣ, доказавъ, что онъ утратилъ свое бывшее вліяніе въ губерніи и губернскихъ дѣлахъ. Уѣздная политика отлично умѣла опредѣлять относительный престижъ того или другого лица, и къ побѣжденному бывала обыкновенно совершенно безжалостна.

Выборы въ губернскую управу прошли совершенно мирно; ожидалось, что князь, когда собраніе отказалось увеличить содержаніе персонала управы, не согласится продолжать службу ея предсѣдателемъ; но онъ проявилъ свой обычный тактъ и зато былъ выбранъ почти единогласно. Зато двое изъ наиболѣе полезныхъ членовъ ушли, и на ихъ мѣсто были выбраны новые, молодые люди, въ томъ числѣ и П. изъ нашего уѣзда.

Я не помню ни одного губернскаго земскаго собранія изъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ мнѣ пришлось принимать участіе, такъ всецѣло проникнутаго такимъ неизмѣнно веселымъ и благодушнымъ настроеніемъ, какъ вышеописанное. Къ числу основныхъ, отличительныхъ чертъ русской интеллигенціи принадлежитъ, какъ извѣстно, и нерѣдко доходящій до болѣзненности пессимизмъ. Пессимистическое настроеніе обыкновенно господствовало и давало себѣ чувствовать такъ или иначе. Это собраніе было исключеніемъ. Я уже упоминалъ объ оживлявшихъ его петербургскомъ и московскомъ присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣдній, въ одной изъ своихъ многихъ рѣчей, жестоко проврался въ попыткѣ приравнять кустарныя артели къ теоріямъ Лассаля; и про него говорили, что онъ предполагаетъ принимать участіе въ самомъ сенсаціонномъ процессѣ того времени, въ защитѣ извѣстной игуменьи Митрофаніи. Подъ конецъ сессіи весь городъ пѣлъ сочиненную на него его противникомъ пѣсенку, на мотивъ извѣстной аріи Зибеля въ „Фаустѣ“:

„Ахъ, скажите ему-у-у,
„Что онъ всѣмъ надоѣ-ѣ-ѣ-лъ,

„Попросите молча-а-а-ть,
„Про Лассаля не вра-а-а-ть;
„Пусть онъ ѣдетъ въ Москву-у-у,
„М-и-т-р-о-ф-анью спасать!“

Громадное большинство участниковъ этого „веселаго“ собранія уже сошло въ могилу—этому прошло почти тридцать лѣтъ,—и если кому-либо изъ немногихъ остающихся въ живыхъ, теперь уже сѣдыхъ стариковъ, попадутся на глаза эти строки, онъ, буду надѣяться, не иначе какъ съ удовольствіемъ вспомнитъ то хорошее, молодое время и то увлеченіе, съ которымъ, конечно, и онъ самъ распѣвалъ когда-то эту пѣсенку.

Послѣдовавшее за губернскимъ земскимъ губернское дворянское собраніе выбрало на слѣдующее трехлѣтіе въ губернскіе предводители того же князя, а N—скій уѣздъ—меня. Л. не принялъ участія въ собраніи уѣзда, и, дабы сдѣлать его дѣйствительнымъ, пришлось пригласить къ участію въ немъ нѣсколькихъ дворянъ, жившихъ въ другихъ уѣздахъ, но владѣвшихъ имѣніями и въ нашемъ.

VII.

Со времени введенія судебной реформы N—скій уѣздъ былъ раздѣленъ на четыре участка и содержалъ четырехъ участковыхъ мировыхъ судей. У судей этихъ, особенно деревенскихъ, работы было очень мало; въ уѣздѣ не переставали упорно говорить о томъ, что четвертый участокъ былъ выкроенъ не потому что онъ былъ нуженъ, а потому что нужно было дать такое мѣсто глупому барону, и „вопросъ“ о сокращеніи числа участковъ не ставился въ земскомъ собраніи только потому, что Л. не желалъ этого. Съ его пораженіемъ въ губерніи уѣздъ опять заговорилъ объ этомъ, и упорнѣе, чѣмъ когда-либо прежде,—главнымъ образомъ потому, что баронъ былъ дѣйствительно изъ рукъ вонъ плохъ и давно надоѣлъ населенію. Про его судейскую дѣятельность ходили по уѣзду самые невозможные анекдоты. А., между тѣмъ, окончательно запутался въ безднѣ земской премудрости, и вышелъ въ отставку, не дождавшись слѣдующаго очередного собранія, такъ что управа опять оставалась нѣсколько мѣсяцевъ „безголовой“. Л., узнавъ о рѣшеніи противниковъ сократить число мировыхъ участковъ, конечно, прежде всего оскорбился, и сталъ говорить открыто, что если это предположеніе пройдетъ въ собраніи, онъ и всѣ остальные судьи выйдутъ въ отставку;—выборы судей не совпадали съ земскимъ трехлѣтіемъ,

и должны были происходить на слѣдующемъ же очередномъ собраніи, которое имѣло выбрать и новаго предсѣдателя управы. Мы знали, что Л. сдержитъ свое слово и уведетъ за собой и остальныхъ судей. Если вопросъ о содержаніи и денежныя соображенія вообще и могли имѣть вліяніе на нихъ, самъ Л. былъ несомнѣнно выше какихъ бы то ни было корыстныхъ побужденій,—никто и никогда не могъ бы упрекнуть его въ этомъ. Онъ служилъ судьей и возился съ земствомъ не изъ-за денегъ, и изъ-за нихъ никогда не покривилъ бы душой. Это былъ баринъ, который служилъ нехотя, потому что некому было быть судьей въ его участкѣ, и который могъ служить только пока его беспрекословно слушалъ во всемъ весь уѣздъ, пока онъ могъ повелѣвать и пока нраву его не препятствовали. Онъ не выносилъ не только противодѣйствія, но и противорѣчія, и, побѣжденный, не могъ продолжать служить. Онъ думалъ, что если всѣ судьи пригрозятъ сразу выйти въ отставку, ихъ положительно некѣмъ будетъ замѣнить, и разсчитывалъ на этотъ ультиматумъ, какъ на свою послѣднюю карту. Разсказывали, что для того, чтобы вынудить и другихъ судей присоединиться къ нему въ этомъ ультиматумѣ, онъ взялся, въ случаѣ неудачи, доставить двумъ изъ нихъ, офицеру и правовѣду, мѣста предсѣдателей съѣздовъ судей въ западномъ краѣ;—баронъ, конечно, былъ безнадеженъ, да и его именно участокъ и предполагалось упразднить.

Мы знали объ этой программѣ, и заблаговременно приняли необходимыя мѣры. Въ городскомъ и южномъ участкахъ не было положительно ни одного подходящаго человѣка, и пришлось обратиться къ единственному пути спасенія—къ варягамъ. Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ семинаристовъ уѣзда поступилъ въ петербургскій университетъ, бѣдствовалъ неизобразимо нѣсколько лѣтъ, и, такъ и не успѣвши кончить курса, вынужденъ былъ поступить на постоянное мѣсто, чтобъ не умереть съ голоду. Онъ какъ-то случайно не утратилъ связи съ родиной, что обыкновенно бываетъ, и, съ теченіемъ времени, умудрившись скопить небольшой капиталъ, сталъ подыскивать себѣ имѣньице, и, за годъ до описываемаго мною времени, успѣлъ купить усадьбу разорившагося барина вблизи родного села. Хотя онъ уже больше двадцати лѣтъ проживалъ въ Петербургѣ и совсѣмъ отсталъ отъ деревни и ея порядковъ, намъ, однако, удалось уговорить его бросить службу и взяться за мировое судейство. Это былъ скромный и очень работящій человѣкъ, нетребовательный, непривычный къ „разносоламъ“, какъ

опредѣлялъ коренныхъ бары N—скій уѣздъ, безусловно порядочный и стойкій, которому служба была необходима и какъ средство къ жизни, такъ какъ разоренная усадьба только и была способна что поглощать деньги. Наладившись и войдя въ курсъ мѣстной жизни, онъ сдѣлался превосходнымъ мировымъ судьей, заслужилъ всеобщее уваженіе и просудействовалъ въ городѣ N., насколько мнѣ извѣстно, очень долгое время. Для южнаго же участка пришлось остановиться на совсѣмъ постороннемъ уѣзду молодомъ человѣкѣ, для котораго былъ купленъ фиктивный имущественный цензъ. Я никогда не встрѣчалъ его лично до его пріѣзда къ намъ, да и потомъ не имѣлъ случая познакомиться поближе. Ему, какъ горожанину съ дѣтства, было гораздо труднѣе справиться съ мѣстными условіями; и сначала и про него ходили нѣкоторые смѣшные анекдоты;—но, тѣмъ не менѣе, это былъ человѣкъ безусловно честный и стремившійся всѣми силами души къ наивозможно добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, и его скоро полюбили. Было, конечно, очень рискованно выписывать такихъ варяговъ: мировой судья—не докторъ; ему для правильнаго пониманія разрѣшаемыхъ имъ дѣлъ необходимо знать не только мѣстныя жизненныя условія, но и нравы, обычаи, своеобразную номенклатуру сельскаго хозяйства, разныхъ производствъ и ремеслъ. Напримѣръ, двухъ-дюймовыя доски у насъ называли байдакомъ, а одинъ изъ такихъ варяговъ, въ оффиціальной бумагѣ, опредѣлилъ такой байдакъ „особой мѣстной породой лѣса". Такіе промахи, конечно, не проходили даромъ, когда попадали на зубъ мѣстнымъ острякамъ. Тѣмъ не менѣе, что же оставалось дѣлать? Кромѣ того, и съ коренными жителями, какъ кандидатами на различныя мѣста, приходилось рисковать точно также — вѣдь попалъ же какъ куръ во щи Л. съ А.; вѣдь и проводя въ непремѣнные члены И., мы не имѣли никакого понятія о томъ, какъ онъ справится съ дѣломъ. Кстати, этотъ выборъ оказался впослѣдствіи довольно удачнымъ, И. сдѣлался работящимъ, дѣльнымъ чиномъ, ревизовалъ волостныя правленія безъ устали и содержалъ ихъ въ страхѣ божіемъ;—на слѣдующее трехлѣтіе его уже выбрали безъ малѣйшихъ колебаній и почти единогласно. Въ западный мировой участокъ былъ приготовленъ кандидатомъ коренной помѣщикъ этой мѣстности. Это былъ богатый старикъ, жившій послѣдніе года въ деревнѣ только лѣтомъ;—нечего было и думать о томъ, что онъ станетъ служить и броситъ жизнь въ Петербургѣ зимой, но онъ былъ наша единственная надежда, и уговорить его согласиться принять должность мы могли только при

помощи его молоденькаго сына-студента, горячо интересовавшагося мѣстными земскими дѣлами.

И это очередное собраніе собралось почти цѣликомъ, въ полномъ составѣ; опять предполагалась возможность моего столкновенія съ Л., предстояла борьба по поводу сокращенія числа мировыхъ участковъ, выборы въ судьи, въ предсѣдатели управы. Если нѣкоторые и пріѣхали изъ любопытства къ скандалу, большинство несомнѣнно собралось, чтобы, въ случаѣ нужды, помочь мнѣ. Исторія съ А. переполнила чашу терпѣнія многихъ, и всѣ порядочные элементы собранія рѣшились не допустить возможности ея повторенія. Изъ того, что я постоянно жалуюсь въ этихъ воспоминаніяхъ на недостатокъ людей, не слѣдуетъ, что въ уѣздѣ ихъ совсѣмъ не было; напротивъ, нѣкоторые изъ гласныхъ собранія были очень почтенные, честные люди, искренно сочувствовавшіе всякому благому начинанію, всякому доброму дѣлу, но, по разнымъ причинамъ, они были совершенно непригодны къ занятію какихъ-либо общественныхъ должностей. Это были элементы пассивные, тогда какъ уѣздъ нуждался въ активныхъ, въ такихъ, которые хотѣли бы и умѣли бы работать. Одинъ былъ слишкомъ старъ и неподвиженъ; другой опустился и излѣнился; третій спился; четвертый боялся какъ огня всякой службы, всякой отвѣтственности. Деревенская распущенность и халатность быстро и прочно овладѣвали человѣкомъ до того, что онъ терялъ образъ и подобіе божіе, всякую амбицію, и только и желалъ, чтобы его не тревожили. Пріѣхать на собраніе разъ въ годъ они были готовы, но служить, принять на себя какія-либо обязанности—ни въ какомъ случаѣ. И такіе люди были сравнительно независимы, говорили не стѣсняясь правду-матку, и если были достаточно возмущены, помогали какъ умѣли и могли земскимъ работникамъ. Они-то, вмѣстѣ съ гласными отъ крестьянъ, отъ города, отъ казны и удѣла, и съѣхались на этотъ разъ на мою защиту. Собраніе, однако, прошло безъ всякихъ приключеній. Когда дѣло дошло до голосованія вопроса о сокращеніи участковъ, противъ него оказалось только четыре голоса—участковыхъ мировыхъ судей. Собранію, конечно, было извѣстно, что новые судьи готовы въ случаѣ надобности, и когда Л. и его коллеги дѣйствительно отказались отъ баллотировки, собраніе и выбрало этихъ новыхъ людей. Въ предсѣдатели управы былъ выбранъ я; и такимъ образомъ весь уѣздный персоналъ служащихъ оказался цѣликомъ новымъ,—даже я былъ уже ветераномъ, избраннымъ во второй разъ, и мнѣ опять пришлось дослуживать чужой срокъ.

Старые судьи вскорѣ затѣмъ совсѣмъ покинули уѣздъ; двое дѣйствительно уѣхали варягами въ западный край, такъ какъ Л. сдержалъ свое слово и добылъ имъ мѣста предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ тамъ; баронъ перебрался „для воспитанія дѣтей“ въ столицу, а самъ Л. залѣзъ, какъ медвѣдь въ берлогу, въ свое имѣніе, прекратилъ съ уѣздными властями всякія сношенія и утратилъ всякій интересъ къ земскому дѣлу вообще. Онъ могъ работать только при условіи первенства и абсолютизма.

А. не оставилъ по себѣ въ управѣ никакого слѣда; всѣмъ дѣломъ за истекшій годъ завѣдывалъ Николай Иванычъ, строго слѣдовавшій заведеннымъ мною порядкамъ и по всѣмъ, не вполнѣ доступнымъ его пониманію, вопросамъ всегда осторожно вывѣдывавшій предварительно мое мнѣніе; по должности предводителя дворянства я по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ пріѣзжалъ въ городъ. Благодаря этому, я не нашелъ ничего новаго и незнакомаго, и могъ сразу взяться за дѣло. На очереди стоялъ, прежде всего, въ моихъ глазахъ, продовольственный вопросъ, такъ какъ я зналъ о состояніи губернскаго продовольственнаго капитала и не сомнѣвался, что въ случаѣ неурожая—на какую-либо серьезную помощь отъ губернскаго земства разсчитывать нельзя. Да и деньги я считалъ плохой, невыгодной помощью. Въ случаѣ неурожая, мѣстныя цѣны на хлѣбъ сразу круто поднимались, какъ это было въ 1868 году, дороги были плохія, подвозъ издалека неосуществимъ,—и земство, и населеніе, оказывались въ рукахъ мѣстныхъ кулаковъ. Денежныя ссуды пришлось бы возвращать, покупая хлѣбъ по двойной и тройной цѣнѣ противъ нормальной, и, благодаря этому, удвоивать и утроивать бѣдствіе и закладывать мужика на нѣсколько лѣтъ впередъ. Дѣлопроизводство управы по ссудамъ изъ губернскаго земства, о которыхъ я подробно говорилъ выше, выяснило мнѣ, что закупка хлѣба земствомъ произошла по очень высокимъ цѣнамъ, что было не мало жалобъ на качество этого хлѣба, что расходы по покупкѣ и провозу были весьма значительны, и что всю операцію никакъ нельзя было назвать успѣшной. Я даже имѣлъ всяческія основанія предполагать, что самый фактъ закупки хлѣба земствомъ имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшее искусственное повышеніе цѣнъ; народъ не дѣлалъ различія между земствомъ и казной, а извѣстно, какое вліяніе имѣетъ всегда на рынокъ усиленная покупка какихъ-либо продуктовъ этой послѣдней. Словомъ, бѣдствіе, вызываемое неурожаемъ, усиливалось въ нѣсколько разъ, благодаря массѣ неблагопріятныхъ условій, и мнѣ казалось, что еди-

ственной возможностью избѣжать всѣхъ этихъ послѣдствій неурожая—и естественныхъ, и, въ особенности, искусственныхъ—было имѣть въ самомъ уѣздѣ такіе запасы хлѣба, которые и обезпечивали бы населеніе до извѣстной степени отъ голода, и препятствовали бы искусственному повышенію цѣнъ. Положеніе о сельскихъ хлѣбозапасныхъ магазинахъ, находившееся въ полной силѣ, всего лучше соотвѣтствовало этой цѣли. Нѣсколько мѣстныхъ изслѣдованій доказали мнѣ, что оно было въ дѣйствительности въ полномъ забросѣ, и существовало только на бумагѣ. Въ „магазеяхъ", какъ ихъ называли мужики, не только установленнаго закономъ на душу количества хлѣба, но и—чаще всего—рѣшительно ничего не было. И волостныя, и сельскія власти, и „магазейные" смотрители въ большинствѣ случаевъ не имѣли ни малѣйшаго понятія о своихъ обязанностяхъ по этому предмету; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оказывалось на лицо нѣкоторое количество хлѣба, эти послѣдніе не знали, какое именно, не вели вѣдомостей, откуда онъ взялся и за кѣмъ состоитъ недоимка. Только въ двухъ волостяхъ, населенныхъ почти исключительно казенными крестьянами, нашелъ я нѣкоторые остатки подобія порядка, заведеннаго въ нихъ еще въ то время, когда онѣ завѣдывались спеціальными учрежденіями министерства государственныхъ имуществъ. Во многихъ же бывшихъ помѣщичьихъ деревняхъ никогда не было сдѣлано и попытки привести положеніе о сельскихъ хлѣбозапасныхъ магазинахъ въ исполненіе даже на бумагѣ. Когда дѣйствительное положеніе дѣла было приведено въ извѣстность, у меня не осталось никакихъ сомнѣній въ томъ, что безъ активной, энергичной помощи всѣхъ интеллигентныхъ классовъ населенія привести его въ порядокъ будетъ совершенно невозможно. Оно требовало, во-первыхъ, правильнаго начала, во-вторыхъ письменной отчетности, которая должна была вестись точно и провѣряться каждый годъ; выборные же отъ сельскихъ обществъ магазейные смотрители, гдѣ они и числились таковыми по бумагамъ волостныхъ правленій, были, конечно, безграмотные мужики, почти всегда изъ того класса, который въ деревенской жизни былъ извѣстенъ подъ именемъ „негодяевъ"; это были или двойники, или тройники по семейному положенію, за тѣлесными или другими недостатками отдѣлавшіеся отъ рекрутчины, или безсловесные, безнадежные недоимщики и крестьянскіе неудачники, изъ-за которыхъ сельскимъ обществамъ такъ или иначе приходилось страдать, или по круговой порукѣ, или по спеціальнымъ взысканіямъ. Это „негодяйство" было однимъ изъ самыхъ существенныхъ золъ деревенской жизни; въ должности, требо-

вавшія извѣстной работы и пониманія, попадали не люди, которые могли бы отвѣчать этимъ требованіямъ больше или меньше, и которыхъ и деревня могла бы дать, еслибы поискала, а совершенно негодные, случайные субъекты. Когда уѣздной полиціи было дано право штрафовать деньгами и сажать въ кутузку волостное и сельское начальство, „негодяйство“ усилилось до чрезвычайности; порядочные, дѣльные мужики прямо откупались отъ выбора даже въ волостные старшины, а низшія должности заполнялись сплошь „негодяями“. Уровень персонала волостного и сельскаго начальства, и такъ уже невысокій, сразу значительно понизился и все продолжалъ понижаться. Вмѣсто поднимающаго крестьянство элемента, какимъ несомнѣнно считалось составителями „Положенія 19 февраля 1871 года“ введеніе въ крестьянскую жизнь выборнаго начала и какимъ бы оно должно было быть, оно съ теченіемъ времени обратилось въ не что иное, какъ въ болѣе или менѣе тяжелую повинность; мужики отправляли ее въ томъ же духѣ и съ тѣмъ же отношеніемъ къ ней, какъ и рекрутчину. По порученіямъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мнѣ пришлось присутствовать при многихъ выборахъ волостного и сельскаго начальства, и въ моей памяти остались многіе случаи, когда выборный сходъ обращался въ судилище, которое обрекало на общественную службу почему-либо считавшихся въ долгу у міра „негодяевъ“;—это были не выборы, а отбываніе выборной повинности, отъ которой деревня всячески отбояривалась и старалась сдѣлать по возможности легкою для себя. Она искала не наиболѣе пригоднаго матеріала, а такого, который, благодаря давленію міра, сталъ бы безропотно „отсиживать“ за мірскую недохватку въ чемъ бы то ни было. Тотъ фактъ, что мужикъ оставался мужикомъ, сказывался постоянно—и все то, что я разсказалъ выше по поводу моихъ личныхъ взглядовъ на вопросъ о всесословной волости, было основано именно на такихъ прямо-таки ужасныхъ по своему значенію явленіяхъ въ крестьянской жизни, какъ „негодяйство“. Эти общія явленія, совершенно отъ насъ не зависѣвшія, и обращали часто въ ничто самыя лучшія стремленія мѣстныхъ дѣятелей, и заражали ихъ пессимизмомъ и даже безнадежностью. А если и мы не могли съ ними бороться,—въ какомъ же положеніи оказывалась крестьянская масса? И въ чемъ же и мы, и она, могли видѣть просвѣтъ?

Особымъ докладомъ, основаннымъ на добытыхъ этимъ изслѣдованіемъ фактахъ, я просилъ земское собраніе оказать помощь управѣ по упорядоченію продовольственнаго дѣла уѣзда. Оно

откликнулось крайне сочувственно;—въ каждой волости были назначены особыя лица, пользовавшіяся довѣріемъ мѣстнаго населенія, для того, чтобы привести въ исправность зданія хлѣбозапасныхъ магазиновъ, провѣрить наличность хлѣба, наблюсти за пополненіемъ ихъ, согласно требованіямъ закона, и установить надлежащую отчетность. Эта работа продолжалась цѣлый годъ, подъ неослабнымъ наблюденіемъ земской управы; урожай въ томъ году, на счастье, былъ хорошій, и уже слѣдующей осенью въ уѣздѣ былъ образованъ значительный хлѣбный запасъ, и не на бумагѣ, а въ дѣйствительности, такъ какъ положительно каждый магазинъ былъ провѣренъ на мѣстѣ компетентнымъ, надежнымъ лицомъ, и земская управа могла быть увѣрена, что бумажная отчетность соотвѣтствовала наличности. Запаса этого, по нашимъ вычисленіямъ, было вполнѣ достаточно даже въ случаѣ очень серьезнаго неурожая; еслибы уѣздъ обладалъ имъ въ предшествовавшую голодовку, ея бы не могло быть, и онъ обошелся бы безъ всякихъ денежныхъ ссудъ. Дѣло въ томъ, что N—скій уѣздъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе степной или черноземной полосъ, которыя, какъ оказалось въ теченіе девяностыхъ годовъ, въ случаѣ продолжительныхъ засухъ могли лишиться *всего* урожая. Почвенныя и климатическія условія N—скаго уѣзда такъ разнообразны, что такой общей катастрофы въ немъ приключиться не могло; неурожай обыкновенно поражалъ только извѣстныя части, и бывалъ чаще всего послѣдствіемъ вымоканія или поѣданія червемъ озимей, раннихъ морозовъ, губившихъ яровыя, градобитій, и т. д. Затѣмъ, его крестьянское населеніе было далеко не на одномъ уровнѣ благосостоянія. Въ немъ были очень богатыя волости, очень богатыя деревни въ бѣдныхъ волостяхъ, которыя могли бы выдержать безъ всякой посторонней помощи самый полный неурожай. Благодаря этимъ фактамъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, только треть или, maximum, половина населенія могла нуждаться въ помощи; и я былъ увѣренъ, что хлѣбозапасные магазины всего уѣзда съ успѣхомъ справились бы съ такой нуждой.

Противъ системы сельскихъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ было не мало возраженій. Тогда какъ денежный запасъ не требуетъ никакихъ расходовъ, а, напротивъ, приноситъ проценты и ростетъ самъ собой, запасъ хлѣбомъ требуетъ помѣщеній, систематическаго обмѣна, довольно сложной отчетности, и можетъ страдать отъ мышеѣди, возможной подмочки и т. д. Устройство и ремонтъ магазиновъ, просушка и провѣтриваніе зерна и его обмѣнъ на свѣжее производились самимъ населеніемъ, въ сво-

бодное отъ всякихъ другихъ работъ время, и безъ затраты денегъ; при разумномъ наблюденіи и распредѣленіи этотъ расходъ былъ и невеликъ, и нечувствителенъ. Убытокъ зерну, конечно, могъ случиться, но и онъ при небольшомъ даже вниманіи могъ быть сокращенъ до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Зато они всегда на лицо, подлежатъ только мѣстному контролю, отвѣчаютъ на всякія неожиданности, въ родѣ градобитія, и одно ихъ присутствіе несомнѣнно регулируетъ цѣны въ самой высокой степени. Хотя они и обходятся дороже, зато лучше и шире соотвѣтствуютъ жизненнымъ условіямъ захолустныхъ мѣстностей, вдали отъ быстрыхъ и дешевыхъ путей сообщенія.

Достиженіе веденія правильной отчетности и наблюденіе за полностью запасовъ были въ моихъ глазахъ самыми важными задачами. Читатель уже знаетъ, въ какомъ безобразномъ положеніи находилось все денежное крестьянское дѣло;—то же грозило со временемъ и хлѣбозапасному, какъ бы правильно оно ни было поставлено и пущено въ ходъ. Это было чисто мужицкое дѣло, къ которому интеллигентные элементы не были причастны, и земскій дѣятель и въ этомъ направленіи встрѣчался съ независѣвшими отъ него общими фатальными преградами. Можно было обратиться къ этимъ интеллигентнымъ элементамъ съ просьбой помочь поставить такое дѣло на ноги и пустить его въ ходъ, но нельзя было разсчитывать, что они будутъ и слѣдить за нимъ съ тѣмъ неослабнымъ вниманіемъ, котораго оно требовало, чтобы постоянно находиться въ состояніи отвѣчать всѣмъ могшимъ быть къ нему предъявленнымъ требованіямъ, когда придетъ время. Могло пройти пять, десять, даже двадцать лѣтъ прежде, чѣмъ пришла бы кровная нужда въ такомъ хлѣбномъ запасѣ; и трудно было разсчитывать, чтобы интересъ и вниманіе къ дѣлу были сохранены такое неопредѣленное время, и чтобы русское „авось" не проявило между тѣмъ своихъ правъ. Нигдѣ въ мірѣ, кажется, не утрачивается такъ быстро интересъ ко всему, что потеряло свѣжесть и прелесть новизны, какъ именно на матушкѣ Руси. Не могу не сознаться смиренно, что и я, истинный сынъ моей родины, настоящій россіянинъ съ немалой, вѣроятно, примѣсью татарской крови въ моихъ жилахъ, устроивъ въ N—скомъ уѣздѣ хлѣбозапасные магазины и доведя ихъ до возможнаго въ то время совершенства, благодушно сложилъ руки и въ послѣдующіе годы моей земской службы предоставилъ ихъ собственной судьбѣ. Урожаи были достаточные, немедленной, острой нужды въ нихъ не было, и интересъ къ нимъ былъ постепенно утраченъ. Не знаю, въ какомъ положеніи они находятся сегодня; но если

N—скій уѣздъ не состоитъ въ рукахъ такого же новаго скороспѣлаго реформатора, какимъ былъ въ время оно вашъ покорный слуга, читатель,—имѣю всяческія основанія предполагать, что его хлѣбозапасное дѣло давно пришло въ свое нормальное положеніе, т. е. заброшено и забыто.

Мнѣ уже не разъ приходилось говорить о низкомъ уровнѣ крестьянской массы и крайней неудовлетворительности волостныхъ и сельскихъ учрежденій всякаго рода. Само собой разумѣется, что главной причиной было глубокое невѣжество громаднаго большинства—невѣжество, доходившее до примитивности, до того состоянія, въ которомъ вѣроятно находилось человѣчество во времена каменнаго вѣка. Невѣжество это было главнымъ врагомъ какого бы то ни было прогресса. Чтобы хоть какъ-нибудь затронуть его, зацѣпить его хотя бы поверхностно, необходимо было свести мужика, сблизить его съ цивилизующими вліяніями и элементами. А весь его жизненный режимъ упорно отказывалъ ему въ этомъ. Какъ онъ стоялъ особнякомъ во времена крѣпостного права, когда русскій народъ дѣлился на „бѣлую" и „черную" кость, и когда извѣстная часть этой бѣлой кости пресерьезно разсуждала о томъ, что у мужика не душа, а паръ,—такъ онъ остался особнякомъ и по освобожденіи, не въ той же грубой формѣ, но въ томъ же смыслѣ. И если его выборное волостное и сельское начальство и было, въ общемъ, ниже всякой критики, какъ бы ни предрасположена она была въ его пользу, и если оно съ теченіемъ времени не только не совершенствовалось, но и несомнѣнно падало, то это, по моему крайнему разумѣнію, только и доказывало, что разъ мужикъ оставался мужикомъ, и сущность дѣла останется той же, какъ ни разсади музыкантовъ и въ какія ливреи ихъ ни одѣнь. Безъ самодѣятельности, безъ самостоятельной способности къ здоровой работѣ, никакое учрежденіе не можетъ жить и развиваться,—оно можетъ только прозябать, подчиняясь безусловно вліяніямъ среды,—и мужикъ, конечно, не могъ измѣнить этой аксіомы, а онъ стоялъ именно въ такихъ условіяхъ, которыя исключали все подобное. Съ одной стороны, онъ былъ отдѣленъ больше чѣмъ каменной стѣной отъ всего того, что могло ему помочь; съ другой, лишенъ возможности проявить что-либо, что и могло оказаться въ немъ самомъ. Я уже разсказалъ выше, что лучшіе мужики открещивались отъ выбора въ какія бы то ни было должности, избѣгали всего, что было связано съ общественной работой, и все дѣло крестьянскаго самоуправленія было сведено на практикѣ къ тому, что его выборные представители съ одной стороны являлись слѣ-

ными исполнителями предписаній и предложеній всевозможнаго начальства, а съ другой—утѣснителями и вымогателями съ того же мужика. Было бы односторонне и неправильно судить и выводить заключенія о человѣкѣ по мужику; прежде чѣмъ дѣлать это, нужно было дать возможность этому мужику показать, что̀ въ немъ есть, если поставить его въ человѣческія, а не въ мужицкія условія. Мужикъ же въ мужицкихъ условіяхъ такъ и долженъ былъ остаться тѣмъ же мужикомъ. Я не берусь предсказывать, что̀ произошло бы отъ такой перемѣны, и какъ скоро; но утверждаю, что всякіе выводы о способностяхъ крестьянскаго населенія были и будутъ преждевременны до тѣхъ поръ, пока такая перемѣна не будетъ испробована и мужику не данъ шансъ показать, что̀ онъ можетъ дать, если и его признаютъ, наконецъ, человѣкомъ и поставятъ въ человѣческія условія.

Я думаю, что активные народники того времени, не тѣ, которые занимались составленіемъ народническаго евангелія и воспроизведеніемъ или искорененіемъ всяческихъ въ немъ расколовъ, а тѣ, которые, увѣровавъ, шли въ народъ,—потому, главнымъ образомъ, и не могли достичь какихъ-либо результатовъ, что попадали не въ то, чего они ожидали и къ чему были приготовлены, а въ какое-то чужеземное, незнакомое имъ царство. Они шли съ человѣческими идеями къ человѣку, а попадали къ мужику, въ обособленную и рѣзко ограниченную сферу. Мужикъ оказывался или совсѣмъ неспособнымъ воспринимать идеи, или воспринималъ ихъ по своему, по-мужицки, а не такъ, какъ ихъ воспринимали люди, въ мужицкихъ глазахъ—„господа". „По-господски" онъ думать не умѣлъ, а если и умѣлъ, то только по поводу господскихъ же дѣлъ и господскихъ къ нему отношеній; въ своей же жизни, и во всемъ, что̀ касалось его собственныхъ дѣлъ, думалъ по своему, по-мужицки, и руководствовался своимъ мужицкимъ міровоззрѣніемъ, если, говоря цивилизованнымъ языкомъ, можно такъ назвать отмежеванную ему область—невообразимую смѣсь патернализма, невѣжества, слѣпого подчиненія начальству и міру, суевѣрія, предразсудковъ, традиціи. И въ эту сферу народники, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, такъ и не успѣли проникнуть; а тѣ чрезвычайно рѣдкія исключенія, которыя и добились этого, увидали такую картину всяческихъ невозможностей, что могли только придти въ отчаяніе. Они встрѣтили двойной отпоръ, и въ результатѣ получился нуль. Тотъ запасъ самоотверженія, искренности и благихъ намѣреній, который они несли съ собою, заслуживалъ лучшей участи.

VIII.

Покончивъ съ хлѣбозапасными магазинами, я взялся вплотную за кадастръ. Читатель долженъ извинить меня, что я употребляю такое серьезное, научное слово въ приложеніи къ грубой попыткѣ N—скаго земства имѣть основаніе для своихъ оцѣнокъ,—но въ нашемъ лексиконѣ того времени не было другого. Передъ тѣмъ, какъ приступить къ дѣйствительной работѣ, я съ годъ или больше переписывался съ нѣсколькими губернскими и уѣздными земствами, пытаясь получить хоть какія-нибудь практическія указанія; но, насколько помню, одно рязанское губернское серьезно думало о томъ же, что̀ занимало меня, да и оно въ то время только выработывало программу для будущаго. Такимъ образомъ, единственными источниками оказывались нѣкоторыя соображенія нашего губернскаго земскаго статистика, книжки, большею частью плохія или трактовавшія о совершенно различныхъ условіяхъ, да—какъ топографическое основаніе—карта Менде съ геодезическимъ къ ней описаніемъ, составленная, впрочемъ, тридцать или даже сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, слѣдовательно, крайне существенно устарѣвшая; даже такія капитальныя измѣненія въ землевладѣніи, какъ произведенныя освобожденіемъ крестьянъ и ихъ надѣломъ, на ней не были обозначены. Намъ нужно было, во-первыхъ, провѣрить площадь и найти ускользавшее отъ обложенія имущество; во-вторыхъ, раздѣлить землю на разряды согласно дѣйствительности; въ-третьихъ, оцѣнить эти земли и разряды. Изъ двадцати-четырехъ волостей уѣзда только три или четыре имѣли компактную, округленную территорію; остальныя были раскиданы, верстъ на двадцать, даже на тридцать, заключали въ себѣ массу поселеній и чрезвычайно раздробленное земельное владѣніе; къ тому времени крестьяне уже начали покупать землю, когда представлялся случай, и мнѣ извѣстны были только два-три случая изъ цѣлыхъ сотенъ, когда они оставляли такую купленную землю въ общинномъ владѣніи. Такой поземельный и оцѣночный розыскъ прежде всего долженъ былъ возбудить между крестьянами толки — какъ, что̀, зачѣмъ, почему? Вѣчно стоявшее между ними представленіе и ожиданіе земельнаго передѣла, объ отобраніи всей земли у помѣщиковъ и обращеніи ея въ ихъ пользованіе могло надѣлать кутерьмы, и необходимо было вести дѣло крайне осторожно. Съ другой стороны, еслибы возникли между ними подозрѣнія, что предполагаемая оцѣнка будетъ имѣть отношеніе къ ихъ общегосудар-

ственнымъ податямъ и повинностямъ, было бы невозможно добраться до правды. Особенности мужицкаго міра таковы, и отношеніе мужика къ власти и „господамъ“ такъ антагонистично, что успѣхъ всякихъ мѣстныхъ изслѣдованій всегда находится въ зависимости отъ того, какъ объяснятъ себѣ ихъ сущность мужики; разъ сдѣланъ въ этомъ направленіи промахъ, его послѣдствія поставятъ въ опасность всю предпринимаемую работу. Имѣя все это въ виду, я долго колебался, съ какой именно волости начать дѣло, и выбралъ наконецъ такую, гдѣ, казалось, всѣ условія были болѣе или менѣе благопріятны. Волостной старшина былъ умный, толковый, еще молодой мужикъ, состоявшій гласнымъ уѣзднаго собранія уже нѣсколько трехлѣтій и успѣвшій уже усвоить сущность и цѣли земскихъ учрежденій; въ волости жило нѣсколько интеллигентовъ, старожиловъ, серьезно сочувствовавшихъ всей идеѣ кадастра; волость была не очень велика, и землевладѣніе въ ней было средняго размѣра. Кромѣ того, она была пограничной съ другимъ уѣздомъ, такъ что можно было начать съ границы уѣзда и ея безспорнаго района, а опредѣленіе точныхъ волостныхъ границъ было одной изъ задачъ изслѣдованія, такъ какъ границы эти были въ то время почти всѣ безъ исключенія спорными; уѣздъ же дѣлился на разные участки, напр. мировыхъ судей, полицейскіе станы, по волостямъ, и потому изъ-за ихъ границъ нерѣдко возникали недоразумѣнія. Осенью, когда полевыя работы были покончены, я назначилъ въ волостномъ правленіи первый съѣздъ. Оповѣщены были всѣ частные владѣльцы, всѣ крестьянскія общества, казна, имѣвшая въ волости нѣсколько дачъ, сельское духовенство. Предложено было захватить съ собой всѣ документы на владѣніе, всѣ планы генеральнаго и спеціальнаго межеваній, и частные —съ тѣхъ поръ. Карта Менде должна была служить основой; предполагалось увеличить ея масштабъ и нанести на нее всѣ послѣдовавшія измѣненія въ землевладѣніи; при земской управѣ была небольшая литографія, и я намѣревался отпечатать впослѣдствіи полныя волостныя карты, съ обозначеніемъ поселеній и всѣхъ границъ настоящаго землевладѣнія. Забравъ съ собой Николая Ивановича, мою неизмѣнную ходячую крестьянскую энциклопедію, касавшіяся волости земельныя вѣдомости и окладныя книги, я поѣхалъ въ ея правленіе наканунѣ съѣзда, и открылъ его въ назначенный день рано утромъ. Изслѣдованіе продолжалось цѣлыхъ восемь сутокъ, начинаясь ежедневно съ шести часовъ утра и продолжаясь до восьми-девяти вечера, въ

сущности безъ перерывовъ, пока голосъ мой не отказывался служить и карандашъ не выпадалъ изъ руки отъ утомленія.

Впослѣдствіи я изслѣдовалъ такимъ же образомъ еще нѣсколько волостей, въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда. Слухи о томъ, что и какъ было сдѣлано въ первой, быстро проникли во всѣ углы, и населеніе—всѣ его классы—все сочувственнѣе и полнѣе отзывалось на все болѣе выяснявшіяся требованія дѣла. Интересы землевладѣнія были такъ перепутаны, такъ проникли и обнимали собой всю деревенскую жизнь, что ихъ подробное изслѣдованіе развертывало передъ наблюдательными глазами обширнѣйшую, полнѣйшую ея картину. Я не могу не сожалѣть, что не обладаю литературнымъ талантомъ,—такъ картина эта была грандіозна и достойна пера Гоголя или Глѣба Успенскаго. Мои слабыя силы не въ состояніи описать этой картины, и мнѣ остается только попытаться дать ея фактическій остовъ, эскизъ того, что она могла и должна бы дать.

Относительно дворянскаго землевладѣнія прежде всего выяснилось то, что фактическое владѣніе только иногда совпадало съ документальнымъ. Только не болѣе чѣмъ въ половинѣ случаевъ были у наличныхъ помѣщиковъ законные документы на владѣніе,—купчія крѣпости, дарственныя записи, раздѣльные акты; еще рѣже попадались формальные вводы во владѣніе по постановленіямъ надлежащихъ судовъ. Было не мало помѣщиковъ, у которыхъ не было рѣшительно никакихъ документовъ. Дворянскія имѣнія состояли въ родѣ сто, двѣсти лѣтъ, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну, дѣлились между нѣсколькими дѣтьми; изъ нихъ выдѣлялись части вдовамъ и сестрамъ, съ теченіемъ времени опять переходившія въ общій его составъ;—мнѣ пришлось возстановлять не мало родословныхъ деревъ за цѣлое столѣтіе или даже больше. Весьма часто эта переходимость не оформлялась законнымъ образомъ; ея основой часто служили самодѣльные проекты предполагавшихся документовъ, письма, нигдѣ не явленныя духовныя завѣщанія, иногда даже просто устное преданіе. По ближайшимъ законнымъ документамъ имѣніе цѣликомъ находилось во владѣніи какого-нибудь секундъ-маіора или капитанъ-поручика Екатерининскихъ временъ, давно, конечно, истлѣвшаго въ могилѣ, а въ дѣйствительности было раздѣлено на нѣсколько частей, и имъ владѣли уже правнуки подъ совершенно другими фамиліями. По картѣ Менде значилось какое-нибудь сельцо Нефедово съ нѣсколькими тысячами десятинъ земли въ одной окружной межѣ, а въ дѣйствительности на этой дачѣ стояло двѣ-три помѣщичьихъ усадьбы,

нѣсколько крестьянскихъ деревень, были вырѣзаны подъ отдѣльными названіями нѣсколько пустошей и отдѣльныхъ урочищъ. Планы генеральнаго и спеціальнаго межеваній были въ большинствѣ случаевъ утрачены владѣльцами; я помню не мало случаевъ, когда отъ нихъ оставалась половина или даже какой-нибудь уголокъ; часто они состояли изъ кусочковъ, образовавшихся по складкамъ, при чемъ часть этихъ кусочковъ была затеряна или пришла въ ветхость, дѣлавшую ихъ негодными къ употребленію. Въ такомъ же состояніи находилось и большинство старинныхъ документовъ на владѣніе—купчихъ, дарственныхъ и другихъ. Иногда самыя имена значившихся въ этихъ документахъ усадебъ, деревень и отдѣльныхъ пустошей были перемѣнены и съ теченіемъ времени забыты; только послѣ долгихъ разспросовъ находился какой-нибудь старожилъ, еще помнившій такую перемѣну и наводившій насъ наконецъ на путь истинный. Помню я двухъ-трехъ старушекъ-помѣщицъ, дѣвицъ изъ дворянъ, привезшихъ мнѣ въ платочкахъ цѣлыя связки древнихъ документовъ, писемъ, счетовъ,—самый послѣдній изъ которыхъ былъ помѣченъ полустолѣтіемъ или больше тому назадъ, и только путавшихъ наличное положеніе владѣнія. Пробившись два-три часа съ какимъ-нибудь обширнымъ отдѣльнымъ нумеромъ карты Менде и установивъ его настоящую дѣлимость, оказывалось, что не хватаетъ какого-нибудь участка по срединѣ, или въ какомъ-нибудь углу, а то и нѣсколькихъ; начнешь опять сначала, и найдешь въ концѣ концовъ какую-нибудь отдѣльную пустошь, принадлежащую уже лѣтъ двадцать какому-нибудь субъекту, проживающему или за три-девять земель, или неизвѣстно гдѣ, и совсѣмъ не значившуюся по земскимъ вѣдомостямъ. Такихъ Америкъ было открыто нѣсколько въ каждой волости;—были такіе случаи, когда сами владѣльцы не подозрѣвали объ ихъ существованіи, а ихъ угодьями пользовались втихомолку окрестные крестьяне. Помню я наконецъ и два-три такихъ земельныхъ участка, владѣльцевъ которыхъ такъ и не удалось разыскать даже и впослѣдствіи. Опредѣленіе количества десятинъ, нерѣдко даже приблизительно, было иногда абсолютно невозможно. Старики наши дѣлились не фактическимъ межеваніемъ земли, посредствомъ землемѣровъ и плановъ, а опредѣленіемъ новыхъ границъ живыми урочищами, ручьями, оврагами, дорогами, мѣстными названіями; на такія новыя межи, „углы“, „верхи“, „камни“, „концы“ сгоняли крѣпостныхъ деревенскихъ ребятъ, и пороли ихъ на нихъ вплотную, чтобы они ихъ помнили въ будущемъ. Открывъ, подобно Христофору Колумбу, такую невѣдомую до-

томъ земскому обложенію „Голодаиху“ или „Волчій-Верхъ“, приходилось подобно ему же, глазомѣромъ на картѣ, опредѣлять и ихъ пространство; въ общей суммѣ дачи не хватаетъ стольких-то десятинъ, значитъ, приблизительно, опредѣлимъ открытіе въ эту недохватку. Безъ произвола, и иногда очень широкаго, конечно, нельзя было обойтись и тутъ.

Наткнулся я при этомъ и на многія тяжебныя дѣла, тянувшіяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлые десятки лѣтъ. Главными ихъ основаніями были бездокументность, съ одной стороны, и самодурство—съ другой. Иначе „Голодаиха“ не стоила и никогда не будетъ стоить и десятой доли того, что̀ было изведено на сутяжничество по ея поводу. Эти тяжбы также серьезно затрудняли правильность вѣдомостей землевладѣнія уѣзда и почти всегда несли съ собою значительныя земскія недоимки. Бо̀льшая ихъ часть носила чисто комическій характеръ, но были и трагическіе случаи, ярко подчеркивавшіе поразительную безпорядочность и безправность всей нашей деревенской жизни.

Если въ томъ, что документальная сторона дворянскаго землевладѣнія была въ такомъ плачевномъ, часто прямо безнадежномъ положеніи, и была, конечно, прежде всего виновата помѣщичья безпечность и распущенность, тѣмъ не менѣе играло въ ней и самую существенную роль полное несоотвѣтствіе жизненныхъ деревенскихъ условій съ требованіями закона. Я засталъ и помню только самый хвостикъ старыхъ судебныхъ учрежденій, и не знаю, какъ относились они къ такимъ дѣламъ, какъ утвержденіе въ правахъ наслѣдства и вводы во владѣніе,—вѣроятно, при достаточной мздѣ, можно было устроить что̀ угодно,—но новые окружные суды относились къ нимъ очень строго, и требовали отъ деревни абсолютнаго выполненія всѣхъ требованій закона. А это было всегда очень трудно, а часто и прямо невозможно. Такъ, напримѣръ, мнѣ достались по наслѣдству имѣнія въ двухъ губерніяхъ и нѣсколькихъ уѣздахъ послѣ отца, матери и нѣсколькихъ родственниковъ, въ томъ числѣ послѣ бабки, матери отца, и ея сестры, изъ дворянъ дѣвицы. Случилось такъ, что и отецъ и мать мои умерли раньше бабки и ея сестры, и я былъ подъ опекой; эта опека распространилась и на имѣнія послѣднихъ, по ихъ смерти, но ничего не сдѣлала по дѣлу объ утвержденіи меня въ правахъ наслѣдства, такъ что когда, по достиженіи совершеннолѣтія, я вынужденъ былъ взяться за него, прошло ужъ слишкомъ десять лѣтъ со времени ихъ смерти. Никакихъ документовъ не было. Хотя ихъ имѣнія и были когда-то выдѣлены изъ того же цѣлаго, изъ котораго произошло имѣ-

ніе отца, тѣмъ не менѣе утвержденіе въ правахъ наслѣдства послѣ отца, хотя и взяло лѣтъ пять, было легче, такъ какъ послѣ него остались его метрическое свидѣтельство и указъ объ отставкѣ,—послѣ бабокъ же ничего не было. Бумаги одной сгорѣли въ пожарѣ дома; относительно другой не было извѣстно, гдѣ она была рождена и крещена. Въ родословной дворянской книгѣ ихъ именъ не оказалось. Ровно десять лѣтъ провозился я съ этимъ дѣломъ, и оно такъ и осталось неоконченнымъ. Въ городѣ, гдѣ помѣщался окружной судъ, былъ всего одинъ присяжный повѣренный, очень лѣнивый и безпечный человѣкъ,—онъ бралъ съ меня аккуратно пять рублей за визитъ, „за разговоръ", но сдѣлать такъ-таки ничего и не сдѣлалъ. Мы писали, писали, писали; искали, искали, искали; но въ правахъ наслѣдства я не утвержденъ и до сихъ поръ. Хорошо еще, что на святой Руси можно владѣть невозбранно всякимъ имуществомъ и безъ какихъ бы то ни было документовъ,—никому до этого, повидимому, никакого дѣла нѣтъ. Если такой казусъ приключился со мной, ѣздившимъ постоянно и въ уѣздный, и въ губернскій городъ, и соприкасавшимся чуть ли не ежедневно со всѣми чинами, въ рукахъ которыхъ находилось это производство, то на что же могли разсчитывать сиднемъ сидѣвшіе въ своихъ имѣніяхъ мелкопомѣстные дворяне? Помѣщичьи дома горѣли, сельскія церкви съ метриками горѣли, браки и крестины происходили иногда гдѣ придется, въ особенности если отецъ былъ полковымъ офицеромъ—судьба большинства помѣщиковъ того времени; документы терялись, губернскіе города съ консисторіями и родословными книгами были далеко,—гдѣ тутъ было слѣдить за всѣми подобными тонкостями? А въ результатѣ получился совершенный документальный хаосъ, распутать который, вѣроятно, никогда не придется. Я лично знаю не мало случаевъ, когда старшій нотаріусъ мѣстнаго окружного суда, большой формалистъ, спасалъ помѣщика отъ неминуемой нищеты, отказываясь утверждать купчія крѣпости и закладныя; бездокументность являлась непреодолимой преградой и спасала прогорѣвшимъ, никуда въ жизненной битвѣ негоднымъ бѣднякамъ ихъ послѣднее пристанище.

Формальная сторона крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія была въ гораздо лучшемъ порядкѣ—у всѣхъ были на лицо ихъ уставныя грамоты и надѣльные планы. Зато въ исполненіи, на практикѣ, документы эти большею частью оказывались ниже всякой критики. Положеніе 19 февраля застало деревню безъ сколько-нибудь сносныхъ землемѣровъ, такъ какъ никто не по-

заботился своевременно о томъ, что они будутъ нужны и въ большомъ числѣ. Составъ ихъ въ Z-ской губерніи былъ просто ужасенъ. При N-скомъ съѣздѣ мировыхъ посредниковъ состоялъ землемѣромъ субъектъ, рѣшительно нигдѣ не учившійся, не имѣвшій даже астролябіи и работавшій простой карманной буссолью,—и я такъ-таки и не могъ найти лучшаго. Спросъ на нихъ былъ огромный,—вездѣ приходилось отводить крестьянскіе надѣлы, всѣ торопились, и работа эта, въ общемъ, была произведена отвратительно, положила начало массѣ судебныхъ тяжбъ и самыхъ серьезныхъ осложненій. Въ моихъ рукахъ перебывали сотни надѣльныхъ крестьянскихъ плановъ,—ничего небрежнѣе и безобразнѣе ихъ и представить себѣ было нельзя. Во многихъ случаяхъ площади были вычислены невѣрно, въ другихъ—линіи и углы были измѣрены или нанесены невѣрно, и, при правильномъ нанесеніи, замкнуть площадь было невозможно. Я знаю планы смежныхъ деревень, сдѣланные разными землемѣрами, на которыхъ смежныя границы были нанесены совершенно различно. Границы отрѣзной помѣщика не совпадали съ смежными имъ границами крестьянскаго надѣла,—начинались споры, пререканія, затѣмъ неизбѣжное самоуправство со стороны мужиковъ. Немало прошло черезъ нашъ съѣздъ мировыхъ посредниковъ такихъ дѣлъ, неизбѣжно переходившихъ въ высшія инстанціи; они стоили мужикамъ времени, хлопотъ, денегъ, даже усмиреній, а разрѣшить ихъ безъ произвола не могъ бы и самъ царь Соломонъ,—такъ они были спутаны небрежностью мировыхъ посредниковъ и абсолютной негодностью землемѣровъ. Мое изслѣдованіе вынесло на поверхность цѣлые десятки такихъ дѣлъ, такихъ несообразностей и абсурдовъ, и хотя мужикъ неизмѣнно видѣлъ въ нихъ „господскія“ козни и утверждалъ единогласно, что и посредники, и землемѣры были „закуплены“, для меня было ясно, что виной были не злые умыслы кого-либо, а безпечность и лѣность, неспособность и глупость исполнителей.

Купленныя крестьянскія земли составляли въ то время только очень незначительный процентъ всей площади уѣзда, который, однако, медленно, но неуклонно повышался съ каждымъ годомъ, и при ихъ распредѣленіи по владѣльцамъ онѣ представили собой неожиданныя трудности, особенно благодаря чрезмѣрной дробности владѣнія. Такіе случаи, чтобы купленная земля владѣлась цѣлой деревней-общиной, были крайне рѣдки; почти всегда, пріобрѣтая землю, мужикъ обращался къ частному владѣнію. Покупая у барина пустошь или отрѣзную, за извѣстную опредѣленную сумму, участники обыкновенно дѣлили ее не по

десятинамъ, а по деньгамъ; если она стоила, напримѣръ, пятьсотъ рублей, одинъ вносилъ двадцать, другой—двадцать-пять, третій—тридцать и т. д., смотря по средствамъ и надобностямъ, и земля, сообразно этимъ взносамъ, дѣлилась тѣми же землемѣрными способами, которыми мужикъ дѣлилъ свои надѣлы, но такъ, что участокъ всякаго былъ въ одномъ мѣстѣ, а не мелкими полосками, и, конечно, такіе участки уже не подлежали передѣламъ, а предназначались въ „вѣчное владѣніе". Такіе участки были иногда очень мелки,—на пустошь въ двадцать десятинъ было тридцать владѣльцевъ или больше, да и эти мелкіе участки дробились съ теченіемъ времени все больше и больше раздѣлами, перепродажей между собой и т. д. Первоначальный покупной документъ былъ, можетъ быть, и хорошъ, хотя мнѣ попадались купчія крѣпости, совершенныя у младшаго нотаріуса, но такъ и не утвержденныя старшимъ; но фактическое владѣніе все больше и больше отдалялось отъ него, такъ какъ эти семейные раздѣлы и перепродажи въ громадномъ большинствѣ случаевъ не оформлялись законнымъ образомъ, и въ крестьянскомъ частномъ владѣніи шелъ тотъ же процессъ, что̀ и въ дворянскомъ, и я не сомнѣваюсь, что черезъ два-три поколѣнія оно будетъ представлять собою совершенно неисправимый хаосъ. Если сложность и требовательность законоположеній о земельной переходимости дѣлали ее недоступной и помѣщикамъ, если окружные суды и старшіе нотаріусы были такъ отдалены отъ деревни, что явка и утвержденіе купчей крѣпости на небольшіе клочки стоила, конечно, дороже самой земли, то къ чему же долженъ былъ привести такой порядокъ мужика? Было ли при такихъ условіяхъ достижимо упорядоченіе правовыхъ отношеній вообще и оформленіе переходимости недвижимой собственности въ особенности? Законы были, можетъ быть, и хороши, но они были недоступны деревнѣ—необходима была децентрализація ихъ о̀рагановъ, бо̀льшая ихъ близость къ деревнѣ. Только гораздо болѣе мелкая земская единица, чѣмъ уѣздъ, и всесословная волость, и могли бы дать деревнѣ такіе о̀рганы, привлекши къ общественному дѣлу многихъ полезныхъ людей, которые были отрѣзаны отъ него существовавшимъ порядкомъ; только такіе о̀рганы и могли бы возбудить самодѣятельность, сблизить и уравнять населеніе, уничтожить мужицкую изолированность и вызвать наружу все то, что̀, конечно, скрывало въ себѣ крестьянство. Я не берусь рѣшать, что̀ было хуже для мужика—недоступныя ли ему общія судебныя учрежденія, какъ они были организованы въ то время, или волостной судъ и обычное право;

но мнѣ всегда казалось что изъ обоихъ могла бы быть выкроена такая середина, которая бы, конечно, лучше соотвѣтствовала деревенскимъ жизненнымъ условіямъ всѣхъ классовъ, соединила бы ихъ, вызвала бы всѣ спавшіе элементы и могла бы положить начало конца хроническимъ безправію и неурядицѣ. Я всегда думалъ, что и уѣздное земство было слишкомъ далеко отъ населенія вообще и мужика въ особенности, что они поэтому относились къ нему какъ къ обычному начальству, и что возбудить ихъ интересъ и заручиться ихъ сердечной, активной поддержкой могли бы только гораздо ближе къ нимъ поставленныя учрежденія.

Быстро накоплявшаяся запутанность частнаго крестьянскаго землевладѣнія была такова, что, разобравъ и распутавъ два-три такихъ владѣнія, я еще при изслѣдованіи первой волости пришелъ къ тому заключенію, что земской управѣ слѣдить за этой дробностью и переходимостью владѣнія изъ года въ годъ будетъ совершенно невозможно; она не могла бы производить такія изслѣдованія на мѣстѣ каждый годъ, пришлось бы поручить ихъ волостнымъ правленіямъ, которыя не были бы нисколько заинтересованы въ ихъ точности, и получилась бы путаница; въ интересахъ обложенія было совершенно достаточно, чтобъ извѣстная пустошь или отрѣзная показывались цѣликомъ въ окладной книгѣ и листахъ, и я порѣшилъ заносить ихъ подъ именемъ одного участника съ товарищами; окладывалась, напр., пустошь Голодаиха, въ двадцать десятинъ, раздѣленныхъ на разряды такимъ-то образомъ, окладъ три рубля, а участники раздѣлили эту сумму между собою сообразно фактическому владѣнію за извѣстный годъ. Что при такомъ порядкѣ современемъ должны были возникнуть споры, сутяжничество, произволъ—не могло быть никакого сомнѣнія; но что же оставалось дѣлать? Мужикъ и радъ бы былъ оформить свое владѣніе, но это было ему совершенно недоступно. Замѣчу кстати, что крестьяне всегда платили земскій окладъ на купленную землю если и неохотно—охотно они ничего не платили,—то безъ всякихъ разговоровъ и недоимокъ, и при первой же возможности. Никакихъ хлопотъ по поводу взысканія этой части земскихъ повинностей у управы никогда не было.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ практическихъ показателей цѣнности земли въ данное время въ извѣстной мѣстности служитъ цѣна при сдѣлкахъ по куплѣ и продажѣ. Основать всю оцѣнку на этомъ показателѣ невозможно, а въ то время было и особенно трудно, такъ какъ переходимости такимъ способомъ

болѣе или менѣе значительныхъ цѣлыхъ имѣній не было; продать имѣніе за наличныя деньги, безъ существованія какихъ-нибудь особенныхъ условій, было нельзя. Единственными покупателями были крестьяне, но и тѣ покупали только клочки, отрѣзныя земли или небольшія пустоши, такъ какъ денегъ у нихъ не было. Я изслѣдовалъ цѣлые десятки такихъ сдѣлокъ, и громадное большинство ихъ дѣлалось съ разсрочкой въ годы, частью за работу, и т. д. Эти сдѣлки исполнялись крестьянами свято, и я не помню ни одного случая, чтобы они не выплатили или не исполнили своихъ обязательствъ въ срокъ. Для ознакомленія съ цѣнностью земли посредствомъ такихъ сдѣлокъ я сдѣлалъ изъ волостей нѣсколько поѣздокъ для осмотра проданныхъ участковъ на мѣстѣ и всегда поражался тѣми улучшеніями, которыя сразу дѣлались мужиками на купленной землѣ. Всегда можно было безошибочно указать всю межу между надѣльной землей и купленной. Надѣльная оставалась въ ея первоначальной примитивности, купленная сразу улучшалась. Въ N-скомъ уѣздѣ почти всѣ низины между полями, болѣе возвышенными, полны кочкарникомъ;—тутъ когда-то былъ лѣсъ, давно вырубленный, и скотъ, которому кочкарники эти служили главнымъ выгономъ, выминалъ тропки между гнившими на мѣстѣ пнями и быстро обращалъ низину въ негодную для обработки, чрезвычайно неровную поверхность. Купивъ такой кочкарникъ, мужики немедленно прокапывали канавы, выкорчевывали остававшіеся пни и корни, срѣзали кочки, гноили ихъ на мѣстѣ и затѣмъ раскидывали ровно по поверхности. Получался хорошій сѣнокосъ, дававшій много лѣтъ порядочные урожаи сѣна, и обрабатывать который было легко. Если принять въ соображеніе, что никакихъ рѣшительно вспомогательныхъ машинъ въ употребленіи не было, что всѣ подобныя работы дѣлались топоромъ, заступомъ и лошадинымъ трудомъ мужика,—ихъ трудность и громадность не могли не поражать наблюдателя. Купленную землю мужикъ холилъ и лелѣялъ, удобрялъ по возможности, не жалѣлъ на нее никакихъ трудовъ; цѣлыя семьи, старики, подростки, бабы и дѣвки копошились на ней осенью съ утра до ночи, и, какъ ни долгъ и тяжелъ былъ такой трудъ, быстро приводили ее въ превосходное состояніе, въ которомъ, при существовавшемъ малоземельи, должны бы были быть и могли бы быть приведены и всѣ подобные клочки и въ крестьянскихъ надѣлахъ. Производительность земли поднималась въ нѣсколько разъ; конечно, трудъ былъ великъ, но мужикъ не принималъ этого въ разсчетъ; осень все равно пропадала даромъ, полевыя

работы были всѣ закончены, когда онъ принимался за свой кочкарникъ, а уже на слѣдующее же лѣто онъ снималъ столько-то сѣна,—сѣна, которое въ нашихъ мѣстахъ было главнымъ двигателемъ всякаго хозяйства. Было ясно, что и мужикъ, и безъ всякой опеки, понималъ, что̀ ему нужно; тѣмъ не менѣе, надѣльная земля такъ же продолжала пустовать, и на мои разспросы онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что улучшать ее нѣтъ разсчета, такъ какъ первый же передѣлъ отнялъ бы у него расчищенную полосу. Посѣтилъ я во время этихъ разъѣздовъ и нѣсколькихъ „выползовыхъ". Именемъ „выползова" мужикъ крестилъ всякаго одиночку, выселившагося изъ деревни на собственную пустошь и отдѣлившагося отъ міра-общины. Такихъ „выползовыхъ" и въ то время было уже нѣсколько въ каждой волости, и число ихъ росло съ каждымъ годомъ. Этимъ способомъ мужикъ съ почему-либо выдававшейся личностью протестовалъ противъ деспотизма міра и общиннаго землевладѣнія. „Выползовцы" представляли собою отдѣльный, весьма опредѣленно очерченный типъ. Это были работящіе, толковые, но хмурые и себѣ-на-умѣ люди, предпочитавшіе отдѣльную, индивидуальную жизнь. Въ деревнѣ вся жизнь мужика проходитъ у всѣхъ на виду, и, хозяйничая на надѣльной землѣ, нельзя было быть самостоятельнымъ, необходимо дѣлать все, какъ дѣлаютъ остальные, въ одно время, одними и тѣми же способами. Нѣкоторыя деревни не позволяли держать свиней, ограничивали скотъ и лошадей на общественномъ выгонѣ и т. д. Міръ опредѣлялъ, напр., когда выпустить скотъ въ озимое поле, и я зналъ случаи, когда полосы травы оставались невыкошенными и хлѣба̀ несжатыми или неубранными, потому что малосильные не могли управиться такъ же скоро съ своей работой, какъ многосемейные. „Выползовцы" освобождались отъ всего этого и, въ экономическомъ смыслѣ, обыкновенно процвѣтали; ихъ земли, ихъ скотъ, все ихъ хозяйство стояли выше обыкновеннаго мужицкаго уровня, и сами они были болѣе бойкаго характера, независимѣе, самостоятельнѣе, сильнѣе средней мужицкой массы. Это были индивидуалисты, не вынесшіе гнета коллективизма и удалившіеся отъ него, такъ сказать, въ пустыню. Я не берусь рѣшать, что̀ именно выдѣлило ихъ,—то̀ ли, что они были сами по себѣ выдающіеся по своему характеру люди, или то, что они были свободны отъ давленій міра,—но несомнѣнно, что они были предпріимчивѣе, отзывчивѣе, любознательнѣе,—словомъ, живѣе средняго деревенскаго мужика.

Документальная часть землевладѣнія остальныхъ частныхъ владѣльцевъ—купцовъ, мѣщанъ, разночинцевъ—принадлежала уже

къ новѣйшимъ формаціямъ деревенской жизни и была въ гораздо лучшемъ порядкѣ, чѣмъ дворянскаго; но въ то время въ нашемъ уѣздѣ такихъ владѣльцевъ было еще, сравнительно, немного, и потому въ этомъ изслѣдованіи они играли только незначительную роль.

Одна казна и обладала превосходными планами и научно, систематически составленными описаніями всѣхъ своихъ дачъ. Работы эти были произведены ею въ нашемъ уѣздѣ незадолго до описываемаго мною земельнаго изслѣдованія. Но хотя планы и измѣренія площадей и нельзя было оспаривать, качество земли и въ особенности лѣсовъ, показываемое казною, вызывало обыкновенно самыя шумныя возраженія со стороны мѣстныхъ жителей—сосѣдей казенныхъ дачъ. Ученые лѣсничіе таксаторы принимали въ соображеніе такіе факторы, о которыхъ мужикъ, конечно, не имѣлъ никакого понятія.

— Вотъ, братцы, Карякинская лѣсная дача показана казной какъ дровяной лѣсъ. Земская же управа зачислила ее въ строевой. Кто знаетъ эту дачу, кто изъ васъ ближніе сосѣди?

— Это какая же Карякинская дача? Намъ этакая что-то не вдомёкъ будетъ. Которая это?

— Дача эта только по документамъ называется Карякинской, а въ просторѣчіи зовется „Медвѣжьимъ-Верхомъ", — подсказываетъ сидящій рядомъ лѣсничій.

— „Медвѣжій-Верхъ"? Вотъ вы про что̀. Знаемъ „Медвѣжій-Верхъ", какъ не знать. Мы сусѣди. Бѣдовый тамъ лѣсъ, страшенный. И-и какой! взглянешь на него—шапка валится. Гдѣ ты это тамъ дрова нашелъ? Строевой лѣсъ, батюшка, ваше высокоблагородіе, такъ и пиши.

Лѣсничій пускается въ пространное изложеніе причинъ, почему „Медвѣжій-Верхъ" значится въ таксаторскомъ описаніи дровянымъ. Медленность наслоенія, низкая почва, недостаточность осушенія, подверженность бурелому — тысяча уважительныхъ причинъ.

Мужики внимательно слушаютъ, но ничего не понимаютъ, и только улавливаютъ попадающееся въ послѣдней части объясненія лѣсничаго слово „буреломъ".

— Буреломъ? Знамо дѣло, буреломъ. Какъ въ этакой лѣсинѣ бурелому не быть? Вы, батюшка, ваше высокоблагородіе, допросите Кузьму, онъ за̀все тамъ съ ружьемъ шляется.

Откуда-то вынырнулъ Кузьма, очевидно отставной солдатъ.

— Это, ваше благородіе, точно мужики говорятъ, лѣсище тамотка ужастенный, эвона какія сосны стоятъ...

И Кузьма растопыриваетъ руки, насколько это позволяетъ биткомъ набитая изба.

Лѣсничій опять объясняетъ, что дѣйствительно могутъ быть и строевые вихры въ Карякинской дачѣ, гдѣ повыше, но что въ общемъ дача признана дровяной въ виду такихъ-то и такихъ-то законовъ лѣсопроизрастенія, возраста и т. д.

Хотя передо мной и лежитъ таксаторское описаніе Карякинской дачи, щегольски-красиво составленное и написанное, уснащенное еще бо̀льшимъ количествомъ научныхъ терминовъ, чѣмъ то, которымъ обладаетъ лѣсничій, уже лѣтъ тридцать прозябающій безвыѣздно въ N—скомъ уѣздѣ и соотвѣтственно позаржавѣвшій, тѣмъ не менѣе у меня не мало сомнѣній. Во-первыхъ, научное понятіе о строевомъ и дровяномъ лѣсѣ есть, вѣроятно, нѣчто неподходящее къ мѣстнымъ опредѣленіямъ этой волости, вызываемымъ крайнимъ безлѣсьемъ. Во-вторыхъ, я отношусь скептически къ точности работъ гг. казенныхъ таксаторовъ. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ моимъ имѣніемъ есть тоже казенная дача, и въ ближайшей деревнѣ два лѣта проживала такая таксаторская партія для описанія этой дачи, состоявшая изъ трехъ офицеровъ и нѣсколькихъ кондукторовъ. Одинъ изъ гг. офицеровъ былъ все время безъ просыпу пьянъ; другой ѣздилъ по окрестнымъ помѣщикамъ, и, что̀ было мнѣ достовѣрно извѣстно, ни разу не былъ въ лѣсу; третій привозилъ съ собой каждой весной по два сундука кумачей, ситцевъ, платковъ и бусъ, и постепенно освобождался къ осени отъ этого запаса въ вѣчной погонѣ за деревенскими сильфидами. Кондуктора якобы выходили по утрамъ на работу, но за околицей отпускали мужиковъ, получившихъ довольно значительную поденную плату, за нѣкоторую мзду, по домамъ, и отправлялись черезъ оврагъ къ веселой солдаткѣ, у которой и благодушествовали цѣлые дни. Пока вся эта картина возстановляется въ моей головѣ, лѣсничій безучастно сопитъ рядомъ, поглядывая на часы; я знаю, что его ждетъ у сосѣдняго помѣщика обѣдъ и партія преферанса, до котораго онъ страстный охотникъ, и что ему совершенно все равно, въ какомъ смыслѣ будетъ порѣшена судьба Карякинской дачи, „Медвѣжьяго-Верха“—тожъ. А Николай Ивановичъ неустанно шепчетъ мнѣ: „если съ казны не брать, такъ съ кого же“? Ему, мужицкому земскому „оку“, и въ голову не приходятъ мысли о безпристрастіи, о равноправности земскихъ плательщиковъ, о законности; на всѣ эти теоретическія тонкости, смущающія мою интеллигентную совѣсть, онъ смотритъ съ точки зрѣнія опыт-

наго практика, или, проще, онѣ для него не существуютъ. Что̀ бы вы сдѣлали, читатель, на моемъ мѣстѣ?

Изслѣдованіе волости я считалъ оконченнымъ только тогда, когда послѣдній клочокъ земли въ ея районѣ былъ распутанъ и помѣщенъ въ окладную книгу. Составленная и отпечатанная потомъ волостная карта посылалась въ волостное правленіе и становилась основой для всѣхъ дальнѣйшихъ измѣненій и переходовъ поземельнаго имущества. Тысячи и десятки тысячъ десятинъ были привлечены къ обложенію; распредѣленіе по разрядамъ было основано на болѣе или менѣе точныхъ, провѣренныхъ данныхъ, и всякія „отписки“ по этому поводу, а съ ними и отнимавшая тамъ много времени переписка, почти совершенно прекращались. Распредѣленіе это дѣлалось публично, въ присутствіи всѣхъ сосѣдей, было часто оспариваемо на съѣздахъ владѣльцами, но почти во всѣхъ случаяхъ приводилось къ полюбовному соглашенію, исключавшему возможность споровъ въ будущемъ. Нисколько не стѣснявшіеся утаивать правду въ канцелярской перепискѣ, землевладѣльцы стѣснялись дѣлать то же самое въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей-сосѣдей. Правда неизмѣнно выходила наружу настолько, что удовлетворяла всегда развивавшееся на этихъ съѣздахъ и проявлявшееся болѣе или менѣе осязательно общественное чувство. Оба эти фактора неизмѣнно приводили къ усиленію земскихъ рессурсовъ, безъ отягощенія населенія, такъ какъ въ сущности былъ открытъ новый, дотолѣ ускользавшій источникъ обложенія, дававшій, по моимъ исчисленіямъ, отъ 30 до 40 процентовъ увеличенія.

Эти же изслѣдованія дали мнѣ возможность вглядѣться болѣе или менѣе пристально въ общее экономическое положеніе уѣзда. Помѣщичье хозяйство почти безъ всякихъ исключеній вездѣ находилось въ совершенномъ упадкѣ. Вѣроятно въ большинствѣ случаевъ, и навѣрное въ цѣлой ихъ половинѣ, активное хозяйство было въ нихъ къ тому времени уже закрыто; поля были или запущены, или отдавались—изъ извѣстной части урожая—окрестнымъ крестьянамъ, а сѣнокосы—въ аренду за деньги. Само собой разумѣется, что безъ удобренія поля быстро выпахивались, тощали окончательно и тоже запускались, сдѣлавшись неспособными къ обработкѣ на долгое время и въ будущемъ. Усадьбы не поддерживались и, покинутыя владѣльцами, быстро разрушались. Въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяйство поддерживалось, только очень рѣдко земля обработывалась наемными рабочими и собственнымъ инвентаремъ; господствовала система обработки полей подесятинно: окрестные крестьяне обязывались обработы-

вать сполна одну десятину озимаго, одну ярового хлѣба и двѣ или три десятины покоса, за извѣстную, опредѣленную плату; система эта завелась вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, и держалась очень упорно, хотя и была, конечно, очень невыгодна обѣимъ сторонамъ по многимъ причинамъ. Плата была установлена весьма низкая, такъ что за рабочій конный день приходилось мужику копѣекъ тридцать, за пѣшій и женскій—и того, конечно, меньше. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе первыхъ десятилѣтій, бывшій крѣпостной мужикъ держался за эту систему весьма крѣпко, такъ какъ она была почти единственнымъ для него источникомъ добыть наличныя деньги, необходимыя на уплату повинностей. До освобожденія, наличныя деньги были большой рѣдкостью для средняго крѣпостного крестьянина, работавшаго извѣстную часть своего времени на барщинѣ. Подушныя за него платилъ баринъ; все, или почти все, что ему было нужно для домашняго обихода, онъ производилъ самъ, и я лично помню сѣдыхъ стариковъ, для которыхъ рубль былъ огромнымъ капиталомъ, чуть ли не maximum'омъ того, что проходило за одинъ разъ черезъ ихъ руки. Съ освобожденіемъ сразу понадобились деньги, и на подушныя, и на оброкъ барину, или выкупные платежи казнѣ, и на мірскіе сборы, и деньги для мужика очень значительныя,—рублей по десяти и больше съ души. Одинокому въ хозяйствѣ—а такихъ, конечно, было значительное большинство—нельзя было отлучиться отъ дома, а мѣстныхъ заработковъ, кромѣ какъ у тѣхъ же помѣщиковъ, никакихъ рѣшительно не было. Въ то же время у большинства помѣщиковъ, обработывавшихъ дотолѣ свои усадьбы барщиной, не было достаточнаго, а чаще и никакого рабочаго инвентаря; система „круговыхъ“ десятинъ и была результатомъ этого положенія, и спасла въ то время въ нашихъ мѣстахъ отъ полнаго внезапнаго банкротства и барина, и мужика. Но, получая очень низкую плату, мужикъ давалъ и еще болѣе низкое качество работы—пахалъ небрежно и мелко, кралъ сѣмена при сѣвѣ, неровно развозилъ и разбивалъ навозъ, жалъ и молотилъ нечисто, гноилъ сѣно на покосѣ, и всячески отлынивалъ отъ своевременной явки на работу. Дѣло было въ томъ, что своя полоса и работа поспѣвали у него одновременно съ барской, и не могъ же онъ видѣть свое сѣно гніющимъ и свое зерно осыпающимся изъ-за той нищенской платы, которую онъ получалъ за барскую десятину. Какое-либо улучшеніе въ методахъ хозяйства при этой системѣ было немыслимо,—напротивъ, поля и сѣнокосы замѣтно ухудшались и падали въ производительности; тѣмъ не менѣе, она была долгое время един-

ственнымъ выходомъ, такъ какъ обработка наемными рабочими требовала немедленной затраты значительнаго, сравнительно, капитала и на инвентарь, и на рабочихъ, а „десятинщики“ получали большую часть своей платы осенью, когда можно было запродать на этотъ предметъ хлѣбъ или получить деньги за лѣтнее молоко. Какого бы то ни было кредита не существовало, и наличныя деньги были дѣйствительно драгоцѣнностью. Даже состоятельные, сравнительно, помѣщики оборачивались съ большимъ трудомъ, а мелкопомѣстные вѣчно сидѣли безъ гроша и въ долгу у всей округи. Мужикъ же совсѣмъ не видѣлъ денегъ; получивъ ихъ осенью отъ помѣщика, онъ несъ ихъ цѣликомъ сельскому старостѣ или въ волостное правленіе. Когда подати стали „выбивать“ все больше и больше въ срокъ, волостное начальство стало прямо заарестовывать деньги въ рукахъ нанимателей, и само получало ихъ, для вѣрности, чтобы мужики не утаили части ихъ на собственную потребу.

Крестьянское благосостояніе, какъ я уже умѣлъ случай упомянуть выше, было очень неровно. До моего основательнаго знакомства съ деревней я думалъ, что нищета была главной, почти единственной причиной мужицкаго невѣжества. Къ сожалѣнію, и это мое предположеніе оказалось печальнымъ заблужденіемъ. Я нашелъ, что одно благосостояніе совсѣмъ не исключаетъ невѣжества; напротивъ, при извѣстныхъ условіяхъ оно только усугубляетъ его. Въ нашемъ уѣздѣ, какъ мнѣ уже не разъ приходилось упоминать выше, было двѣ—три волости бывшихъ государственныхъ крестьянъ; одна изъ нихъ была расположена верстахъ въ десяти—двадцати отъ моего имѣнія, и я зналъ ее очень близко. Почва въ ней была превосходная, и земельный надѣлъ на душу—почти вдвое больше надѣла бывшихъ крѣпостныхъ; кромѣ того, во владѣніи мужиковъ въ ея предѣлахъ было больше купленной ими земли, чѣмъ въ какой-либо другой волости уѣзда. Мужики въ ней были больше чѣмъ зажиточные—таковы были бѣднѣйшіе изъ нихъ; цѣлая половина была прямо богата, и богата не только землей, постройками, скотомъ, хлѣбомъ, но и деньгами. Ко мнѣ не разъ приходили втихомолку многіе изъ нихъ, съ запасами кредитокъ старыхъ образцовъ, съ золотомъ и серебромъ старинныхъ чекановъ—справляться, какова ихъ цѣна теперь. Это были „тысячники“ въ широкомъ смыслѣ этого слова. У нѣкоторыхъ было по полусотнѣ, даже больше, десятинъ купленной земли, по 8—10 лошадей, по 20 дойныхъ коровъ;—жили они большими семьями, не дѣлились до дѣйствительной необходимости, и нравы въ ихъ средѣ, и общественные,

и, въ особенности, семейные, преобладали самые жестокіе, самые примитивные. Даже „Домострой“ показался бы раемъ въ сравненіи съ этими нравами. Таково же было и ихъ невѣжество; въ этомъ отношеніи они, конечно, стояли даже ниже окружавшихъ ихъ волость со всѣхъ сторонъ бывшихъ крѣпостныхъ, нищихъ сравнительно съ ними. Жадность и скаредность этихъ мужицкихъ крезовъ была ходячей поговоркой: „жаденъ какъ пушкарь“— было самое общеупотребительное у ихъ сосѣдей сравненіе. Въ рабочую страду они работали день и ночь, безъ всякой передышки; много разъ, проѣзжая по этой волости ночью, видѣлъ я чуть ли не все населеніе на поляхъ. А жили они на квасѣ и хлѣбѣ; даже осенью, когда послѣдній крѣпостной мужикъ рѣзалъ теленка или ягненка къ празднику, пушкарь не сходилъ съ капусты и пустыхъ щей. Не было въ нихъ и обычнаго зимняго крестьянскаго щегольства;—тысячникъ ходилъ и зимой, и лѣтомъ въ заплатахъ, въ онучахъ и лаптяхъ; кожаные сапоги считались имъ роскошью даже въ престольный праздникъ. Когда введена была новая воинская повинность, и „записанные“ съ перваго же года принялись „чертить“ передъ пріемомъ по всему уѣзду, у однихъ пушкарей такая гульба была сразу настрого заказана, и они заставляли своихъ рекрутовъ работать попрежнему чуть ли не до дня пріема. Лихоимство при займахъ господствовало самое возмутительное—100% и даже больше за лѣто было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, а вся окрестная гольтепа занимала у нихъ каждую весну до „нови“ и несла этой волости страшную, чисто-средневѣковую дань. Ничего несимпатичнѣе, ничего болѣе отталкивающаго не могло и быть. „Пушкарь не пожалѣетъ“;—говорилъ его должникъ, и дѣйствительно онъ не зналъ и знать не хотѣлъ, что̀ такое совѣсть. Многоземелье требовало присутствія дома всѣхъ наличныхъ рабочихъ силъ; въ отхожихъ промыслахъ они не нуждались, и вели замкнутую, строго земледѣльческую жизнь; большинство никогда не бывало за предѣлами волости, заключавшей для нихъ въ себѣ рѣшительно все;—не только какіе-либо человѣческіе, но и уѣздные интересы для нихъ не существовали,—они были отдѣлены отъ остального міра какъ бы каменной стѣной. Помѣщичьихъ усадебъ въ предѣлахъ волости не было, негдѣ было селиться между ними и разночинцамъ, обыкновенно слѣдовавшимъ за разорившимися и уѣзжавшими дворянами,—и волость стояла внѣ всякихъ постороннихъ вліяній, въ совершенно примитивной, безпросвѣтной тьмѣ.

Деревенскіе „богачата“-кулаки встрѣчались почти во всякой деревнѣ, но и они обыкновенно нисколько не превосходили своихъ

односельчанъ общимъ развитіемъ, а только развѣ хищническими способностями. Богатство не принято было „оказывать"; мужикъ вообще труслив, и не любитъ, чтобы говорили объ его „достаткѣ". Были, впрочемъ, и богачи „бахвалы". Такіе строили „домà", крыли ихъ тёсомъ, заводили наборную сбрую для праздника, хорошую одежду, самоваръ; но также жгли лучину по вечерамъ, носили лапти на работу и также пренебрегали всяческимъ „просвѣщеніемъ". Мужицкое богатство не вызывало и не несло съ собой высшихъ потребностей, и ограничивалось чисто внѣшней, больше чѣмъ сомнительно-полезной мишурой. Вообще, на мой взглядъ, богатство, прежде всего, дѣлало мужика несимпатичнымъ, болѣе жестокимъ, болѣе требовательнымъ въ бѣднотѣ и болѣе трусливымъ и льстивымъ во всякому начальству. Съ голяка нечего было взять, нечѣмъ было отъ него поживиться; богачъ же всегда трепеталъ болѣе или менѣе, изобрѣтая даже мнимыя для себя опасности, „ожесточался" и „сатанѣлъ", по мѣткому мужицкому выраженію. Тяжело доставалось мужику благосостояніе, но и оно, при тогдашнихъ мужицкихъ жизненныхъ условіяхъ, не избавляло его отъ невѣжества,—для этого, очевидно, не хватало многаго другого.

IX.

Въ теченіе этихъ же лѣтъ, мнѣ, какъ предводителю дворянства, пришлось привести въ дѣйствіе и новое Положеніе о воинской повинности.

Мнѣ пришлось застать только хвостикъ старой рекрутской системы; при мнѣ не было ни одного набора по старому порядку, а пришлось только принять въ солдаты нѣсколькихъ недоимочныхъ, перемѣнныхъ почему-либо или охотниковъ въ счетъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій. Поэтому о старой системѣ, какъ о цѣломъ, я ничего не могу сказать по собственному опыту; но дѣлопроизводство стараго рекрутскаго присутствія и съѣзда мировыхъ посредниковъ и вышеупомянутыхъ случаевъ было достаточно для того, чтобы придти къ опредѣленному заключенію въ томъ смыслѣ, что система эта была основана на насиліи, взяточничествѣ, фаворитизмѣ и цѣлой массѣ другихъ подобныхъ гадостей. Новое положеніе было истиннымъ благодѣяніемъ, прежде всего, потому что устраняло въ значительной степени произволъ всякаго начальства,—въ томъ числѣ и деспотизмъ сельскихъ обществъ. При прежнемъ порядкѣ произволъ былъ все, или, во

всякомъ случаѣ, почти все; жеребьевая система, если списки были составлены правильно и льготы распредѣлены соотвѣтственно закону, исключала даже возможность произвола. Къ сожалѣнію, положеніе было составлено, повидимому, слишкомъ спѣшно и не предусматривало цѣлой массы подробностей. При приведеніи его въ исполненіе многія воинскія присутствія, не отличавшіяся самостоятельностью и не желавшія брать на себя отвѣтственности, запрашивали объясненій чуть ли не по каждому пункту; объясненія эти давались спѣшно, не всегда послѣдовательно, и уже послѣ перваго же призыва не только существенно осложнили дѣло, но и стали давать лазейки тому же произволу. Не могу не обратить вниманія читателя на одну общую черту, съ которой мнѣ, въ теченіе всей деревенской общественной жизни, пришлось сталкиваться почти ежедневно при отправленіи служебныхъ обязанностей по всѣмъ отраслямъ дворянскаго и земскаго самоуправленія. Черта эта состояла въ томъ, что всѣ основныя, первоначальныя положенія о разныхъ учрежденіяхъ—„Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.", о земствѣ, о судебной реформѣ [1]), о новыхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ, о воинской повинности, о конской повинности, объ училищныхъ совѣтахъ—загромождались весьма быстро самыми разнообразными объясненіями высшихъ государственныхъ учрежденій, а всего больше циркулярами министровъ, добавочными, такъ сказать, распоряженіями, имѣвшими для насъ, исполнителей, всю силу новыхъ узаконеній. Законъ въ первоначальной формѣ, благодаря этому, постоянно расширялся и осложнялся, дѣлался все болѣе и болѣе недоступнымъ населенію и мало-по-малу переходилъ во что-то неопредѣленное, доступное манипуляціямъ и произволу исполнителей,—если не всегда въ дѣйствительности, то всегда въ глазахъ населенія. „Я тутъ совершенно ни при чемъ—это законъ", говоришь, бывало, просителю. „Что̀, батюшка, законъ, — неизмѣнно отвѣчалъ онъ, — законъ знамо дѣло законъ, а только все дѣло въ вашихъ рукахъ — явите божескую милость"! Долгій жизненный опытъ училъ этого просителя, этого беззащитнаго и безправнаго обывателя, что нѣтъ незыблемыхъ законовъ, что они не про всѣхъ писаны, и что лазейки и исключенія составляютъ ихъ неотъемлемую принадлежность. Теорія государственнаго управленія, конечно, имѣла въ виду совершенно другое; а практика и исполненіе весьма

[1]) Мнѣ привелось короткое время быть и предсѣдателемъ N—скаго съѣзда мировыхъ судей.

быстро приводили всякую реформу именно въ такое положеніе, что вышеупомянутый жизненный опытъ обывателя оказывался въ сущности правъ. „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“, „Уставъ о воинской повинности“ представляли собой компактныя, небольшія, очень дешевыя въ продажѣ книжки, доступныя всякому обывателю; да и усвоеніе ихъ содержанія не требовало спеціальныхъ способностей или образованія—но онѣ, къ сожалѣнію, совершенно устарѣли, прежде чѣмъ дошли до населенія; такъ, послѣдующіе циркуляры и разъясненія измѣнили и даже извратили во многихъ случаяхъ ихъ первоначальную сущность. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что многія статьи однихъ и тѣхъ же различныхъ Положеній толковались и приводились въ исполненіе различно не только въ смежныхъ губерніяхъ, а и въ смежныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи. Представлялась какая-нибудь особенность, какой-нибудь непредусмотрѣнный новымъ уставомъ случай,—одно уѣздное присутствіе рѣшало его своимъ усмотрѣніемъ, другое представляло на разрѣшеніе губернскаго присутствія; это въ свою очередь или рѣшало его само, или представляло на усмотрѣніе свыше; иногда результатомъ такого представленія было рѣшеніе этого именно единичнаго случая, иногда—общій циркуляръ всѣмъ уѣзднымъ присутствіямъ губерніи или Россіи, смотря по тому, какъ и гдѣ заканчивалось дѣло,—циркуляръ не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству. Уѣздное присутствіе или управа иной разъ руководствовались уже нѣсколько лѣтъ извѣстнымъ прецедентомъ въ извѣстномъ смыслѣ,—какъ вдругъ получался циркуляръ, измѣнявшій всю суть дѣла. Мнѣ всегда казалось, что разъясненіе и толкованіе законовъ такъ же важно, какъ и изданіе новыхъ,—что оба эти дѣла должны находиться въ непосредственной связи и подъ однимъ и тѣмъ же руководствомъ; а въ дѣйствительности это было до очевидности не такъ, и мы, уѣздныя учрежденія, входя за разъясненіями въ губернскія, никогда не знали, откуда они идутъ,—откуда-то сверху,—но отъ самого ли губернскаго присутствія, отъ министра ли, отъ государственнаго ли совѣта—было неизвѣстно, хотя всякое такое разъясненіе и было для насъ безусловно обязательно, какъ бы они ни противорѣчили одно другому или общему духу закона. Въ результатѣ очень быстро оказывалось, что законъ или основное положеніе сами по себѣ, а дополненія и разъясненія—сами по себѣ, и на этихъ-то послѣднихъ несомнѣнно и жилъ и развивался самый значительный процентъ уѣзднаго произвола.

Не имѣя никакого предварительнаго опыта въ обществен-

ныхъ дѣлахъ и не получивъ юридическаго образованія, я, будучи сразу поставленъ во главѣ всѣхъ уѣздныхъ учрежденій, долго не могъ примириться съ такой рутиной, и нѣсколько разъ входилъ съ представленіями по поводу обязательности того или другого разъясненія, казавшагося мнѣ несообразнымъ съ общимъ духомъ разныхъ уставовъ и положеній или несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ потребностямъ дѣла. Само собой разумѣется, что всѣ подобныя представленія не только не достигали цѣли, но и клали на меня печать „безпокойнаго" человѣка. „Велѣно, приказано, предписано"—таковъ былъ единственный рычагъ всей нашей дѣятельности; отъ насъ требовалось только пассивное исполненіе,—не поощрялась сверху даже простая любознательность, на почву которой я перешелъ впослѣдствіи, когда уразумѣлъ, что „представленія" больше чѣмъ безполезны. Ниже я буду имѣть случай привести одинъ блестящій примѣръ послѣдствій этого порядка вещей.

Годъ приведенія въ дѣйствіе устава о воинской повинности былъ особенно тяжелъ для меня. Призывные списки составлялись волостными правленіями и были для нихъ совершенной новостью. Непривычка къ самостоятельной работѣ сбивала съ толку самыхъ лучшихъ волостныхъ писарей,—они просто не могли взять въ толкъ, что̀ именно было нужно. Насколько помню, ни одно правленіе не составило призывные списки правильно сразу,—пришлось возвращать ихъ для исправленія по два, по три раза, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ посылать по правленіямъ канцелярскихъ чиновниковъ изъ города для помощи. Затѣмъ распредѣленіе льготъ вызвало нескончаемыя недоразумѣнія—постоянно разроставшіяся, благодаря сыпавшимся на присутствіе какъ дождь разъясненіямъ и циркулярамъ. Больше половины постановленій присутствія въ этомъ отношеніи было обжаловано. Населеніе не знало закона—и жаловалось не потому, чтобы были ошибки, а потому что оно привыкло жаловаться, въ надеждѣ, что законъ можетъ быть измѣненъ по усмотрѣнію начальства и исключеніе сдѣлано въ каждомъ данномъ случаѣ. Такія жалобы приносились во всевозможныя присутственныя мѣста; я помню случаи, когда мужикъ подавалъ ихъ по полудюжинѣ за разъ—даже тогда, когда сыну давалась льгота перваго разряда. Первоначальное положеніе о льготахъ было, однако, такъ просто, и самое положеніе было такъ основательно изучено нашимъ присутствіемъ, что, насколько помню, ни одна изъ этихъ жалобъ не была уважена. Самый призывъ прошелъ чрезвычайно гладко, хотя на практикѣ и выяснились многія несообразности, какъ

общія, такъ и мѣстныя. Крупнѣйшей мѣстной ошибкой оказалось раздѣленіе уѣзда на пять призывныхъ участковъ. Законъ предоставлялъ такое раздѣленіе на участки усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ собраній; и наше собраніе, желая по возможности облегчить населенію отправленіе воинской повинности, и принимая въ соображеніе громадную территорію уѣзда, и раздѣлило его на пять частей, чтобы призывнымъ было ближе ѣхать къ мѣсту призыва. Доставляя, однако, это удобство, собраніе оказало серьезнѣйшую несправедливость въ томъ смыслѣ, что упустило изъ виду физическія особенности населенія въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда. Первый же призывъ указалъ на нихъ самымъ безошибочнымъ образомъ. Тогда какъ въ центральномъ, отчасти въ сѣверномъ и, въ особенности, въ южномъ участкахъ призывные оказались какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу, почти безъ брака, въ двухъ западныхъ ихъ физика была гораздо ниже. Въ одной волости народъ былъ такъ малорослъ, что *всѣ* призывные оказались ниже минимальнаго роста,—помнится, два аршина два вершка. Въ результатѣ вышло, что тогда какъ въ трехъ первыхъ участкахъ осталось много безльготныхъ, въ остальныхъ они ушли всѣ, и въ одномъ пришлось даже захватить льготныхъ третьяго разряда. Уже на слѣдующій годъ число участковъ было сокращено,—и я былъ того мнѣнія, что, для болѣе правильнаго распредѣленія повинности и исполненія ея исключительно безльготными, слѣдовало бы весь уѣздъ обратить въ одинъ участокъ. Съ теченіемъ времени большинство уѣздовъ нашей губерніи пришло къ тому же заключенію.

Физическое состояніе призывныхъ служило превосходнымъ указателемъ экономическаго положенія разныхъ мѣстностей. Однѣ волости ставили чуть не сплошь гвардейцевъ, въ другихъ—приходилось браковать половину и больше. Я отлично помню, какое подавляющее впечатлѣніе производила на меня эта разница, и какъ, послѣ призыва, по цѣлымъ недѣлямъ мелькали у меня передъ глазами молодыя, но уже заморенныя и изнуренныя, жалкія нагія фигуры.

Солдатчина была всегда ужасомъ, кошмаромъ русскаго народа. Болѣе гуманное отношеніе къ солдату и болѣе короткіе сроки службы, введенные въ шестидесятыхъ годахъ, въ то время еще не успѣли измѣнить народное отношеніе къ рекрутчинѣ. Новобранца все еще провожали какъ бы въ могилу—и тѣхъ рекрутовъ, которыхъ мнѣ пришлось принять на службу въ старомъ рекрутскомъ присутствіи, привозили на сдачу обыкновенно въ колодкахъ и подъ сильнымъ карауломъ. И первый призывъ

по новому положенію мало отличался въ этомъ отношеніи отъ прежнихъ наборовъ. Хотя колодки, конечно, и исчезли,—призываемаго провожали на призывной пунктъ не только его семья, но и всѣ сродники и свойственники, иногда чуть не вся деревня, и бабій ревъ и причитанія не прекращались передъ окнами присутствія ни на минуту. Въ участкѣ принималось, въ среднемъ, около ста человѣкъ, а наѣзжало съ ними нѣсколько тысячъ народу. Во всей моей служебной дѣятельности я не помню другого такого случая проявленія мужиками искренняго изумленія, какъ когда послѣ призыва и пріема новобранцы были распущены по домамъ на извѣстный срокъ;—мужики прямо не вѣрили возможности такого факта,—они ожидали, что рекрутовъ сейчасъ же запрутъ и угонятъ.

Въ N—скомъ уѣздѣ „приписныхъ", т.-е. подлежавшихъ призыву лицъ, принадлежавшихъ къ другимъ сословіямъ кромѣ крестьянскаго и мѣщанскаго, было только очень мало, и въ общей цифрѣ призыва они играли только самую незначительную роль. Невѣжество при этомъ наше купечество проявило самое поразительное. Первому же призыву подлежалъ купчикъ изъ города, принадлежавшій къ одному изъ богатѣйшихъ семействъ. Онъ былъ безнадежный заика, абсолютно поэтому негодный, что̀, конечно, было извѣстно всѣмъ и каждому; кромѣ того, льготный перваго разряда по семейному положенію. Тѣмъ не менѣе, въ день призыва, когда я вошелъ въ залу присутствія, я нашелъ въ ней все его семейство, дѣдушекъ и бабушекъ, дядей и тетокъ, душъ пятнадцать мужчинъ, женщинъ и дѣтей, стоявшихъ на колѣняхъ у дверей,—и потребовалось четверть часа, чтобы удалить ихъ изъ присутствія. Они не хотѣли вставать съ колѣнъ, не хотѣли слушать никакихъ резоновъ, вопили, выли и голосили всей ордой самымъ жесточайшимъ образомъ, почище деревенскихъ бабъ, и скрылись только послѣ того, какъ я вышелъ изъ себя и приказалъ, наконецъ, удалить ихъ силой.

Какъ, конечно, извѣстно всѣмъ деревенскимъ старожиламъ, съ понятіемъ о рекрутчинѣ было въ то время неразрывно связано и представленіе о взяточничествѣ. Я уже намекнулъ однажды, что у меня были всяческія основанія предполагать, что оно практиковалось въ старомъ N—скомъ рекрутскомъ присутствіи, хотя прямыхъ доказательствъ этому я и не могъ добыть. Какъ ни медленно воздѣйствовали на населеніе реформы шестидесятыхъ годовъ, какъ ни глубоко оставалось невѣжество громаднаго большинства населенія, какъ ни сильны были растлѣвающія традиціи,—времена, тѣмъ не менѣе, существенно измѣнились:—въ

теченіе всей моей службы, мнѣ никто и никогда, ни прямо, ни косвенно, не предложилъ какой-либо взятки. Я отнюдь не приписываю этого факта своей личной уѣздной репутаціи,—напротивъ, думаю, что онъ былъ результатомъ общаго движенія впередъ общественной мысли, тѣмъ болѣе, что мнѣ было достовѣрно извѣстно, что не предлагали взятокъ даже врачамъ воинскаго присутствія. Ихъ, по закону, полагалось два,—и однимъ изъ нихъ состоялъ во всѣ призывы земскій врачъ М., о которомъ я подробно говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, и за котораго я могъ поручиться, какъ за самого себя. Я отлично помню, какъ радовалъ меня этотъ фактъ, и какимъ огромнымъ успѣхомъ общественнаго самосознанія я его всегда признавалъ. Если взяточничество, и иногда въ очень грубыхъ формахъ, все еще процвѣтало въ волостныхъ правленіяхъ и волостныхъ судахъ, я приписывалъ это исключительно обособленности крестьянскихъ учрежденій. Въ уѣздныхъ же учрежденіяхъ, въ мировыхъ судахъ, въ земствѣ, оно было почти безусловно искоренено. Сторожа, даже низшіе канцелярскіе писцы, можетъ быть, и ухитрялись иногда срывать посильную мзду, но втихомолку и, вѣроятно, не безъ трясенія въ поджилкахъ. Члены же учрежденій были несомнѣнно выше какихъ-либо подозрѣній. До меня никогда, ни разу, не доходили даже слухи о взяткѣ въ нашемъ уѣздѣ. Ходило не мало разсказовъ и анекдотовъ о лѣни, небрежности, распущенности, бездѣйствіяхъ и превышеніяхъ власти, и тому подобномъ, но никогда—о взяткѣ и взяточничествѣ. Они сдѣлались анахронизмомъ, невозможностью.

Изъ послѣдующихъ призывовъ навсегда остался въ моей памяти призывъ ополченія лѣтомъ 1877 года. Деревенская мысль неразрывно связываетъ понятіе объ ополченіи съ серьезнѣйшими государственными и военными кризисами—съ двѣнадцатымъ годомъ, съ финаломъ севастопольской кампаніи. То новое представленіе, которое было придано слову „ополченіе" новымъ уставомъ о воинской повинности, еще не успѣло проникнуть въ народныя массы, еще не было усвоено ими. Для мужика ополченіе означало огромное, неминучее народное бѣдствіе;—къ рекрутчинѣ, къ обыкновенному набору, къ призыву онъ относился совершенно иначе. Я глубоко убѣжденъ, что цѣлая масса страданій, тяжелаго мужицкаго горя и слезъ, ненужныхъ и лишнихъ, были бы избѣгнуты, еслибъ лѣтомъ 1877 года объявленъ былъ обыкновенный призывъ, а не ополченіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, отозвалось оно на N—скомъ уѣздѣ. Мужикъ сталъ тужить и волноваться еще когда услыхалъ о созывѣ губернскихъ зем-

скихъ собраній по поводу предполагавшагося ополченія. Z—ское губернское земское собраніе выбрало спеціальную военную коммиссію, въ которую попали предполагавшіеся начальники губернскаго ополченія и дружинъ, и поручило губернской управѣ немедленно заняться изысканіемъ способовъ къ обмундированію и снаряженію этихъ дружинъ. Я былъ членомъ этой коммиссіи, и мы должны были, между прочимъ, подыскать въ своихъ уѣздахъ подходящіе составы офицеровъ. Слухи о всѣхъ этихъ распоряженіяхъ быстро разнеслись по уѣздамъ, разростались сторицей, пока дошли до деревни, и, въ связи съ извѣстіями объ іюльскихъ плевненскихъ пораженіяхъ, навели на нее страшное уныніе. Ужасное это было лѣто, — къ сожалѣнію, и до сихъ поръ никѣмъ не описанное во всей своей чисто-трагической полнотѣ. Сначала созвали безсрочныхъ, а затѣмъ объявили призывъ ополченія, какъ разъ въ самый разгаръ рабочей страды, и призывъ этотъ сопровождался ужаснѣйшей путаницей. Чуть не до послѣдней минуты никто не зналъ навѣрное, какой именно призывъ предполагается собрать, и на какихъ основаніяхъ. Читая внимательно и сопоставляя Высочайшій манифестъ о созывѣ ополченія и уставъ о воинской повинности, я не видѣлъ ничего, что̀ бы требовало призыва льготныхъ перваго разряда. И духъ, и буква устава какъ бы выдѣляли этотъ разрядъ, заставляли предполагать, что онъ можетъ быть призванъ только при исключительныхъ условіяхъ, когда отечество находилось бы въ явной опасности; манифестъ не упоминалъ о немъ отдѣльно, и я держался того мнѣнія, что разрядъ этотъ долженъ быть исключенъ, и намѣренъ былъ произвести призывъ именно такимъ образомъ, когда, чуть ли не наканунѣ пріема, получилась телеграмма губернскаго присутствія—призвать и льготныхъ перваго разряда. Препираться, конечно, было и некогда, и безполезно. И мы приняли и перворазрядныхъ, сдали ихъ военному вѣдомству и двинули ихъ въ путь, когда получилось извѣстіе, что ихъ пріемъ былъ ошибкой, и предписывалось вернуть ихъ немедленно по домамъ. Они составляли цѣлую половину призыва; льготныхъ второго и третьяго разрядовъ вмѣстѣ было приблизительно столько же, сколько ихъ однихъ. Что̀ эта „ошибка“ стоила казнѣ и въ особенности населенію—и вычислить невозможно. Ко времени этого ополченскаго призыва я уже успѣлъ отбыть нѣсколько обыкновенныхъ, и приглядѣлся и притупился болѣе или менѣе къ мужицкому горю по поводу набора. Но въ обыкновенные призывы брали только безльготныхъ, многосемейныхъ, и они были готовы къ очереди;—а тутъ забрали единственныхъ сыно-

вей, единственныхъ кормильцевъ цѣлыхъ семей, да притомъ въ необычное время, въ ополченіе. Пришлось пережить ужаснѣйшія минуты, насмотрѣться до сыта на самыя тяжелыя сцены. Нервы были взвинчены до того, что я не разъ чувствовалъ, что, натянись струна крошечку туже, я тутъ же, въ присутствіи, разревусь какъ ребенокъ и самъ. Жуткое это было время для всѣхъ насъ, а каково же было мужику и „многострадальной матери все выносящаго русскаго племени“, какъ когда-то назвалъ бабу Некрасовъ? Что̀ хотите, читатель, только не наборъ, только не ополченіе. Вернувшись съ этого призыва, я нѣсколько недѣль ходилъ какъ шальной и не могъ ни за что взяться. И когда, впослѣдствіи, я рѣшилъ выйти въ отставку, ничто не радовало меня такъ, какъ сознаніе, что не придется больше принимать участія въ призывахъ. Интеллигентъ можетъ взвинтить себя идеями долга, обязанностей къ отечеству, всякими другими возвышенными чувствами; средней же мужицкой массѣ всѣ эти тонкости недоступны, — она просто повинуется по инерціи этой самой тяжелой изъ всѣхъ ея безчисленныхъ повинностей, а потому она и дается ей во много разъ труднѣе и тяжелѣе.

Все вышеизложенное приводитъ мнѣ на память еще одну общую черту всѣхъ уѣздныхъ учрежденій того времени—черту очень характерную для всего русскаго народа. Черта эта—отсутствіе самодѣятельности. Уѣздныя учрежденія, не исключая и земства, не только избѣгали, они прямо боялись взять что-либо на свою отвѣтственность. Самыя ясныя, самыя простыя вещи возбуждали въ нихъ сомнѣнія,—они опасались напутать и того, что имъ „влетитъ“ за это сверху. Они привыкли ходить на помочахъ, нисколько и ни въ чемъ не полагались на самихъ себя. Самый самоувѣренный баринъ, изъ тѣхъ, которые нисколько не затруднились бы попытаться закидать шапками Европу, какъ только попадалъ на какую-нибудь должность, такъ немедленно утрачивалъ всякую самостоятельность и готовъ былъ заваливать начальство запросами о томъ, дѣйствительно ли и въ его отрасли дѣятельности дважды два обозначаетъ тѣ же четыре.—Конечно, четыре,—разсуждалъ онъ,—да, можетъ быть, требуется подчеркнуть или оттѣнить какъ-нибудь особенно? Иванъ Ильичъ, фрондируя съ губернаторомъ по поводу сиропитательнаго дома, въ то же время заваливалъ его запросами о такихъ предметахъ, которые, казалось, внѣ всякаго сомнѣнія, были безусловно предоставлены закономъ усмотрѣнію земства. Когда я вступилъ въ должность предсѣдателя управы, Николай Иванычъ часто ужасался моей воображаемой самостоятельности и независимости,

искренно трепеталъ и предсказывалъ, что мнѣ непремѣнно „влетитъ“, и влетитъ такъ, что я и своихъ не узнаю. „Достанется ужо вамъ,—говаривалъ онъ, бывало, истощивъ всю свою аргументацію, — такъ нагрѣетъ, что угорите, да и насъ съ собой утопите“. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ той почты, которая, по его соображеніямъ, должна была принести заслуженный нагоняй, волновался и страдалъ,—и очень изумлялся, когда все проходило благополучно, а онѣ оказывался цѣлъ и невредимъ. Удивительнѣе всего было то, что самодурство превосходно уживалось съ этимъ безотчетнымъ, стихійнымъ страхомъ „губерніи“. Весь уѣздный служебный духъ былъ пропитанъ этимъ страхомъ, воспитанъ подъ Дамокловымъ мечомъ знаменитаго „третьяго пункта“, и даже Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ отозвалось на этомъ духѣ, воспитаніи и традиціяхъ только самымъ поверхностнымъ образомъ. „Запросить разъясненія ничего вѣдь не стоитъ“,—разсуждали наши уѣздные мудрецы. Бумага, дѣйствительно, все терпитъ, а своя шкура всего ближе къ тѣлу. Въ этомъ страхѣ лежало отчасти, во-первыхъ, объясненіе обширности канцелярской переписки и жалобы губернскихъ учрежденій на то, что они завалены дѣломъ; во-вторыхъ, обиліе циркуляровъ и разъясненій на новые уставы и положенія,—обиліе, на обязательность котораго я только-что подробно указывалъ выше. Находясь съ самаго начала своей службы, въ чемъ бы она ни заключалась, подъ строгой опекой, уѣздный чинъ не имѣлъ ни случая, ни нужды развить свою самодѣятельность;—все, что было въ немъ самостоятельнаго и независимаго, уходило или на самодурство, или на личныя потребности—стяжаніе, страсть къ собакамъ или лошадямъ, или картамъ, на шутовство—у тѣхъ, кто обладалъ природнымъ юморомъ, а на долю общественной службы оставалось только тупое, пассивное исполненіе да страхъ, что ему такъ или иначе „влетитъ“. Министерства и департаменты опекали губернію, а губернія опекала уѣздъ; чрезмѣрная централизація исключала возможность здоровой мѣстной жизни, самостоятельность и самодѣятельность уѣзда и деревни. Ихъ духовная пища была не только заказана и приготовлена, но и разжевывалась помимо какого бы то ни было ихъ участія.

Сообразно съ этимъ главнымъ рычагомъ уѣздной жизни слагались и частныя людскія отношенія и сношенія. Общественное дѣло играло въ нихъ только самую послѣднюю роль. Когда съѣзжались два или три „варяга“ или мѣстныхъ интеллигента той формаціи, къ которой принадлежалъ и я, разговоръ немедленно переходилъ въ ожесточенный споръ на теоретическія, чисто

абстрактныя темы. Съ пѣной у рта препирались мы до пѣтуховъ о тонкостяхъ парламентарнаго права, объ общинѣ, о Макъ-Магонѣ и будущности французской республики. Мѣстныя дѣла и дѣлишки казались такъ прозаичны, такъ мелки,—на нихъ не могла разыграться ни энергія, ни фантазія; самые ярые, самые зеленые изъ насъ были проникнуты пессимизмомъ, подавляющими, якобы, вліяніями фатальной постановки всего окружающаго. Когда же собиралось уѣздное чиновничество и помѣщики стараго закала, появлялись неизмѣнно карты, водка, разсказы о добромъ старомъ времени, объ удивительной стерляди, пойманной гдѣ-то въ сосѣднемъ уѣздѣ, о медвѣдѣ, убитомъ самымъ необыкновеннымъ образомъ пять лѣтъ тому назадъ тѣмъ-то и при такихъ-то обстоятельствахъ, о сѣромъ иноходцѣ городского головы, о собачьей сворѣ одного изъ послѣднихъ могиканъ-охотниковъ. Общественныхъ дѣлъ касались только въ предѣлахъ: „влетѣло“ и „досталось“, или „влетитъ“ и „достанется“,—сами по себѣ они были лишены всякаго интереса, были бременемъ, которое приходилось нести ради насущнаго хлѣба и возможности мечтать о пенсіи. Какъ бы неразвитъ и необразованъ человѣкъ ни былъ—а между этими господами были очень неглупые и очень благонамѣренные люди—онъ можетъ интересоваться своимъ дѣломъ только если его успѣхъ зависитъ—хотя бы въ извѣстной степени—отъ его собственныхъ усилій, отъ его энергіи и умѣнья; разъ онъ поставленъ въ положеніе слѣпого исполнителя чужихъ предначертаній, разъ его собственная изобрѣтательность не только не поощряется, а и считается порокомъ, онъ не можетъ не работать только спустя рукава, только съ мыслью: поскорѣй бы съ плечъ долой! „День да ночь—сутки прочь“—вотъ то душевное состояніе, вотъ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ онъ живетъ и вращается. А въ данномъ случаѣ, чѣмъ онъ былъ пассивнѣе, чѣмъ глубже онъ запрятывалъ свою индивидуальность, чѣмъ безучастнѣе и инертнѣе онъ исполнялъ, тѣмъ безопаснѣе онъ себя чувствовалъ. Иниціатива была порокомъ, самодѣятельность—вреднымъ хламомъ. Эта житейская мудрость была заповѣдана ему его дѣдами и отцами, онъ на ней выросъ и воспитался, и новыя времена не принесли съ собой ничего настолько осязательнаго, чтобъ онъ могъ усомниться въ вѣрности этой философіи. Начальство все предусмотритъ, все предопредѣлитъ, все разъяснитъ,—мое дѣло только слѣпо повиноваться и исполнять. Не мудрствуй, не раздумывай—и живи весь свой вѣкъ какъ у Христа за пазухой. Слѣдуй

этому правилу—и съ теченіемъ времени придутъ и чины, и ордена, и пенсія; двадцатаго числа получишь жалованье, а тамъ— хоть трава не рости. Начальство обо всемъ позаботится, а мужики наносятъ денегъ въ казначейство,—живи смирнёхонько, тихохонько, и будешь счастливъ и благополученъ до конца.

Я вовсе не хочу сказать всѣмъ вышеизложеннымъ, чтобы „губернія" умышленно давала этотъ тонъ уѣздной жизни или поддерживала его опредѣленными мѣрами. Если и было что-либо подобное въ моей земской дѣятельности, я не имѣлъ случая ощутить этого сколько-нибудь осязательно. Я уже охарактеризовалъ выше нашего губернатора. Къ дворянству и земству онъ былъ даже предупредителенъ, и только очень рѣдко и всегда тактично давалъ чувствовать свой авторитетъ при какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ. Николай Иванычъ оказывался неизмѣнно неправъ, когда стращалъ меня „губерніей". Но это его непониманіе „духа времени" нисколько его не исправляло, и онъ продолжалъ стращать меня до конца моей службы. Онъ вращался исключительно въ сферѣ городской чиновничьей жизни, которая была пропитана этимъ тономъ до мозга костей, по наслѣдству, такъ сказать. Я уже выяснилъ выше, какъ губернскій авторитетъ отзывался на дѣятельности такихъ учрежденій, какъ, напр., воинское присутствіе; а въ чисто казенныхъ учрежденіяхъ, каковы были полиція, казначейство, почтовое вѣдомство, акцизъ, вліянія „губерніи", само собой разумѣется, были для меня лично совершенно нечувствительны. Какъ они проявлялись и дѣйствовали, я и не интересовался, и не зналъ; исправникъ, съ которымъ приходилось встрѣчаться всего чаще, благодаря его непремѣнному членству во всѣхъ рѣшительно уѣздныхъ присутствіяхъ, въ которыхъ я предсѣдательствовалъ, и прочіе уѣздные чины не любили распространяться о своихъ отношеніяхъ къ своему губернскому начальству и избѣгали всякихъ о нихъ разговоровъ. А учрежденія эти, по численности служащихъ и по ихъ вліянію на городскую общественную мысль, составляли, конечно, громадное большинство, въ которомъ немногочисленный персоналъ земской управы, еслибъ онъ и вздумалъ проводить самостоятельность, совершенно бы затерялся. Насколько я помню, ничего подобнаго онъ никогда не предпринималъ, да и не было и не могло въ немъ быть для этого никакихъ элементовъ; Николай Иванычъ всецѣло отражалъ собою и его обычное настроеніе. И теорія безусловнаго подчиненія и слѣпой исполнительности стояла въ воздухѣ упорно и неуклонно и вліяла са-

мымъ тлетворнымъ образомъ на всю нашу уѣздную жизнь, на всѣ наши служебныя и общественныя функціи. Говорятъ, что русскій человѣкъ вообще, по самой своей натурѣ, въ значительной степени фаталистъ. Ощущая во все время теченія моей общественной службы весь гнетъ этой теоріи ежедневно и ежечасно, я не могъ не придти къ тому заключенію, что онъ, при тогдашнихъ жизненныхъ условіяхъ, и не могъ быть чѣмъ-либо инымъ.

Формализмъ, канцелярщина и „отписыванье" для того, чтобы отдалить рѣшеніе или совсѣмъ сбыть дѣло съ рукъ, были въ самой значительной степени прямыми и непосредственными послѣдствіями вышеочерченнаго отношенія къ своей службѣ громаднаго большинства уѣзднаго служебнаго персонала. „Дѣло—не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ!" и „какъ ни бейся, всего дѣла не передѣлаешь"—лежало въ основаніи ихъ работы. И они прежде всего не торопились и отлынивали отъ нея. Работа сама по себѣ не захватывала, не трогала этихъ уѣздныхъ чиновъ,—они относились къ ней формально, какъ къ неизбѣжному злу, и формализмъ заѣдалъ то немногое, что̀ они дѣлали. Въ мою память особенно врѣзался одинъ очень характерный разговоръ, происшедшій между мною и двумя становыми приставами, съѣхавшимися со мной на земской станціи, гдѣ намъ пришлось прождать лошадей нѣсколько часовъ. Дѣло было лѣтомъ, въ разгаръ сѣнокоса, когда предполагалось, что даже становые сидятъ по домамъ. Я, конечно, зналъ обоихъ и, разговорившись за чаемъ, полюбопытствовалъ узнать, что̀ ихъ потревожило. „Да, вотъ, пожарныя депо по деревнямъ устроиваемъ. Предписаніе за предписаніемъ—самолично наблюсти, немедленно, безъ всякихъ послабленій. Конечно, пустяковина-съ. Только намъ безпокойство, да мужикамъ расходъ-съ. Ставимъ навѣсики-съ, да въ нихъ негодныя дрожонки съ кадкой. Форма соблюдена, предписаніе исполнено—и съ рукъ долой. Проклятая наша служба, полицейская-съ. Дѣла не дѣлай и отъ дѣла не бѣгай—такъ вотъ и бьемся круглый годъ". Другой становой выразился еще энергичнѣе. Форма, исполненіе, а какъ, что̀ и зачѣмъ—имъ было рѣшительно все равно. Имъ эти пожарныя депо представлялись такою же повинностью, какъ и мужику. Приказано—вотъ и все. Было бы донесено, что предписаніе исполнено и навѣсы находятся на лицо,—сущность дѣла ихъ нисколько не интересовала, и исполнили ли эти навѣсы свое назначеніе, – ихъ нисколько не касалось, была бы исполнена форма. И они нисколько этого не

скрывали,—это было самое обычное, чуть не ежедневное дѣло. Интересъ возбуждался только если къ дѣлу какимъ-либо образомъ примѣшивался личный элементъ, личныя интриги и препирательства, да и въ такомъ случаѣ самое дѣло только страдало, такъ какъ о немъ думали меньше всего—старались подставить ножку, „насолить", напакостить, и на это уходилъ излишній запасъ энергіи, который некуда было истратить иначе. Что и земство не было чуждо всему этому—я имѣлъ много примѣровъ. Когда я принялъ управу послѣ Ивана Ильича, я нашелъ курьёзное дѣлопроизводство, разросшееся въ цѣлый томъ, по поводу того, что нѣкая барыня, постоянно проживавшая въ губернскомъ городѣ Z., но имѣвшая имѣніе въ N-скомъ уѣздѣ, желая избѣжать хлопотъ по пересылкѣ денегъ по почтѣ, внесла по окладному листу, помнится, тридцать съ чѣмъ-то рублей уѣзднаго земскаго сбора въ губернскую управу, а эта послѣдняя, увѣдомивъ объ этомъ уѣздную, зачислила эту сумму въ счетъ недоимки губернскаго сбора, числившейся за нашимъ уѣздомъ. Сдѣлка, казалось бы, самая невинная, удобная для всѣхъ заинтересованныхъ въ ней сторонъ, хотя формально и неправильная. Но Иванъ Ильичъ, состоявшій въ ссорѣ съ губернской управой, усмотрѣлъ въ ней чуть-ли не тяжкое уголовное преступленіе, и поднялъ цѣлую бурю. Онъ жаловался своему собранію, губернскому, губернатору, и объ этихъ несчастныхъ тридцати рубляхъ было исписано больше бумаги и изведено больше почтовыхъ расходовъ на эту переписку, чѣмъ они стоили. Уѣздное собраніе постановляло, губернское постановляло, губернаторъ, изъ вѣжливости, дознавалъ—чего-чего не было. Я и хохоталъ, и злился, когда дошелъ до конечной резолюціи—сдать дѣло въ архивъ,—да и эту резолюцію положилъ я же; иначе дѣло, вѣроятно, жило бы еще нѣсколько лѣтъ.

Благодаря моему положенію по службѣ, я такъ или иначе находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ со всѣмъ уѣзднымъ чиновничьимъ персоналомъ почти постоянно. Всѣ уѣздныя учрежденія были болѣе или менѣе связаны между собою не тѣмъ, такъ другимъ. Между нами шла постоянная, непрекращавшаяся переписка. Все, что̀ я сказалъ выше, есть не голословное обвиненіе, а выводы долгаго, горькаго опыта. Бороться съ этимъ индифферентизмомъ было безполезно, хотя сначала я и надрывался надъ этимъ. Не было на лицо главнаго одухотворяющаго начала всякой человѣческой работы—самодѣятельности. А ее не вызовутъ къ жизни ни отдѣльныя личности, ни цѣлые воза реформъ по-

средствомъ уставовъ и положеній. Она можетъ развиться только на мѣстѣ, изъ мѣстныхъ силъ и источниковъ; ни „варяги“, ни бумаги не сдѣлаютъ этого. Секретъ въ томъ, что именно нужно, чтобы такая самодѣятельность зародилась и развилась?

П. А. Т.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПѢСНЯ.

Я, млада, у солнца краснаго
Попросила:—Обожди
И со сводовъ неба яснаго
Хоть часочекъ не сходи!

До зари мнѣ надо полосу
Золотистой ржи дожать:
Не годится даромъ колосу
Въ полѣ зёрна разсыпать.

Я у мѣсяца средь ноченьки
Попросила посвѣтить:
—Нѣтъ охоты, силъ и моченьки
Мнѣ отъ друга уходить;

Дай мнѣ съ милымъ понатѣшиться,
Лишній часъ съ нимъ скоротать,
Его ласками утѣшиться,
Его вволю приласкать.

Я просила у соловушки:
—Спой еще мнѣ, соловей,
И изъ дѣвичьей головушки
Думы черныя развѣй!

По сю пору недожатою
Полоса моя стоитъ;
За чужой, сосѣдней хатою
Милый другъ мой сторожитъ.

Я просила мать родимую:
—Сжалься, мама, отпусти!
Мнѣ тоску неодолимую
Силы нѣтъ перенести;

Сердце кровью обливается
Лишь отъ думы, что злодѣй
Надо мною издѣвается
Съ злой разлучницей моей!..

II.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Замѣтно сумракъ наступаетъ;
Заря блѣднѣетъ, догораетъ,
И только на обрывкахъ тучъ
Едва трепещетъ
И слабо блещетъ
Багряный лучъ.

Съ какимъ восторгомъ и отрадой
Ты дышешь свѣжею прохладой.
Смолистый запахъ льетъ хвоя,
Которымъ пóлны
Тумана вóлны
И грудь твоя.

Подъ дымкой ночи скрылись горы;
Въ лѣсу притихли птичекъ хоры;
Все тихо, тихо безъ конца,—
Но вдругъ слетѣли
И взвились трели
Ночей пѣвца.

Той пѣсни чудной переливы
Все пробудили: рощи, нивы,
Дремавшій лѣсъ, въ поляхъ цвѣты,
Луга и воды,
И неба своды,
И васъ, мечты.

Моя душа отъ сна проснулась,
Забилось сердце, встрепенулось;
Исчезъ подъ пѣсней соловья
Душевный холодъ;
Сталъ снова молодъ
И счастливъ я!

Опять твой образъ предо мною,
Опять горячею волною
Кипитъ во мнѣ безумно кровь,
И искру снова
Раздуть готова
Во мнѣ любовь!

Увы! все это сонъ прекрасный!..
Промчится ночь,—и снова ясный
Для всѣхъ придетъ желанный день
Съ своей улыбкой,
Лишь мнѣ ошибкой
Бросая тѣнь.

Владиміръ Марковъ.

СЕМЕЙСТВО БУДДЕНБРОКОВЪ

ЭСКИЗЪ.

По роману: „Buddenbrooks. Verfall einer Familie“. Roman, v. Thomas Mann. Berlin, 1903.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Ну, отвѣчай же!..

— Отвѣчай, отвѣчай, чортъ возьми, ma très chère demoiselle!

Жена консула Будденброка сидѣла рядомъ со своей тещей на прямомъ диванѣ изъ бѣлаго лакированнаго дерева, обитомъ желтой шолковой матеріей. Она взглянула на мужа, сидѣвшаго на креслѣ около нея, и пришла на помощь своей маленькой дочкѣ, которую ея дѣдушка держалъ на колѣняхъ, сидя у окна.

— Тони!—сказала она, подсказывая ей требуемый отвѣтъ: „Я вѣрю, что меня Господь“...

Маленькая Антонія, худенькая восьмилѣтняя дѣвочка, одѣтая въ платьице изъ легкаго свѣтлаго шолка, отвернула свою хорошенькую головку отъ дѣдушки, задумалась, сосредоточенно глядя въ пространство голубовато-сѣрыми глазами, и повторила сначала медленно за матерью: „Я вѣрю, что меня Господь...“, потомъ быстро прибавила: „создалъ на ряду со всѣми другими созданіями“. Она сразу все вспомнила и съ просіявшимъ отъ радости лицомъ, безъ передышки повторила весь параграфъ дословно по новѣйшему, одобренному сенатомъ изданію катехизиса 1835 года: „а также платье и обувь, — торопливо заговорила она,—ѣду и

питье, домъ и дворъ, жену и дѣтей, поля и скотъ"... При этихъ словахъ старикъ Іоганъ Будденброкъ залился веселымъ смѣхомъ; онъ радъ былъ посмѣяться надъ катехизисомъ, и съ этой цѣлью, вѣроятно, и затѣялъ весь экзаменъ. Онъ сталъ освѣдомляться о поляхъ и скотѣ Тони, спросилъ, по скольку она продаетъ куль пшеницы, и предложилъ ей вести съ ней дѣла. Его круглое, розовое, добродушное лицо, которому онъ никакъ не могъ придать сердитое выраженіе, было окружено напудренными бѣлоснѣжными волосами, спускавшимися маленькой косичкой на широкій воротникъ его сѣраго камзола. Доживъ до семидесяти лѣтъ, онъ все еще держался моды своей молодости, носилъ короткіе панталоны и кружевныя жабо.

Всѣ засмѣялись вслѣдъ за нимъ—изъ почтенія къ главѣ семейства. Старуха Антонина Будденброкъ, урожденная Дюшанъ, представительная полная дама, съ сѣдыми локонами и вмѣстѣ съ изящными, очень бѣлыми руками, смѣялась отрывисто, совершенно такъ же, какъ ея мужъ; она становилась все болѣе и болѣе похожей на него съ теченіемъ лѣтъ; только разрѣзъ и живость ея черныхъ глазъ выдавали ея романское происхожденіе: она была родомъ изъ Гамбурга, но дѣдъ ея былъ уроженецъ французской Швейцаріи.

Ея невѣстка Елизавета, жена консула Будденброка, урожденная Крёгеръ, смѣялась свойственнымъ всѣмъ членамъ своей семьи нѣсколько презрительнымъ смѣхомъ, оттопыривая губы и упираясь подбородкомъ въ грудь. Какъ всѣ Крёгеры, она была очень представительна и изящна. Красавицей ее нельзя было назвать, но ея рыжеватые волосы, сложенные коронкой очень высоко на головѣ и спускавшіеся искусственными локонами на уши, также какъ и чрезвычайно нѣжный цвѣтъ лица, придавали большую изысканность ея лицу съ нѣсколько крупнымъ носомъ и маленькимъ ртомъ; самой характерной чертой въ ея лицѣ было отсутствіе углубленія между нижней губой и подбородкомъ. Изъ шолковаго корсажа выступала необыкновенно бѣлая, красивая шея, перехваченная черной атласной лентой, на которой сверкала брилліантовая брошь.

Консулъ нервно подался впередъ, сидя на креслѣ. У него были такія же глубоко сидящіе наблюдательные голубые глаза, какъ у отца, но во взглядѣ его было больше мечтательности; черты его лица были болѣе рѣзкія, сильно выдавался носъ съ горбинкой; щеки, обросшія до половины свѣтлой, курчавой бородой, были худощавѣе, чѣмъ у старика. На консулѣ безукоризненно сидѣлъ изящный костюмъ, сшитый по модѣ тридцатыхъ

годовъ; шею его стягивалъ высокій воротникъ съ широкимъ чернымъ шолковымъ галстухомъ.

Общество сидѣло въ „ландшафтной комнатѣ", въ первомъ этажѣ большого дома на Mengstrasse, недавно пріобрѣтеннаго Іоганомъ Будденброкомъ, главой торговой фирмы. Комната была обита подобіемъ гобеленовъ, на которыхъ также, какъ и на коврѣ, изображены были въ блѣдныхъ тонахъ идиллическія сцены во вкусѣ XVIII вѣка: сборъ винограда, поселяне за работой, пастухи и пастушки. На всѣхъ картинахъ преобладало блѣдное предвечернее освѣщеніе, соотвѣтствовавшее желтой шолковой мебели и желтымъ портьерамъ. Изъ стеклянной двери противъ оконъ виднѣлся вестибюль съ колоннами, а широкая бѣлая дверь слѣва вела въ столовую. У другой стѣны стояла въ полукруглой нишѣ печь, и огонь весело трещалъ за сквозной чугунной дверцей.

Холода наступили въ этомъ году очень рано. Несмотря на то, что была только половина октября, листья маленькихъ липъ, окружавшихъ Маріинское кладбище, совсѣмъ пожелтѣли, и вокругъ угловъ внушительной готической церкви свистѣлъ рѣзкій вѣтеръ; весь день шелъ мелкій, пронизывающій дождь. По желанію madame Будденброкъ старшей, вставлены уже были двойныя рамы.

Вся семья была въ сборѣ въ этотъ день по случаю семейнаго обѣда, происходившаго всегда разъ въ двѣ недѣли, по четвергамъ. Кромѣ членовъ семьи, на этотъ разъ приглашены были также нѣкоторые друзья дома, такъ какъ предполагалось отпраздновать новоселье. Въ ожиданіи гостей, всѣ сидѣли, около четырехъ часовъ дня, въ ландшафтной комнатѣ.

Маленькая Тони, ничуть не смущенная смѣхомъ дѣдушки, продолжала выкладывать свои познанія. Отбарабанивъ параграфъ изъ катехизиса и закончивъ его словомъ „аминь", она сказала:

— Я еще что-то знаю, дѣдушка!

— Tiens, она что-то знаетъ!—воскликнулъ старикъ Будденброкъ, притворяясь страшно заинтересованнымъ.—Ты слышишь, мама? Она что-то знаетъ! Какъ бы и мнѣ узнать, что собственно...

— Когда ударяетъ горячимъ ударомъ,—сказалъ Тони, кивая головой при каждомъ словѣ,—то это молнія, а когда холоднымъ, то громъ!

Сказавъ эти слова, она скрестила руки и улыбнулась, увѣренная въ своемъ успѣхѣ. Но старикъ Будденброкъ разсердился и спросилъ, кто наполняетъ голову ребенка такой ерундой. Когда оказалось, что дѣвочка заимствовала свою мудрость отъ Иды

Юнгманъ, новой бонны, привезенной изъ Маріенвердера, онъ сталъ призывать громы и молніи на голову „пруссачки".

Онъ былъ противъ нея съ первой минуты ея появленія въ домѣ. Старикъ Будденброкъ не былъ ограниченъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Онъ много видѣлъ на своемъ вѣку, много путешествовалъ, ѣздилъ въ 1813 г. на четверкѣ лошадей въ южную Германію за покупкой провіанта, въ качествѣ поставщика для прусской арміи, побывалъ также въ Амстердамѣ и Парижѣ, и вовсе не считалъ достойнымъ порицанія все, что находилось за воротами его родного города. Но онъ не любилъ, чтобы въ его домашнюю жизнь вторгались чуждые элементы. Поэтому, когда его дѣти, вернувшись домой послѣ поѣздки въ западную Пруссію, привезли съ собой эту молодую дѣвушку—ей было всего двадцать лѣтъ, а она осталась круглой сиротой послѣ смерти своего отца, содержателя постоялаго двора,—консулу пришлось выдержать крупную сцену съ отцомъ, причемъ старикъ въ пылу гнѣва говорилъ только по-французски или на мѣстномъ plattdeutsch... Ида Юнгманъ оказалась, однако, очень умѣлой и расторопной работницей, отлично справлялась съ хозяйствомъ и дѣтьми, и вполнѣ подходила своими прусскими понятіями о классовыхъ различіяхъ къ своему положенію въ домѣ Будденброковъ. У нея были очень аристократическія воззрѣнія, и она дѣлала тонкія различія между высшими и средними кругами, между высшимъ, среднимъ классомъ и низшимъ, и гордилась тѣмъ, что она—преданная служанка людей изъ высшей буржуазіи; она была недовольна, когда Тони дружила въ школѣ съ дѣвочками, принадлежащими только къ низшему среднему классу.

Въ эту минуту въ комнату вошла черезъ стеклянную дверь сама Ида, высокая дѣвушка, нѣсколько худощавая, въ аккуратномъ черномъ платьѣ, съ гладко-причесанными волосами и честнымъ лицомъ. Она вела за руку маленькую Клотильду, необыкновенно тощую дѣвочку съ покорнымъ лицомъ старой дѣвы; это была дочь племянника старика Будденброка,—человѣка безъ всякихъ средствъ, занимавшаго мѣсто управляющаго въ одномъ имѣніи вблизи Ростока; Будденброки взяли дѣвочку на воспитаніе, какъ подругу для Тони, а также и потому что она была очень послушнымъ и кроткимъ ребенкомъ.

— Обѣдъ готовъ,—сказала Ида.—Тильда отлично намъ помогала въ кухнѣ. Тринѣ почти совсѣмъ ничего не оставалось дѣлать.

Консулъ потрепалъ свою маленькую племянницу по щекѣ и сказалъ:

— Ты славная дѣвочка, Тильда. Молись и работай, какъ сказано въ Писаніи. Нашей Тони слѣдовало бы брать примѣръ съ тебя. Она слишкомъ склонна къ лѣни и высокомѣрію...

Тони опустила голову и поглядѣла исподлобья на дѣдушку, зная, что онъ, какъ всегда, заступится за нее.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ.—Держи голову высоко, Тони, courage! Не для всѣхъ годится одно и то же. Каждому свое. Тильда очень благонравна, но и мы тоже своего стоимъ...

Тони не дослушала словъ дѣдушки. Она соскочила съ колѣнъ старика, увидавъ въ окно братьевъ, возвращавшихся изъ школы.

— Вотъ идутъ Томъ и Христіанъ!—крикнула она:—и господинъ Гофстедъ... и дядя докторъ.

На башенныхъ часахъ пробило четыре, и почти одновременно съ послѣднимъ ударомъ раздался звонокъ у входныхъ дверей; черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошли сыновья консула, Томъ и Христіанъ, вмѣстѣ съ первыми гостями, поэтомъ Жанъ-Жакомъ Гофстедомъ и домашнимъ врачомъ, докторомъ Грабовомъ.

II.

Жанъ-Жакъ Гофстедъ, славившійся въ городѣ своими стихами, былъ немногимъ моложе старика Будденброка и одѣвался приблизительно въ томъ же вкусѣ, только носилъ камзолъ зеленаго цвѣта. Но онъ былъ тоньше и подвижнѣе своего друга, имѣлъ маленькіе быстрые зеленоватые глаза и длинный, острый носъ.

— Приношу мою благодарность,—сказалъ онъ, пожавъ руки мужчинамъ и отвѣсивъ изящный, церемонный поклонъ дамамъ,— за любезное приглашеніе, почтеннѣйшіе господа. Этихъ двухъ юношей—онъ указалъ на Тома и Христіана, стоявшихъ около него въ синихъ блузахъ съ кожаными кушаками,—мы встрѣтили на Königsstrasse, когда они выходили изъ школы. Молодцы они у васъ. Томъ—серьезный и разумный мальчикъ; онъ будетъ торговымъ человѣкомъ, это несомнѣнно. Ну, а Христіанъ какъ будто фантазёръ... но я долженъ сознаться, что мнѣ это нравится. Мнѣ кажется, что онъ сдѣлаетъ университетскую карьеру: онъ очень остроуменъ и обладаетъ блестящими способностями.

Будденброкъ старшій понюхалъ табаку изъ золотой табакерки.

— Онъ—настоящая обезьяна, вотъ онъ что̀ такое, — сказалъ онъ.—Уже не стать ли ему поэтомъ, Гофстедъ?

Какъ бы въ подтвержденіе словъ дѣдушки, Христіанъ сталъ тотчасъ же разсказывать о происшествіяхъ въ школѣ, представляя все въ лицахъ и передразнивая учителей съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Мальчику было около семи лѣтъ, но уже теперь онъ былъ до смѣшного похожъ на своего отца. У него были тѣ же маленькіе, круглые и глубоко лежащіе глаза, такой же крупный носъ съ горбинкой, и нѣсколько линій, обрисовывавшихся ниже скулъ, указывали на то, что лицо его не сохранитъ навсегда дѣтскую округленность.

— Мы сегодня ужасно хохотали!—началъ онъ оживленно разсказывать, быстро оглядывая всѣхъ присутствующихъ.—Посмотрите, я вамъ покажу, какъ учитель Штенгель говорилъ съ Зигмундомъ Кестерманномъ. — Христіанъ наклонился впередъ, покачалъ головой и заговорилъ внушительнымъ голосомъ: „Внѣшнимъ образомъ, милое дитя, ты гладокъ и прилизанъ, это вѣрно, но внутренно, милое дитя, ты вѣдь черенъ...“ Онъ произнесъ эти слова, проглатывая букву „р“ и изображая на лицѣ отвращеніе передъ этой внѣшней „прилизанностью“ съ такимъ комизмомъ, что всѣ расхохотались.

— Ну, развѣ онъ не обезьяна!—сказалъ со смѣхомъ старикъ Будденброкъ. Гофстедъ былъ внѣ себя отъ восторга.

— Charmant!—воскликнулъ онъ.—Безподобно! Нужно знать Маркелла Штенгеля. Онъ совсѣмъ, совсѣмъ такой. Удивительно!

Томъ, который не обладалъ даромъ подражанія, стоялъ около своего младшаго брата и смѣялся отъ всего сердца, безъ тѣни зависти, показывая некрасивые, мелкіе и желтоватые зубы. У него былъ тонкій профиль, и по разрѣзу глазъ и чертамъ лица онъ былъ очень похожъ на дѣда.

Общество размѣстилось на стульяхъ и на диванѣ; въ ожиданіи обѣда, говорили о погодѣ, о слишкомъ раннемъ наступленіи зимы, болтали съ дѣтьми, говорили о новомъ домѣ Будденброковъ. Докторъ Грабовъ, ровесникъ консула, разглядывалъ съ своей добродушной улыбкой выставленные на большомъ столѣ на показъ безчисленные сладкіе пироги и торты. Это были подношенія родныхъ и знакомыхъ—„хлѣбъ-соль“, присланная по случаю новоселья. Большинство пироговъ изображало караваи хлѣба съ поставленными на нихъ золотыми солонками, чтобы видно было, что подарки присланы людьми зажиточными.

— Вижу я, что у меня будетъ скоро много работы!—ска-

залъ докторъ, указывая на сладости и шутливо грозя дѣтямъ пальцемъ. Затѣмъ онъ взялъ въ руки солидный золотой приборъ для соли, перца и горчицы и покачалъ головой съ почтительнымъ видомъ.

— Это отъ Лебрехта Крёгера,—сказалъ, ухмыляясь, старикъ Будденброкъ.—Онъ очень щедръ, мой милый родственникъ. Я ему такихъ подарковъ не дѣлалъ, когда онъ переѣхалъ на свою загородную виллу. Но это его всегдашняя манера... онъ настоящій кавалеръ à la mode...

Нѣсколько разъ раздавались звонки у входныхъ дверей. Явился пасторъ Вундерлихъ, приземистый старый господинъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ напудренными волосами и съ бѣлымъ веселымъ лицомъ. Вмѣстѣ съ нимъ пришелъ высокій и худой биржевой маклеръ Гретьенсъ, который слылъ знатокомъ искусства и постоянно приставлялъ къ одному глазу сложенную въ видѣ подзорной трубки костлявую руку, какъ бы готовясь разсмотрѣть и оцѣнить какую-нибудь картину.

Явились также сенаторъ докторъ Ланггальсъ съ женой, долголѣтніе друзья дома, затѣмъ виноторговецъ Кеппенъ, съ большимъ багровымъ лицомъ, а также его очень тучная супруга. Было уже около половины пятаго, когда прибыли, наконецъ, старики Крёгеры и съ ними ихъ дѣти, консулъ Крёгеръ съ женой и сыновьями, Яковомъ и Юргеномъ, ровесниками Тома и Христіана. Почти одновременно съ ними явились и родители консульши Крёгеръ, лѣсопромышленникъ Овердикъ съ женой.

— Важные господа всегда поздно приходятъ,—сказалъ консулъ Будденброкъ, цѣлуя руку тещи.

Лебрехтъ Крёгеръ, кавалеръ à la mode, какъ его звали въ городѣ, былъ очень изященъ; онъ носилъ еще слегка напудренные волосы, но одѣвался по послѣдней модѣ. На его бархатномъ жилетѣ сверкали два ряда бриллiантовыхъ пуговицъ. Юстъ, его сынъ, носившій маленькія бакенбарды и остро закрученные кверху усы, былъ очень похожъ фигурой и изящными манерами на отца.

Пришедшихъ послѣдними гостей уже не просили сѣсть, такъ какъ пора было идти къ столу. Іоганъ Будденброкъ старшій предложилъ руку madame Кеппенъ и сказалъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Ну, что-жъ, если у насъ всѣхъ есть достаточно аппетита, mesdames et messieurs...

Ида Юнгманъ и горничная раскрыли настежь двери, и общество медленно направилось въ столовую въ пріятномъ на-

строенія духа: всѣ были заранѣе увѣрены, что ихъ ожидаетъ отличная, обильная ѣда.

III.

Младшій хозяинъ дома не послѣдовалъ за гостями въ столовую. Пропустивъ всѣхъ мимо себя, онъ подошелъ къ матери, замыкавшей шествіе въ парѣ съ пасторомъ, и остановилъ ее.

— Простите, дорогой пасторъ... мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ матери.

Пасторъ весело кивнулъ головой и прошелъ одинъ въ столовую, а консулъ подвелъ мать къ окну ландшафтной комнаты. Любезная улыбка, съ которой онъ разговаривалъ съ гостями, сошла съ его лица, имѣвшаго теперь напряженное и озабоченное выраженіе. Онъ нервнымъ жестомъ вынулъ изъ бокового кармана большой запечатанный конвертъ, показалъ его матери и сказалъ тихо и торопливо:

— Опять письмо отъ Готтольда—я узналъ по почерку. Это уже третье, а отецъ отвѣтилъ только на первое... Что мнѣ дѣлать? Оно пришло въ два часа, но я не вручилъ его отцу, чтобы не испортить ему настроенія духа... Какъ вы посовѣтуете? Я могу вѣдь его еще вызвать сюда и отдать письмо до обѣда.

— Нѣтъ, Жанъ, лучше подожди,—сказала madame Будденброкъ.—Богъ знаетъ, что въ этомъ письмѣ можетъ быть!—прибавила она озабоченнымъ тономъ.—Онъ все не можетъ угомониться,—навѣрное, опять требуетъ выплаты своей части въ домѣ... Ты лучше покажи отцу письмо вечеромъ, когда всѣ разойдутся.

— Не знаю, какъ мнѣ быть!—повторилъ консулъ, опустивъ голову.—Я не хочу, чтобы казалось, что я интригую противъ Готтольда, что я стараюсь возбудить отца противъ его сына отъ перваго брака,—но вѣдь я все-таки компаньонъ отца, и не могу допустить, чтобы Готтольду выплатили его часть въ домѣ деньгами изъ оборотнаго капитала. Я плачу отцу за первый этажъ очень приличную квартирную плату, а съ мужемъ моей сестры во Франкфуртѣ заключены условія, вполнѣ выгодныя для нашей фирмы. Что касается Готтольда...

— Все несчастіе въ томъ, что Готтольдъ мнѣ не довѣряетъ. Онъ видитъ во мнѣ злую мачиху, которая хочетъ поссорить его съ отцомъ.

— Но вѣдь отецъ разошелся съ нимъ по его собственной винѣ!—сказалъ консулъ почти громко и понизилъ затѣмъ го-

лось, поглядѣвъ въ сторону столовой.—Зачѣмъ онъ женился на какой-то дѣвицѣ Стювингъ, зачѣмъ открылъ лавку? Со стороны отца это, конечно, слабость, что онъ слышать не хотѣлъ о лавкѣ, но нужно было считаться съ его самолюбіемъ... И затѣмъ, повторяю, я, какъ компаньонъ, не могу совѣтовать отцу выплатить наличными Готгольду его часть,—вѣдь это болѣе тридцати тысячъ. Нельзя брать такія суммы изъ оборотнаго капитала. Я не могу этого допустить. Мнѣ только непріятна сцена, которая непремѣнно выйдетъ съ отцомъ.

— Ты ему не передавай письма до вечера, Жанъ. А теперь пойдемъ, насъ ждутъ.

Консулъ положилъ письмо въ карманъ, подалъ руку матери, и они вошли вмѣстѣ въ ярко освѣщенную столовую, гдѣ общество только-что успѣло размѣститься за длиннымъ столомъ.

На голубомъ фонѣ обоевъ пластично выступали промежъ стройныхъ колоннъ бѣлыя статуи греческихъ боговъ. Тяжелыя красныя занавѣси на окнахъ были плотно сдвинуты, и въ каждомъ изъ угловъ комнаты горѣло по восьми свѣчей въ высокихъ позолоченныхъ канделябрахъ, и кромѣ того на обѣденномъ столѣ горѣло множество свѣчей въ серебряныхъ канделябрахъ. Надъ массивнымъ буфетомъ висѣла большая картина, изображавшая Неаполитанскій заливъ. У стѣнъ стояли внушительныхъ размѣровъ диваны съ прямыми спинками, обитые краснымъ шолкомъ.

Всякій слѣдъ тревоги и заботы исчезъ съ лица madame Будденброкъ, когда она сѣла между старикомъ Крёгеромъ, сидѣвшимъ во главѣ стола, и пасторомъ Вундерлихомъ.

— Bon appetit! — сказала она, радушно кивая головой и оглядѣвъ быстрымъ взглядомъ весь длинный столъ до нижняго конца, гдѣ были размѣщены дѣти.

IV.

Обѣдъ затянулся очень долго, благодаря и обилію вкусно приготовленныхъ домашнихъ блюдъ, и безконечному количеству застольныхъ рѣчей. Вина, подававшіяся за каждымъ блюдомъ, развязали всѣмъ языки, и каждый старался перещеголять другого остроумными тостами и рѣчами, прославляющими хозяевъ, пожеланіями процвѣтанія торговому дому и семьѣ Будденброковъ. Особенный восторгъ вызвали стихи Гофстеда, воспѣвавшіе энергію главы фирмы и его сына и красоту жены консула, златокудрой Елизаветы Будденброкъ, которую поэтъ, въ порывѣ вдохновенія, назвалъ Венерой Андіоменой.

Послѣ рѣчей, когда гости стали приходить въ болѣе и болѣе благодушное настроеніе подъ вліяніемъ обильной трапезы, наступила очередь анекдотовъ и личныхъ воспоминаній—главнымъ образомъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ, происходившихъ на памяти старшаго поколѣнія. Старикъ Будденброкъ и поэтъ Гофстедъ видѣли даже лично Наполеона и стали передавать свои впечатлѣнія. Послѣ дессерта дамы перешли въ гостиную, а мужчины остались еще за столомъ, допивая вино; анекдоты приняли тогда болѣе рискованный характеръ, и Гофстедъ опять отличился, декламируя шуточныя стихотворенія „во французскомъ вкусѣ". Потомъ часть гостей направилась еще въ билліардную, продолжая шутить и бесѣдовать, а другіе присоединились къ дамамъ въ гостиной.

Было уже около одиннадцати часовъ, когда все общество снова собралось въ ландшафтной комнатѣ, и гости начали собираться уходить.

Попрощавшись со всѣми, консульша сейчасъ же отправилась въ свои комнаты; консулъ же проводилъ гостей внизъ и вышелъ съ ними на улицу. Старики Крёгеры, закутавшись въ плотныя шубы, поспѣшно сѣли въ свой внушительный экипажъ, спасаясь отъ дождя и вѣтра. Лебрехтъ Крёгеръ пожалъ руку консулу, стоявшему подлѣ экипажа.

— Merci, Жанъ,—сказалъ онъ.—Мы провели у тебя прелестный вечеръ.—Онъ сѣлъ въ коляску, дверца захлопнулась и лошади быстро помчались.

Пасторъ Вундерлихъ и Гретьенсъ тоже пошли своей дорогой, поблагодаривъ хозяина за гостепріимство, а вслѣдъ за ними отправились и остальные гости.

Консулъ Будденброкъ простоялъ нѣсколько минутъ на улицѣ, засунувъ руки въ карманы и прислушиваясь къ удаляющимся шагамъ гостей. Ему стало холодно, такъ какъ онъ вышелъ безъ пальто, и онъ повернулъ обратно къ дому; поднявъ глаза вверхъ, онъ задумался, глядя на надпись, красовавшуюся надъ входной дверью: „Dominus providebit". Онъ опустилъ голову, вошелъ въ домъ, тщательно заперъ за собой тяжелую входную дверь и сталъ подниматься по лѣстницѣ. На встрѣчу ему шла, спускаясь съ лѣстницы, кухарка съ подносомъ, уставленнымъ стаканами.

— Гдѣ баринъ, Трина?—спросилъ онъ.

— Въ столовой, господинъ консулъ.—Лицо ея стало такимъ же краснымъ, какъ и ея руки; она еще недавно пріѣхала изъ деревни, и все ее приводило въ смущеніе.

Консулъ поднялся на верхъ и, проходя черезъ темную га-

лерею съ колоннами, ощупалъ въ карманѣ письмо. Потомъ онъ вошелъ въ столовую, гдѣ въ одномъ углу еще догорали свѣчи въ канделябрахъ, освѣщая прибранный уже столъ. Въ воздухѣ еще чувствовался кислый запахъ соусовъ.

У оконъ спокойно ходилъ взадъ и впередъ Іоганъ Будденброкъ, заложивъ руки за спину.

V.

— Ну, что скажешь, сынъ мой Іоганъ?

Старикъ остановился и протянулъ сыну руку—бѣлую, нѣсколько короткую, но изящную руку Будденброковъ. Его мощная фигура слабо обрисовывалась на темно-красномъ фонѣ портьеръ.

— Ты еще не утомленъ? Я тутъ хожу и прислушиваюсь къ вѣтру... дьявольская погода! А капитанъ Клотъ теперь на пути изъ Риги съ грузомъ...

— Ничего, отецъ. Дастъ Богъ, все благополучно обойдется.

— Могу я на это положиться? Положимъ, что ты съ Богомъ стоишь на пріятельской ногѣ...

Консулъ обрадовался хорошему расположенію духа отца.

— Говоря по правдѣ,—сказалъ онъ,—я пришелъ не только съ тѣмъ, чтобы пожелать вамъ спокойной ночи, отецъ, а... не сердитесь на меня, ради Бога... у меня есть письмо для васъ. Оно пришло еще днемъ, но я не хотѣлъ испортить имъ такой пріятный день... и потому...

— Отъ monsieur Готгольда—voilà!—Старикъ старался сохранить спокойствіе при видѣ голубого запечатаннаго конверта: —„Господину Іогану Будденброку sen., въ собственныя руки". Какая невоспитанность, однако! Я ему не отвѣтилъ на второе письмо, а онъ пишетъ третье!

Розовое лицо старика все болѣе омрачалось, въ то время какъ онъ быстрымъ движеніемъ пальцевъ сломалъ печать и поднесъ къ свѣту тоненькій листъ бумаги, исписанный не обычнымъ мелкимъ, но четкимъ и ровнымъ почеркомъ Будденброковъ, а неровными, прямыми буквами, съ частыми нажимами пера въ отдѣльныхъ словахъ; уже этотъ почеркъ казался старику проявленіемъ упорства и раздражалъ его.

Консулъ отошелъ къ стѣнѣ, гдѣ стояли стулья, но, изъ почтенія къ продолжавшему стоять отцу, не сѣлъ, а только прислонился къ высокой спинкѣ стула, наблюдая за старикомъ, ко-

торый наклонилъ голову на бокъ, сдвинулъ брови и сталъ читать вслухъ письмо...

„Отецъ! Я вѣроятно напрасно надѣюсь на то, что вы поймете, какъ я возмущенъ отсутствіемъ отвѣта на мое второе, столь настоятельное и важное письмо. Я долженъ вамъ сказать, что ваше упрямство, все болѣе углубляющее бездну между нами— большой грѣхъ, за который вамъ придется отвѣчать передъ престоломъ Всевышняго. Достаточно печально уже то, что вы такъ жестоко отвернулись отъ меня, когда я, противъ вашего желанія, женился на моей теперешной женѣ и оскорбилъ вашу безмѣрную гордость тѣмъ, что открылъ лавку; но ваше теперешнее обращеніе со мной еще болѣе возмутительно, и вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что я спокойно все снесу. Вашъ новый домъ въ Mengstrasse купленъ за 100.000 марокъ, и мнѣ далѣе извѣстно, что вашъ сынъ отъ второго брака и вашъ компаньонъ, Іоганъ, живетъ у васъ въ качествѣ жильца, и что послѣ вашей смерти онъ перейметъ ваше дѣло и получитъ домъ въ единоличное владѣніе. Съ вашей дочерью и ея мужемъ вы вошли въ соглашенія, которыя меня не касаются. Но что касается меня, вашего старшаго сына, то вы заходите такъ далеко въ своемъ безбожномъ гнѣвѣ, что отказываетесь выплатить мнѣ сумму, соотвѣтствующую моей части въ домѣ. Я не протестовалъ, когда вы выдали мнѣ 100.000 марокъ при моей женитьбѣ и отписали мнѣ въ завѣщаніи всего 100.000 марокъ. Я тогда не былъ достаточно освѣдомленъ относительно вашего состоянія. Теперь я яснѣе вижу положеніе дѣлъ, и такъ какъ я въ принципѣ не лишенъ наслѣдства, то требую, чтобы вы выплатили слѣдуемую мнѣ третью часть покупной цѣны за домъ, т.-е. 33.335 марокъ. Я не желаю дѣлать никакихъ предположеній относительно того, подъ чьимъ вліяніемъ вы такъ возмутительно обращаетесь со мной, но я протестую противъ вашего поведенія, какъ христіанинъ и какъ дѣловой человѣкъ, и завѣряю васъ въ послѣдній разъ, что если вы не исполните моихъ законныхъ требованій, я перестану уважать въ васъ христіанина, отца и честнаго человѣка.

„Готтольдъ Будденброкъ“.

— Eh bien, что ты на это скажешь? — спросилъ старикъ, кончивъ чтеніе.

— Право, не знаю, что и сказать,—отвѣтилъ консулъ.— Онъ говоритъ о нашемъ вліяніи на васъ, называетъ наше поведеніе нехристіанскимъ! Вы не можете себѣ представить, до чего мнѣ это тяжело!

— Неужели на тебя производитъ впечатлѣніе эта безсмысленная болтовня?—сердито крикнулъ старикъ.—Онъ смѣетъ говорить о христіанскихъ чувствахъ—а самъ думаетъ только о деньгахъ! Хорошъ идеалистъ! На языкѣ—возвышенныя слова о христіанствѣ, а на дѣлѣ готовъ скорѣе обругать старика отца послѣдними словами, чѣмъ потерять нѣсколько тысячъ талеровъ! Онъ отказываетъ мнѣ въ уваженіи, этотъ негодяй! Вѣдь я совершенно точно выяснилъ ему положеніе дѣлъ: ты желаешь сдѣлать mésalliance, жениться на дѣвицѣ Стювингъ, несмотря на мой запретъ. Отлично, mon cher fils, женись и открывай лавку. Я не лишаю тебя наслѣдства, я не поднимаю скандала, но между нами все кончено. Вотъ тебѣ 100.000 приданаго, въ завѣщаніи тебѣ отказано еще 100.000—и дѣло съ концомъ; больше ты не получишь ни гроша. Тогда онъ не протестовалъ. Какое же ему дѣло теперь до того, что у насъ дѣла хорошо идутъ, что ты и твоя сестра больше получатъ, чѣмъ онъ? Если изъ наслѣдства, которое принадлежитъ вамъ, теперь купленъ домъ, то это его не касается.

— Понимаете ли вы, отецъ, въ какомъ я теперь затруднительномъ положеніи! Я всей душой желаю, чтобы въ нашей семьѣ царило согласіе... Вотъ мы сегодня отпраздновали такой торжественный день, мы можемъ гордиться тѣмъ, что достигли кое-чего, что наша семья пользуется общимъ почетомъ... А эти враждебныя отношенія съ моимъ братомъ, съ твоимъ старшимъ сыномъ... Нужно остерегаться трещинъ въ зданіи, воздвигнутомъ нами съ помощью Божіей... Семья должна жить въ согласіи, иначе бѣда постучится въ двери.

— Глупости, Жанъ! Строптивый мальчишка...

Наступила пауза. Догорающія свѣчи едва-едва освѣщали комнату.

— Что̀ ты дѣлаешь, Жанъ?—спросилъ Іоганъ Будденброкъ.— Я тебя почти совсѣмъ не вижу.

— Я дѣлаю разсчетъ,—сухо отвѣтилъ консулъ. Одна свѣча вспыхнула, догорая, и озарила холодное, сосредоточенное лицо консула.—Вы можете поступить двоякимъ образомъ,—продолжалъ онъ.—Или вы выдадите 33.335 марокъ Готгольду и 15.000 сестрѣ,—это составитъ 48.335 марокъ. Или же вы дадите только 25.000 сестрѣ,—и это означаетъ для нашей фирмы выигрышъ въ 25.000 марокъ. Но это еще не все. Если вы выплатите деньгами Готгольду его часть въ домѣ, то этимъ нарушается принципъ; это будетъ значить, что вы не вполнѣ покончили съ нимъ, и онъ можетъ послѣ вашей смерти потребовать такую же

часть наслѣдства, какую получимъ я и сестра. Тогда наша фирма потерпитъ потери въ цѣлыя сотни тысячъ,—и я, какъ будущій собственникъ нашего торговаго дома, не могу на это согласиться... Нѣтъ, отецъ,—заключилъ онъ, выпрямившись и дѣлая энергичный жестъ рукой, — вы не должны уступать Готтольду,—мой долгъ отсовѣтовать вамъ это.

— Ну, и отлично. На этомъ и покончимъ. N'en parlons plus! En avant! Пора спать.

Послѣдняя свѣча потухла, и отецъ съ сыномъ прошли въ полной темнотѣ черезъ галерею; у лѣстницы, ведущей во второй этажъ, они попрощались, крѣпко пожавъ другъ другу руки.

— Спокойной ночи, Жанъ! — сказалъ старикъ.—Du courage! Все это пустяки...

Консулъ поднялся въ свою квартиру, а старикъ спустился, держась за перила, къ себѣ внизъ. Огромный старый домъ погрузился въ мракъ и тишину. Гордость, надежды и опасенія смолкли на время, а на тихихъ улицахъ струился мелкій дождь, и осенній вѣтеръ завывалъ вокругъ крышъ и угловъ зданій.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Два съ половиной года спустя, въ серединѣ апрѣля, произошло радостное событіе въ семьѣ Будденброковъ.

Консулъ Будденброкъ сидѣлъ въ воскресенье, въ девять часовъ утра, въ комнатѣ, гдѣ всѣ собирались къ утреннему кофе, у маленькаго бюро подлѣ окна. Передъ нимъ лежала толстая тетрадь съ золотымъ обрѣзомъ, и онъ усердно вписывалъ что-то въ нее своимъ тонкимъ и мелкимъ почеркомъ.

Оба окна были раскрыты настежь, и изъ сада, гдѣ уже стали показываться первыя почки на деревьяхъ, доносились звонкіе голоса птицъ и вливался въ комнату нѣжный весенній воздухъ. Яркіе солнечные лучи ослѣпительно сверкали на скатерти стола и играли на позолотѣ изящныхъ чашекъ.

Дверь въ спальню была открыта, и оттуда раздавался голосъ Іогана Будденброка, напѣвавшаго веселую пѣсенку. Онъ сидѣлъ у маленькой колыбельки съ зелеными шолковыми занавѣсками, стоявшей подлѣ высокой постели съ пологомъ, гдѣ лежала консульша. Она и ея мужъ перебрались для удобства въ

квартиру стариковъ, которые заботливо ухаживали теперь за невѣсткой.

Консулъ Будденброкъ былъ до того поглощенъ работой, что ни разу не заглянулъ въ спальню. Выраженіе лица его было серьезное и почти страдальчески-благоговѣйное. Ротъ былъ слегка раскрытъ, и глаза отъ времени до времени затуманивались.

„Сегодня,—писалъ онъ,—14-го апрѣля 1838 г., въ шесть часовъ утра, любезная моя супруга Елизавета, урожденная Крёгеръ, съ Божьей помощью счастливо разрѣшилась дѣвочкой, которая будетъ наречена въ св. крещеніи Кларой. Господь ей помогъ въ трудный часъ, такъ какъ, по заявленію доктора Грабова, роды наступили слишкомъ рано и были очень опасные; Бетси очень страдала, но все кончилось благополучно. Великъ Ты, Господь Саваоѳъ, помогающій во всѣхъ опасностяхъ, и Ты всегда являешь намъ свою волю для того, чтобы мы были въ страхѣ передъ Тобой и слѣдовали твоимъ велѣніямъ! Веди же насъ, Господь, въ теченіе всей нашей жизни на землѣ“...

Консулъ продолжалъ быстро писать; слова благодарности и славословія текли безудержно изъ-подъ его пера; онъ не уставалъ бесѣдовать со своимъ Создателемъ. Онъ приводилъ длинные тексты изъ Писаній, вписалъ въ тетрадь молитвы о благѣ родителей, жены, дѣтей, а также брата Готгольда и, наконецъ, выписавъ еще одну цитату изъ Библіи и написавъ три раза: „аминь“, посыпалъ золотого песку на послѣднюю написанную имъ страницу, облегченно вздохнулъ и откинулся на спинку стула.

Заложивъ ногу на ногу, онъ сталъ медленно перелистывать толстую тетрадь и перечитывать мѣста изъ прежнихъ записей. И снова сердце его преисполнилось благодарностью къ Творцу, который столько разъ предотвращалъ отъ него опасности. Въ дѣтствѣ онъ былъ боленъ оспой, и болѣзнь прошла безслѣдно; потомъ онъ тоже еще мальчикомъ чуть не былъ убитъ упавшей на него крышкой огромнаго чана, въ которомъ варили пиво,— и только милость Господня спасла его отъ гибели. Въ юности, во время путешествія въ Данію, онъ тонулъ на морѣ и спасся лишь какимъ-то чудомъ. Всѣ эти случаи записаны были въ семейной книгѣ, и консулъ умиленно перечитывалъ записи, заканчивавшіяся каждая благодарственной молитвой.

„Я бы многое могъ привести,—прочелъ онъ въ другой изъ своихъ записей,—если бы хотѣлъ исповѣдываться въ своихъ страстяхъ, но...“ Консулъ пропустилъ это мѣсто и началъ просматривать то, что̀ онъ писалъ послѣ свадьбы и когда у него

родился первый ребенокъ. Его женитьбу, говоря правду, нельзя было назвать бракомъ по любви. Отецъ похлопалъ его по плечу и обратилъ его вниманіе на дочь богачей Крёгеровъ, дѣвушку съ большимъ приданымъ, пріобрѣтеніе котораго было очень желательно для ихъ фирмы; онъ охотно послѣдовалъ совѣту отца, и съ тѣхъ поръ неизмѣнно почиталъ свою жену, какъ назначенную ему Богомъ подругу жизни...

Второй бракъ его отца носилъ въ сущности такой же характеръ... Въ толстой тетради съ золотымъ обрѣзомъ было мало записей Іогана Будденброка. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ текущими дѣловими и личными интересами, чтобы пополнять фамильную хронику изложеніемъ своихъ мыслей и чувствъ по поводу разныхъ семейныхъ происшествій. А тѣ его записи, которыя были въ тетради, относились почти исключительно ко времени его перваго брака.

Консулъ сталъ перелистывать эти уже отчасти пожелтѣвшіе листы болѣе толстой и шероховатой бумаги, чѣмъ та, которую онъ вплелъ въ тетрадь для своихъ записей... Да, Іоганъ Будденброкъ вѣроятно очень нѣжно любилъ свою первую жену, дочь бременскаго купца, и годъ, который онъ прожилъ съ ней, былъ, вѣроятно, самымъ счастливымъ въ его жизни. „L'année la plus heureuse de ma vie" — такъ онъ самъ называлъ это время въ тетради... Но потомъ явился на свѣтъ Готгольдъ, и его рожденіе стоило жизни матери. Странныя разсужденія по этому поводу занесены были на листы семейной книги. Іоганъ Будденброкъ очевидно возненавидѣлъ здороваго, крѣпкаго ребенка, убившаго мать своимъ рожденіемъ, и не могъ простить ему его безвинное преступленіе... Консулъ не могъ этого понять. Жозефина умерла, исполнивъ священный долгъ всякой женщины, и слѣдовало бы, казалось ему, перенести нѣжную любовь къ ней на оставленное ею маленькое существо... А между тѣмъ отецъ никогда иначе не относился къ своему старшему сыну, какъ къ разрушителю своего счастья. Потомъ онъ женился на Антуаннетѣ Дюшанъ, дѣвушкѣ изъ очень почтенной гамбурской семьи, и относился къ своей второй женѣ съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ... Консулъ продолжалъ перелистывать тетрадь, прочелъ про разныя событія въ своей собственной семьѣ, про болѣзни дѣтей, про свои путешествія съ женой въ Маріенбадъ и въ Швейцарію, и заглянулъ потомъ въ самые старые желтые листы, исписанные рукой его дѣда, стараго Іогана Будденброка. Его записи начинались съ подробной родословной главной линіи Будденброковъ; старѣйшій изъ Будденброковъ жилъ въ XVI вѣкѣ

въ Парижѣ, и сынъ его былъ членомъ городского совѣта въ Грабау... Другой Будденброкъ, мастеръ портняжнаго цеха, женился въ Ростокѣ, имѣлъ хорошее состояніе, и у него было очень много дѣтей... Еще одинъ Будденброкъ былъ купцомъ въ Ростокѣ, и, наконецъ, дѣдъ консула, Іоганъ Будденброкъ, былъ основателемъ фирмы, торгующей хлѣбомъ. Объ этомъ предкѣ были уже извѣстны всѣ подробности его жизни. Въ семейную книгу занесены были даты всѣхъ его болѣзней, всѣ происшествія его жизни. Онъ самъ вписалъ въ книгу много здравыхъ жизненныхъ правилъ для назиданія потомства. Особенно выдѣлялось поученіе, написанное крупными готическими буквами и обведенное тщательно нарисованной перомъ рамкой. Оно гласило: „Сынъ мой, занимайся съ любовью дѣлами днемъ, но предпринимай только такія дѣла, которыя не будутъ мѣшать тебѣ спать ночью"...

Часы, вставленные въ картину надъ бюро—она изображала рыночную площадь въ какомъ-то старомъ городѣ,—пробили десять, когда консулъ закрылъ, наконецъ, тетрадь, заперъ ее въ одинъ изъ ящиковъ бюро и пошелъ въ спальню жены, гдѣ воздухъ былъ пропитанъ запахомъ лекарствъ и о-де-колона.

Старики Будденброки наклонились надъ колыбелью и смотрѣли на спящаго младенца. Консульша лежала въ кружевной кофточкѣ, уже тщательно причесанная, еще блѣдная, но радостно улыбающаяся. Она протянула мужу руку.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Бетси?

— Отлично, отлично, мой милый Жанъ!

Задержавъ ея руку въ своей, онъ тоже наклонился надъ колыбелью и почувствовалъ теплое ровное дыханіе ребенка.—Благослови тебя Господь!—прошепталъ онъ, поцѣловавъ въ лобъ ребенка.

— Правда, что она удивительно похожа на Нетту?—спросилъ Іоганъ Будденброкъ, лицо котораго сіяло отъ гордости и счастья.—У нея совсѣмъ черные глаза...

Его жена стала изъ скромности протестовать.

— Можно ли теперь уже говорить о сходствѣ... — сказала она и обратилась къ сыну:—Ты собираешься въ церковь, Жанъ?

— Да, уже пора. Теперь десять часовъ. Я только жду дѣтей.

Въ эту минуту появились дѣти, одѣтыя еще по зимнему, въ теплыхъ шубкахъ,—въ церкви было холодно. Они вошли очень тихо, осторожно ступая, чтобы не потревожить маленькую сестрицу. У нихъ были радостно взволнованныя лица. Сколько блаженства выпало на ихъ долю сегодня! Добрый аистъ при-

несъ имъ, кромѣ новой сестрицы, также множество чудесныхъ подарковъ: великолѣпную школьную сумку для Тома, большую куклу съ настоящими волосами—это было самое замѣчательное въ ней—для Тони, книжку съ картинками для благонравной Клотильды и великолѣпный игрушечный театръ для Христіана...

Дѣти поцѣловали мать и, получивъ на это разрѣшеніе, заглянули еще разъ за зеленую шолковую занавѣску, потомъ вмѣстѣ съ отцомъ чинно направились въ церковь, напутствуемыя пронзительнымъ крикомъ проснувшагося новаго члена семьи.

II.

Лѣтомъ, въ концѣ мая или въ іюнѣ, Тони Будденброкъ переселялась въ пригородную виллу дѣдушки и бабушки Крёгеровъ. Это было для нея счастливое время: ей было очень пріятно жить въ роскошномъ огромномъ домѣ, съ огромнымъ фруктовымъ садомъ, спускавшимся внизъ къ рѣкѣ, съ цвѣтниками, съ разными пристройками, конюшнями, флигелемъ для прислуги. Старики Крёгеры жили на очень широкую ногу, и это производило сильное впечатлѣніе на юную дѣвицу Будденброкъ. Въ зажиточномъ, но строго буржуазномъ домѣ ея родителей ее всячески пріучали къ работѣ по хозяйству: дѣдушка и мать, правда, не придавали этому большого значенія, но бабушка и отецъ заставляли ее обметать пыль и ставили ей въ примѣръ благочестивую и прилежную кузину Клотильду. Здѣсь же она могла сидѣть на качалкѣ и отдавать приказанія лакею или горничной; это нравилось дѣвочкѣ, унаслѣдовавшей аристократическіе инстинкты своей матери. Ей пріятно было спать подъ стеганнымъ атласнымъ одѣяломъ, пить утромъ на террасѣ не кофе и не чай, какъ дома, а шоколадъ съ бріошами, совсѣмъ такой, какъ дома подавали только въ именины членовъ семьи.

Утренній шоколадъ Тони приходилось пить обыкновенно, кромѣ воскресныхъ дней, одной: дѣдушка и бабушка спускались внизъ поздно, уже послѣ начала уроковъ въ школѣ. Кончивъ завтракъ, Тони брала сумку, спускалась въ припрыжку съ террасы и отправлялась черезъ палисадникъ на улицу.

Тони была очень хорошенькая, граціозная дѣвочка. Изъ-подъ ея соломенной шляпы виднѣлись густые свѣтло-каштановые волнистые отъ природы волосы; слегка выдвигавшаяся впередъ верхняя губа придавала задорное выраженіе ея свѣжему круглому личику съ сѣровато-голубыми глазами; она очень само-

увѣренно и легко ступала изящными ножками въ тонкихъ бѣлыхъ чулкахъ.

Выйдя изъ дому, Тони очутилась въ тѣнистой каштановой аллеѣ и остановилась на минуту, поджидая свою сосѣдку, Юлиньку Гагенстремъ, съ которой она всегда вмѣстѣ ходила въ школу. Это была высокая дѣвочка, съ слишкомъ приподнятыми плечами и большими черными глазами; она жила рядомъ съ Крёгерами, въ обросшей виноградомъ виллѣ. Отецъ ея, одинъ изъ собственниковъ экспортнаго дома „Стрункъ и Гагенстремъ", принималъ живое участіе въ городскихъ дѣлахъ; но люди со строгими принципами, Меллендорфы, Лангальзы и Будденброки, косились на него послѣ его женитьбы на дѣвицѣ изъ Франкфурта—изъ никому невѣдомой семьи. У жены Гагенстрема были необыкновенно густые черные волосы, и она носила огромные брилліанты въ ушахъ. Въ городскихъ дѣлахъ Гагенстремъ былъ всегда въ оппозиціи съ членами старинныхъ семей; его семья еще сравнительно недавно переселилась въ городъ. Энергично проводя свои мнѣнія въ засѣданіяхъ по поводу разныхъ общественныхъ дѣлъ, онъ какъ будто всегда старался доказать, что приноситъ городу гораздо больше пользы, чѣмъ всѣ другіе. Консулъ Будденброкъ часто разсказывалъ дома о столкновеніяхъ съ нимъ. „Онъ положительно интригуетъ противъ меня...—говорилъ онъ;—вѣчно онъ становится мнѣ поперекъ дороги..." Разъ отецъ и сынъ пришли къ обѣду очень сердитые...—Что̀ случилось?—спросили ихъ. —Ничего особеннаго... Большая поставка ржи въ Голландію ускользнула изъ ихъ рукъ. Стрункъ и Гагенстремъ отбили ее у нихъ. „Настоящая лисица этотъ Генрихъ Гагенстремъ".

Наслышавшись подобныхъ рѣчей дома, Тони не особенно дружелюбно относилась къ Юлинькѣ Гагенстремъ. Онѣ вмѣстѣ ходили въ школу, потому что жили по сосѣдству, но почти постоянно старались сердить одна другую.

— Мой отецъ имѣетъ тысячу талеровъ!—сказала Юлинька, увѣренная, что она страшно нахвастала.—Вѣдь у твоего...?

Тони почувствовала себя совсѣмъ уничтоженной и ничего не отвѣтила. Потомъ она сказала спокойно и какъ бы между прочимъ:

— Мой шоколадъ сегодня былъ страшно вкусный... А ты что̀ пьешь по утрамъ, Юлинька?

Иногда вмѣстѣ съ дѣвочками шелъ въ школу и братъ Юлиньки, Германъ, который былъ на два года старше сестры. Другой ея братъ, Морицъ, былъ очень болѣзненный мальчикъ и учился дома. У Германа были свѣтлые волосы и приплюснутый

ность; онъ постоянно причмокивалъ губами, потому что дышалъ только ртомъ.

— Глупости!—говорилъ онъ, слушая разговоры дѣвочекъ.— У отца гораздо больше, чѣмъ тысяча талеровъ!

Онъ всегда бралъ съ собой въ школу на завтракъ не простой хлѣбъ, а лимонную булку съ ломтиками гусиной грудинки. Для Тони это было нѣчто новое, и когда онъ показалъ ей свой завтракъ, она выразила желаніе отвѣдать кусочекъ. Германъ сказалъ ей разъ по дорогѣ въ школу:

— Я не могу отказать себѣ ни въ чемъ, и не отдамъ тебѣ моей булки. Но завтра я принесу еще одну булку, если ты мнѣ за это дашь что-нибудь.

На слѣдующее утро Тони ждала Юлиньку въ каштановой аллеѣ цѣлыхъ пять минутъ; она все не приходила. Наконецъ явился Германъ—безъ сестры.

— Вотъ видишь,—сказалъ онъ, показывая ей жестянку для завтрака, которую онъ носилъ на ремнѣ черезъ плечо:—я принесъ тебѣ лимонную булку съ гусиной грудинкой; она очень нѣжная, совсѣмъ безъ жира.. Что ты мнѣ за это дашь?

— Дать тебѣ шиллингъ?—спросила Тони.

Они стояли по срединѣ аллеи.

— Шиллингъ?..—повторилъ нерѣшительно Германъ, помолчавъ, и твердо сказалъ:—Нѣтъ, мнѣ нужно совсѣмъ не то...

— Что же?—спросила Тони.

Она была готова отдать все что угодно за новое лакомство.

— Я хочу тебя поцѣловать, — сказалъ Германъ и быстро обнялъ дѣвочку, но ему не удалось поцѣловать ее въ лицо: она съ необыкновенной проворностью откинула голову, уперлась лѣвой рукой, державшей сумку, ему въ грудь, а правой ударила его нѣсколько разъ изо всѣхъ силъ по лицу... Онъ отшатнулся; но въ ту же минуту выскочила изъ-за дерева его сестра Юлинька и съ яростью накинулась на Тони, сорвала ей шляпу съ головы и расцарапала ей щеки... Послѣ этого происшествія ихъ дружба почти совсѣмъ кончилась.

Тони отказала въ поцѣлуѣ юному Гагенстрему вовсе не изъ застѣнчивости, а потому что его очень не любила. Она была разбитная дѣвочка, и начальница школы приходила даже къ ея родителямъ жаловаться на ея проказы. Тони ходила одна по улицамъ, всѣхъ знала и со всѣми болтала, забиралась вмѣстѣ съ Томомъ въ хлѣбные амбары, помогала таскать мѣшки и была въ дружбѣ съ рабочими. Но если кто-нибудь возбуждалъ ея нерасположеніе или казался ей смѣшнымъ, то она была неисто-

щима въ придумываніи всевозможныхъ шутокъ и издѣвательствъ надъ своимъ врагомъ. Она чувствовала себя маленькой королевой и пользовалась своимъ правомъ казнить и миловать сообразно со своими капризами...

Что касается братьевъ Тони, Тома и Христіана, то сужденіе, высказанное о нихъ Гофстедомъ въ день празднованія новоселья, было очень вѣрное.

Тома предназначали къ торговой дѣятельности, какъ будущаго собственника фирмы „Будденброкъ". Онъ учился въ реальномъ отдѣленіи старой городской школы, и былъ умный, понятливый и прилежный мальчикъ. Это ему, однако, не мѣшало отъ души хохотать, когда его братъ Христіанъ, ученикъ классическаго отдѣленія, передразнивалъ учителей, въ особенности Маркелла Штенгеля, учителя пѣнія и рисованія. Христіанъ умѣлъ воспроизводить всѣ особенности его рѣчи и подражать его манерамъ. На урокахъ пѣнія любимымъ занятіемъ Штенгеля было разучиваніе хоромъ пѣсни „Зеленый лѣсъ", причемъ нѣсколько учениковъ должны были выходить въ корридоръ, чтобы тамъ повторять, какъ далекое эхо, послѣднія слова хора. Но когда эта роль поручалась Христіану Будденброку, его кузену Юргену Крёгеру или его другу Андрею Гизеке, то они, вмѣсто того, чтобы изображать нѣжное эхо, спускали съ лѣстницы ящикъ съ углями. Въ наказаніе за это учитель приказывалъ имъ являться въ четыре часа дня къ нему на квартиру, гдѣ ихъ, однако, ничего особенно непріятнаго не ожидало. Штенгель сразу забывалъ, что ученики призваны имъ за провинность, угощалъ ихъ кофеемъ и отпускалъ по домамъ.

На Тома Будденброка можно было очевидно возлагать больше надеждъ, чѣмъ на его брата. У него былъ болѣе ровный характеръ: онъ былъ веселъ, но всегда благоразуменъ; Христіанъ, напротивъ того, былъ очень нервенъ, капризенъ, впадалъ иногда въ чрезмѣрную веселость, а иногда пугалъ всю семью самыми неожиданными выходками.

Сидятъ, напримѣръ, всѣ за столомъ и ѣдятъ среди общаго разговора фрукты, поданные къ дессерту. Вдругъ Христіанъ кладетъ на свою тарелку персикъ, отъ котораго откусилъ кусочекъ. Лицо его блѣдно, глаза широко раскрыты.

— Я никогда больше не буду ѣсть персиковъ,—заявляетъ онъ.

— Почему? Что̀ за глупости, Христіанъ... что̀ съ тобой?

— Подумайте, что̀ еслибы я нечаянно... проглотилъ эту большую косточку и она застряла бы у меня въ горлѣ... и я бы сталъ задыхаться... вскочилъ бы... вы бросились бы всѣ ко мнѣ...

О!—восклицаетъ онъ съ невыразимымъ ужасомъ, съ безпокойствомъ ёрзаетъ на стулѣ и дѣлаетъ видъ, что хочетъ убѣжать изъ комнаты.

Консульша и Ида Юнгманъ вскакиваютъ со своихъ мѣстъ.

— Господи помилуй! Христіанъ, неужели ты дѣйствительно проглотилъ косточку отъ персика?—Судя по его лицу, это дѣйствительно можно предположить.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говоритъ Христіанъ и постепенно успокоивается,—но вѣдь это могло бы случиться.

Консулъ, тоже поблѣднѣвшій отъ испуга, бранитъ сына, и дѣдушка съ возмущеніемъ ударяетъ кулакомъ по столу и говоритъ, что запрещаетъ такія глупыя шутки... Но Христіанъ дѣйствительно долгое время чувствуетъ отвращеніе къ персикамъ.

III.

Около шести лѣтъ послѣ переѣзда Будденброковъ въ домъ на Mengstrasse, madame Антуаннета Будденброкъ слегла въ постель, въ холодный январьскій день, и уже больше не поднималась. Она была бодра до конца, сопровождала мужа на всѣ главнѣйшіе обѣды и вечера въ сезонѣ, принимала у себя съ обычнымъ достоинствомъ и любезностью. Потомъ вдругъ начались неопредѣленныя желудочныя страданія, не прекращавшіяся отъ обычныхъ лекарствъ доктора Грабова, а напротивъ того все усиливающіяся; наступилъ тревожный упадокъ силъ у больной. Послѣ короткаго серьезнаго разговора доктора Грабова съ консуломъ, въ домѣ появился еще одинъ врачъ, маленькій чернобородый и мрачный человѣкъ. Всѣ стали ходить на цыпочкахъ и говорить шопотомъ. Что-то новое, таинственное вошло въ домъ,—въ обширныхъ покояхъ воцарилось ожиданіе смерти; мысль о ней всѣ читали въ глазахъ другъ у друга.

Работы въ домѣ стало еще больше въ эти тяжелые дни, потому что пріѣхало много гостей. Болѣзнь длилась недѣли двѣ, и уже черезъ недѣлю пріѣхалъ братъ madame Антуаннеты, сенаторъ Дюшанъ съ дочерью изъ Гамбурга, а нѣсколько дней спустя—сестра консула съ мужемъ изъ Франкфурта. Всѣ они поселились въ домѣ на Mengstrasse, и Ида Юнгманъ работала съ утра до вечера, устроивая всѣхъ на ночь и готовя для гостей обильные обѣды и ужины.

Іоганъ Будденброкъ сидѣлъ у постели больной и безмолвно глядѣлъ въ пространство, держа въ рукѣ изможденную руку

своей старой Нэты. Сестра милосердія, вся въ черномъ, готовила у столика питье для больной; отъ времени до времени въ комнату входилъ кто-нибудь изъ членовъ семьи и, постоявъ съ минуту, снова уходилъ.

Старикъ, быть можетъ, вспоминалъ, какъ, сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ, онъ въ первый разъ сидѣлъ у постели умирающей жены, и сравнивалъ тогдашнее дикое отчаяніе съ задумчивой грустью, съ которой онъ глядѣлъ теперь въ измѣнившееся и до ужаса равнодушное лицо второй жены; она не принесла ему большого счастья, но никогда не доставляла также горя, а прожила съ нимъ много длинныхъ лѣтъ съ большимъ достоинствомъ, и теперь медленно уходила отъ него...

— Курьёзно все это, курьёзно!—шепталъ онъ.

Когда его жена умерла, когда гробъ ея, покрытый цвѣтами, вынесли изъ дому, Іоганъ Будденброкъ не плакалъ. Онъ только тихо и удивленно качалъ головой, и все повторялъ почти съ улыбкой: „Курьёзно!“ Это стало его любимымъ словомъ... И его жизнь, очевидно, близилась къ концу.

Онъ безучастно сидѣлъ въ домашнемъ кругу, и случалось, что, взявши иногда на колѣни маленькую Клару, чтобы пропѣть ей, какъ бывало, одну изъ своихъ старыхъ веселыхъ пѣсенокъ, онъ вдругъ умолкалъ послѣ первыхъ словъ, задумывался, спускалъ дѣвочку на полъ и, сказавъ: „курьёзно!“, отворачивался... Однажды онъ сказалъ сыну:

— Жанъ... assez, не правда ли?

И послѣ этого по городу разосланы были дѣловые циркуляры съ двумя подписями, въ которыхъ Іоганъ Будденброкъ senior заявлялъ, что, въ виду своего преклоннаго возраста, онъ передаетъ дѣла своему сыну, и проситъ перенести на него довѣріе, которымъ старинная, основанная въ 1768 году, фирма пользовалась до сихъ поръ.

Послѣ этого заявленія старикъ уже не заглядывалъ больше въ контору и становился все болѣе и болѣе безучастнымъ ко всему. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти жены, въ срединѣ марта, онъ слегъ въ постель, вслѣдствіе небольшой простуды. И вскорѣ наступилъ часъ, когда вся семья собралась вокругъ его постели; онъ сказалъ консулу:

— Будь счастливъ, Жанъ. И помни, всегда—du courage.

Тому онъ сказалъ: „Помогай отцу!“, а Христіану: „Сдѣлайся чѣмъ-нибудь порядочнымъ“.

Потомъ онъ замолчалъ, посмотрѣлъ на всѣхъ и, сказавъ еще разъ: „курьезно!“—отвернулся къ стѣнѣ.

О Готтольдѣ онъ не упоминалъ до конца, и его старшій сынъ не явился къ нему попрощаться, несмотря на приглашеніе консула. Но когда, на слѣдующій день послѣ смерти старика, консулъ спускался въ контору, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія, онъ очутился на лѣстницѣ лицомъ къ лицу съ Готтольдомъ Будденброкомъ, собственникомъ магазина льняныхъ издѣлій „Сигизмунда Стювинга и Комп.“. Готтольдъ былъ маленькій, толстый человѣкъ сорока-шести лѣтъ съ свѣтлыми, сѣдѣющими бакенбардами, одѣтый въ широкій клѣтчатый костюмъ.

— Ну что, Жанъ,—спросилъ онъ, не подавая руки брату.— Въ какомъ положеніи отецъ?

— Онъ скончался сегодня ночью,—отвѣтилъ взволнованно Жанъ.

Готтольдъ помолчалъ и потомъ спросилъ:

— На что я могу надѣяться теперь? Могу я разсчитывать на справедливость съ твоей стороны?

Консулъ опустилъ глаза и отвѣтилъ тихимъ твердымъ голосомъ:

— Въ тяжелые часы жизни я тебѣ протягивалъ руку какъ братъ, но въ дѣловыхъ вопросахъ я долженъ дѣйствовать только какъ глава фирмы, собственникомъ которой я сегодня сталъ. Не ожидай ничего, что противорѣчило бы этимъ моимъ обязательствамъ,—всѣ мои остальныя чувства должны теперь молчать.

Готтольдъ ушелъ, но—къ большому удовольствію консула— явился на похороны и даже привелъ съ собой свою жену, урожденную Стювингъ, и своихъ трехъ дочерей: Фредерику, Генріетту и Фифи. Двѣ старшія дѣвушки были слишкомъ высоки и тонки, а восемнадцатилѣтняя младшая—слишкомъ толста и мала ростомъ.

Похороны были очень торжественные, со множествомъ депутацій и вѣнковъ отъ служащихъ и рабочихъ; пасторъ Келингъ сказалъ рѣчь, въ присутствіи огромной толпы друзей и знакомыхъ покойнаго. Когда всѣ двинулись въ обратный путь—семьдесятъ или восемьдесятъ наемныхъ каретъ направились съ кладбища обратно въ городъ,—Готтольдъ предложилъ брату поѣхать вмѣстѣ съ нимъ и говорилъ по дорогѣ въ очень примирительномъ тонѣ; сказалъ, что понимаетъ поведеніе консула, и что онъ сохранитъ добрую память объ отцѣ. Онъ прибавилъ, что отказывается отъ всѣхъ своихъ притязаній, тѣмъ болѣе, что рѣшилъ оставить дѣла и будетъ жить на проценты съ своего наслѣдства и того, что онъ успѣлъ отложить до сихъ поръ. Вернувшись въ домъ консула, братья еще выпили вмѣстѣ по рюмкѣ коньяку, чтобы со-

грѣться послѣ долгаго пребыванія на воздухѣ; затѣмъ Готгольдъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ невѣсткѣ, приласкалъ дѣтей и ушелъ съ тѣмъ, чтобы появиться на слѣдующемъ „дѣтскомъ собраніи" въ виллѣ Крёгеровъ. Онъ уже началъ ликвидировать дѣла и могъ возобновить отношенія съ своей родней.

IV.

Консулъ очень жалѣлъ, что отецъ его не дожилъ до вступленія въ дѣло своего старшаго внука, что̀ случилось уже на пасху того же года, т.-е. черезъ мѣсяцъ послѣ смерти старика.

Тому было шестнадцать лѣтъ, когда онъ оставилъ школу. Онъ сильно выросъ въ послѣднее время и послѣ конфирмаціи одѣвался уже какъ взрослый молодой человѣкъ. Онъ все болѣе и болѣе становился похожимъ на дѣдушку. У него были очень ровныя движенія и спокойный смѣхъ, открывавшій неровные, уже начинавшіе портиться зубы. Онъ очень серьезно и ревностно относился къ своей будущей торговой дѣятельности.

Вступленіе его въ дѣло отца было обставлено чрезвычайно торжественно. Отецъ привелъ его утромъ въ контору, представилъ его главному бухгалтеру Маркусу, кассиру Гаверману и остальнымъ служащимъ, хотя Томъ былъ давно въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣми ними; затѣмъ онъ сѣлъ въ первый разъ на свой вертящійся стулъ передъ конторкой и принялся ревностно копировать бумаги, заносить ихъ въ книги, накладывать штемпеля. Днемъ отецъ повелъ его въ кладовыя у рѣки, и представилъ его и тамъ въ качествѣ своего помощника.

Томъ прилежно взялся за дѣло, слѣдуя примѣру отца, который работалъ теперь особенно энергично и усердно, и часто къ тому же вписывалъ въ семейную книгу молитвы о помощи свыше. Нужно было постараться вернуть „фирмѣ" капиталы, которые ушли со смертью старика Будденброка... Однажды вечеромъ, сидя съ женой въ ландшафтной комнатѣ, консулъ довольно точно выяснилъ ей положеніе дѣлъ.

Пробила уже половина двѣнадцатаго, и дѣти, а также и Ида Юнгманъ, давно спали. Консульша сидѣла на желтомъ шолковомъ диванѣ и занята была вышиваніемъ, а мужъ ея курилъ сигару, просматривая курсовыя таблицы въ мѣстной газетѣ. Іоганъ Будденброкъ, которому было уже около сорока-пяти лѣтъ, сильно состарился за послѣдніе годы. Его маленькіе, круглые глаза впали еще сильнѣе, крупный носъ и скулы стали рѣзко обри-

совываться, и виски начинали сѣдѣть. Жена его, которой было въ это время уже подъ сорокъ лѣтъ, напротивъ того, очень сохранилась; у нея былъ все тотъ же, отличавшій ее, нѣжный матово-бѣлый цвѣтъ лица, та же стройная, изящная фигура; при вечернемъ освѣщеніи ея рыжеватые, искусно причесанные волосы казались пронизанными свѣтомъ. Она сказала, не поднимая глазъ отъ работы:

— Я вотъ о чемъ хотѣла съ тобой поговорить, милый Жанъ; намъ бы слѣдовало нанять лакея... я пришла къ этому убѣжденію. Когда я думаю о моихъ родителяхъ...

Консулъ выпустилъ изъ рукъ газету, вынулъ сигару изо рта, и на лицѣ его отразилось сосредоточенное вниманіе: дѣло шло о новыхъ денежныхъ расходахъ.

— Что ты, милая Бетси?—сказалъ онъ.—Мы и такъ сохранили послѣ смерти родителей то же количество трехъ дѣвушекъ, не считая Иды Юнгманъ... А вѣдь мы теперь не выѣзжаемъ и не принимаемъ у себя,—такъ что мнѣ кажется...

— Конечно, пріемовъ въ этомъ году нѣтъ, но все-таки у насъ постоянно гости. Какъ часто къ тебѣ пріѣзжаютъ по дѣламъ люди изъ другихъ городовъ, и ты зовешь ихъ къ обѣду и предлагаешь имъ жить у насъ, а не въ гостинницѣ. Затѣмъ, къ намъ пріѣзжаютъ иногда гостить миссіонеры—вотъ уже на будущей недѣлѣ мы ждемъ пастора Маттея изъ Канштадта. Къ тому же жалованье прислугѣ такъ незначительно...

— Да, но это все-таки увеличиваетъ расходы. И такъ у насъ четверо человѣкъ прислуги, и ты забываешь, сколько мы выплачиваемъ жалованья служащимъ въ конторѣ!

— Неужели мы не въ состояніи нанять лакея?—спросила Бетси, улыбаясь.—Когда я подумаю о штатѣ, который содержатъ мои родители...

— Твои родители, милая Бетси, намъ не примѣръ. Ты, кажется, не совсѣмъ ясно представляешь себѣ, каковы наши обстоятельства,—я могу тебѣ это точно сказать. У покойнаго отца, до выхода замужъ моей сестры, было ровно 900.000 марокъ, не считая недвижимаго имущества и стоимости самой фирмы. Но приданое сестры, 100.000 мар., выданныя Готгольду, когда онъ женился, покупка дома—все это уменьшило его капиталъ,—несмотря на крупныя прибыли нашего торговаго дома,—на 200.000 марокъ. По смерти отца капиталъ фирмы заключался въ 795.000 марокъ, а теперь, за вычетомъ 100.000 марокъ на долю Готгольда и другихъ суммъ, завѣщанныхъ отцомъ на благотворительныя дѣла, осталось всего—уже вмѣстѣ со 100.000 ма-

рокъ твоего приданаго—только 520.000 марокъ. Вотъ приблизительно какъ обстоятъ наши дѣла. Мы вовсе не такъ богаты, какъ ты думаешь, Бетси. И при этомъ нужно имѣть въ виду, что хотя дѣлъ теперь нѣсколько меньше, но расходы не уменьшились, потому что нельзя ронять престижъ фирмы... Ты меня поняла, Бетси?

Консульша не совсѣмъ увѣренно кивнула головой и опустила вышиванье на колѣни.

— Конечно, поняла, милый Жанъ, — сказала она, хотя ей совсѣмъ не было ясно, почему эти огромныя суммы должны ей помѣшать нанять лакея.

Консулъ раздулъ свою потухающую сигару, выпустилъ дымъ, откинувъ голову назадъ, и снова заговорилъ:

— Ты, вѣроятно, думаешь о томъ, что со временемъ, когда Господь отзоветъ къ себѣ твоихъ родителей, наше состояніе значительно увеличится наслѣдствомъ отъ нихъ. Это, конечно, вѣрно, —но не слѣдуетъ слишкомъ необдуманно на это разсчитывать. Я знаю, что у отца твоего были крупныя потери—главнымъ образомъ по винѣ Юста, который очень неостороженъ въ дѣлахъ; отцу твоему приходилось не разъ выручать его изъ бѣды—очень крупными суммами. И это можетъ повториться—и даже навѣрное повторится, потому что,—прости меня за откровенность, Бетси,—твой братъ слишкомъ легкомысленъ для дѣлового человѣка—и въ дѣлахъ, и въ образѣ жизни. Къ тому же и родители твои живутъ въ свое удовольствіе,—что̀ меня, конечно, очень радуетъ за нихъ; они живутъ по-барски, какъ это... соотвѣтствуетъ ихъ обстоятельствамъ.

Бетси снисходительно улыбнулась; она знала, что мужъ ея порицалъ любовь къ роскоши, отличавшую ея семью.

— Что касается меня, — продолжалъ консулъ, отряхая пепелъ съ сигары,—то я уповаю на то, что Господь дастъ мнѣ достаточно силъ, чтобы я смогъ съ Его помощью поднять состояніе нашей фирмы на прежнюю высоту. Надѣюсь, что ты теперь вполнѣ уяснила себѣ положеніе дѣлъ, дорогая Бетси...

— Вполнѣ, Жанъ, вполнѣ!—поспѣшила отвѣтить консульша, рѣшивъ не возобновлять въ этотъ вечеръ разговора о наймѣ лакея.—Ну, а теперь пора идти спать...

Черезъ нѣсколько дней, однако, когда консулъ вернулся домой изъ конторы въ хорошемъ настроеніи духа, рѣшено было нанять Антона, лакея, ушедшаго отъ Мелендорфовъ.

V.

— Тони мы отдадимъ въ пансіонъ къ фрейлейнъ Вейхбродтъ,— сказалъ консулъ Будденброкъ такъ твердо, что это рѣшеніе уже никѣмъ не оспаривалось.

Въ противоположность Тому, который радовалъ отца своими способностями къ дѣламъ и своимъ усердіемъ, а также кроткой и веселой Кларѣ и Клотильдѣ, аппетитъ которой не могъ не радовать всѣхъ, Христіанъ и Тони доставляли много огорченій родителямъ. Христіану почти каждый день приходилось отправляться пить кофе къ Марцелу Штенгелю; но это еще было ничего; вскорѣ отецъ узналъ о болѣе непростительной выходкѣ четырнадцатилѣтняго гимназиста: увлекшись театромъ, и въ особенности красотой юной пѣвицы, mademoiselle Мейеръ-Лагранжъ, которая исполняла роль пажа въ оперѣ „Вильгельмъ Телль", Христіанъ побѣжалъ въ одномъ изъ антрактовъ купить цвѣты, пробрался за кулисы, въ уборную пѣвицы, и поднесъ ей букетъ, очень краснорѣчиво выразивъ при этомъ свои восторги. При этой сценѣ въ уборной присутствовалъ консулъ Петръ Дельманъ, сынъ богатаго золотопромышленника, и одинъ изъ „suitiers"— какъ въ городѣ называли золотую молодежь, ведущую нѣсколько легкомысленный образъ жизни; къ разряду „suitiers" причисляли и Юста Крёгера. Дельманъ разсказалъ въ тотъ же вечеръ въ клубѣ о выходкѣ Христіана, которая стала такимъ образомъ извѣстной всему городу. О ней узналъ и школьный директоръ; онъ счелъ долгомъ серьезно поговорить о поведеніи своего ученика съ его отцомъ. Консулъ Будденброкъ былъ совершенно уничтоженъ сообщеніемъ директора: въ поведеніи Христіана онъ увидѣлъ проявленіе столь ненавистнаго ему Крёгеровскаго легкомыслія. Выдавать въ его возрастѣ деньги на букеты для „такой особы"! Идти по слѣдамъ Юста Крёгера!—Это казалось ему поистинѣ ужаснымъ.

Много огорченій доставляла консулу также дочь его Тони. Свои прежнія дѣтскія шалости она теперь оставила, но пріобрѣтала все болѣе и болѣе высокомѣрную и дерзкую манеру обращенія съ людьми, а также сильное влеченіе къ роскоши и суетности,—въ особенности когда возвращалась домой послѣ лѣтняго пребыванія у дѣдушки и бабушки.

Разъ консулъ засталъ ее за чтеніемъ „Мимили" Клорена; онъ взялъ у нея книгу, сталъ ее перелистывать и, прочтя нѣсколько страницъ, отнялъ книгу и заперъ ее въ шкафъ. Вскорѣ

послѣ того одна знакомая дама встрѣтила Тони гуляющею у городскихъ воротъ въ обществѣ гимназиста, товарища ея братьевъ. Объ этомъ она—въ шутливомъ тонѣ, конечно,—разсказала консулу, и прогулки были запрещены. Но потомъ оказалось, что mademoiselle Тони завела тайную корреспонденцію съ тѣмъ же гимназистомъ, причемъ мѣстомъ для полученія и отправки писемъ служило дупло въ одномъ изъ деревьевъ у городскихъ воротъ. Когда это обнаружилось, то родители ея сочли необходимымъ отдать пятнадцатилѣтнюю дѣвочку подъ строгій надзоръ и помѣстили ее въ пансіонъ дѣвицы Терезы Вейхбродтъ.

Тереза Вейхбродтъ была горбата и ростомъ не выше стола. Ей было сорокъ-два года; но такъ какъ она никогда не обращала вниманія на свой внѣшній видъ, то одѣвалась какъ дама лѣтъ семидесяти. Она носила на сѣдыхъ локонахъ чепчикъ съ длинными зелеными лентами и простенькое черное платье безъ всякихъ украшеній; только у ворота красовалась большая брошка съ портретомъ матери Терезы на фарфорѣ.

У Терезы Вейхбродтъ были умные каріе глаза, носъ съ горбинкой и тонкія губы, которыя она иногда сжимала съ большой энергіей. Вся ея маленькая фигурка хотя и была нѣсколько комична, но внушала почтеніе. У нея была очень энергичная манера говорить, выдвигая нижнюю челюсть и убѣдительно кивая головой; она очень отчетливо выговаривала каждую букву и только нѣсколько преувеличенно растягивала гласныя; такъ она называла свою собачку не „Бобби", а „Ба-абби", своимъ ученицамъ говорила: „не будьте такъ гло-опы". Ее въ дѣтствѣ прозвали „Земеми", и это имя осталось за ней навсегда; она сама просила своихъ ученицъ тоже называть ее такъ. У Терезы жила ея старшая сестра, Нелли Кетельсенъ, переселившаяся къ ней послѣ смерти мужа,—очень наивная и добродушная женщина, находившаяся въ полномъ подчиненіи у своей младшей, образованной и дѣятельной сестры. Кромѣ нея, въ красномъ загородномъ домикѣ Терезы Вейхбродтъ жила также француженка, m-elle Попинэ, преподававшая французскій языкъ воспитанницамъ Терезы. Пансіонеровъ у Терезы Вейхбродтъ было немного, такъ какъ она принимала только уже почти взрослыхъ дѣвицъ и непремѣнно изъ пользующихся почетомъ семей... Тони Будденброкъ она встрѣтила очень ласково, и за ужиномъ въ честь новой воспитанницы подавали „епископскій пуншъ", холодный напитокъ изъ краснаго вина, который Тереза Вейхбродтъ умѣла мастерски готовить.

За ужиномъ Тони сидѣла между двумя другими пансіонер-

ками, Армгардой фонъ-Шиллингъ, свѣтловолосой дочерью мекленбургскаго помѣщика, и Гердой Арнольдсонъ, уроженкой Амстердама, изящной, оригинальной дѣвушкой съ темно-рыжими волосами, карими глазами и блѣднымъ лицомъ. Сидѣвшая противъ нея за столомъ m-elle Попинэ имѣла видъ негритянки и носила большія золотыя серьги. Въ теченіе разговора за ужиномъ выяснилось, что Герда играетъ не на роялѣ, какъ большинство барышенъ, а на скрипкѣ, и что ея отецъ—матери ея уже не было въ живыхъ—обѣщалъ ей купить настоящій Страдиваріусъ. Армгарда фонъ-Шиллингъ разсказывала о коровахъ въ помѣстьи своего отца. Армгарда произвела на Тони сильное впечатлѣніе съ первой же минуты, какъ первая аристократка, съ которой ей довелось познакомиться. Носить фамилію фонъ-Шиллингъ—какое это должно быть счастье! Въ глубинѣ души Тони казалось, что завидное „фонъ“ гораздо болѣе подходило бы ей, чѣмъ Армгардѣ, которая совершенно не умѣла цѣнить своего счастья и никогда не думала о своемъ аристократическомъ происхожденіи.

Вторая соученица Тони, Герда Арнольдсонъ, была дѣвушкой со странностями. Она оригинально причесывала свои рыжіе волосы, несмотря на протесты Зеземи, и обращала на себя общее вниманіе своимъ чужеземнымъ видомъ. Ея игра на скрипкѣ тоже казалась чѣмъ-то непривычнымъ и вызывала скорѣе осужденіе. Три дѣвушки очень скоро подружились, такъ какъ занятія у нихъ были общія, и кромѣ того у нихъ была общая спальня во второмъ этажѣ дома Зеземи. Онѣ очень любили разговаривать, ложась спать послѣ десяти часовъ, причемъ приходилось говорить въ полголоса, такъ какъ въ сосѣдней комнатѣ спала m-elle Попинэ.

Темныя шторы были спущены, низкая лампа подъ краснымъ абажуромъ горѣла на столѣ, въ комнатѣ пріятно пахло фіалками и царила пріятная атмосфера усталости, беззаботности и нѣжныхъ дѣвическихъ грёзъ.

— Боже мой!—сказала Армгарда, садясь, полураздѣтая, на край постели:—какъ плавно и краснорѣчиво говоритъ докторъ Нейманъ! Онъ приходитъ въ классъ, садится къ столу и сейчасъ же начинаетъ говорить о Расинѣ...

— У него красивый, высокій лобъ,—замѣтила Герда, причесывая волосы у зеркала.—Ты вѣдь собственно это хотѣла сказать, Армгарда. Недаромъ ты всегда такъ глядишь на него, точно...

— Ты его любишь? — спросила Тони. — Ахъ, я никакъ не

могу развязать шнурокъ отъ ботинокъ; пожалуйста, помоги мнѣ, Герда... вотъ такъ, спасибо! Ну, такъ скажи, Армгарда, ты его любишь? Выходи, въ такомъ случаѣ, за него замужъ; онъ будетъ учителемъ въ гимназіи...

— Боже, какія вы противныя! Я вовсе его не люблю. Я навѣрное выйду замужъ не за учителя, а за помѣщика...

— За аристократа?—спросила Тони, задумчиво поглядѣвъ въ лицо Армгарды.

— Этого я не знаю. Но во всякомъ случаѣ у него должно быть большое имѣніе... Я буду вставать въ пять часовъ утра и буду хозяйничать... Боже, какъ это будетъ хорошо!—Она натянула на себя одѣяло и мечтательно подняла глаза къ потолку.

— Передъ ея духовнымъ окомъ стоятъ пятьсотъ коровъ,—сказала Герда, поглядѣвъ на подругу въ зеркало.

Тони, въ свою очередь, тоже размечталась; она лежала, подложивъ руки подъ голову, и задумчиво разглядывала потолокъ.

— Я, конечно, выйду замужъ за купца,—сказала она,—и непремѣнно за богатаго, для того, чтобы мы могли жить въ роскоши. Это—мой долгъ передъ моей семьей и нашей фирмой.

Герда кончила причесываться на ночь и стала чистить зубы, держа передъ собой маленькое зеркальце изъ слоновой кости.

— Я, вѣроятно, совсѣмъ не выйду замужъ,—сказала она, кончивъ эту процедуру.—Зачѣмъ? Я вернусь въ Амстердамъ и буду играть съ отцомъ дуэты, потомъ поселюсь у моей замужней сестры...

— Какъ это было бы жалко!—горячо воскликнула Тони.—Нѣтъ, я хотѣла бы, чтобы ты вышла замужъ и осталась здѣсь навсегда... Послушай, почему бы тебѣ не выйти за одного изъ моихъ братьевъ?.. Вы бы чудесно устроились—обойщикъ Жакобсъ сдѣлалъ бы вамъ обстановку—у него очень аристократическій вкусъ. Я бы каждый день приходила къ вамъ въ гости...

Въ эту минуту раздался голосъ m-elle Попинэ:

— Voyons, mesdames! пора спать, s'il vous plait. Вѣдь сегодня вы, все равно, еще не успѣете выйти замужъ.

Воскресные дни и каникулы Тони проводила у родителей или въ виллѣ Крёгеровъ. Очень пріятно было также иногда, лѣтомъ, жить у моря, обѣдать за табль-д'отомъ, купаться и ѣздить верхомъ на ослахъ. Но больше всего Тони любила Рождество, которое праздновалось и дома, и у Крёгеровъ, и у Зесеми. Торжественнѣе всего проходилъ праздникъ въ домѣ консула, свято соблюдавшаго всѣ традиціи. Семья собиралась въ ландшафтной комнатѣ, а прислуга и множество бѣднаго люда наполняли вести-

біоль, потомъ раздавалось пѣніе хора Маріинской церкви, и общее настроеніе становилось очень торжественнымъ и радостнымъ. Консульша читала послѣ того главу изъ старой семейной Библіи, потомъ всѣ пѣли хоромъ и направлялись торжественнымъ шествіемъ въ столовую, гдѣ красовалась огромная зажженная ёлка и стоялъ длинный столъ съ подарками для всѣхъ домашнихъ. Праздникъ заканчивался позднимъ ужиномъ.

Такъ проходили годы, и, въ общемъ, юность Тони была для нея счастливымъ временемъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Около пяти часовъ дня, въ іюнѣ мѣсяцѣ, вся семья сидѣла за кофеемъ въ саду, передъ лѣтнимъ павильономъ; въ самомъ павильонѣ, съ его выштукатуренными стѣнами, было слишкомъ душно, и потому мебель была вынесена на воздухъ.

Консулъ, его жена, Тони, Томъ и Клотильда сидѣли полукругомъ вокругъ круглаго накрытаго стола, на которомъ стояли уже опорожненныя чашки отъ кофе; Христіанъ сидѣлъ нѣсколько поодаль и готовилъ переводъ второй рѣчи Цицерона противъ Катилины; выраженіе лица его было самое несчастное. Клара и Ида Юнгманъ искали фіалокъ на лугу. Тони подперла голову обѣими руками и сидѣла, погруженная въ чтеніе „Serapionsbrüder“ Гофмана. Клотильда, худощавая и старообразная въ своемъ пестромъ ситцевомъ платьѣ, читала разсказъ подъ заглавіемъ: „Глухой, слѣпой и нѣмой, но все-же счастливый человѣкъ“; среди чтенія она сгребала крошки бисквитовъ на скатерти и, ухвативъ собранныя горсточки всѣми пальцами, медленно съѣдала ихъ.

— Знаешь, Томъ,—сказалъ консулъ веселымъ тономъ и вынулъ сигару изо рта:—дѣло о поставкѣ ржи Генкдомомъ и Комп., кажется, состоится.

— Это чудесно!—обрадованно сказалъ Томъ.—Условія ихъ вѣдь отличныя.

Томъ уже хорошо понималъ дѣло и зналъ, что сдѣлка, о которой говорилъ отецъ, дѣйствительно выгодная.

— Тони, ты держишься не comme il faut,—замѣтила консульша, и Тони тотчасъ же, даже не поднимая глазъ съ книги, сняла одинъ локоть со стола.

— Это ничего не значитъ,—сказалъ Томъ.—Какъ бы она ни держалась, все-же она—Тони Будденброкъ.

Тони ничего не отвѣтила на насмѣшливое замѣчаніе Тома, такъ какъ знала, что послѣднее слово всегда будетъ за нимъ. Она только молча пожала плечами. Но когда консульша что-то сказала о предстоящемъ вечерѣ у однихъ знакомыхъ и о томъ, что нужно купить новыя лакированныя туфли, Тони тотчасъ же сняла локти со стола и приняла оживленное участіе въ бесѣдѣ.

— Вотъ вы все разговариваете,—сказалъ жалобнымъ голосомъ Христіанъ,—а я долженъ дѣлать такую трудную работу. Я хотѣлъ бы тоже быть купцомъ!

— Каждый день ты хочешь стать чѣмъ-нибудь другимъ,—сказалъ Томъ.

Въ это время черезъ дворъ прошелъ Антонъ; онъ несъ визитную карточку на подносѣ.

— „Грюнлихъ, торговый агентъ",—прочелъ консулъ поданную ему карточку.—Онъ милый человѣкъ, котораго мнѣ очень рекомендовали. У меня съ нимъ дѣла... Скажи этому господину, Антонъ,—ты не будешь ничего имѣть противъ этого, Бетси?—что его просятъ пожаловать сюда...

Черезъ садъ прошелъ, держа шляпу и палку въ одной рукѣ, маленькими шагами и вытянувъ голову немного впередъ, человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ, средняго роста, въ желтовато-зеленомъ длинномъ сюртукѣ, въ сѣрыхъ нитяныхъ перчаткахъ. У него были свѣтлые волосы, розовое улыбающееся лицо съ очень замѣтной бородавкой у носа; онъ носилъ, по англійской модѣ, бакенбарды, имѣвшія совершенно золотой цвѣтъ. Онъ уже издали почтительно кланялся, размахивая по воздуху своей большой свѣтло-сѣрой шляпой... Подойдя къ столу, за которымъ сидѣла семья, онъ сдѣлалъ еще разъ общій поклонъ.

— Я боюсь, что я помѣшалъ, войдя неожиданно въ семейный кругъ,—сказалъ онъ очень мягко, пріятнымъ сдержаннымъ голосомъ.—Семья сидитъ за хорошими книгами, мирно бесѣдуетъ... простите меня, молю васъ!

— Мы вамъ очень рады, почтеннѣйшій господинъ Грюнлихъ,—сказалъ консулъ, поднявшись, также какъ и его сыновья, и пожимая руку гостю.—Я очень радъ видѣть васъ у себя дома, въ семейномъ кругу. Позволь тебѣ представить, Бетси: господинъ Грюнлихъ... Моя дочь Антонія... моя племянница Клотильда... Тома вы уже знаете... А это мой второй сынъ, Христіанъ,—гимназистъ.

Грюнлихъ снова кланялся при каждомъ называемомъ ему имени.

— Повторяю,—сказалъ онъ,—что я не хочу мѣшать своимъ присутствіемъ... Мнѣ нужно поговорить по дѣлу съ господиномъ консуломъ, и если вы позволите...

Но консульша прервала его, сказавъ:

— Вы оказали бы намъ большую любезность, еслибы послѣ пошли говорить съ моимъ мужемъ о дѣлахъ, а сначала побесѣдовали бы немного съ нами. Присядьте пожалуйста.

— Тысячу разъ благодарю,—растроганно сказалъ Грюнлихъ, присѣлъ на кончикъ стула, принесеннаго Томомъ, положилъ шляпу и палку себѣ на колѣни, и слегка кашлянулъ, какъ будто бы говоря: „все это предисловіе—ну, а теперь что“?

Консульша начала разговоръ.

— Вы всегда живете въ Гамбургѣ?—спросила она.

— Совершенно вѣрно, сударыня,—отвѣтилъ Грюнлихъ, снова поклонившись.—Мѣсто моего постояннаго жительства дѣйствительно Гамбургъ, но я много разъѣзжаю, моя дѣятельность требуетъ этого... а безостановочная усердная работа стала для меня непремѣннымъ условіемъ жизни...—Онъ снова кашлянулъ, замѣтивъ обращенный на него холодный и наблюдательный—и уже слегка презрительный взглядъ Тони.

— У насъ есть родственники въ Гамбургѣ,—сказала Тони, чтобы поддержать разговоръ.

— Дюшаны, — объяснилъ консулъ:—семья моей покойной матери.

— О, я объ этомъ вполнѣ освѣдомленъ,—поспѣшилъ сказать Грюнлихъ.—Я имѣлъ честь быть имъ представленнымъ. Это очень почтенные люди, очень сердечные и разумные... Да, еслибы во всѣхъ семьяхъ царилъ такой духъ, какъ у нихъ, лучше жилось бы на свѣтѣ. Вотъ гдѣ истинное благочестіе, милосердіе,—истинныя христіанскія чувства, которыя составляютъ мой идеалъ. Кромѣ того, ваши родственники соединяютъ христіанскія добродѣтели съ блескомъ и огромнымъ изяществомъ внѣшней жизни,—а я долженъ сознаться, сударыня,—прибавилъ онъ, обращаясь главнымъ образомъ къ консульшѣ,—что это меня истинно восхищаетъ.

„Откуда онъ такъ хорошо знаетъ моихъ родителей?“—подумала Тони. — Онъ говоритъ каждому изъ нихъ то, что имъ должно нравиться“.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Грюнлихъ похвалилъ прекрасное расположеніе дома Будденброковъ, похвалилъ весь городъ вообще,

похвалилъ также сигару консула и старался найти какое-нибудь любезное слово для каждаго изъ членовъ семьи.

— Осмѣлюсь ли я васъ спросить, mademoiselle Антонія, какую вы читаете книгу?

Тони почему-то сурово сдвинула брови и отвѣтила, не глядя на Грюнлиха:

— „Serapionsbrüder“ Гофмана.

— Вотъ какъ! Этотъ писатель написалъ много замѣчательнаго,—сказалъ онъ:—но, простите... я забылъ имя вашего второго сына, сударыня,—прибавилъ онъ, обращаясь къ консульшѣ.

— Христіанъ.

— Какое прекрасное имя! Мнѣ пріятно, я долженъ сознаться—при этихъ словахъ Грюнлихъ обратился къ хозяину дома—произносить имена, которыя уже сами доказываютъ, что носители ихъ—христіане. Въ вашей семьѣ, насколько мнѣ извѣстно, переходитъ по наслѣдству имя Іогана,... какъ при этомъ не думать о любимомъ ученикѣ Спасителя!.. А вы что̀ читаете, молодой человѣкъ? А, Цицерона? Трудное чтеніе, я знаю... „Quousque tandem, Catilina...“ да, да, я еще не совсѣмъ позабылъ свою латынь!..

Наступила маленькая пауза, и Тони подумала:—„теперь, очевидно, моя очередь“.—И дѣйствительно, Грюнлихъ посмотрѣлъ на нее въ эту минуту, привскочилъ вдругъ на мѣстѣ, сдѣлалъ нѣсколько судорожный, но все-же изящный жестъ рукой, и, обращаясь къ консульшѣ, возбужденно прошепталъ:

— Взгляните пожалуйста, какъ свѣтятся волосы вашей дочери на солнцѣ... я никогда не видалъ болѣе прекрасныхъ волосъ!—На лицѣ Грюнлиха отразился почти благоговѣйный восторгъ.

Консульша одобрительно улыбнулась. Консулъ сказалъ:—Не кружите вы ей голову комплиментами!—а Тони опять молча сдвинула брови.

Черезъ нѣсколько минутъ Грюнлихъ поднялся.

— Я не буду васъ больше безпокоить своимъ присутствіемъ... Вѣдь я пріѣхалъ по дѣлу—но я не могъ устоять противъ искушенія... Теперь нужно вернуться къ работѣ! Если вы позволите, господинъ консулъ...

— Я была бы очень рада,—сказала консульша,—еслибы на время вашего пребыванія въ городѣ вы сдѣлали намъ удовольствіе жить у насъ въ домѣ.

Грюнлихъ на минуту онѣмѣлъ отъ благодарности.

— Я признателенъ вамъ отъ всей души,—сказалъ онъ,—

но боюсь злоупотребить вашей любезностью. Я нанялъ двѣ комнаты въ гостинницѣ „Гамбургъ"...

„Двѣ комнаты!"—подумала консульша.

Грюнлихъ именно и разсчитывалъ, что она это подумаетъ.

Онъ поцѣловалъ руку консульшѣ, подождалъ съ минуту, надѣясь, что и Тони дастъ ему поцѣловать свою руку, но когда этого не случилось, сдѣлалъ полуоборотъ, отступилъ на шагъ, еще разъ поклонился и, выпрямившись, надѣлъ свою сѣрую шляпу и вышелъ вмѣстѣ съ консуломъ.

— Какой пріятный, обходительный человѣкъ!—сказалъ консулъ, вернувшись черезъ нѣсколько времени къ своей семьѣ и сѣвъ на прежнее мѣсто.

— По моему, онъ дуракъ!—довольно энергично возразила Тони.

— Тони, какъ ты рѣзко выражаешься!—сказала консульша съ негодованіемъ.—Развѣ можно такъ говорить о столь степенномъ, благочестивомъ молодомъ человѣкѣ.

— Онъ очень знающій и хорошо воспитанный человѣкъ,—сказалъ консулъ въ дополненіе къ словамъ жены.—Ты ничего не понимаешь, Тони!

Христіанъ сморщилъ свой большой носъ и сказалъ:

— Съ какой важностью онъ говоритъ!.. „Я, быть можетъ, мѣшаю—я долженъ просить прощенья!.. Я никогда не видѣлъ болѣе прекрасныхъ волосъ!.. Какой у васъ удивительный садъ!.. Какъ нарядны эти махровыя розы!.."

Христіанъ такъ мастерски изобразилъ Грюнлиха, что даже консулъ расхохотался.

— Да, онъ ужасно важничаетъ,—сказала Тони.—Все время онъ говорилъ о себѣ. *Онъ* очень занятъ дѣлами, *онъ* любитъ природу, *онъ* любитъ то или другое имя... Что̀ намъ за дѣло до этого, хотѣла бы я знать!.. Все это онъ говоритъ, чтобы выдвинуть свои достоинства,—продолжала она почти съ яростью.—Онъ говоритъ тебѣ, мама, и тебѣ, папа, только то, что̀ вамъ пріятно слышать,—онъ нарочно льститъ вамъ!

— Въ этомъ нѣтъ ничего дурного, Тони,—сказалъ консулъ строгимъ голосомъ:—онъ хочетъ показать себя съ лучшей стороны, хочетъ понравиться. Это вѣдь ясно.

— По моему, онъ добрый человѣкъ,—медленно и кротко сказала Клотильда, хотя Грюнлихъ и не обратилъ на нее вниманія.

Томъ воздержался отъ всякаго сужденія.

— Довольно,—сказалъ консулъ.—Онъ очень порядочный,

дѣятельный и образованный молодой человѣкъ, обнаруживающій истинно христіанскія чувства, и тебѣ бы, Тони, слѣдовало сдержать свой язычокъ относительно человѣка, который такъ любезно обошелся съ тобой... Идемъ работать, Томъ.

Тони прошептала про себя: — „бакенбарды золотистаго цвѣта!" — и снова нахмурила брови.

II.

— Я былъ искренно огорченъ тѣмъ, что не засталъ васъ! — сказалъ, нѣсколько дней спустя, Грюнлихъ, встрѣтивъ Тони на улицѣ. — Я позволилъ себѣ зайти засвидѣтельствовать свое почтеніе вашей матушкѣ, и мнѣ было больно, что васъ не было дома... Но какъ я счастливъ, что вижу васъ теперь!

Тони остановилась, когда Грюнлихъ заговорилъ съ ней, но слушала его почтительныя слова съ насмѣшливой, безпощадной улыбкой... Она думала о томъ, какъ бы ей сказать такое слово, которое бы разъ навсегда уничтожило Грюнлиха... Нужно, чтобы это слово было оскорбительно и въ то же время внушительно...

— А я вовсе не рада, что встрѣтила васъ, — сказала она надменнымъ тономъ, и пошла дальше, очень довольная собой. Вернувшись домой, она узнала, что Грюнлихъ дѣйствительно былъ съ визитомъ у консульши, и что его пригласили къ обѣду на воскресенье...

И къ ужасу Тони онъ явился въ воскресенье, одѣтый въ несовсѣмъ новомодный, но изящный черный сюртукъ, придававшій ему очень солидный видъ, съ широкой улыбкой на розовомъ лицѣ, съ тщательно расчесанными бакенбардами. За обѣдомъ онъ хвалилъ каждое блюдо и очень искусно льстилъ хозяйкѣ. Такъ, напримѣръ, держа въ рукѣ дессертную ложку, онъ поднималъ глаза къ потолку и говорилъ какъ бы про себя:

— Да проститъ мнѣ Господь, но я ничего не могу съ собой подѣлать; я съѣлъ порядочный кусокъ, но этотъ пуддингъ слишкомъ ужъ восхитителенъ; я *долженъ* попросить добрую хозяйку дать мнѣ еще кусочекъ.

Сказавъ это, онъ лукаво подмигнулъ консульшѣ. Съ консуломъ онъ говорилъ о дѣлахъ и о политикѣ, обнаруживая очень разумные и трезвые взгляды, съ консульшей бесѣдовалъ о театрѣ и туалетахъ. Для всѣхъ другихъ — для Тома, Христіана, бѣдной Клотильды, даже для Клары и Иды Юнгманъ — у него тоже были въ запасѣ подходящія пріятныя слова... Только Тони

упорно не вступала съ нимъ въ разговоръ, а онъ, съ своей стороны, изрѣдка поглядывалъ на нее грустнымъ и въ то же время ободряющимъ взоромъ.

Послѣ его ухода всѣ сказали въ одинъ голосъ, что онъ очень пріятный и прекрасно воспитанный человѣкъ. Тони молчала и пошла спать нѣсколько разстроенная; она смутно предчувствовала, что не въ послѣдній разъ видитъ этого господина, который такъ быстро завоевалъ симпатіи ея родителей.

Дѣйствительно, вернувшись черезъ нѣсколько дней послѣ того домой отъ одной изъ своихъ подругъ, она застала Грюнлиха, который расположился совсѣмъ по-домашнему въ ландшафтной комнатѣ. Онъ читалъ консульшѣ вслухъ „Waverley" Вальтеръ Скота; у него былъ отличный англійскій выговоръ, и онъ объяснилъ консульшѣ, что часто бывалъ въ Англіи по дѣламъ. Тони сѣла поодаль съ другой книгой, и Грюнлихъ спросилъ ее мягкимъ голосомъ:

— Вамъ, вѣроятно, не особенно нравится то, что̀ я читаю?

На что̀ она капризно отвѣтила: —Да, не особенно...

Грюнлихъ продолжалъ читать консульшѣ, а потомъ, оставивъ книгу, сталъ говорить о своей жизни, о своемъ покойномъ отцѣ, который былъ пасторомъ, и хотя отличался истинно христіанскимъ благочестіемъ, но въ то же время имѣлъ очень широкіе взгляды на жизнь... Черезъ нѣсколько дней Грюнлихъ уѣхалъ въ Гамбургъ.

— Ида!—радостно объявила Тони Идѣ Юнгманъ, которой она повѣряла всѣ свои тайны.—Этотъ противный человѣкъ уѣхалъ. Какое счастье!

Но Ида отвѣтила:

— Увидишь еще, милая, что̀ будетъ!

Черезъ недѣлю разыгралась слѣдующая сцена за утреннимъ кофе: Тони сошла въ столовую въ девять часовъ и была очень удивлена, заставъ тамъ еще отца, который сидѣлъ за столомъ рядомъ съ консульшей. Она его поцѣловала, сѣла на свое мѣсто и стала ѣсть яйцо.

— А я тебя давно поджидаю,—сказалъ консулъ, закуривая сигару.—Какъ ты поздно встаешь! Тильда уже хозяйничаетъ въ кухнѣ, и я бы тоже уже давно сидѣлъ за работой, если бы мнѣ и твоей матери не нужно было поговорить съ тобой о серьезномъ дѣлѣ.

Тони отложила хлѣбъ съ масломъ, который уже было поднесла ко рту, и сказала съ любопытствомъ и нѣкоторымъ испугомъ:

— Скажи скорѣе, въ чемъ дѣло, папа!

— Дорогое дитя мое,—отвѣтилъ консулъ, помолчавъ.—Дѣло, по поводу котораго мы хотимъ поговорить съ тобой, изложено въ этомъ письмѣ.—Онъ слегка ударилъ по столу большимъ голубымъ конвертомъ, который держалъ въ рукѣ.—Короче говоря, Бенедиктъ Грюнлихъ, котораго мы всѣ считаемъ очень порядочнымъ и милымъ человѣкомъ, пишетъ мнѣ, что за время своего пребыванія здѣсь онъ глубоко привязался къ нашей дочери и оффиціально проситъ у насъ ея руки. Что̀ скажетъ на это наша дорогая дѣвочка?

Тони сидѣла, опустивъ голову, и медленно вертѣла правой рукой кольцо отъ салфетки. Потомъ она вдругъ подняла глаза, которые совсѣмъ потемнѣли и были полны слезъ.

— Что̀ этому человѣку нужно отъ меня?—проговорила она сдавленнымъ голосомъ.—Что̀ я ему сдѣлала?..—Больше она ничего не могла сказать и разрыдалась.

Консулъ поглядѣлъ на жену и сталъ, нѣсколько смутившись, разсматривать свою порожнюю чашку.

— Дорогая Тони,—мягко сказала консульша,—напрасно ты такъ горячишься. Ты можешь быть увѣрена, что твои родители заботятся только о твоемъ благѣ... Я предполагаю, что у тебя нѣтъ опредѣленныхъ чувствъ къ Грюнлиху... въ твои годы дѣвушки вообще не знаютъ, чего хотятъ... и должны слѣдовать совѣтамъ опытныхъ людей.

— Я вѣдь ничего о немъ не знаю,—сказала Тони съ трогательнымъ отчаяніемъ въ голосѣ:—я знаю только, что у него золотистаго цвѣта бакенбарды и дѣло, требующее частыхъ разъѣздовъ...

Консулъ пододвинулся, въ приливѣ внезапно охватившей его нѣжности, къ дочери и съ улыбкой погладилъ ее по головѣ.

— Дорогая моя дѣвочка, ты и не можешь знать о немъ ничего,—даже если бы онъ пробылъ здѣсь много мѣсяцевъ; ты еще не въ состояніи понимать людей... положись поэтому на насъ... Впрочемъ, все это можно еще спокойно обсудить... Я пока отвѣчу ему уклончиво. Нужно еще многое взвѣсить... Ну, а пока до свиданія, мнѣ пора въ контору. Прощай, Бетси...

— До свиданія, милый Жанъ.

— Выпей кофе и съѣшь что-нибудь, — сказала консульша, оставшись наединѣ съ дочкой.—Прежде всего нужно хорошо питаться,—это самое важное.

Тони уже больше не плакала. Голова у нея шла кругомъ отъ множества мыслей... Боже! какія серьезныя вещи проис-

ходятъ теперь въ ея жизни! Она вѣдь знала, что когда-нибудь выйдетъ замужъ за купца, сдѣлаетъ хорошую и выгодную партію, какъ этого требуетъ честь фирмы... Но вдругъ все это приняло осязательную форму: явился человѣкъ, который дѣйствительно хочетъ жениться на ней! Какъ слѣдуетъ вести себя въ подобномъ случаѣ? Всѣ тѣ важныя, знаменательныя слова, о которыхъ Тони только читала въ книгахъ до сихъ поръ: „отвѣтить согласіемъ", „просить руки", „на всю жизнь"...—все это вошло вдругъ въ ея собственную жизнь. Боже, до чего это ново... и интересно!

— А ты, мама, совѣтуешь мнѣ... отвѣтить согласіемъ?— Тони произнесла это слово уже съ достоинствомъ. Бракъ съ Грюнлихомъ казался ей столь же немыслимымъ, какъ и за десять минутъ до того, но ей было пріятно положеніе, въ которомъ она теперь очутилась.

— Я тебѣ вовсе этого не совѣтую, я только не хочу отсовѣтовать, — также какъ и твой отецъ. Партія эта очень хорошая... ты бы жила въ Гамбургѣ очень хорошо, вела бы большой домъ. .

Тони сидѣла, не двигаясь. Въ ея воображеніи мелькало нѣчто въ родѣ шолковыхъ портьеръ, такихъ, какъ у стариковъ Крёгеровъ... А будетъ ли она въ качествѣ madame Грюнлихъ пить по утрамъ шоколадъ? Спросить объ этомъ было неловко.

— Ты вѣдь еще можешь подумать, прежде чѣмъ рѣшаться,— сказала консульша.—Но, конечно, имѣй въ виду, что не каждый день представляются такія партіи, какъ эта, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ твоимъ обязанностямъ. Вѣдь ты знаешь, что у тебя есть обязанности въ жизни...

— Да,—отвѣтила Тони задумчиво.—Я это знаю. Она дѣйствительно помнила о своемъ долгѣ передъ своей семьей и передъ фирмой Будденброкъ, и очень гордилась сознаніемъ этого долга. Она знала, что должна поддержать блескъ своей семьи выходомъ замужъ за богатаго и виднаго человѣка... но почему такимъ человѣкомъ долженъ былъ оказаться именно Грюнлихъ... она вспомнила его золотистыя бакенбарды, розовое улыбающееся лицо съ бородавкой у правой ноздри,—ей даже показалось, что она слышитъ его вкрадчивый голосъ.

— Я знала,—сказала консульша, — что ты умѣешь здраво разсуждать... Можетъ быть, ты уже даже рѣшила...

— Боже сохрани!—съ негодованіемъ воскликнула Тони.— Что за безуміе было бы выйти замужъ за Грюнлиха! Я постоянно

надъ нимъ смѣялась, говорила ему колкости... Неужели въ немъ нѣтъ никакой гордости?..

Она презрительно пожала плечами и продолжала свой завтракъ.

III.

Въ этомъ году Будденброки не предприняли лѣтняго путешествія даже во время каникулъ Христіана и Клары. Консулъ былъ слишкомъ занятъ дѣлами, и кромѣ того все еще нерѣшенный вопросъ относительно Антоніи тоже удерживалъ семью на Mengstrasse. Грюнлиху отправлено было весьма дипломатичное письмо, но дальнѣйшее теченіе дѣла тормазилось изъ-за упрямства Тони, проявлявшагося въ совершенно дѣтскихъ протестахъ. —Нѣтъ, мама, я его терпѣть не могу,—говорила она, дѣлая сильное удареніе на словѣ „терпѣть". Или же она заявляла весьма торжественнымъ тономъ:—Отецъ (обыкновенно она говорила не „отецъ", а „папа"), я ему никогда не дамъ согласія.

Дѣло бы, вѣроятно, еще долго оставалось въ томъ же положеніи, если бы, дней десять послѣ утренняго разговора Тони съ родителями, не произошла, въ прекрасный іюльскій день, слѣдующая сцена:..

Консульши не было дома, и Тони сидѣла одна въ ландшафтной комнатѣ у окна, читая романъ, когда Антонъ подалъ ей визитную карточку. Прежде чѣмъ она успѣла прочесть имя, стоявшее на карточкѣ, въ комнату вошелъ Грюнлихъ, лицо котораго имѣло нѣжное и умоляющее выраженіе. Онъ быстрыми шагами подошелъ къ Тони, протянулъ къ ней руки, склонивъ голову нѣсколько на бокъ, съ покорнымъ, какъ бы готовымъ все снести видомъ, и воскликнулъ:

— Какое счастье! Я вижу васъ, Антонія!—Онъ позволилъ себѣ сказать: „Антонія".

Тони, вскочившая отъ ужаса съ мѣста, стояла, держа книгу въ правой рукѣ, и, взбѣшенная, проговорила, подчеркивая каждое слово презрительнымъ движеніемъ головы снизу вверхъ:

— Какъ—вы—смѣете!..—Слезы подступили ей къ горлу.

Грюнлихъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы обратить вниманіе на ея протестъ.

— Развѣ я могъ дольше ждать?—продолжалъ онъ.—Развѣ я могъ не вернуться? Я получилъ, недѣлю тому назадъ, письмо вашего дорогого отца, и оно преисполнило меня надеждой. Я не могъ выдержать этого выжидательнаго состоянія... я поспѣ-

шилъ взять коляску и пріѣхалъ... я нанялъ двѣ комнаты въ гостинницѣ „Гамбургъ“... и явился теперь къ вамъ, Антонія, чтобы услышать изъ вашихъ устъ послѣднее рѣшительное слово, которое сдѣлаетъ меня счастливѣе, чѣмъ я могу вамъ выразить.

Тони была совершенно ошеломлена. Такъ вотъ какое впечатлѣніе произвело письмо отца, который имѣлъ въ виду оттянуть рѣшеніе на неопредѣленное время.

Она пробормотала нѣсколько разъ:

— Вы ошибаетесь. Вы ошибаетесь.

Грюнлихъ пододвинулъ кресло къ ея стулу у окна, сѣлъ самъ и заставилъ ее тоже снова сѣсть, взялъ ея безпомощно опущенную руку въ свою и продолжалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Съ первой минуты, когда я васъ увидѣлъ, mademoiselle Антонія... помните вы этотъ день?.. въ кругу вашей семьи... имя ваше навсегда утвердилось...—Онъ поправилъ себя и сказалъ:—запечатлѣлось—въ моемъ сердцѣ. Съ этого дня я сталъ мечтать только о томъ, чтобы вы отдали мнѣ на всю жизнь вашу прекрасную руку. Письмо вашего дорогого отца дало мнѣ надежду, которую вы, надѣюсь, превратите въ счастливую увѣренность... Вѣдь я могу разсчитывать... быть увѣреннымъ въ взаимности вашихъ чувствъ?—Онъ завладѣлъ при этихъ словахъ ея второй рукой и заглянулъ глубоко въ ея широко раскрытые глаза. Онъ былъ въ этотъ день безъ перчатокъ. Руки у него были длинныя, бѣлыя, съ сильно выступавшими голубыми жилами.

Тони съ ужасомъ глядѣла на его розовое лицо, на бородавку у носа и на его глаза, синіе какъ у гуся.

— Нѣтъ, нѣтъ!—быстро и испуганно воскликнула она:—я не даю вамъ согласія.—Она старалась говорить твердымъ голосомъ, но уже не могла удержать слезъ.

— Чѣмъ я заслужилъ ваши сомнѣнія и колебанія? — проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ, въ которомъ слышалъ упрекъ.— Вы окружены заботами вашихъ родныхъ и избалованы ихъ любовью... но клянусь вамъ, какъ честный человѣкъ, что я буду васъ носить на рукахъ, что, ставъ моей женой, вы ни въ чемъ не будете нуждаться, что вы будете вести въ Гамбургѣ достойную васъ жизнь...

Тони вскочила, высвободила руку, и въ полномъ отчаяніи крикнула вся въ слезахъ:

— Нѣтъ... нѣтъ! Я сказала: нѣтъ! Я вамъ отказываю, поймите же вы это, Господи Боже мой!

Тогда Грюнлихъ тоже поднялся. Онъ отступилъ на шагъ, протянулъ руки ладонями впередъ и сказалъ рѣшительно и гордо:

— Знаете ли вы, mademoiselle Будденброкъ, что я не могу допустить подобнаго оскорбленія?

— Да вѣдь я не оскорбляю васъ, господинъ Грюнлихъ!— сказала Тони, уже раскаяваясь въ своей рѣзкости. Боже мой, почему все это должно было случиться именно съ ней! Она вѣдь совсѣмъ иначе представляла себѣ объясненіе въ любви. Она думала, что стоитъ сказать: „ваше предложеніе для меня очень лестно, но я не могу его принять", чтобы положить всему конецъ.

— Ваше предложеніе для меня очень лестно,—сказала она такъ спокойно, какъ только могла,—но я не могу его принять... Вотъ мой отвѣтъ; а теперь я должна... васъ оставить; простите, мнѣ очень некогда.

Но Грюнлихъ загородилъ ей дорогу.

— Вы мнѣ отказываете?—беззвучно спросилъ онъ.

— Да,—сказала Тони, и изъ осторожности прибавила:—къ сожалѣнію...

Грюнлихъ тяжело вздохнулъ, отступилъ на нѣсколько шаговъ и произнесъ трагическимъ и повелительнымъ голосомъ:

— Антонія!

Такъ они стояли нѣсколько секундъ, онъ—въ искренно разгнѣванной и повелительной позѣ, она—плача и вся дрожа. Наконецъ онъ отвернулся отъ нея, прошелся два раза по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и, остановившись у окна, сталъ глядѣть черезъ стекла въ темнѣющую даль.

Тони медленно и осторожно направилась къ стеклянной двери; но она не успѣла еще дойти до средины комнаты, какъ Грюнлихъ снова очутился подлѣ нея.

— Тони!—произнесъ онъ едва слышно, схватилъ ее умоляющимъ жестомъ за руку и медленно опустился передъ нею на колѣни. Его золотистыя бакенбарды покоились на ея рукѣ.— Тони!..—повторилъ онъ:—взгляните, вотъ до чего вы меня довели! Неужели у васъ нѣтъ сердца?.. Передъ вами человѣкъ, который погибнетъ... да, который умретъ отъ горя, если вы отвергнете его любовь! Я стою на колѣняхъ передъ вами... неужели у васъ хватитъ жестокости сказать мнѣ: я васъ ненавижу?

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула вдругъ Тони, утѣшая его. Она была тронута и почувствовала глубокую жалость къ Грюнлиху. Боже, до чего онъ долженъ былъ любить ее, чтобы такъ настаивать! До сихъ поръ она читала только въ романахъ опи-

санія подобныхъ сценъ—и вдругъ она видитъ въ дѣйствительной жизни человѣка, который, стоя на колѣняхъ передъ нею, молитъ ее!.. Ей казалось безуміемъ выйти замужъ за Грюнлиха, потому что она считала его смѣшнымъ и глупымъ человѣкомъ. Но въ эту минуту онъ вовсе не казался смѣшнымъ! Въ его голосѣ звучала такая искренняя мольба, на лицѣ отражалось такое неподдѣльное отчаяніе...

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторила она, растроганно наклонившись къ нему:—я вовсе не ненавижу васъ; какъ вы это могли подумать?.. Но встаньте, ради Бога... прошу васъ...

— Вы не хотите уничтожить... убить меня?—снова спросилъ онъ, и она отвѣтила успокоивающимъ, почти материнскимъ тономъ:

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Благодарю васъ за это слово!—воскликнулъ Грюнлихъ и быстро вскочилъ на ноги. Но, увидя испуганное движеніе Тони, онъ снова опустился на колѣни и сказалъ умиротворяющимъ тономъ:—Хорошо, хорошо... не говорите теперь больше ничего, Антонія! На этотъ разъ довольно... Мы еще въ другой разъ поговоримъ... Теперь я уйду. До свиданія!.. Я вернусь... До свиданія!

Онъ быстро поднялся, взялъ со стола свою большую сѣрую шляпу, поцѣловалъ руку Тони и быстро ушелъ черезъ стеклянную дверь.

Тони видѣла, какъ онъ быстро схватилъ свою палку и исчезъ въ корридорѣ. Она стояла, растерянная и обезсиленная, среди комнаты, сжимая въ рукѣ мокрый отъ слезъ платокъ.

IV.

Консулъ Будденброкъ сказалъ своей женѣ:

— Еслибы я могъ подумать, что у Тони есть какая-нибудь причина оттягивать согласіе на этотъ бракъ, что ея сердце несвободно! Но вѣдь она просто ребенокъ, Бетси. Она любитъ веселиться, танцовать на балахъ; ей нравится, что за ней ухаживаютъ; никто еще не возбудилъ въ ней серьезнаго чувства. Если она согласится выйти замужъ за Грюнлиха, она остепенится, и навѣрное черезъ нѣсколько дней начнетъ любить его. Грюнлиха, конечно, нельзя назвать красавцемъ, но онъ—вполнѣ приличная партія. Если она думаетъ ждать, пока явится красавецъ, который будетъ въ то же время и подходящимъ для нея

мужемъ вò всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то, конечно, я не могу имѣть ничего противъ этого. Недостатка въ женихахъ у Тони Будденброкъ не будетъ! Но, съ другой стороны, это все-таки рискъ, и, какъ говорятъ на нашемъ торговомъ языкѣ, каждый день бросаютъ сѣти, но не каждый день попадается крупная рыба! Я вчера серьезно бесѣдовалъ съ Грюнлихомъ; онъ показалъ мнѣ свои книги. Онъ ведетъ ихъ съ поразительной аккуратностью... Дѣло его хотя и недавно заведенное, но оно уже отлично поставлено. Капитала у него теперь около ста-двадцати тысячъ талеровъ, и дѣло будетъ рости съ каждымъ годомъ. Я навелъ также о немъ справки у Дюшановъ; они говорятъ, что обстоятельствъ его они не знаютъ, но что онъ живетъ очень gentleman-like и бываетъ въ лучшемъ обществѣ. Свѣдѣнія, которыя я получилъ отъ другихъ гамбургскихъ людей, какъ, напр., отъ банкира Кессельмайера, тоже меня удовлетворили. Словомъ, партія эта хорошая, и хотя я не хочу принуждать Тони дать свое согласіе, но все-же я не могу рѣшиться отказать Грюнлиху... Я вѣдь уже говорилъ тебѣ, Бетси, и долженъ это теперь повторить еще разъ: наши дѣла не слишкомъ блестящи. Мнѣ приходится быть страшно осторожнымъ и не предпринимать очень крупныхъ дѣлъ; поэтому и прибыли у насъ скромныя. Теперь плохія времена для торговыхъ людей... словомъ, все это мало утѣшительно. Такъ что если нашей дочери представляется такая выгодная и хорошая партія, то нужно, чтобы она на нее согласилась. Я ее сегодня убѣждалъ, какъ только могъ. Поговори и ты съ нею.

Тони очутилась дѣйствительно въ очень затруднительномъ положеніи. Она уже не говорила „нѣтъ“, но никакъ не могла рѣшиться сказать: „да“. Она, въ сущности, сама не понимала, почему ей было такъ тяжело дать согласіе.

Вся семья убѣждала ее дать, наконецъ, рѣшительный отвѣтъ. То отецъ, то мать уединялись съ нею и доказывали ей выгодность представлявшейся ей партіи... Дядю Готгольда и его семью не посвятили въ это дѣло, потому что они вообще относились нѣсколько насмѣшливо ко всему, чтò происходило въ семьѣ консула. Но даже Зееми Вейхбродтъ узнала о предложеніи Грюнлиха и совѣтовала Тони не отказываться отъ своего счастья. Ида Юнгманъ тоже говорила ей: „Тони, дитя мое, не безпокойся, ты будешь жить по прежнему въ лучшихъ кругахъ общества“. Даже пасторъ Келлингъ въ своей воскресной проповѣди очень краснорѣчиво комментировалъ слова Писанія о томъ, что жена должна оставить отца и мать, и слѣдовать за мужемъ, и

какъ-то особенно поглядывалъ на Тони, доказывая, что молодыя дѣвушки должны руководствоваться волей родителей въ выборѣ мужа; онъ, очевидно, былъ въ соглашеніи съ родителями Тони. Она была страшно смущена проповѣдью пастора и сидѣла на своей скамьѣ съ раскраснѣвшимся отъ стыда лицомъ. Ей казалось, что взоры всѣхъ присутствующихъ обращены на нее. На слѣдующее воскресенье она отказалась пойти въ церковь.

Тони сдѣлалась грустной, потеряла аппетитъ, ходила молчаливая и блѣдная, и только тяжело вздыхала по временамъ, такъ что на нее было жалко глядѣть. Консулъ все это замѣчалъ и сказалъ наконецъ женѣ:

— Такъ оно не можетъ продолжаться, Бетси,—нельзя изводить дѣвочку. Пусть она куда-нибудь уѣдетъ отдохнуть и одуматься на свободѣ. Я теперь не могу оставить дѣлъ, да и лѣтнія вакикулы уже близятся къ концу, но мы можемъ отлично всѣ остаться дома. Я вчера встрѣтилъ старика Шварцкопфа изъ Травемюнде, лоцмана Дидриха Шварцкопфа. Онъ, при первыхъ моихъ словахъ, съ радостью согласился взять Тони къ себѣ. Я ему предложилъ за это небольшое вознагражденіе. Въ семьѣ лоцмана ей будетъ очень хорошо; она подышетъ свѣжимъ воздухомъ и соберется съ мыслями. Томъ ее отвезетъ туда. Они могутъ поѣхать хоть завтра.

Тони съ радостью согласилась уѣхать. Въ городѣ она хотя и не видалась съ Грюнлихомъ, но знала, что онъ ведетъ переговоры съ ея родителями и ждетъ... и онъ каждый день могъ явиться къ ней и снова молить! Въ Травемюнде, въ чужомъ домѣ, она, по крайней мѣрѣ, въ безопасности отъ его посѣщеній. Она быстро уложила вещи, и въ самомъ концѣ іюля сѣла вмѣстѣ съ Томомъ, сопровождавшимъ ее, въ величественный экипажъ Крёгеровъ и выѣхала, облегченно вздохнувъ, изъ городскихъ воротъ.

З. В.

ИЗЪ ФРАНСУА КОППЕ

I.

ПОСТРИЖЕНІЕ.

(„Prise de voile".)

Въ безлюдной улицѣ, своею тишиною
Извѣстной мнѣ уже не мало лѣтъ,
Передъ монашеской обителью, зимою,
Однажды я засталъ парадный съѣздъ каретъ.
Розетки въ упряжи; галунныя ливреи
У рослыхъ гайдуковъ, напудренныхъ, въ чулкахъ
И башмакахъ; блестящіе лакеи
Высаживали дамъ; у нихъ былъ ледъ въ очахъ
И горностай по бархату въ нарядѣ.
Тутъ были старики сановные въ парадѣ;
Имъ звѣзды и кресты мѣхъ шубъ ихъ прикрывалъ;
Два фіолетовыхъ пріѣхали прелата,
За ними слѣдомъ—римскій кардиналъ.
Во храмъ монастыря входя, аристократы—
Весь этотъ высшій свѣтъ надменный и сухой—
Поклонами мѣнялись межъ собой,
Другъ другу мѣсто чинно уступали
И шляпы набожно съ головъ своихъ снимали.
Когда собравшаяся чопорная знать
Вся скрылася за монастырскими дверями
И экипажи лишь съ фамильными гербами
Остались у воротъ, мнѣ удалось узнать,
Что надъ послушницей свершалось постриженье.

И такъ, твои лучи, о, свѣтлая звѣзда,
Твой ароматъ, цвѣтокъ,—виной соединенья
Въ стѣнахъ монастыря пріѣхавшихъ сюда!
Что встрѣтишь въ нихъ къ себѣ? Наружное участье.
  Когда, вручая въ трепетѣ Христу
Души дѣвической святую чистоту,
Отвергнувъ навсегда дары земного счастья,
Войдешь ты, блѣдная, дрожа, дыша едва,
Какъ подъ вѣнецъ вся въ бѣлое одѣта,
И монастырскаго тяжелаго обѣта
  Произнесешь тяжелыя слова—
До гроба бѣдной быть, послушной, дѣвой чистой,
Когда косы твоей волнистой и душистой
  Коснется грубо острыхъ ножницъ сталь
И содрогнешься ты отъ ихъ прикосновенья,
Кичливыхъ гордецовъ сердца поймутъ едва-ль
Имъ недоступное души твоей смиренье.
Достигнешь ли чего ты подвигомъ своимъ?
Отсюда, гдѣ сама простилась ты съ земнымъ,
Они вернутся вновь къ страстямъ или порокамъ
И на закатѣ дня, когда, испивъ до дна
Всю чашу, ты безъ силъ, въ конецъ истомлена
Тяжелымъ искусомъ, въ страданіи жестокомъ
Отъ власяныхъ одеждъ, съ колѣнями въ крови,
  Опустишь книзу сложенныя руки
И ужаснешься вдругъ, предвидя бремя муки
  На подвигѣ смиренья и любви,—
Всѣ тѣ, что твой обрядъ присутствіемъ почтили,
Вновь погруженные въ интриги и развратъ,
О подвигѣ твоемъ въ бесѣдахъ замолчатъ,
Въ монастырѣ тебя забудутъ, какъ въ могилѣ.

Но нѣтъ! Моя душа, въ сомнѣньяхъ, высоты
    Твоей души, сестра, достичь не можетъ!
И такъ какъ судъ Небесъ немногихъ здѣсь тревожитъ,
Поблекнутъ за другихъ весны твоей цвѣты.
За все людское зло ты жертвой добровольной
Приносишь на алтарь цвѣтущіе года
И вѣришь—на вѣсы въ день страшнаго суда
Упавшихъ съ четками волосъ твоихъ довольно,
Чтобъ чашу приподнять съ грѣхами у вѣсовъ.
Ты въ пищѣ, въ снѣ себѣ готовишь воздержанье,—

Во всей же строгости исполни обѣщанье:
У міра цѣлаго—обиліе грѣховъ.
Будь, бѣдная сестра, за деспотовъ рабою,
Будь за развратниковъ чиста святой душою,
За злыхъ добра, за наглецовъ скромна,
За всѣхъ кичащихся богатствомъ будь бѣдна;
Страдай—среди людей счастливыхъ очень много;
Молись за тѣхъ, кто отвергаетъ Бога!
Какъ Дѣвѣ изрекли Архангела уста—
„Благословенна будь“! И еслибъ Небесами,
Къ которымъ ты, сестра, съ простертыми руками,
Взываешь жадно такъ,—была лишь пустота;
Когда бъ ты, за чужія преступленья,
Красивою, богатой, знатной, въ двадцать лѣтъ,
Напрасно приняла страданія обѣтъ,—
Благословенна будь въ величьи заблужденья!

II.

ПОКИНУТАЯ КОМНАТА.

(„La chambre abandonnée“.)

Пустая комната покинута давно,
Обои выцвѣли, гардины полиняли.
Когда жильцы поспѣшно выѣзжали,
Забыли ставнемъ защитить окно;
И солнце зимними и лѣтними часами
Глядѣло чрезъ него привѣтливо съ утра
Въ пріютъ унынія сегодня, какъ вчера,
Своими знойными, лучистыми очами.

Пустая комната покинута давно.
Вотъ въ бантахъ пенюаръ изъ легкой, нѣжной ткани;
Раскинувъ рукава лежитъ онъ на диванѣ,
Какъ въ горѣ человѣкъ; вотъ свѣтлое сукно
Двухъ крошекъ-туфелекъ, оставленныхъ на мѣхѣ
Медвѣжьяго ковра у ножки нарѣзной
Кровати, брошенной неубранною въ спѣхѣ.
Въ шкатулкѣ для браслетовъ съ кольцами пустой,
На томикѣ стиховъ, раскрытомъ посрединѣ,

И на поверхности шлифованной зеркалъ,
Когда-то вторившихъ улыбкамъ, слой лежалъ
Нестертой пыли, будто сѣрый иней.
Пустая комната покинута давно.
Вотъ кресло парное придвинуто къ камину.
Какіе образы и прошлаго картины
Съ потухшимъ очагомъ таитъ теперь оно?
Молчанье строгое! Безмолвіе печали!
Вотъ роза на столѣ въ стаканѣ умерла;
Какъ бремя тяжкое, всѣ лепестки опали;
Могильнымъ холмикомъ на мраморномъ столѣ
Лежатъ теперь они—воспоминанье розы—
И стебелекъ ея, надъ нимъ склоняясь, слезы
Какъ будто льетъ надъ прахомъ дорогимъ.
И тѣ, что̀, двигаясь, хранили связь съ живымъ,
Еще свободные отъ сна нѣмой печати,
Саксонскіе часы съ вѣнкомъ на циферблатѣ
Остановилися, замолкли и они...
Пустыннѣй комнаты, покинутой въ забвеньи,
Ты, ненавистное мнѣ сердце, близки дни—
Прервешь и ты свое упорное біенье!

Н. Б. Хвостовъ.

РЕЛИГІОЗНО-ПСИХИЧЕСКІЯ ЭПИДЕМІИ

Изъ психіатрической экспертизы.

I.

Лѣтъ пять тому назадъ, въ супоневской волости, брянскаго уѣзда, орловской губерніи, началось какое-то религіозное движеніе, довольно неопредѣленнаго характера. Нѣкоторое количество крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, стали собираться вокругъ одного изъ мѣстныхъ жителей, Василія Д., уже и прежде извѣстнаго по своей набожности и чистой жизни. Онъ читалъ имъ Евангеліе и толковалъ его, научая ихъ при этомъ не пить водки, не курить табаку, „не ругаться дурными словами, не безобразничать на улицѣ по праздникамъ“,—а село Супонево до того времени было въ этомъ отношеніи особенно мало воздержанно,—„не предаваться блуду и жить честно мужу съ женой и женѣ съ мужемъ, ходить по воскресеньямъ въ мѣстную церковь къ обѣднѣ“, а не въ сосѣдній городъ на базаръ, откуда возвращаются обыкновенно пьяными, и т. д. Какое-то движеніе въ этомъ селѣ возбудило вниманіе администраціи и спеціально станового пристава [1]), но

[1]) Инниціатива полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія отступленій отъ православія есть явленіе очень частое въ исторіи русскихъ сектъ и особенно хлыстовства. Еще въ 1732 г. „надъ хлыстовщиной въ Москвѣ въ первый разъ разразилась страшная гроза, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ казнь однихъ хлыстовъ и ссылку другихъ. Виновникомъ этой грозы былъ Семенъ Карауловъ, промышлявшій въ Москвѣ разбоемъ и имѣвшій съ шайкой своей пребываніе подъ каменнымъ мостомъ черезъ Москву-

мѣстный священникъ далъ отзывъ, что онъ ничего предосудительнаго и несогласнаго съ православіемъ не видитъ. Мы не будемъ излагать исторіи всего этого движенія, но скажемъ только, что вслѣдствіе крайне неудачнаго, до послѣдней степени нецѣлесообразнаго вмѣшательства низшей администраціи и другихъ властей, въ Супоневѣ вызвалось сильнѣйшее возбужденіе. Отъ посѣтителей дома Василья Д. было приказано отобрать подписку, что они отъ ученія Василія отказываются и посѣщать его не будутъ. Дать эту подписку они отказались, говоря, что „ничему худому Василій Д. ихъ не учитъ". Ихъ три раза призывали оффиціально къ священнику на „увѣщеваніе", но, какъ выше сказано, и самъ священникъ „ничего предосудительнаго" въ словахъ Василія не видѣлъ, и дѣлалъ увѣщанія по приказанію свыше. Въ виду упорства „сектантовъ" (ихъ уже такъ и называли) отказаться отъ ученія Василія Д., „сектантамъ" было публично, coram populo, отказано въ причастіи, что произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе, обострило до послѣдней степени положеніе, вызвавъ сильнѣйшее возбужденіе въ „сектантахъ" и не менѣе сильное озлобленіе „православныхъ" противъ этихъ уже объявленныхъ оффиціально „сектантовъ". Возбужденіе, общее всему селу, разразилось тѣмъ, что „православные" нѣсколько разъ громили дома „сектантовъ", выбивали окна, разносили мебель, посуду, крыльцо и т. д., а однажды схватили жену главнаго „сектанта" и рѣшили—сначала—ее зарѣзать, затѣмъ—сбросить съ крутого обрыва въ рѣку, и въ концѣ концовъ избили ее до болѣзни. „Православныхъ" судили, но, по особой юрисдикціи, *волостнымъ судомъ*, который всѣхъ оправдалъ.

рѣку. Явившись къ графу Салтыкову, повинившись передъ нимъ въ производимыхъ имъ съ товарищами разбояхъ (и поступивъ въ сыщики), Карауловъ сказалъ, что въ Москвѣ имѣются четыре дома, въ которыхъ-де чинятся непотребности..." (*Кутеповъ*. „Секты хлыстовъ и скопцовъ". Казань 1882, стр. 63). „Съ 1745 г. надъ хлыстами разразилась новая буря. Виновникомъ послѣдней въ этотъ разъ былъ извѣстный сыщикъ и разбойникъ XVIII столѣтія Ванька Каинъ или Иванъ Осиповъ Каинъ..." (*ibid.*, 79; тоже проф. *Добротворскій*. „Люди Божіи, русская секта такъ-называемыхъ духовныхъ христіанъ". Казань 1869, стр. 21). Такъ же было въ Мокшанскѣ, въ Саратовѣ, во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ Екатеринославлѣ „дѣло начато по иниціативѣ полиціи" („*Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости*" 1902 г., № 32, 11 нояб., стр. 803). Василій Д., повидимому читалъ кое-что изъ тайныхъ сектантскихъ листковъ, которые раздаются на югѣ рабочимъ въ отхожихъ промыслахъ, или слышалъ проповѣди, которыми *начинаютъ* привлеченіе неофитовъ. „Развѣ міръ пьянствомъ стоитъ? Развѣ похабными словами держится? Развѣ за игры да гулянья Богомъ хранится?.. Міръ стоитъ воздержаніемъ, трудомъ, терпѣніемъ, молитвою" (Рѣчь хлыстовки на судѣ въ г. Мамадышахъ, казанской губ.). *Проф. Ивановскій*. „Секта хлыстовъ въ ея исторіи и современномъ состояніи". Кіевъ 1898, стр. 33.

Между тѣмъ слѣдствіе шло своимъ чередомъ и, къ сожалѣнію, вышло на совершенно ложную дорогу. Единственный человѣкъ, который сдерживалъ движеніе, бывшее вначалѣ только піэтистическимъ, но быстро пошедшее къ хлыстовству, былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ въ одиночномъ заключеніи провелъ слишкомъ два года. Сначала, съ его отъѣздомъ, а потомъ арестомъ его, нѣкоему Осипу Потапкину, крестьянину Супонева, открылась полная свобода дѣйствія, и въ Супоневѣ стала слагаться уже опредѣленная секта. Къ сожалѣнію, слѣдствіе не сдѣлало никакого различія между существенно различными, между тѣмъ, стадіями дѣла, и приняло, какъ достовѣрныя показанія, между прочимъ, свидѣтелей, несомнѣнно или впавшихъ въ слабоуміе, вслѣдствіе старости (Маѳа Голубкова), или вслѣдствіе предшествовавшей тяжелой психической болѣзни (Матрена Морозова), или слабоумныхъ отъ рожденія (Т. Б.); затѣмъ оно приняло за „совращенную" главную „совратительницу", о которой будетъ рѣчь ниже. Съ своей стороны, и духовное вѣдомство не знало дѣла; сначала все движеніе было названо молоканскимъ; сложившаяся уже секта была признана экспертомъ, профессоромъ харьковскаго университета Буткевичемъ, за штунду, и только мѣстный экспертъ, миссіонеръ г. Георгіевскій, сразу призналъ секту хлыстовскою, хотя слѣдствіе не открыло еще тогда всѣхъ характерныхъ признаковъ хлыстовства. Дальнѣйшее изслѣдованіе безусловно подтвердило мнѣніе г. Георгіевскаго, которое сначала оспаривалось. Слѣдствіе, въ суммѣ длившееся около четырехъ лѣтъ, было закончено. Здѣсь это дѣло, благодаря, съ одной стороны, канцелярской тайнѣ, съ другой—полному равнодушію общества къ общественнымъ вопросамъ, прошло совершенно незамѣченнымъ. Обвинительный актъ былъ составленъ, и палата утвердила его. Обвиняемые не хотѣли защитниковъ, говоря, что Богъ явится самъ защищать ихъ на судѣ. Все, казалось, слагалось къ ихъ осужденію, но вотъ возникло подозрѣніе, что главный обвиняемый, Осипъ Потапкинъ—душевно-больной; онъ былъ помѣщенъ ко мнѣ въ орловскую психіатрическую больницу, на испытаніе, и дѣло его выдѣлено; дѣло же остальныхъ шло своимъ порядкомъ. Я представилъ о Потапкинѣ свое заключеніе: это несомнѣнно душевно-больной, страдающій параноіей уже въ стадіи перехода въ слабоуміе. Но, ставя этотъ діагнозъ, я замѣтилъ, что мнѣ необходимо видѣть и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, чтобы, съ помощью данныхъ относительно ихъ, выдѣлить роль психической болѣзни и возможнаго въ данномъ случаѣ религіознаго фанатизма. Потапкина въ больницѣ часто по-

сѣщала его жена, которую я имѣлъ, такимъ образомъ, случай наблюдать. Это—больная психически женщина, и именно въ формѣ индуцированнаго помѣшательства (помѣшательства вслѣдствіе зараженія) на почвѣ умственной несостоятельности (debilitas mentis). Затѣмъ, изучая фактическую сторону слѣдственнаго дѣла и сближая данныя ея съ психическимъ разстройствомъ главнаго совратителя и его жены, я пришелъ къ весьма серьезному и обоснованному предположенію, что мы имѣемъ въ Супоневѣ дѣло съ психической эпидеміей, и счелъ своею обязанностью обратить на это вниманіе суда, при чемъ указывалъ и на лицъ, психическое состояніе которыхъ кажется мнѣ особенно подозрительнымъ. Приведенные мною факты и соображенія показались и прокурору суда, и прокурору палаты, настолько заслуживающими вниманія, что хотя обвинительный актъ и былъ уже утвержденъ—рѣшено было сдѣлать дополнительное дознаніе, которое и было поручено товарищу прокурора, г. Ковалеву, при моемъ участіи. Наши отчеты, его—юридическій и мой—психіатрическій, вполнѣ согласовались. Привожу здѣсь мой въ сокращеніи.

...Отчетъ мой я представляю какъ предварительное сообщеніе, такъ какъ такое обширное и важное дѣло, съ десятками лицъ, о которыхъ приходится дать психіатрическое заключеніе, съ общимъ изложеніемъ положенія, не можетъ быть сконцентрировано въ нѣсколько страницъ, и для своей обработки требуетъ значительнаго времени и труда... По счастью, мое медицинское изслѣдованіе (сдѣланное въ присутствіи товарища прокурора) личности и подсудимыхъ, и свидѣтелей, не встрѣтило никакого возраженія со стороны послѣднихъ; свидѣтели, понявъ мою задачу, добровольно и очень охотно подверглись невропатологическому и антропологическому изслѣдованію... Два случая индуцированнаго бреда (психическаго зараженія) притомъ у лицъ, группировавшихся вокругъ несомнѣннаго параноика, и присутствіе психопатическаго элемента въ семьѣ Потапкиныхъ, заставили меня обратить вниманіе на возможность и другихъ психіатрическихъ заболѣваній въ обширномъ супоневскомъ дѣлѣ, охватывающемъ такое большое число лицъ. Къ сожалѣнію, пріемъ изложенія показаній, принятый магистратурой, совершенно обезличивающій эти показанія, лишающій ихъ всякаго психологическаго характера, и замѣняющій характерную рѣчь свидѣтеля или обвиняемаго корректною и литературною рѣчью судебнаго слѣдователя, дѣлаетъ акты предварительнаго слѣдствія совершенно

безплодными для психіатрическаго анализа. Мнѣ приходилось отгадывать психологію взаимныхъ отношеній и воздѣйствій многочисленныхъ лицъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей, и этотъ анализъ ощупью привелъ меня къ предположенію, что главнымъ очагомъ психіатрическаго сектантства (помимо Осипа Потапкина)—домъ семьи Г.; что въ семьѣ Д. одинъ, а можетъ быть и два брата представляютъ психическую ненормальность; что многіе изъ участниковъ религіознаго движенія въ Супоневѣ были заражены индуцированною формою психическаго разстройства,—однимъ словомъ, что Супонево представляло въ 1899 году психіатрическую эпидемію, патологическій характеръ которой прошелъ незамѣченнымъ... Но, помимо этихъ индивидуальныхъ фактовъ, у меня были и другія данныя, приводившія меня къ предположенію возможности и вѣроятности психической эпидеміи въ Супоневѣ. Данныя эти я укажу здѣсь вкратцѣ, не имѣя возможности дать имъ должнаго развитія.

Изслѣдуя въ 1893 году орловскую губернію въ психіатрическомъ отношеніи, я началъ съ зарегистрированія существующихъ въ губерніи душевно-больныхъ. Откидывая цифры городовъ, какъ ненужныя и вообще менѣе вѣрныя, и изслѣдуя только данныя для волостей, мы имѣемъ для сельскаго населенія губерніи умалишенныхъ *всѣхъ формъ*:

На тысячу жителей сельскаго населенія приходится психиковъ:

Въ уѣздахъ:		Въ уѣздахъ:	
сѣвскомъ	1,41	малоархангельскомъ	1,53
трубчевскомъ	1,59	ливенскомъ	1,98
брянскомъ	1,68	елецкомъ	1,71
карачевскомъ	2,88	кромскомъ	2,26
орловскомъ	4,38	болховскомъ	3,88
мценскомъ	3,28	дмитровскомъ	3,96

Уже съ перваго взгляда видно, что шесть центральныхъ уѣздовъ рѣзко отличаются отъ трехъ западныхъ и трехъ восточныхъ—значительно бо́льшимъ числомъ умалишенныхъ. Дѣйствительно, вычисляя число психиковъ на тысячу жителей въ уѣздахъ, взятыхъ по группамъ, для каждой группы въ цѣломъ мы получимъ:

	Число умалиш. на 1000 жит.
I группа, западная: (брянскій, трубческій, сѣвскій уѣзды)	1,62
II группа, восточная: (малоархангельскій, ливенскій, елецкій уѣзды)	1,78
III группа, центральная: (орловскій, мценскій, карачевскій, болховской, кромскій, дмитровскій уѣзды)	3,04

Психіатрическая разница между центральными уѣздами, съ одной стороны, и западными и восточными, съ другой,—огромная... Мы знаемъ, что главный факторъ, опредѣляющій относительное число душевно-больныхъ, есть раса населенія, а различіе расы сказывается, между прочимъ, въ ростѣ. Принимая критеріемъ средній ростъ рекрутовъ (1874—1883) изъ уѣздовъ, составляющихъ орловскую губернію [1]), мы видимъ, что они распадаются на четыре группы [2]), по три уѣзда въ каждой, причемъ дѣленіе это совпадаетъ съ дѣленіемъ на психіатрическія группы.

Можно было бы привести еще нѣсколько другихъ данныхъ въ подтвержденіе, но едва ли это нужно, такъ какъ значеніе расы въ вопросѣ умопомѣшательства не подлежитъ сомнѣнію [3]). Исторія точно также подтверждаетъ этническую индивидуальность центральной группы, составляющей, вмѣстѣ съ прилегающими уѣздами калужской и тульской губерній, страну вятичей. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что центръ возникновенія и главнаго развитія и распространенія мистическихъ сектъ хлыстовъ и скопцовъ, генетически и психологически составляющихъ одно цѣлое, есть именно вятичскій край орловской, калужской и тульской губерній.

Но не оба пола и не всѣ формы психическаго заболѣванія имѣютъ для насъ существенное значеніе, и въ этомъ отношеніи должно выдѣлить *кликушъ*, религіозно-психіатрическій характеръ которыхъ всѣмъ извѣстенъ, и вообще женщинъ. На сто умалишенныхъ мужчинъ приходится умалишенныхъ женщинъ въ деревенскомъ населеніи:

Въ уѣздахъ:		Въ уѣздахъ:	
сѣвскомъ	78,64%	кромскомъ	185,64%
трубчевскомъ	75,00 „	мценскомъ	107,32 „
брянскомъ	85,35 „	орловскомъ	104,71 „
елецкомъ	65,93 „	болховскомъ	166,00 „
ливенскомъ	90,80 „	карачевскомъ	187,50 „
малоархангельскомъ	100,71 „	дмитровскомъ	300,00 „

Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи центральные уѣзды

1) *Анучинъ*. „О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи“, 1889, стр. 177—178.

2) III-я, центральная, разбивается на двѣ, по три уѣзда въ каждой: 1) болховской, карачевскій, дмитровскій; 2) мценскій, орловскій, кромскій.

3) См. *P. Jacoby*. Etudes sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme. Paris 1881. 2-me partie. Le Talent.—*Tarde*. „Revue Philosoph.“ Oct. 1890.—*Fouillée*. „R. des Deux Mondes“ 15 mars 1895.—*Laponge*. Sélections sociales. 1896.

рѣзко выдѣляются изъ остальной губерніи (малоархангельскій уѣздъ составляетъ какъ бы переходъ), и неменѣе рѣзко разлагаются на тѣ же двѣ группы: 1) кромскій, мценскій и орловскій; 2) болховской, карачевскій и дмитровскій.

Цифра кликушъ въ орловской губерніи по истинѣ ужасающая, хотя, страннымъ образомъ, это въ высшей степени важное явленіе до сего времени не было никѣмъ отмѣчено, и только въ кромскомъ уѣздѣ—сравнительно еще менѣе пораженномъ—въ самомъ началѣ земства было обращено вниманіе на кликушъ [1]). По регистраціи 1893 г., я имѣю поименный списокъ *болѣе тысячи* кликушъ. Кликуши распредѣляются въ губерніи очень неравномѣрно. Въ уѣздахъ приходится кликушъ на десять тысячъ жителей:

	Число кликушъ на 10.000 жит.		Число кликушъ на 10.000 жит.
I—сѣвскій	1,30	III—кромскій	6,35
трубчевскій	2,44	орловскій	5,30
брянскій	1,64	мценскій	6,69
II—малоархангельскій	3,27	IV—карачевскій	10,32
ливенскій	2,08	болховской	16,00
елецкій	2,17	дмитровскій	21,21

Такимъ образомъ, мы находимъ и здѣсь, и притомъ въ очень рѣзкой формѣ, дѣленіе губерніи на четыре этнографическо-психіатрическія группы, по три уѣзда въ каждой. I-я группа, почти не имѣющая кликушъ, рѣзко отличается отъ смежной, IV-ой, имѣющей громадное, ужасающее число кликушъ; слѣдующія группы имѣютъ уже гораздо меньшее количество ихъ, и это количество падаетъ быстро съ удаленіемъ отъ группы IV. Вычисляя среднее число кликушъ (на 10.000 жит.) для каждой изъ этихъ группъ, мы получаемъ слѣдующія цифры:

I—сѣвскій, трубчевскій, брянскій	1,79
IV—карачевскій, болховской, дмитровскій	15,84
III—мценскій, кромскій, орловскій	6,11
II—малоархангельскій, ливенскій, елецкій	2,51

Но если относительное число душевно-больныхъ зависитъ отъ расы,—и это, какъ уже видно изъ вышеприведенныхъ сопоставленій, должно еще въ болѣе высокой степени сказать о кликушахъ,—то исторія, тѣсно связанная съ кликушествомъ, и само

[1]) Очень интересное изслѣдованіе небольшой эпидеміи кликушества и хорошій общій обзоръ вопроса читатель найдетъ въ работѣ д-ра *Краинскаго*: „Порча, кликуши и бѣсноватые". 1900.

кликушество имѣютъ и другую патогенію. Карты [1]) представляютъ распредѣленіе кликушъ въ абсолютныхъ числахъ по волостямъ... Кликушество держится въ мѣстностяхъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большихъ путей сообщенія и вдали отъ городскихъ центровъ; одна супоневская волость, составляющая рѣзко обособленную вятичскую колонію среди радимичскаго населенія, хотя она и пересѣкается двумя желѣзнодорожными линіями и лежитъ вокругъ города Брянска, весьма большого промышленнаго центра,—сохраняетъ, однако, большое количество кликушъ, что̀ указываетъ на сильное развитіе въ ней психопатическаго элемента.

Ближайшее знакомство съ супоневской волостью разъясняетъ эту кажущуюся аномалію. Село Супонево, лежащее всего въ 5—7 верстахъ отъ Брянска, *не имѣетъ кликушъ*, которыя распредѣляются между другими селеніями волости. Но если психіатрическая *форма* (кликушество) отсутствуетъ вслѣдствіе близости къ городу,—психологическая и психіатрическая *почва*, психологія населенія, дающая кликушество въ условіяхъ удаленія отъ центровъ, существуетъ и сказывается въ чрезвычайно сильной степени въ Супоневѣ. Но и вообще супоневская волость, несмотря на свою близость къ Брянску, находится въ очень печальныхъ условіяхъ, въ высшей степени способствующихъ къ массовому появленію дегенеративной истеріи и другихъ, преимущественно дегенеративныхъ формъ психическаго разстройства. Дикая, запущенная, безъ дороги (дорога изъ Супонева въ Брянскъ, „большакъ", есть что-то совершенно невообразимое), безъ народнаго образованія, безъ индустріи мѣстнаго характера, только съ двумя монастырями, объектами паломничества,—она представляетъ превосходную почву для той страшной по ея психическому значенію болѣзни, которую французская школа Шарко и его учениковъ называетъ болѣзнью психическою по преимуществу, и которой въ нѣмецкой психіатріи дали опредѣленіе —Vorstellungskrankheit.

Въ Супоневѣ огромное, подавляющее большинство жителей безграмотны, и—что̀ очень характерно—теперь *женщины*, матери семействъ, стали обучаться грамотѣ подъ вліяніемъ религіозно-интеллектуальнаго движенія... Крестьяне Супонева имѣютъ ничтожный надѣлъ совершенно негодной земли [2]), такъ что село

[1]) Къ полному отчету приложенъ рядъ картограммъ.

[2]) Вотъ выписка изъ пообщинныхъ бланокъ земскаго статистическаго отдѣла относительно села Супонева: *Почва*—суглинокъ на 1—2 четверти. *Подпочва*—глина желтая. *Удобреніе*: На поля навозъ почти не вывозятъ; изъ 477 домохозяевъ (въ 1895 г.) удобряютъ расп. землю человѣкъ 20. *Земледѣльческія орудія*: соха,

не можетъ заниматься земледѣліемъ. Никакого опредѣленнаго промысла не создалось. Прежнее хожденіе съ барками и „берлинами“ прекратилось съ усиленіемъ пароходства, и мужчины, если они не уходятъ на заводы, промышляютъ разными фантастическими и случайными заработками, оставляя женъ вести хозяйство; большинство женщинъ обработываютъ огороды и продаютъ овощи въ городѣ. Такимъ образомъ установилось извращеніе естественныхъ отношеній женщины и мужчины: фактически главой семьи, надежнымъ „добытчикомъ“, является женщина, что̀ создаетъ какъ бы нѣкоторую гинекократію [1]), имѣющую часто разрушающее вліяніе на психику и нравственность населенія; я не могу останавливаться на этомъ, въ высшей степени важномъ, но слишкомъ обширномъ психическомъ факторѣ. Прибавимъ къ этому еще и половое значеніе продолжительнаго отсутствія мужей.

Со времени „великихъ реформъ“ Александра II соціальныя условія жизни русской деревни совершенно измѣнились, и въ народѣ явилось неясное въ формѣ и задачахъ, но очень сильно сознаваемое и чувствуемое стремленіе къ другимъ, болѣе богатымъ и разнообразнымъ психологическимъ условіямъ жизни. Женщина русскаго Сѣвера и Востока уже давно страдаетъ отъ неудовлетворенности нравственной, отъ бѣдности идей, и этотъ „голодъ на впечатлѣнія“, а съ другой стороны слишкомъ ранняя половая жизнь или попытки къ ней создали страшное распространеніе истеріи и кликушества между крестьянками нашихъ сѣверныхъ и восточныхъ провинцій,—фактъ, въ которомъ сказывается раса прежде всего, и затѣмъ условія исторической и соціальной жизни. Мы объ этомъ будемъ говорить ниже.

Супоневская волость есть волость чисто финская, и притомъ восточно-финская; ея рѣки Болва и Велія носятъ специфически финское имя, ея населеніе антропологически чисто финское [2]). Не говоря о томъ, что оно представляетъ финскій index cephalicus (онъ недостаточно специфиченъ, чтобы быть сильнымъ аргу-

---

борона деревянная. *Улучшенныя орудія*—нѣтъ. *Овесъ*—не сѣютъ. *Гречиха*: родится самъ-3. Бываютъ захваты вслѣдствіе тумановъ. *Собрано съ надѣльной земли (со всего надѣла)*: 6, 8 копенъ; умолотъ 2, 2½ мѣры. *Льноводство*: нѣтъ. *Коноплянники*: Конопли сѣютъ очень мало.—*Подесятинная краткосрочная аренда. Озимаго*: Городская земля, въ передачѣ г. брянскаго гор. головы—10 р. У крестьянъ своей общины—1 р. 50 к. *Яроваго*: у городск. головы—5 р. У крестьянъ св. общины—25—30 коп. Цѣлый душевой надѣлъ сдается за однѣ подати и т. д.

[1]) См. *Bachofen*, „Mutterrecht“, и его же „Sage von Tanaquil“.

[2]) Историко-антропологическое изслѣдованіе ставитъ внѣ сомнѣнія финскую расу вятичей.

ментомъ), всѣ видѣнныя нами и изслѣдованныя мною лица, прикосновенныя къ дѣлу, представляютъ на рѣдкость характерныя финскія черты, имѣютъ рѣзко финскій обликъ. Замѣчательно, что многія изъ нихъ, и особенно женщины, носительницы этническаго типа, смягчаютъ твердое *л*—въ мягкое; вводятъ гласную или опускаютъ первую согласную въ словахъ, начинающихся двумя согласными, замѣняютъ даже букву *в* буквою *м*, и т. д. Вся волость (и спеціально село Супонево, бывшее крѣпостное свѣнскаго монастыря, находящееся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ бродячимъ населеніемъ этого монастыря [1]), что не представляетъ благопріятнаго психологическаго и психіатрическаго условія), находящаяся въ указанныхъ выше экономическихъ и психологическихъ условіяхъ, тяжело пораженная уже издавна кликушествомъ, представляла изъ себя складъ горючаго матеріала, почву для всевозможныхъ revivals, для всякихъ мистическихъ сектъ. Прибавимъ, что все населеніе представляетъ малокровіе, истощеніе [2]) и эндемическій зобъ.

Какъ мы уже сказали, дѣло началось съ чтенія св. Писанія, къ чему присоединилось вскорѣ его толкованіе,—это и дало поводъ говорить о штундѣ. Василій Д., иниціаторъ религіозно-этическаго возбужденія, истерикъ съ параноическою окраскою, проповѣдовалъ съ страстностью, сильно дѣйствовавшею на слушателей. Свидѣтели, вызываемые въ обвинительномъ актѣ, на дослѣдованіи показывали, что *они не могли, не имѣли силы*, не смѣли противиться властному и страстному слову Василья Д., *должны были* принимать его толкованія, *должны были* приходить на собранія. Ихъ воля была аннулирована и совершенно подчинена слову учителя. Въ сущности это былъ до сего времени довольно обычный истерическій порывъ нравственно-религіозной экзальтаціи, подъ вліяніемъ страстной проповѣди истерика—можетъ быть слегка параноика (мы его видѣли слишкомъ мало, чтобы высказаться опредѣленнѣе)—среди дегенеративно-истеричнаго населенія. Супонево представляло „воспламененный (inflamed) округъ, пожалуй revival, но въ направленіи исключительно этическаго личнаго исправленія, и притомъ исправленія отрицательнаго,—воздержанія отъ алкоголя, отъ табаку, отъ разгула, отъ ссоръ, вражды и т. д. Конечно, въ такихъ случаяхъ можно всегда опасаться, что экзальтація на этомъ не остано-

[1]) Сообщеніе мѣстныхъ властей.

[2]) Это же было отмѣчено какъ предрасполагающій моментъ въ психической эпидеміи 1892 г. въ кіевской губерніи (малёванщина) проф. Сикорскимъ. („Психопат. эпидемія 1892 г.“, Кіевъ 1893, стр. 16).

вится; но если ее нельзя прекратить, то можно, по крайней мѣрѣ, дать ей русло, канализировать, замкнуть въ берега. Будь это, напримѣръ, во Франціи, гдѣ уже выработались извѣстные пріемы, мѣстный священникъ основалъ бы нѣсколько религіозныхъ обществъ и кружковъ, непремѣнно отдѣльныхъ для мужчинъ и женщинъ; устроилъ бы какую-нибудь „adoration du coeur de Jésus", организовалъ бы собранія съ хоровымъ пѣніемъ молитвъ, съ зажженными свѣчами; назначилъ бы „mois de Marie", крестный ходъ съ „reposoir"'ами, балдахинами, большими свѣчами (cierges), гирляндами живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ, фольговыми вѣнцами, со всѣмъ тѣмъ католическимъ „clinquant", который такъ увлекаетъ и удовлетворяетъ истерическую набожность. Во всѣхъ этихъ устройствахъ населеніе приняло бы живѣйшее и дѣятельнѣйшее участіе; украшало бы reposoir'ы, вязало бы гирлянды; кружокъ женщинъ засѣлъ бы за вышивку хоругви, покрывала на престолъ и т. д.,—однимъ словомъ, экзальтированное настроеніе минуты было бы регулировано, и постепенно населеніе вошло бы въ норму. Но такихъ руководителей не встрѣчаютъ русскіе revival'и [1]), а являются руководителями Потапкины въ Супоневѣ, Ковалевы въ Тираспольѣ, Моисеи Тодосенко въ Павловкахъ, Малёванный въ Кіевѣ, умалишенные истерики, параноики и т. п.

Первоначальное, чисто этическое, духовное движеніе, какъ мы видѣли, не встрѣтило со стороны мѣстнаго духовенства никакого порицанія; но не такъ отнеслись къ нему мѣстныя административныя власти, а также нѣкоторыя изъ лицъ, доходамъ которыхъ грозила проповѣдь воздержанія отъ алкоголя,—тогда еще въ орловской губерніи не была введена винная монополія. Начались мелкія преслѣдованія, науськиванія остального, точно также крайне нервнаго, неустойчиваго, дегенеративнаго населенія. Василій Д. ходилъ съ барками на югъ, и предпочелъ перезимовать на югѣ; Осипъ Потапкинъ съ женой поѣхали искать себѣ земли на Кавказѣ, и встрѣтились тамъ съ сосланными хлыстами. У обоихъ, мужа и жены—по ихъ разсказу, въ сущности только у мужа, какъ кажется,—было видѣніе символическаго характера, за которымъ послѣдовали пророческіе сны, и Потапкинъ узналъ, что

[1]) „О. предсѣдатель (3-ьяго всероссійскаго миссіон. съѣзда) прибавилъ съ своей стороны, что внѣшніе признаки хлыстовщины весьма различны, но общее у нихъ—психическая сторона: неудовлетворенность современною церковною жизнью, которая не имѣетъ восторженныхъ выраженій религіознаго чувства. Отсюда для обличенія хлыстовъ необходимо, чтобы пастыри церкви совершали священнослуженіе съ *воодушевленіемъ*"... (Дѣянія 3-го всеросс. мисс. съѣзда. Изданіе второе, стр. 214).

ему данъ даръ пониманія св. Писанія. Не устроившись на Кавказѣ, да и неспособный, вслѣдствіе своего психическаго заболѣванія [1]), онъ вернулся въ Супонево, но уже получивъ наставленія чисто хлыстовскаго характера. Прежде онъ совершенно принималъ ученіе Василія Д. и подчинялся безпрекословно его проповѣди. Теперь онъ порвалъ съ нимъ, сталъ самъ читать и толковать другимъ св. Писаніе (онъ полуграмотный), но—читать нѣчто такое, чего въ св. Писаніи нѣтъ; онъ сталъ проповѣдовать призваніе св. Духа и заманчивую, подкупающую доктрину автоматизма: человѣкъ можетъ призвать въ себя св. Духъ, который входитъ въ него и управляетъ имъ какъ машиною, уничтожая всякую волю; вслѣдствіе этого человѣкъ перестаетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки, да и поступки его, даже самые постыдные или порочные, съ точки зрѣнія мірской нравственности,—святы и безпорочны, какъ совершаемые св. Духомъ. Затѣмъ идетъ обычная проповѣдь чистоты и непорочности, вслѣдствіе которой супружескія отношенія являются „мерзостью“ и „блудомъ“; но люди, познавшіе высшую истину, связываются новыми, духовными узами братства, *любви*, и *любовь* связываетъ братьевъ и сестеръ, которые въ силу этой любви уже могутъ—и должны—совершать половой актъ. Этотъ актъ полового *общенія* („Христова любовь“) *пріобщаетъ* членовъ къ новой истинѣ, и потому онъ есть символическій обрядъ, обязательный... Однимъ словомъ, рядомъ символическихъ звеньевъ цѣпь приводитъ къ безпорядочнымъ и безразборнымъ половымъ актамъ, къ „свальному грѣху“.

Не должно, однако, думать, чтобы у Потапкина эта доктрина сложилась въ стройное цѣлое, въ систему. У него она излагается въ нелѣпыхъ утвержденіяхъ параноика, уже перешедшаго въ слабоуміе; это—безсвязный параноическій бредъ, пересыпанный религіозными текстами и мистическими формулами. Но и этой, совершенно безумной, патологической проповѣди было достаточно, чтобы сильно подѣйствовать на патологически пораженное уже населеніе, жаждущее чего-то духовнаго и совершенно лишенное его, дико невѣжественное и психически крайне неустойчивое. Потапкинъ обратилъ въ хлыстовство свою жену Пелагею, слабоумную съ индуцированнымъ параноическимъ бредомъ, свою сестру Евдокію Г., живущую съ нимъ на одномъ дворѣ, и Матрену Морозову. Эти три женщины имѣютъ важное

[1]) Объ его тяжелой наслѣдственности будетъ рѣчь по поводу его сестры.

значеніе въ діагнозѣ патологическаго характера всего супоневскаго движенія.

Евдокія Г. [1]), урожденная Потапкина, происходитъ изъ тяжело пораженной семьи: сестра ея умалишенная, братъ—тоже; дѣдъ ея по отцу былъ параличный; бабка, его жена, была „*испорчена*“, „*больна умомъ*“, и родила въ этомъ состояніи всѣхъ дѣтей; отецъ ея „сильно пилъ и въ хмелю былъ страшенъ, себя не помнилъ, страдалъ головными болями; мать—истеричка, крайне набожная. Евдокія уже въ дѣтствѣ была очень религіозна; въ періодъ половой зрѣлости она стала имѣть видѣнія, сначала только религіозныя, послѣ религіозно-эротическія. Однажды, когда она молилась въ церкви монастыря, передъ ней разверзлись небеса, она увидѣла небесный свѣтъ и услышала голосъ Богоматери. Христосъ являлся ей во снѣ и жаловался, что его распинаютъ грѣшники и маловѣрующіе; сверхъ того, она имѣла и пророческіе сны. Но затѣмъ къ ней явился архангелъ Гавріилъ въ военной одеждѣ („вотъ какъ офицеръ“), раздѣлся до нага и сталъ ее искушать; другой разъ такъ же поступили семь красивыхъ монаховъ [2]). Въ дѣвушкахъ она была очень красива, но избѣгала молодежи и проводила дни въ молитвѣ въ монастырской церкви; она прекратила это послѣ покушенія на нее въ монастырѣ. Проповѣдь Василія Д. очень увлекла ее, и она стала ревностной, страстной приверженницей доктрины нравственнаго улучшенія. Василій Д. очень уважалъ ее за ея видѣнія, за пророческіе сны, „которые тоже были видѣнія, только она этого не знаетъ“, и вообще за ея духовность. Послѣ его отъѣзда она уже не могла жить безъ проповѣди, безъ религіозной экзальтаціи, безъ духовныхъ бесѣдъ. Тутъ она сблизилась со своимъ братомъ Осипомъ Потапкинымъ, стала посѣщать его бесѣды, приняла хлыстовское ученіе и увлекла мужа. Одухотворенная, извѣстная своими видѣніями, очень красивая, Евдокія Г. была драгоцѣннымъ членомъ секты, имѣла огромное вліяніе. Въ одномъ случаѣ она, совершенно безстрастная, не остановилась ни передъ чѣмъ, чтобы привлечь въ хлыстовство одного молодого парня, и мужъ за загородкой присутствовалъ при этомъ „совращеніи“, которое оказалось, однако, безрезультатнымъ.

---

[1]) Спеціальный психіатрическій, невропатологическій и антропологическій анализъ Евдокіи Г. помѣщенъ, вмѣстѣ съ такимъ же анализомъ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу, въ особомъ приложеніи къ полному отчету. Приложеніе это здѣсь не приводится, какъ слишкомъ техническое и не предназначенное для публики.

[2]) Поразительна параллель съ видѣніями сначала Іоанны д'Аркъ, послѣ—Цециліи, Екатерины Сіенской и др.

Очень характерно разсказываетъ о проповѣди въ домѣ Г-хъ Егоръ Павловъ, и его простодушный разсказъ даетъ намъ точно картину изъ сеанса брэдизма: „Евдокія Г. была главная, она и вела все дѣло секты въ ихъ домѣ. Тамъ говорили противъ православія, противъ постовъ, указывали на развратную жизнь духовныхъ лицъ. Надо сказать, что когда къ нимъ попадешь, они голову свертятъ; всѣ говорятъ, толкуютъ все такъ, что не сообразишь. У нихъ въ это время всегда темно, маленькая дѣтская лампочка въ пятнадцать копѣекъ горѣла; темно, они обступятъ, начнутъ говорить; Тимоѳей Г. читаетъ, а она, какъ точно не то толкуетъ, какъ-то переворачиваетъ слова, что выходитъ по ихнему".

Тимоѳей Г., мужъ Евдокіи, представляетъ финскій типъ въ самомъ полномъ его выраженіи. Это дегенератъ съ анатомическими стигматами вырожденія и съ физіологическими явленіями страданія нервной системы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ имѣлъ поврежденіе спинного хребта. Въ дѣтствѣ, его дяди, пьяницы, поили его до пьяна водкой. Жена нѣсколько разъ совращала его въ различныхъ направленіяхъ; онъ ругалъ, билъ ее, и все-же слѣдовалъ за нею. Теперь ему тяжело и стыдно вспоминать о періодѣ „угара".

Дочь ихъ, трехъ лѣтъ, имѣетъ рѣзкіе анатомическіе стигматы тяжелой формы дегенераціи.

Матрена Морозова—чистѣйшая финка по чертамъ и краскамъ. Она вдова-солдатка, но жила всегда очень скромно, такъ что имѣла въ деревнѣ репутацію очень скромной и честной женщины, и всѣ были крайне удивлены, узнавъ, что она забеременѣла, хотя уже одно то обстоятельство, что она ходила на чтенія Осипа Потапкина, заставляло ожидать для нея всего худшаго. Она всегда была слаба умомъ (debilitas mentis), а что она истеричная дегенератка—это доказывается рядомъ физическихъ признаковъ и анатомическихъ стигматовъ. Въ настоящее время она представляетъ глубокое слабоуміе послѣ тяжелой психической болѣзни, на почвѣ дегенераціи и умственной недостаточности. У нея лицо слабоумной, безъ мимики, рѣчь безсвязная, но еще вдохновенная, и это дѣлаетъ несчастную больную еще болѣе жалкою. Она не можетъ уже разсказать простѣйшаго событія, не можетъ, послѣ очень кратковременнаго разговора, отвѣчать на простѣйшіе вопросы,—до того ея интеллектъ быстро истощается. Рѣчь ея представляетъ полную спутанность, и состоитъ изъ набора обрывковъ церковныхъ формулъ. Она не могла сказать, какъ зовутъ по отчеству ея отца, не могла перечислить

ближайшихъ родственниковъ. Но она могла разсказать — безъ всякаго стѣсненія, какъ слабоумная — о своихъ сношеніяхъ съ Осипомъ, въ присутствіи его жены, и какъ онѣ лежали съ нимъ, обѣ раздѣтыя, на постели... Мы попросили ее спѣть гимнъ, и она съ готовностью, призвавъ громкимъ шопотомъ благословеніе божіе, запѣла съ вдохновеннымъ видомъ гимнъ на плясовой мотивъ, при чемъ слезы умиленія бѣжали у нея изъ глазъ. „Когда что божественное, всѣ жилы радуются, и ноги сами притоптываютъ", — говоритъ она. Теперь она поднялась въ духовной іерархіи, и хотя въ „мірѣ" продолжаетъ быть Матреной Морозовой, но „ее произвели въ Іоанна Крестителя и обратили въ мужчину".

Повидимому, довольно большое число женщинъ *„приняли плоть и кровь"* отъ Осипа Потапкина, т.-е. имѣли съ нимъ сношеніе, какъ религіозный актъ.

Аксинья С., свидѣтельница по дѣлу, какъ совращенная и сестра двухъ обвиняемыхъ, Андрея и Кузьмы, не отрицаетъ принятія „плоти и крови" отъ Потапкина въ присутствіи жены его, которая очень свободно разсказываетъ объ этомъ; но Аксиньѣ непріятно и тяжело возвращаться мыслью къ этому факту. Она разсказываетъ, что „тоже вставала на радѣніяхъ и говорила слова изъ Евангелія". И она, и оба ея брата, представляютъ типъ тяжелаго вырожденія, физическаго и психическаго, съ несомнѣнными анатомическими и физіологическими стигматами. Ихъ отецъ „долгое время ходилъ старостой, очень сильно пилъ, пьетъ и теперь, когда выдастся случай, и не пьетъ только тогда, когда не на что̀. Когда онъ былъ старостой и ѣздилъ съ полицейскими чинами, то пилъ безъ просыпа". Сколько у него было дѣтей, онъ съ точностью вспомнить не можетъ.

Катерина Д. тоже была подъ вліяніемъ Осипа Потапкина, и „приняла отъ него плоть и кровь"; она участвовала въ радѣніяхъ, но отошла отъ этой секты подъ нравственнымъ давленіемъ Василія Д. Она сначала ходила къ Василію Д. и слушала его проповѣдь, а когда онъ былъ въ отсутствіи (уѣхалъ и потомъ былъ взятъ въ тюрьму), Осипъ Потапкинъ, не встрѣчая сопротивленія и препятствія, увлекъ многихъ въ хлыстовщину, и въ томъ числѣ и Катерину. „Мы радовались, что у насъ пророчества, что Духъ Святой находитъ на насъ... Мы вѣрили, что это Св. Духъ [1]). Цѣлованіе было общее, но я плоти не хотѣла пріобщаться... цѣлованіе было съ Осипомъ, въ особен-

[1]) „А когда Василій пріѣхалъ, онъ ужаснулся, сталъ говорить, что это мерзость".

ности когда стоятъ въ кругу; цѣлуетъ пророчествующій,—Осипъ и пророчествовалъ [1])... Осипъ говорилъ, что надо бросить мірского мужа, не жить съ нимъ, и жить съ духовнымъ мужемъ. *Мы исполняли всѣ его требованія, боялись прогнѣвать его. Это продолжалось четыре недѣли, и кончилось, когда вернулся Василій. Еслибы онъ не вернулся, у насъ всѣхъ дошло бы до блуда. У Осипа была такая сила, что всѣ его слушались, а когда пришелъ другой сильнѣе, то вся его сила пропала*... У Осипа Потапкина домъ разбили за то, что онъ бабъ собираетъ, мужики сердятся... *Всѣ четыре недѣли, что мы были подъ силой Осипа, мы плакали отъ радости*... Когда Василія не было, *у меня четыре недѣли были пророчества, духъ находился*, а какъ Василій вернулся, *мы узнали, что это не духъ, и у меня пророчество пропало. А то, при Осипѣ, станешь ходить, пѣть, тутъ пророчество найдешь, все это отъ Осипа было. Цѣлованіе пойдетъ, духъ сойдетъ, станешь отъ радости плакать. На мужчинъ это не находило*"...

Катерина Д. представляетъ этическій финскій типъ, хотя и смягченный благообразностью, казалось бы, но только въ общемъ впечатлѣніи, черты же лица, краски, выговоръ, строеніе головы, все это—специфически-финское. Въ антропологическомъ и психіатрическомъ отношеніи это истеричка съ тяжелыми анатомическими и функціональными стигматами, какъ истеріи, такъ и дегенераціи; сестра ея, Ольга Ш.—кликуша. Теперь индуцированная форма психическаго страданія, которымъ она была заражена въ домѣ Осипа Потапкина, уже миновала; она была спасена отъ дальнѣйшаго бреда и выздоровѣла, но нѣтъ сомнѣнія, что психическая болѣзнь ея была очень интенсивна, хотя и кратковременна...

Существенную роль если не въ дѣйствительности, то въ предварительномъ слѣдствіи играетъ семья С., при которой двое являются въ качествѣ обвиняемыхъ, а четверо въ качествѣ свидѣтелей.

Матвѣй С., отецъ, старикъ за 70 лѣтъ—рѣзко еврейскаго типа, но съ финскими безцвѣтными „свинцовыми" глазами. Онъ долгое время „ходилъ старостой", „очень сильно пилъ, пьетъ и теперь, когда выдается случай, и не пьетъ только тогда, когда не на что". Когда былъ старостой и „ѣздилъ съ полицейскими чинами, то пилъ безъ просыпа". Отъ перваго брака у него было восемь или девять человѣкъ дѣтей (онъ съ точностью не

[1]) Василій не хотѣлъ цѣлованій,—запретилъ ихъ.

помнитъ), изъ которыхъ осталось въ живыхъ только трое, остальныя умерли въ дѣтствѣ. Отъ второй жены, Пелагеи, онъ имѣлъ четырехъ дѣтей, изъ которыхъ двое—обвиняемые. Пелагея тайно отъ мужа „бѣгала" на собранія къ Осипу Потапкину, и „сманила туда и дочь Аксинью; обѣ, мать и дочь, вечеромъ укладывались спать, и потомъ, когда старикъ заснетъ, убѣгали и возвращались на утрѣ. Онъ ихъ ругалъ, билъ, надъ ними смѣялись, но ничто не помогало,—*„ихъ тянуло"*, и *„онѣ тосковали, если нельзя было уходить"*. Она же зазвала къ Осипу и своихъ сыновей, Андрея и Кузьму, но ходила она только съ Аксиньей, и обѣимъ было *„тошно дома"* (записано буквально со словъ Матвѣя). Разсказываютъ, что на радѣніяхъ требовали, чтобы Пелагея надѣвала лапти (въ Супоневѣ лаптей не носятъ), чтобы въ темнотѣ отличать старуху (ей было около пятидесяти лѣтъ [1]). Очевидно, она страдала психической болѣзнью въ очень сильной степени, и, сопоставляя это съ другими данными, можно съ большей вѣроятностью утверждать, что она страдала истеріей. Отмѣтимъ еще, что у нея было двое родовъ близнецовъ... Относительно Матвѣя я не имѣю возможности въ краткомъ очеркѣ привести соображенія, заставляющія меня предполагать у него дегенерацію атавистическаго характера, именно возвращеніе къ далекому atavus, тѣмъ болѣе, что многія этнографическія данныя указываютъ въ мѣстности между Карачевомъ, Брянскомъ и рѣкой Нерусой присутствіе въ населеніи того же этническаго элемента.

Замѣчательно, что оба сына Матвѣя, обвиняемые Андрей и Кузьма, представляютъ необычайно типичный финскій обликъ, унаслѣдованный ими отъ матери вѣроятно, но и отъ отцовской линіи, которая, по разсказу, не имѣла семитическаго типа... Кузьма С.—финнъ самой чистой воды, выговаривающій *м* вмѣсто *в* (вотяцкій выговоръ), представляетъ анатомическіе и физіологическіе признаки дегенеративной истеріи, и вообще дегенераціи, и перенесенной въ дѣтствѣ англійской болѣзни (rachitis) въ очень сильной степени; сверхъ того, отмѣтимъ у него зобъ, явленіе очевидно эндемическое въ Супоневѣ, и о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Андрей С., очень похожій на брата физически, нравственно представляетъ совершенно другой типъ. Это прасолъ, совершенно поглощенный своими торговыми дѣлами, и весьма мало

[1]) „Обыкновенно старухи-хлыстовки жалуются на то, что ихъ никто не любитъ и не избираетъ" (въ свальномъ грѣхѣ). *Дѣянія 3-го Всеросс. Миссіон. Съѣзда.* Изданіе второе, стр. 104.

думающій въ настоящее время о вопросахъ нравственности и религіи. Онъ прежде сильно пилъ. Страдаетъ явленіями, указывающими на глубокое пораженіе нервныхъ центровъ [1]). Повидимому, и онъ былъ охваченъ атмосферою психической эпидеміи въ формѣ религіозной экзальтаціи, и подъ вліяніемъ своей матери Пелагеи, сестры Аксиньи, о которой уже была рѣчь выше, жены своей Настасьи, истеричной дегенератки, и Цирцеи—Евдокіи Г. (онъ представлялъ, вслѣдствіе своей нервной болѣзни, очень слабое сопротивленіе психопатическимъ факторамъ), поддался кратковременно общей экзальтаціи, въ формѣ ли простого увлеченія, отъ котораго онъ опомнился, или въ формѣ психическаго индуцированнаго заболѣванія, отъ котораго онъ выздоровѣлъ,—теперь уже сказать нѣтъ возможности. Отмѣтимъ, однако, у него анатомическіе стигматы дегенераціи и крайнюю интолерантность къ алкоголю. Онъ представляетъ очень рѣзкій финскій типъ... Константинъ К. привлекается какъ обвиняемый, а жена его Юліанія и братъ Николай—какъ свидѣтели.

Константинъ К., рыжій, безцвѣтный, съ свинцовыми глазами, съ типичнымъ ртомъ, финнъ, представляетъ анатомическіе стигматы глубокой дегенераціи, съ неправильнымъ, уродливымъ черепомъ, носящимъ слѣдъ очевиднаго болѣзненнаго процесса. Отецъ его былъ *сильный пьяница*, *„недѣли не могъ прожить безъ водки“*; братъ его, Степанъ, тоже *сильно пьетъ*, хотя и не въ такой степени, какъ отецъ; сестра его, Васса, *необычайно малаго роста* (нанизмъ). Мать его, Пелагея, была такого же *малаго роста*, и ея отецъ, дѣдъ обвиняемаго, Аѳанасій, *сильно пилъ*. Самому Константину тридцать-четыре года, но у него только недавно сошла золотуха съ головы—„коросты“. Жена Константина, *Юліанія*—финка чистѣйшей воды по чертамъ лица, по краскамъ, по говору—представляетъ дегенеративные стигматы и зобъ. Она съ молоду любила „божественное“, была очень набожна... *Николай* представляетъ анатомическіе стигматы дегенераціи и функціональные симптомы неврастеніи въ очень сильной степени. Константинъ, Николай (послѣдній болѣе еще, нежели братъ) и Юліанія, всѣ трое—неврастеники, если не истерики. Они читаютъ св. Писаніе, главнымъ образомъ Евангеліе, и вообще „божественное“, не имѣя, конечно, возможности дѣлать выборъ, и *„когда выйдетъ такая буква, то слезы такъ и текутъ, такъ что и читать нельзя, а на душѣ радость, что на путь Господенъ нападешь“*.

---

[1]) Медицинскія данныя указаны въ приложеніяхъ къ судебной экспертизѣ.

Васса Д. была нѣкоторое,—впрочемъ, очень короткое—время посѣтительницей дома и собраній Осипа Потапкина; по словамъ многихъ свидѣтелей, „совершила съ Осипомъ блудъ“, „пріобщилась плоти и крови“, а по словамъ Пелагеи Потапкиной, разсказывающей это въ присутствіи Аксиньи С., она имѣла сношеніе съ Осипомъ въ присутствіи другихъ женщинъ секты. Эта женщина представляетъ въ рѣзкой формѣ чисто финскій типъ, но сверхъ того она представляетъ рядъ анатомическихъ и физіологическихъ стигматовъ дегенераціи и истеріи.

Анна Ст. тоже заподозрѣна въ принадлежности къ сектѣ Потапкина, въ „принятіи плоти и крови“, и привлекается какъ обвиняемая. Въ началѣ религіозно-этическаго движенія, возникшаго въ селѣ Супоневѣ подъ вліяніемъ Василія Д., она восприняла этическую сторону его проповѣди, и старалась жить по тѣмъ принципамъ личной нравственной чистоплотности и христіанскаго отношенія къ людямъ, которые Василій Д. преподавалъ своимъ слушателямъ. Когда Василія не стало въ Супоневѣ, кружокъ его остался не только безъ руководителя, но и безъ тѣхъ словъ, можетъ быть и мало понимаемыхъ, но великихъ, которыя будили въ сердцахъ членовъ кружка высокія стремленія и альтруистическія чувства. „Голодъ на нравственное“, постоянно и тяжело чувствуемый—преимущественно женщинами—въ крестьянской средѣ, лишенной всякой духовной пищи, сталъ ощущаться еще сильнѣе послѣ того, когда они услышали наконецъ что-то, говорящее ихъ нравственному чувству, и большинство членовъ кружка хлынуло къ Потапкину, единственному говорившему имъ о Духѣ святомъ, произносившему какія-то великія слова. Анна Ст. была охвачена общимъ настроеніемъ, увлечена общимъ потокомъ, и это тѣмъ болѣе, что она поражена тяжелымъ горемъ: изъ тринадцати человѣкъ дѣтей она потеряла одиннадцать. „Гоненіе“, поднявшееся противъ кружка, еще больше привязало ее къ нравственному ученію Д., а среди безсвязныхъ религіозныхъ формулъ и религіознаго бреда Осипа Потапкина она не могла, конечно, различить еретическаго догмата, тѣмъ болѣе, что свой личный параноическій бредъ Осипъ прикрывалъ, какъ это часто дѣлаютъ параноики, иносказательными выраженіями и символическою рѣчью. Но вотъ, однажды, провожая ее съ чтенія, Потапкинъ схватилъ ее за грудь. Этотъ актъ религіознаго эротика разомъ отрезвилъ ее. Она съ негодованіемъ и омерзѣніемъ отшатнулась отъ Потапкинскаго дома, разсказала этотъ случай Василію Д. по его возвра-

щеніи, и это было первою причиною разрыва и вражды между Василіемъ и Осипомъ Потапкинымъ и его сообщниками.

Нѣсколько женщинъ, какъ мы видѣли, „*приняли плоть и кровь*“ отъ Осипа Потапкина, т.-е. имѣли съ нимъ сношеніе, какъ религіозный актъ, но еще бо́льшее число, не дойдя до этого, присутствовали на радѣніяхъ, принимали участіе въ нихъ. Радѣнія эти, съ сильными движеніями, подъ тактъ пѣнія, хлопанья въ ладоши и притоптыванія ногами, съ цѣлованіями, призываніями св. Духа, доводили ихъ до страстной экзальтаціи, отъ которой онѣ были не въ силахъ отказаться. Онѣ стремились на эти собранія, имъ „не сидѣлось дома“, ихъ „тянуло“ туда, „имъ было тошно“ безъ этихъ возбужденій орфизма. И вотъ, несмотря на запрещеніе и побои отцовъ, братьевъ, мужей; несмотря на насмѣшки и циническіе попреки постороннихъ, онѣ по ночамъ убѣгали къ Потапкину и оставались тамъ до разсвѣта. „Еслибы не возвращеніе Василія Д., у нихъ у всѣхъ дѣло дошло бы до блуда“,—говорила одна изъ выздоровѣвшихъ; „какъ въ чаду была“,—говоритъ другая; „точно угаръ былъ“, —говоритъ третья. „У Потапкиныхъ на радѣніяхъ женщины вставали и ходили, при этомъ пророчили, цѣловались, пѣли, и снимали съ головы при этомъ платокъ и распускали волосы“ [1]). Почти всѣ „плакали навзрыдъ, радовались“; многія „падали, бились“, представляли и другія истерическія явленія [2]).

Изъ „принявшихъ плоть и кровь“ отъ Потапкина женщинъ нѣкоторыя признаютъ это, бо́льшая же часть сознаются, что принимали участіе въ радѣніяхъ, пророчествовали, но умалчиваютъ о половыхъ сношеніяхъ. Когда жена Потапкина, слабоумная съ индуцированнымъ помѣшательствомъ женщина, разсказываетъ эротическія сцены, гдѣ онѣ были дѣйствующими лицами, и сношенія ихъ съ Осипомъ въ присутствіи другихъ „сестеръ“, смотрѣвшихъ на это,—онѣ молчатъ, злобно взглядывая на нее, или отвертываясь и видимо тяготясь воспоминаніемъ объ этомъ періодѣ

---

[1]) Это обстоятельство имѣетъ слѣдующее значеніе: въ виду извѣстнаго мѣста въ Кн. Бытія (гл. VI, 2, 4), явилось такое разсужденіе: съ неба, сверху, сыны неба могли видѣть только волосы земныхъ женщинъ, и потому женщины должны или брить себѣ волосы на головѣ, или ходить въ храмъ съ покрытой головой. Далѣе: если призывать на землю сошествіе небесныхъ духовъ, то вѣрное средство—представить имъ женщинъ съ непокрытой головой и распущенными волосами.

[2]) Такъ, напр., женщины „*надувались*“, т.-е. имѣли истерическій метеоризмъ. Объ этомъ говорятъ многіе свидѣтели, и мы имѣли весьма точныя указанія, хотя первое слѣдствіе не установило этого факта. Трудно, однако, думать, чтобы свидѣтели *придумали* патологическій фактъ, столь особенный, столь необычный, мало извѣстный не только публикѣ, но и врачамъ—не-спеціалистамъ.

ихъ жизни. Это воспоминаніе сдѣлалось для нихъ особенно тяжелымъ съ того времени, какъ Потапкинъ, признанный умалишеннымъ на распорядительномъ засѣданіи суда, былъ возвращенъ къ себѣ въ домъ, слѣдовательно признанъ дѣйствительно неотвѣтственнымъ, какъ „сумасшедшій", безъ всякаго мученическаго вѣнца.

Безполезно продолжать этотъ обзоръ „совращенныхъ"; я привелъ, въ сокращеніи (выпуская чисто медицинскія подробности), первыхъ по порядку изслѣдованныхъ мною свидѣтелей и обвиняемыхъ; остальные представляютъ ту же картину. Но вотъ нѣкоторыя указанія относительно главнаго преступника, великаго совратителя, основателя секты, Осипа Потапкина. Протоколы его допросовъ занимаютъ въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣсколько страницъ и представляютъ неясную, правда, но связную и литературно изложенную еретическую доктрину, очевидно почерпнутую слѣдователемъ изъ Добротворскаго, Кутепова и т. д. Но эти протоколы мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и еслибы слѣдователь попытался записывать болѣе или менѣе буквально рѣчь обвиняемаго, то она ему самому представилась бы тотчасъ же въ совершенно иномъ свѣтѣ, и умопомѣшательство Потапкина не прошло бы незамѣченнымъ въ теченіе четырехъ лѣтъ слѣдствія. Помѣщенный въ психіатрическую больницу на испытаніе, Осипъ Потапкинъ тотчасъ же почти написалъ мнѣ длинное письмо, начало котораго здѣсь приводится [1]):

Заголовокъ: „1-ая Христосъ воскресъ. Я пишу, самъ Святой Духъ, это писаніе, отъ самого живаго Бога присланное, и вотъ скажется, для кого оно, это писаніе, является.

„Это оно для тебя, главный врачъ и начальникъ всему каменному построенному дому и надъ тѣми, кто живетъ и кто кончины ждетъ. Вотъ посадили сюда Іисуса въ семъ каменномъ мѣстѣ; и вотъ онъ тутъ тоже проведетъ сорокъ дней своего поста. А вотъ я, Духъ Святой, теперь говорю тебѣ, главный врачъ (*пропускаются повторенія и безсвязныя вставки частицъ*), чтобы ты не томилъ меня, Духа Святого, въ этомъ каменномъ гробѣ... Теперь я пишу тебѣ Духъ Святой, чтобы ты не держалъ тутъ живаго Бога и Христа (*это онъ самъ*). Почитай въ этомъ святомъ писаніи, кѣмъ оно (*его письмо*) и чьею мудростью

---

[1]) Потапкинъ—полуграмотный, и пишетъ съ фантастической ореографіей, дѣлающей чтеніе его нескончаемыхъ писаній очень утомительнымъ; какъ образчикъ, привожу только первыя три строчки его письма: „Ето А но для тебе главной урачь (врачъ) и начальникъ усему етаму каменому пастройнаму дому и надъ теми хто живетъ и хто канчины ждетъ"...

написано, и возьми въ свою голову, кто эту премудрость можетъ сочинить и кому она должна открыться. Вотъ слухай меня Духа Святого, что я тебя для твоей пользы наставлю, и что теперь нужно сдѣлать съ этимъ домомъ...... *(идетъ совершенно безсвязное разсужденіе)*... Вотъ тебѣ приказъ отъ отъ меня Духа Святого"....

Ласковое обращеніе съ Потапкинымъ смягчило его суровое отношеніе во мнѣ, а долгія бесѣды съ нимъ и съ его женой убѣдили его видѣть во мнѣ не врага и гонителя; это отражается въ слѣдующемъ его, второмъ, письмѣ, уже значительно болѣе безсвязномъ, такъ какъ онъ много писалъ для себя, и, очевидно, интеллектъ его утомился. „Вотъ и еще пишу тебѣ всего жительства; это для тебя, чтобы ты понялъ отъ меня, отъ Духа Святого духовныхъ словъ и живыхъ, которыя сейчасъ для васъ, а вамъ непонятно будетъ когда будетъ читать. А прочитавши поймешь всѣ эти слова; слушай, я буду говорить кто въ этомъ домѣ находится и какъ его имя, и чей онъ сынъ; и это та гора Голгофа, на которой распинали самого Іисуса Христа, и тутъ онъ и крестъ свой духовный несъ, и вѣнецъ его терновый былъ, и по трость ему давали губку и жолчъ. Довольно съ васъ и этого, разберете чей это сынъ здѣсь находится, и чѣмъ сына *били*, и какъ его имя *было* [1]). Зачѣмъ же я, Духъ Святой во плоти человѣка, томился черезъ тебя и проливалъ кровь свою невинную; привели меня, Духа Святого въ образѣ человѣческомъ, сняли съ меня одежду и надѣли багряницу, и сталъ меня спрашивать Пилатъ, котораго вы называете твоимъ помощникомъ (*врачъ-ординаторъ*); ему отъ Духа Святого было много словъ въ его покаяніи, а онъ надъ этими словами надсмѣялся, а вотъ какъ увидѣлъ самъ Господь, и сразу стало никому не хорошо, и никто теперь никогда не вылечитъ. Вотъ какъ наказываетъ Господь за Духа Святого".

Изъ записей въ скорбномъ листѣ въ больницѣ мы приведемъ нѣсколько выдержекъ.

17. I. 1902. Долго объяснялъ врачу—и жена подтверждала это,—что больной N., просившій табаку (въ больницѣ не курятъ), очень опасенъ, такъ какъ отъ него исходитъ лучами зло, которое онъ, Потапкинъ, *видитъ*; изъ дальнѣйшаго разъясненія оказывается, что онъ *знаетъ* и *чувствуетъ*, хотя и безъ помощи зрѣнія, лучистость зла, истекающаго изъ больного....

[1]) Аллитераціи постоянно пестрятъ его рѣчь, но ихъ трудно передать въ транскрипціи, такъ какъ онѣ, большею частью, основаны на невѣрномъ произношеніи словъ.

19. I..... Жена больного рецитируетъ мнѣ духовный гимнъ, въ которомъ имѣются такіе стихи:

Вѣримъ, Господи родимый,
Духу твоему здѣсь.
О тебѣ наша надежда,
Живетъ самъ Спаситель,
И вся Троица *Святая*
Въ сердцахъ *обитаетъ* [1]),
Обитаетъ, поставляетъ,
Онъ проводитъ, принимаетъ
Онъ не высылаетъ.
. . .   .
Ужъ ты, Господь Спаситель,
Отбей злую *волю*,
Выведи меня на *волю*
Въ Духовную *слободу*
На божью *работу*
. . . .
Крестъ лягкое *насилье*
Всѣхъ враговъ *любили*
Ненасытная любовь!
Кто тебя насытитъ? и т. д.

Въ это время больной (Потапкинъ) ходилъ по комнатѣ, дѣлая ногами и плечами ритмическія движенія, вздыхаетъ, улыбается, и говоритъ, что не можетъ сидѣть на мѣстѣ, такую чувствуетъ радость......

20. I... На вопросъ, хлыстъ ли онъ, Потапкинъ отвѣчаетъ (записано дословно): „если по духовному, то сказано, что плотской духовнаго судить не можетъ. Если вамъ это говорилъ *попъ*, то онъ *попалъ* уже въ нечистаго духа. Вотъ сказано: они будутъ побѣждать всякую *лесть*, а тутъ хотятъ ко мнѣ съ рукой *лѣзть* (ему „мірянинъ“ подалъ руку). Попъ—*священникъ*, а отъ него *свѣтъ*, а теперь по всему *свѣту* наша вѣра пошла (дальше идетъ какое-то разсужденіе на основаніи аллитерацій, но оно совершенно безсвязно, и фразы въ немъ слѣдуютъ одна за другою по случайнымъ звуковымъ образамъ, такъ что записать рѣчь больного нѣтъ возможности). Затѣмъ, на вопросъ относительно „Христовой любви“, Потапкинъ отвѣчаетъ какимъ-то наборомъ словъ, въ которомъ нѣтъ возможности уловить связи. Рѣчь идетъ объ „Іудеяхъ“ и „Еленахъ“ (очевидно Еллинахъ), но эти Елены являются особами женскаго пола; на собраніяхъ, какъ только

[1]) Курсивомъ означенныя слова составляютъ, на слухъ сектантовъ, риѳму.

запоютъ пѣсни, „тѣло затрусится“ отъ присутствія Господа, и это произошло даже и съ надзирательницей, когда Осипъ запѣлъ ей гимнъ. „Вотъ у Фіоніи *духъ вышелъ, ударился о землю и распухъ*“, разсказываетъ онъ.

Для полноты картины психики села Супонева мы бесѣдовали и я изслѣдовалъ двухъ главныхъ противниковъ супоневскаго религіознаго движенія, „самыхъ злыхъ гонителей“, свидѣтельницу Марѳу Голубкову и Тихона Б., котораго, я сожалѣю, не видѣлъ въ числѣ свидѣтелей.

Марѳа Голубкова [1]): „Входитъ въ комнату со словами:... „съ ними не сообразишь, потому они такіе; вотъ я напр.; гдѣ ужъ тутъ съ ними справиться (хватается за голову). Охъ, голова! Болитъ! Шумъ! Въ головѣ коляски ѣздятъ. Какъ у меня сынъ померъ, такъ прежде голова болѣла, а теперь еще пуще. Такой шумъ! Я отъ шума падаю, даже въ храмѣ падаю. Они что! Они проклятые, они отъ вѣры Христовой отступили, а я три раза въ Кіевъ ѣздила, девять разъ у святыхъ отцовъ (sic!) была. Вотъ и братъ у меня все къ святымъ отцамъ ходитъ“. Я прерываю ея монологъ и этотъ потокъ безсвязныхъ фразъ, произносимыхъ какъ бы про себя, но съ нелѣпыми вскрикиваніями, и задаю вопросъ: гдѣ живетъ этотъ братъ? Она отвѣчаетъ:—Что же, гдѣ не жить, потому что въ Супоневѣ, что въ Кіевѣ... Начинается очень безсвязная рѣчь, изъ которой можно только уловить нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія, что этотъ братъ пьетъ много водки. Ее спрашиваютъ, пьетъ ли и она?... „Пью, батюшка, пью, всегда съ мужемъ пью, мы вмѣстѣ пьемъ. Какъ страшный сонъ увижу, и пью. Такіе страшные сны! Вотъ разъ вижу во снѣ, что я говядины три фунта украла, принесла домой (всхлипываетъ, слезы обильно текутъ изъ глазъ), а у меня ее отобрали. Чѣмъ тутъ жить? въ *ухахъ* (sic!) дуетъ, въ родѣ простуды. Я вотъ какъ закричу! внучку напугала, *взяли ее отъ меня, говорятъ, напугала*“...—Плачетъ, жалуется на головокруженіе, на головную боль, начинаетъ опять какой-то какъ будто разсказъ, записать который нѣтъ никакой возможности по его совершенной безсвязности. На вопросы она не можетъ отвѣтить прямо, и всякій разъ начинаетъ какую-то длинную рѣчь, первая фраза которой какъ будто имѣетъ связь съ вопросомъ, но въ которой общій смыслъ тотчасъ теряется. Она никакъ не можетъ сказать, сколько дѣтей у ея кіевскаго брата, такъ какъ „она далеко жи-

[1]) Я привожу прямо запись дослѣдованія, сдѣланную въ присутствіи г. товарища прокурора и прочтенную ему для провѣрки.

ветъ"; при этомъ тутъ же сообщаетъ, что у него три дочери и одинъ сынъ въ живыхъ, а двое дѣтей умерли, но на повторный вопросъ, сколько же у него дѣтей, отвѣтить не можетъ......

— Когда сынъ умеръ?

— Да шестой годъ будетъ, а можетъ пять...

— Можетъ быть, три года?

— Можетъ, и три; кто ихъ знаетъ. Двадцатый годокъ сыну былъ (плачетъ), *все на голову жалился, какъ не въ своемъ умѣ былъ*"...

Изъ разспросовъ можно вывести, что она теперь не переноситъ уже алкоголя: „какъ выпьешь, дѣлается головокруженіе, шумъ въ головѣ", и ей дѣлается „худо, ой, какъ худо". *Ея дядъ выгналъ ея отца изъ дому; отецъ былъ пьяница;* дѣти брата „всѣ пьютъ, много пьютъ водку, совсѣмъ въ брата". Она росла сиротой послѣ смерти матери, хотя отецъ ея былъ живъ; разсказъ о замужествѣ и какой-то семейной драмѣ настолько безсвязенъ, что понять его нѣтъ возможности. Говоря о смерти сына, она хотѣла опредѣлить время года, но изъ ея словъ съ большимъ трудомъ можно было вывести, что тогда снѣгъ таялъ. Слово *таять* выпало у нея изъ рѣчи, а замѣнить его другимъ или прибѣгнуть къ (перифразѣ) она уже не въ состояніи... Мароа Голубкова, свидѣтельница по супоневскому дѣлу и особенно ревностная „гонительница" ереси, страдаетъ *глубокимъ слабоуміемъ вслѣдствіе предшествовавшей психической болѣзни* (dementia secundaria et vesania).

Мароа Голубкова—платоническая ненавистница ереси; она „вдохновляетъ и возбуждаетъ гонителей", но сама, по дряхлости и физичической и умственной несостоятельности, не можетъ нанести имъ никакого вреда непосредственно. Но вотъ Тихонъ Б.— очень убѣжденный, страстный и весьма дѣятельный „гонитель" сектантовъ, патентованный, оффиціально признанный ревнитель православія и защитникъ его отъ ереси, какъ мы увидимъ. Привожу отрывокъ изъ записи дознанія.

„*Тихонъ Б.*—типичный финнъ и чертами лица, и красками. Представляетъ анатомическіе стигматы дегенераціи. Мозговой скелетъ малъ, лобъ очень покатый (fuyant) [1]... Разносилъ домà сектантовъ, разбивалъ домъ Василія Д., „*потому за православную вѣру жизнь готовъ отдать*". Слышалъ, будто сектанты говорятъ, что православные прикладываются въ Петровскомъ монастырѣ [2]) (sic!) къ образу Прасковіи Пятницы (она оказывается

[1]) Подробное описаніе въ приложеніи къ полному докладу.

[2]) Такого нѣтъ.

тоже и Богородицей) съ большими грудями. Тихонъ Б. говоритъ, что за это ихъ убить надо. Хотѣлъ, по собственнымъ его словамъ, убить одного сектанта, который въ праздникъ плелъ плетень. Самъ онъ, однако, бываетъ въ церквахъ рѣдко и неправильно, но онъ *„выправилъ себѣ патентъ ревнителя православія“*; „я и печать такую получилъ, чтобы наблюдать; я долженъ бить этихъ проклятыхъ отступниковъ“. Разносилъ домà сектантовъ за ихъ богохульство: *принесутъ икону Николы или Свѣнской Божіей Матери, а они хоронятся, не выходятъ*! Мы и приговоръ составили, только неизвѣстно, куда дѣлся этотъ приговоръ. Вотъ теперь они попритихли, *а все-же ходятъ другъ къ другу, ихъ за это убить надо.* Если будутъ ходить другъ къ другу, мы ихъ хаты опять разнесемъ, мы ихъ убьемъ, мы за вѣру христіанскую рады помереть, куда хочешь насъ послѣ дѣвай. Если начальство не смотритъ, мы сами расправимся. *Теперь, когда Осипа нѣтъ, бабы себя хорошо ведутъ. А тогда бабамъ удержу не было: сегодня три побѣгутъ, а завтра, смотришь, и шесть пошли* [1])... Домà разбивали всѣ, тысячи были, пушкой не прошибешь (толпу), гдѣ же тутъ судить! Въ волостномъ судѣ такъ и *оставили безъ послѣдствія* [2]) (sic!)... У нихъ есть божница, а подъ *богами* (sic! Образа—это *боги*) молоко стоитъ, въ святомъ углу на столѣ молоко стоитъ! Какъ мы вошли, все это въ дверь побросали и разбили, чему не подъ святымъ угломъ, а подъ порогомъ мѣсто. Это всякій разъ разбивали, вотъ и тогда, когда Пелагея (Потапкина) *бѣгила* (sic!) сама не знаетъ куда, *а что ее рѣзали, такъ это пустяки все, она сама себя рѣзала“* (sic! Записано буквально).

Это послѣднее событіе очень характерно: когда стали „разносить“ домъ Потапкиныхъ, Осипъ скрылся у брата, а жена его Пелагея побѣжала въ деревню, надѣясь скрыться въ другомъ семействѣ. Толпа поймала ее и рѣшила сначала сбросить съ горы въ воду, потомъ надумали прирѣзать; принесли ножъ, но согласныхъ исполнить это рѣшеніе не нашлось. Къ толпѣ, между тѣмъ, подошелъ нѣкто изъ власть имѣющихъ, хотѣлъ разгонять толпу, и ударилъ одну женщину ногайкой по спинѣ; та вскрикнула, и тогда тутъ же нѣсколько женщинъ упали въ истерическомъ припадкѣ. Продолжаю выписку:

„Слабоумный и дикій субъектъ. Очень трудно понимать его рѣчь, когда онъ начинаетъ связный разсказъ. Пока онъ говоритъ

---

[1]) Напомнимъ разсказъ Матвѣя С. о своей женѣ Пелагеѣ и дочери Аксиньѣ.

[2]) Разносителей судили въ волостномъ судѣ, но оправдали.

отрывочными фразами, его понимаешь вполнѣ, но въ связномъ разсказѣ, который здѣсь не записанъ, по совершенной невозможности записать его, нѣтъ возможности разобрать, кто совершилъ поступокъ, кто дѣйствующее и кто страдательное лицо, кто кому что̀ сказалъ"... Это, дѣйствительно, слабоумный, дураковатый человѣкъ, съ дикимъ видомъ, безсмысленно уставляющимися глазами, съ прерывистой рѣчью, фанатизированный и полный ненависти и какой-то безсмысленной, животной злобы. Онъ нѣсколько разъ настаивалъ на томъ обстоятельствѣ, что онъ назначенъ „ревнителемъ православія", и что ему поручено „бить отступниковъ отъ вѣры православной", что ему на это и „печать дана". Когда мы полюбопытствовали видѣть эту „печать", онъ сначала отказался показать намъ ее, такъ какъ „ему не велѣно объ этомъ говорить", но въ виду нашего настоянія пошелъ домой и принесъ намъ документъ, изъ котораго было видно, что онъ дѣйствительно избранъ, какъ „ревнитель православія", въ члены „для противодѣйствія сектантамъ и для охраненія дѣтей отъ зараженія сектантствомъ".

Изъ исторіи русскаго сектантства мы знаемъ, что этотъ способъ борьбы противъ него практиковался, но многіе духовные писатели высказались противъ его употребленія, и можно было думать, что онъ уже оставленъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ онъ былъ совершенно непригоденъ. Крайне опасно вооружать, въ періодъ религіознаго возбужденія, доходящаго до насильственныхъ дѣйствій толпы, какими-то непонятными для нихъ правами полудикихъ, фанатизированныхъ дураковатыхъ насильниковъ.

Д-ръ П. Якобій.

ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

НАШИХЪ ФИНАНСОВЪ.

I.

Блестящее состояніе нашихъ финансовъ,—выражавшееся многомилліонным превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами, вызывавшее столько лестныхъ отзывовъ по адресу нашего финансоваго вѣдомства внутри страны и за границей,—начинаетъ нѣсколько тускнѣть. Обращаютъ вниманіе на то, что превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами уменьшается изъ года въ годъ. Въ этомъ фактѣ не было бы, конечно, ничего тревожнаго, еслибы смѣта государственныхъ доходовъ составлялась исключительно по соображенію съ предстоящими расходами. Остатки отъ заключенныхъ смѣтъ были бы тогда пріятнымъ явленіемъ, свидѣтельствующимъ о неожиданномъ развитіи экономическихъ средствъ страны. Но если смѣту доходовъ составлять въ уменьшенномъ размѣрѣ; если всѣ усилія направлять къ тому, чтобы поступленіе доходовъ было самое большое и на много превысило бы назначенные смѣтою расходы; если для обоснованія такой финансовой политики ссылаться на необходимость для Россіи—не въ примѣръ прочимъ державамъ—копить средства для встрѣчи различныхъ затрудненій,—то сокращеніе избытковъ дохода надъ расходомъ является, дѣйствительно, тревожнымъ признакомъ, свидѣтельствующимъ о приближеніи момента, такъ сказать, налоговаго переутомленія страны. Приближеніе такого момента представляется особено непріятнымъ еще и потому, что въ самой системѣ источниковъ нашихъ государственныхъ доходовъ можетъ обнаружиться брешь, которую нужно будетъ заполнять, т.-е. тратить средства, вмѣсто того, чтобы извлекать ихъ. Такую брешь представляетъ, какъ намъ кажется, государственное желѣзнодорожное хозяйство.

Въ прежнее время, когда желѣзныя дороги находились въ частныхъ рукахъ,—казна, какъ извѣстно, расходовала ежегодно крупныя суммы на оплату капиталовъ, заложенныхъ въ этой промышленной отрасли. Принятыми затѣмъ мѣрами по упорядоченію желѣзнодорожнаго хозяйства и выкупомъ важныхъ доходныхъ линій въ казну было достигнуто сокращеніе, а затѣмъ и полное уничтоженіе этихъ расходовъ, и даже очищеніе по этой статьѣ смѣты обыкновеннаго государственнаго бюджета небольшого чистаго дохода. Но въ послѣдніе годы,—благодаря, главнымъ образомъ, сооруженію новыхъ линій, сообразующемуся не съ выяснившимися реальными нуждами промышленности въ паровыхъ путяхъ сообщенія (потребность этой промышленности въ удобныхъ грунтовыхъ дорогахъ, напр., остается вовсе почти безъ удовлетворенія), а съ другими цѣлями, преслѣдуемыми финансовымъ вѣдомствомъ, частью съ цѣлями стратегическими и т. п.,—желѣзнодорожное хозяйство начинаетъ опять приносить казнѣ убытки, достигшіе въ 1901 г.—35 милл. р., а въ 1902 г.—приблизительно 45 милл. р.; въ 1903 г. по этой статьѣ смѣты ожидается убытокъ уже въ 60 милл. р., а въ 1904 г. расходы казны на покрытіе недовыручки по сѣти желѣзныхъ дорогъ достигнутъ (по разсчетамъ министерства финансовъ) 85 милл. р.

Такимъ образомъ, къ необходимымъ и естественнымъ расходамъ государства, непрерывно ростущимъ ради удовлетворенія многообразныхъ назрѣвающихъ народныхъ нуждъ, присоединяется еще крупный расходъ въ той области, которая—по ея принадлежности къ сферѣ промышленной дѣятельности—должна бы приносить доходъ или по крайней мѣрѣ содержать сама себя, а не поглощать суммы, извлекаемыя изъ скуднаго кошелька русскаго плательщика податей, и которая и разрослась-то такъ въ послѣдніе годы по соображенію о финансовыхъ выгодахъ, отъ нея ожидавшихся.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить то вниманіе, какое вызываетъ къ себѣ фактъ ростущихъ дефицитовъ по желѣзнодорожному хозяйству, и понять, почему, несмотря на 120-ти-милліонный остатокъ отъ исполненія росписи въ послѣднемъ отчетномъ (1902) году, признано было необходимымъ рекомендовать вѣдомствамъ возможную осторожность въ расширеніи ихъ смѣтъ,—надлежитъ ознакомиться съ тѣмъ, какими средствами достигались быстрый ростъ нашихъ государственныхъ доходовъ и образованіе крупныхъ остатковъ при исполненіи росписей обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ. Напоминаніе объ этомъ въ данный моментъ умѣстно особенно потому, что завѣдываніе финансами перешло въ новыя руки и справка о ходѣ финансовыхъ дѣлъ въ послѣдніе годы можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы

отчетомъ о финансовой политикѣ министра, только-что оставившаго этотъ отвѣтственный постъ [1]).

II.

При обсужденіи нашихъ финансовъ, всѣ останавливаются прежде всего на фактѣ быстраго роста у насъ, въ послѣдніе годы, государственныхъ доходовъ. Въ пятилѣтіе, предшествовавшее поступленію финансовъ въ завѣдываніе И. А. Вышнеградскаго, приращеніе государственныхъ доходовъ не достигало, въ среднемъ, 25 милл. р. въ годъ, а при Вышнеградскомъ составляло 35 милл. р.,—въ послѣднее же десятилѣтіе доходы государства увеличивались уже на 90—95 милл. р. въ годъ.

Приведенныя цифры не даютъ, однако, правильнаго понятія о ростѣ государственныхъ рессурсовъ, имѣющихъ назначеніемъ удовлетвореніе различныхъ нуждъ страны, такъ какъ въ сумму доходовъ включены два источника (желѣзныя дороги и казенная продажа питей) съ крупными валовыми поступленіями и незначительными чистыми остатками, получившіе широкое развитіе въ послѣдніе годы. Ими-то, главнымъ образомъ, и обусловливается столь значительное возростаніе государственныхъ доходовъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Замѣняя валовыя поступленія по этимъ двумъ статьямъ чистымъ остаткомъ (положительнымъ или отрицательнымъ) отъ выполненія соотвѣтствующихъ смѣтъ и пополняя счетъ доходовъ 1881 г. цифрою выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (помѣщаемыхъ въ общую роспись начиная съ 1885 г.),—мы получимъ числа, ближе выражающія тѣ суммы доходовъ, какія поступаютъ въ распоряженіе государства для удовлетворенія его текущихъ нуждъ.

Произведя указанныя операціи, мы увидимъ, что съ 1881 по 1886 г. обыкновенные государственные доходы поднялись съ 620 до 680 милл. р., что соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію на 12 милл. р., или на 2% первоначальной суммы доходовъ. Въ послѣдній годъ управленія финансами Вышнеградскаго поступленіе по смѣтѣ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ достигло 820 милл. р. Разница между этой цифрой и доходомъ момента, предшествующаго поступленію финансовъ въ завѣдываніе названнаго министра (680 милл. р.),

[1]) Главными источниками для настоящаго очерка служили слѣдующія изданія: А. Иващенковъ. Краткій обзоръ исполненія государственныхъ росписей въ связи съ прочими оборотами государственнаго казначейства за 1881—1899 г.—Михаилъ Кашкаровъ. Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія. Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи.

составляетъ 140 милл. р., и среднее ежегодное возростаніе опредѣляется такимъ образомъ въ 23—24 милл. р. Эта сумма превышаетъ вдвое тэмпъ приращенія государственныхъ доходовъ при Бунге и составляетъ уже 3,4% первоначальной суммы доходовъ. Въ 1901 г. сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ достигла 1.230 милл. р.; она превышаетъ поступленіе доходовъ въ послѣдній (1892-ой) годъ завѣдыванія финансами Вышнеградскаго на 410 милл. р. и соотвѣтствуетъ ежегодному приращенію въ 46 милл. р., или въ пять слишкомъ процентовъ первоначальной суммы дохода (820 милл. р.).

Итакъ, что касается абсолютной цифры приращенія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, то при министрѣ Вышнеградскомъ доходы росли вдвое быстрѣе, нежели при Бунге, а при статсъ-секретарѣ Витте—вдвое быстрѣе, нежели при Вышнеградскомъ. Относительно же, ежегодное приращеніе доходовъ въ первый изъ разсматриваемыхъ періодовъ составляло 2% первоначальной ихъ суммы, во второй—3,5% и въ третій—5%.

Вмѣстѣ съ этимъ наблюдается и характерное—по крайней мѣрѣ для одного періода—измѣненіе суммы государственныхъ расходовъ. Устраняя изъ разсчета—какъ это было сдѣлано по доходамъ—расходы на желѣзныя дороги и по винной монополіи и суммы, перенесенныя изъ чрезвычайнаго бюджета въ обыкновенный, мы увидимъ, что съ 1881 по 1886 г. обыкновенные расходы возросли съ 655 до 740 милл. р., т.-е. увеличивались, въ среднемъ, на 17 милл. р., или на $2^1/_2$% въ годъ. Въ теченіе 1887—1892 г. государственные расходы возростали только на 4 милл. р. въ годъ, а въ теченіе послѣдняго девятилѣтія они поднялись съ 765 до 990 милл. р., т.-е. увеличивались съ быстротою 25 милл. р., или на 3,3% въ годъ.

Въ этихъ рядахъ цифръ обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что при министрѣ финансовъ Бунге, и относительно, и абсолютно, государственные расходы росли быстрѣе доходовъ; при двухъ слѣдующихъ министрахъ наблюдалось обратное явленіе, причемъ, во время завѣдыванія финансами Вышнеградскаго, ростъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ почти прекратился, — не потому, конечно, чтобы въ это время не чувствовалось потребности въ лучшемъ удовлетвореніи различныхъ государственныхъ нуждъ, а потому что—задавшись цѣлью не только уничтожить дефициты въ бюджетѣ, но и накопить возможно бóльшіе запасы золота для осуществленія предполагавшейся реформы возстановленія металлическаго обращенія — Вышнеградскій стремился къ возможно бóльшимъ излишкамъ доходовъ и употреблялъ все свое вліяніе для удержанія расходовъ различныхъ вѣдомствъ въ границахъ ихъ прежнихъ смѣтъ. Разнообразные государственные интересы были такимъ образомъ подчинены одной

идеѣ, излюбленной вліятельнымъ министромъ. Какъ мы имѣли случай высказать въ другомъ мѣстѣ, идея эта была выставлена въ качествѣ руководящаго начала финансовой политики не потому, чтобы она была тогда признана всѣми выражающею важнѣйшій государственный интересъ, удовлетвореніе котораго должно предшествовать всѣмъ другимъ улучшеніямъ государственнаго быта, связаннымъ съ расходомъ средствъ. Она такъ энергично преслѣдовалась И. А. Вышнеградскимъ, между прочимъ, потому, что непосредственныя средства ея осуществленія, относясь къ разряду средствъ. финансовой техники,— всего болѣе соотвѣтствовали финансовымъ позваніямъ, способностямъ и практическимъ навыкамъ этого министра.

Приведенныя выше цифры, свидѣтельствующія о быстромъ, сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, ростѣ при министрѣ Вышнеградскомъ государственныхъ доходовъ и неподвижномъ состояніи смѣты государственныхъ расходовъ, объясняютъ, почему именно при этомъ министрѣ исчезли дефициты изъ нашего бюджета и появились, напротивъ того, крупные остатки отъ выполненія смѣтъ. Предшествующія же семь лѣтъ были періодомъ крупныхъ дефицитовъ, объясняемыхъ прежде всего тою тяжестью, какая осталась на государственномъ бюджетѣ вслѣдствіе увеличенія задолженности по случаю восточной войны. Эта тягота не заставила, однако, финансовое вѣдомство того времени позабыть о другихъ разнообразныхъ нуждахъ страны, и черезъ 2—3 года по окончаніи войны предпринимаются крупныя реформы по отмѣнѣ наиболѣе тягостныхъ налоговъ (соляного и подушнаго). Вслѣдствіе этихъ реформъ, государственное казначейство въ теченіе 1880—1886 гг. потеряло 40—50 милл. р. дохода, и это обстоятельство не могло, въ свою очередь, не оказать вліянія на заключеніе смѣтъ съ болѣе или менѣе крупными дефицитами. На послѣдующемъ состояніи нашихъ финансовъ эта реформа, напротивъ того, отразилась благотворно; сбереженіе на прямыхъ податяхъ крестьянинъ употребилъ, конечно, на пріобрѣтеніе предметовъ потребленія и значительную ихъ долю возвратилъ въ казну въ видѣ акцизовъ и таможенныхъ пошлинъ.

III.

Обращаясь теперь къ вопросу о томъ, какими средствами было достигнуто крупное возростаніе нашихъ государственныхъ доходовъ, мы замѣтимъ прежде всего, что, говоря вообще, возвышеніе доходовъ можетъ быть результатомъ совокупнаго или отдѣльнаго дѣйствія многихъ причинъ. Улучшеніе экономическаго состоянія страны, удачное преобразованіе налоговъ, возвышеніе послѣднихъ, развитіе государ-

ственныхъ доходовъ, не имѣющихъ налоговаго характера,—всѣ эти моменты отражаются положительнымъ образомъ на состояніи государственныхъ финансовъ. Видимое исправленіе русскихъ финансовъ произошло, конечно, подъ вліяніемъ всѣхъ перечисленныхъ обстоятельствъ, но болѣе или менѣе точно учесть ихъ представляется возможнымъ только для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Преобразованіе податной системы начато было при Н. Хр. Бунге отмѣной налоговъ, имѣвшихъ подушный характеръ. Естественнымъ ея продолженіемъ должно бы быть введеніе подоходнаго прогрессивнаго налога съ высокимъ обложеніемъ промышленныхъ доходовъ, держащихся у насъ на неизвѣстной культурнымъ странамъ высотѣ, поддерживаемой, на счетъ потребителя, казенными заказами, таможенной охраной соотвѣтствующихъ отраслей промышленности и т. п. Высокаго обложенія нашей крупной промышленности естественно было ожидать особенно въ истекшемъ десятилѣтіи, когда вся финансовая политика была какъ бы направлена на то, чтобы обезпечить возможно благопріятныя условія развитію капитализма въ Россіи. На это были употреблены и тѣ избытки государственныхъ доходовъ, которые составлялись тяжелыми для массы населенія взносами налоговъ, пошлинъ, акцизовъ и т. д. Естественно было ожидать, что раздѣлить съ народомъ бремя приведенія страны въ культурное въ экономическомъ отношеніи состояніе по западно-европейскому образцу призваны будутъ и тѣ классы, которые прежде и больше всего выигрывали отъ такого состоянія. Вмѣсто того, мы получили въ 1898 г. нерѣшительную реформу промысловаго обложенія, увеличившую поступленіе государственныхъ налоговъ на какихъ-нибудь 10—15 милл. рублей. Дѣло преобразованія прямыхъ налоговъ, начатое двадцать лѣтъ назадъ, мы должны, поэтому, считать совершенно незаконченнымъ.

Снятая съ населенія, подушная подать составляла 54 милл. руб.; къ ней нужно прибавить 12 милл. руб. пониженія выкупныхъ платежей и уменьшить на 20 милл. руб., возложенныхъ на тѣ же трудящіеся классы преобразованіемъ оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи. Облегченіе податныхъ сословій путемъ означенныхъ преобразованій произведено было, такимъ образомъ, на сумму 46 милл. р., къ коимъ слѣдуетъ еще присоединить 4 милл. р. отмѣненнаго въ 1898 г. паспортнаго сбора. Сумма эта съ избыткомъ была покрыта обложеніемъ болѣе состоятельныхъ классовъ, путемъ введенія въ 1885 г. сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ (давшаго въ 1901 и 1902 г. 17 милл. р.), въ 1894 г.—квартирнаго налога (принесшаго въ 1902 г. 4,4 милл. р.) и возвышеніемъ, въ 1899 г., обложенія промысловъ и торговли (преобразованіе промысловаго налога), увеличившаго поступленіе по этой статьѣ въ 1901 г. (сравни-

тельно съ 1898 г.) на 21 милл. р., а въ 1902 г.—на 18 милл. рублей. Два первыхъ, новыхъ налога и преобразованный третій даютъ въ настоящее время государственному казначейству 90 милл. рублей. Приращеніе поступленія этихъ налоговъ съ начала 80-хъ годовъ не составитъ и 70 милл. р., и, за покрытіемъ сложенныхъ подушныхъ податей, государству остается отъ нихъ менѣе 20 милл. рублей. Возвышеніе прочихъ прямыхъ налоговъ (поземельнаго, съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ) не превосходитъ 7—10 милл. р.; и мы можемъ поэтому заключить, что поступленіе прямыхъ налоговъ принимало самое незначительное участіе въ дѣлѣ исправленія нашего бюджета.

Гораздо лучшіе результаты дала хозяйственная дѣятельность государства. Съ 1886 г. (наканунѣ перехода финансовъ въ завѣдываніе Вышнеградскаго) по 1901 г., поступленіе доходовъ отъ государственныхъ имуществъ и капиталовъ (не считая желѣзныхъ дорогъ) возросло на 75 милл. рублей. 80% этого возростанія падаетъ на оброчныя статьи и лѣсное хозяйство, т.-е. на тѣ источники, доходы съ которыхъ, въ видѣ арендной платы за землю и суммъ, вырученныхъ за продажу лѣсныхъ матеріаловъ,—возвышаются сами изъ года въ годъ, благодаря естественному размноженію населенія и экономическому развитію страны. Доходы отъ правительственныхъ регалій (кромѣ винной монополіи)—почти исключительно почтовой и телеграфной—увеличили поступленіе на 30 милл. р., а это приращеніе, быть можетъ, всего болѣе зависѣло отъ культурнаго развитія страны, выражающагося облегченіемъ и оживленіемъ почтово-телеграфныхъ сношеній. Чистый доходъ отъ винной монополіи,—которымъ она могла поддерживать благопріятный балансъ нашего бюджета,—не поднимался, въ лучшіе годы, выше 20—25 милл. рублей. Развитіе казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства при министрѣ С. Ю. Витте до послѣднихъ лѣтъ оказывало подобное же вліяніе, уничтоживъ расходы казны по оплатѣ желѣзнодорожныхъ капиталовъ, въ суммѣ 40—50 милл. рублей. Рессурсы казны отъ разсматриваемыхъ категорій государственныхъ доходовъ въ лучшіе годы послѣдняго десятилѣтія оказывались возросшими, сравнительно съ серединою 80-хъ годовъ, на 150—170 милл. р., а съ началомъ 90-хъ годовъ—на 100—120 милл. рублей. Въ самые послѣдніе годы, однако, значеніе поступленій хозяйственнаго характера въ общей суммѣ нашихъ доходовъ умаляется, потому что желѣзнодорожное хозяйство даетъ дефицитъ, который нужно покрывать изъ другихъ источниковъ.

Хотя только-что разсмотрѣнные источники государственныхъ доходовъ по виду не имѣютъ налоговаго характера, тѣмъ не менѣе исчисленное выше возростаніе поступленія этихъ доходовъ въ значительной его долѣ равносильно для населенія увеличенію прямыхъ и

косвенныхъ налоговъ. Въ самомъ дѣлѣ, введеніе казенной продажи вина сопровождалось возвышеніемъ продажной стоимости послѣдняго; лѣсной доходъ увеличился не только вслѣдствіе расширенія соотвѣтствующихъ операцій, но и отъ возвышенія цѣны на лѣсъ, пріобрѣтаемый народомъ. Увеличеніе доходовъ государства по этимъ статьямъ равносильно, слѣдовательно, возвышенію косвенныхъ налоговъ. А возростаніе доходовъ отъ эксплоатаціи казенныхъ оброчныхъ статей, въ извѣстной части послѣднихъ, снимаемыхъ крестьянами въ дополненіе къ ихъ надѣльнымъ землямъ,—аналогично возвышенію прямыхъ налоговъ.

Еще болѣе и правильнѣе, нежели хозяйственные доходы государства, возростали поступленія косвенныхъ и таможенныхъ налоговъ: въ теченіе интересующихъ насъ 15 лѣтъ приростъ доходовъ отъ косвенныхъ налоговъ составлялъ около 200 милл. р., а таможенныхъ пошлинъ—болѣе 100 милл. рублей.

Послѣ этихъ общихъ свѣдѣній о движеніи крупныхъ категорій нашихъ государственныхъ доходовъ перейдемъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію нашего бюджета.

Доходы казны по хозяйственнымъ предпріятіямъ (не считая желѣзныхъ дорогъ) въ 1901 г. возросли, сравнительно съ 1886 г., на 75 милл. р., а сравнительно съ 1892 г.—на 47 милл. рублей. Регаліи дали въ 1901 г. приращеніе дохода въ 32 милл. р., сравнительно съ 1886 г., и 23 милл. р. сравнительно съ 1892 г. Желѣзнодорожное хозяйство принесло въ этомъ году дефицитъ въ 30 слишкомъ милл. рублей. Приблизительно такой же дефицитъ оказался по этой статьѣ въ 1886 и 1892 гг. Винная монополія дала около 20 милл. р. чистаго дохода. Перечисленныя категоріи доходовъ въ совокупности подняли въ 1901 г. государственные доходы почти на 130 милл. р. сравнительно съ 1886 г., и на 90 милл. р. сравнительно съ 1892 г. Среднее ежегодное возростаніе этихъ доходовъ при Вышнеградскомъ превышало 6 милл. р., а при статсъ-секретарѣ Витте составляло 10 милл. рублей.

Общая сумма доходовъ налоговаго характера въ шестилѣтіе завѣдыванія финансами И. А. Вышнеградскаго поднялась на 110 милл. р., что соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію на 19 милл. рублей. Въ теченіе девяти лѣтъ управленія финансами его преемника поступленіе налоговъ увеличилось на 290 милл. р., возростая ежегодно въ среднемъ на 32 милл. рублей. Прямые налоги при Вышнеградскомъ,—когда еще заканчивалось начатое при его предшественникѣ преобразованіе и отмѣна подушныхъ податей,—не дали приращенія дохода; поступленіе косвенныхъ налоговъ возростало, въ среднемъ, на 12 милл. руб. въ годъ, таможенные сборы—на 5 милл. р., пошлины—почти на

3 милл. рублей. При его преемникѣ поступленіе прямыхъ налоговъ увеличивалось на 5—6 милл. р. въ годъ, косвенные налоги давали возростаніе дохода почти на 14 милл. р., таможенные сборы—на 10 милл. р., пошлины—около 3 милл. р. въ годъ.

Итакъ, не считая различныхъ случайныхъ поступленій, не представляющихъ ничего характернаго, а ограничиваясь налогами и хозяйственными доходами государства, можно сказать, что при министрѣ финансовъ Вышнеградскомъ поступленіе государственныхъ доходовъ увеличилось, приблизительно, на 150 милл. р., что̀ соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію на 25 милл. р., причемъ доходы хозяйственные (вмѣстѣ съ регаліями) увеличивались, въ среднемъ, на 6 милл. р. въ годъ, а поступленія отъ налоговъ—на 19 милл. р., или втрое быстрѣе. При статсъ-секретарѣ Витте доходы разсматриваемыхъ категорій поднялись на 400 милл. р., т.-е. увеличивались на 44 милл. р. въ годъ; въ томъ числѣ поступленія хозяйственнаго характера росли съ быстротой 10 милл. р. въ годъ, а поступленія налоговъ—въ три слишкомъ раза быстрѣе. Росту доходовъ *налоговаго* характера при обоихъ министрахъ и обязано, слѣдовательно, главнымъ образомъ, „блестящее“ состояніе нашего государственнаго бюджета.

Приведенныя выше данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ последнее десятилѣтіе государственные доходы наши вообще и налоговые въ частности увеличивались быстрѣе, нежели въ предшествующія имъ пять лѣтъ. Причину этого слѣдуетъ искать не въ различіяхъ финансовыхъ мѣропріятій двухъ министровъ, а главнымъ образомъ—въ неурожаяхъ начала 90-хъ годовъ: указанное выше приращеніе между 1886 и 1892 гг. доходовъ на 150 милл. р. падаетъ почти исключительно на время до-голодныхъ лѣтъ. Чтобы судить о томъ, какимъ образомъ этотъ ростъ доходовъ долженъ былъ отразиться на бюджетѣ, замѣтимъ, что въ теченіе пяти лѣтъ (1881—1886 гг.), предшествующихъ разсматриваемому періоду, доходы по тѣмъ же статьямъ (считая и выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) увеличились на 55 милл. рублей, что̀ соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію на 11 милл. руб. Поступленіе налоговъ увеличивалось въ это время на 7 милл. р. въ годъ,—въ три раза почти медленнѣе, нежели при Вышнеградскомъ, и почти въ пять разъ медленнѣе сравнительно съ послѣднимъ десятилѣтіемъ.

Придя къ заключенію, что исправленіе нашего государственнаго бюджета—въ смыслѣ появленія въ немъ, взамѣнъ дефицитовъ, крупныхъ остатковъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами—обязано, главнымъ образомъ, росту поступленій налоговъ,—мы остановимся теперь на вопросѣ о томъ, отъ чего зависѣлъ этотъ ростъ и какую роль играло при этомъ возвышеніе налоговъ.

IV.

Крупные остатки отъ выполненія смѣтъ—послѣ длиннаго ряда дефицитовъ—появились у насъ въ первый разъ вслѣдъ за переходомъ финансовъ въ завѣдываніе Вышнеградскаго, въ 1888 г. И неудивительно! Въ этомъ году государственные доходы разсматриваемыхъ категорій увеличились, сравнительно съ 1886 г., почти на 110 милл. р., тогда какъ расходы вѣдомствъ, по настоянію министра финансовъ, остались неизмѣненными. Увеличеніе государственныхъ доходовъ было достигнуто, благодаря слѣдующему ряду мѣръ, принятыхъ въ первый же годъ управленія новаго министра.

Въ половинѣ 1887 г. повышенъ на 25 — 100% акцизъ съ табачныхъ издѣлій; съ 1888 г. увеличенъ на 25 коп. съ ведра акцизъ на спиртъ; подняты таможенныя пошлины на такіе предметы народнаго потребленія, какъ хлопокъ, желѣзо и издѣлія изъ него, рыба, сельско-хозяйственныя орудія и др.; увеличены на 20—50% гербовыя пошлины; на $1^{1}/_{2}$ милліона рублей —раскладочный сборъ съ торговли и промысловъ; увеличенъ государственный поземельный налогъ; введены налоги на нефть и спички. Почти исключительно этому нажиманію податного пресса и обязано возростаніе въ 1888 г. поступленій налоговъ на сто слишкомъ милліоновъ рублей (сравнительно съ 1886 г., когда доходы собирались по старому обложенію).

Табачный доходъ, напр., увеличился съ 20 до 28 милл. руб.; а такъ какъ количество выработанныхъ въ 1888 г. табачныхъ издѣлій (3.514 тыс. пуд.) даже не достигло размѣровъ производства 1886 г. (3.577 тыс. пуд.), то возростаніе на 8 милл. р. табачнаго дохода должно быть всецѣло объяснено возвышеніемъ (на 40%) налоговаго бремени, лежавшаго на потребителѣ. Поступленіе питейнаго дохода поднялось за разсматриваемое время на 28 милл. р.; $^{1}/_{3}$ часть этого дохода (судя по увеличенію потребленія вина) падаетъ на расширеніе потребленія, а $^{2}/_{3}$—на возвышеніе налога. Таможенные сборы увеличились на 40 милл. р., и принимая во вниманіе, что цѣнность ввезенныхъ въ 1888 г. товаровъ упала на 40 милл. р., —нужно принять, что это увеличеніе дохода было слѣдствіемъ исключительно возвышенія пошлинъ. Каждый рубль цѣнности иностраннаго товара потребитель въ 1888 г. оплачивалъ пошлиной въ 36 к., тогда какъ ранѣе онъ отдавалъ 24 к. Увеличеніе гербоваго сбора принесло казнѣ 5 милл. р.; раскладочный сборъ, какъ сказано выше, былъ поднятъ на 1,5 милл. р.; два новые налога — нефтяной и спичечный — дали 9 милл. р. Мы перебрали почти всѣ источники приращенія доходовъ въ 1888 г., и можемъ сказать, не боясь ошибиться, что осуществив-

шееся, благодаря этому, исчезновеніе въ этомъ году дефицита въ бюджетѣ и образованіе излишка обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ 70 милл. р. почти исключительно обусловлены были не развитіемъ народнаго потребленія, а отягощеніемъ населенія новыми налогами.

Крупное возвышеніе налоговъ въ 1888 г., повидимому, извлекло изъ кармана плательщика все, что въ немъ заключалось, и въ слѣдующіе два года—несмотря на естественное размноженіе населенія—поступленіе государственныхъ доходовъ не увеличивалось, да и въ теченіе остальныхъ лѣтъ управленія того же министра доходы увеличились лишь на 40 милл. р. Разъ появившійся избытокъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ расходами повторялся, однако, въ средней суммѣ 60 милл. р., изъ года въ годъ, потому что смѣта расходовъ, по настоянію министра финансовъ, продолжала составляться съ „крайней осторожностью" въ назначеніи новыхъ тратъ.

Значеніе бюджетныхъ „избытковъ" для народной экономіи ярко рисуется (не говоря о голодѣ 1891—1892 гг.) слѣдующими данными о движеніи въ это время потребленія нѣкоторыхъ продуктовъ.

За годъ до поступленія финансовъ въ завѣдываніе Вышнеградскаго, было приготовлено (и оплачено акцизомъ) 3.577 тыс. пуд. табачныхъ издѣлій; въ 1887 г.—почти столько же. Въ слѣдующіе же годы, несмотря на размноженіе населенія, производство табачныхъ издѣлій нѣсколько сократилось (причемъ количество высшихъ сортовъ возросло на 10%), а въ 1892 г. оно составляло лишь 3.328 тыс. пуд. Потребленіе спирта начало падать еще ранѣе. Составляя въ Европейской Россіи 28 милл. ведеръ въ 1881—83 гг., оно упало къ 1887 г. до 25,3 милл. ведеръ, оставалось на этой цифрѣ три года, а въ теченіе 1890 — 92 гг. сократилось до 22,3 милл. ведеръ. Потреблено было чая (насколько о немъ можно судить по привозу этого продукта) въ 1886 г. 2.075 тыс. пуд.; въ слѣдующія пять лѣтъ привозъ этого предмета всеобщаго потребленія сократился и лишь въ 1892 г. поднялся до 2.142 тыс. пуд. Кофе было въ 1886 г. привезено въ количествѣ 458 тыс. пуд., а въ 1892 г.—396 тыс. пуд. Такимъ образомъ, потребленіе четырехъ главныхъ предметовъ въ годы образованія крупныхъ избытковъ государственныхъ доходовъ сократилось у насъ абсолютно, и лишь привозъ чая поднялся въ 1892 г. выше цифры момента, предшествующаго поступленію финансовъ въ завѣдываніе Вышнеградскаго. Но и при этомъ потребленіе даннаго продукта сократилось по разсчету на душу: привозъ чая возросъ на 3%, а населеніе увеличилось на 9—10%.

Грозныя явленія 1891 года заставили, наконецъ, и Вышнеградскаго признать фактъ переобремененія населенія налогами, и въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи государственныхъ до-

ходовъ и расходовъ онъ объяснялъ, что поднять обложеніе было бы въ то время несвоевременнымъ и небезопаснымъ. Въ томъ же самомъ 1892-мъ году постъ министра финансовъ занялъ С. Ю. Витте, и началъ свою дѣятельность съ того, что проектировалъ цѣлый рядъ новыхъ и возвысилъ многіе старые налоги. Министръ предложилъ возстановить налогъ на соль, обложить лицъ, не зачисленныхъ по призыву на дѣйствительную службу въ войска, ввести квартирный налогъ. Два первыя его предложенія были совершенно отвергнуты, третье осуществлено нѣсколько позже; но зато было допущено значительное повышеніе существующихъ налоговъ.

Съ 1893 г. были увеличены сборы съ промысловъ и недвижимыхъ имуществъ, акцизъ со спирта (на 75 к. съ ведра), акцизъ съ пивоваренія, съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ (на 20 к. съ пуда) и съ фосфорныхъ спичекъ; введенъ дополнительный акцизъ въ 2 р. съ пуда табаку (кромѣ махорки) и возвышенъ на 50% патентный сборъ съ заведеній, производящихъ табачную торговлю. Наконецъ, съ 1 сентября 1892 г. началъ взиматься дополнительный акцизъ съ рафинада (40 к. съ пуда).

Мѣры эти, однако, не сразу оправдали связанныя съ ними ожиданія. Несмотря на прекрасный урожай 1893 г., населеніе, послѣ перенесенныхъ невзгодъ, не могло сразу отвѣтить на предъявленныя къ нему требованія новыхъ платежей, и увеличенное обложеніе разныхъ продуктовъ потребленія почти не отразилось на поступленіи косвенныхъ налоговъ, которые въ общей суммѣ дали въ этомъ году почти то же, что̀ и въ предшествующихъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря возросшему (на 35 милл. р.) поступленію таможенныхъ сборовъ, успѣшному взысканію выкупныхъ платежей и увеличенію (на 10 милл. р.) поступленія прямыхъ налоговъ, государственные доходы въ 1893 г. значительно превзошли поступленія предшествующаго года, а такъ какъ смѣта расходовъ была составлена съ прежней осторожностью, то избытокъ доходовъ надъ расходами превзошелъ въ этомъ году излишки, получавшіеся при Вышнеградскомъ.

Возвышеніе косвенныхъ налоговъ, произведенное въ 1893 г., принесло ожидаемые отъ него плоды въ слѣдующіе годы, когда—благодаря прекраснымъ урожаямъ нѣскольких лѣтъ и хотя бы вздутому оживленію крупной промышленности вообще, желѣзнодорожнаго строительства въ частности—у русскаго рабочаго человѣка появились нѣкоторые избытки. Избытки эти, впрочемъ, отразились главнымъ образомъ въ расходахъ на такіе продукты, которые еще только входятъ въ потребленіе массы населенія: чай, сахаръ, керосинъ. Душевое потребленіе чая выросло за девять лѣтъ на $^1/_3$ части фунта, сахара—на 4 фунта, керосина—на 3 фунта. Что же касается предметовъ, давно

вошедшихъ во всеобщее потребленіе, каковы спиртъ и табакъ,—прироста народныхъ средствъ оказалось достаточно лишь для того, чтобы удержать потребленіе на невысокомъ уровнѣ 1892 г.: душевое потребленіе спирта составляло въ этомъ году 20,2 градусовъ ($^1/_5$ ведра), а въ 1901 г.—19,7 градусовъ; потребленіе табаку съ 1892 по 1900 г. увеличилось съ 1,22 до 1,29 фунтовъ на душу.

V.

Оживленіе промышленности и народнаго потребленія въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ оказалось, однако, недостаточнымъ для того, чтобы держать цифру приращенія государственныхъ доходовъ и цифру избытковъ доходовъ надъ расходами на желательномъ уровнѣ. Министерство финансовъ, какъ извѣстно, стремилось болѣе и болѣе расширить свое вліяніе на ходъ экономическихъ дѣлъ, а для этого ему нужно было обладать свободными денежными средствами; и чтобы добыть таковыя, оно продолжало возвышать налоги и принимало мѣры къ расширенію области хозяйственной дѣятельности государства. Мы говорили уже о многочисленныхъ повышеніяхъ налоговъ въ 1893 г. Въ слѣдующемъ году увеличенъ опять на 35 к. съ пуда акцизъ на сахаръ и введенъ новый, квартирный налогъ; въ 1895 г. приступлено къ осуществленію винной монополіи; въ 1898 г. послѣдовало преобразованіе и возвышеніе промысловыхъ и торговыхъ сборовъ; въ 1900 г., для покрытія расходовъ, вызванныхъ китайской войной, увеличенъ на 1 р. съ ведра акцизъ на спиртъ и на 1 р.—съ водочныхъ издѣлій, на 10 к. съ ведра заторнаго чана на каждый заторъ акцизъ съ пива; удвоена цѣна бандеролей для посуды съ водочными издѣліями; увеличенъ на 2 р. съ пуда дополнительный акцизъ съ табачныхъ издѣлій и на 40 к. съ пуда акцизъ на махорку; подняты (на 10 — 50%) таможенныя пошлины по 100 статьямъ и пунктамъ тарифа, въ томъ числѣ на такіе предметы общаго потребленія, какъ хлопчатая бумага и кофе. Китайская война окончена, но „временные“ налоги не отмѣняются.

Благодаря указаннымъ мѣрамъ, за девять лѣтъ управленія финансами С. Ю. Витте, поступленіе налоговъ и доходовъ отъ регалій и хозяйственныхъ предпріятій (считая чистый доходъ отъ винной монополіи въ 20 милл. р., а отрицательный результатъ желѣзнодорожнаго хозяйства въ 40 милл. р. въ 1892 г. и въ 33 милл. р. въ 1901 г.) поднялось почти на 400 милл. р. Наибольшій приростъ, а именно на 90 милл. р., дали таможенные сборы, затѣмъ хозяйственныя предпріятія (вмѣстѣ съ чистымъ доходомъ отъ винной монополіи и же-

лѣзныхъ дорогъ)—на 73 милл. р. За ними слѣдуютъ прямые налоги, давшіе на 53 милл. р. больше, и два косвенныхъ налога—питейный и сахарный,—принесшіе на 44 милл. р. каждый больше. Доходъ отъ пошлинъ увеличился на 28 милл. р., отъ регалій—на 23 милл. рублей. Послѣднія мѣста въ отношеніи прироста поступленій занимаютъ табачный и нефтяной налоги (увеличившіе доходы на 16 милл. каждый) и, наконецъ, спичечный (приростъ на 3 милл. р.).

Чтобы составить болѣе ясное понятіе о значеніи отдѣльныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ въ дѣлѣ возростанія послѣднихъ, слѣдуетъ сопоставить указанное выше приращеніе въ теченіе 1893—1901 гг. доходовъ съ суммою послѣднихъ въ 1892 г. Сопоставленіе это показываетъ, что наибольшее приращеніе дали сахарный (на 150%) и нефтяной (на 120%) налоги, установленные недавно и взыскиваемые съ предметовъ, еще только входящихъ въ общее потребленіе, причемъ сахаръ употребляется не только какъ приправа къ напиткамъ, но и какъ прибавокъ къ хлѣбу, потребляемому въ сухомятку. За разсматриваемое время потребленіе сахара выросло на 75%, или вдвое меньше, чѣмъ увеличился доходъ съ этого продукта, а потребленіе керосина—на 45%, т.-е. втрое почти меньше сравнительно съ возростаніемъ соотвѣтствующаго налога.

За разсмотрѣнными поступленіями налоговаго характера по быстротѣ возростаній слѣдуютъ таможенные сборы (на 70%), спичечный доходъ (на 60%) и табачный (на 54%). Цѣнность потребляемыхъ привозныхъ издѣлій увеличилась при этомъ на 47% или на $^1/_3$ менѣе, нежели возросъ таможенный доходъ; потребленіе зажигательныхъ спичекъ возросло на 37%, или почти вдвое меньше, нежели спичечный доходъ, и потребленіе табаку (съ 1892 по 1900 г.) поднялось на 28% при увеличеніи въ то же время табачнаго дохода на 38%. Послѣднее мѣсто по степени возростанія поступленія косвенныхъ налоговъ занимаетъ питейный доходъ, увеличившійся съ 1892 г. по 1901 г. на 16%; въ той же пропорціи возросло и потребленіе страною спирта. Прямые налоги показываютъ возростаніе на 38%.

По разсчету на душу населенія прямые налоги составляли въ 1902 г.—77 к., въ 1901 г.—98 к., косвенные въ 1892 г.—396 к., въ 1901 г.—515 к.; пошлины въ 1892 г.—57 к., въ 1902 г.—71 к.; таможенные сборы въ 1892 г.—32 к.; пошлины—167 к.

Благодаря перечисленнымъ мѣрамъ чуть не ежегоднаго нажиманія податного пресса (введеніе казенной продажи питей сопровождалось возвышеніемъ цѣны вина, иначе говоря—увеличенія сбора съ потребителей), министерство финансовъ достигло того, что роспись обык-

новенныхъ доходовъ и расходовъ выполнялась съ крупными остатками. При Вышнеградскомъ превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами составляло, въ среднемъ, 60 милл. р: въ годъ; при С. Ю. Витте оно поднялось до 160 милл. рублей. Этого, однако, оказалось недостаточно. Несмотря на „осторожное", въ общемъ, составленіе смѣты расходовъ разными вѣдомствами (кромѣ развѣ самого министерства финансовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ)—половина достигнутаго превышенія доходовъ надъ расходами поглотится, какъ мы видѣли, въ ближайшемъ будущемъ, и притомъ расходами по такой отрасли государственнаго хозяйства (желѣзныя дороги), которая получила необыкновенное развитіе въ послѣднія десять лѣтъ, именно, въ видахъ устраненія дефицитовъ изъ бюджета. Продолженіе прежней политики сооруженія во что бы то ни стало рельсовыхъ путей можетъ повести къ еще бо̀льшему дефициту въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Покрывать же эти дефициты дальнѣйшимъ повышеніемъ налоговъ затруднительно потому, что̀, по признанію самого бывшаго министра финансовъ, обложеніе населенія прямыми и косвенными налогами достигло крайняго предѣла своей напряженности. Иллюстраціей этого заявленія можетъ служить слѣдующій разсчетъ обложенія, падающаго на крестьянскую семью московской губерніи, расходующей ежегодно 400 р. Разсчетъ основанъ, съ одной стороны, на подробныхъ записяхъ расходовъ; съ другой—на основаніяхъ, приводимыхъ въ изданіяхъ департамента таможенныхъ и неокладныхъ сборовъ.

Расходуя 29 р. на водку, данная семья въ этой суммѣ уплачиваетъ 21 р. налога; на сахарѣ, пріобрѣтаемомъ на 27 р., она вноситъ въ казну 7 р.; изъ 21 р. расхода на чай пошлина поглощаетъ половину; изъ $4^1/_2$-рублевой траты на керосинъ—на акцизъ идетъ $1^1/_2$ р.; $1^2/_3$ расхода на табакъ содержитъ 30 к. акциза, а 65-копѣечный расходъ на спички—21 коп. налога. Всего данная семья уплачиваетъ косвенныхъ налоговъ болѣе 40 р., или 10% своего бюджета; прямые налоги составляютъ не менѣе 20 р., и бремя налоговъ повышается ими до 15% общаго расхода. При этомъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что приведенный разсчетъ не охватываетъ расходовъ, обусловленныхъ существованіемъ таможенныхъ пошлинъ на иностранные товары.

Что всѣ эти налоги образуютъ такую ношу, справиться съ которой крестьянинъ не въ состояніи—показываетъ исторія накопленія недоимокъ хотя бы по выкупнымъ платежамъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Къ началу 80-хъ годовъ недоимки эти составляли 26 милл. р., и эта сумма была признана такимъ яркимъ выраженіемъ непосильности для населенія бремени налоговъ, что было рѣшено понизить выкуп-

ные платежи на 20%. Въ то же время началась отмѣна подушной подати и сложены были недоимки по выкупнымъ платежамъ на сумму 16 милл. рублей. Эти облегчительныя мѣры, однако, оказали лишь скоропреходящее вліяніе, такъ какъ по другимъ налогамъ происходило повышеніе обложенія и общее направленіе экономической жизни ослабляло хозяйственную состоятельность крестьянина. Въ концѣ 80-хъ годовъ недоимки по выкупнымъ платежамъ составляли 13—14 милл. р.; въ неурожайный 1891 годъ онѣ сразу поднялись до 22 милл. р., въ слѣдующемъ году—до 29 милл. р.; и хотя вслѣдъ затѣмъ наступили весьма урожайные годы—недоимки увеличивались почти изъ года въ годъ и достигли—въ 1901 г.—40 милл. рублей. Не въ лучшемъ положеніи находится поступленіе выкупныхъ платежей съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и въ послѣдніе годы серьезно, наконецъ, поднятъ вопросъ о значительномъ пониженіи, если не полной отмѣнѣ этого налога.

Такое предположеніе, которое давно проповѣдуетъ печать, но которое лишь недавно начало проникать въ правительственныя сферы, свидѣтельствуетъ о томъ, что русское крестьянство оффиціально начинаетъ признаваться доведеннымъ до положенія неспособности выносить сколько-нибудь значительные прямые налоги. Выше приведено указаніе на то, что бывшій министръ финансовъ считаетъ и косвенное обложеніе населенія достигшимъ крайняго предѣла напряженности. Признаніе это имѣетъ особенное значеніе въ устахъ министра, неоднократно развивавшаго идею о легкости для населенія въ цѣнѣ покупаемыхъ имъ предметовъ потребленія—покрывать и соотвѣтствующую долю налога. Къ мнѣнію о крайней напряженности платежныхъ силъ населенія, послѣ пятилѣтняго завѣдыванія финансами, пришелъ и министръ Вышнеградскій. Тотчасъ послѣ этого онъ оставилъ свой постъ, а его преемникъ показалъ, что платежную силу населенія можно растянуть еще болѣе. Теперь и этотъ государственный дѣятель убѣдился, какъ и его предшественникъ, что дальнѣйшее натяженіе податной цѣпи несвоевременно, какъ выразился Вишнеградскій, и не безопасно. По странному совпаденію обстоятельствъ—вслѣдъ за такимъ признаніемъ приближенія критическаго момента въ исторіи нашихъ финансовъ, министръ—какъ и его предшественникъ—оставилъ постъ, и справляться съ затруднительнымъ положеніемъ придется его преемнику. Удастся ли новому министру такъ же просто и „блестяще“ еще разъ разрѣшить задачу предотвращенія дефицитовъ, не прибѣгая къ реформамъ, имѣющимъ цѣлью развитіе народныхъ (а не капиталистическихъ) производительныхъ силъ, или дальнѣйшее нажиманіе податного пресса будетъ дѣйствительно пріостановлено—покажетъ недалекое будущее. Что же касается министра, только-что оставившаго постъ, то, нимало

не отрицая ни его талантовъ, ни энергіи, мы не можемъ не замѣтить, что они мало нашли себѣ выраженія въ области финансоваго дѣла. Блестящее состояніе финансовъ—насколько оно зависитъ отъ поступленія государственныхъ доходовъ—достигалось, какъ мы видѣли, самымъ простымъ и первобытнымъ средствомъ возвышенія косвенныхъ налоговъ. Стоявшая же на очереди реформа прямого обложенія проведена была крайне нерѣшительно, и финансовое вѣдомство,—неуклонно повышавшее свои требованія къ скуднымъ достаткамъ простой массы населенія,—совершенно не использовало того источника государственныхъ доходовъ, какой создавался накопленіемъ капиталовъ и возвышеніемъ прибылей фабрикантовъ и заводчиковъ—въ значительной мѣрѣ на счетъ той же простой массы и при косвенномъ и прямомъ содѣйствіи государства. Новую финансовую идею можно было предполагать развѣ въ выкупѣ желѣзныхъ дорогъ и введеніи казенной продажи вина. Этими мѣрами —особенно послѣ того, какъ въ печать проникли свѣдѣнія о предположеніяхъ касательно передачи въ казну эксплоатаціи нефтяныхъ источниковъ и табачной монополіи—финансовое вѣдомство, казалось, хотѣло поставить государственные доходы до нѣкоторой степени внѣ зависимости отъ колеблющагося состоянія достатка бѣднѣющаго населенія. Но желѣзныя дороги сдѣлались, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ достиженія иныхъ цѣлей, не имѣющихъ прямого финансоваго значенія, что̀ повело къ разстройству ихъ хозяйства, а винная монополія дала такіе скудные результаты, что вѣра въ финансовые успѣхи казенныхъ промышленныхъ предпріятій, повидимому, пошатнулась. Послѣ того, въ 1900 г., министерство прибѣгло опять къ старому средству возвышенія косвенныхъ налоговъ, а черезъ два года оно должно было признать, что названный источникъ государственныхъ доходовъ исчерпанъ почти до его предѣла. Затруднительность положенія, въ какомъ оказался бы послѣ этого бывшій министръ финансовъ, разрѣшилась для него переходомъ тяжелаго поста въ другія руки.

В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1903.

С. Ю. Витте, какъ государственный дѣятель.—Главные вопросы реформы мѣстнаго управленія: уѣздный начальникъ, губернское земство, губернаторская власть.—Еще о законѣ 2-го іюня: рабочіе, не подходящіе подъ его дѣйствіе;—временной его характеръ; — профессіональныя болѣзни; — размѣръ вознагражденія; — процессуальныя правила.—Похвала, слишкомъ похожая на панегирикъ.

Впечатлѣніе, вызванное неожиданной перемѣной въ управленіи министерствомъ финансовъ, потеряло теперь свою первоначальную силу. Конечно, не настало еще и не скоро настанетъ время для всесторонней оцѣнки дѣятельности С. Ю. Витте; но можно подвести главные ея итоги, можно намѣтить нѣкоторыя характерныя черты самого дѣятеля. Первое уже сдѣлано у насъ въ особой статьѣ [1]); второму мы хотимъ посвятить нѣсколько словъ, далеко не исчерпывающихъ предмета.

Откинемъ, прежде всего, преувеличенные критеріи, съ которыми иногда подходятъ къ бывшему министру финансовъ. Совершенно празднымъ, напримѣръ, является вопросъ: „открылъ ли онъ Россію, узналъ ли онъ ея государственныя задачи, вѣрно ли онъ ихъ опредѣлилъ и удалось ли ему ихъ правильно рѣшить"? Открывать Россію незачѣмъ: она открыта по меньшей мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ стало возможно сколько-нибудь свободное ея изученіе. Ея государственныя задачи—не загадка, которую можно разгадать сразу; вѣрное ихъ опредѣленіе и правильное рѣшеніе—дѣло времени и коллективной работы. Только геніальному уму дано освѣтить яркимъ свѣтомъ настоящее и ближайшее будущее страны; отъ искуснаго администратора нельзя ни требовать, ни ожидать ничего подобнаго. Ошибаются, съ другой стороны, и тѣ, которые приписываютъ С. Ю. Витте роль перваго министра. Быть можетъ, онъ доводилъ до крайнихъ предѣловъ вліяніе,

[1]) См. выше: „Послѣднее десятилѣтіе нашихъ финансовъ", стр. 759.

свойственное министру финансовъ; несомнѣнно, ему случалось выступать за предѣлы своего вѣдомства—но отсюда еще далеко до соединенія въ однѣхъ рукахъ всѣхъ нитей хотя бы одной только внутренней политики. Если бывшій министръ финансовъ способствовалъ окраскѣ русской государственной жизни въ опредѣленный цвѣтъ, то это объясняется, помимо безспорно выдающихся его дарованій, общимъ ходомъ событій, возникшимъ гораздо раньше его появленія на высшихъ ступеняхъ государственной іерархіи.

Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началось у насъ, по извѣстному выраженію Каткова, *возвращеніе правительства*—т.-е., говоря проще и точнѣе, постепенное возстановленіе бюрократическаго начала, поколебленнаго великими реформами шестидесятыхъ годовъ. Въ послѣднее десятилѣтіе всего больше содѣйствовалъ поступательному ходу этого процесса—какъ въ области общихъ соображеній, такъ и въ сферѣ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій,—именно министръ финансовъ. Теоретически онъ выступалъ противъ земства, какъ нарушающаго предустановленную гармонію русскихъ государственныхъ учрежденій; практически онъ старался доказать, что для народнаго благосостоянія и благоустройства *управленіе* можетъ сдѣлать отнюдь не меньше, чѣмъ *самоуправленіе*. Ни для кого теперь не тайна, что осуществленію, въ 1899 г., сравнительно широко задуманной земской реформы въ западномъ краѣ помѣшалъ больше всего отзывъ министра финансовъ, направленный не только противъ проекта, но и противъ самыхъ началъ, лежащихъ въ основаніи земскихъ учрежденій. Изъ того же источника шла иниціатива удара, угрожавшаго, въ томъ же году, земской школѣ [1]). Въ непосредственной связи съ тогдашними заявленіями министерства финансовъ стоитъ, съ одной стороны, фиксація земскихъ смѣтъ, съ другой—введеніе въ западномъ краѣ учрежденій, земскихъ только по имени; косвенно связаны съ ними временныя правила о народномъ продовольствіи, ветеринарный законъ 1902-го года (теперь существенно измѣненный) и многое другое. Непомѣрно увеличившееся—какъ въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства финансовъ, такъ и на мѣстахъ,—число должностей и должностныхъ лицъ не только усилило, само по себѣ, бюрократическую армію, но послужило аргументомъ въ пользу бюрократическаго принципа. Изъ того, что желѣзныя дороги эксплоатируются казною не хуже или даже лучше, чѣмъ частными обществами, выводилось заключеніе, что не хуже или даже лучше земствъ могли бы вести мѣстное хозяйство агенты администраціи; въ

[1]) См. въ №№ 2 и 4 „Вѣстника Европы" за 1899 г. статьи: „Земство и толки о земствѣ" и „Земская школа и толки о земской школѣ", вызванныя именно тѣмъ, что было тогда извѣстно по слухамъ о походѣ противъ земства и земскаго дѣла.

томъ же смыслѣ толковался и успѣхъ (дѣйствительный или кажущійся — это вопросъ особый) казенной продажи вина. На самомъ дѣлѣ—повторяемъ сказанное нами въ 1899-мъ году,—„аналогіи между сравниваемыми категоріями явленій нѣтъ никакой. Частныя желѣзнодорожныя общества, частные продавцы вина заботились, прежде всего, о своей собственной выгодѣ, регулируя ею и общее направленіе своей дѣятельности, и отдѣльные ея пріемы; казенное управленіе ставитъ или, по меньшей мѣрѣ, можетъ ставить на первый планъ интересы государства, и притомъ не одни только фискальные, но и другіе, неразрывно связанные съ народнымъ благомъ. Между государствомъ и земствомъ нѣтъ, съ этой точки зрѣнія, никакой разницы: послѣднее, какъ и первое, имѣетъ въ виду не выгоды отдѣльныхъ лицъ или корпорацій, а выгоды цѣлаго, т.-е. общую пользу. Съ другой стороны, въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, какъ и въ казенной продажѣ вина, иниціатива принадлежитъ всецѣло высшему управленію; отъ подчиненныхъ требуется только точное и добросовѣстное исполненіе данныхъ имъ инструкцій и приказаній. Въ земскомъ хозяйствѣ иниціатива, наоборотъ, идетъ снизу; творческую роль играютъ здѣсь мѣстные союзы, нуждающіеся только въ прямо выраженномъ или безмолвномъ согласіи высшей власти. Такую роль нельзя было бы предоставить административнымъ агентамъ, какъ бы они ни были искусны и свѣдущи—а еслибы она и была имъ предоставлена, она пришлась бы имъ не по силамъ. Чтобы взять на себя почипъ работы, спеціально разсчитанной на данную мѣстность, недостаточно знанія мѣстныхъ условій—знанія, которымъ, въ лучшемъ случаѣ, могутъ обладать и пришлые чиновники; нужно принимать къ сердцу интересы мѣстнаго населенія, нужно быть къ нему близкимъ и чувствовать себя съ нимъ солидарнымъ. Представимъ себѣ, что тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, вмѣсто земской реформы, состоялось бы такое преобразованіе мѣстной администраціи, которое отдало бы завѣдываніе мѣстнымъ хозяйствомъ въ руки хорошо организованныхъ и хорошо дисциплинированныхъ бюрократическихъ учрежденій; каковы были бы, въ лучшемъ случаѣ, результаты ихъ работы? Быть можетъ, на лицо имѣлось бы нѣсколько больше благоустроенныхъ путей сообщенія, нѣсколько полнѣе были бы запасные хлѣбные магазины; но не было бы ни сѣти школъ, положившей конецъ поголовной безграмотности народныхъ массъ, ни арміи врачей, создавшей народную медицину, ни статистики, основанной на личныхъ наблюденіяхъ и проникающей въ глубину народной жизни, ни заботъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, положившихъ конецъ его вѣковому застою, ни массы полезныхъ указаній, заключающихся въ земскихъ ходатайствахъ, ни, наконецъ,—last not least,—того подъема общественныхъ

силъ и общественнаго духа, въ которомъ слѣдуетъ видѣть главную заслугу русскаго земства". Эта сторона дѣла систематически упускалась изъ виду, ad majorem gloriam—бюрократіи.

Усилія С. Ю. Витте, направленныя къ ограниченію самоуправленія, чередовались иногда съ мѣрами другого характера—*другого*, но не противоположнаго. Таковъ, напримѣръ, законъ 1-го іюня 1895-го года, создавшій земскіе дорожные капиталы, т.-е. обратившій на одну изъ отраслей земскаго хозяйства суммы, шедшія до тѣхъ поръ на содержаніе судебно-административныхъ учрежденій. Увеличивая земскія средства, этотъ законъ связывалъ земство въ способѣ ихъ употребленія, усиливалъ административный контроль надъ земской дѣятельностью... Не безъ содѣйствія министерства финансовъ состоялось предоставленіе городу Петербургу извѣстной доли государственнаго квартирнаго налога, позволившее расширить кругъ городскихъ избирателей, присоединеніемъ къ нимъ извѣстныхъ категорій квартиронанимателей—но это не болѣе какъ полумѣра, и въ финансовомъ, и въ политическомъ смыслѣ: мало поднимая городской доходъ, она недостаточно раздвигаетъ границы избирательнаго права.

Немалой заслугой С. Ю. Витте слѣдуетъ признать извѣстное указаніе его—въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1899-й годъ [1]),—на отсутствіе „прочнаго правопорядка", которымъ обезпечивались бы имущественныя и общественныя отношенія крестьянъ. Не отъ министра финансовъ, конечно, зависѣло устраненіе этого недостатка; желательно только, чтобы предсѣдатель особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (это званіе сохранено за С. Ю. Витте) вспомнилъ сказанное министромъ пять лѣтъ тому назадъ и направилъ работу совѣщанія къ намѣченной тогда цѣли. Сдѣлать это тѣмъ легче, чѣмъ громче и единодушнѣе высказались въ томъ же смыслѣ многіе изъ числа губернскихъ и уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Кстати объ особомъ совѣщаніи: въ одной изъ статей, вызванныхъ уходомъ С. Ю. Витте, мы читаемъ, что онъ „не придалъ работамъ особаго совѣщанія желательнаго успѣха". Что̀ значитъ этотъ упрекъ, тѣмъ болѣе странный, что работы особаго совѣщанія еще далеко не окончены и нельзя еще, слѣдовательно, судить объ успѣхѣ ихъ или неуспѣхѣ? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ вину предсѣдателю совѣщанія ставится здѣсь та доля свободы, которая, по его почину, была дана уѣзднымъ и губернскимъ комитетамъ и благодаря которой постановленія комитетовъ, несмотря на множество неблагопріятныхъ условій, отразили въ себѣ хоть отчасти наболѣвшія нужды

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ № 2 „Вѣстн. Европы" за 1899 г.

населенія. Нельзя, конечно, не пожалѣть о рѣшимости совѣщанія не обращаться къ земству; но суррогатомъ земскихъ отзывовъ послужили, до извѣстной степени, мнѣнія комитетовъ. Теперь вопросъ сводится къ тому, какъ воспользуется ими особое совѣщаніе. Потребность въ „прочномъ правопорядкѣ“ растетъ съ каждымъ днемъ, безправное положеніе громаднаго сословія становится все болѣе и болѣе ненормальнымъ. Ясная, для проницательнаго глаза, уже пять лѣтъ тому назадъ, необходимость коренной реформы въ настоящее время стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній.

Вредно отзывающимся на положеніи народной массы С. Ю. Витте, въ томъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ, признавалъ, кромѣ отсутствія „прочнаго правопорядка“, слабое развитіе просвѣщенія, но не придавалъ этому условію первостепеннаго значенія, ссылаясь на то, что при такомъ же уровнѣ образованія достигнута была въ западной Европѣ высокая степень благосостоянія земледѣльческаго класса. Этимъ взглядомъ, быть можетъ, объясняется сравнительная скудость средствъ, ассигнованныхъ, въ управленіе С. Ю. Витте, на народное образованіе (за исключеніемъ только церковно-приходскихъ школъ). При томъ превышеніи доходовъ надъ расходами, которое составляло отличительную черту послѣдняго десятилѣтія, нетрудно было приблизиться къ всеобщему начальному обученію, давно уже составляющему завѣтную цѣль земскихъ усилій. Весьма вѣроятно, что помѣшало этому, вмѣстѣ съ недостаточно высокой оцѣнкой результатовъ просвѣщенія, предубѣжденіе министра финансовъ противъ земства. Немаловажны, за то, заслуги С. Ю. Витте въ области средняго и высшаго образованія. Быстро умножившіеся и прекрасно поставленные политехническіе институты и коммерческія училища останутся лучшимъ памятникомъ дѣятельности бывшаго министра финансовъ.

Нельзя сказать, чтобы министерство финансовъ, при С. Ю. Витте, принадлежало къ числу наименѣе доступныхъ для критики; но нельзя сказать также, чтобы оно относилось къ ней столь же безпристрастно и спокойно, какъ то было при М. Х. Рейтернѣ и въ особенности при Н. Х. Бунге. Всего характернѣе, съ этой точки зрѣнія, запрещеніе „Русскаго Труда“, состоявшееся по иниціативѣ и при участіи С. Ю. Витте, хотя газета г. Шарапова ни въ какомъ отношеніи не принадлежала къ числу тѣхъ органовъ печати, подавленіе которыхъ имѣлось въ виду при изданіи „временныхъ“ правилъ 1882-го года... Чаще, быть можетъ, чѣмъ другіе государственные дѣятели нашего времени, С. Ю. Витте обращался къ содѣйствію людей науки. Всегда ли былъ счастливъ его выборъ—покажетъ время. Встрѣчавшіяся при этомъ неудачи реакціонная печать

очень хотѣла бы приписать „невысокому уровню нашей университетской науки"—но надобно думать, что едва ли это ей удастся.

Передъ С. Ю. Витте, соединяющимъ въ своихъ рукахъ предсѣдательство въ комитетѣ министровъ и въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, открыто теперь новое и важное поприще. Пожелаемъ, чтобы въ одной части этого поприща онъ пошелъ какъ можно дальше, включивъ въ кругъ занятій особаго совѣщанія все намѣченное уѣздными и губернскими сельско-хозяйственными комитетами—а въ другой, наоборотъ, возстановилъ слишкомъ часто нарушавшіяся границы, устранивъ изъ вѣдѣнія комитета министровъ всѣ вопросы законодательнаго свойства.

Въ поставленной на очередь реформѣ мѣстнаго управленія особенное вниманіе печати обращають на себя три вопроса: кому должно принадлежать первое мѣсто въ уѣздѣ—должно ли быть сохранено губернское земство—въ какой степени и въ какомъ направленіи должна быть расширена власть губернатора. Первый вопросъ—единственный, по которому произошло разногласіе между газетными реакціонерами. „Московскія Вѣдомости", устами г. Spectator'а, высказались за учрежденіе особой должности уѣзднаго начальника или „уѣзднаго вице-губернатора", назначаемаго правительствомъ изъ среды мѣстныхъ дѣятелей и управляющаго уѣздомъ на тѣхъ же, приблизительно, основаніяхъ, на какихъ губернаторъ управляетъ губерніей. Этимъ путемъ, по мнѣнію московской газеты, будетъ достигнуто съ одной стороны устраненіе господствующаго теперь *двоевластія* (т.-е. одновременнаго существованія власти правительственной и власти земской), въ уѣздахъ, собственно говоря, обращающагося въ земское единовластіе (?!), съ другой—усиленіе отвѣтственности управляющихъ и возможно бо̀льшая децентрализація управленія. Соединеніе функцій уѣзднаго начальника съ должностью уѣзднаго предводителя дворянства г. Spectator признаетъ нежелательнымъ, какъ въ виду *безотвѣтственности* предводителя, такъ и въ виду множества обязанностей, упадающихъ на первое лицо въ уѣздѣ. Для безвозмезднаго отправленія этихъ обязанностей все труднѣе и труднѣе находить людей, а полученіе жалованья было бы несовмѣстно съ традиціоннымъ характеромъ предводительскаго званія. Иного мнѣнія, на этотъ разъ, держится „Гражданинъ": онъ не видитъ надобности въ „фабрикаціи новаго чиновника-командира уѣзда" и считаетъ неудобнымъ колебать положеніе, издавна принадлежащее уѣздному предводителю. Въ другомъ газетномъ лагерѣ защитникомъ предводителя выступилъ К. Ѳ. Головинъ. Лучше всего, по его мнѣнію, „признать и закрѣпить то, что̀ сложилось само

собою: открыто ввѣрить предводителю руководящую власть въ уѣздѣ и прямо подчинить ему органы мѣстной полиціи", объединивъ состоящія подъ его предсѣдательствомъ учрежденія и предоставивъ ему обращаться къ прочимъ должностнымъ лицамъ, какъ къ подчиненнымъ.

Что положеніе дѣлъ, при которомъ, въ уѣздномъ управленіи, принадлежитъ первая роль лицу, избираемому *однимъ* сословіемъ, не можетъ быть названо вполнѣ нормальнымъ—это безспорно: но до тѣхъ поръ, пока коренная перемѣна къ лучшему составляетъ лишь предметъ мечтаній, наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса представляется, въ нашихъ глазахъ, простое сохраненіе statu quo, не только безъ коренной ломки, проектируемой „Московскими Вѣдомостями", но и безъ „поправокъ", предлагаемыхъ г. Головинымъ. Рядомъ съ всевластнымъ „уѣзднымъ вице-губернаторомъ" не осталось бы мѣста для сколько-нибудь самостоятельнаго уѣзднаго предводителя дворянства, хотя бы послѣдній и считался равнымъ первому. Ушли бы, можетъ быть—согласно съ предсказаніемъ „Гражданина"—и многіе изъ числа земскихъ начальниковъ, такъ какъ подчиненіе губернатору и губернскому присутствію, уже вслѣдствіе ихъ отдаленности, все-же легче, чѣмъ руководящій надзоръ „командующаго уѣздомъ". А что сталось бы съ уѣзднымъ земствомъ, поставленнымъ подъ властную руку уѣзднаго начальника? Обратясь въ канцелярію его по хозяйственной части, уѣздная земская управа сдѣлалась бы чѣмъ-то въ родѣ маленькаго губернскаго правленія и перестала бы привлекать къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто цѣнитъ теперь въ земской службѣ именно ея сравнительную независимость. Уѣздное земское собраніе, лишенное, de facto, своего исполнительнаго органа, играло бы роль совѣщательной коллегіи, „мнѣнія" которой ни для кого не обязательны и мало кому интересны. Гласные отъ крестьянъ—при сохраненіи нынѣшнихъ избирательныхъ порядковъ—оказались бы ставленниками уѣзднаго начальника, во всемъ послушными его волѣ. Исчезла бы вся разница между земскими врачами и большинствомъ ихъ служащихъ собратій. Ничего не выиграли бы отъ полновластія одного лица и остальныя отрасли уѣзднаго управленія. Уровень полицейской службы не поднялся бы отъ того, что уѣзднаго исправника замѣнилъ бы или подчинилъ бы себѣ уѣздный начальникъ. Въ первомъ случаѣ неизбѣжно ослабѣлъ бы надзоръ надъ низшими полицейскими чинами, изъ главной, почти единственной обязанности превратясь въ одну изъ многихъ; во второмъ случаѣ явилась бы новая, вполнѣ излишняя и дорого стоющая инстанція между губернаторомъ и начальникомъ уѣздной полиціи. Совершенно очевидны, наконецъ, неудобства подчиненія уѣздному начальнику должностныхъ лицъ другихъ вѣдомствъ—подат-

ныхъ инспекторовъ, уѣздныхъ казначеевъ, акцизныхъ надзирателей, лѣсничихъ, инспекторовъ народныхъ училищъ и др. Во все вмѣшиваясь, уѣздный начальникъ вызывалъ бы коллизіи между вѣдомствами, не уравновѣшиваемыя серьезной пользой для дѣла... До извѣстной степени все сказанное выше примѣнимо и къ проекту г. Головина, насколько онъ клонится къ усиленію *власти* уѣзднаго предводителя дворянства. Особенно опаснымъ такое усиленіе было бы въ земской сферѣ. *Руководя* уѣздной управой или хотя бы только *вліяя* на ея рѣшенія, уѣздный предводитель не могъ бы быть безпристрастнымъ предсѣдателемъ уѣзднаго земскаго собранія [1]).

Единодушіе реакціонныхъ газетъ, нарушенное споромъ объ уѣздномъ управленіи, возстановляется вполнѣ, какъ только заходитъ рѣчь о губернскомъ земствѣ. И „Московскія Вѣдомости", и „Гражданинъ" съ одинаковымъ усердіемъ изрекаютъ ему смертный приговоръ. На страницахъ московской газеты этотъ приговоръ подписанъ, впрочемъ, еще въ 1895 г., когда земству грозила рѣшительная опала, и его враги старались воспользоваться удобнымъ случаемъ, подкапываясь, per fas et nefas, подъ самыя основы земскаго самоуправленія. Теперь опять раздается знакомый крикъ: delenda Carthago! Роли нападающихъ распредѣляются согласно ихъ способностямъ и вкусамъ: одни берутъ на себя дѣловую, другіе — политическую сторону задачи. Спеціалистъ по части благонамѣренности, г. Spectator открываетъ аттаку, представляя губернскія земскія собранія ареной „политическаго спорта" и „игры въ оппозицію", „школой дурного политическаго тона" и даже „политическаго разврата" (!). Затѣмъ идетъ рядъ передовыхъ статей, подробно мотивирующихъ возможность обойтись безъ столь опаснаго элемента. „Двойственная" земская организація—т.-е. существованіе, рядомъ съ уѣздными, губернскихъ земствъ—ненужна и вредна: *ненужна*, потому что все дѣлаемое губернскимъ земствомъ можетъ быть лучше сдѣлано уѣздными, каждымъ въ отдѣльности или нѣсколькими вмѣстѣ; *вредна*, потому что она влечетъ за собою насильственное вмѣшательство губернскаго земства въ дѣла уѣздовъ... Все это—повтореніе давно извѣстныхъ доводовъ, слегка видоизмѣненныхъ. Прежде предполагалось замѣнить губернское земское собраніе „съѣздомъ представителей уѣздовъ", губернскую земскую управу—„уполномоченнымъ, съ небольшимъ при немъ бухгалтерскимъ бюро" [2]); теперь не проектируется ничего подобнаго, губернское зем-

[1]) Говоря, въ апрѣльскомъ „Внутреннемъ Обозрѣніи", о первыхъ статьяхъ К. Ѳ. Головина, мы выразили недоумѣніе, остается ли въ его проектѣ мѣсто для земскихъ управъ, уѣздной и губернской. Изъ послѣдующихъ статей его видно, что этотъ вопросъ разрѣшается имъ утвердительно.

[2]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 7 „Вѣстника Европы" за 1895 г.

ство упраздняется (въ редакціонномъ кабинетѣ) purement et simplement, безъ всякаго, хотя бы маленькаго эквивалента. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что страхованіе выгодно и безопасно только въ обширной средѣ, допускающей уравновѣшеніе риска; не даромъ же заходитъ, въ послѣднее время, рѣчь о междугубернскихъ страховыхъ союзахъ. Thut nichts, der Jude wird verbrannt: страховой единицей, въ преобразованномъ земствѣ, пускай будетъ уѣздъ. До сихъ поръ считалось аксіомой, что психіатрическія больницы, организованныя согласно съ требованіями науки, возможны только въ крупныхъ центрахъ; thut nichts, пускай каждый уѣздъ заводитъ у себя маленькую психіатрическую лечебницу—или пускай завѣдуетъ лечебницей тотъ уѣздъ, гдѣ она открыта, а другіе пусть участвуютъ въ ея содержаніи *въ той или другой формѣ* (въ какой? и можно ли будетъ обойтись при этомъ безъ „съѣзда представителей уѣздовъ"?). Губернское земство помогаетъ теперь уѣзднымъ въ принятіи мѣръ противъ эпидемій, посылаетъ на мѣста, въ случаѣ надобности, врачей, фельдшеровъ или цѣлые медицинскіе отряды, созываетъ съѣзды врачей, устраиваетъ аптекарскіе склады; всего этого не хочетъ знать московская газета, утверждая, что въ врачебной области губернское земство ограничивается *надзоромъ* за уѣздными (чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ вовсе). Губернское земство издавна содержитъ на свой счетъ такъ называемыя губернскія земскія дороги, т.-е. тѣ пути сообщенія, которые, не имѣя обще-государственнаго значенія, особенно важны для губерніи или для нѣскольких ея уѣздовъ; со времени учрежденія дорожнаго капитала оно усиливаетъ техническій надзоръ, что̀ отдѣльнымъ уѣздамъ было бы не по силамъ; во многихъ губерніяхъ оно принимаетъ въ свое завѣдываніе, по соглашенію съ правительствомъ, казенныя шоссе, которыя немыслимо было бы раздробить между уѣздами. Во что̀ обращается, въ виду этихъ безспорныхъ фактовъ, увѣреніе „Московскихъ Вѣдомостей", что съ дорожнымъ дѣломъ легко справились бы и уѣздныя земства?.. Совершенно игнорируются, далѣе, всѣ тѣ многочисленныя общегубернскія предпріятія, которыя устроивались и устроиваются до сихъ поръ именно и только губернскими земствами: фельдшерскія и учительскія школы, курсы огородничества и плодоводства, кустарные банки и музеи, основное, по общему плану, статистическое описаніе губерніи, оглашеніе, въ той или другой формѣ, фактовъ, обусловливающихъ направленіе или содержаніе земской дѣятельности... Въ какой степени законно и полезно такъ называемое вмѣшательство губернскаго земства въ дѣла уѣздныхъ земствъ—объ этомъ мы говорили много разъ, возражая, въ особенности, противъ аргументаціи Б. Н. Чичерина. Напомнимъ только, что поддержка губернскаго земства обыкновенно *испрашивается* уѣздными земствами или, по меньшей мѣрѣ,

оказывается *съ ихъ согласія*, бо́льшею частью въ видѣ содѣйствія тому, что предпринято самимъ уѣздомъ, и съ оставленіемъ за нимъ непосредственнаго распоряженія всѣмъ существующимъ въ его предѣлахъ. Когда о́рганы самоуправленія расположены въ извѣстной постепенности, тѣ изъ нихъ, районъ вѣдомства которыхъ больше, средства—значительнѣе, кругозоръ—шире, являются естественными помощниками, а иногда и руководителями другихъ; послѣдніе, въ свою очередь, помогаютъ первымъ во всемъ томъ, что̀ требуетъ бо́льшей близости къ населенію—и такой взаимный обмѣнъ услугъ вполнѣ согласенъ съ общимъ характеромъ самоуправленія.

„Откуда идетъ",—спрашивали мы восемь лѣтъ тому назадъ,—„ожесточенная вражда нѣкоторыхъ о́ргановъ печати противъ губернскаго земства"? Отвѣтъ, данный нами тогда на этотъ вопросъ, вполнѣ примѣнимъ и къ настоящему времени. „Въ огромномъ большинствѣ нашихъ уѣздныхъ городовъ пульсъ общественной жизни бьется едва замѣтно; столичныя газеты, въ лицѣ своихъ корреспондентовъ, заглядываютъ туда рѣдко и лишь мимоходомъ; мѣстная печать существуетъ далеко не вездѣ и связана по рукамъ и по ногамъ административной цензу́рой. Въ этомъ затишьѣ, въ этой полу-темнотѣ, уѣздныя земскія собранія проходятъ почти незамѣченными; они дѣлаютъ свое дѣло, дѣлаютъ его иногда очень хорошо, раскрываютъ и освѣщаютъ многое, заслуживающее вниманія — но сказанное и сдѣланное ими, за рѣдкими исключеніями, остается похороненнымъ въ докладахъ и отчетахъ земскихъ управъ, въ журналахъ земскихъ собраній, мало доступныхъ уже вслѣдствіе крайней своей объемистости и многочисленности: печатныхъ листовъ, издаваемыхъ тремя-стами шестьюдесятью уѣздными земствами, насчитывается ежегодно никакъ не меньше четырехъ тысячъ. Нѣсколько лучше, съ этой точки зрѣнія, положеніе тѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній, которыя засѣдаютъ въ столицахъ и въ губернскихъ городахъ; о нихъ мы узнаемъ сравнительно немало —но этимъ не восполняется недостатокъ свѣдѣній о всѣхъ остальныхъ. Скажемъ болѣе: какъ ни важны, для каждаго уѣзда, труды его уѣзднаго земскаго собранія, показателемъ положенія и настроенія страны дѣятельность уѣздныхъ земствъ можетъ служить только въ весьма ограниченной степени. Это зависитъ какъ отъ свойства вопросовъ, разрѣшаемыхъ уѣздными земскими собраніями—вопросовъ по преимуществу частныхъ, пріуроченныхъ къ условіямъ данной мѣстности,—такъ и отъ состава уѣздныхъ гласныхъ, значительная часть которыхъ не привыкла къ обобщеніямъ, къ болѣе широкимъ взглядамъ. Пренія въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ имѣютъ обыкновенно характеръ чисто-практическій; рѣчь идетъ не столько о томъ, *почему и для чего* должно быть сдѣлано то или другое, сколько о томъ, *какъ*

оно должно быть сдѣлано. Гласные-крестьяне, лучше всѣхъ другихъ знакомые съ нуждами массы, далеко не всегда *умѣютъ* и еще рѣже *смѣютъ* нарисовать вѣрную ихъ картину. Совершенно иным представляется положеніе губернскихъ земскихъ собраній. Ихъ сравнительно мало, слѣдить за дѣятельностью ихъ сравнительно легко; они засѣдаютъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ гораздо больше людей интересующихся ихъ занятіями, гораздо больше орудій гласности; имъ гораздо чаще приходится встрѣчаться съ вопросами общегосударственной или общенародной важности; въ ихъ составѣ всегда находится хоть нѣсколько лицъ, способныхъ отнестись къ этимъ вопросамъ не съ точки зрѣнія „интересовъ колокольни". Не будь губернскихъ земскихъ собраній, не было бы такихъ страницъ въ исторіи нашего земства, какъ отвѣты 1871 г. на вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати, какъ отвѣты 1881—82 г. на вопросъ о реформѣ мѣстнаго управленія, какъ длинный рядъ ходатайствъ, намѣтившихъ — и во многихъ случаяхъ не безплодно — цѣлую программу преобразованій. Представимъ себѣ теперь, что губернскія земскія учрежденія прекратили свое существованіе или уступили мѣсто какому-то эфемерному „съѣзду уѣздныхъ представителей". Земская дѣятельность тотчасъ же стушевывается, теряется изъ виду, погружается почти всецѣло въ полнѣйшую безгласность. До всеобщаго свѣдѣнія доходятъ, отъ времени до времени, только безсвязные ея отрывки, въ большинствѣ случаевъ, притомъ, обезцвѣченные и приспособленные—ad usum delphini. Никто не говоритъ правительству, отъ имени населенія, о назрѣвшихъ и наболѣвшихъ вопросахъ народной жизни. Земство перестаетъ быть однимъ изъ двигателей развитія, однимъ изъ показателей пути, по которому должно идти государство. Этого именно и хотятъ наши газетные реакціонеры. Они ненавидятъ земство именно какъ одну изъ немногихъ сколько-нибудь самостоятельныхъ силъ, возвышающихъ голосъ среди всеобщаго молчанія, какъ одно изъ немногихъ общественныхъ учрежденій, „смѣющихъ имѣть свое сужденіе". Имъ нужно запрятать его въ медвѣжьи углы, запереть его въ узкій кругъ мелкихъ хозяйственныхъ вопросовъ. Для этого нужно покончить, прежде всего, съ губернскимъ земствомъ"... И вотъ, къ этой именно цѣли направлены, по-прежнему, стремленія всѣхъ тѣхъ, чья программа исчерпывается словами: *не разсуждать, повиноваться* [1]). Что усиліямъ

[1]) До какой степени распространена въ извѣстныхъ сферахъ антипатія къ широкому проявленію самостоятельной земской мысли—это видно изъ предложенія „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 126) привлекать къ уголовной отвѣтственности не только предсѣдателя земскаго собранія, допустившаго обсужденіе *государственнаго* вопроса, но и гласныхъ, въ немъ участвовавшихъ—и притомъ не въ обыкновенномъ судебномъ порядкѣ, а въ административномъ! Это — очень характерный симптомъ болѣзни, которую можно назвать политическою свѣтобоязнью.

ихъ, въ данномъ случаѣ, не суждена побѣда—на это указываютъ недавнія постановленія особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, проектирующія устройство не только уѣздныхъ, но и *губернскихъ* земскихъ кассъ, и передачу земствамъ такихъ казенныхъ дорогъ (напр. шоссейныхъ), завѣдываніе которыми по силамъ только губернскому земству.

Не случайно, конечно, противники губернскаго земства являются усерднѣйшими сторонниками губернаторскаго полновластія. Безъ губернскаго земскаго собранія, состоящаго изъ выборныхъ представителей населенія, съ губернской управой, земской только по имени, фактически низведенной на степень обыкновеннаго присутственнаго мѣста, легче сосредоточить въ однѣхъ рукахъ всѣ нити губернскаго управленія. Желательно ли, однако, такое сосредоточеніе, можетъ ли оно привести къ ожидаемымъ отъ него результатамъ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, какъ понимаютъ газетные реакціонеры усиленіе и расширеніе губернаторской власти. Исходная точка ихъ разсужденій — недостаточность правъ, принадлежащихъ губернатору, въ особенности по отношенію къ новымъ или преобразованнымъ учрежденіямъ (судебнымъ, контрольнымъ, земскимъ, городскимъ); конечная ихъ цѣль—возвращеніе къ до-реформенному времени, когда начальникъ губерніи, „имѣя обширныя полномочія рѣшительно по всѣмъ отраслямъ государственнаго правленія, стоя во главѣ земскаго хозяйства, принимая даже участіе въ отправленіи правосудія, былъ именно представителемъ высшей государственной власти на мѣстѣ". Какъ пользовался своими полномочіями тогдашній губернаторъ—это слишкомъ хорошо извѣстно: земское хозяйство существовало только по имени, о благоустройствѣ, кромѣ показного, внѣшняго (да и то лишь на главныхъ улицахъ губернскаго города и на главныхъ проѣзжихъ трактахъ—путяхъ слѣдованія высокопоставленныхъ особъ), никто и не думалъ, суды были притономъ взяточничества и волокиты, полиція угнетала слабыхъ и угождала сильнымъ. Могутъ замѣтить, что тогда было одно время, теперь—другое: власть, тогда дремавшая или служившая орудіемъ злоупотребленій, теперь, подъ опасеніемъ серьезной отвѣтственности, будетъ умѣло и энергично дѣйствовать на общую пользу. Но развѣ губернаторы, въ первой половинѣ XIX-го вѣка, не были отвѣтственными? Развѣ рѣдки были случаи ихъ увольненія или даже удаленія? Развѣ ихъ не угнеталъ постоянный страхъ передъ грозною центральною властью?.. Что касается до умѣнья и энергіи, то они не безпредѣльны и не безконечны. Въ сравнительно узкой сферѣ легче достигнуть мастерства;

раздробленность дѣятельности неизбѣжно уменьшаетъ ея интенсивность. Неужели правосудіе стало бы болѣе обезпеченнымъ, еслибы его приговоры подлежали, какъ прежде, утвержденію губернатора (или губернаторской канцеляріи)? Во что обратился бы судъ, еслибы его рѣшенія писались подъ диктовку администраціи? Къ чему могло бы привести участіе не-спеціалиста въ отправленіи функцій, требующихъ спеціальныхъ навыковъ и знаній? Мыслима ли, наконецъ, какая бы то ни было зависимость контрольнаго вѣдомства отъ того, дѣйствія котораго оно повѣряетъ?...

Остановимся нѣсколько дольше на отношеніяхъ губернатора къ прокуратурѣ. Здѣсь защитникамъ губернаторскаго полновластія нельзя даже ссылаться на „обычай доброй старины": губернаторъ, по закону, никогда не былъ начальникомъ губернскаго прокурора, такъ какъ зависимость послѣдняго отъ мѣстной власти была бы несовмѣстна съ самымъ назначеніемъ его должности. Это не мѣшаетъ, однако, „Московскимъ Вѣдомостямъ" стоять за *прямое подчиненіе* прокуратуры губернатору. Прокуратура, по мнѣнію газеты — органъ *общеадминистративный:* обвиняя *отъ имени государства*, обнаруживая нарушенія законнаго порядка, охраняя передъ судомъ интересы казны, малолѣтнихъ и другихъ лицъ, нуждающихся въ опекѣ государственной власти, она исполняетъ задачи скорѣе административныя, чѣмъ судебныя. Да, конечно, прокуроръ—не судья; но столь же мало онъ и администраторъ. Его обязанности имѣютъ специфическій характеръ, вездѣ выдѣляющій его изъ среды органовъ управленія: можно ли, напримѣръ, представить себѣ французскаго прокурора зависимымъ отъ префекта? До извѣстнаго момента и въ извѣстныхъ предѣлахъ для прокурора обязательны предписанія, идущія съ высшихъ ступеней іерархической лѣстницы — отъ прокурора судебной палаты, отъ министра юстиціи: но есть сфера, въ которой онъ пользуется полною самостоятельностью — никто не можетъ потребовать отъ него, чтобы онъ обвинялъ вопреки убѣжденію. Этого одного достаточно, чтобы изъять его изъ-подъ власти мѣстной администраціи. Еще больше такое изъятіе необходимо въ виду того, что прокурору принадлежитъ иниціатива въ раскрытіи и преслѣдованіи должностныхъ преступленій. Съ какими препятствіями ему приходится здѣсь встрѣчаться и бороться—это показалъ еще недавно процессъ кронштадтскаго полиціймейстера; каково же было бы положеніе прокурора, наравнѣ съ изобличаемыми имъ должностными лицами подчиненнаго губернатору?.. Указываютъ на то, что при производствѣ дознаній въ распоряженіи прокурора состоятъ полицейскіе чины, которыхъ онъ можетъ подвергать предостереженіямъ и привлекать къ уголовной отвѣтственности— а этимъ создается ненормальное положеніе для полиціи, зависимой въ

одно и то же время и отъ губернатора, и отъ неподчиненнаго губернатору прокурора. Что такое положеніе не совсѣмъ удобно, этого отрицать нельзя; но, по справедливому замѣчанію писателя, хорошо знакомаго съ судебно-административными отношеніями—И. Г. Щегловитова [1]),—единственнымъ выходомъ изъ него представляется учрежденіе судебной полиціи, исключительно подвѣдомственной прокурорскому надзору. Пока ея нѣтъ, подчиненіе прокуратурѣ полицейскихъ чиновъ, производящихъ дознанія, совершенно неизбѣжно, какъ необходимое условіе цѣлесообразнаго и правильнаго направленія предварительныхъ розыскныхъ дѣйствій.

Находя, что земскія и городскія учрежденія все еще недостаточно зависимы отъ губернатора, московская газета утверждаетъ, что „*всѣ* силы губернской администраціи поглощаются не государственно-культурною работою на пользу населенія, а *исключительно* на надзоръ за земскими учрежденіями и на борьбу съ ихъ постоянными попытками нарушить предѣлы своего вѣдѣнія; это самая трудная часть, которая поглощаетъ *все* время и *все* вниманіе губернаторовъ“. До такихъ чудовищныхъ преувеличеній рѣдко доходитъ даже наша реакціонная печать. Во многихъ губерніяхъ о *борьбѣ* между губернаторомъ и земствомъ нѣтъ и помину; мнимые враги уживаются между собою какъ нельзя лучше; губернаторы, открывая губернское земское собраніе, отдаютъ полную справедливость земской дѣятельности; протесты приносятся рѣдко и по вопросамъ второстепеннымъ. Есть, правда, губерніи, въ которыхъ происходитъ нѣчто похожее на борьбу: рѣчи губернатора наполняются упреками, земскія предпріятія возбуждаютъ недовѣріе, земскіе выборы не утверждаются, земскія смѣты подвергаются усиленнымъ сокращеніямъ, губернскія присутствія загромождаются пререканіями, доводимыми, затѣмъ, до высшихъ инстанцій. Отъ кого идетъ, обыкновенно, инціатива борьбы,—объ этомъ едва ли возможны два различныя мнѣнія. Даже тамъ, гдѣ борьба разгорается всего сильнѣе и продолжается всего дольше, она не можетъ поглотить собой *всю* энергію, занять *все* время губернатора. Полемъ битвы служитъ обыкновенно губернское земское собраніе, засѣдающее, бо́льшею частью, только одинъ разъ въ году, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль [2]). Протесты на постановленія со-

[1]) Въ статьѣ И. Г. Щегловитова („Право“, № 36) съ полною ясностью выставлена на видъ ошибочность главныхъ аргументовъ, приводимыхъ въ пользу подчиненія прокуратуры губернатору. Само собою разумѣется, что оно сдѣлалось бы еще болѣе немыслимымъ, еслибы на прокуратуру—какъ предлагаетъ г. Щегловитовъ—были возложены, въ томъ или другомъ видѣ, функціи прежняго губернскаго прокурора. Къ этой мысли мы еще возвратимся.

[2]) Что уѣздныя земскія собранія почти никогда не бываютъ для губернатора источникомъ безпокойства и тревоги—этого не оспариваетъ и реакціонная печать.

бранія приносятся вслѣдъ за его окончаніемъ и разрѣшаются губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, засѣданія котораго назначаются губернаторомъ и въ большинствѣ котораго онъ почти всегда находитъ поддержку. Весьма быстро, такимъ образомъ, все служившее предметомъ спора можетъ исчезнуть со сцены. Если положить мѣсяцъ на подготовку къ собранію (т.-е. просмотръ докладовъ, составляемыхъ управой), мѣсяцъ на самое собраніе и мѣсяцъ на сведеніе его итоговъ, то остается еще девять мѣсяцевъ спокойствія, рѣдко и слабо нарушаемаго кажущимся своеволіемъ или мнимою строптивостью губернской земской управы. Какъ бы ревниво послѣдняя ни отстаивала свою самостоятельность, поводовъ къ столкновеніямъ ежедневный, будничный ходъ земско-хозяйственнаго дѣла даетъ немного. Ничто не мѣшаетъ губернатору дѣлиться съ земствомъ мыслями о желательныхъ улучшеніяхъ и новшествахъ—а если необходимость земскаго согласія и содѣйствія удерживаетъ администрацію отъ поспѣшнаго исполненія только-что составленныхъ ею плановъ, то это, безъ сомнѣнія, должно быть признано не недостаткомъ, а достоинствомъ существующаго порядка.

Если дальнѣйшее расширеніе губернаторской власти по отношенію къ земству и городамъ было бы равносильно совершенному подавленію всякой общественной самодѣятельности, а подчиненіе губернатору прокуратуры, суда и контрольныхъ учрежденій уничтожило бы всѣ мѣстныя ограниченія произвола, столь важныя для поддержанія законности и истиннаго порядка, то невольно возникаетъ вопросъ, въ какую же сторону могутъ быть раздвинуты и расширены полномочія губернатора? Указываютъ на смуты, все чаще и чаще повторяющіяся, въ послѣднее время, въ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ. Но вѣдь губернаторъ и теперь вооруженъ правомъ издавать обязательныя постановленія, направленныя къ охраненію спокойствія и тишины; онъ и теперь располагаетъ полицейскими силами—для предупрежденія и пресѣченія безпорядковъ, военными силами—для подавленія болѣе серьезныхъ волненій. Къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ начальники губерній или замѣняющія ихъ лица прибѣгаютъ, сплошь и рядомъ, *послѣ* возстановленія порядка—это извѣстно. Что же еще можно прибавить къ такой огромной, почти безграничной власти? Мы думаемъ, что это затруднились бы опредѣлить даже самые крайніе приверженцы административнаго всемогущества. О дальнѣйшемъ движеніи по дорогѣ, въ сущности пройденной уже до самаго конца, они твердятъ отчасти по привычкѣ, отчасти потому, что всего проще и всего легче рекомендовать обращеніе къ силѣ: это и благонамѣренно (въ условномъ смыслѣ слова), и не требуетъ умственной работы...

Вообразимъ себѣ, теперь, губернатора, который во все входитъ, о всемъ и о всѣхъ говоритъ рѣшающее слово, губернатора, передъ которымъ все склоняется, все трепещетъ, который выслушиваетъ, когда и на сколько хочетъ, только совѣты, робко нашептываемые ему на ухо. Намъ говорятъ, что онъ будетъ стоять внѣ и выше вѣдомствъ, представляя собою исключительно верховную власть—и въ подтвержденіе того, что это возможно, ссылаются на генералъ-губернаторовъ. Такая ссылка ничего не доказываетъ. Генералъ-губернаторовъ у насъ менѣе *десяти*, а губернаторовъ—безъ малаго *сто*; изъ того, что первые могутъ быть лично извѣстны верховной власти и являться непосредственными ея избранниками, еще не слѣдуетъ, что таково можетъ быть и положеніе губернаторовъ. Съ другой стороны, генералъ-губернаторъ не входитъ въ подробности управленія, предоставляя ихъ губернаторамъ и значительно уменьшая для себя, этимъ самымъ, шансы конфликтовъ съ чинами другихъ вѣдомствъ. Губернаторъ, вознесенный надъ всѣми вѣдомствами, будетъ стоять съ ними лицомъ къ лицу, чувствуя себя, при этомъ, особенно тѣсно связаннымъ съ однимъ изъ нихъ—именно съ тѣмъ, которому будетъ принадлежать, de facto, главная роль при его назначеніи (и награжденіи, и повышеніи, и увольненіи). Такимъ вѣдомствомъ неизбѣжно будетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточены всѣ важнѣйшія, всѣ *политическія* отрасли управленія. Итакъ, первый аттрибутъ безмѣрно распространенной губернаторской власти оказывается осуществимымъ только на бумагѣ. Второй аттрибутъ ея—такая подготовка, которая обусловливала бы возможность разумнаго, плодотворнаго вмѣшательства во *всѣ* области управленія. Гдѣ можно пріобрѣсти такую подготовку? Нигдѣ: каждый родъ службы даетъ основательное знакомство только съ извѣстнымъ родомъ дѣлъ. Какой бы стажъ ни требовался отъ губернатора, ввести его во всѣ извилины разнообразнѣйшихъ административныхъ и судебно-административныхъ функцій онъ не можетъ. Едва ли, впрочемъ, осуществимъ, на практикѣ, и самый стажъ для такой должности, какъ губернаторская. Вѣковой опытъ удостовѣряетъ, что губернаторами назначаются люди весьма различныхъ профессій, въ томъ числѣ и такихъ, которыя имѣютъ очень мало общаго съ задачами губернской администраціи (напр. военная или морская служба). Трудно предположить, чтобы новый порядокъ положилъ конецъ этой практикѣ; гораздо вѣроятнѣе, что при немъ больше чѣмъ когда-либо выдвинется вопросъ не о прежней дѣятельности, а о личности кандидата на губернаторскую должность. Третьимъ аттрибутомъ проектируемаго губернатора должна быть цезаревская или наполеоновская способность вести нѣсколько дѣлъ заразъ, никогда и ничѣмъ не утомляться, на все смотрѣть собственными глазами. Кто лишенъ этой

способности—а лишены ея всѣ обыкновенные смертные, не исключая даже весьма талантливыхъ и очень дѣятельныхъ,—тотъ по необходимости многое станетъ ввѣрять своимъ помощникамъ, оффиціальнымъ или неоффиціальнымъ, и единство власти, установленное закономъ, будетъ постоянно нарушаться на самомъ дѣлѣ... Болѣе скромнымъ, но гораздо болѣе надежнымъ средствомъ возвысить губернаторскую власть было бы съ одной стороны предоставленіе губернатору рѣшать окончательно многія изъ числа дѣлъ, которыя теперь восходятъ на разсмотрѣніе министра или министровъ, съ другой—такое расширеніе общественной самодѣятельности, соотвѣтственно которому расширялась бы и роль, наиболѣе свойственная губернатору: роль *наблюдателя* за правильнымъ и законнымъ теченіемъ мѣстной жизни. Громаднымъ шагомъ впередъ, съ этой точки зрѣнія, было бы возвращеніе къ болѣе нормальному судебному устройству, съ освобожденіемъ губернатора отъ совершенно чуждыхъ ему кассаціонныхъ функцій.

Возвращаемся къ закону 2-го іюня о вознагражденіи рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Кругъ дѣйствій закона ограниченъ тѣми предпріятіями фабричнозаводской, горной и горнозаводской промышленности, владѣльцами которыхъ состоятъ частныя лица или общества, города и земства. Не примѣняется онъ, слѣдовательно: 1) къ предпріятіямъ казеннымъ; 2) къ мастерскимъ и инымъ промышленнымъ заведеніямъ частныхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій; 3) къ предпріятіямъ сельскохозяйственной промышленности; 4) къ строительнымъ работамъ, и 5) къ ремесленнымъ заведеніямъ. О распространеніи его на предпріятія первыхъ двухъ категорій подлежащіе министры и главноуправляющіе должны войти съ представленіями въ государственный совѣтъ въ теченіе года со времени введенія въ дѣйствіе закона. Относительно предпріятій трехъ послѣднихъ категорій такой оговорки не сдѣлано, изъ чего слѣдуетъ заключить, что они, по крайней мѣрѣ на время, останутся внѣ дѣйствія вновь установленныхъ правилъ. Подчиненіе этимъ правиламъ *всѣхъ* ремесленныхъ заведеній несомнѣнно представлялось бы неудобнымъ, въ виду незначительности, въ большинствѣ случаевъ, профессіональнаго риска, которому подвергаются ремесленники; но при извѣстныхъ условіяхъ и ремесленная работа можетъ грозить серьезною опасностью, и министерству финансовъ могло бы быть предоставлено право опредѣлять, какія именно ремесленныя заведенія должны быть уравнены, въ отношеніи къ отвѣтственности владѣльцевъ, съ заводами и фабриками. Съ еще бо̀льшимъ основаніемъ можно сказать то же самое о строительныхъ работахъ, часто соединенныхъ съ высокою степенью профессіональ-

наго риска. Между предпріятіями сельскохозяйственной промышленности безспорно есть такія, которыя, широко пользуясь механическими двигателями, ничѣмъ существенно не отличаются отъ обыкновенныхъ фабрикъ и заводовъ. Покровительство сельскохозяйственной промышленности не должно идти въ ущербъ правамъ и интересамъ ея рабочихъ.

Законъ 2-го іюня 1903-го года имѣетъ значеніе временной мѣры, подготовляя собою переходъ къ обязательному страхованію утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Министру финансовъ поручено войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ по этому предмету въ теченіе пяти лѣтъ со времени введенія въ дѣйствіе настоящаго закона. Немедленное осуществленіе обязательнаго страхованія признано невозможнымъ въ особенности потому, что въ его основѣ должна лежать болѣе или менѣе продолжительная регистрація несчастныхъ случаевъ въ каждомъ производствѣ; профессіональный рискъ въ предпріятіяхъ различнаго рода далеко не одинаковъ, вслѣдствіе чего не можетъ быть одинаковъ и размѣръ страховыхъ премій. Авторъ комментарія къ закону 2-го іюня, упомянутаго въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи (бар. А. М. Нолькенъ), сомнѣвается даже въ достаточности пятилѣтняго срока, назначеннаго государственнымъ совѣтомъ [1]); онъ думаетъ, что сложная, отвѣтственная и важная работа, на которой должно быть построено обязательное страхованіе, не можетъ быть исполнена въ сравнительно короткое время. Намъ кажется, наоборотъ, что опасно было бы назначеніе другого, болѣе продолжительнаго срока: оно могло бы замедлить приступъ къ собиранію необходимыхъ свѣдѣній и сдѣлать менѣе энергичной всю подготовку новаго порядка, гораздо болѣе справедливаго и цѣлесообразнаго, чѣмъ установленый, на время, закономъ 2-го іюня. Большую службу въ разработкѣ данныхъ, имѣющихъ быть собранными путемъ правильной регистраціи несчастныхъ случаевъ, можетъ сослужить примѣръ иностранныхъ государствъ. При всемъ различіи мѣстныхъ условій, одни промыслы вездѣ оказываются болѣе, другіе—менѣе опасными, и чужой опытъ едва ли долженъ здѣсь пройти для насъ безслѣдно.

Отвѣтственными, по закону 2-го іюня, передъ рабочими и служащими владѣльцы промышленныхъ предпріятій являются лишь при утратѣ трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго работами по производству предпріятія или происшедшаго вслѣдствіе такихъ работъ. Отсюда, какъ и изъ самаго наименованія закона („о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе *несчастныхъ случаевъ*"), не-

[1]) См. „Право" № 27, стр. 1745.

сомнѣнно явствуетъ, что подъ дѣйствіе новаго закона не подходитъ утрата трудоспособности вслѣдствіе профессіональной болѣзни—т.-е. вслѣдствіе разстройства здоровья, наступающаго не вдругъ, а постепенно, не случайно, а въ силу медденнаго вліянія неблагопріятныхъ условій. И это вполнѣ понятно. Профессіональная болѣзнь, достигшая полнаго развитія и обнаружившаяся со всею ясностью въ бытность рабочаго на данной фабрикѣ, могла начаться и прогрессировать на другихъ фабрикахъ; возлагать отвѣтственность за нее единственно и всецѣло на послѣдняго работодателя было бы несправедливо, распредѣлить отвѣтственность между всѣми работодателями — затруднительно или даже невозможно [1]). Здѣсь радикально можетъ помочь только обязательное страхованіе, обнимающее собою, помимо несчастныхъ случаевъ, всѣ другіе виды утраты трудоспособности (такъ называемое обезпеченіе на случай старости и инвалидности). Можно надѣяться, что именно на эту дорогу вступитъ законопроектъ, составленіе котораго, какъ мы уже видѣли; государственный совѣтъ поручилъ министру финансовъ. Въ соотвѣтствующемъ (XVIII-мъ) пунктѣ мнѣнія государственнаго совѣта говорится о введеніи обязательнаго страхованія „утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ“, безъ всякой оговорки о *способѣ* или *причинахъ* утраты трудоспособности. Образцомъ нашего будущаго законодательства о страхованіи рабочихъ послужитъ, очевидно, наиболѣе совершенное изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время—германское.

Мы говорили уже о скудости вознагражденія, назначаемаго потерпѣвшему закономъ 2-го іюня: половина заработка, двѣ трети годового содержанія—не такія величины, которыя могли бы служить матеріальнымъ эквивалентомъ причиненнаго вреда. Уменьшаются онѣ еще больше способомъ опредѣленія годового содержанія, установленнымъ въ законѣ: за силою ст. 16-й, сумма дѣйствительно заработанная потерпѣвшимъ въ теченіе года до несчастнаго случая дѣлится на число дней, проведенныхъ имъ на работѣ, и полученная такимъ образомъ цифра помножается на 260. Первоначально проектировался другой, болѣе крупный множитель—280; основаніемъ къ его пониженію послужило, съ одной стороны, предположеніе, что цифра 260 ближе подходитъ къ дѣйствительному числу рабочихъ дней въ году, съ другой стороны—убѣжденіе, что пенсія, назначаемая на всю жизнь, не можетъ и не должна быть исчисляема сообразно съ числомъ рабо-

[1]) Само собою разумѣется, что рабочій, заболѣвшій профессіональною болѣзнью вслѣдствіе несоблюденія на данной фабрикѣ необходимыхъ и возможныхъ санитарныхъ условій, имѣетъ и теперь право иска къ фабриканту, на основаніи гражданскихъ законовъ.

чихъ дней вполнѣ трудоспособнаго человѣка. Намъ кажется, что обиліемъ праздниковъ отличается въ Россіи только сельско-хозяйственный, но отнюдь не фабричный годъ. Немало, по всей вѣроятности, найдется фабрикъ, гдѣ рабочихъ дней даже болѣе, чѣмъ 280; вѣдь эта послѣдняя цифра предполагаетъ существованіе въ году, кромѣ воскресеній, еще тридцати-трехъ праздничныхъ, нерабочихъ дней— а чтобы получилась цифра 260, ихъ должно быть *пятьдесятъ три*! Что пенсія не можетъ не быть меньше дѣйствительнаго заработка— это безспорно; но вѣдь высшій ея размѣръ—*двѣ трети* годового содержанія, и, слѣдовательно, въ дальнѣйшемъ, искусственномъ ея пониженіи (путемъ уменьшенія числа принимаемыхъ въ разсчетъ рабочихъ дней) нѣтъ никакой надобности. Правда, нѣкоторымъ коррективомъ ст. 16-й служитъ слѣдующая, 17-я статья: „если будетъ доказано, что обыкновенный годовой заработокъ потерпѣвшаго превышаетъ исчисленное (вышеупомянутымъ способомъ) годовое содержаніе его, то послѣднее должно быть увеличено до размѣра обыкновеннаго заработка“. Не часто, однако, потерпѣвшему (или его наслѣдникамъ) удастся доказать, какъ великъ былъ его обыкновенный заработокъ. Для этого могутъ понадобиться справки, получаемыя нескоро, нелегко и цѣною издержекъ, сплошь и рядомъ непосильныхъ для рабочаго. Въ законѣ, притомъ, не опредѣлено съ точностью, что̀ такое *обыкновенный* заработокъ, т.-е. сколько лѣтъ должны обнимать данныя, его удостовѣряющія. Скажемъ болѣе: не совсѣмъ простой задачей будетъ иногда даже установленіе дѣйствительнаго заработка, полученнаго потерпѣвшимъ въ теченіе года до несчастнаго случая (если, напримѣръ, онъ провелъ это время на различныхъ фабрикахъ, не близко отстоящихъ одна отъ другой). Суду, какъ намъ кажется, слѣдовало бы предоставить право исчислять годовое содержаніе потерпѣвшаго примѣнительно къ получаемому, на той же фабрикѣ, другими рабочими той же категоріи или того же разряда. Это значительно ускорило бы ходъ дѣлъ и облегчило бы положеніе потерпѣвшихъ и ихъ семействъ, освободивъ ихъ отъ трудной подготовительной процедуры и перенеся на отвѣтчика обязанность доказать, что годовое содержаніе потерпѣвшаго было меньше обычнаго... Очень симпатично, зато, распространеніе права на пенсію не только на родственниковъ потерпѣвшаго въ прямой восходящей линіи, не только на его малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ (если тѣ и другіе находились на иждивеніи умершаго), но и на его воспитанниковъ, пріемышей и внѣбрачныхъ дѣтей (на послѣднихъ—съ вышеприведенной оговоркой).

Процессуальныя постановленія новаго закона направлены къ возможно быстрому движенію предусматриваемыхъ имъ дѣлъ и къ

уменьшенію для истцовъ издержекъ судебнаго производства. Въ мировыхъ и судебно-административныхъ учрежденіяхъ истцы освобождаются отъ пошлинъ и сборовъ безъ особаго удостовѣренія въ несостоятельности къ ихъ уплатѣ. Въ общихъ судебныхъ установленіяхъ они во всякомъ случаѣ пользуются правомъ бѣдности, съ которымъ, какъ извѣстно, сопряжено право на безплатное веденіе дѣла назначеннымъ для того присяжнымъ повѣреннымъ. Дѣла о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ производятся сокращеннымъ порядкомъ; состоявшіяся по нимъ рѣшенія первой инстанціи (все равно—общей, мировой или судебно-административной) подлежатъ, по просьбѣ истца, предварительному исполненію. При распредѣленіи взысканныхъ денегъ между нѣсколькими истцами претензіи потерпѣвшихъ рабочихъ удовлетворяются преимущественно передъ другими, а при несостоятельности отвѣтчика—причисляются къ первому разряду. Бумаги по дѣламъ, основаннымъ на правилахъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ, освобождаются отъ гербоваго сбора. Заботится законъ 2-го іюня и о томъ, чтобы интересы потерпѣвшихъ были ограждены какъ при прекращеніи предпріятія, такъ и при переходѣ его (не по наслѣдству) въ другія руки. Возможно, однако, что суммы, вырученныя при ликвидаціи предпріятія, окажутся недостаточными для исполненія обязательствъ, лежащихъ на владѣльцѣ по отношенію къ потерпѣвшимъ рабочимъ или ихъ семействамъ. Обезпеченія потерпѣвшихъ предполагается, въ такихъ случаяхъ, достигнуть мѣрами правительства, о чемъ, въ теченіе года, должно быть внесено министромъ финансовъ представленіе въ государственный совѣтъ. Весьма вѣроятно, что при этомъ будетъ принятъ во вниманіе порядокъ, установленный во Франціи закономъ 1898-го г., въ силу котораго отвѣтственность предпринимателя, въ части претензій, не получившихъ удовлетворенія изъ конкурсной массы, переходитъ на правительство и покрывается изъ особаго капитала (fond de garantie), образуемаго изъ дополненій къ патентному (промысловому) налогу [1].

Слишкомъ часто, къ сожалѣнію, разборъ новыхъ законовъ и другихъ правительственныхъ актовъ обращается у насъ въ никому ненужный и ни къ чему негодный панегирикъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатанъ недавно „Очеркъ законодательной охраны труда“, изображающій постепенное развитіе нашего фабричнаго законодательства. Передавъ, въ главныхъ чертахъ, содержаніе этого очерка, „Московскія Вѣдомости“ даютъ полную волю своимъ „хва-

[1]) См. статью бар. Нолькена въ № 38 „Права“, стр. 1965.

лительским“ привычкамъ. „Наша власть“ — восклицаетъ газета,— „проявила чуткость и заботу о народныхъ интересахъ такъ быстро и такъ внимательно, *какъ ни въ одной странѣ земного шара*. Можно сказать, что вредныя послѣдствія крупнаго производства у насъ еще еле обозначились и не успѣли еще создать ничего непосредственно опаснаго, какъ уже наша власть устремляетъ вниманіе на созданіе правильныхъ отношеній въ бытѣ хозяевъ и рабочихъ фабрично-заводской промышленности. Вездѣ въ Европѣ правительства начинали думать объ этомъ только тогда, когда зло становилось угрожающимъ. У насъ же эта мысль является въ самый первый моментъ, ясно показывая, что устроительное попеченіе проистекаетъ изъ искренней заботливости о всеобщемъ благѣ. И все это достигается даже при столь неблагопріятномъ условіи, какъ ненормальное развитіе общественнаго критиканства, вслѣдствіе незрѣлости современнаго образованнаго класса... Еслибы наши болѣе культурные слои и всѣ болѣе благоразумные элементы успѣли, наконецъ, избавить Россію отъ вреднаго, все путающаго вмѣшательства незрѣлаго критиканства и политиканства, мы не замедлили бы увидѣть блестящее, всестороннее развитіе русскихъ силъ“. Ну, какъ не вспомнить, при чтеніи этихъ строкъ, извѣстныя изреченія объ „избыткѣ усердія“ и о „знаніи мѣры“? Еслибы и можно было допустить, что фабричное законодательство— въ той его части, которая касается *охраны труда*,—развивалось у насъ съ бо̀льшею быстротою, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то нельзя же было бы не принять въ соображеніе, что оно имѣло передъ собою готовые иностранные образцы, какъ нельзя болѣе облегчавшіе работу. Во всякомъ дѣлѣ всего труднѣе первые шаги, требующіе, съ одной стороны, борьбы съ предразсудками, съ рутиной, иногда съ псевдонаучными положеніями, съ другой—самостоятельнаго творчества, намѣчающаго цѣли, открывающаго пути и способы исполненія. Съ этой точки зрѣнія особенно велика заслуга Англіи, раньше всѣхъ другихъ странъ приступившей къ созданію фабричнаго законодательства. И не слѣдуетъ думать, чтобы она была вынуждена къ тому опасеніемъ смутъ и безпорядковъ. Правда, волненія въ средѣ рабочихъ происходили въ Англіи уже въ началѣ XIX-го вѣка, но поводомъ къ нимъ служило тогда, бо̀льшею частью, введеніе машинъ и обусловленное имъ сокращеніе спроса на трудъ, а вовсе не злоупотребленіе дѣтской работой. Между тѣмъ, именно противъ такого злоупотребленія были направлены первые парламентскіе акты (1802, 1819, 1825, 1833 гг.), положившіе основаніе фабричному законодательству. Своего рода Колумбовымъ яйцомъ была мысль объ учрежденіи фабричной инспекціи, какъ необходимаго условія для осуществленія новыхъ предписаній и запрещеній—и эта мысль впервые была проведена въ жизнь опять-

таки Англіей, въ 1833 г. Заслуга англійскихъ государственныхъ людей, добившихся реформы, была тѣмъ болѣе велика, что за неприкосновенность прежнихъ порядковъ ратовали не только могущественные классовые интересы, но и господствовавшіе тогда теоретическіе взгляды, отвергавшіе государственное вмѣшательство въ промышленную область. Это были препятствія посильнѣе и посерьезнѣе „критиканства“ и „политиканства“—но они не остановили побѣдоноснаго хода преобразовательной работы, изъ Англіи перешедшей на материкъ Европы и коснувшейся, наконецъ, и Россіи. То, что̀ „Московскія Вѣдомости“ называютъ „критиканствомъ“, не могло и не можетъ служить помѣхой развитію русскаго фабричнаго законодательства. Каждый шагъ въ этомъ направленіи былъ привѣтствуемъ и въ печати, и въ обществѣ; исключеній было сравнительно немного. Въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ, критика, съ точки зрѣнія сервилизма кажущаяся „критиканствомъ“, можетъ быть только полезной; отдавая справедливость сдѣланному, она напоминаетъ о томъ, что̀ еще остается сдѣлать.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1903.

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ австрійскаго императора въ Шенбруннѣ.— „Замѣтка" славянскаго благотворительнаго общества въ Болгаріи о македонскомъ вопросѣ.—Дипломатія великихъ державъ и правительственное сообщеніе.—Печальная роль кабинетовъ относительно Македоніи и Турціи.—Внутренній кризисъ въ Сербіи.—Австрійскія дѣла.— Правительственныя перемѣны въ Англіи.

17 (30) сего сентября, Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Шенбруннскій дворецъ, близъ Вѣны. На парадномъ завтракѣ австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ произнесъ слѣдующій тостъ („Правит. Вѣстникъ", № 209):

„Il m'est particulièrement agréable d'exprimer à Votre Majesté tout le plaisir que j'éprouve aujourd'hui de Lui souhaiter la bienvenue. En répondant à l'invitation aux chasses de Styrie que j'ai été heureux de Lui adresser, Votre Majesté m'a fourni une nouvelle preuve de Son amitié que j'apprécie hautement et qui trouve toujours chez moi un écho aussi vif que sincère. La cordialité qui en résulte dans nos rapports a exercé maintes fois déjà son bienfaisant effet sur les relations politiques de nos états et je me flatte de l'espoir qu'en ce moment encore la parfaite concordance de vues et d'appréciations qui nous unit en présence des regrettables événements dont la presqu'île des Balkans est actuellement le théâtre contribuera puissamment à assurer le succès à l'action que nous y poursuivons d'un commun accord dans l'intérêt de la paix de l'Europe. Pénétré de ces sentiments je bois à la santé de mon cher et fidèle ami Sa Majesté l'Empereur Nicolas".

Государь Императоръ соизволилъ отвѣтить слѣдующими словами:

„Les paroles de bienvenue que Votre Majesté vient de M'adresser Me touchent vivement et Je l'en remercie de plein cœur. C'est avec un plaisir tout particulier que J'ai accueilli l'amicale invitation de Votre Majesté, heureux de pouvoir Lui renouveler personnellement l'expression des sentiments qui M'animent. Notre cordiale entente et l'harmonie parfaite qui en résulte dans l'action de Nos gouvernements sont, comme Votre Majesté le dit, un gage précieux pour le succès de la grande œuvre pacificatrice que Nous avons entreprise de commun accord. Le but humanitaire que Nous poursuivons exclut toute partialité

et doit être atteint avec fermeté et persévérance par les moyens le mieux apprropriés à un apaisement réel et durable. Nos efforts contribueront en même temps, Je l'espère, à la consolidation de la paix générale. Je bois à la santé de Mon cher et vénéré ami Sa Majesté l'Empereur et Roi François-Joseph".

Обмѣнъ привѣтствій Монарховъ не останется, конечно, безъ вліянія на исходъ печальныхъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ—и даже болѣе того,—какъ благоугодно было выразиться Государю Императору, — окажетъ содѣйствіе къ укрѣпленію общаго мира — въ самой Европѣ.

„Славянское благотворительное дружество въ Болгаріи" обратилось съ воззваніемъ къ членамъ другихъ славянскихъ обществъ, особенно въ Россіи, съ просьбою обратить вниманіе на новое положеніе дѣлъ въ Македоніи — въ этой „многострадальной и мученической странѣ, опустошаемой нынѣ турецкими башибузуками подъ надзоромъ туркофильской европейской дипломатіи"... Злосчастные жители этого края съ давнихъ поръ привыкли терпѣливо переносить всевозможныя беззаконія и насилія; иногда они жестоко мстили отдѣльнымъ виновникамъ своихъ бѣдствій, но вообще мирились съ турецкимъ владычествомъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, отъ котораго никакъ не могли избавиться собственными средствами. Македонцы надѣялись на неопредѣленное будущее и твердо вѣрили въ улучшеніе своей участи при помощи могущественныхъ иностранныхъ державъ. „Двадцатипятилѣтіе освободительной войны съ его празднествами на Шипкѣ отозвалось въ глубокихъ массахъ народа. Многіе встрепенулись. Нашлись горячіе люди, которые устроили четы, и началось осеннее движеніе. Населеніе не примкнуло къ нимъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Однако,—говорится въ упомянутомъ воззваніи,—случились событія, которыя должны были ускорить вспышку всенароднаго возмущенія. Незначительное число четъ вызвало поголовное вооружеміе турокъ. Вдоль и поперекъ всей Македоніи передвигались шайки арнаутовъ, башибузуковъ, и производили неописуемыя безчинства. Сами турецкія власти измѣнили свои отношенія къ мирнымъ обывателямъ,—стали массами арестовывать безъ разбора виновныхъ и невинныхъ, стали ихъ высылать или убивать безъ всякаго суда. Началось систематическое истребленіе славянскаго элемента; подготовлялись какъ будто условія для будущей статистики, въ которой мѣстные болгаре и вообще славяне оказались бы въ ничтожномъ меньшинствѣ. Ужасъ передъ этой перспективой начавшагося истребленія охватилъ македонцевъ и заставилъ ихъ готовиться ко

всеобщему возстанію. Оно было задержано тогда провозглашеніемъ весеннихъ реформъ, которыя возбудили въ народѣ какія-то надежды; между тѣмъ сами турки не придавали этимъ проектамъ серьезнаго значенія, и преобразовательныя усилія генералъ-инспектора Хильми-паши только ожесточали фанатиковъ. Извѣстна экскурсія по Македоніи русскаго и австрійскаго консуловъ. Послѣ ихъ возвращенія, всѣ мирные жители, которые представлялись и жаловались консуламъ, были арестованы и подвергнуты истязаніямъ. Отчаяніе среди населенія было полное. Это отчаяніе—непосредственная причина послѣдняго поголовнаго возстанія, возникшаго съ 20-го іюля въ Македоніи и Адріанопольскомъ вилайетѣ". Вмѣсто обѣщанныхъ улучшеній, христіане видѣли разныя новыя бѣдствія—массовые аресты, конфискацію имуществъ для раздачи ихъ турецкимъ и албанскимъ колонистамъ, которыми заселялись болгарскія деревни; систематическіе поджоги, выселенія изъ родныхъ мѣстечекъ, находящихся въ какихъ-нибудь стратегическихъ пунктахъ—на перевалѣ или около рѣкъ; закрытіе церквей и училищъ, изгнаніе и аресты священниковъ, причемъ дѣлалось невозможнымъ церковное погребеніе умершихъ и совершеніе какихъ-либо христіанскихъ требъ; уничтоженіе монастырскихъ построекъ подъ предлогомъ, что въ нихъ скрывались повстанцы; наконецъ, убійства и поголовныя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ экзекуціи. „Каждый, кто ознакомится съ ужаснымъ положеніемъ македонцевъ, если не оправдаетъ, то извинитъ ихъ отчаянное возстаніе. Македонія и адріанопольскій вилайетъ охвачены со всѣхъ сторонъ пламенемъ разрушенія и истребленія. Двухсотъ-тысячная турецкая армія и безчисленное множество турецкихъ шаекъ, башибузуковъ и албанцевъ, хозяйничаютъ на протяженіи всей Македоніи и адріанопольскаго округа, стараясь всѣми силами не только потушить возстаніе, но и уничтожить сочувствующихъ ему жителей, всѣхъ христіанъ-славянъ. Нѣтъ такихъ насилій, истязаній, злодѣяній, къ которымъ не прибѣгали бы турки для достиженія указанной цѣли. Очевидно, иноземные инструкторы и совѣтники убѣдили турокъ въ той истинѣ, что статистика разныхъ элементовъ населенія будетъ играть весьма важную роль въ будущемъ разрѣшеніи македонскаго вопроса. Уже въ оффиціальныхъ турецкихъ изданіяхъ печатается статистика о перевѣсѣ албанскаго населенія надъ сербскимъ въ Призренскомъ санджакѣ". Въ виду этой опасности истребленія милліоновъ турецкихъ христіанъ, славянское благотворительное „дружество" въ Болгаріи рѣшительно отрекается отъ какихъ-либо своекорыстныхъ и честолюбивыхъ политическихъ плановъ относительно Македоніи: „Въ этотъ критическій моментъ преступно спорить о національности македонскихъ славянъ и о томъ, кому достанется въ удѣлъ этотъ лакомый

кусокъ Балканскаго полуострова—болгарамъ или сербамъ; и не думаемъ мы доказывать право болгаръ или сербовъ, не думаемъ заботиться о политической судьбѣ македонскихъ братьевъ. Это теперь не наше дѣло, какъ и не наше дѣло думать о какомъ-то равновѣсіи, которое нарушилось бы, если Македонія присоединится къ Болгаріи или сдѣлается автономною областью. Зачѣмъ идти такъ далеко, почему не ограничиться только существеннымъ, жизненнымъ и настоятельнымъ вопросомъ: какъ прекратить истребленіе славянскаго племени въ Македоніи, какъ дать ему условія лучшей жизни?"

Трудно сказать что-нибудь противъ такой постановки вопроса; въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія человѣчности и простого здраваго смысла, необходимо было бы тотчасъ же положить конецъ кровопролитію и избавить населеніе Македоніи отъ ужасовъ турецкой расправы, отбросивъ въ сторону всякіе посторонніе разсчеты и мотивы. Но можно ли обращаться съ подобными пожеланіями къ дипломатамъ, вся дѣятельность которыхъ заключается именно въ ревностной охранѣ этихъ постороннихъ интересовъ національнаго соперничества и честолюбія? Для иностранныхъ кабинетовъ судьба турецкихъ христіанъ имѣетъ значеніе не потому, что жалко этихъ безвинно истребляемыхъ людей, а потому, что гибель или спасеніе этихъ людей увеличиваетъ или уменьшаетъ сферу политическаго вліянія той или другой державы въ предѣлахъ Балканскаго полуострова. Каждая культурная нація въ отдѣльности чувствуетъ и признаетъ нравственную невозможность оправданія и сохраненія турецкаго режима, и тѣ же культурныя націи, дѣйствуя совмѣстно черезъ посредство дипломатіи, считаютъ своимъ долгомъ старательно поддерживать Турцію въ ея жестокой борьбѣ съ подвластными народностями. Германія откровенно стоитъ за безпощадное подавленіе недовольныхъ христіанскихъ подданныхъ султана, такъ какъ турецкая дружба позволяетъ нѣмцамъ все болѣе распространять и упрочивать свои промышленные и политическіе интересы на ближнемъ Востокѣ,—и то самое общественное мнѣніе, которое такъ горячо высказывалось въ пользу независимости буровъ отъ высоко-культурной Англіи, находитъ вполнѣ нормальнымъ и законнымъ владычество башибузуковъ надъ славянами и греками. Англія въ принципѣ осуждаетъ турецкую систему управленія и сочувствуетъ ея жертвамъ, но воздерживается отъ активнаго заступничества за балканскія племена, привыкшія возлагать свои надежды на помощь и покровительство Россіи. Австро-Венгрія по прежнему смотритъ на неприкосновенность Турціи какъ на условіе политическаго равновѣсія и внѣшняго мира, причемъ волненія избиваемыхъ христіанъ приравниваетъ къ бунту противъ законной государственной власти. Австрійскій взглядъ на современный восточный кризисъ сводится къ тому, что главными виновниками

производимыхъ турками избіеній слѣдуетъ считать самихъ македонцевъ и сочувствующихъ имъ болгаръ, которые своими революціонными комитетами и отрядами помѣшали башибузукамъ сразу успокоить страну и осуществить предположенныя реформы; такимъ образомъ существенная обязанность дипломатіи заключается вовсе не въ противодѣйствіи истребленію славянскаго элемента въ Македоніи, а въ обузданіи болгарскихъ комитетовъ и солидарныхъ съ ними болгарскихъ патріотовъ, принимающихъ слишкомъ близко къ сердцу непомѣрныя бѣдствія и страданія соплеменниковъ. Старанія и усилія вѣнскаго кабинета направлены прежде всего противъ тѣхъ, которые стремятся помочь возставшимъ христіанамъ; съ своей же стороны австрійская дипломатія предлагаетъ послѣднимъ довольствоваться нѣкоторыми второстепенными преобразованіями въ турецкой администраціи, способными будто бы измѣнить къ лучшему положеніе населенія. Крайне скромная программа реформъ, принятая Турціею по предложенію Австріи и Россіи, представлялась въ самомъ началѣ совершенно недостаточною и вызывала въ этомъ смыслѣ возраженія свѣдущихъ лицъ не только въ балканскихъ государствахъ, но и въ Англіи и во Франціи; тѣмъ не менѣе, великія державы не пошли дальше этой скромной программы и продолжаютъ до сихъ поръ ссылаться на нее въ доказательство той мысли, что желанному умиротворенію Македоніи препятствуютъ только славянскіе и болгарскіе комитеты, отвергающіе довѣріе къ турецкимъ реформамъ. Эта австрійская теорія признается въ настоящее время обязательною и для другихъ дипломатическихъ вѣдомствъ и кладется ими въ основу миролюбивой политики на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", отъ 11-го сентября, появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Въ предшествующихъ правительственныхъ сообщеніяхъ по македонскому вопросу подробно изложена политическая программа, которая по Высочайшей волѣ принята Императорскимъ правительствомъ въ видахъ прекращенія возникшей на Балканскомъ полуостровѣ смуты.

„Какъ извѣстно, въ силу состоявшагося между Россіей и Австро-Венгріей соглашенія, правительства обѣихъ дружественныхъ монархій въ февралѣ текущаго года предъявили султану выработанный ихъ послами въ Константинополѣ проектъ наиболѣе существенныхъ преобразованій, направленныхъ къ улучшенію быта христіанскаго населенія трехъ турецкихъ провинцій. Одновременно россійскіе и австро-венгерскіе агенты въ Болгаріи и Сербіи получили предписаніе сдѣлать правительствамъ этихъ государствъ соотвѣтственныя представленія.

„Предпринятые Россіею и Австріею шаги, встрѣтивъ сочувствіе и поддержку со стороны всѣхъ прочихъ державъ, подписавшихъ бер-

линскій договоръ, на первыхъ порахъ увѣнчались успѣхомъ: оттоманскимъ правительствомъ даны были мѣстнымъ турецкимъ органамъ категорическія приказанія немедленно приступить къ выполненію намѣченныхъ реформъ; въ Софіи и Бѣлградѣ были приняты мѣры къ возможной охранѣ спокойствія и прекращенію политической агитаціи.

„Однако, таковые результаты не могли удовлетворить образовавшіеся въ славянскихъ государствахъ „македонскіе комитеты": очевидная вѣроятность успокоенія христіанскаго населенія подъ вліяніемъ начатыхъ преобразованій, которыя по мѣрѣ ихъ примѣненія должны были въ ближайшемъ будущемъ получить болѣе широкое развитіе,—отнимала у комитетовъ благодарную, съ ихъ точки зрѣнія, почву для осуществленія задуманныхъ ими революціонныхъ плановъ. Выставляя знаменемъ своимъ защиту единовѣрцевъ отъ турецкаго гнета, комитеты эти, въ сущности, добиваются измѣненія, въ своекорыстныхъ видахъ, административнаго строя провинціи, въ смыслѣ образованія изъ нея „Болгарской Македоніи" въ ущербъ правамъ и преимуществамъ другихъ христіанскихъ народностей, интересы коихъ одинаково дороги православной Россіи. Не находя поддержки своимъ политическимъ планамъ въ средѣ не-болгарскихъ элементовъ Македоніи, вожаки движенія, путемъ жестокостей, насилій и террора, старались вызвать поголовное возстаніе въ странѣ, чтобы воспрепятствовать введенію проектированныхъ реформъ.

„Къ сожалѣнію, несмотря на первоначально принятыя софійскимъ правительствомъ мѣры предосторожности, македонская агитація затѣмъ получила большое распространеніе въ самомъ княжествѣ Болгарскомъ, встрѣчая поддержку со стороны дѣятелей, поддавшихся ложнымъ разсчетамъ на то, что возгорѣвшееся возстаніе вынудитъ Россію измѣнить свою программу и выступить активно въ защиту несбыточныхъ плановъ руководителей революціоннаго движенія.

„Пагубныя заблужденія эти, отъ которыхъ Императорское правительство неустанно предостерегало софійскій кабинетъ, навлекли тяжкія бѣдствія на христіанское населеніе турецкихъ вилайетовъ, положить предѣлъ которымъ возможно прежде всего путемъ воспрепятствованія какъ переходу новыхъ бандъ изъ княжества въ предѣлы Турціи, такъ и прекращенія революціонной дѣятельности комитетовъ. Лишь тогда явится возможность настоять на немедленномъ примѣненіи реформъ въ соотвѣтствіи съ насущными потребностями населенія, которое, въ виду усилившейся смуты, крайне трудно предохранить отъ чинимыхъ турками жестокостей, несмотря на самыя энергическія старанія, нынѣ направленныя къ обузданію мусульманскаго фанатизма.

„Въ изложенномъ смыслѣ Императорскимъ, а также австро-венгерскимъ правительствами сдѣланы вновь категорическія представленія какъ въ Софіи, такъ и въ Константинополѣ.

„Помимо сего, дабы устранить въ этомъ отношеніи всякій поводъ къ неосновательнымъ разсчетамъ и опаснымъ увлеченіямъ, по предложенію Россіи и Австро-Венгріи, правительства великихъ державъ, подписавшихъ берлинскій договоръ, поручили своимъ представителямъ при Оттоманской Портѣ и въ княжествѣ подтвердить полное единомысліе ихъ съ обѣими монархіями въ дѣлѣ умиротворенія Балканскаго

полуострова и сдѣлать правительствамъ Турціи и Болгаріи заявленіе въ нижеслѣдующемъ смыслѣ:

„Нынѣшнее положеніе дѣлъ въ турецкихъ вилайетахъ, созданное преступными замыслами комитетовъ и революціонныхъ бандъ, ни въ чемъ не измѣняетъ взгляда державъ на программу дѣйствій, выработанную въ началѣ текущаго года двумя наиболѣе заинтересованными правительствами, а посему ни Турція, ни Болгарія не могутъ разсчитывать на поддержку какой-либо державы въ случаѣ открытаго или тайнаго сопротивленія осуществленію этой программы.

„Императорское правительство надѣется, что эти новыя предостереженія убѣдятъ какъ Турцію, такъ и Болгарію въ безплодности всякаго уклоненія отъ исполненія предъявленныхъ имъ требованій и заставятъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ подавленію на Балканскомъ полуостровѣ смуты, которая можетъ имѣть для Оттоманской имперіи и княжества Болгарскаго лишь самыя тяжелыя послѣдствія".

Очевидно, и наша дипломатія мало еще облегчаетъ задачи мира настойчивымъ обвиненіемъ Болгаріи въ преступныхъ планахъ, тѣмъ болѣе, что самое обвиненіе является отчасти запоздалымъ, да и освободительные планы, о которыхъ идетъ рѣчь, едва ли могутъ быть названы вполнѣ преступными. Какова бы ни была отвѣтственность болгарскихъ дѣятелей и комитетовъ за кровавыя волненія въ Македоніи, но въ данномъ случаѣ предстоитъ не разбирать судебное дѣло и отыскивать виновныхъ. Существенный вопросъ состоитъ только въ томъ, можно ли предоставить туркамъ вырѣзывать македонцевъ съ женами и дѣтьми на томъ основаніи, что въ возникшей смутѣ виноваты болгары? Справедливо ли будетъ приписывать внѣшнимъ подстрекательствамъ такое движеніе, которымъ люди спасаются отъ злобныхъ безчинствъ вооруженныхъ фанатиковъ? Въ семидесятыхъ годахъ, когда происходили турецкія звѣрства въ Болгаріи, австрійскіе и британскіе дипломаты упорно доказывали, что эти печальныя событія вызваны русскими интригами, пропагандою русскихъ славянскихъ комитетовъ и національными русскими симпатіями къ непокорнымъ христіанскимъ подданнымъ султана,—а теперь, четверть вѣка спустя, и у насъ повторяютъ эти рутинныя австрійскія обвиненія и примѣняютъ ихъ къ освобожденной нами Болгаріи, которая въ свою очередь, подобно намъ, не можетъ относиться равнодушно къ судьбѣ своихъ ближайшихъ соплеменниковъ. Миролюбіе обязательно для Россіи, но оно вовсе не требуетъ отъ нея отреченія отъ сознательной національной политики и не можетъ заставить насъ играть роль, не соотвѣтствующую русскимъ интересамъ и традиціямъ. Внѣшнія политическія обстоятельства сложились для насъ настолько благопріятно, что мы не имѣемъ ни малѣйшей надобности пассивно слѣдовать за Австріею въ балканскихъ дѣлахъ. Всякое наше серьезное и твердое предложеніе обезпечить

безопасность христіанскихъ земель Турціи могло бы разсчитывать на практическій успѣхъ въ Европѣ: мы не только нигдѣ не встрѣтили бы враждебнаго отпора, а напротивъ, заслужили бы сочувствіе и одобреніе даже старинной защитницы турокъ, Англіи; безусловно на нашей сторонѣ были бы Франція и Италія, и по существу не стали бы возражать и Германія, и Австро-Венгрія,—и еслибы даже проектъ потерпѣлъ неудачу, то самая попытка поставить вопросъ на разумную почву была бы уже заслугой. Прибѣгая къ обычнымъ дипломатическимъ обходамъ для избѣжанія трудностей предстоящей задачи, можно еще больше увеличить эти трудности, ибо косвенное какъ бы поощреніе турокъ къ повальнымъ убійствамъ можетъ поставить и нась лицомъ къ лицу съ фактами, съ которыми нельзя будетъ примириться даже при самомъ холодномъ дипломатическомъ доктринерствѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы не станемъ воевать съ Турціею или ссориться съ другими державами изъ-за македонцевъ и болгаръ; но безъ войны обошлось устройство судьбы Крита, и точно такъ же можно было бы сдѣлать что-нибудь существенное для Македоніи, нисколько не рискуя войною и совершенно оставивъ въ сторонѣ честолюбивыя стремленія Болгаріи. Къ сожалѣнію, современная дипломатія не находится на высотѣ положенія и прилагаетъ слишкомъ мелочную формальную мѣрку къ крупному политическому кризису, волнующему народы Балканскаго полуострова; особенно опасно было бы подчиняться въ этомъ случаѣ вліянію вѣнскаго кабинета, который самъ по себѣ отличается отсутствіемъ идей и ничтожествомъ своихъ руководителей. Графъ Голуховскій, при всѣхъ своихъ качествахъ осторожнаго и опытнаго дипломата, не можетъ быть сравниваемъ съ графомъ Юліемъ Андраши, и современное состояніе Австро-Венгріи также далеко не столь блестяще, какъ передъ послѣднею русско-турецкою войною.

Представители европейскихъ державъ сами настаиваютъ передъ Портою на скорѣйшемъ подавленіи возстанія, а потомъ робко протестуютъ, когда это подавленіе производится обычными турецкими способами, безъ оказанія пощады женщинамъ и дѣтямъ; въ то же время они убѣждаютъ македонцевъ и ихъ защитниковъ спокойно переносить рѣзню, полагаясь на обѣщанныя реформы, а потомъ опять-таки жалуются Портѣ на безплодность ея обѣщаній. Этотъ однообразно повторяющійся круговоротъ событій характеризуетъ всю политику могущественныхъ европейскихъ кабинетовъ по македонскому вопросу. Если взять фактическія извѣстія о балканскихъ дѣлахъ, появившіяся только за послѣднія двѣ недѣли въ такомъ безпристрастномъ и далеко не расположенномъ къ болгарамъ органѣ, какъ лондонскій „Times", то получится крайне грустная картина, не оставляющая и тѣни со-

мнѣнія въ безнадежности нынѣшняго кризиса. Корреспондентъ „Times" пишетъ, что во внутреннихъ округахъ Македоніи христіанское население почти исчезло, жилища разрушены или покинуты; въ одномъ селѣ найдены живыми только шесть раненыхъ дѣтей, съ нѣсколькими стариками и старухами. Жители села принадлежали почти исключительно къ греческой національности; нигдѣ въ окрестностяхъ не было никакихъ повстанцевъ; тѣмъ не менѣе въ село вступили башибузуки и начали стрѣлять въ народъ; затѣмъ явились турецкіе солдаты, которымъ поселяне добровольно открыли свои дома подъ вліяніемъ всегдашнихъ благонамѣренныхъ увѣщаній греческаго духовенства, и всеобщій грабежъ окончился сожженіемъ всего села и истребленіемъ жителей. Въ Монастирѣ и въ сосѣднихъ мѣстечкахъ были вывѣшены оффиціальныя объявленія, предлагавшія безнаказанность и защиту всѣмъ возставшимъ, которые сами положатъ оружіе; въ силу этихъ обѣщаній пришли съ горъ около Невески шестьдесятъ человѣкъ и выдали свои ружья турецкимъ начальникамъ, послѣ чего были тотчасъ же схвачены и перебиты войсками. Такая измѣнническая расправа повторялась во многихъ мѣстахъ, и случаи добровольной сдачи стали теперь очень рѣдкими. Турецкимъ солдатамъ предоставлено убивать и грабить, вмѣстѣ съ башибузуками, на всемъ пространствѣ Македоніи, кромѣ тѣхъ пунктовъ, гдѣ находятся иностранные консулы; отдѣльные военные отряды систематически очищаютъ страну отъ христіанскаго населенія, и повсюду приняты мѣры къ тому, чтобы не было бѣглецовъ, которые распространяли бы свѣдѣнія объ этихъ ужасахъ. Недавно удалось добраться до болгарской части города Монастиря значительной толпѣ бѣглецовъ; многіе изъ нихъ были совершенно голы, нѣкоторые въ крови, и всѣ — полумертвые отъ страха; ихъ родное многолюдное село, Смильево, было окружено, разграблено и сожжено войсками и башибузуками; спасшіеся отъ гибели поселяне укрывались въ теченіе десяти дней въ сосѣднемъ лѣсу, и изъ нихъ часть рѣшилась дойти до Монастиря, чтобы не умереть съ голода. Около шестидесяти женщинъ досталось туркамъ, и о судьбѣ ихъ корреспондентъ не считаетъ возможнымъ говорить въ печати, хотя нѣкоторыя изъ пострадавшихъ успѣли бѣжать и разсказывали потомъ свою исторію. Село Арменско, населенное греками, а не болгарами, также внезапно подверглось полному разгрому и сожженію; никто изъ жителей не могъ спастись, и многіе сгорѣли заживо. При этомъ подвигѣ турецкихъ войскъ случайно присутствовалъ одинъ иностранный офицеръ, свидѣтельство котораго заслуживаетъ безусловнаго довѣрія. Пять дней спустя, нѣкоторыя сестры милосердія посѣтили разоренное село; онѣ нашли около тридцати раненыхъ еще съ признаками жизни, бо̀льшею частью женщинъ и дѣтей; трупы не были погребены, и

многія тѣла носили на себѣ слѣды позорныхъ насилій и издѣвательствъ. Трупъ одной маленькой дѣвочки имѣлъ восемь ранъ въ различныхъ частяхъ тѣла; раны нанесены, повидимому, шпагою или штыкомъ, а шпаги въ турецкой арміи имѣются только у офицеровъ. Никакіе корреспонденты не допускаются внутрь Македоніи, и мѣстныя власти тщательно оберегаютъ страну отъ иноземныхъ наблюдателей; однако, англичане и ихъ агенты смѣло проникаютъ въ запретныя мѣста и безцеремонно разглашаютъ то, что̀ предназначено къ сохраненію въ тайнѣ. Одинъ американскій журналистъ отправился безъ оффиціальнаго разрѣшенія въ мѣстечко Крушево, уничтоженное турками; онъ убѣдился на мѣстѣ, что ужасы, описанные въ газетахъ, нисколько не были преувеличены, и что все дѣло было устроено по распоряженію изъ Монастиря и вѣроятно съ вѣдома самого султана. Три недѣли прошло со времени катастрофы, и въ Крушевѣ еще не были убраны трупы; многіе раненые оставались безъ помощи, а мѣстные врачи были умерщвлены съ самаго начала; сестры милосердія обращались къ главному начальнику края, Хильми-пашѣ, съ просьбою о допущеніи ихъ въ Крушево, но получили категорическій отказъ. Тогда онѣ просили разрѣшенія послать туда необходимыя медицинскія средства; но Хильми-паша отказалъ и въ этомъ. „Кому суждено умереть, тотъ умретъ, а кто долженъ оставаться въ живыхъ, тотъ будетъ живъ; лекарства же не нужны",—отвѣтилъ паша. Изъ спасшихся жителей Крушева никто не можетъ покинуть городъ, пока не уплатитъ налоговъ за годъ впередъ и не внесетъ соотвѣтственнаго „бакшиша" полицейскому начальству; а такъ какъ сохранившіе свою жизнь обыватели лишились всего своего имущества, то фактически имъ закрытъ выходъ изъ города, чтобы ограничить распространеніе неудобныхъ свѣдѣній о разгромѣ Крушева. Притомъ нужно имѣть въ виду, что населеніе Крушева состояло изъ грековъ и куцо-валаховъ, и ни въ какомъ случаѣ не могло считаться причастнымъ къ дѣятельности болгарскихъ революціонныхъ комитетовъ. Множество македонскихъ селъ имѣло такую же печальную участь; ихъ насчитываютъ больше сотни въ одномъ монастирскомъ вилайетѣ. Турецкія войска и башибузуки дѣйствуютъ по опредѣленному плану, и потому никакъ нельзя отрицать отвѣтственность Хильми-паши и самого султана за совершаемыя избіенія. Корреспонденту не было дозволено путешествовать даже въ той части страны, гдѣ по оффиціальному отчету „возстановлено полное спокойствіе", и причины этого запрещенія вполнѣ понятны. Паша заявилъ, что черезъ двѣ недѣли возстаніе окончится и что оно никогда больше не повторится; и дѣйствительно, некому будетъ возставать послѣ истребленія наиболѣе энергической части населенія. „Дѣло зашло слишкомъ далеко для того, чтобы активное

вмѣшательство могло произвести замѣтное дѣйствіе въ этой отдаленной области Турціи,—замѣчаетъ корреспондентъ „Times“,—но можно надѣяться, что наконецъ, будутъ употреблены нѣкоторыя усилія для ограниченія дальнѣйшихъ кровопролитій и для избавленія другихъ вилайетовъ отъ подобной же судьбы“. Эти скромныя ожиданія британскаго журналиста были, однако, напрасны: великія державы обращаются съ грозными требованіями не къ башибузукамъ и ихъ повелителямъ, а къ болгарамъ, пытающимся сопротивляться и противодѣйствовать турецкимъ избіеніямъ. Оттого кровавыя вакханаліи не прекращаются въ Македоніи, и излишества ихъ начинаютъ смущать даже завзятыхъ туркофиловъ. Корреспондентъ вѣнскаго журнала „Zeit“, посѣтившій округъ Киркъ-Килисса, описываетъ неслыханныя звѣрства, о которыхъ собраны имъ точныя свѣдѣнія; населеніе многихъ селъ вырѣзано цѣликомъ, дома разграблены и сожжены, а женщины и дѣвочки изнасилованы. „Положеніе дѣлъ въ этомъ округѣ, — по словамъ корреспондента,—составляетъ позоръ для Европы“. Сообщенія о томъ, что̀ дѣлается турками въ разныхъ мѣстахъ несчастнаго края, только урывками и случайно доходятъ до иностранной печати; такъ, изъ болгарскихъ источниковъ стало извѣстно, что разрушенъ городъ Касторія съ десяткомъ тысячъ жителей и что турки избивали тамъ всѣхъ безъ различія, болгаръ и грековъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Когда Болгарія, взволнованная этими ужасами, не препятствуетъ образованію военныхъ отрядовъ и переходу ихъ черезъ турецкую границу для освободительной борьбы, то правителямъ княжества даютъ понять, что Турція располагаетъ достаточными военными силами для оккупаціи болгарскихъ пограничныхъ пунктовъ. Въ Софіи, какъ мы узнаемъ изъ телеграммы „Times“, было получено отъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ предупрежденіе, что по отзыву германскаго канцлера, графа Бюлова, Порта, какъ сюзеренная держава, имѣетъ право занять вассальное княжество своими войсками съ цѣлью удержанія болгаръ отъ доставленія помощи македонцамъ. Въ то же время графъ Голуховскій выражаетъ мнѣніе, что убійство какихъ-нибудь двухъ тысячъ македонскихъ поселянъ не оправдываетъ еще жалобы на истребленіе болгарскаго племени въ Македоніи; а мнѣнія графа Бюлова и графа Голуховскаго опредѣляютъ будто бы взгляды русской дипломатіи по данному предмету. Австрійскій представитель въ Болгаріи, убѣждая княжеское правительство сохранить спокойствіе, прямо заявилъ, что, въ случаѣ неспособности самихъ болгаръ помѣшать переходу отрядовъ въ турецкіе предѣлы, Австрія и Россія примутъ во вниманіе эту неспособность и побудятъ Турцію воспользоваться своими правами для защиты ея территоріи отъ внѣшнихъ вторженій и для возстановленія внутренняго порядка. Необыкновенная самоувѣрен-

ность турецкихъ оффиціальныхъ сферъ по отношенію къ македонскому вопросу объясняется именно сознаніемъ, что на этотъ разъ туркамъ обезпечена полная свобода дѣйствій противъ христіанъ; одна только Англія признала неудобнымъ заранѣе высказываться противъ Болгаріи и оставлять ее беззащитною при возникновеніи войны между болгарскимъ княжествомъ и Турціею. Англія не раздѣляетъ также того страннаго предположенія, что турки могутъ сами себя реформировать и обѣщать, что они добровольно откажутся отъ своихъ неизмѣнныхъ традицій относительно безправныхъ иновѣрцевъ, и что исполнителемъ какихъ-либо полезныхъ преобразованій явится турецкій паша, осуществляющій теперь программу постепенныхъ избіеній христіанъ. Англичане справедливо находятъ, что положеніе Македоніи можетъ измѣниться къ лучшему только въ томъ случаѣ, если ею перестанутъ управлять турецкіе начальники, и если губернаторъ, назначенный или одобренный державами, будетъ подчиненъ европейскому контролю, при участіи мѣстныхъ выборныхъ представителей въ дѣлахъ управленія; эти идеи все чаще проводятся и въ оффиціальныхъ заявленіяхъ лондонскаго кабинета, и въ томъ же смыслѣ готовы дѣйствовать и дипломаты Франціи и Италіи. Отчасти подъ вліяніемъ этихъ западноевропейскихъ толковъ о македонской автономіи Турція рѣшилась сдѣлать нѣкоторыя уступки христіанскимъ народностямъ и начала миролюбивые переговоры съ Болгаріею для достиженія какого-либо компромисса. Переговоры эти могли бы привести къ серьезнымъ и прочнымъ результатамъ только при руководящемъ въ нихъ участіи Россіи, а для того, чтобы вообще возстановить нашу законную роль и вліяніе въ балканскихъ дѣлахъ, мы должны, быть можетъ, менѣе слѣдовать за Австріею и болѣе пользоваться содѣйствіемъ Франціи и Англіи съ цѣлью прекращенія или ограниченія турецкихъ безчинствъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ Сербіи происходитъ внутреннее политическое броженіе совершенно иного рода, чѣмъ въ Болгаріи. Тогда какъ болгары волнуются почти исключительно изъ-за македонскихъ событій и переживаютъ опасный кризисъ только вслѣдствіе своего горячаго увлеченія широкими національными задачами, сербы, напротивъ, относятся довольно равнодушно къ судьбѣ пограничныхъ сербско-турецкихъ земель и увлекаются только внутренними чисто-партійными распрями и счетами, мотивы которыхъ не всегда понятны для иностранцевъ. Новый король, насколько можно судить по разнообразнымъ внѣшнимъ фактамъ и признакамъ, встрѣтилъ на первыхъ порахъ восторженное сочувствіе въ народѣ, и перемѣна династіи признавалась безусловно радостнымъ событіемъ для страны,—если оставить въ сторонѣ траги-

ческія подробности совершившагося переворота. Въ Сербіи замѣчалось какъ будто непониманіе тѣхъ естественныхъ чувствъ, которыя заставляли другіе народы возмущаться и негодовать по поводу кровавой ночи 29 мая; сербскіе дѣятели и патріоты слишкомъ легко отнеслись къ фактамъ, сопровождавшимъ паденіе Обреновичей, и не нашли ничего ненормальнаго въ томъ, что убійцы короля и королевы, ихъ министровъ и приближенныхъ, публично заявлявшіе о своихъ подвигахъ, были откровенно награждены видными мѣстами въ арміи и въ администраціи. Народная скупштина оправдала или, вѣрнѣе, одобрила виновниковъ дворцоваго избіенія; отъ новаго короля нельзя было требовать суда надъ людьми, которымъ онъ обязанъ былъ своимъ воцареніемъ, но можно было ожидать, что эти люди по крайней мѣрѣ останутся скромно въ тѣни и не будутъ слишкомъ явно выдвигаться на первый планъ. Случилось, однако, нѣчто другое: руководители и участники удавшагося заговора считали себя призванными играть исключительную роль при новомъ правительствѣ, и офицеры, прикосновенные къ перевороту, образовали особую привилегированную группу, рѣзко выдѣлявшуюся изъ общаго состава сербскаго войска. Король Петръ не имѣлъ настолько твердости и энергіи, чтобы въ самомъ началѣ противостоять этимъ страннымъ притязаніямъ; въ результатѣ получилось нѣчто крайне нежелательное — возбужденіе внутренняго разлада между вліятельными элементами сербской арміи, внесеніе въ нее партійной вражды и борьбы, съ полнымъ забвеніемъ истиннаго національнаго призванія и характера „вооруженнаго народа". Сербское офицерство ставило себя въ совершенно неправильныя отношенія къ правительству, странѣ и народу; оно меньше думало о своихъ прямыхъ военныхъ обязанностяхъ, чѣмъ о мнимыхъ политическихъ и партійныхъ интересахъ, связанныхъ съ вопросами личной карьеры. Въ арміи возникло движеніе протеста противъ группы заговорщиковъ и убійцъ; составились петиціи къ королю объ устраненіи отъ военной службы всѣхъ, замѣшанныхъ въ кровавомъ дѣлѣ, и множество офицеровъ давало этимъ ходатайствамъ свои подписи. Печальнѣе всего то, что эта агитація развилась и выросла не на почвѣ нравственныхъ побужденій: никто не протестовалъ своевременно, когда участники переворота были торжественно объявлены заслуженными патріотами и героями; первые мѣсяцы прошли безъ всякаго общественнаго или спеціально-офицерскаго протеста, и оппозиція появилась только послѣ того, какъ выяснилось господствующее положеніе, занятое счастливыми заговорщиками. Оппозиціонная агитація была направлена въ сущности не противъ преступленій и кровавыхъ излишествъ, допущенныхъ въ ночь 29 мая, а противъ неумѣренныхъ служебно-политическихъ преимуществъ и притязаній офицеровъ, участвовавшихъ въ низ-

верженіи династіи; это была борьба на почвѣ личныхъ интересовъ, а не изъ-за идей или принциповъ. Офицерскія петиціи такого рода и содержанія, конечно, не могли считаться законными; но невозможно было прилагать къ нимъ мѣрку строгой законности при тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалась перемѣна династіи. Недавніе заговорщики, оставленные безъ преслѣдованія за полное ниспроверженіе военной дисциплины и за убійство своихъ начальниковъ, должны были первые возстать противъ суда надъ офицерами, позволившими себѣ слабый протестъ противъ этой безнаказанности; и если „протестанты" коллективно высказали пожеланіе, безусловно справедливое по существу и не грозящее противникамъ никакими карами, то король Петръ могъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы проявить свое безпристрастіе и избавиться отъ упрека въ чрезмѣрной солидарности съ лицами, замаравшими себя кровью женщины. Военный судъ надъ составителями петиціи противъ заговорщиковъ, которые сами никакому суду не подвергались,—былъ не только явною несправедливостью, но и крупною политическою ошибкою.

Очевидно, въ сербской арміи господствуютъ еще традиціи, утвердившіяся въ печальную эпоху короля Милана, — традиціи мелочного честолюбія, фаворитизма и политиканства, и важнѣйшей задачей новаго сербскаго правительства слѣдуетъ считать возстановленіе естественной роли національныхъ войскъ, путемъ надлежащаго преобразованія и очищенія офицерства. Эта важная задача могла бы быть исполнена съ успѣхомъ только такимъ авторитетнымъ и популярнымъ военно-политическимъ дѣятелемъ, какъ генералъ Савва Груичъ, имя котораго въ послѣднее время все чаще связывается съ ожиданіями новаго, разумнаго режима въ Сербіи. Послѣдніе выборы въ народную скупштину дали огромное большинство соединеннымъ группамъ радикальной или народной партіи, и если эти группы съумѣютъ отбросить прежнее рутинное политиканство для пользы всей страны, то Сербія получитъ наконецъ возможность спокойнаго внутренняго развитія, послѣ многихъ лѣтъ безплодныхъ волненій и тревогъ.

Въ Австро-Венгріи одинъ тяжелый кризисъ смѣняется другимъ, и тѣмъ не менѣе внѣшній авторитетъ ея, какъ великой державы, нисколько не слабѣетъ и даже какъ будто усиливается, вопреки природѣ вещей. Національная распря между чехами и нѣмцами въ австрійской половинѣ имперіи временно затихла, и министерство фонъ-Кербера продолжаетъ управлять дѣлами, хотя не успѣло ничего сдѣлать для достиженія желаннаго компромисса; зато въ Венгріи съ неожи-

данной силою разыгрался конфликтъ между парламентомъ и правительствомъ,—конфликтъ, который, благодаря усердію нѣкоторыхъ совѣтниковъ короля-императора, едва не разросся въ прямое столкновеніе между мадьярскою націею и короною. Венгрія давно уже недовольна прежними основами своего государственнаго существованія и стремится къ большему обезпеченію своей экономической самостоятельности и своей военно-политической автономіи; венгерскіе министры должны были до сихъ поръ лавировать между различными національными партіями съ одной стороны и придворными вліяніями и требованіями—съ другой, а въ области промышленныхъ интересовъ они встрѣчали упорное противодѣйствіе въ австрійскомъ парламентѣ и правительствѣ, вслѣдствіе чего не могло состояться возобновленіе торговаго трактата между обѣими частями имперіи. Къ старымъ политическимъ и промышленнымъ разногласіямъ прибавились теперь новыя, касающіяся національнаго характера венгерской арміи, и достигнуть соглашенія на этой скользкой почвѣ не удалось и предпріимчивому графу Кюну-Гедервари, пріобрѣвшему извѣстность своею административною энергіею и настойчивостью въ должности бана Хорватіи. Постъ венгерскаго министра-президента опять остается вакантнымъ, и при обострившемся національномъ настроеніи мадьяръ императоръ Францъ-Іосифъ имѣетъ предъ собою крайне трудную дилемму:—или допустить хроническій разладъ съ Венгріею, или сдѣлать уступку, которую раньше публично призналъ для себя невозможною.

Въ самый разгаръ этого политическаго кризиса вѣнскому кабинету приходится вновь провѣрить свое традиціонное вліяніе на судьбы Балканскаго полуострова,—вліяніе, пріобрѣтающее иногда рѣшающую силу, благодаря дружественной предупредительности сосѣднихъ великихъ державъ. Свиданіе двухъ могущественныхъ монарховъ и ихъ министровъ въ Вѣнѣ приведетъ, быть можетъ, къ нѣкоторому расширенію австро-русской программы турецкихъ реформъ, соотвѣтственно измѣнившимся обстоятельствамъ,—хотя на успѣшные результаты такого расширенія надѣяться трудно.

Неожиданныя перемѣны въ составѣ британскаго правительства имѣютъ только косвенную связь съ общимъ ходомъ политической жизни въ Англіи и съ современнымъ положеніемъ ея главныхъ парламентскихъ партій. Наиболѣе вліятельный и популярный изъ англійскихъ министровъ, справедливо считавшійся душою кабинета, во главѣ котораго номинально стоитъ Бальфуръ,—Чемберленъ вышелъ въ отставку не потому, что потерпѣлъ какую-нибудь неудачу, или что противъ него высказалось общественное мнѣніе; напротивъ, онъ сильнѣе

чѣмъ когда-либо поддерживается печатью и господствующими политическими группами въ Великобританіи;—онъ отказался отъ министерскаго поста только потому, что не могъ примѣнить къ дѣлу свои новые взгляды на задачи промышленной политики вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій съ нѣкоторыми товарищами по кабинету. Чемберленъ отрекся отъ старой англійской системы свободной торговли и сдѣлался протекціонистомъ, чтобы на этой почвѣ подготовить таможенный союзъ Англіи со всѣми ея обширными колоніями и способствовать созданію и укрѣпленію внѣшняго единства государствъ англо-саксонской расы въ разныхъ частяхъ свѣта. Глава кабинета, Бальфуръ, раздѣляетъ основныя идеи Чемберлена и признаетъ ихъ патріотическое величіе, что̀ и выразилъ въ напечатанной недавно брошюрѣ; но нѣкоторые изъ остальныхъ министровъ, въ качествѣ приверженцевъ свободы торговли, вышли въ отставку одновременно съ Чемберленомъ, который съ своей стороны желалъ пріобрѣсть бо̀льшую свободу дѣйствій для широкой общественной пропаганды своей имперіалистской программы. Личное положеніе Чемберлена только усилилось съ выходомъ его изъ кабинета, и общественное мнѣніе уже серьезно видитъ въ немъ будущаго перваго министра Англіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1903.

I.

— Къ семидесятипятилѣтію графа Л. Н. Толстого. 1828 — 28-го августа—1903. Графъ Л. Н. Толстой, какъ писатель всемірный и распространеніе его произведеній въ Россіи и за границей и т. д. Составилъ П. Д. Драгановъ, помощникъ библіотекаря Имп. Публ. Б-ки. Спб. 1903.

Въ заглавіи обозначено также, что настоящая книжка представляетъ статистическо-библіографическія данныя, извлеченныя изъ другого труда автора: „Хронологическое обозрѣніе *сорока-пяти* разноязычныхъ переводовъ“ (Tolstojana Polyglotta), труда еще неизданнаго.

Нечего говорить, что задача—собрать библіографическія свѣдѣнія о переводахъ произведеній гр. Толстого на иностранные языки—чрезвычайно интересна; къ сожалѣнію, какъ можно заключить изъ предисловія, авторъ не могъ найти издателя для своего труда, и въ настоящей книжкѣ онъ даетъ только общіе статистическіе выводы относительно литературы иностранныхъ переводовъ гр. Толстого.

Выводы въ самомъ дѣлѣ интересны. Авторъ прежде всего высчиталъ, въ какомъ хронологическомъ порядкѣ являлись первые переводы изъ сочиненій гр. Толстого. Оказалось, что въ періодъ времени 1870—1898 г. переводы выходили въ такой очереди: греческіе (1870), словацкіе (1876), сербскіе (1877), французскіе (1877), англійскіе (1878), венгерскіе (1878), датскіе (1879), чешскіе (1881), нѣмецкіе (1882), болгарскіе (1884), малороссійскіе (1884), шведскіе (1885), финскіе (1885), армянскіе (1885), червоно-русскіе (1886), англо-американскіе (1886), голландскіе (1887), итальянскіе (1887), хорватскіе (1887), карельскіе, въ Россіи (1887), грузинскіе (1887), сартскіе, въ Туркестанѣ (1887), норвежскіе (1887), испанскіе (1889), эстонскіе (1889), латышскіе (1890), литовскіе, въ Россіи и Пруссіи (1891), польскіе въ Россіи и Австріи (1891), португальскіе (1892), турецкіе (1894), румын-

скіе (1894), арабскіе (1894), хорутанскіе или словинскіе (1895), лужицкіе (1895), китайскіе (1895), на языкѣ эсперанто (1895), татарскіе, по кавказскому нарѣчію (1896), японскіе (1896), еврейскіе (1897), черемисскіе (1897) и татарскіе, по казанскому нарѣчію (1899).

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что авторъ напрасно переименовалъ словаковъ въ „словяковъ", а словинцевъ—въ „словянцевъ": оба послѣдніе термина произвольны и неправильны. Тутъ же авторъ ставитъ вопросительный знакъ къ замѣчанію, сдѣланному нѣкогда нами въ „Вѣстникѣ Европы", что такая слава и популярность, какими пользуется во всемъ свѣтѣ гр. Л. Н. Толстой, „*впервые* выпадаютъ на долю русскаго писателя". Что вызвало въ этихъ словахъ недоумѣніе автора, не понимаемъ: вся его собственная книжка наполнена указаніями „всемірной" извѣстности и славы гр. Л. Н. Толстого,—и въ приведенныхъ словахъ только и было сказано, что такой всемірной славы не достигалъ до гр. Толстого ни одинъ изъ русскихъ писателей, и она *впервые* досталась ему. Какой же другой русскій писатель былъ переводимъ въ такомъ обиліи, и какой другой русскій писатель пріобрѣталъ такую широкую славу?

Далѣе, авторъ разсуждаетъ такъ:

„...Вышеуказанный списокъ можетъ служить намъ показателемъ лишь *первоначальнаго рвенія* множества языковъ и народовъ міра къ заключенію знакомствъ (?) съ Л. Толстымъ или путемъ перевода, или критики его произведеній на родномъ языкѣ; и далеко не всегда на основаніи того списка можно судить о степени *дѣйствительной* популярности Л. Н. Толстого у того или другого народа, въ той или другой иноязычной литературѣ. Если же теперь мы посмотримъ на дѣло съ иной точки зрѣнія, т.-е. разберемъ его по методу (?) *количественному*, то тѣ же самые сорокъ народовъ-языковъ на поприщѣ международнаго *состязанія* въ переводахъ Толстого на свой домашній языкъ, приходится совершенно перетасовать и составить *новую таблицу старшинства*, уже не по времени, а на основаніи количества представленныхъ переводовъ. Послѣ этой перетасовки мы получаемъ иныя, часто совершенно неожиданныя цифры, представляющія интересныя данныя для сужденія, употребляя выраженіе Лацаруса и Штейнталя, о *народной психологіи* въ частности, о характерѣ каждаго народа или, лучше сказать, представленныхъ имъ за себя, какъ бы въ роли уполномоченныхъ (?) различныхъ переводчиковъ и критиковъ Л. Н. Толстого. Одни изъ этихъ народовъ очень рано устремились, прямо рванулись (?) къ Толстому, когда онъ стоялъ на кульминаціонной высотѣ своей неувядаемой славы, какъ замѣчательнѣйшій художникъ русской дѣйствительности; другіе лишь порывались къ нему...; третьи отставали...; четвертые спѣшили заднимъ числомъ наверстать

дѣло...; шестые болѣе или менѣе охладѣли къ своему кумиру...; седьмые же, возненавидѣвъ, чуть не бросили его совсѣмъ, и т. д. Такимъ образомъ, получилась картина интересная и даже нѣсколько забавная, ибо первые стали чуть ли не послѣдними, а многіе изъ послѣднихъ заняли первыя мѣста"...

Все это можно было объяснить и сказать проще, не придумывая особыхъ „методовъ", „перетасовки" и т. п. Самая простая библіографическая запись потребовала бы указанія годовъ отдѣльныхъ книгъ и числа книгъ, изданныхъ на томъ или другомъ языкѣ: такимъ образомъ, опять при самомъ простомъ подсчетѣ оказались бы два ряда цифръ—одинъ рядъ показалъ бы хронологическую послѣдовательность разноязычныхъ изданій, а другой—количество книгъ, переведенныхъ на тотъ или другой языкъ (послѣднее можно было бы сосчитать и въ общей суммѣ, и въ послѣдовательности годовъ). Само собою понятно, что первый рядъ (въ какой очереди появлялись на разныхъ языкахъ *первые* переводы) представлялъ бы нѣчто, чрезвычайно случайное, что̀ могло бы имѣть развѣ только интересъ анекдотическій— и больше никакого. Въ самомъ дѣлѣ, какое другое значеніе можетъ имѣть тотъ фактъ, что въ этомъ хронологическомъ рядѣ первое мѣсто занимаетъ переводъ греческій? Что появленіе греческаго перевода было простой случайностью, видно, напримѣръ, изъ того, что на греческомъ языкѣ въ теченіе тридцати лѣтъ появилось только три книги или книжки, переведенныхъ изъ Л. Н. Толстого, а въ нѣмецкой литературѣ (хотя первые переводы явились гораздо позднѣе, чѣмъ на греческомъ) въ тотъ же періодъ времени издано было до 200 книгъ; эта послѣдняя цифра указывала, конечно, уже не случайность. Далѣе, сравнивая цифры переводовъ Толстого въ разныхъ литературахъ, едва ли возможно говорить о „состязаніи" (развѣ только въ качествѣ реторической фразы). Никакого состязанія здѣсь не было, и сличеніе разныхъ литературъ по отношенію къ Л. Н. Толстому было бы чрезвычайно интересно совсѣмъ въ другомъ смыслѣ—не по числу переведенныхъ книжекъ, а по тому, какъ относилась та или другая критика къ Л. Н. Толстому—въ его произведеніяхъ художественныхъ, и въ его теоріяхъ и проповѣдяхъ религіозно-нравственныхъ и общественныхъ.

Внѣшнее распространеніе сочиненій гр. Толстого въ иностранныхъ литературахъ авторъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ:

„Первое мѣсто по усердію къ переводамъ и изученію гр. Л. Н. Толстого въ международной литературѣ занимаютъ, какъ и слѣдовало ожидать, нѣмцы, которые кромѣ изученій и критическихъ статей о Толстомъ до сихъ поръ успѣли представить 201 переводъ его сочиненій"... Далѣе идутъ французы, представившіе 156 такихъ переводовъ; затѣмъ словаки—80, англичане—73, болгары—48, чехи—45, испанцы—

38, сербы—36, шведы — 34, датчане—27, финны—25, американцы (англ.)—12, поляки—10, хорваты—9, итальянцы—7, турки—7, и, наконецъ, разные другіе европейскіе и восточные народы — отъ 6 до 1 перевода.

Сосчитавъ (приблизительно) русскія, въ предѣлахъ Россіи, и иноязычныя изданія сочиненій гр. Толстого, авторъ получилъ цифры 238 и 523 и заключилъ, что хотя до 1870 г. о гр. Толстомъ не слыхали за границей, тамъ гр. Толстой „чуть ли не въ три раза распространеннѣе, популярнѣе, народнѣе, чѣмъ въ самой Россіи, и это лишь за послѣднія 27 лѣтъ непосредственнаго знакомства съ Толстымъ... Конечно, такое большое преимущество сорока иноязычныхъ переводовъ по сравненію съ подлинными изданіями на русскомъ языкѣ объясняется лишь однимъ *внѣшнимъ* обстоятельствомъ, внѣшнею стороною дѣла,— тѣмъ, что за границей безвозбранно печатаются *всѣ* произведенія Толстого, какъ запретныя и авторизованныя, такъ и не авторизованныя (?) и даже поддѣльныя.

Послѣднее обстоятельство,—хотя и смутно указанное авторомъ,— составляетъ серьезную и прискорбную черту въ положеніи писательской дѣятельности гр. Толстого (многія сочиненія гр. Толстого не имѣютъ у насъ свободнаго обращенія); но разсчетъ степени популярности гр. Толстого (за границей—больше „чуть ли не въ три раза") достоинъ былъ бы занять мѣсто въ задачникѣ Евтушевскаго по своей мудрености. Приведенныя цифры: 238 и 523, авторъ беретъ *гуртомъ*, но первая цифра относится къ *одному* народу, а вторая—къ *сорокá* народамъ: какъ же сосчитать степень популярности? Въ самомъ дѣлѣ, изъ самаго списка, приводимаго авторомъ, видно, что многіе имѣютъ изъ Толстого только *два-три*, или даже только *одинъ* переводъ которой-нибудь книжки; какая же здѣсь степень популярности?

Въ началѣ книжки авторъ разсказываетъ съ великимъ негодованіемъ, какъ одно время рукопись его сочиненія затерялась въ редакціи газеты „Россія" у г. Амфитеатрова, и разсказываетъ очень длинно. Этотъ эпизодъ можетъ показаться весьма неумѣстнымъ: читатель на первое время не разберетъ, что̀ главное въ книжкѣ—г. Амфитеатровъ или гр. Л. Н. Толстой; вниманіе читателя во всякомъ случаѣ развлечено. Если уже автору необходимо было излить свои чувства къ г. Амфитеатрову, лучше было бы (чтобы не ослаблять интереса къ гр. Л. Н. Толстому) сдѣлать это отдѣльно, въ газетной статьѣ или особой книжкѣ.

И въ другомъ случаѣ обличительныя стремленія автора были едва ли умѣстны. Этотъ другой случай относится къ г. Михайловскому. Вѣроятно, и самъ г. Михайловскій отвѣтитъ на обличенія автора, но вопросъ можетъ быть и общелитературнымъ. Авторъ обвиняетъ г. Ми-

хайловскаго ни много, ни мало какъ въ лицемѣріи—по слѣдующему случаю: г. Михайловскій далъ „злой отзывъ“ (?) о гр. Толстомъ въ „Р. Богатствѣ“ въ началѣ 1898 года, но „тотъ же Михайловскій лицемѣрно принималъ участіе въ литературномъ вечерѣ, посвященномъ чествованію юбилея гр. Л. Н. Толстого 4 октября 1898 г. въ Петербургѣ“. Не помнимъ этого злого отзыва, но во всякомъ случаѣ г. Михайловскій дѣлалъ такой отзывъ не огуломъ о *всей* дѣятельности гр. Л. Н. Толстого, и осуждая одно, могъ быть наилучшаго мнѣнія о другомъ (напр. осуждать философію гр. Толстого и высоко цѣнить его художественныя произведенія), и, по своему сочувствію къ одной долѣ твореній гр. Толстого, могъ принять участіе въ литературномъ вечерѣ безъ всякаго „лицемѣрія“. Могло быть и другое. Между „злымъ отзывомъ“ и „литературнымъ вечеромъ“ прошло цѣлыхъ полгода: было ли извѣстно автору, что̀ за это время происходило въ душѣ г. Михайловскаго? Можетъ быть, онъ раскаялся въ „зломъ отзывѣ“ и, можетъ быть, оплакивалъ свое заблужденіе, отправляясь на „литературный вечеръ“? — Авторъ этого не знаетъ, и обвиненіе было преждевременно: автору слѣдовало удостовѣриться сначала въ поведеніи г. Михайловскаго. Въ томъ и другомъ случаѣ обвиненіе не соотвѣтствуетъ литературнымъ приличіямъ.

Гораздо болѣе этихъ полемическихъ отступленій былъ бы интересенъ самый библіографическій трудъ о гр. Л. Н. Толстомъ. Между прочимъ, извѣстно ли автору, что обширная библіографія сочиненій гр. Толстого существуетъ уже, какъ сообщалъ намъ С. А. Венгеровъ, въ каталогѣ Британскаго музея въ Лондонѣ? — А. П.

II.

— Графъ Л. Н. Толстой. Великій писатель русской земли. Его жизнь. Семья. Друзья. Критики и толкователи. Въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, карикатурѣ и т. д. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Выпускъ I. Спб. 1903.

Задолго до выхода настоящаго изданія, въ газетахъ можно было встрѣтить рекламы о появленіи альбома, въ которомъ читающая публика могла разсчитывать найти небывалую полноту матеріала въ соединеніи съ изяществомъ исполненія; но—увы!—первый выпускъ обманулъ самыя снисходительныя ожиданія. Представьте себѣ тоненькую тетрадь большого формата весьма посредственной бумаги, наполненную весьма посредственнымъ текстомъ и плохими снимками портретовъ, факсимиле, видами и проч. Предисловіе начинается заявленіемъ о томъ, что „выпускаемый нами (т.-е. издателями) альбомъ

гр. Л. Н. Толстого—явленіе еще совершенно новое для Россіи". Не говоря уже объ извѣстной книгѣ г. Сергѣенка („Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой"), заключающей въ себѣ большое количество аналогичнаго матеріала и совершенно не упомянутой въ предисловіи, существуютъ прекрасные и въ большинствѣ случаевъ недорогіе альбомы, связанные съ именами Пушкина, Бѣлинскаго, Гоголя. Хотя нѣкоторые изъ нихъ появились уже давно, а иные успѣли уже выйти изъ продажи, издатели, заявлявшіе о новизнѣ своего альбома, оговариваются, тѣмъ не менѣе, наивной фразой о томъ, что, молъ, теперь начинаютъ собирать „остатки отъ другихъ нашихъ великихъ людей"— „и тоже издаютъ въ видѣ альбома"... Оговариваясь, что текстъ является лишь поясненіемъ къ рисункамъ и не можетъ претендовать на связность, издатели предупредительно просятъ читателей указывать имъ на пропуски, обѣщая воспользоваться этими указаніями въ дополненіяхъ и новыхъ изданіяхъ...

Альбомъ открывается совершенно нелѣпымъ рисункомъ, изображающимъ Л. Н. Толстого въ видѣ льва, съ звѣринымъ выраженіемъ лица, лежащаго на вертикально поставленной книгѣ; внизу—громадные вѣнки, перевязанные лентами. Чтò обозначаетъ этотъ символъ,—сказать трудно, но онъ весьма мало подходитъ къ Л. Н. Толстому, проповѣднику незлобія и любви. Въ выборѣ матеріала оказалось явное неумѣнье: о жизни и литературной дѣятельности Толстого сказано мало, между тѣмъ какъ о предкахъ знаменитаго писателя приведены сравнительно подробныя свѣдѣнія, причемъ помѣщенъ мало интересный фамильный гербъ гр. Толстыхъ и видъ семибашеннаго зàмка въ Константинополѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, былъ заключенъ родоначальникъ Толстыхъ, гр. Петръ Андреевичъ. Среди современниковъ Толстого, имѣвшихъ къ нему то или иное отношеніе, находимъ портреты М. Н. Каткова, С. С. Дудышкина, М. В. Авдѣева, Виктора Острогорскаго, М. И. Драгомирова, но не находимъ отдѣльныхъ портретовъ Некрасова, Тургенева, Гончарова, Фета и мн. др., изображенія которыхъ были бы гораздо умѣстнѣе, чѣмъ, къ примѣру будь сказано, портретъ Михаила Никифоровича Каткова... Не находимъ въ изданіи и снимковъ съ извѣстнѣйшихъ портретовъ Толстого (напр., работы Рѣпина). Можетъ быть, все это войдетъ въ слѣдующіе выпуски, но въ предисловіи не указано ни количества этихъ выпусковъ, ни общаго плана изданія.

Правда, цѣна не особенно дорога—всего 60 коп.,—но мы увѣрены, что каждый охотно заплатилъ бы лишній двугривенный, чтобы имѣть нѣсколько изящный альбомъ, а не лубочное изданіе, мало рекомендующее такую солидную фирму.

III.

— Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Т. I-VI. Спб. 1903.

— Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложеніями, подъ редакціей П. О. Морозова. Спб. 1903. Т. I—II.

Оба изданія сочиненій величайшаго русскаго поэта отвѣчають каждое въ своемъ родѣ назрѣвшимъ потребностямъ. Послѣднее десятилѣтіе, въ особенности же годы послѣ памятной Пушкинской годовщины, значительно подвинуло впередъ вопросъ о всестороннемъ изученіи творчества и жизни Пушкина. Появились и продолжають появляться все новые и новые матеріалы, заключающіе въ себѣ данныя для исторіи его произведеній или біографіи. Разъясняется эпоха, въ которую онъ жилъ, выступають изъ мрака забвенія его современники, съ которыми онъ былъ въ литературныхъ или житейскихъ отношеніяхъ, и нравственная физіономія его обрисовывается въ истинномъ свѣтѣ, какъ и творческій геній поэта, встрѣчавшій при жизни столько препятствій для своего свободнаго проявленія. Среди различныхъ сторонъ этого изученія творчества и личности Пушкина, установленіе подлиннаго текста его произведеній слѣдуетъ считать едва ли не самымъ существеннымъ вопросомъ. Еще Пушкинъ при жизни жаловался на искаженіе текста его сочиненій; первыя посмертныя изданія заключали въ себѣ много неточностей и ошибокъ, доходившихъ до курьеза; приходилось считаться и съ невѣжественной и придирчивой цензурой. Долгое время бумаги Пушкина не могли появиться на свѣтъ, и только много лѣтъ спустя, когда настало время для историческаго изслѣдованія Пушкинскаго текста и стало возможнымъ пользоваться бумагами Пушкина, стали осуществимы въ строгомъ смыслѣ научныя изданія въ родѣ академическаго (первый томъ появился въ 1899 г.) или тѣхъ, о которыхъ мы собираемся говорить. Изъ нихъ первое редактировано извѣстнымъ знатокомъ и давнишнимъ издателемъ Пушкина П. А. Ефремовымъ, а второе—П. О. Морозовымъ, редактировавшимъ имѣвшее заслуженный успѣхъ изданіе Литературнаго фонда.

Въ настоящемъ своемъ изданіи сочиненій Пушкина г. Ефремовъ старался, по его словамъ, собрать все, что появилось до сихъ поръ въ печати съ именемъ поэта, какъ достовѣрно ему принадлежащее, и все это провѣрить, исправить и дополнить на основаніи сохранившихся рукописей поэта или же списковъ, о которыхъ было достовѣрно извѣстно, что они сдѣланы прямо съ подлинниковъ. Въ этомъ

отношеніи имѣетъ особое значеніе тотъ фактъ, что въ распоряженіи г. Ефремова была тетрадь П. В. Анненкова, въ которую Анненковъ первоначально списывалъ съ рукописей, хранящихся нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ. „При этомъ оказалось,—замѣчаетъ г. Ефремовъ,—что многіе отрывки и черновые наброски прочитаны Анненковымъ удовлетворительнѣе чтенія послѣдующихъ изслѣдователей, и что списаны нѣкоторыя черновыя письма поэта и такія произведенія, которыхъ теперь уже не оказывается между музейскими рукописями. Повидимому, всѣ они были оставлены Анненковымъ въ свою собственность, ибо у насъ имѣется цѣлый десятокъ такихъ „извлеченныхъ“ листковъ, которые мы получили отъ знакомыхъ Анненкова, получившихъ ихъ въ свою очередь въ подарокъ отъ него; другой десятокъ такихъ же подлинниковъ былъ выметенъ при очисткѣ сарая въ проданномъ Анненковскомъ имѣніи и болѣе сотни ихъ найдено было въ петербургской квартирѣ его брата, гдѣ онъ жилъ, пріѣзжая изъ имѣнія; а Л. Н. Майковъ говорилъ намъ, что „много такихъ листковъ получилъ отъ вдовы Анненкова для академическаго изданія и вмѣстѣ съ ними писарскую копію съ указанной выше тетради, изъ которой, впрочемъ, вырвано нѣсколько страницъ“.

Въ вышедшихъ томахъ матеріалъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ первомъ томѣ—Лирическія стихотворенія (1812—1824); во второмъ томѣ—Лирическія стихотворенія (1825—1836);—Поэмы (1820—1822); въ третьемъ томѣ—Поэмы;—Драматическія произведенія;—Сказки (1823—1834); въ четвертомъ томѣ—„Евгеній Онѣгинъ“ (1822—1831);—Романы и повѣсти (1827—1833); въ пятомъ томѣ—Повѣсти, сцены, анекдоты (1834—1835);—Отрывки повѣстей 1819—1835); — „Арзрумъ“ (1829—1835);—„Радищевъ“ (1833—1836);—Записки; Историческія и критическія замѣтки (1815—1835); въ шестомъ томѣ—статьи изъ „Современника“ (1836—1837);—„Исторія Пугачевскаго бунта“ (1833—1834);—„Камчатка“;—„Петръ Великій“ (1832—1837).—Примѣчанія будутъ выдѣлены особо.

Являясь результатомъ глубоко продуманной и обширной редакторской работы, изданіе г. Ефремова заключаетъ въ себѣ качества, какихъ не было въ прежнихъ изданіяхъ: полноту и свѣжесть матеріала, новое и болѣе удобное распредѣленіе и текстъ, провѣренный по первоизданіямъ, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ его желалъ видѣть самъ Пушкинъ. Впечатлѣніе полноты получается отъ того, что г. Ефремовъ внесъ въ основной текстъ въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ тѣ стихотворенія и отрывки, которые были и въ рукописяхъ, и въ предъидущихъ изданіяхъ среди писемъ, въ отдѣлѣ прозы и черновыхъ набросках. Въ распредѣленіи лицейскихъ стихотвореній редакторъ слѣдовалъ порядку, установленному Л. Н. Майковымъ, во

второмъ академическомъ изданіи, но самый текстъ этихъ стихотвореній потребовалъ провѣрки по рукописямъ или достовѣрнымъ спискамъ. Сообщая объ этомъ въ предисловіи, авторъ дѣлаетъ попутно рядъ важныхъ указаній и исправленій, касающихся академическаго изданія; замѣчанія эти всѣ фактическаго свойства и несомнѣнно будутъ приняты къ свѣдѣнію.

Возстановляя Пушкинскую ороографію, г. Ефремовъ вернулся и къ Пушкинской разстановкѣ знаковъ препинанія. Обстоятельство это, на первый взглядъ маловажное, можетъ имѣть, однако, большое значеніе, какъ видно на слѣдующемъ примѣрѣ. Рѣчь идетъ о томъ же академическомъ изданіи. „Въ разстановкѣ знаковъ препинанія Майковъ тоже придерживался первоначальнаго печатанія, производившагося, можетъ быть, подъ глазами полуграмотныхъ корректоровъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи: *Блаженство*, напечатано было, что „Пѣлъ влюбленный пастушокъ", а сатиръ „*слушалъ пѣсенки* ночной, въ ладъ качая головой". Когда въ печати замѣтили неправильность этого стиха, то во второмъ изданіи Майковъ сдѣлалъ замѣчаніе, что это старинный оборотъ рѣчи: согласованіе глагола: слушать, съ родительнымъ падежомъ, и что у Державина въ одной пьесѣ встрѣчается: „Приди моей *сей пѣсни слушать*". Сколько, вѣроятно, было потрачено труда на такое разысканіе, а стоило только запятую перенести изъ конца стиха къ первому слову, и оказалось бы, что сатиръ слушалъ пѣніе пастуха, качая головой *въ ладъ ночной пѣсенки*". Другой примѣръ еще характернѣе. „Въ *Пирующихъ студентахъ* по снимку съ автографа, помѣщенному при одномъ изданіи Лицея, видно, что Пушкинъ, подшучивая надъ Кюхельбекеромъ, называетъ его „писателемъ за свои грѣхи", а по пунктуаціи Майкова Пушкинъ замѣчаетъ, что Кюхельбекеръ—„за свои грѣхи съ виду всѣхъ трезвѣе". Не одно и то же: „Писатель за свои грѣхи! ты съ виду всѣхъ трезвѣе!" и „Писатель! За свои грѣхи ты съ виду всѣхъ трезвѣе!"

Къ изданію приложены два портрета Пушкина въ офортахъ, сдѣланныхъ съ оригиналовъ Тропинина и Кипренскаго художникомъ Рундальцовымъ.

Благопріятное впечатлѣніе производитъ и изданіе, выходящее подъ редакціей П. О. Морозова. Пока вышло два тома, но характеръ изданія вполнѣ опредѣлился. Онъ представляетъ собою переработку вышедшаго въ 1887 г. изданія Литературнаго фонда и имѣетъ цѣлью, по мысли редактора, дать читателямъ, во-первыхъ, по возможности полный и тщательно провѣренный текстъ произведеній Пушкина, а во-вторыхъ—пособіе для занимающихся изученіемъ поэта и его эпохи.

Соотвѣтственно этой цѣли, какъ сообщаетъ редакторъ въ предисловіи, имъ вновь пересмотрѣны, исправлены и дополнены по по-

длиннымъ рукописямъ Пушкина произведенія и письма поэта; текстъ произведеній, напечатанныхъ при жизни Пушкина, свѣренъ съ печатными изданіями. При этомъ, по примѣру академическаго изданія, г. Морозовъ принялъ въ большинствѣ случаевъ за правило основной текстъ печатать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ передъ глазами поэта въ послѣдній разъ—въ печати или въ рукописи, а первоначальныя чтенія и варіанты указывать въ примѣчаніяхъ. Считая невозможнымъ возстановить подлинное Пушкинское правописаніе, г. Морозовъ въ текстѣ настоящаго изданія соблюдаетъ общепринятое правописаніе, „тѣмъ болѣе, что и самъ Пушкинъ никогда не держался последовательно какой-либо опредѣленной орѳографической системы". Распредѣленіе сочиненій Пушкина въ настоящемъ изданіи является въ слѣдующемъ видѣ: томъ I—Мелкія стихотворенія 1812—1824 гг.; томъ II—Мелкія стихотворенія 1825—1836 гг.; Пѣсни западныхъ славянъ; сказки; народныя пѣсни, записанныя и переведенныя Пушкинымъ; томъ III—Поэмы и драматическія произведенія въ стихахъ; томъ IV—„Евгеній Онѣгинъ"; томъ V—Романы, повѣсти и драматическія произведенія въ прозѣ; томъ VI—Журнальныя статьи и замѣтки; дневникъ; записки; черновыя критическія статьи; путешествіе въ Арзрумъ; томъ VII—Исторія пугачевскаго бунта и историческіе матеріалы; томъ VIII—Письма 1815—1836.

Отдѣлу стихотвореній и крупныхъ произведеній Пушкина редакторъ предпосылаетъ небольшія историко-литературныя введенія, въ которыхъ излагаетъ исторію созданія и литературную судьбу произведенія; мелкія подробности біографическія, библіографическія и историко-литературныя относятся вмѣстѣ съ варіантами въ примѣчанія. Первый томъ снабженъ біографическимъ очеркомъ и алфавитнымъ указателемъ.

Спеціальная критика уже указала на нѣкоторые недочеты и мелкіе пропуски въ обоихъ изданіяхъ; они настолько незначительны, что не помѣшаютъ признать оба изданія явленіями крайне желательными въ русской литературѣ.

IV.

— Діонео. Очерки современной Англіи. Изд. редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 1903.

Наше общество нельзя упрекнуть въ отсутствіи интереса къ англійской исторіи и литературѣ. Послѣдняя оказала могучее и плодотворное вліяніе на русскую литературу какъ разъ въ тотъ періодъ ея историческаго развитія, который былъ ознаменованъ переходомъ

къ реальному изображенію умственныхъ теченій и національныхъ формъ быта. Англійская исторія издавна интересовала насъ преимущественно своими государственными учрежденіями и страстной высоко-поучительной борьбой за идеалы народной и общественной свободы. Въ нашемъ общественномъ воспитаніи, или, лучше сказать, самовоспитанія, знакомство съ тѣмъ, какъ вырабатывались въ Англіи государственныя учрежденія и политическіе принципы, издавна открывало наблюдательному уму богатую сокровищницу культурно-историческихъ опытовъ, назидательныхъ параллелей и обобщеній, создавая въ то же время почву для соотвѣтственныхъ выводовъ и заключеній.

Но за послѣднее время общественная и политическая жизнь всего міра настолько стала объединяющимъ фокусомъ умственныхъ стремленій образованныхъ классовъ, что сдѣлалось невозможнымъ не только изучать, но даже понимать какія-либо отрасли культурной или государственной жизни, развитіе которыхъ неразрывно связано съ коренными общечеловѣческими принципами справедливости, права и свободы, въ ихъ національной исключительности, внѣ связи съ общимъ ходомъ міровою прогресса. Передовыя страны, преимущественно передъ прочими вырабатывающія идеи этого прогресса и указывающія пути ихъ проведенія въ жизнь, естественно привлекаютъ къ себѣ пристальное вниманіе цивилизованнаго міра; послѣдній зорко слѣдитъ не только за отвлеченнымъ ходомъ историческихъ смѣнъ и теченій въ передовыхъ странахъ, но и за современными ему конкретными формами быта.

Для русскаго читателя это имѣетъ особенное значеніе. Знакомство съ англійской жизнью, самой по себѣ чрезвычайно разносторонней, богато и своеобразно культурной, становится тѣмъ необходимѣе, что въ ней въ настоящее время ведется горячая борьба вокругъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ въ широкомъ смыслѣ слова, имѣющихъ существенное значеніе для каждой изъ европейскихъ странъ и прежде всего для нашей родины.

Въ этомъ отношеніи талантливые очерки г. Діонео являются чрезвычайно кстати. Они образовались изъ статей, печатавшихся въ „Русскомъ Богатствѣ“, начиная съ 1897 г., и представляютъ собою попытку набросать въ общихъ чертахъ картину Англіи въ переживаемый ею переходный фазисъ имперіализма. Считаясь съ мрачными фактами англійской общественности, неизбѣжными въ пестрыхъ переливахъ сложной политической жизни каждаго народа, авторъ вынесъ изъ своихъ наблюденій англо-саксонскаго міра глубокое уваженіе къ сильной, настойчивой и талантливой расѣ, для которой широкая гражданская свобода не осталась только отвлеченнымъ принципомъ,

но вся сполна осуществилась въ дѣйствительной жизни. Возможно, что, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго развитія биржевого капитала и перехода лучшихъ силъ націи въ колоніи, общественныя условія англійской жизни сильно видоизмѣнятся, но имъ предстоитъ развиться въ тѣхъ же смѣлыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ практичныхъ общественныхъ формахъ въ англійскихъ колоніяхъ, разсѣянныхъ по всему міру. Авторъ примыкаетъ къ тому довольно распространенному мнѣнію, что британская имперія превращается въ мощный федеративный союзъ независимыхъ демократическихъ республикъ, причемъ возможно, что центръ тяжести этого міра будетъ находиться не въ Англіи.

Не закрывая глазъ на мрачныя стороны англійской современности, авторъ высказываетъ такое мнѣніе по поводу англо-бурской войны: „Наблюдатель, научившійся цѣнить даровитую, энергичную, свободолюбивую, высоко ставящую принципъ законности англо-саксонскую расу, съ сердечной болью видитъ теперь, какъ эта безумная война вынесла на первое мѣсто наиболѣе грубые, дикіе и ограниченные элементы, которые до того времени прятались, стыдясь своей культурной неумытости. Если мы станемъ судить по тону почти всей прессы, по театральнымъ пьесамъ да по представленіямъ въ кафе-шантанахъ и на основаніи этого заключимъ, что вся Англія теперь опьянена джингоизмомъ въ наиболѣе грубой и непривлекательной формѣ его, то нашъ выводъ будетъ ошибоченъ. Воинственный духъ уличной прессы и театровъ обозначаетъ лишь, что наиболѣе крикливыя и наименѣе симпатичныя части англійскаго общества заняли теперь на время всю передовую линію. Положеніе дѣлъ сильно напоминаетъ одну извѣстную игрушку: полушаръ, наполненный совершенно прозрачною и чистою водою, такъ что тонкій осадокъ на днѣ почти незамѣтенъ; но стóитъ встряхнуть полушаръ, и вся вода замутится. Въ ней закрутятся черные хлопья, змѣйки, головастики и т. п. Толчокъ прекратится,—и змѣйки и лягушки вновь упадутъ на дно и покроются пескомъ. Не одна Англія подвержена подобнымъ толчкамъ. Во многихъ другихъ странахъ черные хлопья, змѣи и жабы кружатся и въ обычное время, даже безъ толчка. Тамъ гадамъ незачѣмъ прикрывать свои хищныя стремленія принципами свободы. Совсѣмъ наоборотъ: неприкрашенные „щучьи" идеалы возводятся во многихъ мѣстахъ на континентѣ въ принципъ. Наблюдателю *обидно* переживать въ Англіи такіе моменты, какъ теперь. Въ другое время наглая глупость никакъ не смѣла бы выползти здѣсь въ такомъ неприкрытомъ видѣ на свѣтъ Божій, какъ теперь. Мы, жители континента, къ гадамъ привыкли, и видъ ихъ не повергаетъ насъ въ такое уныніе, какъ англичанъ, полагающихъ, что гаду предписано „въ травѣ пресмы-

каться", а не выползать на первое мѣсто. Этимъ объясняется слишкомъ тревожное настроеніе лучшихъ элементовъ англійскаго общества".

Въ первой главѣ, озаглавленной „Смѣна теченій", г. Діонео приводитъ краснорѣчивую справку о тѣхъ гигантскихъ шагахъ по пути прогресса, которые сдѣлала Англія въ теченіе семи-восьми десятилѣтій прошлаго вѣка. „Такъ, въ 1837 г., въ Англіи 43% не могли за безграмотностью подписать брачный контрактъ. Въ 1894 г. неграмотныхъ было 3%. Количество періодическихъ изданій, этихъ учителей демократіи, по выраженію Луи Блана, увеличилось теперь въ 60 разъ. Еще важнѣе то, что среди этихъ изданій много такихъ, которыя основаны самимъ народомъ и въ которыхъ онъ высказалъ свои идеалы. Основались немыслимые прежде народные университеты и аудиторіи. Первая народная библіотека была открыта 30 лѣтъ тому назадъ. Теперь нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы ея не было. Такъ называемыя, *передвижныя* библіотеки доставляютъ книги фермерамъ, живущимъ въ самыхъ глухихъ углахъ Англіи. Не менѣе интересны цифры, показывающія количество вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ. Это—одинъ изъ хорошихъ показателей, по которому можно судить о благосостояніи массъ. Въ 1850 г. въ сберегательныхъ кассахъ хранилось 30.100.000 ф. ст. Въ 1895 г.—143.200.000. Въ 1850 г. на 1.000 чел. населенія приходилось 39 вкладчиковъ, въ 1895 г.—203 чел. Другими словами, почти каждая семья имѣетъ книжку сберегательной кассы. Увеличеніе благосостоянія отразилось на уменьшеніи смертности. Уменьшилось количество слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, этихъ печальныхъ жертвъ нищеты. Въ 1851 г. на милліонъ населенія было 1.014 слѣпыхъ, въ 1891—809. Въ 1831 г. на то же число населенія приходилось 545 глухонѣмыхъ, въ 1891 г.—489. Упалъ значительно процентъ нищихъ (4,8—въ 1850 г.; 2,6—въ 1896 г.)".

Очень интересна глава объ „имперіализмѣ". Характеристика его далеко не полна, но авторъ весьма обстоятельно останавливается на томъ изъ его теченій, которое сливаетъ имперіализмъ и торговлю въ одно понятіе. По увѣреніямъ экономистовъ имперіализма, послѣдній значитъ не что иное, какъ новые рынки. Новые же рынки значатъ расширеніе промышленности и поднятіе заработной платы. Такимъ утвержденіемъ экономисты, съ легкой руки Чемберлэна, полагали привлечь на свою сторону работниковъ—и не ошиблись въ разсчетѣ.

„Массы были вовлечены тѣмъ,—говоритъ по этому поводу авторъ,— что имъ толковали, что имперіализмъ значитъ расширеніе рынковъ, т.-е. увеличеніе промышленности, а вмѣстѣ съ ней—повышеніе заработной платы. Кромѣ этого, имперіализмъ выставилъ для массъ такъ называемую соціальную программу. „Мы имѣемъ возможность, которой лишены наши противники, обратить самое серьезное вниманіе

на важные соціальные вопросы; разрѣшеніемъ ихъ обусловливается счастье и благосостояніе трудящихся массъ". (Рѣчь Чемберлэна въ сѣверномъ Ламбетѣ, 6-го іюля 1895, передъ общими выборами). „Я хочу вамъ предложить прежде всего одинъ вопросъ: господа, желаете ли вы имѣть у власти правительство, занятое соціальнымъ законодательствомъ? Желаете ли вы реформъ въ этомъ смыслѣ, или вамъ дороги измѣненія въ конституціи, отъ которыхъ вы не получите ничего?" Это опять слова Чемберлэна. „Соціальная" программа была изложена въ манифестѣ, выпущенномъ въ іюлѣ 1895 г. въ Бирмингэмѣ. „Соціальныя реформы. Программа мистера Чемберлэна,—читаемъ мы въ этомъ документѣ. 1) Улучшеніе жилищъ рабочихъ классовъ. Проведеніе закона, дающаго возможность работникамъ, уплатой ренты, пріобрѣтать въ собственность дома. Законъ будетъ аналогиченъ тому, который облегчаетъ ирландскому фермеру покупку земельнаго участка. 2) Законъ, преграждающій эмигрантамъ доступъ въ Англію. Такимъ образомъ, англійскіе работники будутъ ограждены отъ конкуррентовъ, могущихъ сбить заработную плату. 3) Пенсіонъ для всѣхъ престарѣлыхъ. 4) Сокращеніе законодательнымъ путемъ рабочаго дня приказчиковъ въ лавкахъ. 5) Отвѣтственность предпринимателей за жизнь и здоровье работниковъ—безразлично—произошло ли несчастье по винѣ предпринимателей, или же по неосторожности рабочихъ. 6) Восьмичасовой рабочій день. 7) Реформы, касающіяся продажи крѣпкихъ напитковъ. 8) Третейскій судъ для разрѣшенія недоразумѣній между предпринимателями и работниками". Почти ни одно обѣщаніе не было выполнено. Зато министерство щедро было на подарки тѣмъ классамъ, въ поддержкѣ которыхъ имперіализмъ нуждается. Въ 1896 г. проведена была ежегодная взятка въ размѣрѣ 1.613.000 ф. ст. англійскимъ и шотландскимъ лэндлордамъ. Въ 1897 г. священники получили 800.000 ф. ст. въ годъ на конфессіональныя школы. Священники постарались отблагодарить министерство. Они теперь наиболѣе крайніе пропагандисты джингоизма. Священники выступили съ проектомъ новыхъ школъ, въ которыхъ они бы насаждали пламенный патріотизмъ"...

Авторъ указываетъ на страшную опасность, которую несетъ въ себѣ имперіализмъ для англійскаго пролетаріата. Эта опасность выясняется, какъ кажется автору, по мѣрѣ того, какъ проходитъ первый кровавый хмель. „Имперіализмъ значитъ въ концѣ концовъ рабство, т.-е. повтореніе почти тѣхъ деталей строя, на которыхъ держались Греція и Римъ". Авторъ разъясняетъ „этотъ пунктъ" классическими и неклассическими примѣрами. Объясненія его не полны, но вразумительны. Не задерживая вниманія читателя на этихъ примѣрахъ, отмѣтимъ, со словъ автора, положеніе вопроса объ арміи, играющей роль

виднаго фактора въ развитіи всякаго рода имперіализма. „Джинго-поэты давно уже доказали необходимость громадной арміи, такой арміи, предъ которой трепетали бы всѣ. Вѣроятно, ни въ одной странѣ никто такъ не восторгается арміей, какъ коллективнымъ цѣлымъ, какъ джинго. И въ то же время ни въ одной странѣ солдатъ, какъ единица, такъ глубоко не презирается, какъ въ Англіи. Это—презрѣніе независимаго человѣка къ „наемнику", продавшему за столько-то шиллинговъ свою свободу, включительно до правъ пороть себя. До войны англійская армія вербовалась изъ подонковъ, изъ людей, которымъ лишь два выхода: либо тюрьма, либо казарма. И очень часто въ казарму попадали тѣ, которые испробовали уже первый выходъ. Противорѣчіе это странно; но, между тѣмъ, нигдѣ, ни въ одной странѣ „ТомиАткинсъ" не фигурируетъ такъ часто героемъ на сценахъ кафе-шантановъ; нигдѣ такъ не воспѣваются его дѣянія (армія имѣетъ теперь Гомеровъ: поэта-лавреата и Киплинга) и нигдѣ такъ не отворачиваются отъ него въ приватной жизни".

Чрезвычайно интересны также главы: „Политическая жизнь и общественные дѣятели", съ весьма мѣткой характеристикой министерства лорда Сольсбери, „Литература и печать" и „Народъ". Въ послѣдней главѣ любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о сектахъ, проповѣдующихъ, что англичане—избранный Богомъ народъ.

Сочувствуя успѣху интересной книги г. Діонео въ русскомъ обществѣ, не можемъ не выразить пожеланія, чтобы авторъ не скупился на поясненія конкретныхъ фактовъ англійской жизни соображеніями общаго свойства и, имѣя въ виду широкій кругъ читателей, стремился къ возможно бо̀льшей ясности и простотѣ изложенія.

V.

— Евг. Марковъ. Путешествіе по Греціи. Путевые очерки. Спб., 1903.

Книга г. Маркова не только занимательна, но и весьма полезна. Она написана съ тѣми отличающими покойнаго писателя достоинствами, которыя ставятъ его путевые очерки наряду съ лучшими описательными произведеніями корифеевъ нашей литературы. Вдумчивая наблюдательность человѣка много видѣвшаго соединилась въ этой книгѣ съ тонкимъ изяществомъ изложенія. Своими живописными очерками авторъ вызываетъ въ воображеніи читателя яркія картины дивнаго уголка земного шара, взлелѣявшаго лучшія мечты поэзіи и искусства. Картины эти положительно способны примирить съ тѣми жалкими и узкими представленіями объ античномъ мірѣ, которыя съ

такой неохотой и чуть не отвращеніемъ выносятся современным юношей изъ нашей якобы классической школы. Въ самомъ дѣлѣ, выясненіе вопроса о томъ, насколько специфически-наша классическая система содѣйствовала недостаточному интересу русскаго общества къ античному міру въ его прошломъ и настоящемъ, могло бы составить любопытную задачу, къ рѣшеніе которой книга г. Маркова внесла бы существенное облегченіе. Сама по себѣ, она можетъ возбудить серьезное желаніе не только воочію увидѣть славную историческими воспоминаніями и живописную страну, но и познакомиться съ ея искусствомъ, археологіею и бытомъ; для ѣдущихъ въ Грецію она— превосходная иллюстрація личныхъ впечатлѣній, а иногда—и опытный и безпристрастный руководитель.

Разсказъ объ островѣ Корфу живо переноситъ читателя на родину Алкиноя и Навзикаи, съ пышными лѣсами и горами „тѣнистой земли феакіянъ“, съ чѣмъ, впрочемъ, не соглашается авторъ, указывая, что Схерія у Гомера изображается глухимъ уголкомъ („отъ народовъ другихъ въ сторонѣ, на послѣднихъ предѣлахъ шумнаго моря“), едва ли совпадавшей съ Корфу, расположеннымъ на перепутьи между Италіей и Греціей. Цитируя то мѣсто поэмы, гдѣ Алкиной, восхваляя быстроту феакійскихъ кораблей, говоритъ, между прочимъ, Одиссею:

И сколь ни далекъ былъ,
Путь по глубокому морю, его безъ труда совершили
Въ сутки они, до Эвбеи доплывъ и назадъ возвратившись,—

авторъ замѣчаетъ: „ясно, стало быть, что островъ Схерію было бы вѣрнѣе искать гдѣ-нибудь въ водахъ Эгейскаго, а не Іоническаго моря, въ его наиболѣе глухомъ углу, можетъ быть въ томъ самомъ, не очень далекомъ отъ Эвбеи островѣ, который и до сихъ поръ называется если не Схеріею, то Скиросомъ“.

Въ „очеркахъ современнаго Пелопоннеса“, отъ которыхъ читатель, конечно, не вправѣ требовать ни глубокаго изученія бытовыхъ формъ жизни, ни полной этнографической характеристики, авторъ отмѣчаетъ „демократическій складъ греческой жизни, которая во всемъ ставитъ на первый планъ интересы народной толпы, т.-е. большинства“.

Авторъ, кстати и не утомляя читателей излишними подробностями, иллюстрируетъ свое изложеніе историческими параллелями изъ далекаго прошлаго Эллады, цитируетъ древнихъ и новыхъ поэтовъ, особенно Гомера. Такъ, говоря о своемъ посѣщеніи Олимпіи, онъ останавливается на олимпійскихъ играхъ и ихъ значеніи; въ главѣ о монастырѣ Буркано и развалинахъ древней Мессены приводится историческая справка о мессенскихъ войнахъ и т. д. Попутно сообщаются свѣдѣнія по исторіи греческой скульптуры и архитектуры, любопытны

замѣчанія о греческихъ церквахъ и ихъ живописи. Другія впечатлѣнія выноситъ туристъ изъ путешествія по пустыннымъ уголкамъ Греціи. „Есть особенная поэзія,—говоритъ онъ,—въ медленномъ странствованіи по лѣсамъ и горамъ, въ сообществѣ простодушныхъ горцевъ, сидя на свѣжемъ воздухѣ среди величественнаго пейзажа заоблачныхъ пустынь. Это чувство наполняетъ и мое сердце всякій разъ, какъ окончится слишкомъ уже невыносимый подъемъ или спускъ, и начинается возможный путь. Въ эти минуты оживаютъ почему-то воспоминанія далекаго дѣтства, еще крѣпостной эпохи, когда приходилось ѣздить по нѣскольку сотъ верстъ „на долгихъ", терпѣливо вынося толчки и тряску рогожной кибитки, не выходя подолгу изъ отрезвляющихъ волнъ народной и природной жизни. Павелъ-апостолъ тоже, должно быть, пѣшкомъ проходилъ съ своими немногочисленными учениками эти глухія дебри Греціи, насаждая въ нихъ первыя сѣмена религіи любви,—и уже, навѣрное, не жаловался, какъ мы, на тернистость своего пути". Съ большимъ и вполнѣ понятнымъ одушевленіемъ подробно разсказываетъ авторъ о своемъ пребываніи въ Аѳинахъ, съ восторгомъ говоритъ о такихъ памятникахъ, какъ Пропилеи и Парѳенонъ, нѣкогда свѣтлый храмъ свѣтлой богини, нынѣ — умирающій инвалидъ. Авторъ весь отдался обаянію истинно-классическихъ воспоминаній древностей и выразилъ это въ поэтическомъ диѳирамбѣ той эпохѣ, которую онъ назвалъ „прекраснымъ расцвѣтомъ человѣческаго духа", расцвѣтомъ, который навсегда остался драгоцѣннымъ, идеальнымъ воспоминаніемъ человѣчества.

Писатель такъ характеризуетъ этотъ „прекрасный расцвѣтъ": „Какъ будто первый разъ во всей длинной исторіи міра, человѣкъ взглянулъ наконецъ свѣтло, довѣрчиво и радостно на небо и землю, на себя и на окружавшую его природу. Словно улыбка счастья вдругъ озарила дотолѣ мрачный міръ. Словно послѣ безконечно долгой темной ночи, душившей человѣчество кошмарами страха и слѣпоты, оно вдругъ пробудилось подъ живительными лучами наступившаго яснаго утра, ощутило внутри себя страстно запылавшую жажду свѣта, простора и жизни"...

Другая важная сторона книги—ея внутренняя опрятность: ее съ самыми лучшими цѣлями можно пустить и въ семью, и въ школу. И тутъ и тамъ она сослужитъ хорошую службу.

VI.

— А. А Семеновъ. Этнографическіе очерки Зарафшанскихъ горъ, Каратегина и Дарваза. Фототипіи и цинкографіи—работы Павлова, съ фотографій Н. В. Богоявленскаго и набросковъ и калекъ автора. [Москва]. 1903.

Эта книга является, какъ сказано въ предисловіи, однимъ изъ результатовъ поѣздки автора, совмѣстно съ другими лицами, по горамъ Зарафшана, Каратегина и Дарваза въ 1898 г. Авторъ задался цѣлью дать, на основаніи личныхъ наблюденій и попутно собранныхъ свѣдѣній, очеркъ этнографическихъ особенностей населенія указанной мѣстности, причемъ пользовался при своей работѣ программой для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленной при этнографическомъ отдѣленіи Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

Въ литературѣ нашей, въ общемъ небогатой этнографическими сочиненіями, трудъ г. Семенова, не претендуя на особую полноту и спеціальность, можетъ имѣть тѣмъ не менѣе извѣстное значеніе. Онъ заключаетъ въ себѣ рядъ фактически обоснованныхъ очерковъ о мѣстности, гдѣ живутъ таджики, ихъ жилищахъ, бытовыхъ условіяхъ, занятіяхъ и промыслахъ, вѣрованіяхъ, нравахъ и наконецъ поэзіи. Наиболѣе интересными являются тѣ главы, въ которыхъ говорится о бытовыхъ условіяхъ, занятіяхъ, промыслахъ, т.-е. гдѣ фактическая сторона находится въ непосредственной зависимости отъ личной наблюдательности автора. Но главы о религіозныхъ вѣрованіяхъ и поэзіи производятъ блѣдное впечатлѣніе и, очевидно, нуждаются въ историческомъ и литературномъ освѣщеніи. Авторъ отмѣчаетъ несложность религіозныхъ воззрѣній горныхъ таджиковъ. По его словамъ, тысячелѣтняя давность ислама среди таджиковъ Нагорной Азіи, повидимому, не оставила глубокихъ и прочныхъ слѣдовъ въ ихъ вѣрованіяхъ. Горцы довольно равнодушно относятся къ своей религіи—мусульманству—и свято чтутъ свои старые вѣрованія и обычаи, которые почти исчезли у ихъ сородичей, таджиковъ равнинныхъ. Въ основѣ вѣрованій горцевъ—верховное существо всемогущее и вѣчное, и затѣмъ—обычный дуализмъ въ борьбѣ добрыхъ и злыхъ началъ. Въ отдѣлѣ памятниковъ народнаго творчества находимъ нѣсколько басенъ и сказокъ горцевъ-таджиковъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Кухистона. „Вѣроятно,—замѣчаетъ по поводу ихъ авторъ,—большинству читателей нижепомѣщаемыя сказки и басни отзовутся чѣмъ-то роднымъ, знакомымъ съ дѣтства, хотя и слышаннымъ или читаннымъ въ ту пору совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ другой формѣ, чѣмъ онѣ предлагаются здѣсь. Это обстоятельство лишній разъ доказываетъ

общность идей и образовъ человѣчества, хотя бы тѣ или другіе представители послѣдняго стояли на различныхъ ступеняхъ культуры".

Многочисленныя фототипіи и цинкографіи значительно содѣйствуютъ наглядности и внѣшнему изяществу книги. Рядъ фототипій изображаетъ образцы рѣзныхъ орнаментовъ, хлопчатобумажныхъ тканей и разнаго рода издѣлій изъ желѣза и дерева. Съ технической стороны фототипіи удачны, чего никакъ нельзя сказать о цинкографіяхъ. Къ книгѣ приложена карта части Самаркандской и Ферганской областей и юго-восточной нагорной части Бухары.

VII.

— Вѣщій Олегъ. Болгарія и Македонія. Съ иллюстраціями по фотографіямъ, снятымъ на мѣстѣ, и съ картой Западной Македоніи. Спб. 1903.

Эта книга даетъ посильный отвѣтъ на сложный рядъ вопросовъ, вызываемыхъ современными событіями на Балканскомъ полуостровѣ. Важность переживаемаго момента не только для славянскаго юга, но и для славянства вообще, заставляетъ живо интересоваться всѣмъ, что касается современнаго положенія Македоніи и политическихъ условій ея существованія. Тѣмъ не менѣе, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, мы, русскіе, не даемъ себѣ достаточно труда познакомиться болѣе серьезно, т.-е. научнымъ образомъ, съ тѣми областями, къ которымъ въ настоящее время приковано вниманіе всего цивилизованнаго міра, и въ печати, и въ обществѣ ощущается замѣтная неосвѣдомленность по части вопросовъ этнографическихъ, экономическихъ, церковныхъ, историческихъ и иныхъ, которыми живетъ югославянскій міръ. Попутно авторъ даетъ любопытное объясненіе той политической незрѣлости, которою отличается наше общество. „Нашъ народъ „богоносецъ" (какъ его назвалъ Достоевскій) обладаетъ дѣйствительной склонностью страстнаго исканія правды лишь въ области религіи, въ законахъ бытія; онъ отличается исканіемъ того, какъ устроиться „по-Божески", то же до нѣкоторой степени въ области вопросовъ экономическихъ и соціальныхъ. Но политическаго мыслителя должна поразить мертвенность русскаго коллективнаго сознанія и исканія правды въ области чисто политическаго международнаго творчества. Вы чувствуете, что въ этой области русская душа до васъ не доѣхала". Фактъ дѣйствительно любопытный, но объясненіе ему слѣдуетъ искать, конечно, не въ расовой особенности и не въ славянофильскихъ теоріяхъ объ отдѣльныхъ „зиждителяхъ", въ родѣ Хомякова, Аксаковыхъ, Данилевскаго, собирающихъ въ себѣ, какъ въ

фокусѣ, политическую мудрость націи, и истолкователяхъ ея судебъ съ точки зрѣнія Божественныхъ предначертаній, а въ томъ простомъ обстоятельствѣ, что русское общество никогда не призывалось къ политической самодѣятельности и, не имѣя опыта, не могло развить въ себѣ политическаго смысла.

Удѣляя преимущественное вниманіе Болгаріи и болгаро-македонскимъ отношеніямъ, авторъ смотритъ на печальный антагонизмъ между сербами и болгарами, какъ на искусственно созданный австрійской дипломатіей въ 1885 г. Онъ отмѣчаетъ однородность населенія Болгаріи и Македоніи и въ сербскихъ притязаніяхъ видитъ турецкую интригу, созданную въ цѣляхъ ослабленія болгарскаго элемента. „При всей подавленности христіанскаго населенія въ Македоніи,—говоритъ авторъ,—оно все-таки чувствуетъ свою кровную связь съ освобожденными болгарами княжества, и въ этомъ несомнѣнно кроется одинъ изъ самыхъ серьезныхъ аргументовъ въ пользу того факта, что Македонія заселена болгарами, такъ что вся исторія и жизнь свободной части болгарскаго народа служитъ могучимъ толчкомъ къ освобожденію самой Македоніи. Турція это ясно сознаетъ и ждетъ ближайшей опасности именно со стороны княжества болгарскаго. Очевиднымъ средствомъ для задержанія этого естественнаго стремленія болгаръ Македоніи къ освобожденію является сербская пропаганда въ Македоніи, которую Турція въ данное время не можетъ не считать полезнымъ для себя факторомъ"!

На македонскомъ вопросѣ особенно замѣтна дѣятельность австро-германской дипломатіи. Она дѣйствуетъ за спиною турокъ, которые въ значительномъ количествѣ случаевъ являются ея орудіемъ. „При видѣ общей картины того, что̀ творится въ Македоніи, получается такое впечатлѣніе, что турки дѣлаютъ только непосредственное зло, пуская въ ходъ ятаганы. Но дѣйствительное, болѣе систематическое, вполнѣ обдуманное дѣйствіе, клонящееся къ разрушенію славянской стихіи, исходитъ не изъ Константинополя. Если искать центръ, откуда направляется эта сложная дѣятельность, то взоры наши уже не должны останавливаться ни на Буда-Пештѣ, ни на Вѣнѣ. Вопросы значительно осложнились и созрѣли со времени растерзанія славнаго санъ-стефанскаго договора. Дальнѣйшее разрушеніе духа, продиктовавшаго когда-то этотъ договоръ, вы теперь уже ищите въ Берлинѣ: „Sic volo, sic jubeo"!

Desiderata автора относительно политическаго положенія Македоніи сводятся къ автономіи ея, которая желательна, по мнѣнію автора, съ точки зрѣнія общаго мира и осуществима безъ особенныхъ трудностей. Авторъ набрасываетъ планъ такой европейской оккупаціи, при которой не нарушается политическое равновѣсіе державъ. Европа

могла бы поступить съ Македоніей такъ же, какъ она поступила недавно съ критскимъ вопросомъ. Верховная власть принадлежитъ автономному правительству, но у султана остаются нѣкоторыя почетныя прерогативы. Государственными языками для автономной и соединенной провинціи Македоніи и Старой Сербіи должны быть признаны языки болгарскій, сербскій и турецкій. Авторъ указываетъ далѣе возможныя формы организаціи судопроизводства, административнаго и финансоваго управленія.

Полезнымъ подспорьемъ при чтеніи книги служитъ схематическая карта Западной Македоніи. Снимки различныхъ мѣстностей Македоніи вышли въ большинствѣ случаевъ неудачны; не лучше ихъ и стихи, разсѣянные тамъ и сямъ въ книгѣ. Но фактическая сторона книги интересна и несомнѣнно обратитъ на себя вниманіе читателей.

VIII.

— С. Васюковъ. „Край гордой красоты". Кавказское побережье Чернаго моря. Природа, характеръ и будущность русской культуры. Съ 37 страничными рисунками и въ текстѣ. Спб. (1903?).

Въ русскомъ обществѣ мало распространено свѣдѣній объ этомъ побережьи, и книга г. Васюкова восполняетъ въ этомъ отношеніи весьма существенный недостатокъ. Она заключаетъ въ себѣ обстоятельный разсказъ объ общемъ характерѣ природы нашей черноморской губерніи и отдѣльныхъ мѣстностяхъ ея, наиболѣе замѣчательныхъ въ томъ или иномъ отношеніи. Авторъ такъ опредѣляетъ этотъ „край гордой красоты" въ предисловіи: „Почти незаселенный, неизслѣдованный край, край будущаго, роскошный и суровый край!

„Безпокойное море, зеленыя горы, угрюмыя скалы, руины и памятники временъ римской имперіи и генуэзцевъ, преданія горныхъ племенъ, русскіе поселенія и города — первые шаги русской культуры—все полно живого интереса въ странѣ гордой красоты, интереса, который растетъ и крѣпнетъ при близкомъ знакомствѣ съ побережьемъ.

„Это не Крымъ, не Италія и не Швейцарія — сходства нѣтъ... Это красота своеобразная, красота силы и суроваго могущества!"

Восторгаясь красотой и богатствами природы побережья, авторъ сообщаетъ въ то же время практическія свѣдѣнія объ условіяхъ быта и исторіи колонизаціи края. Свѣдѣнія эти большей частью не въ пользу нашего владычества въ краѣ: почти ничего не сдѣлано для правильнаго благоустройства, вовсе не организовано систематическое заселеніе побережья, въ которомъ оно такъ нуждается, и пока краемъ

заправляютъ только чиновники (вѣроятно, мало заинтересованные въ распространеніи свѣдѣній объ истинномъ положеніи вопроса) да разнаго рода спекуляторы, играющіе на земли въ зависимости отъ правительственныхъ мѣропріятій, въ родѣ проведенія черноморской желѣзной дороги въ томъ или иномъ направленіи. А переселенцамъ изъ Россіи живется плохо, и, повидимому, о нихъ мало заботятся. „Встрѣтилъ я русскихъ переселенцевъ,—разсказываетъ авторъ:

— Откуда?..

— Могилевскіе будемъ...

— Какъ же вы сюда забрели?..

— Земель ожидаемъ... А пока что̀, прирабатываемъ!..

Лица унылыя, блѣдныя, совсѣмъ не вяжутся съ яркой жизненной обстановкой.

— Вѣрно, лихорадкой болѣли?—спрашиваю я земляковъ.

— Шибко трепала, окаянная,—отвѣчала женщина. — Мальченка мой померъ... недавно-сь похоронили!..

— Нравится вамъ здѣсь?..

— Нѣтъ... Въ Россіи лучше... думаемъ обратно домой... Чего тутъ ждать!?..“

Въ другомъ мѣстѣ авторъ разсказываетъ со словъ одного изъ крестьянъ, что переселенцевъ, больныхъ лихорадкой, въ больницы „не пускаютъ“. Сообщенія эти едва ли удивятъ русскаго читателя: они такъ сходятся со всѣмъ, что̀ приходится читать и слышать о положеніи переселенцевъ и въ другихъ областяхъ нашего обширнаго отечества.

Основной выводъ г. Васюкова такъ формулируется въ заключительныхъ словахъ: „Богатый, но еще не заселенный край, край, нуждающійся въ рабочемъ, крѣпкомъ элементѣ.

„Необходимъ просторъ для сельско-хозяйственнаго труда во всѣхъ его отросляхъ... Все: и хлѣбопашество, и скотоводство, и плодоводство, и виноградарство, шелководство, пчеловодство, даже чайное дѣло—все имѣетъ на побережьѣ свою почву и основаніе...

„Дайте просторъ и возможность развитія этому сильному краю, и тогда посмотрите на ближайшіе результаты.

„Спорить нечего, когда здѣсь вѣками была культура и греческая, и римская, и черкесская...

„Сѣдыя вершины горъ, да гордое море помнятъ и знаютъ золотые годы побережья.

„Но русскіе еще не приступали къ правильному, систематичному заселенію и организаціи побережья... Еще въ сущности ничего не сдѣлано для края, кромѣ отрицательнаго...“

Къ книгѣ приложена карта кавказскаго побережья и образецъ

контракта на отводъ частнымъ лицамъ участковъ казенной земли черноморской губерніи. Книга напечатана изящно и снабжена хорошими рисунками.

IX.

— А. К. Бороздинъ — Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Т. I. Съ 8 портретами. Спб. 1903.

Научная разработка русской литературы, развившаяся въ особенности во второй половинѣ XIX вѣка, къ настоящему времени насчитываетъ огромное количество книгъ и статей, посвященныхъ различнымъ, преимущественно частнымъ вопросамъ историческаго и критическаго изслѣдованія. Если многіе отдѣлы исторіи нашей литературы, особенно средневѣковой, не могутъ считаться разработанными, то нѣкоторые вопросы, болѣе близкіе къ нашему времени и особенно связанные съ исторіей нашей общественности, получаютъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ столь обстоятельное рѣшеніе и всестороннее освѣщеніе, что пріобрѣтаютъ значеніе безспорныхъ истинъ, ложащихся краеугольными камнями въ научное построеніе исторіи нашей литературы. И въ то время, когда неразработанныя и спорныя области привлекаютъ къ себѣ вниманіе ученаго изслѣдователя, труды котораго становятся извѣстны обыкновенно въ ограниченномъ кружкѣ спеціалистовъ, рядомъ съ этимъ возникаетъ потребность передавать добытые наукой результаты болѣе широкимъ слоямъ публики, содѣйствовать не только популяризаціи научныхъ истинъ, но и развитію общества, потому что исторія литературы по преимуществу служитъ выраженіемъ прогрессивныхъ элементовъ общественной мысли. Сумѣть сдѣлать доступной большинству научную истину, сообщить ему скрытое въ ней зерно гуманности или вызвать на умственную работу составляетъ немалую заслугу, и сама по себѣ эта задача является далеко не легкою.

Въ этомъ отношеніи книга г. Бороздина желательна и полезна. Она состоитъ изъ ряда очерковъ строго продуманныхъ и отчетливо изложенныхъ, изъ которыхъ одни посвящены общимъ обзорамъ различныхъ періодовъ русской литературы, а другіе останавливаются на творческой дѣятельности и общественныхъ взглядахъ такихъ писателей, какъ Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Рылѣевъ, Лермонтовъ, Гоголь и др. Вступительная статья посвящена обзору главныхъ направленій русской литературы начала XIX столѣтія; заканчивается же книга разборомъ извѣстнаго труда В. И. Семевскаго о крестьянскомъ вопросѣ, завершеніе котораго явилось, по

выраженію автора, „важнѣйшимъ дѣломъ, завѣщаннымъ новому времени идеалистами тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ".

Читатели легко усмотрятъ внутреннюю, идейную связь между отдѣльными очерками, но авторъ не подчеркиваетъ этой связи и справедливо считаетъ невозможнымъ построеніе въ настоящее время обстоятельной, строго научной исторіи нашей литературы XIX вѣка: для такой работы изслѣдователь не обладаетъ еще достаточнымъ количествомъ матеріала, значительная часть котораго составляетъ еще достояніе государственныхъ и отдѣльныхъ архивовъ. Затѣмъ чувствуется недостатокъ отдѣльныхъ подготовительныхъ работъ; притомъ же трудно, почти невозможно, требовать отъ историка литературы вполнѣ объективнаго отношенія къ ея явленіямъ послѣднихъ десятилѣтій. „Но нѣкоторое приближеніе къ идеалу объективнаго возсозданія прежней жизни—необходимо", и авторъ ставитъ эту объективность однимъ изъ существенныхъ условій своей работы.

„Отвергая такимъ образомъ возможность составленія въ настоящее время полной исторіи русской литературы XIX в., смѣю думать, — говоритъ г. Бороздинъ, — что выпускаемое теперь въ свѣтъ собраніе моихъ историко-литературныхъ очерковъ не будетъ совершенно излишнимъ. Можетъ быть, въ этой книгѣ найдетъ для себя кое-что и спеціалистъ, для читателя же не-спеціалиста мои „характеристики", можетъ быть, послужатъ пособіемъ къ тому, чтобы разобраться въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія. Составилась эта книга частью изъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, частью изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ мною въ послѣдніе годы, частью изъ моихъ университетскихъ курсовъ; многія же характеристики написаны вновь для настоящаго изданія".

Съ этимъ опредѣленіемъ роли и значенія очерковъ согласится всякій, кто познакомится съ книгой г. Бороздина. — Евг. Л.

X.

— Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. І. В. Гесена и пр.-доц. А. И. Каминки. Т. I: К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати. Спб. 1903.

Судьба великихъ реформъ—такова тема серіи книгъ,—изъ первыхъ лежитъ предъ нами. Это изданіе должно въ рядѣ выпусковъ охватить реформы крестьянскую, судебную, земскую, университетскую, городскую, цензурную, отмѣну тѣлесныхъ наказаній и т. д.

Необходимость изданія редакторы мотивируютъ слѣдующимъ образомъ: „Великія реформы 60-хъ годовъ коренныимъ образомъ измѣнили весь строй нашей общественной жизни и, пріобщивъ Россію къ западно-европейской культурѣ, властно и навсегда опредѣлили путь гражданственности, по которому должно совершаться ея дальнѣйшее развитіе. До сихъ поръ, эти реформы являются для однихъ предметомъ восторженнаго поклоненія, для другихъ—объектомъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ. Это обстоятельство существенно мѣшало заняться анализомъ общественныхъ условій, среди которыхъ реформы созидались и осуществлялись, выяснить, насколько онѣ соотвѣтствовали общественному сознанію и ожиданіямъ, и чѣмъ вызывались существенныя измѣненія, которымъ всѣ эти реформы подвергались впослѣдствіи". Сдѣлать такую работу особенно необходимо, по мнѣнію редакторовъ, въ настоящій моментъ, когда ожидается обновленіе различныхъ сторонъ нашей государственной жизни. Нужно дать себѣ „отчетъ въ томъ, что̀ осталось намъ отъ прогрессивной эпохи, собрать уцѣлѣвшіе обломки и опредѣлить, какіе изъ нихъ должны быть положены въ фундаментъ предстоящей постройки". Въ этихъ словахъ совершенно правильно опредѣлено значеніе, какое можетъ пріобрѣсти задуманное изданіе. Въ самомъ дѣлѣ, теперь мы переживаемъ моментъ, когда требуется не одна защита наслѣдія 60-хъ годовъ,—когда необходимо выяснить реальное содержаніе этого наслѣдія, когда необходимо возстановить въ памяти общества всю общественную програму этого періода, которая, по нашему убѣжденію, остается и програмой современности. Все наше развитіе за послѣднія сорокъ лѣтъ подтвердило, что безъ осуществленія *всѣхъ* пунктовъ програмы, выставленныхъ въ освободительную эпоху, немыслимо приспособленіе государственныхъ формъ и порядковъ къ новымъ общественнымъ силамъ и отношеніямъ. Всякаго, кто изучаетъ публицистическую литературу 60-хъ годовъ, поражаетъ одно обстоятельство: все, что̀ служитъ предметомъ горячихъ споровъ и проповѣди въ наши дни, уже содержится въ этой литературѣ. Возьмите, напримѣръ, мнѣнія тверского комитета, адресъ московскаго дворянства; вы найдете въ этихъ документахъ ясную и опредѣленную мотивировку того требованія, которое нужно признать стоящимъ во главѣ угла современныхъ програмъ всѣхъ передовыхъ общественныхъ группъ. Съ перваго взгляда кажется, будто общественная мысль въ теченіе почти полустолѣтія толклась на одномъ мѣстѣ, и невольный скептицизмъ закрадывается въ душу при этомъ открытіи. Но намъ думается, что изученіе той общественной обстановки, при которой великія реформы возникли и развивались, и анализъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя выдвигали передовую програму тогда и выдвигаютъ ее теперь,—должны разсѣять этотъ скеп-

тицизмъ. Исходнымъ пунктомъ реформъ 60-хъ годовъ является признаніе правительствомъ факта негодности цѣлаго ряда публично-правовыхъ институтовъ и стремленіе приспособить свой механизмъ къ новымъ жизненнымъ явленіямъ, не посягая, однако, на самую структуру этого механизма. Передовыя общественныя группы, представлявшія ко времени эмансипаціи гораздо болѣе идейную, чѣмъ реальную силу, дали правительству полную программу реформъ, логическимъ заключеніемъ которыхъ была выставлена тогда коренная перестройка государственнаго механизма. Подъ давленіемъ всеобщаго недовольства, имѣвшаго весьма разнообразныя причины, правительство приняло эту программу почти цѣликомъ; но уже вскорѣ выступили передъ нимъ два очевидныхъ факта: первый, состоящій въ томъ, что логическое развитіе освободительныхъ реформъ невозможно сочетать съ прежней формой государства, которая покоилась на принципѣ полицейско-крѣпостного взгляда на населеніе; второй, явившійся въ видѣ открытія того, что новое общественное разслоеніе не выдвинуло пока сильныхъ, сплоченныхъ группъ, которыя могли бы стать въ защиту выраженныхъ требованій. Этими двумя моментами и опредѣляется судьба великихъ реформъ отъ 60-хъ годовъ до нашего времени. Урѣзки ихъ, стремленіе съузить проявленія общественной самодѣятельности были вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ сознанія правительствомъ этихъ двухъ моментовъ.

Слишкомъ много мѣста отводится у насъ личному элементу при объясненіи реакцій, непрерывно повторяющихся на протяженіи всѣхъ сорока лѣтъ. Реакціи были неизбѣжны, какъ проявленія борьбы обветшалаго общаго строя, стремившагося къ самосохраненію, съ тѣми новыми институтами, которые *органически* не могли уложиться въ его рамки.

Если первый моментъ (несоотвѣтствіе принциповъ реформъ общему строю) проявляетъ и теперь свое дѣйствіе, можетъ быть, даже въ болѣе обостренной формѣ, чѣмъ прежде, то при учетѣ второго (комбинаціи общественныхъ силъ) приходится считаться съ крупнѣйшими измѣненіями, вызванными общимъ развитіемъ нашей страны за послѣднее время. Россія въ моментъ раскрѣпощенія наиболѣе многочисленнаго класса своего населенія представляла собою соединеніе неопредѣленныхъ элементовъ, на поверхности котораго плавала безсословная интеллигенція; послѣдняя вполнѣ правильно понимала, что нужно для нормальнаго развитія всѣхъ этихъ элементовъ, и отсюда—*идейная* сила ея программы.

Теперь же болѣе или менѣе начинаютъ выдѣляться сознательныя, классовыя группы, для которыхъ основныя требованія правового государства являются необходимыми условіями ихъ матеріальнаго суще-

ствованія. Какъ бы разнообразны ни были интересы этихъ группъ, съ какихъ бы точекъ зрѣнія онѣ ни подходили къ осуществленію своихъ цѣлей—онѣ неизбѣжно наталкиваются на необходимость проведенія тѣхъ основъ правопорядка, которыя были провозвѣщены въ 60-ые годы. Сознаніе того, что первые шаги всѣхъ передовыхъ группъ идутъ по одному и тому же пути, котораго никакъ нельзя миновать, все болѣе и болѣе проникаетъ въ широкіе слои общества; и это явленіе мы считаемъ наиболѣе характернымъ для переживаемаго момента. Отсюда ясно, какими неразрывными нитями связаны мы съ освободительной эпохой, какъ важно возстановить преемственность между ея трудами и современными стремленіями для созданія традицій, безъ которыхъ нѣтъ прочности и устойвости въ общественной работѣ. Поэтому мы находимъ весьма плодотворной и своевременной идею ознакомить общество съ возникновеніемъ и судьбою великихъ реформъ.

По мысли редакторовъ, поставленная изданію задача выходитъ далеко за предѣлы историческаго интереса: оно должно отвѣтить и на вопіющія нужды современности, а съ точки зрѣнія послѣднихъ совершенно обоснованнымъ и неслучайнымъ является то, что *первый* же выпускъ серіи посвященъ *первой* потребности нашего общества—свободѣ слова. „Свобода печати, свобода совѣсти, личная неприкосновенность,—читаемъ мы въ заключеніи разбираемаго выпуска,—вотъ три блага, потребность въ которыхъ чувствуется все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ растетъ въ ширь и глубь съ одной стороны уваженіе къ человѣку, къ его достоинству, къ его праву на самостоятельную мысль, съ другой—сознаніе солидарности между гражданами. Тотъ видъ свободы, которому посвящена настоящая книга, играетъ такую же роль въ общественной жизни, какъ свѣтъ—въ жизни органическаго міра. Нарушая обманчивую тишину, приподнимая завѣсу, отдѣляя правду отъ лжи, реальное отъ кажущагося, проникая во всѣ концы страны и во всѣ сферы дѣятельности, свобода печати является незамѣнимымъ двигателемъ прогресса, неоцѣнимой охраной всякаго права, всякой другой свободы. До сихъ поръ мы видѣли только случайные мимолетные, неполные ея проблески; хочется вѣрить, что приближается пора ея расцвѣта“.

Воззрѣнія, проводимыя въ книгѣ, тождественны съ тѣми, которымъ посильно въ продолженіе всего своего существованія служитъ „Вѣстникъ Европы“. Самый матеріалъ книги въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ болѣе или менѣе извѣстенъ нашимъ читателямъ. Обширная статья автора, посвященная русскимъ законамъ о печати, появилась въ нашемъ журналѣ уже въ 1869 году. Къ разнымъ сторонамъ этой темы К. К. Арсеньевъ возвращался во внутреннихъ обозрѣніяхъ и обще-

ственныхъ хроникахъ, которыя онъ ведетъ въ нашемъ журналѣ съ марта 1880 года. Въ этой книгѣ всѣ журнальныя статьи сведены въ одно цѣлое, дополнены новыми фактами и заключительными выводами.

Судьба русской печати прослѣжена отъ 1855 года до нашихъ дней. Первый періодъ этой эпохи, разсматриваемый въ первой главѣ книги, заканчивается появленіемъ закона 6-го апрѣля 1865 года, который былъ мотивированъ „желаніемъ дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства". Какъ извѣстно, законъ этотъ являлся временной мѣрой и, при всѣхъ своихъ достоинствахъ сравнительно съ прежними цензурными правилами, уже тогда вызвалъ замѣчаніе министра Д. А. Милютина, что онъ не удовлетворяетъ требованіямъ, заявляемымъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе литературой и публикой. На законъ 6-го апрѣля смотрѣли какъ на переходъ къ свободѣ печати; но этимъ ожиданіямъ не суждено было оправдаться. Уже первый періодъ дѣйствія его (онъ разсмотрѣнъ во второй главѣ) принесъ для печати не новыя облегченія, а рядъ ограниченій, выразившихся какъ въ созданіи новыхъ нормъ, такъ и въ административной практикѣ. Въ 1868 году, черезъ комитетъ министровъ было проведено право запрещенія министромъ внутреннихъ дѣлъ розничной продажи газетъ. Кажется, до сихъ поръ не была опубликована исторія этой первой временной мѣры, такъ часто примѣняемой теперь. Никто не сомнѣвается, что въ настоящее время она является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ матеріальномъ отношеніи взысканій и носитъ исключительно карательный характеръ. Между тѣмъ, необходимость этой мѣры была, при испрошеніи соотвѣтствующихъ полномочій, мотивирована министромъ внутреннихъ дѣлъ исключительно полицейскими соображеніями; а именно, администрація считала нужнымъ имѣть средство пресѣкать безпорядки, которые будто бы могли возникать при розничной продажѣ нѣкоторыхъ органовъ. Способъ проведенія этого закона черезъ комитетъ министровъ образовалъ прецедентъ, согласно которому всѣ ухудшенія положенія печати шли мимо государственнаго совѣта. Мысль о необходимости органическаго устава о печати тогда еще не исчезла изъ обихода, и въ 1869 году была назначена особая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ положеній и для приведенія ихъ въ надлежащую систему, ясность и полноту. (Работы ея разсмотрѣны въ III-й главѣ очерка). Интересно, что эта коммиссія уже мало говорила о льготахъ и удобствахъ для печати. Наступила полоса реакціи, которая отразилась и на ея трудахъ. Любопытно здѣсь отмѣтить для характеристики быстроты проведенія у насъ законодательныхъ предположеній, что именно этою коммиссіею была признана необходимость установить давность для предостереже-

ній. Эта скромная мѣра была осуществлена спустя тридцать лѣтъ, въ 1901 году. За время отъ 1871 до 1880 года реакція была особенно сильна. Въ 1872 году министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено право задерживать книги и повременныя изданія, освобожденныя отъ предварительной цензуры. Комитетъ министровъ получилъ по этому же закону право окончательно воспрещать выпускъ такихъ сочиненій. Въ 1873 году состоялся дѣйствующій до сихъ поръ законъ, которымъ цензура можетъ запрещать безцензурнымъ повременнымъ изданіямъ оглашеніе и обсужденіе вопросовъ государственной важности. Извѣстно, какое широкое примѣненіе получила эта мѣра. Этотъ періодъ застоя подробно охарактеризованъ въ четвертой главѣ книги.

Кратковременное оживленіе прогрессивныхъ тенденцій въ 1880 году въ правительствѣ вызвало одновременно съ фактическимъ облегченіемъ участи печати назначеніе особой коммиссіи для выработки новаго устава о цензурѣ. „Въ засѣданія коммиссіи были приглашены и давали объясненія редакторы десяти петербургскихъ и московскихъ газетъ и журналовъ. Представители печати высказались единодушно въ пользу подчиненія ея исключительно закону и суду: закону всероссійскому, т.-е. обнимающему собою одинаково и столичную, и провинціальную печать, суду независимому и публичному. Затѣмъ они выразили желаніе, чтобы проектъ закона, когда онъ будетъ составленъ, былъ сообщенъ на предварительное обсужденіе печати“.

Мимолетныя надежды на свободу печати рухнули съ начала 80-хъ годовъ. Въ 1882 году были изданы извѣстныя временныя правила о порядкѣ пересмотра повременныхъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, и о правѣ особаго совѣщанія министровъ окончательно закрывать газеты и журналы навсегда. Судьба печати въ 80-ые и 90-ые годы составляетъ предметъ, которому посвящены пятая и шестая главы книги. Слѣдя за эволюціей юридическаго положенія печати, авторъ все время останавливается на анализѣ правового и политическаго значенія соотвѣтствующихъ законоположеній, приводитъ многочисленные факты, иллюстрирующіе каждую эпоху, и старается установить связь между отношеніемъ правительства къ печати и развитіемъ ея въ данный періодъ. Въ краткой замѣткѣ мы не имѣемъ возможности ознакомить читателей съ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, содержащимся въ изслѣдованіи К. К. Арсеньева. Отмѣтимъ здѣсь только нѣсколько любопытныхъ данныхъ, которыя не проникали раньше въ широкіе круги читателей.

Истинный мартирологъ русской литературы представляетъ списокъ книгъ, которыя были „совсѣмъ готовы, но пропали“. Такъ мы узнаемъ, что для публики по распоряженію комитета министровъ исчезли самыя разнообразныя произведенія человѣческаго слова. До 1880 года были

уничтожены, между прочимъ, слѣдующія книги: „Политическая исторія новаго времени“ (1816—68), В. Мюллера; „Исторія февральской революціи“, Луи Блана; „Соціальная Статика“, Герберта Спенсера; „Откуда мы, кто мы“, Бюхнера; „Естественная исторія міротворенія“, Геккеля; „Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ“, Лекки; „Исторія нравственности въ Европѣ отъ Августа до Карла Великаго“, его же; романы и повѣсти Дидро; второй томъ сочиненій Карреля; „Біографія и дѣятельность Р. Оуэна“, Буша; второй томъ „Исторіи Сѣв. Амер. Соед. Штатовъ“, Неймана; „Исторія соціальнаго движенія Франціи съ 1789 г.“, Лоренца Штейна; „Исторія всеобщей литературы XVIII в.“ (т. III, кн. 2), Геттнера; „Новый Духъ“, Кине; „Исторія Византіи и греческой имперіи съ 716 по 1453 г.“, Финлея; „Исторія племенного развитія организмовъ“, Геккеля. Изъ оригинальныхъ произведеній за это время подверглись той же участи: „Франція въ 1871 г.“, Е. И. Утина (перепечатка статей, безпрепятственно появившихся въ „Вѣстникѣ Европы“); „Артели на Руси“, Скалона; сочиненія Радищева; второе изданіе нѣкоторыхъ томовъ сочиненій Писарева; „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, Флеровскаго; „Лишеніе свободы, какъ наказаніе исправительное“, Прянишникова; „Очеркъ развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ“ А. М. Скабичевскаго; „Женское дѣло въ Европѣ и Америкѣ“, Алферьева; „Славянскія драмы“, Д. Л. Мордовцева; „Вятская незабудка“ (памятная книжка вятской губерніи на 1878-ой годъ).

Дѣятельность комитета министровъ въ этомъ направленіи не прекратилась и до настоящаго времени. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ уничтоженъ рядъ книгъ строго научнаго характера. Въ числѣ ихъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія произведенія: „Динамическая соціологія“, Лестера Уорда; „Введеніе въ философію“, Паульсена; „Очерки соціальной юриспруденціи“, Офнера и Зингера; „Выбранныя мѣста изъ сочиненій Родбертуса“; „Нищета философіи“, Карла Маркса; „Исторія французской революціи“, Луи-Блана.

Не избѣгли участи даже учебники, такъ уничтоженъ „Учебникъ новой исторіи“, А. Трачевскаго. Въ этомъ же спискѣ находимъ и „Исторію Спб. комитета грамотности“, Протопопова; „Три западника сороковыхъ годовъ“, Богучарскаго, и др.

Въ своихъ заключительныхъ выводахъ авторъ доказываетъ нецѣлесообразность съ точки зрѣнія нормальнаго государственнаго строя тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ дѣйствующаго русскаго законодательства о печати, и устанавливаетъ положенія, какія необходимо осуществить для предоставленія печати законной свободы. При какихъ условіяхъ такое измѣненіе положенія печати можетъ наступить? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ найти въ словахъ самого

автора, писанныхъ еще въ 1881 году: „Отношеніе правительства къ печати всегда бываетъ у насъ вѣрнымъ выраженіемъ господствующей въ данный моментъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе близкой къ господству правительственной системы“. Слѣдовательно, вся сущность вопроса заключается въ этой послѣдней... Выпуская въ свѣтъ свою книгу, авторъ пишетъ въ предисловіи: „Въ старости трудно быть оптимистомъ; но я все-таки не теряю надежды, что мнѣ удастся увидѣть возобновленіе дѣла, начатаго въ лучшіе годы русской общественной жизни и съ тѣхъ поръ не только остановившагося, но двинувшагося далеко назадъ“. Къ пожеланію осуществленія этой надежды безъ сомнѣнія горячо присоединятся всѣ, кому дороги истинные интересы Россіи.

XI.

— Г. М. Тумановъ. Разбои и реформа суда на Кавказѣ. Спб. 1903.

Окраинные вопросы имѣютъ у насъ въ повременной печати своеобразныхъ спеціалистовъ, находящихъ себѣ пріютъ на страницахъ „Новаго Времени“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и т. п. органовъ. Для трактованія этихъ вопросовъ у нихъ выработаны даже особые трафареты: „сепаратизмъ“, „инородческая интрига“, „союзъ съ внѣшними врагами“,—таковы жупелы, пущенные въ ходъ еще покойнымъ Катковымъ. Мирному культурному развитію окраинъ газетная травля принесла и приноситъ не мало вреда. Отчасти подъ вліяніемъ ея въ административныхъ сферахъ „особыя условія“ пріобрѣтаютъ какое-то грозное значеніе, и цѣлый рядъ культурныхъ учрежденій (судъ присяжныхъ, земскія учрежденія), которыми пользуется центръ, оказываются недоступными благами для окраинъ. Создается особая атмосфера подозрительности, при которой во всякой культурной работѣ усматривается чуть ли не политическая опасность. Всякое отрицательное явленіе на окраинѣ чрезмѣрно раздувается; противъ него обыкновенно выдвигаются—въ качествѣ единственнаго дѣйствительнаго средства борьбы—мѣры суровой репрессіи. Все сказанное особенно справедливо по отношенію къ Кавказу. Ходячія сужденія о немъ, съ пѣною у рта повторяемыя нашими охранителями, поражаютъ прежде всего своимъ невѣжествомъ относительно мѣстныхъ дѣлъ. Книжка г. Туманова и заслуживаетъ вниманія, какъ авторитетный голосъ знатока своего края, разрушающій вздорныя мнѣнія въ родѣ тѣхъ, которыя такъ усердно распространялъ г. Величко въ своемъ оффиціозѣ. Въ первой своей статьѣ о разбояхъ на Кавказѣ г. Тумановъ прежде всего констатируетъ несомнѣнныя преувеличенія въ толкахъ объ этомъ

явленіи. Подъ именемъ разбоевъ, фигурируютъ зачастую аграрныя преступленія, причиной которыхъ является неудовлетворительность поземельнаго устройства крестьянъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа помѣщикъ имѣетъ право замѣнять одинъ крестьянскій участокъ, отведенный въ надѣлъ другимъ. При освобожденіи крестьянъ эта мѣра была предоставлена помѣщикамъ въ видѣ временной льготы. Но она сдѣлалась постоянной и вызываетъ рядъ столкновеній, кончающихся часто и убійствами. Разсматривая способы борьбы съ разбоями, авторъ подвергаетъ основательной критикѣ тѣ исключительныя мѣры, которыя считаются на Кавказѣ спасительными. Административная высылка, практикуемая даже низшими полицейскими чинами, особыя экзекуціи, военный судъ,—все это, оказывается, не приноситъ тѣхъ результатовъ, какіе ожидались. Новая стража, составленная изъ лицъ, мало знакомыхъ съ краемъ, тоже, по мнѣнію автора, не будетъ содѣйствовать уменьшенію разбоевъ. Какъ на единственно цѣлесообразное направленіе въ борьбѣ съ этимъ зломъ, г. Тумановъ указываетъ на принципъ привлеченія населенія къ дѣлу управленія и суда. Только тогда, когда администрація оставитъ свое недовѣріе къ мѣстной общественной самодѣятельности, возможно будетъ искоренить разбойничество, какъ бытовое явленіе.

Во второмъ очеркѣ авторъ занимается задачами уголовнаго суда на Кавказѣ и прежде всего останавливается на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя воспрепятствовали введенію въ краѣ суда присяжныхъ и выборныхъ мировыхъ судей. Тѣ „особенности“, которыя выставлялись администраторами и изслѣдователями, какъ причина этого, сводятся къ мнимой неспособности туземцевъ пользоваться благами европейской цивилизаціи. Лжесвидѣтельство, напримѣръ, распространенное болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, на Кавказѣ, объясняется дикостью горцевъ, для которыхъ, будто бы, непонятна самая идея суда и присяги. Г. Тумановъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, которые доказываютъ ошибочность этого взгляда. По его мнѣнію, основная причина лжесвидѣтельства, это та мѣстная особенность, которая выражается въ полной разобщенности мѣстнаго чиновничества отъ міра туземцевъ. Между судомъ и тяжущимися устанавливается взаимное непониманіе, доходящее до крайней степени. Первые кавказскіе администраторы, судьи, были весьма беззаботны по части изученія обычаевъ, языка и характера населенія, среди котораго они были призваны творить судъ и расправу. Безграмотные переводчики играли и играютъ въ кавказскомъ судопроизводствѣ важную роль. Стороны и участвующія въ дѣлѣ лица постоянно чувствуютъ непониманіе судомъ тѣхъ отношеній, которыя подлежатъ его вѣдѣнію. Слѣдствіемъ этого является недостаточное уваженіе къ суду, а отсюда до лжесвидѣтельства уже

одинъ шагъ. Единственными средствами для искорененія этого явленія г. Тумановъ считаетъ введеніе выборнаго общественнаго элемента въ судъ въ видѣ присяжныхъ засѣдателей и мировыхъ судей изъ мѣстныхъ жителей, знакомыхъ съ туземными нарѣчіями и обычаями. Подробно анализируетъ авторъ всѣ тѣ возраженія, которыя приводились противъ распространенія на Кавказъ судебныхъ уставовъ въ полномъ объемѣ. Тотъ суррогатъ суда присяжныхъ, который проектируется для Кавказа новой редакціей учрежденія суд. устан., представляется автору неудовлетворительнымъ. Присяжные засѣдатели особаго состава могутъ явиться лишь декоративнымъ украшеніемъ, не вносящимъ того начала житейской и бытовой правды и народной совѣсти, носителемъ котораго является общій институтъ присяжныхъ. Къ работѣ г. Туманова приложена весьма интересная записка кутаисскаго дворянства, касающаяся разбираемыхъ въ книгѣ вопросовъ. Въ ней, между прочимъ, констатируется, что лжесвидѣтельство не замѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ Кавказа, гдѣ дѣйствуютъ, хотя и крайне несовершенные, но „народные суды" изъ мѣстныхъ жителей. По словамъ записки, тамъ „лжесвидѣтельство совершенно неизвѣстно и, кромѣ того, процентъ преступленій несравненно ниже, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ существуютъ коронные суды. Слѣдовательно, причина зла лежитъ не въ субъективныхъ свойствахъ населенія, а въ самой организаціи суда короннаго"... Причина всѣхъ нестроеній судебнаго дѣла на Кавказѣ лежитъ въ томъ, что „начала, выработанныя наукой, признанныя ею высшей формой и введенныя въ судебные уставы императора Александра II, были урѣзаны, измѣнены и въ искаженномъ видѣ примѣнены къ намъ". Записка въ заключеніе цитируетъ журналъ государственнаго совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи, въ которомъ приводится взглядъ, вполнѣ примѣнимый и къ окраинамъ. „Неразвитость нашего народа не только не подтверждаетъ мнѣнія о преждевременности введенія у насъ суда съ присяжными засѣдателями, но напротивъ, представляетъ основаніе къ противоположному заключенію, потому что такой именно народъ и нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе".

XII.

— **Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 годъ, Спб. 1901.**

Послѣ долгаго перерыва, фабричная инспекція вновь нашла возможнымъ предавать гласности результаты своей дѣятельности. Первый опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ прошломъ году,

когда министерство финансовъ выпустило отчетъ за вторую половину 1900 года. Главный интересъ настоящаго изданія сосредоточивается на таблицахъ, въ которыхъ подвергаются цифровому учету явленія, связанныя съ дѣятельностью фабричной инспекціи. Вступительная статья, содержащая въ себѣ объясненіе таблицъ и выписки изъ отчетовъ мѣстныхъ фабричныхъ инспекторовъ, поражаетъ своею скудостью и неполнотою сравнительно съ тѣмъ богатымъ статистическимъ матеріаломъ, который сведенъ въ 26 таблицахъ этого оффиціальнаго труда. Мы здѣсь не беремся выяснять, почему составители отчета были такъ скупы на текстъ, безъ котораго громадный трудъ, затраченный на изданіе, теряетъ значительную часть своей цѣнности. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, онъ представляетъ немалый интересъ и заслуживаетъ вниманія всѣхъ изучающихъ экономическое положеніе современной Россіи. Уже первыя таблицы даютъ цифры о численности промышленныхъ заведеній, состоявшихъ подъ надзоромъ фабричной инспекціи, о количествѣ рабочихъ въ нихъ и о распредѣленіи послѣднихъ по полу и возрасту. Общее число рабочихъ къ началу 1902 года въ Европейской Россіи и въ бакинской губерніи равнялось 1.710.735 ч. Малолѣтніе составляли 2%, подростки—9%, женщины—26,8%, Сильнѣе всего женскій трудъ былъ представленъ въ московскомъ и варшавскомъ округахъ. По отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ можно заключить, что вообще примѣненіе женскаго труда за послѣднее время видимо возростаетъ. Въ хлопкообрабатывающемъ и бумаготкацкомъ производствахъ замѣчается стремленіе замѣнять мужской трудъ женскимъ. Владимірскій фабричный инспекторъ объясняетъ это явленіе бо́льшей уступчивостью и мѐньшей требовательностью относительно платы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ кіевскомъ фабричномъ округѣ, женскій трудъ оплачивается поразительно низко; такъ, по удостовѣренію мѣстнаго инспектора, заработокъ папиросницъ въ этомъ районѣ колеблется между 2 и 9 рублями въ мѣсяцъ. Изъ другихъ таблицъ весьма интересны таблицы VIII—XVI, рисующія отношенія предпринимателей къ рабочимъ и тѣ средства, къ которымъ послѣдніе обращаются для улучшенія своего положенія. Онѣ содержатъ въ себѣ данныя о жалобахъ рабочихъ, единоличныхъ и коллективныхъ, о поводахъ къ нимъ и о ихъ результатахъ. Съ жалобами къ инспекціи обращалось за отчетный годъ около 48.000 рабочихъ, причемъ главными причинами жалобъ были невыдача или задержаніе заработка, неправильное пониженіе его, неправильное наложеніе штрафовъ и принужденіе работать сверхурочно. По отчету 64,3% жалобъ оказывались основательными. XIV-ая таблица содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о забастовкахъ. За отчетный годъ фабричная инспекція имѣла дѣло съ 121-й забастовкой на 132 промышленныхъ

заведеніяхъ; участіе въ этихъ забастовкахъ приняло около 30.000 человѣкъ, изъ которыхъ 18.431 приходится на петербургскій округъ, гдѣ было 24 случая забастовокъ. На второмъ мѣстѣ стоитъ московскій округъ (19 стачекъ съ 5.000 ч. бастовавшихъ), причемъ около половины послѣднихъ приходится на владимірскую губернію. Большое количество мелкихъ стачекъ имѣло мѣсто въ варшавскомъ округѣ: въ виленской губерніи, входящей въ составъ этого округа, отчетъ насчитываетъ 30 стачекъ съ 1.174 участниками. Въ этой же таблицѣ приведены данныя и о продолжительности забастовокъ. Большинство ихъ (70%) длилось не долѣе трехъ дней, но 34 забастовки продолжались болѣе недѣли и до 21 дня. Наиболѣе стойкими оказались бастовавшіе рабочіе въ виленской губерніи и притомъ въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ. Въ таблицахъ отсутствуетъ статистическій матеріалъ, изъ котораго можно было бы заключить о вызывавшихъ забастовки причинахъ. Нѣкоторыя данныя о нихъ мы находимъ въ текстѣ: 39 забастовокъ съ 10.334 участниками были вызваны требованіями рабочихъ о сокращеніи рабочаго времени; 26—съ 2.307 участниками—желаніемъ повысить заработную плату, и 21 забастовка (982 ч.)—недовольствомъ различными условіями, вліявшими на уменьшеніе заработка. Кромѣ того, по отчету, фабричной инспекціей было миролюбиво улажено 83 случая, гдѣ 11.610 рабочихъ грозили прекращеніемъ работы.

Нарушенія законовъ со стороны предпринимателей выразились главнымъ образомъ въ неправильномъ увольненіи рабочихъ, въ незаконномъ пониженіи имъ платы, въ неисполненіи правилъ объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ. Изъ общаго числа всѣхъ нарушеній (31.438) только по 1.667 случаямъ были составлены протоколы, судебное же преслѣдованіе противъ виновныхъ было возбуждено только въ 370 случаяхъ. Свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ въ отчетѣ неполны, такъ какъ регистрація ихъ фабричной инспекціей начата только съ 1901 года, и сообщаемыя данныя, по заявленію составителей, имѣютъ значеніе только предварительнаго подсчета. Число всѣхъ заявленныхъ инспекціи несчастныхъ случаевъ превышаетъ 27.000, причемъ, изъ 5.294 изслѣдованныхъ ею случаевъ, болѣе чѣмъ въ 1.000 было констатировано какъ результатъ несчастія смерть или тяжелыя увѣчья рабочихъ. Пользованіе отчетомъ въ значительной степени затрудняется вслѣдствіе отсутствія данныхъ за прошлые года, что̀ не допускаетъ сравнительнаго разсмотрѣнія ихъ. Нисколько не умаляя цѣнности предпринятаго министерствомъ изданія (хотя оно далеко не соотвѣтствуетъ типу, установленному для подобныхъ изслѣдованій въ западной Европѣ), мы думаемъ, однако, что сводный отчетъ для всей Россіи не можетъ замѣнить опубликованія подробныхъ отче-

товъ по районамъ, которые одни только могутъ дать истинную картину фабричнаго быта въ Россіи. А блестящіе образцы подобнаго рода изслѣдованій мы уже имѣли въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ перваго призыва. Характеръ ихъ работъ, такъ быстро прерванныхъ независящими обстоятельствами, слѣдовало бы усвоить и нынѣшнимъ работникамъ въ этой области.

XIII.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ CXV. Спб. 1903.

Появившійся недавно новый томъ трудовъ „Имп. Ист. Общ." посвященъ матеріаламъ Екатерининской законодательной коммиссіи. Общество уже ознакомило публику съ наказами отъ дворянъ и городскихъ обывателей; теперь оно приступило къ печатанію наказовъ отъ разныхъ видовъ свободныхъ сельскихъ обывателей и опубликовало въ настоящемъ томѣ наказы губерній московской, кіевской, казанской и астраханской. Инструкція для выборовъ, составленная императрицей Екатериной, имѣла въ виду представить въ коммиссіи, путемъ депутатовъ, слѣдующія группы населенія: однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ, служилыхъ людей, содержащихъ ландмилицію, черносошныхъ и ясашныхъ крестьянъ, инородцевъ и казаковъ. Но наказы были получены въ коммиссію и отъ другихъ категорій сельскихъ обывателей, инструкціей не предусмотрѣнныхъ, а именно, отъ отставныхъ солдатъ, мурзъ, раскольниковъ и др. За единицу, которой предоставлено было писать наказъ, былъ принятъ погостъ, но это территоріальное дѣленіе оказалось неизвѣстнымъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, и потому наказы писались деревнями и селами, а часто и еще болѣе мелкими общественными единицами. Такъ въ матеріалахъ коммиссіи содержится наказъ о нуждахъ группы въ четыре крестьянина, выбравшихъ изъ своей среды повѣреннаго. Благодаря этому, значеніе разныхъ наказовъ, въ смыслѣ отраженія интересовъ сельскаго населенія, далеко не одинаково, и вообще, по мнѣнію профессора Сергѣевича, издавшаго этотъ томъ трудовъ коммиссіи, ихъ нельзя считать отголоскомъ всего крестьянства. Но тѣмъ не менѣе они даютъ яркую картину народнаго быта того времени. Въ наказахъ мы находимъ свѣдѣнія о тяжеломъ экономическомъ положеніи и свободнаго крестьянства. Особенно страдали крестьяне, приписанные къ заводамъ, которые за установленную плату обязаны были производить разную работу для заводовъ. Слѣдствіемъ этой обязанности явилось то, что крестьяне не

могли даже заниматься хлѣбопашествомъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ заводы находились отъ приписанныхъ къ нимъ деревень на разстояніи десятковъ и даже сотенъ верстъ. „За таковыми дальнопроходными временами, а особливо неспособными работами, не точію что имѣть себѣ во время пашенной земли къ насѣянію хлѣба и прочей страдной работы къ прокормленію, но и совсѣмъ хлѣбопашества лишились, и живемъ всегда при заводской работѣ безотлучно",—читаемъ мы въ одномъ изъ наказовъ.

Состояніе правосудія того времени ложилось тяжелымъ бременемъ на сельское населеніе. Дворяне помѣщики отбирали у свободныхъ крестьянъ земли, а суды только потакали насильникамъ. „А когда помѣщики станутъ отъ насъ землю отнимать",—жалуются крестьяне,—„и то мы не станемъ допускать, то они на насъ просятъ у судей, якобы его то крѣпостная дача. И тѣ судьи изъ нашихъ жительствъ забираютъ много людей, человѣкъ по десяти, и по двадцати, и по тридцати, и сажаютъ насъ въ приказъ и въ тюрьму, и бьютъ немилостиво, и морятъ насъ бѣдныхъ мѣсяца по два, и по три, и по году, и приневоливаютъ безвинно мириться. И мы, бѣдные безгласные, чтобы государственныхъ податей остановки не было, принуждены и безвинно мириться".

Масса жалобъ раздается на тѣ порядки, которые установились при взиманіи подушной подати, непрерывно повторяются просьбы объ уменьшеніи, о сложеніи ея съ лицъ, для которыхъ она была или непосильна, или которые были неправильно ею обложены. Въ наказахъ казанской губерніи мы находимъ цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ, характеризующихъ отношеніе правительства къ инородцамъ. Благодаря стремленію распространить православіе и снабдить новокрещеновъ разными льготами, возникали столкновенія между ними и тѣми, кто оставался въ старой вѣрѣ. Въ депутатскихъ наказахъ астраханской губерніи содержится не мало матеріала для исторіи нашихъ казачьихъ войскъ. Особенно любопытенъ наказъ волжскаго войска какъ по своему тону, такъ и по содержанію. Въ немъ содержится настоящая программа казачьихъ требованій. „Судъ имѣть намъ",—читаемъ мы здѣсь,—„войску волскому, между собою, по донскому казачьему обыкновенію, а о кремина̀лныхъ государственной военной коллегіи... А царицинскимъ комендантамъ, яко не знающимъ нашихъ казачьихъ обыкновеній, не вступаться".

Вообще, какъ бытовая, такъ и публично-правовая стороны русской жизни XVIII вѣка выступаютъ въ наказахъ, нынѣ опубликованныхъ, съ новыми чертами и деталями, которыя имѣютъ несомнѣнную цѣнность для историка внутренней культуры.—Г—анъ.

Въ теченіе сентября, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аргамакова, Серафима. — Панна Іоанна и Донъ-Жуанъ. Психологическій этюдъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Арсталь, А. — Семья и ея задачи. Книга для родителей и воспитателей, составленная друзьями дѣтей. Съ норвежск. А. и П. Ганзенъ. Спб. 903. Цѣна 2 р. 25 к.

Бахтіаровъ, А. — Очерки съ натуры. Отпѣтые люди. Очерки изъ жизни погибшихъ людей. Спб. 903. Ц. 1 р.

Бернадскій, д-ръ, Э.—Медицина, врачи и публика. Перев. съ польск. д-ра Лешкевича. М. 903. Ц. 80 к.

Божеряновъ, И. Н., и *Карповъ*, Н. Н. — Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX-го вѣка. Т. I, вып. 1. Спб. 903. Ц. 1 р. Подп. ц. за 8 вып. (2 тома)=12 р., съ дост. въ Спб. 13 р., и съ перес. 16 руб.

——— Невскій проспектъ. 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка—XVIII и XIX: Юбилейное изданіе А. П. Вильборга. Т. II, вып. 4 и 5. Спб. 903. Цѣна за 2 т. въ 5 вып.—22 р., въ перепл. 24 р.

Бѣлгородскій, А. В.—Заграничная экскурсія воспитанниковъ Кіево-Печерской гимназіи, подъ руковод. В. И. Петра. Письмо съ пути. Рев. 903. Ц. 35 к.

В—въ, І. А.—О томъ, какъ защищать себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника. Защита въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ. Вятка. 903. Ц. 15 к.

Виноградовъ, А.—Ариѳметика. Систематическій курсъ для учебныхъ заведеній и для самообразованія. 2-е изд. Владим. 903. Ц. 75 к.

Вольный, Вл.—Разсказы. Спб. 903. Ц. 80 к.

Гензель, П., и *Цытовичъ*, Э.—Введеніе въ алгебру. Четыре основныя дѣйствія надъ цѣлыми алгебраическими выраженіями. Курсъ 3-го класса гимназій. Спб. 904. Ц. 40 к.

Джемсъ, Уильямъ.—Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Съ англ. С. И. Церетели. Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

Добровольскій, В. И. — Бракъ и разводъ. Очеркъ по дѣйствующему брачному праву и по проекту новаго гражданскаго уложенія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Долгоруковъ, В. А.—Путеводитель по всей Сибири и Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Съ 142 фото-типогравюрами и картой Имперіи. Томскъ. 1903—1904. Стр. 466+80. Ц. 2 р.

Дояренко, А.—Сахарная свекла въ крестьянскомъ хозяйствѣ. М. 903.

Евзлинъ, З. — Конторская практика. Руководство къ теоретическому и практическому изученію коммерч. документовъ, въ связи съ существ. узаконеніями. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Езерскій, Н. — Императоръ Александръ II и его дѣянія. Разрѣшено для народныхъ чтеній, въ Пензенской губ. Пенза. 904. Ц. 3 коп.

Загурскій, Л. Н.—О разводѣ. Харьк., 903.

Зола, Эм. — Неизданные разсказы. Перев. п. р. С. Брильянта. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Зомбартъ, Вернеръ. — Современный капитализмъ. Т. I, вып. 1: Генезисъ капитализма. Съ нѣм., п. р. С. Эверлинга, съ предисл. проф. А. Мануилова. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Ибсенъ, Генрикъ. — Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датск. А. и П.

Ганзенъ. Т. V: Столовая общества—Кукольный домъ—Привидѣнія—Врагъ народа. М. 903. Ц. 1 р. 20 к.—По подпискѣ за 8 том.=6 руб. безъ пер.

Иностранцевъ, А. А. — Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ Спб. университета. Т. II: Историческая геологія, съ 653 политипажами въ текстѣ: 3-е изд., значит. дополненное. Спб. 903. Ц. 4 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. — Исторія Западной Европы въ Новое время. Т. V: Среднія десятилѣтія XIX-го вѣка (1830—1870 гг.). 2-е изд. Спб. 903. Ц. 5 р.

——— Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историч. картами. Изд. 3-е. Спб. 903. Ц. 1 р. 10 к.

Козьма Прутковъ.—Полное собраніе сочиненій, съ портретомъ, fac-simile и біографическими свѣдѣніями. 9-е изд. Спб. 903. Ц. 2 р.

Коптяевъ, А. — Музыка и культура. Сборникъ музыкально-критическихъ статей. М. 903. Ц. 2 р.

Коробка, Н. И. — Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX вѣка. Пушкинъ—Лермонтовъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Костомаровъ, Н. И. — Собраніе сочиненій: Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга первая: т.т. I, II и III. Біографическій очеркъ съ портретомъ автора. Изданіе „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ" („Литературнаго Фонда"). Спб. 903. Стр. 731. Ц. 3 р. 50 к. Всего=8 книгъ, по подпискѣ 20 р. безъ пересылки.

Коцюбинський, М.—Оповидання. Т. I. Кыивъ, 903. Ц. 1 р. 50 к.

Лабзина, Анна Евдокимовна. — Воспоминанія (род. 1758, ум. 1828 г.). Съ предисловіемъ и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. Съ портретами А. Ѳ. и А. Н. Лабзиныхъ. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Ласкаревъ, В.—Фауна Бугловскихъ слоевъ Волыни. Съ 5 табл. и картой. Спб. 903.

Лейкинъ, Н. А.—По сѣверу дикому. Путешествіе изъ Петербурга въ Архангельскъ и обратно. Поѣздка на водопадъ Кивачъ. Изд. 4-е. Спб. 903. Ц. 75 к.

Марковъ, Евгеній.—Путешествіе по Сербіи и Черногоріи. Путевые очерки. Спб. 903. Ц. 2 р.

Массальскій, В. И.— О положеніи и нуждахъ наемнаго труда въ сельско-хозяйственной промышленности. М. 903. Ц. 50 к.

Метенъ, Альб. — Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и Новой Зеландіи. Перев. Л. Никифорова. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Г.—Средиземно-морскія отложенія томаковки и положеніе ихъ въ ряду средне-міоценовыхъ образованій Россіи и Кавказа. Спб. 903.

Николаевъ, Д. — Геологическія изслѣдованія въ Кыштымской дачѣ Кыштымскаго горнаго округа. Съ 4-мя таблицами. Спб. 902. Ц. 2 р.

Озеровъ, Н. А.—М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ. Вят. 908.

Орженецкій, Р.—Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности. Од. 903. Ц. 2 р.

Орловъ, В. Н., д-ръ. мед. — Курсъ общей терапіи женскихъ болѣзней. Съ 83 рис. Спб. 903. Ц. 1 р. 40 к.

Петрушевскій, А.—Разсказы про Суворова. Съ портретомъ и 2 рис. Изд. 6-е. Спб. 903.

Печковскій, Ив.—Откуда нѣтъ возврата. Драматич. этюдъ въ 2 картинахъ. Новочерк., 903. Ц. 30 к.

Плетневъ, Алексѣй. — Максимъ Горькій. Критическій очеркъ. Спб. 903. 2-е изд. Ц. 20 к.

——— Еще о газетахъ. Очеркъ современной прессы. Спб. 903. Ц. 20 к.

——— Газеты и публика. Очеркъ современной прессы. Спб. 903. Ц. 20 к.

Покровскій, Н.—Культурное болото. Повѣсть—Трилогія. Спб. 904. Ц. 1 р.

Покровская, М. И., ж.-врачъ.—Какъ я была городскимъ врачемъ для бѣдныхъ. Изъ воспоминаній. Спб. 903. Ц. 40 к.

Пономаревъ, С. И.—Александръ II, Царь Освободитель. Изд. гр. Милорадовичъ. Спб. 903. Ц. 25 к.

Риманъ, Г. — Музыкальный Словарь, съ 5-го нѣм. изд. перев. Б. Юргенсона, п. р. Ю. Энгеля, дополненный русскимъ отдѣломъ. Вып. XIII (I-XIII—отъ А. до П.). По подп. 6 р., а по выходѣ—8 р.

Рожковъ, Н. — Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I: Кіевская Русь, съ VI до конца XII вѣка. Спб. 903. Ц. 80 к.

Россіевъ, П. А.—Безъ героевъ. Разсказы (11). М. 903. Ц. 70 к.

Симонова, А. — Для юныхъ читателей. „Какъ я устроила акваріумъ". Новг. 903. Ц. 10 к.

Спенсеръ, Гербертъ. — Факты и мысли (Facts and Comments). Съ англ. перев. Г. Оршанскій. Харьк. 903. Ц. 1 р.

——— Факты и комментаріи. Съ англ. перев. В. Ранцовъ. Спб. Ц. 1 р. 25 коп.

Стетсонъ, Шарлотта. — Экономическое положеніе женщины (Women and Economics). Изслѣдованіе экономическихъ взаимоотношеній мужчинъ и женщинъ, какъ фактора въ соціальной эволюціи. Съ англ. перев. Мамуровскій. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Толмачевъ, М. О. — Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Тумановъ, кн. Г. М.—Разбои и реформа суда на Кавказѣ. Спб. 903.

Фишеръ-Дюкельманъ, Анна, д-ръ мед.—Женщина-домашній врачъ. Настольная книга для женщинъ. Значительно дополненный переводъ съ нѣм., п. р. д-ра мед. І. Литинскаго. Съ 463 рис. въ текстѣ, 96 рис. на отд. таблицахъ и съ портретомъ автора. Спб. 903. Стр. 1077. Ц. 5 р. съ пер. 5 р. 50 к. Изд. А. Ф. Маркса.

Фюстель-де-Куланжъ. — Древняя гражданская община (La Cité antique). Изслѣдованіе о культѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима. Изд. 2-е, исправл., съ прилож. указателя. Перев. Н. Н. Спиридонова. М. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Чернышевъ, В.—Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ. Спб. 903.

Чивонибаръ, А.—Каторга—Тюрьма—Голодъ. Очерки и разсказы. Од. 903. Ц. 50 к.

Шерръ, І.—Всеобщая исторія литературы. Вып. II: Эллада и Римъ. Вып. III: Францiя и Италія. Вып. IV: Италія, Испанія и Португалія. 2-е дополн. изд., п. р. П. И. Вейнберга. М. 903. Ц. по подпискѣ 5 р., въ 2 том. (10 выпусковъ).

Янжимірова, М. К. (Марекъ). — Причины нравственной физіономіи женщины. Историческій очеркъ. Спб. 901. Ц. 2 р.

Энциклопедическій Словарь. Т.т. XXXVIII и XXXVIII, А (75 и 76): Цензурный комитетъ—Чугуевскій полкъ. Спб. 903. Ц. по 3 р.

Эрдманнъ, Э. Э.—Пролегомена къ общей теоріи „понятій" на эмпиріо-критическомъ основаніи. Варш. 903.

Posner, Dr., Carl, und *Blumenthal*, Dr. Phil. M.—Die klinische Ausbildung der Aertzte in Russland. Iena. 903.

Wyleżinski, Thaddée.—Memoires. Épisode de la révolution de Pologne de 1830—31, avec une préface de M. Constantin Woënsky. St.-Pét. 903.

— Внѣ-земледѣльческіе промыслы Вологодской губерніи. П. р. А. Масленникова. Вол. 903.

— Графъ Л. Н. Толстой, великій писатель русской земли, его жизнь, семья, друзья, критики и толкователи, въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи. скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Изд. Товарищества М. О. Вольфъ. Вып. 1. Спб. 903. Ц. 60 к.

— Живая старина. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Имп. Русск. Историч. Общ., п. ред. предсѣдательствующаго въ Отд. Этногр. В. И. Ламанскаго. Вып. 1 и 2. Г. XIII. Спб. 903.

— Исторія Удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія. 1797—1897. Т. I: Управленіе удѣлами и удѣльное хозяйство. Т. II: Крестьяне дворцовые, государевы и удѣльные. Т. III: Приложенія. Спб. 902.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. 32-й обзоръ. Спб. 903. Ц. 25 к.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VI: Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1896 г. Спб. 903.

— Научно-образовательная библіотека: 1) Постъ, Альб., Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній, перев. Н. Теплова, съ предисл. М. М. Ковалевскаго, ц. 60 к. 2) Роско, Химія, перев. п. р. С. Крапивина, ц. 25 к. 3) Гёксли, Введеніе въ науку, перев. Д. Кашкарова, п. р. Н. Кольцова. Цѣна 25 к. М. 903.

— Руководство къ устройству и веденію публичныхъ чтеній. Изд. 2-е. Харьк., 903. Ц. 25 к.

— Сборникъ-календарь Тамбовской губерніи за 1903 г. Изд. Тамб. Губ. Стат. Комитета. Тамб. 903. Ц. 2 р. 25 к.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 годъ. Спб. 903.

— Статистика по казенной продажѣ питей. 1901 г. Спб. 903.

— Статистическій ежегодникъ С.-Петербурга за 1900 годъ. Годъ XX. Спб. 903.

— Типы народовъ. По картинамъ Лемана. Вып. I: Эскимосы. Вып. II: Малайцы. Вып. III: Австралійцы. Вып. IV: Китайцы. Изданіе Вятскаго Губернскаго Земства. Вятка. 1903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— Francesco Invrea. Il comune e la sua funzione sociale. Roma.

Вопросы городской жизни, городского хозяйства и, неразрывно связаннаго съ послѣднимъ, городского самоуправленія, привлекаютъ, особенно въ послѣднее время, все болѣе и болѣе вниманіе общественнаго мнѣнія какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ. Повсюду появляются журналы, посвященные главнымъ образомъ муниципальному вопросу: „Kommunale Praxis“—въ Германіи, „Bulletins communaux“—въ Бельгіи, „Nuova Italia“ и „Germinal“—въ Италіи, „Municipal Journal“—въ Англіи, „Revue Municipale“—въ Парижѣ, „Municipal Affairs“—въ Нью-Іоркѣ и т. д., не говоря уже о массѣ статей, разбросанныхъ по разнымъ соціально-экономическимъ журналамъ, изъ которыхъ многіе, напр. „Sociale Praxis“, „Neue Zeit“, „La Riforma Sociale“, завели постоянные обзоры муниципальной жизни. Въ 1897—98 гг. профессоръ Матеи открылъ въ Вѣнѣ курсъ по вопросамъ коммунальной политики. Въ 1901 г. городской голова гор. Скарбека, г. Кеннисъ, читалъ аналогичный курсъ въ народномъ университетѣ этого города.

Въ связи съ общимъ общественно-экономическимъ пробужденіемъ, которое теперь переживаетъ Италія, муниципальные вопросы, такъ тѣсно связанные съ интересами массы населенія, стекающагося въ города, начинаютъ интересовать здѣсь представителей самыхъ различныхъ партій. Подъ вліяніемъ этого фактора здѣсь появились, какъ мы уже указали, и спеціальныя періодическія изданія „Nuova Italia“ (католическій журналъ) и „Germinal“ (соціалистическій), а также и довольно богатая спеціальная литература, гдѣ заняла видное мѣсто очень интересная, недавно вышедшая книжка Инвреа, католика и горячаго сторонника средневѣкового органическаго строенія общества, которое онъ противополагаетъ современному индивидуалистически-атомистическому порядку вещей.

Особенное значеніе придаетъ авторъ „практической реакціи“ противъ „соціальнаго централизма и атомизма“, которая, по его мнѣнію, наблюдается повсюду въ двоякой формѣ: въ формѣ корпоративнаго движенія и въ формѣ стремленія къ автономіи отдѣльныхъ общественныхъ единицъ—общинъ, городовъ, провинцій. Для города это стремле-

ніе особенно неизбѣжно. Громадный ростъ населенія и образованіе обширныхъ городскихъ агломерацій,—явленія, свойственныя нашему вѣку,—создали массу соціальныхъ, экономическихъ и гигіеническихъ проблемъ, открывающихъ передъ городской администраціей новую область работы. Отсюда неизбѣжно вытекаетъ необходимость расширить рамки городской дѣятельности. Органы городского самоуправленія чувствуютъ все больше и больше потребность въ разумной свободѣ дѣйствій; такимъ образомъ, расширеніе проблемъ городской жизни является могучимъ коэффиціентомъ стремленія къ самостоятельности. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ культурный ростъ все болѣе широкихъ слоевъ населенія, предъявляющихъ извѣстныя требованія къ городскимъ самоуправленіямъ въ области городскихъ финансовъ и въ соціально-экономической. Всѣ эти условія современной жизни дѣлаютъ болѣе интенсивной жизнь города и вызываютъ необходимость лучшей организаціи городской общины.

Трудъ Инвреа распадается на двѣ части; въ первой авторъ пытается намѣтить общія условія лучшей организаціи городской администраціи, во второй—характеризуетъ задачи и предѣлы соціальной дѣятельности городской общины. Особенно интересна первая часть книжки.

Здѣсь авторъ является горячимъ сторонникомъ „общественной теоріи“ самоуправленія,—для Европы теперь уже устарѣлой, но формулируемой авторомъ замѣчательно ясно и краснорѣчиво, очевидно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ неурядицъ итальянской общественной жизни. „Если община,—говоритъ онъ,—имѣетъ свою собственную личность, существующую независимо отъ государства; если она имѣетъ свои собственныя функціи и потребности, отличныя отъ таковыхъ же государства, то очевидно, что хотя она подчинена государству, но имѣетъ свои собственныя права, которыя, конечно, должны быть координированы съ общими интересами націи, но не должны ни поглощаться, ни нарушаться ими. Отсюда вытекаетъ основная идея мѣстнаго самоуправленія, выражающаяся въ свободѣ общины дѣйствовать для собственныхъ цѣлей и предполагающая возможность для нея создавать „законы“ въ ея предѣлахъ, въ границахъ ея компетенціи и при посредствѣ законно установленнаго органа власти. Эта автономія не должна имѣть другихъ внѣшнихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обусловливаются необходимой гармоніей съ конечными цѣлями государства и обязанностью для послѣдняго не допускать злоупотребленій. Эти границы неодинаковы, конечно, въ разное время и въ разныхъ государствахъ, но онѣ должны всегда оставлять мѣсто свободѣ мѣстнаго самоуправленія“.

Но если перейти отъ разсмотрѣнія доктринъ о самомъ принципѣ

мѣстной автономіи къ дѣйствительному положенію вещей въ Италіи, то увидимъ, что государство совершенно не принимаетъ этихъ принциповъ во вниманіе. Не довольствуясь законодательнымъ ограниченіемъ дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія, администрація старается сдѣлать ихъ положеніе еще болѣе тяжелымъ, еще болѣе зависимымъ. Инвреа приводитъ слѣдующій примѣръ: декретомъ отъ 1-го февраля 1896 г. государственный совѣтъ призналъ незаконнымъ постановленіе городского совѣта Кремоны о представленіи парламенту петиціи о введеніи коммунальнаго референдума. Въ этомъ декретѣ государственный совѣтъ дѣлаетъ неправильное ограниченіе 58-ой ст. основныхъ законовъ, признавая за городами и провинціальными совѣтами право подачи петицій не въ вопросахъ общезаконодательнаго характера, а только въ вопросахъ, касающихся ихъ частной компетенціи: „когда реформы, о которыхъ возбуждаютъ ходатайство органы мѣстнаго самоуправленія,—только мѣстныя и не выходятъ за предѣлы компетенціи мѣстной администраціи".

Но, къ счастью, противъ этого теченія — съузить значеніе мѣстнаго самоуправленія въ Италіи—поднимается сильное общественное движеніе. „Идея свободнаго развитія мѣстнаго самоуправленія въ Италіи, такъ недавно, казалось, бывшая достояніемъ нѣсколькихъ одинокихъ ученыхъ, быстро завоевываетъ общественное мнѣніе".

Какъ примѣръ такого движенія въ научной области, Инвреа указываетъ на католическій (консервативный) конгрессъ, имѣвшій мѣсто въ Падуѣ въ 1896 г. и сдѣлавшій постановленіе въ пользу мѣстной автономіи. Дѣятели-практики, безъ различія партій, тоже не разъ высказывались въ томъ же смыслѣ. Уже лѣтомъ 1899 г., городской совѣтъ Мантуи попытался создать движеніе въ пользу обезпеченія и развитія административной автономіи, но онъ не имѣлъ послѣдователей. Гораздо бо̀льшимъ успѣхомъ увѣнчалась аналогичная попытка городского совѣта Пармы, сдѣлавшаго единогласно постановленіе въ этомъ смыслѣ зимой 1900 г.: „Городской совѣтъ Пармы, принимая во вниманіе, что дѣйствующее законодательство, отягощая общины налогами въ пользу государства, связываетъ въ нихъ всякую дѣятельность слишкомъ мелочнымъ контролемъ и открываетъ слишкомъ большой просторъ административному вмѣшательству; полагая, что городъ не можетъ преуспѣвать въ своихъ дѣлахъ безъ свободы самоуправленія и полнаго освобожденія отъ расходовъ общенаціональнаго характера,—постановляетъ образовать союзъ между общинами королевства съ цѣлью, путемъ петицій, добиться отъ законодательной власти финансовой и административной автономіи, необходимой для нормальной экономической и соціальной жизни современной общины".

Общественное значеніе этого постановленія особенно усилилос

послѣ поддержки, оказанной начинавшемуся движенію Миланомъ, моральнымъ центромъ королевства. Миланская дума почти единогласно вотировала такое постановленіе:

„Городской совѣтъ Милана, принимая во вниманіе, что постоянное вмѣшательство государства въ дѣла мѣстнаго самоуправленія, парализуя его иниціативу, поглощая большую часть его доходовъ и возлагая на него тѣ расходы, которые должны представлять собой расходы самого государства, не даетъ ему возможности развить гражданскую, экономическую и общественную дѣятельность; что для измѣненія этого печальнаго положенія вещей необходимо ввести реформы въ законоположеніе о городахъ и провинціяхъ въ смыслѣ возвращенія общинѣ отнятыхъ у нея правъ и возстановленія ея автономіи,—постановляетъ принять участіе въ движеніи, способствовать организаціи союза между итальянскими общинами, съ цѣлью добиться упомянутой реформы, и приглашаетъ управу привести въ исполненіе сказанное постановленіе".

Для приведенія его въ исполненіе, управа разослала всѣмъ общиннымъ представительствамъ Италіи циркуляры, приглашая ихъ присоединиться къ проектируемому союзу. Число присоединившихся городскихъ общинъ достигаетъ уже тысячи; такое число кажется огромнымъ (несмотря на то, что всѣхъ общинъ въ Италіи насчитывается болѣе восьми тысячъ), если принять во вниманіе, какъ велика еще апатія и робость большинства итальянскихъ органовъ городского и общиннаго самоуправленія.

Если этотъ союзъ общинъ съумѣетъ, какъ можно надѣяться, дѣятельно работать и дать практическое, конкретное направленіе своимъ работамъ, держась вдали отъ партійныхъ интересовъ, то онъ, конечно, будетъ очень полезенъ дѣлу автономіи общинъ. Онъ можетъ, въ своей дѣятельности, вдохновиться примѣромъ аналогичнаго союза англійскихъ муниципалитетовъ (Association of municipal corporations), созданнаго въ Лондонѣ въ 1873 г. [1]). Такъ же, какъ онъ, долженъ дѣйствовать союзъ между итальянскими общинами. Онъ долженъ, съ одной стороны, посредствомъ періодическихъ съѣздовъ и особенно посредствомъ оффиціаль-

[1]) Задача этого союза, по словамъ 2-го § устава, „покровительствовать интересамъ, правамъ и привилегіямъ муниципальныхъ корпорацій въ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ быть нарушены общественными и частными биллями, и, кромѣ того, дѣйствовать и въ другихъ дѣлахъ, въ которыхъ муниципалитеты могутъ быть заинтересованы". „Association of municipal corporations" проявляетъ свою дѣятельность двоякимъ образомъ: во-первыхъ, она старается изучать конкретно различныя задачи, представляющіяся муниципалитету, и въ этомъ случаѣ различные муниципалитеты могутъ довольно хорошо освѣдомлять другъ друга о результатахъ ихъ опыта. Во-вторыхъ, союзъ стремится добиться отъ парламента всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя могутъ интересовать жизнь общины и защищать свободу дѣйствій муниципалитета.

ныхъ сообщеній развивать *практическое* изученіе всѣхъ вопросовъ, касающихся общины, и спеціально тѣхъ, которые въ наше время являются наиболѣе жизненными (напр. муниципализація промышленныхъ предпріятій, попеченіе о рабочихъ), и съ другой—посредствомъ представленія петицій парламенту и посредствомъ публикацій и прямого голосованія,—вліять на общественное мнѣніе, чтобы добиться, постепенной реформой законодательства, дѣйствительной автономіи общинъ и точнаго примѣненія всѣхъ законоположеній, которыя могутъ облегчить общинамъ исполненіе ихъ общественныхъ функцій.

По Инвреа, понятіе правильно развитого мѣстнаго самоуправленія опредѣляется тремя элементами: 1) предоставленіемъ общинѣ ея нормальныхъ функцій; 2) свободнымъ выборомъ ея органовъ, и 3) свободой дѣйствій.

„Но, — замѣчаетъ онъ, — какъ можно говорить о нормальныхъ функціяхъ городского самоуправленія, какъ будто существуютъ во всѣ времена и повсюду неизмѣнныя функціи городского самоуправленія, въ которыя государство не должно вмѣшиваться даже въ случаѣ очевиднаго злоупотребленія?“ Инвреа нормальную границу дѣятельности общинъ опредѣляетъ характеромъ мѣстныхъ нуждъ, которыя могутъ быть въ достаточной степени удовлетворены органами мѣстнаго самоуправленія. Но въ Италіи необходимость децентрализаціи признается только теоретически видными дѣятелями всѣхъ направленій,—фактически же господствуетъ противоположная тенденція. Такъ, напримѣръ, въ парламентѣ, на основаніи права парламентской иниціативы, нѣсколько разъ представлялся проектъ закона, имѣющій въ виду изъять начальную школу изъ вѣдѣнія мѣстнаго самоуправленія. „Между тѣмъ, если есть поле дѣятельности, гдѣ государство не можетъ замѣнить собою мѣстное самоуправленіе, такъ это именно въ школьномъ дѣлѣ, ибо право воспитанія и обученія дѣтей, по природѣ своей, принадлежитъ семьѣ, которая ищетъ въ школѣ помощницу въ дѣлѣ образованія новаго поколѣнія. Въ этомъ родителямъ, получившимъ отъ Бога такую высокую миссію, должна быть предоставлена какъ можно бо̀льшая свобода, и общественная власть должна вмѣшиваться только тогда, когда ихъ усилій было бы недостаточно. Но очевидно, что въ такомъ случаѣ только *община*, а не *государство* можетъ помочь дѣлу семьи, и не только потому, что это—дѣло чисто мѣстнаго характера, но и потому, что община представляетъ собой единеніе семей и въ узкихъ рамкахъ жизни общины родители могутъ оказывать бо̀льшее вліяніе, прямымъ или косвеннымъ образомъ, на дѣло школьнаго образованія. Кромѣ того, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ элементарная школа,—могущественное орудіе воспитанія,

тяжелая, связывающая, педантическая и бюрократическая дѣятельность государства не можетъ имѣть успѣха".

Однимъ изъ главныхъ элементовъ самоуправленія считалось во всѣ времена право городскихъ общинъ выбирать должностныхъ лицъ. Съ объединеніемъ Италіи прекратилось вмѣшательство государства въ выборы гласныхъ и управы,—только назначеніе головы (синдика) было предоставлено королю. Но въ 1889 г. главные города получили право выбора и головы, а въ іюлѣ 1896 г. это право было распространено на всѣ общины королевства. Впрочемъ, благодаря праву распущенія совѣта (декретъ о распущеніи долженъ быть мотивированъ, публикованъ въ „Gazetta Ufficiale" и доведенъ до свѣдѣнія парламента) [1]) и отозванія синдика, государство сохраняетъ сильное, почти ничѣмъ не ограничиваемое и никѣмъ не контролируемое вліяніе на ходъ дѣлъ въ органахъ городского самоуправленія.

Единственный способъ ввести законность и правильность въ отношенія между органами мѣстнаго и центральнаго правленія Инвреа видитъ въ точномъ опредѣленіи случаевъ, въ которыхъ распущеніе можетъ имѣть мѣсто. Случаи эти должны быть немногочисленны, потому что отмѣна незаконныхъ постановленій и принадлежащее государству право принудить общину къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей совершенно достаточны для нормальнаго хода дѣла. Затѣмъ необходимо, чтобы право распущенія совѣта принадлежало особому учрежденію, судебному или административному, но поставленному независимо отъ исполнительныхъ бюрократическихъ органовъ. Тѣ же соображенія примѣнимы къ смѣщенію синдика.

Опека современнаго государства надъ общиной можетъ выражаться въ двойной формѣ: или косвенно, путемъ опредѣленія, въ законодательномъ порядкѣ, поля дѣятельности общины, или непосредственно путемъ контроля и воздѣйствія со стороны политической власти и ея административныхъ органовъ. Въ принципѣ, говоритъ авторъ, разумѣется, необходимо признать цѣлесообразность и неизбѣжность государственаго вмѣшательства для опредѣленія границъ дѣятельности органовъ самоуправленія. Но дѣйствующее итальянское законодательство, кропотливо опредѣляя все, что они должны дѣлать, и, вдобавокъ,

[1]) „Первая формальность меньше, чѣмъ ничего, — говоритъ Инвреа; — что же касается контроля парламента, то, по причинамъ такого же рода, онъ не можетъ быть дѣйствительнымъ. Несомнѣнно, парламентъ не можетъ придавать слишкомъ большого значенія дѣламъ, имѣющимъ мѣстный интересъ, не говоря уже о томъ, что у него нѣтъ другой санкціи противъ государственнаго произвола, кромѣ выраженія недовѣрія, но онъ, конечно, не пользуется такимъ серьезнымъ средствомъ для подавленія этого рода произвола. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, произвольныя распущенія совѣта дѣлаются по партійнымъ соображеніямъ, и, слѣдовательно, они не могутъ встрѣтить осужденія со стороны парламентскаго большинства".

принуждая—въ финансовой области—къ страшно узкой и—что еще хуже—несправедливой и абсурдной налоговой системѣ, стремится педантически связать мѣстное самоуправленіе въ его дѣятельности.

Духъ, господствующій въ высшихъ административныхъ сферахъ, приводитъ къ такимъ ограниченіямъ законоположеній, о которыхъ законъ никогда и не думалъ.

Таково, напримѣръ, постановленіе государственнаго совѣта, воспретившаго общинамъ, декретомъ отъ 12-го ноября 1896 г., давать субсидіи „камерамъ труда", признавая послѣднія „учрежденіями, не направленными къ общей пользѣ всѣхъ гражданъ города".

Затѣмъ, къ законамъ присоединилась цѣлая масса регламентовъ, выработанныхъ исполнительной властью, которые не довольствуются опредѣленіемъ способовъ примѣненія законовъ, но произвольно и антиконституціонно измѣняютъ и ухудшаютъ законы. Таковъ, напримѣръ, регламентъ относительно примѣненія городового и провинціальнаго положенія, одобренный королевскимъ декретомъ 19 сентября 1899 г. Регламентъ этотъ до такой степени усилилъ опеку государства надъ общиной, что вызвалъ протестъ со стороны всѣхъ партій, даже со стороны тѣхъ, которые меньше всего интересуются свободой самоуправленія. Въ этомъ отношеніи интересна записка муниципальнаго совѣта въ Туринѣ (состоящаго изъ консервативныхъ элементовъ), доказывающая, что большинство постановленій новаго регламента находится въ открытомъ противорѣчіи съ закономъ и, конечно, въ духѣ бо̀льшаго подчиненія о̀рgановъ мѣстнаго самоуправленія.

Другая форма опеки надъ общиной, опека въ прямомъ смыслѣ слова, это—опека *административная*, которая распадается на опеку *юридическую* и *экономическую*. По итальянскому закону, право юридической опеки принадлежитъ префекту, который можетъ отмѣнить всякое постановленіе, противное законамъ, оставляя за общиной право аппеллировать къ королевскому правительству. Напротивъ, право экономической опеки принадлежитъ административному провинціальному совѣту, который можетъ дать или не дать свое одобреніе постановленіямъ общиннаго совѣта, принимая во вниманіе не только соблюденіе ими законности, но и то, насколько они соотвѣтствуютъ общей пользѣ и нуждамъ населенія.

„Конечно,—говоритъ Инвреа,—справедливо отмѣнять постановленія общины, противорѣчащія законамъ, но мы не можемъ не сожалѣть, что право признанія ихъ незаконными возлагается на префекта и другихъ чиновниковъ. Почему бы не предоставить судить объ этомъ судебной власти, по требованію гражданъ, а въ случаѣ отсутствія такого требованія—по представленію самого префекта? Или, наконецъ, почему бы не создать особый о̀рганъ административной юстиціи, въ

которомъ, изъ уваженія къ принципу автономіи, не должны принимать участія бюрократическіе чиновники правительства? Дума Кремоны возбудила въ 1898 г. соотвѣтствующее ходатайство (признанное префектомъ незаконнымъ) о передачѣ этой формы опеки судебной власти, которая могла бы признавать ничтожными постановленія думы только послѣ приложенія къ разбору такого рода дѣлъ принциповъ состязательнаго процесса.

Что касается до опеки экономической, въ которой попечительная власть не ограничивается разсмотрѣніемъ законности или незаконности постановленія, но еще и его своевременностью, то опытъ, конечно, не доказалъ ея цѣлесообразности, такъ какъ мы видимъ, что, несмотря на всѣ возможныя опеки, итальянскія общины, большія и мелкія, тонутъ въ долгахъ и мало-по-малу лишаются большей части своихъ недвижимыхъ имуществъ. Если желательно положить предѣлъ подобнымъ злоупотребленіямъ, то надо прибѣгнуть къ средству болѣе дѣйствительному, чѣмъ „экономическая“ опека, и въ то же время болѣе достойному. Инвреа рекомендуетъ институтъ коммунальнаго референдума, который, развивая въ обществѣ интересъ къ мѣстнымъ дѣламъ, неизбѣжно оказалъ бы благотворное вліяніе на дѣйствія представителей мѣстнаго самоуправленія.

Указывая, что государство въ Италіи погасило всякую мѣстную свободу и всякую инииціативу, Инвреа вовсе не утверждаетъ, что государство не должно создавать никакихъ юридическихъ границъ дѣятельности общины. Но самая система, выражающаяся въ стремленіи точнымъ и категорическимъ образомъ опредѣлить, въ законодательномъ порядкѣ, поле дѣятельности общины, заслуживаетъ осужденія, ибо постоянное развитіе новыхъ потребностей дѣлаетъ необходимыми постоянныя добавленія и частичныя и общія исправленія „списка“ дѣлъ, которыя состоятъ въ вѣдѣніи мѣстнаго самоуправленія. Отсюда возникаетъ необходимость признать за общиной право свободы дѣйствій во всемъ, что̀ касается ея интересовъ. Такъ въ финансовой области, вмѣсто того, чтобы перечислять предоставленные общинѣ налоги, нужно удовольствоваться опредѣленіемъ общихъ принциповъ налоговой системы, оставляя ей широкое поле для выбора. Такимъ образомъ исчезла бы опасность обложенія города косвенными налогами (что̀ мы видимъ теперь въ Италіи), въ общественномъ и экономическомъ смыслѣ противорѣчащимъ требованіямъ справедливости и потребностямъ времени. Разумѣется, въ общихъ интересахъ государство можетъ возложить на городъ извѣстные обязательные расходы, но и здѣсь оно не должно переходить границъ, что̀ тоже наблюдается сейчасъ въ Италіи, гдѣ обязательныя издержки тяжелымъ и несправедливымъ бременемъ ложатся на мѣстные бюджеты.

Государство не можетъ удовольствоваться только законодательнымъ опредѣленіемъ границъ дѣятельности городского самоуправленія; необходимы еще другія формы контроля и наблюденія. Контроль надъ дѣятельностью органовъ городского самоуправленія можетъ, прежде всего, быть достигнутъ путемъ широкой публичности всѣхъ засѣданій и всѣхъ дѣйствій органовъ коммунальной власти. Но особенно дѣйствительное значеніе въ этой области могутъ имѣть непосредственно избираемые населеніемъ ревизоры, роль которыхъ можно сравнить съ ролью наблюдательнаго комитета въ акціонерномъ обществѣ. Такой внутренній контроль не исключаетъ, разумѣется, возможности контроля внѣшняго. Поэтому вполнѣ естественно, что всѣ постановленія общины, всѣ обсужденія ея бюджетовъ должны быть доведены до свѣдѣнія высшей власти. Кромѣ того, по мнѣнію автора, было бы хорошо и нисколько не противорѣчило бы правильному пониманію мѣстной автономіи, если бы высшая власть могла посылать инспекторовъ, которые de visu констатировали бы ходъ дѣятельности общины и, спеціально, ея финансовое хозяйство. Такова система, примѣняемая въ Англіи и дающая самые лучшіе результаты. На примѣрѣ федераціи итальянскихъ сельскихъ кассъ и кооперативовъ, дѣйствующихъ ко всеобщему удовлетворенію, можно убѣдиться въ хорошихъ сторонахъ этой системы.

По дѣйствующему итальянскому законодательству право признанія недѣйствительными постановленій общинъ, нарушающихъ право третьихъ лицъ, принадлежитъ судебной власти. Но это законодательство допускаетъ обжалованіе въ судебномъ порядкѣ только въ случаѣ нарушеній индивидуальнаго права, но не въ случаѣ произвольныхъ дѣйствій, не нарушающихъ правъ третьихъ лицъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, право объявить ничтожными постановленія думы принадлежитъ префекту, что представляетъ по крайней мѣрѣ два крупныхъ неудобства. Во-первыхъ,—полная зависимость префекта отъ центральной власти и, во-вторыхъ, недостатокъ процессуальныхъ гарантій. Послѣднія могли бы быть даны въ формѣ состязательнаго процесса, аналогичнаго судебному состязательному процессу (гораздо болѣе быстрому и дешевому). И если заинтересованныя лица и представители общины, по апатіи или по незнанію, не прибѣгнутъ къ этому способу, то префектъ или его замѣстители, въ качествѣ представителей общественной власти, могутъ возбудить вопросъ передъ контролирующей инстанціей о признаніи ничтожными незаконныхъ постановленій думы.

Эту функцію административной юстиціи лучше всего могъ бы выполнить провинціальный административный совѣтъ, преобразованный въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ его члены были выборными. Конгрессъ представителей провинціальныхъ собраній, собравшійся въ октябрѣ

1898 г., въ эпоху наибольшаго расцвѣта реакціи въ Италіи, и состоявшій въ значительной степени изъ наиболѣе консервативныхъ элементовъ страны, сдѣлалъ уже постановленіе о выборномъ характерѣ этой контролирующей инстанціи. „Контроль надъ общинами и административная юстиція должны находиться въ вѣдѣніи совѣта, въ цѣломъ составѣ выбраннаго провинціальнымъ собраніемъ изъ его членовъ по принципу пропорціональнаго представительства. Совѣтъ же выбираетъ и своего президента. Въ составъ совѣта входитъ префектъ, въ качествѣ представителя королевской власти; ему должно быть предоставлено право обжалованія постановленій совѣта въ государственный совѣтъ".

Четвертое отдѣленіе государственнаго совѣта, представляющаго теперь въ Италіи высшій органъ административной юстиціи, должно быть тоже реформировано въ смыслѣ усиленія его самостоятельности и расширенія его власти.

Наконецъ, и еще одна реформа является необходимой въ наше время. Она, конечно, отличается отъ предъидущей, но не менѣе ея важна и касается дѣйствительнаго *установленія отвѣтственности представителей администраціи общинъ*. Но итальянское законодательство, далекое отъ того, чтобы установить эту отвѣтственность, приходитъ даже къ тому, чтобы создать въ пользу синдика (головы), также какъ и префектовъ, пресловутую „*административную гарантію*", благодаря которой синдики, префекты, вице-префекты и т. д. отдаютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только *высшей административной власти* и не могутъ быть смѣщены безъ разрѣшенія короля.

Эта *административная гарантія*, которая въ политическомъ отношеніи (особенно тамъ, гдѣ она касается префектовъ), можетъ дать мѣсто самому грубому произволу, въ административномъ—уменьшаетъ ту отвѣтственность администраторовъ, которая и такъ уже является иллюзорной. Никакіе теоретическіе доводы не могутъ ее оправдать. Въ самой Франціи, родинѣ этого института, она была уничтожена въ 1870 г. Нѣтъ больше ни одной культурной страны, гдѣ она еще существовала бы, и только одна Италія сохранила эту печальную привилегію. Въ Италіи политическіе дѣятели уже съ давнихъ поръ были убѣждены въ необходимости ея отмѣны: министры и парламентскія коммиссіи не разъ предлагали уничтоженіе ея, но „гарантія" уцѣлѣла и появилась даже въ послѣднемъ коммунальномъ и провинціальномъ „Положеніи", въ которомъ остается еще и до сихъ поръ.

Необходимо, слѣдовательно, по мнѣнію автора, настоятельно добиваться уничтоженія этого страннаго и гибельнаго института и замѣны его опредѣленнымъ закономъ, дѣлающимъ возможною, въ спе-

ціальныхъ случаяхъ, отвѣтственность администраторовъ во всѣхъ актахъ и во всѣхъ сдѣланныхъ по небрежности упущеніяхъ, могущихъ причинить ущербъ общинѣ. Въ видѣ дополненія къ этой реформѣ, необходимо также, чтобы право обжалованія всякимъ частнымъ лицомъ (azione popolare) дѣйствій органовъ коммунальнаго самоуправленія, введенное въ послѣднее коммунальное „Положеніе" (§ 129 дѣйствующаго текста отъ 4 мая 1898 г.), было сдѣлано дѣйствительнымъ, благодаря отмѣнѣ предварительнаго разрѣшенія провинціальнаго административнаго совѣта.

Этимъ замѣчаніемъ заканчиваетъ нашъ авторъ свою характеристику современнаго положенія итальянскаго самоуправленія.

Для русскихъ читателей принципіальная сторона разбираемыхъ Инвреа вопросовъ не является новостью, но, все-таки, крайне любопытно, что выводы, къ которымъ пришли практики и теоретики мѣстнаго самоуправленія въ Италіи, такъ близко совпадаютъ съ желаніями и стремленіями значительной части русскаго общества и большинства русской печати.—М. З—ковъ.

II.

— *Paul Adam*. La Ruse. Roman. Стр. 468. Paris (Librairie Paul Ollendorf).

Поль Аданъ принадлежитъ къ плеядѣ современныхъ писателей, обозначаемыхъ во Франціи общимъ названіемъ „les Jeunes", хотя для молодого автора число написанныхъ имъ произведеній чрезвычайно велико. Въ недавно вышедшей біографіи Поля Адана („Paul Adam" par Marcel Batillat, въ серіи „Les célébrités d'aujourd'hui") приведены въ библіографическомъ спискѣ его произведеній заглавія двадцати большихъ романовъ, затѣмъ еще нѣсколькихъ сборниковъ повѣстей и короткихъ разсказовъ, драмъ, критическихъ этюдовъ;—въ этотъ списокъ къ тому же не вошли многочисленныя статьи, хроники и публицистическія замѣтки Поля Адана въ разныхъ французскихъ газетахъ и журналахъ. Полю Адану въ настоящее время сорокъ-одинъ годъ (онъ родился въ 1862 г.); въ литературѣ онъ выступилъ въ 1884 г. небольшими журнальными работами, такъ что по своей продуктивности за двадцать лѣтъ литературной дѣятельности онъ не уступаетъ такимъ неутомимымъ писателямъ, какими были Золà или даже Бальзакъ. Къ „молодымъ" Поля Адана причисляютъ такимъ образомъ вовсе не потому, что онъ еще сравнительный новичокъ въ литературѣ,—его многочисленныя произведенія давно уже создали ему очень почтенное имя,—а за его солидарность съ представителями новѣй-

шихъ теченій въ французской литературѣ. Онъ принималъ ближайшее участіе во всѣхъ „кампаніяхъ" символической школы, т.-е. былъ или основателемъ, или ближайшимъ сотрудникомъ цѣлаго ряда журналовъ, въ которыхъ проповѣдывались принципы символической поэзіи и искусства. Вмѣстѣ съ Малларме, съ Визевой и другими онъ участвовалъ въ серединѣ 80-хъ годовъ въ „Revue Indépendante", одномъ изъ первыхъ органовъ символической школы, затѣмъ основалъ вмѣстѣ съ Густавомъ Каномъ и Жаномъ Мореасомъ журналъ „Le Symboliste", смѣнившійся вскорѣ другимъ—„La Vogue", а черезъ нѣкоторое время—второй серіей „Revue Indépendante". Кромѣ того, онъ написалъ—въ соотрудничествѣ съ поэтомъ-символистомъ Мореасомъ—фантастическую повѣсть: „Le thé chez Miranda", на очень смѣлую эротическую тэму, со свойственнымъ ему и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ испытующимъ отношеніемъ ко всякимъ проявленіямъ страстей; вмѣстѣ съ Мореасомъ написанъ также романъ „Les demoiselles Goubert". И во время всей своей дальнѣйшей дѣятельности Поль Аданъ оставался и остается до сихъ поръ единомышленникомъ и другомъ писателей, группирующихся вокругъ „Mercure de France", „Revue Blanche" и другихъ такъ-называемыхъ „jeunes revues".

Но связь Поля Адана съ символистами и представителями другихъ новѣйшихъ литературныхъ группъ основана скорѣе на личныхъ отношеніяхъ и общности вкусовъ, чѣмъ на одинаковыхъ литературныхъ цѣляхъ. Въ своемъ творчествѣ Поль Аданъ не примыкаетъ ни къ символистамъ, ни къ эстетамъ, замѣняющимъ принципы морали культомъ красоты. Съ эстетами его сближаетъ только одна черта, его „curiosités passionnelles", пристрастіе къ анализу своеобразныхъ эротическихъ ощущеній; эта черта особенно сильно сказывается въ раннихъ романахъ и повѣстяхъ Поля Адана, и постепенно сглаживается и даже совершенно исчезаетъ въ произведеніяхъ новѣйшаго времени. Къ символистамъ же его нельзя было причислить ни въ какой періодъ его литературной дѣятельности, такъ какъ онъ всегда предпочиталъ реалистическую яркость и выпуклость образовъ полу-тонамъ и нюансамъ, характернымъ для манеры символистовъ. Сюжеты его романовъ и повѣстей чрезвычайно разнообразны: воображеніе переноситъ его то въ отдаленныя историческія эпохи, въ пышную Византію съ ея мрачными дворцовыми драмами и сложными династическими интригами (романъ „Bazile et Sophia"), то въ романтическую феодальную жизнь XIV вѣка, съ ея вѣрой въ волшебницъ и въ магическія чары („Etre"), то изображаетъ современность съ ея сложными идейными задачами, острой умственной и эмоціональной жизнью, съ встрѣчающимися въ ней людьми со странной болѣзненно-утонченной психологіей. Или же—въ послѣдніе годы—онъ снова возвращается къ исто-

рическому прошлому, уже не столь далекому, и рисуетъ въ колоритныхъ романахъ, обнаруживающихъ полное документальное знаніе эпохи, время Наполеоновскихъ войнъ и реставраціи Бурбоновъ. Во всѣхъ этихъ романахъ Поль Аданъ очень самобытенъ, и въ сущности не примыкаетъ вполнѣ ни къ одной изъ опредѣленныхъ литературныхъ формулъ. По строго выдержанной фактической правдѣ въ своихъ историческихъ романахъ, по точности и богатству бытовыхъ подробностей, по своему стремленію и умѣнью возсоздавать „рамки жизни" въ различныя эпохи, онъ принадлежитъ къ самымъ выдающимся реалистамъ среди представителей современнаго французскаго романа. Но на ряду съ реалистическимъ возсозданіемъ правды жизненной—и правды исторической—въ романахъ Поля Адана проявляются черты, не свойственныя обыкновенно реалистамъ: одно изъ самыхъ характерныхъ свойствъ его—лиризмъ, страстная возбужденность тона въ описаніяхъ психологіи его героевъ въ драматическіе моменты жизни и еще болѣе въ описаніяхъ толпы, охваченной общимъ настроеніемъ. Массовые эффекты, картины сраженій изобилуютъ въ его романахъ; онъ съ большимъ мастерствомъ возсоздаетъ настроенія парижской толпы въ дни крупныхъ политическихъ событій; арміи, охваченной ликованіемъ близкой побѣды или смятеніемъ разгрома. По своимъ философскимъ взглядамъ Поль Аданъ—детерминистъ, вѣрящій въ „силу вещей", и не придаетъ большого значенія личности; въ его романахъ поэтому индивидуальная психологія всегда подчинена вліяніямъ обстоятельствъ общественныхъ условій и наслѣдственныхъ традицій. Яркіе характеры и типы Поль Аданъ не умѣетъ создавать; его сила—въ возсозданіи духовной атмосферы описываемой эпохи, стихійныхъ массовыхъ движеній, въ драматическомъ изображеніи власти законовъ жизни надъ стремленіями проявить личную иниціативу.

Въ раннихъ своихъ произведеніяхъ Поль Аданъ задавался психологическими цѣлями, изучая по преимуществу исключительно страстныя натуры, занятыя экспериментами надъ собой, жаждущія изысканныхъ ощущеній. Въ этихъ романахъ Поль Аданъ, выступившій подъ знаменемъ натурализма, доходилъ до крайней смѣлости и откровенности въ описаніяхъ страстей; первая его книга, романъ „Chair molle" подверглась судебному преслѣдованію, и авторъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію (отъ котораго его, однако, освободили) и къ крупному денежному штрафу. Наиболѣе интересный изъ раннихъ романовъ Поля Адана—„Etre", гдѣ описана жизнь средневѣковой кудесницы Маго-де-Горъ, дочери алхимика, посвятившаго ее въ тайны чернокнижія; на ея гербѣ вырѣзанъ девизъ: „Estre", откуда и заглавіе романа. Колоритность феодальнаго быта и напря-

женность страстей и чувствъ въ средніе вѣка возсозданы въ романѣ съ большой яркостью. Очень интересна сама Маго; увѣренная въ своемъ могуществѣ, она становится воплощеніемъ какой-то таинственной силы, покоряющей людей, не смиряющейся и передъ смертью. Маго обольщаетъ своими чарами знатнаго барона, который женится на ней, потомъ отражаетъ враговъ, обступившихъ замокъ. Но ее судятъ церковнымъ судомъ за „сношенія съ черной силой“ и приговариваютъ къ сожженію на кострѣ. „Величественная, вся въ бѣломъ, она спокойно идетъ на муку; въ глубокихъ глазахъ ея сіяетъ торжество; она уже вознеслась надъ жизнью, которую должна покинуть, она кажется большей, чѣмъ ея уже близкая къ разрушенію женская оболочка, болѣе сіяющею, чѣмъ день“. Паѳосъ вѣры въ воплощенное въ ней высшее начало дѣлаетъ образъ Маго величественнымъ и покоряющимъ, а описанія ея чаръ, шабаша вѣдьмъ и всей картинности средневѣковой вѣры въ волшебницъ и чудеса сдѣланы съ характерной для автора силой фантазіи и художественностью.

Къ тому же періоду относятся два другіе романа Поля Адана, „Soi“, психологическій этюдъ женщины, которая изъ гордости и самообожанія сторонится отъ любви, и „La Glébe“, натуралистическій романъ, рисующій грубость и нравственное паденіе французскихъ крестьянъ, которыхъ губитъ ихъ жадность, исключительныя заботы о землѣ—и пьянство.

Въ 1889 году, въ эпоху буланжизма, Поль Аданъ увлекся политикой, выступилъ даже кандидатомъ (партіи соціалистовъ-ревизіонистовъ) во время выборовъ въ парламентъ, но потерпѣлъ пораженіе—и снова вернулся къ литературѣ. Это было началомъ второго періода литературной дѣятельности Поля Адана, когда онъ окончательно отошелъ отъ натурализма и занялся изученіемъ сильныхъ героическихъ натуръ, возсоздаваемыхъ имъ съ ослѣпительнымъ богатствомъ фантазіи и страстнымъ лиризмомъ. Тогда написанъ былъ романъ „Essence du Soleil“, который составляетъ вмѣстѣ съ „Etre“ и „En décor“ трилогію подъ общимъ заглавіемъ: „Volontés merveilleuses“. Основная тэма „Essence du Soleil“—попытка достигнуть всепобѣдной власти силой золота. Богатство возводится въ этомъ символическомъ по замыслу романѣ въ стихійную силу, отъ чего, конечно, страдаетъ психологическая правда характеровъ; но блескъ обобщеній, яркость и богатство красокъ и художественность изложенія, сильный, богатый тонкими оттѣнками, страстный стиль искупаютъ этотъ недостатокъ.

Слѣдующая серія романовъ Поля Адана озаглавлена „L'Epoque“ и посвящена психологіи и нравамъ современной Франціи; „Robes Rouges“—сатира на современный французскій судъ; въ „Vice Filial“ описана патологическая страсть странной молодой дѣвушки, некраси-

вой, но увлекательной своей оригинальностью и своей сложной, тревожной и страстной душевной жизнью. Этотъ романъ считается нѣкоторыми критиками самымъ талантливымъ и сильнымъ произведеніемъ Поля Адана, и дѣйствительно болѣзненная психологія дѣвушки, переживающей мучительную душевную драму, возсоздана съ глубокимъ проникновеніемъ въ неизъяснимыя тайны чувствъ. „Модернизмъ" Поля Адана сказывается въ „Vice Filial" очень сильно: онъ умѣетъ сливать границы отталкивающаго и обаятельнаго и показывать красоту въ томъ, что̀ вызываетъ ужасъ. Къ той же серіи относится романъ „Coeurs Utiles", въ центрѣ котораго изображена дѣвушка съ необыкновенно сильной душой и утонченнымъ умомъ. Въ другомъ романѣ того времени, „Images Sentimentales", много автобіографическихъ чертъ и интересныхъ философскихъ мыслей. Въ дальнѣйшихъ романахъ Поль Аданъ разработываетъ соціальныя темы, обнаруживая рѣзко выраженныя анархическія симпатіи. Наиболѣе выдающіеся романы въ этомъ родѣ: „Le mystère des Foules" и „La Force du Mal".

Въ послѣдніе годы Поль Аданъ предпринялъ новую, очень интересную серію романовъ, знаменующихъ собой третій періодъ его разносторонняго творчества. Общее заглавіе серіи—„Le Temps et la Vie", и въ нее входятъ романы, повѣствующіе о Наполеоновской эпопеѣ, и затѣмъ о нравахъ французской буржуазіи во времена реставраціи и монархіи 1830-го года. Этотъ сюжетъ занималъ Поля Адана съ юности, тѣмъ болѣе что онъ самъ связанъ съ Наполеоновскимъ временемъ семейными традиціями. Онъ родомъ изъ аристократической военной семьи и многіе изъ его родственниковъ участвовали въ кампаніяхъ Наполеона; объ одномъ изъ нихъ, капитанѣ Аданѣ, погибшемъ въ ваграмскомъ сраженіи, ему много разсказывалъ отецъ, наполняя фантазію сына героическими о̀бразами. Знаніе Наполеоновской эпохи онъ пріобрѣлъ еще съ дѣтства, именно благодаря воспоминаніямъ, сохранившимся въ семьѣ, и всевозможнымъ „реликвіямъ", существовавшимъ въ домѣ его родителей со временъ имперіи и іюльской монархіи. Къ этому непосредственному знакомству съ интересовавшимъ его временемъ присоединилось потомъ усердное изученіе историческаго матеріала, такъ что главное достоинство серіи историческибытовыхъ романовъ—полное документальное воспроизведеніе историческаго фона, пониманіе внутреннихъ причинъ, управлявшихъ событіями, яркое возсозданіе и историческихъ фигуръ, и духа времени.

Въ составъ серіи „Le Temps et la Vie" входятъ романы: „La Force", „L'Enfant d'Austerlitz", „La Ruse" и „Le Soleil de Juillet". Два послѣднихъ вышли оба нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Во всѣхъ этихъ романахъ массовые эффекты преобладаютъ надъ отдѣльными характеристиками, и главный интересъ сосредоточенъ на драматизмѣ

стихійныхъ силъ и неумолимыхъ законовъ исторіи и жизни надъ волей и стремленіями отдѣльной личности.

„La Ruse“—третій изъ романовъ этой серіи—рисуетъ слабаго потомка героической расы, сына полковника Эрикура, отличавшагося въ Наполеоновскихъ кампаніяхъ (онъ выведенъ въ предъидущихъ романахъ). Омеръ Эрикуръ чувствуетъ на себѣ нравственный долгъ продолжать геройскій подвигъ отца, но онъ выросъ въ эпоху реакціи (дѣйствіе происходитъ въ 1828—29 г.) и слабъ духомъ. Онъ увлеченъ свѣтской жизнью, своимъ успѣхомъ у женщинъ, и не въ силахъ оторваться отъ суетныхъ наслажденій, хотя въ то же время не можетъ вполнѣ имъ отдаться, мучимый угрызеніями совѣсти. Жизнь его становится мучительной дилеммой вслѣдствіе дѣйствующихъ на него противорѣчивыхъ вліяній извнѣ. Мать его—благочестивая католичка, находящаяся во власти духовенства; ей хотѣлось бы, чтобы сынъ ея сталъ членомъ церкви, но когда эта мечта ея рушится—Омеръ Эрикуръ сдѣлался адвокатомъ, обращающимъ на себя общее вниманіе своими ораторскими талантами,—она требуетъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ посвятилъ себя защитѣ интересовъ церкви, сталъ адвокатомъ конгрегацій. Омеръ любитъ мать и не хотѣлъ бы разрушать ея надежды, но къ нему пріѣзжаетъ дядя, бывшій Наполеоновскій солдатъ, знаменитый своими геройскими подвигами, и, заклиная его памятью героя отца, увлекаетъ его на служеніе оппозиціи, на борьбу съ реакціоннымъ правительствомъ, на подвиги во имя политической свободы. Омеръ въ глубинѣ души равнодушенъ къ свободѣ, и геройство не въ его натурѣ; напротивъ того, основная черта его характера—трусость, боязнь смерти и физическихъ страданій. Онъ ясно даетъ себѣ въ этомъ отчетъ, также какъ и въ своемъ эгоистическомъ влеченіи къ радостямъ жизни; но изъ тщеславія, изъ стыда передъ дядей, онъ не даетъ волю своимъ инстинктамъ, и ведетъ двойную игру, надѣясь побѣдить хитростью (отсюда названіе романа—„La Ruse“). Не разрывая съ клерикалами и со свѣтскимъ обществомъ, стоящимъ на сторонѣ короля, онъ выступаетъ защитникомъ друзей свободы—и, завоевавъ ихъ симпатіи, вступаетъ—какъ-то даже помимо своей воли, уступая ходу обстоятельствъ—въ тайное общество карбонаріевъ. Описаніе заговора карбонаріевъ, тайныхъ собраній, масонскаго ритуала, занимаетъ много мѣста въ романѣ и сдѣлано очень увлекательно. Для Омера близкое соприкосновеніе съ хитростью, возведенной въ политическую систему, т.-е. съ внутренней жизнью тайныхъ организацій, служитъ отрезвляющимъ опытомъ. Онъ вовлеченъ въ заговоръ, переживаетъ тяжелые дни смертельнаго страха, и когда наконецъ ему удается выпутаться невредимымъ, онъ съ облегченіемъ рѣшаетъ вернуться къ спокойной, безхитростной буржуазной жизни, отказавшись

отъ непосильной ему роли героя. Въ личной жизни ему тоже приходится рѣшить трудную дилемму: его привлекають почти съ одинаковой силой двѣ дѣвушки: страстная испанка Долоресъ, любовь которой сулитъ ему и безумныя радости—и опасность всевозможныхъ жизненныхъ осложненій и разочарованій, и ангельски-чистая, строгая Эльвира, предназначаемая ему въ жены его матерью; Эльвира создана быть „хранительницей домашняго очага", и жизнь съ нею представляется Омеру идеаломъ спокойствія и мирнаго благополучія. Разочарованный въ возможности восторжествовать посредствомъ „хитрости", испуганный опасностями, окружившими его въ лагерѣ заговорщиковъ, Омеръ спѣшитъ къ Эльвирѣ, изгнавъ изъ своего воображенія соблазнительный образъ пламенной испанки. „Чистый ангелъ" спасетъ его отъ опасностей,—энергія Эльвиры удержитъ его на прямомъ пути, удалитъ отъ него соблазны „хитрости".

Таково содержаніе романа, интереснаго главнымъ образомъ яркостью и обиліемъ бытовыхъ картинъ, изображеніемъ парижской толпы въ дни радости и смятеній, любопытныхъ фигуръ разныхъ политическихъ партій и общественной жизни въ эпоху Карла X.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1908.

Слухи о централизаціи учебнаго дѣла. — Министерство финансовъ и школа. — Параллель между двумя министрами. — „Гражданинъ“ и „Литературный фондъ“. — Инцидентъ на ярославскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ. — Разъясненіе одного спорнаго понятія.—Гомельскіе безпорядки.—Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей“.

Какъ ни различны мнѣнія о дѣятельности бывшаго министра финансовъ, въ одномъ они сходятся почти всѣ: въ сочувственномъ отношеніи ко всему или многому сдѣланному имъ въ области высшаго и средняго образованія. Трудно объяснить, поэтому, возникшіе вслѣдъ за уходомъ С. Ю. Витте слухи о предстоящемъ, будто бы, сосредоточеніи всѣхъ учебныхъ заведеній, не исключая спеціальныхъ, въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія. Внѣшнее единообразіе, осуществляемое путемъ единовластія—вовсе не залогъ правильнаго развитія; гораздо бо̀льшаго можно достигнуть усиліями, связанными общностью конечной цѣли, но допускающими различіе средствъ и пріемовъ. Есть школы, органически сросшіяся съ своимъ вѣдомствомъ, необходимыя для него и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него получающія часть своей жизненной силы. Что̀ можетъ быть естественнѣе, напримѣръ, принадлежности сельско-хозяйственнаго, горнаго, лѣсного институтовъ, сельско-хозяйственныхъ и горныхъ школъ—къ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а института путей сообщенія и желѣзнодорожныхъ училищъ—къ министерству путей сообщенія? Принимая къ себѣ на службу громадное большинство учившихся въ спеціальныхъ школахъ, спеціальное министерство лучше всего можетъ видѣть ихъ слабыя и сильныя стороны, принимать мѣры къ устраненію однѣхъ, дальнѣйшему развитію другихъ, а учащимся доставлять возможность практическихъ занятій, готовящихъ къ будущей профессіональной работѣ. Нагляднымъ доказательствомъ тому, въ какихъ разнообразныхъ, жизненныхъ формахъ выражается спеціализація школьнаго дѣла, можетъ служить, между прочимъ, послѣдняя, по времени, мѣра этого рода, состоявшаяся при бывшемъ министрѣ финансовъ. 26-го минувшаго мая Высочайше утверждено положеніе о технической школѣ при экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ, назначеніе которой—подготовлять образованныхъ и практически свѣдущихъ руководителей рабочихъ въ мастерскихъ экспедиціи и въ соотвѣтствующихъ имъ частныхъ промышленныхъ пред-

пріятіяхъ. Тѣсно соединенная съ экспедиціей, содержимая на счетъ ея операціонныхъ средствъ, предназначенная *преимущественно* для дѣтей служащихъ въ экспедиціи, приспособленная, главнымъ образомъ, къ ея потребностямъ, школа можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказать существенныя услуги цѣлымъ отраслямъ промышленности, близкимъ къ работамъ, которыя производятся въ экспедиціи [1]). Между тѣмъ, своимъ существованіемъ она обязана всецѣло министерству финансовъ: можно сказать, не рискуя впасть въ ошибку, что при сосредоточеніи всего техническаго образованія въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, объ устройствѣ подобной школы не было бы и рѣчи. Доля гармоніи, совмѣстимая съ свободой дѣйствій, обезпечивается тѣмъ правиломъ устава школы, по которому министръ финансовъ по вопросамъ, касающимся преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ въ подготовительно-профессіональныхъ классахъ школы, входитъ предварительно въ соглашеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія.

Помимо выгодъ, сопряженныхъ съ спеціализаціей, раздѣленіе школъ между различными вѣдомствами имѣетъ еще одно достоинство, особенно важное у насъ въ Россіи: оно сглаживаетъ односторонность, противодѣйствуетъ застою и рутинѣ, поддерживаетъ соревнованіе, благопріятствуетъ нововведеніямъ и усовершенствованіямъ. Главное теченіе, если можно такъ выразиться, дополняется боковыми. Многимъ памятно то время, когда военныя гимназіи, при гр. Д. А. Милютинѣ, служили убѣжищемъ для родителей, не желавшихъ подчинять своихъ дѣтей мертвящему вліянію новоявленнаго ультра-классицизма. Еще недавно мы были свидѣтелями тому, какъ студенческіе безпорядки всего позже и всего слабѣе отражались въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не подчиненныхъ министерству народнаго просвѣщенія (институты горный и путей сообщенія, военно-медицинская академія). Благодаря министерству финансовъ, у насъ создался, въ видѣ экономическаго отдѣленія с.-петербургскаго политехникума, новый типъ высшей школы, которому суждена, быть можетъ, блестящая

[1]) Школа состоитъ изъ шести подготовительно-профессіональныхъ и трехъ спеціальныхъ классовъ. Спеціальные классы раздѣляются на три отдѣленія: *бумагодѣлательное*, *печатное* и *фото-техническое*. Въ спеціальныхъ классахъ преподаются предметы общіе для всѣхъ трехъ отдѣленій и особые для каждаго. Перечислимъ, въ видѣ примѣра, особые предметы, изучаемые въ печатномъ отдѣленіи: прикладная механика, краткій курсъ технологіи бумаги, металловъ и дерева, исторія графическихъ искусствъ, словолитное дѣло, печатное дѣло, иностранные алфавиты, гальванопластика и изготовленіе клише, печатное дѣло, технологія матеріаловъ печатнаго дѣла, ученіе о стилѣ и гармонія цвѣтовъ, черченіе механизмовъ производства. Въ подготовительно-профессіональные классы школы принимаются и дѣвочки.

будущность; благодаря тому же министерству, съ небывалой быстротой и съ незначительными пособіями отъ казны увеличилось число коммерческихъ училищъ. Не министерству народнаго просвѣщенія, а вѣдомству учрежденій императрицы Маріи принадлежала иниціатива устройства женскихъ гимназій. Въ томъ же вѣдомствѣ состоитъ теперь императорскій Александровскій лицей, въ *программахъ* котораго —именно потому, что онѣ выработывались и выработываются не по общепринятому шаблону,—было и продолжаетъ быть немало заслуживающаго вниманія. Въ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся особыми правами, нерѣдко продолжали и продолжаютъ свою преподавательскую дѣятельность профессора, внезапно и безъ достаточной причины удаленные изъ университета. Уничтожая возможность подобныхъ явленій, централизація учебнаго дѣла неизбѣжно оказалась бы, однако, непослѣдовательной и неполной. Не распространилась бы она, безъ сомнѣнія, ни на духовно-учебныя, ни на военно-учебныя заведенія, ни на женскіе институты, хотя именно въ этихъ сферахъ съ наименьшими неудобствами и затрудненіями могло бы быть расширено вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія (ничто не мѣшало бы подчинить ему, напримѣръ, духовныя училища и младшіе классы духовныхъ семинарій и кадетскихъ корпусовъ). Утрачены были бы, такимъ образомъ, хорошіе результаты отступленія отъ системы— а система все-таки осталась бы недовершенной... Есть еще одно соображеніе, въ силу котораго намъ кажется опасной всякая мысль о централизаціи въ учебномъ дѣлѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что вмѣстѣ съ нею вновь выдвинулся бы на очередь нѣсколько разъ уже возникавшій вопросъ объ объединеніи начальныхъ школъ—и объединеніи ихъ не въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ рукахъ духовнаго вѣдомства. Для народнаго образованія это было бы невознаградимой потерей, особенно теперь, когда земству и городамъ удалось во многихъ мѣстахъ осуществить или подготовить всеобщее обученіе.

Страсть къ панегирикамъ, больше чѣмъ когда-либо владѣющая нѣкоторыми органами нашей печати, имѣетъ, между прочимъ, ту дурную сторону, что для превознесенія однихъ имъ приходится, сплошь и рядомъ, унижать другихъ, въ особенности если они сошли со сцены и не состоятъ больше подъ властной охраной. Восхваленіе бывшаго министра финансовъ обращается, такимъ образомъ, въ порицаніе одного изъ его предшественниковъ, имѣющаго съ нимъ всего меньше общаго. Этотъ предшественникъ—Н. Х. Бунге, котораго „Гражданинъ" называетъ „послѣднимъ представителемъ научно-рутинной финансовой политики, оповѣстившимъ на весь міръ, что рессурсы Россіи ис-

тощены". „Какой чудный человѣкъ былъ Бунге",—восклицаетъ кн. Мещерскій, примѣшивая ложку меду къ бочкѣ дегтя,—„какая чистая и честная личность, какое знаніе и умъ финансиста; но онъ ничего не могъ сдѣлать на посту министра финансовъ. Почему? Потому только, что принялся за работу *несмѣло, неувѣренно*... Онъ представлялъ себѣ Россію *почтенною, но неизлечимо больною старушкою*; Витте вступилъ въ управленіе финансами Россіи, влюбленный въ мощь молодой Россіи... Уходилъ Бунге съ своего поста министра финансовъ, объявивши, что *всѣ рессурсы Россіи истощены*. Нашли ли у него хоть одного врага? Ни единаго, нигдѣ. Уходитъ Витте послѣ одиннадцати лѣтъ работы, основанной на вѣрѣ въ мощь Россіи—и враговъ у него столько, что можно подумать, что онъ одиннадцать лѣтъ ничего не дѣлалъ кромѣ зла Россіи"... Мы не знаемъ, много ли у С. Ю. Витте частныхъ, личныхъ враговъ—но вполнѣ увѣрены, что между его принципіальными противниками нѣтъ ни одного, который, по непримиримости и ожесточенію, могъ бы сравняться съ главнымъ врагомъ Бунге, Катковымъ. Не было, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, важной финансовой мѣры, которую „Московскія Вѣдомости" не встрѣчали бы яростными нападеніями, не отступавшими ни передъ извращеніемъ фактовъ, ни передъ заподозриваніемъ намѣреній министра. Не обезоружилъ вражды и уходъ Н. Х. Бунге изъ министерства финансовъ: въ ретроспективномъ обзорѣ его дѣятельности были повторены наиболѣе злобныя изъ прежнихъ обвиненій [1])... Умыселъ „Гражданина" ясенъ: отсутствіе враговъ у Бунге, противопоставленное многочисленности ихъ у С. Ю. Витте, должно было доказать все ничтожество перваго сравнительно съ послѣднимъ. Большая посылка построеннаго такимъ образомъ силлогизма совершенно вѣрна: не имѣетъ враговъ только тотъ государственный человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ или ни на что не накладываетъ печати своей личности. Никуда не годится, зато, малая посылка: Н. Х. Бунге оставилъ министерство финансовъ не среди общаго благодушія, а при громкихъ возгласахъ торжествующей непріязни. Совершенно несостоятельны и другія антитезы, все съ тою же цѣлью нагромождаемыя „Гражданиномъ". Н. Х. Бунге никогда не терялъ вѣру въ Россію, никогда не провозглашалъ ее исчерпавшею всѣ свои рессурсы. Въ томъ самомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ (послѣднемъ по времени), на который такъ безцеремонно ссылается сотрудникъ кн. Мещерскаго, мы находимъ слѣдующія слова, прямо опровергающія тенденціозную выдумку: „поспѣшное установленіе новыхъ крупныхъ налоговъ или возвышеніе прежнихъ не только представляется несвоевременнымъ, вслѣдствіе продолжаю-

---

[1]) См. „Внутр. Обозр." въ № 2 „Вѣстника Европы" за 1887 г., стр. 820—822.

щагося кризиса, но можетъ оказаться даже излишнимъ, потому что, *при наступленіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и нѣкоторомъ ослабленіи сельско-хозяйственнаго кризиса, наступитъ снова естественный ростъ государственныхъ доходовъ*". Итакъ, „неизлечимо больная старушка признается способною возстановить свои силы, возстановить ихъ безъ всякаго леченья, путемъ естественнаго процесса, свойственнаго только молодости и зрѣлому возрасту... Нѣтъ, дальше, ни малѣйшаго основанія упрекать Н. Х. Бунге въ недостаткѣ увѣренности и смѣлости (очевидно—съ цѣлью подчеркнуть наличность этихъ качествъ у его преемника). Министръ, вскорѣ послѣ тяжелой войны и при непрекратившейся еще внутренней смутѣ рѣшившійся сразу положить конецъ подушной подати, министръ, не задумавшійся возстановить противъ себя вліятельные общественные классы (введеніемъ налоговъ на наслѣдства и на капиталы и первымъ приступомъ къ фабричному законодательству), министръ, учрежденіемъ крестьянскаго поземельнаго банка признавшій существованіе крестьянскаго малоземелья—такой министръ умѣлъ *дерзать*, умѣлъ идти впередъ, не стѣсняясь „научно-рутинной финансовой политикой". Не слѣдуетъ забывать притомъ, что Н. Х. Бунге былъ министромъ финансовъ всего $5^1/_2$ лѣтъ (ровно вдвое меньше, чѣмъ С.-Ю. Витте) и что важнѣйшій изъ задуманныхъ имъ плановъ (введеніе подоходнаго налога) остается неисполненнымъ до настоящаго времени. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ моментъ его ухода положеніе народной массы было лучше, чѣмъ въ моментъ вступленія его въ должность,—чего нельзя сказать ни объ одномъ изъ его преемниковъ.

Кто много лѣтъ сряду просматриваетъ, ex officio, листы нашихъ реакціонныхъ газетъ, тому слѣдовало бы привыкнуть къ свойственному имъ способу обращенія съ истиной. И все-таки отступленія отъ нея поражаютъ иногда неожиданностью размѣровъ, избыткомъ безцеремонности. Таковъ, напримѣръ, недавній отзывъ „Гражданина" о литературномъ фондѣ. Что учрежденіе, которымъ смѣло можетъ гордиться русское общество, не нравится газетѣ, возбуждающей въ громадномъ его большинствѣ совсѣмъ другое чувство—это понятно; но вѣдь и о самомъ лютомъ врагѣ не годится *сознательно* говорить неправду. Не въ первый разъ уже кн. Мещерскій увѣряетъ, что литературный фондъ „никому не отдаетъ отчета въ своихъ распоряженіяхъ деньгами, ничьему контролю не подлежитъ, никакихъ обязанностей ни передъ кѣмъ не имѣетъ". Давно уже на эти увѣренія былъ данъ отвѣтъ, подтвержденный ссылкою на всѣмъ доступный документъ—уставъ фонда; давно уже было указано, что комитетъ фонда еже-

годно представляетъ подробный отчетъ министерству народнаго просвѣщенія, по разсмотрѣніи котораго и выдается фонду, изъ года въ годъ, субсидія министерства [1]). Отговариваться невѣдѣніемъ, ошибкой кн. Мещерскій, слѣдовательно, не въ правѣ; повторяя опровергнутое обвиненіе, онъ нарушаетъ самую элементарную обязанность писателя. Это еще не все. „На вопросъ каждаго"—читаемъ мы дальше въ „Дневникѣ" 24-го августа,—„куда же дѣваются деньги литературнаго фонда и цѣлы ли онѣ, фондъ отвѣчаетъ болѣе сорока лѣтъ презрительнымъ: не ваше дѣло! Отъ васъ зависитъ думать, что въ литературномъ фондѣ деньги неприкосновенны, *отъ васъ же зависитъ предполагать, что онѣ давно расхищены*: никому отвѣта за пожертвованныя ему сотни тысячъ рублей литературный фондъ не даетъ". Хорошо было бы положеніе учрежденія, еслибы оно было обязано отвѣчать на каждый праздный вопросъ, опровергать каждый вздорный вымыселъ, открывать свое дѣлопроизводство и счетоводство передъ каждымъ любопытнымъ, явившимся съ улицы! Ничего подобнаго нѣтъ ни въ одномъ правильно организованномъ предпріятіи. Какъ и всѣ другія общества, литературный фондъ обязанъ отчетомъ и отвѣтомъ въ порядкѣ, опредѣленномъ его уставомъ. Ежегодно избирается ревизіонная коммисія, для которой въ дѣлахъ фонда нѣтъ никакихъ тайнъ: она повѣряетъ книги и счеты, удостовѣряется въ наличности капиталовъ, разсматриваетъ и обсуждаетъ всѣ постановленія комитета. Результатъ ея дѣйствій, вмѣстѣ съ отчетомъ комитета, сообщается общему собранію, но безъ наименованія лицъ, обращавшихся къ комитету съ просьбою о помощи; по весьма понятнымъ соображеніямъ, эти имена должны оставаться неизвѣстными для всѣхъ, кромѣ ревизіонной коммиссіи и министерства народнаго просвѣщенія. Если литературный фондъ, начавъ свою дѣятельность съ самыми ничтожными средствами, обладаетъ теперь капиталомъ въ полмилліона рублей, это объясняется именно довѣріемъ, пріобрѣтеннымъ имъ съ самаго начала и въ теченіе сорока-четырехъ лѣтъ не нарушавшимся ни разу. Поступили ли въ кассу литературнаго фонда деньги, завѣщанныя ему „какимъ-то чудакомъ" (sic!) на устройство колоніи для старыхъ и больныхъ писателей—мы не знаемъ; но ручательствомъ въ томъ, что воля жертвователя будетъ исполнена со всею точностью, служитъ все прошлое фонда. Нападенія въ родѣ тѣхъ, которыми его удостоиваетъ кн. Мещерскій, для него безвредны; внушить опасенія за его будущее могла бы скорѣе похвала „Гражданина"...

---

[1]) За все время существованія фонда эта субсидія не была выдана, кажется, одинъ только разъ, въ семидесятыхъ годахъ.

Столь же охотно, какъ и къ извращенію фактовъ, реакціонная печать прибѣгаетъ къ ихъ перетолкованію. Образцомъ послѣдняго можетъ служить ярославская корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 236), озаглавленная: „Сельскохозяйственный съѣздъ и наши доморощенные культуртрегеры“. Въ Ярославлѣ происходилъ недавно съѣздъ сельскихъ хозяевъ сѣверныхъ губерній. Мѣстный губернаторъ не нашелъ возможнымъ допустить чтеніе и обсужденіе на съѣздѣ одного изъ приготовленныхъ для него докладовъ („Что̀ сдѣлали сельскохозяйственные союзы на Западѣ и что̀ они могутъ сдѣлать у насъ“). По предложенію кн. Д. И. Шаховского, рѣшено было обжаловать распоряженіе губернатора, телеграммой, министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Управлявшій министерствомъ отвѣчалъ по телеграфу, что „снятіе съ обсужденія одного доклада не можетъ помѣшать съѣзду продолжать свои занятія“. Находя, что стѣсненіе свободы съѣзда лишаетъ его возможности правильно исполнить возложенное на него дѣло, кн. Шаховской и еще шестьдесятъ членовъ съѣзда перестали принимать участіе въ его занятіяхъ и вышли изъ его состава. Судить объ этомъ образѣ дѣйствій можно различно, въ зависимости отъ того, какого кто держится взгляда на значеніе общественной дѣятельности и достоинство общественныхъ дѣятелей; но нѣтъ, очевидно, ни повода, ни даже предлога раздувать, простой, въ сущности, фактъ въ нѣчто похожее на политическое преступленіе. Именно такъ, однако, поступаетъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Протестовавшіе члены съѣзда причисляются имъ къ тѣмъ элементамъ, которые „не останавливаются ни передъ чѣмъ ради осуществленія своихъ излюбленныхъ плановъ и способовъ испортить все хорошее, доброе, когда убѣждаются, что здравый смыслъ и дѣйствительное служеніе мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ берутъ перевѣсъ надъ ихъ *мечтаніями на социалъ-демократической подкладкѣ*“. „Рыцари темныхъ силъ“—читаемъ мы дальше—„ватагою удалились въ свое логовище, чтобы обдумать новыя каверзы“... Когда рушились ихъ надежды, „весь дешевый лоскъ хваленой западной культуры сразу слинялъ, обнаруживъ ложь и гниль самозванныхъ просвѣтителей, для которыхъ цѣль оправдываетъ средство. Но извѣстно, что и самыя хитропридуманныя средства оказываются никуда негодными и дѣтскижалкими при столкновеніи съ правдой. Такъ оказалось и тутъ. Клика, сплоченная кн. Шаховскимъ вокругъ своего печатнаго о̀ргана „Сѣвернаго Края“, и ратующая за принципъ широкаго самоуправленія, просвѣщеніе и терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, разоблачила самое себя, осрамившись вполнѣ со своимъ принципаломъ. Пьедесталъ, на который онъ взгромоздился, отнынѣ рухнулъ навсегда. По истинѣ, quos vult perdere Jupiter dementat“!.. Поразителенъ озлобленный тонъ

этой тирады, такъ мало оправдываемый ея предметомъ. Чего хотѣли кн. Шаховской и его товарищи? Гласнаго обсужденія доклада, написаннаго на спеціальную тему и несомнѣнно входившаго въ программу занятій съѣзда. Какое средство они пустили въ ходъ, чтобы достигнуть цѣли? Самое законное: жалобу въ высшую административную инстанцію. Нарушили ли они своимъ выходомъ изъ состава съѣзда „терпимость къ чужимъ мнѣніямъ“? Нисколько: ничто не мѣшало остальнымъ членамъ съѣзда продолжать свои занятія. Въ текстѣ заявленія, поданнаго удалившимися членами, нѣтъ ни одного слова, оскорбительнаго для оставшихся. Говоря о „логовищѣ“, о „каверзахъ“, о „лжи и гнили самозванныхъ просвѣтителей“, о „рыцаряхъ темныхъ силъ“, о „кликѣ, которая разоблачила сама себя“, о „рухнувшемъ пьедесталѣ“, корреспондентъ московской газеты доказалъ только одно: что онъ за что-то крѣпко сердитъ на кн. Шаховского и на „Сѣверный Край“. Послѣ инцидента на ярославскомъ съѣздѣ кн. Шаховской остается тѣмъ, чѣмъ былъ до него—однимъ изъ самыхъ выдающихся и наиболѣе уважаемыхъ земскихъ дѣятелей, энергично работающимъ на пользу того дѣла, которое всячески старается затормазить и заподозрить реакціонная печать. Ничего не потерялъ и „Сѣверный Край“, съ честью занимающій свое мѣсто въ рядахъ провинціальной печати. Отравленныя стрѣлы, пущенныя корреспондентомъ (припомнимъ ничѣмъ не вызванный намекъ на „соціалъ-демократическую подкладку“), упадаютъ всецѣло на газету, допускающую у себя такіе „выстрѣлы изъ-за угла“.

Мы остановились на корреспонденціи о ярославскомъ съѣздѣ, между прочимъ, потому, что она даетъ намъ случай возвратиться къ вопросу, недавно затронутому нами мимоходомъ. „Русскій Вѣстникъ“, приписавъ намъ чуждую намъ мысль, приравнялъ ее къ словамъ корреспондента газеты „Times“, „благополучно высланнаго изъ Россіи“. Мы назвали это *поступкомъ*, для котораго не трудно пріискать надлежащую квалификацію [1]). Отвѣтъ, данный намъ „Русскимъ Вѣстникомъ“ (№ 8, стр. 718—719), какъ нельзя болѣе характеренъ. „Обвиненіе въ *политическомъ доносѣ*“—говоритъ органъ гг. Комарова и Величко—„конечный аргументъ полемики нашихъ россійскихъ либераловъ. Это слово всѣхъ пугаетъ: и либераловъ, и консерваторовъ. Надо же когда-нибудь разобраться въ этомъ вопросѣ и разъ навсегда его рѣшить. Разница въ мнѣніяхъ людей печати неизбѣжна. При разногласіи, обличая противника, журналистъ заявляетъ, какія изъ его мнѣній онъ считаетъ неосновательными, вредными, превратными и т. п. Всякій воленъ въ этой области высказать свою мысль до

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 7 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

конца... Всякій? Нѣтъ! Это только такъ кажется. Когда „консерваторъ", „націоналистъ" обличается „либераломъ", то послѣдній считаетъ себя вправѣ говорить по адресу противника все, что угодно, но если наоборотъ, то по всему либеральному фронту начинаютъ кричать: „Караулъ! Сикофанты! Политическій доносъ!" И объясненіе готовы дать гг. либералы. „Вы, молъ, консерваторы, защищаете идеи, почитаемыя благонамѣренными, и сколько васъ ни брани, вамъ отъ этого, со стороны, вреда быть не можетъ. А когда вы начинаете насъ, либераловъ, обличать и открывать наши карты, то мы можемъ, вслѣдствіе вашихъ разоблаченій, подвергнуться тѣмъ или инымъ непріятностямъ. Поэтому мы можемъ васъ громить, и это есть полемика, а вы насъ громить не смѣете, ибо это будетъ политическій доносъ". Да кому же мы доносимъ? Общественному мнѣнію, которое читало, напримѣръ, „Вѣстникъ Европы" и прочтетъ и „Русскій Вѣстникъ". А вдругъ „кто-нибудь" обратитъ вниманіе? Да намъ-то какое дѣло? А потомъ, для того, кто ничего предосудительнаго не писалъ, вовсе не страшно обращеніе на себя любого вниманія. Или тотъ же „Вѣстникъ Европы" считаетъ, что на него не обратятъ и не обращаютъ вниманія, пока „тема не будетъ намѣчена"? Не высокаго же онъ мнѣнія о тѣхъ, кому поручено вѣдать печать. Но допустимъ, что безъ насъ не обратили бы вниманія на „Вѣстникъ Европы",— намъ-то что до этого? Почему это мы должны оберегать „Вѣстникъ Европы" и отъ чего-то охранять его? Почему мы должны его щадить и молчать о его ложномъ и вредномъ, по нашему мнѣнію, направленіи?.. Страшными словами о доносѣ насъ ни запугать, ни свести съ нашего пути нельзя"... Достоинство этихъ словъ заключается въ томъ, что вопросъ поставленъ прямо и опредѣленно; такою же опредѣленностью будетъ отличаться и нашъ отвѣтъ.

Политическій доносъ, въ настоящемъ, техническомъ смыслѣ слова, предполагаетъ наличность трехъ условій: 1) указанія на политическое преступленіе, т.-е. на дѣяніе политическаго характера, запрещенное подъ страхомъ уголовнаго наказанія; 2) тайны, окружающей это дѣяніе и нарушаемой именно доносителемъ, и 3) обращенія къ лицу или мѣсту, отъ котораго зависитъ возбужденіе преслѣдованія. Понятно, что совокупность этихъ условій въ печатной полемикѣ встрѣчается крайне рѣдко. Предметомъ полемики служатъ обыкновенно мнѣнія, высказанныя *гласно* и, слѣдовательно, съ самаго начала извѣстныя тѣмъ, кому ихъ вѣдать надлежитъ; обращается полемика непосредственно къ публикѣ, а не къ полицейской или иной власти. О *доносѣ* одного органа печати на другой почти никогда, такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи, и не въ немъ мы обвиняли „Русскій Вѣстникъ". Весьма часто, зато, встрѣчается нѣчто другое: *подчер-*

киванье у противника мнѣній, оффиціально лишенныхъ права гражданства, признаваемыхъ недопустимыми въ печати—и, что̀ еще хуже, *выискиванье* и *высматриванье* такихъ мнѣній, чтеніе между строками, сплошь и рядомъ произвольное, невѣрное, иногда очень похожее на „чтеніе въ сердцѣ". Фактически и то, и другое легко переходитъ въ *сообщеніе*, если и не снабженное точнымъ адресомъ, то все-таки доходящее или могущее дойти по адресу. Произносится или подразумѣвается формула: caveant consules; на ту или другую статью, на тотъ или другой журналъ или газету, на то или другое лицо *обращается вниманіе*—вниманіе, конечно, не благосклонное. Такой именно характеръ имѣло нападеніе, направленное противъ насъ „Русскимъ Вѣстникомъ". Говоря о кишиневскомъ погромѣ, мы выразили сожалѣніе, что не было своевременно принято мѣръ къ предупрежденію опасности, заранѣе извѣстной—т.-е. была допущена неосмотрительность, небрежность,—а „Русскій Вѣстникъ" усмотрѣлъ въ этомъ намекъ на то, что правительство *желало погрома*, и любезно напомнилъ, при семъ удобномъ случаѣ, участь корреспондента, высказавшаго такое предположеніе въ иностранной газетѣ. Политическаго *доноса*, повторяемъ, здѣсь не было, но несомнѣнно было *сообщеніе*, характеризованное нами выше. Съ полемикой, съ столкновеніемъ противоположныхъ взглядовъ оно не имѣетъ ничего общаго, именно потому, что вводитъ или рискуетъ ввести въ споръ третью силу, не однородную съ двумя другими. Органы печатнаго слова, для которыхъ дорого его достоинство, дорога его свобода, никогда не должны забывать о существованіи этой силы. Кто апеллируетъ къ ней, косвенно или прямо, тотъ нарушаетъ равноправность—это главное условіе честной борьбы. Обстоятельства, у насъ въ Россіи, безъ того уже не благопріятствуютъ равновѣсію между спорящими сторонами: одной изъ нихъ часто грозитъ бѣда, отъ которой застрахована другая. Не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, обострять опасность, накликая ее на противника; не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, *создавать* ее, стараясь угадать невысказанное или перетолковать сказанное. Русская печать подчинена не суду, въ глазахъ котораго предположеніе никогда не можетъ замѣнить собою доказательство: она подчинена администраціи, для которой не обязательно даже выслушаніе объясненій обвиняемаго. При такомъ положеніи дѣлъ нельзя утверждать, что „для того, кто ничего *предосудительнаго* не писалъ, вовсе не страшно обращеніе на себя любого вниманія: слишкомъ еще у насъ широко и эластично понятіе о „предосудительномъ"... Мы вовсе не требуемъ отъ консервативныхъ или реакціонныхъ публицистовъ, чтобы они *щадили* своихъ либеральныхъ оппонентовъ. Пускай они какъ угодно и сколько угодно опровергаютъ дѣйствительно высказанныя мнѣнія, пускай они доказываютъ не

только ошибочность, во и опасность „либеральныхъ“ взглядовъ: это ихъ безспорное право. Демаркаціонная черта, установляемая литературною порядочностью, нарушается только тогда, когда полемика становится навѣтомъ, возраженіе—сыскомъ, когда по поводу разногласія на съѣздѣ поднимается вопросъ о „соціалъ-демократическихъ мечтаніяхъ“, по поводу критики административныхъ распоряженій—вопросъ объ оклеветаніи правительства... Намъ говорятъ, что слово: *доносъ*, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, т.-е. обнимающее собою и то, что мы назвали *сообщеніемъ*,—внушаетъ страхъ даже консерваторамъ. Такой страхъ, если онъ дѣйствительно существуетъ, по истинѣ спасителенъ: онъ охраняетъ добрые литературные нравы предупреждаетъ вторженіе въ печать чуждыхъ и враждебныхъ ей элементовъ. Отъ проповѣдуемаго „Русскимъ Вѣстникомъ“ равнодушія къ карамъ, постигающимъ „несогласно мыслящую“ часть печати, одинъ лишь шагъ до прямого къ нимъ призыва. На практикѣ этотъ шагъ былъ уже сдѣланъ неоднократно; теперь, повидимому, предпринимается теоретическое его оправданіе...

Въ гор. Гомелѣ (могилевской губерніи) 29-го августа и 1-го сентября произошли безпорядки. По словамъ „Правительственнаго Вѣстника“, начались они „съ ссоры между крестьяниномъ и торговкою-еврейкою, скоро перешедшей въ ожесточенную драку евреевъ съ русскими. При возстановленіи порядка, изъ толпы евреевъ были брошены въ полицейскій нарядъ камни и произведенъ выстрѣлъ изъ револьвера, на который полицейскіе чины отвѣчали выстрѣлами на воздухъ. Во время свалки, одинъ русскій былъ смертельно раненъ евреемъ ножемъ въ шею, одинъ еврей получилъ легкую пулевую рану, а 7 человѣкъ ушиблены камнями. 1-го сентября въ полдень безпорядки возобновились. Русскіе рабочіе, мстя за нанесенныя имъ 29-го августа обиды, произвели буйство и стали разбивать еврейскія квартиры и лавки; при столкновеніяхъ съ евреями оказались раненые съ обѣихъ сторонъ. Для возстановленія порядка, на мѣсто были вызваны войска. Мѣстные жители евреи, вооруженные ножами, кинжалами, кистенями и револьверами, оказывали сопротивленіе недопускавшимъ ихъ до свалки съ христіанами войскамъ, причемъ стрѣляли въ нижнихъ чиновъ изъ домовъ и изъ-за заборовъ. Фельдфебель 6-й роты Абхазскаго пѣхотнаго полка раненъ ножемъ въ шею евреемъ въ то время, когда хотѣлъ задержать стрѣлявшую въ него въ упоръ еврейку, успѣвшую скрыться. Всего во время свалки, а равно при подавленіи безпорядковъ войсками, убито 4 христіанина и 4 еврея, ранено 7 христіанъ и 8 евреевъ, изъ коихъ одинъ умеръ. По настоящее время число

приведенныхъ въ извѣстность разгромленныхъ домовъ и лавокъ достигаетъ 200. Арестовано 68 лицъ, принимавшихъ участіе въ буйствѣ. Случаевъ грабежа имущества не было. По отзывамъ войсковыхъ начальниковъ и лицъ судебнаго вѣдомства, дѣйствія полиціи при подавленіи безпорядковъ представлялись безупречными, и только благодаря распорядительности полицеймейстера безпорядки ограничились сравнительно незначительнымъ райономъ и не распространились на весь городъ. Причина безпорядковъ, по общему убѣжденію благонамѣренной части населенія — крайне враждебное и вызывающее отношеніе къ христіанамъ со стороны мѣстныхъ евреевъ".

Таковы оффиціальныя свѣдѣнія. Не касаясь частныхъ сообщеній, не во всемъ согласныхъ съ ними и между собою, можно считать несомнѣннымъ, что гомельскіе безпорядки существенно отличались отъ кишиневскихъ. Это видно уже изъ числа жертвъ: въ Кишиневѣ было убито 45 евреевъ, тяжело ранено 74, сравнительно легко—около 350, а между христіанами убитые и раненые насчитывались немногими единицами; въ Гомелѣ число пострадавшихъ христіанъ и евреевъ невелико и почти одинаково (11 и 12). Замѣтимъ, притомъ, что въ Кишиневѣ не была употреблена въ дѣло вооруженная сила: всѣ убитые и раненые пострадали во время самыхъ безпорядковъ, а не при ихъ усмиреніи. Никакихъ обратныхъ заключеній отъ гомельскихъ событій къ кишиневскимъ, очевидно, дѣлать нельзя: слишкомъ различенъ былъ ходъ тѣхъ и другихъ, слишкомъ различны ихъ результаты. Не таковъ, однако, взглядъ юдофобской печати. Подчеркивая тотъ фактъ, что гомельскіе безпорядки сразу получили истинное освѣщеніе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" (какъ будто бы кишиневскіе безпорядки не были, точно также, предметомъ оффиціальныхъ сообщеній), „Новое Время" (№ 9880) восклицаетъ: „теперь всѣмъ и каждому должно быть ясно, что именно евреи являются главными виновниками и главной причиной такъ называемыхъ еврейскихъ безпорядковъ, что не кто иной, какъ сами евреи выступаютъ зачинщиками этихъ безпорядковъ, что именно съ ихъ стороны вносится раздражительность и задорная озлобленность въ отношеніяхъ съ христіанскимъ населеніемъ, вызывающія послѣднее на отпоръ, безспорно въ формахъ грубыхъ и часто преступныхъ, но съ цѣлью прежде всего самообороны. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ кишиневскихъ, и во всѣхъ другихъ раньше бывшихъ еврейскихъ безпорядкахъ дѣйствовали тѣ же внутреннія пружины, тѣ же своеобразныя особенности еврейскаго населенія, обладающаго исключительной способностью выводить изъ терпѣнія окружающее не-еврейское населеніе". Если и допустить, что „зачинщиками" гомельскихъ безпорядковъ были евреи (хотя изъ оффиціальныхъ свѣдѣній и видно, что 1-го сентября, когда произошло главное столк-

новеніе, иниціатива его принадлежала не евреямъ), то какимъ же образомъ можно распространить этотъ выводъ на кишиневскій погромъ, всей своей тяжестью обрушившійся на евреевъ?.. Допустимъ, далѣе, что въ Гомелѣ евреи относились къ христіанамъ „крайне вызывающе и враждебно"; это еще не значитъ, что таково было и отношеніе ихъ къ христіанамъ въ Кишиневѣ [1]). Ничего подобнаго, сколько намъ помнится, не утверждали тогда даже газеты, наиболѣе враждебныя евреямъ (за исключеніемъ развѣ „Бессарабца"); въ печати встрѣчались даже указанія на то, что незадолго до погрома между обѣими сторонами господствовало полное миролюбіе... Возможно, что отдаленныя причины безпорядковъ въ Гомелѣ и въ Кишиневѣ кое въ чемъ сходны между собою; но отсюда еще далеко до рискованныхъ обобщеній, съ которыми спѣшатъ выступить газетные антисемиты.

Въ началѣ минувшаго мѣсяца исполнилось сорокъ лѣтъ со времени основанія „Русскихъ Вѣдомостей". Съ бо̀льшимъ еще правомъ, чѣмъ прежде, мы можемъ повторить сказанное нами пятнадцать лѣтъ тому назадъ, по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея глубоко уважаемой нами газеты. „Русскія Вѣдомости"—говорили мы тогда—„часто называли и называютъ *профессорскою* газетой, въ видѣ насмѣшки или упрека; мы думаемъ, наоборотъ, что это — почетный титулъ. Онъ знаменуетъ собою серьезное, многостороннее образованіе, глубокое уваженіе къ наукѣ, вѣрность идеаламъ, стремленіе къ свѣту и свободѣ. Всѣ эти качества не имѣютъ, быть можетъ, большой рыночной цѣны, не способствуютъ, быть можетъ, широкой популярности и блестящему успѣху, но они высоко поднимаютъ газету надъ общимъ уровнемъ періодической печати. Они помогаютъ ей плыть противъ теченія, не увлекаясь ни модными вѣяніями, ни господствующими взглядами. Они предохраняютъ ее отъ служенія и нашимъ, и вашимъ, отъ рѣзкихъ переходовъ съ одной стороны на другую, отъ неразборчивости въ выборѣ средствъ, отъ угожденія низменнымъ или испорченнымъ вкусамъ, отъ погони за сенсаціоннымъ матеріаломъ, отъ полемики, переходящей въ личную перебранку... „Русскія Вѣдомости" оставались вѣрными самимъ себѣ въ хорошія и дурныя времена, при попутномъ и противномъ вѣтрѣ. Чуждая народничанья и національничанья, газета предана дѣйствительнымъ интересамъ русскаго народа; она изучаетъ ихъ во всѣхъ сферахъ жизни, выдвигаетъ ихъ на первый планъ, постоянно работаетъ надъ ихъ охраной". Мы ошиблись

---

[1]) Необходимо имѣть въ виду, что въ Гомелѣ евреи составляютъ безъ малаго половину населенія, въ Кишиневѣ—около одной пятой.

тогда только въ одномъ, и горячо радуемся нашей ошибкѣ: оцѣнены по достоинству „Русскія Вѣдомости“ въ весьма обширномъ кругѣ читателей. „Серьезность“ газеты не помѣшала ей пріобрѣсти „блестящій успѣхъ и широкую популярность“. Не повредили „Русскимъ Вѣдомостямъ“ и перенесенныя ими невзгоды, которыхъ было немало: лишь незадолго до ихъ юбилея было снято запрещеніе розничной продажи, тяготѣвшее надъ ними цѣлыхъ полгода. Отъ всей души желаемъ имъ благополучно дожить до того момента, когда перестанутъ быть возможными подобныя случайности и начнется, наконецъ, новый періодъ въ исторіи нашей печати.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь. — Октябрь. 1903.

Книга девятая.—Сентябрь.

Книга десятая. — Октябрь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга первая: т.т. I, II, III. Изд. Общества для пособія нуждающимся литератор. и ученымъ. Спб. 903. Стр. 731. Ц. 3 р. 50 к., безъ перес.

Н. И. Костомаровъ, занимавшій видное мѣсто въ отечественной исторіографіи послѣдняго вѣка, оставилъ послѣ себя богатое научное наслѣдство; ему, однако, недоставало до сихъ поръ общедоступности: такъ, однѣ историческія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка составляли свыше 20 томовъ, цѣною до 60 рублей. Литературный фондъ, по соглашенію съ собственницею литературнаго наслѣдства, весьма кстати потому предпринялъ нынѣ компактное изданіе всѣхъ монографій и изслѣдованій, въ восьми книгахъ, подраздѣленныхъ на томы: такъ, нынѣ вышедшая первая книга содержитъ въ себѣ три тома прежнихъ изданій, а потому и подраздѣляется на три части. Въ составъ этой первой книги вошло около 20 отдѣльныхъ историческихъ изслѣдованій, относящихся къ различнымъ вопросамъ изъ различныхъ эпохъ русской исторіи, какъ, наприм.: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“; „О значеніи Великаго Новгорода“; „Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI-мъ вѣкѣ“; „Иванъ Сусанинъ“; „Бунтъ Стеньки Разина“; „По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ: —Сельское духовенство“; „Куликовская битва“; „Южная Русь въ концѣ XVI-го вѣка“, и пр. Къ первому тому приложены біографическій очеркъ и портретъ автора съ его факсимиле.

Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX-го вѣка. Н. Н. Божеряновъ и Н. Н. Карповъ. Т. I, вып. 1. Спб. 1903.

Издатели поставили себѣ главною цѣлью— восполнить недостатокъ у насъ популярной исторіи русскаго театра. Появившійся нынѣ первый выпускъ тома перваго (все изданіе будетъ составлять два тома) состоитъ изъ предпосланнаго обзора постепеннаго развитія и первыхъ успѣховъ театральнаго дѣла у насъ, начиная съ первой половины XVII-го и до конца XVIII-го вѣка; за симъ слѣдуетъ исторія театра въ XIX вѣкѣ, въ трехъ отдѣлахъ: 1) Взглядъ на ходъ и развитіе русскаго театра въ XIX-мъ вѣкѣ; 2) Театральный альбомъ портретовъ сценическихъ дѣятелей; и 3) Біографіи извѣстныхъ артистовъ драмы и оперы. Всѣхъ портретовъ будетъ 350, и въ число ихъ войдутъ и современные артисты здѣшнихъ, московскихъ и провинціальныхъ театровъ. Судя по первому выпуску, изданіе можно назвать вполнѣ роскошнымъ, и по матеріалу, и по выполненію иллюстрацій, которыми весьма богато снабженъ первый выпускъ.

Женщина-домашній врачъ. Настольная книга для женщинъ. Составила д-ръ медиц. Анна Фишеръ-Дюкельманнъ. Съ нѣм. перев. д-ръ мед. I. Литинскій. Спб. 903. Стр. 1056, съ 463 рис. въ текстѣ и 96 отдѣльныхъ, съ портрет. автора. Ц. 5 р. Изд. А. Ф. Маркса.

Настоящее изданіе вполнѣ оправдываетъ названіе „настольной книги для женщинъ“; это, можно сказать, женская энциклопедія на всѣ случаи, которые касаются спеціально женской жизни, не только личной, физической, но и семейной, гдѣ женщина является центромъ, какъ супруга и мать. Первая часть заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія объ уходѣ за здоровьемъ, для чего указано строеніе и прослѣжена жизнь человѣческаго организма, съ богатыми иллюстраціями; научно разсмотрѣна половая жизнь человѣка, отъ правильности которой зависитъ долговѣчность или преждевременная старость и смерть. Вторая часть знакомитъ съ главнѣйшими болѣзнями и ея средствами для борьбы съ ними. Третья часть озаглавлена: „Мать и дитя“, и соотвѣтственно тому заключаетъ всѣ необходимѣйшія свѣдѣнія, относящіяся къ главнѣйшему періоду жизни замужней женщины въ эпоху беременности, рожденія ребенка и ухода за новорожденными. Помимо дополненій къ переводу, сдѣланныхъ редакторомъ его и обусловливаемыхъ нѣкоторыми особенностями нашего быта, къ книгѣ присоединены статьи о нашихъ курортахъ, климатическихъ станціяхъ, водахъ, санаторіяхъ, кумысѣ. Самое изданіе выполнено чрезвычайно роскошно, а многочисленные рисунки дополняютъ и поясняютъ текстъ; но, къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство удорожаетъ самое изданіе и дѣлаетъ его не столь доступнымъ для большинства, какъ то слѣдовало бы желать въ виду чрезвычайной пользы, какую могла бы принести подобная книга.

Семья и ея задачи. Книга для родителей и воспитателей, составленная друзьями дѣтей, п. р. Акселя Аресталя. Перевели съ норвеж. А. и П. Ганзенъ. Спб. 903. Стр. 401. Ц. 2 р. Изд. А. Ф. Маркса.

Настоящую книгу собственно можно назвать, по ея предмету, продолженіемъ предыдущей: это также энциклопедія, въ которой прослѣжена жизнь ребенка, начиная съ момента пробужденія въ немъ сознанія до начала самостоятельнаго вступленія въ жизнь, по выходѣ изъ семьи и по прохожденіи имъ школы, по всѣмъ ея ступенямъ. Редакторъ этого сборника, Аксель Аресталь, справедливо говоритъ, что „нашъ XX-ый вѣкъ уже окрещенъ „вѣкомъ дѣтей“. Несомнѣнно, что заботы о благѣ дѣтей никогда не проявлялись съ такой силой и не были распространены, какъ въ нашъ вѣкъ. И въ то же время всѣ заинтересованные воспитаніемъ дѣтей сознаютъ, что положеніе ихъ, какъ воспитателей, становится все труднѣе и труднѣе... „Вотъ потому,—говоритъ составитель книги,— цѣль нашего труда—освѣтить вопросы, которые семья ставитъ всѣмъ серьезнымъ, разумнымъ родителямъ и воспитателямъ... и помочь имъ развить въ дѣтяхъ способность съ успѣхомъ бороться съ предстоящими имъ въ жизни затрудненіями“. Переводчикъ дополнилъ, разработалъ и приспособилъ для нашихъ читателей эту, во всякомъ случаѣ, весьма полезную и у насъ книгу, представляющую цѣлый рядъ опытовъ и наблюденій изъ жизни подрастающихъ поколѣній.